

Н. А. МОРОЗОВ

**НОВЫЙ ВЗГЛЯД
НА ИСТОРИЮ
РУССКОГО
ГОСУДАРСТВА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новый взгляд на историю Русского государства //Издательство Санкт-Петербургского университета, Санкт-Петербург, 2007
ISBN: 978-5-288-04401-4
FB2: Wit77, 2.12.2014, version 1.0
UUID: c8e5f1d4-31b5-4f25-9fe7-c14fd09a44f0
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Николай Александрович Морозов

Новый взгляд на историю Русского государства (История человеческой культуры в естественно-научном освещении)

Книга одного из лидеров партии «Народная воля» Николая Александровича Морозова (1854-1946) представляет часть многотомного исследования «Христос» (1924-1932), в котором был предложен пересмотр основных фактов всемирной истории. Работа Морозова продолжает его известные толкования Библии: «Откровение в грозе и буре» (1907) и «Пророки» (1914). Выявление астрономических свидетельств в русских летописях и их датировка служит Морозову основой для переписывания русской истории. Применяемые методы и выводы, к которым приходит Морозов, позволяют отнести его к предшественникам «новой хронологии».

Содержание

#1	0005
Исторический нигилизм Н. А. Морозова	0006
Н. А. Морозов Новый взгляд на историю Русского государства	0051
#1	0051
Предисловие к первой книге	0052
Том I Новый взгляд на историю русского государства в его допечатный период по его собственным источникам	0075
Том II Критический разбор Прежних западных востоковедов	0891
Хронологический указатель трудов Н. А. Морозова	1247
#5	1309

Н. А. Морозов
Новый взгляд на историю
Русского государства

Издается при финансовой поддержке дирек-
тора ООО «Мираж-Сталь» и «Кат-
то-Нева»

Кулакова Андрея Анатольевича

Отв. ред. проф. А. Ф. Замалеев

Исторический нигилизм Н. А. Морозова

*Ах, вы меня лишили мира? Хорошо же!
Вашего мира не было!*
Ю. К. Олеша

Конечно, всякий из нас волен оспаривать истинность древней истории, с одним условием — обходиться без нее. Можно отрицать ее; но ничего не поставишь вместо нее.
С. С. Уваров

Первый русский историограф Василий Никитич Татищев, помнится, делил историю по периодам «просвящения ума»: до изобретения письменности, от изобретения письменности до Иисуса Христа, от Иисуса Христа до «обретения теснения книг», и от изобретения книгопечатания до современности. С середины XV в. — время гуттенберговского открытия — начинается период современности, получивший название *модерна*. С точки зрения модерна, упрощенно, всю историю можно делить на современность и несовремен-

ность, или на историю печатного и допечатного периодов. Современность для модерна обладает по отношению к другим историческим эпохам смысловым приоритетом. Современность владеет научно обоснованной истиной, в то время как прочие поколения погрязли в предрассудках. Фундаментальность изобретения Гуттенберга была по достоинству оценена потомками. Это даже дало повод пересмотреть всю историческую науку: если истина принадлежит современности, то истина истории—исключительное достояние эпохи книгопечатания и точных наук. Историография и философия истории XX в. знают несколько попыток пересмотра русской истории. С классовых позиций ее переписывали марксисты; взгляд на русскую историю с Востока предложили евразийцы; «естественно-научную» ревизию истории предпринимают последователи «новой хронологии». Среди предшественников последней был Николай Александрович Морозов (1854-1946). Словарные статьи и многочисленные исследования о Морозове рисуют образ стойкого революционера и последовательного борца с самодер-

жавием, члена кружка «чайковцев», «Земли и Воли», члена исполкома «Народной воли», одного из основных теоретиков терроризма, участника покушений на императора Александра II. Вместе с тем, революционная деятельность Морозова постоянно переплеталась с научной работой. Человек необычайно даровитый, энциклопедически эрудированный, знавший двенадцать языков, Морозов был оригинальным ученым, оставившим многочисленные исследования по химии, физике, математике, астрономии, лингвистике, истории. По многоплановости и разнообразию затрагиваемых проблем с Морозовым сопоставимы, пожалуй, только А. С. Хомяков и А. А. Богданов.

Жизненный путь Морозова, растянувшийся без малого на столетие, начался и завершился в имении Борок Ярославской губернии. Морозов был сыном помещика П. А. Щепочкина и крепостной крестьянки А. В. Морозовой. Отец Морозова происходил из дворянского рода Нарышкиных и состоял в родстве с самим Петром I. Маргинальность происхождения, возможно, и определила последующую

судьбу Морозова. Он избрал путь революционер-террориста, а после падения царского режима выступил с опровержением традиционной историографии. Морозов принимал участие в «хождении в народ», жил на нелегальном положении, дважды эмигрировал в Швейцарию, трижды арестовывался, проведя в заключении в общей сложности двадцать девять лет, из которых четверть века отсидел в одиночных камерах Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей. Получив в Швейцарии письмо С. Перовской, Морозов поспешил в Россию, чтобы принять участие в готовящемся покушении на Александра II, но был схвачен на границе и уже в крепости узнал о гибели императора. Этот предварительный арест, вероятно, и спас Морозова от смертной казни. Выжить в заточении Морозову помогла напряженная умственная работа. Он учил языки, читал всю доступную в тюрьме научную литературу и постоянно писал. По свидетельству жены Морозова, Ксении Алексеевны: «Когда же в Шлиссельбург привезли какую-то изъятую студенческую библиотеку, в которой было несколько сот

книг научного содержания, а также беллетристика на иностранных языках, Морозов с жаром накинулся на чтение и стал делить время между книгами, мечтами и мыслями и воспоминаниями. Создавая свой собственный мир мыслей и образов, он окружил себя ими, как неприступной стеной, за которой исчезла беспроектная действительность». Покидая тюрьму, он вынес двадцать шесть томов рукописей (около пятнадцати тысяч страниц), содержащие около двухсот монографий по математике, химии, физике, истории, к публикации которых приступил на свободе. В 1906 г. по представлению Д. И. Менделеева за сочинение «Периодические системы строения вещества. Теория возникновения современных химических элементов» Петербургский университет присвоил Морозову без защиты степень почетного доктора наук по химии. Это дало ему возможность приступить к исследованиям в Петербургской биологической лаборатории П. Ф. Лесгафта и начать преподавать аналитическую химию в Высшей вольной школе П. Ф. Лесгафта. В 1918 г. стараниями Морозова биологическая лабора-

тория была преобразована в Научный институт им. П. Ф. Лесгафта, директором которого Морозов оставался до конца жизни. В 1932 г. был избран почетным членом АН СССР. Работоспособность, помноженная на долголетие, дала обильные результаты. Всего Морозову принадлежит около трех тысяч работ, из которых он успел напечатать только четыреста.

Однако многолетнее одиночное заключение, маргинальное положение Морозова в обществе и официальной науке сказались на манере и специфике его исследований. Прежде всего, это монологизм морозовского мышления, вызванный недостатком общения; желание расправиться со старой наукой так же, как революционер расправляется со старым режимом; доходящая до фанатизма убежденность в своей правоте. Наиболее заметно это проявилось в исторических исследованиях Морозова. С другой стороны, естественно-научный рационализм Морозова парадоксальным образом соединялся с пантеистическим мистицизмом антихристианского толка. Насколько одиночная камера располагала к мистицизму, сказать трудно. Занятия

наукой позволяли сохранить ясность рассудка и не давали сойти с ума. Но сам Морозов признавался, что выжить в одиночной камере ему помогало сознание того, что он сидит во Вселенной, а не в тюрьме. Теория и практика мистицизма знают многочисленные описания подобного разрастания микрокосма в макрокосм. Протопопу Аввакуму, например, в темнице не только являлся ангел со щами, но и его собственное тело разрасталось до целого мира. Интерес к мистицизму и оккультизму проявляли и некоторые деятели большевистского правительства (Ф. Э. Держинский, А. В. Луначарский, В. В. Бонч-Бруевич). Благодаря поддержке Держинского и Луначарского стали печататься исторические сочинения Морозова. Мистические и оккультные настроения были популярны и среди русской интеллигенции начала XX в. Разоблачения Морозовым христианства и связанной с ним историографии были созвучны поискам «нового религиозного сознания», ожиданиям нового откровения и критике исторического христианства. Мистические мотивы не были чужды и представителям русского космизма,

например, К. Э. Циолковскому. Новый взгляд Морозова на историю перекликается с воззрениями русских космистов на влияние внеземных факторов на исторические события, хотя их точки зрения и нельзя отождествлять. Даже личное знакомство с А. Л. Чижевским не привело к корректировке концепции Морозова. Разрабатывая учение о единстве Вселенной, он приходил к выводу о воздействии космоса на геологические и климатические явления на Земле. Согласно Морозову, жизнь представляет собой результат эволюции вселенной, эволюция жизни — продолжение эволюции материи. Вершиной эволюции является человеческий разум. Эта ренессансная антропологическая точка зрения важна и для понимания философско-исторической системы Морозова. Мистико-окультурный смысл заложен и в названии главного исторического труда Морозова, семитомном исследовании «Христос». «Христос», подчеркивал Морозов, означает «посвященный», «магистр оккультных наук», т. е. человек, владеющий тайным знанием.

Историческая концепция Морозова и опро-

вержение им традиционного христианства тесно связаны между собой. К новому взгляду на историю он пришел от изучения Библии и богословской литературы. Первоначально в заключении из книг ему оказалось доступно только Св. Писание.

Морозов не был историком в точном смысле этого слова; его излюбленной сферой научной деятельности всегда были точные науки — физика, химия, математика. Историю как точное летоисчисление он открыл для себя, занимаясь теологическими вопросами, в частности, астрономической экзегезой Апокалипсиса.

Об этом он сам сообщает в письме к матери из крепости от 13 февраля 1904 г.: «Одно время (хотя уже давно) у меня не было другого чтения, кроме Библии, и, перечитав ее несколько раз, я и до сих пор помню наизусть очень многие ее места. К некоторым из библейских книг я относился особенно внимательно, так как в них нередко говорится о таких предметах, которые меня особенно интересуют, например о географических представлениях прошлых поколений человечества. Но

более всего заинтересовал меня Апокалипсис, в котором, кроме чисто теологической части, есть прекрасные по своей художественности описания созвездий неба с проходившими по ним планетами, и облаков бури, пронесшейся в тот день над островом Патмосом.

Однако всю прелесть этого описания может понять только тот, кто хорошо знаком с астрономией и ясно представляет себе все виды прямых и понятных путей, по которым совершаются кажущиеся движения описанных в Апокалипсисе коней-планет, и кто хорошо помнит фигуры и взаимные положения сидящих на них зверей — созвездий Зодиака, с их бесчисленными очами-звездами. Тот, кто не знает вида звездного неба, кто не может сразу показать, где находятся в данное время дня и года описанные там созвездия Агнца или Овна, Весов, Тельца, Льва, Стрельца, Алтаря, Дракона и Персея, кто никогда не читал в старинных книгах о древнем символе смерти — созвездии Скорпиона, по которому несли тогда бледный конь Сатурн, или о созвездии Возничего с его конскими Уздами, до которых протянулась тогда, после грозы, кровавая по-

лоса вечерней зари, или о созвездии Девы, которое было тогда „одето Солнцем“, кто не видел в темную звездную ночь, как двадцать четыре старца-часа, на которые разделяется в астрономии небо, обращаются вокруг вечно неподвижного полюса, символа вечности, — для того будет совершенно потеряна вся чудная прелесть и поэзия лучших мест этой книги, и в голове его не останется ничего, кроме какого-то кошмара от всех этих „звериных фигур“, с которыми он не может связать надлежащего представления!»

Тогда же его привлекает русская история: «Пересмотрел, между прочим, значительную часть Четьи-Минеи на славянском языке и вычитал в них такие вещи, каких даже и не подозревал... а я-то сначала думал, что эти толстые 12 томов, напечатанные древним славянским шрифтом на позеленелой от времени бумаге, очень скучная и сухая материя».

Постепенно Морозов втягивается в работу над древнерусскими источниками, все более убеждаясь, что астрономия позволяет пересмотреть многие явления отечественного средневековья, дать новую хронологию раз-

вития русской истории.

Это было тем более оправданно, что в отечественной науке с середины XIX в. под влиянием позитивизма развернулся острый спор о достоверности в истории, о значении природно-климатических факторов в историческом процессе. В этом споре приняли участие Т. Н. Грановский, П. Н. Кудрявцев, С. С. Уваров, К. Бер. К. Бер в работах «О влиянии внешней природы на социальные отношения отдельных народов и историю человечества» (1848) и «Человек в естественноисторическом отношении» (1851) предлагал рассматривать историю человечества как часть естественной истории, предполагая непосредственное влияние географических условий на ход исторического развития народов.

Точка зрения К. Бера безусловно важна для понимания того процесса, который привел к пересмотру истории с позиции естественных наук. К. Бер лишь обозначает новое направление в изучении истории. Гораздо больше совпадений обнаруживается у Морозова со взглядами С. С. Уварова, выступившего со статьей «Продвигается ли вперед историческая досто-

верность?». Сейчас эта статья мало известна, а в 1850 г. ее напечатали сразу два журнала различной политической ориентации — «Современник» и «Москвитянин». В статье Уварова сформулированы основные подходы и мотивы, позднее развитые в историческом творчестве Морозова. Это может вызвать недоумение, объяснимое, пожалуй, лишь тем, что оба ионии подходили к истории как к идеологической конструкции. Уваров, как известно, был автором, наверное, самой устойчивой идеологической формулы XIX в. — триады «православие, самодержавие, народность». Неясность и многозначность последнего члена триады, «народности», привели к его различным толкованиям. Уваров не первым стал употреблять термин «народность» как кальку с французских слов «nationalite» и «popularite», но благодаря его формуле этот термин вошел в более широкое употребление, вызвав к жизни, в конце концов, и такое самоназвание радикального движения, как «народники». Народники — терминологические наследники уваровской триады, — конечно же, по-иному понимали «народность».

Для них «народность» была не вместе с «самодержавием» и «православием», а вместо «самодержавия» и «православия». В своей формуле Уваров утверждал те ценности, которые лежали в основе исторического существования России и которые народники нигилистически отрицали.

Ход рассуждений Морозова[1] поразительным образом во многом совпадает с мыслями Уварова, но выводы их противоположны. Приведу несколько высказываний Уварова. Отошедший к тому времени от дел бывший министр народного просвещения приходил к заключению о сомнительности тех сведений, которые мы имеем о древней истории. «Конечно, — писал он, — история древних времен гадательна; это скорее дело веры, чем обсуждения. Потому-то и необходимо принимать ее почти в том самом виде, в каком передали ее нам поэты, историки и риторы. Прилагать светильник новейшей критики ко временам отдаленным — это один из тех подвигов учености, в которых только посвященные могут дать себе отчет; но если рассматривать историю в ее отношениях ко всей сово-

купности цивилизации, как пищу огромной массы, как цепь преданий, неразрывно переходящую из века в век и остающуюся навсегда в памяти народов, тогда, я думаю, будет ясно, что для последних условия новейшей истории почти точно таковы же, каковы условия истории древнейших времен для тесного круга ученых. Притом же ум человеческий, столь склонный к синтезу, одарен природным инстинктом стремиться к положительному в области приобретенных знаний и подчиняться охотно только установившемуся авторитету, будь он, впрочем, и условный». Морозов, со своей стороны, отказывается от любых авторитетов и последовательно, вплоть до опровержения, идет по пути критической проверки источников и сведений по древней истории. «История времен отдаленных, — пишет Уваров, — лишена достоверности оттого, что нельзя аналитически показать достоинство источников и опереться на непреложные свидетельства. История эта носит на себе очевидно печать условности...» Морозов, признавая эту условность, ищет необходимые методы аналитической проверки фактов дале-

кого прошлого. Отмечая «гадательность» древней истории, Уваров говорит о том, что и древнем периоде человеческой истории мы имеем не достоверное, а только правдоподобное знание, т. е. «достоверность древней истории подлечит тем странным условиям, при которых правдоподобное становится истинным, и до которых едва касается искуснейший критический анализ». В силу этого, делает вывод Уваров, необходимо верить показаниям поэтов и древних летописцев. Он же отмечает зависимость древней истории не только от художественного воображения, но и от религии. «История имела у древних одно общее происхождение с религией и поэзией», — констатировал Уваров. Для Морозова клерикальная основа историографии становится главным предметом критики.

Поворотной эпохой для Уварова и Морозова являлся XV в. «Начиная с XV века все изменилось: не только факты принимают иной характер, но и идеи, которые могучее фактов, рождаются во множестве и дают цивилизации новое направление», — признавал Уваров. По его словам, с этого времени берет на-

чало «анархическое положение человеческой мысли», приводящее в итоге к распространению «исторического скептицизма». Под «историческим скептицизмом» Уваров подразумевал то направление исторических исследований, которое позднее было развито Морозовым. «Эта форма истории, — характеризовал ее Уваров, — тем более опасна, что она ведет более или менее непосредственно к отрицанию добра и зла, что она изгоняет Промысел из истории и ставит на место великих законов общественного порядка какой-то искусственный механизм, порождаемый случаем и унижающий достоинство человека, отнимая у него лучшие его надежды». Возросший объем материала, новые данные и источники, полагал Уваров, только затрудняют работу современных историков. Растущее каждый год количество научной литературы невозможно охватить одному ученому; попытка отследить весь увеличивающийся объем информации способна парализовать самостоятельную творческую деятельность историка. Поэтому предпочтение надо отдавать не аналитическому разбору новых материалов, а синтети-

ческой обработке уже известных фактов. Кроме того, новая история — более достоверная и известная для нас — не становится от этого более понятной и достоверной. Ближайшее прошлое для большинства людей не менее неясно, чем далекая древность. В качестве примера Уваров приводил Французскую революцию конца XVIII в. По его выражению, «мрак будто густеет по мере того, как растет число обнародованных сочинений. .. нет ни одного факта этой эпохи, ни одного характера, ни одной правительственной меры, которые принимались бы без противоречия и подвергались решительному суду». В новейшей истории мы видим случаи мифологизации исторических событий современными учеными. Так, в «историческую фантазмагорию» превратилась эпоха Наполеона.

На претензии современной исторической науке, выдвинутые в статье Уварова, откликнулись профессиональные историки. Для краткости приведу лишь точку зрения П. Н. Кудрявцева, выраженную в статьях «О достоверности истории» и «О современных задачах истории». Кудрявцев признавал, что развитие

историографии за последние полтора столетия привело к «построению истории на ее новых, широких основаниях». Увеличение количества источников, исторического материала способствовало расширению «исторической почвы» и преобразованию истории в науку. Однако научность историографии предполагает не только разработку новых источников, но и «доискивание смысла». Полученные исторической наукой «истины» или «смыслы» являются общенаучным достоянием также, как и «истины» естествознания. Как и всякая наука, история доискивается постоянных законов. Единство научного знания позволяет истории привлекать сведения и методы, разработанные в других науках, что придает историческому знанию большую объективность. Однако все же истины истории имеют и отличия от истин естествознания. Истины истории достоверны, т.е., согласно Кудрявцеву, достигаются путем «обсуждения». Конвенциональность истины усиливается институциональностью исторического знания, которое не столько *дается*, сколько *задается*. Факты или историческая данность

запечатлены в источниках, материальных или духовных. Общее стремление людей к истине позволяет доверять этим источникам. Это первый шаг к установлению достоверности истории. Дальше в дело вступает методология истории, выявляющая путем анализа основные, «делающие эпоху» события; подвергающая критической проверке выявленные анализом данные; и, наконец, синтезирующая факты в новой «органической связи». В результате Кудрявцев указывал на конкретные задачи, стоящие перед историей как наукой: освоение памятников древности, «проверка их вновь собственными наблюдениями» и «объяснение их на основе позже открытых памятников». С выводами Кудрявцева мог бы согласиться и Морозов, за исключением одного положения. Согласно Морозову, человек равно может стремиться как к истине, так и к ее намеренному искажению. История наполнена такими искусственными заблуждениями. Кудрявцев сомневался в универсальности «географического определения» истории, полагая, что большее значение, чем природа, на ход исторического развития име-

ет культура. Морозов, напротив, готов был абсолютизировать значение естественных факторов и методов естествознания в истории, что совпадало с программой позитивизма.

В это же время позитивизм в России тесно переплетался с традицией русского радикализма, в частности народничества. И позитивизм, и радикализм в России были одной из форм проявления русского западничества. Радикалистская установка позитивизма состояла в отрицании всей прежней философской традиции. Позитивизм сводил философию на уровень мировоззрения, т. е. на до-теоретический уровень, отказывая философии в возможности самостоятельного постижения бытия. Социальный радикализм народников, к которым принадлежал и Морозов, ставил своей задачей не только ниспровержение существующего общественного строя, своеобразный отказ от исторической традиции, но и от старой идеологии. Импульс деидеологизации был распространен Морозовым на историю. Позитивистская интерпретация истории в философии народничества была представлена социологическим учением П. Л. Лаврова.

Но Морозов идет дальше, его понимание истории сближается с теми процедурами «заподозривания», которые были предложены К. Марксом и З. Фрейдом. Сложные исторические события он сводил к данным астрономии и метеорологии, что позволяет попросту отвергать несоответствующие им исторические факты. Речь здесь идет о выявлении мистификаций в истории, о поисках ответов на вопросы: Кому выгодна та или иная интерпретация истории? Чьи интересы отражает традиционная историография? Какие силы скрываются за так называемыми «фактами истории»?

В результате Морозов приходит к идее тотальной фальсифицированности истории. Факты устраняются или как несоответствующие астрономическим вычислениям, или отождествляются с другими фактами, или отвергается сам источник, повествующий о факте. История утрачивает фактографическую базу. Она рассматривается как область предрассудков, а не истины. Смысл и истина принадлежат современности, настоящему времени. Критика предрассудков приводит к

сокращению исторической ретроспективы. Просвещенческая установка на борьбу с предрассудками пересекается с принципами механико-детерминистского мировоззрения, согласно которому, зная конечное число параметров, можно вычислить любое состояние системы. Такую возможность, полагает Морозов, для истории дает астрономия.

Морозов продолжает тот пересмотр оснований исторического знания, который начался в европейской и русской науке еще на рубеже XVIII-XIX вв. В России это было связано с преодолением летописной традиции, зависимость от которой ощутима еще у В. Н. Татищева. Становление исторической науки привело к разработке трех разделов исторического знания: источниковедения, методологии истории и исторического повествования. Историческое исследование начинается с установления фактов, т.е. реальных оснований истории, продолжается на уровне исторической реконструкции и завершается историческим повествованием. Однако само понятие «исторический факт» двусмысленно. С одной стороны, факт предполагает некое «положе-

ние дел», фрагмент реальности, с другой — факт истории недоступен непосредственному наблюдению; его необходимо восстанавливать, риторически реконструировать. Иными словами, исторический факт — это аргументированно воспроизведенная реальность. Исторические факты, конечно же, основа истории, но эта почва вымощена аргументами. Аргументы могут быть разными, но сами факты должны оставаться как некое подлежащее, иначе история рассыпается. У нас есть только наши аргументы и «фрагменты» реальности (материальные и духовные источники). Исторические факты поэтому очень уязвимы. Достаточно поменять доводы, и реальность истории начинает трансформироваться, но, несмотря на искажения, удерживается благодаря источникам. Для того чтобы опрокинуть реальность истории, необходимо опровергнуть сами источники, а через них отметить и факты. Как последовательный нигилист, Морозов наносит удар по «сделанности» фактов как идеологической конструкции и тем самым ничтожит факты и уничтожает историю.

«Нигилизм» точнее всего характеризует то направление, к которому примыкал Морозов. Совестьливое и беспокойное поколение разночинной интеллигенции, не видящее способов улучшения мира исходя из самого этого мира и окрещенное «нигилистами», отличалось неверием в Россию и ее исторические силы. Отторгнутые от народа, выпавшие из народа, нигилисты являли тип сознания, утратившего ценностные ориентиры, безбытный тип интеллигента, которым овладела страсть к разрушению. Для нигилистического сознания действительным признается только сущее, доступное чувственному восприятию и отрицающее любые авторитеты и традиции. В этом значении Морозов также использовал термин «реализм». М. Хайдеггер следующим образом отмечал специфику нигилизма: «Нигилизм есть тот исторический процесс, в ходе которого „сверхчувственное“ в его господствующей высоте становится шатким и ничтожным, так что само сущее теряет свои ценность и смысл. Нигилизм есть сама история сущего, когда медленно, но неудержимо выходит на свет смерть христианского Бога».

Полнее всего нигилизм выразился в жизни того поколения, к которому принадлежал Морозов. Появление термина «нигилизм» в России, как известно, связывают с романом И. С. Тургенева «Отцы и дети». Однако его распространение обязано, в том числе, и одному из ближайших друзей и соратников Морозова по террористической борьбе — С. М. Степняку-Кравчинскому, написавшему роман «Андрей Кожухов, или Карьера нигилиста». Логика рассуждений Морозова следует логике нигилизма, раскрытой еще А.И. Герценом: «Нигилизм — это логика без структуры, это наука без догматов, это безусловная покорность опыту и безропотное принятие всех последствий, какие бы они ни были, если они вытекают из наблюдения, требуются разумом. Нигилизм не превращает *что-нибудь* в ничего, а раскрывает, что *ничего*, принимаемое за *что-нибудь*, — оптический обман». Мир, с точки зрения нигилистического сознания, теряет *единство* твари в творце, утрачивает *истину* прошлого (наши знания больше не соответствуют реальности), а осмысленную *цель* жизни заменяет эволюцией Вселенной. Рас-

шатывание исторической идентичности, дезориентация в прошлом — результат отрицания религии и опровержение клерикальных основ историографии. Отвечая на критику Н. М. Никольского, Морозов писал по этому поводу: «Падение клерикализма в XX веке неизбежно приведет и к падению созданной им ортодоксальной древней истории. Новая история останется, конечно, как была, а средневековая сильно обогатится за счет обломков псевдо-древней и осветится ими, как нечто закономерное, возможное для теоретической обработки».

Однако выход из нигилистического отрицания Морозов видел не в истории. Сознание невыносимости данного мира и существующего порядка вещей для него приводит не к аннигиляции в Ничто, а к поиску новой целостности. Смириться с тяжестью этого мира можно лишь в осознании ценностей более значительного масштаба, в осознании ценности Вселенной и в сознании этой своей сознаваемости. Так Морозов приходит к идее космической сущности человеческого сознания; человек вновь обретал ценностное измере-

ние, но уже не как созданная по образу и подобию творца тварь, а как венец эволюции Вселенной. Возвращение самоценности человека и смысла жизни шло для Морозова помимо истории. Обратиться к истории означало вновь опереться на традицию и авторитет.

История для Морозова требовала дальнейшего критического опровержения. Процедуры исторической критики оттачивались постепенно. Как вспомогательная историческая дисциплина, критика обязана своим появлением А. Л. Щлецеру. Задача исторической критики состояла в установлении подлинности источника и достоверности сообщаемого им факта. Критической проверке последовательно подвергались и историческое повествование, и историческая реконструкция. Морозов переносит критику на сами факты. «Классический» вариант исторической критики предполагает, что проверка достоверности факта следует за установлением подлинности источника. Но для Морозова до появления печатных книг о подлинности исторических текстов не может быть и речи. Они все создавались накануне своего «случайного»

открытия. Значит, и факты, изложенные в этих текстах, не заслуживают доверия. Но в подобного рода сочинениях есть ошибки, которые способны указать на скрываемую «подлинность» истории. Практическим воплощением такого подхода стала работа Морозова по русской истории. Осознавая необычность используемых методов и парадоксальность полученных результатов, он назвал свое исследование «новым взглядом».

«Новый взгляд на историю русского государства в его допечатный период по его собственным источникам» является частью многотомного исследования Морозова «История человеческой культуры в естественно-научном освещении», опубликованного в 1924-1932 гг. под заглавием «Христос». Не все части этого сочинения были тогда изданы, в том числе не вышел в свет и «Новый взгляд на историю русского государства», полный текст рукописи был утрачен. Его публикация в 2000 г. сама отчасти напоминает мистификацию. Подробности подготовки этой книги даны в статье С. Валянского «Н. А. Морозов — историк»[2], написанной «изнутри» традиции «но-

вой хронологии». Работа Морозова «Христос» продолжает его библейско-астрономические толкования: «Откровение в грозе и буре: История возникновения Апокалипсиса» (1907) и «Пророки: История возникновения библейских пророчеств, их литературное изложение и характеристика» (1914). В них Морозов исходит из предпосылки, что в религиозных образах и апокалиптических видениях зашифрованы атмосферные и астрономические явления (планеты, созвездия, кометы и т. д.). Морозов полагает, что космические явления непосредственно воздействуют на психику людей, сказываясь на их поведении и отражаясь в исторических источниках. Астрономический метод Морозов дополняет геофизическим, материально-культурным (марксистским), этико-психологическим, статистическим, лингвистическим методами, предлагая, по существу, комплексную критику исторических источников. Все эти методы представляют собой редукционистскую схему сведения исторических фактов к более простым и доступным исчислению данным.

Факты биографии и многие оценки дея-

тельности и творчества Морозова восходят к брошюре, выпущенной в 1944 г. АН СССР к 90-летию ученого и подготовленной его второй женой К. А. Морозовой. Для краткости приведу ее характеристику исторических работ Морозова: «Подвергнутый разнообразной проверке исторический материал дал Морозову основание говорить о непрерывности человеческой культуры и о том, что полная достоверность исторических событий начинается, по его мнению, только с 402 года нашей эры, когда произошло солнечное затмение, описанное в двух хрониках — Годация и Галльской, а все, что было до этого времени, уже не история, а археология, но взамен этого средневековый период сильно обогащается множеством материалов. Все, что мы знаем о древнем мире, надо, по его мнению, отнести к „волшебным сказкам“, созданным авторами средних веков в так называемую эпоху Возрождения, которую, он считает, было бы правильнее называть эпохой Нарождения науки, литературы, искусств, — человечество никогда не погружалось в тысячелетний умственный сон Средневековья. Человечество, как

утверждает Морозов, шло неизменно по пути прогресса; первой самой активной культурой явилась культура Средиземноморского бассейна, и давность ее как и культур трех других бассейнов (Антильского, Желтоморского и Индо-Малайского) намного меньше, чем это думают теперь. Укоротив и теснее сплотив эпоху исторического культурного развития человечества, Морозов изобразил лестницу культуры, показывая, как непрерывно, ступень за ступенью, по его взглядам, без скачков и провалов, поколение за поколением, человечество поднималось все выше по пути к истинному познанию природы и ее законов и умственному и материальному улучшению своей жизни». В предисловии к седьмому тому своего сочинения Морозов следующим образом формулировал задачу своего исследования: «Основная задача этой моей большой работы была: согласовать исторические науки с естествознанием и обнаружить общие законы психического развития человечества на основе эволюции его материальной культуры, в основе которой, в свою очередь, лежит постепенное усовершенствование орудий ум-

ственной и физической деятельности людей».

Высчитывая положения планет и созвездий, Морозов дает датировку описываемых событий. Это позволяет ему отождествить апостола Иоанна со св. Иоанном Златоустом, Иисуса Христа со св. Василием Великим, тексты пророков отнести к V-X вв. н. э., отказаться в существовании еврейскому народу, римлянам и т. д. Сокращение хронологии всемирной истории приводит Морозова к заключению, что история начинается только с I в. н. э. Его интерпретация русской истории не менее оригинальна, о чем читатель может судить по публикуемой книге. Как в свое время М. Т. Каченовский отрицал известную из летописей древнюю русскую историю, относя ее к «баснословному веку», так и Морозов, гипертрофируя историческую критику, переписывает русскую историю. Оппоненты неоднократно уличали Морозова в преднамеренно неточных переводах, фальшивых ссылках, сомнительных филологических сопоставлениях, произвольных аналогиях между религиозными образами и астрономическими явлениями, игнорировании противоречащих его

точке зрения источников, логической непоследовательности в рассуждениях, ошибках в вычислениях... Но все это не поколебало убеждения Морозова в своей правоте. «Если б против этой даты, — отвечал он на критику своего толкования Апокалипсиса, — были целые горы древних манускриптов, то и тогда бы их всех пришлось считать подложными».

Морозовская экзегеза Апокалипсиса, обнаруженная в 1907 г., оказалась на редкость востребованной. Книга неоднократно переиздавалась и была переведена на несколько иностранных языков. Такая популярность, вероятно, объяснима теми апокалиптическими увлечениями и предчувствиями, которыми была наполнена русская культура рубежа веков, особенно накануне Первой мировой войны. Апокалиптика в русской культуре этой эпохи представлена сочинениями еп. Феофана Затворника, К. Н. Леонтьева, В. С. Соловьева, Д.С. Мережковского, В.В. Розанова, А. Блока, А.М. Бухарева. Апокалиптическое истолкование цареубийства 1 марта 1881 г. дал Феофан Затворник, напомнивший, в частности, что, согласно Иоанну Златоусту, православ-

ный царь служит преградой на пути земного торжества Антихриста. Не могу судить, насколько хорошо Морозов был знаком с этой апокалиптической литературой. Отмечу лишь одну параллель. В том же 1907 г., когда вышло «Откровение в грозе и буре», Л. А. Тихомиров опубликовал свое «Апокалиптическое учение о судьбах и конце мира», а в 1920 г., когда Морозов взялся за подготовку «Христа», написал работу под заглавием «В последние дни (Эсхатологическая фантазия)». Случайно ли такое совпадение? Л. А. Тихомиров был вместе с Морозовым членом исполкома «Народной воли» и оспаривал у него первенство как теоретик террористической борьбы. На этой почве между ними возникла конкуренция, дополненная и чувством личной антипатии. Дальнейшая судьба Л. А. Тихомирова и его переход в консервативный лагерь известны. Соперничество Тихомирова и Морозова возобновилось четверть века спустя на экзегетической почве. Укажу еще одну экзегетическую перспективу. Для первомартовца Морозова принципиальным оказывается вопрос о начале нового года в Древней Руси, че-

му он посвящает первую сотню страниц своего «Нового взгляда на историю русского государства». Он приводит вычисления и доказательства, что новый год начинался именно 1 марта, а не в сентябре. Революционное прошлое невольно врывалось в работу Морозова-историка. Задумав пересмотр древней истории вскоре после убийства Александра II, он приступил к полномасштабному осуществлению своего замысла только после второго цареубийства (Николая II). Как известно, цареубийство в русской истории очень часто вызывало такое историческое явление, как самозванство (царевич Дмитрий, Петр III и др.). В своих исследованиях Морозов, по существу, реализует историографическое самозванство, выдавая Иоанна Златоуста за апостола Иоанна, Василия Великого за Иисуса Христа, папу Иннокентия III за Чингисхана и т. п. Научное обоснование для такого пересмотра дает астрономия.

Астрономия, на его взгляд, позволяет выявить в русских летописях несоответствия и ошибки. Морозов не дает никаких новых источников, а строит свою концепцию на уже

известных, точнее, на тех ошибках, которые он обнаруживает. Здесь Морозов сближается с П. Я. Чаадаевым, также полагая, что фактов уже достаточно, надо лишь предложить их новую интерпретацию. Как и Чаадаева, Морозова отличает радикальное западничество; согласно его точке зрения, распространение культуры однозначно шло из Европы на азиатский Восток. Даже арабская и китайская историография и литература были созданы европейцами, то же относится и к русской летописной традиции. Ошибки в русских летописях, согласно Морозову, появились случайно. Они вскрывают идеологическую сущность истории, указывают на тесную связь истории и политики, вернее, политической ситуации того времени, когда жили компиляторы летописей. По словам Морозова, «составители древних хроник были... носителями идеологии своего сословия, были носителями своей собственной идеологии... Историческая наука до XIX века проводила идеологию лишь правящей части населения...». «В результате таких тенденций, — заключал он, — и вышло то вавилонское столпотворение, которое мы на-

зываем древней историей, и которое необходимо, наконец, совершенно разрушить для того, чтоб на его месте можно было воздвигнуть новую, уже действительно научную историю человечества, независящую от классовых интересов. А для этого необходимо связать ее с естествознанием, что я и пытался везде тут сделать для древнего мира». В своей книге Морозов дает не только новую хронологию русской истории, но и показывает, в чьих интересах она писалась (католики, Иван III и т.д.). Согласно Морозову не было татаро-монгол, а было «татарское иго», вместо Орды Русь платила дань Ордену, русские князья ездили не в Сарай на Волге, а в Сараево на Балканах, Чингисханом был ни кто иной, как римский папа Иннокентий III, а Хан Батый означает Батяй, т. е. все тот же римский папа, и т. д. От захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г. до женитьбы Ивана III на Софье Палеолог Русь была униатской. Доказательством этого служит подтверждаемое астрономическими явлениями в русских летописях начало нового года на Руси в марте, как это было принято в католических странах. Начало же

нового года в сентябре, как У византийцев, на Руси принято лишь с XV в. Дальнейшие доводы уже чисто лингвистические, основанные на толковании имен и названий, встречающихся в летописях как слов из европейских языков. Для восточноевропейских и азиатских топонимов подыскиваются созвучные аналоги из западноевропейской географии.

Психологически деятельность Морозова понятна: маргинал-террорист, отвергнутый миром, в отместку пытается отменить сам этот мир. Слова Ю. К. Олеси, вынесенные в эпиграф, были сказаны о Морозове. Нигилизм переносится на историю. Отрицанию подвергается также и философия. Опираясь на стилеметрию, дополненную им «лингвистическими спектрами», Морозов обнаруживает разночтения в произведениях Платона и Аристотеля, что позволяет ему считать этих древнегреческих философов несуществовавшими. Сочинения Платона, заключает он, были сфальсифицированы в XV в. Сама по себе такая интерпретация и философии, и русской истории оказывается очередной ее фальсификацией — в интересах радикализации обще-

ственного сознания. Однако остается вопрос: можно ли построить историю на выявленных ошибках, не привлекая дополнительные материалы? Радикализм Морозова состоит в том, что он убежден, что такой новый взгляд на историю возможен. В реализации этого подхода он видит способ превратить историографию в точное знание, сблизить историю с астрономией и математикой. Стоит напомнить, что попытку математизации истории на рубеже XIX-XX в. предпринимали и другие ученые, например А. С. Лаппо-Данилевский. Путем обоснования истории как науки в профессиональной историографии стала методология истории, рефлекслирующая над основаниями исторического знания. Морозов избрал другой путь, ему явно не достает подобного рода рефлексии. История истории для него — это доступные только посвященным конспиративные шифровки астрологических гороскопов в апокалиптических образах, а также католические заговоры по подделке и фальсификации национальных историографии (русской, арабской, китайской). Историография XIX в. знает множество подобного ро-

да разоблачений. Иногда это были сознательные подделки, иногда — следствие научной некомпетентности составителей исторических памятников. «Читая древние исторические сказания (например, Библию, Евангелие, Жития святых и другие богословские книги), — признавал Морозов, — мы видим, что старинные историки были большими фантазерами, и потому произведения их надо подвергать научной критике, как с точки зрения психологической, так и с точки зрения этнографической, лингвистической и вообще естественнонаучной». К такого рода критике и стремился Морозов. Вениамин Кавелин, лично знавший Морозова и находившийся под обаянием его неординарной личности, в воспоминаниях приводил суждение историка С.Я.Лурье. «Профессор С.Я.Лурье, — писал он, — известный эллинист, автор классических исследований Греции (женившись на Л.Н. Тыняновой, я снимал у него комнату), объяснял эту упорную склонность к опровержению исторических документов тем, что годы молодости Морозова совпали с множеством разоблачений якобы подлинных произ-

ведений древности, хранившихся, главным образом, в католических монастырях. Разоблачения были сенсационными, и, по мнению С.Я.Лурье, Морозов был присужден к бессрочному пребыванию в крепости как раз в то время, когда историческая наука переживала этот болезненный кризис».

Однако Морозов не ограничивается опровержением отдельных источников, он переносит историческую критику на сами факты, т.е. подвергает радикальному сомнению саму реальность истории. Его теория истории сводится к астрономической датировке исторических фактов, к идее временной последовательности в смене жанров исторической литературы, применению статистических методов для определения авторского инварианта древних текстов. Ошибки в русских летописях для Морозова — это не случайные погрешности, а намеренное искажение фактов. История, таким образом, лишённая фактов, деонтологизируется, утрачивает свою реальную основу. На место онтологии истории заступает идеология истории. Иметь свою историю означает распоряжаться прошлым, подчи-

нять себе традицию. При старом режиме, признавался сам Морозов, он не решался начать пересмотр истории. Такой пересмотр был бы расценен как покушение на власть. Пока после революции окончательно не укрепилась новая власть, оставался зазор, позволяющий приступить к переоценке истории. Но как только власть в полный голос заявила о своем праве на истину, было прекращено печатание книги Морозова. В том же 1932 г. были распущены творческие объединения и начала создаваться единая централизованная система управления наукой, литературой, искусством. Власть взяла под контроль сферу производства смыслов. Любые альтернативные исторические проекты оказались не только не нужны власти, но и опасны для ее права безраздельно распоряжаться истиной. Морозов вновь оказался в маргинальном положении, которое было закреплено возвращением ему родового имения Борок. В Советском союзе Морозов, как говорили его друзья, оставался «последним помещиком».

Импульс разоблачения идеологической сущности истории преобладал у Морозова.

Этой цели служил и весь сложный вычислительный аппарат астрономии, вся эрудиция полиглота, все познания естественника. Во внедрении этих методов Морозов видел способ обосновать историю как строгую науку. Новое общество, формировавшееся в 1920-е годы, требовало новой науки, в том числе исторической. «Искоренение прежних потребностей, — раскрывал М. Хайдеггер особенности европейского нигилизма, — всего надежнее произойдет путем воспитания растущей нечувствительности к прежним ценностям, путем изглаживания из памяти прежней истории посредством переписывания ее основных моментов». Но трагедия Морозова как ученого состояла в том, что роль новой научной теории истории уже взял на себя марксизм. Что оставалось Морозову? Прекратить свои исторические изыскания, в противном случае подрыв фактологической базы истории грозил обрушением и всего здания исторического материализма. Мог ли он остановиться, когда, по словам Уварова, «дух сомнения, скептицизма, приведенный в систему, окончательно овладеет всеми отраслями зна-

ний человеческих и делается последним словом нашего разума?» Вопрос, как говорится, риторический. Дала ли что-нибудь «новая хронология» Морозова исторической науке? Она не привнесла ни новых источников, ни новых фактов. Это была своеобразная «работа над ошибками», по итогам которой предлагалось не дать правильное решение, а изменить сами условия задачи, которые бы соответствовали выявленным ошибкам. Все это лишь вносило новую путаницу и затруднения. Именно так эту тенденцию в свое время диагностировал Уваров: «Страсть века к разрушающему анализу, отвращение ко всем синтезам, религиозным, историческим или нравственным, совершенное безверие, перенесенное в область более или менее таинственной действительности, представляют затруднения, неизвестные древним и по крайней мере равносильные недостатку верных источников и исторической критики для времен отдаленных».

А. В. Малинов

Н. А. Морозов
Новый взгляд на историю
Русского государства

Н. А. Морозов

Предисловие к первой книге

У нас постоянно говорят теперь о планировании всякой работы на год и более вперед. Конечно, планирование необходимо, как в области физического и учебного, так и в области преподавательского труда. Но в исследовательской области, где человек всегда стоит перед лицом еще чего-то неведомого, постоянно приходится отклоняться от заранее составленного плана.

Исследователь все равно что охотник. Он идет по неведомому лесу, наметив осмотреть одну его область, но видит полузанесенные снегом следы крупного неведомого зверя, совсем другой породы, чем ожидал. Что ему делать? Пожертвовать зверем, ради сохранения своего предварительного плана или, оставив план, идти по обнаружившимся следам? Конечно, он не был бы достоин названия исследователя или следопыта, если б не пожертвовал предварительным планом ради открывшейся возможности.

Так было и со мною весной 1934 года. Я отправился в деревню на лето, захватив с собою

основные русские летописи из библиотеки Академии Наук, чтобы проверить их точность по описанным в них солнечным и лунным затмениям. Таков был план, а теперь посмотрим, куда он меня завел.

Я перечитал несколько раз основную, так называемую «Нестерову» летопись по изданию «Историко-Ареографического Института Академии Наук» и не нашел там никаких астрономических данных, поддающихся математической проверке, вплоть до затмений 1064 и 1106 годов, когда летопись эта кончается и, следовательно, когда жил сам ее компилятор. Только их он и записал, а все остальное, значит, сам же и скомпоновал по каким-то посторонним — греческим. Отрывочные летописные записи стали соединяться друг с другом православными грамотеями, какими до XVII века были, можно прямо сказать, исключительно священники и монахи. Для них, конечно, невыносимо было даже и подумать, что Русь и ее князья и священники, получившие греческую веру при святом Владимире и Ольге, изменили затем при Киевском князе Рюрике Ростиславовиче (с которого списан и

Рюрик Варяг) этой православной вере и предались поганой латинской ереси, вплоть до основания «Турецкого царства». Но этого никак не могло и не должно было случиться. Русь самим богом назначалась быть от своего начала и до конца веков неизменным столпом православия. С этой точки зрения и были (вероятно при Никоне, тотчас после 1654 года) «исправлены» не только богослужебные, но и летописные рукописи, с уничтожением всех тех, якобы неисправных, текстов, из которых можно было ясно видеть первичную локализацию событий и их первичный западнический смысл или славянским сказаниям, имевшимся в то время.

Совсем другое у продолжателей этой псевдо-летописи, из которых Лаврентьевская летопись, относимая к Киеву, заканчивается в 1305 году, а другие доводят рассказ до конца XVII века и перечисляют большую часть видимых затмений старого времени. И вот, тут-то и оказалось нечто неожиданное для меня, еще не знавшего, что и Карамзин другим путем приходил к тому же мнению, хотя и не сделал из этого надлежащих выводов. Я счи-

тал, что русский год всего до-петровского времени был византийский, начинавшийся с 1 сентября, т. е. с Иисуса Пророка (Иисуса Навина по-еврейски), якобы приведшего «божий народ» в «Обетованную землю», который по моим исследованиям отождествился с Иисусом Помазанником (Иисусом Христом по-гречески). Но вдруг оказалось, что датировка затмений выходит правильной лишь в том случае, если мы будем считать летописный год не с 1 сентября, по-византийски, а с 1 марта, по-классически, о чем свидетельствуют и употребляемые в тех же летописях латинские названия месяцев: сетембрий, октобрий, новембрий, децембрий (т.е. седьмой, восьмой, девятый, десятый месяцы, так что одиннадцатый приходится на январь и двенадцатый февраль, а март будет первым месяцем года)[3].

Удивленный этим неожиданным открытием, я попытался проверить его и по дням недели. Мы знаем, что в каждом простом году первое января (а с ним и все числа месяцев) приходится на следующий день недели (а в год високосный, с марта по март, еще через день). И это дало мне возможность проверить

все года, которые датированы сразу и числом юлианского месяца и днем недели, как, например:

«В лето 6681 (от сотворения мира, т.е. в 1173 по христианскому счету) преставился благоверный князь Мстислав Андреевич месяца марта, в 28 день, во вторник».

Проверив все такие случаи[4], я опять нашел, что почти все они оправдываются, если летописный год мы будем начинать с марта, а не с сентября или с января, причем и этот способ проверки оказался неприложимым к псевдо-Несторовой летописи: там нет ни одного такого двойного обозначения, а у продолжателей ее десятки[5].

Но как же, — думал я, — согласовать такое начало года с византийским, если думать, что религия и культура пришли к нам из Царь-Града, а не из Рима, раньше чем классический латинский мартовский год был заменен там январским, что по-видимому, было уже после падения латинской крестоносной феодальной империи на Балканском полуострове, как истинной родоначальницы классицизма?[6]

И тут пришел мне в голову ряд и других странных сопоставлений:

1. Почему русское слово **церковь** происходит от латинского **циркус** (круг верующих), а не от греческого **эклесия** (откуда французское **eglise**). Греческое название перескочило в латинскую Францию, а латинское классическое перенеслось из Рима в Россию! Не странно ли это?

2. Почему русское слово **крест**, как и польское **кржыж**, происходит от латинского **крукс**, а не от греческого его названия **ставрос**?

3. Как попала в славянскую и в русскую Библию 3-я книга Ездры, которой нет ни на греческом, ни на еврейском языке, а только на латинском у католиков?

4. Почему в истории Киевского княжества времен крестовых походов, а также и других княжеств того времени, нет ни одного князя с именем знаменитых греческих святых: Ивана, Василия и т.д., если они крестились по обряду Византийской церкви (как практиковалось потом в Московской России), а только почти одни славянские имена: Владимир,

Святослав, Ярослав, Всеволод и т.д., как было в униатских славянских государствах? Ведь этих славянских имен даже и нет в греческих святцах.

5. Почему русские священники в летописях всегда называются **попами**, как по-английски и до сих пор называется **римский папа (pope)**, да и само русское название «поп», очевидно, лишь искажение слова папа? Ведь, если б священники пришли к нам из Византии, то они и назывались бы как и там только **иереями**?

6. Почему русское слово **пост** того же корня, как немецкое **Fasten**, английское **fas**, латинское **fasti** — судебные дни, тогда как по-гречески пост называется **нестейя** (νηστεία) и **асития** (ασιτία)?

7. Почему русское слово **алтарь** происходит от латинского **altarium** (по-немецки **Altar**, по-французски **altar**), а не от греческого **тюсиаетерион** (θυσιαστήριον) или **бомос** (βωμος)?

8. Почему в старо-церковном языке вместо слова «**уксус**» употребляется слово **оцет** от латинского **acetum**, тогда как по-гречески **уксус**

прямо и называется **оксос** (οξος), как по-русски.

9. Почему язычник в старо-церковном языке называется **поганин** (откуда слово **поганый** (от латинского paganus), английское pagan), тогда как по-гречески язычник называется **этникос** (εθνικός).

10. Почему в старо-церковном языке вместо «причащать» употреблялось **«комокати»** (ком кати) от латинского communicare (французское communier), тогда как по-гречески причащение называлось **койнония** (κοινωνία)?

11. Почему вещество для церковного каждения называется **ладан**, от латинского слова **ladanum** (от корня laudo — восхваляю), тогда как по-гречески оно называется **либанос** (λίβανος)?

12. Почему само слово **«вера»** происходит у нас от латинского слова **vera**, т. е. истинная, откуда и французское **verite**, а не от греческого **докса** (δοξα) или **пистис** (πίστις), откуда и французское слово **piete** — благочестие?

13. Почему полоса материи, надеваемая диаконом при служении, называется **орарь**

от латинского **orarium** — полотенце?

14. Почему слово **вино**, употребляемое при причащении, происходит от латинского слова **vinum**, а не от греческого **ойнос** (οἶνος)?

Я не привожу уже других церковно-славянских слов, вроде «**Сосуда скудельного**» — от латинского **scandula** — щепки, дранки, и тому подобных многих. Ведь все приведенные мною слова — это основные слова нашего клерикализма.

Остальные же христианские слова и имена, хотя и греческого корня, также могли попасть к нам не от греков, а от латинян, так как они те же самые и в латинской Библии, например: **angelus, apostolus, daemon, diabolus** и т. д.

Только одно «Остромирово Евангелие» носит на себе резкие признаки перевода с греческого, так как в нем остались без перевода даже целые греческие фразы. Нам говорят, что его списал (или перевел?) еще до крестовых походов на славян, в 1056 году в Новгороде диакон Григорий для новгородского посадника Остромира и в нем, например, в 12 главе Евангелия Иоанна (12. 3) вместо современно-

го русского перевода: «Мария взяла фунт мюра нардового чистого», читаем по полу-гречески: «Мария приемши литру мюра нарда пистикию» — т. е. оставлено без перевода греческое выражение: «лютран мюру нарду пистикес» — литр мюра (из) нарда чистого[7].

Одной такой фразы, конечно, уже достаточно, чтоб сказать, что этот перевод был сделан с греческого текста. Но «Остромирово Евангелие» ведь и стоит особо по своему языку. На оказавшуюся на нем приписку от имени 1056 года едва ли можно положиться, так как и без меня уже отмечено в его языке достаточно руссизмов, а потому возможно допустить, что и перевод этот был сделан попавшим в Новгород болгаринном уже при Иоанне III, или позднее[8].

Я стал потом и далее разрабатывать этот предмет, читая его литературу, и узнал, что кроме того и в самом «Кирилло-Мефодиевском» переводе исследователи нашли очень много средне-европейских готских слов и готских выражений в тех же самых местах текста, как и в отрывках переводов Ульфилы, важнейшим образчиком которых является

«Серебряный кодекс», хранящийся в Швеции в Упсальской Университетской библиотеке и изданный впервые в 1665 году Францем Юниусом[9].

Считая готов выдвинувшимися на историческую сцену в то же время, как и готический стиль и готический алфавит, т.е. в эпоху крестовых походов (начиная с половины XII века), я не мог не отметить, что готы, о которых мы знаем лишь по Тациту, предвосхитили еще во II веке все крестовые походы.

Действительно, возникнув в областях современной нам Германии, они, как и крестоносцы, двинулись к Татрам и к Дунаю на Балканский полуостров, где основали свою империю, которой должны были подчиниться большинство соседних славянских, литовских и германских племен. Отсюда они — как и крестоносцы через тысячу лет после них — предприняли и морские, и сухопутные походы на Ромейские области — Фракию, Элладу и Малую Азию, нанеся жестокое поражение «Десятому» императору (Децию по-латыни). И вот основывается ими за тысячу лет до Латинской империи Балдуина Готская империя

«Германского царя» (Герман-риха по-готски), и только вместо «турок» она была сокрушена «гуннами».

Не правда ли, какое поразительное сходство от начала и до конца? И может ли это быть, если «Тацитовы готы» не то же самое, что немцы-крестоносцы, а Тацитовы гунны не турки?

Я не могу поэтому не придти к мысли, что и перевод Евангелий на славянские языки сделан только во время крестовых походов крестоносцами, а потому и Ульфила был скорее всего монах какого-нибудь католического ордена или арианин и, если жил в Царьграде, то не при императоре Феодосии в IV веке, а при императоре Балдуине в XII или XIII веке.

Да и сами первые проповедники христианства у славян — Кирилл и Мефодий — (имена которых по-гречески значат — Господний и Методичный) были римскими католиками, так как ездили для объяснений к папе Адриану в Рим, а не в Царь-Град к патриарху Фотию. Значит и получив разрешение от папы переводить (в пику грекам) Евангелия на славянский язык, они едва ли могли избрать для

этого не папский латинский текст, а греческий, тем более, что и сами они не были греками. Да и точно ли «папа Адриан», который разрешил им этот перевод, был римский понтифике Адриан II (867-872), который не имел звания папы[10], а не действительный «римский папа» Адриан (1154-1159), называемый четвертым, после неудачи 2-го крестового похода в 1147 году? Ведь нумерация одноименных пап введена лишь в XVIII веке, и потому легко было спутать.

И все это в сумме показывало мне, что первоначальные славянские переводы Библии и других богослужебных церковнославянских книг носят на себе не только лингвистические, но и исторические следы униатского происхождения с Запада.

Это потом нашел я и у историков церкви.

«Известно, — говорит Ф. Вигуру, — что сборник славянской Библии был составлен лишь к концу XV века. До самых последних годов этого века в русской письменности, а также и во всем славянском мире не существовало определенного „Собрания библейских книг“. Они предлагались славянскому

читателю в самых разнообразных по содержанию книгах. Лишь на самом кануне XVI века Новгородский архиепископ Геннадий впервые выделил библейские книги из этого хаоса, собрал их в один кодекс и, таким образом, положил первое основание современной славянской Библии, как мы ее теперь имеем. „Кодекс Геннадия“, однако, далеко не отличался единством текста со стороны языка. Только Пятикнижие Моисеево, Псалтырь и Пророческие книги, может быть вошли в него в Кирилло-Мефодиевском переводе[11] ...» «Две книги Паралипомменон, три книги Ездры, книги Товита, Юдифи и Премудрости Соломона переведены прямо с Латинской (католической) Библии-Вульгата и переведены притом недостаточно искусно, без хорошего знания как латинского, так и русского языка» [12].

Но как же, — приходило мне в голову, когда я об этом узнал, — архиепископ Геннадий мог допустить перевод с «богоненавистного латинского языка», если он был православным и предавал анафеме латинян? Неужели он не мог достать греческих подлинников

этих книг? Да если и не мог, то как же он мог быть уверенным, что не разойдется с греческими версиями (как и случилось) в своем тексте? Припомните только, как староверы подняли возмущение против патриарха Никона за исправление даже отдельных слов или правописания в религиозных книгах, казавшихся им, по уровню не критической мысли того времени, продиктованными самим «святым духом»?

И я понял, что нам нет тут другого выхода, как признать, что и Геннадий был еще униатом.

А потом началось и «отречение».

Собранный Геннадием Кодекс послужил основанием первому печатному изданию Славянской Библии — Библии Острожской, отпечатанной в 1580-1581 годах. Хотя она и носит признаки сличения с греческим текстом, но больше всего воспроизводит полулатинский текст Геннадия, иногда до грамматических описок.

Его-то и пытался безуспешно огречить патриарх московский Никон с помощью грека Арсения между 1651 и 1658 годами. Второе

(неправильно называемое «первопечатным») издание славянской Библии в Москве в 1668 году только повторило Острожское издание.

Затем Петр I издал такой указ 14 ноября 1712 года:

«Повелеваем архимандриту Московского Заиконоспасского монастыря Феофилакту Лопатинскому и учителю эллино-греческих школ Софронию Лихуду с помощниками, бывшее до сего времени в употреблении первопечатное Московское издание Библии 1663 года, сличив с греческим текстом семидесяти (переводчиков), исправить для вторичного печатного издания».

Но и тут книги Товита и Юдифи остались со всеми прежними признаками перевода с латинской Вульгаты, не говоря уже о третьей книге Ездры, которой совсем нет ни на греческом, ни на еврейском языках.

Петр I умер ранее окончания этих поправок в 1725 году. Дополнительный пересмотр по греческому тексту был сделан лишь в царствование Елизаветы Петровны и напечатан в Москве в 1751 году.

Текст этого Елизаветинского издания и

есть тот, который мы имеем в русской церковно-славянской Библии.

Такова история ее позднего возникновения и ее «огречивания», как его рисуют нам сами русские клерикалы.

Казалось бы, что из такой обновленной Библии уже давно должны бы оказаться вычищенными все латинизмы и готизмы первоначальных латинских переводов, но традиция настолько уже окрепла, что такие общепотребительные латинские слова, как церковь, вера, поп, алтарь, пост, крест, ладан и т.д. уже оказалось невозможным заменить соответствующими им греческими словами, даже и после «торжества православия» в русской церкви. Да и книг, явно переведенных с латинской Вульгаты, каковы Эсфирь, Товит, Ездра, Юдифь, Премудрость Соломона и обе книги Паралипоменон — уже нельзя было достаточно огречить, чтобы не осталось в них многочисленных следов латинского подлинника.

Интересно отметить также, что даже и в греческом тексте Евангелий встречаются латинизмы. Так, у Матвея (17, 25) дань названа

кенсос — от латинского слова **census**; у Иоанна (18, 28) судилище названо **прайторион** — от латинского **praetorium**; у Марка (15, 15) оруженосец назван **спекулятором** — от латинского слова **speculator** — высматриватель и т. д. Но это еще ничего бы, а вот мы имеем в греческой библии даже и своеобразные обороты, те же самые, как в латинской школе фразеологии. Так, вместо «Извини меня» латиняне говорили «имей меня извиненным», и вдруг, у Луки мы находим и по-гречески тот же самый оборот. Точно так же вместо «Иметь совещание» по латыни говорится «взять совещание», и этот же оборот мы находим в Евангелии Матвея и т. д.

Так важнейшие лингвистические следы вместе с мартовским началом года повели меня вместо Царь-Града в Рим, в противность установившимся у меня по школьным традициям представлениям о византийском происхождении русской культуры.

Но этим дело не окончилось. Русские летописи начинаются накануне Крестовых походов и заканчиваются, как я уже говорил, в XVII веке. Обработав астрономическую часть,

которая навела меня на мысль о сильном влиянии католицизма на первую эпоху русского христианства, а с ним и на грамотность до-Московской Руси, я захотел пересмотреть все места в русских летописях, где отразились гремевшие тогда на весь мир деяния крестоносцев.

Вот, в 1204 году, крестоносцы-католики берут Византию, считаемую за мать русского православия, изгоняют в Малую Азию греческих царя и патриарха, обращают православные церкви, разграбив их предварительно, в католические и основывают на развалинах Византии католическую Латинскую феодальную империю.

Что говорит об этом горестном для всякого православного сердца событии Киевский летописец?

Гляжу и глазам своим не верю: ему ничего об этом не известно. Гляжу в другие летописи около того же года, и там ничего. Только в Синодальном списке Новгородской Летописи под 1204 годом вставлено отсутствующее во всех других и явно позднейшее место о взятии Царь-Града фрягами.

Но таким отдельным «упоминанием» только подчеркивается несообразность отсутствия этого события в первоначальных списках, а посторонность самой вставки видна уже из того, что слово фряги нигде более не упоминается; есть только варяги, да и то в другое время.

В недоумении смотрю далее. Вот в 1261 году Латинская империя крестоносцев ослабела, благодаря раздорам ее феодалов, и греки, собрав силы в Малой Азии, отнимают от них Царь-Град. Происходит великое торжество восточной церкви, к которой причисляется и русская.

Как отразилось у летописцев это радостное событие? — Им тоже ничего об этом неизвестно.

Вот еще ранее, 15 июня 1099 года, крестоносцы берут в Палестине «Иерусалим» (хотя, как мы видели, он является средневековым подлогом), освобождают от власти «неверных» «гроб Господень», а 2 октября 1187 года его обратно берет мусульманин Саладин. Как отозвались русские летописцы хоть на эти два события? — И о них основным русским

летописцам ничего неизвестно. Только в сильно пополненной Ипатьевской летописи, под 1187 годом значится:

«Того же лета было знамение месяца сентября в 16 день. Тьма была по всей земле на удивление всем человекам. Ибо погибло солнце и небо погорело огненными облаками».

По астрономическому вычислению затмение это было не 16, а 4 сентября. Полоса полной невидимости солнца шла тогда из-за Гренландии через Балтийское море, где затмение было полуденным, а затем через Европейскую Россию и Кавказ к Индии, где солнце и зашло в затмении. Ошибка в числе месяца показывает лишь на то, что это место вставлено уже позднее. А затем прибавлено, очевидно для объединения:

«Такие знамения не на добро бывают. Ибо в день тот того же месяца взят был Иерусалим безбожными сарацинами (опять неверно: Иерусалим был взят Саладином не 16 сентября, а 2 октября 1187 года)».

И эта объяснительная прибавка, отсутствующая в других списках (кроме 1-й Новгородской летописи) и, очевидно, тенденциозная,

сделана уже очень поздно, так как день затмения и день взятия «Иерусалима» отнесены на 16 сентября, хотя затмение было на 12 дней ранее, а взятие Иерусалима — на 16 дней позднее.

И обе вставки сделаны в отдаленных от места действия северных летописях, тогда как в ближайшей к Царьграду — Киевской — об этом ничего нет.

Я обратил внимание и на то, что в южно-русских летописях ни слова не говорится о Генуэзских колониях на северном побережье Черного моря и в Крыму, которые возникли в связи с Крестовыми походами и под покровительством крестоносных орденов в то самое время, и что на их месте локализируются половцы, имя которых созвучно со словом плавцы, т.е. плователи, так как «полавать» легко производимо от «плавать», аналогично производству голосить от гласить, собирать от сбирать и т. д. А потом, когда Генуэзские колонии еще процветали в Крыму, там помещалась Крымская татарская Орда и на месте Генуэзских Колоний близ нынешней Одессы — Эдессанская Орда.

Я обратил внимание также и на то, что только с Московской Руси князья стали носить греческие имена взамен принятых у униатов Изяславов, Святополков, Всеволодов и так далее.

Я также стал искать по летописям и других упоминаний о Крестовых походах.

Вот, во время Латинской империи на славянские, а в том числе и на Киевское, княжества насаждают с запада духовные и светские ордена крестоносцев с целью навязать им унию, а в летописях описывается вместо этого, что насаждают на эти княжества с Востока татарские орды. Орды идут из местности, называемой «Татары», почему и жители ее называются татарове (русское — татарва), т.е. татаровцы. Во всех основных летописях Татарами называется местность, (которой нигде теперь нет), а не народ, как сделалось лишь много позднее. А ордена идут из Татр, как и до сих пор называется главная часть Карпатских гор.

Ордена из Татрии, орды из Татарии — вертелось у меня в голове, и вдруг, проснувшись ночью, я сообразил, что псевдотатарское сло-

во **Орда** и латинское слово **Ордо** (ordo) — орден[13] — одно и то же; что слово **Иго** есть латинское **jugum** — ярмо, а местность **Татры** и местность **Татары** — только два различные произношения той же самой местности.

И тут впервые я почувствовал, как охотник в лесу, что напал на следы, которые могут привести меня к важному историческому открытию, хотя они и полусасыпаны снегом каких-то последующих метелей.

Том I

Новый взгляд на историю русского государства

в его допечатный период по его собственным источникам

Глава I. Хронология русских летописей и ее проверка по дням недели. С какого месяца начинался летописный русский год?

Для человека, мало привычного к математическому мышлению, большое затруднение представляют иногда вопросы, связанные с переводом событий, точно датированных в

каком-нибудь чуждом летоисчислении, на наш обычный счет, в особенности, если само летоисчисление автора еще неизвестно.

Я не говорю уже о переводе даты событий, обозначенных в лунном арабском или более сложном лунно-солнечном еврейском календаре, для перечисления которых составлены особые вспомогательные таблицы; не говорю и о мелких неточностях, зависящих от неизвестности того, считал ли автор начала суток с полуночи, как мы, или с заката солнца, как евреи, или с восхода солнца, как классики, или даже с полудня, как астрономы до недавнего времени. Разница от этого не превышает плюс минус одного дня.

Но мне необходимо показать здесь характер неточностей, происходящих от разницы начала и конца юлианского года, употребляемого во все средние века и даже в новое время на Востоке. Благодаря тому, что мы считаем год с 1 января, византийцы с 1 сентября и латинские классики с 1 марта, разница в переводе их летоисчисления на наше может доходить до плюс минус одного года.

Укажу прежде всего на неправильность да-

тировки нашего счета от «Рождества Христова». Не говоря уже о том, что в настоящее время отвергается существование такого человека, а тем более бога, само «Рождество Христово» датируется теологами 25 декабря, тогда как год начинается ими же самими на одну неделю позднее, 1 января. Уже отсюда видно, что мы считаем наш год как раз с празднования памяти христианской литургии Великого царя (Василия Великого по-гречески), отмеченной 1 января. А средневековые и позднейшие византийцы начинали свой год с 1 сентября, т. е. действительно со дня памяти «Иисуса», но только не Иисуса Христа, а Иисуса Навина (т. е. по-еврейски Спасителя Пророка). Память этого Иисуса, введшего народ божий «в обетованную землю», действительно и празднуется до сих пор христианами 1 сентября, чем отмечается начало византийского (восточного) нового года, и тем самым показывается, что на Востоке Иисус Христос считался просто «пророком» (Иисусом Навином по-еврейски).

Что же касается до начала года с 1 марта, то оно является, по-видимому, чисто философ-

ским, и основано, вероятно, на том, что в этот день «сотворил бог небо и землю». А так как начало мира могло быть не иначе, как в «весеннее равноденствие» (тогда еще не знали, что на южном полушарии Земли это — осеннее равноденствие), то, очевидно, счет такой был придуман, когда весеннее равноденствие приходилось на 1 число, какого-то еще не юлианского календаря.

Поднимается вопрос: если в какой-либо летописи мы имеем ряд событий, датированных не только в годах, но также и в днях юлианских месяцев, допускающих математическую проверку благодаря их вычислимости по солнечным и лунным затмениям и т.д., то не можем ли мы не только проверить тут факты, но и определить, по какому началу года автор вел свое летоисчисление? Ответ на это у нас совершенно определенный:

— Можем.

Ведь все наши вычислительные таблицы до григорианской реформы 1582 г. у католиков, и вплоть до XX века у восточных христиан, даны в юлианском счете по январскому началу года.

Поэтому:

1) Если большинство указанных в данной летописи по разным месяцам событий совпадают день в день с нашим их вычислением, то и автор считал события по юлианскому январскому календарю, а частичные беспорядочные уклонения должны быть отнесены или к опискам, или к фантазерству автора.

2) Если в значительном большинстве случаев события от марта до декабря включительно оправдываются вычислением, а в январе и феврале наше вычисление относит их к следующему году, то автор начинал свой год с марта по наложению А (оно дано на табл. 1 на примере 1000 мартовского года, который налег на 1000 нашего январского счета от марта до декабря, а в январе и феврале уже на следующий 1001-й год), что обозначено +1.

3) Если наше вычисление дает годы на 1 меньше летописных (-1) от марта до декабря, а в январе и феврале оба счета совпадают, то год автора начинался с марта по наложению Б (табл. I).

4) Если даты автора оправдываются нашими вычислениями только от января до авгу-

ста включительно, а от сентября до декабря наше вычисление дает годы на 1 менее (-1), то год автора начинался с сентября по наложе-нию Б (как это и показано на таблице II для 1000 года сентябрьского счета).

5) Если оправдываются нашим вычислени-ем только даты автора от сентября до декабря включительно, а от января до июля включи-тельно наше вычисление дает годы на 1 боль-шее (+1), чем показано у автора, то год автора начинался с сентября по наложе-нию А (табл. II).

Рассмотрим с этой точки зрения наши ос-новные русские летописи.

Прежде всего отмечу, что при первом же чтении их мне бросилось в глаза, что вся оно-мастика месяцев в них латинская: те же са-мые январь, февраль, марты и так далее, как и у латинских классиков. Значит, календарь (на котором (заметьте!) основан весь обиход ежегодной деятельности людей!) пришел в наши летописи не из Византии, а из Итальян-ского Рима. Но у классиков-латинян, как я уже сказал, год начинался с марта, остатком чего являются названия последних месяцев:

сентябрь (т.е. по латыни — седьмой), октябрь (т.е. восьмой), ноябрь (т.е. девятый) и декабрь (т.е. десятый), так что двенадцатым приходится февраль, а первым март. А у византийцев год начинался с сентября и, вследствие этого, начало византийского юлианского года приходится на половину года классического: таким образом, наше январское начало есть среднее между обоими прежними.

Уже отсюда видно, что перевод употребляемых в летописях годов «от сотворения мира» на наши современные в целых числах (как делается обычными историками по допущению, что мир был сотворен за 5508 лет до Рождества Христова) является лишь приблизительным, так как и начало и концы годов обоюбого счета не совпадают. Но это не вполне точное переложение невольно приходится делать, потому что для большинства летописных сообщений не дается месяца и дня.

Имея только одну «Начальную летопись» [14], в которой нет почти до самого конца датированной месяцами или солнечными, или лунными затмениями отметки, у нас не было бы никакой возможности определить, с како-

го месяца считали авторы русских летописей начало своих лет. Лишь в самом конце этой так называемой «Начальной летописи», под летом 6615, считаемым за наш 1107 год, мы читаем:

«В лето 6615 (приравниваемое к нашему 1107 году) „круг“ луны (был) 4, круг солнца 5».

Но эти круги осуществились лишь в 6616 (1108) году нашего январского счета, значит, при перечислении сделан сдвиг вспять на 1 год.

Таблица I. Два возможные наложения мартовского (классического латинского) года на соседние друг с другом январские годы нашего современного счета (на примере наложения 1000-го Мартовского года на 1000-й Январский с захватом концов соседних лет)

Поправка	Январские годы			Мартовский год	
		998	XI		
		998	XII		
		999	I		

-1	999	III	1000	III	1000-й мар- тов- ский год; <i>НАЛО- ЖЕ- НИЕ А</i>	
-1	999	IV	1000	IV		
-1	999	V	1000	V		
-1	999	VI	1000	VI		
-1	999	VII	1000	VII		
-1	999	VIII	1000	VIII		
-1	999	IX	1000	IX		
-1	999	X	1000	X		
-1	999	XI	1000	XI		
-1	999	XII	1000	XII		
0	1000	I	1000	I		
0	1000	II	1000	II		
0	1000	III	1000	III	1000-й мар- тов- ский год; <i>НАЛО- ЖЕ- НИЕ Б</i>	
0	1000	IV	1000	IV		
0	1000	V	1000	V		
0	1000	VI	1000	VI		
0	1000	VII	1000	VII		
0	1000	VIII	1000	VIII		
0	1000	IX	1000	IX		
0	1000	X	1000	X		
0	1000	XI	1000	XI		
0	1000	XII	1000	XII		

+1	1001	I	1000	I	
+1	1001	II	1000	II	
	1001	III			
	1001	IV			
	1001	V			
	1001	VI			
	1001	VII			

Объяснение употребления: мы видим, что у мартовского года при наложении Б, события восьми месяцев (от марта до декабря) попадают в предшествовавший январский год (в данном случае в 999-й вместо 1000-го), так что при переводе дат этих событий с мартовских летописных лет на наши надо убавлять 1 год (поправка -1 внизу схемы), а январские и февральские события переводятся прямо (поправка = 0).

Значит и обратно: если мы можем доказать датами точно вычислимых событий, каковы солнечные и лунные затмения, пасхалии или дни недели (приходящиеся на данное число данного месяца), что в какой-либо летописи январь и февраль оправдываются

по январскому началу года (поправка = 0 на моей таблице), а события остальных 10 месяцев от марта до декабря оказываются имевшими место в предшествовавшем январском году (поправка -1), то авторы употребляли мартовское начало года по наложению В (см. мою схему).

Если же, наоборот, события всех десяти месяцев от марта до декабря оправдываются (поправка = 0 внизу схемы) и только январские и февральские события оказываются в следующем январском году (поправка +1 в правом углу моей схемы), то авторы употребляли мартовское начало года по наложению А моей схемы.

Но мы оставим пока при себе это наше недоумение и обратимся к случаям, где указаны, кроме чисел месяцев, также и дни недели.

Припомнив, что невисокосный год заключает в себе 52 недели и один день, мы увидим, что каждый новый год должен начинаться со следующего дня недели, а с ним и все дальнейшие месяцы тоже. А високосный

год, благодаря своему дополнительному 29 февраля, прибавляет себе в дальнейших (после февральских) месяцах еще один день, так первый по високосе год начинается с марта не следующим днем недели, а скачком через него, — «вторым днем». Мы видим, что на основании этого мы моментально можем проверить дату автора, если кроме числа месяца в ней дан и год недели, взглянув лишь одним глазом на таблицу XXXV на 143 странице IV тома «Христа».

Я уже сказал, что так называемая «Начальная летопись» нигде не указывает дня событий, а только их год и изредка месяц, хотя бы дело и шло о таких однодневных происшествиях, как битва, пожар, рождение или смерть того или другого князя. Но этим самым уже доказывается, что она была составлена не по современным записям, где день и месяц обязательно были бы отмечены старинным летописцем, спешившим записывать всякие события, а много позднее упоминаемых событий.

Единственная отметка, датированная и числом месяца, и днем недели, оказалась, к

сожалению, вставленной в Радзивилловскую летопись уже ее продолжателем. Дело в следующем.

В первоначальном Радзивилловском списке просто было сказано: «В лето 6609 (год 1101) преставился Всеслав, Полоцкий князь».

Этим запись и ограничилась, так же, как и в копирующей Радзивилловскую летопись рукописи бывшей Московской Академии. А в Лаврентьевской ее копии значится вместо этого:

«В лето 6609 (1101) преставился Всеслав Половецъский князь месяца апреля в 4 день в 2 часа дня, в среду».

Даже и час обозначен!

А по проверке оказывается, что 14 апреля 1101 года по январскому счету было воскресеньем, а в предшествующем 1100 году это была суббота, а в следующем 1102 — понедельник. Ближайшая среда 14 апреля была только в 1098 году. Здесь вышла чистая фантазия, целиком компрометирующая дату автора.

Совсем другое у всех «продолжателей Нестора-Сильвестра». Там обозначения дней недели при месяце года сразу становятся

обычными.

Вот несколько случаев из Радзивилловской летописи:

1) *«В лето 6631 (год 1123) мая упала церковь каменная в Переяславле в субботу перед вечернею».*

А вычисление дает по нашему январскому году на 10 мая 1123 года — четверг. В следующем же 1124 году 10 мая действительно было в субботу (поправка +1 на таблицах I и II).

2) *«В лето 6681 (год 1175) преставился благодерный князь Мстислав Андреевич месяца марта в 28 день во вторник».*

А вычисление по январскому году дает на 28 марта 1173 года среду, а вторник 28 марта был в предшествовавшем 1172 январском году (поправка -1).

3) *«В лето 6683 (год 1175) венчался (Ярополк Ростиславович Владимирский князь с дочерью князя Витебского) в Володимере у Богородицы месяца Генеаря 3 на мясопустной неделе во вторник».*

А вычисление по январскому году дает вторник лишь в следующем 1176 году января 3 (поправка +1).

4) *«В лето 6685 (год 1177) преставился благоверный и христоробивый князь Михалко сын Гюргева (или Гиоргева) в субботу заходящу солнцу месяца июня в 20 день».*

А вычисление по нашему январскому началу года показывает, что 20 июня 1177 года был понедельник, ближайшие субботы 20 июня были в 1170 и в 1181 годах январского счета. Это ошибочная позднейшая вставка[15].

5) *«В лето 6693 (год 1185) был пожар велик на Владимире, апреля в 8 день на память святого Симеона в среду».*

Память Симеона теперь празднуется 27 апреля, а не 18. Вычисление по январскому началу показывает, что 18 апреля 1185 года был четверг, и 27 апреля того же 1185 года — суббота. Среда 18 апреля была годом ранее, в 1184 г. январского счета, а по дате 27 апреля ничего не выходит (поправка -1).

6) В Радзивилловской летописи сказано: *«В лето 6693 (год 1185) помог бог и святая богородица Володимиру (победить половцев)».* А в Лаврентьевской копии с нее в «Списке Московской Духовной Академии» прибавлено:

«Месяца июня в 31 день, понедельник, на память святого Евдокима Нового».

Таблица II. Два возможные наложения сентябрьского (византийского) года на соседние друг с другом январские годы нашего современного счета (на примере наложения 1000-го Сентябрьского года на 1000-й Январский с захватом соседних январских лет)

По- прав- ка	Январские годы			Мартовский год	
	999	IV			
	999	V			
	999	VI			
	999	VII			
	999	VIII			
-1	999	IX	1000	IX	1000-й мар- тов- ский год; <i>НАЛО- ЖЕ- НИЕ Б</i>
-1	999	X	1000	X	
-1	999	XI	1000	XI	
-1	999	XII	1000	XII	
0	1000	I	1000	I	
0	1000	II	1000	II	

0	1000	III	1000	III	
0	1000	IV	1000	IV	
0	1000	V	1000	V	
0	1000	VI	1000	VI	
0	1000	VII	1000	VII	
0	1000	VIII	1000	VIII	
0	1000	IX	1000	IX	
0	1000	X	1000	X	
0	1000	XI	1000	XI	
0	1000	XII	1000	XII	
+1	1001	I	1000	I	
+1	1001	II	1000	II	
+1	1001	III	1000	III	
+1	1001	IV	1000	IV	
+1	1001	V	1000	V	
+1	1001	VI	1000	VI	
+1	1001	VII	1000	VII	
+1	1001	VIII	1000	VIII	
	1001	IX			
	1001	X			
	1001	XI			
	1001	XII			

1000-й
мар-
тов-
ский
год;
*НАЛО-
ЖЕ-
НИЕ А*

Объяснение употребления: мы видим, что при наложении Б, четыре осенние месяца — сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь — попадают в предшествовавший год, так что при переводе летописных лет в наши январские надо к этим четырём месяцам делать поправку -1 год, как отмечено внизу схемы, а остальные восемь месяцев надо переводить в январские годы прямо (поправка = 0, внизу схемы).

Значит и обратно: если мы можем доказать датами точно вычислимых событий, каковы солнечные и лунные затмения, пасхалии или дни недели, (приходящиеся на данное число данного месяца), что в какой-либо летописи сентябрьские, октябрьские, ноябрьские или декабрьские отметки относятся к предшествовавшему году сравнительно с указываемым в летописи (поправка -1), а остальные месяцы выходят правильно (поправка = 0), то авторы употребляли сентябрьское начало года по наложению Б (см. мою схему).

А если, наоборот, совпадают только сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь, а отметки, помеченные остальными восемью месяцами отстали на год от действительных, даваемых

вычислением (см. к ним поправку +1 внизу таблицы), то авторы или компиляторы употребляли сентябрьское начало года по наложению А этой моей схемы.

Но Евдоким Новый празднуется 31 июля, а не июня, да и дней в июне только 30! Считая, что июнь постоянно путается с июлем, сделаем эту поправку и тогда находим, что в лето 6693 (год 1185) день 31 июля приходился не в понедельник, а в среду, а год назад, в 184 г. день июля 3 приходился во вторник. Не выходит.

7) В лето 6694 (год 1186) мая 1, на память святого Еремея показана среда и полное затмение солнца. Но и среда, и солнечное затмение по январскому счету были годом ранее — 1 мая 1185, а в 1186 году 1 мая был четверг, и никакого затмения (поправка -1).

8) *«В лето 6696 (год 1188) марта 18, в среду вербной недели преставился Володимер Глебович в Переславле».*

Но вычисление по январскому началу года дает для 8 марта 1188 года пятницу, а среда получается на 18 марта лишь для предше-

ствовавшего 1187 года (поправка -1).

9) *«В лето 6701 (год — 1193) июня 23 в канун мучеников Бориса и Глеба был пожар в Володимире городе в четверток, в полночи».*

Но Борис и Глеб празднуются 24 июля, а не июня. При этой поправке, вычисление на 23 июля 1193 январского года дает пятницу, а четверг получается для 1192. Значит, июль летописца налегал на июль не этого, а предшествовавшего — нашего январского 1192 года (по поправке -1).

10) *«В лето 6709 (год 1201) декабря 24 на память святой Евгении явилось знамение на луне».*

Но такого не было, а было годом ранее, и не 24, а 22 декабря 1200 по январскому началу на память святой Анастасии, а не Евгении. Оно было сверхполное со серединой в 7 часов 42 минуты киевского вечера в пятницу 1200 года, а солнце зашло уже в 4 часа 5 минут за 3 1/2 часа до этого. Значит, декабрь летописца налегал на декабрь предшествовавшего года по нашему январскому счету (поправка -1).

11) *«5 лето 6714 (год 1206) марта 20 на память святого Никиты (пришел Константин*

Всеволодович в Новгород Великий на княжение) в день недельный (т.е. воскресенье)».

Вычисление на 20 марта 1206 январского года дает понедельник, а воскресенье 20 марта было год назад в 1205 году. Значит, март летописца налегал на март не этого, а нашего прошлого январского года (поправка -1).

Здесь кончается Радзивилловский список и прекращаются все датировки по числам месяца и дням недели, какие мне удалось в нем разыскать.

Календарные резюме их я дал на приложенной таблице IV. И что же мы видим? Нечто поучительное.

Авторы русских летописей между 1123 и 1206 годами не были византистами или восточниками. Называя месяцы латинскими названиями, они и начало года считали по латинскому классическому счету с марта. Из 10 приведенных нами случаев (они резюмированы в таблице III), сентябрьскому счету по наложению А случайно удовлетворило только одно первое, а наложению Б — только два. Совсем иное по мартовскому счету.

В этом Радзивилловском списке из всех 11

найденных мною датировок восемь оказались данными по мартовскому году, по наложению Б в таблице II (с. 43), по которому летописный год кончается за восемь месяцев до нашего январского. А из других дат две (3 и 6), наоборот, удовлетворили тому же мартовскому началу при наложении А. Только первая дата не удовлетворила ни одному случаю. Значит, она внесена в этот год по ошибке и лишь случайно удовлетворила сентябрьскому началу.

Считая эти три случая за частные ошибки и руководясь остальными восемью, мы приходим к заключению, что авторы Радзивилловского списка (начинающие свой рассказ, не говоря о том, со времени распада империи Карла Великого и начала феодализма в Европе и кончающие моментом образования на Балканском полуострове крестоносной латинской империи в 1204 году) несомненно считали свои годы по западному мартовскому началу. Отсюда ясно, что последующие русские историки, переводившие этот мартовский счет (считаемый ими за сентябрьский) на январский, бессознательно употре-

били наложение Б. Но оно перейдет в наложение А, если переводя годы автора «от сотворения мира» в христианские («от Р. Х.»), мы будем прибавлять к ним один год. И это будет много лучше, потому что при наложении Б (табл. I) сдвиг хронологии назад будет в среднем на 10 месяцев в 0 случаях, а при наложении А сдвиг ее вперед будет в среднем только на два месяца в двух случаях.

Рассмотрим теперь и продолжение Радзивилловской летописи в Лаврентьевской рукописи.

Припомним, что по интересному совпадению она (не говоря об этом) начинает свой рассказ как раз со времени возникновения Латинской крестоносной федерации на территории низвергнутой крестоносцами в 1204 году Византийской империи и доводит рассказ до 1305 года, т. е. (тоже не говоря об этом) как раз до Авиньонского пленения римских пап в Западной Европе (1309 г.) и возвышения Московского княжества в Восточной Европе (1305 г.).

Вот одиннадцать найденных мною в ней сообщений, датированных и числом, и днем

недели.

Таблица III. Согласование дат между 1123 и 1206 годами, приведенных в Радзивилловской Кенигсбергской летописи для дней недели со счетом начала года с января, с сентября и с марта

Дано в летописи в годах от «сотворения мира»	Вычислено мною в юлианских годах январского начала (и в христианских)	<i>Моя поправка к дате</i>	Сентябрьский год нач. Б — нач. А	Мартовский год нач. Б — нач. А
1.6631 (1123)-V-10 суббота	1124-V-10 суббота	+1	Е 3	3 3

2.6681 (1173)- III-28 втор- ник	1172-III- 28 втор- ник	-1	3 3	3 E
3.6683 (1175)-I- 3	1176-I-3	-1	3 3	3 E
4.6685 (1177)- VI-20 среда	1176-VI- 20 среда	-1	3 3	3 E
5.6735 (1227)-I- 6 чет- верг	1228-I-6 четверг	+1	3 E	3 E
6.6693 (1185)- VI-31 поне- дель- ник	1185-VI- 31 поне- дель- ник	0	3 E со- мни- тельно	E 3
7.6694 (1186)- V-1 сре- да	1185-V-1 среда	-1	3 3	3 E

8.6696 (1188)- III-18 среда	1187-III- 18 среда	-1	3 3	3 E
9.7701 (1193)- VI-23 четверг	1192-VI- 23 чет- верг	-1	3 3	3 E
10.6709 (1201)- XII-24 затме- ние лу- ны	1200- XII-22 затме- ние лу- ны	-1	3 3	3 E
11.6714 (1206)- III-20 поне- дельник	1205-III- 20 поне- дельник	-1	3 3	3 E

В колонке III разность нуль (0) значит, что летописная дата удовлетворяет январскому началу года; +1 значит, что такое сочетание дня недели с числом месяца было в следующем году, а -1 — что оно было в предшествовавшем юлианском январском году.

Вверху Б и А Сентябрьского начала года по-

казывают, какое их двух наложений, данных выше в таблице II, оправдалось. Е — значит решение, показанное вверху колонки, есть, и З — значит его нет.

В последних двух графах показано тоже для каждого их двух мартовских наложений. Из резко преобладающего количества Е (есть) в последней колонке (А) видно, что счет месяцев (а с ним и год) у авторов здесь начинался с марта по наложению А (см. табл. II).

1. В лето 6714 (год 1206) 28 февраля в среду сырной недели описано частное солнечное затмение, когда «солнце как месяц, и многие верные балтийские и беломорские человеци видя это молились богу». Но затмение это было только 28 февраля 1207 года, годом позднее, да и среда приходилась на этот день лишь в 1207 году, через год по январскому счету (поправка +1).

2. В лето 6715 (год 1207) сентября 22 показана суббота на память святого Фомы. Так и было по нашему январскому счету (поправка = 0).

3. «В то же лето 6715 (год 1207) 21 ноября

пришел князь Великий Всеволод в Володимир в среду на Введение святой Богородицы. И была радость великая во граде Володимире». Так и было по январскому счету (поправка = 0).

4. В то же лето 6715 (год 1207) октября 8, «на память евангелиста Луки» показан четверг. Так и было по нашему январскому счету (поправка = 0).

5. «В лето 6735 (год 1227) января 6 в четверг в праздник Богоявления господа нашего Иисуса Христа преставился князь Володимир... И положе был в церкви святыя Богородице». Но четверг приходился на 6 января только в следующем 1228 г. (поправка +1).

6. «В то же лето 6735 (год 1227) февраля 12 на память святого Мелетия в 1-ю субботу поста вошел христоробивый князь Василко в свой Ростов со своею княгинею». Но суббота приходилась на 12 февраля только в 1228 году, годом позднее (поправка +1).

7. «В лето 6745 (год 11237), февраля 7 на память святого Федора Стратилата в неделю мясопустную по заутрени приступили к городу (Володимеру) татарове». Но мясопустная неделя приходилась на это число лишь в сле-

дующем 1238 году (поправка +1).

8. «В лето 6809 (год 1301) июля 3 на 8 неделе по пасхе в пятницу погорел (город) Торжок». А по вычислению тогда был понедельник. Здесь что-то напутано!

9. «В лето 6810 (год 1302) июля 5 в четверток была буря великая много (от нее) пакости было: по селам она дубье подрала». Да и по нашему январскому счету был тогда четверг (поправка = 0).

10. «В лето 6812 (год 1304) 5 марта во вторник безымянной недели преставился князь Данило Александрович на Москве, в своей отчине, в чернецах и схиме». Но вторник был по нашему январскому началу только год назад 5 марта 1303 года (поправка-1). 11. «В лето 6813 (год 1305) июня 23 в день мученицы Агрипины во вторник ударил гром вельми сильно в маковицу церкви святого Феодора, зажег (церковь и она) сгорела до вечерни». Но и это было по нашему январскому счету год назад в 1304 году (поправка -1).

Здесь кончается Лаврентьевский список. А в списке Московской Духовной Академии (так называемая Суздальская летопись), тоже про-

должающем Радзивилловскую рукопись с 1205 года, но самостоятельно, не повторяя Лаврентьевских сообщений, мы находим только три даты:

1) «В лето 6724 (год 1216) 1 марта во вторник пошел Великий князь Мстислав из Новгорода на зятя своего князя Ярослава». И по нашему счету тогда был вторник (поправка = 0).

Карта Московского государства. Из книги С. Герберштейна «Записки о Московии», 1549 год

Карта Московского государства. Из книги С. Герберштейна «Записки о Московии», 1549

Таблица IV. Согласуемость дат между 1206 и 1305 годами, даваемых в Радзивилловской летописи и ее копиях для дней недели с январским, сентябрьским и мартовским началами года

Дано в летописи в годах от «сотворения мира»	Вычислено мною в юлианских годах январского начала (и в христианских)	<i>Моя поправка к дате</i>	Сентябрьский год нач. Б — нач. А	Мартовский год нач. Б — нач. А
1.6714 (1206)-II-28 среда	1207-II-28 среда	+1	3 E	3 E

2.6715 (1207)- X-22 суббота	1207-IX- 22 суб- бота	0	3 E	E 3
3.6715 (1207)- XI-21 среда	1207-XI- 21 среда	0	3 E	3 E
4.6715 (1207)- X-18 четверг	1207-X- 18 чет- верг	0	3 E	3 E
5.6735 (1227)-I- 6 чет- верг	1228-I-6 четверг	+1	3 E	3 E
6.6735 (1227)- II-12 суббота	1228-II- 12 суб- бота	+1	3 E	3 E
7.6745 (1237)- II-7 мя- сопуст	1238-II-7 мясо- пуст	+1	3 E	3 E

8.6809 (1301)- VII-3?? пятни- ца	1306- VII-3 по- недель- ник	7?	Напутано	
9.6810 (1302)- VII-5 четверг	1302- VII-5 четверг	0	Е 3	3 Е
10.6812 (1304)- III-5 втор- ник	1303-III- 5 затме- ние лу- ны	-1	3 3	Е 3
11.6813 (1305)- VI-23 втор- ник	1304-VI- 23 втор- ник	-1	3 3	Е 3
Суздальский список				
1.6724 (1216)- III-1 втор- ник	1216-III- 1 втор- ник	0	Е 3	3 Е

2.6724 (1216)- IV-21 четверг	1216-IV- 21 чет- верг	0	Е 3	3 Е
---------------------------------------	-----------------------------	---	-----	-----

Е — значит есть решение, удовлетворяющее началу года, обозначенному вверху колонки. 3 — значит нет удовлетворительного решения (см. табл. I и II выше). В колонке III — разность. 0 — значит, удовлетворяет январскому началу года, +1 или -1 значит, событие было в следующем или предшествовавшем январском г. сравнительно с указанным в летописи (см. выше табл. I, II).

Мы видим, что мартовский счет по наложению А является здесь наиболее удовлетворительным: из 12 случаев ему удовлетворили 10, а остальные два случая удовлетворили его по наложению Б, переходящему в наложение А при прибавке 1 года. Сентябрьские же наложения здесь менее удовлетворительны: №10 и 11 не выходят ни по какому сентябрьскому наложению; из остальных 7 выходят по наложению А и три — Б.

2) «В лето 6724 (год 1216) апреля 21 в чет-

верг второй недели по пасхе (в списке Московской Духовной Академии дано 22 апреля) побеждены были сильные полки суздальские». Да и по нашему счету был тогда четверг (поправка = 0).

3) В лето 6918 (год 1410) апреля 22 сказано: «Пришел преосвященный Фотий, митрополит Киевский и всея Руси в Москву в Великий день». А в печатном полном собрании Летописей (т. XV, страница 485) это переправлено на 23 марта, чтоб затушевать ошибку летописца, так как Пасха в 1410 году приходилась, на деле, на 23 марта. В следующем 1411 году она была 12 апреля, а в предшествовавшем 1409 — была 7 апреля. Отбрасываем это путанное место, как ни на что не годное. Резюмируя все это в таблице IV, мы находим, что (после исключения явно напутанного № 8) на промежутке от 1206 до 1305 года по мартовскому началу и по наложению А из 12 случаев оправдалось 10, а остальные два случая (№10 и 11) оправдались по мартовскому же началу и по наложению Б, которое переходит в А, если мы допустим, что компилятор летописей отнес указанные события на год ранее,

чем они были в действительности. А византийский сентябрьский счет А, хотя и удовлетворяет первым 7 отметкам, но, по-видимому, лишь случайно, потому что далее переходит в наложение Б или совсем не имеет решения (№10 и 11).

Но если здесь и мартовский счет, то все же он не сходится с мартовским счетом Радзивилловской летописи. Тамошний мартовский год налагает на наш январский (проверенный астрономическими вычислениями) только по приравнению Б, начинающему мартовский год за 10 месяцев до начала января, а не через 2 месяца после него, как по приравнению А. Здесь же наоборот. Лишь допустив, что при перечислении годов Радзивилловской летописи на наши январские годы сделан систематический сдвиг летописной нумерации на год вспять, мы получим согласие между ним и его продолжениями с 1111 года.

И во всяком случае факт остается фактом: первоисточник русских летописей за все время крестовых походов и вплоть до Авиньонского пленения римских пап считает начало своих годов с марта, а не с сентября, по латин-

скому, а не по византийскому календарю, т. е. как будто русские монахи летописцы, а следовательно и вся окружающая их общественная среда, были в унии с папским Римом.

Глава II. Солнечные и лунные затмения в русских после-несторовских летописях как показатель их правдивости

Применим теперь астрономический метод проверки. В «Начальной псевдо-летописи» за первые 200 лет, как я уже говорил, не показано ни одного затмения, ни солнечного, ни лунного, и ни одной кометы, и лишь в самом конце описаны в разных местах три-четыре астрономические явления, поддающиеся проверке путем вычисления.

В этом отношении я уже имел повод указать на отметку: *«В то же лето (т. е. в 1102 году) было знамение в луне месяца февраля в 5 день».*

Тут речь может идти только о лунном затмении, так как 5 февраля действительно было полнолуние с ожидаемостью (при неточных астрономических знаниях) лунного затмения... Но вот беда! В действительности

(т.е. по современным нам точным вычислениям) оно произошло лишь через два оборота луны, не 5 февраля, а 5 апреля 1102 года, со значительной максимальной фазой $9''2$, около 8 часов утра по Киевскому времени, т.е. уже при заходящей луне. Как же автор отметил в этом году не существовавшее февральское затмение и не отметил настоящего, бывшего через два месяца?

Ошибка в имени месяца? На эту отговорку действительно можно было бы сослаться, если бы в XIV веке (к которому, скорее всего, можно было отнести реальное начало составления русских летописей, по имеющимся в иностранной и собственной еще ничтожной письменности сведениям) не произошло подряд три затмения по 19-летнему циклу, как раз 5 февраля:

1) В году 1319—II—5 лунное неполное с максимальной фазой $4''8$ около 4 часов 37 минут от Гринвичской полуночи и около 6 часов 40 минут Киевского вечера.

2) В году 1338—II—5 в 14 часов 50 минут от Гринвичской полуночи и около 4 часов 52 минут Киевского вечера, сверхполное.

3) В году 1357—II—5, неполное ($10''4$), в 14 часов 18 минут от Гринвичской полуночи и около 4 часов 20 минут Киевского вечера.

А солнце заходило в это время в Киеве около 5 часов 13 минут местного вечера, так что они хорошо были видны во всех славянских землях Восточной Европы после заката солнца на только что взошедшей луне. А это могло дать повод автору исправить на 5 февраля вычитанное им где-то сведение о лунном затмении 5 апреля 1102 года, если летопись составлял человек, наблюдавший лично эти три затмения и потому составивший представление о 5 февраля, как о специально угрожаемом дне.

Во всяком случае, лунное затмение 5 февраля 1102 года ложно показано автором. А ведь оно единственное во всей «Начальной летописи».

Рассмотрим теперь и солнечные затмения:

За время, отмеченное в «Начальной летописи», было 10 солнечных затмений, шедших в полном или кольцеобразном виде по Днепровской Руси и видимых в девяти случаях в огромной фазе в Киеве. Вот они: Год 939-VII-

19 — сильное для Киева, перед полуднем (не описано).

Год 945-IX-9 — значительное для Киева утром (не описано).

Год 970-V-8 — сильное для Киева утром (не описано).

Год 986-VII-9 — полное в Киеве перед закатом (не описано).

Год 990-X-21 — почти полное в Киеве после полудня (не описано).

Год 1021-VIII-11 — почти полное в Киеве после полудня (не описано).

Год 1033-VI-29 — значительное в Киеве после полудня (не описано).

Год 1065-IV-8 — едва ли видимое в Киеве, а лишь в Египте, и в малой фазе в Греции и Сицилии (описано).

Год 1091-V-21 — значительное в Киеве утром (описано).

Год 1098-XII-25 — сильное в Киеве к вечеру, в самый день Рождества (не описано).

И только одно из них, и притом менее других эффектное для Киева затмение 21 мая 1091 года, да еще предшествовавшее ему затмение 8 апреля 1065 года, хотя и едва ли ви-

димое в Киеве, отмечены автором, несмотря на то, что пропущены все остальные, которые должны были вызвать много более сильное смятение и в Киеве, и во всей приднепровской Руси. Особенно можно это сказать о последнем (1098 года), случившимся в день Рождества Христова, в разгар первого крестового похода, когда крестоносцы шли освободить «гроб господень» в Эль-Кудсе, считавшимся ими за Иерусалим. Допустить, что все указанные мною затмения были в облачную погоду — невозможно, да и тогда пришлось бы упомянуть, что наступала временная «темная ночь посреди дня», а предположить, что живший в Киеве первичный монах-летописец все это проспал днем, еще менее правдоподобно. Таким образом, уже одно отсутствие таких отметок в летописи псевдо-Нестора показывает, что она более позднего происхождения, чем последнее из описываемых в ней событий, и что она не списана с каких-то прежних, утраченных затем систематических «временников», а составлена сразу самостоятельно, отчасти по западно-славянским записям и отчасти по слухам, догадкам и легкомысленным

соображениям самого автора и его современников, причем события, происходившие в других странах или иноземные легенды, вроде Олегова коня, служили материалами.

Таков наш аргумент об отсутствии упоминаний о событиях, которые не могли не быть отмечены в летописях их современником, а теперь приведем аргументы и об отсутствии в данной летописи таких событий, которых не мог отметить их современник, потому что они на самом деле не существовали. Я уже привел из них лунное затмение 5 февраля 1102 года, которого не было в природе, а теперь отмечу и другие.

Прежде всего укажу, что солнечное затмение 21 мая 1091 года описано верно в Лаврентьевской рукописи, которою я здесь и руководствовался. В ней записано:

«В сие лето (в 6599 году по летописи и в 1091 году по современному счислению) знамение в солнце, яко погибнути ему, и мало его осталось, как месяц было, во 2 часу дня, мая в 21 день».

Оно действительно и было 21 мая в 8 1/2 часов утра по Киевскому времени, причем за-

тмилось около $4/5$ солнечного диаметра.

Но вот теми же самыми словами переписано оно и в III Новгородской рукописи:

«Было знамение в солнце, яко погибнути ему и мало его осталось, и как месяц было во 2 часу дня мая в 21 день».

А отнесено оно вдруг на 13 лет назад к 6586 году (к 1078 по нашему), когда не было никакого затмения в России. Как мог бы это написать очевидец?

Затем оно же переписано и в Псковской 1, и в Воскресенской рукописи опять в той же самой редакции, но отнесено в обеих к 6596 г. (к 1088 по нашему счету), т.е. за 3 года до себя, когда было только затмение 20 июля, да и то у самого северного полюса. Не вставлено ли оно сюда по ошибке вместо затмения 25 декабря 1098 года, виденного прекрасно во всей России?

А в так называемой «Никоновской летописи» оно отмечено уже на 2 года после себя в 6601 году (1093 по нашему счету, вместо 1091). В этом году действительно было затмение, видимое в сильной фазе во всей Западной России, но только не 21 мая, а 23 сентября.

А вот летописец описывает события и небесные знамения отстоящие от него далеко и по времени и по месту их прохождения.

«Такие знаменья бывают не на добро. Мы это разумеем, потому что в древности при Антиохе в Иерусалиме внезапно 40 дней в воздухе появились полки с оружием, в золотых одеждах, предвещая нападение Антиоха на Иерусалим. Потом при Нероне цезаре воссияла в том же Иерусалиме звезда, в виде копья, предвещая нападение римлян и еще при Устиниане (Юстиниане) цезаре звезда воссияла на западе, испускающая лучи. Ее же прозвали Блистаницею, и блестела дней двадцать, а потом было течение звезд с вечера до утра, казалось, яко бы падали звезды и опять солнце сияло без лучей. Потом при Маврикии цезаре жена родила детище без очей и без рук и от чресл его был рыбий хвост. И ... родился шестиног, а в Африкии (в других списках во Фракии) два детища родились: один о четырех ногах, а другой о двух головах. Затем при Константине Иконоборце, сыне Леонове, течение звездное было на небе, отторгались (звезды) на землю, так что видящие думали

конец. Тогда же и воздух полился (хлынул) по велику. По Сурии (Сирии) был трус велик (землятресение) земля расселась на три поприща, и дивно вышла из земли личина (маска), говорящая человеческим голосом, проповедавая нашествие язычника, как и было: напали сарацины на палестинскую землю».

Мы видим здесь, что автор не чуждается и иностранных дел и говорит (отчасти по Георгию Амартолу, отчасти по западно-европейским авторам вроде Ликосфеновой «Хроники Знамений и чудес») о небесных предвестниках нападения на Иерусалим и при «Антиохе», и при «Римлянах», и при «Сарацинах»... Так почему не говорит он и о предвестниках современных ему громких событий, каковыми были распадение его собственной церкви на западную и восточную в 1054 году всего за 11 лет до описываемого им так красноречиво 1065 года? Почему он проспал затем крестовые походы? Почему о них нет ни слова ни в одном из имеющихся теперь списков «Начальной летописи»?

Но об этом мне придется еще специально говорить в одной из следующих глав, а те-

перь я закончу о затмениях, так показатель-но отсутствующих в «Начальной Летописи» Нестора-Сильвестра.

Посмотрите сами на приложенной таблице список дальнейших затмений, которые я беру из книги Даниила Святского «Астрономические явления в русских летописях», написанной в 1915 году, когда он был сотрудником Астрономического отделения в Государственном Научном Институте имени Лесгафта при участии другого моего сотрудника по тому же учреждению М. А. Вильева. Это было сделано по инициативе академика А. А. Шахматова, еще ранее просившего меня об этом, а я, за неимением времени, просил сделать это своих помощников Вильева и Святского.

Но ни Шахматов, ни Святский, ни Вильев не имели смелости сделать из этого сопоставления надлежащих выводов, хотя эти выводы сами бросаются в глаза. Посмотрите только на мою наглядную таблицу (табл. V).

В первом же отделе приведены последовательно все 27 десятилетий, заполненных более или менее необычными событиями, которые будто бы преемственно записывали киев-

ские ученые монахи по образцу Пушкинского летописца при Борисе Годунове:

*«Еще одно последнее сказанье
И летопись окончена моя».*

Вы видите сами, что от 852 года, когда началась их «летопись» и до 1065, в продолжении 212 лет, тут не записано ни одного из этих небесных явлений, так ужасавших наших предков, не понимавших их причины и временности наступившей порчи солнца, да и о затмении 1064 года сказано лишь вставкою, как бы по отдаленным воспоминаниям:

«Перед сим оке временем (т. е. перед 6572 годом „от сотворения мира“ и 1064 по нашему счету) и солнце переменилось и не было светло, но как месяц было. Его оке — глаголют невегласы (т. е. невежды) снедаему сушу».

А затем, как мы уже видели, приводится солнечное затмение 1091 года, перепутанное в разных копиях на разные года около того же времени, т. е. опять записанное не на месте, а тоже по воспоминаниям.

Все это и обозначено по нашему десятилетнему хронологическому масштабу в верхнем

отделе таблицы V.

Но вот, вы переходите к «продолжателям» этой «Начальной летописи», записи которых я проследил до 1650 года, и вы видите совершенно другую картину. Почти половина солнечных затмений, видимых в России в значительной фазе, занесена правильно в указанные на таблице годы, а отсутствие остальных объясняется облачной погодой. Но ведь нельзя же сказать, что в предшествовавшие двести лет, от 850 до 1064 года, Киев закрывали сплошные облака! И в те годы должно было наблюдаться приблизительно такое же среднее число солнечных затмений, как и в годы продолжателей «Нестора» и, если б «Нестор» (или Сильвестр) руководился при составлении своей летописи действительными записями предшественников монахов, то он привел бы в одну из первых очередей и ужасавшие их больше всего затмения солнца.

Таблица V. Наглядное статистическое сопоставление солнечных затмений, отмеченных в псевдо-летописи псевдо-Нестора, с описанными у его «псевдо-продолжателей» (а на де-

ле: первых летописцев)

Продолжения Несторовой летописи				Несторова летопись	
Сол- неч- ные за- тме- ния	годы	Сол- неч- ные за- тме- ния	годы	Сол- неч- ные за- тме- ния	годы
1386, 1390, 1399	1390	1113 и 1115	1120	850	850
1406	1400	1120, 1122, 1124	1130		860
1415	1410	1131, 1133, 1140	1140		870
1426	1420	1146 и 1147	1150		880
1433	1430	1162	1160		890
	1440		1170		900
1460	1450	1185 и 1187	1180		910
	1460		1190		920

1476 и 1475	1470	1207	1200		930
1486 и 1487	1480		1210		940
1491	1490		1220		950
	1500	1236	1230		960
	1510		1240		970
	1520		1250		980
1533, 1540	1530	1270	1260		990
1544	1540	1283	1270		1000
	1550		1280		1010
1563	1560		1290		1020
	1570		1300		1030
	1580		1310		1040
	1590	1321	1320		1050
1605	1600	1331	1330	1064?	1060
	1610		1340		1070
	1620		1350		1080
	1630	1361 и 1366	1360	1091	1090
1645	1640	1375	1370	1106	1100
	1650		1380		1110

А раз у него не было записей о них, то не было и никаких других, а потому и все остальное, что пишет псевдо-Нестор, полуфантазия начала XIII века, если не позже.

Чтобы определить время составления этой полуфантазии, воспользуемся лунными затмениями, которые менее эффектны, чем солнечные, и потому нет большого интереса вводить их в занесенные годы из иностранных записей.

Вот все они на таблице 6, и что же вы там видите? В «псевдолетописи Нестора (или Сильвестра)» не приведено ни одного затмения, а у его псевдо-продолжателей они сразу начинаются и, притом, не в суеверном, а в деловитом исполнении. Вот хоть два примера. А. Из Лаврентьевской летописи: *«Б лето 6715 (по нашему счету 1207 год)... Того же лета было знаменье в луне: была как бы кровава, и притом преложилася в тьму».*

Такое лунное затмение и было годом позднее, 3 февраля 1208 года со серединой сверх полного затмения (20"5) в 7 часов 53 минуты Киевского вечера.

Б. Из Троицко-Сергиевской летописи, бывшей Московской Духовной Академии.

Таблица VI. Наглядное статистическое сопоставление лунных затмений, отмеченных в псевдо-летописи псевдо-Нестора, с описанными у его «псевдо-продолжателей» (а на деле: первых летописцев)

Продолжения Несторовой летописи				Несторова летопись	
Солнечные затмения	годы	Солнечные затмения	годы	Солнечные затмения	годы
1389*, 1392*	1390	1122	1120		850
1395*, 1396*	1400		1130		860
1399*, 1403*	1410	1146*	1140		870
1406*, 1407*	1420		1150		880
1431, 1432*	1430	1161*	1160		890

1433*	1440		1170		900
1460	1450		1180		910
1461*, 1465*	1460		1190		920
1468*, 1471*	1470	1200*, 1208*	1200		930
1476*, 1477*	1480		1210		940
	1490		1220		950
	1500		1230		960
	1510		1240		970
	1520	1259)	1250		980
1536)	1530		1260		990
	1540	1276*, 1280*	1270		1000
	1550	1282*, 1289*	1280		1010
1566*	1560	1291*	1290		1020
	1570		1300		1030
	1580	1316*	1310		1040
	1590		1320		1050
	1600		1330		1060
	1610		1340		1070

1624*	1620		1350		1080
	1630	1360*	1360		1090
1645	1640	1378*	1370		1100
	1650		1380		1110

* — полные затмения,) — неполные

«В лето 6798 (по нашему счету 1290 год). Того же лета было знаменье в луне: была как бы кровава, и потом преложилася в тьму».

Месяца и дня тут не показано, но подходящее лунное затмение тоже, как и предшествовавшее, было годом позднее указанного в 1291 году 14 февраля, сверхполное (19"5) со серединой в 22 часа 21 минуту от Гринвичской полуночи, а по Киевскому времени уже 15 февраля, через 24 минуты после полуночи.

Потом эти явления стали реже записываться, вероятно, потому что естественная причина затмений была уже выяснена, лунные затмения стали заранее предсказываться.

Отсюда можно вывести, что и солнечные затмения 1064, 1091 и 1106 года внесены в «Начальную летопись» много более поздним

ее составителем по иностранным — византийским или болгарским, чешским, польским, если не латинским — первоисточникам, и это подтверждается и записанными в ней кометами, заимствованными явно из греческих хроник.

Чтобы разобраться в предмете и вместе с тем проверить хронологию русских летописей, воспользуемся описаниями солнечных затмений, которые имеют то достоинство, что их видно не с целого полушария земли, а только на узкой полосе земного шара, особенно, если дана их максимальная фаза. Вот они все из Радзивилловского, а потом из Лаврентьевского и Троицко-Сергиевского списков Московской Духовной Академии.

1. Затмение в лето 6572 (по нашему счету 1065), которое я уже цитировал выше: (*«Предсим временем и солнце переменилося и не было светло, но как месяц было. О нем же невегласы (невежды) говорят снедаему сущю»*).

— В 1065 такого не было видно в славянских землях, но так как мы видели уже ошибки на год позднее, то смотрим в 1066 году. Не находим. Смотрим годом ранее и, вдруг, нахо-

дим затмение 19 апреля 1064 года, проходившее в кольцеобразном виде из Шотландии через Ревель, Великий Новгород, Ярославль, Кострому, Казань и Уфу. А в частном виде оно могло наблюдаться и в Киеве.

2. Затмение в лето 6599 (по нашему счету 1091 году), которое тоже я уже цитировал: (*«В сие же лето знаменье в солнце, яко погибнути ему, и мало его осталось и как месяц было во 2-м часу дня месяца мая в 21 день»*).

— И действительно, 21 мая 1091 года, утром было видно во всех славянских странах, в том числе и в Киеве, в значительной фазе солнечное затмение, хотя и шло оно в кольцеобразном виде довольно далеко: из Малой Азии через Тифлис к Оренбургу. Вот первый раз, когда затмение датировано совершенно точно.

3. *«В лето 6622 (1114 году нашего счета). Было знамение в солнце в 1 час дня (т.е. после восхода солнца), можно было видеть всем людем. Остапоя его мало, как месяц долу рогома (вниз рогами), месяца марта 29 (в Лаврентьевском списке по ошибке написано 19 марта)»*.

— Действительно, на 29 марта находим солнечное затмение, но только не в 1114, а в 1112 году. Полоса его полной видимости шла в вечернее время по Северной Африке на Суэцкий перешеек, за которым и окончилась на закате солнца. В Киеве оно могло быть видимо на самом закате солнца, но в слабой фазе. Это описание, по-видимому, взято из Царьградских сообщений. А думать, что дело идет о затмении 23 июля 1115 года, как допускал Вильев, нет основания, потому что время дано точно: 29 марта. Скорее можно допустить, как думает В. Г. Сушаков, что дело идет о затмении 19 марта 1113 года.

4. *«В лето 6832 (по нашему счету 1124 год). Было знамение в солнце. В 9 часу дня было оно, яко месяц мал. И едва не смерклось до полуденъи, месяца августа в 11 день».*

— Такое затмение и было как раз 11 августа 1124 года. Полуденная видимость его полной фазы была в Норвегии, а затем полоса полного затмения прошла через Финляндию, Новгород Великий, Псков, Тверь, Москву, Владимир на Клязьме, Рязань и Саратов в Тибет, где и кончилась. В Киеве и Польше оно хоро-

шо было видимо.

5. В лето 6694 (по нашему счету 1186 год). «Мая 1 в день на память Еремеа в среду (среда на 1 мая приходилась годом ранее в 1185 году) на вечерни было знаменье в солнце и мрачно было вельми, (так что звезд видети можно было). И у человек в очах как бы зелено было, и солнце учинилося яко месяц, из рогов его как уголь жаров (пылающий) исходил. Страшно было видеть человекам знамение Божие».

— Здесь яркая картина полного солнечного затмения: и зеленоватый полусвет, и углеподобные протуберанцы. Такое затмение и было действительно, но годом ранее: 1 мая в 1185 году около 3 часов местного дня, как и показано в I Псковской, I и II Новгородской и в Ипатьевской летописях. Но, — увы! — оно могло быть описано в таком виде только в Стокгольме, Ревеле и Великом Новгороде, а затем, если хотите, в Ярославле, Костроме, Нижнем Новгороде, Казани и Уфе. Вернее всего, вышеприведенное описание идет из Эстляндии, где еще на памяти этого затмения возник Ливонский орден меченосцев, осно-

ванный в 1202 году в Риге епископом Альбертом Буксгевденом. Значит, и весь Радзивилловский список редактировался уже не на Днепре, а на Западной Двине.

6. *«В лето 6714 (по нашему счету 1206 год). Было знаменье на небе, в солнце, месяца февраля в 28 день в среду сырной недели (среда 28 февраля была не в 1206, а в 1207 году), и стояло (продолжалось) от полудня до мефимона [16]. Остался его, как месяца в настатьи 1 дня (после новолуния). Многие бо верный человеци зряще, моляхуся богу дабы обратил то знамение на добро».*

— И опять, такое затмение было, но только годом позднее, не в 1206, а в 1207 году 28 февраля. Полуденным оно было в Швейцарии, а после того полоса его кольцеобразной видимости шла через восточную часть Балтийского моря, Ревель и Гельсингфорс в Белое море к устью реки Оби. Значит, и оно скорее всего могло быть описано в Прибалтике, а не в Украине.

7. *«В лето 6738 (по нашему счету 1230 год). Того же месяца (мая) в 14 день во вторник 6 недели по пасхе второе в год (перед ним было*

только приполярное затмение 17 декабря 1229 января года) солнце начало погибать, зрящим всем людям мало осталось его и было как месяц 3-х дней (после новолуния) и начало опять полнеться и многие думали, что месяц идет через небо, так как было межмесячье, а другие думали солнце идет вспять, понеже облака малии и частии, с полуночный страны борзо бежали на солнце на полуденьу страну».

— И о нем же сказано, но уже независимыми словами в Троицко-Сергиевском списке Московской Духовной Академии:

8. «В лето 6738 тряслася земля и солнце помрачилось».

— Такое затмение и было как раз 14 мая 1230 года, но полоса его полной фазы шла через Данию и Швецию к Северному полюсу. В виде частного затмения оно хорошо наблюдалось на склоне солнца перед закатом из всего Прибалтийского края и даже из Киева.

Выражение, что это затмение было вторым в 1230 году, показывает, что начало года считалось автором с сентября. Только в таком случае первым затмением этого же года и бу-

дет приполярное 17 декабря 1229 январского (и 17 декабря 1230 сентябрьского) года. Но оно могло быть описано только в Северных русских летописях.

9. *«В лето 6744 (по нашему счету 1236 год). Было знамение в солнце месяца 3 августа, в неделю по обеде. Было можно видети всем, как бы месяц четырьдний (на четвертый день после новолуния)».*

— И оно же упомянуто под тем же годом (но уже как независимая запись) и в Троицко-Сергиевском списке Московской Духовной Академии.

10. *«Того же лета погибло солнце по всей земли».* А затем в той же летописи оно снова оказалось и под следующим (1237) годом в таком виде: *«В лето 6745 (по нашему счету 1237 год) было знамение в солнце месяца августа в 3 день на память святых отец Далмата, и Фауста, и Исака. Тьма нашла на солнце с запада, оно было как месяц пяти ночей (после новолуния), а с востока было светло, и затем с востока тьма была, (и солнце стало) также как месяц пяти ночей, а с запада (сделалось) светло (обычный ход солнечного затмения)».*

— Такое затмение было 3 августа 1236 года. Оно прошло в кольцеобразном виде через Петрозаводск, Вологду и Казань, а в частной форме могло быть видимо и в Вильно, и в Минске, и в Киеве.

11. *«В лето 6829 (по нашему счету 1321 год) месяца июня 26, в 3 часа дня погребло солнце, и осталось его, как бы с двухдневный месяц (по новолунии) и через час паки пополнилось».*

— Такое затмение как раз и было 26 августа 1321 года и прошло оно в кольцеобразном виде через Варшаву, Витебск, между Тверью и Москвой, в Вятку, в Японию и Тихий океан.

12. *«В лето 6914 (по нашему счету 1406 год) июня 16 в 3 часу дня была изгибель солнцу».*

— Такое затмение и шло в полной фазе севернее Риги, через Ревель и Архангельск в утреннее время, и было видимо в частной форме и в Киеве.

13. *«В лето 6923 (по нашему счету 1415 год) погребло солнце июня 7 в пятницу, и скрыло лучи свои солнце от лица земного».*

Таблица VII. Точность дат, даваемых в Радзивилловском (Лаврентьевском) списке и

производимых от него летописях для солнечных и лунных затмений с 1064 по 1415 год со счетом начала года с января, с сентября и с марта

Дано в летописи в годах от «сотворения мира»	Вычислено мною в юлианских годах январского начала (и в христианских-)	<i>Моя поправка к дате</i>	Сентябрьский год нач. Б — нач. А	Мартовский год нач. Б — нач. А
1.	1064-IV-19	-1	3 3	Е 3
2.	1091-V-21	0	Е 3	3 Е
3.	1112-III-29	-2	3 3	3 3
4.	1124-VIII-11	0	Е 3	3 Е
5.	1185-V-1	-1	3 3	Е 3

6.	1207-XI-28	+1	Е 3	3 Е
7.	1230-V-14	0	Е 3	3 Е
8.	1236-VIII-3	0	Е 3	3 Е
9. 6829 (1321)- VI-26	1321-VI-26	0	Е 3	3 Е
10. 6914 (1406)- VI-16	1406-VI-16	0	Е 3	3 Е
11. 6923 (1415)- VI-7	1415-VI-7	0	Е 3	3 Е

Е — значит есть решение, удовлетворяющее началу года, показанному вверху;

3 — нет удовлетворяющего решения.

В III колонке нуль (0) значит, что эта часть года автора соответствует прямо юлианскому январскому году; +1 значит, что эта дата автора соответствует следующему январскому юлианскому году, а -1 показывает, что для перевода на наш счет надо к данному летописному году сделать поправку минус один

год.

Мы видим из нее, что 11 приведенных нами солнечных затмений, 8 удовлетворяют классическому мартовскому началу года по наложению А, одно (№3) оказалось совсем ошибочным, а два, не удовлетворяющие наложению А на наш январский год, удовлетворяют ему по наложению Б. А византийский сентябрьский год оправдывается (как и непосредственно наш январский) в семи случаях из десяти. Выходит, что и астрономические первоисточники наших летописцев были написаны по мартовскому началу года, но переведены на январское начало не по одному наложению А, а иногда и по наложению Б.

Таким образом, и солнечные, и лунные затмения подтверждают наш вывод (сделанный по дням недели в предшествовавшей главе), что русские летописцы (а с ними, конечно, и все русские грамотные люди) руководились в XIII — XV веках латинским классическим летоисчислением, начиная год с весеннего месяца марта, а не с осеннего сентября, как византийцы. И это ясно показывает,

что умственная культура со времени захвата крестоносными орденами (по-русски ордами, от латинского слова *ordo* — организация) Царь-Града и вплоть до поворота московских князей к православию вследствие женитьбы Иоанна III на Софии Палеолог, и последовавшему за этим отчуждению от Рима, шла с запада от «латинцев».

Глава III. Частная проверка «Новгородской Хартийной летописи Синодального списка» и ее копий по солнечным и лунным затмениям. Соображения Карамзина о весеннем начале года в русских летописях до никоновского списка

«Новгородская летопись по синодальному списку» с 945 года начинает буквально переписывать свои соображения из Радзивилловского списка, но после 1015 года такие буквальные выписки становятся реже и постоянно заменяются отсебятиною, иногда невероятною. Так, под 1107 годом написано:

«В лето 6615. Трясетя земля в день 5 февраля».

И еще для 1230 года:

«В лето 6738. Тряслася земля в пятницу пятой недели по Великом дне в обед, а ныне уже и отъобедали. Это, братие, не на добро, а на зло. По причине грехов наших бог кажет нам знамения, чтобы мы покаялись в грехах наших».

Да и в Троицко-Сергиевском списке Московской Духовной Академии сказано:

«В лето 6738 (=1230) тряслася земля и солнце помрачилось».

И действительно, в 1230 году в Прибалтийском крае могло быть видимо 14 мая солнечное затмение, шедшее в полном виде вдоль Швеции...

Но ведь Новгород Великий и Москва находятся вне области землетрясений! Значит, оно взято из каких-то южных записей, если не выдуманно.

Лунные и солнечные затмения в Новгородской летописи начинают упоминаться с 1115 года. Вот все они:

А. Солнечные затмения.

1. *«В лето 6623 (1115 январский год). Бысть знамение на солнце, как бы погибло».*

— Это затмение в действительности нача-

лось около устьев Дуная на Балканах, на восходе солнца, и полоса полной видимости шла через Японию. В Новгороде оно могло быть наблюдаемо лишь в неполном виде, так что выражение «погибло» преувеличено.

2. *«В лето 6632 (1124 январский год). Месяца августа в 11 день перед вечернею начало убывать солнце и погибло все. О какой великий страх и тьма были! И звезды были (видны) и месяца. И снова (солнце) начало прибывать и снова наполнилось. И все радовались в городе».*

— Здесь опять только небольшое преувеличение. Полоса полной видимости всего затмения проходила от северо-востока к юго-западу не через Новгород, а через Неву.

3. *«В лето 6639 (1131 январский год). Было знамение в солнце в вечернюю пору марта 30».*

— И, действительно, 30 марта 1131 года по январскому счету полоса полного затмения прошла из Исландии в Новую Землю около Норд-Капа. В Новгороде оно могло быть видимо в неполной фазе.

4. *«В лето 6641 (1133 январский год). Было*

знамение в солнце перед вечернею».

— Полоса такого затмения прошла 2 августа 1133 года из Англии через Центральную Европу и около Босфора в Аравийский залив в послеполуденное время. В Новгороде его едва ли заметили.

5. «В лето 6648 (год 1140) марта 20 было знамение в солнце и столько его осталось, каким бывает месяц на 4 день, и опять пополнилось до захода».

— Но затмение 20 марта 1140 года в полном виде шло почти прямо через Ковно, Витебск, Москву и Казань в вечернее время и должно бы быть описано в более ярких красках, если писал новгородец.

6. «В лето 6693 (1185) мая 1, в 10 часу дня, солнце помрачилось как бы на час и более в вечерний звон и звезды были (видны), а потом просветлело. И радовались».

— Тут мы находим почти правильное описание. Полоса полного затмения 1 мая 1185 года шла мимо Новгорода перед вечером из Шотландии, через Рижский залив в центральную Азию.

7. «В лето 6695 (1187 год)... В то оке лето

было знамение в солнце: в полдень оно стало как месяц и смерклося. А по малом времени снова наполнилось и просветлело 9 сентября».

— Такое затмение было, но не 9, а 4 сентября 1187 года, и полоса полного затмения прошла в послеполуденное от Стокгольма через Западную Россию, мимо Крыма в Индию.

8. «В лето 6745 (1237). Было знамение в солнце 3 августа, в память святых отцов Далмата, Фауста и Исакия в бдение, такое: тьма была в солнце сначала с запада, оно стало как месяц на пятую ночь (после новолуния), а с востока было светло. Потом с востока стала тьма, как месяц на пятую ночь (после новолуния), а с востока было светло. Потом с востока стала тьма, как месяц на пятую ночь, а с запада было светло. И наполнилось (солнце) опять».

— Такое затмение было по нашему январскому началу года не в 1237 году, а годом ранее 3 августа 1236 года. Полоса полного затмения шла в послеполуденное время из Финляндии через Вологду и Казань в Тибет.

9. «В лето 6779 (1271 год). Помрачилось

солнце в 5 неделю поста в середине утра и опять наполнилось, и (все) радовались».

— Такое затмение было тоже годом раньше, в воскресенье 23 марта 1270 года по январскому счету и шло из Венгрии через Кишинев, Полтаву, мимо Казани и Перми на северный Урал. Пасха тогда была 13 апреля, в воскресенье, так что дело было в начале 5 недели поста, считая воскресенье за 1 день недели.

10. «В лето 6829 (1321 год). Июня 26 при чистом небе внезапно померкло солнце, как бы на час, и было как месяц на 5 ночь (после новолуния). И тьма была как в зимнюю ночь и опять наполнилось, и (все) радовались».

— Такое и было 26 июня 1321 года. Полоса кольцеобразной видимости его, начавшись в Испании на восходе солнца, прошла почти прямо через Варшаву, Витебск, между Тверью и Москвой в Вятку в предполуденное время и окончилась в Тихом океане за Японией, и оно было видно в Новгороде в большой фазе.

Это последнее солнечное затмение в Новгородской летописи, заканчивающейся 1352 годом.

Из лунных же затмений в ней описаны только три:

1. *«В лето 6625 (1117 год)... Было знамение от грома в Новгороде. В святой Софии 14 мая в час 10, в вечернее пенье один дьяк поражен был громом, а весь клирос с людьми упал ниц, но остались живы, и на вечер было знамение в луне».*

— Но тут небольшая ошибка. Затмение луны в этом году было не 14 мая, а 16 июня 1117 года сверхполное (14"8) в 0 часов 49 минут от Гринвичской полуночи и хорошо видимое через 2 часа после того во всей Европейской России. А в мае или вообще 14 числа не было ни в этом, ни в соседние годы. Очевидно, дело идет о нем, но по поздним воспоминаниям.

2. *«В лето 6657 (1149 год). Было знамение в луне, вся погибла и потом восполнилась к заутрени февраля».*

— Месяц февраль назван только в хартийном синодальном списке, а в списке Археографической комиссии, в Толстовском и Татищевском Академии Наук слова февраль нет, хотя основной текст тот же самый, лишь с частными вариантами.

В этом году и было лунное затмение, но лишь 26 марта 1149 года со серединою в 0 час. 51 минуту от Гринвичской полуночи, видимое часа через три после местной полуночи в Новгороде. Да еще в следующем году — 5 марта 1150 года — было сверхполное ($21''8$) лунное затмение со серединой в 3 часа 16 минут от Гринвичской полуночи, и видимое в Новгороде перед рассветом. А в 1148 году совсем не было лунных затмений. Значит, год сдвинут.

3. *«В лето 6767 (1259 год). Бысть знамение в луне, яко ни знамения не бысть».*

— Эта загадочная фраза соответствует частному затмению 1 ноября 1259 года с максимальной фазой $8''6$ в 20 часов 18 минут перед Гринвичской полуночью, а в Новгороде вслед за полуночью. В следующем 1260 году совсем не было лунных затмений, а в предшествовавшем 1258 году 18 мая было сверхполное ($14''5$) в 22 часа 31 минуту перед Гринвичской полуночью и видимое вслед за полуночью в Новгороде.

Вот и все затмения в Основной Новгородской летописи по синодальному списку.

Постараемся восстановить по ним, с какого месяца авторы ее начинали свои годы.

Руководствуясь нашими общими табличками I и II (стр. 40 и 43), мы видим, что все даты затмения удовлетворяют здесь нашему январскому и мартовскому началу года по наложению III, А (см. нулевые разницы на таблице IV), за исключением двух солнечных затмений (№8 и 9). Эти последние выходят лишь по счету начала года с марта по наложению III, Б. А по сентябрьскому Византийскому началу не оправдались четыре (№7, 8, 9 и 13). Отсюда выходит, как будто годы солнечных и лунных затмений взяты составителями Новгородской летописи из первоисточников, употреблявших мартовский счет, но его перевели на январский (а никак не на сентябрьский) счет в 11 случаях по наложению III, А и в двух — по наложению III, Б.

Посмотрим теперь с этой точки зрения и на «Продолжение Новгородской летописи» по списку Археографической Комиссии Академии Наук. Это, собственно говоря, не продолжение. Повествование начинается 1333 годом, тогда как предшествующая основная ле-

топись оканчивается 1345 годом, т.е. на 12 лет позднее начала «продолжения», и, притом, сообщения этих 12 лет не повторяют друг друга в обоих списках, а почти везде самостоятельны.

Из солнечных затмений в этом «Продолжении» отмечено следующее:

1. «В лето 6883 (1375 год) июля 29, на память святого мученика Калинина в воскресенье было знамение в солнце». И, действительно, в этот год и день было солнечное затмение, полоса кольцеобразной видимости которого началась близ берега Норвегии и пошла по Северному Ледовитому океану к Камчатке. В очень неполном виде, конец его мог быть замечен и в Новгородском крае, на восходящем солнце.

Таблица VIII. Согласуемость дат, приведенных в «Новгородской летописи», солнечных и лунных затмений со счетом начала года с января, с сентября и с марта

Дано в летописи в го-	Вычислено мною в	Моя поправка к дате	Сентябрьский	Мартовский
------------------------------	-------------------------	----------------------------	---------------------	-------------------

дах от «сотворения мира»	юлианских годах январского начала (и в христианских-)		год нач. Б — нач. А	год нач. Б — нач. А
1. 6623 (1115)-VII-23	1115-VII-23	0	Е Н Н	
2. 6632 (1124)-VIII-11	1124-VIII-11	0	Е Н Н	
3. 6639 (1131)-III-30	1131-III-30	0	Е Н Н	
4. 6641 (1133)-?-?	1133-VIII-2	0	Е Н Н	
5. 6648 (1140)-III-20	1140-III-20	0	Е Н Н	
6. 6693 (1185)-V-1	1185-V-1	0	Е Н Н	

7. 6695 (1187)- IX-9	1187-IX- 4	0	Н Е Н	
8. 6745 (1237)- VIII-3	1236- VIII-3	-1	Н Н Е	
9. 6779 (1271)- III-23	1270-III- 23	0	Е Н Н	
10. 6829 (1321)- VI-26	1321-VI- 26	0	Е Н Н	
11. 6625 (1117)- V-14	1117-V- 14	0	Е Н Н	
12. 6657 (1149)-?- ?	1149-III- 26	0	Н Е Н	
13. 6767 (1259)-?- ?	1259-XI- 1			

Е — значит есть удовлетворяющее решение; Н — нет удовлетворительного решения; 0 — дата летописи удовлетворяет прямо нашему январскому календарю.

2. *«В лето 6893 (1385 год)... Было знамение в солнце на зиму 1 января на память святого отца Василия».*

— А в действительности, это затмение было годом позднее, 1 января 1386 года. Полоса полной видимости проходила в полдень через Царь-Град и далее через Черное море на Астрахань, но благодаря косому положению солнца зимою, полутень могла достигать и до Новгорода.

3. *«В лето 6907 (1399 год). Той же осенью было помрачение солнца и тьма. И погубило солнце и явился серп на небе, и потом снова явилось солнце, испускающее кровавые лучи с дымом месяца октября на память святые мученицы Анастасии».*

— Анастасия же празднуется 29 октября и в этот день действительно было затмение солнца 29 октября 1399 года, но лишь частное приполярное, со серединой в 12 часов 20 минут, т. е. около Гринвичского полудня, а по новгородскому времени уже около 3 часов вечера. Возможно, что благодаря низкому положению над горизонтом, ущербленное солнце имело в Новгородском крае кровавый вид и

было окружено дымными облаками.

4. *«В лето 6923 (1415 год). Было знамение в солнце 7 июля».*

— Оно и было 7 июля 1415 года. Полоса его полной видимости, начавшись близ Испании в море, прошла близ Новгорода через Витебск, Тверь и Сибирь к Японии и окончилась за нее тоже в море.

5. *«В лето 6931 (1423 год). Было знамение в солнце».*

— Но в этом году два солнечных затмения были в январе и июле на противоположной стороне земли. Отметка эта может относиться только к затмению солнца 26 июня 1424 года, годом позднее. Начавшись около Калифорнии, полоса его полной видимости прошла в полдень около Гренландии, и в вечернее время пересекла Европейскую Россию, окончившись в Персии.

А из лунных затмений в «Продолжении Новгородской летописи» отмечено только:

1. *«В лето 6968 (1360 год). В Филиппов пост (т.е. от 14 ноября по 25 декабря) было знамение... Как бы темною кровью покрывся на чистом небе диск луны...»*

— Но в 1360 году было в указанный промежуток только одно лунное затмение 23 ноября 1360 года, сверхполное (13"5) в 14 часов 51 минуту Гринвичского дня, а по Новгородскому времени это было около 5 часов вечера, т. е., видимо, на восходящей луне вслед за закатом солнца. В следующем, 1361 году не было ни одного лунного затмения, а в предшествовавшем 1359 году было лишь неудовлетворительное 5 декабря в 7 часов 15 минут от Гринвичской полуночи, а по Новгородскому времени после 9 часов утра, когда солнце уже взошло, а луна зашла.

Резюмируя это все на табличке IX и снова стараясь определить по ней, с какого месяца автор «Продолжения Новгородской летописи» считал начало своего года, мы видим:

1. Июль (№1 и 4), октябрь (№3) и ноябрь (№5) совпадают с январским годом, а январь (№2) летописи отстал на год, т.е. автор не считал по январскому году, если в № 2 не ошибка записи, вставленной потом.

2. Сентябрьский счет не подошел три раза по сентябрьскому наложению Б и не подошел два раза (Н) по обоим сентябрьским возмож-

ным наложениям А и Б.

Значит, автор «Продолжения» исследуемой нами Новгородской летописи не считал свои года по сентябрьскому началу, иначе он не путал бы наложения А и наложения Б соответственно сдвигам летоисчисления на год взад и вперед.

Автор брал затмения из первоисточников, написанных по мартовскому началу года, так как во всех случаях наложение А на наш январский год вышло удовлетворительно (У). Но возможно и то, что он тут перевел уже мартовский счет на январский по наложению А (табл. I), также, как и в той части, которая считается за основную «Новгородскую летопись по синодальному хартийному списку».

Таблица IX. Согласуемость дат, приведенных в «Продолжении Новгородской Летописи» для солнечных и лунных затмений со счетом начала года с Января, с Сентября и с Марта

Дано в летописи	Вычислено	Моя поправка	Сентябрь-	Мартов-
-----------------	-----------	--------------	-----------	---------

си в го- дах от «сотво- рения мира»	мною в юлиан- ских годах январ- ского начала (и в христи- анских-)	<i>к дате</i>	ский год нач. Б — нач. А	ский год нач. Б — нач. А
---	---	---------------	--------------------------------------	--------------------------------------

Солнечные затмения

1. 6883 (1375)- VII-29	1375- VII-29	0	Е Н	Н Е
2. 6893 (1385)-I- 1	1386-I-1		Н Е	Н Е
3. 6907 (1399)- X-29	1399-X- 29	0	Н Е	Н Е
4. 6923 (1415)- VII-7	1415- VII-7	0	Е Н	Н Е
5. 6931 (1423)-?- ?	1424-VI- 26	+1?	Н? Е?	Н? Н?

Лунное затмение

6. 6868 (1360)— осень	1360-XI- 23	0	Н Е	Н Е
-----------------------------	----------------	---	-----	-----

Е — значит есть удовлетворяющее решение; Н — нет удовлетворяющего решения; 0 — дата летописи удовлетворяет прямо по январскому Юлианскому календарю.

Интересно, что к тем же выводам о мартовском начале года у русских летописцев, какие я сделал астрономическим путем, пришел еще задолго до меня и Карамзин путем непосредственного сличения летописных дат. Об этом мало известно потому, что он их спрятал в примечаниях и не сделал соответствующих выводов, так что и до сих пор археографы переводят летописный счет на наш январский по осеннему наложению.

Так, цитируя «Летописи Нестора», Карамзин в примечании 50 ко II-му тому «Истории Государства Российского» говорит:

1. «Изяслав, по известию летописца (Нестора) ушел из Киева, сентября 15 в 6576 (=1068) году, а возвратился в столицу через семь ме-

сцезев, мая 2, в 6577 (=1069) году. А это случилось бы не в двух, а в одном году, если бы год начинался с сентября».

2. «В 6621 (=1114) году умер Давид мая 25, и в то же лето ноября 3 преставилась Янка: следовательно, новый год не был начинаем с сентября».

Эти выводы Карамзина, с уже выше перечисленными, дают основания думать, что уния с Римом была уже и тогда, а потому все шансы за то, что и «Владимир святой», умерший в 1015 году, всего за 54 года до того, тоже крестился по латинскому, а не греческому обряду: ведь календарь есть основа религиозных празднеств.

Напоминаю, что в западной Европе считали в то время год именно с весны и стали переходить к январскому началу, вероятно, лишь при декретировании папою Григорием XIII в 1582 году Григорианского календаря[17].

О только что изложенных карамзинских соображениях я узнал уже после того, как сам астрономическим путем пришел к выводу о весеннем начале года у русских летописцев от их начала и до конца XV века нашей эры.

А другие исследователи очевидно недостаточно оценили эти указания, может быть потому, что они приютились у Карамзина лишь в нескольких «примечаниях». Все это показывает, что ни сам Карамзин и ни его читатели не понимали огромного значения его открытия, как опровергающего самое основное из сложившихся у нас представлений: о византийском начале и характере русской государственности и культуры в средние века. По изложению его же самого, не говоря уже об «историках православной церкви», русское христианство от начала своего носило так сказать греческую рясу, а после этого открытия выходит, что оно отделилось от папской курии лишь при Иоанне III и жене его гречанке Софии Палеолог в 1492 году.

Глава IV. Кометы в русских летописях **[18]**

Первое известие о комете мы находим в Лаврентьевском списке, когда комета Галлея в 912 году прошла через перигелий 12 июля. Более ранних комет вообще не указано в русских летописях. Вот оно:

«В лето 6419 (т. е. в 911 году по нашему).

Явися звезда велика на западе, копейным образом».

Татищев приводит это в несколько иной редакции:

«В лето 6419 (911). Явися звезда велика на западе, яко куст».

Но сравнение звезды с кустом явилось вследствие недоразумения. В рукописи Татищева мы читаем: «явися звезда велика на западе купинным образом», а «купина» значит по-славянски «куст» (стр. 127). Но тут в оригинале, очевидно, было просто неразборчиво написанное слово «копийный» (т. е. копьевой) и оно было переделано переписчиком Радзивилловского списка в купинный, что и воспроизвел Татищев.

А в хронике Георгия Амартола под 912 годом мы читаем в греческом тексте:

«При этом появилась звезда-комета на западе, которую, говорят, назвали копьем (κσπίς), и она провозвещает кровопролитие в городе»[19].

В древне-русском переводе хроники Амартола это место переделано так:

«При сем звезда явися велиа от запада, ко-

пищицей (ее) нарицали. Та звезда кровопролитие прознаменует»[20].

Таким образом, сообщение Лаврентьевской летописи о том, что «явися звезда велика на западе копийным образом», не есть современная событию запись. Все это сообщение взято из славянского перевода хроники Амартола о комете 912 года, значит это уже поздняя запись, а не летописная.

При таком допущении становится вполне понятным и факт умолчания в нашей «Начальной летописи» о следующем появлении кометы Галлея в 989 году. Если бы мы имели перед собою оригинальную запись о событиях, то вряд ли появление блестящей кометы осенью 989 года, отмеченное и у арабского историка Эльмацина, и у Ликосфена, и у Барония, и в Китайских хрониках, могло пройти бесследно для русских наблюдателей. Очевидно, записи о кометах в русских летописях тоже начинаются позднее. Это подтверждается и ошибкой на два года в записи о следующем эффектном появлении кометы Галлея в марте 1066 года.

В Лаврентьевской летописи читаем:

«В лето 6572 (т. е. в 1064 году вместо 1066) бысть знаменье, звезда превелика, луче имущи якы кровавы, всходящи с вечера по заходе солнечном, и пребысть 7 дней. Се оке проявляше не на добро: посем бо быша усобице много и нашествие поганых на Руськую землю, си бо звезда бе акы кровава, проявляющи кровипролитье».

В Англии комета сияла с начала апреля до конца мая. В Константинополе и на Востоке ее заметили в начале мая; греки наблюдали ее 40 дней, итальянцы и немцы 20-30 дней, комета была утренней, а 24-го стала вечерней и следовала за солнцем. К началу мая она не заходила до зари и 40 дней двигалась к востоку.

Она произвела такое огромное впечатление повсюду, что если б летописи в XI веке у нас велись своевременно, по мере событий, то несомненно, это небесное явление было бы расписано на целых страницах и притом без ошибки даже на один год.

Отсюда мы видим, что в «Начальной летописи» обе записи о комете Галлея взяты уже позднее и вставлены в нее по иностранным

описаниям.

Но, вот, перешагнем через «Нестора» к его, якобы, продолжателям, а на самом деле — первым летописцам, после 1111 года, т.е. со времени Владимира Мономаха, и мы находим вполне верные записи.

В Ипатьевской летописи имеется следующая запись:

«В лето 6653 (1145 по нашему). ... Всеволод по братью свою, по Игорю и Святослава, и по Давидовича, по Володимира и Изя-слава, и придоша Киеву; и тогда явися звезда превелика на западе, испущающа лучи...»

Дальнейшие строки в летописи, к сожалению, испорчены, вероятно, чтоб скрыть какую-нибудь слишком явную чепуху. Но и без них ясно, что тут фигурирует комета Галлея, прошедшая через перигелий 29 апреля 1145 года, которая до 14 мая была в утренней, а после в вечерней видимости.

Затем в Лаврентьевской летописи имеется следующая запись:

«В лето 6731 (т. е. по нашему 1222, а с византийского начала года, с сентября, это было уже начало 1223 года) явилася звезда на запа-

де, и были от нея два луча не в зрак человеком, но яко в полуденью, по два луча восходящи с вечера по заходе солнечном, и была она величеством паче инех звезд; и пребыла тако 7 дней, и после 7 дней явились лучи от нея ко востоку, пребыла она так 4 дня, и стала невидима».

Опять очень правильное описание появления кометы Галлея в 1222 году, прошедшей через перигелий 15 сентября. И тоже можно сказать о следующем появлении, когда она проходила через перигелий 22 октября 1301 года.

В Лаврентьевской летописи под 6810 год (т. е. 1302 года по сентябрьскому византийскому счету и 1301 по нашему январскому) сказано:

«Того оке лета во осенени явилася звезда на западе, имуща лучи и хвост к горе (кверху) к полуденью лицом».

В Никоновской летописи находим почти тоже описание в следующей редакции:

«Того же лета 6810 (=1302) бысть знамение на небеси: явилася звезда на запади, испущая лучи вверх, яко хвост, к полудню ниц».

А в прибавлении к Ипатьевской летописи

(так называемой Густинской) находим под тем же 6810 годом краткое замечание:

«Явилася звезда страшная, светящая (на западе) и лучи испускающая».

Но вот и странное упущение.

Следующее появление кометы Галлея было в 1378 году, когда она прошла через перигелий 8 ноября. Это было при хороших условиях видимости. По китайским хроникам Ше-Ке и Ма-Туан-Линь комета наблюдалась 45 дней и 26-го сентября была на северо-востоке между Возничим и Тельцом, восходя, таким образом, в 11 часу ночи. Несколько раньше она должна была появляться перед «раннею зарею». Позже она стала незаходящим светилом, прошла через Б. Медведицу и Дракона, а затем в ноябре перешла на запад, где постепенно скрылась в лучах зари среди звезд Змия. И вдруг мы ее не находим ни в одной из рукописей-хроник под этим годом, а оказывается она ошибочно вставленной через 4 года, и притом в явно искаженном виде.

Под 6890 годом (т. е. в 1382 году по нашему) в IV-ю Новгородскую летопись вписана целая повесть «О пленении и о происхождении Тах-

тамыша царя из Золотой орды» и о «московском взятии». Она прямо начинается с описания наблюдавшейся перед этим кометы:

«Бысть некое проявление. По многие нощи являшеся таковое знамение на небеси: на востоке, перед раннюю зарю, звезда некая аки хвостата и яко копейным, образом. Овогда (она явилась на) вечерней заре, овогда оне на утренней, тоже многажды бываше. Се же знамение проявляше злое пришествие Тахтамышево на Русскую землю, и горькое поганых Татар нахождение на крестъяны».

Подобным же образом начинается эта повесть в Псковской 1-й, и Воскресенской летописях, и в летописи Авраамки. В Тверской летописи отмечено и время года, когда появилась комета: *«той же зимой знамение проявилось на востоке».*

В западно-европейских хрониках она связывается с опустошением турками Боснии, Кроации и Иллирии и с последовавшей сильной чумой.

В Воскресенской летописи, кроме указанного описания, есть еще под предшествовав-

шим 6889 годом (т.е. в 1381 по нашему) другое описание кометы: *«тое же зимы и тоя же весны явльшися некое знамение на небеси; на востоце, пред раннюю зарю аки столп огнен и звезда копейным образом»*. Это же известие имеется и в Никольской летописи с добавлением: *«Се оке проявляше на Русскую землю злое пришествие Тохта-мышево и горкое поганых нахождение»*; подробности описания не позволяют усомниться, что все оно относится к появлению кометы Галлея в 1378 году, а между тем, оно вместе со сказкой о Тохтамыше попало в 1382 год. Отсюда ясно, что и легенда о Тохтамыше, царе Золотой Орды, отнявшем престол у Мамаю и, будто бы, ограбившем Москву в 1382 году, позднейшая вставка. Значит, является подозрительным и то, что он начал войну с Тамерланом в 1406 году.

Не менее странно и отсутствие записей в русских летописях следующего появления кометы Галлея, прошедшей через перигелий 8 июня 1456 года.

Появление ее в этом году вскоре после падения Константинополя (1453) навело ужас

на всю Европу. Христиане видели в ней турецкую изогнутую саблю, а турки — крест. Особенно эффектна она была тогда потому, что во время перигелия проходила очень близко от солнца и земли. Хвост ее тянулся на 60 град., величина и вид ее менялись, причем он напоминал хвост павлина, в котором насчитывали до 30, иногда даже 100 разветвлений.

И вот, при всем своем великолепии и грандиозности это появление Галлеевой кометы совсем не попало в русские летописи. А в западноевропейских она фигурирует повсюду. О ней говорят и Функциус, и Кальвициус, и Эксторлиус, и Риччиоли, а папа Калликст велел по всем церквам служить молебны об ее уходе. Султан Магомет II осаждал в это время Белград, защищаемый Иоанном Гуниядом. Как же было бы возможно летописцу, наблюдавшему ее с ужасом много ночей, не посвятить ей целых страниц?

Значит, никаких самостоятельных летописей и не велось в это время. Предполагать, что она была невидима по причине «белых ночей» можно только для северной, а никак

не для средней России.

Но вот, наконец, правильное и на этот раз, несомненно, самостоятельное наблюдение кометы Галлея, прошедшей через перигелий 26 августа 1531 года. В Воскресенской летописи имеется следующая запись:

«7039 (по нашему 1531). Того оке лета, августа, явлъшеся звезда велиа над летним восходом солнечным по многиа зари утренниа, лучь сияше от неа вверх велий, а идя (шла,) не по обычному течению на полуночную страну; и последи, того же месяца, явлъшеся та же звезда в вечерний зари по захождении солнечном червленым (красным,) образом, и лучь от нея смаше червлен вверх же над летним западом».

В Китае комету эту увидели за три недели до перигелия 5 августа, в созвездии Близнецов, которое восходит действительно над «летним восходом солнечным», потом она прошла через Большую Медведицу и Волосы Вероники, действительно «идя не по обычному течению (звезд) на полуночную страну, где находится Медведица». Потом она направилась к созвездию Девы, в котором бывает

солнце в сентябре, где комета и явилась еще в конце августа в лучах вечерней зари, окрасившей ее в красный цвет, причем хвост ее простирался над «летним западом», т. е. был отклонен к северо-западу.

Этим я и закончу упоминания о комете Галлея в русских летописях до 1600 года нашей эры. Мы видим, что она указывает нам не только на отсутствие записей о ней «Начальной летописи Нестора», но подвергает сомнению и подлинность записей его «продолжателей», в которых или отсутствуют самые эффектные ее проявления, которые не могли не быть отмечены настоящим летописцем, или они сдвинуты со своих лет, что свидетельствует об очень позднем времени их внесения после появления.

Но в летописях есть записи и о других кометах, и если мы сопоставим их присутствие у «продолжателей» с отсутствием их в «Начальной летописи», то получим по принятому уже нами образцу следующую схему (табл. X).

Чтобы иметь понятие о качественном характере и других записей о кометах, я приво-

жу их буквальные описания.

1) В Лаврентьевской летописи под 6536 году (1028 по нашему) читаем:

«Знаменье (змиево) явися на небеси, яко видети всей земле».

Слово «змиево» сохранилось только в одном из списков. В Тверской летописи эта запись отнесена к 6535 году (1027 по нашему). Астроном К. Д. Покровский[21] в своем исследовании даже и не останавливается на этом самом древнем упоминании, считая наиболее правдоподобным, что здесь речь идет не о комете (так как кометы в летописях носят названия мечей или копий, но никогда змиев), а о метеорите, так как метеориты действительно и назывались в летописях огненными змиями. А в данном случае мнение Покровского подтверждается и тем, что в иностранных записях в этом году комет не значится. То обстоятельство, что во многих копиях-вариантах слово «змиево» отсутствует, легко объясняется последующей чисткой, когда «змии на небе» стали уже не в моде.

2) Точно то же можно сказать и о цитате Татищева, взятой им из какой-то неизвестной

нам записи[22].

Там под 6608 (1100) годом мы читаем:

«А зимою видели на севере звезду с хвостом великим протяженным к западу, вверх поднятый, и был, черен».

А в примечании к этому месту написано: *«Ликостен сказует год 1099, можете быть едино».* И это самое указание на Ликосфенову латинскую «Хронику знамений и чудес» наводит на размышление, не пользовался ли ею Татищев, когда доставало ему русских летописей?

Во всяком случае, относительно появления в 1100 году какой-нибудь кометы нет достоверного известия ни в западных хрониках, ни в вывезенных из Китая миссионерами Майля и Гобилем. У Лерша эта комета прямо обозначена как мнимая комета, а у Пингре под 1099 просто ссылка на Вебера. Да и самой рукописи Татищева под 1100 и смежными годами такого текста нет. Откуда же он попал в печатное издание его книги?

3) У Татищева же под 6613 (1105) годом мы читаем:

«Тогож лета явилась комета с хвостом, и

видна была целый месяц»,

А в объяснении к этому месту (прим. 343) находится: *«сию комету Ликостен 1106 положил, в чем разность токмо от разности начала года».*

И вот сам Карамзин в примечании 204 ко II тому своей «Истории» замечает: «Татищев, имев у себя перевод Ликостенова Хроникона [23], знал, что в 1106 году февраля 5, явилась комета, и потому единственно и пишет об ней в своей истории. Наши летописцы не заметили сей кометы, говоря здесь только о северных сияниях и пр.».

И Карамзин совершенно прав.

Но вот в дошедших до нас списках Ипатьевской и Хлебниковской копии «Начальной летописи», а также в Густинской под 6613 (1105) годом мы опять читаем буквальное повторение выдумки Татищева:

«Тем оке летом явися звезда с хвостом на западе, и стоя месяца».

Выходит как будто, что и они уже пользовались книгой Ликосфена, чтобы «возстановить» по ней древнейшую русскую «летопись Нестора», самое имя которого значит «возвра-

щенец с того света».

Что же мы видим? Не только солнечные и лунные затмения отсутствуют в псевдо-Несторовой или Сильвестровой псевдолетописи, но и кометы вписаны в нее апокрифически из греческого Георгия Амартола, а то и из латинского Ликосфена. И вписаны они совсем без суеверных сопоставлений.

Совершенно не то после воображаемой смерти Нестора или Сильвестра в 1111 году, когда начали, якобы, продолжатели его, а на самом деле писать первые летописцы. Вот первая их комета.

В Ипатьевской летописи под 6773 годом (1265 по нашему) мы читаем:

«Явися звезда на востоце хвостатая, образом страшным, испущающе от себя луче велики, си же звезда наречается власатая (явный перевод с латинского названия „комета“ — волосатая); от видения же сея звезды страх объя вся человеки и ужасъ, хитрици же смотревше тако рекоша: „оже мятежь велик будешь в земли“, но Бог спасе своею волею и не бысть ничтоже».

Да и в Густинской летописи под 6772 годом

(1264 по нашему) читаем о ней же:

«Явися звезда страшная, светящи чрез месяцей три, луча ко полудню испущающи».

И действительно, в 1264 году наблюдалась яркая комета, отмеченная многими западными хрониками, и светила в течение 3 месяцев — июля, августа и сентября (т. е. началась в 1264 и кончилась в начале 1265 года, считавшегося на Руси с сентября).

Но вот и в списке комет у Лерша, в выписке из хроники Мартина, и эта комета описана в выражениях настолько сходных с теми, которые имеются в Ипатьевской летописи, что является сильное подозрение о заимствовании[24].

Но вот и другой вариант, отмеченный годом позднее.

В Густинской летописи под 6774 годом (1266 по нашему) читаем:

«Тоей ж зимы явися звезда, а хвостата, по тринадцать нощй».

И в Тверской под тем же годом:

«Тоя оке зими явися звезда на западе, и бе от неа луча долга, яко хвост, к полуденной стране, пребысть нощей 13, и паки не видена».

бысть посемъ».

Допускать ошибку на один или два года, думать, что речь идет о комете, предшествовавшей 1264 года, здесь нельзя, потому что и время появления, и положение обеих комет на небе различное.

Точно также нельзя связать эту комету с яркой кометой 1265 года и с сомнительной кометой 1266 года. А потому и запись эта должна считаться внесенной откуда-то в летопись уже много позднее.

В Симеоновской летописи под 6875 годом (1367 по нашему) читаем:

«Тое оке осени и тое оке зимы на показание по многим вечера и по многи ноци явися звезда копейным образом. Се оке проявление бывает не просто, ни в прибыток».

В Воскресенской под тем же годом:

«Тое же осени и тоя оке зимы явися звезда хвостата».

В летописи Авраамки уже под 6876 (т. е. 1368 по нашему) после событий, имевших место зимою, кратко отмечено: *«тогда явися звезда хвостата».* В Новгородской IV тоже под

6876 году (1368 по нашему) сказано: *«явися звезда хвостата, а на осень ходил ратью к Тфери князь Дмитрий Иванович»*. В Никоновской под 6876 (1368): *«того же лета явися звезда хвостата»*. Быть может, записи об этой же комете, сделанные в летописях Авраамки, Новгородской IV и Никоновской с указанием времени года и подробностей, проставлены позднейшими сводчиками под следующим 6876 (1368) годом, что и дало повод Карамзину, а вслед за ним и Покровскому, отнести их к комете 1368 года, но она наблюдалась совсем в другие месяца[25]. Опять выходит позднейшая вставка.

В Новгородской I летописи и в летописи Авраамки под 6910 годом (1402 по нашему) читаем:

«Явися знамение на небеси, звезда хвостата, на западе лучь имуще светел; и пребысть месяц март весь».

В Новгородской IV под тем же годом:

«В великое говение месяца марта, явишеся некое знамение на небеси: в вечернюю зарю, на западе, звезда немала аки копейным образом, верху же ея аки лучь сияше, иже на востоце

восходящи и на западе летнем являшеся, юже видехом весь той месяцъ тако восходящу».

В Софийской II летописи под 6910 (1402) годом все это переписано:

«месяца марта, являшеся на западе, в вечней заре, звезда немала копейным образом, верху оке ея аки луча сияше, на востоке восходящими, на летнем западе являшеся по 12 дний».

В Воскресенской летописи:

«Знамение. В лето 6910, месяца марта, явлъшеся, на западе, в вечернюю зарю, звезда немала копейным образом, верху же ея аки лучъ сияше, на востоце восходящими и на летнем западе явлъшеся, юже видехом по 12 дней тако восходящу и сияющу».

В Никоновской под тем же 6910 (1402) годом:

«Знамение. Тое же зимы в Великое говенье, месяца Марта, явися знамение на западе, в вечерней зари, звезда велика зело копейным образом, верху лучъ велик сияшо, обходящи, юже видехом за дванадесять дний на востоце восходящему и на западе летнем в вечерней заре

*сияшу; се убо прояви знамение, понеже възста-
шаязыци воеватеса друг на друга...»*

В Псковской 1 летописи под 6911 (1403) го-
дом:

*«Явися звезда хвостата на западной сторо-
не, месяца февраля, а погиге месяца марта, в
Вербную субботу».*

В дополнение к указанным здесь местам
об этой комете необходимо еще привести
описания ее из других летописей, заключаю-
щие еще большие подробности; так, в Псков-
ской II летописи под 6911 (1403) годом чита-
ем:

*«явися звезда хвостата, на западной стра-
не, и восходяще с прочими звездами от свадеб
до вербной субботы; и тако погыбе».*

А в Суздальской летописи (ПСРЛ t.XVII) под
6910 (1402) годом читаем:

*«Во великое говение месяца марта знаме-
ние было на небеси: явилася в вечернюю зарю
на западе великая, аки копейным образом,
вверху же ея яко лучи сияли иже востоце вос-
ходящи на западе летнемь, иже видихом все
говение великое в пятницу великую, и шла та
звезда весь день пред солнцем, еси мы видели*

ея идущу».

Эту комету видели днем также и на Западе, по свидетельству многих хроник, как цитирует и Араго в его «Общепонятной Астрономии», (т. II, с. 237): «комета была столь ярка, что солнечный свет, в конце марта, не препятствовал видеть, в самый полдень, ее ядро и даже хвост, на расстоянии двух сажень».

* * *

Я не пишу здесь специальной хроники комет. Она уже была дана мною в VI томе «Христа», и потому ограничиваюсь сказанным. Этого достаточно для нашей цели. Мы видим, что и кометные записи начались в русских летописях самостоятельно только в так называемых «продолжениях Никона», а в прежних материалах, сводку которых будто бы сделали Никон и Сильвестр до 1111 года, никаких записей о кометах, солнечных и лунных затмениях не было, а, следовательно, не было и никаких других национальных хроникерских записей. Другими словами, то, что мы называли до сих пор «продолжениями», было на самом деле началами, а то, что мы называли Начальной Летописью — вплоть до

Владимира Мономаха — миф, имеющий лишь внешность летописи. И составлен этот миф был, очевидно, уже значительно позднее того, как первые правильные записи, начавшиеся уже после 1111 года, послужили к созданию Русской истории и ее понадобилось углублять, чтоб возвеличить свое государство, «из любви к отечеству и народной гордости», как писал наш основной историограф Карамзин.

Таблица X. Наглядное статистическое сопоставление комет, показанных в «Начальной летописи», с кометами, описанными ее псевдопродолжателями (а на деле: первых летописцев)

«Продолжение Никоновой летописи»			«Никонова летопись»	
	1390		1120	850
1402	1400		1113	860
	1410	1145*	1140	870
	1420		1150	880
	1430		1160	890
	1440		1170	900

Нет!*	1450		1180	<912>*	910
1468	1460		1190		920
1472	1470		1200		930
	1480		1210		940
1490	1490	1222*	1220		950
1500?	1500		1230		960
	1510		1240		970
1520?	1520		1250	<989>*	980
1531	1530	1264	1260		990
1532	1540	1266?	1270		1000
1533	1550		1280		1010
1556	1560		1290		1020
	1570	1301*	1300		1030
1580	1580		1310		1040
	1590		1320		1050
	1600		1330	<1064! >*	1060
Нет!*	1610		1340	Вме- СТО	1070
1618	1620		1350	1066	1080
	1630	1366	1360		1090
	1640	1382?	1370		1100

Звездочками обозначены появления кометы Галлея, а точками другие кометы. В угловых скобках <*> появление кометы Галлея, заимствованные из византийских записей.

Отсутствие каких-либо сведений о крестовых походах и, особенно, об «освобождении гроба господня из рук неверных» 15 июня 1099 года не менее подтверждает этот наш астрономический вывод. Какой монах не возликовал бы по этому поводу и не посвятил бы этому дню не одной, а многих страниц как радостному событию для всего христианского мира?

И вдруг о первом крестовом походе ничего не известно его современнику Нестору или Сильвестру даже и в 1110 году, до которого он доводит свое повествование.

Но если он не знал о том, что происходило и гремело повсюду при нем, то как же он мог знать что-нибудь о призванном за 250 лет до него царе Рюрике, о Вещем Олеге (иначе Волеге), погибшем от своего коня, о жене Игоря

Ольге (иначе Вольге), о Владетеле мира Красном солнышке, сыне какого-то Святого и Славного царя (т. е. Святослава), окрестившем Русь еще за сто лет до Нестора? Не является ли это «Красное Солнышко» лишь простым солнечным мифом, из тех, каких мы видим без конца в сказаниях о начале всех народов?

Во всяком случае, так называемая «Начальная летопись» переходит, благодаря отсутствию в ней «небесных записей», целиком на положение позднего апокрифа, первоисточники которого уже после XIII века, и в представлениях о прошлом, существовавших, после того времени, как крестовые походы были забыты населением. А с этой точки зрения нам становится прямо необходимо исследовать и то, как отразилось в головах благочестивых монахов «продолжателей хроники Нестора» (уже описывавших довольно правильно небесные явления) такое грандиозное событие, бывшее на их глазах, как взятие крестоносцами в 1204 году духовной их столицы Царь-Града и установление там «богомерзкого» латинского богослужения вместо православного.

Предмет этот так захватывающе интересен, что я посвящаю ему особую главу. А здесь отмечу поразительное совпадение.

Взятие Царь-Града крестоносцами (1202 год) было ни более, ни менее как при Рюрике, на седьмом году его княжения над Русью в Киеве от 1195 по 1201 год. Правда, что его теперь называют Рюриком II, жившим, будто бы, через триста с лишком лет после первого мифического своего тезки, якобы основавшего русское государство, но сам-то второй Рюрик, конечно, и не подозревал, что он второй, а не первый, да и имени такого в христианских святцах нет, а только — у «варягов».

Все это так странно, что исследование крестовых походов по отражениям их в русских летописях того времени становится необходимым.

Часть первая. *Летописная история Руси*
Глава I. История русской истории.
Первые мнения о начале русского государства

В книге Константина Багрянородного «О фемах» и «О народах» в главе о путешествии росов (Ρωσ) из Росии (Ρωσιας) в Константино-

поль в моноксилах (μονοξυλων — лодка выдолбленная из одного бревна) дается название днепровских порогов. Вот это место.

«Прежде всего они приходят к первому порогу, нарекаемому Эссупи (Εσσυπη), что означает по-роски и по-славянски (Σχλαβηνιστι) „Не спи“ (μη χοιμασαι)... Когда они пройдут этот первый порог, то снова, забрав с суши прочих, отплывают и приходят к другому порогу, называемому по-роски Улворси (Ουλβορσι), а по-славянски Островунипрах (Οστροβουνιπραχ), что означает „Остров порога“ (το νησιον του φραγμου)... Подобным же образом минуют они и третий порог, называемый Геландри (Γελανδρι), что по-славянски означает „Шум порога“ (ηχος φραγμου), а затем так же — четвертый порог, огромный, нарекаемый по-роски Аифор (Αειφορ), по-славянски же Неасит (Νδασητ), так как в камнях порога гнездятся пеликаны... Подступив же к пятому порогу, называемого по-роски Варуфорос (Βαρουφορος), а по-славянски Вулинпрах (Βουληνιπραχ)... они достигают шестого порога, называемого по-роски Леанди (Λεαντι), а по-славянски Веручи (Βερουτζη), что означает

„Кипение воды“ (βρασμα νερου)... От него они отплывают к седьмому порогу, называемого по-русски Струкун (Στρουχουν), а по-славянски Напрези (Напреζη), что переводится как „Малый порог“ (μικρος φραυμος)».

Он дает описание семи крупнейших днепровских порогов, название которых, как считается, он дает в греческой транскрипции и с пояснением названий на греческий язык. В пяти случаях он предлагает по два названия, которые он называет «русским» и «славянским».

Пороги там называются по-русски не Теляндри и Варуфорос, а Волчье Горло, Ненасытец, Перун, Вольницкий, Звонецкий, Кайдацкий, Лоханский, Вольный и Будиловский.

Но пусть их прежние псевдорусские имена теперь забыты, и это нам все равно. Нам важно тут только их толкование Байером и Погодиным. Оставим пока в покое Теляндри и займемся Варуфоросом. Багрянородный говорит, что «Варуфорос» — это русское название порога, а по-славянски он называется «Вульнипраг». Последнее, славянское слово, истолковывается легко как Вольный порог (и таковой

есть), ну, а что же такое значит якобы русское его название Варуфорос? И Лерберг, и Байер, и Погодин отметили, конечно, что такого слова по-русски нет. А что же вывели они из этого? Руководясь своим уже предвзятым именем об основании Русского Царства на Днепре пришельцами из далекой заморской Скандинавии, они нашли, что в норвежском языке «*var*» значит — тихий, а «*fors*» — порог, а в сумме «Тихий порог». На основании этого якобы лингвистического следа, хотя шаг из Скандинавии на Днепр и был поистине гигантским, они пришли к выводу, что Варуфорос слово скандинавское, и, следовательно, грек Багрянородный назвал руссами ни кого иного, как киевских скандинавцев. Отсюда ясно, — не правда ли? — что русское государство (даже и в Украине) скандинавского происхождения.

Но, позвольте! — восклицаете вы, — какой же речной порог мог быть назван тихим, когда он по природе своей вечно шумит? Да и зачем было отправляться так далеко от Днепра за объяснением его имени, когда оно является общенародным много поближе, в Ви-

зантии? Ведь это же чисто греческое слово, с прекрасно подходящим для порога смыслом: УНОСЯЩЕМ ТЯЖЕСТИ[26].

Каким же образом историки-классики Лерберг, Байер, Погодин и другие не знали этого? Каким образом не знал греческого языка и сам греческий царь-писатель Константин Багрянородный? Ведь если книга его не апокрифический перевод с латинского, причем латинский автор действительно мог принять греческое слово Варуфорос за русское, то как объяснить такой промах? Неудивительно поэтому, что знаменитый критик середины XIX века Добролюбов высмеял это словопроизводство даже в стихах, говоря от имени Погодина в своем «Свистке»:

*Геляндри и Варуфорос,
Вот два моих столба,
На них мою теорию
Поставила Судьба!
Геляндри и Варуфорос,
Вот так сказать быки,
О кои обобьете вы
Напрасно кулаки!*

Да и всю норманскую теорию он справед-

ливо приравнял к бессознательному патриотическому порыву, восклицая тоже от имени Погодина:

*Какой-то чрезвычайной
Я силой обуян,
Мне шепчет голос тайный,
Что Рюрик был норман!*

И, действительно, кроме «тайного голоса» ничем нельзя установить скандинавско-норманской теории. Разочаровавшись в этом направлении, другие «словоохотливые» филологи, тоже забывая, что созвучным словам в различных языках можно придавать значение лишь тогда, когда они не только созвучны, но и осмысленны, пытались найти и другие объяснения «Порфирородным порогам».

Так Болтин в своих «Критических замечаниях на первый том Истории Российской князя Щербатова» пробовал с надеждой на успех производить имена их, поближе, с венгерского. Для порога Ульворси он подыскал в венгерском «ulo» — сидящий и «warsa» — верша.

Для Геляндри оказалось у него венгерское «helo» — урочище и «graga's» — дорогое, приятное, а порог Леанти оказался созвучным с

венгерским «leanu» — девушка. Конечно, нет ни малейшего сомнения, что происхождение южнорусского государства от венгерского завоевания географически правдоподобнее, чем от «призыва скандинавцев». Эверс не без основания говорил, что если б русское государство произошло от норманов, то в русском языке и до сих пор остались не десятки, а сотни не вызывающих сомнения слов норманского происхождения. И кроме того, почему в скандинавских сагах ни-Я не упоминается о таких национальных героях, какими были бы у них Рюрик и его братья?

Итак, и Скандинавия, и Исландия, и как будто даже Венгрия отпадают, но отпадают ли с нею и норманы вообще? Ведь имя норманы лишь тенденциозно навязано скандинавцам, так как и до сих пор Нормандией называется не Скандинавия, а северо-западная часть Франции, да и имя их третьего предводителя — Трувор — очень близко напоминает французское слово «trouveur», т.е. трубадур [27].

Правда, что легенда о начале государства производит его даже и не от норманов, а ва-

рягов, но слово «варяги» — скорее всего искаженное имя франки, перешедшее по-гречески в варанги и по русски в варяги[28], и это название «Варанги» (франки) приводит нас во Франкскую империю Карла Великого, которая в 843 году распалась на Францию, Германию и Италию. А ведь к этому же времени, к 862 году, относят и возникновение русского княжества с Рюриком, Синеусом и Трувором. Эти-то франки (при гулком восточном произношении «варанги» и затем «варяги») и могли быть скорее всего основателями Южно-Русского Государства со столицей в Киеве. А прежде всего такое событие могло произойти через посредство русинов в Венгрии.

«Варяги, — говорит Эверс[29], — покрыты густым мраком, и надежда осветить его исчезла тем более, чем различнее были перспективы, подсказываемые ложным светом этимологии. Эти „налагатели податей“ считались попеременно за голштинцев, шведов, пруссаков, французов, и в особенности за иордановых еваргов (от греческого евагрос — счастливый охотник (см. в „Исторических Изысканиях Королевского Научного о-ва в Ко-

пенгагене“, 280))». За голштинцев их считал Герберштейн («Rerum Moscovitarum auctores», 2, 3), за шведов — Ирэ («Glossarium sucogothic», II, 1069), за пруссаков — Коцебу («Древнейшая История Пруссии», 305), за французов — Тит Дион Кассий Коккеан (см. его перевод на немецкий язык Панцеля 1, 351). «Затем их считали за скандинавов, норманов, морских разбойников или вообще купцов, производя последнее от Waagenjager (т. е. охотник за товарами, поясним мы от себя, чтоб подчеркнуть курьез такого словопроизводства)»[30].

И Эверс справедливо заканчивает свое перечисление словами: «каждое из этих мнений уменьшает достоверность остальных, не увеличивая собственной».

Здесь дело осложняется еще и поздним их появлением. «Варяги, — говорит Шлецер, — упоминаются по-гречески только после 1100 года нашей эры (т.е. со времени крестовых походов)[31]. Они называются по-славянски варяги, что сближает их с фризами, появившимися на крайнем северо-востоке Германии в подчинении франкам». А мы прибавили к этому, что слово «фризы» созвучно с «париза-

ми», т. е. парижанами, как назывались не только жители Парижа, но и вообще французы в Библии,[32] и потому они едва ли были на востоке Германии основным народом, а не корпорацией миссионеров или духовных орденов. Мы отметим кстати, что австрийский орден Крестоносцев возник под именем Вифлеемского духовно-рыцарского ордена в Палестине еще в лето 1217 году по Богемии, Моравии, Силезии и Польше. Он был утвержден папою Григорием около 1238 года. Его гроссмейстер, командир и рядовые члены и называются «Крестоносцы красной звезды». Их гроссмейстер теперь находится в Праге.

К довершению всего слово **варяги** созвучно и со словом **валахи**, а Валахов греки смешивали с болгарами (по-византийски — волгары), и этому нельзя удивляться, так как оба имени происходят от того же самого слова Волга. Болгары значит волгари, а Валахи представляют испорченное Вологи, т. е. Волжцы. Никита Акоминат, давая очерк истории болгар до 1206 года, всегда называет их влахами.

Точно также и о готах.

Ведь и до сих пор мы имеем готический стиль в архитектуре и знаем, что это стиль германский. Отсюда проще всего выходит, что готы были германцы времен западно-римской империи Карла Великого.

Западные готы, говорит Иордан[33], т. е. Вест-Готы, приняты были по собственному желанию императором Валентином в 377 году в состав Римской империи и поселены во Фракии.

По выражению «поселены» мы ни в каком случае не должны нигде понимать в буквальном смысле, будто какой-то народ целиком привели откуда-то куда-то. Это обычная уловка старинных историков объяснить присутствие в данной местности какого-либо народа, а в действительности надо понимать, что тут и застали их первые исторические упоминания.

Все это относится и к только что упомянутым Валахам-варягам-болгарам. Несомненно, и они получили свое название не на современной нашей Волге, а на берегах Дуная. Но если так, то Дунай, т. е. Данная река, где кочующие народы платили дань[34] визан-

тийцам в своем нижнем течении первоначально и назывался Волгой или, как прежде писали, Вольгой (по-видимому, от библейского слова Фалег, т.е. пограничная река, откуда и русское: воля) стал Дон, тоже от слова dona — дары, а потом и современная нам — Волга.

Отсюда мы видим: до какой степени ненадежны наши представления о началах даже поздних государств, вроде русского, когда мы, бросив учебники, обратимся к первоисточникам. А что же сказать после этого о «древних царствах»?

Как образчик исторических курьезов я приведу еще народец Весь, которой образовался по недоразумению от выражения «весь народ». Так, Стриттер при исчислении Олегова войска вместо «все кривичи» читает «весь и кривичи», хотя Эверс (с. 57) и не соглашается позволить ему считать эту «весь» за «весь народ».

«Подобными курьезами полны наши первоисточники о началах всех народов и государств. Так, не шутя, нам говорят, что новгородский князь Владимир Ярославич (1052)

был женат на дочери графа Гаральда, сделавшегося в 1066 году английским королем (Эверс, 1, с. 47). Но разве какой-нибудь английский граф, не говоривший даже по-русски, отдал бы свою дочь за тысячи километров дикому князю, даже не говорящему по-немецки?»

Лишь с середины XV века начали вестись в России официальные летописи «приказными дьяками» — говорят нам сами наши историки. Это было почти одновременно с завоеванием Царь-Града турками (1453 году), а потому и надежные материалы для государственной истории России мы имеем только через 200 лет после окончания крестовых походов. К тому же времени относят впервые опубликований в 1802-1809 гг. перевод, выполненный Августом Шлецером, да и то по-немецки, «Несторовой Летописи» под названием: *Nestor Russiche Annalen*. Гёттинген, 1802-1809. Затем уже в 1809-1819 году перевел их Д. И. Языков и на русский язык, посвятив свой перевод императору Александру I. И к этому же времени, к самому концу XVIII века или к началу XIX, относится открытие «Лаврентьев-

ской Летописи» графом Мусиным-Пушкиным, поднесшим императору Александру I, который передал ее в Публичную Библиотеку. А издана она была окончательно только в 1846 году. И тем же Мусиным-Пушкиным в 1795 году открыта была и рукопись «Слово о полку Игореве», пропавшая во время оккупации Москвы Наполеоном в 1812 году.

Первая связная «История Государства Российского» со времени его воображаемого основания была составлена только Карамзиным, который в 1816-1825 гг. выпустил при субсидии правительства первые одиннадцать ее томов (а последний двенадцатый том вышел лишь в 1826 году после его смерти).

Правда, что и ранее его пытался изложить ее Татищев под названием «История Российская с самых древних времен до царя Михаила», опубликованная Миллером лишь после смерти автора в 1769-1774 гг., и, кроме того, князь Щербатов написал «Историю российскую с древнейших времен» в семи томах, вышедших в промежуток от 1770 по 1791 год, где он доводит повествование до 1610 года, но это были лишь как бы прологи к Карамзину.

А кто же послужил фундаментом всему этому историческому зданию?

Нам говорят, что — Нестор, но не тот Нестор-герой, который принимал участие в борьбе с центаврами, в походе аргонавтов и в Троянской войне, а будто бы Нестор-монах Киево-Печерского монастыря, умерший там около 1114 года после «рождества Христова». Но и это имя давно оспаривалось, и некоторые исследователи стали считать автором ее «Сильвестра, настоятеля Выдубицкого монастыря». А в конце XIX века все историки уже согласились, что ни тот, ни другой не могли быть авторами так называемой, но нигде не упоминаемой в первоисточниках и никем не виданной до сих пор, «Начальной летописи Государства Российского», которой, конечно, должен был пользоваться Нестор, хотя и пишет везде от себя, так как иначе она чистая фантазия, тем более, что представляет собою нечто вроде хрестоматии, в которую вошли и договоры с греками, и поученья моральные и повествование о «начале Руси», положенном будто бы в Великом Новгороде Рюриком-варягом из племени Русь в 862 году, в начале цар-

ствования Михаила Пьяницы в Византии, говоря:

«В лето 6860, 15 день индикта наченшу Михаилу царствовати начася прозывати Русская земля».

Дальнейшие династические события Российского государства автор ведет год за годом вплоть до 1110 года, т. е. до времени Владимира Мономаха (1093-1125). Эту рукопись никак нельзя считать за подлог нового времени, потому что к XIX веку было найдено несколько ее вариантов, древнейшими из которых считаются «Ипатьевский» список, написанный, как думают, в начале XV века, и «Лаврентьевский», помеченный 1377 годом, которым пользуюсь здесь я.

Но как бы много ни было найдено таких копий, однако, благодаря тому, что в них говорится уже о событиях XII века, поднимается вопрос: каким образом автор, живя в киевском монастыре в XII веке, мог знать то, что было в 862 году в Великом Новгороде, при огромной трудности тогдашних путей сообщения и полной безграмотности всей страны? Ответ здесь может быть только один: не

мог никак. А потому и вся «Нестерова Летопись» есть простое сочинительство.

Поскольку же Нестор является автором необоснованного тезиса о скандинавской колонизации Руси, следует более внимательно рассмотреть причины его возникновения и закрепления в истории России. Вот с чего начинается скандинавская версия.

«Пошли послы за море к варягам, к Руси, как зовут тех варягов русью, как иные зовутся свеями (шведами), иные — урманями (германцами), иные — англами, иные готами. Так и эти сказали Руси, Чудь, словяне, кривичи и все: „земля наша велика и обильна, а порядку в ней нет. Придите княжить и владеть нами“ [35].

Основоположник псевдо-критической (а никак не научной) истории Русского Государства Шлецер нисколько не удивляется тому противоречию, что в другом месте говорится, будто бы за три года перед этим те же варяги были, наоборот, изгнаны. Вот буквальные слова автора: „В 859 году варяги были изгнаны, в 862 призваны опять (Нестор, 11, 100, в извлечении из сп. Архива)“.

— Что же тут необыкновенного? — спрашивает Шлецер сам себя, и отвечает себе:

— Точно тоже сделали в 499 году бритты с Генстом и Горсом (Шлецеров „Нестор“, II, 187), и то же сделало в 91 году французское правительство с Горсом[36].

Но вот и продолжение Нестора:

„И избрались от немцев[37] три брата с родными своими и взяли себе всю Русь и пришли прежде к славянам и срубили город Ладогу. И сел в Ладоге старший Рюрик, второй — Синеус на Белом Озере, а третий — Трувор в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля Новгород“[38].

(Наиболее остроумным из всех этих словопроизводств я считаю созвучие имен Рюрик, Синеус и Трувор с германской фразой переводимой, как Рурское царство, его династия и верное воинство).

Если мы будем рассматривать каждое имя самостоятельно, то приходится признать, что на западно-европейских языках они не имеют смысла, значит пришли из чужой страны. Считаю, что это занесено из Византии.

Название „немцы“ тут мало смутило исто-

риков, допустивших, что немцами у русских летописцев назывались все не говорившие на их языке. А для определения национальности трех пришедших княжить и владеть Русью, поступили так: Рюрик, — говорили, — скандинавское имя. Оно происходит вовсе не от имени Рурикия Помпеянина, византийского полководца, сражавшегося будто бы в 312 году с Константином Великим за Лициния, от скандинавского имени Грорекур, Рорек, Рорикррь, Рюрик я допускаю происхождение имени Рюрик от византийского слова „рюорика“ — царь спаситель. Имя Трувор всего созвучнее с французским Трувер (trouveur), т.е. трубадур, как я уже говорил, и это кстати дает и осмысленное значение. А имя Синеус никак не укладывается ни в какие другие языки кроме греческого, где Синеус значит доблестный. И мне кажется, что это словопроизводство наиболее вероятно, так как не скандинавская, а византийская культура имела влияние на русскую. Припомним только, что большинство и современных наших имен — греческие. А словопроизводство Синеус вполне естественное, проявившееся, например, в сло-

вах: синтаксис (сопоставление), синтезис (сопоставление, сложение), синтетикос (сопоставляющий) и так без конца. Не раз уже показывал я, что все имена людей были первоначально лишь их прозвищами, имевшими значения на своем языке, и что созвучные слова на разных языках могут считаться имеющими общее происхождение лишь тогда, когда они не только созвучны, но и осмысленны. А при всех слово-производствах со скандинавских языков имена Рюрик, Синеус и Трувор (по-русски трубарь) бессмысленны. Лишь при моем отождествлении Трувора с французским Трувером, Рюрика с византийским Рюориком, Синеуса с греческим Син-Евсо получается подходящий смысл[39].

Догадка знаменитых лингвистов Михаэлиса и Бютнера, что библейский Навуходоносор был славянин, так как имя это созвучно с русским „Небу-угодный-царь“ (Эверс, 1, 7), гораздо убедительнее, чем все умозаключения романистов.

Итак, филология не доказывает скандинавского происхождения Новгородской Руси. А если возьмем южную Киевскую Русь, инте-

ресно, что наиболее культурный народ средних веков ромеи-византийцы производили ее от франков. Так, продолжатель Феофановой хроники, живший — говорят нам — около 963 года, пишет:

„Их (руссов) зовут кочевниками и производят от рода франков“[40].

И эту же самую фразу переписывает и Симеон Метафраст, относимый к 1140 году:

„Русские, — пишет он, — которых зовут кочевниками, производятся от рода франков“ [41].

Интересны отношения первоначальной Руси к хазарам (chozari, chazari, les khazars). „Они, — говорят нам, — совершенно исчезли с исторической сцены в X веке, и остатки их некоторые видят в крымских караимах“[42].

Но исчезновение целого народа, будто бы „простиравшегося до Индии“, может быть только в детском воображении. Вот почему, несмотря на уже обрисованную мною опасность руководиться случайными лингвистическими соображениями, я не могу не отметить, что венгерские конные войска вплоть до нашего времени назывались **гусарами**, ве-

роятно, от греческого — **кесари** (кайзеры), и что в подражание венгерским гусарам и в самой России известная часть конных войск получила имя гусары, а затем появились и **уланьы** (от еврейского ул — сильный, передовой, откуда, может быть и аланы). Таким образом и дань, которую платили южные руссы хазарам, была скорее всего дань венгерским гусарам, или просто „кесарю“. А морем хазарским в таком случае окажется, может быть, не Каспийское, куда впадает наша Волга, а Черное, в которое впадает первичная Волга-Дунай, до которого легко могла простираться в X веке и венгерская власть.

Говоря о древнейших следах имени России, Густав Эверс, между прочим, отмечает [43], что слова Библии о „Россах“ (Иезекиил, 38.2) в старину считались относящимися к Русским.

„Многие славнейшие писатели, — говорит он, — от Иона-тана бен Узеля до Мартина Лютера, хотя и почитали слово Рос именем нарицательным, однако думали, что (Иезекиил) тут разумеет русский народ, существовавший таким образом почти за 600 лет до

Христа. И сие тем вероятнее, что также думали почти 300 лет спустя Александрийские переводчики его пророчеств и писали это имя, как встречается у византийцев имя русских: R с (Рос). Что побудило бы их к тому, как не сведенье о таком народе?“

Но если тогда уже были россы, то где остались они до средних веков? Не узнаешь ли их в Роксоланах? Может быть!

И вот, основываясь на неправильном мнении, что книги Страбона, Птолемея и т. д. очень древние, Эверс говорит:

„Роксолане[44] с первого столетия по Христе представляются нам как главнейший народ на севере непосредственно у Черного моря (хорош СЕВЕР!) между Азовским его разливом и Днепром“. И он ссыпается на Страбона[45], Плиния[46], Тацита[47], Птолемея[48], Диона-кассия[49], Аммиана-Марцеллина[50] и прибавляет, что также и Спартиан, и Требеллий Поллион, и Флавий Вописк, и Юлий Капитолин, говорят о Роксоланах как о всем известном народе, „не давая их имени ни малейших пояснений“, что было бы неизбежно, если б в их время о русских мало знали».

Но куда же затем делись и эти роксоланы? Вот как отвечает на это Эверс:

«Когда готы (т. е. немцы) мало по малу стали двигаться от берегов Вислы к Карпатским горам и, наконец, заняли страну на север от Черного моря, от Тейсы до Дона, тогда роксоланы, лишенные островами независимости, должны (??) были исчезнуть (!!!) из Византии (И, 15)».

Но почему же исчезнуть? Ответа нет.

Руководствуясь Скалигеровой хронологией Эверс относит это чудо к началу III века «от Христа», а с нашей точки зрения, приняв во внимание, что у Иезекиила уже показывается их столица Москва (основанная в 1147 году [51]), все эти упоминания не ранее возвышения Московского государства.

И в этом в настоящее время не может быть даже и сомнения. Арабский писатель X века Ибн-Фадлан[52] дает даже подробнее описание Руссов у реки «Волги» по той же самой транскрипции, как и в Библии. Об этом же народе говорит и Гаммер[53], а о Москве мы читаем не только у Иезекиила[54], но и в книге Бытие (10), и в Паралипоменоне (1.11.1.5), и

у Геродота (3.94; 7.48).

У всех еврейских средневековых ученых библейское имя Рош-Мосох обозначает Русь-Московию, да и сами Москвичи вплоть до Екатерины II писали в географических книгах, что Москва основана библейским патриархом Мосохом, внуком НОЯ.

Но это, конечно, доказывает не древность Руси-Московии, будто бы начавшейся вскоре после «всемирного потопа», а только новизну тех книг, в которых она упоминается.

Подразумевая под готами немцев-франков, а под роксоланами руссов, мы не можем не придти к заключению, что вышеупомянутое завладение готами Русью должно относиться не к началу III века нашей эры, а скорее к XIII веку, т. е. ко времени крестовых походов.

Роксолане у Плиния и Аммиана Марцеллина считаются соседями Алан, которых Прокопий считает тоже за готский, т.е. германский народ, а Аммиан Марцеллин называет их горными жителями[55]. Да и сами роксолане считаются Аммианом готами. Тацит же называет их Сарматами, а Страбон и Плиний — «жителями кибиток»[56]. Таким образом, все

приводит нас к заключению, что государственный строй начался в нашей Восточной Европе лишь около крестовых походов.

Теперь подумаем о древности и главных наших первоисточников о древней Руси.

«Нет, — говорит Эверс, — ни одного списка Несторовой летописи сколько мне известно без продолжения до 1203 года». (Густав Эверс, 11, 249).

Но ведь в это самое время крестоносцы взяли Константинополь и создали на месте Византийской Империи федерацию крестоносных государств, а в Киевской Руси воцарился как раз Рюрик (1195-1221), считаемый, правда, вторым, хотя его современники едва ли подозревали об этом!

«„Никонова летопись“ составлена, — продолжает Эверс, — лишь в XVI столетии[57]. Свое название получила она от первого своего владельца Патриарха Никона. Она продолжается до 1630 года и отменно сходствует в древнейшей истории с Патриаршим Списком, который оканчивается 549 годом». (Эверс, II, 245, прим. 5).

А о согласованности этих летописей с Ви-

зантийскими Записями того же времени автор выражается очень не лестно.

«Об Олеговом походе 907 года на Царь-Град, — говорит он, — упорно молчат все византийцы, хотя русские летописи описывают его очень подробно». (II, 258).

Остается только решить, с какого много более позднего похода, если не «россов», то юго-западных славян, списан этот миф.

Глава II. Общая характеристика русских летописей

До Петра I (т. е. почти до 1700 года) на русском языке не писали, а только на церковно-славянском литературном наречии, родственном словацкому. Первою книгою на русском языке до-Ломоносовского времени был перевод сочинения Леонарда Фронспергера «О военном деле», сделанный по повелению царя Алексея Михайловича во 2 году его царствования, т. е. в 1647 году, а первый опыт русской грамматики появился за границей по латыни под названием «H. W. Ludolfii Grammatica Rossica» (Oxonii, 1703).

Значит, и все памятники русской литературы до 1647 года должны обнаруживать при-

знаки влияния юго-западных славян, которые и являются, таким образом, нашими первыми учителями и культуртрегерами. В подтверждение этой точки зрения и русская летопись, носившая прежде название Несторовой, а теперь, после того, как И. С. Казанский в 1851 году впервые разжаловал Нестора из летописцев, называется просто «Начальной русской летописью» и носит всюду следы западнославянского влияния.

Она дошла до нас в нескольких копиях, из которых в начале XIX века были знамениты следующие:

1) «Повести временных лет Нестора черноризца Феодосиевого монастыря Печерского».

Это список из числа немногих с именем Нестора принадлежал, — говорят нам, — сначала известному собирателю рукописей Петру Кирилловичу Хлебникову в Москве, умершему в 1777 году, затем С.Д. Полторацкому (1803-1884), а откуда взял его Хлебников неизвестно. Написан этот документ на бумаге, в малый лист, полууставом и доведен до 1098 года.

2) «Русский Временник, сиречь Летописец,

содержащий Российскую Историю от 6370 (=862) по 7189 (=1681) лето. 2 части. Москва, 1790».

3) «Летописец, содержащий в себе Российскую Историю от 6360 (=862) по 7106 (=1598) год. Москва, 1781». Это Архангельский список.

А теперь, когда эти списки уже признаны более поздними, самым ранним можно считать так называемую «Радзивилловскую летопись».

Это самый интересный из всех существующих списков и, можно думать, древнее его не найти. Он написан полууставом конца XV века и украшен 604 интересными рисунками, имеющими важное археографическое значение. На листе, приклеенном к переплету, находятся три записи на белорусском наречии, по-видимому, юмористического содержания в пародию к летописцу. Вот эти приписки:

1) «Две недели у Пилипово говейно (через две недели Филиппова поста) Парфен Пырчкин жито снял у року девятьдесятом».

2) «В року шестьсот третьем за 6 недель перед великоднем (пасхою) водлуг (по счету) старого календарю, кобыла сивая ожеребися».

3) «В року шестьсот шестом месяца марта 30 дня оженися пан Цыпла Крыштов перед великоднем старым,— за три недели перед великоднем старым христианским».

4) «Року шессотном Крыштоп (Крыштов) Цыпля оженился у великий поста одлуг (по счету) старого календаря за три недели перед великоднем (пасхою)».

Повторность такой надписи (не говоря уже об ее ономастике) достаточно свидетельствует об ее юмористичности, хотя отметка сделана верно: пасха в 1606 году действительно была 20 апреля, через 3 недели после 30 марта.

В конце рукописи имеется приписка, что она была подарена Станиславом Зеновичем князю Янушу Радзивиллу. А потом она в 1671 году поступила в Кенигсбергскую библиотеку от князя Богуслава Радзивилла, как видно из печатного ярлыка с гербом города Кенигсберга и подписью: «*A celissime pricipе Dno (т. е. domino) Boguslo Radcivilio bibliothecae quae Regiomontani (т.е. в Кенигсберге) est electorato donata*».

Уже в 1716 году Петр I приказал снять с этой рукописи копию, которая могла быть за-

тем переснята и в России не в одном экземпляре, а во время семилетней войны в 1760 году и сам Кенигсбергский оригинал был приобретен для нашей Академии Наук.

И уже через шесть лет после этого он был напечатан «в Петербурге в 1767 году так, как есть, без всякой переправки в слог и предложениях» в издании «Библиотека Российская Историческая. Древние летописи».

Вот настоящее начало Русских летописей, и если мне скажут, что и ранее Петра I существовала «Никоновская летопись», то мне придется попросить читателя дать доказательства этого утверждения. Само собой понятно, что распространившись в сотнях экземпляров по тогдашним еще малочисленным оазисам грамотности, возникшим, главным образом, в монастырях, Радзивилловский список сильно возбудил воображение своих читателей, никогда не видавших еще ничего подобного и вызвал естественное желание пополнить эти сведения и продолжить их за 1206 год, которым он оканчивается или вернее обрывается, вслед за такими словами:

«Того же месяца (марта) 19 (числа) 1206 (го-

да) преставилася (умерла) великая княгиня Всеволожа (т. е. жена Всеволода Юрьевича, великого князя). Пребысть бо в монастыре 18 дни постригшеся, а всея болести ея — 8 лет. Настоящему 9-му лету поиде (она) к богову сушу ту (тут) великому князю, плачущу-ся и не хотящуся утешитися, за не бе любим ею, и (бывшему) Всеславве тут же и епископу Ионе и смоленьскому епископу Михаилу и игумену отроczego монастыря, зане беста приехал и(з) Смоленьска от АЯстислава молится и извинении (прощения) его. И (бывшему тут) Симону Игумену, отцю ее духовному и иным игуменам и презвитаром, певшим обычна песни. Опрятивши тело ее, вложища ю (ее) в гроб каменн, и положища ю в церкви святыя богородице».

Понятно, что внезапная приостановка Радзивилловой летописи на таком «интересном» месте должна была показаться прямо невыносимой для любознательного читателя, впервые ознакомившегося с нею после ее печатного издания в 1767 году (или даже ранее, начиная с 1716 года, когда Петр I впервые велел снять копию с Кенигсбергского ее списка

и привезти ее в Россию). Потому и начались ее переписки с продолжениями. Важнейшими из этих продолженных копий являются:

А. Лаврентьевский список (иначе называемый Суздальским или Мусин-Пушкинским) с таким заголовком:

«Се повести временных лет, откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуду Русская земля стала есть». А под заголовком рукописи можно разобрать:

«Книга Рождественского монастыря Володимирского».

Эта рукопись на пергаменте. Переписав с мелкими поправками весь Радзивилловский список, автор ее доводит рассказ до 683 (по нашему счету 1305) года, но вдруг заканчивает неожиданной припиской не того времени, а через 72 года после окончания летописи. Под 1377 годом (6885 по счету автора) мы читаем:

«Радуется купец, прикуп совершивший и кормчий приставший к пристане, и путник, пришедший в свое отечество. Так радуется и книжный писатель, кончая книгу. (Радуюсь) и я худой, и недостойный, и многогрешный

раб божий Лаврентий монах. Начал я писать сии книги, называемые Летописец месяца Генваря 4 на память святых отцов наших аввад (аббатов), в Синае и Раифе избиенных, князю великому Дмитрию Константиновичу, по благословению священного епископа Дионисия (Суздальского) и кончил месяца Марта 20 в лето 6885 (т.е. в 1377 году по нашему счету). И ныне, господа, отцы и братья, если где описался, или переписал не кляните, занеже книги (которыми я пользовался) изветшались, а ум (мой) молод, не дошел».

А вопрос о том, почему автор свое «последнее сказание» закончил за 72 года до своей приписки, так и остается открытым.

Как и когда получили мы этот «Лаврентьев список»? Его история не уходит глубже самого конца XVIII или начала XIX века. В начале XIX столетия он был,— как я уже говорил,— преподнесен известным коллектором книг графом А. И. Мусиным-Пушкиным (ум. в 1817 году) императору Александру I, который передал его в Публичную библиотеку. Вот и все.

Б. Вторая важнейшая копия Радзивиллов-

ского списка — это «Рукопись Московской Духовной Академии», написанная полууставом на 261 листе. На первом ее листе помечено: «Живоначальные Троицы». Поэтому в I томе полного собрания Русских летописей она названа «Троицкою», да и на последнем листе ее написано: «Сергиева монастыря».

До 1206 года и она, как список, копирует Радзивилловскую летопись почти дословно лишь с ничтожными поправками. А с этого момента, на котором кончается Радзивилловский оригинал, она ведет непрерывное по внешности продолжение, но уже совсем в другом тоне, чем Лаврентьевская за те же годы. Она доводит свой рассказ до 1419 года довольно самостоятельно, не повторяя оригинальной части Лаврентьевской летописи и кончая таким «важным» сообщением:

«В лето 6927 (1419 по нашему счету) представилася княгиня Настасья Константиновна Дмитриевичи, месяца октября».

Как ничтожны изменения в первой части Лаврентьевского и Троицко-Сергиевского списков, сравнительно с Радзивилловским, видно из взятых мною из всех трех (табл. XI)

начала и конца Радзивилловского списка, прекращающегося знаменательно как раз после взятия Царь-Града крестоносцами и основания на Балканском полуострове Латинской империи в 1204 году, о чем как я уже упоминал, нет ни слова в Русских летописях.

Мы видим, что кроме малых стилистических поправок, вроде переделки «доже» на «тоже» и на «дожи», да вставок вроде «и до Нирокурия» (перепутанного к тому же из Амартолова Ринокурура[58], основной текст тот же самый. А между тем все три списка «открыты» в отдаленных друг от друга местах: Радзивилловский в Кенигсберге, Лаврентьевский, говорят нам, в Суздале, а Троицко-Сергиевский — в Московской губернии.

Если б все они были копиями, хотя бы даже в «Начальной части» какого-то более древнего оригинала, принадлежащего допечатному времени, то приходится заключить, что он был распространен от Кенигсберга до Владимирской губернии, если не далее, и потому нельзя понять, каким образом в такие отдаленные и не связанные друг с другом его остатки не вошло несравненно более значи-

тельных изменений текста.

И вот приходится заключить, что и Троицко-Сергиевский анонимный подражатель, и Суздальский монах Лаврентий пользовались уже сравнительно широко-разошедшимся изданием 1767 года и написаны в конце XVIII века, незадолго до того, как были открыты усердными искателями старинных рукописей, вроде Мусина-Пушкина, или же компиляторы пользовались Радзивилловской рукописью. И вот дальнейшее продолжение в каждом списке, как я уже отметил, не повторяется в других списках. Возьмем, например, хоть 1305 год, которым заканчивается Лаврентьевская летопись.

«В лето 6813 (т.е. 1305), индикта 2, месяца июня в 23 день, на память мученицы Агриппины в день вторник (который кстати сказать приходился на 23 июня 6813 (т. е. 1305) года лишь по латинскому счету лет с марта, а не по византийскому с сентября) в полдни бысть туча велика с востока и удари гром вельми сильно в маковицю святого Феодора церкви (в другом списке прибавлено: на Костроме) и зажже (ее) и сгорела до вечерни».

А вот для того же года в «Сuzдальской» летописи Московской Духовной Академии, повторявшей буквально (вместе с Лаврентьевской) Радзивилловскую летопись от начала до самого ее конца, мы находим только такую запись:

«В лето 6813 (т. е. 1305) избишася в Ростове два колокола великие. Того же лета преставиша (умер) баскак Кутлубуг. Того же лета приде из Орды князь Михаиле Ярославич на великое княжение. Того же лета преставися Максим митрополит».

Вот и все. Ни одного общего слова, как и следует быть в независимо составленных записях, где говорится об одном и том же событии, которое сверх того должно быть очень громким, чтобы возбудить внимание в отдаленных друг от друга местах.

Итак, независимые русские летописи начинаются только со времени Четвертого крестового похода, когда рыцари взяли в 1204 году Царь-Град и основали в греческих и славянских странах Балканского полуострова свою знаменитую Латинскую империю.

Таблица XI. Сравнения текста Радзивиловского списка с Лаврентьевским и Троицко-Сергиевским, принадлежавшим Московской Духовной Академии

Радзивиловский	Лаврентьевский	Троицко-Сергиевский
<i>А. В начале всех списков</i>		

Се начнем повесть сию. По потопе трие сынове Ноеви разделиша землю Сим, Хам, Афет. И яся в восток Симви: Персида, Ватрь (*Бактрия по Георгию Амартолу*). Доже и до Индикия в долготу и в ширину, (Нирокурия нет) Яко же реши от востока даже и до полуденья и т. д.

Се начнем повесть сию По потопе пер-
вие сынове
Ноеви разде-
лиша землю
Сим, Хам,
Афет. И яся в
восток Симви: Персида,
Ватрь (*Бак-
трия по Геор-
гию Амарто-
лу*). Тоже и до
Индикия в
доготу и в
ширину, и до
Нирокурия
Яко же реши
от востока
(нет: даже и)
до полуденья
и т. д.

Се начнем повесть сию По потопе трие сынове Ноеви разделиша землю Сим, Хам, Афет. И яся в восток Симви: Персида, Ватрь (*Бактрия по Георгию Амартолу*). Дожи и до Индикия в долготу и в ширину, и до Нирокурия. Яко же рещи от востока даже и до полуденья и т. д.

Б. В конце Радзивиловского и в середине других списков

В лето 6712.
(1204 по на-
шему счету)
Посла Роман
мужа своего к
великому
князю Всево-
лоду моляся о
Ольговичах,
дабы его при-
нял мир и ко
кресту водил.
Великий же
князь Всево-
лод посла му-
жа свего Ми-
хаила Борисо-
вича и води
Ольговичи ко
кресту, а Оль-
говичи про-
славиша му-
жи свои и т.
д.

В лето 6712.
(1204 по на-
шему счету)
Посла Роман
мужа своего к
великому
князю Всево-
лоду моляся о
Ольговичах,
дабы я при-
нял мир и ко
кресту водил.
Великий же
князь Всево-
лод посла му-
жа своего Ми-
хаила Борисо-
вича и води
Ольговичи ко
кресту, а Оль-
говичи про-
славиша му-
жи свои и т.
д.

В лето 6712.
(1204 по на-
шему счету)
Посла Роман
мужа своего к
великому
князю Всево-
лоду моляся о
Ольговичах,
дабы я при-
нял мир и ко
кресту водил.
Великий же
князь Всево-
лод посла му-
жа своего Ми-
хаила Борисо-
вича и води
Ольговичи ко
кресту, а Оль-
говичи про-
славиша му-
жи свои и т.
д.

Они распространили затем по западно-славянским странам, вплоть до Киевского, Смоленского, Литовского, Новгородского и, очень

может быть, даже Московского княжеств, свои рыцарские ордена (в русском произношении орды[59], а при враждебном отношении восточной церкви к западно-латинской — они легко могли переименоваться и в адские, по-гречески татарские[60] орды. И это тем более правдоподобно, что ни ногайцы, ни туркмены, ни кумыки, ни карачаи, ни какие другие племена Восточной Европы или Северо-Западной Азии, объединяемые нами, русскими, под именем татаров, никогда не объединяли себя друг с другом под этим именем (иначе как в последнее время, усвоив русское школьное название), подобно тому как и германцы усвоили себе у на название немцев, несуществующее на их родине. Производить слова татары от гадательного китайского слова татань-палатка-жилье можно только с отчаянья, так как нет ни одного народа, называющего себя таким именем. Ведь и в самих летописях «Татарами» называются не народ, а местность, одноименная только с Карпатскими «Татрами», а народ «татары» называется «татарове», т. е. «татровы», иначе татровцы. Здесь греческо-латинская терминология тем

более правдоподобна, что и само татарское иго есть ничто иное, как русское произношение слов *jugum tartaricum*, т.е. адское иго[61]. В этом случае объяснилось бы и полное отсутствие сказаний в русских летописях о крестовых походах, имевших такое огромное значение не только для византийского, но и для русского духовенства, признававшего над собою главенство царьградского патриарха.

Крестовые походы с этой точки зрения были в русских летописях изложены очень подробно, и только позднейшие толкователи перебросили события с запада на восток.

Самое слово «баскак» (как два раза называются «татрские» полит-надзиратели в русских летописях в Лаврентьевской под 1283 годом, тотчас после кем-то вырванных листов, и в только что цитированной мною рукописи Московской Духовной Академии под 1305 годом), ни в каком случае не может происходить от тюркского слова, значущего «даватель». Ведь это же — слово укоризненное, и с какой стати давали бы себе такое прозвище сами сборщики податей и полит-надзиратели времен какого бы то ни было ига? А русские

называли бы их «давителями» не по-тюркски, а на своем родном языке. Вот почему я склонен думать, что прозвище «баскак» вовсе не тюркское, а чисто русское «**башкак**», т. е. главарь аналогично немецкому **Hauptman** и французскому **Capitain**[62], да и фамилия упомянутого под 1305 годом «баскака Кутлубуга» напоминает что-то немецкое, вроде Куптурбурга, перековерканное полуграмотным человеком на русский лад. И такое предположение тем более уместно, что и в вышецитированном мною месте сказано: «*Того оке лета (1305) преставися* (а не умре) *баскак Кутлубуг*».

Ведь слово «преставися» (перед богом) вместо простого «умре» употреблялось только для христиан.

Но мне еще придется подробно говорить далее об «адском иге», а теперь закончу эту главу лишь указанием на то, как был подкошен господствовавший в начале XIX века миф о Несторе-Летописце.

В первой четверти XIX века никто не сомневался, что ему принадлежит та первая часть, буквально переписанная во всех разо-

бренных нами летописях, которая доводит рассказ от Ноева потопа до 1111 года, т. е. до конца первого крестового похода, о котором автору в Киеве ничего, однако, не было известно.

Но вот, при опубликовании обнаружилось, что в Радзивилловском, и в Лаврентьевском, и в Троицко-Сергиевском списках под 1110 годом находится такая запись:

«В лето 6618 (по нашему счету 1110) ...игумен Силиверст (церкви) святого Михаила написах книги сии Летописец, надеяся от бога милост прияти при великом князи Володимере Киевском, а мне игуменом бывшую у святого Михаила в 6624 (т. е. в 1116) индикта 9 лета. И иже чиешь книги сии, буди ми молитва их».

Но как же так? Вот сам продолжатель Нестора, умершего по свидетельству переписчиков его сочинений еще в 1114 году, т.е. за два года до приведенной нами записи, говорит, что все предшествовавшее писал не Нестор-монах, а Силивестр-игумен. Все это повторено буквально и у всех других «продолжателей». Кто же вставил имя «Нестор» в ко-

пию, оказавшуюся в XIX веке у Полторацкого и в некоторые другие в этом же роде?

Другой усомнившийся в существовании Нестора-Летописца был И. С. Казанский, написавший об этом статью в «Отечественных Записках» 1851 года, а теперь, насколько мне известно, не верит в его летописание никто из русских историков. *Sic transit gloria mundi!*

Переменился с тех пор и прежний взгляд на летописи, как на преемственное продолжение записей, передаваемых последовательно от учителя к ученику в том же самом монастыре.

«Несомненно, — говорит академик Шахматов в своем „Обзрении летописных сводов Руси Северо-Восточной“, — что всякое летописание начинается с отдельных записей и сказаний и что оставление их в том виде, как мы теперь имеем, было дело очень сложное. Прежде всего в начале XII века в Киеве составил обширный летописный свод „Повесть Временных Лет“, так называемая „Летопись Нестора“, имевший весьма значительное распространение и оказавший решительное влияние на дальнейшее развитие летописно-

го дела не только в южной, но также и в северной (Новгородской) и северо-восточной (Суздальской и Московской) Руси».

«Вряд ли в разных отдаленных и глухих углах древней Руси, — говорит он, — могли тогда самостоятельно возникнуть местные летописи и самобытные летописные своды. Но „Повесть Временных Лет“ и позднейшие своды, составленные на ее основании проникли и в Новгород, и в Тверь, и в глухой Переяславль-Залесский, и здесь они подвергались переработке и дополнялись на основании местных сказаний и исторических преданий. Поэтому изучение позднейших сводов приводит к определению и восстановлению сводов древнейших. А изучение древнейших сводов и даже самой Повести Временных лет указывает, как на источники их, на какие-то еще более древние сборники. Из них летописный свод, доведенный до 1305 года и сохранившийся в списке, приготовленном в 1377 году для суздальского князя Дмитрия Константиновича монахом Лаврентием[63], обращает на себя особенное внимание исследователей русских летописей, как на один из более древ-

них, дошедших до нас, летописных сборников. Сопоставление его с другими летописными сводами показывает, что составитель его, живший, вероятно, в конце XIV века, имел в своем распоряжении лишь очень ограниченное число сводов, объединивших какой-то разнородный материал. Один из этих его первоисточников и дошел до нас в Радзивилловском списке». Но и здесь, — прибавим мы, — приходится быть очень осторожным, так как мнения исследователей часто сводятся к простому гаданию.

Вот, например, И.А.Тихомиров утверждал, что записи о современных событиях велись в XIII веке и в Суздале, и во Владимире, а Шахматов находит, что ни для Суздаля, ни для Ярославля мы не имеем никаких поводов утверждать это.

«Почему Летописные известия, — спрашивает А. Шахматов, — записывались по преимуществу во Владимире (до смерти Всеволода III), а потом в Ростове и Твери?»[64]

Ведь Ростов древнее Владимира, в нем жил епископ еще тогда, когда Владимир был незначительным пригородом Ростова, в нем

бы и следовало ожидать первую «суздальскую» летопись. Может быть, такая летопись и существовала, но она не имеет ничего общего с тою ростовскою летописью, следы которой так ясны в Лаврентьевском своде: эта последняя летопись, поздняя по происхождению, была бы, очевидно, княжескою летописью и связывалась бы не столько с судьбою старого Ростова, сколько с судьбою Константина Всеволодовича и его сыновей. Естественно возникает вопрос, не есть ли Лаврентьевский свод дополнение того летописного свода, который представляла из себя ростовская летопись?

Но сам автор делает и справедливое возражение себе:

«Оказывается, — говорит он, — что Лаврентьевский сборник совершенно не упоминает о важном в жизни города Ростова событии — о перенесении мощей святого Леонтия из церкви святого Иоанна, как это ясно из Софийской 1-й и Новгородской 4-й, Воскресенской и Никоновской летописей, и старейшей их Суздальской летописи по академическому списку. Перенесение мощей имело место 25

февраля 1230 мартовского, т.е. 1231 январского года»[65].

Умолчание об этом событии в Лаврентьевской летописи тем более странно, что под 1231 годом мы подробно читаем в ней об украшении и освящении храма Богородицы. Ведь, если эта летопись под 1230 годом упомянула об закладке собора «на первом месте падшей церкви», то естественно ждать, что под 1231 годом она скажет и об окончании этого храма и о перенесении в него мощей Леонтия[66].

И вот на основании этого Шахматов приходит к выводу об окончании предполагаемой им княжеской ростовской летописи (лежавшей якобы в основании Лаврентьевской) «около 1232 году». Но ведь так можно построить целый роман! И Шахматов, действительно, строит его на следующих страницах своего исследования. А далее сам прибавляет:

«Я не решаюсь подробно останавливаться на доказательстве выставленных мною положений. Определение состава Лаврентьевского списка, а также отношений его к другим летописным сводам должно быть предметом

обширного исследования. Укажу лишь, что только сравнительное изучение различных списков и редакций может привести к точному определению способа составления того или другого памятника, а в особенности таких памятников, как летописи. В данном случае исследование должно начинаться с систематического сравнения Лаврентьевского списка с ближайшим — Радзивилловский, Академическим и Переяславским. Лаврентьевский список иногда представляет почти буквальное сходство с названными списками, а иногда значительно отступает от них, представляя более древние чтения. Так, например, Радзивилловский и Академический списки говорят о первоначальном поселении Рюрика в Ладоге и лишь о последующем основании Новгорода. А Лаврентьевский список передает рассказ в том его виде, в каком он сохранился в Начальном своде (отразившемся в первой части Новгородской 1-й летописи в ее второй редакции (т.е. в редакции всех ее списков, кроме Синодального).»

«Я думаю, — говорит он, — что Лаврентьевский сборник сохранил при этом чтение свое-

го основного источника „княжеской Ростовской летописи“ — Владимирского свода 1230 года».

А еще далее сам же автор признается, что прочной опоры для установления действительного существования предполагаемой им «княжеской летописи в Ростове» у него нет.

«Пусть результаты такого исследования, — говорит он, — покажутся гадательными и окажутся впоследствии ошибочными, но это нисколько не изменит того положения, что замыкаясь в одном каком-нибудь памятнике, исследователь никогда не получит возможности определить его состав и происхождение, и что единственно надежным путем должен быть признан путь сравнительно-исторический. Подобно тому, как исследование языка становится научным только после привлечения к систематическому сравнению нескольких языков (причем это сравнение прежде всего приводит к восстановлению древнейших эпох в жизни исследуемых языков, а затем и к восстановлению того общего языка, из которого они произошли) — так и исследователь литературного памятника должен

прежде всего подвергнуть этот памятник сравнительному изучению с ближайшими, наиболее сходными, для того, чтобы определить последовательный ход в его развитии и восстановить тот первоначальный вид, к которому он нисходит». С этим, конечно, нельзя не согласиться, но все же, стараясь по возможности углубить древность наших исторических памятников, уважаемый автор напрасно упрекает И. А. Тихомирова за его утверждение, что летописные сборники возникли в Москве лишь далеко после ее появления на страницах истории.

«До сих пор известны, — говорит Тихомиров, — три Московские летописные своды: Воскресенский, Никоновский с его продолжениями и Софийские: 1-й и 2-й. Кроме того, Московские летописи вошли в состав некоторых списков так называемой Четвертой Новгородской летописи. А Шахматов прибавляет к ним еще:

1) „Троицкий пергаментный список начала XV века, ныне утраченный, довольно хорошо известный по выпискам из него в примечаниях к „Истории Государства Российского“

Карамзина (I-V томы).

2) Львовскую летопись, названную так по имени издателя, выпустившего ее в свет в 1792 году в пяти томах (причем рукопись, послужившая оригиналом для ее издания, неизвестна).

3) Хронограф, частью сохранившийся в редакции 1512 года (это его первая редакция по определению А.Н.Попова), и частью отразившийся в некоторых других летописных сводах.

4) „Русский Временник“, или так называемую Костромскую летопись, изданную под первым названием два раза в 1792 и 1820 гг. в двух томах, и некоторые другие сборники.

И вот как их характеризуют:

„Описанием Эдигеева нашествия 1409 года, — говорит Карамзин, — заключается Троицкий летописец. Видно, что сочинитель умер“[67]. Карамзин называет Троицкую летопись „главную современную летописью княжения Василия Дмитриевича“[68].

А судя по дошедшим выпискам, в ней уже содержались те Московские известия, которые Тихомиров проследил по позднейшим

московским летописным сводам. Так, в ней писалось о пожаре в Москве 3-го мая 1331 года[69], о подписании в Москве заложения двух церквей—Успенской и Архангельской в 1344 году[70] и заложении церкви святого Спаса в 1345 году.

В ней уже отразилось и критическое отношение москвича к окружающей его политической жизни. Так, по поводу недоразумений, возникших в 1386 году между московским великим князем и новгородцами, летописец замечает:

„Таков бо еть обычай новгородцев: часто (присягают) ко Князю великому, и паки ссорятся с ним, и не чудись тому: быша бо чловеци суровы, непокориви, упрямчиви, непостояни“[71].

В виду всего этого, а в особенности несомненной своей древности, Троицкая летопись должна бы занять первое или одно из первых мест в исследовании, посвященным московским летописным сводам.

„Львовская летопись“, т. е. изданная Львовым в 1792 году, (с утратой оригинала) представляется для исследователя Московского ле-

тописания XVI века в высшей степени важною: несомненно, — говорит автор, — что ее протография, ее древнейшие редакции были посредствующими звеньями между некоторыми из дошедших до нас летописных сводов. Так, в части до 1518 года включительно она оказывается почти тождественною с Софийскою 2-ой летописью (Архивный список этой летописи оканчивается как раз на том месте, где другой список — Воскресенский начинает разниться с Львовским, т. е. на 1518 году). В той же редакции она влияла на Никонскую летопись, которая с 1518 года следует не трем, а только двум источникам, а с 1521 года уже только одному источнику — Воскресенскому своду[72]. В редакции 1533 года Львовская летопись была одним из источников Воскресенского свода. В ней сохранился летописный рассказ 1534-1560 годов, тождественный с тем московским сводом, на основании которого дополнены списки: Никонский и Карамзинский (Воскресенской летописи)“[73].

„Русские летописные статьи Хронографы, — продолжает Шахматов, — известные

главным образом по редакции 1512 года, извлечены из какого-то до нас не дошедшего летописного свода московского происхождения. Это ясно из последних статей редакции 1512 года, относящихся к событиям XV века, в которых, например, описана довольно подробно борьба Василия Васильевича с его дядей и двоюродными братьями“.

„Я думаю, — продолжает он далее, — что Хронограф составлен в России сербом (и именно Пахомием) в 1442 году[74].

Уже в первой основной редакции „Хронограф“ содержал русские летописные статьи, что особенно ясно видно из рассказа об убийстве Батюга, несомненно находившегося в первоначальной редакции и принадлежащего перу Пахомия. В виду этого, я думаю, — продолжает автор, — что в основной редакции „Хронографа“ летописный рассказ доходил до 1441 или 1442 года, но что впоследствии к нему присоединен рассказ о дальнейших событиях, причем последовательный ряд редакций Хронографа довел его до 1508 года. Но каково бы ни было, впрочем, происхождение „Хронографа“, мы должны допустить суще-

ствование и такого исторического памятника, где первоначальные статьи Хронографа были продолжены русскою летописью, доведенною до 1508 года“.

„Русский Временник“ дошел до нас, несомненно, в искаженном и неполном виде, так как список, с которого сделано издание, относится к XVII, а может быть и к началу XVIII века. Есть основания думать, что позднейший редактор извлек из него одни русские летописные статьи, оставив в стороне древнейшую часть „Хронографа“ (до статьи „О словенском языке и о русском“) и исключив из следующей затем части все статьи греческие и южнославянские. Так, в имеющемся у нас тексте „Русского Временника“ сохранилось несколько следов от исключенных позднейшим редактором статей не русского происхождения, например „О крещении Угров“ („Вдевше же Пионы, глаголемии Угри“ и т.д.), в конце которой та же ссылка на Бретанийский (Британский) остров, которою эта статья сопровождается в „Хронографе“. Точно также текст большинства известий XII и XIII века в „Русском Временнике“ вполне тождествен с

текстом „Хронографа“ редакции 1512 года. Так, в нем помещено то же предисловие к умильной повести о „татарском нашествии“, как и там:

„Хощу рещи о друзи и братия, повесть, яже не точию человеки, но и бессловесные скоты, и нечувственное камение может подвигнута на плачь“.

Святослав и Святополк называются, как и во многих списках „Хронографа“ 1512 года, Цветославом и Цветополком. Значит — это извлечение из „Хронографа“. Что же касается места составления „Русского Временника“, то, по-видимому, этот, вполне московский по своему характеру свод составлен в Новгороде и притом, может быть, по распоряжению архиепископа Макария, так как мы находим тут ряд известий новгородского происхождения, причем почти каждое из них связывается с именем Макария. Например, под 1508-м годом вставлено известие о посылке в Новгород дьяка Бобра для устройства там рядов, улиц и нового моста через Волхов. Под 1519-м годом говорится об устройстве новых судебных мест в Новгороде. Под 1526-м годом — о крещении

Лоплян, к которым Макарий послал священника и диакона. Под 1528-м — об установлении общежития в новгородских монастырях по советам архиепископа Макария; под 1530-м — о страшной грозе в Новгороде, случившейся в тот самый час, когда родился Иван Васильевич, и об отлитии колокола в соборной церкви святой Софии повелением архиепископа Макария; под 1530-м о посылке великим князем в Новгород грамоты к архиепископу Макарию и диакона для распланирования города и постановки решеток и городских караулов; под 1533-м сообщается об отправлении архиепископом Макарием духовенства к Лоплянам с Мурманского моря и с реки Колы и о поставлении там церкви. Но вскоре памятник этот был перевезен в Москву и, может быть, уже в декабре 1533 года переписчик, описав его, прибавил известие о поставлении в Москве колокола на колокольню 19 декабря 1533 года. Оригинал, положенный в основание этого свода — „Хронограф“ редакции 1508 года был в Москве отчасти переработан и значительно дополнен. Так, под 1482-м годом приведено известие о прибытии

к Московскому князю Федора Ивановича Вельского и вслед за этим видим вставку, „от иного летописца“, где рассказывается тоже самое, но с другими подробностями. Под 1521-м годом, вслед за известием о набеге, сделанном на Коломенский и Московский уезды Махмат Гиреем читаем:

(От иного летописца о том же, где событие это рассказывается с гораздо большими подробностями).

И вот, — по Шахматову, — лишь в 1422 году составлен был в Москве один из крупнейших летописных сводов — „Софийская первая летопись, в основание которой положен Новгородский свод“, а последнее известие, заимствованное из него, был рассказ об убиении Анфала в 1418 году. Этот свод был дополнен, — говорит Шахматов, — на основании какого-то свода, признанного самим составителем Софийской 1-й летописи за „Киевский летописец“. Лишь начиная со второго десятилетия XV века, редактор вставляет в известия своего основного источника летописные заметки московского происхождения. Так, под 1415-м годом приводится известие о набеге „татаро-

вей“ на Елецкую землю и о пожарах в Москве и Смоленске; под 1417 годом говорится о кончине Ивана, старшего сына Василия Дмитриевича и о погребении его в церкви Архангела Михаила. С этого основного списка „Софийской 1-й летописи“ была снята копия, из которой возникли оригиналы списков Карамзина и Оболенского. Затем, — теоретизирует Шахматов, — основной список подвергся переработке и дополнениям: возникла редакция, лежащая в основании Толстовского списка, где редактор значительно сократил свой оригинал, выпустив при переписке ряд новгородских известий.

Ему же принадлежит ряд искажений и вставок, часть которых ясно обличают москвича. Так, под 1170 годом к известию об изгнании новгородцами князя Романа он прибавил: „таков бо бе обычай блядиным детям“. Под 1371 годом, при известии о походе Дмитрия Ивановича на Рязань, про рязанцев сказано: „полоумные смерди“.

Софийская 2-я летопись оказывается почти тождественною с Толстовским списком Софийской 1-й летописи (до 1392 года) и ка-

кой-то другой летописи. Очевидность этого еще более увеличивается, если мы примем во внимание, что, начиная с 1393 года, т. е. непосредственно за выписками из жития святого Сергия, „Софийская 2-я летопись“ представляет текст не только сходный, но даже (в особенности с 1397 года) почти тождественный с летописью Львова[75], между тем как до 1393 года в обеих совершенно различное содержание».

Итак, — по Шахматову, — древнейшими и основными видами московских сводов XV века оказываются: Софийская 1-я летопись, главным источником которой была Новгородская 4-я летопись. Более сложны, по его мнению, вопросы об источниках «Хронограф».

Но не подлежит сомнению, что одним из его первоисточников была, — думает он, — та же Новгородская 4-я летопись до 1419 года. Считая, что Софийская 1-я летопись составлена в Москве в 1422 году, Шахматов заключает, что лежащая в ее основании Новгородская 4-я летопись оканчивалась 1421 годом и составлена, следовательно, именно в этом году. Но

дошедшие до нас списки этой 4-й летописи ясно показывают, что общий оригинал их доводил летописный рассказ до 1417 года. Начиная с этого года, мы видим, что их списки, бывшие до того сходны, даже почти тождественны между собой, начинают несходствовать.

Да и среди известных нам списков «Никоновской летописи» можно отметить несколько групп. Одной из древнейших ее редакций надо признать «Патриарший» (Академический XIV) список. Это следует из того, что летописный рассказ доведен в нем только до 21 марта 1556 года, и в особенности из того, что в перечне русских митрополитов последним назван Макарий (1542-1564), между тем как в других списках события продолжены еще несколько далее и перечень митрополитов доведен до Антония (1572-1581).

Составитель «Патриаршей летописи» пользовался довольно ограниченным числом первоисточников. В части до 1518 года обнаруживаются в нем: «Воскресенская летопись» (2-я редакция), протограф Львовской летописи и «Хронограф» редакции 1520 года. А в ча-

сти от 1518 до 1520 годов мы видим два первоисточника: «Воскресенскую летопись» и «Хронограф» указанной редакции. Но начиная с 1521 года, у составителя оставался только один первоисточник — вторая редакция Воскресенской летописи.

Этими заметками относительно обычных представлений об истории русских летописей я и ограничиваюсь пока. Но признавать, — как думают теперь — что этого рода сборники были написаны вслед за тем годом, каким они заканчиваются, и что с тех пор они оставались неизменными, никак нельзя. Последующие переписчики даже через сотни лет могли вставлять в их рукописи много своего, не продолжая в то же время их сказаний до своего времени.

Рассмотрим теперь хронологию русских великих князей и смену их династий с точки зрения физиологических законов развития человека.

Сделаем, например, физиологический осмотр до-русских великих князей.

Вот передо мною так называемое «Продолжение Новгородской летописи» по списку Ар-

географической комиссии, относимое палеографами к половине XV века, а не позднее, только потому, что она оканчивается на 1446 году, и удалить ее в прошлое ранее этого года никак нельзя. В приложении к ней мы находим следующую родословную Московского великого князя Василия Темного (1425-1462), низложившего униатско-католического московско-русского митрополита Исидора, и самовольно назначившего русским патриархом византиста Иону. Она написана по образцу родословной Иисуса в евангелии Матвея, которое начинается словами: «Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова, Иаков родил Иосифа» и т.д. Вот это родословие целиком с моими примечаниями в скобках:

«Первый князь на руськой земле Рюрик, пришедший из немец (в 854 году).

1. Рюрик родил Игоря (1-й сын).

2. Игорь родил Святослава, что ходил к Царь-граду ратью (1-й сын).

3. Святослав родил Володимира Великого, что крестил рускую землю (3-й сын).

4. Володимир родил Ярослава, которого грамоти в Великом Новгороде (3-й сын, а всех

у Владимира было 12 по числу созвездий Зодиака).

5. Ярослав родил Всеволода (5-й сын).

6. Всеволод родил Володимира (1-й сын).

7. Володимир родил Мономаха (1-й сын, а по другим источникам — это и есть сам Владимир Мономах).

8. Мономах родил Юрия (7-й сын).

9. Юрий родил Всеволода Великого гнезда (5-й сын).

10. Всеволод родил Ярослава.

11. Ярослав родил Великого Александра храброго (Невского, 1-й сын).

12. Александр родил Даниила Московского (4-й сын).

13. Даниил родил Ивана (Калиту), что избавил русскую землю от воров и разбойников (3-й сын).

14. Иван родил Семеона (1-й сын).

15. Семеон родил Ивана (5-й сын).

16. Иван родил Дмитрия (1-й сын).

17. Дмитрий родил Василия (1-й сын).

18. Василий родил Василия (Темного, царствовавшего в Москве от 1425 года до 1462 года. Он низложил русского униатско-католиче-

ского митрополита и назначил самовольно митрополитом Иону)».

Мы видим, что полный промежуток их власти: $1462-854 = 608$ лет, а царствований было 19, значит на каждое приходится в среднем 32 года. Если б это были первенцы, по правилу, изложенному в VII томе Христа, то половая зрелость достигалась бы этими царями лишь около 29 лет, т.е. невероятно поздно. Но мы видим, что преемниками здесь были не всегда первенцы, а иногда даже и пятые сыновья. Считая на каждое новое мужское рождение в среднем по два года, мы должны здесь вычесть из суммы царствований (из 608 лет) $(3+3+5+7+4+4+3+5) \times 2 = 78$ лет; Рюрику, княжившему только 17 лет, приходится прибавить года 3 до совершеннолетия. Получим $(608-78) + 3 = 533$ года. Разделив их на данные нам 19 царствований, получаем на каждое около 8 лет, а вычтя отсюда в среднем 3 года, имеем среднее рождение первенца 25 лет, что тоже слишком поздно.

Итак, с физиологической стороны династия эта не выдерживает критики, а начало ее даже прямо сделано иногда по астрономи-

ческим соображениям. Особенно относится это к «крестителю русской земли Владимиру Красну Солнышку». Само имя его «Владелец-мира-Красное-Солнышко» намекает на астральный миф о первом крещении России, но еще более указывают на это названия его сыновей.

Так, в «Новгородской Летописи» по Синодальному списку, под годом 988, когда это «Красное Солнышко» будто бы окрестил Русский народ, мы читаем: «Благословен Господь, который не отдал нас в ловитву зубам их (демонов). Сеть сокрушилась и мы избавлены были (в 988 году) от крещенья дьявола и погибла память их (бесов) с шумом. Теперь Господь во веки пребывает хвалим от русских сынов, воспеваем в троице, а демоны проклинаются от верных людей и от благоговейных жен, принявших крещение и покаяние во отпущение грехов: эти новые люди христиане, избранные богом. Владимир же просвещен был сам и двенадцать сыновей его, имена которых: 1) Вышеслав, 2) Изяслав, 3) Святополк, 4) Ярослав, 5) Всеволод, 6) Святослав, 7) Мстислав, 8) Борис, 9) Глеб, 10) Станислав, 11) По-

звезд, 12) Судислав».

Если вы сравните значение этих имен с астрологическим смыслом 12 созвездий Зодиака, то увидите полное соответствие.

1. Вышеслав, т. е. поднимающий выше славу. Это созвездие Тельца, поднимающего своими рогами вверх солнце весной — в апреле.

2. Изяслав соответствует Близнацам, по которым солнце ведет в мае к приятной славе.

3. Святополк, т. е. святое ополчение, соответствует наивысшей силе солнца в созвездии Рака в июне. Там же находится и группа звезд «Ясли Христа».

4. Ярослав — яростная слава, соответствует созвездию Яростного Льва, где солнце получает жгучий жар в августе.

5. Всеволод — соответствует созвездию всем владеющей Небесной Девы, символу Божьей Матери, где солнце бывает в сентябре.

6. Святослав — святая слава, соответствует созвездию последнего суда божия — небесным Весам, где солнце бывает в октябре.

7. Мстислав — мстящая слава, соответствует созвездию смертоносного Скорпиона, где солнце бывает в ноябре.

8. Борис, имя созвучное с русским словом бороться, соответствует созвездию борьбы — Стрельца, где солнце преодолевает влекущие его вниз силы в декабре.

9. Глеб соответствует по интерполяции Козерогу, где солнце в январе.

10. Станислав, стан Славы, соответствует крестителю планет Водолею, где солнце «крестится» в феврале.

11. Позвезд соответствует созвездию Рыб, последнему перед весенним началом года, там солнце бывает в марте.

12. Судислав, т.е. Судья Славы, соответствует созвездию Овна, астрологического символа евангельского Христа, судьи живых и мертвых по Апокалипсису.

Во многих из этих сопоставлений, например, в одиннадцатом сыне, по имени «Позвезд», соответствующем последнему зодиакальному созвездию Рыбам, в Мстиславе — соответствующем Льву, Вышеславе — соответствующем созвездию Тельца, поднимающего вверх солнце в апреле, Судиславе — апокалиптическом Овне и т. д. — астральность смысла настолько ясна, что интерполяцион-

но определяет и промежуточных сыновей этого Властелина Мира — Красного Солнышка, ежегодно проходящего через все эти созвездия. А что здесь всего интереснее, так это то, что и самый год крещения Руси Красным Солнышком определяется астрологически на день «Крещения Господня»: весь этот 988 год Сатурн и Юпитер были в соединении и гонялись взад и вперед друг за другом в созвездии Борющейся со смертью церкви — Стрельце. А что касается до Марса, то в 988 году нашего январского счета, он шел по противоположной от них стороне неба (как в 1840 году, см. стр. 45 в IV томе «Христа»), да это и понятно.

Если год «крещения Руси» при Красном Солнышке был вычислен астрологами до Тихо-Брага (умер в 1601 году), то, считая среднее обращение Марса равно в 2 года (вместо 1 года, 880832...) вычислители неизбежно должны были получить какое-нибудь неправильное время, в том числе и небывшее на деле соединение Марса с Сатурном, Юпитером и остальными планетами, в день «крещения господня».

Во всяком случае нельзя не видеть, что на-

ши летописные и эпические рассказы о Владимире Красном Солнышке не раз обнаруживают признаки астрального мифа.

А в общем, можно сказать лишь одно: русские летописи не являются фактическими, простодушными записями, в которых один монах продолжал другого, а компиляциями, проредактированными не ранее XVI века нашей эры.

Глава III. Частная характеристика «Начальной русской летописи»

И Радзивилловский список, и все копии с него имеют характер якобы записей год за годом.

Сначала стоит год от сотворения мира, считаемый за 5508 лет до Рождества Христова. Так, например, в Лаврентьевском списке читаем:

«В лето 6360, индикта 15 день, начешпю Михаилу царство-вати, нача ся прозывати Русская земля. О семь бо уведахом, яко при сем цари приходища Русь на Царьгород, яко же пишется в летописаньи Гречьстем. Темже (годом) отселе (мы) почнем и числа положим».

Далее следует такая хронология:

(Для года 853): «В лето 6361».

(Для года 854): «В лето 6362». *Эти годы поставлены,*

(Для года 855): «В лето 6363». *но в них ничего не*

(Для года 856): «В лето 6364». *отмечено*

(Для года 857): «В лето 6365».

(Для года 858): «В лето 6366». «Михаил царь (византийский) изиде с вои(нами) берегом и морем (Черным) на Болгары; Болгаре же увидевши, яко не могоша стати противу (него), креститься просиша, и мир сотвори с Болгары».

(Мы видим отсюда, что автор вносил в летопись и иностранные сведения).

«В лето 6367». «Имаху (брали) дань Варязи из заморья на Чюдии и на Словенех, на Мери и на всех и на Кривичах; а Козари имаху (брали) на Полянех, и на Северех, и на Вятичех имаху по белей веверице от дыма (дома)».

(Для года 860): «В лето 6368». *Годы проставлены, но*

(Для года 861): «В лето 6369». *ничего в них не отмечено.*

(Для года 862): «В лето 6370». «Изгнаша (славяне) Варяги (варягов) за море и не даше им дани, и почаша сами в себе володети, и не бе в них правды, и восста(л) род на род, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся. И реша (сказали) сами себе:

„Поищем себе князя, иже бо володел нами и судил нами по праву“.

И идоша за море к Варягам, к Руси, сице бо тии (те) увижу ся Варязи-Русь, яко друзии Свие (шведы), друзии же Урмане (германцы), Англяне, друзии Готе тако и си. Реша (сказали) Руси Чудь, и словени, и Кривичи и вси:

„Земля наша велика и обилна, а наряда (порядка) в ней нет: да поидети княжить володеть нами“.

И избрашася 3 братья с роды своими, и пояша (взяли) себе всю Русь. Старейший, Рюрик седе (сел в) Новгороде, а дру-гий, Синеус, на Белоозере (Белозерске), а третий (в) Изборьсте, Трувор. И от тех Варягов прозвася Русская земля. Новугородьци ти суть люди Новогородьци (Новгородские) от рода Варяжьска, пре-же бо беша Словени. После двух лет умре Си-неус и брат его Трувор. И прия власть Рюрик,

и раздал мужам своим грады, овому Полотеск (Полоцк), овому Ростов, другому Белоозеро (Белозерск). А перьвии насельници (поселенцы) в Новгороде — Словени, в Полотьске — Кривичи, в Ростове — Меря, в Белоозере — Весь, в Муроме — Мурома; и теми всеми обладайте Рюрик. И бяста (было) у него два мужа (Аскольд и Дир) не племени его, но боярина, и та испросистася ко Царюгороду с родом своим. И пойдоста по Днепру, и идуче мимо, и узреста на горе градок и упроста (спросили):

„Чий это городок?“ Они же реша (сказали):

„Была суть 3 братии Кий, Щек, Хорив, иже сделаша градось (город сей), и изгибоша (погибли), и мы седим платяще дань роду их Козаром“.

Аскольд же и Дир остава в граде сем, и многи Варяги совокуписта, и начаста владети Польскою землею. Рюрику ж княжешу в Новгороде».

(для года 863): «В лето 6371».

(для года 864): «В лето 6372». *Ничего не внесено*

(для года 865): «В лето 6373».

(для года 866): «В лето 6374, иде Аскольд и

Дир на Греки, приидоша (на них) в 14 лето Михаила цесаря. Цесарю же отшедшю на Огаряны (на агарян, исламитов) и дошедшю ему до Черные реки, весть епарх посла, яко Русь на Царьгород идет и вратися (возвратился царь. Си же (русы) внутрь Суду вшедше, много убийств крестьяном (христианам) створиша, двою сту (двумя стами) корабль (кораблей) Царьград обступиша. Царь же едва в град вниде, и с патриархом Фотьем приде к ущей церкви святей Богородице Влахерне, всю ночь молитву створиша; также и божественную святыя Богородица ризу с песньми изнестьше (вынесли) в реку омочия, (чтобы) тишине суши и морю укротившюся. Абье (и вот) буря воста (ла) с ветром, и волнам вельями, безбожных Руи (руссов) корабли смяти, и к берегу приверже (прибило), и избия (разбила их), яко мало их от таковыя беды избегнуло, и в свояси възвратишася».

(Для года 867): «В лето 6375». *Ничего нет.*

(Для года 868): «В лето 6376». «Поча царствовати Василий», (т.е. Василий Македонянин в Византии, по греческим источникам в 867 году).

(Для года 869): «В лето 6377». «Крещена бысть вся земля Болъгарская».

(Мы снова видим, что автор записывал в свою летопись и византийские события).

(Для года 870): «В лето 6378».

(Для года 871): «В лето 6379».

(Для года 872): «В лето 6380». *Эти годы помечены,*

(Для года 873): «В лето 6381».

(Для года 874): «В лето 6382». *но ничего в них*

(Для года 875): «В лето 6383».

(Для года 876): «В лето 6384». *не вписано*

(Для года 877): «В лето 6385».

(Для года 878): «В лето 6386».

(Для года 879): «В лето 6387». «Умершю Рюрикови (умирая Рюрик), предасть (передал) княженъе свое Олгови (Олегу), от рода ему (его) суца, въдав ему сын свой на руце (на опеку) Игоря, бе бо (ибо он был) детск вельми».

(Для года 880): «В лето 6388». *Ничего не вписано*

(Для года 881): «В лето 6389».

(Для года 882): «В лето 6390». «Поиде Олег,

поим (взявши) воя (воинов) многи, Варяги, Чюдь, Словени, Мерю, Весь, Кривичи, и приде к Смоленьску с Кривичи, и прия (взял) град и посади мужа свои; оттуда поиде вниз, и взя Любедь, и посади (л в нем) мужи свои. И придоста к горам Киевьским, и уведа (увидел) Олег, яко Оскольд и Дир (там) княжита, и похорони вой (спрятал своих воинов) в лодьях, а другая назади остави(л), а сам приде, неся игоря детьска (цитю). И приплу под Угорьское, похоронив вой (спрятав воины), и посла(л) ко Аскольду и Дирови, глаголя:

„Яко гость (купец) есмь, и идем (мы) в греки от Олга и от Игоря княжича; да придете к нам к родом (родным) своим“.

Аскольд же и Дир придота, и (тогда) выскакаша вси прочий из лодья, и рече Олег Аскольду и Дирови:

„Вы неста (не) князя, ни рода княжа, но аз емь роду княжа“.

И вынесоша Игоря:

„А се есть сын Рюриков“.

И убиша Аскольда и Дира, и несоша (унес) на гору, и погребоша (их) на горе, еже ся ныне зовет Угорьское, кде ныне Ольмин двор. На

той (Аскольдовой) могиле (он) поставил церковь святого Николу, а Дирова могила за святою Ориною. И седе (сидел) Олег княжа в Киеве, и рече Олег:

„Се буди (будет) мати градам Руським“.

И беша у него Варязи и Словени и прочий, прозвашася Русью. Се же Олег нача городы ставити, и устави(л) Варягом дань даяти от Новгорода гривен[76] 300 на лето, мира для, еже до смерти Ярославле даяше Варягам».

Этой выписки достаточно, чтобы показать строение первоначального «Несторова» произведения, легшего в основу «истории государства Российского» вплоть до 1111 года нашей Эры, и чтоб читатель видел характер изложения его.

И далее идет в том же роде. Вот, например, уже близ конца «начальной летописи».

(Для года 1027): «В лето 6535». «Родился третий сын Ярославу и нарече имя ему Святослав».

(Для года 1028): «В лето 6536». «Знамение змиево явися на небеси, яко видети всей земли».

(Для года 1029): «В лето 6537». «Мирно

бысть».

(Для года 1034): «В лето 6542».

(Для года 1035): «В лето 6543». *Нет ничего*

(Для года 1036): «В лето 6544». «Мъстилав изиде на ловы, раз-болеся и умре; и положиша (его) в церкви у святого Спаса, юже сам заложил. Бе (был) же Мъстислав дебелъ телом, чермен лицом, (с)великыма очима, храбор на рати, милостив, любяще дружину по велику, именья (жалованья) не щадяше, ни питья, ни еденья браняше. Посемь же перея (перенял) власть его всю Ярослав, и бысть самовластець Русьстей земли. Иде Яролав (к) Новугорду, и посади своего Володимира (в) Новегороде, (и в) епископа постави(л) Жидяту. И в се время родился Ярославу сын, нарекоша имя ему Вячеслав. Ярославу же суцю (в) Новегороде веть приде ему, яко печенези остоять (осаждают) Киев. Ярослав събра(л) вои(ны) многы, Варяги и Словени, приде (к) Киеву и вниде в город свой. И бе (было) Печенег бес числа. Ярослав выступи(л) из града, исполни) (выстроил) дружину, постави(л) Варягы по среде, а на правой сторне (был) Кыяне, а на левем криле Новгородци. (Они) сташа пред градом. Пече-

нези приступати почаша (начали), и оступишася (остановились) на месте, идеже стоять ныне святая Софья, митрополья Руськая; бе бо тогда поле вне града. И бысть сеча зла, и одоле(л) к вечеру Ярослав. И побегоша Печенези разно, и не ведяхуся камо (куда) бежати, и овии (одни) бегаючи тоняху в Сетомли, ине (иные) же в инех реках».

(Для года 1037): «В лето 6545». «Заложи(л) Ярослав город великий Киев[77], у него же града суть золотая врата; заложи(л) же и церковь святая Софья, митрополью, и посемь церковь на золотых воротех Благовещенье святые Богордица, посемь (заложил) святого Гергия Мнасстырь и святые Ирины. И при сем нача вера хрестьянска плодитися и расширяти(ся), и черноризьцы (мнахи) почаша множитися, и монастыре починаху быти (начались).

И бе Ярослав любя церковные уставы, попы любяше повелику, из-лиха же (еще более) черноризьце (монахов) и (к) книгам прилежа(л) и почитая (читая) в часто в нощи и в дне; и сбра письце (писателей) многы, и прекладаше (переводил) от Грек на Славеньское

письмо, и списаша книги многы, и списки, ими же (которыми) поучащесе вернии людье, наслаждаются ученья божественного. Якоже бо се (вроде того, как) некто землю разорет (вспашет), другой же насеет, иные же пожинают и едят пищу бескудну (нескуную), так и сь (тут): отец бо его — Володимир крещеньем просветив; сь (это) же насея(л) книжными словесы сердца верных людей, а мы пожинаем, ученье приемлюще книжное. Велика бо бываесть полза от ученья книжного, книгами б (мы) учими есмы пути (к) покаянью, (и) мудрость обретаем и воздержанье от словес книжных, се бо (это) суть реки, наполняющи(е) вселеную, се (это) суть исхдяща мудрость (в) книгах бо есть неисчетная глубина, сими бо (или мы) в печали утешаеми есмы, си (они) суть узда воздержанья. Мудрость бо велика есть, яко же и Соломон похвалял глаголаше: аз призвах страх Господень... мои совети, моя мудрость, мое утвержденье, моя крепость; мною цесари царствуют, а сильными пишуць правду; мною вельможа величаются и мучители держать землю; аз любящая мя люблю, ищющи мене обрящють благодать.

Аще бо поищещи в книгах мудрости прилежно, то обрящещи велику ползу души своей; иже бо (ибо кто) книги часто чтеть, то(т) беседует с Богом, или святыми мужи; почитая пророческия беседы, и евангельская и апостольская ученья, и житья святых отец, въсприемлетъ души велику ползу. Ярослав же сей, якоже рекохом, любим бе книгам, и, многы написав, положи в святей Софьи церкви, юже (которую) созда(л) сам; украси(л) ю златом и серебром и сосуды церковными, в ней же обычны(и) песни Богу воздають в годы обычныя. И ины (иные) церкви ставляше (он) по градам и по местам, поставляя попы и дая им от имения своего урок[78], веля им учити люди, понеже тем (то) есть поручено Богом, и приходити часто к церквам; и умножившася прозвутерии (пресвитеры), людье хрестьянстии. Радовавшася Ярослав, видя множество церквий и люди хрестьянскими»[79].

А кончается этот Лаврентьевский и самый древний список так:

(1110). «В лето 6618». «Идоша весне (весною) на Половце(в) Святополк, и Володимер, и Давыд; дошедше (до) Воиня, и воротишася.

Томже лете(м) бысть знаменья в печерьстем монастыре в 11 день февраля месяца: явися столп огнем от земли до небеси, а молнья осветиша всю землю, и в небеса прогреме в час 1 ночи; и мир (т. е. народ) виде; сей же столп перее ста(л) на трапезнице камней, яко не видети бысть креста, и постояв мало, съступи(л) на церковь и ста(л) над гробом Федосьевым, и потому вступи(л) на верх яко ко востоку лицом, и потом невидим бысть. Се же беше не огненный столп, но вид ангельск: ангел бо сице является, ово (или) столпом огненным, ово (или) же пламенем; якоже рече Давыд: „творя ангелы своя, духы и слугы своя (как) огонь палящ: и шлеми (посылаемы они) суть повелением Божьим, а може хоцеть Владыка и творець всех. Ангел бо приходит кде благая места и молитвеннии домове, и ту показаеть мало виденья своего, яко мощно (можно) видети человеком; не мощно бо зрети человеком естества ангельского, яко и Моиси великий не возможе видети ангельского естества водяшеть, бо я (его) в день столб облачен, а внощи столп огнем, то се (а это) не столп водил их, но ангел идяше пред ними в

нощи и в дне. Тако и се явленье некоторое показываше, ему же бе быти, еже и бысть: на 2-е бо лето не съ (сей) ли ангел вожь (вожак) бысть на иноплеменники и супостаты, якоже рече (как сказано): „ангел пред тобою предвидеть“, а паки (еще): ангел твой буди с тобою?“

Игумен Силивестр святого Михаила написал книги си летописецъ, надеяси от Бога милость прияти, при князи Володимире, ккяжащю ему Кыеве, а мне в то время ингумеящю у святага Михаила, в 6624 (т.е. 1116 года) индикта 9 лета, а иже чтеть книги сия, то буди ми в молитвах».

Итак, сюрприз! «Несторова летопись» оказывается написанною совсем не Нестором, а каким-то Сильвестром, игуменом Михайловского монастыря в Кыеве (при тамошнем великом князе Владимире Мономахе, он же Василий Всеволодович), и дошла до нас она в копии, оканчивающейся 1377 годом, т.е. более чем через 250 лет после последнего из описанных в ней событий!

Да и какое же было это последнее событие, очевидцем которого должен бы быть сам этот Сильвестр, лично расписавшийся тут же?

Чудесный огненный столб!

Несомненно, что это был взрыв метеорита. Но каким же образом говорится далее, что он «встал» сначала на каменной трапезнице, так что не видно было креста, и постояв тут немного, вступил на церковь и встал над гробом Феодосия, а потом пошел наверх, лицом к востоку и стал невидим?

Ведь если автор так описывает случившееся в самый год окончания им своей летописи, т. е. то, чему он был очевидцем, то насколько же можно полагаться на точность того, что он описывает за полтора ста и более лет до его рождения?

Нам отвечают: ОЧЕВИДНО, он пользовался не дошедшими до нас записями. Но ведь это ОЧЕВИДНО обязательно только для страстно желающего очевидеть, так как много естественнее допустить, что он собирал всякие рассказы своих собственных современников, как и теперь любители собирают в глухих уголках народные сказания. И во всяком случае его летопись совсем не летопись, так как под таким названием предполагается нечто вроде дневника, когда автор по окончании го-

да припоминает, что в нем было, и записывает на память потомству, или даже прямо записывает события по мере того, как они происходят, хронологизируя их в таком случае не только годом, но и месяцем и днем.

А что же здесь мы видим?

Мы прежде всего видим ряд годов, под которыми ничего не записано, кроме того, что такие годы были, например:

«В лето 6542». и больше ничего ни для того, ни для

«В лето 6543». другого года

Но кто же сомневается, что и такие годы были? Для чего их записывать? Очевидно, это были заранее составленные заголовки, может быть на отдельных листках для того, чтобы, найдя что-нибудь подходящее, сейчас же занести сюда. Но во многих случаях подходящего ничего не оказалось, даже и такого, какое мы имеем для 1029 года.

«В лето 6537». «Мирно бысть».

Если бы автор записывал с действительных первоисточников, то это «мирно бысть» фигурировало бы у него при каждом не занятом годе, а между тем подобная запись встре-

чается только под 6537 от сотворения мира, как нечто единственное в своем роде.

Значит вся эта «начальная летопись» государства российского является лишь подделкой под летопись, сделанной, если верить ее окончательным словам, в 1116 году нашей эры, но и это, как мы видим, сомнительно потому, что она оканчивается появлением ангела.

А закончить подделку под древнюю летопись 1111 годом «от рождества Христова» было даже эффектно, так как это был канун того времени, когда Киевляне, по словам позднейших хроникеров, обратились в 1113 году к знаменитому уже тогда Владимиру, иначе Василию Мономаху, чтобы он пришел «княжить и владеть ими». И с этого же момента устанавливается датированная русская светская литература на церковно-славянском языке, каковы «Поучения Детям», приведенные в этой самой летописи Нестора под 6607 (т.е. под 1099) годом, окончание «Русской Правды» и т. д. Я не говорю уже об относимом к тому же времени «Слову о Полке Игореве», так как этот единственный образчик древне-русской

книжной поэзии был найден лишь в 1795 году в Библиотеке Мусина-Пушкина, да и сама рукопись по мнению библиофилов сделана не ранее XVI века.

Обращаясь к первоисточникам, по которым могла быть составлена (во всяком случае не ранее 1111 года) «начальная Несторо-во-Сильвестрова псевдо-летопись», мы прежде всего с удивлением видим, что в нее вошла одна скандинавская сага. Вот как сказано в саге о норвежском витязе Олдуре: «Воротившись в Норвегию, Оддур сказал своей дружине:

— Посмотрим на погрязший в болото курган, под которым погребли мы коня Факса.

Он пришел к кургану и сказал:

— Теперь нет уже никакой опасности от предсказания ворожеи, угрожавшей мне смертью от Факса.

И вдруг загорелось болото и никаких следов не осталось от кургана: лежала только гнилая голова коня. Увидев ее, Оддур сказал:

— Узнаете ли голову коня?

Кругом стоявшие подтвердили:

— Это Факсова голова.

Тут выскочила из конской головы змея (ящерица) и уязвила его в пяту, отчего все тело его заразилось ядом (по Буслаеву)».

А вот и русский (уже не саговый, а летописный) текст под годом 911 (6420 от сотворения мира). «Олег спросил кудесника:

— Отчего ми есть умрем?

И рече ему кудесник один:

— Княже, конь, его же любиши и ездиси на нем, от то ти умрети.

Олег же приим в уме, си рече:

— Николи же сяду на конь, ни вижу его боле того.

И повеле кормити и не водити его к нему, и пребы несколько лет не виде его, дондеже на Греки иде. И пришедшу ему к Киеву и пребывшу 4 лета, на пятое лето помяну конь, от него же бяхуть рекл волеви умрети, призва старейшину конюхом, рече:

— Како есть конь мой, его же бех поставил кормити и блюсти его?

Он же рече:

— Умерл есть.

Олег же посмеялся и укори кудесника, рече:

— То ли неправо глаголют волеви, но все лжа есть: конь умерль есть, а я живъ. А то вижу кости его.

И приде на место, идеже беша лежаще кости его голы и лоб гол, и седе коня, и посмеяся рече:

— От сего ли лба смерть было взяти?

И вступи ногою на лоб; и выникнувши змия изо лба и уклюну в ногу, и с того разболеся и умре».

Откуда кто взял? Норвежцы ли из «Нестора», или «Нестор» из Норвежцев? А вот заимствования и из византийцев, по Н. М. Сухомлинову.

«Все летописцы наши, — говорит он, объединяя этим немногие старинные копии наших псевдо-летописей, — пользовались византийскими источниками. В древней летописи (т. е. Несторе) приводятся неоднократно места из хроники Георгия Амартола, по разным поводам из различных частей ее».

«На апокрифического Мефодия Патарского ссылается летописец наш при рассказе о нашествии половцев в 1096 году „Мефодий, — говорит он, — свидетельствует, что 8 колен из-

маильских убежало в пустыню, и из сих 8 колен, в кончине века выйдет нечистое племя, заключенное в горах Александром Македонским“.»

А о месте этих гор он выражается так:

«Новгородец отрок Гюраты узнал от Югров о неслыханном чуде: о горах, „зайдучи залив моря“, в которых вечный крик и говор, и люди секут гору, хотяще высечися. Это и есть люди, заключенные Александром Македонским».

И затем приводится еще свидетельство о них и из сочинений того же Мефодия.

«В выборе источников, — продолжает Сухомлинов, — ясно обнаруживаются позднейший век и образованность автора начальной летописи и искусство его, как писателя. В этом отношении замечательно подчинение всего вносного главной мысли повествования. В способе пользования источниками как отечественными, так и иностранными, заметны единство, одинаковость приемов: летописец обыкновенно не записывает свидетельства своего источника дословно во всем объеме, а приводит из него извлечения, связывая

его с главным предметом повествования...»

И вот, — добавим мы, — этими явными фантазиями приведен сухой хронологический скелет из походов последовательных князей даже с характеристикой этих никогда не виденных автором лиц. Так, о князе Ростиславе († 1065) говорит: «Бе же Ростислав муж добль, ратен, и красен лицом и милотив убогим», а о Глебе († 1078): «бе бо Глеб милостив убогим, и страннолюбив, тщанье имея к церквам, тепль на веру и кроток, взором красен».

Насколько правдоподобнее такие характеристики (которые автор дает почти всем князьям при упоминании о их смерти), чем описанные между ними чудеса, я представляю судить читателю, а сам отвечаю только, что династическая схема совсем неправдоподобна с физиологической и даже с психологической точки зрения, и вот по какой причине. Рассматривая прилагаемую здесь хронологическую таблицу, мы видим, во-первых, что Начальная псевдо-летопись (был ли ее автор Нестор, или Сильвестр, или кто другой) доводит свой рассказ до конца первого крестового похода, причем за 12 лет до окончания лето-

писи крестоносцы взяли Эдессу, но не нашу Одессу на Днестре, возможную столицу бывшего Хозарского царства, а столицу созвучного только с ним по имени Хозроенского царства, бывшего, — говорят нам, — около верховьев реки Евфрата. Правда, что эта малоазийская Одесса у местных жителей никогда даже и не называлась Эдессой, т. е. Новым городом, а всегда называлась Урхоем (Urhoi) и теперь называется Урфой, но это, конечно, ничего не значит. Ведь таких случайных совпадений в древней истории без конца, и я отметил здесь такое лишь с мнемонической целью, чтоб у читателя запечатлелся тот факт, что взятая нами за основу первая половина Лаврентьевской рукописи окончена в разгар первого крестового похода.

И подумайте только! Ведь всего за 13 лет до ее окончания, в начале июня 1097 года Ахиллы и Аяксы крестоносцев взяли с бою почти соседку Царь-Града Никею, где считался первый вселенский собор и, наконец, 15 июня 1099 года, взяв с бою Иерусалим, освободили от неверных гроб самого Христа, взволновав все христианские страны. А разве это не мог-

ло не дойти и до Киева, взволновав все его духовенство, если они считали своими учителями византийских теологов, и имели с ними тесные единоверческие сношения?

И вдруг автору «Несторовой летописи», обнаруживающему везде близкое знакомство с византийскими писателями и судя по самой книге самому образованному ученому монаху своего времени, ничего этого неизвестно!

Вот, например, всего за два года автор пишет:

«В лето 6603 (т. е. по нашему 1075): Идоша половци на греки с Девгеневицем, воеваша по гречьстей земле и цесарь ял (взял) Девгенича (т. е. Диогенича) и повелел его ослепити».

Но половцы, иначе куманы, считаются за народ тюркского племени (тоже самое, что торки русских летописей), пришедший из Малой Азии в черноморские степи, и напасть на византийцев он мог только из Болгарии, с ее согласия. Однако я не буду подчеркивать этого недоуменья, а только укажу, что такая запись показывает, что летописец интересовался и чисто греческими делами, даже такими

ничтожными, как стычка византийцев с каким-то Диогеничем, куманом.

А вот, через два года в самый год взятия Крестоносцами греческой Никеи всего в нескольких десятках километрах от Царь-Града, он ничего об этом не знает, а пишет о таких мелочах:

«В лето 6605 (по нашему 1097). Придоша Святополк и Володимер, и Давид Игоревичь, и Василко Ростиславович, и Давыд Святославич, и брат его Олег, и няшася Любячи на устроение мира, и глаголаша к себе, ркуще:

— Почто губим Руськую землю, ами на котору деюще? а Половцы (т. е. те же самые торки-турки) рады суть, оже межю нами рати (ссоры); да имам отселе едино сердце, кождо а держит отчину свою.

И на том целоваша крест.

Да еще кто отселе на кого будеть, то на того будем вси и крест честный. Рекоша вси:

— Да будет на нас крестъ честный и вся земля Руськая. И целовавшиися поидоша во свояси.

И приде Святополк с Давидом Кыеву, и ради быша людье вси, но токмо дьявол печален

баше о любви сей. И влезе сотона в сердце некоторым мужем, и почаша глаголати к Давыдова Игоревичу, рекуще сице:

— Яко Володимер сложился есть с Василком на Святополка и на тя.

Давыд же ем веру лживом словесом (сатаны), нача молвити (Святополку) на Василка, глаголя:

— Кто есть убил брата твоего Ярополка, а ныне мыслит на мя и на тя, и сложился есть с Володимиром? Промышляй о своей голове...

И реша (Святополковы) бояре и людье:

— Тобе, княже, достоить блюсти головы свое; аще (если) право молвил Давыд, да примет Василко казнь, аще же неправо глагола Давыд, да примет мечь от Бога и отвечает пред Богом.

И увидеша игумени, и начаша молитися о Василке Святополку, и рече им Святополк:

— Ото Давид.

Увидев же се Давыд, нача поущати (Святополка) на ослепленье (Василка):

— Аще ли сего не сотворишь, апустишь (его), то ни тебе княжити, ни мне. И на ту ночь ведоша (Василька) к Белогороду, иже

град мал у Києва яко 10 верст вдале, окована суца, в истбоку малу. И узре Василко Торчина (турка), остряца нож, разуме, яко хотят слепити, възопи к Богу плачем великим и стена- ньем.

И притупи торчин, именем Беренди, овчюх Святополчъ, держа ножъ ии хотя ударити в око, и грешися (не попал) ока и перереза ему лице, и есть рана та на Василке и ныне; и посем удари и в око. Изя (взял) зейцю, и посем в другое око, и изя другую зеницю».

Читатель видит, что тут аналогично ослеплению Царь-Градским кесарем торчина Диогенича, происходит ослепление торчином Василька, и что турок фигурирует тут в роли палача у русского князя, а о том, что в этот самый год весь турецкий и христианский мир был всколыхнут первым крестовым походом на турков и была взята крестоносцами Никея — ни полслова. Выходит, что автору этой записи ничего такого не было известно. Да и для следующего 1098 года, когда крестоносцы отвоевали у турок Эдессу, мы имеем лишь коротенькую запись не о турках, а о сущих пу- стяках.

«В лето 6606 (по нашему 1098). Приде Володимер, и Давыд, и Олег на Святополка, и ста-ша у Городца, и сотвориша мир, якоже и в прежнее лето».

А для года, когда крестоносцы взяли у турок Иерусалим и освободили гроб самого Несторова или Сильвестрова бога, у автора сказано только пять строк:

«В лето 6607 (по нашему 1099). Изиде Святополк на Давыда к Володимерю, и прогна Давыда в Ляхы. В се же лето побьени Угри (венгры) у Перемышля. В се же лето убьен Мстилав, сын Святополчь, в Володимери, месяца июня в 12 день».

А о том, что было всего важнее для христианина и особенно для монаха, пользовавшегося, как мы видели, византийскими источниками, — ни полслова.

Нет ничего о крестовых походах и в 1100 и 1101 гг., когда крестоносцы с Балдуином во главе завоевали Акку, а рассказываются только одни дразги между князьями, да в 1102 году описываются знаменья на небе.

«В то же лето бысть знаменье на небеси, месяца генваря в 29 день, по 3 дни, акы по-

жарная заря от востока и юга и запада и севера, и бысть тако свет всю ночь, акы от луны полны светящся (очевидно северное сияние). В то лето (1102 года) бысть знаменье в луне, месяца февраля в 5 день[80].

Того же месяца в 7 день бысть знаменье в солнци, огородилося бя-ше солнце в три дуты и быша другыя дуты хребты к себе (обычные галосы). И сия видяще знаменья, благовернии человеци со вздыханьем моляхуся к Богу и со слезами, дабы Бог обратил знаменья си на добро: знаменья бо бывают ова на зло, ова ли на добро».

И само собой напрашивалось сопоставление их с поразительными успехами крестоносцев, а автор вместо того пишет: «В се же лето приставися Ярослав Ярополчичь, месяца августа в 11 день. В се же лето выдана бысть дщи Святополчи в Ляхы за Болеслава, месяца ноября в 16 день».

Ведь если бы автору известно было, что в это самое время происходят в христианском мире события мирового значения, то, конечно, приспособил бы к ним и знаменья. Нет более убедительного доказательства, что автор

подделывал эту летопись уже тогда, когда крестовые походы ушли уже в область истории, перестали волновать христианские души, и автор прямо позабыл их ввести в свою хронику, так как в его нешироком мозгу византийские и русские события попали в разные мозговые извилины, и он не догадался их одновременно вытащить и сопоставить между собою, хотя и упоминает под 1104 годом даже о Царь-Граде по ничтожному поводу:

«В лето 6612 (по нашему 1104). Ведена (выдана) дщи Володарева за царевичь за Олексеничь, Цесарю-городу, месяца иулия в 20. Том же лете ведена Передслава, дщи Святополча, в Угры, за королевичь августа в 21 день. Том же лете приде митрополит Никифор[81] в Русь, месяца декабря в 6 день. Того же месяца преставися Вячеслав Ярополчичь в 6 день. Того же месяца в 17 Никифор митрополит на столе посажен. И родися у Святополка сын, и нарекоша име ему Брячеслав. В се же лето бысть знаменье: стояше солнце в крузе, а посреде круга крест, а посреде креста солнце, а вне круга обаполы два солнца, а над солнцем кроме круга дуга, рогом на север; такоже зна-

меньше и в луне тем же образом, месяца февраля в 4 и 5 и 6 день, в дне по 3 дни, а в ночь в луне по 3 ночи (обычные галосы)».

Нет ничего о подвигах крестоносцев и в 1106, и 1107 гг., да и в 1108 году, когда уже повсюду гремели крестовые походы, находим только:

«В лето 6616 (по нашему 1108). Заложена бысть церковь святого Михаила, Золотоверхая, Святополком князем, в 11 иулия месяца; и кончаша тряпезницу Печерьского монастыря при Феоктисте игумене, иже ю и заложил по повеленьем Гребовым, иже ю и стяжа.

В се же лето вода бысть велика в Днепре, и в Десню, и в Припете. В сем же лете вложи Бог в Сердце Феоктисту игумену Печерьскому, и нача взвещати князю Святополку, дабы вписал Феодосья в синодик; и рад быв (Святополк), обещася и створи, и повеле митрополиту вписати (Феодосия) в синодик: и повеле вписывати (его) по всем епи-скопьям, и вси же епископи с радостью вписаша, поминати и на всех соборех».

А в 1110 году, которым кончается Лаврентьев список, рассказывается лишь о появле-

нии уже описанного нами выше огненного столба над Печерским монастырем, «который на самом деле был ангел того же рода, как и огненный столб, шедший перед Моисеем в пустыне».

Вот был бы прекрасный повод приспособить хоть этот столб к победному шествию крестоносцев, происходившему в то самое время в Палестине и Сирии, если б автор был современником, а не жил через столетия после и потому не догадался уже сопоставить хронологию крестовых походов, описанных в другой книге, с хронологией псевдокиевских записей.

Такого ляпсуса не мог бы сделать современник Первого Крестового Похода, киевский гречески-образованный летописец, упоминающий в этой самой хронике о мелких византийских событиях, а тем более монах христианин, сердцу которого крестовые походы были бы особенно близки.

* * *

Перейдем теперь к физиологической разведке правдоподобности хронологической части этой первой русской псевдо-хроники.

Я уже показывал в VII томе «Христа», что правдоподобность или лживость какой-либо династической хронологии можно определить таким чисто физиологическим способом.

Положим, что у нас дана непрерывная династия, где престол всегда переходил от отца к сыну-первенцу. Само собой понятно, что отец мог царствовать мало лет, сын долго, внук ни долго, ни мало и т. д., но, несмотря на все случайное разнообразие этих лет, даже и при пяти-шести поколениях, должно обнаружиться, что разделив все эти царствования на число царствовавших лиц, мы должны получить число лет, превышающее лишь года на два или три время достижения ими половой зрелости.

При этом, благодаря стремлению всех династий сохранить престол за своим родом, наследников женили вскоре после этого времени, и первый ребенок родился если не через год, то года через два-три. Отсюда и явно, что даже при пяти-шести поколениях среднее время царствований в династии, где престол переходил от отца к сыну, должно дать число

лишь на год или два превышающее время тогдашней половой зрелости, а с него и тогдашнего брачного возраста. А потому и всякая историческая хронология подтверждается физиологией лишь тогда, когда дает среднее время царствований от 17 до 22 лет, считая, что в средние века женились и ранее 17 лет. И я показал уже в VI томе, что в случае перехода престола от деда к внуку в расчет нужно принять и отца последнего, дав ему время царствования равное нулю лет, а в случае перехода трона от старшего брата к младшему за неимением наследника, надо считать только младшего брата, прибавив ко времени его царствования года 2-3, так как он родился в среднем на 2-3 года позднее первого.

И я подтвердил правильность этого расчета примерами из новейшей истории. Так, в Германии от воцарения Генриха IV (1056 г.) до низложения Вильгельма II (1918 г.) прошло 862 года и было 40 смен, причем даже и при валовом подсчете на каждую смену пришлось в среднем около 21 года, т.е. половая зрелость определилась около 18 лет от роду. Так, в английской династической истории от

воцарения Эдуарда III Исповедника (1042 г.) до воцарения Виктории (1837 г.) прошло 795 лет и было 37 смен, на каждую около 21 года. Опять половая зрелость получилась около 18 лет. Так и во французской истории от воцарения Анри I (1030 г.) до низложения Наполеона III прошло 840 лет и было 42 смены, на каждую в среднем 20 лет, что дает половую зрелость около 17 лет. Так и в русской династической истории от воцарения Михаила Федоровича (1613 г.) до низложения Николая II (1917 г.) прошло 304 года, и, если исключим отсюда убитых тотчас по воцарении Иоанна Антоновича и Петра III, то было 15 смен, на каждую в среднем 20 лет. Опять получается половая зрелость в 17 лет. Мы видим, как все вышло физиологически правильно в новой истории. Но вот я там же, в VII томе «Христа» (с. 28), стал проверять этим способом древние хронологии, и что же получилось?

От рождения Адама до смерти Ноя, — говорит нам Библия, — прошло 2006 лет и было только 11 смен. Считая даже, что их первенцы родились только через 50 лет после достижения отцами половой зрелости, мы видим,

что они достигали ее лишь на 51 году от рождения, да и после нее в продолжении 50 лет не могли произвести ребенка. Правдоподобно ли это?

Посмотрим теперь с этой точки зрения и на нашу «Начальную псевдо-летопись».

На сопоставительной таблице мы видим, что основная династия (от отца к сыну-первенцу) перебивается тут вхождениями братьев отца, но мы их можем считать как бы опекунами, и тогда получается промежуток от 913 по 1093 непрерывный ряд:

Игорь Рюрикович (начало с 913 году)

Святослав Игоревич

Св. Владимир Святославович

Ярослав Владимирович

Изяслав Ярославович

Святополк Изяславович

От 913 по 1113 год прошло ровно 200 лет и было б смен, на каждую в среднем $33 \frac{1}{3}$ года, т. е. ровно по три смены в столетие, совсем как считал схематически Бругш, восстанавливая в середине XIX века нашей эры династическую историю допотопных египетских фараонов — по три фараона в столетие. Случай-

но ли здесь совпадение в соображениях двух независимых остроумцев, или отголосок того, существующего и до сих пор представления, что в столетие сменяются три человеческих поколения?

Но если даже мы и обойдем этот щекотливый вопрос, то все же выходит, что наши предки в промежуток от X по XII век достигали половой зрелости только на 30 году своей жизни. Это хотя и менее библейских допотопных патриархов, но все же настолько поздно, сравнительно с приведенными выше английскими, немецкими, французскими и русскими позднейшими династиями, что поверить такой хронологии никак нельзя.

Часть вторая. Орда или Орден?

Глава I. Крестовые походы рыцарских и монашеских «орденов» на русско-славянские страны с римского запада и одновременные нашествия татарских «орд» на те же страны якобы с монгольского востока в XIII веке нашей эры

Читая русские летописи (при их современном традиционном истолковании)

Невольно припоминаешь басню Крылова:

— Приятель дорогой, здорово! Где ты был?

— В Кунсткамере, мой друг! Часа там три ходил;

Уж подлинно, что там чудес палата!

Куда на выдумки природа таровата!

Каких зверей, каких там птиц я не видал.

Какие бабочки, букашки,

Козявки, мушки, таракашки!

Одни как изумруд, другие как коралл.

Какие крохотны коровки!

Есть, право, менее булавочной головки.

— А видел ли слона? Каков собой на взгляд?

Я, чай, подумал ты, что гору встретил?

— Да разве там он? — Там.

— Ну, братец, виноват: Слона-то я и не заметил.

Действительно, подумайте сами. Вот я привел вам ряд цитат из русских летописей — Ке-

нигсбергской, Радзивилловской, Лаврентьевской, Суздальской по списку б. Московской Духовной Академии и др., справедливо считае-
мых за менее подвергшиеся дополнениям и переделкам позднейших редакторов-копиистов. В них мы читаем, в какой день недели и месяца такой-то князь выдал замуж свою дочь, в какой день он умер и где был погребен, или находим совсем незначительные частные заметки о всяких мелочах, а о слоне того времени — о крестовых походах, взволновавших весь тогдашний культурный и некультурный мир — ни единого слова! Самое имя Царь-Град упоминается до захвата его крестоносцами в 1204 году в этих основных летописях только мельком, без всяких комментариев, как будто бы в нем ничего достопримечательного не происходило.

Вот все, что там есть об этой столице восточного мира по Лаврентьевскому, Суздальскому и Троицкому спискам:

«В лето 6630 (1122)... Приде митрополит из Царьграда в Святую Софию именем Никита... и земли тряские бысть (хотя землетрясения в Суздале, где предполагается составление

этой летописи, и не бывает)».

И еще:

«В лето 6672 (1164). Иде (Леон, неправильно поставленный в Суздальские епископы) ко исправление (к) Цесарю-Городу и тамо упрен (обличен,) бысть владыкою Феодором и Андрианом Болгаръским перед царем Мануилом».

И затем рассказывается, что когда он при этом начал возражать самому царю, стоявшему над рекою, его ударили в шею царские слуги и едва не утопили в реке.

Мне скажут:

«Хотя эти две записи сделаны уже после того, как в 1099 году крестоносцы взяли палестинский Элькудс, считаемый за Иерусалим и, освободив „гроб господень“, основали там Иерусалимское Королевство, но все же они сделаны до взятия Царь-Града крестоносцами».

Пусть будет так, отвечу я. Возьмем более поздние сообщения. Прежде всего мы находим, что от 1204 года, когда водворились в Царь-граде крестоносцы, и до 1218 года мы ничего не находим о Царь-Граде.

Но вот перед нами 1218 год, всего через 14 лет после того, как крестоносцы взяли Царь-Град и основали там столицу Латинской империи. В это время греческий православный патриарх вместе с греческим царем убежали в Никею, и в Царь-Граде был уже патриарх католический. А запись гласит:

«Того же лета приде епископ Полотъский из Цесаря-града к великому князю Константину Володимировичу ведая его любовь и желание до всего божественного церковного строения, до святых икон и мощей святых и до всего душеполезного пути и принес ему некую часть от страстей Господен, яже нас ради, Владыка Иисус Христос от людей претерпев, пострадал, и мощи святого Логина Мученика сотника, связые его руци обе, и мощи святые Марьи Магдалины, Христоробивый же князь Константин с радостью великою сотворил празднество светлое о приходе их (к нему) и поставил их у Вознесения в монастыри перед Золотыми воротами».

Далее описывается пространно и само торжество, а о том, что в это самое время в Царь-Граде господствовали «богомерзкие» с право-

славной точки зрения латины — ни слова.

Вот 1211 год по летописи б. Московской Духовной Академии, всего через 7 лет после захвата Царь-Града крестоносцами.

«Пришел Добрыня Ядрейкович из Царья-Града и привез с собою древо от Гроба Господня, а сам постригся на Хутине у святого Спаса».

Но тут уже прямо несообразно: ведь «гроб христов» и до сих пор показывается всем желающим в Эль-Кудсе, называемом нами Иерусалимом, и никогда не был в Царь-Граде, о взятии которого латинами всего 7 лет тому назад автор как будто даже и не знает.

Затем, в 1261 году греки снова захватывают Царь-Град, и Латинская империя на Балканах рушится. Опять в русских летописях не находим мы ни слова радости об этом или даже упоминания о таком важном для монахов событии. И только через 120 лет имя Царь-Града мы опять встречаем по такому ничтожному случаю:

«В лето 6889 (381). В праздник Воскресенья (в других списках Вознесенья) Господня пришел из Царь-Града на Русь пресвященный Ки-

прият митрополит на свою митрополью на Москву. Князь оке великий Дмитрей Иванович принял его с великой честью...»

А между тем, в тех же самых основных летописях сообщается по разным поводам и об иностранных событиях. Так, под годом 1065, по поводу кометы Галлея (которая по нашему счету явилась не в 1065, а в марте 1066 года) рассказывается, в связи с этим «знаменьем», даже о давно прошедших иностранных событиях. Говорится, например, о том, что при Константине «сыне Леонове Иконоборце» (741-775 году) «в Сурии (Сирии) был трус велик (землетрясение) и из земли, расшедшейся на три поприща, вышла маска, глаголющая человеческим голосом и проповедующая наитие язычника, как и было: напали сарацины на Палестинскую землю».

Таких «знамений» (т.е. предзнаменований) в русских летописях описано много. Так почему же ни одно из них не связано с событиями крестовых походов, которые после 1204 года, когда была основана Латинская империя, должны были казаться православному русскому летописцу величайшим и непосред-

ственным делом самого сатаны?

Единственным выходом из этого исторического столбняка является мысль, что отражением крестовых походов в русских летописях является современное им татарское иго. Как ни кажется неожиданным с первого взгляда такое сопоставление, но оно само собой навязалось мне при чтении основных русских летописей, после того как я убедился астрономической проверкой, что со времени 1111 года они не апокрифы, а составлены по реальным непосредственным записям разных лиц.

Сначала эта мысль мне самому казалась парадоксальной, потому что и я не подвергал ни малейшей критике внушенное всем нам представление, что наша культура не западного латинского, а восточного греческого происхождения. Но чем более я думал об этом предмете, тем более находил фактов в пользу «западничества».

Часть этих фактов я уже привел здесь. Это — латинские названия месяцев календаря у наших летописцев, которые употреблены также и в наших славянских «Четьи-Миней», где в добавок почти половина имен святых

носят латинские или славянские имена (Август, Агриппина, Аквилина... Вера, Надежда, Любовь, Владимир, Всеволод, Вячеслав, Роман, Константин и т.д.), а другая половина представляет собою с незапамятных времен латинами же — еврейские и греческие прозвища (Александр, Алексей... Яков, Матвей и т.д.). Отсюда ясно, что и греческие имена могли попасть к нам из латинских же первоисточников, наравне с еврейскими. Ведь исключительно греческих имен, не употребляемых в латинских святцах, не встречается у нас почти ни одного. Скажу более: само название церковь происходит у нас от латинского слова «цирк», а не греческого ее названия «екклесия» хотя это последнее название отразилось (вероятно лишь со времени крестовых походов) даже во французском названии церкви — *eglise*.

А если мне скажут, что слова Библия и Евангелие у нас греческие, то я отвечу, что и они были еще задолго до нас адоптированы латинами в их ономатику, а потому от латин же могли перейти и к нам, а не непосредственно от греков, как это нам внушили.

Мне скажут также, что Библия была переведена на славянский язык с греческого, доказательством чему служит книга Эсфирь, где в славянском переводе повторены значительные вставки, сделанные греками в первоначальном латинском тексте. Но не вошли ли они сюда уже после того, как московский патриарх Никон (1652-1681) поставил соборно в 1654 году исправить все богослужебные книги по собранным им греческим рукописям? И не могли ли эти поправки войти даже и в староверские книги, так как раскол в России возник по чисто внешним признакам: из-за приказания креститься тремя пальцами вместо прежних двух, и из-за изменения первоначальной орфографии имени Иисуса в Иисуса.

И тут же мы опять впадаем в недоумение: если до реформы Никона, т. е. до 1654 года писали Иисус, как это употреблено и в суздальской летописи, принадлежавшей Московской духовной академии, то как же в Лаврентьевском и Радзивилловской списках употребляется уже сокращенная после-Никоновская орфография, как будто эти списки составлены уже не ранее конца XVII века?

Припомнив, что только патриарх Никон, этот первый знаток греческого языка и собиратель греческих рукописей в России, установил авторитет греческой науки в русской церкви и ввел греческие церковные порядки, подвергнувши отлучению и ссылке своих противников Аввакума и Неронова, мы приходим к убеждению, что и цитаты Русских Летописей из Библии и Евангелий надо еще подвергнуть тщательному сравнению с до-Никоновскими славянскими текстами, а эти последние с латинскими и греческими переводами Библии и Евангелий. Я же здесь укажу лишь на один очень существенный факт. В славянской церковной Библии есть целая «Третья книга Ездры», которой нет ни по-гречески, ни по-еврейски, а только в латинской Вульгате. А, ведь, отсюда выходит, что наша славянская Библия или целиком, или отчасти переведена была первично с латинского языка, а не с греческого. Во всяком случае влияние латинизма на до-Никоновскую русскую церковь после этого красноречивого факта отвергать нельзя.

Пойдем теперь и далее.

Я уже имел случай указать, что слово «орда» совсем не татарское, а латинское слово *ordo*, т. е. рыцарский крестоносный орден (координация).

Я указывал также, что и татар, как территориального народа с таким именем, нигде не существует; есть только туркмены, ногайцы, кумыки, карачаевцы, тухмены, ахалтекинцы и т. д.

Производить слово татары от имени «татань», как будто бы называли в V веке китайцы одно из исчезнувших затем монгольских племен в Манчжурии, можно только с отчаяния. Из географических местностей Восточной СССР и на континенте Азии нет ни одной с именем Татань или Татария. За Азией же есть только «Татарский пролив», отделяющий Японское море от Охотского, но и он получил такое название лишь в XIX веке от наших русских моряков, а местное население никогда так его не называло. Тоже самое можно сказать и о татарах, проживающих на месте, где ранее существовало Казанское ханство, а ныне расположена Казанская губерния. И здесь название татары не националь-

ного, а русского происхождения, так же как и «немецкая» колония на Нижней Волге. Ведь немцы только в России и называют себя немцами, а настоящее их имя — германцы.

И вот, к удивлению, два единственных пункта, которые и у себя называются «татарскими», находятся только в Болгарии или около нее. И до сих пор там существует на реке Марице с 16-тысячами жителей город Татар-Базарджик, т. е. Базарчик. Да еще недалеко от устья Днестра, близ города Аккермана есть большое болгарское местечко с несколькими тысячами жителей, которое называет себя Татар-Кончак.

Таковы две единственные географические местности, носящие до сих пор и название Татарских, как бы намекая, что сами жителей тех местностей когда-то называли себя татарами, а теперь называют себя уже «Волгарями» (по западноевропейскому произношению Болгарами)[82]. Дунай, к которому они прилегают, не называется более Волгой, но очевидно он когда-то назывался так, потому что допустить, что волгари-болгары и волгари-валахи перекочевали сюда с Русской Вол-

ги, называвшейся в средние века совсем не Волгой, а Итилью, значит не считаться ни с какими культурно-географическими условиями.

Много легче допустить, что перекочевало на восток только прежнее имя Дуная — Раздельная река (Фалег по библейски, перешедшее в Валег и затем в Волгу, откуда появились и имена Олег и Ольга; отмечу, что и обе эти мифические личности жили ближе к Болгарскому Дунаю, чем к русской Волге).

И около той же придунайской местности поднимается огромный горный хребет Высокие Татры (Высокие Татары) на границе Галиции, Моравии и Венгрии, с главными вершинами Герлаховка, Ломе-ницкий Верх и Леденицкий Вер, поднимающимися выше 2600 метров над уровнем моря. А южнее их возвышаются еще Нижние Татры (Нижние Татары), называемые также Литовскими Татрами и Зволенскими Альпами, главная вершина которых Думбер поднимается на 2045 метров. Вот единственная Татария на земном шаре.

А в довершение всего из Татарских гор вытекает еще река Гран, по берегам которой и

по обоим сторонам этой части Дуная находится графство Гран, где и до нашего времени в городе Гране была резиденция католического примаса (т. е. представителя папы для Венгрии и Славянских стран).

Этот город Гран по местному Остригом (Ostrihom от Istro-Granum) был во время крестовых походов важнейшим городом Венгрии. Пилигримства туда русских князей с Днепра, вследствие отсутствия проторенных дорог по суше, могли происходить легче всего по Припяти и Стыри через Львов и Татарские горы, вследствие чего и вся эта местность могла получить у русских название Татры (Татары) по самому бросающемуся для них, жителей равнин, признаку — ущельям Татрских гор, откуда и выражение: «провалиться в тартарары».

А к югу от них, на Балканском полуострове, мы имеем сверх того единственные два города на земном шаре, одноименные со столицей Золотого Ордена (по старо-русски Золотой Орды) — Сараево, по-турецки Босна-Сарай, главный город Боснии, и просто Сарай, старинный форпост Царь-Града, теперь

незначительный городок.

Но я прибавлю еще и нечто большее. Ведь имя Сарай происходит от еврейского слова Сара, т. е. царица, и по-русски вместо Сарай следовало бы читать Царя, т. е. город Царя, иначе Царь-Град. Еще в первом томе я показывал, что и город Тир по-еврейски Цор (или Цур, или Цар), ошибочно относимый в Сирию, есть на самом деле тот же Царь-Град. А теперь мне приходится отметить, что и «Сарай» Золотой Орды надо бы читать в русских летописях: Царя (т. е. Царь-Град) Золотого ордена. Точно также и имя Кесарь, греческое Кай-сар, надо читать отдельно Кай-сар, т. е. святой царь, потому что Кай, иначе Гай, или просто Ай, значит святой, откуда, например, и название храма Мудрости в Царь-Граде Айя-София, и название горы Ай-Петри — Святой Камень — в Крыму и ряд других местностей[83]. Эту же приставку присоединяют и к некоторым царским именам, например Гай Юлий Цезарь, при чем и самое слово Цезарь, как я только что сказал, есть искаженное латинскими Кай-Сар — Святой-царь и город Цезаря (первоначально Кай-Сарайя) значит «Святой

Царь-Град».

Мы видим, что все ономатические следы приводят нас не на Волгу, а на Дунай, который, очевидно, ранее и назывался у славян Волгой.

Искать этот Сарай — столицу Золотого Ордена, основанного Ба-тю-Ханом (т. е. батюшкой-священником) или Батыем по-старорусски и просто Батюшкой (Папой) по-итальянски, в степи за нынешней Волгой можно было только тому, кто руководился предварительным убеждением, что для бога все возможно! И, все же, не найдя там ничего, пришлось решить, что этот сквозь землю провалившийся Сарай был уничтожен не иначе как в 1502 году крымским (?) ханом Менли-Гиреем, союзником Москвы[84].

И вот, отметив, что и самое татарское иго есть ничто иное, как русское произношение латинского *jugum tartaricum*, т. е. адское иго, и сообразив, что оно было одновременно с крестовыми походами, и с основанием латинской империи на обломках Византии, и что с греческой и русской православной точки зрения рыцарские ордена должны были действи-

тельно казаться адскими ордами (*ordines tartarici*), я впервые стал сомневаться в том, действительно ли русские летописцы, у которых описаны, как у Крылова в басне, все исторические:

*Козявки, крохотны коровки,
Что, право, менее булавочной го-
ловки...*

не заметили «слона своего времени» — крестовых походов, с их духовными и светскими рыцарскими орденами, которые в это самое время наседали на ихний же Восток, основывая в славянских землях зависимые от них государства и насаждая католическую культуру?

Ведь в это самое время, в 1202 году (в момент окончания «начальной русской летописи» псевдо-Нестора и начала ее Радзивилловского продолжения) на самом кануне создания Латинской империи на Балканах был основан в Риге епископом Альбертом Буксгевденом рыцарский Орден (или Орда) меченосцев, соединившийся затем в 1237 году с тевтонским орденом, существовавшим до 1561

года.

И около этого же времени Тевтонский орден (по-старорусски «Немецкая орда»), основанный крестоносцами в 1128 году «в освобожденном Иерусалиме», покинул его и водворился в Варшаве и распространился на восток, причем его рыцари были разбиты в 1242 году Александром Невским на Чудском озере.

В «Летописи по списку Лаврентия» сказано об этом: «В лето 6750 (1242 год по нашему счету). Великий князь Ярослав сына своего Андрея в Новгород Великий в помочь Олександрови на немци и победил их в Плесковом (под Псковом) на озере и в полон многих пленил и возвратился Андрей к отцу своему с честью».

А по списку Московской духовной академии: «В лето 6750 (1242). Ходил Алексавдр Ярославич с новгородцы на немцы и бился с ними на Чудьском озере у Воронина Камени и победил Александр и гнал (немцев) по льду 7 верст, секучи (рубя) их».

Вот единственное упоминание в наших основных летописях о столкновении русских князей с рыцарскими орденами, но без упо-

требления названия орды. Разбитый Александром Невским Тевтонский орден в это время уже принял немецкий национальный характер, вел (вместе с Ливонским орденом) в XIII—XIV веках постоянные войны с Литвою, Польшею и Северо-Западной Русью, но после поражения, нанесенного ему поляками и литовцами в Таненбергской битве (1410 году), влачил жалкое существование, переселившись в Прирейнский край во Франконию, где и существовал вплоть до Наполеона I. Но самым интересным с нашей точки зрения является тут «орден Святого Креста». Через 13 лет после основания Латинской империи рыцари этого ордена стали проникать (с 1217 года) из Южной Франции в Богемию, Моравию, Силезию и Польшу и, вероятно, также и в Юго-Западную Русь. Их командор и благочинные носили на груди золотой мальтийский крест, а потому и сама эта корпорация легко могла получить название «Золотого Ордена», или «Золотой Орды» по старо-русски, хотя ее членов обыкновенно называли рыцарями «Красной Звезды», потому что некомандный состав ее носил на себе лишь крест из красного атла-

са с шестиугольной красной звездой.

Мы видим, что эта «Золотая Орда» распространилась по Балканским Славянским землям с Запада как раз в то время, когда по русским летописям вторгались в Юго-Западную же Русь татары (1237-1240 гг.) и произошло на нее Батыево (Батыево) нашествие, окончившееся потом переходом к Польше и Литве всего Киевского княжества вплоть до Черного моря.

Историческая наука, как я не раз уже говорил, должна быть прежде всего согласована с физической и географической возможностью сообщаемых в ее первоисточниках событий.

Вот, например, карта Крестовых и «Татарских» походов, составленная по моей просьбе проф. К. Р. Мрочекон. Правая часть ее представляет «татарские походы», вычерченные по «карте Руси от 1054 по 1240 год» из «Учебного Атласа по русской истории», составленного Н.Н. Торнау и изданного в 1916 году. Заподозрить ее в каком-либо «уклонизме» от ортодоксальной науки нельзя, так как она, вместе со всем атласом, была принята тогдашним Министерством Народного Просвещения

для преподавания в его учебных заведениях, толстая линия направо вниз, идущая от Татров до Донца и теряющаяся тут, разделившись на две ветви, представляет путь татар под предводительством Бати-хана (Батыя) в 1240-1241 годах.

Скажите, отбросив внушенные вам представления, которые могут быть и тенденциозны, а руководясь одним только здравым смыслом: откуда должен был идти этот военный «татарский» поход? Из Татарских ли (т. е. Татрских) гор — из сильной и многолюдной Венгрии — в безлюдные тогда (как видно и по карте) степи реки Донца, чтоб окончиться тут по причине безлюдья? Или, наоборот: возникнув в пустых степях из этого безлюдья и одновременно даже в двух пунктах около Донца, слиться потом в Переяславце близ Киева, и затем победоносно, взяв могущественные города Киев, Владимир Волынский и Галич — пропасть в Венгрии в Татрах?

И здравый смысл, и география говорят нам, что такой поход, какой тут вычерчен, мог идти только с многолюдного, богатого и культурного запада, на почти безлюдный ко-

чевой восток. А если кто-нибудь скажет, что географ Торнау только начал вычерчивать его с этого пустого пункта, а начался он еще в отдаленных монгольских степях, то я отвечу: тем невозможнее этот поход. Да и не вычерчен он здесь восточнее реки Донца только потому, что для дальнейшего продолжения этой черты на восток, хотя бы до Волги, нет никакой возможности: нигде о том не говорится в истории этого похода.

А вот и еще сюрприз. Битва на Калке, на берегу Азовского моря, говорит нам летописец, была в мае 1223 года, а в Атласе Торнау этот «татарский поход» был в 1224 году и другого не было. Но тут утвердились Генуэзцы, значит, и битва эта была у Татрских крестоносцев с Генуэзскими колонистами. А на чьей стороне были русские?

А то обстоятельство, что ортодоксальные историки XIX века считали, что Батый тут, на Донце, был летом 1240 года, а в Татрах летом 1241, то я отвечу, что лето 1240 года, считаемое по сентябрьскому восточному началу года, и будет летом 1241 года по западно-европейскому Мартовскому началу года. А кроме

того, подмен мог быть сделан и тенденциозно, когда захотели заменить татарский крестоносный духовный орден — татарскою ордою [85].

Все это еще более становится ясно, когда вы сопоставите поход Орды Батыея (ордена Бати — Папы) с предшествовавшими походами крестоносцев той же самой эпохи. Взгляните на западную часть той же самой карты Европы, представляющей предшествовавшие Батыею крестоносные пути и, если школьный гипноз не ослепил окончательно ваши глаза, то вы сами скажете, что поход Батыея в 1239 году есть продолжение того же Drang nach Osten, каким вызван и 4-й крестовый поход. Припомните только: в 1238 году был утвержден в Богемии, Силезии, Моравии, Татрах и Польше Папою Григорием могущественный духовный орден «Носителей креста», гроссмейстер которого считался первым прелатом Богемии и до сих пор пребывает в Праге, нося вместе с командирами Золотой крест, так что в просторечии мог называться Зшютыш орде-ном или — Золотой ордой. Цель его была — распространение папского христианства в

славянских странах в союзе с рыцарскими орденами, из которых тут был тевтонский. И в это же время мы видим на карте поход Бати-хана. Западный конец Золотой Орды этого похода находится как раз в области этого Золотого ордена, а правый, раздвоившись в Киве на две ветви, теряется в последних населенных местах того времени между Доном и Донцом. Так как же можно даже подумать, что движение Батяевой орды было в обратном направлении.

Вот, на той же карте в Прибалтике вы видите, возникшие как раз за несколько лет до похода Батыя «Владения Ливонского ордена крестоносцев (1202-1237)» и владения «Тевтонского ордена (1226)». А где же духовный Орден Святого креста, самый влиятельный из всех? Ведь он же и был в Татрах, и по всей Венгрии, и по рекам Пруту, и Днестру, где на карте помечены печенегы, т. е. печники, созвучно с именем главного венгерского города Пешта, по-славянски град «Пещь» и по-немецки до сих пор Ofen... А в Заволжье никаких «орд» еще не показано на исторических картах. Такие названия для кочующих ногайцев,

а потом и монголов, появились уже позднее и, можно думать, тоже не без связи с католическими миссионерами, если не военных, то чисто духовных орденов: францисканцев, миноритов и т.д., давших начало и буддизму. Самое слово татары явно вышло из Татрских гор и распространилось на восток, охватив разноплеменное население, причем, например, в Грузии это слово стало национальным названием турок.

Но возвратимся к нашей исторической карте. Вот, на середине ее направо вы видите, как тот же орден Батыя (или бати-хана) избродил нелепым образом всю среднюю Россию между 1236 и 1238 годами. Для мухи, ходящей по нашей карте, такая прогулка вполне возможна, но насколько она географически, климатически (три зимы !!!) и физически подходит для большого войска среди испуганного редкого населения, разбегающегося во все стороны от чужеземцев-иноверцев, пришедших из неведомой Монголии через пустыни и степи.

Другое дело, если под именем Батыя подразумевался «батя» (по западному «папа»), а под

именем его похода — два отдельные крестовые похода папского Ливонского ордена. Начавшись около Русы, в Новгородской области, один действительно мог идти на юг до Курска, а другой в Кострому, а затем вместе с Москвичами и в Рязань, и даже на Волгу. А для одного и того же похода, и притом от Каспийского моря (следов к которому тоже нет) всякая возможность такой прогулки совершенно исключается.

Таким образом, уже простой взгляд на географическую карту «татарского нашествия» говорит нам, что оно было в связи с рыцарскими крестовыми походами, и что слово «орда» есть ничто иное, как *ordo*, по-русски — орден.

Взгляните теперь и на следующую карту, на которой сопоставлены географически и хронологически татарские походы с крестовыми. Что же вы тут видите? Нечто очень странное: на берегах Балтийского моря водворились два ордена — Тевтонский и Ливонский, а у Черного моря — две орды: Едесская и Крымская. Какое удивительное совпадение, если это не разные становища одного и того

же крестоносного похода латинян на восток.

А дальше мы видим еще более поразительное совпадение:

Два северные похода орды Батыея (т. е. ордена батушки, бати) явно идут из ливонского папского ордена, через Руссу: один — в 1237 году на Торжок, где дает ответвление на Москву и Рязань, а другое ответвление на Ярославль, Владимир на Клязьме и по-видимому вдоль Волги вплоть до Казани, где и оканчивается в 1237 же году. А второй северный поход идет из Руссы на Козельск и оканчивается в 1238 году в Воронеже.

А южный поход «татаровой» явно идет из Татров, где водворился «Золотой орден» крестоносцев («Золотая Орда» батушки-Батыея), предводители которого носили на груди золотые кресты. Начавшись в Татрах в 1239 году, он в этом же году дошел до Галича, Владимира Волынского и окончился за Киевом в Переяславле, а другое его ответвление, идя на Чернигов, окончилось в Змиеве в 1240 году.

Независимо от этого была еще битва с Ногайской Ордой (ногайским орденом генуэзцев) в 1224 году.

Вот и все «татарские нашествия». Совершенно ясно и географически и хронологически, что это были продолжения крестовых походов, вычерченных на этой же самой карте. Это был тот же Drang nach Osten (напор на Восток). Первый поход был в 1096 году из Метца; второй в 1202 году из Венеции; третий (по счету нашей карты) из Риги через Руссу в 1237 году и четвертый из Татров в 1239 году.

Из всего ясно, что дошедшие до нас тексты русских летописей проредактированы тенденциозно кем-то уже много позже крестовых походов, т. е. свержения унии (т. е. Татрского ига) в России. Отмечу здесь красноречивое хронологическое совпадение: в 1441 году Иерусалимский собор восточного духовенства отверг «унию» восточной церкви с западной, а после этого великий князь Московский Иоанн III Васильевич женился на греческой царевне Софии, свергнув татарское (т. е. татрское) иго, иначе говоря, иго западно-европейских крестоносцев.

В дополнение я привожу еще карту из официального исторического атласа, употреблявшегося при царском режиме во всех средних

и высших учебных заведениях России. Уже при (очевидно, пропущена страница) своего Кондофларенда (того же *compte de Flandre*) [86] со своими епископами и разделили: царю (Кондофларенду) дали власть, Маркосу (Маркизу) — суд, а дужу (Венецианскому дожу) — десятину (десятую часть), «мая 30 на память святого мученика Еремия. А Василко услышав о приключыпемся на Руси, возвратился от Чернигова, сохранен богомъ, и силою честного креста, и молитвою отца своего Константина и стрья своего Георгия, и вошел в свой Ростов, славя бога и святую богородицу».

Доказательством того, что это вставка очень поздняя, сделанная человеком уже исторически знакомым с Крестовыми походами и удивившимся, что под 1204 годом в его первоисточнике ничего нет о таком мировом событии, как взятие Царь-Града франками, служит то, что 1) слово фряг считается уже разнящимся от слова варяг; 2) что оно употреблено только в Новгородских копиях и 3) лишь для данного случая только под 1204 годом и больше нигде. А ведь франки сидели властелинами в Царь-Граде по 1261 год! Да и под 1261 го-

дом, когда Михаил III отнял у них обратно Царь-Град и восстановил в нем православие, о таком великом празднике, с точки зрения православного монаха, нет ни слова не только в более основных, но и в самой этой Хартийной Новгородской летописи.

Отсюда видно, что первоначальные русские летописи не раз тенденциозно подчищались и пополнялись вплоть до того времени, как они попали в наши государственные книгохранилища.

Современный их исследователь должен иметь все это в виду и руководствоваться прежде всего не буквою текста, а своим собственным здравым смыслом.

Интересно проследить, с этой точки зрения, за кого считались татары в основных русских летописях.

Впервые упоминаются они под 1223 (6731) годом, т.е. через 7 лет после того, как рыцари только что упомянутого Ордена Золотого Креста дошли из Южной Франции до Богемии, Моравии и Польши. Вот, что говорится в Суздальской летописи по списку Лаврентия и повторено почти во всех других, в том числе и в

только что цитированном «Хартийном списке Новгородской летописи».

«Того же лета (1223) явились языци (т.е. иностранцы), их же никто добре ясно не весть, кто суть и отколе изошли, и какой язык их и которого они племени и какова вера их. И зовут их татары, а иные глаголют таумены (в другом месте таурмены), а другие называют их печенезами (печнецы? от буда-Пешта, Офена?), а иные глаголют, яко они суть, о которых Мефодий Патарский епископ свидетельствует, что изошли из пустыни Етриевской меж востоком и севером... Мы же их не вемы, кто суть, но здесь вписали о них ради памяти о беде русских князей, какая была от них[87]. И мы слышали, что они многие страны попленили: Ясы (Яссы, первоначальная столица Молдавии, теперь румынский город, который по западным первоисточникам как раз в это время и заняли рыцари святого креста), Обезы (Abbazia в Истрии на Адриатическом море), Касоги (Коссово в Сербии?) и избили множествополовец безбожных, а иных загнали, так что они (половци) измерли убиваемы гневом Божиим и пречистой его мате-

ри, много бо зла сотворили ти окаянные по-
ловцы Русской земле. Того ради всемилости-
вый бог, хотя погубити и наказати безбожных
сынов

Измайловых Куманов, послал (татар[88])
отмстить кровь хрестьянскую, что и произо-
шло над беззаконными. Прошли бо те Таур-
мены всю страну Куманскую (страну кумов) и
пошли близь Руси там, где вал Половечьский.
Услышавши это Русские князи Мстислав Ки-
евский и Мстислав Торопечский и Черни-
говский, и прочие князи, задумали итти на
них, думая, что те (татары-таумены) идут к
ним. И послали они в город Володимер к ве-
ликому князю Юрпо (Георгию), сыну Всеволо-
жу, прося помочи у него. Он же послал к ним
благочестивого князя Василька, сыновца сво-
его, Константиновича, с ростовцами, но не
успел Василько притти к ним в Русь. А князи
Русии пошли и билися с таурменами, и по-
беждены были от них, и мало их избегло
смерти. Те, что остались живы убежали, а
прочие избиены были. И Мстислав, старый
добрый князь, тут убит был, и другой Мсти-
слав, и другие 7 князей избиено было, а бояр

и прочих воинов многое множество; глаголють бо тако, яко Киян одинях изгибло на полку том 10 тысяч. И был плач и туга в Руси и по всей земле, когда слышали эту беду. Зло же сие скончилось месяца».

Теперь половцы или куманы, а также тавмены или таурмены-татары считаются за тюркские племена, пришедшие из Азии. Но это все догадки народо-искателей XIX века, стремившихся все непонятное себе в летописях переносить в Азию. Такой прием был самый легкий, чтоб выйти из затруднений: в Азию можно было отправить что угодно в виду отсутствия тамошней собственной истории. А факт тот, что XIII век застаёт таурменов-татар в Венгрии, на Балканском полуострове, в западной Руси и видит их, как Крестоносцев, заходящими даже в Египет и в Закавказье. Да и название куманы, напоминающее славянскую привычку христианского периода называть друг друга кумовьями и братушками, нам незачем искать далеко: и до сих пор Восточная Венгрия между Дунаем и Татрскими (т. е. татарскими) горами называется Куманией, а ее жители куманами.

Припомним, кроме того, что в тех же заданных краях существовало созвучное с половцами Полоцкое княжество, в состав которого входили и до сих пор существующие города Полоцк, Витебск, Могилев и Минск, где и до сих пор, кроме основного земледельческого населения, имеется значительный процент городских евреев[89] и даже часть агарян. Считая их за перерождение первоначального арианства (так как мне уже довелось доказать, что Арий и Арон одно и то же лицо), мы можем прийти к заключению, что господствующий класс Полоцкого княжества был в XII веке арианского вероисповедания, одинаково неприятный и крестоносцам, и русским. Отсюда является идея, что татарами или, вернее, тартарами (людьми, осужденными в тартарары) назывались евангельскими христианами все вообще ариане.

Латинское слово *ordo* (откуда наше слово координация) произносимое нами теперь как орден в смысле корпорации, а летописцами как орда, ни разу не встречается в «начальной летописи», как и должно быть, потому что она оканчивается в 1110 году до появле-

ния крестоносных рыцарских орденов в славянских странах. А в продолжениях этой летописи и как раз только в период господства рыцарских орденов в славянских землях, много раз встречаем это название.

Посмотрим, что выходит, если в текстах русских летописей я исправлю слово орда на орден.

Вот, например, в Суздальском списке Лаврентьевской летописи:

«В лето 6792 (1284 года). Пришел (Курский князь) Олег из Ордена с татарами и убил Святослава (Липовичского князя) по цесареву слову (за то, что тот напал на проходной караван)».

А о местопребывании ордена ни слова. Затем в Суздальской летописи по списку Московской духовной академии мы находим: «В лето 6752 (1244 года). Пришли в Орден Володимир Константинович (князь Углицкий) Василий (князь Ярославский) Всеволодович, Борис (князь Ростовский), да Глеб Васильковичи (князь Белозерский) прося свою свою отчину, и пожаловал их князьями Батый (т. е. Батый-Батюшка, гроссмейстер ордена)». А в Лав-

рентьевском Суздальском продолжении Радзивилловского списка мы имеем под тем же 1244 годом:

«В лето 6752. Князь Володимер Константинович, Василий Всеволодович, Борис Василькович со своими мужами поехали в Татары (т. е. Татры?) к Батыеву (просить) про свою отчину. Батый оне почтил их честию, достойную и отпустил каждого в свою отчину».

Мы видим, что здесь вместо Орды показано какое-то место, называемое Татары. А места с такими названиями (Татар-Базарджик, Татар-Кончак и горы Татры) имеются только в Венгрии, Болгарии и Бессарабии.

Для 1257 года в Суздальской летописи отмечено: *«В лето 6765. Прийти все князья в Орден почтить Уловчия (преемника Батяя) и всех воевод его и возвратились во свояси».*

А в Лаврентьевском продолжении Радзивилловского списка находим под тем же годом:

«В лето 6765 (т.е. в 1257 году). Поехали князи в Татары (Татры-Карпаты), Александр (Невский), Андрей (Суздальский), Борис (Ростов-

ский) почитать Уловчия и возвратились в свою отчизну. Той же зимой приехал Глеб Василькович (князь Белозерский) из Кану-земли (из земли Хана) от цесаря (Kaiser'a) и оженился в Ордене».

В 1282 году в Суздальской летописи находим:

«В лето 6790 ходи Игнатий епископ вторично в Орден по поводу причта церковного» (А какое было дело до причта магометанину?)

В 1293 году (в Суздальской летописи) находим:

«В лето 6801. Пришли все князи в Орден и (с ними) владыка Тарасий. Того же лета преставился князь Михаила Глебович в Ордене и принесен был в Ростов. Того же лета пришли из Ордена князи Андрей, Дмитрей (Ростовский), Федор (Ростовский), Константин (Ростовский), и с ними (т.е. в помощь им) царь Дюденъ (Дю-Дени?), с ратью на великого князя Дмитрия Владимировского). Князь же бежал в Псков. Татарове же взяли Володимир, Переяславль, Москву, Волок и 14 городов и много зла сотворили в русской земле». (В списке Лаврентия этот лист записи кем-то вырван).

Здесь, как видит читатель, татары (т. е. Татарские горцы) находятся на службе Ордена, утверждающего князей. А далее мы находим:

«В лето 6803 (1295 года). Князь великий Андрей иде (шел) в Орден, с княгинею». (Это есть только в Суздальской летописи).

«В лето 6803 (1302 года). Оженился князь Константин (Ростовский) в Ордене у Кутму-Кортки (какое-то искаженное иностранное имя), а Федор Михайлович (тоже Ростовский князь) у Велбласмыша (только в Суздальской летописи)».

Значит там имелись и священники для венчания князей.

«В лето 6813 (1305 год). Прииде из Ордена князь Михаиле Ярославович (утвержденный там) на великое княжение (в Твери, и это только в Суздальской летописи)».

Здесь кончается Суздальская летопись по списку Лаврентия. Далее беру из Суздальской же летописи по списку Московской Духовной Академии.

«В лето 6821 (1313 год). В Ордене сел на царство Озбяк. Это имя считают за Узбека или Уз-бега, но каково бы ни было его действи-

тельное произношение, он сильно возвысил Москву своим особым покровительством ее князю Юрию Даниловичу, женатому на его сестре Кончаке[90] (иначе Агафий), и объявил в 1328 году Московское княжество Великим Княжеством».

«В лето 6823 (1315 год). Пришел из Ордена (утвержденный на княжение) князь Михаил Ярославович (великий князь Тверской) и с ним послы Тайтмер, Махража и Инды (какие-то перековерканные иностранные фамилии) и были они в Ростове и много зла сотворили».

«В лето 6822 (1314 год). Пришел из Ордена князь Василий Ростовский, и с ним послы Сабанчи и Казанчи (какие-то испорченные итальянские фамилии)».

«В лето 6825 (1317 год). Пришел из Ордена князь Юрий (Георгий) Данилович (утвержденный на княжение в Москве), и с ним Ковгади (опять испорченное иностранное имя). И бился Юрий с князем Михаилом (Тверским) и помог бог Михаилу князю (а Юрий был убит) и княгиню Юрьеву (Кончаку-Агафию) взял (себе) Кончак (посол Ордена)».

«В лето 6826 (1318 год). Приехал Конча (тот же Кончак[91]) в Ростов и много зла сотворил: церковь святых богородицы пограбил и все церкви и монастыри, и села, и людей пленил (обложил данью?)».

«В лето 6830 (1322 год). Пришел из Ордена князь Иоан Данилович, а с ним поганый Ахмул (посол Ордена, сковерканная иностранная фамилия) и пленили (они) много людей и посекали, и город Ярославль сожгли мало не весь. Той же зимой пришел из Ордена князь Дмитрий Михайлович (утвержденный) на великое княжение (в Тверь)».

«В лето 6835 (1327 год). Пришла из Ордена рать на Русь 5 темников, и с ними (т. е. привел их) князь Иван Данилович (т. е. Иоанн Калита) и пленил град Тверь и всей земле много зла сотворилось. А князь (Тверской) Александр бежал из Твери в Псков. Тогда убили Иоанна Ярославича Рязанского».

А для следующего 1328 года имеем:

«В лето 6836. Сел (т. е. был посажен Орде- ном) князь Иван Данилович (Калита) на великое княжение (в Москве) и была тишина на

всей земле».

Мы видим таким образом, что если послы Ордена и безобразили где-нибудь, то всегда по приглашению какого-либо покровительствуемого ими русского князя, а если и убивали одного, то всегда по навету другого. Но пойдем и далее:

«В лето 6849 (1344 год). Преставился великий князь Иван Данилович (в Москве). Той же весной (сын его) Семен Иванович с братьею пошел в Орден (для утверждения великим князем) и тем же летом вышел из Ордена на великое княжение».

«В лето 6865 (1357 год). Алексей Митрополит (всая Руси) ходил в Орден (на утверждение)». Мы видим, что даже и митрополиты получали посвящение в Ордене! Значит, были единоверцами с орденскими рыцарями.

«В лето 6867 (1359 год). Преставился князь Иван Иванович (сын „Калиты“) ноября 12. Ходили все князи в Орден и той оке зимой был убит царь (Ордена) Кулъпа».

«В лето 6868 (1360 год). Убили царя (ордена) Павруза (Paulus) и по нем сел Ходиръ (испорченное иностранное имя) и дал княжение ве-

ликое Дмитрию Суздальскому и каждому князю отчину его».

«В лето 6869 (1362 год). Убили царя (гроссмейстера Ордена) Ходиря. Тогда оне ограбили (по наветам) князей Ростовских в Ордене и пустили их нагих».

«В лето 6900 (1391 год). Месяца октября 24 пришел из Ордена в Москву великий князь Василий Дмитриевич».

И, наконец, для 1413 года. «В лето 6920... пошел великий князь Василий Дмитриевич (из Москвы) в орден, а из Ордена (пришел обратно) той же осенью».

Вслед за этим и кончается на 1419 году Суздальская летопись.

Подумаем немного по поводу только что приведенных мною фактов и не будем, как малолетние дети, которые верят всему, что им скажут другие.

Вот, в период от 1244 по 1413 год русские князья находятся в явной ленной зависимости от какого-то могучего Ордена (по латыни *ordo*, по старо-русски Орда). А за семь лет до начала этого периода, в 1237 году Ливонский военный рыцарский орден соединяется с Тев-

тонским и начинает с Запада насаждать на славянские земли, в которых еще не выработалось крупной государственности... Успех достается ему, конечно, не без борьбы.

Возьмем обычную Русскую историю. Что нам говорит она? Вот обычная версия, о которой я уже упоминал выше. Александр Невский, сделавшись Новгородским князем, не только оказывает на Неве в 1240 году сопротивление шведам, которые шли на Новгород «крестовым походом» по приказу папы, за что и получает свое прозвание, но и выгоняет из Пскова рыцарей Ливонского ордена. И однако же, победив такую могучую организацию, через 8 лет подчиняется, кому бы вы думали? Князьку кочующих заволжских иноверцев, до которого и дойти то из Новгорода было почти невозможно в то время! Взгляните только на географическую карту! И подумайте хоть немного о том, что тамошний Батя-хан (т.е. батюшка священник[92]) не иначе как по беспроволочному телеграфу из своих прикаспийских заволжских кочевнических степей утверждает его в 1252 году еще и князем Владимирским. Но ведь Владимир на

Клязьме, хотя и ближе к заволжским степям, но все же на недосягаемом для тамошнего хана расстоянии! Примите во внимание культурные условия Новгорода Великого и Прикаспийских степей, оцените просто глазомерно соотношение экономических, а сообразно с ними и политических, и стратегических, и военных сил обоих этих местностей на противоположных концах Европейской части СССР и вы увидите, что все это так же правдоподобно, как было бы, например, назначение и утверждение русских императоров в XIX веке с Чукотского носа обитателями Берингова пролива!

Совсем другое, если поссорившись со шведами и с помогавшими им ливонцами, Александр Невский искал себе покровительства того же Батюшки-Когана через более могучий Орден Святого Креста, проникший к этому времени в Моравию, Силезию и Польшу и получивший название Золотого Ордена (или Золотой Орды по старорусскому произношению латинского слова *ordo*). Тогда и по стратегическим, и по культурным отношениям, и даже в религиозном смысле все становится понят-

ным, особенно, если припомним то, что я говорил о доказательствах латинского (через западных славян), а не греческого происхождения первичной Русской умственной и материальной культуры, и лишь с этой точки зрения то, что кажется сознательному читателю нелепейшей из всех сказок, начинает принимать совсем правдоподобный вид.

Нам говорят, что, опираясь на дружественные отношения с Крымским ханом Менгли-Гиреем, Великий князь Московский Иоанн III (1462-1505) перестал с 1480 года платить дань Золотому Ордену, и вместе с этим «прекратилось 240 летнее иго», (т. е. латинское *jugum* — ярмо). Но ведь это и совпадает совсем с крушением Крестоносной Латинской империи в Византии. Обратное отвоевание Царь-Града турками произошло лишь за 27 лет до этого в 1453 году А из крестоносных государств Латинской империи княжество Ахайское рушилось в 1432 году, княжество Афинское в 1460, а графство Кефалоникское в 1483, уже через 3 года после того, как приободрившийся такими неудачами рыцарских крестоносных орденов Московский Великий князь Иоанн III,

опираясь на крымского союзника турок Менгли-Гирея, отказался платить дальнейшую дань «Золотому Ордену». А если б дело шло о единоверных и единоплеменных Гирею заволжских кочевниках, то с какой стати он стал бы помогать против них Московскому гяуру Иоанну?

Так, начавшись одновременно с крестовыми походами, *jugum tartaricum* и окончилось вместе с ними.

Хотя и после этого рыцарские ордена существовали, но это была уже тень их прежнего могущества, и платить им из Москвы дань стало также смешно, как и возить ее до этого не в Австрию или Царь-Град, а в прикаспийские степи. И дань эта естественно прекратилась.

Мы видим, что господство Золотой Орды и в русских летописях является и по времени и по существу как бы зеркальным отражением господства на славянском Востоке ордена Св. Креста. И это зеркальное отражение лишь перебрасывает сцену действия на противоположную сторону, вместо запада на восток, и притом, как и всякое зеркало в обратном ви-

де: правый бок налево и левый бок направо. Но так и должно быть с противоположных точек зрения. Те, кто с латинской точки зрения были героями, казались с греческой и русской точек зрения адскими угнетателями.

Сделав это сопоставление, посмотрим теперь, не удастся ли нам и самих татар, которых русский летописец называет также Таурменами (Thurmann'ами, а греки тартарами), отождествить с каким либо западным народом.

Мы уже видели, что сами летописцы не знают, откуда они пришли и зачем, невольно отождествляя их этим с крестоносцами.

Но посмотрим и другие упоминания по этому предмету.

Глава II. Татарское иго или Татрское иго? Кто такие «Татарове» в русских летописях?

«Удалось этим татарам то, чему подобного не слыхано ни в древнее время, ни в новое.

Выступает толпа из пределов Китая; не проходит и года, как часть ее победоносно добирается до земель Арме-

ни, а со стороны Хамадана заходит за Ирак.

Клянусь Аллахом! Я не сомневаюсь, что кто уцелеет после нас и увидит это описание, тот станет отрицать его, сочтет за небылицу, и будет правда на его стороне...»

(Ибн-эль-Асир: «Полнейшая из летописей»)

Мы уже видели в предшествовавшей главе этого исследования, как под 1223 годом нашего счета, одновременно с нашествием крестоносных орденов из Австро-Венгрии на славянские земли, Лаврентьевская летопись говорит о приходе иноземцев, о которых никто ясно «не ведает, кто они суть и отколе изыдоша и которых одни зовут татарами, другие тауменами, а иные печенегами».

Часть этого сообщения, фраза в фразе, повторяет и Суздальский список бывшей Московской Духовной Академии[93], как видно из приведенных цитат. И тоже самое приведено и в Новгородской летописи во всех трех ее копиях. Но есть и интересные вариации, которые показывают, что автор последнего списка Московской Духовной Академии и

«Новгородских списков», пользовался, кроме Лаврентьевской летописи, еще какими-то другими первоисточниками. Назвав Калкой вероятно речку, на которой стоит польский город Кельцы (или, может быть, Калиш), он дал возможность последующим историкам, не интересовавшимся ни стратегией, ни экономикой, ни даже просто географией, придумать такую невообразимую нелепость, как, начав сражение на Днепре около Киева, закончить его, — можете себе представить! — на восточном конце Азовского моря, недалеко от нынешнего Ростова-на-Дону, у Мариуполя, на реченке Калец, причем побитые ордынцами (или орденцами) русские князья оказались такими тренированными физкультурниками, что сумели добежать от них без оглядки обратно до своего Днепра.

Но перенесем действие с реченки Калеца на Азовском море в польский город Кельцы [94], назовем орду — ordo (орден), ее местопребывание Татари-Татры, народ татарове—татрове, т.е. татровцы, и тогда все не только экономически, географически, но даже и исторически придет в надлежащий вид.

Крестоносные ордена, приходя из австро-венгерских Татр и из Силезии, не раз захватывали оба эти города, а победоносное появление здесь кочевой орды из-за Волги возможно разве только в том случае, если тамошние кочевники уже обладали аэропланами.

И вот, исправив перековерканные произведения имен, мы получаем в «Суздальской летописи по списку Московской Духовной Академии» такое описание знаменитой битвы «при реке Кальце» в 1223 году (т.е. под Кельцами или Калишем — этими, так сказать, форпостами Варшавы). Я нарочно сохраняю в этом месте язык рукописи слово в слово, не переводя его буквально на русский, как делаю для легкости чтения в большинстве других цитат.

«Того же лета побила Татарове (а не Татары, как называется их родина) князей Русских. По грехам нашим, приидоша языци незнае-ми, при Мьстиславе князе Романовиче, в десятое лето княженья его в Киеве. И прииде неслыханная (рать), безбожнии Моавитяне, рекомии Татарове, их же добре никтоже не весть ясно, кто суть и отколе приидо-

ша, и что язык их, и которого племени суть, и что вера их; и зовут их Татары (испорчено переписчиком из Татрове) а инии глаголють Турмени, а друзии Печенези, инии же глаголють, яко се суть, о них же Мефодий, епископ Патаромьский свидетельствует: яко сии суть вышли ис пустыня Етриевьския (созвучно с Австрийская), сущей межи между востоком и севером,— ко скончанию времени явится к им, — яже загнал Гедеон,— и попленьять всю землю от Востока и до Бфрата и от Тигра до Понтийского моря (как и крестоносцы), кроме Ефиопия. Бог же один вестъ их; но мы здесь писахом о них памяти ради, Русских князей и беды, яже бысть им от них. Слышахом бо яко многи страны попленища: Ясы (Яссы в Румынии), Обезы (Аббазию в Австрии), Косаги (Kashau в северной Венгрии) и приидоша на землю Половетьскую» (Половецкое княжество, включавшее в себя Могилев, Минск и Вильну). Я не продолжаю далее этой выписки по-славянски, а подновляю для легкости чтения язык летописи, употребляя вместо «побегоша» — побежали, вместо «быста» — были и т.д., как в остальных моих цитатах. Вот что

говорится там далее:

Князю (Половецкому) Юрию Кончаковичу было хуже всех Половцев, не мог стати противу лица их. Он бежал. Половци же не моггши противитися имь (таурменам), побежали до реки Днепра, а иных (таурмены) загнали до Дону и в луку моря, и там (они) из-мерли убиаемы гневом Божиим и пречистые его матери. Много бо те Половци зла сотворили Русской земле. Того ради всемилостивый бог хотел погубить безбожных сынов Измайловых, Куманов[95], чтоб отмстить кровь христианскую. Победили те Татары (первично Татарове) и иных языков (народов). И прошли всю страну Куманскую (Венгерскую) и прошли близь Руси. А Котян (половецкий князь) с иными князьями и с остатком Половцев прибежал гуда, где вал Половецкий. Данил Кобякович (половецкий князь) и Урий (Юрий Кончакович) убиены были, а иные и многие Половцы (поляки или полочане) разбежались в Русскую землю. Котян же был тесть Мстиславу Мьстиславичу Галицскому, и пришел с поклоном (князьями) Половецкими в Галичь (и конечно, не в современный нам Костромской

Галич, а в Галицию, славянскую землю к северо-востоку от Карпат) к князю Мстиславу, к зятю, и ко всем князьям Русским и дары принес многие, коней, верблюдов и буйволов, и девок, и одарил князей Руських, говоря так:

«Нашу землю отняли сегодня, а завтра возмут (таурмены) придя. Обороните нас, а если не поможете нам, мы ныне иссечены будем, а вы завтра иссечены будете (отсюда уже видно, что нашествие было с Запада, будем ли мы считать половцев за поляков, или за жителей Полоцкого княжества[96]».

И помолился Котян (половецкий князь) зятю своему о пособии. Мъстислав же (из Галиции с Карпат) начал (тоже) молиться князьям, братии своей говоря:

«Ежели мы, братие, не поможем им, то они предадутся тем (таурменам) и у них болши будет сила».

«И так, подумавши много, русские князья взялись пособить Котяну, слушая моления князей половеческих. По бывшему совету всех князей в граде Кieve, створили решение:

„Лучше нам встретить (таурменов) на чюжой земле нежели на своей“, — и начали

войска строить каждый в свою власть».

Затем идет вставка, которой нет в новгородских копиях.

«Тогда был Мстислав в Киеве, Мьстислав в Чернигове, и Мьстислав в Галиче (конечно в Галиции, а не в Костромской губернии). Они были старейшины в Русской земле. Князя же великого Юрья Суздальского не было в совете том, а были еще молодые князи: князь Данило Романовичь, князь Михайло Всеволодовичь, князь Всеволод Мстиславич Киевский, и инии многие князи. Тогда же князь великий Половецкий крестился в Баете». А затем снова продолжается общий текст летописи:

«И совокупили они всю землю Русскую противу Татарове (та-тровцев) и пришли к реке Днепру на Заруб острову Варяжъскому.

„Татарове“ же (т. е. татровцы) уздавши, что идут противу них князья Русские, прислали послов к князьям Руским:

„Мы слышим, что против нас идете, послушавши Половцев, а мы вашей земли не заняли, ни городов ваших, ни сел, и не на вас идем, но пришли, богом попущены, на холопов наших и на конюхов своих, на поганых Половцев. За-

ключите с нами мир, у нас с вами борьбы нет. Если бежат к вам половци, вы бейте их, а товар (имущество) их, берите себе, ибо мы слышали, что и вам они много зла творят, того же ради мы их и отселе бьем“.

Князи же Русские того не послушали, избili послов татарских (татрских), а сами пошли против них, но не дошедши Олешья (т.е. Полесья, лесистой местности по р. Припяти, притоку Днепра, выше Киева) стали на Днепре. И прислали Татарове (татрцы) второе посольство, глаголюще:

„Хотя вы послушали Половцев (поляков или полочан) и послов наших избили, и идете противу нас, но уходите. Мы вас не затрагиваем ничем, всем нам (орщ) бог“.

Но (князья) отпустили ни с чем их послов. И пришла тут вся земля Половецкая и все их князья: из Киева князь Мьстислав со всею силою, из Галича князь Мстислав со всею силою, Володимир Рюрикович с Чернеговцами, и все князья Русские и все князья Чернеговские, и из Смоленска 400 мужей и из иных стран на Заруб (считающийся за село Зарубинцы на Днепре, километров за сто южнее Киева)».

И тут начинается географическая и стратегическая несообразность. В этом направлении вниз по Днепру — русские могли только бежать от таурменов, захвативших Куманию-Венгрию, а выходит, что они гнались сами за таурменами.

«Тогда же князь Мстислав Галицкий, — говорит летописец, — перешел Днепр с 1000 мужей, напал на сторожевые отряды „татарские“ и победил их, а остаток их побежал с воеводою их Гемя-бегом, и им не было помощи. Услышавши сие, Русские князья пошли все за Днепр во множестве людей: и Галичане, и Волыньцы, и Куряне (Курские), и Трубчане, и Путивльцы (Путивль Курской губернии), каждые с своими князьями. Они пришли на конях, а выгонцы Галичъски поехали в ладьях по Днепру, и пошли в море (??) тысяча ладей и стали у реки Хортици на роде на рукаве реки (т. е., если верить современной локализации, то на повороте Днепра от юго-восточного направления к юго-западному, где на острове была потом „Запорожская сеча“. А если разбирать дело стратегически, то где-то на р. Припяти по направлнию не к Черному, а к Балтий-

скому морю). Был тут с ними домамеричь Юрья Держикрай Владиславовичь. Пришли вестовые в стан, говоря, что видели рать. Юрий сказал, что это стрельцы, иные говорили, что простые люди. Юрьи Домамеричь молвил:

„Это ратники и добры воины! Мьстислав и другой Мьстислав! не стоит! Пойдем противу них!“»

«Все люди, все князья и Мьстислав Черниговский перешли реку Днепр, и пошли на конех в поле Половецкое (которого к югу от Днепра нет и следа, а только выше Киева по направлению к Польше, по Припяти). И встретили Татарове полки Русские, но стрельцы Руськие победили их и гнали в поле далече, секуци их и взяли скотов их. Оттуда они шли за ними 8 дней до реки Калкы (которая, если верить современной локализации, была речкой Калец у Мариуполя на Азовском море, а если рассуждать стратегически, то скорее у города Кельцы, южнее Варшавы. Допустив, что историческая традиция на этот раз верна, мы этим самым придем к заключению, что „сторожевыми татарами“ здесь названы Гену-

эзские колонии у Азовского моря (см. карту крестовых походов, стр.), как это мы увидим сейчас)».

«Тут встретили их, — продолжает летопись, — сторожевые Татарове, и ударили на Русских, и Половцев (поляков), бившихся с полками Русскими, и убит был тут Иоан Дмитриевич (и еще два с ним). Татарове же отъехали прочь. На реке Кальце встретили Татарове Половецкыя и Русскыи полки. Князь Мстислав Мьстиславич повелел Данилу перейти реку Калку со своим полком и еще с иным полком, а сам после них перешел и зашел за реку Калку, и послал в сторожа Яруна с Половцами, а сам стал станом, и князь Мстислав поехал вскоре после них. Увидевши Татарьские полки он повелел быстро вооружиться. А князь Мьстислав и другой Мстислав, сидя у себя в стану, не ведали ничего. Мстислав не сказал им из зависти, так как распря между ними была великая. Данил выехал наперед и (с ним) Семьон Олюевич и Василко был ранен и Данило ранен в грудь, но из-за молодости и буести не чюял раны, бывшей на теле его, ибо был он возрастом 18 лет

и силен. Данил же крепко избивал Татары.

Увидев это Мъстиславъ Немый подумал, что Данил ранен, и побежал сам в бой. Татары убежали. Данило избивал их своим полком, и Олег Курьский бился крепко. А Ярун и другие полки Половецькии побежали (от татаровей) и потоптали бегущи станы князей Русских, а князи не успели ополчиться противу их. Пришли в смятение все полки Русские и была сеча зла и люта. Из за грехов наших Русские полки побеждены были, и даже Данил увидев, что крепчает брань Татарьская, обратил назад своего коня и тоже бежал от устремления противных. Зажаждав воды, он пил, почуяв рану на теле своем. И была тогда победа врагов над всеми князьями Русскими, какой не бывало никогда от начала Русской земли. А великий князь Мъстислав Киевский, видя сие зло, не двигался с места. Он стал на горе над рекою Калкою, где место каменисто, и тут учинил город (ограду) из кольев, и бился с врагами в ограде три дня. Остальные же татарове пошли вслед Русских князей до Днепра... И убийство бесчисленное створили. Они убили: князя Святослава Яневского, Изяслава

Инг-воровича, Святослава Шумского, Мстислава Черниговского с сыном, Юрья Несвижского и Александра Поповича с 70 храбрых. И тогда же князь Мстислав Мьстиславич перебежал Днепр, и придя к ладьям, повелел жечь их, а иные разрубить и отринуть от берега, боясь погони по себе от Татар. Он едва убежал в Галичь (т.е., конечно, в Галицию), а князь Владимир Рюрикович прибежал в Киев и сел на своем столе.

Сия злоба створилась от Татар в 16 день июня. Татары победивши Русских князей за прегрешения хрестьянские, дошли до Новгорода Святополчьского. Русские, не ведая лести Татарьской, выходили противу их с крестами, а они избивали их».

После этого в Лаврентьевском списке сделана позднейшая пояснительная вставка, которой нет ни в одной из Новгородских копий той же летописи:

«Но ожидал бог покаяния христианского, и обратил Татар вспять от реки Днепра на Землю восточную (Oester-reich — Австрия?) и завоевали они землю Таноготскую (т.е. Данаоготскую)[97] и иные страны и тогда оке и Ча-

гониз кан их (Чингисхан) убит был[98]».

А затем после этой вставки следует опять текст общий для всех копий:

«Сие было нам за грехи наши, бог вложил недоумение в нас и погубил без числа много людей; и были вопль, и вздыхание, и печаль по всем городам и по волостям. Сих же злых Татар Таурмен не ведаем, откуда пришли на нас и куда делись опять. Только бог знает...»

Таково летописное описание поражения русских князей таурменами в 1223 году. Поразмыслим немного теперь над этим сообщением.

Из последних слов «не ведаем куда (татарове) делись опять, только бог один знает» — ясно, что эта сторона написана никак не в 1223 году, когда так называемое «татарское иго» (*jugum tartaricum*) едва началось, а уже значительно после того, как великий князь московский Иоанн III в 1480 году отказался платить дань этим самым «татарам», «таурменам» или «печенезам», которые, по только что приведенным словам летописца, неизвестно куда делись еще 257 лет назад до отказа Иоанна платить им дань. Ведь даже сам

суздальский список Московской Духовной Академии доводит свое повествование только до 1419 года, когда «татарам еще платили дань». А основной Новгородский, где о Тано-готской земле и ее владельце Чингис-Кагане ничего нет, оканчивается в 1333 году. Как же можно было сказать тогда: «не знаем откуда приходили татарове и куда ушли опять один бог знает?»

Отсюда ясно, что если русские летописи и написаны вообще по каким-то заслуживающим доверия первоисточникам (как это видно из наших астрономических и месяцесловных проверок многих их дат), то они подвергались пояснительным вставкам и искажениям даже и в XVII веке, когда «татарского (или вернее татрского, т.е. Карпатского) ига», а с ним и «крестовых походов» уже не помнили старожилы. Первоначально же это иго называлось «татерским» и прямо «татрским». Среди средневековых хроник, упоминающих татар, имеется любопытная рифмованная хроника чеха Далемила, которая написана несколько десятилетий после этого нашего шествия. В ней татары называются Tateri (Тате-

ры):

Na leto Tateri wznidu   Летом Татеры при-
шли

A trmi pramenu pojidu   И тремя путями
пошли,

jako po swejzemi jduchu...   Идя как по сво-
ей земле...[99]

А немецкий рифмованный текст этой хро-
ники, исполненный через год или два в 1342-
1346 гг., называет их прямо Tatrer (Татрцы):

*Cartossi also gnant
do gingin in dera lant
di weroubtin dy tatrer...
Dez andera jars zcuhan
di tatrer in daz lant...
Dar noch komen si mit iren her
fur olmunez dy tatrer...
Di tatrer kartin wider...
Do trugin dy tarter
sin houbt vfeinen sper...[100]*

Вот вольный перевод этих немецких от-
рывков:

*Люди, называемые картасами,
ездилы по стране (Чехии).
Они были шпионами татрцев.*

*На следующий год появились в
стране сами татары.
Затем они, татары, подходят к
городу Оломоуцу (Ольмюц)...
Татары возвратились...
И насадили татары его (Генриха
Броды) голову на копье...*

Старонемецкая легенда о св. Георгии, написанная не позднее вышеприведенной хроники, говоря об одной татарской принцессе, называет ее tatterische Keuszerin (т.е. Таттерская царица)[101].

В труде Фесслера (Dr. J. A. Fesler: Die Geschichte der Ungarn und ihrer Landsassen (teil 1, с. 193), напечатанном в Лейпциге в 1815 году говорится: «название „татары“ впервые встречается в русских летописях под 1154 годом. Под этим названием там понимаются половцы (т. е. генуэзские плавцы), которые вскоре составили один народ вместе с татарами».

А по Энгелю, (Geschichte des Ungarischen Reich, Teil 1, с. 345) «название „татары“ происходит из Венгрии от Куманского князя Татари, который пришел туда во времена Стефана

II, незадолго до ИЗО года».

А современные нам западно-европейские сообщения, написанные по латыни, признают лишь одну форму начертания имени татар, а именно: tartari (т. е. адские). Немецкие хроники, например Люнебургская хроника, дают форму Tateren (Ср. Палацкий, там же, с. 383). По-французски татарин — tatar, по-английски — tatar и tartar, по-итальянски — tartaro. Из одного этого уже можно видеть, что Крестовые походы Батыя (иначе «батя», т.е. «римского папаши») получили на Востоке Европы прозвище Татрского ига. Они были переименованы в адские (тартарские) походы, шедшие будто бы навстречу Крестовым походам из Монголии, хотя ни по географическим расстояниям, ни по малочисленности и разрозненности тамошнего населения ничего подобного не могло быть.

Вот почему, ранее, чем обратиться к разбору дальнейшего содержания летописей, сделаем ономастический[102] разбор употребляющихся у них прозвищ для этих «безбожных моавитян», которых одни называют «татарове», другие — «печенезы», а третьи — «таур-

мены», и которые «неизвестно откуда пришли и куда потом ушли».

Название печенег по своей фонематике явно славянское. Печенези по-русски значит — печнецы, печники, т. е. жители какой-то специальной страны печей. И такая специальная страна действительно была в то время. Вспомним графство Пешт (Pest-Pilis) в Венгрии между Дунаем и Тиссой с главным городом Буда-Пештом. Его имя — Пешт — есть слегка искаженное по немецкой фонетике славянское слово печь, как о том свидетельствует немецкое имя Пешта — Ofen, которое тоже значит печь.

По-славянски слова печь и пещера явно от одного и того же лингвистического корня, так как русские печи и до сих пор имеют пещер, но название области Пешта произошло не от таких печей, а от специальных—башнеобразных сооружений для выплавки из руд железа, называемых домнами, не потому, что они похожи на дома, а потому, что вечно дымят. Их первоначальное имя «дымны», естественно, могло перейти в домны, в тех местах, где их не видали, а знали только жилые дома. Да и

самое слово дом, хотя оно и отразилось в латинском domus, не происходит ли от того же: от славянского дым?[103] Ведь и у нас в старину смешивали оба слова, говоря, что в том или ином селе столько-то «дымков». А в первом томе я уже показывал на основании культурно-исторических соображений, что название Иоанн Дамаскин, едва ли происходит от имени за-палестинского Дамаска, а скорее от первичного названия венгерского Пещного города, тем более, что и библейская транскрипция Дамаска Д М Ш К напоминает славянское слово Дымишко.

Во всяком случае, здесь мы видим, что имя этой области Печная, было вполне естественно, так как в ней и началась впервые в истории человечества массовая выплавка железа, благодаря тому, что по притокам Дуная сюда могли легко доставляться железные руды с Карпатских гор. Получив здесь обработку, благодаря обилию топлива, железные продукты должны были развозиться по Дунаю в виде оружия и орудий производства в Балканские славянские земли и в Царь-град, а оттуда во все побережья Средиземного моря, созда-

вая этим политическое могущество Византии, пока в Саксонских Рудных горах (Erzgebirge) не открылись новые огромные залежи этого носителя культуры, который стал распространяться из Дрездена по Эльбе в Германию, сделав ее конкурентом Византии, и приведя, наконец, к образованию Ново-Римской империи Карла Великого, которая одна не смогла долго существовать, благодаря быстрому открытию таких же руд на Рейне.

Мы видим здесь, как вся Европейская культура в общем шла по пути открытия удобных для обработки железных руд, а не от простых случайностей. Так и «татарское иго» в старинной Руси могло придти только из закованной в железо Западной Европы, а не из Азиатских степей, где ничего еще не было, кроме зарослей ковыля, да неспособного по причине своей рассыпчатости и родового быта ни к какому общему действию редкого кочевого населения. Все следы культуры в Средней Азии должны быть не ранее Тимура (умер в 1405 году), а сам Тимур, т. е. Окованный в железо, больше всего похож на потомка крестоносцев, а не на монгола. Ведь об

Уральских железных рудах тогда никто еще не подозревал...

* * *

Итак, венгерское графство Пещь (Pest) с его дымными пещами (домнами) и дала своим жителям прозвание печенегов (т.е. печников), а на севере от Карпат славянская Галиция[104] получила свое имя не иначе, как со времени крестовых походов, когда господствовали здесь галлы-французы, точно так же как и имя Франкония установилось в Прирейнской области от господства франков.

Такова ономатическая разведка в этой области. Посмотрим теперь, что говорят нам о пещниках-печенегах и летописные сказания.

Византийский автор, Георгий Кедрон, написавший хронику (Синописис), доведенную до 1057 года, т.е. оконченную лишь за 43 года до окончания Киевской начальной летописи псевдо-Нестора, говорит, что в его время «между Балканскими горами, Дунаем и Черным морем, в местности, богатой лесом и пастбищами жили пихцинаки» (т. е. печенеги русских летописей, отождествляемые, как мы только что видели, с татарами). Но это место-

положение точка в точку соответствует современной Болгарии, а если считать Балканскими горами Татры-Карпаты, то Венгрии.

Сам П. Голубовский[105] считает возможным, что русские заимствовали имя печенегов от венгерцев (т.е. тоже не с востока, а с запада), и что венгерцы передали это название, «если, — прибавляет он, — верно объяснение Европеуса, что название это угорское и значит сосновец»[106]. Но затем он сам же говорит, что в венгерских хрониках существует, как у греков, и имя пиценаты[107].

Что же касается до соединяемого с ними имени Воссерариев (Wosserarii), то (по моему мнению) не трудно узнать тут бессарабцев, а в имени Внесены — босняков.

У греческих писателей обычное их имя — патцинакиты, как, например, у Кедрена.

В арабских сочинениях их видят под названием баджинаков. Например, у Эль-Балхи [108] мы находим такое место:

«Турки выселились из своей страны и заняли пространство между Хазаром и Румом (т.е. Византией), их зовут баджинаки. В древние времена они не занимали настоящих сво-

их жилищ и лишь впоследствии разделили, завоевав эти владения». Однако, не следует забывать, что почти все арабские сочинения до 1492 года, когда Фердинанд католический уничтожил последнее культурное Мавританское государство в Испании (да может быть и позднее), были написаны не жителями Багдада, а в Андалузии, и описываемые в них события дают нам лишь историческую перспективу Европейского Запада. Так и в данном случае под Румом у Эль-Балхи (андалузец он или нет!) подразумевается Ромея-Византия. А что его турки — современные турки, сомнения быть не может. Тут остается только решить, где искать его Хазарию, иначе называемую Тьмутаракань? Не трудно видеть, что последнее слово греческое от имени Тэма-Туроканэ, т. е. Турецкая область Византии, а где именно, едва ли знает и сам Эль-Балхи.

П. Голубовский приводит еще слова Константина Багрянородного (912-959, с. 36) о том, что «соседями печенегов были мазары и узы», и говорит, что узами назывались торки. Но торков нам незачем отличать от турок, да и мазары существуют до сих пор почти под тем

же названием. Это польские крестьяне, от которых распространился повсюду в XIX веке и танец полька-мазурка. И кроме того, мазылами назывался класс мелких землевладельцев в Бессарабии. Значит, и по первоисточникам выходит, что печенеги жили совсем не кочевниками в южно-русских степях между Дунаем и Доном, а были оседлым населением где-то около Балканских гор.

Лишь только при допущении такого толкования и приходит в порядок вся географическая неурядица, и осмысляется и целый ряд иначе совершенно неуместных сообщений вроде того, что в 1078 году эти печенеги вместе с куманами (т. е. кумовьями, как называли друг друга принявшие христианство славяне и как до сих пор называются восточные венгерцы) осаждают Адрианополь [109], что они могли предпринять лишь из глубины Балканского полуострова.

Становится понятным и выражение Константина Порфирородного (912-959 году), что в его время к западу от печенегов жили венгерцы, к югу хазары, а к востоку какие-то «Хузы» или «Узы», имя которых скорее всего про-

исходит от немецкого слова Haus (дом) в связи с доменными печами Венгрии, или же это просто название оседлых жителей.

Их всех возможно будет отнести к Балканским же оседлым народам. Самое название Северовосточной Венгрии между р. Тиссой и Карпатами Угорской Русью показывает, что она была «у гор», откуда и народ угры, современные русняки, отсюда же и немецкое Hungaren, по-русски Венгры. А лингвистическое родство с ними пермских вогулов и тобольских остяков требует, мне кажется, еще проверки.

Лишь в качестве давнишних местных жителей прочно установленного государства могли эти печники-печенеги в 968 году послать достаточно вооруженное и организованное войско, чтобы — как рассказывает «Ипатьевская летопись» — в 997 году осадить Белгород. Кочующие же народы по своему характеру своей жизни должны быть широко раскинуты по большой некультивированной местности отдельными патриархальными группами, неспособными к общему дисциплинированному действию, требующему эко-

номической централизации, т. е. налога, на который было бы можно содержать войско взрослых холостых людей. У всяких кочевых народов, как у скоплений молекул, каждая их патриархальная группа отталкивается от другой, благодаря поискам все новой и новой травы для питания их стад.

Соединившись вместе в количестве хотя бы нескольких тысяч человек, они должны также соединить друг с другом и несколько тысяч коров и лошадей, и еще более овец и баранов, принадлежащих разным патриархам. В результате этого вся ближайшая трава была бы быстро съедена, и всей компании пришлось бы вновь рассеяться прежними патриархальными мелкими группами в разные стороны, чтобы иметь возможность подолее пожить, не переноса своих палаток каждый день на другое место. И кроме того, при большом скоплении кочевников представило бы огромное затруднение (и вызвало бы ряд ссор) непрерывное выделение своих прежних стад из их огромного общего смешения.

Вот почему априорно должна быть отбро-

шена, как чистейшая фантазия, и самая идея о возможности организованного коллективного действия и победного нашествия на оседлые народы какого-либо широко раскинутого кочующего народа, питающегося от стад, вроде монголов, самоедов, бедуинов и т.д., за исключением такого случая, когда какая-нибудь гигантская, стихийная катастрофа, грозящая общей гибелью погонит такой народ из гибнущей степи целиком на оседлую страну, как ураган гонит пыль из пустыни на прилегающий к ней оазис. Но ведь даже и в самой Сахаре ни один большой оазис не был навсегда засыпан окружающим песком, и по окончании урагана снова возрождался к прежней жизни. Аналогично этому, и на всем протяжении нашего достоверного исторического горизонта мы не видим ни одного победоносного нашествия диких кочующих народов на оседлые культурные страны, а лишь как раз наоборот. Значит, не могло быть этого и в до-историческом прошлом. Все эти переселения народов взад и вперед накануне их выступления в поле зрения истории должны быть сведены лишь на переселение

их имен или в лучшем случае — правителей, да и то из более культурных стран в менее культурные, а не наоборот.

Рассмотрим теперь и самое имя татары.

Прежде всего отмечу, что обыкновенно название народов происходит от места их жительства. Так не Париж стал называться своим именем от поселившихся тут Парижан, а наоборот; не Москва от москвичей, а москвичи от Москвы. В словопроизводстве отдельных лиц мы встречаем это и теперь на каждом шагу. Иоанн Дамаскин — значит житель Дамаска, Самарин — житель Самары и т. д.

Отсюда ясно, что и слово татарин происходит от того, что его предки жили в какой-то местности, называемой Татары, или сокращенно Татры. К этому же заключению приводит и летописное название татар — татарове, т.е. татаровцы, или, сокращенно, татровцы. И я уже говорил, что единственная местность с этим именем на земном шаре есть только на границе Венгрии и Галиции, где самая высокая и срединная часть Карпатских гор называется и до сих пор Татрами, включая в себя даже две замечательные в физическом и ис-

торическом отношении области: Высокие Татры (или в вульгарном русском произношении Высокие Татары) и Низкие Татры. И кроме того, около Балканского полуострова сохранились и другие местечки от этого же лингвистического корня, например городок Татар-Кончак (Малый Татр) и поселок Татар-Базарджик, свидетельствуя, что страну летописных татаровей надо искать именно в этих местах.

А всего интереснее то, что и в русских летописях «Татарами» называется не народ, а страна, обитатели которой называются обыкновенно татарове, т. е. татаровцы.

Если же мне скажут, что в сказаниях, приводимых от имени арабских и других авторов времени Крестовых походов говорится даже о двух Татариях, Великой и Малой, и что срединная часть их называется еще Высокой Татарией, то я отвечу, что первоисточником последнего имени — Высокая Татария — и являются Высокие Татры, и что совершенно аналогично легенде о Великой и Малой Татарии существуют легенды о Великой и Малой Венгрии, относимым тоже в Азию, да и Куманий

в Венгрии было две: Великая и Малая Кумания, аналогично Великой и Малой Татарии.

Такие ошибки локализации в то время, когда не существовало географических карт Восточной Европы и внутренней Азии, были прямо неизбежны, тем более, что венгерская государственность и даже религия были переменны. В самой истории Венгрии говорится, что ее население было очень смешано, и господство переходило то к славянам, то к мадьярам, а религия и до сих пор лишь на 50% католическая. Остальные 50% населения там православные, униаты, лютеране и до 5% раввинистов, которые раньше, вероятно, даже преобладали.

Мы не должны забывать, что лишь накануне Крестовых Походов римский Pontifex Maximus короновал Венгерским Королем Стефана Святого (997-1038 гг.), с которого, собственно говоря, и начинается заслуживающая доверия история этой страны, причем Стефан, в виду многоречия своей страны, объявил язык католического богослужения — латынь — общегосударственным языком своей страны, разделив ее на 72 самоуправляющихся

ся графства — жупанства. А вслед затем, после разделения церквей на западную и восточную в 1054 году, в разноплеменной Венгрии началась упорная борьба католицизма с православием, особенно разгоревшаяся при другом Венгерском «святом же» короле Владиславе (1077-1095 году), когда Венгрия стала, как говорят, «славянским государством». И что же мы видим? Как раз вначале «татарского нашествия» западно-европейские сказания говорят нам о «Крестовом походе» венгерского (следовательно, и татарского) короля Андрея I. Значит, и он был крестоносец... Затем с 1222 года, когда произошла битва при Калке, в которой «погибли печенеги, гонимые гневом Божиим и пречистый его матери», в венгерской истории описывается восстание против этого короля Андрея II (1205-1235), вынудившее его дать «Золотую буллу», узаконившую в Венгрии феодализм по образцу только что укрепившейся орденовой «Латинской Империи» крестоносцев. Затем упоминается в царствование Андрея Белого (1235-1240) вторжение в Венгрию «татаровей», т. е., вероятно, галичан с Татров с севера в союзе с русскими,

что, как и следовало ожидать, вызвало сначала отступление короля к юго-западу в современный Загреб в Кroatии, а потом Татровцы и русские были оттеснены обратно. Наступил довольно тревожный период, тянувшийся вплоть до того времени, когда (уже после окончания крестовых походов) Карл Роберт из Анжуйской династии получил от папы в 1308 году Венгерскую корону, а его сын — Людовик Великий — подчинил себе Молдавию и Валахию и получил даже польскую корону, так что до 1382 года Венгерское государство, оставаясь преимущественно католическим и славянским, простиралось от Балканского полуострова до Балтийского моря и от Адриатического до Черного моря. Но скоро Польша, Хорватия и Далмация отделились, и в XV веке началась борьба с Турками, занявшими в 1453 году Царь-Град и весь Балканский полуостров. И вот, наконец, образовалась Австро-Венгерская монархия, существовавшая вплоть до недавней общеевропейской войны в XX веке.

Таким образом, мы видим в общем, что и Венгерская история не противоречит отожд-

дествлению русского и татарского ига в России с игом крестоносцев. Но и ее еще придется пересмотреть по первоначальным источникам для смутного периода крестовых походов, возбудивших так много разнообразных страстей и противоречивых апперцепции.

Итак, даже и летописное название татар приводит нас, как и самое слово «татарин», не в заволжские степи, где колышется один ковыль, а в могучие Татрские горы и, с ними вместе, в Венгрию, в страну башнеобразных дыменных печей, откуда происходит и другое название их главного города: по-славянски Пещь, а по-немецки Ofen (тоже печь), после чего находит объяснение и третье летописное название этого народа — Таурмены, т.е. люди башен: Тауер-мены (Towermen) по-англо-саксонски и турмены (Thurmenschen) по-немецки[110]. Уже отсюда выходит, что татарской Золотой Ордой в русских летописях времен крестовых походов назывался какой-то Татарский Золотой Орден крестоносцев.

Все только что приведенные ономатические объяснения являются у нас не руководя-

щей нитью исследования, а только подтверждением выводов, сделанных на основании общекультурных, экономических и географических фактов, доступных для проверки в любое время.

Возьмем хоть эту самую битву на реке Кальце, 16 июня 1223 года, через 19 лет после взятия крестоносцами Царь-Града, от которой началось на Руси «татарское иго», и описание которой я привел буквально из летописей несколько страниц назад.

Посмотрите сами на карту. Началось сражение на реке Днепре на «Заруби у острова Варяжского», где была потом «Запорожская сеча», так хорошо описанная Гоголем в его «Тарасе Бульбе». Побил там Мстислав Галицкий татарский отряд. Услышав это, все русские князья идут на «татар».

И вот сразу же начинается этнографическая и экономическая нелепость, если считать татар не за венгерских крестоносцев,седающих с запада, от татрских гор, а за кочевников, пришедших из-за Волги. Известно, что в то время в южных степях к востоку от Днепра и к северу от Азовского моря не было

ни одного оседлого поселка, за исключением Генуэзских береговых колоний на устьях рек, а следовательно, нельзя было добыть и провианта для отряда всадников. Кругом была одна бесконечная степь. Как же скакали по ней русские князья и их отряды, преследуя бегущих татар до Мариуполя на протяжении почти 600 километров, т. е. не меньше, чем от Ленинграда до Москвы?

Но вот они перебрались, вслед за бегущими остатками ограбленных ими еще в самом начале татар по необозримым безлюдным степям, за реку Калец, на северном берегу Азовского моря, а бежавшие разбитые татары повернулись за рекой и разбили их самих! Где взяли они там свежие резервы, убегая без дорог и без компаса, если это не были Генуэзские колонисты, естественные союзники крестоносцев? Мстислав Киевский делает себе от них ограду из кольев, а где он достал достаточно деревьев в безлесной степи? Однако, несмотря на эту фантастическую защиту, все уцелевшие русские князья с остатками своих конных войск бегут обратно, на протяжении 600 километров до Киева и (что всего чудес-

нее) начинают платить диким, разрозненным по природе кочевникам ежегодную дань, признав их своими сюзеренами на 250 лет!

Читатель видит сам, что начало татарского ига в его обычной версии так же неправдоподобно, как и продолжение его, и конец его. И, лишь повернув сцену действия с востока на запад, как показывают нам многочисленные лингвистические следы и признав, что русское летописное слово «орда» и латинское слово «ordo» — орден одно и то же слово, и согласившись затем, что местность Калка была Калецкий край в Польше, мы осмыслим это сказание. Ведь на всем протяжении между Кельцами и Киевом была уже культивированная в то время местность с повсюду разбросанными поселками, где всегда можно было награть достаточно провианта, оставляемого разбегающимся испуганным населением при приближении чужих войск. Так и продовольствовались в те времена все армии, не имевшие даже представления об интенданствах.

А что же было на восток от Днепра? По-

смотрите сами на карте. На ней изображены все оседло обитаемые пункты, упоминаемые в русских летописях не только до 1223 года, когда произошла эта битва, но и после — до 1420 года, когда Адское иго (*Jugum tartaricum*) уже приходило к концу. Где тут можно было кого-нибудь ограбить, чтобы хоть позавтракать? А припомнив, что для разведения огня тогда не было еще спичек, и накаленные угли хранились в печах до следующего дня, чтоб раздуть на них высушенную заранее лучинку для зажигания новых дров,— скажите сами: на каких кострах эти князья и их войска жарили себе шашлык или варили что-нибудь на своем огромном степном пути? Мне скажут: у них были кремни и огнива, т. е. пропитанные селитрою толстые шнурки, которые начинали тлеть, когда падала на них искра... Но без серных спичек они были годны только для зажигания папирос, а для добывания огня употреблялось тогда утомительное вращение сухой палочки в дырке сухой дощечки, да и то целыми часами... Значит, большие степи, где не было сухого дерева были тогда также непроходимы для быстро идущих военных

отрядов, как и океан.

«Татары» могли придти тогда в Русь только с более культурного и уже оседлозаселенного запада. Посмотрим с этой точки зрения на все упоминания о них или в связи с ними в русских летописях.

Вот под 1229 годом (лето 6737) в Лаврентьевской рукописи: «Того же лета (была) страсть (т.е. мучительная смерть) нового мученика христового, убитого Болгарами в Великом граде их (т. е. дело было в Болгарии на Балканском полуострове). Он был иного языка не русского, христианин богатый, путешествовал по городам и пришел в их город. Они же нудили его и прельщали много дней отречься от Христа и христианской веры, но он не покорился и усечен был 1 апреля, а русские христиане, взявши его тело, положили в гроб[111], идеже вси хрестьяне лежат».

«И за кровь его погорел город их Великий, и того же лета Саксины (саксонцы) и половцы (очевидно из Полоцка) избегоша (поднялись) из низу (из равнины) к Болгарам перед Татари (не иначе как перед Татрскими горами)». А затем идет уже тенденциозная путаница:

«И сторожевые болгарские побежали, „бие-ни“, от Татар (т. е. от Татрских гор), близ реки ей же имя Яик (тенденциозная путаница: с Татров течет река Дунаец, приток Вислы, а Яик — старинное название реки Урала, где никогда не было болгар)». И здесь простой здравый смысл говорит за то, что «Татарами» названы тут Карпатские Татры, имя которых старинный русский летописец и не мог произнести (в силу присущей русскому языку полногласности) иначе как Татары.

Очевидно также, что названные тут саксины были саксонцы, а, следовательно, и союзники их половцы были поляки или полочане (из Полоцкого княжества), а великим городом болгар названо никак не пустое место за Волгой. Удивляться же тому, что какие-то католические или арианские фанатики того времени хотели принудить богатого православного путешественника принять их веру, тоже нет никаких причин.

Пойдем и далее.

Через три года после этого, под 1232 годом (в лето 6740) находим: «Того же лета придоша Татарове и зимоваша не дошедше великого

града Болгарского». Опять татары в Болгарии, и как раз в то время, когда ходили по ней крестоносные ордена, по летописному — орды.

А после этого, через четыре года, те же самые болгары из безбожных мучителей «богатого путешественника», как во сне, сами гибнут от безбожников.

«В 1236 году (лето 6744). В той же осени пришли с восточной стороны в Болгарскую землю безбожнии татары (очевидно из Венгрии по р. Пруту) и взяли славный Великий город Болгарский» (очевидно Преслав на Дунае, а никак не село Успенское за городом Казанью в 6 километрах от Волги по дороге в Тетюши, которое «рассудку вопреки, наперекор стихиям» было провозглашено русскими историками XVIII века столицей Великого Болгарского царства, будто бы разрушенного Батюшкой-Ханом — Батыем) — при таких обстоятельствах:

«И взяли татары, — заканчивает летописец, — это место славный Великий город Болгарский (Преслав) и избили оружием от старца до юного и до суетого младенца и взяли (далее две строчки закрыты)». Так, — говорят

нам историки XVIII века, — в 25 верстах от бывшего уездного городка Спасска, не доезжая до другого уездного городка Тетюши, в 6 километрах от берега Волги, исчезло великое царство Болгарское, ведшее, говорят нам, — обширную торговлю даже с Багдадом в Месопотамии, с Новгородом и Москвою, и еще раньше колонизировавшей до Дуная современную Болгарию.

Но только не было ли это на самом Дунае во время крестовых походов.

Посмотрим на историю Болгарии. В ней насчитывают нам два царства. Первое, — говорят нам, — было основано царем Асперухом в 679 году. Оно было языческим и боролось с Великой Ромеей (Византией) до того времени, когда потомок Асперуха царь Борис (воцарившийся как раз в 862 году, когда русские призвали Рюрика с варягами из-за моря) принял христианство. Появились Кирилл и Мефодий, началась национальная литература, а затем «Славный город болгарский — Преслав» был разрушен византийцами, присоединившими Болгарию. Но вот восстал болгарский народ в 1186 году под предводитель-

ством братьев Асеней и основал Второе Болгарское царство со столицей в Тырново, существовавшее до 1396 года, когда турецкий султан Баязет покорил страну.

Нам остается здесь только решить, каким образом Первое Болгарское царство послужило поводом к мифу о Заволжской Великой Болгарии, а падение его столичного города Преслава во время Второго Крестового похода послужило предлогом к мифу о взятии его Батыем? И не был ли сам этот Батя-Хан крестоносцем? Как это ни кажется странным, но есть много оснований так думать.

Имя Батый есть слегка искаженное Батяй, так как у восточных авторов он называется Бата-Хан, т. е. Батюшка-коган, батюшка-священник, как и полагалось бы гроссмейстеру ордена храмовников, заседавших в это время на славян из Австро-Венгрии.

Мы только что видели его сейчас в Болгарии, а в следующем 1237 году его орден (ordo) является уже в Венгрии и Польше, а в 1238 (а не в 1237, как неправильно перечисляют[112] в России под Москвой, а затем и под Владимиром и вплоть до Костромы).

Вот как говорит об этом Лаврентьевский список с моей поправкой в годе, которую я делаю в скобках при указанных датах.

«Того же лета (т. е. 1238, см. далее), на зиму пришли от восточные страны на Рязаньскую землю, лесом, безбожнии Татари (вместо Татарове), и почали воевати Рязаньскую землю и пленили ее до Проньска. Попленили всю Рязань и пожгли, и князя ее убили, много святых церквей огню предали, монастыри и села пожгли и ограбили, потом пошли в Коломну. Той же зимой пошел Всеволод, сын Юрьев, противу Татар, и встретились у Коломны. И была сеча велика и убили у Всеволода воеводу Еремея Глебовича, и иных мужей много убили. И прибежал Всеволод в город Володимир с малой дружиной, а Татарове пошли к Москве, и взяли Москву и воеводу Нянка Филина убили за правоверную христианскую веру, а князя Володимира, сына Юрьева, взяли руками, и людей избивали от старыда и до сущего младенца; град и церкви святые огневи предали и монастыри все и села пожгли и взявши много именья отошли. Той же зимой придоша Татарове к (городу) Володимеру, ме-

сяца февраля в 3 (день), на память святого Се-
меона, во вторник прежде мясопуста за неде-
лю (3 февраля 1237 года был действительно
вторник и память св.Симеона, но только не за
неделю до мясопуста, который был тогда 22
февраля на память Феодора Сиксота). Володи-
мерцы затворились в граде. Приехали Татари
(татарове-татровцы) к Золотым воротам, ведя
с собою Володимера Юрьевича, брата Всево-
ложа и Мстиславля. Володимерцы пустили
по стреле на Татары, и Татарове также пу-
стили по стреле на Золотые ворота; и посем
рекоша Татарове Володимерцам: „не стреляй-
те“. Приехали близко к воротам и начали Та-
тарови молвить: „Знаете ли княжича вашего
Володимира?“

Всеволод же и Мстислав стояли на Золо-
тых воротах и познали брата своего. О, виде-
нье умиленья и слез достойное. Всеволод и
Мстислав с дружиною своею, и все граждане
плакали, зряще Володимера. А Татарове ото-
шедши от Золотых ворот, и объехавши весь
град, стали станом пред Золотыми вратами,
множество войска около града. Всеволод же и
Мстислав пожалели брата своего Володимера,

и сказали дружине своей и Петру воеводе:

— Братья! Луче нам умерети перед Золотыми враты за святую Богородицю и за правоверную веру хрестьянскую!

Но не исполнил воли их воевода Петр Ослядюкович. И сказали оба князя:

— Сие навел на нас бог ради грехов наших.

В субботу мясопустную (1237 год) начали (татарове) снаряжать леса и ставили (их) до вечера, а на ночь огородили тыном весь город Володимер. А в неделю мясопустную (т.е. в воскресенье[113]) по заутрени приступили к городу месяца февраля 7 на память святого мученика Феодора Стратилата».

Но Стратилат празднуется 8 февраля, и кроме того в 6745 т. е. в нашем 1237 году, мясопуст был не 7, а 22 февраля, а 7 февраля он был в следующем 6746, т.е. 1238 году и, действительно, в воскресенье. И таким образом, и выходит, что Батя-Коган пришел к нам уже после Польши и Венгрии, а не до них, и не был отброшен чешским королем и герцогом австрийским во время пути из России, а напротив отправлен ими на Россию. Интересно: кто и зачем уменьшил здесь год нападения

Бати-Когана на Россию, не сообразив, что его можно восстановить по мясопусту? Ведь совершенно ясно, что русская хронология здесь уменьшена на 1 год не случайно (как видно и из главы этого отдела), а для того, чтоб завоевание России Батыем было раньше его появления в Австрии и в Польше. Иначе было бы ясно, что его Орден шел с запада.

«И был плачь велик в городе, а не радость, грехов ради наших и неправды, — продолжает летописец. — За умноженье беззаконий наших попустил бог поганых, не милуя их, но нас наказывая. Казнит нас бог нашествиями поганых, они батог его, чтоб мы отошли от пути своего злаго. Сего ради в праздники наводит нам бог сетованье, как пророк сказал: „преложа праздники ваши в плачь, и песни ваши в рыданья“. И взяли (татарове) град до обеда; от Золотых ворот у святого Спаса вошли; и тако вскоре взяли Новый град...

Пленивши Володимир, татарове пошли на великого князя Георгия, окаянии ти кровопийци, а другие к Ростову, а другие к Ярославлю, а другие на Волгу на Городец (на реке Саре Ростовского края) и пленили все по Волзе,

даже и до Голича Мерьского (в Костромском крае); а иные пошли на Переяславль, тоже к Костроме и взяли его, а отоле пленили всю ту страну и грады многие, доже и до Торжка, и несть места, какого не завоевали (они) на Суздальской земле. И пошли безбожники татарове на Сить противу великого князя Юрия. Услышав это князь Юрий с братом своим Святославом и с сыновцами, Василком, Всеволодом и Володимиром, и с мужами своими пошел противу поганых. И бысть сеча зла, и побежали наши пред иноплеменниками; и тут убьен был князь Юрий, а Василка взяли руками безбожными и повели в станы свои. Сие же зло соделалось месяца марта в 4 день, на память святого мученика Павла и Ульяны. И тут убьен был князь великий Юрий на Сити на реке, и из дружины его много убили. Блаженный же епископ Кирил взя мертвого князя, идя с Белоозера, и принес в Ростов, и пел над ним обычные песни со игумены и с клирошаны и с попы, со многими слезами, и вложил его в гроб у святой богородици. А Василка Константиновича вели (татарове) со многою нужею до Шерньского леса, и как стали ста-

ном, нудили его много проклятии безбожнии Татарове (подчиниться) обычаю поганьскому, быти в их воли и воевати с ними. Но он никак не покорялся их безаконью, и много обличал их глаголя:

— О глухое цесарство, оскверненное! Никак меня не отведете от христианской веры, если и в велицей вельми беде буду. А богу как ответ дадите за то, что много душ погубили без правды? За них мучить будет вас бог в бесконечные веки, и примет господь души тех, которых вы погубили.

Они заскрежетали зубами на него, желая насытиться его кровью. А блаженный князь Василко помолился, глаголил:

— Господи Иисусе Христе помагавший мне многожды! Избави меня от сих плотоядец!

И еще помолившись сказал:

— Господи вседержитель нерукотворный цесарь! Спаси любящих тебя и исполни просьбу мою, помоги христианам и спаси рабов твоих, чад моих Бориса и Глеба, и отца моего, епископа Кирила.

И еще третий раз помолился:

— Благодарю тя, господи боже мой! Какую

вижу похвальной памяти обо мне за то, что молодая моя плоть от железа погибает, и тонкое мое тело увядает! — и еще помолился:

— Господи Иисусе Христе вседержитель! Прими дух мой, чтоб и я почил в славе твоей. — И когда сказал это без милости убит был. Увидела его поверженного в лесе одна женщина верная и поведала мужу богобоязненному поповичу Андрияну, и взял он тело Василка и положил его в сокровенном месте. Узнав об этом боголюбивый епископ Кирил и княгиня Василькова послали за князем, принесли его в Ростов, и когда принесли его в город, множество народа вышло навстречу ему, жалостные слезы испуская, лишившись такого утешенья. Рыдало множество народа правоговерного, видя отходящим отца и кормилицу сырых, печальных утешенье великое, омрачных звезду светоносную зашедшую. На весь церковный чин отверзл ему бог очи сердечные, всем церковникам и нищим и печальным был он как взлюбленный отец и более всего милостыню (творил), поминая слово господне, глаголющее: блаженнии милостивии, ибо они помилованы будут... и этого

блаженного князя Василка сподобил бог смерти подобно Андрею мученичьскою кровью омывшегося от прегрешений своих, с братом и с отцем Георгием с великим князем. И чудно было то, что и по смерти соединил бог тела их. Принесли Василка и положили его в церкви святых богородицы в Ростове, де и мать его лежить, и тогда же принесли голову великого князя Георгия, и положили в гроб к ее телу».

Так описана роковая для русских битва на реке Сити, притоке Мологи на ее повороте к Рыбинску. А Батя-Коган, натворивший все это, появляется затем уже не как враг и полководец, а как покровитель. Через 5 лет после только что приведенного описания, мы имеем о нем такую отметку:

«В лето 6751 (т.е. в 1242), — говорит Лаврентьевская копия, — поехал великий князь Ярослав (Всеволодович, князь Владимирский) в Татары (т. е. в Татры) в Батыеву (Батяеву), а сына своего Константина послал к Канов(ик)у (т. е. к католическому канонику для проверки правильности вероисповедания[114]. Нам говорят, что Кановичи и хановичи, так назывались преемники Чингисхана, т. е. Чингис-Ка-

гана, но с западнической точки зрения и само имя Чингис-хан, как увидим далее, скорее всего есть искаженное немецкое Kenigs-chan, первоначально Konig-Kahan, т.е. царь-священник). Батый же (т.е. Батяй, Pater) почтил Ярослава и мужей его великою честью и отпустил его сказав ему:

— Ярослав! Будь ты старейшим над всеми князьями в Русском народе!

И Ярослав взвратился в свою землю с великою честью».

А Новгородский вариант повторяет эту заметку в таком виде:

«В то же лето Ярослав Всеволодович позван был царем (т. е. цезарем) татарским (Татрским) и шел к нему в **Орду** (т. е. в орден крестоносцев)».

Мы видим здесь сразу, что и страна **Татары**, и **Орден** были одно и то же, и что властелин их назывался и цезарем, в русском сокращении царем, и Батюшкой (Батяй или Батый), иначе Бата-ханом, т.е. Батюшкой Каганом, а Каган по-библейски значит: первосвященник.

То же самое мы видим и далее. Я буду сначала приводить Лаврентьевский список, а за-

тем буду к каждому году прибавлять и из Новгородских копий-вариантов.

«В лето 6752 (1244 год), — говорит Лаврентьевский список, — князь Володимер Константинович (Углицкий), Борис Василькович (Ростовский), Василий Всеволодовичь (Ярославский) со своими мужами, поехали в **Татары** (Татры) к **Батыеву** просить себе отчину (княжество). Батый же (Батя-Коган), почтив их достойною честью, отпустил, расудив между ними, каждого в свою отчину, и приехали все с честью на свою землю».

«В лето 6753 (1245 год). Князь Константин Ярославич (Владимирский) возвратился из **Татар** (Татров) от каноничев (каноников) к отцу своему с честью. Того же лета великий князь Ярослав и со своею братьею и с сыновцами поехал (снова) в **Татары** к **Батыеву**».

В Новгородских списках об этом нет.

«В лето 6754 (1246 год). Святослав, Иван князь, с сыновьями своими, приехал из **Татар** в свою отчину (наследственное княжество). Того же лета Михайло, князь Черниговский, со внуком своим Борисом, поехали в **Татары** (Татры) и когда они были в станах (городах)

послал **Батый** (Батя) к Михаилу князю, веля ему поклониться огневи и болванам их (т.е. католическим статуям с лампадами перед ними); Михайло же князь не повиновался веле-нью их, но укорил глухих его кумиров (т.е. статуй), и за то без милости заколот был от нечестивых, и принял конец житью своему 20 сентября на память святого мученика Евстафья. А князя Бориса отпустил **Батый** к сыну своему Сартаку. Сартак же, почтив князя Бориса, отпустил его восвояси. Той же осенью князь Ярослав, сын Всеволодович, преставился во иноплеменницех, идя от **Кановичев** (Каноников) после их увещаний месяца сентября 30, на память святого Григорья».

Об отказе Михаила поклониться статуям есть большой вариантный рассказ и в Новгородских списках, но не под 1245 годом, и при-том в связи с общим предложением Бати-Когана всем принять его веру.

Начинается так: «пришли послы от царя (т.е. цезаря) Батыя (Бати-Когана) к Михаилу, держащему тогда Киев. Он же видя словеса их прельщения, повелел избить их, а сам убежал в „Угры“ со своими домашними. А из киевлян

одни бежали в дальнюю страну, другие скрылись в пещерах и лесах, а с немногих оставшихся начали брать дань».

Затем идет целый фантастический роман, с разговорами и с приказанием пройти через огонь и поклониться кусту огненному, и что многие совратились, а Михаил, посоветавшись с отцом духовным, пошел обличать Бата-хана и его веру. И умер «восхваляя господа...» В это время действительно и было наше-ствие католических духовных орденов «братьев-миноритов» и «братьев-проповедников» на славянские земли из Австрии.

«В лето 6755 (1247 год), услышав про смерть отца своего, Олександр (Невский) приехал из Новгорода в Володимер и плакался по отце своемъ. Того же лета поехал князь Андрей Ярославичъ в **Татары** (Татры) к **Батыеву** (Бате-Когану), да и Олександр князь поехал вслед за братом к **Батыеву**; **Батый** же почтил их, послал их к **Каневичам** (каноникам для проверки их веры)».

Об этом в Новгородских списках сказано под 1246 годом.

«В лето 6756 (1248 год)... Той же зимой убит

был Михайло Ярославичь от поганя **Литвы** (т.е. Ливонскими рыцарями). Блаженный епископ Кирил послал взять тело его, и привез его в Володимер. Плакали братья его и бояре над ним, пели песни погребальные, и положили его в стене у святой богородицы. Той же зимой у Зупцева Суздальский князь победил Литву (т. е. Ливонский рыцарский орден)».

«В лето 6757 (1249 год). Поехал князь Глеб Василькович в **Татары** (Татры), к Сартаку (я не мог пока осмыслить этого имени). Сартак почтил его и отпустил в свою отчину. Той же зимой приехал Олександр и Андрей от **Кановичев** (Каноников, а в Новгородских списках сказано: „приехал князь Олександр из **Орды**“, т. е. из Ордена, и дело отнесено к следующему 6758 году). Отдали они Олександру — Киев и всю Русскую землю, а Андрей сел в Володимере на (пре)столе. Той же зимой Володимер князь Константиновичь преставился (умер) в Володимере на память святого первомученика Стефана. Плакался над ним князь Олександр с братьею много, и проводил его честно из Золотых ворот, и отвез его в Унлече поле, а блаженный епископ Кирил с игуменами пели

песни погребальные и положили его у святого Спаса, и много плакали».

«В лето 6758 (1250 год). Поехал князь Борис к Сартаку (преемнику Батыея). Сартак, почтив, отпустил его в свою отчину. Той же осенью поехал Святослав Всеволодович с сыном в **Татары** (Татры)».

«В лето 6760 (1252 год). Ходил князь Новгородский, Олександр Ярославичь в **Татары** (Татры). Отпустили его с честью великою, давши ему старейшинство над всей братьей его. В то же лето задумал князь Андрей Ярославичь (Суздальский) с своими боярами лучше убежать, нежели цесарям (т. е. латинам) служить, и побежал в неведомую землю с княгинею своею и с боярами своими. Погнались за ними **Татарове** (т. е. татровцы) постигли у города Переяславля, но бог и молитва его отца сохранили его. **Татарове** рассеялись по земле, и взяли княгиню Ярославлю и детей поймали, и воеводу Жидослава убили, и княгиню убили, а детей Ярославля в полон послали. Они увели бес числа людей, и коней, и скота, и много зла створили отходя. В то же лето отпустили **Татарове** Олга (Олега), князя Рязань-

ского, в свою землю. В то же лето пришел Олександр князь великий из **Татар** (Татров) в град Володимир. Его встретил с крестами у Золотых ворот митрополит и вси игумены и горожане, и посадили его на (пре)столе отца его Ярослава... Была радость великая в городе Володимире и во всей земле Суздальской».

«В лето 6764 (1256 год). Князь Борис поехал в **Татары** (Татры), а Олександр князь послал туда дары, Борис же быв у Улавчия (князя Татарского, что-то вроде Уловителя, ловчего; этого имени совсем не воспроизведено в Новгородских вариантах). Дал дары ему и приехал в свою отчину с честью».

«В лето 6765 (1257 год). Поехали в **Татары** (Татры) князи Олександр, Андрей, Борис и, почтив Улавчия, возвратились в свою отчину. Той же зимой приехал Глеб Василкович из **Кану** (хановой) земли от цесаря, и женися в **Орде** (ордене, т.е. по католическому обряду). Той же зимой приехаша (из ордена) численицы, сосчитали всю землю Суздальскую, и Рязаньскую, и Мюромскую, и поставили десятников, и сотников, и тысячников, и темников (десятитысячников) и ушли в **Орду** (орден),

не сосчитав только игуменов, чернецов, попов, крило-шан, и кто служит святой богородице и владыке».

«В лето 6766 (1258 год). Пришли в Татары князи Олександр, Авдрей, Борис и Ярослав Тферьской, почтили Улавчия и всех его воевод, и отпущены были в свою отчину».

«В лето 6770 (1262 год). Избавил бог Ростовскую землю от лютого томления бесерменского (т. е. от насилья собирателей налогов. Это немецкое слово Besteuerung; от besteuern — облагать налогом и Mann — человек. Уже отсюда видно, что „бусурманы“ были орденские сборщики податей немецкого происхождения). Вложил бог ярость в сердца крестьян, не терпя насилья поганых. Они сделали вече и выгнали (бессерменов) из городов Ростова, и Суждаля, и Ярославля. Брали бо те оканьнии бесурмене дани, и от того велику пагубу людей творили... Видевший это человеклюбець бог послушал моленья своей матери и избавил людей своих от великой беды».

А в Новгородских списках взамен этого сказано:

«В то же лето пошел князь Олександр (Невский) в Татары (Татры) и удержал его там Берка (Берг?), но пустил в Русь. Он зимовал и разболелся в Татарях (Татрах) и пришел (в следующее лето) из Татар (Татр) очень нездоров, постригся 14 ноября и в ту же ночь представился».

Очень интересно, что с этого места в Лаврентьевской летописи тенденциозно то там, то сям вырваны целые листы, иногда без всяких следов, а иногда со вставками другим почерком. Мне кажется, что это сделано специально последующими читателями, старавшимися устранить те места первоначального текста, из которых было видно, что татарские орды были католические рыцарские ордена.

Затем Лаврентьевская летопись прерывается на 20 лет и после нескольких вырванных листов начинается уходом из Руси какого-то Капитана — Баскака[115] Ахмата в 1283 году:

«Ахмат оставил двух своих братьев блюсти и крепить свои свободы (права), а сам не смел остаться в Руси, ибо не мог взять ни единого князя, и пошел в Татары (Татры), держаться полку Татарского (Татрского)». А затем:

«В лето 6792 (1284 год). Два бесурменина (сборщика податей, Bestauermann'a) шли из одной свободы в другую свободу, а руси (русской охраны) с ними было более 30 человек. Услышав это, Липовичьский князь Святослав, задумал со своею дружиною без Олегова согласия сотворить розбой над ними. Два брата-ника-бесурменина утекли, а русских избил он 25 человек и двух бесурменинов. Олег князь пришел из Орды (ордена) и послал к Святославу, говоря: „зачем возложил ты имя розбойничье на меня и на себя? Знаешь норов татарский: пойди в **Орду** (в орден) и отвечай“. А Святослав сказал: „Я сам ведаюсь в своем деле“. Тогда пришел Олег из **Орды** (ордена) с **Татараы** (татровцами) и убил Святослава по **цесареву** слову, а потом Святославов брат Александр убил Олега и двух сыновей его малых. И створилась радость дьяволу и его поспешнику Ахмату».

Можно ли из этого заключить, что крестоносцы нанимали сборщиков податей из магометан, или из евреев, которых русские смешивали с магометанами? Оставляю этот вопрос нерешенным и возвращаюсь к фактам.

Затем опять вырван из летописи лист, и после него начинается так:

«И была ему весть, что на Москве полки тотарские и Андрей князь. Но нашелся (человек, который) проводил его на путь. Так защитил бог князя молитвою деда и отца его и не презрел бог слез и молитвы его матери. Татарове же и Аньдрей князь, слыша приход князя Михаила (Тверского), не пошли на Тферь, а наступили на Волок (Вышний Волочек) и сделали то же зло: из лесов людей вывели и пошли назад к Переяславлю. Татарове же пошли восвояси. Той же зимой — цесарь Татарский (Татрский) пришел в Тверь, имя ему Токтомерь (Титмар?), и много тягости людем учинил».

А затем еще:

«В лето 6805 (1297 год). Пришел Андрей князь из Тотар (Татров) и собрал войско. Хотел ити на Переяславль ратью, да от Переяславля к Москве и к Твери. Услашав это князь Михайло Тверьской и Данило Московский. соединили свои войска и стали близь Юрьева и не дали итти Андрею на Переяславль».

А для 1300 года находим:

«Того же лета митрополит Максим, не терпя Татарьского (татрского) насилья, остави митрополью и убежал из Киева, и весь Киев разбежался. Митрополит пошел к Брянску, и оттеле в Суздальскую землю со всем своим житьем».

Очень возможно, что он и вывез с собою Лаврентьеву летопись, так как до ее конца остается только две страницы, наполненные мелкими заметками.

Вскоре после того, на 1337 году кончается основной текст и Новгородского ее варианта. А в ее «Продолжении по списку Археографической комиссии», начинающемся 1333 и кончающемся 1446 годом, мы имеем еще такие указания о «татровцах»:

«В лето 6847 (т. е. в 1339 году) ходил великий князь Иван (т. е. Московско-Владимирский Иоанн Калита „собиратель земли русской“) в **Орду** (т. е. в Орден). По его доносам позвали туда татарове (татровцы) и всех князей, но когда они пришли, князь Иван (Калита) уже вышел оттуда».

Это был последний визит русских князей на суд в орден. Затем начинается ссора.

«В лето 6890 (т.е. в 1382 году) пришел царь (т.е. цесарь) татарский (Татрский) Тектомыш (испорченное иностранное слово) в великой силе на землю русскую. Он взял себе город Москву и Переяславль (Владимирский, Залесский), и Коломну, и Серпухов, и Дмитров, и Владимир, и Юрьев (Юрьев Польский между Владимиром и Переяславлем-Залесским). Князь (Серпуховской) Владимир (по прозванию Храбрый) уехал на Волок (Вышний Волочек), княгиня в Торжок, а митрополит в Тверь (т. е. все к северо-востоку по нынешней линии железной дороги). А коломенский владыка Герасим бежал в Новгород. И кто из нас, братие, не устрашится, видя такое смущение Русской земли, по слову господа пророкам „если послушаете меня, будете есть земные блага и наложу страх на ваших врагов, а если не послушаете меня, то побежите никем не гонимые: пошлю на вас страх и ужас и побежите вы сто от пяти и тьма от сотни“.»

Мы видим, что и здесь нашествие «татаро-вей» было с запада или скорее с юго-запада, с Карпат, а не с востока, потому что от них бежали из Москвы на восток, в Кострому, чего

не могло быть, если бы нашествие происходило из приволжских стран. Но нападение татровцев, по-видимому, сопровождалось теперь быстрым их уходом обратно, так как после своего патетического рассуждения о послушании богу, автор даже и не упоминает о том, как и куда ушли «татарове», и как возвратился в Москву «собиратель земли русской». Да это и понятно. Здесь мы вплотную подходим уже к тому времени, когда на обширном пустыре между Боснией и Македонией, омываемом речками Ситницей и Неродимкой и называемом Косовым Полем, произошла 15 июля 1389 года знаменитая битва между турками и сербами, сопровождавшаяся падением Сербского царства и, вместе с тем, и ослаблением католических орденов.

Последний раз слово «Орда» (т. е. Орден) употреблено в Новгородских копиях в 1445 году, когда Московский Великий князь Василий (т. е. Василий Васильевич Темный, 1425-1462) сначала «послал двух татарских царевичей (очевидно союзников) на Литовские города, на Вязьму и на Брянск (т. е. на запад и на юго-запад от Москвы) чуть не до Смоленска, и за

это Литовский князь Казимир послал своих панов и войско на Можайск (к Москве) и взял пять городов (Московского княжества), пленил и завоевал много земли, и была велика христианская погибель».

Но к концу того года картина вдруг меняется.

«Того же лета (т.е. 1445 года) великий князь (Василий Московский) пошел в Орду (Орден), где находился уже царь Магомет». Затем под 1446 годом читаем:

«Отпустил царь Махмет князя великого Васлия в Русскую Землю и взял с него выкупа две тысячи рублей, а что еще многе знает только бог да они (двое)».

И в это же самое время был действительно царь Магомет, но только не в Казани, куда его теперь помещают, а опять на Балканском полуострове. Это Магомет II Великий (1430-1481), преемник Мура-да II, который 29 мая 1453 года отнял у крестоносцев Царьград, а с 1473 года отобрал у них Крым и Греческие острова и основал взамен Византийской — Турецкую империю. К нему-то, очевидно, и ходил по привычке с поклоном Василий Тем-

ный, но был нелюбезно принят магометанином. И тут вместе с Татрским (иначе с татарским) игом исчезают со страниц русских летописей и могущественные до сих пор ордена, получившие названия Орд (ordo), и самое название это с начала XVIII века переходит на политически бессильных по самому своему образу жизни Киргиз-Кайсаков (а не татар!) внутренней Азии. Большая их «Орда», несмотря на доставшееся ей в наследство рыцарское прозвище, мирно кочует и до сих пор в скромных кибитках разрозненными патриархальными группами в степях между рекою Сыр-Дарья и озером Балхаш к северу от предгорий Тянь-Шаня. «Средняя Орда» также мирно рассеялась к северо-востоку от нее вплоть до Семиреченска, Семипалатинска и Акмолинска, а «Букеевская орда» блуждает по песчанисто-глинистой низменной степи за прикаспийской Волгой, где рассеяны только соленые озера да сыпучие пески, и где за неимением рек приходится рыть колодцы для воды. Их ханская ставка называется не «Сарай», а Рынь-Пески, и привел их сюда (по-видимому из-за реки Урала) не Батый, а Букей и не в XIII

веке, а в 1801 году, и вдобавок к этому, никогда не называли они себя татарами и не называют теперь.

Нам говорят, что Великою Татариею называлась когда-то современная Бухара. Но никто в Бухаре об этом и не слышал иначе как от приезжих туда европейских историков, заимствовавших это из псевдо-арабских сочинений, появившихся впервые в XVIII веке на французском языке, да у греко-латинских классиков Бухара называлась только Согдой и Трансоксанией, а не Великой Татарией. Нам говорят, что ханство Крымское, Астраханское и Казанское назывались Малой Татарией, но это только лишь со слов «арабских путешественников», писавших свои сочинения большею частью сначала на французском языке в XVIII веке, а в Казани и в Астрахани вы тоже ничего о Малой Татарии не услышите.

Я не буду, конечно, отрицать, что мы называем татарами инородцев мусульманского вероисповедания, живущих и теперь в Крыму и кое-где на южной Волге, но мы не должны забывать, что и Крым никогда не назывался Татарией (хотя бы и Малой), а только Таври-

дой. Мы не должны забывать, что и он был колонизирован Византийскими Ромейцами, главную часть которых составляли болгары, румыны и македонцы, и существует даже миф о бывшем здесь в начале нашей эры Босфорском царстве с царем Митридатом во главе. «Татары, — говорят нам сами ортодоксальные историки, — появились в Крыму только одновременно с генуэзцами в 1170 году, во время крестового похода и утвердились здесь только в XIII веке, т.е. как раз после взятия крестоносцами Царь-града и основания ими Латинской Империи на Востоке». И в это же время генуэзцы, сопровождавшие крестоносцев, образовали по берегам Таврического полуострова свои фактории, развалины которых существуют и теперь около Керчи, Феодосии, Севастополя, Бахчисарая и других городов. А потом, после изгнания крестоносцев, Крымский полуостров в 1475 году захватили Турки из того же омусульманившегося Царь-Града. Прибавлю к стати, что и самое слово мусульманин — Муслимнец — включает в своем корне имя Мусы, как по Корану называется Моисей, и что религия эта, как я уже не

раз доказывал в прежних томах, есть ни что иное, как первоначальное арианство, которое ничем не отличалось от юдаизма (т. е. богославия), да и характеристикой его, как у крестоносцев, являлось обязательство «распространять веру мечем».

Отсюда видно, что появление в Крыму татаровцев (татаровой или татровцев) было одновременно с его колонизацией генуэзцами, как очень деятельными участниками крестовых походов. Значит, если название татарове (или татровцы) стало общим на славянском востоке для крестоносцев (а греки, со своей точки зрения, превратили это название даже в тартаров, т.е. адских людей), то и современные крымские татары должны быть смесью первоначального населения этой страны, называвшегося у греков скифами, с пришедшими к ним сначала греко-славянскими ромейцами, а потом генуэзцами и другими крестоносными искателями приключений. А после этого понятна и миграция этого имени вместе с купцами-мореплавателями из Крыма в Мариуполь на северном берегу Азовского моря и, затем, на Дону до его сближения с Волгой и,

как следующие ступени, вниз по Волге. К югу по этой реке у ее впадения в Каспийское море, возник рыболовный город Астрахань, а с ним и Астраханское царство, существовавшее до 1554 года. Часто страдало оно от приазовских кочевников ногайцев или ногаев, которые, с этой точки зрения, являются не потомками «татар Золотой Орды» (т.е. крестоносного ордена с Татрских гор, пришедших через Крым и Дон в эти страны), а первичным населением южного Поволжья.

К северу от места наибольшего сближения Дона с Волгой береговая колонизация ромейских греков, болгар и различных франков и латинян времен крестовых походов дошла по Волге, как естественному первичному пути (особенно в тогдашний период расцвета судоходства), сначала до Саратова, потом до Самары и Казани и, основав эти города, как опорные пункты на пути по Мологе и Сити и до Рязани, Ярославля, Твери и даже Москвы, но уже лишь в качестве летних береговых грабителей, убегавших обратно до зимнего замерзания на ладьях в свои опорные оседлые пункты вместе с награбленным и захвачен-

ным добром. Но эти речные грабежи могли быть лишь в таких местах, где притоки Волги были достаточно широки, чтобы нельзя было загромоздить русла бревнами или плотами спереди или сзади с целью не пустить речных разбойников далее или не выпустить назад приплывших.

Наглядным примером этому служат побережные набеги Донского казацкого атамана Стеньки Разина. Сначала, с 1667 года он грабит, выйдя через Донской Лиман в Азовское море, тамошние турецкие города, а затем переходит в Волгу с флотилией парусных и гребных судов, в которых можно было везти и съестные припасы и быстро выйти из области берегового обстрела, благодаря ширине реки. Он захватывает внезапными налетами сначала Астрахань и прибрежную полосу Каспийского моря до реки Урала, и самую эту реку называвшуюся тогда Яиком. Весной 1670 года он поплыл вверх по Волге под флагом защиты старой веры и освобождения жителей от налогов. Он захватил даже Нижний Новгород, говоря, что везет с собой патриарха. Но с начала зимы 1670 года Волга стала замерзать,

и ему пришлось быстро уплывать на юг. А зимой Московское государство успело подготовиться: к январю 1671 года значительная часть Восточной Украины была подчинена Москве, а в апреле 1671 года сами донские казаки выдали Разина московским стрельцам. Он был увезен в Москву и там казнен, вызвав в приволжском народе массу былин и сказаний, а в XIX веке даже и поэмы в идеалистическом духе.

Через сто лет после него пробовал повторить его поволжские походы и другой донской казак Емельян Пугачев, объявивший себя в 1773 году императором Петром III (в действительности низвергнутым и убитым своей гвардией в пользу Екатерины II одиннадцать лет перед тем в 1762 году). Дело в том, что Петр III считался в то время староверами почему-то своим, хотя уроженец Германии, он был в действительности лютеранином и сторонником германской культуры. Но и для Пугачева поволжское торжество было непродолжительно. Сначала он тоже двинулся на восток вдоль берега Каспийского моря на реку Урал и в октябре 1773 года при Екатерине II

осадил Оренбург, но не мог его взять и в марте 1774 отступил от него и пошел на Запад, так как местное староверческое крестьянство Казанского и Пензенского края поднялось за него, избивая московских чиновников и помещиков. Но, несмотря на это, он не пошел далее на Запад на Москву, а повернув к югу, прошел через сдавшийся ему Петровск и Саратов обратно к Каспийскому морю, причем его отряд был разбит преследовавшими его войсками Екатерины II на повороте Волги к Каспийскому морю у нынешнего Черноярска. Пугачев переправился поспешно на восточную сторону Волги вместе с частью своих сторонников, но был там схвачен ими самими и выдан преследовавшим их русским войскам, отвезшим его в Москву, где он был казнен в январе 1775 года.

Мы видим здесь уже сухопутный поход предводителя донских казаков, но лишь потому, что в конце XVIII века указанные места были покрыты хотя еще редким, но уже оседлым земледельческим населением, а потому тут были уже и сухопутные дороги между ними. Но и в этом случае попытка нападения на

Московское государство с юго-востока не имела успеха, несмотря на поддержку самого русского местного населения, несмотря на то, что поход был начат не со стороны диких кочевников, а под флагом «законного русского и правоверного государя», преследуемого узурпаторами за защиту верований самой многочисленной части населения.

Я снова здесь напомню то, что говорил уже не раз. Напрасно нам внушают, что народная память сохраняет в былинах и сказаниях давно минувшие факты. На деле она их не сохраняет, а извращает, и это относится даже и к записям по мере того, как они копируются, чему примером служат многочисленные варианты тех же самых сказаний в различных манускриптах. Мы прочно запоминаем в области исторических знаний только то, что мы заучили, т. е. повторили несколько раз по учебнику, в том же самом виде. Но тут же является и недочет: мы перестаем относиться к заученному критически и машинально повторяем его подобно тому, как вскрикиваем: «ах!» когда нас неожиданно толкнут в спину сзади.

Нам внушили в школе, что татары пришли в начале крестовых походов в Русь из Азиатских степей как дикое кочевое племя и заставили более культурные, а потому и сильные Киевское, Новгородское и Московское государства ездить к себе за тридевять земель в Заволжские степи, чтоб получить отсюда утверждение на свое княжение, или уплатить тамошним кочевникам дань. И вот мы невольно стараемся не подвергать сомнению и рациональной обработке весь этот заученный рассказ, повторяющийся в нашем воображении в качестве условного рефлекса, а оправдать его какими-нибудь сомнениями или просто закрыть глаза на все происходящие обстоятельства, лишаящие его реального смысла. Мне самому лишь с великим трудом пришлось освободиться от внушенных мне в юности и в детстве рефлексивных исторических представлений, да и то потому, что я возвратился к их разборке уже после того, как прошел через продолжительное горнило естествознания и заинтересовался политической историей государств, лишь после того, как прочно ознакомился с политической эконо-

номией и с историей науки и техники.

Лишь тогда и стало для меня совершенно ясно, что никакое иго НЕ МОГЛО придти ни в Киев, ни в Новгород, ни в Москву из-за волжских степей от среднеазиатских кочевников, а только с запада. Лишь тогда одновременность татарского ига с крестовыми походами и отсутствие упоминаний о них в основных текстах русских летописей, да и сама ономастика (**иго** от латинского **jugum**, **орда** от латинского **ordo**, местность **Татары** от Карпатской местности **Татры** и т.д.) привели меня к отождествлению обоих иг.

Потом открылась для меня причина, по которой сцена действия перекинулась в нашем представлении с запада на восток. Крестоносцы-татровцы (они же татарове, таурмены и печенеги), пришедшие, как говорит Лаврентьевская летопись, «неизвестно откуда и один бог знает куда ушедшие», сменились на Балканском полуострове турками и перестали вспоминаться. Название это сохранилось за ними лишь в наиболее глухих местах того времени, главным образом, в Крымских и Азовско-Морских колониях геноуэзцев и рас-

пространилось оттуда затем по Дону до его сближения с Волгой и по Волге и ее притокам, где образовались береговые поселения торгового и рыболовного характера, давшие начало современным городам Астрахани, Царицыну (нынешнему Сталинграду), Саратову, Самаре и Казани. Воспоминанием о болгарских миссионерах и колонистах того времени осталось близ села Успенского местечко Булгары, к югу от Казани, недалеко от Тетюши, в 6 километрах от Волги, и вот, благодаря этому, в разгоряченных головах старинных историков возникла волшебная сказка о будто бы бывшем тут когда-то Волжско-Болгарском царстве, исчезнувшем, будто бы, в XV веке нашей эры и ведшем до того времени обширную торговлю не только с Новгородом и Москвою, но даже и с Багдадом в Месопотамии...

Подумайте ж только, каково было это наше Село Успенское! Оно вело обширную торговлю даже со знаменитым Багдадом в Месопотамии! Так что же сказать о самих Тетюшах? Наверно, они торговали лет шестьсот тому назад даже с Нью-Йорком в Америке!

Но, к сожалению, я уже показывал выше,

что вся эта Тетюшская Великая Болгария списана с Первого Болгарского царства Асперуха на Дунае, а ее «ПРЕСЛАВНЫЙ Великий город» был не село Успенское близ Тетюш, а город ПРЕСЛАВ на том же Дунае.

Мы видим, что с новой точки зрения путь культуры и государственности в старом свете был от запада к востоку, а не с востока на запад.

И это находится в полном соответствии с динамической геологией.

Не будем говорить о большой и еще загадочной Тихоокеанской впадине земного шара, возникшей, по-видимому, еще до образования современных нам водных наслоений земной коры, так как силлурские морские отложения покрывают и срединный островок этой впадины — Новую Зеландию, которая, значит, поднялась со дна моря уже после силлурийской эпохи, а обратим внимание на уже отмеченное всеми геологами обстоятельство: почему все главные массивы земной суши имеют вид клиньев, обращенных остриями к южному полюсу? Таковы особенно Северная и Южная Америки, такова Африка, особенно

если мы присоединим к ней и Аравию, признав трещину Красного моря за последующее образование; такова и Азия, как одно естественное целое с Европой, особенно когда мы отделим от нее Аравию и присоединим ее к близкой к ней по природе Африке. Такова и Австралия, особенно, если мы присоединим к ней остров Тасманию. А если мы признаем Зондский архипелаг между Ост-Индией и Австралией аналогичным Вест-индскому архипелагу между Северной и Южной Америкой, и схематически соединим посредством этого Зондского Архипелага Европо-Азию с Австралией, то получим и в Старом Свете подобие Нового Света, причем в последнем не будет только доставать аналога Африки в Тихом Океане. Но я уже сказал, что Тихоокеанская впадина есть результат какого-то исключительного по своей мощности влияния, вдавившего эту часть земной поверхности. Не трудно видеть также, что разнообразные впадины и выпуклости современной земной поверхности должны зависеть не от одних химических процессов, происходивших под водными отложениями древнее Силлурийских,

Лаврентийских и Гуронских слоев и вызвавших вулканические сдвиги и сбросы лежащих над ними слоев водного слоя и их горообразовательные складки, но также и от внешних воздействий луны и солнца, вызывающих приливы волны, и от прецессионных и мутационных колебаний земной оси. Нельзя игнорировать также и воздействие на Землю того могучего невидимого центра в центре Галактики, вокруг которого она обращается вместе с нашим солнцем и всеми видимыми звездами, и, наконец, воздействия метеоритных катастроф, которые теперь стали серьезно изучаться в связи с их действиями на лунную поверхность, где их следы не залечиваются, как на мягких слоях нашей земли действием дождевой, почвенной и проточной воды, превращающей их в озера и заполняющей их оползнями и наносами песку и ила.

Но оставив в стороне все частные влияния, вызвавшие причудливое разнообразие, как вида, так и береговых очертаний современной нам земной поверхности, мы не можем упустить из внимания основной особенно-

сти — клинообразного расположения всех главных ее массивов и того, что водою залито южное полушарие земли много более, чем северное. Такая общая особенность конфигураций земной суши совершенно не объяснима процессами, происходящими исключительно в самом земном шаре. Несмотря на конусообразные колебания земной оси и приливы и отливы ее жидких масс, последовательные твердые отложения земного эллипсоида должны были происходить абсолютно правильными концентрическими слоями, а потому и последнее из этих отложений — океаническая вода — должна была, в общем, равномерно расположиться как на севере земного шара, так и на юге. А мы видим, что водою залита целиком вся южная приполярная область земли до глубины в среднем от 6 до 12 километров, а далее к южному полюсу идут нагромождения, по-видимому, уже донных льдов, которые за исключением нескольких подъемов вроде горных хребтов и вулканических островков, доходят до такой же толщины. Одним словом, южное полушарие земли переживает теперь потопный и ледниковый

период, а северное полушарие наоборот. Но это равноценно перемещению центра земного тяготения от 6 до 12 километров к югу от геометрического центра земного шара, чем объясняется и клинообразный вид поднимающихся над водою валообразных по отношению к геометрическому центру земли массивов суши с остриями к югу.

Ведь приливные воздействия на всякий пластический эллипсоид вращения должны вызывать в нем волны, идущие параллельно меридианам, делая из них подобие дыни с валообразными возвышениями от одного полюса вращения к другому. Но засыпьте любой вал с обеих сторон сыпучим песком так, чтобы с севера он остался весь наружу, а с юга закрыт до вершины, и тогда выступающая из песка часть его примет вид клина. Тоже самое и с дынеобразными возвышениями всякой планеты, когда ее водная оболочка будет значительно перетянута к одному из двух ее полюсов вращения; все ее меридиональные валообразные образования примут вид клиньев, обращенных остриями к тому полюсу, к которому перетянулась вода. Но уже сам этот

клинообразный вид покажет нам, что вода перетянулась к данному полюсу уже после образования валлообразных континентов, а потому и явление это должно быть временным. Оно должно смениться затоплением противоположного полюса, причем острия континентов будут обращены к северу, и северное полушарие останется морским и ледниковым, а южное — континентальным. А потом должно опять залиться южное полушарие и т. д. без конца, подобно качаниям маятника. И это явление, как я только что сказал, будет равноценно периодическому перемещению центра тяжести планеты от 6 до 12 километров, то к северу, то к югу от геометрического центра.

Но как же может перемещаться центр тяжести земли сам по себе?

Ясно, что тут должно быть какое-то внешнее влияние из небесных пространств. И вот мы видим, что центр земли теперь сдвинут как раз к тому месту, где сияет созвездие Южного креста, заслоняющего собою какое-то неизмеримо громадное скопление темного вещества, называемого «угольным мешком». А кроме того, и на ближайшей к нам планете

Марсе произошло то же самое! И у нее центр тяжести сдвинут к югу с геометрического центра, так как покрыто морями тоже южное полушарие, и притом обращенное в ту же сторону неба, как и наше. А на северном полушарии сосредоточены и там, как у нас, континенты.

У остальных же планет мы не можем различить ни континентов, ни морей вследствие вечной облачности их атмосферы. Значит, если бы мы могли допустить, что «Угольный мешок» Южного Креста служит центром обращения нашего звездного облака, то вышло бы, что после полуоборота около него, к нему оказались бы обращенными уже северные полушария Земли, Солнца и Луны и всех остальных наших планет, и тогда их северные части оказались бы затопленными. Но, к сожалению, в настоящее время у нас нет возможности установить другие центры вращения небесных светил кроме спутников вокруг своих планет и планет вокруг солнца. А центр обращения самого солнца не может быть определен его индивидуальным движением к созвездию Геркулеса, а лишь исследо-

ванием целых звездных потоков, так как звезды, более близкие к центру общего обращения, должны отставать. И перпендикулярно к тому направлению, в котором звезды нас наиболее перегоняют, и перпендикулярно к тому, в котором они наиболее от нас отстают, должен быть центр обращения нашего звездного облака. Это даст, конечно, целую окружность на небе, но детальное изучение ее особенностей укажет и самую точку.

Таковы общие географические причины, заставляющие весь коллектив земных обитателей незаметно для их кратковременных отдельных поколений вечно перекочевывать то к северу, то к югу. В данном случае нам нужно знать только одно. После последнего затопления наших северных полярных стран нашего и ледникового периода, когда океан стал незаметно переливаться на южное полушарие, на северном оставались не погруженными лишь возвышенные местности, т. е. Альпы, Карпаты, Пиренеи, Аппенины, и тут сосредоточилось сначала население пещерного периода и каменного века, а затем в Татрских горах или где-то в этих странах было

сделано открытие обработки железа для изготовления орудий производства, что вызвало новую эру в человеческой жизни и положило начало тому, что мы называем культурой. Открытие это было быстро перехвачено также и в Рудных горах (Erzgebirge), в Богемии, в Эльзасе на Рейне. А в других более южных странах еще господствовала менее удобная медь — *cuprum*. К этому времени уже давно обнажились от вод обширного тогда ледовитого океана (постепенно отливавшего на южное полушарие земли и заливавшего тамошние равнины) Германская и Восточно-Европейская низменность, но они были, конечно, или необитаемы, или заняты блуждающими стадами кочевников, откуда имя скифы, т.е. скитальцы (Укхибн), сохраненное нам в греческой литературе. И они, конечно, может быть, еще долго оставались бы скитальцами, если бы не культивировала их славянская «железная» колонизация с Татров и других рудных гор Балканского полуострова, уже культивировавшегося к тому времени, благодаря открытию железа и его обработки. Колонизация эта за неимением никаких сухопутно проло-

женных дорог, естественно, шла по руслам рек: сначала к северу по Висле, Одеру, Эльбе в Германскую низменность, где встретилась с тевтонской колонизацией, шедшей из Ломбардии и из Швейцарских гор по Рейну, и слилась с нею. А к Востоку, из Татр и Балкан, она пошла по Днестру, где скоро уперлась в Черное море. По нему она пошла из Царьграда вместе с греческими мореходами, по-видимому, еще пользовавшимися медным оружием и медными орудиями производства с Кипра, по берегу Черного моря, а затем по Днепру, результатом чего появился «город» Киев и Киевское княжество. Труднее объясняется начальная история Новгородского и Владимирского княжеств, если она не заимствована из сказаний о Новгороде Волынском и о Владимире Волынском. А о дальнейшем образовании оседлых поселков по Волге в Эпоху Крестовых походов я уже говорил ранее. Мы не должны недооценивать знания рек, как первичных путей колонизации и призывов человека к оседлой жизни. Река не только доставляет так необходимую для жизни пресную воду, но дает и пищу, так что рыболовство, веро-

ятно, возникло даже ранее скотоводства. Мы и представить себе не можем, не подумавши об этом всесторонне, какое огромное количество рыбы содержит великая река, текущая по илистому дну среди полей или лесов. Можно сказать, что чуть не каждый кубический метр воды содержит всегда не только по одной, но и по несколько рыб, но мы не замечаем этого, потому что когда купаемся или едем в лодке, они, благодаря приспособленности своего глаза к воде, видят нас еще издали и разбегаются от нас во все стороны. Доказательством их многочисленности в реках служит само рыболовство. Попробуйте, например, проволочь невод ночью в воздухе даже на много метров, и вы в него, наверное, не поймаете ни птицы, ни зверя, а протянув его на незначительном протяжении по реке, почти наверняка поймаете несколько рыб.

Таким образом, река давала первобытному, блуждающему человеку сразу и питье, и пищу, а потому понятно, что и первые постоянные его поселки были на речных берегах. Там он строил и жилище для своей семьи, а потом эта семья разрасталась в целый посе-

лок и в городок, укрепленный валами и ча-стоколом. Таким образом, рыболовство было первой стадией оседлой жизни. Затем начи-налось садоводство, когда человек, устроив себе постоянное место жительства, сначала пересаживал около него дикие плодоносные растения, а затем и земледелие, когда садо-вод, увидев, как вырастают злаки из семян, брошенных в разрыхленную береговую зем-лю, устроил себе и поле.

Все это элементарные рассуждения, но их надо всегда помнить при культурно-истори-ческих соображениях, как таблицу умноже-ния при математических вычислениях, и то-гда мы не будем переставлять первобытных народов по географической карте, как фигур-ки по шахматной доске. Не будем переселять и татар из Азии в Европу, и болгар с Волги на Дунай, когда по общим географическим при-чинам колонизация должна была идти с за-пада на восток.

Мы рассмотрели сейчас первоисточники наших сведений о татарском иге (*jugum tartaricum*). Имеются ли у нас какие-либо при-чины отделять эти «татарские (или татрские)

орды» от «рыцарских орденов»? Действительно ли русские летописцы, снабдившие своими записями Лаврентьевскую летописную компиляцию и все другие до XIV века нашей эры, рассматривали по басне Крылова только

«Козявок, мошек, таракашек...»,

а не заметили слона своего времени — крестовых походов и наседавших на них самих с запада рыцарских и духовных католических орденов?

Из всего изложенного читатель видит, что, наоборот, они посвятили им очень много внимания, но только первые наши историографы не узнали слона в их описании и приняли его за привиденье, появившееся из глубины монгольских степей, не приняв во внимание, что кочевники вообще не способны к крупным массовым передвижениям. Подумайте сами, где хотя бы пяти-шести тысячное кочевое войско нашло бы пропитание для своих десятков тысяч баранов, составляющих их пищу, если они идут сплошной массой, а не рассеиваются мелкими группами на протяжении сотен квадратных километров?

Кочевая жизнь есть по самой своей природе жизнь разрозненная, не способная к самостоятельной государственности. Посмотрите на современную Аравию и Монголию. Выработалась ли у них какая-нибудь своя внутренняя вооруженная светская власть?

Ищите ветра в поле! Некоторую тень национального объединения придает им только власть духовная: Далай Лама в Лхасе для кочевых монголов и Мекка для кочевых арабов. Да и власть Римского папы распространилась от Калифорнии до Огненной земли и от Гвадалквивира до Филиппинских островов не силою меча, сколько дымом кадила.

Но мне скажут:

— А Чингисхан между 1155-1227 годами? —
Посмотрите в любом энциклопедическом словаре и вы, в кратких словах, прочтете следующее:

«Сын мелкого кочевого князька-патриарха, кочевавшего на окраине пустыни Гоби, он объединил под своей властью монгольские племена и в 51-летнем возрасте в 3206 году (через четыре года после взятия Царь-града Крестоносными войсками папы Иннокентия

III!) принял титул Хагана, т.е. великого хана — Первосвященника (еврейское коган). Он завоевал лично сначала Туркестан до самого Аральского озера-моря, покорил уйгуров, считаемых теперь за бухарских узбеков, разгромил тангутов в Тибете, вломился в Китай, овладел Пекином, завоевал обширное царство Могамета Хорезм-шаха, простиравшееся от Индии до Каспийского моря. Он лично разгромил при этом сильные и цветущие мусульманские города Бухару, Самарканд, Мерв, Герат и ряд других, а через своих полководцев покорил еще и Персию, вторгся в русские южные степи, по которым его ордена-орды дошли до Киева, затем отступили до Азовского моря, получив тут подкрепление, разбили на реке Калке русских союзных князей и, тем самым, положили начало татарскому игу».

— Так написано в самих Энциклопедических словарях, — скажут мне. — Неужели вы считаете этого богатыря за простой призрак из пустыни Гоби?

— Да! — отвечу я. — Не считать его за простой призрак из пустыни Гоби может только тот, кто не следит за только что приведенным

сообщением из Энциклопедического словаря по географической карте. Все это царство

«От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая»,

воздвигнутое силою оружия под руководством одного человека, хотя бы он и был самим Ильей Муромцем, возможно только в былинах. И нам тут надо не руководствоваться наставлением Кузьмы Пруткова: «если на клетке, где сидит лев, написано: собака, то не верь своим глазам», а как и всегда, попытаться найти по указаниям энциклопедических словарей только первоисточники таких «былин». Откуда идут сказанья о Чингисхане? Из Центральной Азии, где до сих пор нет никаких открытых для наших ученых библиотек или из Западной Европы?

Конечно, я не отвечаю, что в народном эпосе монголов есть, — как говорят, — мифы и о Чингисхане, как и у нас есть мифы об Илье-Муромце, хотя имя Илья и греческое, от слова Элиос-солнце. Но ведь в азиатских странах есть отголоски мифа и об Александре Македонском, называемом там Искандером... А

можно ли вывести отсюда, что он пришел в свою Македонию из Азии?

Вот почему и самый миф о Чингисхане мог появиться там с запада. И как это ни неожиданно и даже ни смешно с первого взгляда, повод к такому мифу могли дать даже не граф Балдуин и не Ричард Львиное Сердце, воевавшие в то время в Азии, а сам римский папа Иннокентий III, верховный руководитель IV крестового похода, как раз в то время, к которому относят только что приведенные фантастические подвиги Чингис-Когана. Сравним только основные даты их биографий.

1) Папа Иннокентий III родился в 1161 году, а Чингис-Коган в 1155 (только на шесть лет ранее).

2) Папа Иннокентий III умер в 1216 году, а Чингис-Коган в 1227 (только на 11 лет позднее).

3) Папа Иннокентий сделался Великим Римским первосвященником в 1198 году, а Чингис стал великим каганом в 1206 (лишь на 8 лет позднее).

Пойдем теперь и далее. Нет дыма без огня. А потому и миф о папе Иннокентии, как о

Чингис-когане, мог появиться среди монголов не без причины. Мы знаем в общих чертах историю крестовых походов, знаем, как рыцари, завоевав западные побережья Азии, создали там королевство Иерусалимское, княжество Антиохийское, Триполитанское, Эдесское и т.д. Все это не могло, конечно, не поразить воображение внутренних азиатских народов и не создать легенд о завоевательных подвигах крестоносцев среди немагометанского населения внутренней Азии, которое не могло не видеть в крестоносцах своих союзников против магометан. Отсутствие мифов об этой международной эпопее было бы почти также непонятно в Азии, как было бы непонятно оно и в русских летописях, пока мы не признали, что их рассказы о «татарских ордах» относятся к рыцарским орденам.

Скажу более: мы все знакомы с крестовыми походами только по воинственным деяниям их светских орденов, но забываем ордена духовные, которые рассылали своих миссионеров во все делавшиеся доступными для них страны света, ниспровергая тамошние мелкие местные алтари вольных шаманов во

имя единого для всех народов грозного бога, его милостивого сына и его доброй матери.

Ведь вместе с рыцарским орденом работали и в самом «освобожденном Иерусалиме» духовные ордена: иоаннитов и др.

— Как далеко их миссионеры проникали вглубь Азии? — спросим себя прежде всего. — Откуда пришло, как не от них, обязательное безбрачие буддийского духовенства, по самой природе своей противоестественное? Неужели и в Монголии с Тибетом, и в Западной Европе оно произошло независимо друг от друга, каким-то телепатическим путем? Ведь это же невероятно. Кроме того, и без меня уже указывали на сходство внешней обрядности у тибетских церковников и у римских католиков, и если идеология теперь у обеих церквей в значительной мере разошлась, то это было неизбежно при долгом разъединении обеих ветвей той же самой религии, ни там, ни тут не остававшихся в окоченелом состоянии, а независимо развивавшихся от внешних воздействий (буддизму у меня посвящено особое исследование, а теперь я хотел только показать, что идейное влияние крестовых походов

в Азии могло быть много глубже, чем это представляем мы теперь). Да и сама ономастика подвигов Чингис-Хана является как бы отражением ономастики подвигов крестоносцев.

Они боролись с Турками, а он — с туркестанцами, они завоевали венгров-угров, а он — уйгуров, они покорили Данаготов, а он — тан-гутов, они воевали с магометанами и он с ними в те же самые годы, да и самое имя его — Чингис-Хан — напоминает немецкое Königschan или Kenigchan — царь-священник.

И вот, если мы все это примем во внимание, то увидим, что появление на «Востоке» мифов о папе Иннокентии III, как о великом завоевателе, не так уже смешно, как кажется с первого взгляда.

Ведь папа был тогда царь-царей (Kenigchan). Он обладал не только духовной, но и светской властью, считая ее всемирной, и потому назначал и низлагал по-своему произвол всех христианских царей, пока, наконец, они не почувствовали сомнения в его «наместничестве Христа», а с ним и смелости со-

противляться его произволу. Крестоносцы были его войска, и они были посланы им на Восток подчинить ему непокорные иноверческие народы. А потому и их завоевания считались его завоеваниями, как светского властелина.

И было бы даже удивительно, если бы в азиатских иноверческих преданиях папы крестовых походов не фигурировали в виде завоевателей. В воображении византийцев и западно-азиатских ромеев, с национальными властелинами которых крестоносные орден боролись физической силой и в случае неповиновения расправлялись свирепо, эти орден должны были представляться жестокими и свирепыми, откуда и их восточное прозвище «тартары». А в воображении далее лежащих народов, каковы, прежде всего, буддисты и индуисты, культура которых была христианского средневекового происхождения или, во всяком случае, родственна христианской, и настолько же чужда магометанству и израэлитству, как и христианская, они в легендах и мифах, не считающихся с географией, могли превратиться в их собственных героев и

руководителей.

Но пусть идея о тождестве гигантского призрака, вышедшего из пустыни Гоби — Чингис-Кагана — с папой Иннокентием III, организовавшим четвертый и самый громкий крестовый поход, будет простая шутка с моей стороны... Не буду пока пугать читателя призраками из азиатских пустынь! Но на остальном я и теперь имею полное и научное право настаивать.

Мое основное открытие при исследовании русских летописей состоит в следующем. Русские летописцы (у которых значительная часть сообщений, начиная с конца «Основной летописи» в 1110 году, подтверждается астрономическими вычислениями А. М. Вильева, моего бывшего сотрудника по Астрономическому отделению Государственного Научного Института им. Лесгафта и моими собственными вычислениями) не только не проспали крестовых походов и наседавших в то время и на Русь рыцарских и монашеских католических орденов Иннокентия III и Григория IX, но, наоборот, полны отголосками их деяний и бросают новый свет на историю самих кре-

СЛОВНЫХ ПОХОДОВ.

До сих пор наши историки этого не замечали, потому что отголоски деяний крестоносцев дошли до них, как эхо, отразившееся, если и не буквально, от китайской стены, то от непроницаемой завесы, закрывающей для нас и до сих пор реальную историю не только древнего, но и средневекового Азиатского Востока. Все непонятное, да и вообще все, что угодно, можно было перебрасывать за эту стену, не боясь разоблачений.

Кроме того, были и другие причины. Я показывал уже, что и в Лаврентьевском списке, и в других, то тут, то там, оказываются на самых интересных, с нашей точки зрения, местах вырванные листы.

Кто их вырвал и зачем? Не потому ли, что в них оказывались слишком бросающиеся в глаза противоречия восточному происхождению «татарского ига»?

Но даже и ранее этих вырванных листов кто-то уже проредактировал первичные летописи, составленные по разным монастырским записям, исключив из них все неподходящее к его односторонним ошибочным пред-

ставлениям. Так, вместо действительных годов, часто поставлены предшествовавший или последующий за ним, что хорошо видно из моей проверки по солнечным и лунным затмениям, по пасхалиям и дням недели. И эти искажения были сделаны, несомненно, уже в то время, когда после взятия Царьграда турками в 1453 году, крестоносцы ушли уже в области истории и вражда к ним заменилась враждою к туркам. Как бы вы ни старались, но вы ничем не объясните полного отсутствия в основной Лаврентьевской летописи упоминания взятия крестоносцами Царьграда в 1204 году. А в Новгородской летописи по Синодальному списку рассказ об этом признан позднейшей вставкою и до меня. Так, в «Полном собрании Русских летописей» мы читаем «повесть о взятии крестоносцами (фрягами) Царьграда взята сокращенно из византийцев или из болгарских хронографов» [116].

Да и по языку это видно: только в этом месте крестоносцы называются фрягами, а более это слово нигде не встречается.

А еще более странно полное отсутствие из-

вестий об обратном отбитии Царь-града Михаилом Палеологом в 1261 году, что должно бы было, конечно, разнестись радостною вестью по всему православному миру. А что же читаем под этим последним годом?

Вот, в Суздальской летописи по списку бывшей Московской Духовной Академии:

Для 1261 года: *«В лето 6769. Родился Александру (Невскому) сын Данилей»*. И больше ничего. А для 1262 года: *«В лето 6770. Изгнаша поганых из всех градов, не терпя насилия их»*.

Это можно было бы отождествить с изгнанием крестоносцев из Царьграда, так как мы уже видели, что в летописях часто приходится переводить их счет «от сотворения мира» на наш, прибавляя лишний год к общепринятому переложению, и тогда подтвердился бы мой вывод, что «погаными» и «татарами» назывались крестоносцы. Но дело портит такое пояснение Лаврентьевского списка для того же 1262 года:

«В лето 6770 (1262). Избавил бог от лютого томления бесурменского (Besteuermann'ского) Ростовскую землю. Вло-

жил ярость в сердца крестьян (вместо христиан). Не терпя насилия поганых сделали вече и выгнали из городов Ростова, Суздаля и Ярославля. Брали бо те окаянии бесурмене дани и от того великую пагубу людям творили» и т.д., как я уже цитировал ранее.

И если этот бунт был не отражение бывшего в то же самое время отбития русским единоверцем греческим царем Михаилом у крестоносцев Царьграда, так почему летописец не упомянул при этом удобном случае и об этом, и о возвращении «в то же лето» главы восточной (а в том числе и русской) церкви — византийского патриарха Арсения — обратно в свою столицу, изгнав «поганых латинян»? Ведь даже в самой «Новгородской летописи», в которую вставлен под 1204 годом рассказ о «фрягах», для этого года мы находим лишь мелочное сообщение:

«В лето 6769 (т. е. 1261 год) обил владыка Новгородский Далмат святую Софию всю свинцом...»

Да и латины, так надоедавшие православным в это время, упоминаются в русских летописях только один раз:

1) Для года 1175. «В лето 6683, когда князь Ярослав Святославович сидел в Киеве, напал на него проездом черниговский князь Святослав, въехал в Киев, захватил дружину Ярослава с его княгиней и меньшим сыном, а сам Ярослав утек. Просидев в Киеве 12 дней, Святослав возвратился обратно в Чернигов, захватил имущества Ярославова без числа. Ярослав же, узнав об этом, приехал опять в Киев и в гневе замыслил наказать киевлян, говоря: „Это вы навели на меня Святослава, решайте чем выкупить мог княгиню и дитя“.

И когда они не знали что ответить, он распродал весь Киев, и игуменов, и попов, и монахов, и монахинь латину (крестоносцам?), так же как и склады, и купцов, и всех киевлян, и много зла сотворил. Потом он пошел в Чернигов, помирился с Святославом и напал с ним на Олега (Северского князя)».

Вот и все. Да и о «римлянах» есть только в цитатах из иностранных хроник, вроде того, как под 1067 годом, в подтверждение того, что Комета Галлея предвещала бедствия, сказано: «так и при Нероне цезаре воссияла над Иерусалимом звезда во образе копья (комета),

предвещая нашествие рати от Римлян (для разрушения Иерусалима)».

Но ведь латины же и римляне гремели на весь мир не только в древности, но и на всем протяжении того времени, которое охватывают наши основные летописи, и при том они гремели не только в Иерусалиме, но и в Киеве, и в Новгороде, и во всей тогдашней Руси!

Как объяснить все это, если не только что высказанной мною идеей, что первичные русские летописи были проредактированы и искажены кем-то, желавшим перенести действие с запада на восток и потому исключившим или исказившим все места, из которых было ясно, что дело идет о «латинском иге» (которое на самом деле и послужило образованию сначала Киевской, а затем и Московской Руси). Это он и заменил их татровцами-татарами.

А кто же мог бы так сделать? Припомним, что Московский патриарх Никон (1652-1666) первый установил авторитет греческой науки, собрал много рукописей из Византии и из Славянских стран, в том числе и летописей, и что одна из древнейших даже носит название

«Никоновской», и что он первый занялся чисткой Библии и Евангелий, вызвав раскол в русской церкви, невольно является мысль: не под его ли редакцией была обработана или создана та часть наших летописей, которая носит название «Продолжение Нестора»? И не он ли затушевывал все те места, из которых ясно было видно, что татарские орды были крестоносные ордена, а сами тартары были римские католики?

Глава III. О болгарях, хазарах и татарах в «Новгородской Хартийной летописи»

Интересно, что в Новгородском хартийном списке болгары считаются магометанами.

Так под 985 годом записано: «В лето 6493 пошел Владимир (из Киева) с Добрынею своим воеводою на Болгар в ладьях (по Днепру и морем), а Торков повел берегом на конях и так победил болгар, сотворил с ними мир и пошел обратно в Киев».

Отсюда ясно, что это были те же болгары, как и теперь. Но вот в следующем же году в рассказе о крещении Владимира (который я передаю на современном русском языке) мы читаем:

«Пришли (к Владимиру в Киев) болгары магометанской (в подлиннике Бохмицкой [117]) веры, говоря:

— Ты, князь, мудр и смышлен, а не знаешь закона. Веруй в наш закон и поклонись Бохмиту (Магомету).

— Какова ваша вера? — спросил Владимир.

— Веруем в бога, — ответили они. — А Бохмит (Магомет) нас учит обрезать стыдливый член, не есть свинины, не пить вина. А после смерти, говорит, с женщинами будете блудную похоть творить. Даст Бохмит каждому по 70 жен прекрасных... Да и здесь надо творить всякий блуд на свете...

И много иных прельщений сделали они, каких и сказать нельзя.

Владимир же сам много любил женщин и блужение. Такое (предложение) было ему сладко, но не любо ему было обрезание члена и неядение мяс свиных, а особенно питья (вина), и он сказал: „Ни за что! Веселье Руси — пить, и без него она не может быть“.

Потом пришли немцы из Рима, говоря:

— Мы присланы от папежа (папы). Он го-

ворит тебе: Земля твоя, как наша, а вера не как наша: мы кланяемся богу, который сотворил небо и землю, и звезды, и месяц, и всякое дыхание, а ваши боги — деревянные.

— А какова заповедь ваша? — спросил Владимир.

— Пощение по силе, потому что кто пьет и ест, тот творит это во славу божию. Так сказал учитель наш Павел.

— Идите вы к себе! — сказал Владимир. — Отцы наши не творили так (не постились).

Услышав это, евреи казанские пришли к Владимиру, говоря:

— Мы слышали, что приходили к тебе болгары (магометане) и христиане, уча тебя каждый своей вере. Христиане же верят тому, кого мы распяли, а мы веруем единому богу.

— Какой ваш закон? — спросил Владимир.

— Обрезаться, не есть ни свинины, ни зайчатины, и хранить субботу.

— А где ваша земля? — спросил Владимир.

— В Иерусалиме.

— Там ли? — спросил он.

— Разгневался бог на отцов наших и разогнал нас по чужим странам за грехи наши и

предал нашу землю христианам[118].

— Как же вы учите других, когда сами отвержены богом и разогнаны? Если бы бог вас любил, то не разогнал по чужим странам. Хотите, чтоб и мы приняли такое зло?

После этого прислали к Владимиру философа, говоря:

— Слышали, что приходили к тебе болгары, уча тебя принять их веру, которая оскверняет небо и землю; это люди проклятые пуще всех людей, уподобленные Содому и Гоморре, на которых напустил бог мщение горящее и потопил и погрузил их (воспоминание о метеоритной катастрофе в Аравии в 622 году). Они обмывают водою свои задние проходы, а потом в рот ее вливают и по бороде мажут, призывая Бохмита (Магомета). И женщины их творят ту же скверну и еще хуже: вкушают от совокупления мужского и женского. Услышав это, Владимир плюнул на землю и сказал:

— Не чисто дело.

— Слышали мы, — продолжал греческий философ, — что приходили из Рима учить вас своей вере, которая лишь в малом отличается

от нашей: они служат (обедни) на опресноках, называя их оплатками, чего бог не заветовал, а повелел апостолам на хлебе служить, говоря: сие есть тело мое, ломимое за вас. Также и чашу (с вином) принял, говоря: сие есть кровь моя нового завета, а они этого не творят.

— Евреи говорили мне, — сказал Владимир, — что и греки, и немцы веруют тому, кого евреи распяли.

— Он принял распятие добровольно, — ответил философ. — Он воскрес, взошел на небеса и ждал там их покаяния 46 лет, а они не покаялись, и он послал на них римлян, и города их разграбил, и самих разогнал по чужим странам.

— Чего ради, — сказал Владимир, — сошел бог на землю и страсть такую принял?

— Если хочешь слушать, то скажу изначала.

— Рад послушать, — сказал Владимир. И начал философ говорить:

— В начале сотворил бог небо и землю...» и т. д.

Затем тут переписываются почти буквально

но вся первая и вторая главы библейской книги «Бытие» о сотворении мира и человека, о их жизни в земном раю, о грехопадении и изгнании из рая. Потом на 16 страницах убористой печати резюмируются библейские сказания о жизни потомков Адама и Евы на земле до «всемирного потопа», а потом о Ное, об Аврааме, о царях рода божия, о пленении Вавилонском, о пророчествах, об Искупителе-Мессии и о приходе его на землю, распятии, вознесении на небо и о предстоящем возвращении на землю судить живых и мертвых.

Затем рассказывается, что философ показал Владимиру образок, на котором был изображен страшный суд, где поставленные направо идут в рай, а поставленные налево ведутся в ад «на муки вечные».

«Хорошо стоящим направо, — сказал, вздохнув, Владимир, — и худо стоящим налево.

— Если хочешь стоять направо, — ответил философ, — то окрестись.

Владимир же, желая узнать о всех верах, ответил:

— Подожду еще немного! — И отпустил его с великою честью».

Читатель знает сам, что стенографов тогда не было, а следовательно, и весь этот разговор не был записан никем, а сочинен-вставлен в этот 986 год уже поздним компилятором, вероятно, не многим ранее 1333 года, которым окончен основной список «Хартийной Новгородской летописи», если не много позже.

Однако нам здесь важно не это, а то, что летописец, во-первых, еще помнил, что возникновение агарянства и его дальнейшего развития — магометанства было связано с крупной метеоритной катастрофой, огромные следы которой найдены в прошлом году [119] в Южной Аравии, а остатки ее в Меккской Каабе служат и до сих пор предметом поклонения магометан, а во-вторых, нам важно знать, что болгары считались русскими хроникерами еще за агарян-измаэлитов, а каза-ры (или иначе хазары, откуда очевидно и конные войска — гусары, по-немецки — Hussaren) считались за евреев, т.е. за мессианское перерождение первичных ариан.

И вот здесь лингвистические следы снова приводят на запад вместо востока.

Историки-востоковеды предполагают в хазарах бесследно провалившийся в тартарары около XIV века мессианский «народ тюркского племени», первоначально живший будто бы между реками Доном и Уралом, а йотом, как будто перелетев на аэропланах, покоривший Киевское княжество и Болгарию. Их главный город Балангяр восточники считают за современную Астрахань (откуда выходит, что они были рыболовами), а потом, говорят, у них был еще и другой большой город Саркел, будто бы на реке Дону, но тоже бесследно провалившийся сквозь землю еще в XIV веке [120].

Но вот простое ономатическое сопоставление хазаров с гусарами переносит сцену их действия тоже в прибалканские страны и не ранее как в XVI век. Слово «гусары» в смысле конского войска застаем мы в XV веке в Венгрии, и происходит оно от мадьярского слова Nus-sag — двадцатый, вследствие того, что король Матвей I в 1458 году, — говорят нам, — сделал набор по одному рекруту из каждого

двадцати дворян и создал из них легковооруженную кавалерию. В подражание им в XVI веке появились и польские гусары, а с XVII века их завели и в других европейских странах [121].

Но вот, мы в той же «Хартийной Новгородской летописи» находим первое упоминание о них еще под 858 годом, т. е. за 600 лет до возникновения гусаров, по такому поводу:

«Был в греческой земле царь именем Михаил и мать его Ирина, что провозгласила поклонение иконам в первую неделю поста. Пошла тогда (языческая) Русь на Царь-Град на бесчисленных кораблях и много зла учинила грекам, а христианам великое убийство. Но царь с патриархом Фотием сотворил молитву всемогущую в церкви святые богородицы во Влахерне. Они вынесли из храма ризу святой богородицы и обмочили ее в море. И вот поднялась буря, потопила русские корабли или выбросила на берег. Возвратились (руссы) во свояси... И нашли их козары, сидящие на горах, в лесах и сказали им:

— Платите нам дань.

Подумали поляне и дали им по мечу от ды-

ма (цома). Казары принесли это своему князю, а он созвал старейшин и сказал:

— Нашли новую дань.

— Откуда? — спросили они.

— Из леса на горах над Днепровской рекой.

— Какую?

Он показал им меч.

— Не добрая дань, князь, — сказали старейшины. — Мы доискались ее саблями, оружием, отточенным с одной стороны, а у них оружие обоюдоострое — мечи. Они сами будут брать дань с нас и с других стран.

И это сбылось. Не от своей воли они сказали так, а по божьему повелению... Владеют казарами князья русские и до нынешнего дня».

Из последней фразы («владеют и до сего дня») — видно, что вставка эта сделана уже много позднее того года, к которому она относится событие. И, кроме того, интересно, что оружием хазаров названа здесь сабля, как потом и у гусаров. Это, конечно, миф, как видно по самому содержанию.

Второе упоминание о них относится уже к 965 году, но то же указывает местоположение

их в Прибалканских краях.

«Пошел Святослав (из Киева) на козар. Козары вышли против него со своим князем Коганом (т.е., по-еврейски, священником) и вступили в бой. И одолел их Святослав и взял их город Белую Вежу, победил Яссы и подчинил Киеву Касоги».

Здесь, кажется, все ясно. Город Яссы (Jasi) существует и теперь и был первоначальной столицей Молдавии. А Белых Веж в этих же краях насчитывали даже две: 1) одна полурегальная Новая Белая Вежа, в XIX веке превратившаяся в немецкую колонию Беле-меш, около города Борзны на юге бывшей Черниговской губернии; и 2) Старая Белая Вежа, недалеко от города Прилук, бывшей полтавской губернии, исчезнувшая без следа. А вероятнее всего, что Белой Вежей здесь назван Белград на Дунае, на границе между Венгрией и Сербией.

Что же касается до города Касоги, то это, по-видимому, Кашика или Кашица, главный город Венгерского Комитата Абауй-Торна, по-венгерски Kassa, по-чехословацки Kosice, по-немецки Кашау (Kaschau).

По этой ономатике действительно выходит, что казары или хазары русских летописей являются просто названием венгерцев — гусарами, потому что сталкиваться приходилось в первую очередь с их конным войском. Здесь чувствуются уже исторические следы и даже слова, что князь их назывался «коганом» соответствует прежнему арианству той страны. Остатком его и служат тамошние мессианцы-евреи, которых в 1900 году оставалось еще более 4%, тогда как число католиков дошло до 50% и униатов до 9,5%, протестантов до 13% и православных до 15%. А до появления крестоносных орденов в этой стране, там, вероятно, и все эти 50% католиков были еще арианами мессианской трансформации, т. е. с обрядом обрезания вместо крещения.

Таким образом, мы приходим к гипотезе, что и венгерцы были обращены (да и то лишь частью) в католичество тоже во время крестовых походов, едва ли ранее взятия в 1204 году крестоносцами Царь-Града.

Но только как же это согласовать со сказанием, что гусары появились в Венгрии только при Матвее Корвине в 1458 году? Нам говорят,

что в Венгрии Андрей I (1046-1058) еще «преследовал христиан», но что Андрей II (1205-1236) в 1217 году уже предпринял собственный крестовый поход, совпадающий по времени с началом Татрского нашествия русских летописей. Значит, тут могут быть два решения. Первое, что все записи в которых венгерцы называются хазарами сделаны уже после 1458 года, или что Матвей Корвин был не первый Венгерский король, призывавший в конные войска одного дворянина из двадцати.

Посмотрим теперь, как описывается в Хартийной Новгородской летописи начало татрского (т. е. по старорусскому произношению татарского) ига (Jugum), если мы будем придерживаться нашей западной гипотезы и изводить татар из-за Татрских гор, т. е. из Венгерской Кумании.

Вот, что написано в ней под 1237 годом:

«Пришли в яеликой силе немцы (т. е. Ливонский крестоносный орден) в Ригу и тут соединились (против них) и Рижане, и вся Чюдская земля (между Чудским озером и Рижским заливом), и Псковичи послали (рижанам) помощь в 200 человек пошли на безбож-

ную Литву (Ливонский орден), но были побеждены безбожными погаными из-за грехов наших и лишь один из десяти возвратился в дом свой».

А в следующем 1238 году записано:

«Пришли иноплеменники, называемые татарове (т.е. юго-западный Орден святого креста из-за Татрских гор, где жил в городе Гране папский примат) на рязанскую землю, множество без числа, как саранча. Они послали послов своих, жену чародейку и двух муштин с нею, к рязанским князьям, прося у них десятую часть во всем, и в людях, и в князьях, и в конях. Князья же Рязанский, Муромский и Пронский, не впустили их в города, а поехали против них на Воронеж, говоря:

— Когда нас всех не будет, то все будет ваше.

И послали они за помощью к Юрию Владимирскому. Но Юрий не послушал мольбы князей Рязанских и не пошел к ним, а захотел сразиться особо. Но уже нельзя было противиться божью гневу, как речено богом в древности Иисусу Навину (слово Иисус написано уже в Никонианской орфографии, т. е. список

этот сделан после 1654 года) когда бог вел его на землю обетованную и сказал ему: „пошлю на нее прежде вас недоуменье, и грозу, и страх, и трепет“. Так и прежде (прихода татаровей) отнял у нас господь силу и вложил в нас грозу, страх и трепет за грехи наши. Иноплеменники поганые обступили Рязань и огородили ее частоколом. Князь Рязанский Игорь затворился в городе с людьми, Роман Игоревич стал биться против них со своими людьми, а князь Владимирский Юрий послал Еремея воеводою. А татарове (Татрове) обступили их у Коломны и бились крепко. Они убили князя Романа и Еремея, и много пало тут с ними. Москвичи же ничего не видели. Татарове (татрове) взяли город (Рязань) 21 декабря, а приступили к нему 16 числа того же месяца. Они убили князя и княгиню, и мужчин, и женщин, и монахов и монахинь и иереев, одних огнем, других мечом, и учинили поруганье монахиням и добрым женам, и девицам, перед матерями их и сестрами. А епископа сохранил бог: он выехал в тот год, когда рать обступила (город). И кто, братия, о том не поплачется из нас, оставшихся в жи-

вых, какую они горькую смерть приняли! Мы, увидевшие это, устрашились и плакали о грехах своих день и ночь с воздыханием...»

Но возвратимся на предшествовавшее повествование.

«Безбожные и поганые татарове (татровцы), взявши Рязань, пошли к Владимиру, множество кровопроливцев христианской крови. Князь Юрий убежал из Владимира в Ярославль (чем и доказывается, что наступление было с запада, а не из-за Волги, иначе Ярославль был бы взят ранее Рязани и Владимира, и бежать оттуда при наступлении татаровей от них же, с юга-востока было смешно). Во Владимире заперся сын его Всеволод с матерью и владыкою, и со всею своею областью. А незаконные измаилиты (этот эпитет такая же прибавка после-Никоновского редактора, как и отмеченное нами начертание слова Иисус вместо до-Никоновского Иуса) приблизились к городу, обступили и отынили его частоколом. Увидев утром, что предстоит городу быть взятым, князь Всеволод и владыка Митрофан вошли в церковь святой богородицы и там постриглись в схиму, и князь, и кня-

гиня, и дочери, и снохи, и добрые мужчины и женщины. А беззаконные, приблизившись, взяли город Владимир и запалили его огнем в пятницу перед мясопустной неделей. Князь, и владыка, и княгиня, увидев, что город зажжен, а из людей одни кончаются огнем, а другие мечем, вбежали в святую богородицу и затворились в алтаре. Поганые же выбили двери и зажгли церковь, натащили лесу, и раздувши (огонь). Так скончались одни, предав свою душу господу, а другие побежали к Ярославлю вслед за Юрием. Князь Юрий послал (в помощь бежавшим) Дорожа с тремя тысячами (воинов). Но прибежал (обратно) Дорож, говоря:

— Князь! Нас уже обошли!

Князь начал строить полк около себя, но приспели татарове (татрове), князь ничего не успел сделать и побежал. И (попал) он на реку Сить, его настигли тут и он окончил свою жизнь. Один бог знает, как он скончался, много говорят разного о нем. А окаянные, придя оттуда взяли Москву, Переяславль, Юрьев, Дмитров, Волок (Вышний Волочек) и Тверь. Тут убили они сына Ярославова.

Оттуда незаконные пошли и обступили Торжок, окруживши его частоколом, как и другие города и бились окаянные две недели.

Изнемогли люди, а из Новгорода им не было помощи, каждый стоял в недоумении и страхе. Так поганые взяли город, изрубили всех от мужского пола до женского, зарубили весь иерейский монашеский чин. Все были обнажены и поруганы, и предали свои души господу горькою и бедственной смертью в месяце марте, в пятый день, на память святого мученика Никона, в средокрестную среду».

Последние строки показывают, что все это описание взятия Торжка было сделано уже много позднее описываемых для 1238 года событий, и рассказ о знаменитой битве при реке Сити — притоке Мологи — подвергался уже значительным искажениям.

Прежде всего, в день 5 марта вспоминается церковью мученик Конон, а указанный здесь мученик Никон вспоминается 23 марта, на 18 дней позднее. Затем выходят и такие календарные несообразности:

Неделя средокрестная — это неделя крестопоклонная, четвертая неделя Великого поста.

От среды ее до пасхального воскресенья должно пройти ровно 25 дней. Значит, если мы будем руководиться мыслью, что «мученик Конон», по ошибке переписчика, заменен здесь Тихоном, то Пасха в 1238 году должна прийти на $(5 + 25) = 30$ марта. А на деле (при вычислении по пасхалии) она тогда была 2 апреля 1238 года. А на указанное в летописи 30-е марта пасха приходилась (если будем накладывать летописные годы на наши январские по мартовскому их началу и наложению А) лишь в 1152, 1214, 1225, 1236, и 1309 гг. А если будем считать по сентябрьскому началу (наложение А) — за два года до того — в 1236 году.

Если же мы будем руководиться мучеником Никоном и допустим, что вместо 5 надо читать здесь 23 марта, то найдем, что пасха в 1238 году приходилась на $(23 + 25) = 48$ марта, т.е. 17 апреля. Но в действительности на 17 апреля пасха приходилась около указанного времени лишь в 1183, 1188 и 1267 гг. вместо 1238 года. Такое отступление ничем не объяснимо. Такой пасхи, какая тут указана, не было задолго до битвы на Сити и долго после

нее. А между тем, автор старается изобразить себя современником:

«И кто, братия, и отцы, и дети, — говорит он, видевшие сие божие поущение на всей русской земле не поплачется? Из-за грехов наших напустил на нас бог в своем гневе ино-племенников на землю, чтобы мы с сокрушением вспомнили о боге. Междусобная же война бывает от наваждения дьявола. Бог не хочет зла людям, а блага, а дьявол радуется злomu убийству и кровопролитию» и т. д. с цитатами из Библии.

Но мы не поддадимся, однако, этой ламентации автора и вместо того, чтобы плакать вместе с ним, посмотрим, каким образом малоопытный в календарных вычислениях автор XVI или даже XVII века мог бы, вычисляя ретроспективно, получить для пасхи 1238 года дату 30 марта вместо 4 апреля? И мы сейчас же видим, в чем дело. Еврейская пасха празднуется в равноденственное полнолуние независимо от названия дня недели, а христианская в первое Воскресенье после этого полнолуния. Для ретроспективного вычисления еврейской пасхи нужно вычислить толь-

ко день полнолуния, для христианской же надо, кроме того, вычислить и день недели. А здесь автор вычислил довольно правильно только среднее полнолуние на 30 марта 1238 года[122].

Но он не умел еще вычислить дней недели (так как таблицы для этого выработаны были только в XIX веке), и потому (или просто по привычке к математическим операциям) и остановился на дне полнолуния, думая, что все готово. Он не сообразил, что 30 марта был вторник, и пасха тогда была только еврейская, а христианскую пришлось тогда отложить до ближайшего воскресенья, бывшего 4 апреля 1238 года.

Таково новое подтверждение искажательной обработки и тенденциозных пополнений наших летописей позднейшими редакторами, а потому и в других отношениях мы должны подходить осмотрительно к их сообщениям. Во всяком случае, битва на Сити астрономически не подтвердилась.

С такой же предосторожностью посмотрим и на позднейшие упоминания Новгородской летописи о татарском иге, так как и среди них

есть детали, отличающиеся от тех, какие я привел уже по Лаврентьевскому списку. И мы увидим, что все эти детали при оценке их с точки зрения реального соотношения сил и географической локализации, выдерживают критику лишь при отождествлении «татарских орд» с «татрскими» (т. е. венгерским) орденами крестоносцев. Вот, например, для 1315 года:

«Пошел великий князь Юрий в орду (орден) вызванный ее царем (а не ханом) марта 15 в Лазареву субботу, оставив в Новгороде брата своего Афанасия. В то же лето пришел князь Михайло из орды (ордена) в Русь, ведя с собою татаров (татровцев) окаянного Тайтемера (Дитмара?). Услышав это, новгородцы вышли к Торжку и пробыли там шесть недель, перехватывая вести. И к Торжку же пошел и князь Михайло с татарами (татровцами) и со всею Низовскою землею (может быть с Подонья, а не Поволжья?). Новгородцы с князем Афанасием и Новоторжцы вышли в поле против них и когда сошлись оба войска, была злая сеча, и от поущения божья свершилось немало зла. Перебито было много му-

жей и бояр новгородских (следует перечисление ничего не говорящих имен)..., а остаток убежал в город (Торжок) и все заперлись с князем Афанасием. А Михайло князь прислал к новгородцам в Торжке, говоря:

— Выдайте мне князя Афанасия и Федора Жревского, и я заключу с вами мир.

— Не выдадим Афанасия, — отвечали новгородцы, — честно умрем все за святую Софию.

— Тогда выдайте мне только Федора Жревского, — прислал сказать снова князь.

И, не желая выдать, выдали его по неволе, уплатили 50 000 гривн серебра и, заключив мир, целовали крест...

Михайло призвал к себе князя Афанасия и новгородских бояр и послал их заложниками в Тверь, а остаток людей их начал продавать, сколько за кого дадут и оружие отнял у всех.

Это было 10 февраля на день святого мученика Харлампия. Потом послал князь Михайло в Новгород своих наместников, а посадничество дал Семену Климовичу».

Точное указание дня недели — суббота 15

марта — не оставляет сомнений в подлинности этой записи, и вопрос может быть только о локализации «Низовской земли», которую привел с собой князь Михайло, придя «из ордена в Русь» и о том, за что был выдан Федор Жревский.

Я оставляю это нерешенным.

Особенно много говорится в Новгородской летописи об ордене-орде и Татрах-Татарах между 1325 и 1328 годами.

Мы видим там, что властелин орды везде в Новгородской летописи называется «царем», т. е. цезарем, а не «ханом». И, кроме того, если «орда» была за Волгой, и татарская, то какой же там мог пребывать православный митрополит, ставящий епископов на Москву? Другое дело если митрополит был в Царь-Граде, а орден в Татрах = Татарах в Венгрии или прямо в существующем и до сих пор городе Сарае на полпути между Андрианоподем и Царь-Градом, в 105 километрах от последнего. Так и под 1328 годом мы видим:

«Ходил в орду к царю (Московский) великий князь Иван Данилович (Калита) и Константин Михайлович, а новгородцы от себя

послали Федора Колесницу. И отпустил их царь, повелев звать к себе князя Александра».

А далее под 1338 годом:

«Князю Александру было пожалование от царя и пришел он из орды (ордена) в свою отчину в Тверь».

Точно также и далее под 1339 годом мы читаем, как «великий князь Московский Иван (Калита) ходил в орду (орден) и царь (т. е. цезарь) прислал за князем Александром и он тоже пошел в орду (орден)».

Однако, несмотря на такое величанье повелителя татровцев цезарем, на Руси в XIV веке, очевидно, было уже сильное раздражение против орденских поборов. Так, в 1382 году нам сообщают уже о враждебных действиях против татровского царя.

«Пришел царь татарский Тектомышь в силе великой на Русскую землю и сильно опустошил ее: взял и пожег Москву, Переяславль, Коломну, Серпухов, Дмитров, Владимир и Юрьев. Князь же великий Московский Дмитрий Иванович не вышел против них, а уехал в Кострому с княгинею и детьми».

Очевидно, он не сочувствовал своим под-

данным в их возмущении против ордена.

А в 1410 году, по словам той же летописи, «татарове (татровцы) ободрали святые богородицы во Владимире».

Аналогичным образом действовал, по-видимому, и ливонский орден с северо-запада:

«Приехал митрополит Фотий в Литву и Витовт его ограбил», — говорит Новгородская летопись под 1414 годом.

В это время и в Литве, как и в русских княжествах, по-видимому, была сильная борьба [123] между орденским католичеством и русским византийством, так как за пятнадцать лет до ограбления Витовтом московского митрополита мы читаем в той же летописи об обращении Витовта в католичество после неудачной битвы с татарской ордю (татрским орденом).

«В то же лето (1399) прислал царь (а не хан) татарский Темир Кутлуй (исковерканное иностранное имя) своих послов к князю Литовскому Витовту Кестутьевичу, говоря:

— Выдай мне нашего беглого царя Тактомыша. А что у него есть, то — тебе.

— Я Тактомыша не выдам, — отвечает Ви-

товт, — а с царем хочу повидаться.

И он пошел на (татарского) царя Темир Кутлуя со своими князьями и со всею литовской силою и стал у реки Ворысколы в Татарской земле».

Река Ворыскола считается за Ворсклу — приток Днепра, где Полтава. Значит, «Татарская земля» приходится здесь на Полтавскую губернию, много западнее воображаемого За-волжья. Затем автор продолжает:

«Царь (а не хан!), услышав о приходе князя Витовта, еще раз послал к нему послов с последней речью:

— Зачем ты пришел с нами биться и не выдал нашего беглого царя? Мы не заняли твоей земли, ни городов, ни сел. Всем нам один бог и правда».

Но Витовт не отступил.

Тогда «сошлись обе рати и, — продолжает автор, — была великая сеча, какой не бывало с татарами у литовской земли, и за грехи случилось тут горе великое литовским детям. В бою убили великого князя Андрея Ольгердовича и всех князей именитых семьдесят четыре, а воевод из Литвы пало костями такое

множество, что только один бог знает. При чем один раз одержит верх тот над этим, а другой раз этот над тем. Дела племен Дештских стали ухудшаться и расстраиваться и, вследствие малочисленности убежищ и крепостей, подверглись разъединению и розни, тем более, что на них нападали два льва и налегали две беды.

Большая толпа их ушла с Тимуром, которому она стала подвластной и у которого находилась в плену. От них отделилась часть, которая не поддается ни счету, ни счислению и не может быть определена ни палатой, ни списком; она ушла к Румийцам (балканцам) и к Русским по своей злополучной участи и превратной судьбе очутилась между христианами многобожниками и мусульманами пленниками. Имя этому отряду Кара-богдан (во множественном числе Караим-Богданы). По этим причинам обитатели Дешта, жившие ранее в довольстве, дошли до оскудения и разорения, до разъединения и безлюдства, до нищеты и совершенного извращения.

Они дошли до того, что если бы кто поехал теперь по Дешту без вожака и руководителя,

то вследствие опустошения непременно погиб бы при переездах. Летом ветры сдувают там пески и скрывают дорогу путнику, а зимою снег покрывает страну, так что вся земля Дешта пустынна и жилища его безлюдны, привалы и водопой покинуты, а пути его, по всему вероятно, губительны и недоступны. Пятнадцатое сражение было не в пользу Идику: он был разбит, обращен в бегство и погрузился он и около 500 человек из его приближенных в море песчаное, которого никто не знает.

Токта стал единодержавием и очистился для него Дешт-Берке, но при всем том он жаждал известий об Идику и о делах его и очень желал собрать сведения о том, как тот погиб в песках своих. Так прошло около полугода, след Идику исчез из глаз и молва о нем с языков.

Но Идику был превосходный знаток этих песчаных бугров и холмов и один из тех, которые часто пересекали поступью ног своих поверхность этих безлюдных и диких степей. Он шел, выжидая и высматривая, размышляя и обдумывая смысл стиха: „следи за делом и

выбирай удобный случай, пользуйся временем, когда оно настало, и соедини терпение с рассудительностью; таким способом лист тутового дерева становится шелком“.

Убедившись, что Токта уверен, что его растерзал „лев смерти“, он стал выслеживать и высматривать следы его и разведывать, пока не удостоверился в том, что он, Токта, один, без войск, находится в загородной местности. Тогда, сев на крылья коня, он укутался в мрак наступающей ночи, променял сон на бдение, взбираясь на выси, как поднимаются водяные пузыри, и спускаясь с бугров, как спускается роса, он добрался до ничего не ведавшего Токты и ринулся на него, как неизбежный рок.

Токта очнулся только тогда, когда бедствия окружили его, львы смертей схватили его, змеи копий и ехидны стрел уязвили его. Он долго кружился вокруг них и затем упал убитый. Это была шестнадцатая битва, закончившая столкновения Токты и порешившая разлуку его с жизнью.

Утвердилось царство Дештское за правителем Идику и отправились домой дальний и ближний, большой и малый, подчиняясь его

предписаниям. Сыновья Токты разбрелись в разные стороны: Желал-еддин и Керим-бирди ушли в Россию, а Кубал (Кубяк — Кубек) и остальные братья в Саганак.

С 1406 года устраивались дела людские по указам Идику: он назначал в султанство кого хотел и смещал с него, когда хотел. Прикажет и никто не противится ему, проведет границы и никто не переступит его черты. Но брат его Тимур-хан не вручил своих бразд Идику, сказав:

— Нет за ним ни славы, ни почета. Я передовой баран, которому повинуются, так как же я стану подчиняться? Я бык, за которым следуют, так как же я стану сам идти за другим?

Возник между ними обоими разлад, появилось со стороны ненавистников Идику скрытое лицемерие, пошли бедствия и несчастья, войны и враждебные действия. И в то самое время, когда сгущались мраки междоусобиц и перепутывались звезды бедствий между обоими партиями, в Дештских сумраках вдруг появился в полнолунии власти Желалиевой один из блестящих потомков Токты

[124], выступая из Русских стран. Произошло это событие в 814 году (Геджры, а по Юлианскому счету в 1412 г).

Обострились дела, усложнились бедствия и ослабело значение Идику. Хотя Тимур и был убит, но продолжались смуты и раздоры между царями Кипчацких владений, пока наконец Идику, раненый, потонул. Его вытащили из реки Сейхуна у Сарайчука и бросили на произвол судьбы, — да смилуется над ним всевышний бог!

О нем сообщают удивительные рассказы и чудные диковины: стрелы бедствий, пущенные Идиком во врагов его, всегда попадали в цель. Помышления его были — козни, битвы его — западни. В управлении государством у него обращались монеты хорошие и дурные, разбор которых может выделить настоящую цель его стремлений от того, что им достигнуто. Был он очень смугл лицом, среднего роста, плотного телосложения, отважен, страшен на вид, высокого ума, щедр, с приятной улыбкой, смелой проницательностью и сообразительностью, любитель ученых и достойных людей, сближался с благочестивцами и факира-

ми, шутил с ними в самых ласковых выражениях и намеках, постился и по ночам вставал на молитву, держался за полы шарията, сделав коран, сунну и изречение мудрецов посредниками между собою и всевышним богом. Было у него около 20 сыновей, из которых каждый был царь владычный, имеющий свой особый удел, войска и сторонников. Правил он всеми Дештскими делами около 20 лет. Дни его царствования были светлым пятном на челе веков и ночи владычества его — яркою полосой на лице времени»[125].

Хотя этот Идику и фигурирует в русских сказаниях под именем Эдигея, разбившего в 1399 году литовского князя Витовта около Полтавы и потом мирно царствовавшего в Крыму, но мы видим, что сочинение «Сына Арабского шаха» в сущности является поэмой вроде «Слова о Полку Игореве», и потому приходит в голову вопрос: можно ли считать здесь слово Идик за личное имя или за прозвище иудеев-караимов, живущих и до сих пор в Крыму?

Предоставляю это решить читателю.

Второе сообщение о нем мы находим в му-

сультманском биографическом словаре Макризи, но оно не имеет самостоятельного значения, так как представляет буквальную переписку только что изложенного с единственной пояснительной прибавкой: «Идику — это тот, который запретил „татарам“ продавать своих детей, вследствие чего уменьшился привод их в Сирию и Египет».

А в биографическом словаре Эс-Сахави прибавлено еще: «Идики или Идеки, государь Дештского царства, умер насильственной смертью в 22 году (вместо 822-1420 года нашей эры)[126]. После него утвердился Магомет из рода Чингисова».

Этот Магомет, очевидно, турецкий султан Магомет I, объединивший Турцию в 1413 году, т. е. после Идика Дештское царство на северных побережьях Черного моря считается уже частью Турции.

Однако в «Подарке умного и приношении Образованного» — сочинении Дженнаби[127], который, — говорят нам, — умер в Алеппо в 1591 году, т. е. более ста лет после описываемых событий, говорится несколько иначе:

«Первым из Чингизидов, воцарившихся в

Дешт-Кипчакском царстве, был хан Шибак, царствовавший долгое время, потом его сыновья, пока не вырвали царства из их рук сыновья хана Саина, сына Юджи, первым из которых был Инсан Оглан, а последним Джани. Потом образовались партии в Дешт-Кипчаке: одни стояли за Русского князя (хана Уруса [128]) одного из потомков Чингисхана, другие за Токту, но Тимур истребил их». — «Потом царствовал Аб-ул-Хайр, который сразился в 1451 году с правителем Самарканда и, убив его, передал город Абу-Саиду и сам возвратился домой. Потом был избран царем еще мальчик, маленький Магомет, которого Эль-Ташкенди считает отцом хаканов (т. е. великих священников) Крымской земли. Но жители Дешта несогласны с этой генеалогией маленького Магомета, а говорят, что после Токтамышша Великого царствовал Токтамыш Малый, что потом правил Улу-Мохаммед, а за ним Кучук-Мохаммед (т.е. магометанщик), о котором Эль-Ташкенди утверждает, что он был поставлен ханом при поражении Идику. Этот Мухаммед был человек сильный и храбрый; он вторгся в земли русских, захватив до-

бычу и отнял из русских земель Владимир, одну из областей московских. Потом царствовал Хаджи-гирей».

А остальная часть рукописи Дженнаби посвящена истории крымских ханов позднейшего времени, против историчности которых у меня нет возражений, равно как и ханов Казанских и Астраханских XV столетия.

Как противовес пышному описанию столицы Дештского царства к северу от Черного и Каспийского морей, которое мы видели у сына Батуты, я не могу не привести совсем противоположного описания этого города в двух арабских рукописях, приписываемых Омари (Elmary): «Пути взоров по государствам разных стран» и «Определения по части высокой терминологии».

Его выдают за секретаря египетского султана Назорея (Эн-Насыра), а рукописи его, неизвестные в самом Египте, замечательны тем, что кроме гяурских книгохранилищ — Парижской национальной библиотеки, Британского музея и Лейденской библиотеки, этих обычных гнезд не напечатанных арабских рукописей, — два экземпляра первой ру-

кописи были в 1855 году не только в христианских, но и в мусульманских странах: в самом Константинополе, и потому представляют особый интерес.

Вот что говорит Омари в «Путях взоров по государствам разных стран»[129]:

«Кипчакское государство простирается далеко в длину и ширину, оно обильно степями и бедно городами. Народу в нем беспредельное множество, но нет от него большого проку по недостатку у него оружия и слабосилию лошадей. Земля их ровная и малокаменистая и потому кони, вскормленные там, не могут ходить по гористым местностям. Вследствие сего у жителей этого государства мало способности к военным действиям. У царей их нет большой заботливости об учреждениях... Жители этого государства не следуют, как в Ираке и Аджеме, установлениям халифов и жены их участвуют с мужьями в управлении; повеления исходят от них обоих... Право, мы не видели в наше время, чтобы женщина имела столько власти, сколько имела она там, да и не слышали о подобном примере за близкое к нам время. Мне привелось много видеть гра-

мот, исходивших от царей этих стран, времен Берке и позднейших. В них читалось: „мнения дам (хатуней) и князей сошлись на этом“ и тому подобное.

Столица тамошнего царя — Сарай. Это небольшой (а у сына Батулы—величайший!) город между песками и рекою. Пребывающий там теперь царь его Уз-бек построил в нем школу для науки, потому что он очень предан ей и людям ее... У царя этого государства войска из Черкасов, Русинов и Ясов (из Ясс в Румынии). Это жители городов благоустроенных, людных и гор лесистых, плодovitых. У них произрастает посеянный хлеб, струится вымя скота, текут реки и добываются плоды. Они (Черкасы, Русины и Ясы) не в силах сопротивляться Уз-беку и потому обходятся с ним, как подданные его, хотя у них и есть свои цари. Если они обращались к нему с повинованием, подарками и приношениями, то он оставлял их в покое, в противном же случае делал на них грабительские набеги».

Так говорит Омари в своих «Путях взоров по государствам разных стран» и с рационалистической точки зрения не вольно кажет-

ся, что под Уз-беком — он же Хуз-бек и по старорусски Озбяк — он называет австрийского императора Габсбурга, а под Сараем, если и не современное Сараево в Боснии, то Вену, как «город царя» — Царяй, причем звук «Ц» по-греческому обыкновению перешел в «С».

Посмотрите только на войска этого Дештского (или Deutch'ского) Озбяка-Габсбурга: черкасы, русы, ясы и так далее.

Приспосабливая свою терминологию к восточнической точке зрения, Тизенгаузен называет первых черкесами. Но никакого такого народа на Кавказе нет. Это навязанное им русскими название, а сами они называют себя адыгами, распадаются на кабардинцев, шапсугов и абазехов, откуда и их греческое название — зюхи. А город Черкасы и до сих пор стоит на Днепре ниже Киева, как пережиток бывшей тут области воинственных казаков-черкасов, совершивших, между прочим, победоносный поход даже на северную Россию под начальством Якова Пунтусова, причем ограбили Вологду, Тотьму, Сольвычегодск, Холмогоры, Архангельск, но, идя на юго-запад, были разбиты царскими войсками

у Олонеца и истреблены при отступлении в Лифляндию.

Несомненно, что Омари говорит именно о них. Точно также и под русами у него или у его первоисточника подразумевались русины, а под ясами молдаване — ясцы из города Яссы. В соответствии с этим мы должны локализовать на Балканском полуострове и его турков.

«В числе тех, которые пришли под защиту этого царя, — говорит он[130], — находится и турецкий народ у пределов его на крайнем севере. Он в нищете вследствие бедственного существования, ибо это кочевники, а не оседлые люди, у которых есть посевы, сильная стужа губит их скотину. Это тупоумный и жалкий народ, у которого нет ни привязанности к какой-либо вере, ни проницательности ума...»[131]

«В еде они не отличают скверного от нескверного и запрещенного от дозволенного. Когда в иные годы они находятся в стесненных обстоятельствах, они продают своих детей, чтобы на выручку с них прокормить себя, и говорят: „лучше остаться в живых и нам,

и дитяти, чем умирать нам и ему“.»

«Что же касается городов Черкасских (т. е. казацких от города Черкасы на Дону), Русских и Ясских (т.е. Румынских со столицей Яссы), то у них всего очень много[132]. Там много меду белого цвета, приятного на вкус, лишённого остроты. В настоящее время между ними уже распространён ислам (??) и засиял над странами их свет правоверия».

«Первый из царей, принявший мусульманскую (католическую?) веру был Барке, сын Джучи (венецианского Дуче, или вообще герцога) сына Чингиз-хана (папы римского), и от него заблестали и свернулись в свитки покрывала мрака в большей части их народа, за исключением лишь немногих редких случаев. Хотя Кипчаки (т. е. куманы-венгерцы) одержали верх над ратями Черкасов, Русских, Маджаров (мадьяров) и Ясов (Румын), но эти народы похищают детей их и продают их...»

«Один купец добрался до Акчакермана (до Аккермана Бессарабского) и страны Болгарской. Накупил он при этом своем путешествии невольников и невольниц от их отцов и матерей...»

«В древности это государство было страшною Кипчаков, но когда им завладели татары (т.е. жители Татров), то Кипчаки сделались их поданными. Потом татары смешались и породнились с Кипчаками, земля одержала верх над природными и расовыми качествами татар и все они стали точно Кипчаки, как будто они одного с ними рода. Таким образом, долгое пребывание в какой-либо стране и земле заставляя природу человеческую уподобляться ей и изменяет прирожденные черты согласно ее природе».

«Сербы и болгары ухаживают за султаном Кипчацким (т. е. Дештским или Deutsch'ским) вследствие великой власти его над ними и опасения взыскания за вражду их по случаю близости их от него. Константинополь в соседстве земель царя Кипчаков, с которым царь Румский (Ромейский, т. е. Византийский) в постоянной ссоре и в бесконечных пререканиях в любое время. Царь Румский (византийский), несмотря на возгорание огня его (греческого огня?) и на множество защитников и пособников, боится притеснения и злобы царя Кипчацкого, снискивает располо-

жение его посредством ухаживаний и всячески затягивает дела с ним от времени до времени. Такое отношение Рума (Византии) к царям этих стран не прекращалось с тех пор, как сыновья Чингизхана („царя-священника“) стали править их землю. Постоянно происходило между ними то возобновление договоров и заключение дружбы, то составление союзов между ними или приношение подарков от царя Румского (Византийского) к хану царства Кипчацкого».

До сих пор совершенно ясно, что дело идет о прибалканских странах, но вот сразу же совершается географическая дислокация путем смешения Дунайских Железных Ворот с «Бакинскими воротами».

Глава IV. Летописные сказания о некоторых народах, соприкасающихся с Русью, будто бы, до крестовых походов, в связи с так называемыми «Городищами» Украины (торки, половцы, печенеги и т.д.)

Один из главнейших недостатков современных курсов государственной истории допечатного периода — это недостаточность

критического отношения к локализации мест действия. Возьмем хотя бы в наших летописях упоминания о Переяславском княжестве.

Из городов этого имени существует и теперь Переяславль Залесский, между Москвою и Нижним Новгородом, в бывшей Владимирской губернии, терпевший, — говорят нам, — много от литовцев и татар, неизвестно какими путями приходивших туда. А не так далеко от него есть другой Переяславль, переименованный будто бы в современную Рязань в XII веке. Затем мы имеем город Переяслав при Днепре, центр православной гетманщины XVII века, боровшейся под предводительством Богдана Хмельницкого (1648-1657) в Союзе с Крымским ханом Ислам-Гиреем (т.е. героем ислама[133]) против католической Польши. Затем мы находим еще и Преславу (или Пряславу) на Дунае в Болгарии, обратившуюся теперь в небольшой городок, но бывшую, — говорят нам (и не без основания) — столицей первого Болгарского царства до перенесения ее в Тырново около 1186 года. И, наконец, мы узнаем это же первоначальное славянское название и в городе Бреслау (Бре-

славле) в Силезии, бывшем в XII-XIV веке резиденцией самостоятельных герцогов из рода Пястов, а затем перешедшем к Богемии и в XVIII веке — к Германии.

И вот, когда мы в существующих летописных сводках из разнородных и разрозненных первоисточников (какими в сущности и являются все летописи, охватывающие промежуток времени более ста лет) встречаем, например, название Переяславское княжество, то действительно ли имеем мы право локализовать его не только на арене деятельности Богдана Хмельницкого или на Дунае в Болгарии, но также переносить это имя (как прежде, но забытое потом) и на Рязань?

И перенеся его, допустим, ошибочно туда, не перенесем ли мы вместе с тем ошибочно туда же и события, которые в действительности совершались в другом месте?

Вот, например, нам говорят, что это княжество при Олеге Ивановиче (1351-1403) пробовало укрепиться против Москвы «с помощью Литвы». А как могли попасть туда Литовцы? Другое дело, если б это говорилось о Силезском Бреславе. Затем говорится, например,

что в 1520 году Рязанский князь Иван I был заключен Московским Великим князем под стражу за попытку заключить союз против той же Москвы с Крымским ханом, но бежал в Литву, после чего Рязанское княжество было присоединено к Московскому...

Бежать он мог, конечно, очень далеко, но заключать союз с Крымским ханом из Рязани (даже и при сочувствии магометанам собственного духовенства, боровшегося с католическими орденами) было при путях сообщения в XVI веке то же самое, как в настоящее время Польше заключить союз с Чилийской республикой.

Аналогично этому приходится пересмотреть, как мы увидим далее, и топографию остальных географических названий, доставшихся нам в наследство почти исключительно от старинных монастырионцев, географический кругозор которых был не шире наших школьников первой ступени, так как тогда не было даже и географических карт.

О каком, например, городе Владимире говорится в отдельно стоящих упоминаниях в русских летописях, когда их было два: Влади-

мир Волынский и Владимир Залесский на Московско-Нижегородской железной дороге? И если все упоминания о Владимире Волынском, как центре Волынского княжества, правильны, то не заимствованы ли из его истории некоторые детали и в историю Владимира Залесского, как центра Ростовско-Суздальского княжества, тоже называемого Владимирским?

Когда нам говорят о «татарах» под Ярославлем или Новгородом, то действительно ли они были в этих приволжских городах, а не в Галицийском Ярославле (Jarosław)?

Локализацию таких мест, как доставшуюся нам в наследство из неизвестных нам первоисточников, еще необходимо проверить с точки зрения современных географических и этнографических точных знаний.

Все рассказы о народах, соприкасавшихся с Русью до крестовых походов или даже в продолжении их, конечно, отчасти вполне мифичны и отчасти стоят на границе между мифом и реальностью. Но ведь и миф не есть продукт абсолютного воображения, вроде чисто фантастической волшебной сказки, а

обыкновенно вырастает, как дерево, из какого-нибудь реального события, ушедшего в далекое прошлое. Его место действия часто переносится в очень отдаленную местность, а содержание по мере устных передач трансформируется, но есть один признак, по которому можно восстановить его первоначальное место, а нередко и повод к его возникновению — это сохранившиеся в нем лингвистические следы, т. е. его ономатика.

Лишь имена действующих в мифе лиц обыкновенно остаются надолго неизвестными, если они общеупотребительны на данном языке. А иначе они претерпевают только единичную порчу в момент своего перехода на тот язык, на котором до нас дошли с чужого ему наречия. Так еврейское Иешуа по-русски перешло в Иисуса, по-французски в Жезю, и т.д., и т.д., но здесь фонетические законы, обуславливающие изменения чуждых данному языку звуковых сочетаний, при их проникновении в него и с иного языка, позволяют восстановить весь путь этого имени по земной поверхности и самое место его возникновения в том лингвистическом бассейне, где оно

получает — вместо бессмысленного набора звуков — осмысленное значение.

Вот почему ономастическое исследование всякого исторического сказания должно лежать в основе его научного изучения, и лишь затем должно рассматриваться содержание данного сказания в соответствии с тем, что уже дала нам для него ономастика и притом в соответствии с географическими и экономическими возможностями. А пока ономастика не выяснена, исследование мифа или предания не может считаться законченным, если даже с географической и экономической стороны нет против него возражений.

Возьмем хотя бы скифов. Геродот в своей «Истории», которая, как я уже показывал, принадлежит не ранее как к эпохе гуманизма в Западной Европе, помещал их страну на место нынешней Украины между Доном и Дунаем и столицу их великого князя помещал в местности Эр Рас, на реке Ворисфене, т. е. текущей с севера, что и подходит вполне к Днепру, на берегу которого стоит Киев. Их профессией, — говорит он, — была война, т. е. совсем, как у крестоносцев XIII века, самое имя

их скифы, или правильнее скиты (σχιθ) имеет осмысленное значение только по-русски и значит «скитающиеся люди», и притом не без религиозного оттенка, так как скитами же называли и пристанища ходячих проповедников христианства. Бога отца скифы называли по-латыни папеем и поклонялись, — говорят нам, — еще и огню, хотя и можно догадаться, что с огнем тут смешали по созвучию, как и у индусов, агнца, символа созвездия овна и апокалиптического Христа, которого проповедывали и крестоносцы. Они, — говорят нам, — (как и крестоносцы) десятка на два лет завоевали и Месопотамию, и Сирию, и Палестину вплоть до Египта и были изгнаны оттуда Киак-Саром, т. е. Панцырь-царем[134]. Вся разница тут только во времени. С обычной точки зрения скифы исчезли без следа еще в первые века нашей Эры, а крестоносцы появились через полторы тысячи лет после них. Но вот, — представьте себе! — в «Истории Ромаев» Никифора Грегораса[135] сообщается о договоре, который заключил «начальник скифов» «с генуэзцами»! Значит, скифы воскресли после полуторатысячелетнего

небытия во время крестовых походов. Вот так странный ренессанс (!), и не проще ли считать Геродотовых доисторических скифов за чистый миф, навеянный скитавшимися рыцарями XIII века? И об этом удивительном ренессансе скифов говорит не один Никифор Грегорас. Вот, например, и Гейд в своей «Истории Левантйской торговли в средние века» [136] говорит о «северных скифах Чингис-хана» и что под татарами надо понимать скифов южной России того же времени...

А вот, кроме того, и о «Богодарованном городе» (Феодосии) в Крыму. Она, — говорят нам, — была основана классическими греками еще при скифах около 500 лет до Рождества Христова, под именем Кафы, но была разрушена при «переселениях народов» и лишь в 1281 году в разгар крестовых походов вновь основана генуэзцами, и римский папа учредил в ней даже епископию. Она стала вести «обширную торговлю» с Русью, Молдавией, Валахией и Средней Азией. В 1473 году турки овладели ею, низвергли католиков и украсили ее минаретами и дворцами, переименовав в Кучук-Стамбул, т. е. Малый Царь-Град. И так

было до 1774 года, когда она была уступлена русским... Опять такой же удивительный ренессанс! Вместе со скифами воскресла в новом блеске и Феодосия, через полторы тысячи лет!

Разбирая с этой точки зрения «Сказания начальной русской летописи» о западных народах, с которыми иногда ссорились, иногда мирились русские мелкие князья (или даже брали себе в помощники и заключали брачные союзы) до начала крестовых походов, мы видим, что тут получается целый ряд исторических и логических противоречий.

Наиболее простому ономатическому и географическому определению поддаются, — мне кажется, — «Торки», последнее упоминание о которых находим под 1060 годом.

«Того же лета, — говорит „Начальная летопись“, — Изяслав, Святослав, Всеволод, Все-слав, соединив бесчисленные (русские) войска, пошли на конях и в ладьях (т. е. не иначе как по Днепру), — бесчисленное множество — на торков. Услышав это торки (торцы в подлиннике) убоялись, пропали и до сего дня; померли, бегая, гонимые гневом божием. Одни

умерли от зимнего холода, другие от голода. Так бог избавил христиан от поганых».

Конечно, это событие невероятно, если речь идет о целом народе, а не об отряде выделившихся из него разбойников. Но географически тут нет ничего нелепого, если дело идет о Крыме. Ведь путь в ладьях по Днепру вел только к Крымскому полуострову, который по-гречески назывался Таврическим, т. е. бычачьим, откуда и русское название его Таврида. Греческое слово Таврикос произносилось так же, как турикос, и от него могло произойти и название таврического народа (т. е. таврики). Мы знаем, кроме того, что в Тавриде есть несколько развалин средневековых ромейских поселений, которые около 1170 года сменились генуэзскими, особенно развивавшимися во время крестовых походов (так как мы находим их остатки во многих местах по берегам Черного моря). Значит, там была сначала ромейская (на библейских основах), а затем латино-христианская культура, продолжавшаяся до 1475 года, когда при Магомете II католическое господство сменилось в тех местах магометанством и потомки генуэзцев

по окончании крестовых походов постепенно омусульманились.

Отсюда можно думать, что под торками (или тороками) X и XI веков в наших летописях подразумеваются иногда и таурики, т. е. крымцы, и этому вполне соответствует первое упоминание о них под 985 годом:

«Пошел Владимир (из Киева) на Болгар с Добрынею своим дядей в ладьях (т. е. не иначе, как по Днепру и вдоль Черного моря до Дуная), а торков (из Тавриды) привел на конях и так победил болгар. Добрыня же сказал Владимиру: „я видел их узников, все в сапогах. Такие же будут давать нам дани, пойдем искать лапотников“. И Владимир заключил мир с Болгарами, и поклялись друг другу: „тогда не будет мира между нами, сказали болгары, — когда камень начнет плавать, а хлеб тонуть“.

И возвратился Владимир в Киев».

Рассказ о сапогах опять, конечно, миф, но маршрут и здесь указывает, что не только надо тут подразумевать под болгарами задунайских болгар, но и то, что торками здесь называют опять ромейских тавридцев, придержи-

вающихся до прихода к ним крестоносцев мессианско-библейского культа, еще не отделившегося от восточного христианства, а даже может быть и латинян.

Но это еще не значит, что в разных местах «Первичной русской летописи», доводящей свой рассказ от 852 до 1111 года, эти же торки не встречаются и под другими именами, или что слово «горки» не распространяется и на другие местности.

Хотя в конце ее основного Лаврентьевского списка и говорится под 1110 годом:

«Игумен Селивестр (а не Нестор, как до сих пор ходит в публике) написал книги сии „Летописец“, надеясь принять милость от бога при князе Володимире (Мономахе), княжащем в Киеве и (при) мне игумнящем, в то время у святого Михаила, в (лето) 6624 (от сотворения мира), индикта 9, и кто читает сии книги, вспомяни меня в молитвах», — но все же автор написал эту летопись, конечно, не «от духа святого».

Как и все уже признают теперь, эта «Начальная летопись», представляющая с малыми вариантами и описками первую часть и

всех других русских полных летописей, является не действительным соединением друг с другом подробных записей, передаваемых преемственно от монаха к монаху от 852 до 1111 года, а компиляцией, сделанной в Киеве не ранее XII века по многим разноместным и не систематичным, как славянским, так и греческим отрывочным записям и по воспоминаниям старожилов.

Таким образом, один и тот же народ в разных ее местах может оказываться под разными названиями.

Так, П. Голубовский, книга которого «Печенеги, торки и половцы» сейчас находится передо мною, считает, например, что половцы, Planci (т.е. плавцы, плователи), Blanwen, Walmen, Куманы, Куны и Кинчаки — одно и то же «новое кочевое племя» (хотя куманами и до сих пор называются славянские национальности восточной Венгрии, где даже и теперь находятся Великая и Малая Кумания между Дунаем, Татрами и Карпатами).

А другие авторы доказывают, что Угры, Венгры, Венерцы (Венгерцы), Угличи (от Угричи) и Уличи русских летописей — одно и то

же (т.е. другая национальность той же Венгрии, сохранившаяся до сих пор).

П. Голубовский (с. 64), например, старается отождествлять торков с гузами (иначе Узами и Огузами багадурхана Абулгаза (1762 год), производя от них и династию сельжуков, правившую Иконийским царством Малой Азии во время крестовых походов.

Арцибашев, Тунман и академик Эрнст Куник на основании того, что мадьяры называются у средневековых латинских писателей и у латинского автора Лиутпранда Турками, считают их за венгерцев. Гаммер-Пуршталь в своей «Истории Золотой Орды»[137] признает, что Патцинакиты византийцев (печенеги русских летописцев) и кипчаки восточных писателей (то же едва ли не от славянского слова купцы) — одно и то же, да кроме того, он считает и узов, и гузов, и огузов, и туркоманов, и куманов, и кунов, и половцев, и торков — за один и тот же народ. Читатель сам видит, что разобраться тут на основании одних старинных сообщений совершенно невозможно, и я привел все это только для того, чтоб показать, что извод как турков, так и

всех этих племен из азиатских степей никак не может считаться за установленный исторический факт и что предлагаемая мною западническая гипотеза имеет полное право на научную разработку.

Посмотрим с этой новой точки зрения и на другие загадочные народы русских летописей и соответственных им сказаний иностранцев, руководясь нашим общим правилом, что лингвистические следы и географическая, а с ней и экономическая осмысленность имеют перевес над буквальным смыслом старинных сказаний, легко варьирующихся при переходе из уст в уста и искажающихся соответственно предвзятой тенденции переписчиков, которые всегда являлись и редакторами переписываемого документа.

Прежде всего, если мы не желаем представлять пред-исторические народы русских летописей по географической карте, как фигурки по шахматной доске, то должны признать, что Дунай в той части, где он течет по славянским землям, назывался по-славянски Волгой, так как и самое имя болгары (в греческом произношении волгары, значит волга-

ри). Точно так же, читая у византийцев о Херсоне, мы не должны забывать, что под этим именем не следует еще непременно подразумевать Херсонес Таврический, так как слово Херсонес по-гречески значит просто — полуостров. Кроме того, мы должны помнить, что таким именем, без особого определительного прилагательного, назывался по-гречески только Фракийский полуостров между Дарданеллами и Черным морем. Да и город Корсунь русских летописей, который будто бы захватил Киевский князь Владимир Святой в 988 году, но вернул обратно грекам, женившись на греческой царевне, действительно ли надо отсылать в Крым, в какие-то генуэзские развалины? Ведь очень недалеко от самого Киева, на реке Роси, есть и теперь город Корсунь со старинным замком внутри и с развалинами многих укреплений, как говорят, XII века.

Точно также и «Херсонская земля» Константина Багрянородного, на каком-то основании отождествляемая с Крымом, т. е. таврическим Херсонесом, когда тут нет определения Таврический, да и стоит не Херсонес, а Херсон?[138]

Я не сделал бы, конечно, ни одного из этих заключений, если б существующие теперь толкования этих и подобных им имен не привели к тому, что передвижения якобы исчезнувших затем народов стали настолько невероятны, что даже и ортодоксальные историки удивляются им, а еще хуже то, что многие летописные народы постоянно воскресали из мертвых и снова умирали ранее «всеобщего Воскресения из мертвых» и «страшного суда».

«Первое нападение Печенегов на Русь, — говорит Ипатьевская летопись[139], — было в 965 году». А последняя отчаянная битва с ними у Золотых ворот произошла в 1034 году. Они были разбиты на голову «так погибоша, а ярк (остаток) их пробегоша (т. е. пропал) и до сего дня»[140]. Но вот после 32 лет они неожиданно являются снова, на Дону, в 1116 году.

«В се же лето (1116 году), — говорит летопись, — бишася Половцы с Торкы и с Печенеги у Дона, и секошася два дня и две нощи, и придоша в Русь к Володимиру Торци и Печенеги»[141]. В дальнейших событиях Печенеги являются неразрывно связанными с Торками.

«Прогна Володимер (в 1121 году) береньдичи из Руси, а Торци и Печенези сами бежаша» [142]. «Печенег и Торги вместе поселились по реке Роси (западному притоку Днепра)». Но вот, наконец, и Торки в 1060 году померли «бегающе овии от зимы, друзии же голодом, иннии же мором и судом божьим, а тако бог избавил крестьян от поганых» [143].

«Откуда же опять взялись эти кочевники, — спрашивает Голубовский, — когда по словам того же летописца они погибли в 1061 году?» [144] Но он не дает ответа; так его слова, что узы и торки один и тот же народ, не объясняют их Воскресения в 1121 году после «погибели» в 1060. Он отмечает, что арабский писатель Абул-Феда (относимый к 1272-1331 году), латинские (!!) сочинения которого изда ны впервые только в период от 1789 по 1842 год, объявляет печенегов, узов и куман существующими в его время [145] и говорит, что узы (гузы) находятся между хазарами, страной карлоков и булгарами. Но если мы примем во внимание, что народы не исчезают с земной поверхности, как облачные тени, и допустим, что автор, писавший по-латыни

под именем Абул-Феда, пользуясь византийскими первоисточниками, ошибочно перенес сцену действия в Азию, то, руководствуясь лингвистическими следами, установили, что его Булгария должна быть современной Болгарией, что страна Карлоков — империя Карла Великого, а хазарами названы Венгерцы. Тогда гузами (les gouzes) окажутся румыны.

«Руссы, — говорит Абул-Феда в другом месте[146], — народ турецкой национальности, который с востока граничит с гузами, народом такого же происхождения», — и прибавляет, что в XI столетии гузы завоевали Персию и основали Сельджукскую монархию.

Но ясно, что русские в средние века или во времена крестовых походов не могли граничить не только с заволжскими, но даже и с задонскими народами, так как сосредоточивались лишь в Киевской, Новгородской и Владимирской областях. Единственный подходящий народ тут румыны, и это тем более правдоподобно, что и Турецкая империя после своего основания носила название «Рум».

И я уже упоминал, что венгерцы у византийцев называются турками, и также зовет

их латинский средневековый историк Лиут-пранд, относимый к 922-969 годам[147].

«Во время борьбы греков с сельжуками, — говорит Голубовский, — в войске императора были Узы-Торки, и Атталеяота указывает, что последние и первые одно и то же племя. Во время войны Алексея Комнина с Иконийским султаном два Печенега передали планы императора его врагам. Западные писатели признают также и наших половцев родственниками Турок. Плано Карпини рассказывает, например, что жители Биссерменской земли [148] говорили языком команским[149]. Да и Рубруквис указывает, что „у Уйгуров находится корень языка турецкого и команского“. А более ранние авторы держались самых разнообразных мнений. Так польские писатели производили торков, половцев, куман, печенегов то от Литвы, то от Познани. Более поздние авторы также делали иногда интересные заключения. Страленберг, например, утверждал, что Печенеги и Древляне один народ, Тунман считал Куман Славянами».

«Перечислять все эти теории, — говорит Голубовский (с. 61), — мы считаем вполне

лишним, ни для чего непригодным». Желających убить время при ознакомлении с ними отсылает к следующим сочинениям, в которых они собраны: Сумма: «Об Узах или Половцах»[150], его же: «Историческое рассуждение о Пацинаках или Печенегах»[151]; Накко: «История Бессарабии с древнейших времен» (Одесса. 1873 году, Ч. 1, в 3-х выпусках). Кроме того, выводы польских писателей собраны: *Kronica polska stryjковского*. Warszawa 1846, том 1.

Таков, по истине, печальный вывод одного из специалистов по данному вопросу. Но давая такой суровый приговор инакомыслящим, не кладет ли автор тень на правильность и собственных выводов относительно прежнего местопребывания этих народов, которых история застаёт хозяйничающими не только в Киевском княжестве, но даже и на Балканском Полуострове? Ведь Кумания существует же в Венгрии и до сих пор! И сам собой возникает вопрос: действительно ли они пришли туда из Азии, а не родились в тех самых местах, где застают их наши надежные исторические сообщения? И действительно

ли они в XII-XIII веках «вымерли, гонимые гневом Божиим», как разделяется с ними летописец.

«Через Херсон[152], — говорит автор сочинений Константина Порфирородного, — ходили в Печенегию императорские послы...» Но я уже показывал, что Херсоном у византийцев называли не Херсонес Таврический[153], а Фракийский полуостров, через который и неизбежно было идти в задунайские славянские земли. Но если Плано Карпини сообщает, что бессермены, т. е. сборщики податей, говорят куманским языком, то из этого можно вывести лишь то, что и куманы были тоже западного происхождения, так как слово бессермен, современное басурман, есть, как я уже упоминал, старо-немецкое Besteuermann, испорченное в русском произношении в бессермена и ни в каком другом языке, кроме немецкого, оно не имеет такого профессионального смысла. Нам говорят, что несколько «братьев миноритов», т. е. членов францисканского духовного ордена, основанного Франциском Ассизским в 1208 году, отправившись на восток отыскивать там мифическую

«Великую Венгрию», изучили прежде всего куманский язык.

«В собрании церковных законов Венгрии, — пишет П. Голубовский[154], — есть правило — принуждать монахов ордена св. Доминика и св. Франциска де Ассизи, чтобы они изучали прежде всего куманский язык. В летописях ордена Миноритов какой-то миссионер говорит:

— Предпринявши намерение (идти на проповедь), я прежде решил изучить язык той страны и с помощью Божией изучил язык Куманский и литературу Уйгурскую, которыми пользуются во всех тех странах».

Но доминиканцы или братья проповедники (*fratres prore dicatores*), утвержденные папой Григорием в 1216 году, процветали в Австро-Венгрии даже и в начале нашего века. Значит, дело идет о Венгрии, которая тут называется Уйгурией, и искать ее, как это сделали наши предшественники, в Азиатской Бухаре у узбеков (одно из племен которых называют уйгурами) совершенно излишне и даже неуместно, потому что дело идет здесь не о бухарских, а о Венгерских законах. Да, кроме

того, и «литература уйгурская» могла существовать тогда только в культурной Венгрии, а не в безграмотной Бухаре. Не Будапештских венгерцев надо производить от бухарских узбеков, а скорее, наоборот, придти к заключению, что венгерские миссионеры доходили во время крестовых походов и до Бухары, где и дали начало мифу о Великой Венгрии, оставив там, как наследство, и название культурной части населения уйгурами, т. е. «венгерствующими», может быть из помеси их с местным населением. И, кроме того, я уже не раз имел случай говорить, что Куманией называется и теперь восточная Венгрия.

В согласии с моим мнением является и содержание персидско-куманско-латинского словаря, завещанного Петраркой, умершим в 1374 году, Венецианской республике и открытого там Клапротом в 1828 году.

Из него выходит, что куманы существовали и в XIV веке нашей эры, хотя это имя и исчезло в русских летописях уже 200 лет назад, а кроме того, в куманском языке присутствует ряд чисто греческо-латинских слов, еврейских и славянских слов. Так, например, из

греческо-латинских находят: фанор-фонарь, калам-тростник, тава-павлин, лимен-лиман (гавань), килисия-эклезия (церковь). Из еврейских слов там есть: Тера-закон, сабат-ку-суббота; из славянских — иксба-изба, печь-печь, кшнес, по-славянски куна (т. е. кунья шкурка как монета). А в общем тут оказывается много турецких слов.

«Трудно допустить, — говорит по этому поводу Н. Голубовский, — чтобы в короткое время до 1303 года куманы (если считать их кочевыми народами юго-восточной России) могли внести в свой язык столько иностранных слов, а мы, наверное, знаем еще не все. Придется, как нам кажется, скорее вывести заключение, что эти заимствования сделаны народом, давно жившим в наших степях (степях ли) и имевших весьма продолжительные сношения с Русскими, Византийцами и Херсонитами».

«Однако, — продолжает автор, — несмотря на такую позднюю дату, к какой приходится отнести персидско-куманский словарь Петrarки (умершего в 1374 году), куманы исчезают со страниц русских летописей в середине

XI века, а около 1000 года и торки перестают тревожить Русь, а взамен их появляются новые враги — половцы».

Все это было бы, — отвечу я, — хорошо и правильно, если б автор говорил лишь о «страницах русских летописей», а не о земной арене, где, повторяю, и теперь мы находим и Великую и Малую Куманию в Венгрии. Да и Куманы там живут преспокойно до сих пор. Зачем же их искать с такими великими хлопотами? Закрывать глаза на них при изучении Кумании XI века — непростительное упрямство новых историков и этнографическое неведение старинных (смотри карту Венгрии).

Но пойдем далее. Приглядимся и к половцам. Вот как описывает их П. Голубовский [155].

«Они одни, — говорит он, — могли совершенно свободно (в конце XI века и в XII) располагать всеми своими силами на пагубу Русской земли, раздираемой усобицами. Пользуясь своею многочисленностью и раскинутостью границ Руси, они в одно и то же время появляются в разных пунктах и не дают воз-

возможности собрать сил для защиты угрожаемого поселения. В 1092 году, например, они разными отрядами являются в одно время и на Удзе, где берут Прилуки, и у Днепра, где той же участи подвергаются Переволочна и Песочень. В 1096 году в мае месяце их князь Боняк разорил окрестности Киева: Куря разоряет окрестности Переяславля, а Тугерхан вслед затем осадил и самый Переяславль. В 1172 году Половцы явились у Песочного и Корсуня. Пока Глеб Юрьевич договорился о мире со стоявшими на левой стороне Днепра, Половцы от Корсуня двинулись быстро к Киеву и ограбили все кругом него. В 1184 году в одно и то же время Кончак напал на Переяславль, а Кеа на Посемье. В 1187 году часть Половцев грабила Поросье, а другая навещала Черниговскую область. Не было, таким образом, никакой возможности ни предугадать набегов, ни принять каких бы то ни было мер для защиты населения. Быстрота, с какой делались эти набеги, прекрасно характеризована византийским оратором XII века, Евстафием Солунским:

„В один миг Половец близко, и вот уже нет

его. Сделал наезд и стремглав, с полными руками, хватается за поводья, понукает коня и бичем, и вихрем несется далее, как бы желая перегнать быструю птицу. Его еще не успели увидеть, а он уже скрылся из глаз“».

«Русские князья, — говорит по этому поводу Голубовский, — сознавая свое бессилие предупредить вторжения, стараются только отбивать пленных и награбленное имущество. Редко удавалось князьям настичь Половцев в прямом преследовании, а потому они употребляли другой маневр. Если Половцы грабили на Суле, то ближайшие русские отряды, не показываясь врагам, переходят реку где-нибудь в другом месте или идут к реке Пслу и стараются незаметно перерезать обратную дорогу. Этот способ защиты населения и спасения жителей от тяжкого плена был самый действительный. Так, когда Половцы разграбили окрестности Киева в 1172 году, то Михалко, с Берендеями, двинулся им навстречу с Поросья. Вскоре они встретили врагов и разбили их, отняв весь полон. В 1174 году Игорь Святославич, узнав, что Половцы грабили у Переяславля, преправился чрез

Ворсклу у Лтавы, встретил их и заставил бросить пленных. В 1179 году Кончак опустошал окрестности того же несчастного Переяславля. Узнав об этом, Святослав Всеволодович, стоявший у Триполи, двинулся отсюда быстро за Суду и стал напротив лукомского городища. Половцы бежали».

По счету П. Голубовского всех набегов, совершенных Половцами самостоятельно без княжеских приглашений, произошло, в период за полтораста лет (от 1061 года по 1210), не менее 46. Из них на долю Переяславского княжества приходится 19, на Поросье — 12, на Киевскую область — 4, на Северную область — 7, на Рязань — 4. Но не должно забывать, что рядом с такими независимыми предприятиями Половцев другого князя, сопровождавшиеся не менее тяжкими опустошениями. Но вот, несмотря на эти ссоры и набеги, половцы даже не только дружили, но даже роднились с русскими князьями. Как пример взаимных равноправных отношений между половецкими коганами и русскими князьями я приведу их взаимные семейные связи.

«Первый пример, — говорит П. Голубовский (с. 172), — брачного союза между русскими князьями и половецкими ханами мы видим в 1094 году Тогда Святополк Изяславич киевский женился на дочери Тугорхана[156] Юрий Владимирович женился на дочери Аэпы, внучке Гиргеня[157]. В 1117 году Владимир Мономах женил своего сына, Андрея, на дочери Туркхана[158]. Рюрик Ростиславич получил от отца в жены дочь половецкого хана Беглюка[159]. В 1205 году Всеволод Суздальский сосватал для своего сына, Ярослава, дочь половецкого хана, Юрия Кончаковича[160]. Даниил Галицкий хотел сделать своим сватом половецкого хана, Тегака[161]. В 1187 году Владимир Игоревич возвратился из половецкого плена с новою женою, дочерью знаменитого Кончака. Были браки между русскими и половцами и романтического характера. Так, мать Святослава Владимировича, после смерти своего первого мужа, Владимира Давидовича, увлеклась половецким красавцем и бежала к хану Башкерду. И вероятно это не единственный факт.»

Половцы особенно склонялись на сторону

князей северских, и мы видим их большою частью на стороне Ольговичей. Они всегда были готовы оказать им помощь и дружелюбно заявляли об этом:

— *Спрашиваем о твоём здоровьи, — говорили они Святославу Олеговичу чрез своего посланца, — а когда велишь нам с силою к тебе придти (на помощь)?*

И при нужде они явились к нему со своими отрядами.

Посмотрим теперь, как в свою очередь обращались и русские князья к половецким «ханам».

— *Отче, — говорил Даниил Котяну, — отмени войну сю, прими мя в любовь себе.*

На примере Игоря Святославича видно, как радушно держали половецкие ханы русских князей, даже в плену. Они только для безопасности окружили Игоря почетной стражей из 20 человек, в числе которых было пять из высшего сословия, но эта стража беспрекословно исполняла все его приказания. Ему позволялось иметь при себе пять или шесть русских слуг. С ними и всей стражей он ездил свободно, куда хотел, тешился охотой. Ему

разрешено было иметь при себе священника со всем необходимым для совершения службы. Тем больше радушия и гостеприимства оказывали половцы князьям, являвшимся к ним добровольно. Были князья, которые всю свою жизнь провели среди своих половецким родственников, такие как, например, Изяслав Владимирович, внук Кончака по матери, племянник Юрия Кончаковича.

И кроме того, половцы носили, как и поляки, славянские имена. Мы встречаем среди них и Ярополков, и Юриев, и Глебов.

«Уже из того обстоятельства, что половцы были в родственных связях со всеми почти княжескими родами Руси, можно видеть, что в истории Русской земли они сыграли роль силы уравнивающей, которая не давала возможность вполне восторжествовать какому-нибудь одному князю над остальными, — говорит П. Голубовский. — Чтобы выполнить идею самовластия, — продолжает он, — надо было: 1) уничтожить или сделать полными подручными удельных князей, 2) лишить отдельные области возможности иметь каждой своего князя, подавить вече, 3) осилить бояр-

ское начало, не дав ему способов развиться в политическую силу, а затем уже 4) обратить всех в „холопей государственных“. А этому и мешали половцы». Насколько верны эти последние соображения Голубовского, сказать трудно. Централизации русского государства в XIII-XIV веках могла мешать обширность самой территории. Ведь с разрабатываемой здесь мною западнической точки зрения на ход культуры, эти Киевские, Московские, Новгородские и Суздальские княжества были только форпостами движения европейских народов на восток, что продолжалось и после объединения Руси вплоть до того времени, как она достигла в XIX веке Тихого океана, а англичане захватили Индию и колонизировали Австралию. При этом движении вглубь свободных или малокультурных азиатских пространств, даже прямо было невозможно обратить этих «украинцев» (т.е. вообще «Красных людей») в «холопей государевых». Но для нас здесь важно не это, а родственные отношения русских XII-XIII веков с половцами, как с народом культурным. Ничего подобного ведь не могло быть, если б эти половцы были

полудикие степные кочевники, убежавшие от русской колонизации, все далее и далее на восток.

Я не знаю, обращал ли кто-нибудь из русских историков внимание на то, что как раз в то время, когда по русским летописям на северном берегу Черного моря кочевали эти «половцы», на нем по западноевропейским записям водворились под защитой крестоных орденов Генуэзские торговые колонисты. Генуэзские мореплаватели, устроив укрепления при устьях Днепра, Дона и Кубани, сплавливали по этим рекам как раз в то время и в тех местах в Южную Россию свои товары в обмен на местные украшения и могли тут получить название плавцов, что легко могло перерейти в половцев, подобно тому, как слово глас перешло в голос, град в город, градец в городец, и плавец в половец.

Только в этом случае русские летописные сказания пришли бы в согласие с западно-европейскими, так как нельзя же, читая историю генуэзской колонизации северного Черноморского побережья, забывать о том, что русские летописцы, не упоминая ни разу о ге-

нуэзцах, населяют эти места половцами, а западно-европейские, не упоминая ни разу о половцах, населяют их генуэзскими мореплавателями. А при сопоставлении выходит, что это два разноязычные сказания о том же народе.

И это также подтверждает мою теорию о том, что и поляне наших летописей были поляки (polonais). Ведь даже самого слова «поляк» в наших летописях нигде не встречается, а что касается до украинского их названия ляхами, то в Лаврентьевской летописи также сказано: «от тех ляхов прозвашася поляне» (polonais), да и в Новгородской синодальной летописи, где не должно бы быть совсем этого украинского названия для поляков, мы неожиданно находим его в нескольких местах, последний раз под 1410 годом: «и было той осенью три побоища ляхов и литвы с немцами, и во всех этих побоищах много христиан, и литовцев, и ляхов избито было, и взяли (немцы) Мариин город (Мариенбург?)». А пред этим лишь за 200 лет назад, под 1219 годом, когда Мстислав пошел из Киева на королевича в Галицию, «вышли против него и

Галичане, и чехи, и ляхи, и моравцы, и угры, но пособил бог Мстиславу, въехал он в город Галич, а королевича (тамошнего) с женою руками взял».

Что же касается до еще более раннего упоминания о ляхах под 1073 годом, то апокрифичность его признана и до меня. Да и в приведенных двух случаях слово лях является лишь присоединенным при перечислении соседних с Польшею народов, как бы для компании, и ни об одном столкновении русских с самими ляхами вы не найдете в русских летописях за все время их записей, доходящих до половины XV века... Но ведь это же невозможно, если поляки, являющиеся самыми близкими соседями Руси, не фигурируют там под именем половцев!

И снова для нас не остается другого выхода, как признать, что в этих брачных связях и столкновениях поляки фигурируют под именем половцев. Сцена действия и тут была перенесена с запада на восток «в степи».

К этому же приводят и чисто географические соображения. Бросив взгляд на географическую карту мы видим, что для объяснения

этих половецких набегов от Рязани до Киева, если они происходили от кочевого народа с востока, мы должны допустить его невероятную многочисленность, так как в ничтожных количествах они ничего не могли бы сделать с укрепленными и огороженными городами при наблюдательных и сторожевых пограничных пунктах, какими являются так называемые городища, окруженные иногда даже и двойными валами.

«До сих пор,— говорит П. Голубовский, — не установлено ничего прочного о происхождении этих городищ и, как кажется, едва ли возможно какое-нибудь положительное решение. Придется отказаться от объяснения этих монументальных памятников старины при каких-либо исследованиях историко-географического характера».

«Если возможно здесь решение, — отвечает он, — то только общее, что касается того или другого известного городища, взятого в отдельности, или группы городищ, то при помощи археологии и истории мы имеем право придти к тому или иному заключению и приурочить его к какой-либо эпохе».

Последнее замечание, конечно, вполне правильно, но надо ли отчаиваться получить и общее решение? Особенно интересно здесь то, что некоторые из этих городищ приписываются народу франков[162], т. е. с нашей точки зрения — крестоносцам, что очень правдоподобно, если мы припомним историю возникновения замков в Западной Европе, развившихся точно из таких же зародышей. Вот такими они рисуются в общих чертах по Любке.

В VIII-X веках при Каролингах, когда Европа стала распадаться на мелкие феодалы, деревянные и глиняные укрепления обносились тыном, окруженным рвами, по середине их строили четырехугольную башню. В глубине холма, на котором строилась башня, рыли колодец на случай продолжительной осады. Первоначальные замки были предназначены для военных целей.

Жилищами замки сделались с X века с развитием феодализма. Постоянные набеги заставили землевладельцев, для безопасности, строить свои жилища на недоступных скалах, среди болот или обносить построенную

среди равнины усадьбу стеною и рвом, иногда наполненным водою. В XIII веке четырехугольная деревянная башня заменилась каменной, тын остался, но позади него выдвинулась новая каменная стена с крепкими башнями, а за ними возник целый ряд новых построек хозяйственного назначения для удовлетворения жизненных потребностей. За воротами был расположен первый замковый двор, вмещавший хозяйственные постройки, помещения для ремесленников, кузнецов, плотников, сельских рабочих и место для рыцарских упражнений. При проникновении сюда врага, все население спасалось во второй двор, который также был отделен рвом, стеной и воротами от первого. Во втором дворе среди конюшен, погребов, амбаров бросалась в глаза прежде всего четырехугольная, восьмиугольная или круглая массивная каменная башня. Она ставилась на скале или на искусственной насыпи. Часто и ее окружали ров и стена. Когда все было потеряно, барон искал убежища здесь. Вход в башню был высоко поднят над землей. В нее можно было проникнуть или по мосту, переброшенному

от соседней постройки, или по лестнице, которую убирали при первой опасности. В башне было три этажа. На самом верху под крышею жил сторож, во втором и третьем — спали барон и его семья, в нижнем помещалась сводчатая, слабо освещенная зала с небольшими окнами, пробитыми среди толстых стен. Сюда собирались вассалы, здесь принимали гостей. Еще ниже в подвальном этаже находилась тюрьма за железной дверью и иногда спуск в подземелье с тайными ходами за пределы стены, чтобы поддерживать сношения с внешним миром во время осады. Наряду с башней в замках особенно крупных владельцев строился и дворец.

Позднейший вид замков, княжеские и королевские дворцы, которые должны были вмещать многочисленных рыцарей, были большею частью двухэтажные. Сводчатый нижний этаж занимали кухня, кладовая, погреб; верхний — парадная зала. Вход в залу был со двора. В нее вела открытая лестница с крыльцом. Зала, тянувшаяся во всю длину здания, была с каменным сводом, опиравшимся на колонны или на пересекавшиеся

крест-накрест балки. Каменный пол был застлан коврами или шкурами. Богатые ковры закрывали также и стены. В глубоких нишах были пробиты небольшие окна, а у одной из стен был устроен камин. Из залы вели двери в маленькие помещения, тоже отапливающиеся каминами и потому называвшиеся каминатами, откуда и русское слово комната. Они предназначались для хозяйки и ее близких, для служанок и для женских работ. Там же была и капелла для удовлетворения религиозных потребностей жителей замка. Со времени Крестовых походов появились на замковом дворе и бани, заимствованные у народов востока.

Более древние замки, в грубом романском и готическом стиле, были лишены комфорта и не отличались изяществом и красотой. Таковы Императорский дворец в Госларе XI-XIII века в Германии, замок Ари, близ Дена, во Франции, замок Тауэр в Лондоне. Начало улучшению художественного вкуса в замковой архитектуре положили королевские французские замки XIV века (Лувр в Париже, Мариенбург в Пруссии).

Чем ближе к XV веку, тем более замковые здания стали приближаться к красивым и удобным для жизни дворцам. Это изменение вызывалось главным образом тем, что в XIV и XV веках с изобретением пороха и введением артиллерии, замки потеряли свое значение. В новых замках-дворцах эпохи Возрождения увеличилось число комнат, расширились лестницы, и план получил законченную правильность. С XIV века они приобрели характер мест отдохновения и увеселения, куда на летнее время уезжала знать.

Рассматривая на этом фоне наши степные городища, мы не можем не видеть, что в точности соответствуют начальной стадии развития укрепленных замков Западной Европы во время Крестовых походов, когда и там еще строились не каменные, а саморазрушающиеся через несколько десятков лет деревянные башни. Но это еще не значит, что время возникновения наших городищ не было и позднее тех. Ведь «каменный век» в архитектуре должен был сменить «деревянный век» не одновременно в разных странах, да кроме того, способ постройки должен был зависеть и от

«почвенных условий». В местах, где выступали на земную поверхность удобные для обтесывания известняки, «каменный век» в архитектуре должен был начаться много ранее, чем в таких, где приходилось делать кирпичи. Вот почему и в южнорусских степях должны были еще долго производить вместо западноевропейских каменных стен земляные валы, а вместо каменных башен исчезающие потом без следа деревянные, даже и в то время, когда в Западной Европе замки стали уже дворцами.

Остатки таких валов и сохранились до настоящего времени под названием городищ. У Кременчуга, например, известно их целых пять. Среди них Липецкое городище существовало еще в XVI веке, как это видно из росписи 1571 года: «А реку Псел (надо) перелезти у Липецкого городища, да на верх Боровни» [163]. «Городецкое городище» существовало еще до 1642 года [164]. «Каменное городище» значится в акте разграничения земель между Россией и Польшей 1547 года, где постановляется «возвратить России Каменное городище на Пеле, от Путивля едучи до Пела, на Пу-

тивльской стороне, да к тому городищу слободу Каменную»[165]. О Михайловском и Зяцком городищах нет известий в документах, но положение их на линии древних городищ может служить, кажется, некоторым аргументом в пользу того, что они все возникли одновременно и служили одной и той же цели — быть оборонительной линией.

Переходя на реку Ворсклу, мы снова находим целый ряд городищ, о которых говорят документальные источники. В 1642 году польские послы предлагали: «рубеж между Россией и Польшей идет до реки Ворскла, а Ворсклом вниз до Скельского городища, которое в царскую сторону останется, а рубеж от него меж Вельским городищем и оттуль чрез реку Ворсклу, Вельское городище разделить пополам»[166]. В одном акте 1689 года мы видим Немерское городище, а в росписи 1572 года оно называется просто Немер. В «Историко-статистическом описании Харьковской епархии»[167] говорится, что оно огромных размеров, окружено дремучим лесом, само заросло огромными дубами, а ров его, начинась от реки Ворсклы, окаймляет значитель-

ное пространство с востока на запад, и называют его Журавенским городищем. Вверх же по Ворскле существуют еще два городища между деревнями Литовкой и Боголюбовкой, из которых одно носит название Кукуева, а другое, по преданию, представляет остаток некогда бывшего здесь города. Еще выше на левом берегу речки Ворсклицы также находится большое городище. И замечательно, что везде, в данной местности, эти городища распределяются правильными линиями по течению рек, и ясно выступает в их размещении цель воспользоваться для пограничной защиты естественными преградами. И уже из самих этих документов видно, что часть указанных городищ была построена еще до определения русско-польской границы в XVI-XVII веках, и потому приходится искать на этой же самой линии какой-то прежней, забытой потом, но никак не доисторической границы между полумифической до-христианской Русью и совсем мифическими половцами, а не ранее Крестовых походов.

Другие же городища, действительно, могли служить передовыми пунктами при дви-

жении русской колонизации вглубь степей к юго-востоку. Так, при впадении реки Можы в Донец, в Харьковской области еще в начале XVII века, существовало Зикевское городище [168]. За ним следует Кукулевское между рекой Ординкой и вершиной реки Мерефы [169]. Огромные дубы более 2 аршин в поперечнике росли на вершине вала. Это городище огромного размера. Оно состоит из двух плоскостей, возвышенных одна над другой и над соседней окрестностью.

На водоразделе между реками Можем и Коломаком лежит Хазарское городище в урочище Козаровском, среди огромного леса, который называется Ринцевым рогом. Оно до того поросло лесом, что трудно осмотреть его [170]. Эта линия укреплений на реке Коломаке начинается Высокопольским городищем и продолжается до городища Коломацкого. О последнем мы имеем документальное известие в разъездной росписи 1571 года, где говорится: «Коломак (надо) перелезти под Коломацким городищем через Ровень, да полем через Муравский шлях, да на верх Адалага». В противоположную сторону эта оборонитель-

ная линия ясно доходит до впадения реки Уды в Донец. Тут мы находим два городища — Мохнач и Кабанова, их остатки существовали в конце XVI века. Первое защищено Донцом, его заливами и озером Круглым, а Кабаново находится при самом устье реки Уды[171]. Все другие историки признают существующее еще и сейчас Донецкое городище остатком древнего города Донца. Свидетельство разъездной росписи 1571 года приводилось и Филаретом: «да вниз по Удам (ехать) через Павлово селище к Донецкому городищу да к Хорошевскому городищу через Хорошев колодезь, да чрез Удские ровни...»[172].

«Рождается вопрос, — говорит П. Голубовский (с. 99), — каким образом это укрепленное поселение могло существовать так далеко от границ Северского княжества? Если рассматривать существование здесь укрепленного пункта как результат военной (ибо другой в степи быть не могло) колонизации, то необходимо вспомнить, что всякое колонизационное движение идет постепенно, причем выдвигаются один за другим укрепленные пункты и за ними следует население. Они идут

вперед, заслоняя собой переселенцев. Такой порядок колонизации был везде и всегда. Остатками этих укрепленных линий и могут быть указанные нами городища»[173]. Параллельно этому ряду укреплений на Уде существует целая линия остатков оборонительных пунктов и на Донцу. Таковы городища Салтовское, Катковское, Гумнинья и Чугуевское, указанные в Книге Большого Чертежа. Салтовское в 1639 году было отдано с угодьями товарищам Остренина, а в описании города Салтова, через 35 лет — в 1674 году говорится: «город Салтов построен на Салтовском городище, обставлен дубовым лесом». О Гумниньском городище Белгородского воеводы в 1668 году читаем: «(Чугуевцы) *стоят в Чугуеве в сотнях по 50 человек и на отхожих сторожах на татарских перелазах, на реке Донце на Салтовском городище; да на гумниньском по 37 человек*». А о Чугуевском городище мы находим в царской грамоте 1641 года: «*В прошлом (1638) году пришел в наше Московское государство из Литовские стороны Гетман Яцко Остренин, а с ним сотники и рядовые Черкасы*», которые (просили) «*во имя кре-*

стьянской веры от погубленъя избавить и устроить их на вечное житье на Чугуево городище..., а город и острог поставят сами».

Читатель видит, что все эти городища строились уже в период Московской России, а, следовательно, их присутствие показывает ничто иное, как победоносное движение какой-то культурной колонизации на юго-восток в середине XVII века. Но что же выводят из этого сторонники до-монгольской Руси?

Вот собственные слова П. Голубовского, говорящего об тех же самых фактах (с. 101).

«Если читатель припомнит теперь связь всех изложенных нами данных и обратит внимание, что в Московский период нашей истории делались разезды, строились городки, были крепости лесные и болотные, то едва ли возможно, просто даже невозможно, отрицать, что и в до-монгольский период делалось тоже (!!), ибо одинаковые обстоятельства жизни производят на свет и те же самые следствия: население стояло в обоих периодах в одних и тех же условиях — были Половцы, явились Татары. Возражение, что летопись не говорит нам о каких-либо других го-

родах в данной местности, кроме Донца, не имеет силы: мы говорили раньше и снова повторяем, что она не интересуется весьма многим, или, говоря иначе, интересуется весьма немногим».

Таким образом, и здесь, как у классиков, выходит своеобразный ренессанс. Оказывается, что Московская Русь в борьбе с крымцами (государственность которых, конечно, началась тоже не ранее времени Крестовых походов и генуэзской колонизации) только использовала все упомянутые нами городища, основанные будто бы задолго до московского «собрания Руси». А если сами летописи ничего не говорят нам об этом, то это ничего не значит: ведь «они интересуются весьма немногим».

Но так ли это? — спросим мы.

Ведь если мы допустим, как уже сделал я, что слово «орда» есть только написанное русскими буквами латинское слово *ordo* — орден, что местность «Татары», откуда утверждались русские князья за все время Латинской империи на Балканах, есть только написанное русскими буквами в русском произно-

шении название Северной Венгрии и Галиции — Татрами, что столицу Золотой Орды (т.е. Золотого Ордена) — Сарай не следует искать в безлюдных степях за нынешней Волгой, около бывшего города Царева, а прямо указать на карте пальцем за Болгарией-Болгарией[174], где и теперь, кроме Сараева в Боснии отмечается кружком и город Сарай, бывший форпост на пути в Царь-Град из варварских стран, что слово иго — есть латинское *jugum* — налог; что басурман, иначе бесермен, есть старонемецкое слово *Besteuermann*, т. е. сборщик податей; что ордынские Кановичи, испытывающие приезжавших туда русских князей — папские каноники; что «татарское иго (*jugum tartaricum sive tatricum*)» и началось, и окончилось одновременно с периодом господства католических орденов в восточной Европе со времен Латинской империи на Балканах, и что русские князья от XIII до XV веков могли бы ездить за утверждением на своих престолах к иноверным ханам только в припадке помешательства, а в период господства латинян на греко-славянском востоке обратились к униатству, которое по-

том отвергли после ослабления католицизма на востоке Европы, в связи с натиском магометанства, — то мы, наоборот, придем к заключению, что за весь период Крестовых походов и последовавшего латинского господства на Европейском востоке русские летописи полны их отголосками, да и самое возникновение государственности в России, и в Крыму, и даже в самой внутренней Азии идет от крестоносцев.

Надо только допустить, что падение Латинской империи на Балканах, как и должно быть, отразилось возникновением взамен ее ряда сравнительно меньших национальных государств, а переход славян после изгнания латинян от католичества к греческому православию привел к тому, что прежнее вероисповедание стало называться у них бессерменством, т.е. собиранием налогов, а затем, благодаря уходу латинян и появлению взамен их с юга магометан, название крестоносцев «татарове» перешло в название этим территориальным словом татары — иноверцев магометан. Затем это слово ассимилировалось с греческим словом тартары, т. е. адские люди, и

местопребывание их перенесли на нынешнюю Волгу и заставили их там, обратив в работников, кочевать по солончаковым степям и, что всего хуже, покорить оттуда и Киев, и Новгород, и Москву и дойти до своей родины Татров. Но ведь это же нелепо!

Ведь совершенно наоборот: сами русские князья рисуются начальной нашей летописью разбойниками. Не будем обманывать самих себя, как дети, сенсильно выбранными словами, называя одно и то же дело то злодейским набегом врага, то «героическим походом на врага».

Вот, например, под 964 годом «Начальной части» всех наших полных летописей написано:

«Когда взрос и возмужал князь Святослав (Киевский), он начал собирать много храбрых воинов и, ходя легко, как леопард, совершал много войн. В походах не возил с собой обозов и котлов, не варил мяса, но, тонко изрезав конину, зверину или говядину, ел ее испеча на углях» (или вернее сырую, так как добывать угли в степях ему было не так легко в 964 году, как теперь, после изобретенья спичек хими-

ком Камерером ровно сто лет до наших дней [175], а около 1000 лет тому назад при Свято-славе добыванье огня в походе было почти невозможное дело). *«Он не имел шатра, но подстилал под себя потник из под седла, а седло клал себе под голову. Такие же у него и все воины были. Он посылал к странам, говоря им так: „Хочу на вас идти“. И так ходил на реку Оку и на Волгу и наткнулся на вяти-ков (вятичей) и сказал вятикам: „кому даете дань?“ Они же ответили: казарам дань даем по шълягу от орала (сохи)».*

Но ведь все это рисует русских князей до начала крестовых походов не как культурных властелинов, а именно как атаманов шаек холостой мужской молодежи, называемой теперь хулиганами, которые, выйдя из своих оседлых крупных поселков, могли совершенно неожиданно в летнее время появляться то тут, то там, питаясь на пути мясом своих собственных лошадей и грабя оседлые поселки других, не особенно далеких народов. Такие же отряды буйной молодежи могли, конечно, высылаться и против собственных городов, но это ни в каком случае не могли быть це-

лые племена со всеми их женами, сестрами, малолетними и грудными детьми, отцами, матерями, престарелыми и дряхлыми дедами и бабушками и со всеми стадами, палатками и переносным хозяйственным скарбом.

А в данном месте мы находим и другую интересную подробность. Оказывается, что «вяттики», на которых наткнулся в своих разбойничьих набегах киевский князь Святослав, около тысячи лет до нашего времени платили дань хазарам по «шьлягу с сохи». А «шьляг» уже давно и не без основания отождествлялся историками с существующей и до сих пор английской монетой шиллингом[176]. Как попал (в достаточном для ежегодной дани с каждой сохи количестве) из Лондона шиллинг за тысячу лет до нашего времени к вятикам, в 964 году? Мне говорят, эти вяттики не жили по современной реке Вятке, притоке Камы на противоположном, северо-восточном конце европейской России, где помещался современный Вятский край, а уже давно считаются языческим ответвлением поляков, исчезнувших с лица земли в XIII веке нашей эры. Но даже и тут употребление шиллинга

является совершенно невозможным, как впрочем, географически невозможен и поход Киевского князя Святослава на Волгу, если, повторяю, этим именем не названо нижнее течение Дуная по славянским землям. Как бы в подтверждение этого уже через два года, в 967 году, тот же Святослав (очевидно, тоже питаясь собственными лошадьми) пошел действительно на Дунай на Болгар (волгарей) и, одолевши их, взял 80 городов по Дунаю и сел там княжить «в Переяславци», взимая с греков дань.

Но какой же это Переяславец в Болгарии? Историки ее говорят нам, что первой столицей Болгарского царства был действительно Преслав (или Прислав, по старой орфографии Пръслав), основанный первым ее царем — Асперухом в 979 году, и лишь в 1186 году столица была установлена в Тырнове. Но в русской «Начальной летописи» под именем Переяславец подразумевается, по-видимому, современный украинский Переяслав, на восточной стороне Днепра, около 80 километров ниже Киева, лежащего на западной стороне этой реки, хотя основание этого Переяслава отно-

сят к 993 году, на 25 лет позднее. И тут мы вновь находим подтверждение того, что печенеги были западным, а не восточным народом.

Так, под 868 годом (в лето 6467) мы читаем:

«В первый раз пришли печенеги на русскую землю. Святослав затворился (в Переяславле) (т. е. в бывшей столице Болгарии Преславе на Днепре), а Ольга с внуками своими Ярополком, Олегом и Владимиром в Киеве... Печенеги в тяжкой (?) силе обступили город, бесчисленное множество, нельзя было ни вылезать из города, ни послать вести. Изнемогали люди от голода и жажды. И на другой (т. е. восточной) стороне собрались люди в ладьях, но оставались по ту сторону, и нельзя были войти в Киев ни одному из них, ни из города к ним. Загоревали люди в городе:

— Нет ли кого, кто мог бы достигнуть той стороны и сказать (тамошнему отряду русских): если не выручите до утра, нам придется сдаться печенегам?

— Я перейду! — сказал один отрок, и ответили ему:

— Иди!

Он вышел из города с уздою и бегал среди печенегов, говоря:

— Не видел ли кто-нибудь коня?

Он умел говорить по-печенежски, и они приняли его за своего.

Приблизившись к Днепру, он сбросил одежду, бросился в реку и пошел. Увидев это, печенеги кинулись, стреляя в него, но не могли ему ничего сделать. А люди с другой (т. е. восточной) стороны, видя это, поехали к нему в ладьях, взяли и привели к своей дружине, и он сказал им:

— Если завтра не подступите к городу, то люди хотят сдаться печенегам.

Воевода по имени Претич ответил:

— Подступим завтра в ладьях и, попав туда, умчим на эту сторону княгиню и княжичей, потому что, если не сделаем этого, то погубит нас Святослав.

Утром сели они в ладьи против света (святившего в лицо печенегам, т. е. ехали с востока), сильно затрубили, а бывшие в городе закричали. Печенеги, думая, что привели князя (Святослава), побежали в разброд от города (т. е. к западу). Ольга с внуками и людьми вы-

шла на берег к ладьям. Увидев это, князь печенегский один возвратился и, подойдя к воеводе Претичу, сказал:

— Кто это пришел?

— Люди с той (восточной) стороны.

— А ты не князь ли сам?

— Я его воин и пришел в сторожевом отряде, но за мной идет полк с самим князем, множество без числа.

Это ответил Претич, пугая...

И умерла Ольга через три дня. И плакали и дети ее и внуки ее, и все люди ее. И заповедала она не совершать по ней тризны, ибо имела в тайне просвитера (презвутера), и тот схоронил ее, блаженную Ольгу. Она была предтеча христианской земли, как рассвет перед солнцем, как заря перед светом. Она была среди неверующих людей, светящаяся как бисер в кале, ибо калены неомовенные от грехов святым крещеньем».

И автор сопровождает эти слова целым потоком красноречия в пользу святого крещения и самой святой Ольги, приводя цитаты из Давида и Соломона. А заканчивает он так:

«Защитил господь сию блаженную Ольгу

от противника, супостата-дьявола». А о желаниии Святослава княжить в болгарском «Переяславце» вспоминает лишь через год в 971 году.

«В лето 6479 (год 971) пришел Святослав к Переяславцу (т.е. к Болгарской Преславе), и болгары затворились в городе. Они вылезли из города на сечу, и была сеча великая. Стали одолевать болгары.

И придется нам здесь пасть, — сказал Святослав. — Напряжем мужественно силы, о братья, о дружина!

К вечеру одолел Святослав, взял город приступом и сказал:

— Вот мой город!

Он послал к грекам, говоря:

— Хочу на вас идти и взять ваш город, как этот.

Но греки стали ему льстить во время его похода на них, стараясь провести его любовными преговорами и предложением дани.

Он взял многие дары, возвратился к Переяславцу с великою похвалою и сказал:

— Пойду в Русь, приведу побольше войска, и пошел в ладьях. Свекельд воевода отчий

сказал ему:

— Иди, князь, на конях, ибо стоят печенеги в порогах (днепровских).

Но он не послушал его и пошел в ладьях... Пришел к порогам и, так как нельзя было пройти через них, стал зимовать в Белобережьи. И был великий голод: по полугривне конская голова.

Весной (972 года) он пошел в пороги. Там напал на него печенежский князь Куря, убил Святослава, сделал чашу из его лба и пил из нее».

Таково единственное место, где старая болгарская столица Преслава фигурирует в Русских летописях в своем собственном виде и притом в союзе с Печенегами.

И вслед за тем Преслава исчезает со страниц летописей, и взамен «Переяславца» появляется Переяславль Киевский и Переяславль Залесский, около Владимира. Ни о каких боях с печенегами около них уже не говорится. Последний раз упоминает о них Новгородская летопись под 1016 годом, говоря:

«И побежал Святополк (сын Владимира Святого, принявший католичество) в Печене-

зи (т. е. в печную страну) между Чехами и Ля-
хами (чехами и поляками), никем не гоним, и
пропал окаянный, худо окончил свою жизнь,
как дым до сего дня».

Но и это последнее указание относит пече-
негов не на восток, а на запад в область Татр-
ских гор.

* * *

Посмотрим теперь и на другие загадочные,
якобы «неизвестно откуда пришедшие и
неизвестно куда ушедшие народности» на Ру-
си до крестовых походов. Поступая по общему
правилу, раньше, чем начать сличение и раз-
бор летописных сообщений, поищем их линг-
вистических следов в нашей современности.

Вот, например, хазары и аланы. Таких на-
званий теперь нет ни для одного существую-
щего народа, но напоминанием о них служат
конные войска: гусары и уланы, существовав-
шие и у нас вплоть до революции.

Гусары, — как я уже упоминал, — прежде
всего появились в Венгрии и упоминаются
там в 1458 году при короле Матвее Корвине
как конное ополчение, набранное по одному
из каждых двадцати дворян, а потом их заЕе-

ли Польша и многие другие страны. Это было чисто дворянское войско, отразившееся в карточной игре в названии козыри (созвучно с гусары и хазары), т.е. привилегированные карты[177].

Все это приводит нас к выводу, что хазары были не народ, а венгерские (или польские) конные войска.

То же самое можно сказать и об аланах. Уланы тоже конные войска, вооруженные кроме сабли и пикой, которые появились в Польше, и оттуда были заимствованы Австрией, Пруссией и Россией. А что же нам говорят о них?

— Уланы (т. е. аланы), — отвечают нам, — было кочевое племя сарматского (т. е. совершенно правильно — польского) происхождения.

Затем начинается уже хронологическая и географическая путаница:

«Скитались они (т. е. уланы) к северу от Кавказа (вместо Карпат) до реки Дона. В 375 году они были покорены гуннами (т. е. ханами-коганами-священниками), вторглись в 410 году в Испанию и слились с Португальцами,

так что теперь от них не осталось и следа».

Но мы видим, что этот след остался до сих пор.

Точно так же и о венгерских гусарах нам внушают под именем хазар или казар (откуда может быть и слово «казак»).

«Блуждали гусары-хазары, — говорят нам, — сначала (как и уланы-аланы) с VI века между Каспийским и Черным морями, потом завоевали провалившуюся после того сквозь землю Заволжскую Болгарию около Казани, и Киевское княжество на Днепре, и Крым. Поляне (т.е. *polonais* — поляки), северяне (правее их, около Смоленска по реке Десне), вятичи (т.е. не жители современной Вятской земли по реке Вятке, а какие-то исчезнувшие с лица земли в XIII веке без следа) и радимичи (т. е. современные белорусы, восточнее поляков) платили им дань».

Каким могучим войском были эти гусары, если смогли завладеть такой огромной областью — от Варшавы до Крыма и от Киева до Казани, не говоря уж о сомнительной Вятке! Но во всяком случае гусары или хазары были войско, а не народ, и его имя могло действи-

тельно распространиться на всю эту местность как общее название своеобразно вооруженных наездников всякой нации.

Возьмем теперь и летописную сторону Порусию (Поруссье). Лингвистические следы приводят нас прямо в Пруссию, первоначальное имя которой было Preussen, изменившееся потом в Боруссию. Отсюда, вероятно, происходит и имя Борис, т. е. Борусс или Порусс.

Но нам говорят, что это была местность на западном берегу Днепра между речонками Стугной и Росью, хотя Рось настолько низтожный приток Днепра, что скорее сама могла получить свое имя прямо от утренней росы. С несравненно большим правом можно сказать, что город Старая Русса, на южном берегу озера Ильменя к югу от Новгорода, является воспоминанием о бывшей в этом крае Старой Руси, сменившейся потом Новою, откуда и имя ее второго центра — Новый город.

Тогда большинство географических местностей, имена которых происходят от корня русый или русский, начинают соединяться в одну географическую область и, притом, действительно населенную русым народом, меж-

ду тем, как на Украине обитает уже черноволосое население.

Я, конечно, не игнорирую того, что толкователи сообщений наших летописей о походах князей в том виде, в каком они дошли до нас, указывают для Пороссии другое место, где и до сих пор течет река Рось, западный приток Днепра, впадающий у Канева, южнее Киева, считаемая за пережиток этого имени, распространявшегося на большую область.

Так, например, в апокрифическом поучении Мономаха, помещенном в Лаврентьевской летописи без указания года[178], мы читаем о городах Юрьеве, Торческе и Белом городе в связи с какими-то черными клобуками (иначе берендеями).

«Гнались (русские) за половцами сначала на Святославль, потом на Торческий город, потом на Гюргеу (Юрьев) и еще раз на той окестороне, у Красна, победили их и потом с Ростиславом палатки взяли у Варана (барона?)...»

А в Ипатьевской летописи, под 1159 годом:

«Половцы бежали от Бела-города на Гюргеу (Юрьев), и много их изловили берендеи (со-

юзники русских, иначе черные клобуки), и гюргеуцы, а иных потониди во Рои». И там же под 1162 годом:

«В то же лето много половцев пришло к Гюргеву и взяли много палаток по Роту (немецкое Красный). Черные же клобуки, все соединившись, ехали за ними и настигли на Роси, их много побили и отняли всех пленных».

Где бы мог быть город Юрьев? Барсов в своей «Географии первоначальной летописи» и в «Материалах для историко-географическо-го словаря Древней Руси» оставляет его без определения, Карамзин первый возвестил его утерянное местопребывание не иначе, как на течении Роси, притоке Днепра. Но Голубовский опровергает это (с. 142) и указывает на следы укрепления больше полукилометра в поперечнике, окруженное с трех сторон извилиною реки Ярута и болотом, а с четвертой земляным валом, где по народному преданью был город Соколов, а теперь деревня Соколовка. Но зачем бы Юрьеву переименоваться в Соколов или Соколовку?

Единственные города с именем, похожим

на Гюргево, — это Лифляндский Юрьев, иначе Дорпат или Дерпт, затем Юрьев к юго-востоку от Переяславля, на полпути от Москвы до Ярославля, и, наконец, Юрьев Поволжский, на Волге ниже Костромы, да еще, пожалуй, Гурьев на реке Урале, близ Каспийского моря.

Но о трех последних не может быть и речи. Единственный Юрьев, в который могли бы часто ходить половцы из Половецкого княжества, вероятно, еще не отделившегося от Польши, мог быть Лифляндский Юрьев, и тогда Торческий город мог быть современный Торопец. Обычно же его считают за город Таращу в Киевском округе или за село Торчицу около него, и на это есть основания.

Вот, например, в Ипатьевской летописи под 1169 годом сказано: «*Присоединить Володимеру (Мстиславовичу, Дорогобужскому, Волынскому князю) к своей волости (город) Торцьский со всем Поросьем*». А еще ранее, под 1163 годом, мы находим: «*Ростислав (Киевский) сотворил мир с Мстиславом (Волынским), возвратил ему города: Торцьский и Бельгород (считаемый за село Белгородку Киевской области), а за Тръполь (считаемый за се-*

ло Триполье) дал ему Канев (существующий и теперь на западном берегу Днепра ниже Киева)».

Из первого места видно, что Поросьем называлась также и область, где находится город Торьцкий, а из второго, что это было недалеко от Волыни. Однако, можно ли согласиться с мнением Голубовского, думавшего на основании статьи Ревякина[179], что город Торьцкий был у села Старых Безродич, у реки Стугны, притока Днепра, где на холме существуют остатки земляного вала и колодца? Не слишком ли это мелочно для летописных сообщений?

А что касается до реки Рота, то нельзя оставить без внимания, что это явно немецкое имя со значением «Красный». Это подтверждается и первой из трех приведенных нами цитат, где говорится, что русские «гнались за половцами на Юрьев и еще на той же стороне победили их у Красна». Не трудно видеть, что эта Мономахова «Красна» и есть ничто иное, как Рот (Roth) из третьей нашей летописной выписки. Значит, дело происходило в такой стране, где было смешанное русское и немец-

кое население, так что одна и та же речонка называлась жителями и Красная, и Roth.

Загадочен здесь и город Святославль в апокрифе, вставленном от имени Мономаха-Единоборца каким-то поздним копиистом в Лаврентьевский список. Не существует и город Карин, а город Халет считается за искажение имени Холои, так как в тех краях есть село Холонье.

Я считаю чрезвычайно опасным пользоваться этой явно много позднейшей апокрифической вставкой от имени князя Единоборца (Мономаха), где, по-видимому, собраны для смущения историков и архивистов воедино очень отдаленные города, к числу которых я причисляю и Иван-город.

«К над-днепровским городам Киевского княжества надо бы, кажется, прибавить, — говорит Максимович, — Иван-город, у которого в 1151 году стоял князь Изяслав со своими союзниками против Юрия... Отсюда пошли они на ночлег в Треполь, а из него в Киев. Очевидно, что Иван-город был ниже Треполя: по-моему, возле Рожищева, где и ныне находится гора Иван с старинным городищем»[180].

Но как бы это ни было очевидно, а все же единственный, и притом из древнейших поселений юго-западной России, это — местечко недалеко от Каменец-Подольска, т. е. уже в Галиции.

В общем же, не рискуя впасть в крупную ошибку, можно лишь сказать, что По-Росьем назывались у разных авторов разные области той длинной полосы, которая отделила первые русские княжества от западно-европейских государств, включая сюда и Пруссию и Волынь, Да и Украина стала называться Украиной не потому, что она была на южном краю Восточной Европы (ведь там на берегу Черного моря были еще Византийские и генуэзские колонии), а потому что она находилась на краю Русской колонизации в южные степи, т. е. была сначала тоже По-Россией (в том смысле, как мы говорим «Поволжье», т. е. вдоль Волги (и лишь потом стала называться Мало-Россией).

А что касается до Черных Клобуков — они же Берендеи, — о которых как союзниках русских князей говорит Ипатьевская летопись в период взятия крестоносцами Палестинского

Эль-Кудса (Иерусалима христиан), накануне взятия крестоносцами Царь-града, то вот что пишет о них Голубовский[181].

«Вся масса разных тюркских кочевых родов носила на Руси общее имя Черных Клобуков, т. е. Черных Шапок. Это название было общим для всех мелких племен, осевших на Руси»[182]. Так, в 1162 году у Рюрика были в войсках: Берендеи, Ковуи, Торки и Печенеги, а через несколько строк читаем:

«И начата просити Черные Клобуки у Мъстислава напередатъ соглядаев, чтоб узнать, велика ли рать».

В 1172 году у Мстислава были Торки и Берендеи, и сказано: *«Тории и Берендичи льстяху иму».* Об этом братья предупреждают его и говорят: *«а Черный Клобук нам лестит».*[183]

«Черные Клобуки» — это не более, как перевод тюркского выражения: «Кара-калпаки» или Кара-гулы[184] — черные шапки. Где же, в каких местностях можно указать поселения этих Черных Клобуков? Мы встречаем их на По-Росьи и в Переяславском княжестве. Есть несколько фактов, указывающих на пребывание их в городах. В конце XII столетия мы зна-

ем даже трех черноклобуцких князей, владевших городами в По-Росьи. Кунтувдей сначала сидел в Торческе, затем ему дан был город Торн на Роси (Торн в Пруссии?). Неизвестно, какие города принадлежали Чюрнаю и Кульдеюру, летопись их не называет. Это были, по-видимому, люди выдающиеся. Про Кунтувдея летописец говорит, что он *«бе мужь дерз и надобен в Руси»*. Его вместе с Кульдеюром мы видим в походе Игоря Святославича на Половцев к Хоролу в 1188 году.

Роль черноклобуцкого населения в истории Руси, особенно южной, весьма значительна. Оно принесло новый тюркский элемент на русскую землю, который с веками расплавился в славянстве и не мог не оказать влияния на славянское население в культурном отношении. Как на севере чистый славянский тип изменился под влиянием финским, так и на юге не могло пройти бесследно влияние тюрков, не могло не отразиться на последующих поколениях южно-русов. Не менее важное значение должно признать за черноклобуками в ходе событий на Руси и в борьбе ее с Половцами (с гетуэзцами по на-

шей локализации). Мы видели характер половецких набегов, видели, как быстры и неожиданны были их нападения, как неумолимы были их отряды во время вторжений и отступлений. Надо было выставить силу, равную им по качеству, и такая сила явилась служить Руси, не знавшей, куда спастись от своих сильных врагов половцев. Русь приобрела в Черных Клобуках легкое подвижное войско. Они были незаменимы, когда нужно было преследовать врага, уходившего с награбленной добычей. Так, когда Половцы ограбили По-Росье в 1155 году *«Василько с Берендеичами (которых Голубовский отождествляет с Черными Клобуками) настиг и избил их»*. В 1162 году Черные Клобуки нагнали Половцев на реке Роси и отняли пленных. В 1172 году Половцы ограбили города Полоный и Семьч. Наскоро была собрана погоня из ста человек Переяславцев и полутора тысяч Берендеев, настигла Половцев и отняла полон. Когда нужно было поразить врагов неожиданностью, застать их врасплох, тогда Черные Клобуки были незаменимы. Так в 1187 году они двинулись с князьями к Татинскому бро-

ду на Днепре. Спустя несколько времени Святослав и Рюрик послали Черных Клобуков на половецкие вежи за Днепр под начальством Романа Нездиловича, и экспедиция удалась, так как Черные Клобуки заранее проведали, что Половцы ушли на Дунай. Никто лучше их не мог разведывать о положении врага, никто ловчее не умел пробраться в неприятельский стан.

В отмщение за набеги половцев Черные Клобуки решили сами сделать наезд на Половецкие области. Лучшие из них собрались, поехали к Ростиславу в Торческ (?) и сказали ему:

«Этой зимой Половцы часто вас разоряют. Мы не знаем, подунайские они, что ли? Отец твой далеко, а к Святославу и не шлем: толку не будет, потому что сердит на нас за Кунтувдея.

Ростиславу понравилась мысль их. Он послал сказать Ростиславу Владимировичу:

— Брат, я хотел бы поехать на вежи половецкие, а отцы наши далеко, и других старших нет. Будем же мы с тобой за старших! Приезжай ко мне поскорей!

Соединившись с Черными Клобуками, они неожиданно явились у Протолчи, где захватили много стад и веж, которым некуда было спастись. Но Половцы быстро узнали о своем несчастье. Они не побоялись ледохода и вплавь переправились через Днепр (Дунай). Черные Клобуки врезались среди них, много взяли живых и много перебили. Попался тут в руки Черным Клобукам и половецкий князь, Кабан. Но они не повели его к Ростиславу, уладились с ним за выкуп и выпустили его. Осенью 1192 года Черные Клобуки снова стали подбивать Ростислава идти на половцев, но Рюрик не пустил. Тогда Святослав решил сам наказать половцев за их набеги, со времени которых прошло уже года полтора. Он с Черными Клобуками двинулся к Днепру».

Такова официальная русская версия о «Черных Клобуках», якобы явившихся с востока в приднепровский край за несколько десятков лет до основания крестоносцами в 1204 году Латинской империи и исчезнувших в момент ее образования в 1204 году.

Но вот и западническая версия, которую, к

сожалению, никто еще не сопоставлял с нашей восточною. Как раз в то самое время, в XI веке, когда только что описанные «Черные Клобуки» боролись при помощи русских православных князей с половцами, в Византии происходило такое же черно-клобукское движение, но только не с востока, а изнутри. Вот как характеризуют его Лависс и Рамбо в своей книге «Эпоха крестовых походов»[185].

«Монахи (в Византии, в XII веке) составили вооруженные шайки и бродили по Македонии, Пелопоннесу и островам Ионического моря. Они вели религиозную пропаганду на свой лад, поддерживали „священную войну“ против туземцев, язычников или манихеев и проповедовали священную войну против латинян. Тщетно монах Христодул писал от имени папы (1100-1188 году), тщетно в последней своей новелле о церковных выборах напоминали им каноны, относящиеся к монахам, которые бродят по селам и городам. Напрасно Евстафий Фессалоникийский в царствование Алексея II приказывал им вернуться в их кельи и приводил им в пример святых монахов Византии и островов Пропонтиды.

Одна только Евстафия показывает, что эти бродячие шайки сделались для областей настоящей „египетской казнью“. Эти люди в черной одежде (меланхлены), вооруженные луками и железными палицами, сидя на арабских скакунах, с соколами в руке и лютыми псами впереди, охотились на людей и неслись по стране как „настоящие демоны“. Они убивали всякого, кого подозревали в приверженности к язычеству или (католической) ереси, особенно же тех, чьи земли прилегали к их владениям. Они грабили и порабощали крестьян. Они выставляли напоказ свое презрение к (католическим) священникам и особенно епископам, называли последних „папцами“, поносили их в глазах народа как бесполезных людей, грабили или присваивали себе их поместья. Они надували простаков, чтобы овлаих ложными чудесами и видениями. Вскоре они начали принимать в свои шайки бродяг, ткачей, матросов, портных, медников, нищих, воров, даже святотатцев и отлученных, и распространялись по областям, как „черные тучи“. Мы не знаем, когда прекратились грабежи этих шаек, руководи-

мых аббатами. Таким образом в церкви, как и в империи, наряду с крайней утонченностью господствует крайнее варварство».

Так пишут Лавис и Рамбо.

Но не являются ли эти византийские монахи, носящие на своих головах и до сих пор «Черные клобуки», зеркальным отражением наших летописных Черных клобуков и нужно ли нам ходить к Каспийскому морю, чтоб приглашать их в Киевскую Русь XII века из Азии, чтоб затем отправить их в тартарары при основании Латинской империи, когда и русские князья, очевидно, перешли к католицизму и ездили в «Татры» для утверждения в своих правах на княжение?

Читатель видит сам, как важно сопоставлять показания русских летописей с историей Крестовых походов!

Глава V. Униатские связи украинских и русских князей до Романовской династии. Униатские имена их до падения Латинской Империи на греческо-славянском востоке. Резкий переход к греческим именам после этого события. Языческие прозвища

простонародья

Вот передо мной книжка Н. Головина «Родословная роспись потомков великого князя Рюрика». Издана она в Москве в 1851 году, а составлена по различным генеологическим записям русской знати и по старинным летописям. В ней насчитано 22 поколения от Рюрика (862-879 году) до «князя-кесаря» Федора Георгиевича Ромодановского, умершего в 1717 году.

Разделив промежуток (855 лет) на эти 22 поколения, мы и получаем для каждого из них, в среднем, 39 лет, что хотя и много, но не представляется особенно невероятным, так как тут взяты не одни первенцы, а смесь всех детей, рожденных в семье. Смена первенцев получится лишь в том случае, если начав с Рюрика, мы возьмем в двадцать втором поколении самого раннего представителя, каким в данной «росписи» является Иоанн Иоанович Рязанский[186], отмеченный 1521 годом.

Однако, разделив протекшие за это время 659 лет на 22 поколения, мы все же получаем на каждую смену перворожденцев целых 30 лет, что дает достижение ими половой зрелости

сти не ранее как в 25 лет, что слишком поздно.

Отсюда ясно, что родословия русской знати (по которым Головин составил свою книгу) — фантастичны, если считать происхождение его князей действительно «от Рюрика-Нормана».

Почти то же выходит, если мы попробуем считать их и от современника четвертого крестового похода Рюрика Ростиславовича [187], взявшего Киев в 1205 году, через год после захвата Царь-Града крестоносцами. Считая его, как делает Голицын (и его первоисточники), в 10-м поколении от «Рюрика-Нормана» и разделив 316 лет, протекших от него до того же князя Иоанна Иоанновича Рязанского, мы получим для остающихся 12 первожденных поколений среднюю продолжительность 26 лет, что дает для достижения половой зрелости тоже слишком поздний возраст (после 20 лет). Фантастичность родословной русских князей в этих пределах подтверждается и отдельными «родами». Так, от Андрея Федоровича Стародубского (№ 403), помещенного 1380 годом, до его прямого потомка

Федора Георгиевича Ромодановского, «князя-кесаря», умершего в 1717 году, прошло 387 лет и десять поколений, на каждого почти 39 лет, что дает половую зрелость 30 лет от роду.

Однако, несмотря на эту фантастичность русских аристократических родословных, наиболее видные «предки» нахватааны для них или из летописей, или из отдельных исторических сказаний и потому дают нам действительно записи старинных историков и летописцев. С такой точки зрения они интересны и для нас при ответе на вопрос: какими были (или считались) в летописный период русской истории семейные связи русских князей? Ведь если бы эти князья были христианами византийской церкви, окончательно отделившейся от римской еще в 1054 году (после чего в 1095 году на Пичченском и Клермонском соборах паписты уже проповедывали крестовый поход на восток против неверных, к которым, как показала сама история, относились и все византисты), то брачные связи русских князей были часты с единоверными гречанками, а не с еретичками-католичками. Ведь не женились же на польках,

шведках, французенках, англичанках и немках московские цари до Петра I, который за любовь к иностранцам и был объявлен чуть не антирхистом.

А что же мы видим в действительности? В родословиях Головина, вообще говоря, не показано княжеских жен и дочерей, а из показанных огромная часть жен оказывается католичками, а дочерей — в замужестве за католиками.

Вот некоторые из его сообщений, выписываю их по номерам книги Головина:

XI век.

№ 6. — У Владимира Святого (977-1015) были три жены иностранки: 1) Рогнеда (Горислава) дочь половецкого князя Рогвольда (ум. в 1000 году), 2) Мальфрида, родом из Богемии, ум. в 1000 году и 3) Анна, внучка византийского императора Константина Багрянородного (ум. 1011 году). А дочь его Доброгнева (Мария) Владимировна вышла в 1043 году за польского короля Казимира I.

№ 28. — а) Киевский великий князь Ярослав Владимирович (1054) был женат на Индигерде, дочери шведского коро-

ля, б) Сын его Игорь Ярославич был женат на графине орланидской Кунигунде, в) Дочь его Елизавета Ярославовна вышла замуж в 1045 году за Гаральда, короля норвежского, г) Вторая дочь его Анна (Агнесса) Ярославна вышла в 1048 году замуж за французского короля Генриха I, д) Третья дочь его Агмунда (Анастасия) вышла (будто бы!) замуж за венгерского короля Андрея I.

№ 27. — (Продолжено далее для краткости без «будто бы»). Сын его, смоленский князь Вячеслав Ярославович (1038-1057) был женат на Оде — дочери Леопольда, графа штаденского.

№ 41. — Евпраксия Всеволодовна, дочь Киевского великого князя Всеволода Ярославовича (1030-1093 гг.), вышла замуж сначала за марк-графа штаденского, а потом в 1069 году за германского императора Генриха IV (1056-1106), с которым развелась в 1095 году, б) А сам Всеволод Ярославич (ум. в 1112 году) был сначала женат на греческой царевне, имя которой неизвестно, а потом на некоей «Анне», умершей в 1111 году.

№ 34. а) Евпраксия Изяславовна, дочь

Киевского великого князя Изяслава Ярославовича (1024-1078) вышла замуж за польского короля Болеслава, б) А сам Изяслав Ярославович был женат на сестре Казимира, короля польского (имя ее неизвестно).

Мы видим, что родство русских властелинов XI века было не менее международно, чем у потомков Екатерины II, и почти все иностранные браки были с католичками или католиками. Но при тогдашних путях сообщения это представляется немислимым, а потому и браки такого рода могли происходить лишь позднее во время крестовых походов и при условии, что пришедшие из разных стран рыцари считались основателями русских княжеств или единоверцами уже существовавших русских князей.

XII век.

№ 173. — Верхуслава Всеволодовна, дочь новгородского князя Всеволода (Гавриила) Мстиславовича (ум. 1138 году), вышла замуж за польского князя (имя неизвестно).

№ 326. — Анастасия Всеволодовна, правнучка киевского великого князя

Мстислава Изяславовича (ум. 1170 году), вышла за Мазовского князя Болеслава Конрадовича.

№ 153. — Мария Казимировна, дочь польского короля Казимира (ум. 1179 году), вышла замуж за киевского князя Всеволода Святославовича Черного (ум. 1215 году).

№ 148. — Мальфрида Георгиевна, дочь туровского князя князя Георгия Ярославовича, вышла в 1165 году замуж за сына луцкого князя Всеволода Ярославовича.

№ 141. — Улена Ростиславовна, дочь перемышльского князя Ростислава Владимировича (ум. в 1126 году) вышла в 1160 году замуж за польского герцога Болеслава IV Кудрявого.

№ 128. — Дочь Шворка, чешского князя (ум. в 1206 году), Мария вышла замуж за владимирского великого князя Всеволода, Большое гнездо.

№ 77 и 117. Мстислав Владимирович (1076-1132), сын Владимира Мономаха, был женат на Христине, дочери шведского короля Инга Стенкильсона (ум. 1122 году). Первая дочь его Мальфрида Мстиславовна сначала вышла замуж

за норвежского короля Сигурда, потом за датского короля Эрика Эдмунда. Вторая — за венгерского короля Гезу, и еще две дочери его, неизвестные по именам, вышли замуж: одна за датского (Оботритского) короля Канута Святого (ум. 1086 году), а другая за Алексея, сына византийского императора Иоанна.

Такое разностороннее иностранное родство было бы немислимо, если бы мы не приняли во внимание, что оно как раз произошло во время первого крестового похода. Но в таком случае пришлось бы допустить, что этот поход простирался и на Киевское княжество, и что в Киеве тогда не признавали отделения восточной церкви от римской, хотя греки и проклинали ее еще за тридцать или сорок лет до того времени, в 1054 году

Но пойдем далее:

№ 102. — Дочь киевского великого князя Всеволода Олеговича — Звенислава Всеволодовна вышла замуж в 1148 году за польского герцога Болеслава IV.

№ 81. — Первая дочь Владимира Мономаха — Евфимия вышла замуж в 1112

году за Венгерского короля Коломана.
б) Вторая дочь — Мария вышла замуж за царевича Леона, сына византийского императора Диогена (ум. в 1146 году),
в) А сам Владимир Мономах был женат (1058-1125) на Гиде — дочери английского короля Гарольда.

Опять такое широкое родство возможно было только во время крестовых походов при условии, что русские князья не признавали разделения церквей, провозглашенного еще в 1054 году, и были в унии с римской церковью.

№ 78. — Неизвестная по имени дочь половецкого князя Аэны вышла замуж за сына Владимира Мономаха, суздальского великого князя Георгия Владимировича Долгорукого (ум. 1157).

№ 77. — Христина Инговна, дочь шведского короля Инга Стенкильского, вышла замуж за сына Владимира Мономаха, киевского великого князя Мстислава Владимировича (1076-1132).

№ 59. — а) Сбыслава Святополковна, первая дочь киевского великого князя Святополка Изяславовича (ум. 1112 году), вышла замуж в 1102 году за польского короля Болеслава Кривоустого.

б) Предслава Святополковна, вторая его дочь, вышла в 1104 году замуж за венгерского королевича Лодислава, сына Коломана. в) А сам киевский князь Святополк Изяславович был женат на неизвестной по имени дочери половецкого князя Тутора.

XIII век.

№ 448. — Анна, дочь кипчакского хана Ногая, вышла замуж за смоленского (потом ярославского) князя Федора Ростиславовича Черного (ум. в 1299 году).

№ 324. — Констанция, дочь короля венгерского Селы, вышла замуж за галицкого князя Льва Даниловича (ум. в 1301 году).

№ 323. — Гертруда, дочь австрийского принца Фридриха, вышла замуж за галицкого короля Романа Даниловича (ум. в 1260 году).

№ 310, 265, 209. — Агриппина Ростиславовна, внучка черниговского князя Михаила Всеволодовича (ум. в 1246 году), вышла замуж за польского герцога Лешко Черного.

№ 291. — Елена Мстиславовна, дочь новгородского князя Мстислава Храб-

рого (ум. в 1228 году), вышла в 1226 году замуж за венгерского королевича Андрея.

№ 265. — Анна, дочь венгерского короля Белы IV, вышла замуж за черниговского князя Ростислава Михайловича (1249).

№ 266. — Александра, дочь полоцкого князя Брючислава, вышла в 1239 году замуж за Александра Невского.

№ 207. — Ефимия Глебовна, дочь туровского (минского) князя Мстислава Глебовича (ум. в 1239 году) вышла замуж за греческого царевича (имя его неизвестно).

XIV век.

№ 58(3)6. — Анна Святославовна, дочь Святослава Ивановича смоленского (ум. 1386), вышла замуж за литовского великого князя Витовта Кестутевича.

№ 517. — Мария Дмитриевна, дочь Дмитрия Ивановича Донского (ум. 1389 году), вышла замуж в 1394 году за литовского князя Лугвиния Ольгердовича.

№ 510. — Софья Витовтовна, дочь ве-

ликого князя литовского Витовта Кестутиевича, вышла в 1391 году за московского великого князя Василия Дмитриевича.

№ 485. — Анна Андреевна, дочь галицко-волынского князя Андрея Георгиевича (ум. в 1334 году), вышла замуж за литовского князя Любарга Гедиминовича. Другая дочь его вышла замуж за Тройдена, мазовецкого князя.

№ 452. — Кестутия Гедиминовна, дочь великого князя литовского, вышла замуж в 1375 году за тверского князя Ивана Михайловича (ум. в 1426 году).

№ 449. — Елена Ольгердовна, дочь великого князя Ольгерда Гедиминовича, вышла замуж за Владимира Андреевича Храброго (ум. в 1410 году), внука московского князя Ивана Калиты.

№ 396. — Юлиания Александровна, дочь тверского князя Александра Михайловича (ум. в 1389 году), вышла замуж в 1349 году за литовского князя Ольгерда Гедиминовича (ум. в 1392 году).

№ 387. — Августа Гедиминовна, дочь литовского великого князя Гедимина, вышла замуж за московского великого

князя Симеона Гордого (ум. в 1358 году).

№ 384. — Мария Ольгердовна, дочь литовского великого князя Ольгерда, вышла замуж за суздальского князя Бориса Константиновича (ум. в 1394).

№ 357. — Другая дочь литовского великого князя Ольгерда, Теодора, вышла замуж за карачевского князя Святослава Титовича (около 1370 года).

№ 348. — Мария Гедиминовна, дочь литовского великого князя Гедимина (ум. в 1349 году), вышла замуж за тверского князя Дмитрия Грозные Очи (ум. в 1326 году).

№ 342. — Агафия (Кончака) — сестра хана Узбека (ум. в 1318 году), вышла замуж за внука Александра Невского — Георгия Даниловича (ум. в 1325 году).

XV век.

№ 853. — Елена Ивановна, младшая дочь московского великого князя Ивана III, вышла замуж в 1494 году за польского короля Александра Казимировича.

№ 848.— Клена Степановна, дочь мол-

давского государя Стефана IV, вышла в 1488 году замуж за Ивана Ивановича Тверского.

№ 613. — а) Анна Васильевна, дочь Симеона Васильевича, сына московского великого князя Василия Дмитриевича (ум. в 1485 году), вышла замуж за греческого императора Иоанна Палеолога (ум. в 1417 году), б) Другая дочь его, Мария Васильевна, вышла замуж за литовского князя.

№ 723. — София Палеолог, дочь деспота Моройского, племянница Константина Палеолога, последнего византийского императора, в 1473 году вышла замуж за великого князя Ивана III.

Это был первый брак русских на принцессе гречанке, после разделения церквей в 1054 году, вместе с отказом Ивана III от унии с папой (в 1453 году Царь-град был взят турками). А вслед за тем и произошел второй брак с гречанкою:

№ 732. — Мария, дочь греческого царевича Андрея и племянница греческого императора Константина Палеолога, вышла замуж в 1483 году за верейского князя Василия Михайловича Удалого.

XVI век.

Я не перечисляю здесь позднейших браков русских князей с иностранками (причем их стали сначала перекрещивать в православную веру), а приведу только один случай, интересный с нашей точки зрения:

№ 853. — Евдокия Иоанновна, дочь московского великого князя Иоанна III, вышла в 1506 году за казанского царевича — татарина Петра Кайдакула, который был христианином.

№ 718. — И еще ранее того Анастасия Петровна, дочь царя казанского Петра (татарина-христианина), внучка Ивана И, вышла замуж за Василия Васильевича Шуйского (ок. 1450 года), сына суздальского князя Василия Георгиевича (1446 г.).

Но ведь из этого выходит, что казанские татары в XV веке, и даже в начале XVI века, были еще единоверцами русских князей и лишь потом приняли магометанство под влиянием наступавших турок. Припомним, что турки взяли Царь-Град в 1453 году, открыли этим себе путь на генуэзские колонии северного побережья Черного моря вплоть до Вол-

ги и по ней от Астрахани до Казани, распространя повсюду магометанство. А о прежнем униатстве русских князей говорят нам, кроме всего прочего, их собственные имена, совершенно отсутствующие в греческих святцах и признаваемые латинскою церковью только для славян.

Вот, например, киевские князья в хронологическом порядке:

Изяслав Ярославович 1054-1078 (19 лет)

Святослав Ярославович 1073-1076 (3 года)

Изяслав Ярославович (вторично) 1076-1078 (2 года)

Всеволод Ярославович 1078-1093 (15 лет)

Святополк Изяславович 1093-1113 (20 лет)

(Первый крестовый поход германцев и лотарингцев 1096-1100)

Владимир Всеволодович (Мономах) 1113-1125 (12 лет)

Мстислав Владимирович 1125-1132 (7 лет)

Ярослав Владимирович 1132-1139 (7 лет)

Всеволод Олегович 1139-1146 (7 лет)

(Второй крестовый поход (1144-1147) через Венгрию и Царь-Град (германцы и французы). Возведение в Руси нескольких феодальных княжеств. Основание Московского княжества в 1147 году).

Игорь Олегович (второй) 1146 (менее года)

Изяслав Мстиславович 1146-1154 (8 лет)

Юрий Владимирович (от латинского слова jus, juris) 1153-1157 (4 года)

(Возникновение Владимирского великого княжества).

Изяслав Давидович 1157-1159 (2 года)

(Основание Киево-Печерской Лавры 1159 год)

Ростислав Мстиславович 1159-1167 (8 лет)

Киевское Удельное княжество:

В 1169 году Андрей Боголюбский (1110-1174), сын суздальского князя Юрия Долгорукого и половецкой княжны, вместе с одиннадцатью князьями взял приступом Киев, разграбил его и перенес великокняжеский престол в Суздаль, а Киевское княжество сделал Удельным, и в нем княжили:

Владимир Мстиславович 1169-1172 (3 года).

Роман Мстиславович 1169-1172 (3 года).

Роман Ростиславович 1173-1177 (4 года).

В это время только и произошло отлучение магометан от Византийской церкви (в 1180 году) и, как ответ, занятие магометанами Иерусалима в 1187 году.

Святослав Всеволодович 1177-1195 (18 лет).

Наступает третий крестовый поход (1189-1193). Англичане, французы и германцы дошли при нем до Акры. Наступает четвертый крестовый поход (1202-1204), направленный на греческую церковь. Взятие крестоносцами Константинополя в 1202 году и разграбление ими в нем православных храмов. Взятие Рюриком Ростиславовичем (несомненно крестоносцем) Киева в 1203 году и такое же разграбление православных храмов через год после взятия крестоносцами Константинополя. Возникновение Латинской империи на Балканском полуострове и на греческом Архипеллаге от 1204 до 1261 года. В это время в Киеве княжили:

Рюрик Ростиславович 1194-1212 (18 лет).
Всеволод Святославович-Киевский 1212-1214 (2 года).

Мстислав Рюрикович 214-1224 (10 лет).

Владимир Рюрикович 1224-1240(16 лет).

В Венгерских Татрах в 1238 году водворяется для пропаганды католицизма среди славян «Орден Золотого Креста». В 1239 году Батый (т.е. по-русски Ватий, папист) берет Галич, Владимир-Волынский, Киев, Переяславль, при помощи татрского (Тевтонского) ордена татрской орды. Киевские князья исчезают со страниц истории. С 1320 года Киев принадлежит Литве; с 1569 года — Польше; с 1685 года — России.

Рассмотрим ономатику этих князей. Здесь 3 Святополка, 1 Ярослав, 5 Мстиславов, 1 Ростислав, 4 Изяслава, 2 Святополка, 3 Ярополка, 4 Владимира и 3 Всеволода: 26 славянских имен, тех же самых, какие теперь в употреблении у славянских униатов. А из остальных 2 Рюрика (Родерика?), 2 Игоря (Jager'a — охотника), 1 Роман (Римлянин), 1 Юрий (от jus, juris — Эрик), 1 Аскольд (Скальд), 1 Олег и одна Ольга. Тут нет ни одного греческого име-

ни, в то время как в Византии в это самое время царствовали две династии: Македонская и Комненов, и в них были 6 Алексеев, 4 Михаила, 4 Константина, 4 Иоанна и т. д., которым неизбежно подражали бы и Киевские князья, если б в то время на Руси было господство греческой, а не римской церкви и культуры.

Правда, что хронология здесь сомнительна. На промежутках от 913 по 1240 год здесь приходится 29 патриархальных царствований, на каждые 11-12 лет. Выбрав среди них понятную родовую связь от сына к отцу, имеем: Владимир Рюрикович, Рюрик Ростиславович, Ростислав Мстиславович, Мстислав Владимирович, Владимир Всеволодович, Всеволод Ярославович, Ярослав Владимирович, Владимир Святославович, Святослав Игоревич и Игорь Рюрикович. На промежутке от 913 по 1240 год мы здесь находим 10 поколений, на каждое по 33 года. Но даже считая, что при них (Рюрик Ростиславович, Ярослав Владимирович и Владимир Святославович) были не первенцами, а вторыми сыновьями, и, вычтя из суммы на каждого из них по этому поводу по целых 10 лет, мы получаем око-

до 30 лет, что дает слишком позднее достижение половой зрелости, не менее 25 лет от роду.

Но пусть даже этот последовательный список Киевских великих князей и растянут во времени (или даже совсем дистемпорирован), он все же рисует нам представления наших первоисточников о Киевском княжестве, как о возникшем первоначально под влиянием генуэзской и венецианской колонизации северных побережий Черного моря, с речными путями оттуда вверх по Днепру и Дону. А окончательно оформилось оно в «Великое Киевское Княжество» только во время четвертого крестового похода при Рюрике — не первом мифическом, а при втором (1195-1211 год), по-видимому реальном, и, судя по его имени, времени и делам униатом-крестоносцем, изгнавшим из Киева греческую партию духовенства. Но его княжество существовало недолго, и суверенитет перешел не север благодаря тому, что одновременно с крестовыми походами из Татров произошли такие же походы из Прибалтики. Они дали, прежде всего, начало Новгородской республике (устроен-

ной по аналогии с уже существовавшими Венецианскою, Генуэзскою и другими республиками того времени), католический характер которой легко определяется не только ее принадлежностью в XII веке к Ганзейскому союзу прибалтийских городов во главе с Любеком, но и тем, что даже в конце XV века Иоанн III, свергнув в Москве Татрское иго, приписывал своим походам на Новгород характер борьбы за православие.

Крестовые походы XIII века Ливонского и Тевтонского орденов с севера-запада привели к возникновению и самих Московского, Тверского, Ярославского, Владимирского и других северных княжеств, концентрировавшихся около возводимых крестоносцами укреплений. Великий (т. е. главенствующий) князь назначался Ханом (т. е. царем-священником, иначе папою) уже не в Киеве, а в разных северных городах для того, чтобы ни одно удельное (т. е. феодальное) княжество не могло сделаться политическим центром всех остальных. Но с окончанием Латинской империи суверенитет переходит к Московским великим князьям. Вот их последовательный

СПИСОК:

Таблица XII. Переменность русской великокняжеской столицы во время «татрского ига» и установка ее в Москве

Имя великого князя	Место-прибывание	Время	Продолжительность
Ярослав II Всеволодович	Город Владимир	1238-1246	8 лет
Святослав III Всеволодович	Город Владимир	1246-1248	2 года
Михаил II Ярославович	Город Владимир	1248	1/2 года
Андрей II Ярославович	Города Владимир и Суздаль	1249-1252	3 года

Александр Ярославич Невский	Из Новгорода во Владимир	1252-1263	11 лет
-----------------------------	--------------------------	-----------	--------

1261 — греки захватывают Царь-Град у крестоносцев

Ярослав III Ярославич	Город Владимир	1263-1272	9 лет
-----------------------	----------------	-----------	-------

Перемена ономатики русских великих князей со славянской на греческую

Имя великого князя	Место-прибывание	Время	Продолжительность
Василий I Ярославич	Кострома	1272-1276	4 года
Дмитрий I Ярославич	Переяславль Залесский	1276-1294	18 лет
Андрей III Александрович	Городец на Волге (Нижегородский)	1294-1303	9 лет

Михаил III Ярославович	Тверь	1305-1318	13 лет
Юрий, он же Георгий III Данилович	Москва	1319-1322	4 года
Дмитрий II Михайлович	Тверь	1322-1226	4 года
Александр II Михайлович	Тверь	1326-1328	2 года
Иван Данилович (Калита)	Москва	1328-1340	12 лет
Симеон Иванович (Гордый)	Москва	1340-1353	13 лет
Иван II Иванович	Москва	1353-1359	6 лет
Дмитрий III Константинович	Суздаль	1359-1363	3 года

Дмитрий IV Ивано- вич Дон- ской	Москва	1363-1389	26 лет
--	--------	-----------	--------

Воспитанный в Ордене (Орде) Дмитрий Донской в 1371 году получил от царя-священника (хана) ярлык (jarlich) на великокняжение и построил каменные кремлевские стены, но под влиянием основателя Троице-Сергиевой лавры (близь Москвы) монаха византиста Сергея Радонежского, предсказавшего ему близкое падение латинского «ига» и торжество греческого «православия», он отпал от Ордена и 8 сентября 1380 вместе с присоединившимися к нему Ростовским, Ярославским и Белоозерским князьями разбил войско ордена Мамайя (от слова Мама, как Батяй-Батый — от слова Батя) на Дону, на Куликовом поле, чем сильно пошатнул престиж католиков.

Василий II Дмит- риевич	Москва	1389-1425	36 лет
-------------------------------	--------	-----------	--------

Василий III Васильевич (Темный)	Москва	1425-1462	37 лет
---------------------------------	--------	-----------	--------

В 1453 году турки берут Царь-Град. Греческая знать и часть духовенства бегут в Москву.

Иван III Васильевич	Москва	1462-1505	43 года
---------------------	--------	-----------	---------

В 1470 году он отнимает у поляков и литовцев Новгород. В 1472 году женится на бежавшей греческой царевне Софии Палеолог и поддается греческому влиянию. В 1480 году отказывается платить дань Ордену. В 1505 году разбивает Петленбурга — магистра Ливонского ордена под Псковом. Конец «ига».

Василий IV Иванович	Москва	1505-1533	28 лет
Иван IV Васильевич (Грозный)	Москва	1533-1584	51 год

Борис Федорович Годунов	Москва	1598-1605	7 лет
Дмитрий V Иванович, младший сын Ивана Грозного	Москва	1605-1606	1 год

За попытку восстановить унию Дмитрий V был провозглашен самозванцем — Гришкой Отрепьевым — и убит. Под влиянием рассказов о том, что «самозванец сидел на русском троне» появляется ряд действительных самозванцев, желавших повторить его карьеру, вплоть до Пугачева.

Василий Иванович Шуйский	Москва	1606-1610	4 года
Междоцарствие		1610-1613	3 года
Михаил Федорович Романов	Москва	1613-1645	32 года

Алексей Михайлович	Москва	1645-1676	31 год
Федор II Алексеевич	Москва	1676-1682	6 лет
Двуцарствие Ивана и Петра I Алексеевича	Москва	1682-1689	7 лет
Петр I один	Москва	1689-1721	32 года

Петр I переносит в 1721 году столицу в Петербург, где и умирает в 1725 году
 Конец Московского царства.
 Начало русской империи.

Приводят в смущенье необыкновенно большая продолжительность царствования чередующихся в Москве Васильев и Иванов. Действительно, Василий II воцаряется в 1389 году, а Иван IV оканчивает свое царствование в 1584 году. Прошло 195 лет и всего лишь пять поколений, на каждое по 39 лет, что дает до-

стижение половой зрелости только в возрасте не менее 30 лет... Но как же это могло быть? Ведь в наличности пяти первопоколений (благодаря тому, что недочеты продолжительности царствования предков обязательно возмещаются избытком продолжительности потомков и наоборот) брачный возраст выявляется при пяти поколениях довольно точно.

Вот хотя бы аналогичное чередование четырех последних Николаев и Александров в династии Романовых. От 1825 года, когда воцарился Николай I, и до 1919, когда после Александра I и Александра II царствовал Николай II, прошло 94 года, разделив их на четыре поколения, получаем для каждого из них 23 года, что дает нормальный брачный возраст около 20 лет и половую зрелость лет в 16.

А как же у чередования пяти Московских Василиев и Иоаннов мы получаем достижение половой зрелости лишь в 30-летнем возрасте? Здесь что-то неладно или в хронологии, или в родословии.

Посмотрим теперь еще раз и на ономастику.

Последний великий князь со славянским именем — Ярослав III Ярославович (1263-1272) родился еще до обратного отнятия Царь-Града греками у крестоносцев в 1263 году. А с этого момента славянские имена русских князей прекращаются, что свидетельствует о перемене религии или культурного влияния со времени падения Латинской феодальной империи на греко-славянском Востоке. Взамен 3 киевских и владимирских Святославов, 4 Изяславов, 3 Мстиславов, 4 Владимиров, 3 Всеволодов и т. д., мы видим с этого времени до перенесения столицы в Петербург и до начала в нем новой русской культуры 5 Василиев, 5 Иванов, 5 Дмитриев, 2 Федора, да и остальные одиночки оказываются с греческими именами и притом с именами того самого периода. Мы видим, что Иоанн II в Москве воцарился через 12 лет после Иоанна VI в Царь-Граде и три года оба царствовали одновременно (1353/, 1354 и 1355 гг.), Иоанн III воцарился через 14 лет после смерти Иоанна VII в Царь-Граде, а родился и получил имя еще при его

жизни, очевидно, в его честь.

Андрей III Александрович воцарился и умер при греческом Андронике. Иоанн III Васильевич в Москве родился при греческом Иоанне Палеологе и тоже, вероятно, получил имя в честь его.

Сопоставив хронологически наиболее употребительное среди европейских властелинов имя Иоанн (иначе Иван, Ваня, Ян, Jean, Hans, Johann — Хуан, откуда и слово «хан», и китайское ван (граф) и имя династии Юаней).

Произношение этого имени Johan позволяет произвести его и от еврейского Ио-хан, т. е. божий священник, аналогично такому же производству многих еврейских имен (Иорам, Ио-сиф, Ио-аким и т.д.). И мне кажется теперь, что такое производство наиболее правдоподобно.

Я не привожу здесь времени начала и распространения среди еврейских властелинов других христианских имен, Василиев, Михайлов, Александров и т.д., а укажу лишь на то, что и они достоверны лишь со времени Крестовых походов, и по хронологическому сопоставлению между собою могут подтвердить

или опровергнуть сложившиеся к нашему времени представления о путях распространения культуры по старому свету.

Несравненно интересные выписки, сделанные для меня Н. Абрамовым из брошюры Чечулина в 1936 году и присланные мне из Москвы. Это все взято из разных архивных записей. Из современных исторических имен мы видим тут только имя Ярослава (да и то униатское, в 5-й выписке), а из других исторических имен только Мамаю, да Ермака (там же). А остальные старо-русские имена все: или названия животных: кобыла, кошка, кот, лисица, муха) или имена рек (Волга, Дунай, Печера (выписка 1), или нумерация рождения (Первый, Второй, Десятый, там же). Из церковных же только Дьяк, Крестина и Папа. А из греческих ни одного имени!

Но как же это могло быть в православной России? Взгляните только на «Приложение» к этой главе!

Ответ на это один: припомним церковный возглас: «оглашенные изыщите! Елици верные паки господу помолимся!» Значит, были два сорта христиан: «оглашенные», т. е. еще

не крещенные, и уже крещенные с греческими или латинскими именами (униаты).

Припомним, что почти все сельские церкви были построены помещиками (или помещицами) при их усадьбах трудом их крепостных крестьян. Значит, и крестить младенцев до того времени было негде и некому, они и вырастали и умирали под этими чисто русскими прозвищами.

Приложение к главе V. Выписки старорусских архивных имен по брошюре Че-чулина.

<i>1-ая выписка.</i>			
Балахна	Бесчасной	Косец	Богдана
Волга	Борзой	Крестьянин	Богданица
Дунай	Бурка	Лопарь	Голуба
Печора	Бурец	Любовник	Досадка
Стародуб	Белой	Мама	Духаня
Таруса	Беляй	Мамушка	Крестина
Суббота	Брежник	Мурза	Купава
Неделя	Владыко	Мурин	Некраса

Первый	Внук	Мещанин	Смиренка
Первушка	Воин	Нагой	Селинин
Одинец	Волынец	Овсяник	Скорняк
Второй	Ведун		
Вторышка	Горемыка	Пан	Сотник
Другая	Гость	Папа	Строй
Другиня	Дворянка	Персид	Татаринко
Третьяк	Диак	Плут	Товарищ
Четвертой	Друг	Подоленин	Уланко
Четвертая	Дурак	Посадник	Халдей
Пятой	Дедко	Посол	Хмелевик
Пятушка	Заика	Пошляк	(Хозяин)
Пятка	Инозем	Разгильдяй	Хохол
Шестой	Казак	Рыбник	Челядная
Шестак	Келарь	Рязанко	Черемысин
Семой	Кликун	Салтанко	Черкаско
Осмой	Колокольник	Сатанко	

Девятый	Косарь		
Девятко			
Десятый			

2-я выписка		3-я выписка	
Волокита	Всполох	Бровка	Голова
Докука	Жила	Губа	Желудок
Замятия	Злоба	Локоть	Рыло
Истома	Надежа	Чело	Башмак
Надей	Надеинко	Епанча	Кожух
Наседка	Неудача	Лапоть	Тулуп
Образец	Прибыток	Чуллок	
Совет	Суторьма		
Храп	Хребет		
Шарап	Щило		
Шишка	Щекотка		

4-я выписка			
Вындыш	Горох	Горчак	Дубрава
Елка	Калина	Капуста	Колос
Ракита	Редька (Редко)	Смороди- на	Хрен
Апора	Смага	Урзан	Шашляко

Барыга	Собина	Урюпа	Шабан
Вереляска	Седомко	Фай	Шибот
Верх (рша)	Созыка	Фат	Шагалея- ка
Дескиш	Сомей	Фиряк	Шигань
Детеля	Старко	Форан	Шипке
Жинай	Стехна	Фуник	Широпай
Жолюн	Сугоняй	Фурсик	Ширяй
Конарко	Сулейша	Ханя	Шишалко
Кравсторх	Сумарок	Хлюста	Шолоня
Кресняч- ко	Сумгур	Хобар	Щербак
Лучко	Сунбул	Хотко	Юмрак
Пшенко	Сура (ик)	Хотей	Юфан
Ратман(м ир)	Сурьян	Ципирка	Юхно
Ротпико	Сусар	Чача	Ярец
Рахма- нин(нко)	Сурейко	Черепень	Ярослав
Ремеско	Сыдавной	Чечуля	Яурило
Репчух	Танай	Чичан	Яхно
Розинко	Ташак	Чубар	

Рык (чко, уня)	Ташлык	Чур	
Савмун	Темир	Шавко	
Садык	Тенбяк	Шаврун	
Салтырь	Турсулов	Шага	
Самыка	Толока	Шалганко	
Сапрык	Торх	Шантей	
Свирид	Труфонко	Шах	
Северга	Турантай	Шебодца	
Сегит	Турляйко	Шедворка	
Селех	Тучко	Шелпьяк	
Свиюга	Тюмчень	Шемяка	
	Тютяй	Шепшил	
	Тыря	Шептяк	
	Урачко	Бык	

	Власон	Молчан	Ратай
Бобр	Безтужко	Мясоед	Рудак
Ворона	Волдырь	Мешай	Русак
Голубь	Ваула	Наделяй-ко	Русин
Горно-стай	Верещага	Найденко	Рюма

Дракон	Вешняк	Нашко	Савраско
Дрозд	Глазунко	Невзор	Свойтин
Дятел	Гневаш	Неведало	Севркж
Ерш	Годячко	Невера (верка)	Сивко
Жаворо- нок	Голочел	Негодяй- ко	Скок
Жук	Горяин	Неждан	Соня
Заяц	Грибан	Незамай- ка	Суворко
Калинка	Гуляй (ко)	Нехлюд	Сутырга
Кит	Добрик (ыня)	Некрас	Таскай
Китай	Докучай- ко	Нелид	Темка
Китайко	Домоткан	Нелюб	Томила
Кобыла	Дородка	Немир	Торопка
Козел	Дулебко	Ненаш	Труняйко
Коза	Ждан	Непогод	Угрюм
Кот (Кот- ко)	Завьялко	Неродна	Упрямко
Кошка	Загреба	Несвитой	Урван
Лисица	Звяга	Несмеян	Утеш

Муха	Караулко	Неупокой	Умак
Олушка	Каур	Неустрой	Хрипун
Рак	Ковачко	Навик	Чудилко
Рапсак	Кормилко	Пеняйко	Чурила
Рыба	Корноух	Поздейко	Шумилко
Сарыч	Коротай	Полежай- ко	Шумята
Сип	Кудряш	Поспел	Щелкан
Сипко	Лихарь	Постник	Щур (рка)
Собака	Лобан	Прыгало	
Соболь	Ломака	Путайко	
Сокол	Ломаш	Путило (тята)	
	Миряй	Пьянко	

Адаш	Вбисаба	Казарин	Лотыня
Алай	Венюк	Калитник	Лубна?
Алтух	Взрюма	Канша	Лукша
Аргун	Вильям	Киабрь	Лупанда
Ашурок	Волосьян	Кипр	Лустя, Лут
Ахмат	Воредко	Кирей	Ляпун
Бажек	Воропан	Кистена	Максан

Бакака	Ворохоб- ка	Кобяк	Мамай
Бакланко	Вылузга	Койряк	Макома
Бакулко	Глок	Колмак	Манко
Барсый	Голцик	Коптюк	Ман(т)сур
Басарга	Гридя	Конюта	Манша
Батута	Густиха	Коняшка	Меретин
Бауш	Дей (йко)	Корева	Мизин
Бахмет	Дербыш	Кохно	Мисюръ
Бахтеяр	Дерябка	Кочева	Мляк
Бачен(чи н, нко)	Дорша	Крячко	Монах
Баяко	Дробыш	Кубенко	Мурат (тко, шко)
Берсень	Дрыкан	Кудаш	Напрах- лишко
Бобан (ба- ха)	Душак (ан)	Кудеяр	Невданя
Бовыка	Джата	Курака	Неврюй
Бозай (зы- ка)	Ермак	Курап	Нерык
Бойда	Есух	Курбет	Обрюта
Борчач	Жегало	Курдюмко	Обрядка

Бужек	Жох	Курдяп	Овлюк
Булгак	Жуйко	Кушник	Озарко
Бунай (нко)	Зворыка	Лагута	Окат
Бурняко	Зуй	Лазук	Окул (ла)
Бурнаш	Ибодца	Лашун	Олгазей
Бутак	Иняка	Лещук	Омена
Белен	Исторка	Лизак	Онашка
Бешак	Ишута	Литовар	Онитка
Варанса	Кадорка	Лабза	Онцук
Вардамай		Ладыга	Опалша
			Охлопка
Великой	Серой	Брех	Кусок
Ветхой	Серик	Булат	Куча
Грязной	Теплой	Будатко	Лода
Грешной	Тихой	Варган	Лопата
Дешевой	Толстой	Ватага	Лужа
Дикой	Толстик	Верига	Май (Май-ко)
Домаш-ней	Тонкой	Вилка	Масло
Домашня	Тонко	Всячинка	Мороз
Здесьней	Хорошей	Гвоздь	Морозко

Зеленой	Худой	Гроза	Мочала
Золотой	Худяк	Гуща	Обрезок
Зубатой	Худышко	Деньги	Огарок
Кислой	Черной	Деревня	Оладья
Малый	Чернява	Дорожка	Опас
Малка	Чернат	Дружина	Орех
Меньшой	Чужой	Дубина	Охалка
Меньших	Чужаня	Жадоба	Палка
Малой	Широкой	Заворож- ня	Пороша
Милован- ко		Земля	Поярок
Недоброй		Иголлка	Прокуда
Нерезвой		Каша	Реут
Несвой		Кинжал	Рубец
Нехоро- шей		Кисель	Руно
Плохой		Клок	Салтык
Приезжей		Коврига	Серьга
Простой		Колышко	Смола
Рябой		Карманко	Сноп
Рябуха		Короб	Спица
Смирной		Крыло	Сусло

Смирка		Крюк	Тархан
Смиряйко		Кузюк	Типун
Сухой			Торг
			Труха
			Холод?

Часть третья. Сообщения наших соседей О Татаро-монгольском иге
Вступление. Кто такие были монголы времени крестовых походов?

Ничто не говорит нам более красноречиво о необходимости пересмотреть заново всю ортодоксальную историю государств вплоть до книгопечатной эры, чем современная «история татарского ига» или, вернее сказать, «история с татарским игом», превратившимся затем, как во сне, в «монгольское». Действительно, кто такие были тогдашние монголы? Казалось бы, даже и вопрос этот совершенно неуместен.

Взгляните на географическую карту и там, под Сибирью, вы увидите точно обрисованную в ее границах область «Монголия». Посмотрите в любой энциклопедический словарь, и там под буквой М вы найдете: «Монго-

лы — некогда воинственное племя, теперь мирные кочевники, занимающиеся охотой и скотоводством, разводя верблюдов, лошадей, рогатый скот». Они разделяются, — говорят нам далее, — на три ветви:

1. Калмыки, от турецкого слова «калмак», т.е. отсталый, иначе джунгары, причем слово джунгары чрезвычайно напоминает немецкое название венгерцев Гунгарами (Hungaren), хотя Джунгарией — не знаю, с каких пор, и называют (европейцы) местность к северо-западу от степи Гоби, между Тянь-Шанем и Алтаем, куда большинство «джунгаров» будто бы перекочевало, спасаясь от нетерпимости русских имперских властей из своего первоначального места жительства — Астраханской губернии (где раньше были генуэзские колонии) около 1700 года. Их основная монашеская религия — буддизм (т.е. пробуждение после смерти) и ламаизм (от «лама» — небесная мать) являются явным пере рождением католицизма с его культом мадонны.

Их язык, называемый обыкновенно чжунгарским или уйгурским (созвучное с венгер-

ским), обнаруживает в своей морфологии влияние турецкого языка, а алфавит его изобретен был только в 1648 году ученым ламою Зал-Пандита[188], после чего началась и своя национальная литература. Во всяком случае, они не называют себя монголами, и незначительность их числа, не превосходившего 600 тысяч человек даже в начале XX века, не указывает на их давность пребывания в этих краях. В Донской области они считались «казаками»[189].

2. Буряты — т. е. по-бурятски: братья (откуда в искажении ойраты) называют себя тем же именем, как и балканские славяне, называющие себя «братушками». Живут они наполовину оседло, наполовину кочевниками в Иркутской и Забайкальской областях, сохранив родовой строй до XX века, и говорят на своем наречии джунгарского языка. Судя по малочисленности (менее 300 тысяч) даже и в начале XX века, они перекочевали сюда уже в позднее время. Они большею частью православные христиане или буддисты (перерождение католичества). Не потомки ли они гонимых (после изгнания крестоносцев) генуэз-

цев и тевтонцев (Дешт-Кипчаков), бежавших с побережья Черного моря в глубину Азии и смешавшихся там с местным населением, усвоив его язык?

3. Кочевники степи Гоби, которую только мы называем Монголией, а китайцы называют Шамо[190].

Кто же и когда приписал бурятам и калмыкам имя монголов?

Судя по тому, что название Менгу созвучно с итальянским Магно, а название монголы — с греческим мегалы, причем оба слова значат: великие, мы можем заключить, что имя это навязано европейцами, перенесшими на местный азиатский народ прозвище крестоносцев. По-видимому, это сделал, как увидим далее, католический черногорский архиепископ Плано Карпини с целью перенести «татрское иго крестоносцев» на головы отдаленных кочевников средней Азии.

Сами востоковеды не могут удержать своего изумления по поводу азиатского извода «монгольского ига».

«Успех монгольского завоевания, — говорит А. Якубовский[191], — не мог быть, конеч-

но, обусловлен ни уровнем их общественного развития, ни численностью их войска (армии их противников были значительно многочисленнее), ни техникой вооружения».

«К сожалению, — продолжает он, — история Востока еще настолько молодая наука, и в ней так много невыясненного, что для некоторых эпох самые важные стороны общественной жизни остаются нетронутой почвой... Особенно не посчастливилось в этом отношении XII веку. В известном смысле это самая темная для нас область истории. Зная в больших подробностях организацию ремесленной промышленности в Западной Европе при феодализме в эпоху его разложения, мы пока, на данной ступени развития нашей науки о Востоке, не можем дать не только подробной, но даже общей картины ее на среднеазиатском и переднеазиатском Востоке. Первые наши известия о ремесленных организациях этих стран падают главным образом на XIV век, и лишь предполагается наличность их не только в XII-XIII веках, но и в более раннее время».

«В конце XII века, — говорит он, — на Во-

стоке стала определяться новая политическая сила — Хорезмское (созвучно с Хорасаном) государство, расположенное в области нижнего течения реки Аму-Дарьи. При хорезмшахе Такеше (1172-1200), который в 1194 году нанес поражение войскам сельджукского султана Западной Персии Торгула, оно стало независимым государством. При его преемнике Мухаммеде Хорезм-шахе (1200-1220) (т.е. уже как раз в разгаре четвертого крестового похода и генуэзско-венецианской колонизации Закавказья и Заазовья) почти все области Ирана и Средней Азии входят в новое и вместе с тем самое большое в то время государство на переднем Востоке, столицей которого сделался Ургенч (на южном берегу Аральского моря)».

«Однако хорезмское государство не имело твердой социальной базы, на которую могло бы опереться», — заканчивает автор свои размышления по этому поводу и не отвечает на неизбежный вопрос: как же в таком случае могло оно возникнуть без базы и не имея опоры в каком-либо другом могучем и культурном государстве, как это было в то же самое время с крестоносными феодальными госу-

дарствами в тех же самых местах?

«Монголы, выступавшие со своими отрядами в культурные области Средней Азии, — продолжает А. Ю. Якубовский[192], не отмечая, что это лишь догадка поставленных в тупик историков, — были хорошо осведомлены (кем же?) о наиболее слабых пунктах той или иной области, прекрасно (почему?) ориентировались в дорогах и т. д. Более того, благодаря постоянным торговым связям (которых даже и теперь нет между Западом и Востоком Азии через пустыню Гоби), эти кочевники оказались хорошо вооруженными и технически. Подробные рассказы об этих походах, которые мы имели у таких авторов XIII-XIV веков, как Джувейни и Рашид-эд-Дин, дают картину правильной осады ими городов с помощью катапульт и других метательных машин.

Нам хорошо известно (??), что при осаде Самарканда, Бухары, Мерва и других городов они употребляли особый вид горючих снарядов, в состав которых входила нефть (не иначе как из Баку!). Уже этот (такой похожий на библейское чудо!) факт технической снаря-

женности совершенно определенно говорит за то, что монголы-кочевники были достаточно увязаны с экономически сильными группами внутри тех стран, с которыми воевали, и с теми торговыми компаниями (вроде действовавших в то время по соседству венецианских и генуэзских, — прибавим мы от себя), которые держали в своих руках караванную торговлю...

Не следует преувеличивать численность монгольских отрядов. В этом отношении характерна осада г. Ходжента, где монголам было оказано сильное сопротивление. Как известно, монголов было всего 20 500 человек, остальные 50 000, принимавшие участие в осаде, были пленные. Будучи жителями завоеванных монголами городов и селений, пленные эти пропускались вперед (рискованное дело) в самые опасные при осаде места и служили для монгольского войска как бы щитом от оборонительных орудий осажденного города. Годы 1219-1221 ушли на завоевание Средней Азии, и в 1221 году оно было закончено. После тяжелой осады Самарканд, Бухара, Мерв и Ургенч, эти главные ремесленно-тор-

говые и политические центры страны, были взяты „монголами“. Монголы могли теперь чувствовать себя полными хозяевами.

Долгое время в исторической науке существовало неправильное мнение о характере и роли монгольского завоевания. Его изображали как варварское нашествие, затопившее в крови все население захваченных стран, видели в нем лишь одни разрушения и опустошения и на самих монголов смотрели только как на насильников, которые взимали различного рода поборы и дани. Описание восточных источников XIII-XIV веков: Иб-Асир, Джувейни, Рашид-эд-Дин и другие, — дают в этом отношении огромный материал. Особенно пострадали такие города, как Ургенч и Мерв. Последний был начисто уничтожен, более того, приведена в полную негодность оросительная система Мургаба, знаменитый Мервский оазис превращен в пустыню и более не возвращался к своему до-монгольскому цветущему состоянию, хотя в начале XV века при Шах-рухе[193] была сделана попытка вернуть к жизни оросительную систему в Мервском оазисе».

Так говорит А.Ю. Якубовский (с. 10), повторяя повествование указанных выше первоисточников. Но точно ли можно верить Рашид-эд-Дину и другим мусульманским авторам? Не проще ли допустить, что оросительная система Мервского оазиса и была сделана только по велению Шах-руха в XV веке, причем не оправдала своего назначения, и что бывшее ранее является мифом?

Ведь я уже не раз доказывал («Христос», кн. I—VII), что все «возрождения» вообще в действительности были зарождениями. Не так ли было и тут? За это говорят сами факты.

«Поразительно — отмечает А.Ю. Якубовский (с. 12), — та быстрота, с которой стали оправляться разрушенные города и вновь (?) оживать земледельческие районы. В ряде мест стали приводиться в порядок дороги, чиниться старые и строиться новые мосты. Вновь (?) ожила ремесленная промышленность городов, и еще с большим подъемом стала развиваться караванная торговля. Ряд фактов определенно говорят за то, что монгольская *(одновременная с крестоносной)* власть в первую очередь в своей политике

считалась с интересами того торгового капитала, который почти с самого начала связан был с ходом монгольского завоевания. Стоит только посмотреть на состав крупных монгольских чиновников, чтобы убедиться, какую роль играли там купцы. Мы их увидим и в роли сборщиков податей, и на постах заведующих финансами, и в роли дипломатических представителей и т. д. Более того, тогда они (как — отметим мы — и одновременно с ними венецианские и генуэзские купцы) фактически были почти полновластными правителями целых областей. В этом отношении очень характерна история Туркестана. Известно, что здесь до 1238 года, т. е. как раз в разгар крестоносного движения на Востоке, вся власть по управлению богатыми районами находилась в руках Махмуда (*т. е. в переводе: достославного*) Ялована, представителя крупного торгового дома, и потом в руках его сына Масуд-бека, который правил Туркестаном вплоть до самой смерти в 1282 году. Здесь мы имеем яркий пример того, как при развитых торгово-денежных отношениях в эпоху феодализма посылается для взимания поступ-

лений в ханскую казну во вновь завоеванные области не феодал-чиновник, а глава крупного торгового дома, откупивший право взимания феодальных сборов в свои руки. Уже перечисленного вполне достаточно, чтобы убедиться, насколько прочно была связана монгольская власть с богатыми кругами держателей караванной торговли.

Известно, что и сами верхи монгольского общества в лице ханов, членов их двора и военно-чиновной власти, игравших руководящую роль в политике, принимали (как в *это же время и вожди крестоносцев*) достаточное участие в торговых предприятиях. Вот почему, несмотря на казалось бы частные, военные столкновения в эту эпоху (*разгар четвертого крестового похода*), основной политический курс монгольской власти на всей территории вышеуказанных государств был направлен на создание благоприятных условий, при которых караванная торговля могла бы развиваться. Это прежде всего выражалось в том, что создана была полная безопасность торговых путей, что отмечается не только современниками (как *восточными писателя-*

ми, так и европейцами), особенно теми, кто сами принимали деятельное участие в торговых операциях с восточными странами. В этом отношении особенно интересно свидетельство Пегалотти, торгового агента, состоявшего на службе Флорентийского банка. Пегалотти отмечает полную безопасность пути на территории монгольских государств. Кроме того, создание больших государств привело к значительному снижению накладных расходов по транспортировке товаров из одной области в другую, что достигалось путем лишения ряда феодальных владений права взимать таможенные сборы.

Итак, торговый капитал на Востоке был той же общественной силой, с интересами которой монгольская власть чрезвычайно считалась, ибо извлекала из торговли большие доходы путем взимания с нее особых пошлин. Для правильного понимания роли монголов в истории XIII и XIV веков на Востоке необходимо отметить одно чрезвычайно важное обстоятельство, о котором уже говорилось. Движение монголов менее всего приходится рассматривать как колонизацию. Ос-

новная масса кочевников-монголов (как и *крестоносцев*) осталась у себя на родине. Передвинулись на новые места сравнительно небольшие военные отряды, исчисляемые десятками тысяч каждый из них. Таким образом, монголы легли сравнительно тонким слоем на завоеванные территории, в силу чего им естественно предстояло через определенное количество времени слиться с той массой, в среду которой они попали. В этом отношении особенно любопытно отметить судьбу монголов в составе Кипчацкой (*т. е. по-русски купеческой, иначе Дештской — Deuntsch 'ской — Тевтонской*) степи на территории Золотоордынского (*т. е. Золотоордынского*) государства. Вот что по этому поводу пишет арабский писатель первой половины XIV в. Омари:

„В древности это государство было страной Кипчаков-половцев, но когда им завладели татары, смешались и породнились с кипчаками, земля одержала верх над природными и расовыми качествами, и все они стали точно кипчаки, как будто одного с ними рода, оттого, что монголы поселились на земле кипча-

ков, вступили в браки с ними и остались жить на земле их“».

Я нарочно сделал эту выписку из книги талантливого специалиста в данной области А.Ю. Якубовского его собственными словами, причем только отметки курсивом в скобках принадлежат мне. А что же выходит? Очень интересная вещь.

Из одновременного пребывания на северных побережьях Черного и Азовского морей и кипчаков-половцев, т. е. купчаков-плавцов (потому что ни на каком языке, кроме русского, это имя не имеет смысла), и генуэзских купцов-мореплавателей, несомненно, что половцы, т. е. плавцы, было лишь русское название генуэзцев, завладевших беззащитными (по причине родового строя и отсутствия государственности) кочевьями и поселками этих мест.

По одновременности этих событий с крестовыми походами (первый из которых в XI веке доходил до Евфрата) и потому, что слово монголы есть греческое мегалы, т. е. великие, а это в старину применялось только к завоевателям и совершенно не подходит к мирным

патриархальным пастухам пустыни Гоби, мы приходим к выводу, что западно-европейские истории не дают нам истории крестовых походов в полном их размере. По каким-то причинам они укоротили движение крестоносных рыцарских и миссионерских орденов на европейский и азиатский Восток, доходившее на самом деле до Индии и Китая, и отнесли его восточную часть к деяниям призрачных «великих *μεγαλοι*» азиатских завоевателей, приписав им встречное движение, хотя о неизбежных при этом столкновениях крестоносцев с «монголами» в Азии не говорится нигде ни слова.

Перестановка эта произошла, по-видимому, уже давно.

Глава I. «Татрское нашествие» по армянским первоисточникам

Начну с армянской литературы, в которой сохранились еще следы былой действительности.

«Существует старинное армянское предание, — говорит К. П. Патканов в примечании к своему переводу „Истории монголов инока Мигакия“ (с. 57), — по которому армянский

патриарх Нарсос проклял армян за их беззакония и предсказал им нашествие „народа стрелков“». Этот же рассказ имеется и у Рубрика, но он приписывает его какому-то «пророку Акакрону», причем отмечает, что народ стрелков «пришел с севера»[194].

Само собой понятно, что тут под видом пророчества описывается уже свершившийся факт. Армянский архиепископ Стефан Орбелиани (или тот, кто писал под его именем), по-видимому, первый отождествил «стрелков» не только с татарами, но и с мугалами (от греческого мегалы — великие) и перенес их мифическую страну Чин-мачин «за пределы Хата-стана (т.е. страны Готов)»[195].

Интересно, что и название туркмены, у сирийцев торгоманы, созвучно со славянским торговцы, а место этих торгамян (библейских детей «Торгона» из страны агарянской) указывается в Скифии, т. е. к северу от Черного моря, где жили гетуэзские торговцы. Да и другое название тех же «стрелков», «мугалов» и «татаровей» тугарами можно превести от выражения ту-горцы, т. е. «по ту сторону горы», как допускает К.П. Патканов, сопоставляя ле-

генду о Тугарине-Змиевиче с легендой о Змее-Горыныче, и указывая (с. 58), что татары у армянских писателей называются также и мушками (т. е. мужиками), откуда и библейское их название Рош-мешек, т.е. Росс-мужик, в греческом переводе библии Рос-Мосох (Рос-Москович). А под Тугорской, т. е. Загорской страной можно предположить Забалканскую область, считая с юга.

В согласии с этим находится и судьба «монголов», после окончания крестовых походов: они исчезают одновременно с крестоносцами и торговыми (купчакскими) колониями генуэзцев и венецианцев.

Армянская литература об этом периоде невелика, но очень интересна с нашей точки зрения. Имеются заметки у инока Магакия в его рукописной «Истории Монголов», найденной в 1847 году в монастырской библиотеке на острове св. Лазаря в Венеции. Есть места и у доктора богословия Вардана Великого, умершего, — говорят нам, — в 1271 году, через десять лет после падения Латинской крестоносной империи на Востоке, хотя извлечения из него были изданы лишь в 1861 году в Петер-

бурге и в 1862 году в Венеции. Кроме того, мы имеем сообщения у Киракоса Гандеакского, умершего, — говорят нам, — в 1272 году и бывшего вместе с первыми двумя авторами учеником знаменитого у армян Иоанна Ванакана. Но и его рукопись была издана лишь в 1858 году в Москве и в 1865 году в Венеции. И затем нельзя не указать на маленькую заметку в книге от имени «Коннетабля (как прежде назывался по-французски маршал) Сембота», изданную впервые в Москве в 1856 году и в Париже в 1859 и на книгу, приписываемую Стефану Орбелиану, митрополиту Сюнийскому, изданную впервые в Париже в 1859 году и в Москве в 1861. Все эти сообщения переведены К. П. Паткановым на русский язык[196].

Мы видим прежде всего, что до половины XIX века все эти рукописи, подобно арабским, были неизвестны ни армянам, ни европейскому ученому миру, как и имена авторов. Только Орбелиани был знаком публике с конца XVIII века как автор «Истории княжеского рода Орбелиани», изданной в 1775 году под названием: «Дополнения к истории Армении и Грузии».

Исходя из обычной терминологии, Патканов дает по ним такую родословную властелинов «недолговременного монгольского царства», внезапно возникшего из небытия в момент основания Латинской крестоносной империи на Востоке и погрузившегося вместе с нею в небытие.

Часть приведенных тут названий явно европейские, например Джучи (итальянское Duce) — герцог, Орда — орден, Татар — татровец, Альчу — Олег, Конграда — Конрад, Кехату — кахетинец, Батю — Батя, Мангу — Магно, Барка — Борько, Такудар — Теодор и т.д., да и большинство других являются набором звуков, не имеющих никакого значения на турецком или татарском языках, т. е. навязана им иноземщиной.

Наиболее обстоятельное для нашего предмета сочинение Гандзакского (по позднейшему толкованию Елизаветпольского в Закавказьи) Киракоса (патриарха), который оканчивает свое повествование обрывом в 1266 году нашей эры, вслед за падением Латинской империи крестоносцев на Балканском полуострове. Мне кажется, что это лишь первая поло-

вина какой-то более длинной истории Армянского царства, оторванная от позднейшего повествования для того, чтоб приписать Киракосу. Вот как автор начинает ее IX главу:

«В 669 году (по нашему в 1220-1221) армянского летоисчисления, в то время, как грузины гордились победою, одержанною ими над Таджиками (северо-восточными иранцами-персами), у которых они отняли несколько армянских областей, внезапно появились громадные массы войск, снабженные всеми походными принадлежностями, и прошли через Дербентские ворота в Агванию, с целью проникнуть оттуда в Армению и Грузию. Они предавали мечу все, что встречалось им на пути: людей, скот, даже собак. Они не придавали никакой цены дорогим одеждам или другому имуществу, за исключением лошадей. Они быстро прошли до города Тифлиса, и снова (если поверить, что они пришли не из Трапезундской империи венецианцев) повертели в Агванию к пределам города Шамхора.

Им (т.е. татарам) предшествовала молва, что они маги (откуда может быть и их про-

звище мангу=монгол), исповедуют христианскую веру и творят чудеса; что они пришли отомстить таджикам (мусульманам) за угнетение христиан. Говорили, что у них есть походная церковь, в ней чудотворный крест, что пред этим крестом у них ставится мера ячменя, но из этой меры все войско берет ячмень для корма лошадей, и она не убавляется. Это же самое происходит у них с провиантом для продовольствия людей. Благодаря тому, что такая ложная молва распространилась повсеместно, жители тех местностей не принимали против них никаких мер предосторожностей. Один священник даже вышел к ним навстречу со своим приходом с крестами и хоругвями; но (явная вставка!) татары бросились на них с мечами и перерезали всех. Встречая таким образом повсюду верящее в них беззаботное население, они истребляли жителей, разоряли селения. Сами же, скрыв свои имущества в болотистых неприступных местах, называемых Багамедж (Богемия — Bohemen)».

Я обращаю, прежде всего, внимание читателя на нелепость этого сообщения с точки

зрения здравого смысла. Вот идут в якобы христианскую страну хорошо вооруженные отряды чужеземцев, впереди которых летит стоустая молва, что они «несут с собою крест» и хотят «отомстить» за угнетение христиан. Да и действительно, в это самое время, около 1221 года, крестоносцы «Дейтшского ордена» идут из Западной Европы, продвигаются через Богемию на Восток, опираясь на Латинскую феодальную империю, возникшую на Балканском полуострове, основанную в 1204 году, и одновременно с ними венецианцы основывают, как раз на Черноморском побережье Армении, Трапезундскую империю, которую игнорируют здесь эти армянские историки.

С точки зрения здравого смысла тут несметные конные пришельцы и были крестоносцы, а автор говорит, что они только притворялись ими!

Но разве можно притворяться христианами, явно избивая на своем пути христиан, а не защищая их? Конечно, это могло быть только в том случае, если пришедшие были папистами, а местные священники, которых

они избивали, были православными, находящимися в данный момент, как известно, в союзе с магометанами, против их общего врага — ватиканского папы. Но и в таком случае, после первого же избиения недоразумение раскрылось бы, и жители стали бы от них бежать. Очевидно, здесь последующее сделано предшествовавшим, и только уже потом, через несколько месяцев или лет, в населении, возмущенном поборами пришельцев, возникла догадка, что они самозванцы и не могут быть посланниками «доброто римского отца, наместника Христова», и население взбунтовалось против них.

Интересно, что такая именно концепция имеется у Одоакра Рейнольда в его книге «Продолжение летописи Барония». Там приведено письмо грузинской царицы Русоданы папе Григорию:

«Tartari, eruce precedente eos, intraverunt terram nostram et sic sub specie christianae religionis deceperunt nos et usque ad VI milia interfecerunt[197] de nostris. Sed postquam intelleximus eos non esse veros christianos, nos cum gratia vestra et auxilio sante cricis

insurreximus in eos et interfeci mus[198] de eis usque ad XXV milia equitum et fugovimus de finibus nostris, et ista adimplere mandatum vestrum factum eor legatum».

(Татары прад... крестом вошли в нашу землю, и под видом христианской религии обманули нас и совратили наших до 6 тысяч. Но после мы догадались, что они не настоящие христиане, и милостью вашею и с помощью святого креста взбунтовались против них и перебили из них до 25 тысяч всадников, а других выгнали из наших пределов и потому (потому что их выгнали) не могли исполнить ваш мандат, переданный через легата).

Действительно ли тут вышло: своя своих не познаша? Для меня это несомненно. Мне кажется, кроме того, что оригинал, разбираемый теперь нами книги Гандзакского Киракоса, писан не армянином и не по-армянски и по таким причинам.

Во всех датах у него пишется, как и в приведенном мною отрывке, что описываемое событие было «в 669 (или в каком другом) году армянского летоисчисления». Но ведь если б автор был армянин и писал для армян, то за-

чем ему было каждый раз напоминать свое армянство? Разве, посылая знакомым свои письма по-русски, мы отмечаем, что датируем их именно по русскому исчислению? Нам даже и в голову не приходит это. Другое дело, если б автор говорил, от какого события он считает (вроде Геджры или «сотворения мира» или «Рождества Христова»), тогда это еще имело бы смысл.

Почему он не отмечает, что в то время были на всем побережье Армении Венецианские колонии, возникшие в связи с крестовыми походами того времени, которые имели не только завоевательный и культуртрегерский, но и коммерческий характер?

Единственное место, допускающее у него математическую проверку, это сообщение, что Багдад, который он называет столицей Таджиков[199], был отнят у этих таджиков-мусульман предводителем татар Великим Гулавой, пощадившим в нем только христиан в 707 армянском году в первый день Великого поста в понедельник 20 Навасарда. Переведя это на юлианский счет по таблице, мы видим, что 20 число Навасарда 707 армянско-

го года было 4 февраля 1258 года юлианского счета и что день недели тогда был действительно понедельник, и великий пост начинался в 1258 году 4 февраля (пасха была 24 марта).

Вторая математическая проверка дает указание на комету. Она находится в самом конце книги.

«В 714 году (1265-1266), — говорит нам Гандзакский Киракос, — показалось явление на небе: на северной стороне видели звезду по направлению к юго-востоку. От нее шли длинные лучи наподобие столбов. Сама звезда была невелика и быстро двигалась в продолжение месяца, но не так, как обыкновенные кометы, которые по временам являются и идут с запада на север (неправда: они идут по всяким направлениям). Она испускала длинные лучи, которые со дня на день увеличивались и, наконец, исчезли. Тут вскоре скончался (благочестивый татарский царь) Гулаву, а за ним и жена его (благочестивая княгиня) Дохуа (Duchess). Место его занял сын его, Апага, в 714 (1265) году он женился на дочери греческого царя, княжне Деспине, кото-

рая прибыла с большим великолепием, в сопровождении патриарха антиохийского и епископов Тер-Сергиса из Евенга и доктора богословия Бенера. Они, — догадывается какой-то позднейший редактор, позабывший о христианстве Гулаву, — сначала окрестили Апага, после уже женили его на этой девице.

Пересматривая хронику комет в VI томе „Христа“, мы видим, что дело тут идет о комете, бывшей за два года до показанного здесь времени.

„26 июля 1264 года, — говорится в летописи Ше-Ке, — явилась комета в области Рака и в области Гидры. Ее видели вечером на северо-западе, и свет ее освещал небо. Она простиралась на 100 локтей в длину, и прошла через Большую Медведицу. Утром она была видима на северо-востоке в продолжение 40 дней“.

Нет сомнения, что и у Киракоса дело идет о ней: других комет не было между 1240 и 1277 годами. Но только каким же образом автор ошибся бы на два года, если, — как выходит по его словам, — он был очевидцем этой кометы? Наоборот, тут ясно, что он жил значительно позже описываемых им событий,

так как спутал год, да и вообще излагает факты тенденциозно, подводя их под заранее составленную схему, и часто наивно.

Действительно, мы уже видели (в начале этой главы), как „татары“, по его словам, представлялись христианами, будто бы избивали христиан, а здесь автор не желал признать татарского царя христианином от рождения, так, что „греки сначала окрестили Апага, а потом уже и повенчали с дочерью своего царя“.

А в дальнейшем у него проскальзывает еще целый ряд указаний на христианское происхождение татар с тенденциозным перенесением их родины в Монголию, хотя и самое имя монгол, по своему основному смыслу, значит по-арабски и монгольски не нация, а лоб и передовой отряд, и в таком смысле, как говорит Патканов, это слово употребляется у всех писателей „монгольского периода“, и в том числе и у армянских писателей[200].

Все эти обстоятельства, а также и цитированное выше мною письмо грузинской царицы Русоданы к папе Григорию с жалобой на „самозванных крестоносцев“ и с предложени-

ем участвовать вместе с ним против них в крестовом походе, очень напоминают мне крестьян-ходоков, приходивших из отдаленных провинций России к царю жаловаться на притеснения чиновников, особенно в пору сбора податей после уничтожения крепостного права.

„Царь,— ходила молва, которую усердно поддерживало сельское духовенство, — очень добрый и очень любит крестьян, но он далеко и потому не знает о ваших делах“.

А крестьяне делали из этого свой вывод: надо, значит, осведомлять царя (совсем как сделала царица Русодана перед папой!).

И вот, один за другим, с котомками за спиною — тогда еще не было железных дорог — шли тайные уполномоченные крестьяне к царю в Петербург, неся ему жалобы своих односельчан на его чиновников. Они становились перед царским дворцом в ожидании его выхода, чтоб броситься перед ним на колени и исполнить поручение. Но их, конечно, схватывали охранители царской особы и, прочитав жалобу на действия властей, вполне соответствовавшие царским директивам, посылали

ходака в Сибирь, а в его деревню отправляли следователя найти зачинщиков. Тогда появляется новая вариация крестьянских догадок:

„Злые чиновники и помещики, — говорили они, — окружили доброго царя, обманывают его насчет положения крестьян и не допускают к нему никого, кто мог бы рассказать ему правду“. Начались то там, то тут местные крестьянские бунты, жестоко подавлявшиеся. Всед за тем явились и самозванцы, приходившие к крестьянам из отдаленных провинций с грамотами от имени царя, писанными золотыми буквами, призывающие их к избиению помещиков и чиновников, но это редко удавалось, благодаря тому, что слух о „золотой грамоте“ доходил до местных властей ранее, чем поднимались крестьяне.

И вот, эта же самая картина вырисовалась перед моими глазами, когда я впервые прочел армянские сообщения о „монголах“, приходивших притеснять народы, называя себя „носителями креста“. Но они, конечно, не были самозванцы, а истинные посланники римского папы. Невозможность выхода их из пустыни Гоби и последующего исчезновения

уже отмечалась серьезными историками, но все они, показав такую невозможность, все же объявляли невозможное произошедшим.

Вот, например, хотя бы собственные слова Патканова в его предисловии ко второму выпуску „Истории монголов по армянским источникам“ [201].

„Выйдя из глубины Монголии в начале XIII века они в короткое время, с неизвестною ни до, ни после быстротою, завоевали чуть ли не все государства Азии и Европы до Вислы, покрыв их развалинами и оросив кровью жителей. Не прошло и двух веков, и те же Монголы частью сделались рабами поработенных ими народов, частью возвратились на родину и обратились в то же пастушеское состояние, из которого вывел их гений Чингиза“.

И вот, вместо того, чтоб сразу объявить басней такой извод монголов (т. е. по-арабски „передового отряда“) из пустыни Гоби, Патканов неожиданно делает такой вывод:

„Из сближения их кочевого военного дела с современным военным искусством пруссаков получаются весьма интересные результаты поразительного во многом между собой

сходства, причем поклоннику грубой силы невольно придется благоговейно преклониться пред гением варвара XIII века“.

Но это сближение Чингис-хана с Бисмарком не является ли лучшим опровержением восточного извода тартаров?

Вместо того, чтоб „благоговейно преклоняться перед гением“ Чингис-Хана, — отвечу я узбекскому автору, — не лучше ли, оставив в стороне благоговейное преклонение, как чувство, ослепляющее человека, воспользоваться его же собственным удачным сближением воинственности былых монголов с воинственностью позднейших германцев и сделать вывод, что „монгольское нашествие“ было ничто иное, как Дейтшский (т. е. Тевтонский) орден германцев?

Задавшись простым вопросом о физической невозможности чего-либо сообщаемого нам, мы прежде всего должны не благоговеть и почтительно преклоняться пред рассказчиками, а усвоить себе такое основное положение: **никакой кочевой народ не способен к массивным коллективным выступлениям, за исключением единственного случая:**

внезапной космической катастрофы, встряхнувшей и опустошившей всю страну, да и то лишь в том случае, если целая масса ее кочевого населения успели спастись. Но и тогда это человеческое наводнение только опустошило бы соседние страны (и не стало бы в них господствующим классом населения) вследствие своей малокультурности и неспособности к какой-либо государственности.

Представьте себе кочевую семью: не такую, которая существует ещё и сейчас и которая только на сезон выходит на кочевье, а затем возвращается в оседлое жилище, а первоначальную: сегодня она — здесь, а завтра — там. Как соберешь с нее налог для содержания общего властелина и его двора и войска? Ищи ветра в поле! Большими отрядами кочевники собираться не могут по тем же причинам, как и рогатый скот. Они быстро все съедят кругом и для собственного удобства должны будут разойтись в разные стороны по отдельным родам, никак не превышающим несколько сот человек. Чем меньше кочевой отряд, тем независимее он от общего коллек-

тива, и увеличивать этот коллектив свыше того, сколько нужно для собственных удобств и для защиты от зверей, никому не придет в голову. Суеверное чувство может, конечно, заставить и целую страну кочевников иметь какое-либо место общего пилигримства, обыкновенно связанное с действующим вулканом или с местом метеоритной катастрофы, и нести туда посильные дары для служителей проявляющегося там грозного бога. Это может повести к образованию там крупного и культурного поселка с возглавляющим его верховным священником вроде Далай-ламы в Тибете, но такой священник никогда не бросит своего спокойного алтаря для того, чтобы обратиться в полководца и вести войска в чужие страны. Да и принудит ли он одними угрозами идти за собою распыленное по степям и расплывчатое по природе своей кочевое население.

Кроме того, для отряда завоевателей необходимо каждый день есть и пить. А как это сделаешь в степях?

Принужденные останавливаться на таком щекотливом вопросе, сторонники воображае-

мых ими былых приходов степных завоевателей (теперь таких нет!) прибегают к жалкой уловке, говоря: питались собственными лошадьми, убивали одну за другой. Ну, а как же они их пополняли во время своих массовых набегов? Убивать своих лошадей было для них то же самое, как убивать самих себя, потому что всякий, оставшийся без лошади, уже не мог следовать за остальным конным войском и был обречен на гибель.

Нет ни малейшего сомнения, что в старое время все идущие на завоевания войска питались исключительно путем грабежа местного населения. Мне вспоминается рассказ моего друга по революционной деятельности семидесятых годов Сергея Кравчинского. В начале 1875 года в Боснии и Герцеговине вспыхнуло восстание против турок, и радикально настроенная русская учащая молодежь хлынула туда помогать „братушкам“, и в том числе Кравчинский. Я не попал в эту волну, потому что как раз перед этим был арестован. Через год меня освободили, и я высказал Кравчинскому свое огорчение, что не удалось принять участие в этом восстании вместе с ним.

— А я очень рад, что тебя там не было, — отвечает он мне. — Это было ужасно, совсем не то, что представлялось в воображении. Я пошел в отряд к одному из самых известных черногорских предводителей, и мы сейчас же ушли в горы подстергать турецкие войска. Но они не подходили, а нам нечего было есть. Мы спустились в ближайшую деревушку, а жители, когда мы им сказали, что мы повстанцы и просим, чтоб нас накормили, заговорили разом, что у них ничего нет. Однако, в это время пастухи пригнали в деревню стадо баранов, к ним побежал кто-то, и после нескольких его слов пастухи погнали стадо обратно. Наши черногорцы бросились за убегающим стадом, а все население деревни побежало за ними. Черногорцы схватили одного барана за рога, а подбежавшая женщина схватила его за хвост, с плачем крича: „Отдайте! это мой баран!“ Поднялись крики, плач женщин, драка, и только тогда, когда черногорцы вынули пистолеты и кинжалы, население отхлынуло, и нам удалось оттащить в горы нескольких баранов и накормить изголодавшихся товарищей. Через две

недели такой жизни я не мог более выносить ее и, воспользовавшись необходимостью передать в Сараево письмо от нашего отряда, ушел и больше не возвращался.

Таково же было, несомненно, и положение крестоносных „освободителей Армении от мусульманского ига“. С этой точки зрения становится понятно и то, почему и православные греки, которые в первые крестовые походы были соратниками западных рыцарей, стали их врагами во время IV крестового похода, а борьба папистов началась уже и с ними и окончилась изгнанием православных правителей из Царь-Града и основанием на Балканском полуострове Латинской империи.

Очевидно, и армяне этого же периода после некоторого времени сожителства с крестоносцами, питавшимися на их же счет, пришли наконец к заключению, что их прислал не наместник Христа — добрый римский папа, а сам черт. Армянские сказания об этом именно и важны для нас тем, что они сохранили еще много следов христианского происхождения „адских людей (тартаров)“, и пото-

му очень ценны для настоящего исследования.

Вот некоторые относящиеся к этому предмету места из „Всеобщей истории“ Вардана, умершего, — говорят нам, — еще в 1271 году [202], вскоре после изгнания крестоносцев из Царь-града.

„В 700 (т.е. в 1251) году великим папой римским (Иннокентием IV) был возбужден вопрос о „святом духе“. Он написал ко всем народам и предлагал им исповедать исхождение „Святого Духа“ от отца и от сына. На это не согласились сирийцы, греки, грузины и армяне. Эти последние, исследовав исповедание святых отцов через посредство близкого богу доктора богословия Вана-кана, нашли учение своей церкви тождественным с учением знаменитых славянских мужей — Афанасия Великого, Григория Богослова, Григория Нисского, Григория Просвятителя и других святых (т.е. присоединились к восточной церкви).

Старшая жена (великого „татарского“ царя Гулагу) была тоже христианка по учению Сирийцев, т.е. Несториан. Хотя она и не знала тонкостей их учения, но, подобно самому Гу-

лагу, нелицемерно любила и ласкала всех христиан и просила у них молитв. За нею и ее мужем возили повсюду походную церковь в виде палатки из холста, священники и дьяконы служили им обедню при звуке колоколов и пения; у них были и школы, в которых преподавали детям учение христианской церкви. Там же находили приют духовные лица разных христианских стран, пришедшие просить о мире, и удовлетворенные возвращались домой с подарками.

В 705 (1256) году умер Вату (Батый), великий властелин Севера, а сын его Сартак был отравлен своими братьями из зависти, потому что по велению Мангу-хана (т. е. великого Священника) к нему перешли все владения отца его, даже с прибавлением. Смерь Сартака сильно опечалила христиан, ибо он был совершенным христианином и часто был спасителем многих, обращая в христианскую веру людей своего народа и чужих.

В 707 (1258) году храбрый Гулагу взял у персов-мусульман Багдад на реке Тигре и собственноручно умертвил там мусульманского Халифа Муста-сара, а христиане, жившие в

Багдаде, не понесли вреда.

В 1708 (1259) году Гулагу отправился в Месопотамию и овладел всеми ее городами и областями, как о том подробно рассказано у историков Киракоса и Бани-кана. К нему пришел армянский патриарх-католикос, благословил его и был им обласкан. Во все время похода неотлучно находился при нем и наш армянский царь Гетум, освобождая христиан как духовных, так и мирян. Да воздаст ему господь сторицею, отпущением грехов и долголетием жизни ему и детям его, как он того пожелает!

В том же (1260) году было истреблено „татарское“ войско, оставленное великим Гулагу для охраны Шамской страны, под начальством Кит-буги, исповедывавшего тоже христианскую веру. Султан египетский напал на него у подошвы Фанорской горы и, пользуясь малочисленностью его отряда, разбил войско его наголову. Часть их была отведена в плен, а другая искала спасения в бегстве и явилась к армянскому царю, который оказал им большое человеколюбие. Снабженные одеждой, конями и продовольствием (как

тартары, так и христиане, одинаково ему благодарные), — вставляет какой-то последующий копиист, не желавший считать тартаров Христинами — воротились к своему государю. С тех пор имя Христово прославилось в лице Гетума между своими и чужими“.

И тут, на 1261 году, когда рухнула Латинская империя на Балканском полуострове и греки снова завладели Царь-Градом, кончается историческое повествование Вардана и прибавляется романтический рассказ о том, как он сам будто бы ездил на свидание к Великому Гулагу и вел с ним буквально воспроизведенные им в своем повествовании или, вернее, целиком сочиненные умные разговоры.

„Я призвал тебя, — закончил их Гулагу, — чтоб ты меня увидел и узнал и чтоб от всего сердца молился за меня.

Затем они пили (запрещенное мусульманам) вино, а братия (т. е. монахи) пропели церковный гимн и то же самое сделали приехавшие туда грузины, сирийцы и греки“[203].

Окончив это фантастическое место, где без помощи стенографии воспроизведен буквально

но длинный разговор (который я выпускаю), автор сообщает еще новую романтическую подробность и о самой своей рукописи.

„В эти дни (ок. 1265 году) рукопись моя вместе с моими служителями попала в руки разбойников за мои грехи. Люди мои, впрочем, освободились тот час же, а книга через полтора года была отвезена разбойниками в Тифлис на продажу и куплена в доме Мелера, одного из наших братьев. За эту милость, слава господу во всех его святых творениях, а покупателю ее просим милости у Христа“.

Насколько вероятны такие приключения рукописи, попавшей в руки безграмотных разбойников, привезенной ими в Тифлис и вернувшейся к автору в том же году, я представляю судить читателю, а у меня составилось такое впечатление: вся историческая часть „Истории Вардана“ представляет собой начало какой-то исторической книги, доведенной до более позднего времени, но оборванной на времени Вардана с прибавлением к ней его воображаемого разговора с Гулагу.

Перехожу теперь к характеристике татар в „Истории Монголов“ инока Магакия.

Я говорил уже, что сведения об этой рукописи были получены лишь в 1847 году, когда с нее была списана копия, хранящаяся в Азиатском музее нашей Академии наук. Магакий считается жившим уже позднее Вардана, так как упоминает о его смерти.

„Никаких биографических сведений о Магакий, — говорит Патканов в предисловии к этой книге[204], — мы не имеем. Знаем только из его рукописи, что он был иноком какого-то монастыря. Из некоторых мест текста можно заключить, что он получил свое образование под руководством Вана-хана, но если он и учился у Вана-хана, то судя по слогу его книги, учился плохо. Известно, что у армян с самого начала их литературы и до XVIII века включительно письменным языком считался один только, так называемый „древнелитературный“, „грабар“, а у Магакия мы встречаем любопытный образчик речи, подходящей очень близко к народному говору настоящего времени“.

Многие его формы, указываемые у Патканова[205], чужды древнелитературному языку и встречаются только в современных нам

наречиях. У него есть слова и выражения совсем недопущенные в армянский литературный язык, но услышанные теперь в разных говорах армян.

„Знатоку одного лишь древне-литературного армянского языка, — продолжает Патканов, — в книге Магакия будет понятен только общий смысл, а не частности и оттенки выражений. Его даже нельзя вполне понять при знании одного древне-литературного языка. Необходимо изучение разнообразных современных наречий вместе с массою чужих слов, постепенно наводнивших армянский язык и получивших в нем право гражданства. Поэтому для иностранца, даже хорошо знакомого с литературным армянским языком, текст Магакия представляет трудно одолимые затруднения“.

Казалось бы, уже одних этих фактов достаточно, чтоб усомниться в древности такой книги, но Патканов ограничивается лишь отметкой, что Магакий „плохо учился у Вана-хана“, и будто бы книга его доказывает вовсе не современность ее нам, а то, „как удивительно мало изменился народный язык в Армении за

последние 700 лет!“

Посмотрим теперь и на ее содержание[206]

„От Исава, сына Исаакова, произошли Исавиты, т. е. Скифы, черные, дикие, безобразные. От них родились Борсмиджи (?) и Лезгинны, обитающие в ущельях и в засадах и производящие много злодейства. Говорят, что Идумеяне, т. е. франки, тоже от него происходят. Из смеси трех родов: Агари, Кетуры и Исава, под влиянием зла возник безобразный народ Татары, что означает: острый и легкий(?).

От самих Татар[207] мы слышали, что они из своей туркестанской родины перешли в какую-то восточную страну, где они жили долгое время в степях, предаваясь разбою, но были очень бедны. Когда они были изнурены этой жалкой и бедственной жизнью, их осенил внезапно свет разума: **они призвали себе на помощь бога творца неба и земли и дали ему великий обет — пребывать вечно в исполнении его повелений** (т. е. дали орденское обязательство крестоносцев). Тогда, по велению бога, явился им ангел в виде златокрылого орла и, говоря на их языке, при-

звал к себе их начальника, которого звали Чангыз (Konigus?). Этот последний пошел и остановился перед ангело-орлом на расстоянии брошенной стрелы, и орел сообщил ему на их языке все повеления божьи.

Вот эти божественные законы, которые он им предписал и которые они на своем языке называют „ясак“: **любить друг друга; не прелюбодействовать; не лжесвидетельствовать; не предавать; почитать старых и нищих** (мы видим тут почти все евангельские заповеди), и если найдется между ними кто-либо, нарушающий эти заповеди, таковых предавать смерти.

Дав эти наставления, ангел назвал начальника „кааном“ [208], и он с тех пор стал называться Чангыз-Каан (Konigus-chan). И повелел ему ангел господствовать над многими областями и странами и множиться до безмерного числа. Так и случилось.

Когда этот безобразный и зверонравный народ узнал о том, что господь повелел ему властвовать на земле, то, собрав войско, пошел на персов и взял у них один город (1-й крестовый поход). Но персы, собрав силы, взя-

ли этот город назад и отняли у них еще и их собственный. Тогда „Татары“, сделав воззвание по всем местам, где жили их племена (ср. возвания римских пап при организации крестовых походов), бросились на персов, победили их и овладели их городом и всем имуществом.

Эти первые татары[209], которые появились в Верхней стране, не походили на людей, вид их был ужаснее всего, что можно выразить. Головы их были громадны как у буйволов; глаза узкие как у цыплят; нос короткий как у кошки; скулы выдающиеся как у собаки; поясница тонкая как у муравья; ноги короткие как у свиньи. Бороды у них вовсе не было (как у католических патеров и рыцарей). При львиной силе они имели голос более пронзительный, чем у орла, и появлялись там, где их вовсе не ожидали. Женщины их носили остроконечные шапки[210], покрытые парчевою вуалью (совсем как французские того времени), намазывали лицо румянами и белилами. Они рожали детей, как ехидны, и кормили их, как волчицы. Смертность у них была едва заметна, потому что

они жили до 300 лет (!) и хлеба не употребляли в пищу. Таковы были те татары, которые впервые появились в верхней стране“.

Мне кажется, читатель, что одного этого описания достаточно для того, чтоб отнести автора (инока Магакия) к такому времени, когда ясные воспоминания о татарах, впервые напавших на Грузию и Армению в разгар крестовых походов, уже исчезли в населении и деформировались в чудовищные образы. Но тем более интересны для нас некоторые пережитки прежней реальности, заключавшиеся в том, что завоеватели брились и что дамы их носили высокие головные уборы. Да и самое описание их кавалеров с головами как у буйволов, с глазами узкими как у цыплят, с носами как у кошки, ногами как у свиньи, и талиями как у муравья, — есть только явное карикатурное изображение рыцаря крестовых походов в полном вооружении. К таким же остаткам прежней реальности я отношу и три астрономические явления, описываемые „иноком Магакием“.

„Три военачальника татар, — говорит он, — вторглись в Агванию и Грузию и завое-

вали множество городов и крепостей. Первого звали Чорман, второго Бональ и третьего Муляр[211].

Тогда же появилась комета, держалась несколько дней и исчезла[212]. И в те же дни случилось солнечное затмение, продолжавшееся от 6 часов дня до 9 часов“.

Вардан относит это нашествие татар к 1225 году, но перед ним не было никакого нашествия комет. Ближайшая была комета 1222 года, видневшаяся с сентября по ноябрь в Весах и Скорпионе. А что касается до солнечного затмения „в те самые дни“, то такого не было ни в 1225, ни в 1222 году. За все время из солнечных затмений были видны только утреннее 13 мая 1221 года, да и утреннее же 28 декабря 1228 года. Не более точно описывается и вторая комета, упоминаемая „иноком“ Магакием.

„В те дни (т. е. перед смертью христианско-татарского благочестивого хана Гулагу) [213], — говорит он, — появилась полосатая звезда. Она показалась впервые утром в субботу, в праздник киота. Хвост и лучи ее увеличивались со дня на день. Сначала она появ-

лялась по утрам, а через несколько дней в полдень (?), и таким образом ежедневно замедляя свой восход, она стала показываться вечером в 11 часов. Лучи ее с востока доходили до середины нашей земли и до того размножились, что привели в ужас всех жителей, никто из них не видывал на земле ничего подобного. Увеличивая свои лучи в длину и ширину, звезда осталась в таком виде до начала зимних месяцев, а после того тем же путем постепенно стала уменьшаться в объеме так, что мало по малу свет ее лучей стал слабеть, и она перестала показываться.

Хан Гулагу тотчас понял, что появление звезды касалось его, и потому он пал ниц перед господом и поклонился ему. Страх его увеличился, когда свет лучей звезды стал ослабевать. Весь мир заметил, что лучи звезды удлиннились настолько, насколько простирались владения Гулагу. Достигнув этого предела, они стали ослабевать. Гулагу прожил после того только год и исчез с лица земли, оставив 30 сыновей. В том же году скончалась добродетельная его дама Тавус, и смерть их причинила великую скорбь всем христиа-

нам“.

По Киракосу, Гулагу умер в 1265 году, а в июле 1264 года действительно появилась огромная, простираясь на сто локтей, комета в Гидре. Ее видели сначала вечером на северо-западе, она прошла через Большую Медведицу и после этого была видна на востоке в продолжение 40 дней[214].

Но только каким же образом у „инока“ дан ее обратный ход по небу? Вместо первых ее появлений вечером он указывает их утром, а вместо последних появлений утром дает вечернее. Чем объяснить такое противоречие?

Мне кажется, тем же, чем и описание ужасной внешности татар. Он, очевидно, пользовался и Варданом, и Киракосом и, может быть, европейскими сведениями, но по неопытности в астрономии перепутал утро с вечером, так как этой кометы никогда не наблюдал. Да и вообще вся его книга полна противоречий. В своих общих рассуждениях он объявляет татар гонителями христиан, а в приводимых фактах описывает их защитниками тех же христиан от магометан. С нашей точки зрения, это объясняется тем, что запад-

но-европейские папские крестоносцы действительно преследовали греческое духовенство наравне с магометанами и покровительствовали насаждаемому вместо него римскому духовенству. Ведь это же самое делали они и на Балканском полуострове, и в Азии и нападали на православных даже с помощью примкнувших к унии армян и грузин[215].

„Великие и независимы грузинские князья, — говорит „инок“, — кто волей, кто неволей, сделались их данниками, и каждый с известным числом всадников, смотря по состоянию, вступал к ним в военное обязательство. С их-то (христианскою) помощью татары брали непокоренные города и крепости, разоряли, пленяли и беспощадно умертвляли мужчин и женщин, священников и монахов, вводили в рабство диаконов, без страха грабили христианские церкви и превосходные мощи святых мучеников; кресты же и святые книги бросали прочь, как нечто негодное, сняв с них дорогие украшения.

Как мне описать горе и бедствия этого времени? О чем говорить? О насильственном ли разлучении отцов и матерей с детьми; о поте-

ре ли имущества; о сожжении ли огнем прекрасных дворцов; об умерщвлении ли детей в объятиях матерей и уведении в плен босыми и нагими нежновоспитанных юношей и девиц?... Горе мне преходящему! Мне кажется, что все это свершилось за грехи мои!“

Здесь уже явная заведомая подделка под очевидца! Ведь и по фантастическому описанию затмений и комет, и по чудовищному изображению татар с головами как у буйволов, с глазами как у цыплят, скулами как у собак, и талиями как у муравьев, ясно, что они их никогда не видал. При чем же тут „мои грехи“?

„В это бедственное время, — продолжает инок Магакий, — блистал, как солнце на восточной земле, святой учитель наш Вана-кан, прозванный вторым Востоком, исполненный света и познания всеведущего святого духа. Не жалея трудов и забот, он безвозмездно раздавал духовную пищу, слово духовного учения, походя на небесного учителя Христа кропотью, смирением, молчанием, великодушием. Точно также и достойные ученики его: Вардан, Киракос, Аравел и Овсеп, разделив

между собою крестообразно восточную страну, просветили ее животворящим учением святого духа (т. е. проповедуя нахождение святого духа не только от бога-отца, но и от бога-сына?), внося всюду крестный жезл господний, следуя во всем славному учителю своему и исполняя повеление господя: „даром получили вы, даром и отдайте!“ Да дарует Христос-бог им жизнь во славу церкви своей на долгие времена! Аминь!“

Но это возможно согласовать с предшествующими строками о гонениях только допущением, что Вардан и его три сотрудника, как и татары, были папистами. Только так же можно объяснить и следующее за этим сообщение.

„В 688 году армянского счисления (1289 год) Багу-нуин, татарский представитель, собрал войско и с бесчисленным множеством пошел на город Карин (Эрзерум[216]). Через два месяца осады он взял его, беспощадно ограбил и разрушил этот богатый и прекрасный город. Татары обезлюдили монастыри и дивные церкви, уводя жителей в плен и разорив их. Князья армянские и грузинские в это

время приобрели (как их союзники) множество богослужебных книг, жития святых апостолов, пророков, деяния и писанные золотом евангелия, украшенные бесподобною роскошью, во славу и благолепие детей Нового Сиона, и увезли их в восточную страну, где наполнил ими свои (папистские) монастыри. Через год народ стрелков снова стал собирать войска, к которым присоединились также князья армянские и грузинские. С несметными силами они пошли на Румскую страну (на Турцию?) под предводительством Бачу-нуина, имевшего удачу в боях и постоянно поражавшего своих противников. Причиною этих побед были те же грузинские и армянские князья, которые, образуя передовые отряды, с сильным натиском бросались на неприятеля, и уже за ними татары пускали в дело свои луки и стрелы. Как только они вошли в Румскую землю, выступил против них султан Чиа-адан со 160000 человек.

При наступлении вечера бой стих, и оба войска расположились лагерем друг против друга, среди долин между Кари-яом-Эрзерумом и Езенгой. На рассвете следующего дня

татарские войска с армянскими и грузинскими дружинами снова собрались, чтоб напасть на силы мусульманского султана. Пустив лошадей во весь опор, они ринулись на лагерь, но не нашли в нем ничего кроме палаток, наполненных большим количеством продовольствия. У дверей палатки султана привязаны были дикие звери: тигр, лев, леопард. Что же касается самого султана, то он бежал ночью со всем своим войском.

Заметив его отсутствие, татары оставили для охраны палаток небольшой отряд, и, подозревая военную хитрость, со всеми силами бросились вслед за султаном, но никого не могли настичь, так как те успели уже укрыться в укреплениях своей страны. На другой день все с бодростью выступили в поход на завоевание румских (турецких) владений; взяли Езенгу, куда назначили своего шахана, взяли Кесарию, взяли Иконию и всю страну с ее великими селами и монастырями; пошли на Севастию, овладели ее посредством орудий, но не умертвили людей, а ограничились тем, что отняли их имущества, переписали всех жителей и наложили на них подати

по своему обыкновению“[217].

Но ведь это же, читатель, был настоящий крестовый поход татар, армян и грузин, и как раз в разгар четвертого крестового похода!

И вот еще характеристическая черта для усердного покровителя христиан татарского хана Гулагу:

„Он был сведущ, справедлив, умерщвлял только злых и врагов своих, а к добрым и благочестивым был милостив. Христиан он любил более других народов. В насмешку над магометанами, считающими свинью за нечистое животное, он отправил во все мусульманские города до 2000 свиней, приказав назначить им пастухов из магометан и мыть их каждую субботу (т. е. в день еврейского отдыха) мылом и кроме травы кормить миндалем и финиками. Сверх того он приказал казнить всякого таджика (перса), без различия состояния, если тот отказывался есть свинину. Вот такое уважение он оказывал магометанам! Так поступал Гулагу, желая сделать удовольствие армянским и грузинским князьям, которых он очень любил за их постоянную храбрость в битвах. Он называл их своими бо-

гатырями, а молодых и прекрасных детей их назначал в свою охранную стражу с правом носить лук и мечи. Они назывались Каситой, т. е. гвардией.

После того Гулагу начал восстанавливать разрушенные им места, т.е. вернее устраивать поселки, где их не было[218]. Для этой цели он приказал выставить рабочих из каждого населенного места, из малого по одному, из большого по два и по три человека и отправил их обстраивать разрушенные местности, в которых жители освобождались от всех податей, но обязывались поставлять хлеб и похлебку для путешествующих татар.

После того он приказал собрать по два человека из каждого десятка своих войск[219] и под предводительством Кит-бути отправил их на Алеппо и Дамаск (которые были тогда в руках магометан). Взяв Алеппо, татары беспощадно умертвили (магометанских) жителей города, часть их увели в неволю и набрали при этом много добычи. Сам Гулагу тайно следовал за войском. Узнав о взятии Алеппо, жители Дамаска сдали город и городские ключи лично Гулагу. В то время город Ерусалим и

святой гроб со времен султана Саладина находились во власти мусульман. Узнав о том, Гулагу пошел и на Иерусалим, взял его и, войдя в храм святого Воскресенья, поклонился святому гробу и возвратился в восточную страну.

Между тем татарский предводитель Китбугу, не принявший предосторожностей, зашел в неприятельскую землю на 10 дней пути ниже Иерусалима. Узнав о том, поганые и нечестивые египтяне с большими силами напали на его татар, частью истребили их, частью обратили в бегство, многих взяли в плен и вслед за тем отняли Иерусалим, Алеппо, Дамаск. Все это было совершено с помощью франкских рыцарей, которые в то время еще (??) не заключили союза с татарами. Так это случилось!“

И это вполне соответствует сообщениям западно-европейских историков. Вот хотя бы у Лавис-Рамбо (т. III, с. 882) читаем: „генерал, командовавший монгольской армией Найман Кит-бука, был христианин“ и, несмотря на это, тамплиеры и госпиталисты выступили против „монголов“ и убили их посольство» (Куглер. «История Крестовых походов», с. 404).

Выходит, что «монголами» назывались тевтонские рыцари, враждовавшие как сторонники германской империи с тамплиерами как сторонниками папы, соответственно гibelинам и гвельфам.

Перейдем теперь к характеристике татар и в другой армянской книге, в «Истории Стефана Орбелиана, сунийского митрополита» [220].

«Возбудил господь на Востоке (?), — говорит он, — в стране Чин и Мачин, за пределами Хадастана народ Стрелков, т.е. Мугалов [221], называемых простолюдинами татарами, народ без бога и религии, но соблюдавший естественные законы; ненавидевший грязные пороки и все гнусные деяния, благомыслящий друг к другу, усердный и покорный властителю своему; справедливый в своих суждениях и делах; нравом нищий и жадный к приобретению и потому грабивший и притеснявший другие народы; наружности красивой, но с лицом безволосым, как у женщин (очевидно потому, что рыцари и католические монахи брились); знакомый с христианской верой и ласкавший христиан, искус-

ный в метании стрел и изобретательный в делах, касавшихся войны. Но скоро, — поправляет автора переписчик, перемещая в начало то, что было уже в самом конце, — мугалы оставили свои родные нравы и покинули обычаи отцов. Они приняли учение Магомета, вследствие чего научились всем мерзостям и порокам и стали вести развратную жизнь.

Они разделились на три армии:

Первая направилась на северо-восток, в страну хазаров (венгерцев), сутагов (?), русских, черкесов (т. е. черкасских казаков на Дону) и болгар и забрала земли до пределов Алеманов (германцев) и Унгаров, т.е. франков (пояснение автора). Во главе этой армии стоял Бату-хан.

Другая армия, под предводительством Огата(Гата?)-хана, пошла по направлению Индии и покорила большую часть ее. Татары этого отряда подчинили себе Уйгуров, Угузов, Хоразмийцев, Далемиков, взяли Алмалех, Бешбалех и все земли, находившиеся в тех странах.

Наконец, третья армия, приняв направле-

ние посреди них, перешла великую реку Джанган, которую они на своем языке называют Аму-Моран (Аму-Дарья?). Войска этого отряда, подобно бурному вихрю, вторглись в нашу страну, подчинили себе в короткое время всю вселенную, попрали и опустошили все царства; взяли Хоросан и разрушили многолюдные города: Балх, Хра, Мавр, Нашавур, Туе и Дамган; завоевали Хужи-стан, Лори-стан, Персию, Курди-стан, Араби-стан, взяли Диарбек в Ассирии, Шустер, Кирман, Багдад, Басру до города Ормуза на Индийском море; покорили Азербайджан, Аран (Иран), Армению, Грузию и часть Румских (Малоазийских) владений до Анкары и Гангра (д.б. Кянкари), Смирну Ефесскую, Киликию до Океана и Транквеонт у Понтийского моря; овладели Шамом (Сирией), взяли Ургу, Харан и все пространства до Гама и Гамса.

Прежде других вторглись в нашу страну Чармаган, Чага-тай, Аслан, Асавур и Гатахан и завладели ею в 685 (1236) году. После их пришел Гулагу-хан[222], внук великого Чингис-хана, и покорил все, что ими еще не было завоевано. Он взял Багдад, где убил Халифа в

707 (1258) году, и взял Муфаргин в 708 (1259) году после годичной осады. Он проник до самого Иерусалима, взял Алеппо, (т.е. Верию), Дымышк, (т.е. Дамаск), Балбек, (т.е. Арег), великую Антиохию, которая сдалась добровольно, отнял Иерусалим у Египтян и повсюду выказывал подвиги личной храбрости. И так как очень любил христиан, то все верующие народы подчинялись ему добровольно и помогали ему в его предприятиях».

Мы видим, что тут описан первый Крестовый поход между 1096 и 1100 годами, но с опозданием хронологии на 160 лет, что могло легко произойти благодаря разнообразию тогдашних летоисчислений. Но далее хронология делается у автора более согласною с общепринятою у современных историков.

«Этот Гулагу, великий и благочестивый властитель, надежда и опора христиан, скончался в 713 (1264) году. В то же время почил и благословенная жена его, Дохуа (Duchess?), оба отравленные коварным Ходжа-Саибом. Знает бог, были ли в благочестии ниже Константина и матери его, Елены! Они царствовали 8 лет. Преемником его был сын его, Аба-

ка, муж кроткий, добрый, миролюбивый и расположенный к христианам. По 18-летнем царствовании, ознаменованном победами и благополучием, он умер в Гамиане в 731 (1282) году, отравленный кем-то».

Это было через 21 год после изгнания крестоносцев из Царь-Града греками, и вот мы читаем далее о результатах такой неудачи крестоносцев.

«После смерти Абака-хана в 731 (1282) году на ханский престол сел племянник его Такудар (Tangodor), который, назвав себя Ахматом, решился искоренить христианство и обратить всех в мусульманскую веру. Весною он с несметными силами выступил в Хорасан против Аргуна, сына Абака-хана, с целью умертвить этого христианского наследника престола. Он схватил его и привез с собой. Но христианский бог обратил к Аргуну сердца вельмож, которые в ту же ночь освободили его от оков и провозгласили царем, а Ахмата и приверженцев его предали мечу. Между сановниками Аргуна находился и царь грузинский, Деметра, которого полюбил Аргун и дал ему в управление всю Армению. Деметра радостно

воротился на родину, в сопровождении грузинских и армянских дворян и князей. Когда он достиг Шарура, к нему навстречу вышел (татарский представитель) Тарсаидж и почтил его великими почестями и царскими подарками... Сделавшись ата-бегом Армении Тарсаидж до того был милостив и сострадателен ко всем, что в селе Нетик на реке Гураздан во имя его воздвигли крест.

Но вскоре епископы, жившие в Татеве, побужденные завистью, успели посеять много раздоров и этим нанесли церкви много вреда... Тер-Степакос, армянский митрополит, сам отправился к великому властителю Аргуну, показал ему письмо армянского каталикоса, т. е. патриарха, и объяснил все обстоятельства дела. Тот с большим почетом принял его и в знак своего расположения приказал, по их обыкновению, написать ему ярлык, в котором утвердил за ним власть над всеми церквями, церковными владениями и епископами, дал ему от своего двора проводника и отправил его восвояси (но только кто же, кроме папы или его примаса, мог это сделать?)».

«Гулагу, — продолжает автор в главе 69-

й, — первый из народа стрелков (не иначе как крестоносцев!) процарствовал в нашей стране в течение 8 лет; после него старший сын его Апага — 18 лет; за ним Ах-мат, племянник Апага; а после него Аргун в течение 7 лет. Причиною его смерти была сильнолюбимая им наложница, которая отравила его в Муганской равнине, в день святого Феодора.

Военачальники и высшие сановники двора разделились на две партии: одни приглашали на престол Байто, родственника Аргуна, из Багдада; другие торопили приездом Кехату, брата Аргунова, бывшего в Румской стране (Малой Азии). Этот последний поспешил прибыть и занял ханский престол в 740 (1291) году. Он приказал приготовить диркемы и дакеканы из бумаги и снабдил их надписью и штемпелем, имея в виду вывести из употребления серебряные деньги, а вместо них ввести в торговлю бумажные. И это повеление было обнародовано во всех городах и со всею строгостью приведено в исполнение.

Однако на 5 году его царствования вспыхнул мятеж при его дворе. Заговорщики схватили Кегату и задушили, причем перебили и

всех его приверженцев. Затем они отправились на встречу Байто и с большой радостью провозгласили его ханом и царем над всеми странами, в долине Срав».

Является вопрос: где же это место Срав, которое не могло быть ничтожным, если в нем провозглашали царей? Специалисты, стоя на восточнической точке зрения, нашли город Сераб в Азербайджане, между Арде-билем и Танризом[223]. Но ведь Сераб то же самое слово, что и серб, а потому законен вопрос: не служит ли название остатком прежних представлений, что татары, христианство которых так подчеркивается у армянских писателей, пришли из Сербии?

Вот, например, что говорит автор в 70 главе: «Вскоре после возвращения нашего из Киликии мы отправились к властителю Аргуну и представились ему. Хан Аргун принял нас с большим почетом и любовью, так говорит Стефан Орбелиан, митрополит Сюнийский, автор этой истории (т. е. автор говорит в третьем лице сам о себе!). Он новой грамотой подтвердил за нами наши светские и церковные владения ... и приказал нам участвовать

в освобождении новой церкви, присланной ему римским папой. В это время находился при его дворе каталикос Нестор (едва ли такое имя было не у несториан) вместе с 12 епископами, и мы с их помощью освятили церковь. Сам Аргун собственноручно одевал нас в святительские облачения, покроей которых сам определил для каталикоса, для нас и для епископов. В то же время он с колоколом в руке обходил лагерь, звонил в него и благословлял всех (т.е. был посвящен в духовное звание). Вскоре после этого прибыл от того же папы епископ, окрестил младшего сына царя и назвал его Феодосием, татары же называли его Харбанда (Служитель осла, перепутав так арабское слово Ходабенде — служитель бога). Он принял нас с таким же почетом, как и брат его, и новою грамотою подтвердил наши права. По воцарении Газана мы представились и ему, и он принял нас с еще большим почетом, чем его предшественники. Он вдвойне подтвердил ту же грамоту и приказал нам носить перед ним крест в наших странствованиях. При этом он пожаловал нам золотую плитку в 1 1/2 четверти, на ко-

торой начертаны были имена бога, хана и несколько других слов».

Но вот дошли мы, наконец, и до такого момента, когда отрезанным от Рима зачерноморским католикам, благодаря отнятию греками Царь-Града у крестоносцев в 1261 году и победоносному наступлению турков, ничего не оставалось сделать, как отречься от победоносного Ватиканского бога и признать бога турок или греков или, наконец, провозгласить независимость своей национальной церкви.

В связи с этим, мы читаем у того же Стефана Орбелиана[224]:

«Между тем с наступлением осени прибыл (принявший магометанство) Газан из Хоросана со всеми хоросанскими войсками, называемыми каравунас (караваны) и выступил против христианина Байто, требуя у него уступки отцовского престола. Во главе хоросанских войск находились великий и благодетельный Хутлу-шах, т. е. „благодатный царь“ и непобедимый в битвах, хитрый мусульманин Навруз, имя которого в переводе значит: Новый год. В то время все (т. е. внуки

крестоносцев, смешавшиеся с местным населением и потерявшие связь с родиной) оставили уже свои родные верования и приняли мусульманскую веру.

Ненавистник христиан и враг церквей Навруз, подобно стремительному вихрю, шел во главе передового отряда, называемого Магла (мангла значит — передовое войско) и уничтожил войска, охранявшие пути сообщения. Весть о поражении правительственных войск возбудила во дворце страшное замешательство, вследствие чего великий тысячник Тачар перешел на сторону Навруза. Бодрость покинула всех сторонников Байто: они оставили его и бежали, бежал и сам неразумный Байто к Дукалу, который с войсками своими находился в то время в Нахичеванской долине, на берегу Аракса. Но Дукал при виде его испугался и потерял всю бодрость духа: полководцы его схватили Байто, отправили к Газану, а сами рассеялись в разные стороны.

Таким образом Хутлу-шах и Навруз, почти без войны и битв, овладели всеми странами и возвели Газана на престол отца его, Аргуна.

Ненавистник бога Навруз обнародовал по-

всеместное приказание разрушить церкви, ограбить христиан и подвергнуть обрезанию священников. Так было разрушено множество церквей, перебито много священников, истреблено множество христиан. Те, кто избег меча, лишились всего своего имущества. Женщины и дети были толпами уведены в неволю. Сильнейшие гонения происходили в Багдаде, Моссуле, Гама-дане, Тавризе, Мараге, в Румских странах и в Месопотамии. В наших пределах ограбили нахичеванские церкви, полонили и замучили многих священников, разбили врата святаниц, опрокинули алтари. Но главные военачальники не дозволили „татарам“ совсем разрушить церкви, опасаясь грузинских князей. Часть Армении, через которую протекает Араке, осталась благодаря богу, пощаженною. Они схватили жившего в Мараге сирийского католикоса, замучили его до смерти и отняли все его имущество. В монастыре, где находилась гробница святого апостола Фаддея, разрушили все здания, разграбили и уничтожили все до основания... Царь армянский Гетум, который отправился приветствовать Байто, прибыл туда во время

гонений, живя в Марагской церкви, где в то время была резиденция сирийского католика, он неоднократно сам подвергался многим притеснениям. Но, несмотря на то, он успел добраться до Газан-хана и был им принят с большими почестями. Представившись хану, он довел до его сведения о всех притеснениях, которые терпят христиане. Газан прикинулся неповинным и свалил все на Навруза:

„Я ничего не знаю, все это сделал Навруз“, — сказал он и тотчас же приказал написать и разослать во все места грамоту, которая бы запрещала трогать христиан и их церкви и предписывала всем жить в мире и охранять веру, которую каждый имеет. С тех пор гонения несколько приостановились, и царь Гетум, взысканный почестями и отличием, мирно воротился в страну свою Киликию.

А Навруз, когда замыслы его были обнаружены, удалился в отдаленнейшие края Хорасана. Кутлу-шах с большими силами бросился его преследовать, и бог выдал ему в руки проклятого. Кутлу-шах истребил его с лица земли, причем князья наши, Липарит и Еачи,

плевали ему в лицо и наносили жестокие оскорбления».

Этим я и закончу свои выписки из Стефана Орбелиани, Мы видим, что несмотря на примесь беллетристики на уже установившееся ложное представление о «монголах» как о пришельцах с востока, а не с запада (что, конечно, было сделано уже позднейшими переписчиками-корректорами), у него сохранились совершенно отчетливые следы «татрско-го» крестоносничества в период первого и четвертого крестового похода, вплоть до конца Латинской империи Балдуина в 1261 году, после чего, как я уже говорил, внуки крестоносцев, уже потерявшие, как всегда бывает с внуками переселенцев, язык своей отдаленной родины и всякую связь с нею и ассимилировавшиеся по костюму и мировоззрению с населением своей новой родины, перешли под влиянием своих новых властелинов к мусульманству или к примирившемуся теперь с мусульманами греческому и армянскому православия.

Вследствие этого утратилось в дальнейших поколениях и самое воспоминание об их

крестоносном происхождении, которое современному мыслящему историку приходится восстанавливать по лингвистическим следам и по обрывкам истины в мифических сказаниях, виднеющимся то здесь, то там, как островки в затопленной наводнением местности.

Этим определяется и мое отношение к современным исследованиям А.Ю. Якубовского о «феодализме на Востоке». Вся разница между мною и им заключается лишь в том, что он не затрагивает установленного историками старой школы извода среднеазиатских феодалов из Пустыни Гоби, а я извожу их из центра тогдашнего феодализма — Западной Римско-Германской Империи.

Вот, например, резюме его доклада на сессии Академии Наук 21-25 марта 1935 года о восстании Тараби. Замените в нем крестоносцами слово «монголы», с которым у нас без всякого основания связывается представление о кочевниках пустыни Гоби, никогда не называющих себя так[225] и происходящего от греческого слова мегалы, т. е. великие, и вы получите следующее:

«В труде персидского историка Джувейни „История завоевания мира“ сохранился такой интересный рассказ.

„К 1221 году Средняя Азия была во власти монголов-завоевателей (т.е. великих завоевателей). Их ханы (т.е. их князья) смотрели на богатую страну как на источник больших доходов. Не имея на первых порах собственных сил для управления сложной административной системой, они сдали на откуп сборы феодальных повинностей от населения Средней Азии купеческо-ростовщическому дому Махмуд Ялавача... Тяжело было и положение ремесленников в городах, у которых монгольская власть (т. е. власть передовых крестоносных отрядов) безвозмездно изымала большую часть их продукции в виде вооружения и военного сообщения. В этой обстановке и родилось восстание Тараби в 1238 году.

По свидетельству Джувейни, среди крестьян и ремесленников широко велась пропаганда против порядков. Центром движения стала Бухара. В 1238 году Махмуд Тараби из селения Тараб двинулся со своими последователями в Бухару и устроил свою штаб-квартиру

ру во дворце мелика (т. е. царя) Сенджари. Растерянность властей была настолько велика, что Махмуд беспрепятственно повел отсюда призыв к восстанию. У холма Абу-Хавса он устроил и военный лагерь, куда начали стекаться в огромном количестве крестьяне из соседних селений, вооруженные лопатами, косами, дубинами. Почти без боя была захвачена и Бухара. Махмуд Тараби насильственно собрал представителей высшего духовенства во главе с Садром и заставил провозгласить себя халифом. Очистив город от феодальной знати и высшего духовенства, он начал серьезно готовиться к борьбе с монгольскими (т. е. крестоносными) военачальниками и феодалами. А в Кермине образовался лагерь контрвосстания.

Первое сражение у Кермина дало победу Махмуду. Крестьяне соседних селений, по словам Джувейни, помогли добить остатки разбитого отряда. Однако, в этом сражении пал Махмуд Тараби и его главный сподвижник Махмуби. Власть над восстанием перешла к братьям Махмуда — Мухаммеду и Али. Прошло немного времени. Феодалы забили

тревогу. Вызваны были из ряда городов и селений большие монгольские (т. е. крестоносные) силы. Во втором сражении, у самой Бухары, восставшие были разбиты. Победители начали расправу, не щадя ни города, ни селений. По словам Джувейни, погибло свыше 20 000 восставших.

Описанное движение выходило далеко за пределы простого протеста против злоупотреблений во взимании повинностей, оно обрушивалось и на самое существо феодальных порядков“.»

Так был резюмирован в «Известиях ВЦИК» 30 марта 1935 года доклад А. Ю. Якубовского, и вы сами видите, что разница у нас только в новом определении значения слова «монгол», и мне кажется, сам автор не может не согласиться, что при изводе татар из Европы, его феодализм на Востоке выходит много понятнее, чем при обычном его выводе из азиатских кочевьев.

Я не могу не остановиться здесь и на докладе А. А. Фреймана «Некоторые результаты расшифрования недавно найденных согдийских рукописей», сделанном на этой же сес-

сии Академии Наук. Вот краткий реферат об этом докладе, как он дан тоже в «Известиях ВЦИК» 30 марта 1935 года.

«В изданном осенью 1934 года Академией Наук СССР Согдийском сборнике сообщено уже о тех приобретениях мирового значения, которые были сделаны осенью 1933 года экспедицией Академии наук в Таджикистане в 60 километрах к востоку от Пенджикента, у впадения речки Кум в Заравшан.

В развалинах здания на обрывистой горе Муг, на высоте 150 метров над Заравшаном, открыты памятники материальной культуры, монеты и рукописные документы на бумаге, коже и дереве, написанные на согдийском языке, относящиеся к первой четверти VIII века (едва ли так рано!). Как выяснилось, эти рукописи представляют собой остаток архива крупного согдийского феодала Дивастича, эпохи завоевания Средней Азии арабами (а не турками?). Из арабских источников известно, что Дивастич, первоначально дружественно относившийся к арабам, по невыясненным пока причинам разошелся с ними и двинулся во главе недовольным элементов

на Педжикент в Фергану. По дороге туда в 722 году (какой эры?) он был застигнут арабами, разбит и взят в плен на речке Кум. Здесь, по-видимому, и был брошен его архив.

При первом же рассмотрении этих документов обратил на себя внимание титул, которым величал себя Дивастич, с которым обращались к нему его корреспонденты. В ряде этих документов ему присвоен титул „согдийский царь, господин Самарканда“ — буквально тот же титул, который носил его современник согдийский царь Гурек. Выяснению этого противоречия и были посвящены первые попытки расшифрования документов: трудно было допустить одновременно существование двух согдийских царей.

Среди писем, актов, деловых записей, расписок, из которых состоит этот архив, обратили на себя внимание документы, датированные годами Дивастича. Естественно было думать, что они могут выяснить роль его в арабо-согдийских отношениях и в частности выяснить его отношение к согдийским царям: Гуреку и его предшественнику Тархуну.

Некоторые арабские источники, а за ними

и некоторые ученые считают слово „Тархун“ не собственным именем. Данные наших документов заставляют принять именно такую точку зрения, так как на этой основе только и возможно разрешение поставленного выше вопроса. В частности совпадение времени царствования Тархуна и Дивастича (704-710 годы[226]) и количество лет царствования (5-6 лет) легко объясняется, если признать, что Тархун и Дивастич — одно и то же лицо.

Титул „тархун“, по всей вероятности, не что иное, как „тарахан“ — слово турецкого происхождения, которым обозначали феодалов, зависимых или находящихся под покровительством турок. Согдийские цари не раз обращались за помощью к турецкому хакану против арабов, и поэтому наделение согдийского царя титулом „тархун“ не может вызвать удивления.

Наши датированные документы, в которых приводятся названия дней и месяцев, дают богатый материал для суждения о согдийском календаре. Этот календарь отличался всеми особенностями иранского солнечного календаря. Год делился на 12 месяцев, по 30

дней в каждом, причем каждый день месяца носил особое название, посвященное тому или иному иранскому божеству, лишь 8-й, 15-й и 23-й дни носили одно название. Названия согдийских месяцев сильно отличалось от персидских. В конце года прибавлялось 7 дней, недостающих до 365». Такое резюме доклада А. А. Фреймана.

Мы видим здесь, что отождествления двух разноименных лиц в одной персоне делается уже не одним мною. А в данном случае обращаю внимание только на одно интересное хронологическое совпадение. Если в 704-710 годы, в продолжение которых, как здесь говорится, царствовали и Тархун и Дивастич, мы будем считать по армянской эре, то в переводе на наш счет они дадут 1255-1261 годы, из которых последний есть год изгнания крестоносцев из Царь-Града греками и контрнаступления турок. Только тогда становится уместен и титул «тархан», слово турецкого происхождения, которым обозначали феодалов, зависимых или находящихся под покровительством турок...

Но здесь я уже уклонился от основного

предмета настоящей главы: от изложения татарского нашествия по армянским источникам. Читатель видит сам, что все они рисуют «татар» сначала пришлыми боевыми защитниками христиан от надвигающихся на переднюю Азию исламитов, носителями креста, т. е. крестоносцами, и даже получающими из Рима полномочиями папы, как раз в ту эпоху, когда в эти страны хлынули рыцари Четвертого Крестового похода. А затем, когда крестоносцы были уже изгнаны из Царь-Града и их Латинская империя на Востоке ушла в область истории, их потомки, отрезанные от родных своих дедов и ассимилировавшиеся с местным населением, приняли веру своих победителей.

Все это в полном согласии с выводами, которые я первоначально получил из исследования русских летописей.

И к этому же выводу приходят также некоторые из западно-европейских исследований. Возьмем, например, немецкую книгу Фесслера (Dr. J. A. Fessler: Die Geschichte der Ungern und ihrer Jandsassen. I Feil, Leipzig, 1815), где на с. 193 говорится прямо: «Название татары

встречается впервые в русских летописях под 1154 годом. Под этим названием там понимаются половцы (т.е. по нашему пловцы — генуэзские мореплаватели), которые вскоре вместе с татарами составили один народ». Да и по Энгелю (*Geschichte des Ungarischen Reich*, Feil I, S. 345) это имя «вместе с названием команы происходит из Венгрии около 130 года от куманского князя Татара». А что значит куманский? Мне кажется, что это испорченное слово комменский, т. е. пришельческий от немецкого слова *Kommen* — приходить, т.е. пришельческий князь Татровец.

Я не сомневаюсь, что такие же указания найдутся и в других западно-европейских первоисточниках. Для примера я приведу здесь часть выписки, сделанной для меня еще в 1935 году профессором В. Мрочекком из летописи Хорасан-Корсунь:

«Вывод татар из Татров не вызывает по существу принципиальных возражений. Русская летопись говорит: *„Явишася языки, их же никто же добре ясно не весть, кто они суть и отколе изыдожа и какой язык их и какого племени суть и какая вера их“*.

Немного определеннее и то место этой летописи, где переданы впечатления от битвы при Калке: *„Сих же злых татар — таурмен не ведаем, откуда они пришли на нас и куда делись опять; только бог весть“*.

Всеобщая история с IV ст. до нашего времени» Лависса и Рамбо, том II, с. 716 (рус. изд. 1897 году) упоминает об этом лишь в 4 строчках: «Призванные на помощь уstraшенными половцами (т. е. пловцами) русские князья выступили против монголов (т. е. великих) с 80000-ным войском и встретили их на берегах Калки (1224 году). Русские, ослабленные бегством половцев (пловцов-генуэзцев), потерпели жестокое поражение».

Перейдем теперь к другому источнику, арабскому писателю Ибн-Эль-Асиру, летопись которого «Совершенство по части летописания» издана в XIX ст. Считают, что автор жил с 1160 года по 1233 году в городе Мосуле, так что сам на черноморском побережье не бывал. Этим объясняется и замечание редактора русского перевода в. Тизенгаузена: «Рассказы свои о татарах он почерпнул, по-видимому, частью из расспросов очевидцев, частью из

дошедших до него слухов». Однако, как сейчас мы увидим, он передал слухи вполне правдоподобно.

«Когда Татары овладели землею Кипчаков (купчаков) и Кипчаки разбрелись, как мы рассказали, то большая толпа из них ушла в землю русских; это страна обширная, длинная и широкая, соседняя с ними, и жители ее исповедывают веру христианскую. По прибытии к ним кипчаков-генуэзцев все собрались и единогласно решили биться с Татарами, если они сойдут на них.

Татары пробыли некоторое время в земле Кипчакской, но потом в 620 году (4 февраля 1223-3 января 1224 году) двинулись в страну Русских. Услышав весть о них, Русские и Кипчаки (купчики — генуэзцы), успевшие приготовиться к бою с ними, вышли на путь Татар, чтобы встретить их прежде, чем они придут в землю их, и отразить от нее. Известие о движении их дошло до Татар, и они (Татары) обратились вспять. Тогда у Русских и Кипчаков (генуэзцев) явилось желание (напасть) на них, полагая, что татары повернулись вспять со страху перед ними и по бесси-

лию сразиться с ними, они усердно стали преследовать их. Татары же не переставали отступать, а русские и кипчаки гнались по следам их 12 дней, (но) потом татары обратились на Русских и Кипчаков, которые заметили их только тогда, когда уже наткнулись на них; для преследователей это было совершенно неожиданно, потому что они считали себя безопасными от Татар, будучи уверены в своем превосходстве над ними. Не успели они собраться к бою, как на них напали Татары с значительно превосходящими силами. Обе стороны бились с неслыханным упорством, и бой между ними длился несколько дней. Наконец Татары одержали победу».

Затем идут подробности о беглецах и о преследовании их татарами, и параграф кончается словами: «Рассказывал об этом деле участвовавший в нем».

Мы сразу видим, что половцы (т. е. пловцы) — это генуэзские мореплаватели, кипчаки, т.е. купчики — это второе их название; только после «татарского» (т.е. татарского) завоевания кипчакское (т.е. купеческое) государство превратилось в Дешт-Кипчак, т. е.

немецко-купеческое и Татары (т. е. татровцы) разбили их, а затем проникли в Крым, где разграбили главный город Кипчаков Судак. Так рассказывал Ибн-эль-Асир, и это подтверждается рядом других источников, восточных и западных.

Но если татары отступали на восток, откуда — по русской версии — пришли, то какие же были интересы для западных русских князей: галичского и киевского, а еще более северного, черниговского князя, которые могли толкнуть их на такую авантюру? Если армия в 80 тысяч человек двинулась в пустынные степи, то чем же она питалась? Другое дело, если путь отступления «татар» лежал в оперативной области русских; на это намекает цитата из Лависс-Рамбо: «Русские наступили на монголов и встретили их». Но встретить отступающего врага можно в одном лишь случае: заступив ему дорогу! Никакая армия, в большинстве пешая, не сможет нагнать отступавшего по тому же направлению конную армию, как мы имеем в данном случае. А ведь после выхода из Крыма путь на восток прямой, тогда как из Галича, Киева и Чернигова,

значительно более западных областей, путь сложный. Достаточно взглянуть на карту.

Да и русский летописец подтверждает арабского, когда говорит про «злых татар-таурмен». Так как Крым раньше назывался Таурида (таурида), то «таур-мен», очевидно, немецкое словообразование: *taur-manner*. Можно, пожалуй, поверить летописцу, что он не знал, откуда сперва явились эти «таурмены» и куда они ушли; но их появление из Крыма после разгрома половцев (т. е. пловцов) ему было известно.

Перейдем теперь к некоторым фактам из истории Венгрии и Тевтонского ордена.

В 1222 году король Андрей II Венгерский призывает Тевтонский орден, рассчитывая на него в борьбе с магнатами. Действительно, в этом же году была издана «золотая булла», подобно известной английской «Кемской Хартии», ограничившая королевскую знать. Андрей II предоставил Тевтонскому ордену по особому акту, утвержденному 20 декабря папой Гонорием II, область *Burzenland* в юго-восточной части Трансильвании с полной политической автономией. Еще раньше там посе-

лились Саксонцы-эмигранты, и вся Трансильвания с тех пор стала носить немецкое имя Leibenburgen (Семиградье). Тевтонскому ордену было поручено усмирить и по возможности отодвинуть половцев (пловцов) — куманов, т. е. пришельцев (comraani) от границы Венгрии; поэтому в акте заранее предоставлялась ордену часть территории куманов (пришельцев, от немецкого Kommen) за трансильванскими горами.

Поручение Андрея II Венгерского было выполнено уже в 1223 году. Поход Тевтонского ордена против куманов-половцев (т. е. пришельцев-пловцов) закончился успешно. Но уже в 1224 г. Андрей II, обеспокоенный замыслами гроссмейстера Тевтонского ордена, знаменитого Германа фон Зальца, отобрал у него всю область, а папа буллой 22 августа принял ее в ведение Римской церкви. Зальц — правая рука германского императора Фридриха II — согласился расторгнуть договор с Венгрией, тем более, что его непосредственный руководитель, император, как раз решил перевести Тевтонский орден в Германию и сделать своей гвардией (письмо Фридриха II из Катаны 5

марта 1224 года к папе).

Сопоставление перечисленных выше фактов и рассказов летописцев дает возможность установить следующую историческую картину.

Куманы-Половцы-Кипчаки были генуэзские колонисты в Крыму и на всем черноморском побережье.

Разгромив куманов-половцев-кипчаков, Тевтонский (татрский, т. е. татарский) орден проник в Крым, чтобы разрушить морскую базу генуэзцев — Судак.

Узнав о готовящемся нападении русских в союзе с «половцами», татарские войска Ордена спешно вышли из Крымского полуострова и через Днепр, Днестр и так далее направились обратно в Венгрию.

А что было дальше предоставим слово Ибн-Эль-Асиру (стр. 27): «О возвращении Татар из земель Русских и Кипчаков к своему царю».

«Опустошив земли Русских, татары вернулись оттуда и направились в Булгар (т.е. Болгарию). Когда жители Булгара услышали о приближении к ним, они в нескольких местах

устроили им засады, выступили против них (Татар), встретились с ними и, заманив их до тех пор, пока они зашли на место засад, напали на них с тыла, так что они (Татары) остались в середине; поял их меч со всех сторон, перебито было их множество и уцелели из них только немногие. Говорят, что их было 4000 человек. Отправились они (оттуда) в Саксию (Саксонию), возвращаясь к своему царю Чингисхану (царственному священнику, т.е. не иначе как к Фридриху II), и освободились от них земли Кипчаков (купчиков). Кто из них (т.е. купцов-генуэзцев) спасся, тот вернулся в свою землю. Пересекся путь в сторону кипчаков с тех пор, как вторглись в нее татары, и не получилось от них (Кипчаков) более ничего по части мехов, белок, бобров и (всего) другого, что привозилось (ими) из этой страны. Когда же татары покинули ее и вернулись в свою землю, тот путь восстановился и товары опять стали привозиться, как было прежде».

Этот отрывок из летописи ставит все точки ясно и определенно. Страна «Булгар» это Булгария (по-русски Болгария) Придунайская,

а не Приволжская. Впрочем, если произносить ее «Болгария», то волгари — жители Волги, которая в этом случае оказывается налегающей на Дунай, как свидетельствует и имя Болгария (т.е. Болгария). Ведь наша русская Волга раньше называлась «Ра» (финское имя, как это имя приводится в географии Птолемея), а современное название «Волга» могло быть занесено балканскими колонистами при их *Drang nach Osten* подобно тому, как на карте Соединенных Штатов Америки мы находим Париж, Лондон и ряд других европейских наименований.

Загадочная страна «Саксин» осталась без всяких объяснений у комментаторов, которые искали ее далеко на востоке. Но ведь это область Саксов в Трансильвании, откуда исходил набег на куманов-половцев-кипчаков. Так эта область и помечена на картах, отображающих Европу XIII столетия. Ясно, что «Татары» возвращались именно в эту область, а не в Азию.

Столь же просто и без всяких натяжек объясняется и странное, — с иных точек зрения, — явление, а именно: прекращение набе-

га «Татар» в качестве крестоносцев на южно-русские области с их появления в 1223-24 гг. и до походов 1236-40 гг. Как уже было указано, Тевтонский орден потерял внезапно свою базу в Трансильвании и вынужден был искать новой точки опоры в Прибалтике. Он нашел таковую в уступленной в 1230 году Конрадом Мазовецким Кульмской области, где сперва действовал параллельно с орденом (ordo — орда) Меченосцев, а затем — после слияния обоих орденов в 1230 г. — предпринял *Drang nach Osten*. Южный маршрут из Татарской области мог быть осуществлен только в конце 30-х годов, когда окрепло положение империи после удачных действий Фридриха II в Италии, а центральное управление орденом с 1239 году было перенесено в Венецию.

Где же была так называемая «битва на Калке»? Ясно, что не на восток от Крыма, а на запад; возможно, что на берегу одной из рек, идущих перпендикулярно к маршруту «Татар» при их возвращении в Венгрию. Если считать правильным указания русской летописи: о союзе трех Мстиславов и преследовании татарами разбитых союзников до Дне-

пра, то битва могла произойти в районе между Южным Бугом и Днестром, вероятно, ближе к последнему, так как черниговская дружина по географическим условиям могла присоединиться позже по второму меридиану от Пулкова.

Обращает, наконец, на себя внимание и упоминание Ибн-Эль-Асира о «Западных Татарах». Из текста его летописи видно, что *«Чингисхан — да проклянет его Аллах — порешил отрядить 20000 всадников, сказав: „отыщите Харезмшаха, где бы он ни был, хотя бы он уцепился за небо; пока не достигните и не схватите его“.* Этот отряд, в знак отличия от других (Татар), называют *Западными Татарами, потому что он пошел на запад Харасана (Херсона)*». (Ибн-Эль-Асир, с. 11).

Мы видим, что эти «Татары» являлись отрядами Западных рыцарей — крестоносцев, воевавших с мусульманами. Различные маршруты, то по южно-русским степям, то по Малой Азии, могли легко запутать неискушенных в географии XIII века современников. К тому же одних называли татарами, других монголами; и это объяснимо, если

считать, что одни маршруты шли из Татр, а другие (монголы) из великих (мегалов) румских и франкских стран. Но все эти походы возглавлялись Чингизханом (т.е. царственным священником), а мы знаем, что крестовые походы режиссировались Великим ханом — римским папой, да и резиденция его был Ватикан, т. е. дом Хана.

Отсутствие деталей о походе против Куманов в западных хрониках может объясняться двумя обстоятельствами:

1. Это предприятие Тевтонского ордена закончилось фиаско в Венгрии, и о нем не очень охотно распространялись.

2. Позднейшие историки, писавшие в эпоху, когда монголов уже перебросили в Азию, описали этот поход под видом набега из-за Волги, как мы это видели у Ибн-Эль-Асира, но при этом сохранили ряд подробностей, загадочных с точки зрения азиатской гипотезы и вполне ясных, приняв венгерскую ориентацию.

Первое обстоятельство подтверждается сразу же, когда просматриваешь источники и сочинения. Так *Annales de l'Ordre Teutonique*,

1887 году посвящает всего одну неполную строчку: «les chevaliers hattirent les Cumains». В подробной «Urkundenbuch Jur geschichte der Deutchen in Liebenburgen. 1882» нет ни одного документа, относящегося к этому году, да и вообще к этому походу.

Глава II. История татарского ига на Руси по арабским произведениям

«Удалось этим татарам то, чему подобного не слыхано ни в древнее время, ни в новое. Выступает их толпа из пределов Китая; не проходит и года, как часть ее победоносно добирается до земель Армении, а со стороны Хамадана заходит за Ирак. Клянусь Аллахом, я не сомневаюсь, что кто уцелеет после нас и увидит это описание, тот станет отрицать его, сочтет за небылицу и будет правда на его стороне».

Ибн-Эль-Сир

I. Несколько вступительных слов по этому поводу

Основное положение этой части моего исследования таково: Вот карты генуэзских колоний на берегах Черного и Азовского мо-

рей, которые я беру из статьи Е. Д. Фелицина «Некоторые сведения о средневековых генуэзских поселениях в Крыму и Кубанской области»[227]. Мы видим, что эта местность была во время Четвертого крестового похода, в период натиска крестоносных духовных и рыцарских орденов на Восток уже культурной генуэзской страной, начиная от Балканского полуострова и до северных побережий Каспийского моря. Многие из указанных здесь названий (как это видно по таблице и для берегов Азовского моря от реки Дона до Сухума) не определены, но и тех, которые определены, достаточно для локализации.

Западноевропейские первоисточники говорят нам, что с 774 года город Генуя был под властью франков, а по распадении империи Карла Великого стал центром культурной генуэзской республики, прославившийся своим мореходством, особенно усилившимся в Черном море.

Первые генуэзские колонии на Черном море, — говорят нам все многочисленные первоисточники, — появились вскоре после договора, заключенного между Генуэзской респуб-

ликой и Византийским императором Мануилом о свободе прохода Генуэзских торговых судов через Босфор, на берегу которого генуэзцы основали собственные поселки Галату и Перу у самого Константинополя, а в Черном море, на юго-восточном берегу Крымского полуострова, свою первую крепость Каффу (Caffa), зародыш теперешнего города Феодосии (см. черные крестоносные флаги на Каталонской карте 1375 года, на карте Фердуччи 1497 года, а так же крепость с башнями на карте Пицигани 1360 года). Уже из этого одного ясно, что современная Феодосия, как и все другие старинные черноморские города и развалины прежних поселков, берет свое название от генуэзцев времени крестовых походов, а никак не от мифических эллинских мореплавателей, будто бы плававших тут еще «за 500 лет до начала нашей эры».

Потом в 1261 году при падении латинской крестоносной империи и взятии Царь-Града Никейцами Генуя стала на их сторону и удержала за собой свободу мореходства в Черном море. Ее президент, как и в Венеции, назывался дожем, и только в 1392 году она потеря-

ла Азов, и затем в XV веке турки захватили и разорили ее Черноморскую феодальную империю.

Это — исторический и географический факт, с которым серьезный историк-исследователь не имеет права не считаться. Отсюда и основные положения этой части моего исследования таковы:

1. Всякий путешественник XII-XV веков по странам, прилегающим к северным берегам Черного, Азовского и Каспийского морей, который не знает и не говорит, что тут господствуют франки-генуэзцы и что эти страны католические, никогда тут не путешествовал.

2. Всякий «путешественник XII-XV веков» по этим странам, который не сообщает о генуэзских католиках, пришедших сюда в связи с крестовыми походами католических рыцарских и духовных орденов, особенно Deutsch'ского (тевтонского) ордена, а говорит, что тут находится «Дештская орда» идолопоклонников, тоже никогда здесь не путешествовал, иначе перековеркав «Дейтшский орден» в «Дештскую орду», не приписал бы первому кочевого разбойничьего характера вне

связи с историей Западной Европы и католицизма.

3. Всякий «путешественник XII-XV веков» по этим странам, который, не сообщая о генуэзцах и о Дейштском (Тевтонском) католическом ордене, говорит, что тут живут монгольские (иначе могольские) орды, никогда тут не путешествовал, иначе он не смешал бы греческие названия тевтонского ордена Мэгале ордэ[228] с монгольской ордой, перенеся это имя из Европы на средне-азиатских киргиз-кайсаков, причем слово «кайсак» созвучно с «казак», а слово «киргиз» созвучно с греческим «кирикос», что значит царский.

4. Всякий «путешественник XII-XV веков» по этим странам, который, не сообщая о генуэзцах, говорит, что тут властвовали татары, никогда тут не путешествовал, или же понимает под татарами жителей венгерских Татров, откуда, действительно, и вышел в Россию Тевтонский орден вместе с крестоносцами.

5. Тот, кто называет генуэзских колонистов того времени (как это делают русские летописцы) половцами, пользуется их русским на-

званием пловцы (мореплаватели); тот, кто называет их кипчаками, пользуется их русским названием купчики по иерегласованию от немецкого: kaufen — каурен — коунунумб — купить, и кто называет их кума-нами, пользуется местным названием средней Венгрии Куманиею.

На этих основных положениях мы и должны воздвигнуть рациональную историю монгольского ига на Руси, отметая все, что с ними не согласно.

Заглянем прежде всего в замечательный документ: «Программа задач, предлагаемых Императорской Академией наук к соисканию премий на 1834 и 1835 годы», опубликованную в 1832 году.

Вот что там говорилось:

«Владычество Монгольской династии, известной у нас под именем Золотой орды, у магометан под названием Улуса Джучи[229] или Чингизова Ханства Дешт Кипчакского (т.е. немецко-купеческого), а у самих Монголов под названием Тогмака, было в течение почти двух с половиною веков ужасом и бичом России. Оно держало ее в узах безусловного

порабощения и располагало своенравно венцом и жизнью князей ее. Владычество сие долженствовало иметь более или менее влияния на судьбу, устройство, постановления, образование, нравы и язык нашего отечества. История сей династии образует необходимое звено Российской истории, и само собою ясно, что ближайшее познание первой не только служит к точнейшему уразумению последней в сем достопамятном и злополучном периоде, но и много способствует к пояснению наших понятий о влиянии, которое Монгольское владычество (т. е. по нашему владычество Великого ордена — Мегале Орде по-гречески) имело на постановления и народный быт России.

Со всем тем, однако, недостает у нас достоверной частной истории сего поколения Монголов... Каждый, ближе освоившийся с сим предметом, легко согласится в том, что все, доселе сделанное в сем отношении, отнюдь не удовлетворительно.

Усладительна мысль, что при нынешнем (в 1832 году!) столь благоприятно изменившимся состоянии наук в России, подобное

предприятие не есть более невозможное. Уже пятнадцать лет, как Муза Востока внедрилась и в нашем отечестве. Уже и петербургские библиотеки, подобно Лондонской и Парижской, обогатились драгоценными сокровищами восточных рукописей всякого рода и как в других странах, так и у нас с каждым годом возрастает число знатоков и любителей Восточной Словесности. И так ныне уже можно почитать сбыточным то, что лет пятнадцать назад перед сим было еще неисполнимо, а тем более тогда, когда Шлецер впервые старался внушить охоту к обработанию сего занимательного предмета. Академия уже ныне может предложить задачу, коей решение кроме основательных сведений о Российском языке и истории требует столь же глубокого познания языков восточных, а именно, магометанских. Задача сия заключается в следующем:

Написать Историю Улуса Джучи или, так называемой, Золотой Орды, критически обработанную на основании как восточных, особенно магометанских историков и сохранившихся от Ханов сей династии монетных па-

мятников, так и древних русских, польских, венгерских и прочих летописей и других, встречающихся в сочинениях современных европейцев, сведений».

Таково было воззвание нашей Академии наук в 1832 году, причем история Золотого Ордена русских летописей впервые авторитетно отождествлялась с Улусом Джучи сарацинских писателей, а Улус Джучи был сопоставлен с «Тогмаком» монголов. Но и теперь мы можем сказать, как тогда наша Академия Наук, что «мы до сих пор тщетно ищем арабского, персидского, турецкого, монгольского и китайского писателя, который, избрав себе частную историю Чингизских потомков в Кипчаке предметом особого разыскания, мог бы служить ясным и верным источником для истории означенного периода...» и что «на восточных языках нет особенной Истории сей династии; по крайней мере таковая не хранится ни в одной из европейских библиотек, сколько они ни богаты восточными рукописями, мы не встречаем указаний о сочинениях сего рода ни у турецкого биографа Гаджи-Халфы, ни у какого-либо другого магоме-

танского историка, исчисляющего свои источники... Относящиеся к Большой Орде[230] сведения в наших летописях встречаются только как бы мимоходом, а посему весьма отрывочны и вообще неполны и недостаточны. Имена монгольских ханов, полководцев и прочих часто чрезвычайно искажены и потому перемешаны; эпохи царствования первых не везде верно обозначены, и о делах их обыкновенно не упомянуто, если они не относятся к самой Руси. Имена же многих государей, не состоявших в связях с Россией, даже вовсе опущены в (русских) летописях, и весьма ошибся бы тот, кто возмечтал бы, что из этих летописей можно извлечь полный список сих ханов, не говоря уже об истории иных».

Единственным человеком, который откликнулся на этот зов, был известный в свое время ориенталист Иосиф фон-Гаммер Пургшталь (ум. в 1856 году), приславший на предложенный конкурс сочинение под псевдонимом. Но Академия Наук не нашла его достаточно серьезным и закончила свой отзыв о нем такими словами:

«Автор часто обнаруживает недостаток основательной критики. Исторические материалы недовольно расчищены и не обработаны надлежащим образом. Многие важные, любопытные пункты, которые здесь следовало бы рассмотреть ближе и подробнее, только мельком обозначены, между тем как включением других статей, чуждых предмету, и многих посторонних, вовсе бесполезных мелочей, сочинение чрез меру увеличено. Хронология часто остается пренебреженною, и географические сведения не везде удовлетворительны. Ко всему этому присовокупляется множество лишних повторений, искажений имен, запутанностей в цитатах, разных противоречий и недоразумений, даже за счет смысла Восточных текстов. Хотя многие из сих недостатков и можно приписать большой поспешности, с какою, по-видимому, работал автор, но Академия по вышеприведенным причинам не могла присудить труду его какой-либо премии» [231].

Четыре года спустя сочинение это, местами исправленное против прежнего, появилось в печати [232] с приложением этих отзы-

вов о нем и желчными возражениями самого автора, которому рецензии были сообщены Академией по собственному желанию.

Затем появилась книга д'Оссона «История Монголов»[233] и ряд отдельных монографий В. В. Бартольда, Валло, И. Березина[234]. После чего на нижнюю Волгу с заданием отыскать следы Золотой Орды был отправлен чиновник министерства внутренних дел Терещенко, где он и «открыл» в 1844 году Сарай — столицу Золотого Ордена на востоке[235].

Академическая задача не удалась, потому что, как говорит сам Тизенгаузен, которого я далее часто здесь цитирую: «дело было начато не с того конца, с которого следовало приняться за него». Но с какого же конца надо начать?

II. Общность происхождения почти всех «арабских» манускриптов о татарах в европейских музеях

Попробуем начать с наиболее по внешности обстоятельного «арабского конца», не забывая, однако, что все «арабские рукописи» были открыты не в Аравии, Турции, Сирии или Египте, а более всего в Испанской Анда-

лузии, где в Маврский период был главный центр «арабской литературы», и если даже какой-нибудь автор и объявлен «писавшим в Каире», то найден обыкновенно не в нем, а «в Париже» или «в Берлине» и т. д.

Но прежде, чем начать детальное исследование арабских документов, я не могу не обратить внимания на географическую невероятность наших современных представлений о тогдашней комбинации государственных отношений.

Нам говорят, что турки и мусульмане, выйдя из Сирии и Малой Азии, выгнали оттуда крестоносцев и, перейдя в Европу, тоже «со священной войной» овладели после битвы на Косовом поле (1389 году) всей Сербией и нагнали панику на среднюю Европу.

А как же они пришли туда из Малой Азии? Может быть морем? — Но турецкий флот не был бы пропущен в Европу венецианцами, которые были сильнейшими мореплавателями того времени, владевшими, по их собственным записям, всем греческим Архипелагом от 1207 по 1572 год[236] с титулом дучей (duce — вождь, венецианское дочже,

доге — дож); отчего и их владения в Черном море могли называться по мавро-арабски «улусами Джучей».

Но, ведь, если турки из Сирии и Малой Азии физически не могли проникнуть в своем анти-крестовом походе в Сербию морем до ухода с востока венецианцев и до взятия Царь-Града (ведь даже и для переправы через Дарданеллы им надо было иметь флот, способный сопротивляться венецианскому, чтобы не быть отрезанным от самих себя), то и весь извод турецкой империи из Азии, а не из Венгрии становится фантазией, несмотря на все «свидетельства (покойных) очевидцев».

Вот почему я и здесь буду считать историческими фактами только сами документы, а то, что в них написано — лишь представлениями их авторов, которые в большинстве всегда похожи на изображения в кривых зеркалах (тем более кривых, чем они древнее, а в случае многократной передачи из уст в уста все исторические факты искажаются последовательным рядом таких кривых зеркал до неузнаваемости).

Никакое сличение документа с докумен-

том тут не поможет, если каждый документ не будет достаточно исследован при помощи современных точных наук, каковы прежде всего — астрономия, география с экономикой, теория вероятностей, психология, сравнительная филология, сравнительная ономастика и сравнительная орфография.

О первых методах я уже достаточно говорил в моем исследовании «Христос», а теперь скажу лишь о сравнительной орфографии.

Мы должны принять за основное положение, что никакой общепринятой орфографии не могло существовать до изобретения книгопечатания Гуттенбергом в 1450 году. А ксилография (гравирование на дереве), применявшаяся вместо печатания набором до последнего времени в Китае по причине неимения там фонетической азбуки, должна быть изобретена, по-видимому, лишь в 1701 году в Лейдене[237], в качестве стереотипа для книг, предназначенных для нескольких беспременных изданий. Если бы ксилографирование возникло в Китае, — как нам говорят китайцы, — еще в 1593 году[238], когда португальцы уже укрепились в Макао и начались

постоянные сношения Западной Европы с Китаем[239], то каким же образом эти европейские культуртрегеры не привезли бы в Европу и китайского ксилографического искусства еще в конце XVI века, за сто лет ранее того, как понадобилось изобразить его в Лейдене в 1701 году? Выходит, наоборот, что ксилография завезена в Китай европейцами и не ранее XVII века. Поэтому и все ксилографические китайские издания должны быть позднее этого времени!

Только после открытия книгопечатания и могли возникнуть общеизвестные орфографические правила, однородно преподаваемые многими учителями. А общепринятыми эти правила могли стать только при государственном утверждении их. Припомним только условности французского и английского правописания. Какой сумасшедший учитель стал бы преподавать их, если б чувствовал себя вольным писать по своему произношению? Какой ученик не сбился бы с этих орфографий, если б ему не вдалбливали их годами упражнений? До печатного периода (т.е. конца XV века), когда рукописи еще размножа-

лись разрозненными друг от друга свободными переписчиками на этом же положении, как вы пишете теперь письмо к вашему знакомому, никакой корректуры извне не могло быть, так же как и чьих-либо посторонних приказаний. Отсюда ясно, что если мы находим в разных музеях ряд хотя бы и вариантных латинских рукописей, но с той же транскрипцией, как у Гуттенберговских изданий грамматики Элия Доната[240], то рукописи эти, какими бы древними ни объявляли их открывшие, написаны после Гуттенберга. Если мы имеем греческие рукописи с той же орфографией, как и в первой печатной греческой книге (вероятно Библии), то они написаны после ее издания и т.д.

Тоже самое мы можем сказать и об арабской литературе. Прежде всего, — как я уже говорил, — мы не должны забывать, что она возникла не в Аравии, не в Египте, не в Турции и Персии, а в культурной Западной Европе. В Аравии и до XX века не было ни одной типографии, в Турции первая появилась только в 1701 году, в Египте в 1799, а в Персии (т.е. в Иране) только в 1851 году, тогда как в Лей-

дене (в Голландии), — говорят нам, — «Чудеса предопределения в судьбах Тимура», поэма «Сына арабского шаха» (Ибн-Араб-шаха) была напечатана по-арабски Галиусом еще в 1663 году, и там же Монжероном в 1767-1772 гг. сразу и по-арабски и по-латыни.

Выходит как будто, что это была первая печатная арабская книга, напечатанная на арабском языке. Спрашивается: для кого ее печатали? Неужели в голландском Лейдене на Рейне, называвшемся по латыни *Lugdunum Batavorum*, было так много арабов, что стоило заводить для них специальную типографию, с машинами, шрифтом, с арабами-корректорами, печатниками и распространителями? Об этом смешно даже и думать. Очевидно, издание это заведомо печаталось в убыток, т.е. произведено было со специальной целью распространить в публике «Чудеса» насчет Тимура, т. е. такие сказания, которым нельзя поверить.

Коран был напечатан впервые только в Гамбурге в 1694 году. Значит, хотя бы переписчики старательно переписывали его рукописи даже с 622 года нашей эры буква в бук-

ву, однако при индивидуальном творчестве арабские авторы имели бы полную свободу транскрипции в словах и именах, которых в нем нет. А потому, если у какого-нибудь арабского «историка» орфография тождественна с «сыном Арабского шаха», то все шансы за то, что не Араб-шах списал их с этих одиноких и никому неизвестных (до их описания арабистами) рукописей в разных европейских музеях, а что авторы этих одиноких рукописей взяли орфографию из него.

Такой критерий много надежнее палеографической проверки, потому что разница в почерках и транскрипции букв зависит не только от времени, но и от местности. При трудности совершать путешествия до изобретения пароходов и железных дорог всегда бывало, что отдаленная провинция далеко отставала в своем развитии от центра культуры, а потому и почерк отставал в ней на целое столетие, если не больше, в до-печатный период, когда не было общего для всех образца.

И не только этот сравнительно орфографический способ проверки старинных рукописей, но и указанные и примененные ранее

мною астрономический, экономический, этнопсихологический, филологический, ономастический и пробабилитарный, применялись до сих пор в исторической науке недостаточно, а в ономастике ориенталисты ставили даже как бы специально придуманные препятствия для того, чтобы никто кроме них не смог бы разобраться в предмете.

Что, например, сказали бы вы, если б увидели французский роман, озаглавленный *Tsarivan et Knasigor*? Сразу ли определили вы, что дело идет о русском царе Иване и князе Игоре?

Я думаю, что только после прочтения самого романа, да и то лишь в том случае, если остальные собственные имена оказались бы не в таких же соединениях со своими титулами, и то вы скорее всего подумали бы, что дело тут идет о каких-нибудь древнеперсидских рыцарях.

Но в совершенно такое же положение поставили нас и арабисты XVIII и XIX веков, соединив собственные имена деятелей с их титулами и говоря, например Душихан (или Джучихан) вместо князь души, где слово ду-

ши напоминает нам итальянское слово Дуче (duce) — вождь, а также венецианское Доже — герцог, дож. Точно так же и дикое имя Тах-тамыш перестает быть диким, когда мы разделим его на оба его компонента: Такта и мышь. Последнее слово окажется искажением русского слова муж (произносимого и теперь как муц) в старинном смысле этого слова — воин (по-немецки Mensch), а начало этого дикого имени Такта созвучно со староитальянским словом «Docto» (теперь Dotto), сделавшимся международным в средние века для обозначения ученого мужа. Такого допущения искусственных затруднений для мыслящего читателя (да и для самого себя при желании сохранить свободу мысли) современный сознательный арабист должен избегать.

Точно также можно сказать, что и приводить калейдоскопически одно за другим последовательные придворные события из жизни какого-нибудь царя вне соотношения с общей жизнью человечества, также бесполезно, как сидеть под открытым небом и старательно записывать движения по нему облаков и изменения их форм, вне соотношения с общи-

ми метеорологическими законами и не для отыскания этих законов в кажущемся беспорядке облачных движений и форм. Значит для осмысления исторических сказаний надо, по возможности, облегчить их терминологию и сделать их предмет доступным и для исследователей по смежным отраслям знаний. А арабисты у нас до последнего времени, к сожалению, поступали совершенно обратно. Вот, например, хотя бы покойный академик Ольденбург. Раз мне понадобилось ознакомиться с одним из его многочисленных арабистских исследований (кажется, с его статьей «Арабский извод мифа об Иоакинфе»). Беру указанный им номер «Известий Академии Наук» и вижу: две-три страницы его статьи, написанные на русском языке, продолжаютя двумя-тремя страницами, написанными на арабском, затем автор опять переходит к русскому языку, затем через две-три страницы опять к арабскому и так далее — до конца. Весь текст исследуемого документа дан у него отрывками по-арабски без перевода на русский, а все выводы из него написаны по-русски без перевода на арабский. Читать

его исследования и делать из них выводы не может никто кроме арабиста, и притом исключительно русского. А дай он тут же, вслед за арабским местом, и русский перевод, — его статьи могли бы очень пригодиться всякому русскому ученому исследователю.

Таким образом, пользуясь при исследовании арабских рукописей как пособием переводами Тизенгаузена, я не буду здесь следовать его ономатике, т. е. буду отделять имена от титулов, а также принимать во внимание их значение.

III. Календарная проверка придворной Летописи царя Назорея, приписываемая Богултаю около 1360 года

Вот, например, рукопись на мавро-арабском языке, попавшая неизвестно откуда и когда в Мюнхенскую Национальную Библиотеку и содержащая «Придворную хронику Египетского султана Эль-Мелика Эн-Насыра» [241], приписываемую некому Могултаю, умершему будто бы в 1360 году.

Она содержит записи какого-то, судя по внешности, придворного хроникера за период от 691 по 741 год Геджры, а по юлианскому

счету с 1291 года, начиная с того времени, когда крестоносцы были уже изгнаны греками из Константинополя, и кончая 1341 годом (незадолго до битвы на Косовом поле в 1389 году), когда турки, еще не взяв Константинополя и Никейской империи, уже овладели всем Балканским полуостровом.

Отмечу, прежде всего, что слово Эль-Мелик просто значит — царь (le roi, the king, der König), а Эн-Насир значит Назорей в том же списке, как и Христос (т. е. посвященный в высшую ученую степень), и буду в своем изложении называть его «царем-Назореем».

Я взял эту придворную летопись первую для этой части своего исследования, потому что она почти единственная из приведенных Тизенгаузенем, которая дает средства для математической проверки. В ней, в ряде случаев, указаны не только числа мавро-арабских месяцев, но и дни недели[242]. Посмотрим же, насколько дни недели оправдывают тут числа арабских месяцев и наоборот. Беру все случаи такого двойного определения, отмечая в скобках, верны они или нет. Вот они:

«В субботу 26 Зуль-хиджа (верно) 713 года

(13 апреля 1314 не високосного юлианского года) прибыли к высочайшему двору (предполагаемому в Каире, если это не искажение греческого слова Кир — „господь“) послы Узбека, властителя стран Кипчацких (т. е. области Джучи — Duce) в большом количестве, всего 174 человека. Вместе с ними приехал посол Ласкариса (прозвище никейских царей, даже и после взятия ими Царь-Града у крестоносцев)... Наш султан пригласил их к себе в Понедельник 28-го (верно) дзудь-хиджа 713 года (15 апреля 1314 года).

В Четверг (а надо в среду) 1 мухаррема 714 года (18 апр. 1314 году) означенные послы поднялись (в „Замок“); на всех их были (почетные) халаты. Во вторник (а надо в Понедельник!) 20-го мухаррема (6 мая 1314 года) был освобожден Буралги, младший по хозяйству Уза-бека (старшины Уза)... В среду (верно) 7 сафара (22 мая 1314 году) уехали послы Уза-бека; вместе с ним отправились эмир Сефи-еддин Урудж, начальник дворцовых музыкантов, и Эль-хусами Хусейн, сын Сару, из предводителей гвардии.

В субботу (верно!) 6-го шевваля 715 года (3

января 1316 году) прибыли послы Уза-бека, всего 170 человек; прибыл также посол Ласкариса... [243] В субботу (верно!) 20 шевваля (17 января 1316) послы вошли в „Замок“, и султан пригласил их в диван... В четверг (верно!) 15 Зуль-хиджа (11 марта 1316 году) послы Уза и Ласкариса поднялись (в „Замок“) перед закатом солнца, вошли во дворец. Они помолились там, спустились и уехали в Понедельник (верно!) вечером 19 Зуль-хиджа (15 марта 1316 году)...

В воскресенье (верно!) 28 Реби-эль-Авеля 724 года (25 марта 1324 году) прибыли послы Уза-бека и, вместе с ними Каракуш Эль-Кендуки, уехавший к татарам в минувшем (722) году В пятницу (а надо: в субботу!) 25 Реби-эль-Ахира (21 апр. 1324 году) уехали означенные послы...

В Четверг (а надо: в среду!) 6 Реби-эль-Авеля 741 года (30 августа 1340 году) прибыли послы Уза-бека, государя стран Кипчацких, в том числе трое вельмож: Урук-темир с сыном Мухаммед-Ходжей, Кутлу-ходжа с сыном Абу-бекром и Байдара, начальник охоты. Они были приглашены во дворец в Понедельник (а

надо: в воскресенье!) 10-го числа (3 сент. 1340 году). Им были пожалованы халаты и золотые поясы. Они представились в халатах в Четверг (а надо: в среду!) 13 числа (6 сент. 1340 году). Им была пожалована большая сумма дирхемов и назначено превосходное содержание. Потом старший из них Урук-темир захворал и умер ночью в Четверг (а надо: в среду!) 27-го того же Реби-эль-Авеля (20 сент. 1340 году). Собрались эмиры, присутствовали на похоронах его и совершили над ним молебствие.

В Четверг (верно!) 22 шабана (8 февраля 1341 году) упомянутым вельможам были пожалованы ферязи с золотым шитьем. Затем они откланялись, вышли и первого рамазана (18 февр. 1341 году) отправились обратно в свои края.

В субботу (а надо: в пятницу!) вечером 15-го Реби-эль-Авеля 741 года (9 сент. 1340 году) скончалась знаменитая госпожа Дулунбия, родственница Уза, государя стран Кипчацких. Она была схоронена в воскресенье (а надо в субботу!) 16 числа (9 сент. 1340 году) в склепе, принадлежавшем детям Аргуна, наместника

султанского в Эл-Карафе. Прибыла упомянутая из стран (Кипчацких) в то время, когда Эль-мелик-Эннысар (царь Назорей) пожелал жениться на ней. Он, действительно, и женился на ней. Приезд ее был в Понедельник (верно!) 25 Реби-эль-Авеля 720 года (5 мая 1320 году)»[244].

Разберемся немного в этих придворных записях Моголтая, в которых, конечно, было бы странно для придворного хроникера путать дни недели или календарные числа.

Мы видим, что тут почти половина дней не соответствует истине, и, что всего важнее, эти неточности не могут быть приписаны ошибкам копииста. В последнем случае они были бы не систематичны и вместо, например, субботы, мог бы оказаться любой день недели. А здесь они в восьми случаях даны только на 1 день более, чем было в действительности, в одном случае только на 1 день менее, а в шести выписанных нами и нескольких остальных — совершенно верно.

При каких условиях так могло случиться? Только в том случае, если бы в подлиннике этой записи были даны числа юлианского ка-

лендаря, а затем они были переведены уже на магометанский счет, и, следовательно, эта придворная хроника была первоначально написана не по-арабски, а на каком-нибудь из европейских языков, скорее всего на тогдашней международной латыни, а предполагаемый автор этой записи Могоул-Тай был на самом деле не придворный хроникер египетского султана, а ее переводчик[245].

Только в таком случае и могло случиться, что, переводя числа месяцев с юлианских на мусульманские, он мог по рассеянности пропустить тот или иной случай високосности мусульманского календаря, повторяющийся в неправильном порядке через год или два[246], причем, в случае високосности у последнего мусульманского месяца Зуль-Хидже считается 30 дней вместо 29, табл. XIII. Тогда и выйдет отсталость названий дней недели на один день, а при забвении юлианского високосного года или при придании простому мусульманскому месяцу значения високосного произойдет прибавка 1 дня недели.

Таблица XIII. Общепринятое чередование

29 и 30 дней в Мусульманских месяцах года
соответственно новолуниям

1	Мухаррем	30 дней
2	Сафар	29
3	Раби-эль-Авель	30
4	Раби-эль-Ахир	29
5	Джемали-эль-Авель	30
6	Джемали-эль-Ахир	29
7	Раджаб	30
8	Шабан	29
9	Рамазан	30
10	Шавваль	29
11	Зуль-Каде	30
12	Зуль-Хидже	29 (30) дней

Этот последний месяц имеет в мусульманском простом году 29 дней; а мусульманском високосном 30 дней.

Чтобы читателю-историку, неопытному в календарных выкладках, было ясно, в чем де-

ло, я представлю наглядно, как это случилось в первой нашей выписке.

Мы видели в ее начале, как в 26 день месяца Зуль-Хиджа 713 года Геджры прибыли к «высочайшему двору» послы в субботу (день назван верно!), как они были приняты в мусульманский новогодний день 1 Мухаррема 714 года, в Четверг (надо было сказать в среду), как был освобожден Бу-ральги 20 Мухаррема 714 года во Вторник (а надо было сказать в Понедельник) и как затем уехали послы 6 Сафара 714 года в среду (день назван верно!).

Изобразив эти соотношения дней и месяцев на таблице, мы видим, что такой сдвиг двух средних дней мог случиться лишь в том случае, если автор дал месяцу Зуль-Хидже 30 дней вместо 29, что бывает только в високосном году, между тем, как 713 год был по мусульманскому счету простым. Вследствие этого все дни недели в Мухарреме и попали у него на следующие дни недели (таблица XIV).

Таблица XIV. Наглядное изображение Могултаева сдвига всех чисел, начинающего но-

вый 714-й Мусульманский год, месяца Мухаррема на один день недели вперед, вследствие придачи последнему месяцу прошлого 713-го года — Зуяь-Хидже — ненужного ему в данном случае 30-го (високосного) числа

(1314 Юлианский год, 714 Мусульманский год)

юлианский счет	дни недели	мусульманский счет
13 апреля	суббота	26 Зуль-Хиндже 713 году. Приехали послы в субботу (верно!)
14	воскресенье	27
15	понедельник	28
16	вторник	29 30 Зуль-Хинде внесено напрасно
17	среда	1 Мухаррема 714 году. Приняты послы в четверг (а надо в среду)
18	четверг	2

19	пятница	3
20	суббота	4
21	воскресенье	5
22	понедельник	6
23	вторник	7
24	среда	8
25	четверг	9
26	пятница	10
27	суббота	11
28	воскресенье	12
29	понедельник	13
30	вторник	14
1 мая	среда	15
2	четверг	16
3	пятница	17
4	суббота	18
5	воскресенье	19

6	понеделник	20 Мухарре- ма 714 году Освобожден Буральги во Вторник (а надо в поне- дельник)
7	вторник	21
8	среда	22
9	четверг	23
10	пятница	24
11	суббота	25
12	воскресенье	26
13	понеделник	27
14	вторник	28
15	среда	29
16	четверг	... (30 Мухаре- ма не дано)
17	пятница	1 Сафара
18	суббота	2
19	воскресенье	3
20	понеделник	4
21	вторник	5

А при переходе ко второму месяцу мусульманского 714 года переводчик уже поправился и считал дни месяца по невисокосному счету, вследствие чего выпал у него всегда обязательный для Мухаррема 30-й день. В результате и вышла такая несообразность: вместо того, чтоб дать Зуль-Хидже 29 дней, а Мухаррему — 30, он сделал наоборот, и это не по простой опiske, а по незнанию дела, потому что дал такой расчет два раза (на 1 и 20 число Мухаррема).

А вот и второй пример.

Мы видели выше сообщение, что в 724 году Геджры к «высочайшему двору» прибыли послы от Кипчакского старшины Уза в воскресенье 28 числа Реби-эль-Авеля, причем день недели оказался правильно помеченным. А затем в пятницу 25 числа следующего месяца — Реби-эль-Ахира они уехали. Но вычисление дает для 25 числа Реби-эль-Ахира не пятницу, а субботу. Как могла произойти та-

кая неувязка?

Таблица XV наглядно показывает это. Автор дал месяцу Реби-эль-Авелю только 29 дней вместо 30, и потому все числа следующего за ним месяца Реби-эль-Ахира ушли на один день недели вперед.

Совершенно такими же дилетантскими представлениями о длине мусульманских месяцев объясняются и все остальные, отмеченные мною в исследуемой рукописи Могултая ошибки на день. Название дня недели выходит в них на «вчера», если в предшествующий месяц, имеющий только 29 дней, внесен напрасно 30-й, и на «завтра», если 30-дневному месяцу дано по ошибке только 29 дней.

Но мог ли сделать такие ошибки действительно мусульманский придворный хроникер? — Ни в коем случае!

Ведь счет дней в двенадцати мусульманских месяцах чрезвычайно прост (см. табл. XIII). Нечетные месяцы имеют четное число дней — 30, а четные — наоборот, имеют нечетное число — 29, и только в високосных мусульманских гг. последнему месяцу — Зуль-Хидже — прибавляется один день.

Сбиться тут можно только в високосной прибавке к Зуль-Хидже, определяемой особою таблицею, а ошибиться в остальном, как мы видим здесь, во всех приведенных случаях, кроме первого, мог только профан, не помнящий даже простого чередования мусульманских месяцев. Механика таких ошибок здесь совершенно ясна из моих сопоставительных таблиц XIII, XIV и XV.

И вот окончательный результат только что произведенного нами исследования:

Если книга аудиенций «Царя-Магистра» (Эль-Мелика Эн-Насыра) не позднейший подлог начинающего западноевропейского арабиста, с целью употребить его как материал для докторской диссертации или оправдать командировку на Восток, то это перевод на мавританско-арабский язык какой-нибудь придворной европейской хроники XIV века с перенесением места действия в Египет.

Таблица XV. Сдвиг чисел месяца Реби-эль-Ахира 714 года Геджры по дням недели на одно число вперед вследствие того, что перечислитель с юлианского счета дал предше-

ствовавшему Реби-эль-Авелю 29 вместо 30 дней

25 мая	Воскресенье	28 Реби-эль-Авель... Прибытие послов старшины Уза в воскресенье
26	Понедельник	29 (30 число Реби-эль-Авеля не дано)
27	Вторник	1 Реби-эль-Ахира
28	Среда	2
29	Четверг	3
30	Пятница	4
31	Суббота	5
1 апреля	Воскресенье	6
2	Понедельник	7
3	Вторник	8
4	Среда	9
5	Четверг	10
6	Пятница	11
7	Суббота	12

8	Воскресенье	13
9	Понедельник	14
10	Вторник	15
11	Среда	16
12	Четверг	17
13	Пятница	18
14	Суббота	19
15	Воскресенье	20
16	Понедельник	21
17	Вторник	22
18	Среда	23
19	Четверг	24
20	Пятница	25 Реби-эль-Ахира 724 году уехали послы старшины Уза в пятницу (а надо в субботу).
21	Суббота	

Сначала я склонялся к последнему решению этой дилеммы, но потом стал считать более вероятным второе, т. е. подлог. Дело в том,

что в то самое время происходило постепенное завоевание турками османами малоазийских владений Никейской империи, причем и сам город Никея был захвачен в 1330 году у Андроника III (1328-1341). Значит, указанные здесь послы Ласкариса были послы его предшественника Андроника II (1282-1328 год), тоже находившегося под постоянной угрозой мусульман. Но зачем же им было ездить представляться в Египет к единоверцу их врага, да еще и морем мимо находящихся во владении католиков-венецианцев островов греческого архипелага? И как могли ездить к ним послы египетского султана-мусульманина тем же самым, прегражденным для них путем? Выходит, что весь этот рассказ не выдерживает критики не только по причине незнания его автором числа дней в магометанских месяцах, но и по самой политической конъюнктуре того времени.

IV. Сравнение Дукмака, Макризи и Нувейри

Посмотрим теперь и на остальные «мусульманские» документы о том же «монгольском иге».

Относительно большинства таких рукописей мы не имеем, как я говорил уже, указаний, откуда и когда они попали в западноевропейские хранилища. Мы знаем только, что ни в Каире, ни в Багдаде и ни в каких западно-азиатских и африканских царствах не было никогда книгохранилищ вплоть до середины XIX века. Доверять голословным сообщениям о том, что автор той или другой их этих рукописей жил «от такого-то до такого-то года Геджры» или юлианского счисления также мало оснований, как и рассказам первого встречного. Да и сами повествования часто заставляют современного образованного человека, не верящего в чудеса, только отмахиваться от них обеими руками.

С такой точки зрения всегда интересно узнать, в каком году и на каком языке вышло первое печатное издание данного сочинения, так как пометить только что вышедшую во многих экземплярах книгу давно минувшим годом значило бы возбудить разговоры корректоров и наборщиков. Но, к нашему удивлению, почти ни одна из приведенных Тизенгаузенем арабских рукописей, несмотря на

интерес, возбужденный к арабской литературе со времени крестовых походов, не была не только напечатана, но и переведена ни на один из европейских языков до самого Тизенгаузена, издавшего свои отрывочные русские переводы в 1884 году. А между тем рукописи в единственных в свете экземплярах находятся почти в каждом европейском музее, и притом большая часть из них представляет в основе какие-то чудом (если они написаны не в Европе!) переписки друг с друга, но не простые, а с вариантами, дополнениями и исключениями того, что не нравилось копиисту.

Вот, например, хотя бы запись Мак-Ризи, жившего, — нам говорят, — между 1364 и 1442 годами нашей эры и написавшего «Книгу путей для познания династий царских», дающую политическую историю Египта от 1171 по 1441 году.

Сравнение ее с летописью сына Дук-Мака, жившего, — говорят нам, — между 1308 и 1388 годами (причем слово Дук созвучно с французским Due), мы находим, например, для 1317 года:

У сына Дук-Мака.	У Мак-Ризи.
------------------	-------------

(между 1308 и 1388 гг.)	
В 717 году	(между 1364 и 1442 гг.)
(в 1317 году нашего счета)	В Рамазане 717 года
возвратились	(в ноябре 1317 году нашего счета)
от	прибыли
Хана Уза и	из владений
государя Константинопольского	старейшины Уза
Айдогды-Эль Билики	<i>(отсутствует)</i>
Эль-Харезми,	князь Ала-Эддин-Айдогди
Хуссейн, сын Сару	Эль-Харезми
и патриарх Мелькитский.	Хуссейн, сын Сару
Вместе с ними послы	и патриарх Мелькитский
Старейшин Уза	Вместе с ними послы
Шарик, Бугуртай, Куртук,	царя старейшины Уза
Омар Крымский	Шерик, Багартай, Куртук

и послы от Яскари- са	Омар Крымский
царя Константино- польского	и послы Ласкариса
и евнух его	<i>(отсутствует)</i>
он же старший в до- ме его	и служитель его
Михаил Эль-Абрука- тимус	старейшина дома его
Это название по-гре- чески	Михаил Катиманус
указывает на долж- ность	Это пояснение отсут- ствует:
его при царе его и второй — Иоанн	Абрукатеменос (ο — Προϋαθηλευος — зна- чит постельничий)
и третий Теодорос,	<i>(отсутствует)</i>
Они явились к высо- чайшему	и Теодаос.
двору представили свою грамоту и под- несли свой подарок	<i>(отсутствует)</i>
Подарок старейши- ны Уза	При них были подар- ки

состоял из	Подарок старейшины Уза
3 сокола, 6 невольников,	составляли
3 кольчуг	3 сокола, 6 невольников,
булатного меча	кольчуга,
и шлема.	булатный меч
Никто из царей этих прежде	и шлем.
не присылал ничего подобного, потому что у них в обычае бережливость.	(Это рассуждение отсутствует у Мак-Ризи).

Уже с первого взгляда привычный критический глаз здесь видит, что Дук-Мак переписывал это место из Мак-Ризи, пополняя его приходившими в его голову мыслями и догадками, а никак не Мак-Ризи, сокращая Дук-Мака, обратив греческое слово **о-Прокатеменос** из **Абракатименуса** в **Катимануса**, уменьшив число послов с трех до двух, число подаренных кольчуг с трех на одну и исключив пояснение, что никто из этих царей прежде не присылал таких богатых даров.

На это же усовершенствование слога и на пополнение переписанного у Мак-Ризи указывают и другие параллельные места Дук-Мака.

Но каким же образом Дук-Мак мог исправлять и пополнять летопись Мак-Ризи, вышедшую уже после его (Дук-Мака) смерти?

Ведь я только что указал, что по самим же арабистам Макризи родился в 1364 году, а умер семидесяти восьми лет отроду в 1442. Даже, предположив невероятное, что он начал писать свою летопись лет 22 от роду, он написал бы это срединное место не ранее как года через три, т. е. не ранее 1389 года, когда Дук-Мак уже умер.

Географические имена на Карте Беникказы от устья Дуная до устья Риона

San Giorgio	trinici	vospro
Solina (Сулина)	saline	pondico
lichostoma (Килия)	Chalamita (Инкермань)	Charcavognj
fidonisi (остров в море)		Secham

	fanar (на море)	saline
saline	Giriconda (Херсон)	chumania (Кумания)
falchonair		San Gorgio
monchastro (Аккерман)	Zembano (Балаклава)	lena de Gospori
		pertetti
la Ginestra	calojani	polonixi
flordelix	san todero (Аи Тодор)	palastra
barbarexe		lo Chachi
Grotte de tonnj	Garcovi (Гурзуфь)	paracomo
porto bo	rangropoli	fiume rosso
Zagori (остров в море)	Soldaya (Судак)	
	lustra (Алушта)	porto pixiani
erexe	Scuti (Ускют)	margomixi
magatico	meganome	la tana
pidea	callitra	Cassar de li rossi
Isola rossa	pecsidema	Ja charia

G(olfo) de Nigropoli	Caffa (Феоодосия)	basinachi (Печенеги)
saline	Zavida	
largoxida	Cipico	far mango
varangito	cavallari	far parvo
rosofar	Aspro miti	lo pexo
san Giorgio	porto de cusacho	savastopoli (древняя Диоскуриада)
la Cincopa	alba Zichia	
lo cicy	Zichia	p(orto) mengrello
Chopa	Sanna	Zichaba
C(apo) de croxe	cavo de Cubba	Goto
matriga (Тамань)	casto Avogassia	corobendi
тара (Анапа)	Aiaco	negaromo
trinici	caccari	li potimo
calolimena	san Soffia	y arcossia
mauro laco	C(apo) de Giro	faxio (Фазид и Рион)
corecha	ресконда (Пицунда)	paliostoma

maura Zichia	cavo buxio	San Giorgio
flume londia	fiu(me) di Nicosia	

Так каким же образом этот Дук-Мак поправил и усовершенствовал сказания Макризи, лежа в могиле, после своей смерти? И во всяком случае, человек, умерший за 54 года до смерти другого человека, не может быть его продолжателем.

Чего же стоят все эти определения лет рождения и смерти арабских авторов?

Вот, например, еще и Эн-Нувейри, у которого под 650, 652 и 653 годами Геджры (от 1252 по 1255 года нашего счета) почти буквально повторяется, как жена князя Турков и Кипчачков (жителей области Джучей), где столица называется Сарай, «послала персидскому князю Хулаку стрелу без перьев и кафтан без пояса со словами: „Нет более стрел, а колчан остался без лука, приходи, чтобы принять царство“, но народ за это убил ее», и т. д.

Опять по буквальности изложения рассказ этот списан с легкими вариантами из Дук-Мака, а Эн-Нувейри считается умершим в Каире

в июне 1333 года, за 35 лет до смерти Дук-Мака, да и сам объем его тридцатитомной энциклопедии «Крайний предел необходимости по части отраслей образованности» показывает, что он не мог жить ранее разгара «Эпохи Возрождения».

Таковыми доказательствами несамостоятельности всех, так называемых, «арабских авторов» полны их собственные сочинения, и потому, не отягощая своего изложения дальнейшими сопоставлениями текстов, я остановлюсь только на крайней фантастичности их представлений о трех «Сараях», столицах, по их мнению, турецко-кипчакского царства.

V. Подарок сына Батуты: Поразительная галантность татарских кавалеров по отношению к местным дамам. Волшебный город «Царяй» (Сарай за Волгой)

Возьму, прежде всего, сочинение марокканца Ибн-Батуты «Подарок интересующимся по части диковинок дальних стран и чудесных путешествий», найденное, конечно, в Испании и впервые исследованное и напечатанное парижским «Азиатским Обществом» параллельно с французским переводом. По сло-

вам Автора, он обошел не только область Тимбукту на реке Нигере, за Сахарой, что вполне возможно для марокканца, но также и отдаленные для него и непонятные по языку южную Россию, Индию и Китай между 1325-1346 годами.

Я не буду здесь указывать на физическую невозможность такого путешествия в первой половине XIV века, а укажу только на нелепость многого того, что он описывает наряду с совершенно правильными фактами, могшими сделаться известными в Испании едва ли ранее конца XVIII века нашей эры.

«Мы добрались, — говорит он[247], — морем из Синопа до гавани, называемой Керчью... Я сказал хозяину судна:

„Я хочу сойти здесь“, и он спустил меня на берег.

Я увидел церковь, направился к ней, застал в ней монаха, и на одной из стен церкви увидел изображение арабского мужчины в чалме, опоясанного мечом и с копьём в руке. Перед ним горела лампада. Я сказал монаху: — Что это за изображение?

Он ответил (*на каком же языке?*): — Это

изображение пророка Али (Илии) — и я удивился его ответу...

Местность, в которой мы остановились, принадлежит известной под именем Дешт-Кипчака. (Дешт пишется через „Т“ — на тюркском языке и значит степь), *(а по историкографическим соображениям это ассимиляция немецкого Deutsch)*. Она зеленая, цветущая, но нет на ней ни горы, ни холма, ни подъема. Нет на ней и дров, и жгут только сухой помет, который называют тезек — пишется через „З“ *(очевидно, это кизик, кизяк)*. Ты видишь, как даже старейшины их подбирают его и кладут в полы одежды своей. Ездят по этой степи не иначе как на телегах, а растилается она на шесть месяцев пути; из них три едешь по землям султана Мухаммеда Узабека, а три по другим владениям.

На другой день нашего прибытия один из купцов наших товарищей отправился по этой степи к тем, которые принадлежат к народу, известному под именем Кипчаков. Они христианской веры. Он нанял у них телегу, которую тащил конь. Мы сели в нее и прибыли в город Кафу *(Феодосию)*; имя ее пишется через

„К“ и „Ф“. Это большой город, который тянется вдоль морского берега. Населяют его христиане, большая часть которых Генуэзцы. У них князь по имени Эль-Демедир. *(Предлагаю самому читателю восстановить это французское имя в арабской передаче и судить по нему и о других наименованиях!)*

Мы остановились в Кафе в мечети мусульман и пробыли в ней с час. Потом услышали мы со всех сторон звуки колоколов. Никогда еще не слышал я их и, перепугавшись, приказал товарищам моим взойти на башню, прочитать Коран, помянуть Аллаха и совершить призыв к молитве. Они так и сделали. Вдруг к нам вошел человек, на котором были латы и оружие. Он приветствовал нас и на наш вопрос, кто он такой, сообщил нам, что он кади здешних мусульман.

— Услышав, — сказал он, — чтение Корана и призыв к молитве, я испугался за вас и пришел к вам, как вы видите.

Потом он ушел от нас и мы не видели там ничего кроме добра. На следующий день пришел к нам эмир и устроил угощение. Мы поели у него, прошлись кругом по городу и уви-

дели в нем прекрасные базары. Жители там неверные... Мы увидели чудную гавань, в ней было до 200 судов военных и грузовых, малых и больших. Это одна из известных гаваней мира. Затем мы наняли колесницу и поехали в город Кирам (*т. е. Крым*) — пишется через „КИ“ и „РА“ — это город большой и красивый».

Мы видим, что до сих пор все было хорошо, и есть город Старый Крым. Затем опять все идет правдоподобно, за малыми исключениями. Возьмем, например, главу «О телегах, на которых ездят в этой стране»[248].

«Колесницу называют они араба (*т. е. арба — от франкского слова отЪе — вращающееся колесо, или от семитического „орбаа“* [249]) — пишется через „а“, „ра“ и „ба“. У каждой из них 4 больших колеса; есть между ними такие, которые везут две лошади, но есть и такие, в которые впрягают больше этого. Возят их также волы и верблюды (??), смотря по тяжести или легкости арбы. Тот, который управляет арбой, садится верхом на одну из везущих ее лошадей, на которой находится седло. В руке его плеть, которую он приводит в

движение для погонки, и большой шест, которым он направляет арбу, когда она сворачивает с пути. На нее ставится нечто вроде свода, сделанного из прутьев дерева. Его обтягивают войлоком или попоной; в нем бывают окна решетчатые и тот, кто сидит в ней, видит людей, они же его не видят; он поворачивается в ней, как угодно, спит и ест, читает и пишет (*даже пишет!!!*) во время езды. На тех из арб, на которых возят дорожные тяжести и съестные припасы, находится такая же кибитка, но с замком.

Когда я задумал ехать, я изготовил для своей езды покрытую войлоком арбу, в которой со мной поместилась моя девушка. Для товарища моего я нанял маленькую арбу, а для остальных спутников — большую, везомую тремя верблюдами, на одного из которых сел верхом возница арбы...

Проехав от города Крыма 18 станций, мы прибыли к обширной реке, через которую переправлялись целый (!) день вброд. Чем больше скот и наши арбы погружались в эту воду, тем сильнее становилась грязь ее и увеличивалась трудность переправы... Так мы

ехали до тех пор, пока добрались до другой реки, через которую переправлялись пол дня. После этого мы проехали еще три дня и прибыли к городу Азаку (Азову) — имя его пишется через „а“, „з“ и „к“, который лежит на берегу моря и отличается красивой постройкой. Приезжают туда Генуэзцы и другие с товарами и живет в нем брат-странноприимец Бичакджи, один из вельмож тамошних, который кормит приезжающих и уезжающих».

Мы видим до сих пор знакомые имена. Но вот начинаются и новости:

Тут же оказывается и город Маджар, т. е. венгерский, мадьярский[250].

«Поехал я в город Маджар — пишется через „ма“, „джа“ и „р“ — город большой, один из лучших турецких городов, на большой реке, с садами и обильными площадями. Мы остановились там в ските благочестивого религиозного престарелого шейха, достопамятного Батайхи (Батюшки?), родом из Батайха (?) Иракского.

В ските его около 80 факиров арабских, персидских, турецких и румских, женатых и холостых. Живут они подаяниями. Жители

этой страны питают большое доверие к факирам и каждую ночь приводят в скит лошадей, коров и овец.

Царь и его жены ходят посещать шейха и получать от него благословение; они расточают милостыни и раздают большие подарки, в особенности женщины, которые делают большие подаяния и творят добрые дела... На базаре этого города я увидел еврея, который приветствовал меня и заговорил со мной по-арабски. Я спросил его, из какой он страны, и он сообщил, что он из земли Андалусской (Испания), что он прибыл оттуда сушей, а не ездил морем, и приехал через Константинополь Великий, через Румские земли и страну Черкесов. Он упомянул также, что с тех пор, как он был в Андалусе, прошло 4 месяца. Торговцы странствующие, которые знакомы с этим делом, подтвердили правильность его слов.

В этом крае я увидел чудеса по части великого почета в каком у них женщины. Они пользуются большим уважением, чем мужчины[251]. Что касается жен князей, то в первый раз мне привелось увидеть их при выезде из Крыма: я увидел тогда жену князя Сал-

тыя, в арбе ее. Вся арба была обтянута дорогим синим сукном; окна и двери кибитки были раскрыты; перед женою князя находились четыре девушки, сопровождавшие ее. Приблизившись к месту привала князя, она сошла с арбы и вместе с нею сошло около 30 девушек, которые приподымали полы ее одежды (*т. е. шлейф*). На них были петли; каждая девушка бралась за петлю, приподнимая от земли полы со всех сторон, и она шла таким образом, важно покачиваясь (*очевидно длинный был шлейф, если его несли на тесемках 30 девушек!*). Когда она дошла до эмира, то он встал перед ней, поклонился ей и усадил ее возле себя, а девушки окружили ее. Принесли меха с кумысом. Она налила его себе в чашу, присела на оба колена (*т. е. сделала реверанс*) перед эмиром и подала ему чашу. Он напился. Потом она дала напиток брату его, а эмир дал напиток ей. Подано было кушанье и она поела вместе с эмиром. Он подарил ей платье и она возвратилась.

Вот каким образом обходятся там с женами князей! Что же касается жен торговцев и простых людей, то я видел и их. Одна из них

была в арбе, которую вез конь, перед нею три или четыре девушки, приподнимавшие полы ее платья (*т. е. шлейф*). На голове ее шапочка, украшенная драгоценными камнями, с павлиньими перьями наверху. Окна кибитки были растворены; лицо ее открыто, потому что турецкие женщины не завешиваются (*будто бы?!).* Иная из них таким образом со слугами везет овец и молоко, которое продает народу за благовонные товары.

Иногда с женою едет и муж ее и, если кто увидит его, то примет его за одного из слуг ее (*одним словом, совсем как в Париже в рыцарскую эпоху*). На нем нет другой одежды, кроме шубы из овечьей шкуры, а на голове соответствующая этому шапка, которую они называют кула.

Из города Маджара мы собрались ехать в ставку султана, находившуюся в четырех днях пути от Маджара в местности, называемой Бишдаг (*Бештау*). Биш — пишется через „би“ и „ш“ — значит у них пять, а „дат“ значит гора — пишется через „да“ и „г“. На этом Пятигорье (*гора Бештау действительно находится у Пятигорска*) находится ключ горячей

воды, в котором Турки купаются. Они полагают, что кто выкупается в нем, того не постигнет кручина болезни.

Отправились мы к месту царской ставки и прибыли к нему в первый день рамазана (6 мая 1334 году), но нашли, что ставка уже откочевала. Тогда мы вернулись в то место, из которого уехали, потому что ставка обычно была поблизости от него. Я разбил свою палатку там на холме и к нему подошла царская ставка, которую они называют Урду (*от латинского слова ordo — орден*), и мы увидели большой (*кочевой*) город, движущийся с своими жителями. В нем кочевые мечети и базары (!) и дым от кухонь, взвивающийся по воздуху. Они варят пищу во время самой своей езды и лошади везут арбы с ними. (*И откуда же подвозят пищу для такого кочевого города и, если едят только скот, то где же он находит траву при таком стеснении, ведь ее пожрут в одно мгновение!*). Когда достигают места привала, то палатки снимают с арб и ставят на землю, так как они легко переносятся. Таким же образом они устраивают мечети и лавки.

Мимо нас проехали жены султана, каждая из них со своими людьми отдельно. Когда проехала четвертая из них, дочь князя, Иса, она отрядила отроков и девушек, которые приветствовали меня и передали мне привет от нее, а сама она остановилась, чтобы дожидаться их. Я послал ей подарок с одним из моих спутников. Она приняла его, как доброе предзнаменование, приказала, чтобы я остановился в ее соседстве и отправилась далее. Подъехал царь и расположился в своей ставке отдельно.

Имя его достославный Уз-бек[252], — пишется оно через „у“, „з“ и „б“, а слово хан у них значит султан. Этот султан обладатель огромного царства, он силен могуществом, велик саном, высок достоинством, сокрушитель врагов Аллаха, жителей Константинополя Великого и усердный борец за веру в войне с ними. Владения его обширны и города великие. В числе их: Кафа (Феодосия), Крым (?!), Маджар, Азов, Судак, Хорезм (считаемый за Хиву) и столица его — Сарай. Он один из тех семи царей, которые величайшие и могущественные цари мира. К ним принадлежат:

1. Владыка наш (*Мароккский султан*), повелитель правоверных, тень Аллаха на земле его, представитель победоносной рати, которая не перестанет вступаться за истину до наступления часа. Да подкрепит Аллах дело его и возвеличит победу его!

2. Царь Египта и Сирии.

3. Царь обоих Ираков.

4. Этот царь Уз-бек.

5. Царь земель Туркестана и Мавераннахра.

6. Царь Индии и

7. Царь Китая».

Подумаем немного над прочитанным.

Вот здесь перечислены «семь великих царств земли», очевидно, по числу семи дней недели, семи древних металлов и семи бывших планет. Пять из них не требуют дальнейших разъяснений, это: Царь Китая, царь Индии, царь обоих Ираков (Персии и Месопотамии), царь Египта и Сирии и «наш владыка» (т. е. султан Мароккский) где, говорят, писал автор еще при существовании Кордовского калифата, уничтоженного христианами в 1492 году.

Шестой великий царь — «царь земель Туркестана и Мавераннахра» — может быть отождествлен с Османом I, (умершим в 1326 г.) султаном Турции и Сирии с Палестиной, так как по буквальному арабскому смыслу Туркестан значит Страна Турок (теперь Малая Азия), а не русский Туркестан и М-Аврааннахр значит: то, что по ту сторону Реки (Ефрата), и кроме того, Авар-Нахрой называлась область Сирии с Палестиной; я не говорю уже о созвучном разложении Moab-Iran-Agr[253], т. е. Арабско-Иранская равнина.

Выходит, что это было уже после того времени, когда Гузы (иначе Узы), называемые также «Сель-джуками», взяли у лотарингских «Салических дюков»[254], малоазиатскую Nikeю (1097 г.), Антиохию и Эдессу в Верхней Месопотамии (1098 г.) и даже (1099 г.) самый Эль-Кудс (называемый европейцами Иерусалимом).

Значит царь Туркестана, т.е. попросту Турции и Мавераннахра является шестым царем Батутовой седмицы величайших земных царей.

— А кто же был его седьмой царь — царь-

старейшина Уз — имя которого тождественно с именем завоевателей того времени Узов, иначе Гузов?

Он назван обладателем «огромного северного царства, царства Дештского и Кипчакского», включавшего в себе также и тогдашние Генуэзские колонии в Крыму и поселения на северных побережьях Черного моря. Столица этого огромного северного царства была в величайшем из семи величайших городов — Сарае (по-русски Царяе, так как слово царь по греко-латыни и по мавро-арабско-еврейски произносится — Сар).

Что же это было за царство?

И вот едва лишь подходя к этому вопросу, вы невольно спрашиваете себя: а почему же в числе семи Ибн-Батутовых великих царств нет огромного Дейштского царства (Deutsche Reich) по нашему — «Германского»? И вы тотчас отмечаете, что слово «Дейштское царство» — одно и то же название, хотя Батута и говорит, что Дешт значит — степь.

Затем вы видите, что знаменитейшим по мусульманским сведениям царем его был Узбек, проникший и в русские летописи под

именем Озбяка, покровителя Москвы, выдавшего свою дочь замуж за московского князя Юрия Даниловича и давшего в 1328 году своему свойственнику Иоанну Даниловичу Московскому грамоту на великое княжение в русских странах. И вы вспоминаете, что в это самое время царствовали в Дейтшско-Кипчакской (т.е. немецко-австрийской) империи Габсбурги (Habsburgen), а слово Хабсбург[255] настолько непроизносимо для безграмотных не немцев, что легко перековеркивается ими и в Озбяк, и в Узбек.

С этой точки зрения и Озбяка русских летописей можно попытаться отождествить с одним из Габсбургов, да и название бухарских, ферганских и хивинских дворян узбеками могло получиться от них же через Дейштское царство в Крыму.

Кроме того, вы не можете не отметить, что Кипчаки, половцы и куманы только три различных названия того же народа. Нам говорят, что куманы, населяющие теперь Великую и Малую Куманию, т. е. всю средину Венгрии — потомки половцев, переселившихся сюда во время 4-го крестового похода, как буд-

то убегая от генуэзской колонизации, а с новой точки зрения выходит наоборот: кипчаки и половцы действительно то же самое, что и современные нам венгерские куманы, но только незачем им было бежать с Черного моря от генуэзцев в Венгрию, а, наоборот, весь их расчет был вместе с генуэзцами придти из Венгрии в Черноморские страны в качестве торговцев-купчаков.

И эта моя догадка (что название страны, находящейся к северу от Черного и Азовского морей Дешт-Кипчакскою, равносильно ее названию Дейшт-Купчакскою, т. е. немецко-купеческою) подтверждается многими немецкими словами административного смысла, вошедшими в украинский язык. Так, я уже указывал, что слово «бусурман» или, как пишется в летописях «бессерман», есть немецкое «**Besteuermann**», т. е. сборщик податей, и что **ярлык** на княжение есть годовичное (**jährliche**) вассальное обязательство вносить определенную дань сюзерену, вследствие чего и теперь графы в Англии называются earl'ями. А теперь я приведу еще несколько и других слов, указывающих на то, что герман-

цы когда-то господствовали на Украине, и что казаки вовсе не «крепостные беглецы», а являются перерождением крестоносцев, благодаря смешению их с местным украинским населением. Почему в Запорожской сечи они и называли себя **рыцарями** (лыцари) от немецкого слова **Reiter** — всадник, а современное название их **казаками** скорее всего происходит от латинско-итальянского **casa** — дом, откуда и слово **казарма** — армейский дом, так что «казак» — значит хуторянин.

Титул главного начальника их «гетман» — есть немецкое слово **Hauptmann** (главарь), титул подчиненного ему старшего начальника — **атаман** — есть немецкое слово **Amtmann** — должностное лицо[256]. Но ведь отсюда выходит, что все начальство там первоначально было дейтшное, т. е. немецкое, но не без влияния генуэзцев-венецианцев, так как второе мусульманское название этого края Улус **Джучи** слишком созвучно с итальянским словом **Дуче (Duce)** — вождь (откуда и сербские короли — душаны), чтобы оставить такое совпадение без внимания.

Аналогично этому и старинное слово **те-**

рем, есть немецкое **Turm** — башня, ставшее по-русски названием и тюрьмы, что тоже указывает на бывшую когда-то немецкую административную инициативу в России. Да и самое название Турции — по-турецки Оттоманская империя, — напоминает тех же немецких Амтманов — должностных лиц, а латинское влияние мы видим в именах: **Румыния** (Romania), **Румелия**, т. е. римские страны, в названии Турции **Румом** и даже в имени **Армения**, где **А** — есть еврейский определительный член, аналогичный французскому *Le*, так что первоначальное чтение было **а-Романия**, что опять могло возникнуть только во время крестовых походов, когда на ее месте была Венецианская (Требизондская)[257] империя. Что же касается до истории «Древней Великой Армении», то она очень похожа на миф.

Слово «**храм**» происходит от «**хоромы**», но не отсюда ли и гарем? Слово «**город**» не родственно ли с французским **GARDA** — хранитель?

Возможно, что и наше слово «**царь**» пришло к нам во время крестовых походов от французского титула (**sir**), сохранившегося в

английском «сэр», хотя его мы видим и ранее в именах многих мифических царей, вроде Балта-цар, Салмана-сар (царь Соломон), Сар-Гон (царь Гуны), Сара (царица) и даже в имени индийской богини Сара-свати (т. е. святая царица, супруга «бога-слова», покровительница наук).

Мы видим это же слово и в именах городов, вроде Саратов, Сара-Госса (Sara-gosa) в испанской Арагонии, Сара-пуль (Sara-polis) у нас в Вятской губернии на р. Каме, причем греческое окончание указывает на греческое влияние (и, конечно, не ранее конца крестовых походов), а также и в других словах, каковы: Сара-цины, т.е. царевцы, аналогично словопроизводству предшествовавших им каролингов (королевцев); сюда же относится Сарабанда — медлительно-торжественный испанский танец, и этот же корень сохранился в старинных испанских и итальянских фамилиях, вроде, например, знаменитого скрипача XIX века дона Пабло Сараза-те и т. д.

Значит, и три города Сарая, которые мы находим у мусульманских писателей: Сарай-Бату, Сарай-Берке и Новый Сарай, как

будто намекают на **Сарай-Бати**, т.е. столицу папы — **Ватикан**, на Сарай-Берке, по-немецки **Сарай-Бург**, что в переводе на Русский язык и значит **Царь-град**, т. е. Стамбул — Константинополь и на **Босна Сарай**, как по-турецки и до сих пор называется столица Боснии — Сараево.

Таковы лингвистические следы, сохранившиеся до сих пор, которые, как следы на снегу от прошедшего по нему зверя, ведут нас к германско-латинскому господству в Южной России во время крестовых походов западных народов в славянские и русские страны в XII и XIII веках нашей эры. И все наши наиболее достоверные сведения об этом периоде безусловно показывают нам, что Франция и Германия были сильнейшими государствами того времени и молва о них гремела по всем окрестным странам.

Так каким же образом, — повторю я, — Ибн-Батута, уроженец Танжера на Южном берегу Гибралтарского пролива, вся культура которого была связана с тогдашнею мавританской Андалузией[258], перечисляя свои семь величайших государств «земного круга»

и, зная о таких отдаленных, как Китай, Индия, два Ирана (по-русски Персия и Месопотамия), Египет с Сирией, Турция с Аравией, ничего не знал о существовании ближайшего к нему Дейтшского государства, сильнейшего и культурнейшего из всех земных государств того времени? Каким образом вместо этого действительно величайшего тогда, со времени Карла Великого, государства Европы у него вышло какое-то невозможное географически (между нижней Волгой и рекой Уралом) величайшее из всех земных Дештское царство с царем Узбеком, который фигурирует в русских летописях под именем Озбяка, способствовавшего возвышению Московского царства, выдавшего свою сестру замуж за Московского князя Юрия Даниловича и давшего грамоту на великое княжение также его преемнику, своему племяннику Иоанну Даниловичу в 1328 году. Выходит, что по женской линии и все московские цари происходили от этих Дештских царей! Спросим же себя: откуда происходит имя Уз или по русским летописям Оз (Озбяк)? Я говорил уже, что это имя может быть простым искажением фами-

лии Habsburg, но можно сделать и другое предположение.

Припомним, что в средние века восточная часть королевства франков, из которой развивалась Австро-Германия, называлась Австро-Азией (Auster-Asia). Значит, и Азией вообще (вернее, Асией в средние века называлось все франкское королевство). Но если это так (а тут даже и спорить нельзя), то и народы Австро-Азии могли называться азами, т. е. христианами. А гласный звук «А», как видно из истории фонетики, легко переходит и в «О», и в «У», так что и имя Уз-бек или Оз-бяк может быть просто Иезу-бек, т.е. христианский царь и является общим названием для Австро-Азийских князей-старейшин.

Кроме того, мы уже видели ранее, что Дунай прежде назывался Волгой, так как и до сих пор на берегах его живут Волгари, по-гречески (по-русски — Болгары), но затем, когда западно-европейская культура, благодаря тем же крестовым походам, стала распространяться на Восток, отодвигая туда и границы Австро-Азии, крестоносцы, уйдя за Дунай, перенесли его прежнее название «Волга» на со-

временную нам Волгу, а южнее они же шагнули за Босфор, давши название «Азия» сначала Анатолийскому полуострову (по-гречески Асия[259]), а затем и всему континенту, да и название Босфор перешло на Керченский пролив Азовского моря, создавши миф о будто бы существовавшем там древнем Боспорском царстве.

Благодаря этому и Австро-Азийские события могли в воображении части последующих поколений ученых схоластов переключать на восток, создав там призраки могучих империй. Вот эти-то исторические призраки и находим мы у Ибн-Батуты на фоне имевшихся у него верных географических сведений о Крыме, чем легко доказывается, что сам он не был путешественником, а только компилятором рассказов, принесенных его предкам возвращавшимися крестоносцами, придав им для убедительности характер собственного путешествия и перемешав между собою страны и нравы. Вот, например, его описание дворцовых приемов этого самого царя — старейшины Уз-бека.

«Одна из привычек его та[260], что в пят-

ницу после молитвы он садится в шатер, называемый золотым шатром, разукрашенный и диковинный. Он состоит из деревянных прутьев, обтянутых золотыми листками. Посредине его деревянный престол, обложенный серебрянными позолоченными листками; ножки его из чистого серебра, а верх его усыпан драгоценными камнями. Царь садится на этот престол; с правой его стороны две фаворитки (хатуни) и с левой — две. Перед ним сидит дочь его Ита-куджуджюк, т.е. Идочка[261]. Когда приходит одна из фавориток (в подлиннике хатуней, не от греческого ли гетера?), царь встает перед нею и держит ее за руку, пока она всходит на престол. Что касается до главной из них, то он идет к ней навстречу до двери шатра, приветствует ее и берет ее за руку, а когда она взойдет на престол и усядется, только тогда садится сам царь и все это происходит на глазах людей без прикрытия.

Старшая фаворитка (хатунъ) это сама царица...[262] Сообщил мне один из заслуживающих доверия людей, знакомых с рассказами об этой царице, что царь любит ее за одну

свойственную ей особенность, которая состоит в том, что каждую ночь он находит ее как бы девственницей. Другой рассказывал мне, что она из потомства той женщины, из-за которой, как говорят, царство отошло от Соломона — да будет над ним мир — и которую он, когда царство опять вернулось к нему, приказал оставить в безлюдной степи. Она-то и была брошена в степи Кипчакской. Половой орган ее был видом похож на кольцо, как это бывает у всякой, кто происходит от нее. Но ни в Кипчацкой степи, ни в другом месте я не видел никого, кто бы рассказывал, что он встречал такого рода женщину или слышал про нее кроме этой царицы. Только один из жителей Китая говорил мне, что там есть порода женщин такого вида. Мне под руки не попадалась такая, и я не знаю, действительно ли это так.

На другой день после посещения царицы, мы зашли ко второй фаворитке (*хатуни*) и застали ее на тюфяке (*кушетке*), читающей „достославную книгу“ (*Коран*). Перед нею было около десятка женщин-старух и до двадцати „дочек“ (*m. e. деvушек — filles*), которые шили

золотом одежды. Мы поклонились ей, и она прекрасно ответила нам приветствием и речью, приказала принести кумысу и собственноручно подала мне чашу, подобно тому, как это сделала царица. Затем мы ушли от нее.

Имя третьей фаворитки Баялунь[263] (*созвучно с русским боярыня*), пишется через „ба“, „я“, „лу“ и „н“. Она дочь владыки Константинополя Великого, султана-такфура. Мы зашли и к ней. Она сидела на резном троне с серебряными ножками; перед нею было до 100 византийских, тюркских и нубийских девушек, стоявших и сидевших. Во главе их были отроки[264], а перед нею еще дворецкие из Византийцев. Она расспросила о нашем положении, о нашем приезде, о дальности нашей родины, плакала о нас и утирала лицо свое, находившимся в ее руках платком, вследствие своей жалости и сострадательности. Она приказала подать угощение, которое и было принесено. Мы поели в ее присутствии, и она глядела на нас. Когда мы захотели уйти, она сказала: „Не уходите от нас совсем, а возвращайтесь к нам еще раз и поведайте нам ваши нужды“.

Она выказала благородные черты характера и послала нам вслед за кушаньями много хлеба, масла, баранов, дирхемов, прекрасную одежду, трех коней отборных и десяток других, обыкновенных. С этой фавориткой я потом совершил обратное путешествие свое в Константинополь Великий.

Четвертая фаворитка Урдужа (*Ордуша*[265]) пишется через „у“, „р“, „ду“ и „джа“. Названа была она так вследствие рождения своего в *Орде(не)*. Она дочь старшего эмира, Иса, начальника улуса. Я застал его живым; он был женат на дочери царя Ите-Куджуджук (*т. е. Идочке*). Эта фаворитка была из лучших, добрейших нравом и сострадательнейших хатуней. Мы пошли к ней и нашли в ней по части доброты ее нрава и благородства души то, больше чего нельзя найти. Она приказала подать нам кушанья и мы поели в ее присутствии. Затем она угостила нас кумысом и спутники мои пили его. Она спрашивала нас о наших делах и мы ответили ей. Потом мы зашли к дочери великого царя Уза-бека. Имя ее Ита-Куд-жуджук — пишется через „ит“, „ку“ и два „джу“. Значит это имя собачка, а

куджуджук (собственно, куджук или кучук) — маленький[266]. Мы уже сказали выше, что турки получают свои имена по случаю[267], как это делают арабы. Она приказала позвать к ней правоведов кадиев, сейида шерифа Дельхамида и общество талибов, шейхов и факиров. Явился также муж ее, эмир (созвучно с французским *le maire* — мэр) Иса (Исус), дочь которого замужем за царем, и сел с нею на один ковер. Он страдал подагрой и не мог ни ходить на своих ногах, ни сидеть верхом на коне, а только ездил на арбе. Когда он захотел зайти к царю, то слуги снимали его с арбы и вносили в собрание. Такая болезнь распространена между турками. Со стороны и этой фаворитки мы увидели милости и доброту характера, каких мы не видели ни у кого, кроме нее. Она осыпала нас щедротами и облагодетельствовала. Да воздаст ей бог добром!

Одноутробные братья и мать обеих — царица Тайтутлы, о которой мы говорили выше. Имя старшего брата Тинабек (князь тело), пишется через „ти“ и „на“. Бек значит эмир (т.е. князь), а тин — тело, так что имя его значит как бы князь тела. Имя брата его Джани-бек

(князь душа) пишется через „джа“ и „ни“. Джан значит душа, так что назывался как бы князем души.

Я слышался там о городе Булгаре и захотел отправиться туда, чтобы взглянуть на то, что говорится про чрезвычайную краткость его ночи, а также и про кратковременность дня в противоположное время года. Между ним и ставкою царя был десяток дней пути. Я попросил себе проводника и он отправил со мною такого, который довел меня туда и привез обратно к нему. Прибыл я туда в рамазан (8-й месяц Геджры) и, помолившись на закате солнца, мы разговелись. Сделан был призыв к вечерней молитве во время нашего разговенья. Мы совершили ее и три другие молитвы — теравих, шаф и витр — вслед за тем занялась и заря. Также короток день в Булгаре в период краткости его зимой. Пробыл я там три дня. *(Неправда! Казань же лежит на широте Москвы. Кратчайшее время от заката до восхода солнца продолжается там, как и в Москве, 6 часов, а длиннейший день 16 часов. Из всех известных тогда стран, такая короткая ночь, как у автора, могла быть только в*

Швеции и Норвегии. Значит, вся Казанская Болгария — миф. А дальше у автора еще хуже):

Захотелось мне пробраться и в „Страну мрака“. Вход в нее через Булгар и между ними 40 дней пути. Но я отказался от этого вследствие больших хлопот, потребных на это, и малой пользы от такой поездки.

Путешествие туда совершается не иначе, как на маленьких повозках, которые возят большие собаки, ибо в этой пустыне везде лед, на котором не держатся ни ноги человеческие, ни копыта скотины; у собак же когти и ноги их держатся на льду. Проникают туда только богатые купцы, из которых у иного по 100 повозок или около того, нагруженных съестным, напитками и дровами, так как там нет ни дерева, ни камня, ни мазанки. Путеводитель в этой земле — собака, которая побывала в ней уже много раз; цена ее доходит до 1000 динаров или около того. Повозка прикрепляется к ее шее и припрягаются еще три собаки. Этот авангард, за которым следуют прочие собаки с повозками. Остановится авангард и они останавливаются. Таковую соба-

ку хозяин не бьет, не ругает. Когда подается корм, то он кормит собак раньше людей, в противном случае собаки злятся, убегают и оставляют хозяина на погибель.

Совершив по этой пустыне 40 станций, путешественники делают привал у входа в „мрак“. Каждый из них оставляет там товары, с которыми приехал и возвращается в свою обычную стоянку. На следующий день он приходит туда снова для осмотра своего товара и находит насупротив некоторое количество белок, соболей и горностаев. Если хозяин товара доволен тем, что нашел насупротив своего товара, то он берет его, если же не доволен им, то оставляет. Тогда жители „мрака“ надбавляют своего товара или убирают его, оставляя на месте товар купцов. Это значит — они отказываются. Так происходит там купля и продажа. Те, которые ездят туда, не знают даже и того, кто покупает у них и кто продает им — духи это или люди.

Горностай — лучший сорт мехов. В Индийских землях шуба из него стоит 1000 динаров, т.е. по размену на наше золото 250 динаров *(выходит, что в тропической Индии ходят в*

меховых шубах, да еще горностаевых!). Он чрезвычайно бел и происходит от шкуры маленького животного, длиною в пядень. Хвост у него длинный, и его оставляют на шубе в своем виде. Соболь ниже его; шуба из него стоит 400 динаров и меньше. Одна из особенностей этих шкур та, что в них не забираются вши. Князья китайские и вельможи сплошь покрывают свои шубы вокруг шеи одною шкурою. Также поступают и купцы Персии и обоих Ираков.

Вернулся я из города Булгара с князем, которого царь отрядил вместе со мною, и застал я его ставку в местности, известной под именем Бишдаг (*Бештау около Пятигорска*). Это было 28 рамазана. Я присутствовал с ним при праздничном богослужении... Султан остановился у деревянной башни, которая называется кутк (*по-русски — киоск*), и уселся в ней с женами своими...

Поставлены были щиты для стрельбы каждому начальнику томана (*т.е. темнику, от русского тма — 10 тысяч*) особый щит. Начальником томана (*тьмы*) у них называется тот, у которого 10000 всадников. Присутство-

вало таких темников 17, предводительствовавших 170-ю тысячами...

Принесли золотые и серебряные сосуды для питья[268]; большею частью они пьют медовое вино. Они ханефийского толка (*иначе канефейского, вероятно от греческого тйно-теи, т. е. Новозаветники*) и считают вино дозволенным.

Когда султан захочет пить, то дочь его берет кувшин в руку, приседает (*делает реверанс*) и потом подает ему кувшин. Он пьет, а затем она берет другой кувшин и подает его старшей фаворитке, которая пьет из него. Потом она подает остальным фавориткам по старшинству их. Затем наследник престола берет кувшин, кланяется и подает его отцу, который пьет, потом фавориткам, и наконец сестре, кланяясь им всем. Тогда встает второй сын, берет кувшин, угощает брата своего и кланяется ему. Встают старшие князья; каждый из них подает пить наследнику престола и кланяется ему. Потом встают царевичи и каждый из них подает пить этому второму сыну и кланяется ему. Затем встают младшие князья и подают пить царевичам. В это время

поются песни.

Мы пришли в мечеть выжидать соборной молитвы. Султан запоздал. Кто говорил, что он не придет, потому что опьянел, но по прошествии долгого времени он прибыл, пошатываясь, приветствуя сейида-шерифа и улыбаясь ему. Он называл его „ата“, что на тюркском языке значит отец (*тятя*). Мы помолились соборно, народ вернулся в свои жилища и при царе остались в эту ночь фаворитки и дочь.

Когда праздник кончился, мы отправились в путь с султаном и его ставкою и прибыли к городу Хаджи-хану (*Астрахани*)[269]. Тархан значит у них место, изъятое от податей; пишется через „та“, „р“, „ха“, и „н“. Город этот получил название свое от тюркского хаджи паломника, одного из благочестивцев, поселившегося тут. Султан отдал ему это место беспоплино и оно стало деревней; потом оно увеличилось и сделалось городом. Это один из лучших городов, с большими базарами, построенный на реке Итили, которая одна из больших рек мира. Царь остается здесь до тех пор, пока усиливается стужа и река замерза-

ет... по реке этой и соединенным с нею водам зимою ездят в арбах на расстоянии 3 дней пути. Часто по ней проходят караваны, даже и в конце зимней поры, но при этом тонут и погибают.

Когда мы прибыли в город Хаджи-тарха (*Ас-Траханъ*[270]), то фаворитка Баялунь, дочь Византийского царя, просила султана позволить ей посетить своего отца, чтобы у него разрешиться от бремени, а потом возвратиться к нему. Он дал ей позволение и она попросила его позволить мне отправиться в сообществе ее для осмотра Константинополя Великого. Он дал мне позволение и подарил мне 1500 динаров, халат и множество лошадей. Каждая из фавориток подарила мне серебряные слитки, которые они называют саумами (*суммами*) — пишется через „са“; в единственном числе саума (*сумма*). А дочь его одарила меня больше всех, одела меня и дала мне верхового коня.

Мы отправились 10-го шеввали[271] (*14 июня 1334 году*) в сообществе Баялунь и под ее покровительством. Царь проехал для проводов ее одну станцию. Царицы проехали вто-

рую станцию и потом тоже вернулись.

Отряд наш составлял около 500 всадников, в том числе до 200 слуг из невольников и византийцев; остальные из тюрков. Было при ней также до 200 девушек, по большей части византийских... Было с нею еще десять византийских отроков и столько же индийских (!?). Старший начальник индийцев назывался — Сунбулем, а начальник византийцев — Михалом. Тюрки же называют его Лулу (*жемчужина*); он был одним из великих храбрецов...

Мы направились к городу Укаку — пишется через „у“ и „ка“ (*такого нигде нет*) — городу средней величины, но красивой постройкой, с обильными благами и сильной стужей.

Между ним и между Сараем, столицей великого царя (*Узбека*) 10 дней пути, а на один день пути из этого города находятся горы Русских. Последние — христиане, красноволосые, голубоглазые, безобразной наружности, народ плутовской. У них серебряные рудники (*никогда не было!*) и из их страны привозятся серебряные слитки, на которые продается и покупается товар в этом крае...

Через десять дней мы из этого города при-

были в город Сурдак (Судак, Сурож), имя которого пишется через „су“, „р“, „да“ и „к“. Это один из городов Кипчацкой степи на берегу моря. Гавань его одна из самых больших и самых лучших. Вокруг него сады и воды; населяют его Турки и под их покровительством несколько греков, которые занимаются ремеслами. Большая часть домов его деревянные. Город тот прежде был велик, но большая часть его была разрушена по причине раздора, который произошел между византийцами и турками, и в котором победа сначала осталась за византийцами. Тогда туркам помогли их сообщники, которые перебили византийцев страшнейшим образом и выгнали. Только часть их остается там под покровительством турок до сего времени...»

Но по словам самых ортодоксальных историков город Судак с 1365 года был Генуэзский, а с 1475 года — турецкий город. Значит это написано не ранее 1480-1500 года. А каким же образом говорят, что Ибн-Батута путешествовал между 1302-1377 годами?

«Потом, — продолжает сын Батуты, — мы прибыли к городу, известному под именем

Баба-Салтук (*т. е. отец Салтук*[272]). Баба имеет у них такое же значение, как у Берберов (*т. е. papa, отец*); они только резче произносят букву „б“. Салтук — пишется это имя через „сал“, „ту“ и „к“ — был, говорят, прорицатель, и про него рассказывают такие вещи, которые запрещает закон. Этот город самый крайний из турецких городов; между ним и между первыми владениями византийцев 18 дней пути степью, без всякой оседлости, в том числе 8 дней без воды. Запасается для них вода и везется в мехах и бурдюках на арбах...

В половине Дзуль-каады (*июль 1334 году*) мы вступили в степь. С того дня, когда нас покинул царь, до начала степи мы ехали 19 дней и были на остановках 5 дней... После этого мы прибыли в крепость Махтули; это первые владения византийцев — пишется имя ее через „ма“, „х“, „ту“ и „ли“. Так как византийцы уже слышали о приезде этой царицы в их край, то в крепость прибыл Кефали (*голова*) Никула Византиец с большим войском и большим угощением, а из дворца отца ее, царя Константинопольского, приехали дамы и акушерки.

Между Махтули и Константинополем 22 дня пути; из них 16 дней до пролива и 6 дней до Константинополя... Находившимся в свите хатуни туркам стало ясно, что она обратилась к вере своих предков и желает остаться при своем отце, и они попросили у нее позволения вернуться в свою землю. Она дала им позволение, одарила их богатыми подарками и отправила с ними, для препровождения их восвояси, князя, называвшегося Саруджа малый (*Сереза?*) с 500 всадниками».

Вместе с ними, — по словам сына Бату-ты, — поехал обратно в Дештское царство и он, и так описывает тогдашнюю погоду[273].

«Было это во время сильной стужи. Я одел три шубы и две пары шаровар, из которых одна была с подбоем. На ногах у меня была шерстяная обувь, поверх ее обувь, подбитая холщевой материей, и сверх этого обувь из лошадиной кожи, подбитой волчьей шкурой... Когда я умывал лицо свое, то вода, прикасаясь к бороде моей, замерзала; я дотрагивался до нее и с нее падало нечто вроде снега. Вода, которая текла из моего носа, тоже замерзала на усах. Вследствие множества платья, которое

было на мне, я не был в состоянии влезать на арбу, так что меня подсаживали мои спутники.

Я прибыл в город Хаджи-тархан (*Ас-траханъ*), где мы покинули царя Уза-бека. Оказалось, что он уже уехал и поселился в столице своего царства. Мы ехали по льду реки Итили и соединенным с нею водам три дня. Река была замерзшая. Когда мы нуждались в воде, то отламывали кусок льду, кидали его в котел, где он опять становился водой и мы пили ее и употребляли на варку.

Приехали мы наконец в город Сарай[274], — имя его пишется через „са“ и „рай“. Известен он под именем Сарая-Берке. Это столица царя Уза-бека. Зашли мы к царю и он расспросил нас о том, как мы съездили, о царе Византийском и о городе его. Мы сообщили ему обо всем этом и он приказал дать нам пропитание и помещение».

Так калейдоскопически перемешиваются у Ибн-Батуты правильные сведения с нелепостями и сухие описания с романтикой. И вот мы подошли к самому нелепому по географическим условиям месту.

«Город Сарай, — пишет он, — один из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненный людьми, с красивыми базарами и широкими улицами. Однажды мы поехали верхом с одним из старейшин его, намереваясь объехать его кругом и узнать объем его. Жили мы в одном конце, выехали оттуда утром, а доехали до другого конца только после полудня, совершили там молитву полуденную, поели и добрались обратно до нашего жилища не раньше, как при закате[275]. Однажды мы прошли его в ширину; пошли и вернулись через полдня, и все это сплошной ряд домов, где нет пустопорожних мест, ни садов. В нем 13 мечетей для соборной службы; одна из них шафийская. Кроме того, еще чрезвычайно много других церквей. В нем живут разные народы, как то: Монголы — это настоящие жители страны и владыки ее; некоторые из них мусульмане; Асы (*они оке Узы и Озы, откуда и имя царя Уз-бек, а по-русски Оз-бяк*), которые мусульмане; Кипчаки черкесы (*старинное название казаков от города Черкасы на Дону*), Русские и Византийцы, которые христиане.

Каждый народ живет в своем участке отдельно; там и базары их. Купцы же и чужеземцы из двух Ираков, из Египта (!!), Сирии и других мест живут в особом участке, где стена ограждает имущество купцов.

Царский дворец называется Алтунташ (*Златоглавый*), Алтун пишется через „а“, „л“, „тун“ и значит золото, а таш пишется через „та“ и „ш“ — значит голова.

Есть там келья правоведа, ученого имама Номан-еддина Эль-Харезми. Я видел его; это один из отличнейших шейхов, прекрасного нрава, благородной души, чрезвычайно скромный и чрезвычайно строгий к обладателям мирских благ. Царь Узбек каждую пятницу приходит навещать его, но имам не выходит к нему навстречу и не встает перед ним. Царь садится перед ним, говорит с ним самым ласковым образом и смиряется перед ним, а шейх поступает противоположно этому. Совсем иное было обхождение старца с факирами, нищими и странниками: он относился к ним снисходительно, говорил с ними ласково и оказывал им почет. Он почтил и меня — да воздаст бог ему добром! — и при-

слал мне тюркского невольника. Я был личным свидетелем одной его благодати. Хотел я из Сарая поехать в Харезм, но он сказал мне:

— Тебе придется остаться.

А я все-таки решился ехать, и вдруг сбежал у меня слуга и я остался. Это одно из явных чудес. А по прошествии трех дней один из моих спутников нашел этого сбежавшего слугу в городе Хаджитархане (*Астрахани*) и привез его ко мне. И только тогда я отправился в Харезм. Между ним и столицей Сараем степь в 40 дней пути. По ней не ездят на лошадях вследствие недостатка корма; арбы возят там только верблюды. Из Сарая мы ехали 10 дней и прибыли в город Сарай-джук (*Сарайчик*[276]). Джук пишется через „джу“ и „к“ и значит маленький, так что Сарай-Джук значит Сарай Малый. Он лежит на берегу большой и быстрой реки, которая называется Улусу — пишется через „у“, „лу“, „су“ — что значит „великая вода“ (*река Урал?*). На ней мост из судов, как мост Багдадский. У этого города кончилась наша езда на лошадях, везущих арбы. Мы продали их там и для перевозки арб наняли верблюдов.

У едущих по этой степи в обычае быстрота, вследствие недостатка свежей воды. Верблюды, которые пересекают степь, большею частью погибают, а теми из них, которые остаются в живых, пользуются только на другой год, после того, как они потучнеют. Вода в этой степи встречается в известных водопоях через два-три дня. Это вода дождевая и скопляющаяся в песчаной почве (что явно невозможно). Пройдя эту степь, мы прибыли в Хarezм».

Но такого города в Азии нет, лишь по маршруту ясно, что автор называет так Хиву. Почему же такое название, когда в самой Хиве никто его не знает? Обращаясь к древней истории, мы видим что Хarezмом у классиков называлась страна царства Ахемонидов (Безбрачников), которую историки эпохи Возрождения поместили без особых доказательств в этой самой местности. Но ведь Хarezмское царство, — говорят нам, — исчезло с лица земли еще до начала нашей эры? Как же это имя воскресло у сына Батуты? Почему он не называет этого города просто Хивой, а по классически? Вот как он описывает его:

«Это один из самых больших, значительных и красивых Турецких городов, богатый славными базарами, просторными улицами, многочисленными постройками, отборными красотами. Он точно колеблется от множества своих жителей и волнуется от них, как волна морская. Однажды я поехал по нему верхом и заехал на рынок. Забравшись в середину его и доехав до крайнего предела давки на место, которое называется шаур, я не был в состоянии пробраться через него вследствие множества народа. Я растерялся и возвратился лишь после больших усилий. Один из народа сказал мне, что в пятницу на этом рынке бывает меньше давки, потому что Харезмцы запружают в этот день Кайсарийский [277] базар и другие рынки...

Этот город под властью царя Уз-бека, у которого в нем старший князь по имени Кутлу-думур, построивший там училище с принадлежавшими к нему помещениями, а мечеть построила его жена, благочестивая дама Тура-бек — пишется через „ту“, „ра“, „бе“ и „к“. В Харезме есть больница, при которой сирийский врач. Не видал я в других странах

людей ни лучших характером, чем жители Харезма, ни благороднее душой, ни ласковее к чужеземцам.

Есть у них по части молитвы прекрасный обычай, он состоит в том, что кто не является на молитву вместе со всеми, тот наказывается имамом плетью в присутствии общины. С этой целью в каждой мечети повешена плеть. Кроме того, не пришедший платит пять динаров, которые употребляются на потребности мечети и раздаются нищим и бедным. Харезмцы говорят, что этот обычай существует у них с давних времен. За чертою Харезма — река Джейхун, одна из четырех рек, которые текут из рая. Во время стужи она замерзает, как река Итиль; люди ходят по ней и она остается замерзшей 5 месяцев. В летнее же время ездят по ней в судах до Термедза и привозят оттуда пшеницу и ячмень. Для спускающегося вниз по реке — это переезд в 10 дней.

После утренней молитвы пришли к нам в Харезме местный кади и вместе с ним несколько старейшин города. Это мужи доблести и благородства. В учении их преобладает итизаль (*раскол*), но они не выказывают

его, потому что царь Уз-бек и начальник города Харезма Кутлу-думур, сунниты (*а ранее Уз-бек назывался „Ханефийцем, пьющим вино“*)... Имя Кутлу-думур пишется через „ку“, „т“, „лу“, „ду“, „му“ и „р“ и означает „благословенное железо“, так как „кут-лу“ значит — благословенный, а думур (*или Тимур*) — железо. Этот эмир, сын тетки великого царя Уза-бека, старший из его князей и его правитель Хорасана. (*Теперь Хорасан персидская провинция с главным городом Мешдхедом, но между нею и Хивой лежит Туркменская степь с городом Мервом*)...»

Я не выписываю дальнейших сообщений сына Батуты, так как в данном случае нам интересны только его представления о России. Когда не было еще географических карт и курсов географии, возможно было как угодно перетасовать между собою все города и народы и приписывать им какие угодно чудеса, чередуя их с совершенно правильными сообщениями действительно бывавших там людей. А для того, чтобы читатель не спрашивал, от кого автор узнал все это, самый лучший способ был изложить все свои сведения

от имени путешественника, который будто бы сам все это видел. Так, несомненно, сделали авторы книг Плано Карпини, Марко Поло и Рубрука (или как его иначе называют Рубруквиса); так сделали и автор книги Ибн-Батута и авторы всех остальных арабских и «не арабских» путешествий в далекие страны вплоть до XIX века нашей эры.

Нам не интересно здесь допытываться, от кого сын Батуты получил свои верные сведения о Бухарских дынях, песчаных степях и так далее[278], а интересно выяснить происхождение неправдоподобных рассказов. О части их нетрудно догадаться.

Рассказ о городе Волгаре на Волге, близ которого «солнце летом всходит так быстро после заката, что не успеешь прочитать и нескольких молитв», опровергается вполне современной астрономией, показывающей, что самый короткий летний срок между закатом и восходом солнца продолжается там, как в Москве, Риге или Копенгагене, около 6 часов, время вполне достаточное не только для того, чтобы помолиться, но даже и выспаться после этого. Такой короткий промежуток от-

сутствия солнца, как описывает сын Батулы, бывает летом только на середине Скандинавского полуострова и на Шотландских островах, так что и рассказ о нем мог дойти до Андалузии, где писал автор, не иначе, как через английских моряков. А миф о «стране-мраке» на севере земли, мог образоваться лишь через преувеличение рассказов норвежских рыбаков, бывавших на мысе Нордкапе, где солнце не восходит зимой два месяца, причем умолчано о том, что летом оно не заходит там на несколько дней дольше такого срока, так что ту же самую страну можно назвать не только местом «вечного мрака», но и местом «вечно-го света».

Рассказ о том, что люди ездят в это «царство вечной ночи» на собаках, базируется явно на рассказах сибирских туземцев, но они могли дойти до Испании не ранее того, как Ермак проник на реку Тобол, и во всяком случае, не ранее водворения Строгановых в Пермской области в половине XVI века.

Рассказ о чрезвычайной галантности «Сарайских» царей и всех культурных жителей Сарайского царства по отношению к «дамам»

мог возникнуть только от перенесения за Волгу рыцарских нравов, господствовавших в Константинополе во время существования там Латинской империи Балдуина и его преемников между 1204 и 1261 годами, что вполне понятно не только потому, что рыцари перенесли туда культ женщины из рыцарской Испании, Италии и Франции того времени, а католические миссионеры принесли туда культ Мадонны, но и тем, что женщины западной Европы участвовали в крестовых походах много реже, чем мужчины. Из этого одного становится вполне понятным, что рыцари за них дрались там друг с другом на дуэлях, а их дамам все прощалось.

Аналогичное этому в слабой степени происходило и при первой колонизации Америки и Австралии, хотя при большей семейственности английских женщин нового времени дуэли из-за них и не привились там.

Культ западно-европейских женщин в Латинской империи Балдуина[279] и отразился у Ибн-Батуты с перенесением на магометанский Восток, где они были на самом деле на положении заключенных в гаремах, продава-

лись в замужество своими отцами и не показывались посторонним мужчинам иначе, как в чадрах.

Все, что тут рассказывает автор о его приемах женами султана и о публичном поклонении им их мужей, настолько же нелепо для магометанского востока, как и рассказы о стране вечного мрака на севере земли.

Отсюда выходит, что «Сын Батуты» ни в каком случае не может считаться писателем XIV века, а не ранее XVII, когда поездки на собаках в тайгах северной Сибири стали известны в Западной Европе по рассказам придворных бояр и чиновников приезжавшим в Москву западноевропейским послам. Но это было время не ранее Ивана Грозного (1547-1584) или даже императора Петра I (1689-1725), когда католическое иго на Руси было уже подменено монгольским игом, и католические царь-грады (Сараи) были уже перенесены из-за Дуная за Волгу.

Этим хронологическим выводом и закончу свой критический разбор псевдо-путешествия сына Батуты. Он не путешествовал, а сидел дома в Испании, собирая все, что мог по

истории и географии Востока и не отличая правдоподобного от нелепого.

Итогом этой главы можно считать то, что все отмеченное выше в первоисточнике да, очевидно, и многое другое, написано не ранее XVI-XVII, а потому как много там напутано, писалось все частью очевидцем, частью с чужих слов, частью же бралось из других источников. Закljučая главу, можно сказать, италом (или Итилем), что и Сарай (или Царяй) за Волгой был списан с царицы тогдашних морей Венеции, самое имя которой читается Венчанная и которая находится у протоков реки По, как и мифический Сарай помещается фантазерами у протоков Волги. От итальянского слова Дуче (Duche) — вождь — могло произойти и третье название Дейтшского царства Улус Джучи (т. е. удел Вождя), а название первого главы этого государства Души-хан — напоминает и Дуче-хана и Доже-хана (Doge-chan).

Припомнив, что у рыцарей крестовых походов, кроме жены, был обычай иметь еще и дам сердца, которым они посвящали свою военную карьеру и свое поклонение, мы пой-

мом и сущность рассказов Ибн-Батуты о Сарайских (т. е. венецианских и генуэзских) хатунях, т. е. фаворитках герцогов и о том необыкновенно почтительном и деликатном внимании, которое им оказывалось и самими герцогами (ханами) и всеми окружающими, и только с этой же точки зрения становятся понятны и чисто французские костюмы этих дам, совершенно тождественные с западно-европейскими костюмами эпохи гуманизма, и их фрейлины и пажи, несущие за ними шлейфы. А без этого объяснения все приведенные Тизенгаузенем «Арабские рассказы о „Золотой Орде“» являются только сказками наподобие «1001 ночи». И недаром сам Ибн-Эль-Асир, рассказав свою историю пришествия татар из Монголии, восклицает (Тизенгаузен, 1,16):

«Клянусь Аллахом! Я не сомневаюсь, что кто уцелеет после нас и прочтет это мое описание, тот станет отрицать его, сочтет за небылицу и будет правда на его стороне».

Глава III. Мусульманские Писатели о славянах и о России

Посмотрим теперь и на так называемых «арабских писателей», писавших до времени крестовых походов и после них.

Вот передо мною книга ориенталиста А. Я. Гаркави: «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских». Открываем ее на 230 странице, и видим перевод такого места из «Книги Путей и Государств» Абул Касима Магомета по прозвищу Ибн-Хаукаль, относимого к 967 годы нашей эры.

«Русы состоят из трех племен, из которых одно ближе других к Булгару (*т.е.* к „городу Волгарю“, откуда можно заключить, что нижнее течение Дуная у славян называлось Волгой).

Царь этого племени Русов живет в городе Куябе (*т. е. Киве*)[280], который больше города Булгары. Другое племя выше первого называется Славия (*Славония*), а царь ее ... (*имя пропущено, или, скорее, вытерто в рукописи, вероятно по причине анахронизма, чтоб не обнаружить более позднего времени книги, заранее относимой к X веку*). А третье племя называется Артания (*т. е. Ордения, в другом варианте — Арта, т. е. Ордея*), и царь его жи-

вет в Арте (*т. е. в Орде*)».

Из сообщения автора о черных соболях можно заключить, что автор никогда не видел их мехов, а сообщение о привозе свинца (*или олова*) славянами — артанцами можно считать правильным только в том случае, если они жили около Татрских или Карпатских гор или в Чехии. Что же касается до утверждения, что в Орду никого не пускали, то это лишь доказательство того, что книга Хаукаля написана не в X веке, а не ранее XV, уже после ухода католических крестоносных орденов с русского востока Европы, когда следы их неудавшегося движения туда уже были стерты римскими клерикалами.

Но общая этнографическая схема «трех русских племен» дана здесь автором вполне отчетливо: это Киевляне, Славинцы и Артанцы (иначе Орденцы, подвластные какому-то ордену).

Киевляне и Славинцы не возбуждают больших разногласий у специалистов. Но локализовать Артанцев или Орденцев немислимо с обычной точки зрения, если считать, что Ибн-Хаукаль писал свою «Книгу Путей и

Государств» действительно в X веке нашей эры. Лишь допустив, что он жил не ранее XIII, когда крестоносные ордена (а по прежней терминологии — орды) владели Русью, это место получает вполне отчетливый смысл.

Тогда выйдет следующее. Вся Татрская область, и то, что было в унии с папской церковью через посредство светских и духовных католических орденов, естественно называлась мусульманами Орденией со столицей этой области Ордой. Там должна была находиться резиденция папского наместника (примаса Русов), где-нибудь около Татрских гор, а потому и показание Ибн-Хаукаля получает логический смысл и даже освещает нам общее положение дел на славянорусском Востоке в том самом виде, как это обрисовывается с нашей точки зрения на татарское иго.

Но может быть только Ибн-Хаукаль держался такой этнографической схемы?

Совсем нет. Вот другой, почти современный ему, писатель Аль-Истахри, в своей «Книге Климагов»[281] говорит теми же самыми словами, так что трудно сказать, кто у кого списал:

«Русь, — говорит он, — состоит из трех племен, из коих одно ближе к Булгару (*городу Волгарю*), царь его живет в городе, называемом Кунба (*Киев*), который больше города Булгара. Другое племя называют Славия (*Славяне*), а третье племя называется Артания (*Орденя*), и царь его находится в Арте (*Орде*).

Купцы из Византии ездят в Кунбу (*Киев*), что же касается до Арты (*Орды*), то никто туда не входит, ибо жители убивают всякого чужестранца, путешествующего по их земле. Из Арты (*Орды*) вывозятся черные соболи и свинец. Русы сожигают тела свои, когда умирают, а вместе с богатыми сжигаются их девушки для блаженства душ их. Одежда их — короткие куртки. Арта (*Орда*) находится между Хазаром (*т. е. Немецким кайзером*) и Великим Булгаром, граничащим с Румом (*Византией*) к северу. Они, т. е. орденцы, многочисленны и так сильны, что наложили дань на пограничные места Рума (*Византии*). Внутренние же — Булгары — христиане».

Итак, сомнений нет. «Книга Климатов» Аль-Истахри и «Книга Путей и Государств» Ибн-Хаукаля вовсе не X века, а не ранее XIV

века, так как знают уже, что третье племя русов было под властью крестоносных орденов. А положение города Орды между Болгарией и Хазарией, т. е. страной Кайзера, показывает на то, что авторы имели уже точные представления о географическом положении славянских народностей (независимо от того, кто у кого списал эти фразы).

Во всяком случае, название части «русов» орденцами является общепринятым у мусульманских писателей времени крестовых походов, потому что кроме Аль-Истахри, Ибн-Хаукаля и Идриси, мы встречаем его и у Ал-Балхи, Димешки, Ибн-Аяса, Ибн Аль-Варди и др.

Вот что пишет по этому поводу А. Я. Гаркави[282]:

«Третье племя Русов называется у Аль-Истахри, Ибн-Хаукаля и Идриси — Артанья или Arthania. А что касается до имени столицы артанцев — Арта или Арна, как ее пишет Аль-Варди, то это бесспорно Арта или Артаки, как дано в персидском переводе Истахри и как и Ибн-Аяса. Буквы Ф и З отличаются по-арабски только числом точек на том же самом начертании. Это имя неправильно читал

Мордтиани в своем переводе, называя страну русов Утания или Аутания, ибо в арабском письме весьма трудно различить между У и Р. Но в настоящем случае, персидский перевод Истахри, Ибн-Хаукаля, Идриса, Димешки, Ибн-аль-Варди и Ибн-Аяса ручаются нам, что первый слог в этом слове есть Ар, а не У или АУ»[283].

Столица этого племени в Моллеровом тексте Истахри и у Ибн-Хаукаля названа Арбою, но в персидском переводе имя это пишется, как и имя страны, Арта или Artha.

«Племя его — продолжает Гаркави, — по мнению Френа[284], есть ветвь (*несуществующего теперь*) мордовского племени Эrsa или Эр-за (*Эранне*), имя которого сохранилось, по мнению того же ученого, у названия нижегородского города Арзамаса»[285].

С мнением Френа соглашаются Доссон[286] и О. Савельев[287]. Рено же, принявший чтение Арба вместо Арта говорит: «Я принужден допустить, что город Арба — это город Пермь» [288].

Но почтенный французский ориенталист упустил из виду:

а) что почти все писатели, приведенные нами выше, имеют чтение Арта для города и Артания для племени;

б) что принимая даже его чтение Арба для города в значении Перми, решительно нельзя понять, почему имя Аутания или, по Мордтманну, Утания, придается именно Пермьякам.

«Кроме Рено, — оканчивает это хитросплетение Гаркави, — никто не пытался объяснить это имя иначе, чем Френ. Можно было бы привести слово Арта в связь с арситами Птолемея, в которых историк узнает славянское племя, так как они упоминаются Александрийским географом между другими славянами. Но это значило бы прикрывать одну прореху другой, ибо историку не удалось найти подходящего объяснения имени Арситов у Птолемея. Посему за неимением лучшего, будем пока держаться Френовского объяснения, считать, что дело идет об Эрзе (т.е. третье племя русских были арзамасцы), а что касается до того, что Истахри причисляет мордовскую Эрзу к Русам, то это сделано просто по незнанию, или же, как думают Френ и Савельев, на основании того, что Эрзяне были по имени

Русы».

Таково положение дела с третьим племенем Русов у мусульманских писателей. Первые два племени их были киевляне и балканские болгары, а третье племя русских, если верить толкователям, была провалившаяся сквозь землю еще во время крестовых походов или даже просто придуманная специально для этого места — Арзамасская мордва. Да и действительно: что лучше можно было придумать с обычной точки зрения? С таким же правом можно бы сказать, что третье, племя — русские — было литературное общество Арзамас, основанное в 20-х годах XIX века Жуковским, Пушкиным и другими тогдашними писателями в память Карамзина в Москве и Петербурге. Не лучше ли считать, например, пережитком Арты валахский округ Арджиш (Argesu) к северу от Бухареста на реке того же имени, вытекающей из восточного конца Карпатских гор, прорвав Трансильванские Альпы, впадающей в Дунай, пройдя расстояние около 375 километров? На берегах ее и до сих пор находятся золотоносные пески, откуда могло явиться и название Золотая Орда.

Лишь ставши на нашу точку зрения, мы все тут приведем в порядок. Три племени Русов были: киевляне, теперь украинцы, юго-западные славяне, орденские славяне, т.е. остальные давшие начало названию великороссов и находившиеся тогда под протекторатом ордена тамплиеров в унии с католиками.

Нам говорят, что в географических представлениях Аль-Истахри большая путаница, что он например, ничего не знал о Каспийском море, что его Хазарское море, при общем сопоставлении сказаний, есть ни что иное как Черное море, а река Итиль более похожа на Дунай, чем на Волгу[289].

Но не принадлежит ли часть этой «путаницы» не его, а нашим представлениям?

Вот, что он пишет в своей «Книге Климатов» (с. 3).

«Что касается Хазар, то это имя племени людей, а не название столицы, имя их столицы Итиль: она названа так по реке, которая протекает по ней в Хазарское, т.е. по нашему словопроизводству, в Кайсерское море. Хазары (как сербы) находятся между Хазарским морем, Русом, Руззией (*византийские узы*) и

Сериром иначе Сербаром, т.е. Сербией[290].

Хазар — это имя страны, столица которой называется Итиль, а Итиль есть также имя реки, которая течет в нее из Руса и Булгара». И еще там же:

«Что же касается до реки Итиль, то она вытекает вблизи Кархиза, *(не имеющего никакого созвучия с Тверской областью, из которой вытекает Волга)* течет между Каймакией *(Кумакией?)* и Гуззией *(Узией)*, *(не имеющими никакого созвучия с Ярославской и Костромской областями, через которые течет далее Волга, с которою отождествляют до сих пор реку Итиль)* так, что образует границу между ними. А затем Итиль течет к западу *(чего нигде не делает Волга)* по верхнему Булгару и обращается опять к востоку, пока не проходит по Руси, потом *(опять?)* по Булгару, затем по Буртасу, пока не впадает в Хазарское *(т. е. Кайсерское)* море».

Примените все эти три описания к Волге (хотя бы даже взявши Каму за ее начало). И у вас не окажется даже и тени подобия. А если считать Итилью Дунай, признавши ее верховьями также и Тиссу, и Прут, то намечаются

хотя бы некоторые возможности такого представления, тем более, что и Хархизы, и Кумаки, и Узы считаются племенами турецкого народа не только у Якуби, но также и у Ибн-Хордадре, и у Идриси, и у Истархи. То же самое находим мы и у Ибн-Хаукаля.

В предисловии к своей «Книге путей и государств» он говорит прежде всего, что во время своих путешествий, он постоянно имел в руках сочинения предшествующих географов: Ибн-Хордадбе, Кодамы и Джайгани.

«Затем, — говорит он, — я встретился с Абу-Исхаком аль-Фарси (*т. е. Истахри*), который показывал мне географические карты своего сочинения и передал мне свою рукопись, говоря:

„Я замечаю, что ты родился под счастливою звездой: посему возьми мое сочинение и исправляй его по твоему усмотрению“.

И я взял у него, исправлял во многих местах и возвратил ему. Затем я взялся за это свое сочинение, не подражая упомянутой мною книге».

Глава IV. Татарское иго в польских хрониках и в авторитетнейших из

**новейших иностранных сочинений
(Составлено при сотрудничестве
профессора В. Р. Мрочека)**

Интересное подтверждение непосредственным опытом невозможности татарских походов из-за Каспийского моря.

Мне было особенно интересно ознакомиться, как отразилось так называемое «Ханское», а на самом деле Ватиканское иго, в католических славянских первоисточниках и, хотя я читаю по-польски, но для скорости работы я просил пересмотреть польские хроники своего сотрудника по Государственному Научному Институту имени Лесгафта проф. В. Р. Мрочека, с детства владеющего польским языком. И вот, здесь я резюмирую основную часть его выписок.

I. Польская хроника магистра Викентия, Краковского епископа[291].

Ее первое издание вышло в 1612 году в году Добромиле, на латинском языке. Есть свыше 30 рукописей ее, относимых к XV веку, но все они копии с ненайденного подлинника. Оригинал «относят» к концу XVIII столетия, хотя его нигде нет. В тексте на полях везде

приписаны ссылки на греческую и римскую историю, с которой сравниваются события польской истории. В них есть упоминание и о «царях России»[292], и это показывает на время их составления, не раньше XVI века. На странице 202 — там есть приписка:

«Гетами (т. е. готами) называют всех литовцев, прутенов и других народов»[293].

Точно также на странице 47 пояснено: «Гуннами называются венгерцы».

Хроника заканчивается XII веком, т. е. до так называемого «тартарского ига». О нем в ней, конечно, ничего нет.

II. Хроника Краковского каноника Яна Длугоша[294].

Она считается наиболее основательной. Ее автор якобы умер в 1480 году, до какого времени и довел запись, которую, по его словам, он начал в 1455 году. Рукописи этой «Хроники» тоже нигде нет. Утверждают, что оригинал ее был в Кракове, но пропал, и с него были якобы сняты копии в XVII веке. Но, во всяком случае, впервые книга эта напечатана только в 1616 году и опять-таки. В городе Добромиле! Первое издание ее — неполное, вто-

рое в 1711-1712 гг., пополненное. В нем, во II-м томе (на с. 118-119) имеется неожиданная вставка, помеченная 1188 годом. Она ничем не связана ни с предшествующим текстом, ни с последующим, вплоть до 1211 года. Вот она в переводе с польского:

«Начало татарского народа, и как выросло его могущество». «Народ Татаров ведет свое начало от армян (Armenezukow), сходство с которыми выражается у него как в лице, так и в языке. Он был в прежние столетия неизвестен миру, и впервые появился в это время (т.е. в 1188 году). Он кочевал около города Корочоры (Koroczory) на севере, в степях, где не было ни городов, ни сел, и платил дань королю Бухаму (Buchamowi), которого называют Поп Иван (Joannes Presbiter). Когда они, татары, стали уже большим народом, они избрали себе короля из собственного племени; по имени Тинхис (Tinchis — вместо Чингиса или Хингиса), мужа большого ума, под начальством которого стали производить наезды на соседние страны и подчинять их своей власти. Отовсюду сбежались к нему и объединились татары, подчиненные разным странам,

будучи привлечены славой нового короля. Могущество их так усилилось, что они отправили посольство к прежнему королю („Попу Ивану“) и просили отдать его дочь в жены их-нему королю, но тот отказал им презрительно. А когда он захотел заставить их платить себе привычную дань и объявил им войну, то, будучи побежден, потерял жизнь. С этого времени Татарский народ стал увеличивать свой громадный рост и перевес».

Так оканчивается эта явно позднейшая и фантастическая по самому своему содержанию вставка. О татарском иге в России здесь ни слова.

Следующие упоминания о татарах начинаются здесь только с 1211 года, да и то неверные, одно из них например такое: «Этого же (1211) года в мае месяце показалась комета, которая, растягивая свой хвост с востока на запад, в течение 18 дней, сияла на небе. А так как ближе всех она была к русским землям, то предвещала им поражение, которое они и потерпели в следующем году от нашествия татар» (с. 183). Вот первое известие о нашествии татар, да и то хронологически невер-

ное.

Дело здесь идет о появлении кометы Галлея, но она явилась не в 1211, а в 1222 году, чем и обнаруживается, что это место летописи составлено уже много позднее XIII века. От 1151 года и до 1222 не было никаких комет (См. «Христос», книга VI). А эта эффектно была видима два месяца и прошла из созвездия Девы в Весы и в Скорпиона.

Дальше у Длугоша описана битва на Калке, отнесенная им вместо русского 1224, к 1212 году и есть упоминание о дальнейших набегах «татар» с 1228 года на Рязань, Смоленск, Чернигов, взятое, по-видимому, из русских хроник. Под годом 1241 (с. 254) мы читаем:

«Баты, третий хан татар от начала их существования, переправившись через самые глубокие реки Дон, Волгу, Днепр, Днестр и перейдя Сарматские горы, которые мы называем также Великими лесами (*Silvae Magnae* — т. е. Трансильванскими горами, между Венгрией и Румынией), разгромил и разграбил эти страны».

Специальные исследования польских историков, резюмированные в книге А. Семко-

вича «Критический разбор деяний польских» [295], показали, что все рассказанное здесь с 1241 года — неверно. Так, «Баты-хан, — говорит он, — в Польше не был и только поход назывался его именем».

Сомнительно и отмеченное здесь опустошение Венгрии татарами, и смешение Сарматских, т.е. «польских» гор с Трансильванскими Альпами. Интересно у Длугоша только курьезное место на с. 258:

«Как многие утверждают, татары, прежде называемые Монголами, получили свое имя от слова „множество“, так как на их языке множество называется „тартар“».

Поистине хорошая филология!! Ничего о тартарском «иге» в этой хронике проф. В. Р. Мрочек не нашел.

III. Польская хроника Марцина Вельского, изданная заново сыном Иоахимом [296].

Хотя в заглавии ее и сказано «powo wudana» — однако это — первое издание.

Здесь — все написано по Длугошу и даже прямо по «русским хроникам». Ничего самостоятельного о «татарском иге» здесь тоже нет, а, наоборот, под 1246 годом имеется аб-

зац о том, что «в 1246 году от Р. Х. францисканский монах Асцелин был послан папой Иннокентием, вместе с другим братом к великому хану (царю) татарскому, с предложением принять христианскую веру».

Но куда и как они ехали, ни слова! Кончается лишь указанием, что ничего из поездки не вышло. Так мало мы находим в польских хрониках самостоятельного о «татарах»! Все они явные заимствования, свидетельствующие о своем позднем происхождении и смутном представлении, да и их так мало, что выходит, как будто о «монгольско-татарском иге» в России польские хроникеры даже и не слышали.

Я просил проф. В. Р. Мрочека просмотреть, кроме польских хроник, также и наиболее известные новейшие книги, относящиеся к данной эпохе. И вот его впечатления его собственными словами.

1. «Книга парижского академика, барона Д'Оссона: „История Монголов“ [297] охотно цитируется всеми историками. Автор занимается преимущественно периодом от половины XII столетия до конца XIV и разработал свой

предмет по арабским и персидским источникам, относимым к XIII веку и позже, т. е. с эпохи, когда впервые появились сведения о монголах. В тексте он называет их часто и „тартарами“.

Всего использовал Д'Оссон 21 автора, в том числе и Абул-Гази. Отношение его ко всем источникам совершенно не критическое: ни один автор не вызывает у него сомнений.

Сообщения совершенно невозможные по реальным условиям пространства и времени, и по уровню тогдашних знаний и физических сил человека, смешиваясь с правдоподобными, и сами получают у него внешность правдоподобности. Усыпленный его связным рассказом, читатель начинает только запоминать сообщаемое им без окружающей географической и культурной обстановки, как чертежный рисунок без фона и с этим впечатлением остается и по окончании чтения.

Но таков и общий недочет и всех современных нам, по внешности связных и даже занимательных историй древности и на половину средних веков, причем в документальной части в них, конечно, имеются и по-

учительные факты.

Так, сам Д'Оссон сообщает, что у Абул-Фараджа говорится под 1264 годом об избрании Аввакума Гуляци в татарские ханы мудрой и ученой конгрегацией князей и владельцев особ, совсем как об избрании кардиналами римского папы[298].

Но особенно интересны выписки из книги Лависса-Рамбо: „Всеобщая История с IV столетия до нашего времени“ (II, 1897 г.). Вот что говорится там на с. 717:

„Не византийского ли происхождения тот, либо другой обычай, начало которого искали долго в Сарае, например, употребление кнута и жестокость наказания, заключение женщин в терем, обычай падать ниц перед государем?“ А затем на с. 840:

„Тогруль — рубака, властелин крещеных тюрков — кераитов, в 1193 году поступил, как и Темучин, на службу в Китай. Он получил (в Китае же) титул Ханг — король, которое исключительно и носил до смерти. Мусульманские летописцы (как думают Лависс-Рамбо) переделали это слово, согласно с тюркской фонетикой в Онг-хан. Так как легенда о „свя-

ценнике Иоанне“ (т. е. попе Иване) первоначально была связана с именем самого Керайта, то можно думать, что имя Иоанн возникло по созвучию со словом Уанг, если только Тогруль и в действительности не получил при крещении имени Иоанн, в чем нет ничего невероятного“.

А вот, затем (на с. 878) описывается и поход „китайских татар“ на запад и, можете себе представить, в Италию (!!) в 1241 году.

„Сутубай, — говорят Лависс-Рамбо, — стремился к безусловному подчинению кипчаков, болгар и мадьяров, он полагал (а как узнал его мысли автор в XIX веке?), что опозорит свою нацию, если не доведет дела до конца, если не покорит тех улусов (созвучно с русами), которые некогда выселились из Великой Венгрии и Великой Болгарии, вплоть до отдаленной Туны“. Монголы произвели нашествие на Венгрию, Польшу, Богемию, Силезию, Моравию и Иллирию до Адриатического моря. Они дошли до Удине (близ Венеции, т. е. были уже в Италии!). Но венецианцы, владения которых так близко граничат с Удине, не обнаружили ни малейшего беспокойства, они

знали(??), чего ищут монголы (а чего же именно, если не их самих??)».

«Но почему же, — продолжает автор, — не тронулись при виде врагов с места ни папа, ни германский император? Почему монголы не пошли на Вену, почему между ними и императорскими войсками произошло лишь несколько мелких схваток, как будто происшедших по сговору заранее, причем великий татарский полководец, попавший в плен, оказался английским рыцарем — храмовником — это загадка, которую мы предоставляем решить охотнику».

И вот мне теперь и приходится быть таким «охотником против собственной воли», и заявить прямо и решительно:

— Вся эта «история» военного путешествия монголов-тартаров из под Пекина под Венецию, такая географическая и стратегическая нелепость, что приходится только удивляться, как до сих пор никто ее не отметил, а то, что великий татарский (т. е. татрский) полководец был английским рыцарем ордена Тамплиеров, красноречиво свидетельствует и без дальнейших моих доказательств, что кресто-

носные ордена и тартарские орды были одно и то же.

А относительно упоминаемого здесь «попа Ивана», нетрудно догадаться, что это миф о жившем в то самое время (1196-1206 гг.) Царьградском патриархе Иоанне Каматире (т.е. Изнуренном), бежавшем в 1204 году вместе с Византийским императором Алексеем V в Малую Азию, где он стал патриархом Никейской империи. Относительно Субутая у меня нет пока догадок, хотя фамилия Суботичей известна в Сербии, но судя по окончанию на АИ, это скорее всего переделка какого-нибудь франкского имени на венгерский лад (вроде Йокай, Коллонтай и т. д.). Самое слово монголы происходит, может быть, вовсе не от восточного имени Мангу, а от смешения с ним греческого слова мегалы, т. е. великие, как могли себя называть крестоносцы.

И, во всяком случае, уже один тот факт, что по мнению (а не выражению) Лависса-Рамбо великий татарский полководец, попавший в плен, оказался английским крестоносным рыцарем-храмовником, перестает быть «неразрешимой вечной загадкой» лишь при

моем утверждении, что никакого нашествия монголо-татарских орд из-под Пекина на Киев и Москву (даже до Венеции!) никогда не было, а было только нашествие рыцарских орденов (т. е. по латыни тоже орд).

Но эти «орды» ссорились и друг с другом, как только что описано.

Так, 20 марта 1239 года, в разгар «татарского ига», папа отлучил от церкви Фридриха II, который овладел Ломбардией и намеревался «привести центр Италии в покорность и единство со своей империей» (письмо Фридриха к епископу Комо). В то же время Фридрих был и королем обеих Сицилии, и на службе у него были сарацины, переправленные им в Южную Италию в 1225 году из Сицилии.

Что же касается до венгерцев, то немецкое название их Гунгары[299] происходит от сокращения первоначального Гун-Угры, а так как они жили за Татрскими горами, разделяющимися на Великие Татры и Малые Татры, то они же должны были называться и татарами.

И вот как описывает этих Гунно-Угров, или

по русскому произношению венгров, те же самые Лависс-Рамбо (т. 1, с. 746):

«Еще в половине XII века, они (т. е. венгры) жили летом в палатках, а для зимы у них не было других жилищ, кроме бедных хижин из тростника. Их главное богатство заключалось в конских табунах и в стадах рогатого скота. Они ели мясо полусырым, чем и объясняются легендарные рассказы о том, что они питались человеческим мясом и пили кровь своих врагов. Маленькие ростом, с впалыми глазами, с бритой головой, на которой оставались только три длинные косы, падавшие на плечи, они нисколько не были похожи на ту гордую расу, одну из самых красивых в Европе, которая явилась продуктом слияния этих Финнов с Арийцами (германцами, славянами, румынами и другими латинянами). Война была их профессией, а дисциплина в их армии была удивительная. Они были удивительно ловкими стрелками из лука, их верховые лошади отличались необыкновенной выносливостью и быстротой в езде. Победенных врагов они обыкновенно убивали, страну, по которой проходили, они обыкновенно

опустошали с беспощадной свирепостью, убивая мужчин и пожилых женщин, а молодых девушек уводя с собой».

И это описание Венгров-Мадьяр, не является ли в то же время и описанием татар и монголов в русских и иностранных сказаниях о татарском иге? И как раз только во время крестовых походов, в начале XI века, Венгрия примкнула к христианству, и император Отгон III вместе с папой Сильвестром II создали из нее католическое королевство. Владетельный венгерский князь Стефан женился на Гизеле, сестре баварского герцога Генриха III и получил корону с титулом «его апостолическое величество», сохранившимся до настоящего времени.

Отметим также, что в специальных работах по истории духовных орденов, какова, например, книга Шустера «Тайные общества и ордена» (т. 1, 1905 году), нигде не говорится о борьбе этих орденов с ордами. А ведь с обычной точки зрения, это было бы неизбежно, хотя бы в защиту русских князей, которых папы, как мы видели из их собственных булл, считали католиками, лишь по временам впа-

давшим в схизму.

Эпилог. Русь и Монголо-татары

Глава I. Сарай на Волге

Сарай — говорит нам современный учебник по русской истории — был столицей Золотой орды. Но слово орда есть ни что иное как латинское слово *ordo*, которое значит — военный отряд. *Dux ordinis*, т.е. вождь ордена имел особое название центурием, т. е. сотник, а выражение *ordinis explicare* — значило развертывать военные ряды.

Но как же столица Золотого ордена попала на Волгу, где не указано нам никаких военных орденов, хотя в это самое время и был разгар крестовых походов, так называемых *Drang nach Osten*?

Возник этот орденский (или в восточном произношении Ордынский) Сарай, говорят нам, на притоке Волги — Ахтубе около 1261 года, когда он впервые упоминается в русских летописях, сообщающих об учреждении там Сарайской епархии и как раз в этом 1261 году. И вот в это же самое время в 1263 году, по западным летописям, на Балканском полуострове на притоке реки Босны возник другой

Сарай, который по-турецки называется и до сих пор Босна Сарай, что сохранились и на западных языках (Sarai), а по-русски он называется Сараево, т. е. Дворцовое место.

Западноевропейские источники говорят, что здесь же было главное средоточение боснийской знати, по-видимому, здесь было так же и место пилигримства потому, что даже и в XIX веке в Сараево функционировали еще две православные церкви, три католические (одна из них старинный собор в романо-готическом стиле), два католических монастыря, две еврейские синагоги и целых сто шесть мечетей, из которых особенно замечательна Царева княжеская (Сараево джамамия) мечеть. Кроме того, сохранилась старинная крепость, основанная еще в XV веке, показывающая, что Боснийский Сарай был не только религиозным, но и административным центром.

Даже в конце XIX века, когда центры культуры уже удалились далеко от этой местности, тут оставалось кроме гарнизона 4000 человек, почти 40000 человек местного населения при оживленной промышленности и торговле. А вот Сарай на Волге — в указанном

нам месте не осталось в начале XIX века никаких воспоминаний, пока туда не приехал чиновник Министерства внутренних дел Терещенко, специально туда командированный из С.Петербурга для открытия там столицы Золотого ордена (или орды по-русски). Но вот и еще диво. Пригородом этого Сарая, говорят нам, был Полистан, т.е. в первоначальном варианте Галлистан — Гальская стоянка, подобно тому как Турки-стан значит Турецкая стоянка. Интересно так же и латинское сказание, что по ходатайству Александра Невского Золотоордынский хан Верка (Берг) установил в 1261 году в Великом Сарае и центр русской епархии, а через шесть лет после этого в 1267 году к ней была присоединена Переяславская область, так что эта епархия охватив всю тогдашнюю Южную Россию и Западную, доходила до границ Рязанского княжества, охватив и Подольскую область. Совершенно ясно, что этот Сарай, центр Южнорусской и при том даже Западнорусской епархии, не мог быть или даже возникнуть в тогдашнем заволжском краю, где жили еще только кочевники, и куда трудно было добраться не толь-

ко Александру Невскому с берегов Невы, но даже и богомольцам из Подолии.

А кроме того вот и еще факт. Наши составители учебников прошлого века говорят еще, что соединенный титул епископа Сарайского и Подольского держался вплоть до 1364 года, хотя местопребывание русского епископа было перенесено из Сарая в Москву, утвердив свое пребывание в Крутицке, ставшее до конца XIII века подворьем для приезда «Саранских епископов».

Вся эта нелепая с точки зрения рациональной социологии географическая путаница так бросается в глаза, что просто удивляюсь, как не отметил ее А. Соловьев в своей статье «Сарайская и Крутицкая епархия» в журнале «Чтения Московского общества истории древностей России» 1894 года, № 3.

Совершенно ясно, что тут один выход: Боснийский Сарай был отправлен православными монахами на современную Волгу, которая в средние века даже и не называлась Волгой, а всегда Итилью, исключительно по тенденциозным соображениям, чтобы уничтожить всякое воспоминание об униатском проис-

хождении Русской Церкви после низвержения «татр-ского ига», а с нею и река Итиль была переименована в Волгу, а прежняя Волга стала называться Дунаем, т. е. Данная река, река, на которой платили дань, хотя за окружающей ее страной и сохранилось до сих пор название Болгария (по-гречески Βολγαρία).

Сарай

Возьмите Журнал Министерства Внутренних дел за 1847 год, часть 19-ю и прочтите на стр. 373-374 в статье Григорьева и Терещенко, о находках при раскопках Сарая:

«... находили во множестве разбитую стеклянную посуду, чаши, чернильницы, куски кож, кожу, скроенную для сапогов и башмаков, холст, шелковую материю, одежду, — все это перегоревшее; ножи, ятаганы, *шпажные клинки*, топоры, заступы, сковороды, тазы, кочерги, трут, огнива, ножички, чугунные котлы, медные чаши, медные кубки, медные подсвечники, костяные спицы, употребляемые при вязании, обломки от ножниц, монисты, пережженную бумагу, ночники, веревочки, березовую кору, перегоревшие циновки, плетеные из травы „куга“ (которая растет в здеш-

них местах в большом обилии), гвозди, крючья, петли дверные, замки вставные и всячье, куски перегоревшего печеного хлеба, рожь и пшеницу, орехи грецкие и обыкновенные лесные, чернильные орешки, желуди, миндаль, изюм, чернослив, сливы, винные ягоды, сладкие рожки, персики, фисташки, гвоздику, перец, горох, бобы, сарацинское пшено *и частью кофе*. В тех каменных, на этом месте, подвалах лежали кучею: куски кристалла, краски: синяя, желтая, голубая, зеленая, красная и белая, кольца от хомутов и уздечек, удила, цепи железные, подковы, железные втулки от колес, смола, листы меди, оселки, точильные бруски, грифельные дощечки, камни для растирания красок, глиняные кегли и шары, медная проволока, мотыги, сера, квасцы, соль, селитра и просо. По разнородности найденных тут на одном месте предметов, можно полагать, не был ли тут базар, внутри которого могло находиться каменное складочное место для товаров...»

Ну, а не проще ли, — спросим мы, — объяснить, что это натаскали туда окрестные жители в насмешку над приезжим чиновником

или чтоб получить от него обещаемые деньги за находки такого рода? Пойдем же далее.

«В одном месте, — говорят они, — был подвал и кирпичная лестница с разрушенными деревянными дверьми. По стенам и околозданий шли водопроводные трубы, направленные к окружающим их некогда водоемам. Из нескольких печей в этих комнатах, одна была выложена голубым изразцом, около нее валялись печеные яйца, хлеб, куриные и рыбы кости, рыба шелуха, два переломленные ножа, сковорода и конец кочерги. Подле дверей находились в кучке: миндаль, винные ягоды, сладкие рожки, изюм, грецкие орехи и 107 стеклянных монист».

— Но, почему же, — спрашиваете вы, — печеные яйца, хлеб и рыбы кости валялись вместе с кучкой миндаля и других сладостей у дверей, а не на накрытых скатертями столах? Ведь признаки высокой культуры были тут налицо, — говорит Григорьев.

Оказывается, что в то время был уже известен и фаянс. (Свое название он получил от названия итальянского города Faenza, где был изобретен и производился только с XVI века.)

Открыты были «чашечки фаянсовые и стеклянные: горшки обыкновенные, поливные и голубые, чернильницы разноцветные и с узорами: одна из них с надписью вокруг, а другая даже с чернильным осадком; перетлевшая бумага, свинцовая печать с изображением на ней тигра; плавильные чашечки с остатками в них металла, формы для отливки разных вещей, весовые медные чашечки, фунтовые доли (значит, меряли фунтами, как у нас до революции), головка от безмена, медные иголки, обухи, серпы, пилы, скобели, ночники, подсвечники, лампы, кольца, перстни, из них два золотые и три позолоченные: наперстки, медные серьги, подвеска позолоченная от серьги, пуговицы, бубенчики, детские свистки, счетные кости, две медные пули, два медных наконечника от стрел, стеклянная битая посуда, украшенная цветами и позолотою; фаянсовая и фарфоровая, битая посуда с изображением на ней цветов и птиц; тарелки поливные, бутылочки, флакончик, два медные кубка, медное изображение быка; медные доньшки в роде блюдец с разными украшениями: на одном находится изображе-

ние в виде креста, на других представлены слоны, а на некоторых готические украшения; мраморная пилястра с татарскою надписью; обломок бело-синеватого мрамора с изображением на нем оленя и вокруг него с остатками татарских слов; две полированные дощечки, кажется яшмовые; серебристая шпилька, украшенная львом в сидячем положении — прекрасной работы; половинка позолоченного браслета с вырезкою на концах его тамги; окаменелый хлебец (?), какой подаётся и теперь в рамазан бейрам-мулле, за прочтение им молитвы в доме правоверного; кусок медовых сотов (?), между коими виден местом скристаллизовавшийся белый мед; два наперсных креста: на одном изображено распятие, вверху его вырезан крестик; на другом — тоже распятие, а на обороте его молящая божья мать; весь крест усыпан мелким белым жемчугом; буквы же на нем I.I.X.P. (Иисус Христос, в Никоновском написании) и M.P. (Божия Мать, возможно и нет), крестики вверху изображений и самые изображения спасителя и божьей матери, вылиты из стекла».

Не ясно ли и без комментариев, что все это подбрасывалось местным населением?

Здесь дано перечисление только четверти всех таких находок, чтоб не переутомить читателя. Мы только что описали, по первоисточнику, каковы были обстоятельства открытия «Сарая» на Волге вместе с полкило подброшенного изюма, винных ягод и грецких орехов, с флакончиком для одеколона, и с обломками современных нам сох, пил, кувшинов и обычного украшения всех подобных находок разного рода монет, и каковы были непосредственные впечатления от этого поразительного открытия, произошедшего ровно сто пятьдесят лет тому назад.

Вот маленькая, но интересная книжка А. Якубовского «Столица Золотой Орды»[300], с которою с нашей точки зрения можно почти во всем согласиться, кроме того, что кучки развалин на нижней Волге когда-нибудь назывались «Сараем» и «Столицей Золотой Орды» (т. е. Золотого ордена), а не принадлежали к остаткам городков Астраханского царства, основанного при Тимуридах (которых я тоже считаю национализировавшимися в

Туркестане потомками крестоносных завоевателей), в 1480 году и присоединенного к России в 1557 году при Иоанне IV.

«Политические хозяева степей юго-восточной Европы — кипчаки-половцы (т.е. генуэзско-венецианские купчаки-плавцы), — говорит А. Ю. Якубовский (с. 14), — хотя и медленно и в небольшом количестве, переходили на оседлое состояние и на земледельческий труд, однако их господствующие группы сумели быстро учесть выгоды того товарного обращения, которое здесь происходило, те выгоды, которые можно было извлекать путем взимания товарных пошлин; более того, они и сами принимали в этом деятельное участие. К моменту прихода монголов (т.е. великих завоевателей с запада) указанный товарообмен, совершавшийся (венецианцами и генуэзцами) под большим воздействием восточных (?) стран, стал настолько крупным фактом экономической жизни, что самой конкретной исторической обстановкой был поставлен вопрос о необходимости создания такого государственного объединения, которое могло бы дать этому товарообмену наибо-

лее благоприятную политическую обстановку. Естественно, что создателями такого государства могли быть только феодалы, которые непосредственно заинтересованы в успехах вышеуказанного товарообмена. В эпоху разложения феодализма экономическое и политическое господство находится в руках той части феодалов, которые присваивают прибавочный продукт внеэкономическим (т. е. податным) путем не только для непосредственного потребления своего „двора“ и слуг, но в известной мере для обращения его на рынок. Эта часть феодалов и есть та их группа, которая принимает деятельное участие в торговых-денежных отношениях».

«Когда мы говорим о западноевропейском городе в эпоху разложения феодализма, то нам хорошо известно, что развитие городской жизни, ее ремесленной промышленности и торговли главным образом импульсируется ростом товарообмена между городом и деревней. Однако, это бесспорное положение не может целиком объяснить роста города в обстановке степного кочевого окружения и, следовательно, не может быть целиком прило-

жено к специфической обстановке городов, расположенных на территории нижнего Поволжья. В XIII и XIV веках размеры земледельческих поселений в этом районе по сравнению с нашей эпохой были очень невелики. По-настоящему можно говорить только об узкой полосе по нижней Волге и ее рукаву Ахтубе. Естественно, что такой большой город, как Сарай, не мог вырасти только на товарообмене с ней».

И вот за неимением лучшего объяснения для возникновения тут столичного города и, не решаясь его отвергать, автор прибегает к такому аргументу.

«Значительно большую роль играла в деле роста ремесленной промышленности Сарая кочевая степь, которая доставляла большое количество скота, шерсти, коз в обмен на ремесленную продукцию последнего. Огромную роль сыграла и та караванная торговля, которая шла через эти (??) места по линии товарообмена Восточной Европы и Средней Азии с Китаем (чего и теперь нет). Не подлежит сомнению (?), что общий рост производительных сил юго-восточной Европы плюс два этих

обстоятельства и были основными условиями роста Сарая».

Но все это, — скажу я, — только предположения, чтоб объяснить необъяснимое.

Возникновение укрепленного поселка средней величины на месте наибольшего сближения Волги с Доном было, конечно, неизбежно, как и возникновение Антиохии и Алеппо на месте наибольшего приближения Ефрата к Средиземному морю, особенно к Кипру с его медными рудниками. И вполне понятно, что первый путь в Индию был по Ефрату вдоль восточного берега Персидского залива, а не через Самарканд. И ясно также, что размер торговых сношений генуэзских колоний на Азовском море и по Дону через те развалины, которые мы называем Сарай-Верко и Сарай-бату между Волгой и Ахтубой, возможен только до Бухары, Самарканда и Ташкента. А товарообмен тут мог быть только в сравнительно малых размерах, так как в этих местах нет никаких дорогих диковинок, а перевозить громоздкие товары на горбах верблюдов можно было лишь в умеренных количествах. Предположить постоянный торговый

путь отсюда в Пекин через Каракумские пески может только тот, кто не имеет никакого представления о путешествиях по безбрежным степям, в особенности до 1300 года, когда был приложен к мореплаванию компас. А что касается до помещения в приволжской степи столицы могущественного «Золотоорденского» государства, то это мог придумать только малоразвитый чиновник первой половины XIX века, вроде Терещенко, а никак не государственный человек, хотя бы средней квалификации. Сам А. Ю. Якубовский (с. 17) говорит: «Раскопки Терещенко так же, как и небольшие раскопки в Сарае профессора Баллада в 1922 году не дают нам достаточно данных, чтобы представить себе в подробностях топографическое строение города. Ни про одну из добытых Терещенко вещей нельзя точно сказать, с какого участка городища она происходит, и совсем нельзя сказать, в каком культурном пласте и в каком комплексе она была найдена. Более того, ни для одного из раскопанных зданий, ни для одной из вскрытых мастерских не произведены точные обмеры и не дано их научное описание».

«Поэтому, — заканчивает Якубовский, — приходится довольствоваться описанием двух древних арабских авторов. Первый из них Омари (умер в 1348 году) никогда в Сараях не жил, а писал в Египте (как предполагают!) со слов бывших там купцов. Другой автор: Ибн-Батута, — писавший также на арабском языке, — был родом из Магриба и Марокко. Он в 1333 году будто бы посетил Сарай Берке (Сарайбург?) и даже некоторое время прожил в нем из любознательности. Но его наблюдения поверхностны».

Так говорит один из современных видных специалистов по данному вопросу, а я уже показал выше, что и «сын Батуты» никогда не был в «Сараях за Волгой», и что вся арабская литература об этом предмете — позднейшее фантазерство.

Глава II. Конец монгольско-татарского ига и «смутное» время на Руси

В подтверждение своей догадки, что монгольско-татарское иго и крестовые походы католических орденов (*Drang nach Osten*) были одно и то же, я не могу не привести следующего хронологического совпадения.

1. Вождь монгольской орды Чингис-Хан (имя которого сходно с Kingish Chan — царственный священник) умер в 1227 году, да и папа Гонорий III, учредитель ордена доминиканцев, умер в том же самом 1227 году.

2. Преемник Чингис-Хана Октой-Угедей (сходно с Октавий Угодник), к которому отправлялся, будто бы, в какую-то «Монголию» на поклон Владимирский князь Ярослав Всеволодович, властвовал от 1227 по 1241 год, да и преемник Гонория III римский папа Григорий IX властвовал тоже от 1227 по 1241 год, и его крестоносцы боролись между прочим с негодившими папе христианскими же войсками Фридриха II.

Уже и этих двух примеров (которые я беру из книги русского монаха китаиста Иоакимфа) достаточно, чтоб убедить всякого математически образованного человека, знакомого с теорией вероятности, что монголы, имя которых по-гречески значит «великие», пришли из Великой Римской империи, т. е. вовсе не из Азии, а из западной Европы. Да и самое жилище папы — Ватикан — значит по-еврейски «Дом Хана».

Правда, что время дальнейших «татарских» князей, которые монах Иоакинф приводит по китайским источникам, т.е. хана Ундур-Хамара, Илюй-Чуцая и Мунке (сходно со словом монах) не вполне одновременны с последующими римскими папами, но их нет и в русских летописях.

Теперь нам остается только решить, когда же произошло переименование католических крестовых походов в татарские нашествия? Когда исторический *Drang nach Osten* превратился в фантастический *Drang nach Westen*?

По-видимому в то «Смутное время», которое не даром называется таким именем и обнимает последние годы царствования Бориса Годунова (1601-1605 гг.) с кратковременным царствованием его сына Федора Борисовича (1605 году) и годы, так называемого в старинных сказаниях «Лже-Димитрия».

Вот прежде всего карта фон Герарда, изданная в 1614 году, как помечено на ней самой (беру ее из «Истории Москвы» Назаревского). Она вычерчена по нашей обычной шаровой проекции, так как ее меридианы дуго-

образно суживаются к северному полюсу. Первый меридиан ее считается от Парижа, а градусы широты идут от экватора, причем северный полярный круг показан правильно около 67 градуса. Мы находим на ней, как обозначено корабликами и судоходство на «Мурманском море», а также и на Каспийском море, сильно вытянутом в ширину. Составлена она будто бы по чертежу Федора Борисовича Годунова и издана автором в 1614 году. Но, вот, на заволжской стороне ее мы видим изображение трех «монголов», один из которых вооружен ружьем «мушкетом», едва ли известным в то время азиатам, но уже известным в Европе и в России, так как мушкеты в то время употреблялись уже войсками шведского короля Густава-Адольфа, отнявшим этим оружием у России все побережье финского залива.

Отметим, что и одеты эти три «монгола» по-европейски: направо, как каноник, в середине, как воин, а налево, как князь или боярин.

Этот рисунок говорит нам, что в 1614 году, т. е. в Московское смутное время, часть кре-

стоносных орденов считались восточными «монгольскими ордами».

Значит, переименование произошло еще до «смутного времени». Посмотрим же, при каких обстоятельствах оно было.

По современным школьным учебникам «смутное время» обнимает период с конца XVI века (около 1590 году) по начало XVII века, когда Минин и Пожарский освободили Москву от поляков-униатов, поддерживавших «царевича Димитрия» и водворили современную греко-российскую церковь.

Самой выдающейся личностью этого времени является Димитрий, получивший у православных историков имя ЛжеДимитрия. Вот как говорит о нем официальная школьная история (Выписываю для удобства проверки моих слов из «Настольного Энциклопедического Словаря Граната и Ко», пятое издание 1901 года, с. 2712).

Современное представление о расположении империи Тимура в Средней Азии

«Личность его до сих пор остается спорной. Общепринятое мнение, что он беглый монах

Чудова монастыря, оспаривается многими историками. Первоначально он объявился в (униатской) Польше. Адам Вишневецкий и Юрий Мнишек первые оказали ему поддержку. Из Польши он разослал грамоты по Руси, призывавшие народ к восстанию против Годунова (защитника греко-русского православия). Враждебная Годунову (по-видимому за гонения на униатов-староверов) партия бояр поддерживала о нем (как об истинном сыне

Иоанна Грозного, бежавшем в Польшу от Годунова) благоприятные слухи. А в староверческом (униатском) народе, среди которого уже давно бродили слухи о бегстве царевича Дмитрия (в Польшу), являлись симпатии к нему».

«Вступив (с польскими униатскими войсками) в пределы России, он большею частью не встречал сопротивления, быстро увеличил свои войска и одержал победу над Мстиславским и Басмановым, высланными против него Годуновым. А после внезапной кончины Годунова (в 1605 году) он вошел в Москву при полном энтузиазме народа».

«Когда же царица Марфа (жена Иоанна IV Грозного), которую он выехал встретить перед Москвой, всенародно обняла его, как сына, всякие сомнения в его личности исчезли. Через некоторое время он обвенчался с (униаткой) Марией Мнишек, дочерью Юрия Мнишека, (а по другим сообщениям обвенчался с нею еще до похода в Москву) и короновался».

«Чтобы упрочить свою власть, он стремился приобрести общее расположение, избегал казней, старался облегчить положение слу-

жащих, смягчить и ограничить холопство, сделал суд бесплатным, начал борьбу против лихоимства, объявил свободными и беспоплиными торговлю и ремесла. Во внешней политике он поддерживал дружеские отношения с Европой».

«Но Василий Шуйский (очевидно, византист) возмутил народ против поляков (унгатов)» и — продолжаю я уже своими словами — пользуясь возникшим смятением, его ставленники, по одним сообщениям будто бы «убили самозванца», а по другим сообщениям он спасся от них и снова появился в 1606 году с войском в селе Тушине около 12 верст от Москвы, причем враги прозвали его «Тушинским вором». А по третьим сказаниям он, изгнанный из Тушина, явился снова в 1611 году «среди казаков близ Пскова» и с помощью их овладел этим городом, а потом «был (неизвестно кем) схвачен и казнен в 1613 году».

Так рассказывается в «Настольном Энциклопедическом Словаре» Граната и Ко.

А для еще большей убедительности я прошу проверить мои слова о Димитрии также по имеющемуся у меня сейчас под рукою «Ма-

лему Энциклопедическому Словарю» Брокгауза и Ефрона. Это все же не старо-школьный учебник, по которому учился между прочим и я в царской православной гимназии.

Вот что тут говорится под словом «Лже-Димитрий»:

«Лже-Димитрий I, царь Московский 1605-1606 гг. Его происхождение до сих пор неизвестно. Грамоты Бориса Годунова (его противника) излагали его историю, как Гришки Отрепьева, беглого монаха. Этот рассказ вошел в летописи и в труды старых историков и занесен в „Историю Соловьева“. Сомневались в его достоверности историки Погодин и Костомаров. Димитрий не был обыкновенным обманщиком и сам верил в свое происхождение. Судьбой же его распоряжались другие, как полагают — бояре... Учился он в арианской школе (а где была такая — неизвестно), потом жил у литовского князя Вишневецкого, где объявил себя сыном Иоанна Грозного Димитрием и был поддержан польскими вельможами, склонив на свою сторону и духовенство принятием католичества и обещанием ввести его в России. Он получил руку Марины

Мнишек, обещая закрепить за ней Новгород и Псков».

«В 1604 году он двинулся к Москве с католическими войсками. Русские войска неохотно сражались против него, и 20-го июня 1605 года, провозглашенный царем, он въехал в Москву. Он перестроил боярскую думу, удвоил жалование служилым людям, мечтал о политическом союзе Европейских держав против Турции (покровительствовавшей православия)... Забвение им старинных обычаев не нравилось придворным старожилам, а народ, видимо, любил его».

«Заговор бояр против него, с Шуйским во главе, был открыт при первых же днях царствования нового царя, но прощенный им Шуйский продолжал свою темную работу. В ночь на 17 мая 1606 года (т. е. через год царствования) народ, обманутый ложными криками, будто поляки бьют царя, толпами бросился ко дворцу (очевидно защищать царя)».

И его тут будто бы застрелили. Но правда ли это и куда же делся его труп? И не более ли правдоподобно сообщение, что он бежал, и в следующем же 1607 году вдруг появился в се-

ле Тушине, почему и назван был своими врагами «Тушинским вором». «Село Тушино в 12 верстах от Москвы — говорится там же — скоро обратилось в укрепленный город. Царица Мария признала его своим мужем. Польские воеводы Сапега и Лисовский служили ему (со своими униатскими войсками). Неудачная осада (поляками) Троицкого монастыря задержала его успехи. Скопин-Шуйский спас Москву (от униатов)... Когда поход польского короля к Смоленску отвлек от Дмитрия поляков, он бежал в Калугу и его признали (за спасшегося от византистов) царя южные и юго-восточные области России. А когда его убил из мести (за что же? не за униатство ли?) татарин Урусов, Калуга провозгласила царем сына его и Марины — Ивана».

Все это вы найдете без труда в Малом Энциклопедическом Словаре Брокгауза и Ефрона под словом «Лжедмитрий». И уже одно то обстоятельство, что царица Марина (дочь Сандомирского воеводы Юрия Мнишека) сопровождала своего мужа в 1605 году в Москву на русский престол, а после его низвержения уехала с семьей своего отца в Ярославль, где

жила до 1608 года, когда уехала под Москву к «Тушинскому вору», как к своему прежнему мужу, а после его воображаемой смерти в 1610 году осталась при охранявшем ее все время старшине Донских казаков Заруцком, который, разгромив Коломну и часть Рязанской области, двинулся по Дону к югу, но настигнутый в 1613 году Московскими войсками у Воронежа, поворотил к Волге, чтоб поднять волжских казаков, что ему и удалось. Но позднее начались несогласия, московские войска Зарудного выбили его из Астрахани и в 1614 году привезли в Москву, где он и был казнен, да и Марина с сыном, отвезенная в Москву, погибла таинственным способом.

Скажите же сами, читатель, насколько правдоподобна вся эта история? Настолько же, отвечу я, насколько и сказание о Медузе с волосами в виде змей.

Вот чванный польский пан Мнишек принимает к себе в семью самозванца Гришку Отрепьева и позволяет своей дочери Марине выйти за него замуж. Да он скорее вырвал бы ей все волосы, чем допустил такой мезальянс. А он вдобавок сопровождает их в Москву, где

видит, как вдова Иоанна Грозного, царица Марфа, встречает и публично обнимает Гришку, как сына. Уже одно это доказывает, что Гришка не был самозванцем. Он коронуется в Москве, но царствует, будто бы, только неделю, хотя успеваает в это время сделать ряд демократических реформ и завести сношения с государствами Западной Европы. Бояре-византисты составляют против него заговор, но он пропадает и вдруг появляется в 12 верстах от Москвы в селе Тушине. Бояре называют его Тушинским вором и самозванцем, но жена его Марина признает своим мужем и все ее семейство тоже. На помощь ему приходит из тогдашней «Польской Украины» вождь Донских казаков (т. е. потомков Черноморских католических колонистов) Заруцкий, но разбитый московскими войсками увозится в Москву в 1614 году, где и погибает вместе с Мариной и ее сыном (которые таинственно исчезают).

Ну, разве же это «история», а не «роман», и притом очень плохой роман? Но и этот роман все же нашел отголоски в умах последующих фантазеров: «Если какой-то Гришка Отрепьев,

вообразив себя царевичем Димитрием, мог завладеть московским престолом, так почему бы не мог и я?»

И вот начались небывалые в остальных государствах земного шара попытки самозванства в России, самой выдающейся из которых был Пугачевский бунт.

Вот как рассказывает об этом православная история: «Среди казаков-раскольников имя Петра III было в большом почете. По происхождению он был немец, сын цесаревны Анны Петровны и Фридриха Голштейн-Готторнского и родился в Киле в 1728 году, а потом был воспитан, как лютеранин и претендент на Шведский престол. Но тетка его, русская императрица Елизавета Петровна, вызвала его из-за границы, заставила принять православие и в 1742 году объявила наследником русского престола. Фридрих Великий в 1744 году прислал ему в жены принцессу Ангальт-Цербетскую Софию-Фредерику-Августу, принявшую в православии имя Екатерины Алексеевны (Екатерины II). Но перемена вероисповедания не сделала Петра III православным в душе и навязанный ему брак с

Екатериной не был счастлив. 25 декабря 1761 года, когда умерла императрица Елизавета Петровна, его воцарение совершилось без препятствий, начались реформы, были прекращены все дела о раскольниках (т.е. униатах) и тем из них, которые бежали в Польшу и другие заграничные места, было позволено возвратиться с отведением им земель за Уралом для жительства (причина, по которой имя Петра III пользовалось такой популярностью среди раскольников). Опальные прежних царствований были им возвращены из ссылки... Но намерение отобрать в казну монастырские поместья вызывало неудовольствие в (православном) духовенстве, которое еще усиливалось явным предпочтением Петра III лютеранской (и униатской) религии. Не менее недовольной была и гвардия, к которой Петр III относился пренебрежительно... С Пруссией был заключен тесный союз (см. опять „Энциклопедический Словарь“ Граната и Ко), но тут произошел дворцовый переворот... 28 июня утром Алексей Орлов[301] прибыл в Петергоф, где находилась императрица и побудил ее немедленно ехать в С.Петербург,

где она с восторгом была принята гвардейскими полками. Солдаты и офицеры присягнули ей. В Казанском соборе архиепископ Новгородский с высшим (православным) духовенством отслужил благодарственный молебен, торжественно провозгласив Екатерину „Самодержавнейшею императрицей“... Узнав об этом, Петр III, пораженный таким поступком, подписал присланный ему акт отречения от престола и был отправлен в сопровождении военного отряда под арест в замок Ропшу около Петергофа, где, как говорят, скончался через несколько дней 7 июля 1762 года, как, будто бы, „было сказано в письме сторожившего его Ал. Орлова к Екатерине II“».

Так говорится в официальной истории. Но правда ли, что Петр III там умер через несколько дней после своего ареста 5 июля 1762 года?

Я не буду решать здесь этого вопроса, а только напомним, что «14 октября 1773 года Пугачев под именем Петра III (или сам Петр III) осадил Оренбург с 15-тысячным войском и вся Башкирия поднялась... Его войско обнаружилось на Волге и взяло Казань, потом Пензу.

Он поворотил к югу, взял Саратов и направился на Дон и Кубань. Но 24 августа посланный против него Михельсон наголову разбил его войско у Черного Яра. „Пугачев“ был выдан своими сторонниками и, привезенный в Москву в железной клетке, был четвертован 10 января 1775 года, через 13 лет после низложения императора Петра III.»

Был ли он действительно спасшимся Петром III или нет, но самое его имя «Пугачев (или Пугачь)» едва ли настоящее имя, а не прозвище, данное его врагами (вроде прозвища царя Димитрия «Тушинским вором») и, во всяком случае, его бунт был лишь последняя стадия того же старого спора между прежними униатами (староверами) и византистами-никонианцами.

А что касается до того, что наши обычные представления об этом «Пугачеве» не сходятся с представлениями о том, чтобы он действительно, был сыном Фридриха Гольштейн Готторнского, воспитанным как лютеранин, то не забудем, что представление о нем мы составили еще в детстве по романтической «Истории Пугачевского бунта» Пушкина, по-

добно тому, как и представление о казаках составили по «Тарасу Бульбе» Гоголя, и эти представления, как привычные, прочно засели в наши головы. Одна моя знакомая, прочитав это место в моей рукописи воскликнула: «но я сама видела его фигуру на одной картине, это был зверь, а не человек!» А я ответил ей на это слышанным мною юмористическим рассказом, как один разбогатевший мясной торговец явился к художнику, говоря:

— Сделай мне большой портрет моего покойного отца. Не пожалею денег!

— Но, как же я сделаю его портрет, ни разу не видав его?

— По моему описанию. Он был невысокого роста, волосы черные, с проседью, борода черная, лопатой, чуть не до глаз, а на конце носа бородавка.

Художник подумал и согласился. Когда через неделю мясной торговец явился и увидел портрет, он с минуту оставался перед ним в недоумении, а потом воскликнул:

— Родитель ты мой, родитель! Да как же ты изменился после своей смерти! Если б не бородавка на носу, ни за что бы тебя не узнал!

Так не узнали бы мы и всех прошлых исторических деятелей по портретам и характеристикам. А относительно Пугача-Пугачева я спрошу только одно:

— Почему, схватив его на Дону, полководец Михельсон не казнил его тут же, а послал в железной клетке, очевидно, в Петербург, где жила императрица Екатерина и где царствовал Петр III, за которого Пугачев себя выдавал, и где все придворные знали Петра III лично? По чьему приказанию его судили и казнили на полдороге туда, в Москве, где никто не видал Петра III? Не знаю как для вас, а для меня это приказание свыше очень подозрительно. Ведь Москва была тогда такой же провинциальный город, как и Ярославль.

Но возвратимся еще раз вспять. Еще до Пугачева, чтоб прекратить всякие разговоры, что царь Димитрий, муж униатки Марины и сам, по-видимому, униат был настоящим сыном Иоанна Грозного, византисты придумали окрестить его именем какой-то высохший труп и объявить его чудотворным. Но прекратив этим своим изобретением всякие разговоры, они прекратили и всякие дальнейшие ис-

следования и даже издание старинных документов.

Так, насколько мне известно, остаются до сих пор неизданными (см. слово «Татищев» в том же словаре), хранившиеся в Московском Глазном музее министерства Иностранных Дел записки историка Татищева «О царствовании Годунова, Лже-Димитрия и царей Михаила и Алексея».

В результате всех этих церковных дрязг и подлогов остались о «смутном времени» лишь разноречивые сообщения.

Вот, например, в том же «Энциклопедическом словаре» Граната и Ко (5-е издание 1901 году) читаем на странице 2888 о Прокопии Ляпунове:

«В 1605 году он стал на сторону Самозванца, искренне считая его настоящим царевичем Димитрием. После его убийства (как я показывал уже придуманного) он пристал к рязанцам и к Болотникову, поверив, что Димитрий жив, и разбил несколько раз войска (византиста) Шуйского... Когда началось в Москве владычество (униатов) поляков, Ляпунов вначале считал лучшим исходом избра-

ние на престол царевича Владислава (униата), но узнав о действиях Сигизмунда (польского униатского короля) под Смоленском и поняв своекорыстные цели поляков, он вместе с патриархом Гермогеном (ревностным защитником византизма) смело и горячо стал действовать за освобождение Москвы (от поляков). К составившемуся ополчению присоединились ополчения Просовецкого, Трубецкого и Зарудного, и скоро Ляпунов, став под Москвой в 1611 году (т.е. через 6 лет после первого входа в нее Димитрия) дал полякам сражение, после которого польский воевода Гонсевский удержал за собой только Кремль».

Но как же — спрошу я — он мог сидеть только в Кремле, окруженный враждебными войсками и без продовольствия?

Посмотрим же на историю и других деятелей этого поистине «смутного» времени.

Вот, например, Минин и Пожарский. В том же Энциклопедическом Словаре (т. VI, с. 3187) находим:

«Мясной торговец Минин выступил на поприще политической деятельности, когда грамоты (православных) властителей Троиц-

ко-Сергиевского монастыря вновь призывали города подняться на защиту (православия) и очищения Русской земли (конечно, от униатов). Возбужденное Троицкими грамотами население многих городов ждало только резкого, энергического движения, чтобы двинуться вслед за ним на очищение государства от внешних врагов (т. е. униатов-поляков) и от внутренних (т.е. от униатов-староверов)».

Этот мясной торговец «нашел и воеводу в лице стольника князя Д. М. Трубецкого, уже известного своей борьбой с поляками в Москве 19 марта 1611 года... 27 ноября 1612 года старое ополчение князя Трубецкого и новое земское ополчение Минина и князя Пожарского уже слушало на Красной площади в Москве благодарственный молебен».

А приведенная у нас выше латинская карта фон-Герарда, помеченная, как показано на ней самой 1611 годом, вышла значит через полтора или два года после освобождения Москвы от поляков, а потому и обозначенные на ней три «татарина», выделенные за Волгу, должны быть тоже поляками-униатами —ксензом, рыцарем и паном. Вот как гово-

рится об этом «смутном» времени в том же «Энциклопедическом словаре» под словом «уния»:

«Когда Иоанн III в 1472 году (т. е. через 140 лет после того, как уния была проклята византистами на Иерусалимском соборе) женился на греческой царевне Софии Палеолог, приехал из Рима папский легат кардинал Антоний и уговаривал его (а не ее) принять унию... Так же безуспешны были попытки папы Льва X и Климента VII в начале XVI века при Василии III Иоанновиче (1479-1533 гг.) сыне Софии Палеолог и Иоанна III и при сыне их Иоанне IV Грозном в 1533-1608?, когда известный Антоний Поссевин (Antonius Possevinus, умер в 1611 году) приехав в Москву последний раз пытался безуспешно уговориться с Иоанном Грозным принять унию. После этого приезда спор между староверами (т. е. униатами) и ново-верами (византистами) стал уже внутренним и зарубежные униаты более не вмешивались в него». Даже самый период «татарского владычества» крестоносных орденов с Запада превратился в татарское владычество (т. е. в иго, или «ярмо») татарских

орд с Востока.

И это подтверждается вполне современным состоянием религии в Азии.

Выходит, что крестовые походы не ограничивались только Европейской Россией, но шли и за современную нам Волгу и Урал в Азию: религия крестоносцев распространилась под именем ламаизма и в Тибете, и в Монголии. Имя «ламаизм» относят к 632 году и говорят (см. тот же «Энциклопедический словарь Граната и Ко», «ламаизм»):

«Во время монгольского (т.е. крестоносного) владычества один священник, стоявший во главе буддийского (т. е. будительского крестоносного) монастыря по имени Паспи (испорченное: папа?) получил во владение Тибет и стал во главе Ламайской иерархии...»

«Духовная власть лам распространяется теперь далеко за пределы Тибета (у бурятов, калмыков и в ламайских монастырях в Китае). Ламайское монашество (явный отголосок католического монашества) разделяется на четыре ступени: настоятель монастыря, священник, оглашенный (гетул) и послушник... Белого духовенства ламаизм (как и ка-

толицизм) не признает. Все духовные безбрачны и все живут в монастырях. Существуют также и женские монастыри, во главе которых стоят воплощенные настоятельницы. Совокупность всего духовного персонала составляет ламаитскую церковь.

Одежда для каждого класса точно предписана. Каждое духовное лицо дает присягу жить исключительно подаянием. Ламы являются не только заступниками простых смертных перед богом, но вместе с тем (как в старое время у католиков) и врачами, астрологами и предвещателями».

«Ламаитские храмы (как и христианские) имеют вид прямоугольников, стороны которых (как и у европейских христиан) расположены соответственно странам света. Кроме того, существуют часовни и проч. Употребление четок во время молитвы имеет широкое распространение. Главную часть богослужения составляет освящение воды (за отсутствием в Сибири виноградников) и хлеба, и раздача их верующим».

Я нарочно говорю это не своими словами, а цитирую по словарю Граната для легкой

возможности проверки.

Скажите же теперь сами, читатель, неужели вы не узнаете тут остатков бывшего католицизма, который мог быть занесен сюда не иначе, как крестовыми походами? Совершенно ясно, что крестоносцы в своем «стремлении на Восток» распространялись далеко за пределы Уральских гор и превращены русскими православными историками в «татарские орды, пришедшие из Китая».

Точно также и индусская «Тримурти» (т. е. по-русски — «три морды») с ее Брамой (богом отцом), Вишну (т.е. Вышним, богом сыном с его многими воплощениями в человеческом виде, главнейшим из которых был Кришна, т.е. Христос, герой Магабгараты) и с богом Сивой (очевидно, святым духом) носит все следы крестовых походов, доходивших, как говорится у христианских историков, до Индии.

Ни один свободно мыслящий человек не может, конечно, даже и подумать, что все эти совпадения были «простыми случайностями», а не отдельными этапами той же самой эволюции, и она рисуется беспристрастному ученому в таком виде. Успехи крестовых по-

ходов, как религиозно-военных предприятий, находятся в тесной связи с изобретением новых неизвестных до тех пор в остальном мире орудий защиты и истребления.

И тут мы прежде всего отмечаем следующие две стадии.

1-я стадия. Изобретение выплавки меди из ее руд, возможное только в странах, обладающих, как Испания, медными рудниками, давшими возможность делать шлемы и латы для защиты себя, и луки с медными стрелами для убивания противника, а также обуздание лошадей для быстрых переходов (медный век).

2-я стадия. Изобретение пороха монахом Шварцем, сделанное им, как говорят, около 1250 года, одновременного, по-видимому, со взятием Константинополя в 1261 году восточно-римским императором Михаилом VIII Палеологом (уничтожившим Латинскую империю) и с восьмым крестовым походом на Восток при Людовике IX в 1280 году. Тут же появились и турки-османы. Некоторые отдельные детали о соотношении открытия пороха с политическими переменами того времени для меня еще не ясны, но они несомненно

имели место и дали Европейцам новый перевес над азиатами. Только с этой точки зрения и понятно, почему и VIII крестовый поход (особенно после открытия компаса около 1300 года Флавием Джойо) произошел тоже с Запада на Восток.

А в Азию увлекло старинных домоседов-историков больше их собственное воображение. Так, например, можно считать несомненным, что поводом к библейскому сказанию о Земном Рае была дельта Нила с ее плодородием от ежегодных разливов его устьев, давших ей и название Междуречья (по-гречески — Месопотамия), а не широкое пространство между реками Тигром и Евфратом, представляющее пустынную равнину с каменистой песчаной почвой. В Междуречьи дельты Нила мы находим и попытки построения «башень до небес» в виде египетских пирамид, а между Тигром и Евфратом нет и намека на что-нибудь подобное.

Точно также и мифическую Трои, воспетую «Гомером» (т. е. по одному старинному сообщению маркизом Де-Сент-Омер во время господства крестоносцев в Греции), если уж

нужно искать этот город в реальности, мы скорее найдем в древнем французском городе Troyes (теперь читается как Труа) на Сене, замечательном своим готическим собором, а не в форте Кум-Кале на северо-западной оконечности Малой Азии, как нафантазировал это археолог-искатель Генрих Шлимман, нашедший тут в 1870-1890 гг. остатки какого-то царского дворца, двух храмов, театра и много золотых и серебряных украшений разных стилей и эпох и объявивший это остатками Трои.

Я не могу здесь обременять моего изложения и другими многочисленными примерами того, что крестоносцы, пользуясь беззащитностью восточного населения против огнестрельного оружия западных европейцев и обузданных ими коней, заходили (скорее заезжали) далеко в глубь Азии, и что неизбежная (по причине отсутствия у них собственных женщин) ассимиляция их с местным населением через местных девиц сохранила там их потомство под именем монголов (т.е. великих), а их религию сохранила в виде ламаизма, буддизма, индуизма и других вероисповеданий.

Но и этих примеров, мне кажется, совершенно достаточно, чтоб показать, что все эти этнографические передвижения — суть отголоски крестовых походов, недаром называемых по немецки *Drang nach Osten*.

Глава III. Поход туркменских конников 1935 года

Когда это мое исследование было уже закончено, я неожиданно получил опытное подтверждение моих теоретических выводов о географической невозможности «монгольского ига» из «Средней Азии».

Все русские газеты 26, 27 и 28 августа 1935 года оказались полны восторженных описаний «БЕСПРИМЕРНОГО ВО ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ» конного перехода тридцати туркменских всадников в Москву из Ашхабада у персидской границы за Каспийским морем. Беру выдержки из самых скромных повествований об этом в «Известиях Центрального Исполнительного Комитета СССР».

«Почти четверть своего пути — тысячу километров — они прошли по безлюдной пустыне, по пескам и скалам, где нет ни дорог, ни растений. И единственный человек, кото-

рого они встретили на этой тысяче километров, был рыбак, случайно высадившийся на необитаемом берегу Аральского моря».

«Строптивая природа, казалось, напрягла всю свою злую изобретательность, придумывая все новые трудные препятствия на их пути. Она оставляла их надолго без воды, они шли под ливнями и палящими лучами солнца, их кони увязали в песках по колена. Природа испытывала стойкость людей и выносливость коней».

«Но всадники безостановочно шли вперед. Укладывали на целые километры дорогу саксаулом, который собирали в степи. Сбрасывали с собственных плеч халаты и укрывали ими лошадей. Отдавали последнюю воду из походных баклаг своим четвероногим друзьям. В Усть-Урте таскали по скалистому скату пятипудовые бочки с водой из родников, которые удавалось обнаружить под пятой плоскогорья. Рыли колодцы, искали, когда иссякал фураж, дикорастущую люцерну, рвали ее руками, собирая ежедневно столько, чтобы конь был сыт.

Так они шли 84 дня на своих ахал-текин-

цах и йомудах, на сухих тонкошеих конях через Кара-Кум, Усть-Урт, Поволжские степи — к сердцу Союза, в столицу Родины».

«Товарищ Сталин, — говорил им на торжественном приеме нарком обороны К. Е. Ворошилов, — очень внимательно следил за всеми сообщениями о вашем пробеге. Он говорил со мной о нем, характеризуя его как героический подвиг, который могли совершить только люди нашей страны.

Потом Нарком обороны наградил всех героических участников пробега за славный подвиг именными золотыми часами». И там же мы читаем далее:

«Славные конники Туркмении, совершившие беспрецедентный пробег Ашхабад—Москва, вчера, 23 августа, были приняты в Кремле председателем ЦИК Союза СССР тов. М. И. Калининым и председателем Совета Народных Комиссаров СССР тов. Молотовым.

В большом светлом зале заседаний Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР собрались лучшие колхозники солнечной республики, слава о которых прогремела по всей стране. В ярких национальных хала-

тах, мохнатых папахах, бронзовые от загара, заняли они места за широким столом. Тов. М.И.Калинин вручает награды тридцати отважным участникам беспримерного в истории кавалерии конного перехода Ашхабад — Москва».

«Вызываются вслед за этими конниками те, кто обслуживал героический пробег, обеспечил его успех. Это врачи, снабженцы, шофер, седельных дел мастера, радист, фуражир и другие. Тов. Калинин вручает почетные грамоты ЦИК Союза ССР».

А еще далее читаем:

«Вечером состоялся прием туркменских участников исторического конного пробега Ашхабад—Москва Наркомом земледелия СССР.

Все участники пробега премированы Наркомом земледелия СССР велосипедами. Тридцати двум колхозам Туркмении, организовавшим славный пробег, Нарком выделил средства на строительство культурных учреждений».

А затем под крупным заголовком приводится и текст правительственного постанов-

ления:

«Центральный Исполнительный Комитет Союза СССР постановляет:

За беспримерный в истории конницы конный переход Ашхабад — Москва, совершенный колхозниками-ударниками Туркменской ССР на своих колхозных лошадях по маршруту, пролегающему значительной частью по бездорожью в безводной местности:

Наградить орденом „Красной Звезды“:
(перечисляются 30 конников).

Наградить грамотой ЦИК Союза ССР участников конного перехода Ашхабад — Москва, сопровождавших и обслуживавших переход (всего перечислено 17 человек).

Слава бесстрашным джигитам знойной Туркмении!»

Что уж говорить о многочисленном, не регулярном и разношерстном войске (фактически огромном табуне лошадей, которых гонят люди за многие тысячи верст в чужие земли) идущем с фантастической скоростью и фантастически же успешно покоряющие пройденные земли. При том это войско не только не тает, а наоборот множится (непонятно за счет

какого населения и каких ресурсов). В это можно поверить, только не зная особенностей коневодства. Даже в благоприятных и стационарных условиях ведения дела очень не просто сохранить поголовье. Особая забота—подготовка пастбищ, которые специально делятся по временам года. И все слова, сказанные о необычайной выносливости, воинственности и массовом мародерстве «монголы и К°», позволивших им не просто без потерь, но и с прибылью пройти всю Азию с востока на запад, есть просто фантазии, далекие от реальности.

Уже этого достаточно, чтобы все рассказы о грандиозных завоеваниях монголов считать искаженной историей реальных завоеваний немецкими орденами южных и западных территорий нынешней России. Что же касается других сложностей подобного похода, то хочется отметить, что в отличие от туркменских конников восточные завоеватели двигались отнюдь еще не по карте и ездили они совсем без автомобилей, врачей, седельных мастеров и инструкторов по ковке и радиосвязи с городами, куда едут и откуда вы-

ехали.

У туркменских всадников были в распоряжении точные географические карты, по которым они знали даже и без дорог, по какому направлению надо ехать до ближайшего населенного пункта, где можно найти пищу и кров для 47 человек и корм для их лошадей. Они имели компасы, чтобы не заблудиться, приехать к нужному населенному пункту, если туда не было проторенной дороги, а те — монголы, — говорят нам, — даже и не имея никакого понятия о географической карте, а с нею, конечно, и о направлении, по которому надо идти в Киев, Москву или Тверь, безошибочно приходили туда и уходили оттуда целыми десятками тысяч и при том не по дружеской местности, снабжающей их всем необходимым, а при разбегающемся от них во всех стороны враждебном и испуганном населении.

Сколько же времени они шли? Вот, теперь перед нами уже не расчет, а факт. Тридцать туркменов, совершив «мировой рекорд», приехали верхами из-за Каспийского моря в Москву в три месяца без шести дней, в самое

светлое и теплое время года — в июне, июле и августе, когда день продолжается в среднем более 18 часов, а темнота менее 6 часов. И вот, они уже не возвращаются таким же путем на родину, считая это физически невозможным, так как даже и в том случае, если бы они и обратно ехали только три месяца, то не приехали бы домой ранее декабря, тогда как с конца октября и в продолжении всего ноября земля была бы покрыта снегом, а перед этим был бы период осеннего ненастья и слякоти. Они поехали обратно уже по железной дороге, и вот что мы читаем в «Известиях» от 13 сентября:

«Героические конники — участники пробега Ашхабад—Москва — вчера подъехали (в поезде) к границам Туркмении. Навстречу им примчалось несколько сот всадников-туркменов. С высоты воздуха их встречала эскадрилья самолетов „Динамо“.

Многочисленная толпа колхозников забросала героев цветами. 13 сентября конники прибыли в Ашхабад. Этот день объявлен всенародным туркменским праздником».

И справедливо, — прибавим мы от себя. А

сравнив это с походами «монголов» оттуда же в Москву и даже далее и обратно, сделаем же, наконец, и подобающий вывод. Очевидно, что и монгольский отряд Батыея, выехав весной из прикаспийского Сарая и прибыв, как эти рекордные всадники, только к сентябрю в Москву, Тверь или Старую Руссу, близ Великого Новгорода, уже не смог бы возвратиться домой без помощи железной дороги или дать о себе известие туда без радиотелеграфа ранее сентября следующего года, т. е. «герои» пропали бы без вести для своего заволжского великого хана более года. Каким же образом такой далекий хан мог бы держать в подчинении у своих сборщиков податей все русские крупные города без постоянных сильных оккупационных отрядов и не лишив права местных русских князей иметь русские и по природе своей враждебные ему войска?

Прямое наблюдение ближайшей же к нам жизни народов показывает нам, что все это могло бы быть только в том случае, если великий хан, как римский папа у католических народов, или как Далай-лама у тибетцев, считался у русских главой их церкви, наместни-

ком бога на земле.

А между тем ортодоксальные историки как раз и отбрасывают такое объяснение, объявляя «татар» или «монголов» иноверцами, державшимися исключительно военной силой. Они утверждают, что сами русские князья в продолжение 300 лет ежегодно по очереди совершали такие же «беспримерные в истории» конные пробеги, как на днях приехавшие в Москву 30 туркмен, но только в обратном направлении и не с целью представиться своим покровителям, а с целью поклониться своим угнетателям, не считаясь в своих выводах ни с климатическими условиями проходимых стран, ни с состоянием культуры и техники в данное время, ни с физическими силами людей и лошадей.

С нашей точки зрения почти трехмесячный переезд 30 туркменских всадников из Ашхабада в Москву имеет даже несравненно большее значение, чем придали ему в Москве: это опытное доказательство невозможности Батыевых походов, и остается пожелать, чтобы верящие в монгольское иго историки попробовали повторить походы Чин-

гис-Хана, чтобы доказать опытным путем их еще большую физическую невозможность. Там, где является возможность сомнения, опыт всегда решает дело. Но только... не достаточно ли для этого и только что описанного опыта?

Том II

Критический разбор

Прежних западных востоковедов

Пролог. Психология сочинительства исторических сообщений

Глава I. Краткое резюме предыдущего тома

Для того, чтобы мой читатель не путался в многочисленных и разнообразных деталях, которые мне, по необходимости, пришлось привести для достаточного обоснования моих столь неожиданных выводов о «татарском иге», я резюмирую здесь их основную сущность, и лучше всего в той последовательности поисков и размышлений, посредством которых, против воли меня самого, я к ним пришел.

Когда я пошел по лингвистическим следам, то увидел: вот, в русских летописях мы находим, что татарские сборщики податей назывались бессерманами, откуда русское слово бусурман. Но ведь это немецкое слово *Besteuerman* — сборщик податей: от глагола *besteuern* — собирать подати, и от существительного *steuer* — налог.

Вот, в русских летописях предводители татарских отрядов назывались баскаками, и это производят от тюркского слова баскан — нажимать. Но какой же чиновник будет сам себя называть официально нажимателем? Ведь так могли бы назвать его только русские на своем, а не на его языке, которого они даже и не знали... И зачем все это поистине «нажимистое» словопроизводство, когда само собой навязывается другое совершенно простое. Переведите только на русский язык слово капитан, происходящее от латинского *capit* — башка, глава, и вы получите башкак, т. е. главак, откуда и теперь осталось слово «главнокомандующий» и «главарь». Точно так же и по-немецки ротный командир называется *Hauptman*, т.е. главак, иначе башкак, превра-

тившийся затем в латинском произношении носителей этого русского названия — в баскака, из-за того, что по латыни чужеземный звук Ш заменяется через С.

Я стал затем применять и экономические соотношения и соотношения сил русских и татар.

Вот новгородский князь Александр Невский в 1240 году в большой битве на Неве разбивает шведского полководца Биргера, вследствие чего и получает свое прозвище. А затем, как это видно из иностранных источников, он наносит сильное поражение соединенным силам рыцарей Ливонского и Тевтонского орденов на льду Чудского озера при так называемом «Ледовом побоище» (1242 году), «победоносным походом против Литовцев обеспечивает независимость от них Новгородского княжества». А что же этот герой и победитель делает потом? Уж не сошел ли он с ума? Через три года после своих блестящих побед, он вместе с братом Андреем едет в 1245 году с великими трудами и лишениями, при тогдашнем отсутствии проторенных путей сообщения, по диагонали через всю восточную Евро-

пу — не иначе как через Тверь, Москву, Рязань, Тамбов, Саратов и по мало населенным степям в какой-то Сарай на нижней Волге, нежизненность которого доказывается тем, что от него потом ничего не осталось. Он едет, преодолевая все препятствия, в орду к бусурманскому Бате-хану (т. е. батюшке — священнику, так как «хан» есть библейское слово, значащее священник, а Батый испорченное русское Батяй[302]).

А затем дело становится еще хуже: Батюшка-священник (Батя-хан) отправляет его по непроходимым, при тогдашних культурных условиях путям сообщения, в Забайкалье, в какое-то пропавшее затем без следа урочище на реке Амуре к Великому Хану (т. е. в переводе к Великому Священнику — Pontifex Maximus по латыни) и через 7 лет путешествия, в 1250 году, Александр Невский возвращается обратно с бумагой («ярлыком») на княжение в Киеве и Новгороде, а его брат Андрей с бумагой на княжение во Владимире. Потом за великую покорность и усердие Александр Невский получает еще ярлык[303] на великое княжение во Владимире и умира-

ет благополучно через 11 лет 14 ноября 1263 года, после чего, несмотря на такую свою преданность бусурманам и бусурманству, причисляется православною церковью к лику святых. Его мощи открываются еще в 1381 году, т.е. за сто лет до сброса «татарского ига» Московским великим князем Иоанном III, а в 1724 году переносятся, будто бы, из Владимира в Петербург в Александро-Невскую Лавру.

Но ведь это же все так нелепо, что мне для оправдания остается только отослать читателя к любому подробному энциклопедическому словарю для проверки такой биографии. Ведь ехать из Великого Новгорода после победы над шведами, над Ливонским и Тевтонским орденами и над Литовцами за нижнюю Волгу в Прикаспийскую Орду, а затем еще и в Забайкалье (!!) на реку Амур (!!), чтобы утвердиться у тамошнего бусурманского Великого Первосвященника в правах на христианское княжение в защищенном так блестяще Великом Новгороде, это то же самое, как если бы русский царь Александр I после отражения Наполеона поехал утверждаться в своих правах на царствование в России к шаману на

Чукотский Нос и возвратился бы оттуда с «ненецкой» грамотой на Всероссийское царствование, после чего, несмотря на такую великую преданность шаманству, был бы причислен русской церковью к лику святых.

Другое дело, если после своих блестящих побед на льду Чудского озера над Ливонским и Тевтонским орденами он почувствовал, что они все-таки не оставят его в покое и решил отдаться под покровительство более влиятельного гроссмейстера Ордена Святого Креста на несоседнем с ним и потому безопасном Балканском полуострове, и поехал не в Сарай в степях за Волгой, а в Сараево в Боснии, где жил папский наместник[304], и затем не в Урочище на р. Амуре, а в Рим на реке Тибре, к римскому Великому Первосвященнику (Pontifex Maximus) и, приобщившись к униатству, привез оттуда буллу на княжение. Тогда понятно, что он вполне обеспечил бы свое княжество от нападения соседних с ним Ливонского и Тевтонского орденов. А за такое свое усердие он, естественно, был бы причислен к святым своею церковью, если б она в то время была униатскою и в Киеве, и в Новгоро-

де, и во Владимире.

Только тогда вся эта нелепица исчезает и получается вполне реальный смысл и, при том, вполне гармонирующий с остальными характеристичными феодальными отношениями того времени.

Вот, например, около семидесяти лет до этого римско-германский император Фридрих I Рыжая Борода (1152-1190) тоже воюет против воли папы с итальянскими папистами, но в 1177 году едет в Венецию принести папе земной поклон и покаяние и, прощенный, утверждается папой в своих «императорских правах». Но и этого мало. Он предпринимает в пользу папской власти крестовый поход против магометан-сельджуков в Малой Азии и там, по словам историков, даже тонет во славу папства при переправе через реку Салеф в древней Киликии (Cilicia), отошедшей к Армении (хотя, по немецкому народному преданию, он еще и до сих пор спит спокойно в одном из далеких восточных замков, но проснется и встанет в тот день, когда Германии будет грозить смертельная опасность, и восстановит в прежнем блеске и силе

Германскую Римскую Империю).

А вот и другой пример.

Уже во время самого Александра Невского (1220-1263 гг.), внук только что указанного спящего до сих пор Рыжебородого Фридриха — Фридрих II, император западной Римской империи, король «обеих Сицилии» (1220-1255 гг.), тоже, будучи католиком и даже крестоносцем, ведет затем «ожесточенную борьбу» с самим папой Григорием IX, который за это отлучает его от церкви, но продолжает борьбу и с преемником Григория Иннокентием IV и за упорство свое объявляется, наконец, отрешенным от германского престола целым католическим собором в Лионе в 1245 году. Однако и здесь ясно, что если бы Фридрих II вместо «упорства» поехал к папе, как его дед «Рыжая Борода», то папа обратил бы его в лоно своей церкви.

И вот, вся история Александра Невского, разбившего сначала тевтонских рыцарей, а потом поехавшего в Рим просить у папы утверждения на свое княжение, так сходна с историей этих современных ему Фридрихов, что невольно приходит мысль: не действовал

ли он по примеру Фридриха I и не окончил ли ссору более благоразумно, чем Фридрих II?

Так все нелепое с современной нам Заволжской и с Забайкальской точкой зрения в истории русского псевдомонгольского ига приходит в логический порядок и в соответствие с реальной историей того времени, как только Чингисхана (т. е. царственного священника)[305] мы признаем монгольским призраком римского царственного хана-священника. А вместе с тем исчезает и целый ряд других несообразностей, которыми полна вся история «татарского ига», если мы будем продолжать считать его за монгольско-татарское, а не за униатское татарское иго, которое тяготило русский народ своими сборами в пользу папской церкви. Вот хотя бы летописные записи о Ростовском князе Борисе Васильевиче (1231-1277), который за 14 лет княжения восемь раз ездил в «Орду» и дважды посылался к «Великому хану». Но как же он успел, если Великий Хан жил не в Ватикане?

В согласии с этим находятся и другие географические факты, например, что мы нигде не находим страны Татарии за исключением

венгерских Татров. Общая схема русской истории представляется с новой точки зрения такой.

Первый ее период, до взятия Царьграда крестоносцами, является полумифическим.

Не отвергая крещения «Владимира Святого» по греческому обряду, а, следовательно, и греческого влияния хотя бы на одно Киевское княжество, как первого зародыша будущей русской истории, мы должны признать, что после взятия Царьграда крестоносцами все славянские народности на Балканах, а с ними и Киевское княжество, приняли униатство. Они держались его и после обратного взятия греками Царьграда вплоть до 1480 года, когда Московский Великий князь Иван III отказался, вступив в брак с Софией Палеолог и в союз с крымским ханом Менгли-Гиреем, платить папе, а не монгольскому первосвященнику, униатский налог при сочувствии всего своего народа и национального русского духовенства, переставшего боготворить римского папу после Авиньонского пленения (1305-1377) и католического раскола (1378-1417 гг.) и запомнившего только католические поборы

и налоги.

С этого момента и по этой причине весь период русского униатства и стал называться татрским, в русском народном произношении — татарским, а по-гречески даже «тар-тарским», т. е. адским, игом. А затем началось умышленное перенесение папистами сцены действия в Монголию.

Действительно, после битвы на Косовом поле в 1389 году, когда был убит наступавшими на славян турками последний независимый правитель Сербии Лазарь, и югославянские христианские земли подпали под другое магометанское иго, с этим новым игом в последующих поколениях стали невольнo объединять и бывшее латинское иго и, таким образом, переселять его с запада на восток, что было как раз на руку папству, которому турки тоже угрожали.

Соединившиеся интересы латинян и славян, а с ними, может быть, и греков, стали подсказывать им, как это постоянно бывает, новые мысли:

— А действительно ли татрское иго было христианское, католическое, а не адское, тар-

тарское, пришедшее от турецких единоплеменников в Туркестане?

Такая мысль, как соответствующая интимным желаниям обеих сторон, должна была показаться очень удачной ученым клерикалам по итальянской пословице: *se non e' vero, e' ben trovato* (если и не правда, то хорошо придумано).

— Вместо того, чтобы вспомнить старые счета, не лучше ли их позабыть в виду необходимости объединиться против общего врага?

Но для того, чтобы все забыть, необходимо было объяснить, откуда же пришло это татарское иго, о котором еще ходили в народах ужасающие сказания? Конечно, надо извести его оттуда же, откуда пришли и наличные угнетатели — турки. И это было сделать легко.

Восточное название римских священников «ханами» [306], а великих первосвященников (*pontifices maximi*) хаганами, а по другому произношению Ка-ганами и Ха-канами, было взято прямо из Библии. Возьмем, например, библейскую книгу «Цари», которая, как мы

видели в I и VII томах, представляет в действительности якобы затерянные «Царьградские консулярии»[307] и трактует под именем богоборческих и богославных царей — израильских и иудейских — о цезарях Восточной и Западной Римской империй. Там священник Иодай при царе Иоасе (Цари II, 12,3) соответствует, судя по своему времени, патриарху Иоанну Златоусту при царь-градском императоре Аркадии (395-408), и назван ханом. Значит, и вообще христианские патриархи назывались ханами, как об этом свидетельствует, между прочим, и название жилища папы в Риме Ватиканом, т. е. жилищем хана.

Таким образом, сама христианская церковь, в основе которой лежит Библия, употребляла такую терминологию. Терминология эта держалась и у мирян в Западной Европе во все время крестовых походов. Вот, например, хоть тогдашние Норвежские цари: Гакон (т. е. Хаган) Добрый (936-961), погибший при попытке ввести христианство; Гакон Старый (1247-1263), присоединивший, будто бы, к Норвегии Исландию и Гренландию (еще до открытия компаса!!!) и Гакон последний, пы-

тавшийся присоединить к Норвегии Швецию в 1361 году.

А если мы припомним, что «Книгой Гаконнов», т. е. «Книгой верховных первосвященников (Наkonar-bok)» и до сих пор называется в Исландии сборник старинных норвежских законов, относимых к тому же XIII веку, то мы увидим, что библейское название Гакон (Ha-kon или иначе Ha-chan) было употребительно как прозвище царственного первосвященника Cingish-chan'a в северо-западной Европе.

Является вопрос: каким же образом и под стенами Китая это прозвище Норвежских королей принял в ту же самую эпоху некий монгольский завоеватель Хингис-Хан?

Загадка эта с точки зрения нашей теории решается очень просто: Римские папы, эти действительные Кингиш-ханы, желая восстановить унию с восточными христианскими народами, не признали восточное прозвище га-ханов за свое, тем более, что у себя на родине они уже назывались по латыни pontifici maximi. Оставив этот библейский титул исключительно за магометанами, и, которые,

прибавлю, были отлучены от христианской церкви лишь в начале крестовых походов, в 1180 году, они тем самым отделили себя и от всех сказаний о себе, сохранившихся в славянских и русских летописях. Возможно, что они и сами себя не узнали в этих сказаниях. Не трудно было отделаться и от названия «Татарское иго», говорившего о том, что оно шло с запада из Татров, а не с востока. Оно легко было по созвучию превращено у западных историков-клерикалов в тартарское, т. е. адское иго, но его первоначальное название все же сохранилось в славянских первоисточниках.

В интересах Римской церкви, все еще свободной и могущественной на западе, необходимо было ранее, чем начать переговоры с оставшимися вне Турции славянами и греками о новом признании главенства папы и о вторичном объединении с латинянами, заставить их совсем забыть о прежнем горьком опыте. Надо было, путем трансплантации первоначальных сказаний в чужие земли, создать настоящую связную историю какой-нибудь недоступной по своей отдаленности страны. И вот, измышляются клерикалами

целые этнографии внутренних азиатских татаровей и целые путешествия к ним, каковы книги епископа Черногорского Иоанна Платано-Карпини и монаха Бенедикта из Бреславля, якобы его спутника, путешествие архиепископа Рубрука и даже, якобы, светского лица Марко Поло, продиктовавшего свои воспоминания своему товарищу по заточению в тюрьме в 1298 году.

Фантастический характер всех этих произведений я покажу ниже. Но им все верили в то не критическое время, и они достигли своей цели. Еще оставшийся независимым от турок Византийский император Иоанн Палеолог со многими греческими епископами отправился, как раз в эпоху распространения этих книг, в 1438-1439 году, на созванный папою Евгением IV с целью заключения унии Ферраро-Флорентийский собор, и уния была признана с предоставлением восточным священникам права вступления в брак, а мирянам употреблять при причащении вино с признанием римского папы своим главою.

А в ответ на эту унию турки делают натиск на греческое духовенство в своих землях, и

оно, собравшись через пять лет на собор в исламитском Иерусалиме, предаёт (в 1443 году) Флорентийскую унию анафеме. Затем ещё через 10 лет, в 1453 году, турки берут сам Царь-Град и, сделавшись главою всей Византии, подчиняют себе все греческое духовенство. Увидев бесполезность навязывать ему далее унию, папская курия направляет все свои усилия на оставшихся независимыми или полузависимыми от Турции славян, употребляя, как средство для привлечения их к себе, придуманный католиками монгольский «извод» их собственного ига, и, выпуская дальнейшие «подтверждения» его прихода из Азии, заменив Сараево в Боснии каким-то Сараем за Волгой и подменив завоеванный крестоносными орденами Царь-Град, захваченным, будто бы монгольскими ордами, Пекином.

И эти усилия, совпадая с надвигающейся на русских и славян опасностью от турок, имели свое действие. Через сотню лет таких уверений действительная история «татарского ига» была совершенно забыта, и в 1596 году Брестский собор в Литве, на который приехал и Киевский митрополит Михаил Рогоза и

много славянских русских епископов, признал унию, которая затем и стала распространяться в юго-западной Руси, Волыни, Подольи и Белоруссии, встречая сопротивление только в казачестве и в Московии. Здесь Иоанн III, опираясь на дружбу с Крымским ханом Менгли-Гиреем, еще в 1480 году отказался платить дань татарам, т.е. католическому духовенству с легатом во главе, под наблюдение которого он был отдан Римом, и взамен этой ликвидации папского татарского ига стала все более и более разрабатываться версия «адского тартарского» ига из воображаемой Монгольской Тартарии.

Царственный хан (Кингиш-хан) — папа Иннокентий III — окончательно обратился вместо завоевателя Царьграда в завоевателя Пекина, завоевание крестоносцами дунайских немцев (Донай-готов) превратилось в завоевание тан-гутов[308], считаемых почему-то даже не за созвучных по имени Сибирских тунгусов, а за китайско-тибетское кочевое племя Си-фан, т. е. Западных Варваров.

Временное завоевание в конце XII и начале XIII века крестоносцами магометанских

стран превратилось в завоевание обширного царства Мохаммеда-Хорезм-Шаха, простиравшееся будто бы от Индии до Каспийского моря, покорение Угров (венгров) — по-немецки Хунгаров — превратилось в завоевание уйгуров в Бухаре.

В окончательном виде это зафиксировал первый знаменитый историограф Карамзин, который резюмировал все эту трансформацию в своей «Истории государства Российского».

Год 1224. Происхождение татар.

«В нынешней китайской Татарии (такой нет!) на юг от Иркутской губернии, в степях скитались орды монголов, одноплеменников с восточными турками. Сей народ дикий, рассеянный, питаясь ловлей зверей, скотоводством и грабежом, зависел от татар ниучей (созвучно только с русским словом неучи, а теперь переделано в нючжена), господствовавших в северной части Китая, но около половины XII века сей дикий рассеянный народ усилился и начал славиться победами. Хан его, именем Езукай Багадур (созвучно только

с Исакий Богодар), завоевал некоторые области соседственные и, скончав дни свои в цветущих летах, оставил в наследие тринадцатилетнему сыну Темучину 40000 подвластных ему семейств или данников. Сей отрок, воспитанный матерью в простоте жизни пастырской, долженствовал удивить мир геройством и счастьем, покорить миллионы людей и сокрушить государства знаменитые сильными воинствами, цветущими искусствами, науками и мудростью своих древних законодателей.

По кончине Багадура многие из данников отложились от его сына. Темучин собрал 30000 воинов, разбил мятежников и в семидесяти котлах, наполненных кипящею водою, сварил главных виновников бунта. Юный хан все еще признавал над собою власть монарха татарского, но скоро, надменный блестящими успехами своего победоносного оружия, захотел независимости и первенства. Ужасать врагов местию, питать усердие друзей щедрыми наградами, казаться народу человеком сверхъестественным — было его пра-ВИЛОМ.

Все особенные начальники монгольских и татарских орд добровольно или от страха покорились ему: он собрал их на берегу одной быстрой реки, с торжественным обрядомпил ее воду и клялся делить с ними все горькое и сладкое в жизни. Но хан кераитский, дерзнув обнажить меч на сего второго Аттилу, лишился головы, и череп его, окованный серебром, был в Татарии памятником Темучинова гнева.

В то время, как многочисленное войско монгольское, расположенное в девяти станах близ источников реки Амура под шатрами разноцветными, с благоговением взирало на своего юного монарха, ожидая новых его повелений, явился там какой-то святой пустынник, или мнимый пророк, и возвестил собранию, что бог отдает Темучину всю землю, и что сей владетель мира должен впредь именоваться Чингисханом или Великим Ханом. Воины и чиновники единодушно изъявили ревность быть орудиями воли небесной: народы следовали их примеру. Киргизы единой Сибири и славные просвещением игуры или уйгуры (т. е. по нашему венгерцы!), обитав-

шие на границах Малой Бухарин, назвались подданными Чингисхана. Сии уйгуры, обожая идолов, терпели у себя магометан и христиан несторианских, любили науки, художества и сообщили грамоту всем другим народам татарским. Царь Тибета также признал Чингисхана своим повелителем.

Достигнув (не иначе как по волшебству! — *Н. М.*) столь знаменитой степени величия, сей гордый хан торжественно отрекся платить дань монарху ниучей (переделанных теперь в нючженей. — *Н. М.*) и северных областей Китая, велев сказать ему в насмешку:

„Китайцы издревле называют своих государей сынами неба, а ты человек — и смертный!“.

Большая каменная стена, служащая оградою для Китая, не остановила храбрых моголов: они взяли там 90 городов, разбили бесчисленное войско неприятельское и умертвили множество пленных старцев, как людей бесполезных. Монарх ниучей обезоружил своего жестокого врага, дав ему 500 юношей и столько же девиц прекрасных, 3000 коней, великое количество шелка и золота. Но Чин-

гис-хан, вторично вступив в Китай, осадил столицу его или нынешний Пекин. Отчаянное сопротивление жителей не могло спасти города: моголы овладели им (в 1215 году, т.е. через 11 лет после взятия Царьграда), зажгли дворец, который горел около месяца. Свирепые победители нашли в Пекине богатую добычу и мудреца, именем Или-чуця, родственника последних императоров китайских, славного в истории благодетеля людей: ибо он, заслужив любовь и доверенность Чингис-хана, спас миллионы несчастных от гибели, умерял его жестокость и давал ему мудрые советы для образования диких моголов.

Еще татары-ниучи противоборствовали Чингисхану. Оставив сильную рать в Китае под начальством мужественного предводителя, он устремился к странам западным, и сие движение его войска сделалось причиной бедствий для России. Мы говорили о турках алтайских: хотя они, утесненные с одной стороны китайцами, а с другой — аравитянами, в XII веке завладевшими Персиею, утратили силу и независимость свою, но единоплеменники их, служив долгое время калифам, осво-

бодились, наконец, от ига и были основателями разных государств могущественных. Так в исходе XI века монарх турков-сельчуков, именем Челаддин (теперь Чжеладдин), господствовал от моря Каспийского и Малой Бухарин до реки Гангеса, Иерусалима, Nikeи, и давал повеления багдадскому калифу, папе магометан. Сие государство исчезло, ослабленное распрями частных его владетелей и завоеваниями крестоносцев в Азии: на развалинах его, в конце XII столетия, возвеличилась новая турецкая династия монархов харавских или хивинских, которые завладели большей частью Персии и Бухарию. В сие время там царствовал Магомет II, гордо называясь вторым Александром Великим[309]. Чингисхан (т.е. по нашему Иннокентий III) имел к нему уважение, искал его дружбы, хотел заключить с ним выгодный для обоих союз, но Магомет велел умертвить послов могольских. Тогда Чингисхан прибегнул к суду неба и меча своего; три ночи молился на горе и торжественно объявил, что бог в сновидении обещал ему победу устами епископа христианского, жившего в земле игуров. Сие об-

стоятельство, вымышленное для ободрения суеверных, было весьма счастливо, для христиан, ибо они с того времени пользовались особенным благоволением хана могольского. Началась война (по нашему крестовые походы), ужасная остервенением варварства и гибельная для Магомета, который, имея рать бесчисленную, но видя мужество неприятеля, боялся сразиться с ним в поле и думал единственно о защите городов. Сия часть Верхней Азии (Австр-Азии?), именуемая Великою Бухарию (едва ли не современная Румыния со столицей Бухарестом), а прежде Согдианою и Бактриею, издревле славилась не только плодородными своими долинами богатыми рудами, красотою лесов и вод, но и просвещением народным — художествами, торговлею, многочисленными городами и цветущею столицею, доньше известною под именем Бохари, где находилось знаменитое училище для юношей магометанской веры. Бохара не могла сопротивляться (представьте себе географическое расстояние, если Чингисхан приехал из под Пекина!). Приняв городские ключи из рук старейшин, он въехал на коне в главную ме-

четь и, видя там лежащий Алкоран, с презрением бросил его на землю. Столица была обращена в пепел. Самарканд, укрепленный искусством (припомним библейскую Самарию — Сторожевой город, Царь-Град), заключал в стенах своих около ста тысяч ратников и множества слонов, главную опору древних воинств Азии; несмотря на то, граждане прибегнули к великодушию моголов, которые, взяв с них 200 000 золотых монет, еще не ушли домой. Еще взяли 30 000 пленников и такое же число сковали цепями вечного рабства. Хива, Термез, Балх (где находилось 1200 мечетей и 200 бань для странников) — та же участь случилась и со многими иными городами. Свирепые воины Чингисхана в три года опустошили всю землю от моря Аральского и далее на запад так, что она в течение многих лет потом не смогла уже вновь дойти до своего прежнего цветущего состояния. Магомет, гонимый из места в место жестоким неумолимым врагом, уехал на один остров Каспийского моря и там в отчаянии кончил жизнь свою.

В это время — около 1223 года — желая

овладеть западными берегами моря Каспийского, Чингисхан отрядил двух знаменитых военачальников: Судая Баядура и Ченновина с повелением взять Шамаху и Дербент. Первый город сдался, и моголы хотели идти самым кратчайшим путем к Дербенту, построенному вместе с каспийскою стеною (такой нет) в VI веке славным царем персидским Хозроем I, или Нуширваном, для защиты государства его от козаров. Но обманутые путешественниками, моголы зашли в тесные ущелия и были со всех сторон окружены аланами-ясами, жителями Дагестана, и половцами, готовыми к жестокому бою с ними. Видя опасность, военачальник Чингизханов прибегнул к хитрости, отправил дары к половцам и велел сказать им, что они, будучи единоплеменниками моголов, не должны восставать на своих братьев и дружить с аланами, которые совсем иного рода. Половцы, обольщенные ласковым приветствием или дарами, оставили союзников, а моголы пользуясь сим благоприятным случаем, разбили алан. Скоро главный хан половецкий, именем Юрий Кончакович, раскаялся в своей оплошности:

узнав, что мнимые братья намерены господствовать в его земле, он хотел бежать в степи, но моголы умертвили его и другого князя, Данилу Кобяковича, гнались за их товарищами до Азовского моря, до вала Половецкого, или до самых наших границ, покорили ясов, абазинцев, касогов или черкесов и вообще семь народов в окрестностях азовских.

Многие половцы ушли в Киевскую область со своими женами, скотом и богатством. В числе беглецов находился знаменитый Котян, тесть Мстислава Галицкого; сей хан (Котян) взволновал Россию вестью о нашествии моголов; дарил князей верблюдами, конями, буйволами, прекрасными невольницами, и говорил:

„Ныне они взяли нашу землю, завтра возьмут вашу“.

Россияне ужаснулись и в изумлении спрашивали друг у друга: кто сии пришельцы (т.е. войско Чингисхана), до того времени неизвестные? Некоторые называли их таурменами, другие печенегами, но вообще татарами. Суеверные рассказывали, что сей народ, еще за 1200 лет до Рождества Христова, побежден-

ный Гедеоном и некогда заключенный в пустынях северо-востока, долженствовал перед концом мира явиться в Азии, в Европе и завоевать всю землю. Храбрый князь Галицкий, пылая ревностью отведать счастья с новым, столь уже славным врагом, собрал князей на совет в Киеве и представлял убедительно, что благоразумие и государственная польза обязывают их вооружиться, что утесненные половцы, будучи оставлены ими, непременно соединятся с татарами и наведут их на Россию, что лучше сразиться с опасным неприятелем вне отечества, нежели впустить его в свои границы. Мстислав Романович Киевский (называемый в летописях старым и добрым), князь Черниговский того же имени (брат Всеволода Чермного), и Мстислав Галицкий председательствовали в Совете, где находились такие пылкие юноши, как Даниил Романович Волынский, Михаил, сын Чермного, и бывший князь Новгородский Всеволод Мстиславович. Они долго рассуждали. Наконец, единодушно положили искать неприятеля. Половцы радовались, изъявляя благодарность, и хан их Батый принял тогда

же веру христианскую. Уже войско наше стояло на Днепре у Заруба и Варяжского острова. Там явились десять послов татарских.

„Слышим — говорили они князьям российским, — что вы, обольщенные половцами, идете против нас; но мы ничем не оскорбили россиян: не входили к вам в землю, не брали ни городов, ни сел ваших, а хотим единственно наказать половцев, своих рабов и конюхов. Знаем, что они издревле враги России; будьте же нам друзьями; пользуясь случаем, отмстите им ныне, истребите злодеев и возьмите их богатство“.

Сие благоразумное миролюбие показалось нашим князьям или робостью, или коварством. Забыв правила народной чести, они велели умертвить послов. Но татары прислали еще новых, которые, встретив войско российское в семнадцатый день его похода на берегах Днепра, близ Олешья, сказали князьям:

„Итак, вы, слушаясь половцев, умертвили наших послов и хотите битвы? Да будет так! Мы вам не сделали зла. Бог един для всех народов: он нас рассудит“.

Таков рассказ отца наших историков... Батый был князь половцев и христианин, а половцы (плавцы) по своему времени и географическому положению отождествляются с генуэзскими мореплавателями, наполнившими своими колониями Крым и все северное побережье Черного и Азовского морей и основавшими свои крепости в устьях Днепра, Дона и других рек этой местности и в это самое время...

— Но как же помирить все это со сказаниями арабов и китайцев, которые считались имеющими свою национальную древнюю литературу?

— А точно ли она была?

Арабскую литературу создать было легко, так как до культурных реформ Мурада II в начале XV века вся «арабская» светская литература открывалась ее европейскими искателями не в Багдаде или Дамаске, или даже в Стамбуле, а в Испании, главным образом, в Кордовских книгохранилищах, и ее вернее было бы назвать Мавританскою. А азиатское повествование о «татарах» монгольского ига впервые, как мы видели, создал в Лейдене на

французском языке какой-то нидерландец, под псевдонимом «Отца Храбреца» Абул-Газа Бага-дур-хана, а потом с него был сделан в первой половине XIX века, вероятно, одним из туркестанских студентов Казанского университета, улучшенный вольный перевод на джагатайский язык, который теперь и слывет за подлинник (появление этой рукописи в свет описано в главе 5).

Но для укрепления монгольской версии татарского ига необходимо было найти книгу и в Китае и по-китайски, так как не могло же там остаться незамеченным взятие Пекина Чингисханом?

И вот теперь опять мне приходится поднимать вопрос: действительно ли так древна литература в Китае, как нас уверяют?

Ведь если мы разберем все беспристрастно, то поручиться за достоверность Китайской истории мы можем только со времени Манчжурской династии (династии Цин), водворившейся в Пекине с 1644 года, да и сам Пекин стал столицей Китая лишь с 1421 года нашей эры, когда там обосновалась династия Мин, царствовавшая до ее свержения Ман-

чжурами. Лишь только в семнадцатом веке нашей эры в период от 1662 по 1722 год император Шен-Цау (иначе Кан-си) присоединил к Китаю Тибет и остров Формозу и лишь в XVIII веке император Цянь-Лун, в период 1736-1796 расширил пределы Китая до Туркестана. А в период крестовых походов из Западной Европы на Византию и Западную Азию, т. е. в XIII-XIV веках, в Китае, как говорят сами его историки, «был смутный период», когда будто бы потомки этого самого Чингисхана, иначе папы Иннокентия III, основали там в период от 1289 по 1367 год свою псевдомонгольскую династию, окончившую свое существование почти как раз во время Авиньонского пленения пап (1376 году). Выходит, что вся эта монгольская династия кооптирована в Китайскую историю из уже сложившейся в Европе версии татарского ига. Мы уже видели из Книги монаха Иакинфа «История первых четырех ханов из дома Чингисова», что следы европейского происхождения этой династии остались в ней и в названии зонтика по-французски «параплюем», и описаниях городских укреплений, а позднее время сочинительства обна-

руживается и в употреблении монголами огнестрельных пушек и ракет. Даже в Европе порох вошел в военную технику только в Столлетнюю войну во второй половине XIV века. А в Китае, даже в южном и приморском, огнестрельные орудия никак не могли оказаться в употреблении ранее основания португальскими моряками торговой колонии в Макао близ Кантона в 1522 году. Вслед за тем в приморский Китай хлынули и испанцы, и голландцы, и их католические миссионеры, и начали всеми силами просвещать его, конечно, на библейских и евангельских основах. Не будучи в состоянии приспособить свою однобокую латинскую азбуку к китайскому говору, в котором втрое больше звуков, они и могли воспользоваться уже бывшими у них в употреблении в алхимии, астрономии и математике символическими идеографическими значками международного характера, создав аналогичные им фигурки для каждого употребительного слова и, комбинируя мало употребительные и иностранные имена полуфантастическим способом, как в наших ребусах из сочетания близких к ним однослож-

ных названий, не обращая внимания на приобретаемый от этого иностранными именами китайский смысл.

С этой точки зрения, Китай не имел до появления там Христианских миссионеров, в первой половине XVI века, никакой своей национальной истории и письменной литературы, и обе они созданы католическими миссионерами, перекладывавшими на уже существовавшие у них и новоизобретенные или символические значки, вроде наших цифр, свое священное писание и свои основные исторические и научные сочинения, сейчас же принимавшие от этого китайский национальный смысл и колорит. Превратив, например, как это действительно случилось раз в старинных русских канцелярских записях XVII века, город Стокгольм в город Стекольный, а французскую фамилию (как тоже случилось) Паскаль-Пуатвэн в «Пуская под Овин»; назовите французскую беседку «павильон», как приводит, кажется, Забелин, «повалушей» и вам покажется, что вы читаете чисто фантастическую сказку:

«Пускай под Овин сидел в повачуше в Сте-

кольном городе...»

И ведь это самое является общим правилом при переводе всех европейских собственных имен на китайскую азбуку. Всякое представленное в ее номинативных чертежиках иностранное сказанье должно казаться и действительно кажется национальным китайским.

И вот мы только что видели, как господство латинских крестоносцев в Византии обратилось в китайских книгах, вывезенных монахом-миссионером Иакинфом Вичуриным, в господство в Китае монгольских завоевателей.

Поэтому, естественно, является вопрос: не является ли и вся предшествовавшая крестовым походам история Китая недоразумением из-за миссионерской трансплантации на китайскую территорию уже зародившейся в тогдашней европейской научной литературе идеографической грамоты, а с нею и того, что творилось в культурнейших государствах Европы, начиная от воображаемых Ромула и Рема, или даже самого праотца Авраама? Да и те записи комет, которые я привел в VI томе

из Ма-Туан-Линя, не представляют ли просто-го переложения на символические значки хроники какого-нибудь Матфана Линя (Mathpan Ligne).

Ведь последние католические миссионеры были изгнаны из Китая только сто лет тому назад, в 1824 году, да и то, вероятно, потому, что после прибытия туда «православных русских» началось такое взаимное обличение двух секций новейших христиан, что и те и другие скомпрометировали себя.

Однако эти «китайские» замечания я ставлю только в виде вопроса, который требует специального исследования по способу уже применявшихся мною в первом томе астрономических опор и хронологических[310] спектров. А теперь я лишь отмечу снова, что теория трехтысячелетнего застоя и неподвижности Китая, которая привела историков первой половины XIX века даже к утверждению, что желтая раса неспособна ни к какому прогрессу, теперь наглядно опровергнута самими китайцами, а потому и вся существующая история древнего и средневекового Китая априорно абсурдна, и корни ее надо ис-

кать, как и корни всякого другого историоподобного мифа, в реальных событиях, бывших в другое время и в других странах и при другой исторической обстановке.

Глава II. Как придумывались древние исторические сообщения

Я отлично понимаю, как неожиданны эти мои выводы для ортодоксальных историков, и потому хочу показать, что и другие образованные люди давно приходили к моим же выводам. «Независимость от общественного мнения, — говорит Гегель, — есть первое условие великого и разумного и в действительности, и в науке». А «общественное» мнение, зазубренное в школе, забивает головы людей, а потому с ним надо бороться.

А как оно пристрастно составлялось в области истории, в каком субъективном состоянии придумывалось, привожу из Вестника Европы 1895 году (октябрь и ноябрь) следующий отрывок:

«Когда я думаю, — говорит нам Алексей Толстой, — о красоте нашей истории до проклятых монголов и отвратительной Москве, которая еще более позорна, чем они, мне хо-

чется броситься и кататься по земле от отчаяния... Моя ненависть к Московскому периоду столь велика, что я не ограничиваю себя, чтобы говорить о нем то, что говорю». Но разве можно понять историю, катаясь по земле? А вот другой отрывок.

«Козьма Пращский, — говорил епископ Киприан, — не обошел бы молчанием, если бы Крещение Руси было до 1125 года, в том виде в каком оно представляется у Нестора (с. 120). „Иверию — Карталинию Марр обращает (и справедливо!) в Испанскую колонию“» («Кавказ». 1901, №280).

«В Армянской письменности буква „о“ не отличается от „а“ как и в современном еврейском (иберийском) алфавите».

А об армянской письменности митрополит Вифлеемский говорил архимандриту Порфирию Успенскому: «Не верьте, отец архимандрит, документам армян, они мошенники; выдумывают, подделывают документы, кладут их под навоз или в сырые места, чтобы они постарели, пожелтели и изменились...» Так говорит и Епископ Киприан: в своей книге «Культурная роль Иверии в истории Руси» (с.

370) и выше он же говорит: «они — (об армянах) могут еще подделать рукопись и выдержать ее в сыром подвале, а потом ее найдет знаток древних рукописей, она появится в печати с обширным предисловием и послесловием. Армянские книжники усовершенствовались в подобных проделках» (там же, с. 370).

Да точно ли одни армяне это делали? Вот, например, «Codex Sinatokus», найденный Тишендорфом на Синае в монастыре и хранившийся в царское время в С.-Петербургской Публичной библиотеке. Я его сам осматривал там и сразу же увидел, что ему был придан кем-то древний вид именно таким способом: начало и конец почти сгнили, а середина совсем не испортилась.

Такие произведения как, например, список грузинских царей в грузинском «Картлис-Цхореба», — говорит проф. Болотов, — скорее представляет плод досужего сочинительства какого-нибудь позднего грамотея, который большею частью писал от ветра главы своей[311].

В русских летописях дан мартовский счет

месяцев, господствовавший до конца XIV века, когда и по примеру Византии совершился переход к сентябрьскому началу... (Культурная роль Иверии в истории Руси, с. 44).

Древнейшая польская хроника, известная под именем Галла (1113 году), говоря подробно о победоносных походах короля Болеслава «на Русь», ни одним словом не обмолвилась ни о князе Владимире, ни о Крещении Руси (там же, с. 291).

«Около 1480 года было внесено в архиерейскую присягу обещание не принимать греков ни на митрополичью, ни на архиепископскую кафедры» (там же, с. 205).

Некоторые русские ученые скорее являются авторами психологических романов, панегиристами Нестора, чем беспристрастными исследователями. Одни, развенчав его как летописца, считали все известия о древней Руси до XIV века легендарными, за что им из лагеря патриотов подносили едкий химический порошок, честь изобретения которого бесспорно принадлежит знаменитому Ломоносову (там же, с. 203).

«Составление „Повести временных лет“,

неправильно приписываемой Нестору, не может быть ранее XII-XIII веков».

«Московское государство, — говорит Соловьев, — для западноевропейских историков было открыто в одно время с Америкой: в 1486 году[312]. Случайно попал в Москву Николай Поппель, который, возвратившись в Германию, объявил императору о своем открытии Московской Руси, которая с этого времени и стала известна европейцам».

Но очень часто явное сочинительство можно выявить по лингвистическим следам.

Вот, например, «отец историков» Геродот, родившийся, говорят нам, еще в 484 году до «Рождества Христова» и «путешествовавший неоднократно в глубь какой-то Персии», (по-еврейски Паризин сходно со словом Parisien), хотя азиатские «Персы» и называются только ариями, а свою страну зовут только Ираном. Он путешествовал, говорят нам, также в Египет, называющийся по-еврейски Миц-Римом (т. е. высокомерным Римом). Этот Геродот путешествовал также и в какую-то Сирию, имя которой просто значит империя (от сохранившегося и теперь в Англии названия властели-

нов сэр и старо-французского *sir*, откуда, вероятно, и русское слово — царь). Но возьмем первую из существующих древних географическо-этнографических карт, приписываемых этому Геродоту, известную под именем «Кружземель» по Геродоту.

Прежде всего, мы с удивлением видим, что карта эта вычерчена по системе Меркатора, изобретенной им в 1594 году нашей эры. Автор карты, как и Меркатор, уже знал, что Земля шарообразна, или круглообразна, и «имеет экватор» потому, что считал градусы широты, как и мы от него к северу, начиная, как показано, сбоку его карты, от 10 до 60 градуса северной широты, причем, например, устье Нила в Египте поставлено, как и следует, около 31 град. N, а северный конец Адриатического моря около 45 град. N.

А затем мы видим и нечто еще более удивительное. Ведь, если автор считал землю кругом (*orbis terrarum*), то расстояния между меридианами суживались бы к северному полюсу, как на современных картах северного полушария, а у него они поставлены параллельно друг другу, и даже прямо сказано вни-

зу, что все они равны 132 «Геродотовым стадиям», как возможно только на Меркаторских картах, а не в действительности. Но ведь сама эта система черчения географических карт совершенно искажающая реальность вблизи полюсов выдумана Меркатором лишь в 1594 году нашей эры, в конце эпохи Возрождения (XIV-XVI век) для удобства отдаленного мореплавания с применением компаса, изобретенного Флавио Джойа лишь в 1300 году. Значит, тут мы имеем полное доказательство изобретения «Геродотовых карт» лишь в самом конце Эпохи Возрождения, не ранее XVI века нашей эры.

И на это же позднее средневековое происхождение указывает и ряд названий на «Птолемеевой карте». Вот, например, названия в его «Боруссии» (Borussia) на берегах Северного океана. Мы видим тут Гродно (!), Варшаву (!), Берлин (!), Гамбург (!) (Grodno, Varsovia, Berlinum, Hamburgum). Но как же мог знать их Геродот еще за 484 года до начала нашей эры, хотя не знал ни Киева, ни Москвы, и считал всю среднюю Россию заселенной людоедами (androphagi, см. его карту)!

Конечно, автор сфантазировавший эту карту, руководился не современными ему географическими и этнографическими познаниями, а воображаемыми им древними сведениями, но от этого его этнография и география не являются более реальными для стран и народов вне пределов бассейна Средиземного и Черного морей, а употребление латинской азбуки и название Италии E-Notris (La Notre), т.е. наша страна, показывает, что он писал в Италии. Но мы видим и на этой полуфантастической карте немало лингвистических следов, наводящих нас на истинные пути народов. Так, например, река **Дунай** названа здесь немецким словом **Ister**, т. е. Австрийская река от лежащей на ее берегу Австрии (**Oster-reich**), но она же могла называться Волгой по имени Болгарии, т.е. Болгарии (по-гречески), тоже лежащей на ее берегу.

Древние сообщения можно проверять по их лингвистическим следам. Вот, например, северная часть Индийского океана названа на карте «по Геродоту» Эритрейским морем (more Erithreum). Припомнив, что по немецки рыцари назывались Ritter'ами, мы догадыва-

емся, что с присоединением определенного члена (э) греческого языка это слово значит рыцарское (эритрейское) море. И тут же мы видим на берегу его имя народа Germani (германцев) и имя никогда не существовавших тут в качестве местного народа Persis (Paris) от города Paris, а также и народ Paricani, по-видимому парижане, а к северо-западу от Persis видим еще Espanan созвучно с Испанией (Espagne по-французски).

Вся длинная подпись на правой стороне этой карты вплоть до Индии «Regnum Persicum Dario Hystaspis» показывает не какое-нибудь длинное личное царство, а на путь крестоносцев от Средиземного моря до Индии (Drang nach Osten), причем и имя Дарий Гистасп не иранское, а греческое, и значит Дарованный ставленник (Божий).

Когда теряются точные или правдоподобные исторические сообщения, на помощь им восходят из праха времен лингвистические следы, и они нередко ведут нас совсем в другие стороны, чем привычные нам с детства исторические сообщения. Возьмем хоть некоторые из них.

Вот, например, слово **Атаман**. Совершенно ясно, что это немецкое слово *Autmann*, т. е. должностное лицо. Вот слово **Гетман**. Очевидно, что и это немецкое слово *Hauptmann* — начальник. Вот слово «иго». Опять очевидно, что это латинское слово *Jugum* — ярмо.

Вот слово орда. И это очевидно слово **ордо** (*ordre*) — орден, причем на карте восточной Европы мы находим на севере около XII века нашей эры ливонский и тевтонский ордена, а на юге по берегу Черного моря Едиссанскую орду (около Одессы), Крымскую орду, Ногайскую орду и так далее. Вместо орден везде пишется орда. И все это почти одновременно. Возьмем и ряд других слов. Вот, например, **Половцы**. Мы привыкли представлять их кочевниками к северу от Черного моря, а между тем, это несомненно были «плавцы», т. е. генуэзские мореплаватели, которые колонизовали все берега Черного и Азовского морей.

Точно также и слово **казак** явно итальянское и произошло от итальянского *Casa* — дом, откуда и слово «казарма», и в этнографии обозначает вовсе не кочевника, а именно

«сидельца на месте» (жулана в отличие от скифа, т. е. скитальца). Слово **жупан** вероятно произошло от Јурон (юбка), т.е. юбочник.

Все эти лингвистические следы показывают, что библейская история подлежит пересмотру с этой западнической точки зрения и что царство Богоборческое (Израильское) списано с Западно-Римской Богоборческой империи, а царство Богославское (Иудейское) с Восточной.

Точно также, если мы взглянем на уже упомянутую нами карту по Геродоту, то увидим, что несуществующее в Азии «Персидское царство»[313] «Regnum Persieum sub Darium Histaspis» захватывает там все страны Юго-Западной Азии от Греческого Архипелага в Средиземном море до Индии, т. е. всю «Палестину», Ассирию, Вавилонию, Иран и уходит даже за Гималаи. А между тем, его имя Regnum Persieum чисто мифическое, да и царь его Дарий по-гречески значит дарованный, и вся его родословная греческая: Дарий, сын Гистаспа, по-гречески значит: Дарованный, сын Поставленника (божия) от греческого слова — ставлю, а по-ирански не имеет

смысла, и я уже говорил, что тут же, на вышеуказанной карте Птолемея, мы находим между «Персидским» заливом и Индией никогда не бывших тут германцев (Germanii), парижан (Paricana — Parisiens) и азиатских Эфиопов (Aethiopes Asiatici). Возьмем и ряд других лингвистических следов. Откуда, например, слово **Германия**? Я уже показывал, что оно тождественно с греческим названием X-Povc (т. е. Романия) и значит страна Романия, т. е. Римская империя, точно также как и **Армения** при исключении определенного члена «А» обратилась в Романию (в «Римскую» область), а слово **Арамея** (А-Ромея) в Ромею. Да и слово **Аравия (А-РАВВИЯ)** при исключении определенного члена А обращается в «страну Раввинов». А название **Раввин** с прибавкой определенного члена еврейского языка обратилось таким способом в А-раб (А-РАББИ), т. е. Учитель, а его страна в А-Равию (страна Ученых), т. е. и Аравия может быть не за Красным морем, где не было и нет никаких университетов, а дислоцированной в Италии и называемой итальянской областью Равенна (от еврейского равви — учитель), бывшей в V

веке столицей остготских королей.

Совершенно ясно, что карта эта составлена в «Эпоху Возрождения» и дает нам образчик географических познаний времени последних крестовых походов, не раньше 1291 года нашей эры.

Такими историческими следами, указывающими географические пути народов, переполнена вся древняя история, и они наглядно показывают исторические пути.

Возьмем, например, библейские описания «царств Израильского и Иудейского» (т. е. Богоборческого и Богославского) в так называемой Палестине, имя которой, сверх того, неизвестно на восточных берегах Средиземного моря, точно также и имя ее столицы, города Иерусалима, которое есть греческое, и значит «Город мирной жизни».

Как это ни неожиданно для современного человека, но все лингвистические следы, подобно следам путешественника на снегу, ведут не в Азию, а в современную нам Испанию.

Ведь имя еврей (по-французски Hebreu) то же самое, что Евр, Гевер, Хебр. А испанский полуостров до сих пор называется Иберий-

ским (т. е. еврейским) и по нему течет река Эбро, т. е. Еврейская. Точно также Гибр — Алтар, т.е. Еврейский — Алтарь, не говоря уже о многих других названиях местностей, сходных с библейскими.

Да и сам евангельский и библейский город **Иерусалим** (т. е. город мира) существует в настоящее время под своим еврейско-арабским названием Кадикс в Испании и перенесен в Палестину под названием **Hierosolima sive Cadys** (Иерусалим иначе Кадикс), как это видно на карте средних веков, приписываемой Геродоту. Точно также слово **Иберия** (то есть, Еврея).

А в истории Иберийского полуострова мы видим и факт высокой культуры при тамошних университетах вплоть до Крестовых походов.

А после Крестовых походов, которые не даром назывались **Drang nach Osten**, мы видим стремление на восток и колонизацию окрестностей Черного и Азовского морей, причем остатки этой колонизации мы видим в современной Грузии, которая до сих пор называется **Иверией**, т. е. Евреей, тогда как в Палести-

не нет и следов ее. Палестинский Иерусалим на местном языке называется **Эль-Кудс**.

Припомним также, что Еврейская культура господствовала в Испании вплоть до 1262 года, когда был отнят у иберийцев-евреев весь их полуостров и они рассеялись оттуда по всей Европе, Северной Африке и Западной Азии во время VI крестового похода. Да и многие научные названия еврейского происхождения пришли из Испании в культурные страны Европы. Отсюда, например, слово алгебра, что в переводе значит «еврейская наука», да и наша десятичная система идет с Иберийского полуострова, а с нею и вся остальная математика.

Так и слово **Галилея**, из которой будто бы пришел Христос, неизвестное близ современной Палестины в Азии, существовало еще в средние века на севере от Иберийского (еврейского) полуострова под именем «Галлия». А Кана Галилейская (т. е. Канна Гальская или Канна французская), где по словам Евангелия Христос совершил первое свое чудо — превращение воды в красное вино, тоже и до сих пор существует под тем же именем Канна

(Саппе) во Франции на берегу Средиземного моря, где процветает виноделие. Так что и сам Христос представляется лишь изобретателем вина. Евангельская река **Иордан**, в которой крестился Христос, было древнее название современной реки По в северной Италии близ границы с Галлией — Галилеей. Эта река была недаром перенесена и на астрологическое небо под именем «реки Эридан» у ног Ориона-Быкоборца, вероятно символа Христа. Евангельский город **Сион** существует и теперь под именем Сиены в итальянской Тоскане, а мифическая гора **Везефа** к северу от Сиона-Иерусалима[314] существует и теперь в Италии под именем Везувия.

Само слово **еврей** (по французски — *Hebreu*, по немецки — *Hebraer*, по английски — *Hebrew*) есть ничто иное, как **Ибериец**, т.е. **Испанец**.

Описание дарования богом десяти заповедей Моисею, как я уже показал в I томе моей книги «Христос», явно сделано в окрестностях Везувия во время извержения, да и мифическое разрушение Содома и Гоморры носит все признаки разрушения Геркуланума и Пом-

пеи. Все выходит так, как будто царство Иудейское, т. е. Богославское списано с Испанского (или с Византийского), а царство Израильское (т.е. Богоборческое, конечно, борющееся за Бога, а не против бога) списано с Римской империи, характеризующейся крестовыми походами. Припомним, кроме того, что и Египет в Библии называется не Египтом, а Миц-Римом, т. е. Высокомерным Римом, что имя патриарха Ав-Раама (АВ-РМ) значит Отец-Рима, а Лот (по-еврейски ЛАТ) значит латинянин, что слово Араб (А-РАББИ, где А есть лишь определенный член вроде французского «Le» и немецкого «Der») значит просто: учитель; что соседняя с Испанией страна Марокко в средние века называвшаяся Мавританией и до сих пор имеет столицей Мекки-нес (созвучно с Меккой) и отчасти населена евреями.

Таких лингвистических следов достаточно много во всей древней мировой истории, в том числе и русской. И неужели мы должны упорно закрывать на них глаза в угоду нашим школьным зазубренным представлениям?

Таковыми лингвистическими следами на-

полнена и вся не только древняя, но и новая история. Вот хоть слово: швейцар, самое название которого свидетельствует, что оно пришло из Швейцарии или Швеции и, если нам будут говорить, что оно явилось из Китая, то мы только засмеемся. Точно также и название «гусар» носит все признаки происхождения от хазар.

Но кто такие были хазары? Нам говорят, что в VIII веке они покорили «Волжских Болгар». Но где была их Волга? Ведь современному нам имени «Волги» тогда не было известно для этой реки. На приведенной карте Геродота ее совсем нет. В древности она называлась Ра, а в Средние века «Итиль» или «Атель», а у калмыков до сих пор — Иджил. Все лингвистические следы ведут к тому, что Волгой назывался в древности Дунай в своем нижнем течении, так как страна под названием **Болгария** по-гречески **Болгария**, т. е. приволжская, как я уже говорил, существует и до сих пор на всем нижнем течении Дуная, а следовательно, она и называлась Волгой.

С этой точки зрения становятся понятны и сообщения о Болгарах—Волгарях, но только

при том условии, что они пришли на эту реку не с востока, а с запада, так как по словам историков они исповедовали Иберийскую (т. е. испанскую, не признавая Талмуда) религию и вели деятельную (не иначе, как морскую) торговлю вплоть до Индии, а перед крестовыми походами с 1016 года «исчезают с политической сцены», и остатки их некоторые видят в Караимах южной России, отождествляя с евангельскими саддукеями (Мельхи-седек — царь саддукеев).

И вот, лингвистические следы (**хазары** — венгерские гусары) позволяют выставить для дальнейшей разработки догадку, что венгерские гусары — их потомки. Они впервые упоминаются в Венгрии в 1435 году, и, может быть, их название происходит от слова **Kaiserich**, т. е. кесарский.

(Таким образом, можно поставить вопрос: не происходит ли и слово «улань» от германских наездников алан? Не от этого ли слова происходит и название «алаунская возвышенность», т. е. Валдайские горы? И верно ли, что алань ушли из России в Африку? Понятно, что я ставлю это последнее предположе-

ние лишь для дальнейшей разработки.)

Но вот и более ясные следы, ведущие к Западной Европе. Кроме гусар (хазар) существовали и кирасиры в латах. Откуда произошло их имя? Припомним, что средневековые государи постоянно стремились держать при себе, да и держали, наемные иностранные войска, чтоб в случае народных бунтов удобнее усмирять своих подданных, и мы поймем, что и кирасирские войска (всадники в латах) были иностранного происхождения, близкими к крестоносцам, а название их (как и слово: кираса) тоже иностранное, похожее на Кир-ассирийский, т.е. «войска царя ассирийского. Но ведь Ассирия (см. любой Энциклопедический словарь), говорят нам, была еще „в VII веке до Рождества Христова уничтожена восставшими против нее индийцами“, т. е., по нашему определению, средне-европейцами и не могла дать этим войскам имени „Ассирийского владыки“. Но и тут лингвистические следы нам помогают. Припомним древне-французское слово Sire — государь, английское почтительное обращение „сэр“, да и русское „царь“, а также имена библейских

властелинов: Валта-Сар (иначе Балта-Сар — Балтийский царь), Сар-да-напал (Царь-дэ-Наполи — Неаполитанский царь), причем Царь Вавилонский значит Царь Врат Господних, т. е. властелин Римской империи. Да и слово царь существует в древнееврейской (иберийской) письменности под термином *сар*. Значит, и само название „конных латных войск“ в Европе Кир-ассирами тоже является лингвистическим следом из Западной Европы.

Все это заставляет серьезного ученого заново пересмотреть всю древнюю „историю народов“ до открытия компаса и книгопечатания Гуттенберга около 1450 года, так как сообщения китайцев об открытии этих основ истинной истории народов не заслуживают никакого доверия.

Точно также и существование Генуэзских и других карт латинской колонизации Черного моря указывает, что они сделаны уже после открытия компаса Флавием Джойа около 1300 года. Вот, например, хоть самая ранняя из всех карт, Венецианская карта XIII века, хранящаяся в библиотеке св. Марка. На ней нет еще обозначений по градусам широты и

долготы, а даны обозначения лишь по направлениям радиусами из четырех пунктов наблюдения. Значит, она была составлена до Меркатора, т. е. до 1594 года. И действительно, она помечена XIII веком, в конце которого только что стал применяться компас, и можно было плавать, не видя берегов, но сохраняя направление и измеряя длину сухопутного пути, как делают и современные землемеры непосредственным мериллом, а длину морского пути, хотя бы посредством колеса, низ которого, снабженный лопатками, погружен в море подобно современным пароходным колесам. И на самой этой древнейшей карте морей мы видим: помечены в кружке особо восемь компасных направлений, в которых почему-то „О“ показывает юг, „Т“ — север, и нет никаких признаков знакомства с широтами и долготами Меркатора.

Припомним также сказание, что компас был будто бы открыт не Флавием Джойа в Романии в начале XIV века, а еще арабами (см. Малый Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», т. 1, 1899, с. 214, строка 16), и что один из позднейших библейских патриархов

(т. е. родоначальников народов) называется в Библии Рас-Мешек, т. е. Росс-Москвич, точно также как и имя фарисеи (по еврейски — паризи), считаемые за жителей страны не существующей в Азии Персии (пишется *паризи*, более похоже на французское слово *Parisiens*, т.е. парижане).

Можно еще привести пример из дополнительных нелепостей до-печатного периода истории. Это сказка о Норвежской колонизации Исландии за 450 лет до изобретения компаса. Это не значит, что норвежцы не могли туда попасть. Чисто случайным образом, в результате бури или ненастной погоды, корабль мог после долгого хаотического плавания быть прибитым к берегам новой земли. Но вернуться после этого назад — событие невероятное. Поэтому сообщения об открытии Исландии и Гренландии и затем их регулярного посещения до открытия компаса следует отнести к явным выдумкам. А реальное открытие этих островов следует относить приблизительно к XVI веку.

Но как же и зачем могли произойти подобные изменения? Чисто психологическим пу-

тем.

Как мы получаем свое первичное знание? Исключительно путем запоминания школьных внушений без всякой их критики, подобно тому, как ребенок механически запоминает все сообщаемое ему папой и мамой, не вдумываясь в правдоподобность.

Эти первоначальные внушения и остаются у каждого человека на всю жизнь до тех пор, пока она сама не покажет ему их неправдоподобность.

В естественных науках это происходит от собственного наблюдения, а в исторических каким образом? Ведь мы не можем уйти по произволу в прошлое и собственными глазами убедиться в правдивости сообщаемого нам. Да и в географических науках наши предки долго не могли сделать проверку рассказов о мало доступных для них странах. Вот хотя бы на старых богословских факультетах в Западной Европе. Всякий молодой студент механически, т. е. путем простого школьного внушения, запоминал о Вавилонской «башне до небес» и о бывшем земном раю в Месопотамии. Он блестяще оканчивает курс, и пре-

подаватели предлагают ему на государственный счет побывать в этих странах. Он, несмотря на трудности и опасности пути, с радостью соглашается и получает большие деньги на путешествие. Он преодолевает все трудности и опасности, прибывает в назначенные места и, вдруг, к отчаянью своему, не находит там ничего так жадно ожидаемого им.

Как ему вернуться обратно на родину ни с чем, несмотря на потраченные им чужие деньги? Ведь это же будет гибель всей его научной карьеры, никто не поверит, что там нет хотя бы даже малых остатков башни до небес, которые не могли же исчезнуть совсем.

И вот, не желая провести остаток своей жизни в презрении, он придумывает собственные фантазии и подделывает портативные псевдодревние предметы и написанные им самим документы. За не нахождением следов старинной башни до небес (поводом к которой могли быть только египетские пирамиды) огромная башня создается из поддельных «древних предметов» в западно-европейских музеях, которые и служат основой для древней школьной «истории народов».

Вот почему очень важно применить тут кроме психологических и разные другие способы проверки, как по астрономическим сообщениям времени датированных летописцами небесных событий вроде затмений солнца и луны, легко вычисляемых астрономически, так и по географической правдоподобности описаний, и по физической возможности указываемых событий, и по лингвистическим следам.

Но кроме таких историко-географических проверок старинных исторических сообщений, приходится применять к ним и психологические. Вот, например, хотя бы сказание о гибели Содома и Гоморры за какие-то великие грехи. Во всей светской древней истории поводом к такому библейскому сказанию могла быть только гибель Геркуланума и Помпеи от извержения Везувия, относимого историками к 20 ноября 79 году «христианской эры». О том, насколько верна эта эра, говорить не будем, а отметим только сроки гибели этих городов уже во время христианства, подтверждающиеся и геологическими исследованиями. Для мысли человека, еще не знавшего фи-

зических причин вулканизма, не оставалось тут, конечно, никакого другого выхода, как приписать это событие страшнейшему гневу бога Громовержца за какие-то всеобщие возмутительнейшие грехи жителей этих городов. И такими грехами могли быть, конечно, только противоестественные коллективные пороки, имевшие место во время тамошних литургий (т.е. оргий), следом которых и осталось предание о «Содомском грехе», возможном только на пирушках в пьяном виде и имевшем место скорее всего в древней Итальянской Ромее и в Галлии, где возникло виноделие. Это, скорее всего, дало начало обряду открытого причащения, при котором люди, как сказано в церковной истории, начинали говорить, как и теперь говорят пьяные, «на иностранных языках» и лезут обниматься и целоваться с кем попало. И очень возможно, что прежние попойки до опьянения (т.е. до сошествия св. Духа) и были ограничены, как теперь, «одним глотком красного вина и кусочком хлеба» только после страшного разрушения Содома-Геркуланума и Гоморры-Помпеи.

Читая древние исторические сказания (например, Библию, Евангелие, Жития святых и другие богословские книги), мы видим, что старинные историки были большими фантазерами, и потому произведения их надо подвергать научной критике, как с точки зрения психологической, так и с точки зрения этнографической, лингвистической и вообще естественнонаучной.

Кроме того, следует иметь в виду, что составители древних хроник были вовсе не из состоятельных слоев общества и, естественно, вследствие этого были носителями идеологии своего сословия, были носителями своей собственной идеологии. И это происходило из-за того, что правящая элита по своему образованию стояла много ниже своих «выдвиженцев» и не могла противопоставить им своей собственной идеологии.

Со временем ситуация изменилась. Правящую элиту стало обслуживать много народа, и историки стали выполнять заказы власти.

И такое положение будет, конечно, вплоть до того времени, когда и социальные, и исторические науки будут согласованы с науками

точными и, соединившись с ними, выработают такие же обязательно приемлемые всеми положения, как таблицы умножения в арифметике.

Все это имеет очень близкое отношение и к моему настоящему труду. Историческая наука до XIX века проводила идеологию лишь правящей части населения, да это и понятно. Самые первые записи о государственных делах были сделаны придворными летописцами, хотя бы они и были из монастырионцев, т. е. таких же выдвигенцев из рабов, как и евангелисты. И как последние неумеренно восхваляли своего Иисуса, так и первые восхваляли своих господ и кроме их дел да знамений небесных ничего не считали достаточным для занесения в свои хроники. А у позднейших компиляторов, т. е. ортодоксальных историков XVIII-XIX веков, выработалась и еще одна особенность: патриотизм, сводившийся к тому, чтоб продолжить историю своих государств как можно далее в глубину веков, пользуясь для этого всеми возможными средствами.

В результате таких тенденций и вышло то

вавилонское столпотворение, которое мы называем древней историей, и которое необходимо, наконец, совершенно разрушить для того, чтоб на его месте можно было воздвигнуть новую, уже действительно научную историю человечества, независящую от классовых интересов. А для этого необходимо связать ее с естествознанием, что я и пытался везде тут сделать для древнего мира.

Я мог бы привести ряд и других примеров для реального объяснения неправдоподобных старинных сказаний в древних книгах и летописях, но и этих вполне достаточно, чтоб читатель видел, что и сказания первых русских летописцев необходимо проверить и по лингвистическим следам, и с естественнонаучной точки зрения, что я и пытаюсь сделать для древней русской истории.

Часть первая. *Западные славянофилы*

Глава I. Книга Иоанна Платона Карпини, католического архиепископа в Черногории: «История монголов, именуемых нами татарами» (т. е. впервые отождествляемых с ними авторами), как первая попытка

подменять потерявших популярность на Востоке Европы рыцарские ордена IV крестового похода монгольскими орденами в интересах папской власти

Согласно официальной биографии, Плато Карпини — это итальянец Джованни дель Пьяно-Карпини из города Перуджи, родившийся в 1180-х годах в богатой семье. Считается, что он был другом Франциска Ассизского, основателя знаменитого ордена францисканцев. И сам Плато Карпини считается основателем ордена миноритов. До своего путешествия на восток он уже выполнял ряд поручений папы в Испании и Португалии. При путешествии на Восток он был облечен званием папского легата, т. е. официального и полномочного представителя Ватикана в нехристианских странах.

К монголам Плато Карпини был послан папой Иннокентием IV с письмом к «Великому хану монголов». В нем, якобы, папа был недоволен действиями монголов за разорение завоеванных ими земель и предлагал мирные отношения и сердечное согласие. В другом письме папа убеждал их перейти в ис-

тинную веру.

После возвращения в Европу Плано Карпини был возведен в сан архиепископа. Умер он не дожив до 70 лет, не позже 1252 года.

Текст взят по книге Языкова «Собрание путешествий к татарам» 1825 года.

В тексте книги путешествий Иоанна де Плано Карпини огромное количество несуразностей, показывающих ее более позднее происхождение и несуразиц, показывающих, что это не личные впечатления автора. Так, в гл. 7, п. 1 требовали дать шкуру белого медведя, соболя, бобра. Откуда на Руси XIII века шкуры белого медведя?

В другом месте автор говорит «... и все это русские князья». А не славянские ли? — спросим мы, ведь имени Россия тогда еще не было, вплоть до Владимиро-Московского князя Ивана Калиты 1340 году.

Мы уже говорили, что бусурмане, встречающиеся в тексте, происходят первично от бессерман — это немецкое слово: сборщик подати (Besteurmann) от besteuern — собирать подать. У Исидо Испанского, автора VII в., Плано Карпини позаимствовал описание Циклопе-

дов, живущих между Арменией и Киргизией. Зачем нужно это заимствование, если, как считается, он сам там был и мог свидетельствовать, что никаких Циклопедов там нет.

В целом ряде мест (гл. 7 п. 1, гл. 1 п. 2, гл. 5 п. 3, гл. 5 п. 1, гл. 1 п. 1, гл. 4 п. 3, гл. 5 п. 8) говорит об истории Сербии в период IV крестового похода. Ее процветание началось с династии Неманичей (родоначальник Стефан Немань I). Его сын Стефан Первовенчаный (1195-1224) был коронован папой в 1217 году в короли «Расской», т. е. Русской земли. Он был как раз современником Чингис-Хана, относимого к 1155-1227, но нигде в сербской истории не говорится, чтоб он был разбит пришедшим туда из Монголии «хингисом». И именно с него началось могущество этой «Рассии», включающей в себя тогда Сербию, Черногорию, Герцеговину.

Могущество Неманичей все возрастало и достигло вершины при Стефане Уроше IV, прозванного Душаном. Но Урош — это лишь другое произношение слова Урус, т. е. русский, и выходит, как будто само название Россия или Россия идет не с берегов Балтийского

моря, а с балканских славян.

В 1349 году Законник Стефан Душан учредил собственный патриархат.

В гл. 5, п. 6 и п. 9 он относит Золотую орду в Забайкалье.

В главе 7 сообщается: «...Даниил (Галицкий) и Василько, брат его, устроили нам большой пир, продержали нас против нашей воли дней восемь, и все единодушно ответили нам, говоря, что желают иметь папу своим преимущественным господином и отцом, а святую римскую церковь владычицей и учительницей, причем подтвердили все то, о чем раньше сообщали по этому поводу через своего аббата, и послали так же с нами касательно этого и господину папе свою грамоту и по слов».

Это есть подтверждение того, что они были униатами. Однако, Плано Карпини не описал своего приема у папы.

Пользуясь тем, что французские, английские и немецкие слова искажались до неузнаваемости в устах греков, славян и турок, а имена многих местностей не только искажались, но и затерялись, стало возможно отде-

лить греческий и славянский укоризненный вариант крестовых походов от восхвалительного франко-итальянского варианта, как совершенно независимый вариант рассказа, относящийся к совершенно другому народу. И вот, греческое слово мегал (μεγας), т. е. великий, как титуловался и великий Римский понтифике, навело на мысль Плано Карпини сблизить греческое прозвище Римских пап с монголами, или по его произношению с монголами, и перенести действие с запада на восток.

Так параллельно истории крестовых походов и создавалась мнимая история монгольских походов, странствующие ордена превратились в кочующие орды, и взамен латинского *jugum* образовалось татарское иго.

Римский «Царь-священник» (*koning-chan*) превратился в Кингис-хана (по-русски Чингис-хан), из папской Латинской империи выработалась история монгольской империи, якобы возникшей из ничего и через несколько десятков лет вновь погрузившейся в нирвану вместе с Латинской империей и ее крестоносными отрядами.

Эта история Латинской империи была переведена даже на китайский язык, создав представление о существовании в Китае во время IV-го крестового похода особой монгольской династии, которую по стратегическим соображениям решительно нельзя там допустить потому, что кочевые народы способны только к отдельным мелким нападениям с целью грабежа, а никак не к массовым завоевательным движениям с целью получить основу новой Великой империи.

Книга Плано Карпино написана была, вероятно, вскоре после битвы на Косовом поле, произошедшей в 1389 году и отдавшей сербов под власть турок, так как епископ смешивал, по-видимому, монголов с турками. Поэтому и следует смысл книги Плано Карпини — необходима уния всех христианских народов против магометан. Это книга была выпущена для подготовки и обоснования к флорентийской унии, действительно и заключенной в 1438 году, но скоро распавшейся из-за нетерпимости католического духовенства.

И еще деталь. Плано Карпини, везде описывая путешествие в Золотую орду, дает точ-

ные дни описываемых событий, на 2-й день праздника очищения нашей Владычицы, в день апостолов Петра и Павла и т.д., но нигде не дается года происходящего события.

Все это укрепляет меня во мнении, что это сделано намеренно, чтобы скрыть, что она написана в конце XIV века и создана для борьбы с турками.

Глава II. Монах Рубрук как продолжатель Черногорского архиепископа Иоанна Плано Карпини в создании татарского ига вместо татрского. Клерикальные причины этого

Я уже говорил в прошлых главах, что история четвертого крестового похода в двух словах сводится к тому, что латинская церковь с великим римским понтифексом Иннокентием III напала на собственную мать — Фомейскую (Византийскую) церковь и, побив ее, была затем сама изгнана с Востока агарянами — турками, завладевшими взамен ее Востоком. А это должно было, при малограмотности того времени и неимении печатного слова, создать о IV-м крестовом походе, еще ранее его окончания и крушения созданной

им в греко-славянских странах Латинской империи, две разносторонние истории.

Одну — западно-европейскую — восхвалительную, не видевшую в крестовых походах и в своей Латинской империи на Востоке ничего, кроме доблести, справедливости и славы, и другую — греко-славянскую — порицательную, не находившую в этом нападении на себя и в самой Латинской империи ничего, кроме несправедливости, насилия и хищничества. При этом, благодаря разнице навыков и неумению произносить чуждые имена и благодаря склонности заменять их своими прозвищами, должны были создаться значительные вариации в обеих версиях, по существу своему, одной и той же истории. А потом, в следующие два-три поколения, благодаря удалению латинян с Востока, естественной беспомнятности безграмотных поколений и того, что территория восточной церкви была уже почти целиком под властью сарацин, на которых и перенеслась вражда обеих прежде враждовавших стран, они получили склонность к унии друг с другом против общего врага.

И я уже говорил, что эта уния и была провозглашена сначала на Флорентийском соборе, созванном папой Евгением IV и византийским императором Иоанном Палеологом в 1438 году, еще за 15 лет до взятия Царьграда турками, но уже после захвата ими Сербии.

На нем были признаны светская власть и церковное главенство папы, как общего заступника, в чем собственно и заключался главный интерес обеих сторон, и для замаскирования этой основной политической цели было признано православными исхождение святого духа не от одного только бога-отца, но также и от бога-сына (как догадались дополнить католики), и было дано согласие греков и славян на существование где-то между раем и подземным адом еще чистилища для не вполне святых и не вполне грешных душ. А католики в обмен за это признали за восточным духовенством право оставаться, как и на западе до 1080-х годов, женатыми, хотя уже и не многоженцами, и за восточными мирянами было признано право запивать причастный хлеб вином и сохранять национальные языки в богослужении. Однако, как и следова-

ло ожидать, в Иерусалиме, уже бывшем под властью агарян, и, очевидно, под их давлением, этот союз Востока и Запада против турок был через 5 лет предан проклятию (в 1448 году), к которому, конечно, должно было через десять лет присоединиться и все греческое духовенство, после взятия Царьграда теми же турками.

Почувствовав себя бессильной на юге Балканского полуострова, папская курия употребляла (как признано и без меня историками) огромные усилия удержать унию в Польше и в юго-западной России, где сторонниками ее сделалось почти все духовенство, в том числе и киевский митрополит Михаил Рагоза, подписавший унию на Брестском соборе в 1596 году. А это было как раз за два года до напечатания только что разобранный нами книги Черногорского архиепископа Иоанна де Плано Карпини, опубликованной Гаклюйтом в 1598 году в одном и том же томе с разбираемой нами теперь книгой монаха Рубрука.

Я думаю, читатель и сам уже догадывается, зачем я напоминаю ему обо всем этом — общеизвестном среди историков. Дело в том,

что отмечаемому мною здесь стремлению католиков XV века к унии со славянскими народами должна была сильно препятствовать еще державшаяся на Востоке, вплоть до XV века, порицательная версия славянских летописных сказаний о четвертом крестовом походе.

— Вы хотите, — говорили тогдашние «попы», единственные грамотеи, — возобновить свое татарское иго?

Папской курии для успеха необходимо было так или иначе отделаться от подобных неудобных воспоминаний, и единственным средством для этого было утверждать, что все рассказанное славянскими летописями о том, что было за двести или даже триста лет, относится не к татарским рыцарским орденам, а к адским (по-гречески — к тартарским) ордам, причем Черногорский архиепископ Иоанн де Плато Карпини первый догадался отождествить этих тартарцев с Монголами, а Рубрук приблизил их к России, назвав этим именем, как увидим далее, калмыков. Такое перемещение сцены действия поближе стало необходимым, благодаря быстрому увеличению

тогдашних географических сведений после изобретения морского компаса около 1300 года итальянцем Флавио Джойя и открытия морского пути в Индию и Китай португальцем Васко да Гама в 1498 году, ровно за столет до выхода в свет разбираемых нами теперь книг.

При таких географических представлениях нетрудно было архиепископу черногорскому посылать русских князей на поклон к Кингис-хану, заменившему у него Иннокентия III (или «кинга» Ричарда Львиное сердце) из западной России в Забайкальскую золотую орду. Но ученому-монаху Рубруку, обладавшему уже лучшими географическими сведениями, пришлось перенести эту «Золотую Орду» поближе к действительному «Золотому Ордену за Дунаем» на нижнее течение реки Итиля (Волги), хотя даже и эта локализация географически и стратегически нелепа.

Итак, вся видимость за то, что обе разбираемые нами книги являются фальсификацией римских клерикалов XV века с целью устранить всегда готовое возражение тогдашних грамотеев, что своей «унией» они хотят вос-

становить уже испытанное славянами от католических патеров «адское иго» (*jugum tartaricum*).

Понятно становится теперь, почему и автор книги «Путешествие Венецианского дворянина Марко Поло» (которая впервые обнаружена по-немецки в 1477 году, а написана, вероятно, перед первым униатским Флорентийским собором 1438 года) распространил «тартаров» почти по всей Азии и заставил отрока Марка ездить к Великому Хану (*Pontifex maximus* по латыни) не в Римскую область, а в Китай; понятно и то, почему Черногорский епископ Иоанн де Пано Карпини как раз около времени Брестского униатского собора догадался, наконец, отождествить тартар с монголами и этим окончательно устранить неприятные напоминания о прошлом. Понятно и то огромное количество свидетелей, вплоть до самого бога, которых этот черногорский архиепископ призвал в подтверждение своего неожиданного для славянских грамотеев утверждения, будто татары их летописных сообщений вовсе не татрские духовные и светские рыцарские ордены, а далекие монго-

лы, нахлынувшие внезапно не только на Киев, Москву и Новгород, но и на Польшу, и на югославянские земли, и даже на самую Венгрию. Понятны и заключительные слова его предисловия: «Если в нашей книге мы пишем нечто такое, что неизвестно в ваших странах, то вы не должны ради этого именовать нас лживыми».

Мне неизвестно, вызывались ли на Брестский униатский собор 1596 года тени всех этих давно умерших свидетелей, которых приглашал Плато Карпини в подтверждение своих слов, и даже читалась ли там его книга, но факт тот, что при первом ее издании Гаклюйтом через два года после этого собора, был вызван свидетелем его правдивости другой монах, Вильям Рубрук, якобы путешествовавший в тех же странах, а он один стоил многих десятков. Ведь, можете себе представить, он путешествовал по личному приказу его королевского величества Людовика Святого, короля французского. Это был тот самый король, который в 1226 году еще одиннадцатилетним мальчиком наследовал своему отцу под опекой своей матери Бланки Кастиль-

ской, а потом предпринял крестовый поход в Сирию, был взят в Дамiette в плен сарацинами, но через месяц освобожден за большой выкуп, воротился во Францию и в конце своей жизни предпринял еще поход на сарацинов в Тунис, где и умер. И вот что пишет ему Рубрук в предисловии своей книги:

«Превосходительнейшему и христианнейшему государю, Людовику, божией милостью славному королю Франков, брат Вильгельм де Рубрук, наименьший в ордене братьев миноритов, (шлет) привет и (желает) всегда радоваться о Христе.

Писано в Екклесиасте о Мудреце: „Он отправился в землю чужих народов, испытает во всем хорошее и дурное“.

Это дело свершил я, господин Король мой, но, если бы как мудрец, но не мудро, а более глупо; боюсь, что я принадлежу к их числу.

Все же, каким бы образом я ни свершил это, но, раз высказали мне, когда я удалялся от вас, чтобы я описал вам все, что увижу среди тартар, и даже внушили, чтобы я не боялся писать вам длинных посланий, я делаю то, что вы препоручили, правда, делаю со стра-

хом и почтением, так как у меня не хватает соответствующих слов, которые я должен был бы написать вашему столь славному величеству».

Из этого предисловия, казалось бы, надо было заключить, что автор лично представил свою книгу Людовику святому, так как далее следует описание его пути без всяких дополнений. Ведь ясно, что если бы были какие-нибудь препятствия к сдаче отчета королю, пославшему его в командировку, то он по естественной ассоциации идей тут же изложил бы эти препятствия, а не стал бы откладывать их до тех пор, когда король удосужится прочесть всю его длинную книгу. Ведь на это при медлительности рукописного чтения и невозможности читать подряд несколько дней с утра до вечера, отбросив всякие домашние и хозяйственные дела, пришлось бы употребить не один месяц. А между тем в конце книги обнаруживается, что препятствия к доставке ее вовремя королю были, а он отложил сообщение о них до окончания ее чтения королем. Вот что пишет он в заключительной главе: «Из Армении я переправился на Кипр и в

Никозии нашел вашего Провинциала (т. е. начальствующего священника у католиков), который в тот же день повез меня с собою в направлении к Антиохии, находящейся в очень плохом состоянии. Там мы пробыли праздник апостолов Петра и Павла».

«Отсюда прибыли мы в Триполи, где, в день Успения Святой Девы, имели собрание нашего ордена и Провинциал ваш определил, чтобы я избрал (для жительства) монастырь в Акре, не позволил мне (что совершенно невероятно!) ехать к вам и приказал, чтобы я написал вам то, что хочу, через подателя сего послания. Я же, не смея противиться обету слушания, составил, как мог и умел, эту книгу, прося прощения у вашей несравненной кротости как за лишнее, так и за нехватки, или за сказанное не совсем умно, а скорее глупо, так как я человек не достаточно умный и не привык составлять такие длинные повествования. Мир божий, который превосходит всякое понимание, да хранит ваше сердце и разумение ваше! Охотно я повидал бы вас и некоторых особенно близких мне друзей, которых имею я в королевстве вашем.

Поэтому, если это не противно вашему величеству, я хотел бы молить вас, чтобы вы написали Провинциалу о позволении мне явиться к вам, под условием скорого возвращения в Святую Землю».

И вот, читатель, если у вас есть хоть малейшее литературное чутье, вы восклицаете:

— Но почему же Рубрук, которого насильно не пустил в Париж к королю какой-то «провинциал», не написал ему об этом сейчас же, еще из Акры, или не продолжил об этом своего предисловия, а отложил до окончания чтения королем 53 главы его большой книги? Ведь всю эту книгу король должен был читать, еще совершенно не понимая, почему его собственный посланец не возвратился лично к нему, а посылает свой доклад через какого-то «подателя сего»? Ведь по окончании чтения через неделю или даже через месяц Людовик, хотя и «святой», мог бы даже выругаться за то, что автор держал его в недоумении так долго, не говоря уже о неправдоподобности сообщения, что какой-то Акрский провинциальный священник мог задержать возвращающегося королевского посланца и

приказать ему «избрать себе для жительства один из монастырей в Акре в Сирии»!

Ответ на такой вопрос может быть только один:

— Если провинциальный священник, не считаясь с мнением своего короля, запретил возвратиться к нему его посланцу после блестящего окончания им трудного и далекого путешествия, сделанного по личному приказу самого короля, то путешественник в самом начале сообщил бы королю об этом, а не начал бы так, как если б все было в полном порядке. Из этого ясно, что и начальное обращение Рубрука к королю, и заключительное обращение к нему же, сделаны не для Людовика святого, а выдуманы для читателя, чтоб придать в его глазах достоверность и авторитетность сочиненной дома книге.

Это старинный наивный литературный прием, уместный теперь лишь для пера неопытного сочинителя и незаметный лишь для слабого литературного чутья малоопытного в чтении человека.

Но если это так, то и середина книги — такое же сочинительство, сделанное не по лич-

ным впечатлениям, а как домашняя компиляция всего прочитанного автором у разных путешественников и снабженная для большей убедительности небывалыми приключениями и воображаемыми личными впечатлениями автора.

Кто такой Рубрук? — Никто не знает. В различных рукописях даже и фамилия его пишется различно: Рубрук, Руброк, Рисбрук, Рюисбрук, Рюисброк, Рюисбрек[315] и т. д.

Указывают, что у города Касселя в Северном департаменте Франции и до сих пор есть фламандская деревушка Rubruk, но значит ли это, что он родился там? О времени его тоже нет никаких указаний. О национальности тоже. Но он знает Париж, так как сравнивает ширину Дона при своей переправе через него с шириной Сены у Парижа и приравняет свои ежедневные переходы с расстоянием от Парижа до Орлеана, значит писал эту книгу французский монах.

Издание, которым я здесь пользуюсь, — перевод А. И. Малеина, изданный в 1910 году с Лондонского издания 1803 года, вышедшего под названием «Тексты и переводы Джона де

Плано Карпини и Вильяма де Рубрукиса в том виде, как они напечатаны первый раз Гаклюйтом в 1598 году вместе с некоторыми более короткими произведениями». Но это заглавие неверно. У Гаклюйта напечатана книга Рубрука только до 25 главы, включительно до того места, где рассказывается, что «Тибетцы — люди, пожирающие своих родителей, так как по чувству сыновней любви они не признают для них другой могилы, кроме своих внутренностей. Теперь, однако, они это оставили, так как стали возбуждать отвращение у всех народов. Однако, они все еще делают красивые чаши из голов своих родителей, чтобы при питье из этих чаш вспоминать о них во время своего наслаждения. Это рассказал мне очевидец...»

А в Лондонском издании 1803 года после такого интересного сообщения, данного Рубруку «очевидцем во время его пребывания в тех самых местах», прибавлены имеющиеся лишь в позднейших рукописях в изданиях еще 28 глав, в последней из которых говорится:

«О Турции знайте, что там из десяти чело-

век только один не сарацин, а все они армяне да греки. Дети властвуют над этим краем».

Значит, даже и эту древнейшую часть автор писал уже после битвы на Косовом поле 1389 года, не ранее XV века, когда действительно в Турции смешались и турки, и греки, и армяне.

О «тартарах» в этой части даются лишь сбивчивые этнографические сведения, в которых они отождествляются то с турками[316], то с киргизами, подобно которым они «пьют кумыс».

«Мы прибыли, — говорит автор в первой же главе, — в область Газарию (Хазарию) или Кассарию (Кессарию), которая представляет как бы треугольник, имеющий с запада город, именуемый Керсон (т. е. Херсон при устье Днепра), в котором был замучен святой Климент. И, плывя перед этим городом (чего они не могли сделать, так как он далеко от моря за лиманом на р. Днепре, а кроме того и Климент был замучен не в Таврическом, а во Фракийском Херсонесе у Дарданельского пролива), мы увидели остров, на котором находится знаменитый храм, сооруженный, как говорят,

руками ангельскими (чего опять нет). В середине же, приблизительно в направлении к южной конечности, Кассария имеет город, именуемый Солдаия (и считаемый за Судак в Крыму, но это имя созвучно только с городом Soldau в восточной Германии или же это испорченное слово Султания, как перевод слова Кесария), который обращен наискось к Синополю (т.е. Синопу, на противоположном южном берегу Черного моря) и туда (в Судак-то!) пристают все купцы, как едущие из Турции и желающие направиться в северные страны, так и едущие обратно из России и северных стран и желающие переправиться в Турцию. Одни привозят горностаев, белок и другие драгоценные меха, а третьи привозят ткани из хлопчатой бумаги, бумазею (gambasio!), шелковые материи и душистые коренья. В восточной части этой области есть город, именуемый Матрика (вроде Темрюка, на восток от Керченского пролива[317], где река Танаид впадает в море Понта, имея в устье 12 миль в ширину. Именно эта река, прежде чем впасть в море Понта, образует на севере как бы некое море (Азовское), имеющее в ширину и длину

семьсот миль, но нигде не имеющее глубины свыше шести шагов (passus); поэтому большие корабли не входят в него, а купцы из Константинополя, приставая к выше упомянутому городу Матрике, посылают (оттуда) свои лодки (barcas) до реки Танаида (Дона), чтобы закупить сушеной рыбы, именно осетров, чебаков (rosas barbatus) и других рыб в беспредельном количестве.

Выше этого устья находится Скифия (т.е. Украина[318]), которая не повинуется Тартарам, а к востоку Свевы и Иверы (сваны и грузины), которые (также) не повинуются Тартарам. Затем к югу находится Трапезундия, которая имеет собственного государя по имени Гвидо (Андроник II Гид, ум. в 1235 году), принадлежащего к роду императоров константинопольских; он повинуется Тартарам. Затем находится земля Вастация (т. е. Никейская империя, где перед этим правил Иоанн III Вастац (1222-1254), сын которого по деду со стороны матери именуется Аскар (т.е. Феодор Ласкарис, 1255-1259), он не повинуется (Тартарам). А от устья Танаида (Дона) к западу, до Дуная, все принадлежит им; также и за Дуна-

ем, в направлении к Константинополю платят им дань Валахия, земля, принадлежавшая Ассану (т. е. Болгария, принадлежавшая Асеню II от 1218 по 1241 год) и малая Болгария до Славонии; все они платят тартарам дань. И даже сверх установленной дани тартары брали в недавно минувшие годы со всякого дома по одному топору и все железо, которое находили в слитке».

Мы видим здесь довольно правильное в географическом смысле перечисление городов по берегам Черного моря. Мы видим даже и названия царей XIII века, хотя их время и перепутано немного. Так, например, Андроник Гид умер по византийским историкам в 1235 году, а Феодор Ласкарис воцарился лишь через двадцать лет после этого—в 1255 году, а автор объявляет их царствующими одновременно. У турок только Осман (между 1288-1326 годами) принял титул султана, т. е. через 33 года после смерти Феодора Ласкариса, и через 53 года после смерти Андроника Гида, а автор говорит, что Синоп уже в их время принадлежал султану Турции. Да и Турецкая империя основана лишь в 1453 году после взя-

тия Царь-града турками. Явно, что автор не путешествовал в XIII веке по Черному морю в то время, так как заставши в его городах одну из названных им особ, он не мог бы застать там двух остальных. Но еще интереснее, что в первом издании этой книги было написано, что Скифия (Scythia) не повинуется тартарам. Но ведь Скифия по всем другим первоисточникам занимала всю южную Россию, т.е. была на месте Украины, в том числе и Киевского княжества. И вот, чтобы затушевать это, какой-то позднейший корректор переименовывает Скифию в Цихию, созвучно с Чехией[319], так как звук «Ч» не произносим для средне-европейцев, и подчиняет тартарам не только все северное побережье Черного моря, но и Болгарию, и Валахию.

Но каковы же были эти тартары по Рубруку?

«Мы направились, — говорит автор в конце 8 главы, — к Батыю, держа путь прямо на восток, а на третий день добрались до Этилии; увидев ее воды, я удивился, откуда с севера могло опуститься столько воды. Прежде, чем нам удалиться от Сарката (племянника

Батя, якобы княжившего между Доном и Волгой[320] несторианец Койяк (иначе Куюк старейший при дворе Сарката) вместе со многими другими писцами двора сказал нам:

„— Не называйте нашего господина христианином. Он не христианин, а Моал (могол), так как „христианство“ представляется здесь названием какого-то народа“»[321].

«Они превозносились до такой великой гордости, что хотя, может быть, сколько-нибудь веруют во Христа, однако не желают именоваться христианами, желая свое название, т. е. Моал (могол, от греческого мегал — великий) превознести выше всякого имени. Не желают они также называться и Тартарами. Ибо Тартары были другим народом».

Я обращаю здесь серьезное внимание читателя на последние строки. В первоначальных сообщениях прямо говорилось, что племянник Бати-хана Саркат (т.е. Царько), переименованный потом в Сертахе (и в Царьтака), был христианин и даже носил сан диакона, и такое мнение держалось очень долго. Так и должно быть, если он был славянин-крестоносец. Рубрук, по-видимому, первый тенден-

циозно усомнился в его христианстве, несмотря на то, что вслед за тем в 19 главе сам же упоминает о христианском народе найманах, т. е. не иначе, как о Сербии, в которой в то именно время и царствовала династия Неманей, тогда как в Средней Азии никто и не знает такого имени, хотя оно и попало в «Историю первых ханов из дома Чингисова», будто бы добытую в Китае отцом Иоккинфом Бичуриным и которая, вероятно составлена тоже католическим миссионером в Китае.

Однако хвосты крестовых походов везде высовываются из этой перестановки. Вот хоть о «тартарском» духовенстве в главе 47:

«Некоторые из них, и в особенности первенствующих, знают нечто из астрономии и предсказывают затмения солнца и луны. И перед тем как это должно случиться, весь народ приготовляет им пищу, потому что им не должно в это время выходить за двери своего дома. И когда происходит затмение, они бьют в барабаны и другие инструменты, производя великий шум и крик. По окончании же затмения, они предаются попойкам и пиршествам,

обнаруживая великую радость. Тартары никогда не собирают войска и не начинают войны без их решительного слова; они (Тартары) давно вернулись бы в Венгрию, но прорицатели не позволяют этого».

И вот выходит, что родиной татар были венгерские Татры... Если бы у меня было здесь место, то я мог бы набрать из Рубрука еще десятки таких хвостов в доказательство, что эта книга писана специально с целью облегчить заключение унии со славянскими народами, еще помнившими отрицательную сторону четвертого крестового похода, когда католическое духовенство обременяло их налогами. Но места у меня здесь нет, я удовлетворюсь лишь одной заметкой о монголах и москалях. Начну с рассказа о короле Кон-Хане, т. е. короле первосвященнике (переделанном потом в Куюка), о короле Иоанне и Кингис-хане.

«В то время, когда Франки взяли Антиохию (в 1098 году), единовластие в упомянутых северных странах принадлежало одному лицу, по имени Кон-хаму (у архиепископа Платно-Карпини — он переделан в Куюка). Кон —

имя собственное, а хам — обозначение достоинства и значит оно то же, что пророк».

И вот сразу же неправильность:

Кон-хам здесь, конечно, Кэн-хан, т.е. царь — первосвященник, хотя толкователи и считают это слово за искажение титула Гурхан, т. е. «всеобщий первосвященник». Востоковеды нам говорят, что этот титул впервые принял основатель «Среднеазиатской Черно-китайской империи Йе-лу Та-Ших, т. е. Юлий-шах, (потому, что Йе-лу и Юлий тоже самое имя), но не в 1098 году, а в 1125 на 27 лет позднее. А если мы посмотрим на запад, то увидим, что и там впервые великий римский понтифекс Григорий VII (1073-1085) велел именовать себя и своих преемников папами, т.е. всеобщими отцами. Но продолжим нашу выписку, с начала 19 главы.

„Всех прорицателей (астрологов) они (монголы) называли хамами. Отсюда и их государи называются хамами, так как в их власти находится управление народом путем предвиденья. И вот в истории Антиохии мы читаем, что Турки послали за помощью против Франков к королю Кон-хаму, из страны кото-

рого явились все Турки. Этот Кон был Кара-катаец. Кара значит то же, что „черный“, а Катай название народа, откуда Каратай значит то же что — черный Катай“ (а не черного-рец ли?). И это говорят для различения их от Катаев, живущих на востоке у моря. Черные Катай жили на неких горах, через которые я переправлялся, а на одной равнине между этих гор жил некий несторианский пастор (pastor) (и конечно, в смысле духовного руководителя, а не пастуха рогатого скота), человек могущественный и владычествующий над народом, именуемым Найман (Неманями в это время называлась династия сербских королей и принадлежавших к христианам-несторианам[322]. По смерти Кон-хама (которого затем переделали в Куюк-хана), этот несторианец превознес себя в король, и несториане называли его королем Коанном, говоря о нем вдесятеро больше, чем согласно было с истиной. Именно так поступают несториане, прибывающие из тех стран: из ничего они создают большие разговоры, поэтому они распространили и про Сарката (т. е. царька), будто бы он христианин. То же говорили они

и про Мангу-хана (Махмуд-хана?) и про Кен-хана потому только, что те оказывают христианам большее уважение, чем другим народам. И, однако, на самом деле они не христиане. Таким-то образом распространилась громкая слава и об упомянутом короле Иоанне; и я проехал по его пастбищам (т. е. по его пасториям), но никто не знал там ничего о нем, кроме немногих несториан. На его пастбищах (т. е. пасториях) теперь живет Кен-хан (т. е. царь-первосвященник), при дворе которого был брат Андрей, и я также проезжал той дорогой при возвращении. У этого Иоанна был брат, также могущественный пастор, по имени Унк (т. е. Уник — единый, аналогично с именем Секунд, Терций, Квинт). Он жил за горами Кара-катаев, т. е. Черногорцев, на три недели пути от своего брата. За его пастбищами (т. е. пасториями) в расстоянии на 10 и 15 дневных переходов, были пастбища (пастории) Моалов. Это были очень бедные люди, без главы и без закона, за исключением веры в колдовство и прорицания, чему преданы все в тех странах (и эти то бедняки держали под своим игом всю Россию! Уж не братья ли

это минориты, т. е. по-русски: малые?). И рядом с Моалами были другие бедняки, по имени Яркары (Jarcari), отождествляемые с тартарами. Король Иоанн умер без наследника, и брат его Унк (т. е. Уник-Единый) обогатился и приказал именовать себя ханом; крупные и мелкие его стада (паствы) ходили до пределов Моалов. В то время в народе Моалов был некий ремесленник Хингис (созвучно с английским прилагательным King's), по-русски — Чингис-Кан. Он воровал, что мог из животных Унк-хана, так что пасторы Унка пожаловались своему господину. Тот собрал войско и поехал в землю Моалов, ища самого Хингиса, а тот убежал к Тартарам и там спрятался. Унк, взяв добычу от Моалов и от Тартар, вернулся, а Хингис обратился к Тартарам и Моалам со следующими словами:

„— Так как у нас нет вождя, наши соседи теснят нас“.

После этого Тартары и Моалы сделали его своим вождем и главою (вот как легко было тогда сделаться царем!).

Собрав тайком (??) войско, он ринулся на самого Унка (Уника) и победил его. Унк убе-

жал в Катайю, где попала в плен Моалам его дочь, которую Хингис отдал в жены одному из своих сыновей. От него зачала она ныне царствующего Мангу. Хингис в своих войнах повсюду посылал сначала вперед Тартар (т. е. татровцев) и отсюда распространилось их имя, так как при виде войска Хингиса везде кричали: „— Вот идут Тартары!“ Но в недавних частых войнах почти все они были перебиты. Упомянутые Моалы ныне хотят уничтожить и самое это название и возвысить свое. Та земля, в которой они были сперва, и где находится еще двор Хингис-хана, называется Онан-керуле (считаемая за реку Онон, приток Амура в Забайкалье)».

Вот куда забросили униаты крестоносцев, чтобы избавиться от неудобных воспоминаний! Выходит, что татары были все перебиты еще в XIII веке нашей эры. Значит современные татары — самозванцы. А кто же жил на их месте на юге России?

Вот ответ Рубрука (гл. 20):

«На пути между ним (т. е. Саркатом или Царьком) и его отцом (Бата-ханом, т. е. Батюшкой ханом, Батяем, Батием или Батыем)

мы ощущали сильный страх: Русские, Венгры и Аланы, рабы их, число которых весьма велико, собираются зараз по 20 или 30 человек, выбегают ночью с колчанами и луками и убивают всякого, кого только застают ночью. Днем они скрываются, а когда лошади их утомляются, они подбираются ночью к табунам на своих пастбищах, и обменивают лошадей, да и еще одну или двух уводят с собою, чтобы в случае нужды пересесть. Наш проводник сильно боялся такой встречи.»

Но как же так! — восклицаете вы, — между монголом Саркатом или Сартахом, жившим где-то к югу от Саратова, и Батыем, жившим за Волгой, рыскали венгерцы и русские. Вы читаете далее, а там еще хуже:

«Мы добрались до Этилии, весьма большой реки. Она вчетверо больше, чем весьма глубокая Сена: начинается Этилия из Великой Болгарии, лежащей к северу, направляется к югу и впадает в некое озеро или в некое море, которое ныне называется море Сиркан (?), по имени некоего города, лежащего на берегу его в Персии. А Исидор называет его Каспийским морем. К югу от него находятся Кас-

пийские горы и Персия, а к востоку горы Мулигек, т. е. Человекоубийц (аха *sinogum*), которые соприкасаются с Каспийскими горами. К северу от него находится та пустыня, в которой ныне живут (недавно перебитые в войнах) тартары. Прежде же там были некие Команы, называвшиеся Кангле (?). С этой стороны море принимает реку Этилию, которая летом увеличивается, как Египетский Нил. К западу же от Каспийского моря находятся Аланские (?) горы, Лесги (лесгины) и Железные Ворота».

Но никаких «Железных Ворот», т. е. заслуживающего такое название узкого прохода, ограниченного с обеих сторон крутыми горами на Западном берегу Каспийского моря нет. Есть такие (и даже знамениты) только на Дунае при его прорыве через Трансильванские Альпы.

Правда, нам говорят, что так называлась когда-то большая старинная каменная стена в Табассеране. но на каком основании? Ведь называется она и до сих пор только «Дербентскою Стеною», и никаких воспоминаний о том, чтобы в ней были железные ворота нет.

Прочитаем теперь и о Москалях в главе 16. «Взяв лошадей и быков, мы ехали от становища к становищу, пока 31 июля (а годов Рубрук нигде не указывает!) не добрались до местопребывания Сартаха. Страна за Танаидом (считаемым не за Дунай, а за Дон) очень красива и имеет реки и леса. К северу находятся огромные леса, в которых живут два рода людей, именно: Моксели (т. е. Москали), не имеющие никакого закона, чистые язычники. Городов у них нет, а живут они в маленьких хижинах в лесах. Их государь и большая часть людей были убиты в Германии (Germania). Тартары вели их вместе с собою до вступления в Германию, поэтому Моксели (москали) очень любят германцев, надеясь, что при их посредстве они еще освободятся от рабства Тартар. Если к ним прибудет купец, то тот, у кого он впервые пристанет, должен заботиться о нем все время, пока тот пожелает пробыть в их среде. Если кто спит с женой другого, муж не печалится об этом, если не увидит собственными глазами: они не ревнивы. В изобилии имеются у них свиньи, мед и воск, драгоценные меха и соколы. Сзади них живут

другие народы, именуемые Мердас (мордва), которых латины называют Мердинис, и они — сарацины. За ними находится Этилия (Волга), Эта река превосходит своею величиною все, какие я видел. Она течет с севера, направляясь из Великой Болгарии к югу, и впадает в некое озеро, имеющее в окружности четыре месяца пути».

Но когда же москали воевали вместе с татарами против Германии и какой государь их при этом был убит? А сомневаться в том, что моксели — искаженное польское имя русских московитов — нельзя: их местоположение описано правильно, да и мордва поименована при них.

Этим интересным местом я и заканчиваю свои выписки, предоставляя читателю самому отметить остальные многочисленные анахронизмы Рубрука, если он не убедился даже и москалями, что эта книга специально тенденциозна.

Я укажу лишь еще раз на то, что первоначальная, не дошедшая до нас рукопись Рубрука, переделывалась при всех ее позднейших копировках, и это продолжалось даже и после

первого напечатания одной из ее вариантных копий Гаклюй-том в 1598 году, т.е. уже накануне XVII века. И все переделки обнаруживают одну и ту же тенденцию: облегчить создание унии всех христианских государств под главенством папы против наседавших на них турок, особенно после битвы на Косовом поле в 1389 году, установив новое мнение, будто *jugum tartaricum*, т. е. татарское иго русских и славянских летописей, было не папское иго, пришедшее из Рима, а (как догадался уже придумать архиепископ Платон Карпини) — монгольское. Но так как вести его по-прежнему из Забайкалья в кочевых кибитках было слишком нелепо по причине обнаружившейся тогда дальности расстояния, то греческое название крестоносцев адскими людьми (татарами) распространили и на калмыков, и на все магометанские народности в Крыму и по Нижней Волге, и приписали им деяния крестоносцев на Востоке, что было очень приемлемо для новых славянских поколений, которые уже не испытали лично «адского ига».

Такого рода замены одних представлений другими, более выгодными для себя — обыч-

ное явление человеческой психики. Вот хоть случай со мною два дня тому назад, когда я начал писать эту самую главу, находясь в бывшем имении моего отца — Борке, теперь «Доме Труда и отдыха Академии Наук СССР». Чтоб собраться с мыслями, я захотел в этот весенний день пройтись по уединенной дорожке, обросшей деревьями с обеих сторон, как аллея среди полей. Но ее, к моей большой досаде, за день до этого перепортил хулиган-моторист, нарочно спустивший при переезде по ней перевозимый им плуг, так что хорошенькая живописная дорожка превратилась в безобразные глыбы перевернутой низом вверх голой земли. Выходя из нее за парк в легком одеянии, я почувствовал холодный встречный ветер и, повернув, пошел в противоположную сторону за парком, где было тихо, но не так уединенно. Я встретил там работавшего крестьянина, который заговорил со мною и этим прервал нить моих размышлений о Рубруке.

Окончив разговор, я пошел далее, говоря про себя:

— Что за черти эти хулиганы-мотористы!

Испортили мою дорожку и мне негде теперь спокойно сосредоточиться! И если б кто-нибудь из хороших знакомых, встретив меня, спросил, почему у меня недовольный вид, то я совершенно искренне сказал бы ему, что из-за моториста. Но вдруг я вспомнил, что я же ведь пошел за парк не потому, что обычная дорожка испорчена, а по причине подувшего мне там навстречу холодного ветра!

«Каким образом, — подумал я, — в моей голове произошла подмена действительной стихийной причины моего прихода сюда, причины, на которую нельзя досадовать, другою, человеческою причиною, которая гармонировала с моей досадой на то, что заговоривший тут со мною встречный крестьянин прервал нить моих размышлений?»

И я тотчас же понял, что процесс этот совершенно понятен с психофизиологической точки зрения.

Лишь незначительная часть наших мысленных импульсов сознается нами среди огромного количества всех происходящих в нашем мозгу. Вот, например, вы идете по улице или даже в поле, оживленно разговаривая

со знакомыми. Все ваше внимание и сознание сосредоточено на них и на предмете вашего разговора. А кто же поддерживает ваше тело в его чрезвычайно неустойчивом положении, вроде палки, поставленной на одном из ее концов, и даже не только стоящей на нем, но и перескакивающей с каждым шагом на другое место, несмотря на неровности почвы и на порывы ветра, старающиеся вас уронить? Какой не ощущаемый вами путеводитель ведет вас так акробатически искусно по неровностям и извилинам, когда все ваше сознание сосредоточено на другом предмете? Конечно, этот путеводитель — подсознательная деятельность вашего же собственного мозга. Уже отсюда ясно, что наше сознательное мышление только малая часть подсознательного, т. е. не достигающего иначе как случайными отрывками до нашего сознания. Особенно ясно обнаруживается это, когда вы стараетесь вспомнить что-нибудь забытое, например, имя, или то, что вы собирались сделать, но забыли, благодаря тому, что вас отвлекли. Луч вашего ясного сознания блуждает, как прожектор, из мозжечка по всей об-

ласти ваших подсознательных сведений в темноте ваших мозговых полушарий, и вдруг освещает то, что вам нужно.

Так и в области мышления всякий из нас имеет в извилинах своего большого мозга, еще другого, подсознательного руководителя, старающегося вести нас для нашего самосохранения по уже проторенным дорожкам мышлений, и сопротивляющегося всякому нашему свороту с них.

Это как бы суфлер, под подсказы которого многие из нас и думают, и говорят, и даже чувствуют в продолжение всей своей жизни, как актеры, вошедшие в свою роль. А суфлер этот старается подсказать нам, прежде всего, то, что для нас выгодно или приятно, и сам остается невидим и неосязаем в цилиндрических нервных клеточках в извилинах коры человеческих мозговых полушарий.

Это он подменил и мне под аккомпанемент моего настроения ветер мотористом.

И чем слабее умственное развитие человека, чем ограниченнее горизонт его сознания, тем большую роль играет этот подсознательный суфлер в его жизненной роли. Тенденция

же такого суфлера всегда одна и та же: подсказывать области ясного сознания в человеческом мозгу (который мне представляется локализованной в мозжечке) те представления об окружающем, и прошлом и будущем, которые ему выгодны: это первичный инстинкт самосохранения, по-латыни: консерватизма.

Пока человеческая мысль направлена на вопросы, решение которых в положительном или отрицательном смысле не затрагивает интересов мыслителя, суфлер в его мозгу молчит, как это бывает при современной нам разработке естественнонаучных или математических вопросов.

Другое дело при обсуждении вопросов социальных, затрагивающих интересы целых групп людей. Здесь выработка беспристрастных, приемлемых для всего человечества решений бывает часто очень затруднительна. То же самое и в области исторической науки, какой она была до половины XIX века.

Клерикалы прежде всего приспособляли судьбы отдельных выдающихся лиц и целых народов к своему клерикальному мировоз-

зрению, а светские правители — к своим политическим идеалам. Все, что не соответствовало интересам данного исторического момента и данного класса, переделывалось на новый лад, и живым образчиком этого служит только что разобранный мною трансформация «татрского ига» крестоносцев в татарское, а потом и в татарское иго монголов.

Принужденный пользоваться такими первоисточниками серьезный историк, повторяю, должен считать за исторический факт не то, что рассказывает ему древний документ, а лишь сам этот документ, который он и должен рассматривать, как образчик мнений и тенденций того времени. А для того, чтобы не заблудиться в разнообразии и разноголосице этих документов, он должен всегда иметь в виду такие два основные положения:

1. Всякая духовная власть возникла из первоначального шаманства. А так как оно независимо могло развиваться в разных пунктах земного шара, то ни одна шаманская школа не могла стать преобладающей и повсеместной без опоры на магию и особенно на свет-

скую власть.

2. Всякая светская власть возникла из обладания железным оружием и из возможности сообщений с подвластными ей поселками, а потому и центрами ее возникновения могли быть только местности, где появилась возможность массовой выплавки железа при удобных путях водного или сухопутного сообщения. Такой удобной местностью первоначально был только Балканский полуостров. Но и этого мало.

Здесь были, конечно, и железные руды, и пути водного сообщения по Дунаю и его притокам и по греческому архипелагу; здесь были вблизи и степи, где водились табуны диких лошадей, эта основа дальних сухопутных сообщений и первоначального конного войска для распространения и поддержания светской власти вдали от судоходных рек.

Значит, первый порыв развития государственной власти на земном шаре мог идти лишь во все стороны от Балканского полуострова, из Великой Ромеи, т. е. Византии.

Появление конных «ромейских» авантюристов с железным оружием в руках должно

было произвести на вооруженное лишь каменными топорами да деревянными стрелами пешее окрестное население такое же впечатление, как и появление испанцев в Центральной и Южной Америке под предводительством Кортеса и Писарро. Они моментально подчинились новым властелинам и их «вере».

И, как власть испанцев быстро охватила всю южную и центральную Америку до ее отдаленных берегов (и охватила бы и северную Америку, если б не помешали сделавшие это же французские и английские авантюристы), так и власть византийских ромейцев после открытия железных орудий производства и войны на феодальных по причине отдаленности началах и под флагом теократии должна была распространиться и к западу Европы вплоть до Англии, и к востоку Азии вплоть до Индии и Тихого океана, причем первоначальная теология должна была лучше сохраниться в отдаленных глухих местностях, чем в инициативном центре, всегда идущем вперед. А потому и тройца (три мурти) индийских браминов, и их ритуал должны нам бо-

лее напоминать первичное ромейско-византийское христианство, чем сильно эволюционировавшее с тех пор, благодаря развитию светских наук и искусств, позднейшее христианство в Европе. А магометанство с его многоженством и единобожием должно, да и действительно, более сохраняет библейское иудейство[323], чем современный европейский раввинизм.

Такова была первая волна феодального империализма и теологической мистической науки в Старом Свете, которую можно обозначить общим именем «христианство» в греческом смысле этого слова. «Посвящение в тайны мистических знаний». Она должна была распространиться, как звук, во все стороны.

Но вот железные руды, еще более богатые, открылись в Западной Европе, по Рейну и в Англии, их применение к земледелию и промышленности дало новый стимул к культурной жизни. Западная Римская империя переросла восточную, и рыцари, одетые в железные латы, непроницаемые для стрел, ринулись на отставший Восток, стремясь все подчинить и ассимилировать своему мировоз-

зрению до крайних пределов Азиатского континента (так как в Африке мешали этому пустыни и тогдашнее отсутствие промежуточного оседлого населения). Азиатское прозвище Чингис-хана Темучинем, т. е. Железным, еще более сближает его с предводителями закованных в железо рыцарей.

Нам говорят, что первый крестовый поход под предводительством Готфрида Бульонского и его брата Балдуина, к которому в Царь-Граде присоединились Гуго Вернандуа, Бозмунд Тарентский, Танкред, Раимунд Тулузский и Роберт Норманский, моментально захватили Никею (1095 году) и затем и Антиохию, и «Эдессу», помещаемую историками на совсем неподходящем в стратегическом отношении месте в нынешней Урфе в стороне от Евфрата. Но этот городок годен только для пилигримства к мечети праотца Авраама, построенной, — уверяют нас, — на том самом месте, где он собрался заколоть в жертву богу-отцу своего сына Исаака, и совсем негодно в стратегическом отношении для столицы княжества или королевства. А для пилигримства оно очень подходяще, если тут упал ме-

теорит, подавший повод к возникновению мифа о сошествии тут с неба огненного ангела. Мы видим, что в локализации столицы Эдесского крестоносного графства[324] что-то спутано, но по аналогии с подвигом Писарро в Америке очень правдоподобно заключить, что крестоносцы в это время завладели не только Палестиной, но и Месопотамией, а из нее проникли и во внутреннюю Азию, в которой монашеское буддийское духовенство чрезвычайно напоминает католическое. Даже и конфуцианство в Китае может быть перерождением того же самого христианского Drang nach Osten с помощью коня и железа под знаменем библейской христианской теологии, которая тогда еще смешивалась с демонологией и с магией. А Брамины с их баядерками много ближе к первичному христианству, чем наши постные священники. Припомним только, что и в итальянском Риме, вплоть до первого крестового похода, духовенство было брачное и даже «всебрачное», и во главе его стояли классические «великие понтифексы», вплоть до того времени, когда в период 1073-1085 годов последний из этих

понтифексов — Григорий VII, как антитезис прошлого, совсем запретил католическому духовенству жениться, лет за 15 до только что упомянутого первого крестового похода, может быть давшего повод к легенде об аргонавтах.

Да и точно ли сделал это Григорий VII около 1073 года, а не Григорий IX около 1370 года?

Ведь вся история римских пап ранее XIV века не подтверждается никакими документами. Я не нашел ни одного вычисленного астрономического явления в их жизнеописаниях, которое могло бы подтвердить мне время хоть одного из них.

При такой смутности и недоказанности сведений, был полный простор приписывать одноименным папам какую угодно жизнь и деятельность, образчиком чего и служат только что разобранные мною книги «Плано Карпини» и «Рубрука», а также и Марко Поло, к рассмотрению «Путешествий» которого мы и перейдем.

Глава III. Путешествие венецианца Марко Поло как образчик

представлений XV-XVI веков в Западной Европе об азиатских странах и народах

До создания книгопечатания, в средние века, очередной переписчик считал своим долгом дополнять старую книгу новыми сведениями, — сохраняя при этом имя прежнего автора. Поэтому вполне вероятно, что включали в позднейшие рукописные копии книги Марко Поло сведения, полученные в результате морских путешествий в Индию — слоны, носороги, людоеды и т. д.

Мы воспользуемся фундаментальным научным изданием книги Марко Поло, снабженным подробными комментариями.

Марко Поло (1254-1324) считается известнейшим путешественником XIII века н.э., родом из итальянской Венеции. Совершил многолетнее путешествие (1271-1295 гг.) по далеким странам тогдашнего мира. Посетил Татарию, царство Великого Хана, затем, якобы, был в Индии, в Китае, на Мадагаскаре, Цейлоне, в Африке.

Странности начинаются именно с биографии. Отец Марко Поло — Николо, как сказано в прологе, путешествовал с братом своим

Матвеем в восточных землях девятнадцать лет (19) (!). Прибыв домой он обнаружил двенадцатилетнего сына Марка.

Обычная торговля товаром с Востоком шла не транзитом десятки тысяч километров и в сопровождении одних и тех же людей, а поэтапно от торжища к торжищу, перепродаваясь из рук в руки. Тем же путем приходили и рассказы про дальние страны. Но после многократного пересказа они обрастали невероятными подробностями. Вот одна из возможных причин переплетения достоверных сведений с явным вымыслом во всех книгах о путешествии в глубины Азии людьми там никогда не бывшими — Плано Карпини, Рубруком и Марко Поло.

Первым, кто попытался собрать и упорядочить сведения о жизни Марко Поло, был его земляк Джон Баптист Рамусио (John Baptist Ramusio — Иоанн Креститель Римский — вот что значит его имя по-русски). И то, по крайней мере, лет через триста после того, когда, как считается, жил Марко Поло. Кстати, могилы столь великого путешественника нет. Якобы ее уничтожили в конце XVI века. И так по-

ступили с памятью столь великого соотечественника именно тогда, когда им заинтересовались земляки?

Не осталось и представителей столь славного рода, исчезнувших еще в начале XV века. Таким образом, к XVI веку, когда впервые заинтересовались его биографией, никаких реальных следов Марко Поло в Венеции обнаружить не удалось.

Кроме того, первое печатное издание книги Марко Поло появилось на немецком языке в 1477 году в Германии, а вовсе не в Италии по-итальянски, как можно было ожидать. А под портретом «славного путешественника», опубликованном в этом издании красуется надпись: «Das ist der edel Ritter. Marcho polo von Venedig...», т. е.: «Это — благородный рыцарь. Марк поляк фон Венедиг».

А вот еще замечательный факт. В книге сам Марко Поло упоминается в третьем лице, и объясняют это тем, что не он писал эту книгу из-за больной руки, а надиктовывал ее. И, кроме того, текст был изменен, побывав под пером профессионального литератора Рустичиана.

Кроме того, не известно на каком языке вообще был написан оригинал. Одни считают, что по-латыни, другие, что по-французски.

Несколько слов о книге Марко Поло. В 1477 году в Нюрнберге появилась небольшая книжечка, переизданная в Аугсбурге в 1481 году. Второе ее издание имеется в Ленинградской ГПБ (№356). Она озаглавлена *Marcho Polos Reusebuch*. Титульного листа нет. Всего 120 страниц крупного шрифта около 21280 знаков, кончается книга так: «Diss hot gedruckt...»

Язык книги латино-немецкий, транскрипция слов показывает это ясно. Рукописи, с которых печатались оба издания, остались неизвестны.

В 1484-90 гг. (так как год до сих пор точно не установлен) появилось ее первое латинское издание. Неизвестен точно даже город, где оно напечатано, не то Рим, не то Венеция.

Копия книги в Британском музее переплетена вместе с другой прославленной книгой «*Johannis de Mandeville Ifinerarius in partes Thero Iobimi tanes et in ulteriores transmarinas*» с пометкой 25 octobris 1503.

В 1496 году вышло первое издание на ита-

льянском языке, напечатанное в Венеции per Ianne Babtista da Sessa Micanese del MCCCCXCVI.

В 1502 году — первое издание на португальском языке в Лиссабоне, в 1520 — испанское, в 1532 — латинское, в 1534 — третье немецкое и в 1556 — первое французское издание — перевод с латинского издания, а не с французской рукописи!

Когда в 1865 году появилось издание французской рукописи с обширными комментариями Потье (G. Pouthier) в 2-х томах, то всех изданий на разных языках насчитывалось 57, а именно:

итальянских — 23,

английских — 9,

латинских — 8,

немецких — 7,

французских — 4,

испанских — 3,

португальских — 1,

голландских (1664) — 1

и одно русское 1863 года — перевод с немецкого издания Бюрка 1855 года.

Среди обстоятельных изданий последую-

щих годов выделяются: английское Юле-Кордье и факсимиле французской рукописи, приписываемой XIV столетием, изданное весьма тщательно в Стокгольме в 1882 году, а в 1931 появилось и Китайское издание.

Различных рукописей этой книги насчитывается в иностранных библиотеках около 85.

В XIX в. было еще неясно, на каком языке были написаны первые книги: на латинском, французском или итальянском языке. Сами итальянцы установили, что их старейший список — это перевод с французского.

Сличая разные рукописи, можно установить следующие общие положения:

Материал в них расположен разнообразно.

В отдельных параграфах много вставок, часто меняющих первоначальный смысл фразы.

Постепенное разбухание книги: от первых двух изданий на немецком языке до открытия их дополнений в 1824 году.

Появление все новых глав, описывающих подробности пребывания Марко Пола у «Великого Кана».

Усиленное подчеркивание двух моментов — а) Марк Поло встречается везде христиан и б) остальным народам он рассказывает о папе.

Сложность пути, по которым рукописи дошли до нас, привлекает внимание к себе.

Например, фотолитография французской рукописи изд. 1882 года в Стокгольме сопровождается исследованием Леопольда де Лиля (Директора национальной библиотеки в Париже). Он заключает из хода и из характера письма и истории самой рукописи, находящейся в специальной коллекции в Лувре и принадлежащей Карлу V (1364-1380), что она относится самое позднее к XIV веку. Однако, в 1411 году, говорят нам, она была описана спецкомиссией при подсчете библиотеки Лувра. Затем она исчезла и появляется только в XVI веке в Нормандии, в корсарском порте Онфлер (Honfleur), что засвидетельствовано на последней странице: Pour Simon du Solier demorant a Honnefleer. Других доказательств ее пребывания в Нормандии нет.

Кто такой дю Солье — не известно. Наконец, в 1650 году Александр Пето продал Швед-

ской королеве Христиане ряд рукописей, принадлежавших его отцу, а в их числе и эту копию Марко Поло, и она пролежала в Стокгольме до ее опубликования в 1882 году.

Эта рукопись обрывается словами из речи «к синьорам, баронам и всадникам». Эта речь полностью, а также решение совета баронов и все дальнейшие события опубликованы лишь в 1824 году.

«Книга чудес» Мандевиля, написанная на французском языке между 1357-1371 годами неким доктором-физиком в городе Льеже, называемая либо Jehan de Bourgogne, либо Jehains de la Vorbe.

Мифический рыцарь Джон Мандевиль путешествовал по тем же местам, что и Марко Поло.

Сличая способ изложения Мандевиля и МП, сразу заметна большая разница в стиле и в изложении. Его изложение гораздо более напоминает историка нового времени, чем средневекового любителя вымыслов и легенд. И, таким образом, можно заключить о более позднем времени составления книги МП.

Кто же все-таки автор этой книги? В руко-

писях, как и в первых изданиях книги, нет данных о жизни Марко Поло и его семьи. Единственная его биография принадлежит Венецианцу Рамузо (1485-1557) и с тех пор помещалась в различных издателях это Battista Ramusio был с 1583 года секретарем знаменитого совета десяти. Написал 3 тома рассказов историко-беллетристического характера: 1 — 1550, 3 — 1556, 2 — 1559. Годы рождения и смерти Марко Поло и даты его жизни принимаются лишь условно.

Первую свою рукопись Марко Поло диктовал — говорят нам — своему тюремному товарищу в 1298 году (продиктовал товарищу итальянцу на французском языке, а не написал сам и по близкой к итальянскому языку — латыни? Хотя сам он даже не был во Франции, так как с детства ездил по Азии). И эта рукопись пизанца Рустичиано не сохранилась, а есть только копия, напечатанная только в 1824 году.

Вторую рукопись записал якобы со слов Марко один француз в 1307 году. Третья сокращенная латинская приписывается какому-то доминиканскому монаху Франческо Пи-

пино, составившего ее, якобы, около 1320 года.

Транскрипции самих имен и фамилий автора очень разнообразны: в немецких изданиях XV столетия *Marcho Polo*, в латинских *Marcus Polus*, во французских XVI столетия *Marc Paul*. Есть интересная транскрипция «*Martpol*». Это очевидная абберрация, и я пришел к выводу, что она означает лишь одно: *Martinus Polonus*. А поиски такого автора приводят лишь к одному подходящему историческому лицу, а именно, что это никто иной, как *Martinus Bohemus Sire Polonus* иначе *Martinus de Bohemia* или еще иначе *Martinus Bohaim*, родом из Нюрнберга, 1459-1506.

В 1492 году во время пребывания в Нюрнберге Мартин Бехайм соорудил первый глобус, знаменитое «земное яблоко», используя для этого, по словам историков, Плиния, Страбона, Птоломея и Марко Поло.

Первое издание книги МП вышло в Нюрнберге в 1477 году, Бехайму шел тогда только 18 год. Если верить тому, что он умер в 47 лет.

Портрет Марко Поло, помещенный на титульном листе 1-го издания и перепечатан-

ный во 2-ом Аугсбургском издании, изображает так же молодого человека. Совпадение это интересно.

Если все поставить на свои места, то мы имеем следующее. Вот в 1483 году Колумб впервые обращается к португальскому королю Иоанну со своим проектом проехать в Индию вместо восточного по западному пути на основании шарообразности Земли. А назначенная королем комиссия ученых признает эту мысль фантазией, лишенной всякого основания, и лишь испанская королева Изабелла убеждается его доводами и дает ему в 1492 году для такой попытки три корабля. И удивительное совпадение: в том же 1492 году Мартиниус Полониус изготовил первый на свете глобус.

На основании одного этого совпадения я считаю очевидным, что до Колумба земля считалась просто за круг (*orbis terrarum*), а не за шар (*globus terrarum*). Ведь если Землю географы считали и ранее за шар, то почему же ни Аристотель, ни Птолемей не догадались представить воображаемые ими очертания нашего «старого света» на глобусе? Ведь это

же было психологически неизбежно: создав земной шар в своем воображении, всякий попытался сейчас же перенести известное ему очертание земель с плоского листка папируса или пергамента на поверхность реального шара, который нетрудно было выточить и показать наглядно держащимся старого мнения о плоском земном круге — его действительную форму.

Это был бы только второй шаг, тотчас же неизбежный после первого по самой инерции движущейся в этом направлении мысли. Так почему же не сделали этого неизбежного второго шага Птолемей и все его последователи?

А после этого второго шага был неизбежен и третий: попытка узнать, не очень ли близки крайние восточные страны — Китай и Индия, — если поехать к ним на Запад по Атлантическому океану? Почему надо было ждать Христофора Колумба? Могут сказать, что до изобретения морского компаса попытка плыть несколько дней вне видимости берегов была рискованна.

Это правда. Но ведь и компас был приспособлен к мореплаванию еще с 1302 года шки-

пером Флавио Джойя, и с тех пор явилась возможность неограниченного плавания вне видимости берегов, а следовательно, и возможность морского пути в Китай и Индию по западному направлению. Так каким же образом, если все географы уже более 1000 лет знали о шарообразности Земли, никому из испанских и португальских адмиралов и моряков в течение полутора столетий не приходила в голову такая простая мысль, как попасть в Индию западным путем? И почему «комиссия португальских ученых» признала такую мысль Колумба не за гениальный проект, а за фантазию, если как нам говорят, почти за 2000 лет до Колумба, и Аристотель, и Сенека, и Плиний говорили, что Индия лежит по ту сторону Атлантического океана, и что из Кадикса туда можно проплыть в несколько дней? Ведь Колумб прямо мог бы положить на стол вышепоименованной «комиссии португальских ученых» и все эти сочинения, а в том числе и фолианты отца астрономов Птолемея с Землей в виде шара, если б Птолемея астрономия и география были написаны еще до него, а не после его торжественно-

го возвращения из Америки.

С этой точки зрения и Аристотель, и Плиний, и Птолемей были лишь отражением великих ученых XV и XVI веков на туманном фоне далекого прошлого, и первый пришедший к идее шарообразности Земли и доказавший справедливость своего вывода на деле, был Христофор Колумб, либо Мартинус Полонус. С такой рациональной точки зрения все дело представляется в следующем виде.

После крестовых походов и развития отдаленного мореплавания, вследствие изобретения килевых кораблей и применения компаса, географические карты охватили уже много земель. По повышению высоты Полярной звезды при движении на север и по нахождению там заходящих на Юге звезд стало ясно, что и на юге небесные светила не погружаются на западе в море — океан, чтобы, нырнув в него вечером, выплыть утром в том же порядке на Востоке.

В результате таких сообщений путешественников, может быть одновременно и Колумб, и Мартин Полонус пришли к мысли, что Земля—шар, висящий в пустом простран-

стве, окруженный сферическим звездным небом, по которому ходят звезды, Луна, планеты, кометы. Возможно, эта мысль заимствована и у третьего лица.

Другими словами — один представил это на глобусе, другой же попытался объехать кругом, значит, все три логические шага человеческой мысли и предприимчивости неизбежно один после другого и действительно сделаны быстро друг за другом. А они повлекли и четвертый шаг, идею, что ежесуточное движение звездного неба вокруг Земли гораздо проще объяснить противоположным вращением самой Земли, а затем и пятый шаг, что движения планет вокруг Земли, независимое от звезд, происходит от их собственных орбит с эпициклами; наконец, шестой шаг — переход от эпициклических геоцентрических движений к движениям Земли и всех планет вокруг Солнца.

Первый шаг в этой цепи, вытекающей друг из друга как мы видим, был практически сделан Колумбом и Мартином Полониусом в 1492 году, а последний шаг Коперником в 1542 году. И весь этот процесс астрономиче-

ской мысли совершился ровно в 50 лет, подготовив дорогу Кеплеру, Ньютону и Лапласу. Здесь все последовательно и преемственно, а рассказ о том, будто Колумб при своих хлопотах о западном пути в Индию ссылался перед комиссией португальских ученых (а в том числе, конечно, и географов) на шарообразность Земли как уже установленную за полторы и даже за две тысячи лет «до него Птолемеем и Аристотелем», такая же беллетристика, как и все остальные разговоры, речи и деяния великих людей классической древности, живших за 2000 лет до рождения их биографов.

Я пользовался текстом книги П. П. Минаева «Путешествие Марко Поло», под ред. Бартольда В. В. СПб., 1902.

Мы видим в ней сводку всех сведений об Африке и Азии, как они представлялись европейцам XV века.

На более позднее время создания рукописи Марко Поло, чем это официально считается, указывает упоминание бразильского дерева (получали краситель), а Бразилия открыта после 1500 года.

Частое указание на Полярную звезду говорит о морском путешествии, а не о сухопутном.

Описание обезьян как людей с собачьими головами и хвостами говорит о том, что автор сам их не видел, так как об обезьянах говорит отдельно. И все это позже путешествия Васко да Гамма.

Поп Иван — патриарх Царьграда Иван Кематир 1198-1206.

В описании Китая Пекин — столица с 1421 года, а ломбардцы, немцы и французы появились в Китае в первой половине 1522 года.

Золотая династия (по-китайски династия Цзинь) владела, говорят нам, Северным Китаем от 1125 году до 1234 года, и в это же время была Золотая орда и Золотой орден в Европе, а потому в дальнейшее описание вкралось много европеизмов, как, например, «Портреты предков», чего никто еще не видел у азиатских властелинов.

Только с 1368 года, с династии «Мин» начинается достоверная самостоятельная история Китая.

Пророк Иисус Навин построил второй

храм в 535 году до н. э. В это же время в Китае появился Кунт-Фу-Цзы (Кун — еврейское Кен — священник).

Династия Ханов — буддизм (в это же время христианство из Палестины в Византию (202-223) Хан (Кэн — священник)).

Распад Единой Римской Империи в 395 году. Распад Китая на несколько царств.

В 622 году агряне победили и распространили свою религию вглубь Азии (Династия Тан 618-907).

Захват крестоносцами Византии. Китай захватывают Монголы.

Живя в Китае, он решил не сообщать о китайском чае, Великой китайской стене, фарфоре, о специально деформированных ногах женщин, китайских иероглифах, книгопечатании.

Из того обстоятельства, что Марко Поло использует для названия китайских мест тюркские или персидские, следует, что он никогда в Китае не был и пользовался сведениями о нем из вторых рук.

В заключение приведем некоторые места из книги.

Глава 2. «В то время, когда Болдуин был императором в Константинополе, т. е. в 1250 году, два брата Николай Поло, отец Марко, и Матвей Поло — находились тоже там; были они из хорошего роду, умны и сметливы. По-советовались они между собой. Да и решили идти в Великое море за наживой, да за прибылью. Накупили всяких драгоценностей да поплыли из Константинополя в Солдатик... (Судак)», т. е. место их постоянного пребывания была не Италия.

Глава 8. «... Велел потом великий хан изготовить на турецком языке грамоты для отправки к апостолу, передал их братьям... да поручил им так же и на словах сказать от своего имени апостолу. В посольской грамоте да в словах значилось, знайте, вот что: просил великий хан апостола к нему около ста христиан, умных, в семи искусствах сведущих, в спорах ловких, таких, что смогли бы идолопоклонникам и людям других вер толком доказать, что идолы в их домах, которым они молятся, — дело дьявольское, да рассказали бы язычникам умно и ясно, что христианство лучше их веры...». Чего это грамоту надо было

писать на турецком языке? Этот язык чужд и автору письма и адресату, да и христиане ему зачем?

Глава 10. «... Дома узнал Николай, что жена его умерла и оставила ему двенадцатилетнего сына Марко, о котором говорится в этой книге». Это после 19-летнего отсутствия!

Глава 17. «... Скажу вам по истинной правде, без лишних слов, прожил Марко с великим ханом 17 лет и все это время хаживал в посольствах».

Глава 71. «На север от Каракорана и от Алтая, от того места, где, как я рассказывал, хоронят татарских царей, есть равнина Бангу, тянется она на 40 дней. Народ тамошний дикий и зовется мекри (толкователями не определен точно), занимаются скотоводством, много у них оленей; на оленях, скажу вам, они ездят. Нравы их и обычаи те же, что и у татар; они великого хана. Ни хлеба, ни вина у них нет. Летом у них есть дичь и они охотятся и на зверей, и на птиц; а зимою от великого холода там не живут ни зверь, ни птица». Если зимой никто не живет, то как там живут олени? Ведь ездят на них не верхом, а запря-

гая в легкие сани, а для этого желательно наличие снега.

«Через 40 дней — море-океан, там же горы, где соколы-пилигримы вьют гнезда. Нет там, знайте, ни мужчины, ни женщины, ни зверя, ни птицы, а только одна птица, зовут ее баргкенлак, соколы ею кормятся; она с куропатку, а ножки как у попугая, хвост как у ласточки, летает быстро. Когда великому хану понадобятся такие соколы, он посылает за ними туда. В том море есть острова, где водятся кречеты. Место то, скажу вам по правде, так далеко на север, что северная звезда остается позади к югу. Птиц этих, что водятся на том острове, скажу вам еще, великое множество; у великого хана их столько, сколько он пожелает, и не думайте, чтобы те, которых приносят из христианских стран к татарам, доставались ему; тех несут в Левант, к Аргуну и к другим левантским князьям». Чтобы Полярная звезда осталась сзади, надо перевалить через Северный полюс.

Глава 72. «От того Канчипу, о котором вам уже рассказывал едешь 5 дней, и много тут духов, по ночам они зачастую разговаривают;

а через 5 дней на восток — царство Ергинул великого хана; входит оно в Тангутскую большую область, где много царств. Живут тут христиане-несториане, идолопоклонники, есть и такие, что Мухаммеду молятся. Довольно тут городов». Вот они чудеса. И сегодня там нет никаких царств и городов, помимо поставленных русскими казаками, осваивающих эти места.

Про сказочные богатства этих стран. Глава 117. «... Деньги у них вот какие: у них, знаете, золото в палочках; развешивают они его на saïs, по весу всему цена; чеканной монеты у них нет, а мелочь у них такая: возьмут соль, сварят ее и бросят в форму, весом около полуфунта; восемьдесят таких кусков равняются одному saïs чистого золота. Это и есть их мелкая монета».

Глава 120. «... На запад от Караиана через 5 дней — область Ардандан. Народ великого хана — идолопоклонники. Главный город этой области зовется Ночиан. У здешних людей зубы золоченые; всякий зуб покрыт золотом, они делают золотые слепки с зубов и надевают их на верхние и нижние зубы; это у муж-

чин, а женщины этого не делают».

«...Один saís золота, скажу вам по правде, они отдают за пять серебра, потому, что серебро ближе как за 5 месяцев пути не найти».

Глава 140. «... на венецианский серебряный грош здесь можно купить 3 фазанов».

А вот полное непонимание экономических предпосылок развития.

Глава 216. «...У них большие медведи, все белые и длиною в двадцать пядей... На каждой стоянке у них до сорока больших собак немного поменьше осла, и эти собаки возят гонцов от стоянки к стоянке от днища до другого днища» В этих местах не может возникнуть никакого государства. А вот описание Руси.

Глава 218. «Россия — большая страна на севере. Живут тут христиане греческого исповедания. Тут много царей и свой собственный язык; народ простодушный и очень красивый; мужчины и женщины белы и белокуры. На границе тут много трудных проходов и крепостей. Дани они никому не платят, только немного царю Запада; а он татарин и называется Так-тактай, ему они платят дань, и ни-

кому больше. Страна эта не торговая, но много у них дорогих мехов высокой ценности; у них есть и соболя, и горностаи, и белки, и эрколины, и множество славных лисиц, лучших в свете. Много у них серебряных руд; добывают они много серебра.

О другом чем нечего тут говорить, а потому пойдём из России и расскажем вам о Великом море. Что кругом этих областей, и о тамошних жителях, начнём прежде всего с Константинополя.

... Хочу сказать о России кое-что, что я забыл. Знайте, по истинной правде, самый сильный холод на свете в России; трудно от него укрыться. Страна большая, до самого моря-океана; и на этом море у них несколько островов, где водятся кречеты и соколы-пилигримы, все это вывозится по разным странам света. От России до Норвегии путь не долог, и если бы не холод, так можно было бы туда скоро дойти, а от великого холода не легко туда ходить».

В главе 226 описана битва на Косовом поле 15 июля в 1389 году. Хан Берке — это Борис.

Глава IV. Ватиканские архивы о

татарском иге

(Составлено при сотрудничестве проф. В. Р. МРОЧЕКА)

Я не имел возможности пересматривать лично папские архивы в Ватикане, но в этом и не представилось нужды.

Еще в 1841 году вышла в Петербурге книга А. И. Тургенева: «Исторические памятники о России, выписанные из архивов и библиотек иностранных народов»[325]. Они были просмотрены для меня моим сотрудником по Государственному Научно-исследовательскому Институту имени Лесгафта проф. В. Р. Мрочком, выбравшим из них все существенное, и я пользуюсь здесь его выписками, приводя в фактической части его собственные слова, а также и некоторые его мысли в связи с моими собственными.

Том 1-й этого интересного подбора актов содержит выписки из Ватиканского закрытого архива и из других римских библиотек и архивов, с 1075 по 1584 год. Выписки эти были составлены в конце XVIII века аббатом Альбетранди для польского короля Станислава

Понятовского. Ими пользовался историк Нарушевич, а затем отчасти и Карамзин. Экземпляр этих «выписок» был подарен польским королем русскому посланнику в Варшаве — Я. И. Булгакову, а от него перешел к опубликовавшему их камергеру А. И. Тургеневу. В дальнейшем Тургенев собрал, кроме того, богатую коллекцию актов в Германии, Италии, Франции, Англии, Дании и Швеции.

Все ватиканские выписки засвидетельствованы подписью тамошнего начальника «Тайного Архива», графа Марино Марини и архивною печатью.

Но, — как говорится в предисловии Археологической Комиссии, издавшей настоящий сборник, — «в ватиканском архиве лежит более двух миллионов одних папских булл, и хранятся, начиная с VII столетия, все сношения Рима с прочими государствами...» Поэтому позволительно задать вопрос:

— Напечатаны ли в упомянутом собрании А. И. Тургенева все бумаги, относящиеся за время «татарского ига» к русским делам, или же там есть и другие документы, до сих пор лежащие под спудом?

Что же касается до подлинности «актов», то часть из них опротестована самим составителем «Сборника». Достаточно указать, что сношения Рима с прочими государствами велись, якобы, с VII века, т. е. когда еще не было ни римского, ни других государств, за исключением Византии.

Однако и тех папских посланий к русским князьям, которые приведены Тургеновым, вполне достаточно для нашей цели: показать, что в Ватикане — Доме Хана[326] — считали русские княжества униатско-католическими, хотя и отпадавшими по временам, по наущению греческого духовенства, к православию, за что и подвергались не раз карательным экспедициям своих верных католицизму соседей, при помощи Тевтонского, Храмовнического и других рыцарских орденов (по латыни — *ordo*), а по-русски — татарских орд.

Первые два Послания, в которых говорится о России, приписаны Григорию VII и помечены 1075 годом.

Одно из них относится «к русскому царю» Димитрию (не Дмитрию ли самозванцу) и к царице — его супруге[327]. Папа говорит в

нем, что сын «царя» (regis) прибыл в Рим с просьбой утвердить его наследником русско-го престола, и что Григорий VII соглашается на это и посылает в Россию своих легатов для дальнейших переговоров.

Второе письмо адресовано Болеславу, герцогу Польскому (Boleslao Duci Poloniorum), и в нем, между прочим, папа советует возвратить деньги «царю русков» (Regi ruscogum).

Но здесь, с точки зрения обычной хронологии, остается непонятным, почему Болеслав именуется «dux», т. е. герцог, что гораздо ближе к номенклатуре феодальных князей, а Дмитрий назван «rex»? Почему «король Русков» посылал сына в Рим, если уже с 1054 года восточная и западная Церкви разделились? И, ведь, только в 1076 году (а не в 1077) Болеслав II Смелый возложил на себя королевский венец с согласия Григория VII.

И, кроме того, почему в сборнике имеется такой большой перерыв от 1075 до 1207 года? Зная историю Запада и крупные события на Востоке, каковы крестовые походы I, II, III и IV-й, борьбу Рима и «франков» с Византией, наконец, покорение Византии в 1203-1204 гг.

и ее феодализацию франками, невольно задаешь вопрос: а разве Россией и, в частности, Киевской Русью — папство не интересовалось?

По совокупности всех «обстоятельств дела» здесь возможен только один ответ:

Оба эти письма относятся не к Григорию VII Гильдебранду (1073-1086)[328], впервые установившему безбрачие католического духовенства и приказавшему именовать римских первосвященников не «великими понтифексами» (т.е. великими выявителями) [329], как у классиков, а папами, т.е. отцами. Они относятся к Григорию IX (1227-1241), либо к Григорию X (1271-1276), жившим в разгар Татрского ига, продолжавшегося в России с 1237 по 1502 год, и отнесены ко времени Григория VII одним из позднейших классификаторов Ватиканского архива по каким-то тенденциозным побуждениям, хотя бы из «страстной любви к древности».

Но дело в том, что при Григории VII в Новгороде не было князей, а была республика с вечевым правлением. Московского и Владимирского княжеств еще не существовало, и

было только Украинское, Киевское княжество, в котором княжил при Григории VII совсем не Димитрий, а Изяслав Ярославич... И вот к этому месту Тургенев делает примечание: *«Димитрий — это великий князь Изяслав» (!!!)*

Почему такое странное отождествление? — Только потому, что Изяслав княжил с затруднениями между 1054 и 1078 годами в Киеве и, будто бы, в 1075 году отправился в Германию к Генриху IV и потом к папе просить помощи против своих соперников Святослава и Всеволода, и с помощью католиков — поляков — возвратил себе Киев в 1077 году. Все это, конечно, показывает, что и Изяслав Ярославич был униат, но, ведь, в письме папы, ничего не говорится об утверждении его самого или об обстоятельствах его жизни.

Ясно, что положение историка тут безвыходное, если из любви к документальности он будет утверждать «рассудку вопреки, наперекор стихиям», что римский папа отвечал Изяславу, не узнав предварительно его имени от приехавшего сына, и что сын взял такое письмо, адресованное его отцу на чужое имя.

А с нашей точки зрения на «татарское иго» все приходит в порядок. Становится ясно, что письмо это принадлежит не «первому папе» Григорию VII, царствовавшему (удобно ли вообще в отношении пап употреблять термин «царствовать»? Поскольку характер их власти был своеобразен и не может быть уложен в рамки обычных представлений о царях. Не лучше ли употреблять термины: папа, папство, папствовать) в Риме от 1073 по 1086 год, а кому-нибудь из двух следующих Григориев: или Григорию IX, восседавшему на папском престоле от 1227 по 1241 год, т. е. как раз при латинской феодальной империи, основанной крестоносцами на развалинах ниспровергнутой ими РOMEИ — Византии, и в разгар напора католических, рыцарских и монашеских орденов (этих со славянско-византийской точки зрения диких тартарских орд) на православные земли. В пользу этого говорит то обстоятельство, что как раз при «Григории Девятом» (1227-1241) жил Юрьев-Польский князь Дмитрий Святославович, участвовавший в походе Александра Невского на Великий Новгород в 1255 году и умерший, постригшись в мо-

нахи, в 1267 году. Время его рождения в точности неизвестно, но если мы предположим на основании его впадения в ханжество, как бывает главным образом в дряхлости, что он умер в монастыре не ранее 67 лет, т. е. родился не позже 1200 года, и что у него самого родился наследник не ранее, как на 23 году его жизни, то в последний год папства Григория IX (около 1241 года) этому наследнику было бы не менее 18 лет, и он как раз мог бы поехать в Рим для своего утверждения папою в правах наследства, если это действительно зависело от «папы» по-русски «Батяя», переделанного потом в «Батыя», и если под Сараем, т. е. Царственным городом, надо понимать не какой-то сарай в закаспийских степях, а «Дом Хана» — Вати-Кан, жилище теократического царя-царей[330].

Или же письмо «к Димитрию, царю русских и к царице его супруге» принадлежит Григорию X (1271-1276), так как в это самое время жил Димитрий Александрович, сын Александра Невского, великий князь Владимирский (1246-1294). Если мы допустим, что письмо папы к нему было написано в 1276 го-

ду, то Димитрию в это время было лет 30, а сыну его лет 10, и он мог отправить его в Рим на благословение папы Григория вместе с каноником-гувернером. Только тогда все и приходит в порядок, да и то при допущении, что Русь была тогда униатскою.

Точно также можно сказать и о письме папы Григория к Польскому герцогу Болеславу.

Герцог (dux) Болеслав, которому папа предписывает возвратить деньги русскому царю, никак не польский король (rex). Болеслав II Смелый (1058-1080), как думают классификаторы, а действительно герцог (dux) Болеслав II Стыдливый (1226-1279), который уже с девятилетнего возраста (с 1233 года) правил «Малой Польшей», одним из феодальных уделов распавшегося в 1150 году первого Польского королевства, чем и объясняется употребленный папою титул герцог, что было бы неуместно при обращении к королю Болеславу Смелому, жившему в XI веке, а вполне подходит по времени к Болеславу II.

Этим же «одревнением» более поздних документов объясняется и отмеченный проф. В. Р. Мрочком «перерыв» упоминаний в поль-

ских посланиях о России от 1075 по 1207 год, т. е. в течение почти полутора столетий. Никакого перерыва на деле не было, так как и оба эти документа были уже после 1207 года. Интерес папского престола к русским делам мог возникнуть только со времени разграбления Киевских православных монастырей очевидным крестоносцем и варягом Рюриком Ростиславовичем, в 1205 году, почти одновременно со взятием Царь-Града крестоносцами в 1207 году. Этот Рюрик и дал повод к возникновению мифа о Рюрике, Синеусе и Труворе.

Итак, сам Ватиканский архив подтверждает, что «адское иго» пришло не из Азии от монголов, а из Рима, и что русские князья утверждались в своих правах на княжение не монгольскими князьями, прикочевавшими из пустыни Гоби, а самими римскими папами.

Посмотрим теперь и на дальнейшие папские письма. Следующие послания, начиная с 1216 года, направлены орденам: Госпитальеров и Тевтонскому, для обращения в католицизм, а затем и закрепления Ливонии, Эстонии и Пруссии. Устанавливается новая об-

ласть «Семигаллия», т.е. Полуфранция (!!), считаемая за часть Курляндского герцогства, причем с 1231 года епископ Семигальский назначается папским легатом в Ливонии, Готландии, Винландии, Эстонии, Семигаллии, Курляндии и в других провинциях новообращенных и язычников.

О русских и русинах (Rutheni) — говорится в ряде посланий с 1222 года, или как о католиках, или как о греческих сектантах. Из посланий Гонория III видно, что в России (Russia) были католические епископы, подчиненные легату Семигальскому (т.е. Курляндскому).

С 1226 года Ливонскому ордену (в тексте: Магистру и братьям Христового воинства в Ливонии)[331], дано разрешение принимать миссионеров, прибывающих для защиты веры и ее распространения, и оставлять их на службе в своих замках.

И опять странное, с точки зрения монгольского ига, послание от февраля 1227 года Гонория III (1216-1227) «ко всем царям России» [332], где говорится о посылке легата для утверждения их в католической вере, если они признают свои ошибки и готовы будут от

них отречься, а также предлагается этим «русским царям» сохранять прочный мир с католиками Ливонии и Эстонии[333], и говорится:

«Ваши послы, отправленные к нашему достопочтенному легату, епископу Моденскому, униженно просили его, чтобы он лично посетил ваши страны».

А через четыре года, в 1231 году папа Григорий IX (1227-1241) пишет Георгию, преславному царю России, увещание, «чтобы и он отказался от греческих и русинских обычаев [334], спас свою душу и ввел у себя христианство по „латинскому обряду“.

Значит, только Георгий колебался тогда между греческим и латинским влияниями!

И как раз в это время мы находим Георгия (иначе Юрия Всеволодовича (1187-1238), о котором обычная версия русской истории выражается так:

„С 1219 года он стал великим князем Владимирским, удачно воевал с болгарами, основал Нижний Новгород, посылал сына княжить в Великом Новгороде в 1237 году (т. е. через 6 лет после рассматриваемого нами

письма к нему папы Григория IX), отказал рязанцам в помощи в их восстании против „батьюшки“ (Батыя), а в 1238 году сам погиб в битве против него при реке Сити, притоке Мологи...“

И вот, я опять спрашиваю: как это согласовать с монгольским игом, если оно было действительно монгольским, а не католическим, признаваемым большинством русских князей, но не без отдельных попыток от него избавиться, при подстрекательстве греков?

В следующем 1232 году мы имеем ряд посланий, регулирующих польско-русские отношения: о запрещении браков между католическими и русскими (не рутенами ли?), так как мужья перекрещивают жен в православие; о беглых крестьянах, спасающихся от Польши в Пруссию и Россию (не в Рутению ли?); о запрещении польскому архиепископу и другим прелатам во время войны прибегать к помощи сарацинов, русинов[335] и других врагов католической веры, а также, полезно ли будет перенести Архиепископство Галицийское в другой город области, так как Галицию со всех сторон окружают неверные тартары[336]

(т. е. татровцы) и литуаны и схизматики из других стран[337], а далее говорится о разных льготах ордену Проповедников (Доминиканскому), работающему в России (in Russia).

И здесь опять неожиданность, если смотреть на дело с прежней точки зрения. Подумайте сами: какое же тут монгольское иго?

„В России (in Russia) работает орден (а не орда) проповедников доминиканцев, а Русины (Ruthenes) приравниваются еще к царевцам (сарацинам[338]), врагам католицизма, а Галицию окружают неверные тартары и схизматики из других стран“.

Не вытекает ли отсюда, что обитатели Татров в 1232 году, т. е. даже через 9 лет после битвы на Калке, были еще арианами, т.е. по нашим отождествлениям, сделанным в первых томах этого исследования, держались Аронова закона? И если мы припомним о большом количестве евреев, населяющих эти места даже и теперь[339], то не удивимся такой догадке. А название битвы на Калке — битвой русских с тартарами, могло быть дано по ассимиляции с последующим поведением татровцев, перешедших в католицизм.

Затем, в 1234 году папа принимает под покровительство св. Петра некоего Ульриха, его братьев и других католиков в Киеве (Kiob) и предупреждает Сандомирское епископство в Польше, чтобы оно охраняло таких людей.

В 1237 году объединяются папой два ордена — Тевтонский (основанный еще в 1128 году для защиты Палестины) и Меченосцев (основанный ливонским епископом Альбрехтом в 1200 году). Тевтонский орден перебрался из Палестины в Европу еще в начале XIII века и сперва обосновался в юго-восточной части Трансильвании, но в 1224 году король Андрей II венгерский рассорился с ним и орден перебрался в Польшу — воевать с руссами. По договору 1230 года он получил в пользование Кульмскую область у нижней Вислы, и в 1234 году папа Григорий IX объявил его владения „собственностью св. Петра“ и „леном римской церкви“. Еще раньше, в 1226 году, император германский, Фридрих II (1215-1250), знаменитый своей ссорой с папой Григорием IX, который отлучил его от церкви, дал полномочия гроссмейстеру этого „Тевтонского ордена“ Герману фон Зальце, „завоевать по-русскую

землю“, жалуя „навсегда ему, его преемникам и ордену все земли, которые он получит от Польши и которые завоюет сам“.

После объединения Тевтонского ордена с орденом Меченосцев получилось могущественное прибалтийское католическое государство. Особое послание Григория IX в 1238 году известило епископов Рижского, Дерптского и Эзельского[340] о принятии этого объединенного ордена Крестоносцев под особое покровительство папы, чтобы орден был сильнейшим против врагов. А кроме того, было отправлено отдельное послание — о том же — папскому легату в Прибалтике, епископу Моденскому.

После этого, в сборнике Тургенева нет никаких посланий к крестоносцам в славянских землях, вплоть до 1243 года, когда дается им ряд привилегий и наставлений.

И вот является опять вопрос: а где же знаменитое татарское нашествие на Россию, Польшу, Венгрию, Чехию, наполнявшее по современным нашим „учебникам истории“ как раз весь этот промежуток времени? Разве папы на него не реагировали?

Очевидно Вати-Кану (дому Хана) ничего не было известно о заволжских ханах, и католическим орденам о заволжской орде!

Правда, что с 1241 года папам было не легко. Шла борьба Фридриха II с папством за Италию; Григорий IX едва не стал пленником сарацин (т.е. по русски — царевцев), опустошавших эту страну под знаменем германского императора, и только смерть спасла его от унижения. Правда, что и наследник Григория IX, Иннокентий IV, должен был временно бежать во Францию... Но ведь несколько десятков лет татарского нашествия не могли бы не отразиться на делах и Западной церкви! Почему же в сборнике „Выписок из Ватиканского секретного архива“ и из других римских архивов и библиотек, так заботливо собранных А. И. Тургеневым, нет об этом ни одного документа? Да и дальнейшие папские письма после 1243 года тоже не упоминают о знаменитом татаро-монгольском нашествии, занимаясь мелкими вопросами. Так, в 1246 году, игнорируя „иго“, папа дает право своему легату, архиепископу Пруссии, Ливонии и Эстонии, ставить епископов в Русских странах. За-

тем, из Лиона, в мае 1246 года, папа пишет „Царю России (Regi russiae — имени не указано) о принятии его (несмотря на иго!) под покровительство св. Петра и папы, и о посылке постоянных духовников, с полномочиями“ как и те, которые назначены к Тартарам (т.е. очевидно к Татровцам). Это — два доминиканца из Богемии (по-русски Чехии) — брат Алексей и его товарищ, имя которого отсутствует.

Но как же можно было так писать, если „русские цари“ в то время были „греческой веры“, да еще под монгольским игом?

В том же 1246 году мы видим странное послание папы Иннокентия IV „Иоанну Преславному царю России“[341], о присоединении его к католичеству, согласно просьбы самого Иоанна, для чего направляется папский легат, архиепископ Пруссии и Эстонии[342].

Одновременно легат этот может дать советы и против „тартар“. Послание датировано 5 мая из Лиона.

Это послание относят к 1246 году, и приписывается оно Иннокентию IV (1243-1294), но вот опять историческая неувязка: никакого

„Иоанна преславного царя России“ в это время не было и в помине, а был такой только при папе Иннокентии VI (1352-1362). Это был великий князь Московский и Владимирский Иоанн II Кроткий (1326-1358), сын Иоанна Калиты, собирателя Земли русской, осуществившего это соби́рание, будто бы, при помощи не папских рыцарских орденов, а монгольских орд. Да и сам Иоанн II, говорят нам, „получил ярлык[343] на великое княжение“ от хана и боролся до 1359 года с не признававшими этого ярлыка Рязанским, Суздальским и Новгородским князьями».

И вот теперь с новой точки зрения оказывается, что он получил «ярлык» от хана из Ватикана, от папы Иннокентия VI, и был не православным, а католиком... да и отец его собиратель земли русской — тоже.

И понятно, что для согласования этой переписки с установившимися затем представлениями о «татарском иге» пришлось передать только что приведенное письмо вместо Иннокентия VI Иннокентию IV, да и то с дефектом, так как в то время не было никакого «русского царя Иоанна».

Не лучше обстоит дело и со следующими письмами.

В 1246 году приводится переписка Иннокентия IV с Даниилом Галицким, его братом, а также с Архиепископом России, Ливонии и Эстонии о приведении короля Даниила и всего народа к унии (a fidei unione). Но уже в 1257 году, папа Александр IV укоряет Даниила за уклонение от католичества. Дальнейшая их переписка неизвестна, так как после этого письма до 1284 года в сборнике Тургенева материалов нет, но в общем и оно поучительно.

Даниил Романович (12017-1264), сын Романа Галицко-Волынского, вел, говорят нам, сначала «скитальческую жизнь», вероятно в связи с крестовыми походами. Затем он женился на дочери Мстислава

Удалого и в 1223 году галичане призвали его к себе на княжение. Он, говорят нам, «поехал в „Орду“, где хорошо был принят ханом». Но ехать из Галиции в Заволжские степи, чтобы представиться какому-то князьку кочующих за Волгою монголов, было бы ему возможно только в припадке помешательства, а потому, как подтверждается и только что ци-

тированным мною письмом папы, он ездил не в орду, а в орден (ordo), а затем после смерти Иннокентия IV и вступления на Римский трон папы Александра IV (1254-1261) он «отпал от Рима», чем и объясняется и первое, и второе из приведенных Тургеневым писем.

Интересно также и письмо Иннокентия IV в 1248 году к Александру Невскому со странным обращением: Доблестному мужу Алендру герцогу Суздальскому[344] о соединении с католической церковью, и о связи с Тевтонским орденом против «тартар»...

Из слов «доблестному мужу Алендру герцогу Суздальскому» видно, что папа не считал Александра великим князем. Действительно, лишь только через четыре года после этого письма, в 1252 году Батя-хан, т. е., с нашей точки зрения, сам же римский папа Иннокентий IV утвердил его великим князем Владимирским. А до тех пор он в глазах папы мог быть только «преславным мужем», воевавшим на правах феодального владетеля со шведами и ливонскими рыцарями, как и остальные католические владетели между собою при «молитвах папской церкви за ту и за

другую сторону». А что касается выражения «против тартар», т.е. адских людей, то тут могли подразумеваться даже и не татровцы, а просто магометане.

Вот все собранные Тургеневым выписки из «секретного Ватиканского архива» о русских делах за время Латинской империи на Балканском полуострове и натиска рыцарских и монашеских орденов на славянские и русские земли.

Мы видим, что они не только не опровергают, но самым настоятельным образом подтверждают мой вывод, сделанный на основании обстоятельного исследования русских летописей и приведения их сообщений в согласие с историко-географическими условиями, что никакого монгольского ига у нас не было, а было католическое иго, и что вплоть до отказа московского великого князя Иоанна III в 1480 году платить дань папской церкви (а не монголам) русские князья со времени взятия Царь-града крестоносцами, т. е. от 1204 по 1480 год, были униатами, а потом стали называть этот период «татарским», т. е. татрским или по-гречески — адским (тартарским) игом.

Глава V. Абдул Гази Багадур-Хан и его книга об азиатских татарах

Книга эта вышла под видом французского перевода с русского языка в 1726 году в Голландии в Ледене под заголовком: *Histoire genealogique de Tatars*, где говорится следующее: (из анонимно сделанного перевода поэта Василия Кирилловича Третьяковского в 1770 году с этого уже перевода на русский язык и в 1854 Саблучевым «Родословная история о татарах...»).

Вот что говорится в предисловии к ней. «Только в конце прошлого века (т. е. около 1690 годов, хотя первое издание книги Платона Карпини и вышло в 1598 году) начали стараться (в Западной Европе) иметь подлинные известия о пространной сей земле, и мы должны благодарить россиян за их изыскания (??) потому, что без них мы пребывали бы долгое время в том же неведении о сей столь великой части круга земного».

Эта книга была написана (по собственным ее указаниям) в малоизвестном местечке Ханюке близ Хивы, сыном автора, которому собственноручно пришлось ее переписывать по-

тому, что мало находится ученых (грамотных) людей в его стране.

История этой книги тоже не проста.

«Что касается до меня, Абдуллы Багадур-хана, то я исправил и совершил (т.е. окончил) сию книгу в Хагоке в 1076 году (по эре геджеры, а по нашему в 1698 году)».

В 1665 году эта рукопись существовала только в одном экземпляре, написанном сыном автора. Находилась в Тобольске и открыта, якобы, пленными шведскими офицерами, направленными для жительства в Тобольск после Полтавского поражения.

В 1716 году состоялась экспедиция в Хиву под началом Александра Бековича Черкасского, в которой принимали участие и пленные шведы. Вероятно, с ними рукопись и попала в Тобольск.

В 1720 году в Петербург из Тобольска в Медицинскую канцелярию Даниилом Готлибом Мессершмидтом была направлена посылка со всякого рода редкостями, собранными пленными шведами — капитаном Матерном и лейтенантом Шмидтом. В той посылке, в частности, находилась рукопись «История та-

тар» Абдул-гази Боядур-хана, уже к тому времени переведенная капитаном Филиппом Иоганном Страленбергом.

Эта история о татарах начинается с провозглашения Чингис-хана верховным ханом монголов.

Встречающиеся в тексте имена собственные можно адаптировать через их транскрипцию к германо-латинским и через смысл показать их происхождение:

Угадай-хан — предсказатель.

Турки — торки — венгерцы. Туркистан — Венгрия.

Бухара — Бухарест, Балах, Балак — Валахия, Горы с Черногорией, Народ Карлики — Каролинги, Улус Хан — русский князь Фома, Самарканд — Адрианополь (Самарканд — Самария — сторожевой).

То есть все следы ведут на Запад, а не на Восток.

Глава VI. Чудеса сына Арабского Шаха

Перейду теперь к другой не менее характерной «мусульманской» книге, озаглавленной «Чудеса предопределения Божия в судьбах Железного царя (Тимура хана)»[345], при-

писанной сыну Арабского шаха (Ибн-Арабшах).

Написаны эти чудеса рифмованной прозой и, в отличие от других арабских сочинений о монголах, не «скрывались» в виде одиноких рукописей до XIX века в западно-европейских книгохранилищах без указания от кого и когда они туда попали, а по сведениям Тизенгаузена, — были впервые напечатаны (по латыни?) Гониусом в Лейдене в Нидерландах в 1636 году, а потом Манжером в Лейвардене (в тех же Нидерландах) в промежутке между 1767-1772 годами, причем вместе с латинским приведен (впервые?) и арабский текст.

Турецкий перевод этого сочинения по сведениям *Journal Asiatique*, помещенным в 1863 и 1868 гг., был напечатан в Константинополе сначала в 1729[346], потом еще в 1861 году. Кроме того, там указывается еще издание в Каире в 1869 году и два издания в Калькутте в Индии в 1818 и в 1848 гг.

Мы видим, что это была уже не неизвестная никому до XIX века рукопись, а старинно-печатное произведение, имевшее распространение. Возбуждает только недоумение,

почему на Лейварденском издании, где впервые, по-видимому, приведен арабский текст, указывается нам не точный год, а промежуток между 1767 и 1772 годами, как будто на книге этой не помечено года ее выпуска в свет?

Нам говорят, что автор ее был сын арабского «шаха» и родился в Дамаске в 1388 году, откуда двенадцати летним мальчиком был увезен в плен в Самарканд, где изучил персидский и монгольский языки, побывал в Астрахани, Крыму, Сарае и Адрианополе, где ознакомился с турецким языком, вел в качестве секретаря турецкого султана Магомета I (1374-1421 гг.) переписку с его ханом Дешт-Кипчакским и, наконец, перебрался в Каир, где и умер в 1450 году

Воздержимся от оценки этой биографии (за исключением нелепости выражения «арабский шах») и, руководясь лишь тем, что первое издание этой книги вышло в Голландии в 1665 году, мы можем считать доказанным, что написана она не позднее начала XVII века, и потому дает нам представления того времени, существовавшие если не в Са-

марканде, то в Западной Европе о «Чудесах божьего предопределения в судьбах Железного Витязя Тимура — царя Персии и Туркестана, родившегося в 1333 году, построившего Самарканд, захватившего в своей войне с турками в плен их султана Баязета II у Ангоры и овладевшего генуэзскими владениями на северных берегах Каспийского и Черного морей, и умершего в 1405 году».

Представления эти можно считать более или менее соответствующими европейским сказаниям, а хронологические прикрасы сами собой выясняются при нашем изложении.

«Когда, — говорит сын арабского шаха[347] Тохта (который по русским летописям разгромил в 1328 году Москву), — султан Дештский и Татарский увидел, что Тимур убил Хуссейна, кровь сердца его вскипела и забушевала вследствие родства и соседства с Хусейном. Приготовил он несметную рать и двинулся в бой с Тимуром, а Тимур выступил против него из Самарканда. Сошлись они оба на окраинах Туркестана близ реки Ходженской, т. е. реки Сейхуна. Между обоими войсками установился обмен военных дел, и мельница

войны не переставала возвращаться до тех пор, пока не измолола войска Тимурова. Но вдруг из его остатка выехал человек по имени сеид Берке, слез со своего коня, схватил горсть песку, пустил его в лицо неприятелю-губителю и крикнул громким голосом: „Враг побежал!“

Тимур закричал тоже самое своим зычным голосом, как у человека, созывающего жаждущих верблюдов и кричащего: „джаут! джа-ут!“.

И повернулись войска Тимура, как возвращаются коровы к своим телятам, и снова принялись за бой со своими противниками и супостатами. Не оставалось в войске его ни молодого, ни старика, кто бы ни кричал: „враг побежал!“

И вот рать Тохтымыша отступила, обратилась в бегство и по пятам ее последовали возвращавшиеся ранее вспять. Войско Тимурово наложило на них меч и дало им пить чашу смерти. Захватили воины Тимура имущество и скот их и забрали в плен главных начальников и свиту...

И направился Тимур в Дешт-Кипчакские земли, усердствуя по части быстроты и спеш-

ности».

«Эта область исключительно Татарская [348], переполненная разными животными и турецкими племенами, со всех сторон огражденная и во всех частях возделанная, обширная по объему, здоровая водою и воздухом. Люди ее — мужи в полном смысле, воины ее — превосходные стрелки. По языку — это самые красноречивые турки, по жизни — самые праведные, по лицу — самые прекрасные, по красоте — самые совершенные. Женщины их — солнца, мужчины их — полнолуния, цари их — головы, бояре их — груди. Нет в них ни лжи, ни обмана, нет между ними ни хитрости, ни лукавства. Обычай их ездить на телегах с уверенностью, не знающей страха. Городов у них мало и переходы их продолжительные. Границы Дештской земли [349] с юга — море Кользумское, да море Египетское (по дальнейшему описанию — Черное), завернувшее к ним из области Румской (Ромейской). Эти два моря почти что сталкиваются, не будь промеж них гор Черкесских, составляющих между ними „грань непроходимую“, вплоть до Китайских пределов, принадлежа-

щих владениям Монголов и Хатайцев (Хетов-готов?).

„С севера его — Ибиль(?) и Сибирь, пустыни и степи да пески, нагроможденные точно горы. И сколько этой степи, где бродят только птицы и звери. С запада Дештской земли — окраины земель Русских и Болгарских, да владения христиан-нечестивцев (т.е. католиков); к этим окраинам прилегают и Румские (ромейские) владения, лежащие по соседству с землями, подвластными Туркам-Османам“.

„Выезжали, бывало, караваны из Хорасана (Хорасана) и ехали себе на телегах спокойно [350] без страха и опаски вдоль до самого Крыма“...

„Не возили они с собою ни продовольствия, ни корму для лошадей и не брали проводника вследствие многочисленности тамошних народов, да обилия еды и питья у живущих там людей. Путешествовали они от одного племени до другого и останавливались только у того, кто сам предлагал у себя помещение... Ныне же в тех местностях, от Хоразма (Хорасана) до Крыма, никто из тех народов и людей не живет и нет там другого об-

щества кроме газелей (их тут никогда не было!) и верблюдов“.

„Столица Дешта—Сарай[351]. Это город мусульманской постройки, чудной крепости. Султан Берке, да помилует его Аллах, приняв ислам, построил его, избрал столицей своего царства и возлюбил его. Он побудил народы Дешта ко вступлению на пастбище Ислама, и вот почему Дешт стал сборным местом всякого добра и блага, так что к прежнему прозванию „Кипчак“ прибавилось еще прозвание „Берке“ (т.е. Благодатный). А теперь Хаджи Исаи-еддин, сделавшийся начальником в Самарканде, продекламировал мне следующее свое стихотворение в Астрахани, одном из Дештских городов, претерпев на пути туда разные невзгоды:

„— Я слышал, что Берке находится в степи, прозванной по своему султану — степью благодати. Дал я верблюдице моего путешествия остановиться на одной из окраин этой степи, но не нашел там никакого Берке (т.е. благодати)“.

Мне кажется, что здесь мы видим уже разочарование человека, начитавшегося про

чудеса в Дештском царстве, но не нашедшего их при действительном путешествии.

А далее мы видим, что в этом царстве было введено „ханефейское“ (т.е. ханобожеское) правоверие, „допускающее употребление вина“. Считая, что имя Иоанн, по-испански Хуан, сократилось (по мавро-арабски) в Хана и стало синонимом духовного властелина, мы можем предположить, что здесь под именем ханифеев (т. е. хуанобожников) подразумеваются Иоанниты. И это тем более уместно, что духовно-рыцарский орден крестоносцев-иоаннитов, носивший черные плащи с белым крестом на груди, был основан в Иерусалиме Раймондом Дюпюи в 1118 году и продолжал работать на ближнем Востоке до 1522 года, после чего Иоанниты, возвратившиеся в Европу, стали называться Мальтийскими рыцарями, а оставшиеся в Крыму переродились, по-видимому, в Караимов. Рассмотрим же на этом фоне дальнейшие сообщения „сына арабского шаха“.

„Когда Берке-хан, — продолжает он, — был пожалован почетною одеждою ислама и во-друзил в Дештских землях знамена в честь

ханефейского исповедания, то он пригласил к себе ученых из всех краев и шейхов со всех сторон и концов, чтобы они научили людей уставам своей религии и указали им за это богатые подарки, и на тех из ученых, которые пришли на его призыв, излил целые моря даров. Он оказывал покровительство науке и ученым, уважал законы бога всевышнего и уставы пророков. Были у него в это время, а после него у Уз-бека и у Джани-бека наш мулла Кутбеддин, ученейший Эррази и другие знаменитости ханефейские и шафийские...“ „При содействии этих сеидов Сарай сделался средоточием науки и рудником благодатей. В короткое время в нем набралось[352] здоровая доля ученых и знаменитостей, словесников и искусников, и всяких людей заслуженных, подобная какой не набиралась никогда ни в разных частях Египта[353], не в деревнях его. Между построением Сарая и разрушением его и тамошних мест прошло 63 года. (А Латинская крестоносная империя на Балканском полуострове существовала около 60 лет, от 1202 до 1263). Это был один из величайших городов по своему положению и населенней-

ший по количеству народа. Рассказывают, что у одного из вельмож его сбежал невольник и, поселившись на месте, отдаленном от большой дороги, открыл там лавочку и торговал в ней, снискивая себе пропитание. Так прожил этот негодяй около 10 лет, и господин его ни разу не встречал его там, не сходил к нему и не видел его вследствие величины города и многочисленности жителей его. Он был на берегу реки, отделившейся от реки Итиль (считаемой за Волгу), относительно которой путники, летописцы и странствователи согласны, что больше ее нет ни одной в числе проточных рек и пресных нарастающих вод. Выходит она из земли Русских и нет от нее никакой другой пользы, кроме той, что она радует души. Впадает она в море Кользумское (Каспийское), хотя оно закрыто и окружено несколькими Персидскими владениями: Гилянском, Мазендараном, Астерабадом, Ширваном. Имя Саранской реки — Сингиля (а не Ахтуба, как у Волги), через нее переезжают не иначе, как на больших судах, не вступает в нее нога ни пешехода, ни всадника. И сколько рукавов отделяется от этой длинной и ши-

рокой реки, а каждый рукав больше Евфрата и Нила!“

„Расскажу теперь и о том, как настал этот потоп (т. е. Тимурово нашествие) и смысл Дештские (Deutsch'sКне) народы. Прибыл Тимур (из Туркестана — стана турок) в этот край с войсками несметными — нет! — с морями бурными, с обладателями стрел летучих, мечей секучих и копий зыбучих, со львами задушающими и тиграми нападающими, со всякого рода настигателями, вымещающими на неприятеле свою месть, защищающими добро свое и соседей своих, логовище свое и убежище, добычу свою и род свой, со ввергающимися в пучины боевого моря и противоборствующими его волнам и потокам“.

„А Дештский царь Токта послал гонцов к старейшинам своих людей и к начальникам своих народов, к жителям своих песчаных степей и обитателям своих окраин, к главам своей родни — к коренным зубам своим, приглашая к сопротивлению и бою с Тимуром. Влача за собою одежду повиновения и устремившись к нему со всех весей, они собрались по племенам и родам, конные, пешие, воору-

женные мечами и стрелами, надвигаясь и наступая, отражая и поражая своим острым мечом и копьем. Эти люди самые отборные и меткие стрелки; метатели их не дают промахов. Как только они натянут тетивы, так и попадут в жилы и достигают цели, сидит ли она неподвижно или летает. С ними Токта двинулся в бой и приготовился к битве с войсками Тимура, похожими на песок по многочисленности своей и на горы по громадности своей“.

„Когда оба строя противостояли друг другу и обе рати вступили в бой, то из войска Токты-Мыша выступил один из вождей правого крыла, имевший злобу на одного из эмиров, и потребовал разрешения убить его. А Токта сказал ему:

— Твое желание будет уважено, но ты видишь, что случилось. Так оставь нас в покое, пока мы не управимся и добьемся того, чего желаем. Тогда я предоставлю тебе твоего соперника, и ты выместишь на нем твою злобу и удовлетворишь твои притязания.

Но тот ответил:

— Нет! Мне нужен он сейчас. А коли нель-

зя, то нет тебе от меня ни послушания, ни повиновения!

Токта возразил ему:

— Мы находимся в тяжком горе, которое озабочивает нас более твоего желания, мы в мрачном положении, которое кручинит нас более твоей беды. Так потерпи и не торопи, успокойся и не бойся. Ни от кого не уйдет то, на что он имеет право. Не заставляй же слепого искать убежища на обрыве и не будь из тех, которые чтут бога ради барыша. Ты теперь, как после ночи несчастья, уже минувшей, и после зари благоденствия, уже занявшейся. Так оставайся же на своем месте и нападай на своих противников, наступай и не отставай, вершай, что тебе приказано.

Но князь не послушался и ушел с громадной толпой. За ним последовали все изменники и отступники и все его племя, которому имя Актау. Он отправился в Румские владения, пришел в Адрианопольские земли и поселился там.

Расстроилось войско Токты и стрелы желания его не попали в то место, в которое они пускались. Не видя возможности уклониться

от стычки с Тимуром, он подбодрил свое войско, отбросил свою спесь и свое легкомыслие, выставил вперед удальцов из своих ратей, выстроил конницу и пехоту, укрепил центр и фланги и наладил свои стрелы и мечи. Что же касается до войска Тимура, то оно обошлось без этих приготовлений, потому что положение его было ясно и на челе его знамени были начертаны слова победы и власти. Обе рати сошлись, ударили друг на друга, смешались и запылали огнем сражения.

Столкнулись враги с врагами, простерлись шеи под рубящими мечами и подставились груди бьющим копьям. Помрачили свои лица и оскалили свои зубы боевые волки и завыли; ожесточились злобные тигры и выпрямились к прыжку; сцепились львы и встали дыбом; покрылись кожи перьями стрел и вздрогнули; опустили чела вождей и головы главарей в обряде битвы, как бы преклоняясь к молитве, и простерлись на земле; закрутилась пыль и взвился прах; погрузились в морях крови и знатные и простые; летание стрел во мраке пыли казалось метанием снарядов в бесовских вождей, а сверкание мечей в тучах

праха казалось блестящим сиянием над царями и султанами. Кони смертей не переставали носиться и крутиться, а львы отрядов нападать на врагов; взвивалась на воздух пыль от копыт и лилась по степи кровь от мечей, так что земель казалось шесть, а небес восемь, как морей.

Длился этот бой и погром около трех дней, затем поднялась пыль от бегства войска Токты, показавшего тыл. Рати его разбежались и отступили, и полчища Тимура разбрелись по Дештским владениям и расположились в них. Ему подчинились последние и первые из них. Завладел он всем движимым, разделил его и унес с собою, собрал все захваченное и раздал всю добычу, дозволил грабить да полонить, произвел гибель и насилие, уничтожил племена Дештские, истребил наречия их, изменил порядки и увез с собою все захваченные деньги, всех пленных и имущество. Передовые войска его дошли до Азака (Азова) и он разрушил Сарай, Сарайчик, Хаджи-Тархан и все эти края“[354].

Так были ликвидированы, по словам „сына Арабского шаха“, Железным витязем-Ти-

муром два заволжские великолепные Сарая да вдобавок еще и Хаджи-Тархан, под именем которого, может быть, здесь надо подразумевать Тмутаракань русских летописей, так как Ас-таракань под именем Астрахани существует и теперь.

Действительно ли их разрушил Тимур, а не просто покорил бывшие тут форпосты генуэзцев и пришедшего с ними Тевтонского (Teutsche = Deutsche) ордена, самое имя которого происходит от имени Германии Terutschreich, обратившееся затем в Deutschland. Во всяком случае с Тимуром связывается и возникновение в это время в Крыму караимства, религии средней между иудейством и исламом.

Только в этом смысле и необходимо (?) понимать финал борьбы Токты (или Локты) с Железным завоевателем — Тимуром, где на смену выступает некий Идику (или Эдигей), имя которого напоминает слово — iudicus [355] (иудейский — ср. лат. iudex, ius — судья). Вот этот интересный рассказ [356], „О том, как Идику обманул Тимура“.

Идику послал гонца к своим родичам сосе-

дям и к племени левой (северной стороны) — все они принадлежали к числу сторонников и друзей его — сказать, без ведома о том Тимура, чтобы они откочевали из своих родных краев, направляясь туда, где трудные пути сообщения и много опасностей, иначе Тимур рассеет их и погубит всех. Они последовали тому, что предписал им Идику, и шли, не останавливаясь.

Узнав, что люди его ускользнули от Тимура, Идику сказал ему:

— О владыка наш, эмир! Есть у меня громадное множество родичей и домочадцев, но они не безопасны, ибо после моего ухода им приключаются обиды и притеснения от Токты. Я не сомневаюсь, что он погубит и истребит их всех до единого. Пока я сам защищен против него по милости вашего величества, он будет вымещать злобу своего характера на моих домочадцах и родичах. Ведь я наладил нить этих его столкновений с тобою и свергнул его в теснины бедствия и лохмотья поражения. Во всяком случае мне не весело на душе, что они живут в одном с ним месте. И может ли жизнь быть мне приятной, пока мои

друзья — соседи Токты? Если твой светлый разум разрешит послать гонца к этим многочисленным племенам с высочайшим монаршим наказом откочевать от Токты и улучшить свое положение, то мы все будем жить под твоею достославною тенью в твоих плодоносных садах благоденствия, покрытых листвою. Мы высвободимся из гладкой степи этого Дешта, завершивши наши минувшие бедствия и проведем остальное время в твоих вертоградах, у подножия которых протекают реки. Но выше всего высочайший разум твой. Для рабов первое дело — следовать тому, что он постановляет“. Тимур сказал ему:

— Ты пальмочка твоего народа и столбик, стерегущий его. Ты уже исходил эти дороги. Иди сам.

Идику — только этого и хотевший — сказал:

— Все люди — рабы твои и твои послушники, следующие твоему желанию. Кого ты признаешь достойным какого-либо дела, для того любой труд легок.

— Ты первый затеял это дело, — ответил Тимур, — так будь и исполнителем его. Ведь

не требует чужого решения тот, кто сам повелитель города.

Присоедини ко мне, — сказал Идику, — одного из князей с монаршими указами относительно того, что решит твой высочайший разум.

Тимур согласился с ним, исполнил его желание и дал ему того, кого пожелал сам Идику. Но по уходе его Тимур понял, что тот обманул его. Он отправил к нему гонца с приказанием вернуться к нему для совещания, которое случайно подвернулось, но когда гонец предстал перед Идиком и сообщил ему для чего он прислан, то сказал ему и бывшему при нем князю:

— Отправьтесь к вашему господину, облобызайте его руки и сообщите ему, что сроку моего общения с ним пришел конец, и что я далее неподвластен ему, ибо страшусь бога.

Им нельзя было грубо отнестись к нему в таком их критическом положении. Поэтому они ласково распростились с ним, повернули назад и уехали, не останавливаясь. Тимур воспылал на Идика великим гневом. Со злобы на него он чуть было не убил себя и испил

из горькой чаши, как сказано в коране: „Настанет день, когда беззаконник станет кусать руки свои“. Но не нашло на него желание двинуться на Иди-ка, и он отправился в свои владения в Самарканд, оставив его в покое.

Вот как кончилось дело Тимура в Дешт-Берке, так что говорят: „не перехитрил Тимура никто кроме Идику...“

Когда последний присоединился к своим сторонникам, приятелям и наперсникам, он принялся за разведку дел Токты и вооружался к отражению его, не будучи в состоянии починить то, что разломал. Он поставил у себя особого султана и особого хана (священника), созвал к нему предводителей левой (т. е. северной) стороны и начальников племен ее. Они вняли его зову и прибыли к нему, будучи сильнее других и безопасны от злобных действий Джагатайцев и несправедливости их. Вследствие этого султан его усилился, и хан обогатился целыми караванами полчищ, основания его в столице утвердились, и столбы его власти возвысились».

«А что касается Токты, то он, когда враг его ушел и спокойствие водворилось, собрал свои

войска и призвал на помощь свой народ. Не прекращались удары мечей и метание боевых копий между Токтой и Идику. Они сразились между собою 15 раз...»

Часть вторая. *Восточные востоковеды*

Глава I. Насколько достоверна древняя и средневековая история Китая?

Для того, чтобы мои дальнейшие выводы не были еще более неожиданны для читателя, чем «Татарское иго», я должен показать фантастичность средневековой истории Китая раньше, чем в дальнейшем обработаю подробно китайскую хронологию всеми своими астрономическими, филологическими и чисто логическими методами.

Уже и ранее меня специалист-египтолог, академик В. П. Васильев, в XIX веке, совершенно отрицал древнюю историю Китая, да и наш новейший специалист по Китаю — А. В. Пужилин[357] — пришел к заключению о недостоверности старинных китайских древних сообщений при сопоставлении с библейскими, например, присутствие рассказа о всемирном потопе, покрывшем водою всю землю, за исключением самых высоких гор при

патриархе *Яо*, относимом тут к -2357, -2261 годам, т.е. произошедшем как раз в то же время, как и по выдумкам новейших европейских библиистов (-2340?), что показывает на заимствование у последних.

Точно также указывалось и на тождество 60-летнего цикла в летоисчислении китайцев с таким же циклом средневековых и позднейших евреев и т. д., и т. д.

Указывалось уже и на внутренние параллелизмы разновременных китайских псевдо-летописных сказаний вроде, например, того, что Чжоу-Синь, последний патриарх династии Шан, живший, будто бы, между минус 1154 и минус 1122 годами, повторил через 640 лет всю историю Изе-Гуя, последнего патриарха из династии Ся (-1818 — -1766). И тот, и другой со своими красавицами женами завели увеселительный сад с бассейнами для купаний, наполняемыми вином и обставленными всякими кушаньями, где оба предавались одинаковым оргиям, и оба были низвергнуты восставшим народом и лишили себя при этом жизни, а низвергнувшие их преемники царствовали добродетельно и т. д.

При специальном разборе китайской истории я поговорю и об этих параллелизмах более подробно, а теперь, прежде всего, воспользуюсь случаем продемонстрировать на китайской хронологии мои методы проверки старинных династических записей (к которым, собственно говоря, исключительно и сводятся все «древние истории»).

Уже и в прежних томах приводил я наполняющие наши курсы «всеобщей истории» невероятные рассказы о «возрождениях» древних культур (после их смерти и долгого небытия) к новой жизни, и даже не дома, а на чужбине. Такова, — говорят нам, — была в Западной Европе целая «Эпоха Возрождения» (Ренессанс, по-французски), в продолжении которой «возродились вновь» во Франции давно исчезнувшие с земного шара древние греческие и римские литература, художество и наука. Но я уже доказывал и, надеюсь, доказал, что это ошибка, и что «Эпоха возрождения» была на самом деле «Эпохой зарождения классицизма», а прецедент ее был не в древней Греции и древнем Риме, а в Латинской феодальной империи во время четвертого

крестового похода.

А вот теперь, опять нам приходится разбирать повествование о еще более удивительных вещах. Едва мы заглянем в современную нам «Историю Китая», как в противность нашему выводу о том, что раз пережитые формы исторической жизни не возвращаются вновь, мы видим, что в Китай возвращались нередко даже и через тысячелетия небытия не только целые минувшие эпохи, но даже и давно вымершие династии.

Что сказали бы вы, если б я выразил опасение, что во Францию может возвратиться теперь, через 607 лет после своего прекращения, династия Капетингов, а в Германию через 1029 лет небытия — Каролингов? Вы, конечно, только посмотрели бы мне в лицо, чтобы определить по выражению глаз, в своем ли я уме? Так почему же вы не задаетесь этим же вопросом, когда видите в китайской хронологии совершенно такие же возрождения династии даже и по три, а иногда и по четыре раза после многовекового исчезновения?

Взгляните только на общепринятую те-

перь хронологическую таблицу Китайских династий.

Вот, например, династия Чжоу (Chu, -1125, -255 г.), угасшая после почти 900-летнего царствования в Китае, в минус 255 году и возродившаяся в Северном Китае через 810 лет небытия. Проществовав там после этого своего возрождения только 32 года (от +557 по +589 год), она вновь угасла и вновь возродилась на 9 лет после почти четырехсотлетнего небытия (между 950 и 960 годами), после чего уже не возрождалась до сих пор и, можно надеяться, не возродится совсем.

Вот династия Ханов (Han, -206, +255). Проществовав 470 лет, сначала на Западе Китая, потом на востоке, и потом там и тут в числе «трех королевств», она возродилась вновь через 680 лет небытия (от 947 до 951 году) в «Эпоху пяти династий», где имела только два поколения...

Вот династия Цзин, проществовавшая сначала на западе, потом на востоке 155 лет (от 265 по 420 год). Она исчезла с лица земли на пятьсот шестнадцать лет и возродилась после этого снова в Китае на 11 лет (между 35

и 937 годами), да и еще через шестьсот семьдесят восемь лет на 145 лет (от 1115 по 1260 году), после чего уже не возвращалась в Китай до сих пор.

Вот династия Сун, первично процарствовавшая 59 лет (между 420 и 479 гг.). Она возродилась вторично через четыреста восемьдесят лет и царствовала сначала на юге, а потом на Севере Китая триста двадцать лет (между 960 и 1280 годом), после чего тоже уже не возвращалась в Китай до сих пор.

Такие же возрождения и возвращения произошли и с династией «Вей», и с династией «Тан», и с династией «Ци»...

Так почему же, ввиду таких «исторических прецедентов», не ждуть нам теперь возрождения Капетингов во Франции, и Каролингов в Германии, и даже у нас «династии Вещего Олега и Игоря»?

А если это явно невозможно у нас, то невозможно оно и в Китае. Все эти династии нельзя даже и исследовать иначе, как для того, чтобы определить, из каких первоисточников они заимствованы, кем и когда занесены в «Историю древнего и средневекового Ки-

тая», под теми же самыми именами, когда возможно было давать сколько угодно самостоятельных имен?

Рассмотрим эти династии и с другой точки зрения. Однажды я, смеясь, сказал одному своему знакомому астроному-математику:

— Можете ли вы вычислить время достижения половой зрелости древними китайскими богдыханами? — Я могу.

Он принял это за шутку и рассмеялся, но когда я объяснил ему свой метод, он убедился, что такое вычисление даже очень легко.

Я излагал уже его в предшествовавшем томе этого моего историологического исследования[358], но чтобы не отсылать читателя туда за справкою, изложу еще другими словами и здесь.

Возьмем любую династию царей и посмотрим, сколько лет она продолжалась и сколько в ней было перво-поколений.

Во-первых, дети рождаются только через девять месяцев после зачатия; во-вторых, зачатие совершается, обыкновенно, не с первого дня вступления в брак, в-третьих, первый ребенок может умереть еще в детстве, в-чет-

вертых, первым ребенком может родиться и дочь и, в-пятых, в брак вступают не тотчас после достижения половой зрелости. Поэтому уже априорно можно сказать, что половая зрелость достигается не менее, как года за четыре или пять до определяемой нами непосредственно нормальной продолжительности поколений.

Для проверки я приложил свой метод к позднейшим европейским династиям, родословные которых не представляют сомнений.

Вот, например, в Германской династической истории от воцарения Генриха IV (1056 г.) до низложения Вильгельма II (1918 г.) прошло 862 года, и было 40 смен, причем на каждую пришелся, в среднем, 21 год. Вычитая отсюда наши 4-5 лет, мы получаем достижение ими половой зрелости около 16-17 лет, как и должно быть.

Вот во французской династической истории, от воцарения Анри I (1030 году) до низложения Наполеона III (1870 году) прошло 840 лет и было 42 смены, на каждую в среднем пришлось 20 лет. Вычитая отсюда наши 4-5 лет, мы получаем половую зрелость около 15-

16 лет. Опять совершенно верно.

Вот в английской династической истории — от воцарения Эдуарда III (1042 году) до воцарения Виктории (1837 году) прошло 795 лет и было 37 смен. На каждую приходится 21 год. Опять получаем половую зрелость около 16-17 лет.

Вот в русской династической истории от воцарения Михаила Федоровича (1613 году) до низложения Николая II (1917 году) прошло 304 года, и, если исключим убитых своими родными тотчас по воцарении, да притом и бездетных — Иоанна Антоновича и Петра III, то получим 15 смен, по 20 лет на каждую, причем половая зрелость выходит в среднем на 15-16 году.

Мы видим, что, действительно, можно этим методом определять время половой зрелости у представителей любой династии, если в ней окажется хоть четыре или пять переходов от отца к сыну, потому что случайный избыток продолжительности царствования отца нейтрализуется тут соответствующим недочетом продолжительности царствования сына или внука, и потому даже в нескольких

поколениях отдельные избытки и недочеты, естественно, уничтожаются друг с другом.

Вычислим же этим надежным способом время половой зрелости и разных китайских династий.

Вот последняя китайская династия Цин. От воцарения ее первого царя Ши-Цзу в 1644 году и до низложения последнего — Сюань-Туна в 1912 году прошло 268 лет и было 10 смен, но они были равносильны двенадцати, так как Шин-Цзу (1662-1722) процарствовал исключительно долго (61), более двух поколений и то же самое Тао-Цзун (1736-1796), процарствовавший 60 лет. А это заставляет признать, что у них престол перешел не иначе как к внукам [359], и потому примем тут 12 смен поколений.

Разделив 268 на 12, мы получаем, что на каждую смену поколения здесь пришлось 22,5 года, что опять дает половую зрелость около 17 лет. Значит, хронология этой новейшей династии, как и следовало ожидать при ее постоянных сношениях с европейцами, оправдалась общечеловеческой физиологией.

Перед ней была династия Мин, т.е. Ясная,

от 1368 года, когда у китайцев впервые установились постоянные и прочные сношения с западными европейцами, и в Китае господствовали католические школы и научные учреждения. Она окончилась в 1644 году после 276 лет существования. В ней было 17 поколений и на каждое приходилось только 16 лет. Допустив, что у них сыновья рождались в среднем уже через год после брака, получаем половую зрелость на 14-15 год. Это маловато, но еще допустимо, или объясняется тем, что тут были и братья, о чем однако не говорится в первоисточниках.

Посмотрим теперь, что было ранее установления сношений с европейцами. Непосредственно перед «Минами» была, — говорят нам, — монгольская династия Юанов (что-то вроде Иоаннов или Иванов), которую можно разделить на две части:

1. Четыре первых Юана (от Шай Цзу до Сен Цзуна, царствовавших будто бы одновременно с четырьмя последними представителями династии Сун и династии Золотых Татар (династия XXXII) от 1206 по 1260 год; их считают за героев «Татарского ига в России»: Чингис-

хана, Утедея, Куюка и Мунке.

2. Последующие Юаны, начиная с Ши-Цзу и кончая Тай-Дин Ди, царствовавшие в качестве преемников предшествовавших от 1277 по 1367 год (династия XXXII). Их всех считают за потомков Кублая, хотя последний из этой династии знаменитый Хромой Тимур (Тамерлан, 1333-1368 году, построивший Самарканд), как известно, никогда не был китайским властелином. Выключив его, мы получаем для этой позднейшей части династии «монголов» продолжительность 72 года (от 1260 по 1332 год), причем на каждую смену первых поколений приходится у них только 7 лет, для чего необходимо, чтоб они достигали половой зрелости никак не позже семилетнего возраста, что явно нелепо. Такие короткие сроки могут получаться лишь при выборном правлении или родовом, как не имеющем никакого отношения к смене поколений, а между тем они показаны как отцы и дети.

Кроме того, ни одного из этих имен в китайских хрониках не значится. Там одновременно с ними (от 1277 по 1367 год) царствуют потомки Ши-Цзу, носящие совсем другие име-

на (династия XXXII), и о том, кто и когда отождествил их с потомками Кублая и ввел в число китайских императоров никогда не бывавшего в Китае самаркандца Хромого Тимура — неизвестно. Кроме того, и в самой китайской вариации этих властелинов (часть которых не совпадает и по годам царствований с «монголами») мы находим среднюю смену поколений в 11 лет, что дает опять нелепую половую зрелость не позже девятилетнего возраста. Таким образом, эта династия с физиологической точки зрения уже не выдерживает никакой критики, особенно после того, как две следующие за нею династии — Минов и Цинов — оправдались физиологией.

Отсюда приходится заключить, что достоверная история Китая началась лишь с Минской династии, когда прочно водворились в Китае европейские торговцы и миссионеры. А «монгольская династия» втиснута в Китай с уплотнением по причине недостатка простора между уже отмеченною мною династией Минов и династией Сунов (династия XXX-XXXI). Эта последняя династия, — говорят нам, — царствовала в Китае от 960 года по

1276, сначала на юге Китая, а потом на его севере. За 316 лет ее существования в ней насчитывается 16 поколений и по общей сумме правителей в ней приходится по 20 лет на каждое, так что половая зрелость их как будто около 16 лет, что вполне правдоподобно. Но вот мы с недоумением видим, что хотя в ее истории и нет ни слова об ее ограблении с одной стороны «Золотыми татарами», а с другой «преемниками Чингис-хана», однако и простой взгляд на хронологические вехи данного периода показывает нам, что тут (конец XXXI династии) даны в Китае три царства, продолжавшиеся от 1174 или от 1206 годов до 1260 или до 1276 года. Во всех их были 4 поколения, но в то время как у «Сунов» половая зрелость достигалась в нормальном возрасте, около 16 лет, у обоих ее непризнанных соправителей из «Золотых татар» и «монголов» половая зрелость достигалась на одиннадцатом году.

Среднее время смены первопоколений — 125 лет. Половая зрелость достигается не позже 10-летнего возраста. Уже из одного этого сопоставления видно, что монгольская дина-

стия (время деятелей IV-го крестового похода) втиснута сюда с уплотнением. И замечательно, что тоже самое мы можем сказать и о «Золотых татарах» (династии XXIX). Налегая на время первых трех крестовых походов (с 1115 году), их династия кончилась около конца Латинской империи на Балканском полуострове. Она продолжалась 145 лет, содержа 10 поколений на каждые по 14,5 лет, и половая зрелость достигалась его представителями не позже двенадцатилетнего возраста.

Ню-Чженские цари Дона Гинь. (По Иакинфу — с. 237)

1-й	1115-1122	(8 лет)	Тхай-Цзу или Агуда (просторный)
2-й	1123-1134	(12 лет)	Тхан-Цзун или Укаман
3-й	1135-1148	(14 лет)	Си-Цзун или Хара (черный)

4-й	1149-1160	(12 лет)	Хай-Лин или Ду- гурэнэ (Полный) или Лян
5-й	1169-1189	(29 лет)	Ши-Цзун или Улу (Свищ)
	1190-1195	(6 лет)	Между- царствие?
6-й	1196-1208	(13 лет)	Чжан- Цзун или Мадагц
7-й	1209-1212	(4 года)	17...меж- дуцар- ствие?
8-й	1213-1223	(11 лет)	Сюань- Цзун или Удабу
9-й	1224-1234	(11 лет)	Ай-Цзун или Нин- гясу (По- следний)

Еще более интересный физиологический казус произошел с династией «Киданских татар», носивших прозвище Ланов (династия

XXVII-XXVIII). Сначала она царствовала параллельно государям династии Сун (960-1168 году) и в первое время сменяла свои поколения в 24 года, так что половой зрелости они достигали очень поздно, около 20 лет от роду. Но вот она переселилась на запад (династия XXVIII), и с ней случился физиологический казус: вместо 20 лет ее поколения стали достигать половой зрелости на пятом году от рождения!

Уже простой взгляд на таблицу показывает, что совершенно такие же аномально ранние половые созревания в детском возрасте были и у остальных древних китайских династий, начиная от династии Цинь (V династия), появившейся в Китае, — говорят нам, еще в минус 255 году до начала нашей эры и продолжавшейся до только что отмеченной нами династии Сун (960 году). Очевидно, что все эти «династии» нахватааны откуда-то в слишком большом количестве, потому сильно уплотнены.

Но вот мы уходим еще более в глубину времен, добираемся до минус 255 года, т. е. целых 867 лет. В ней оказывается 35 смен поколе-

ний, на каждое 25,5 лет, т. е. вместо детского возраста там достигалась половая зрелость лишь после 20 лет от рождения.

Мы смотрим предшествовавшие династии и находим, что в династии Шан, начавшейся в минус 1766 году и царствовавшей 644 года, половая зрелость обнаруживалась около 20 лет, а в династии Ся, царствовавшей перед нею, от минус 2205 года 439 лет — около 21 года.

Что же такое вдруг случилось с китайскими императорами, начиная от -225 года до начала нашей эры и вплоть до появления в Китае европейских католических миссионеров? Почему они начали так поразительно рано созревать во все средние века?

Ответ тут может быть только один: вся китайская история до начала нашей эры есть сочинительство миссионеров. Они нахватили эти династии из европейских хроник, как показывают и сами титулы. Титул Хан в VI, VII, VIII и XXVI династиях — это еврейское слово Кан, т. е. священник; титул Ван в IV династии — это венгерское слово Бан, т.е. граф, откуда и польское пан. Титул Ди, иначе Ти, про-

исходит не иначе, как от католического Deus — бог, греческое Θεός, итальянское Dio, что вполне согласно и с современным обычаем китайцев произносить от европейских имен только первый слог. Титул Цаун, особенно начавшийся с династии Тан (618 году) и употреблявшийся до последнего времени, созвучен с английским Sun — солнце (немецкое Sonne), что может быть объяснено особенно тесными коммерческими сношениями англичан с китайцами.

Но каким же образом иностранные хроники могли бы кооптироваться в китайскую литературу?

Я уже говорил в VI томе, что это было даже неизбежно, благодаря отсутствию в Китае фонетической азбуки.

Почему мы, читая какой-нибудь иностранный рассказ, или роман, или историческое повествование, чувствуем, что это не наше, русское произведение?

Только по иностранным именам действующих лиц и иностранным названиям местностей или растений в окружающем пейзаже и т.д. Если б и они были переведены на рус-

ские слова по их созвучию или смыслу, то мы, несомненно, и все произведение приняли бы за русское. В истории печатного дела и были действительно такие случаи, когда издатели были обмануты людьми, выдававшими свой перевод мало известных авторов за собственные произведения, да и читатели их не подозревали этого, пока кто-нибудь, знакомый хорошо с иностранной литературой, не обнаружил обмана.

А в китайской нефонетической письменности, где каждый значок имеет символический смысл, такая ассимиляция переводов с собственными китайскими произведениями была неизбежна до тех пор, пока для ряда иностранных слов не были придуманы тоже специальные чертежики. Дам несколько примеров...

Когда на Китайском рынке появился шоколад, то название его пришлось составить не иначе, как из целой фразы созвучных китайских слов: Шо-Ке-Лай-Ди, что значит: «Пожалуй-можно-придти-разок».

Когда появились в Китае словари, для которых по-китайски не было до европейцев да-

же и названия, то пришлось употребить для них английское слово Vocabulary (словарь). А это сочетание звуков, за неимением обозначения для каждого, пишется китайцами, произносящими R как L, пятью чертежиками Во-Кэ-Бу-Лай-Ля, и которые значат: «Я-мог-бы-не-приходить-совсем», причем последний значок Ля придает еще этой фразе пренебрежительный характер.

Для нас, конечно, смешно, если кто-нибудь вместо: дайте мне «шоколаду», — скажет: дайте мне «пожалуй-что-можно-придти-разок»; или вместо: посмотрите в «словаре» — скажет: посмотрите в «я-мог-бы-не-приходить-совсем», но при существующей до сих пор китайской азбуке другой транскрипции и быть не может.

Прибавлю для примера и еще несколько слов: по-французки зонтик называется parapluі, а если б вы пожелали написать это слово по-китайски, то его пришлось бы составить из уже имеющих свои чертежики китайских слов Па, Ла, Ну, Люй, что значит: «бо-нось-разобьют-чиновных-ос лов».

Слово кофей приходится писать «Коу-Фей»,

что значит: «забери-в-рот-и-выплюнь».

Имя Иван приходится составить из китайских слов И и Ван, что будет значить: «один-граф». Имя Ксения приходится составить из слов: Ке, Се, Ни, что значит «могу-написать-вам».

Имя Лев приходится по значению изобразить чертежиком имени самого сильного зверя и произносить Сян. Имя Роза транскрипционным символом этого растения; имя Юрий — писать Юй-Ли, что значит: «Желтая слива».

Из современных европейских городов слово Ленинград превратилось у китайцев в Ле-Нин-Чэн, т. е. «Пылкий-Мирный-Город», слово Москва составилось из Мо-Сы-Коу, что значит: «Не-этот-сорт», слово Берлин обратилось в Бэй-Лин, т.е. «Белый Лес» или в Бо-Линь, т.е. «сто деревьев».

Город Рим по западно-европейскому произношению стал по китайски Ло-Ма, т. е. «Парчевый конь» или «Пойманный силками конь».

Чтобы не составлять из европейских названий целые (большей частью смешные или

бесмысленные) фразы, вошло наконец в употребление брать только первые их слоги. Благодаря этому, имя Англия, по-английски Ингланд, обратилось в Ин-Го, т. е. в «Роскошное государство», Германия, по-немецки Deutschland, в Де-Ге, т. е. «Доблестное государство», Франция — по непроизносимости для китайцев звука С — в Фа-го, т. е. «Законодательное государство» и т. д.

Невольно отмечаешь, что и само название Го — только первый слог русского слова государство.

Посмотрите же сами, что выходит при этих обстоятельствах при переводе какого-нибудь европейского рассказа на китайскую письменность.

Написано, например, по-русски: Иван поехал в Берлин, а по-китайски выходит: «Один князь поехал в Белый Лес» и т. д.

Всякий иностранный для китайца колорит, т. е. все следы того, что дело происходит не в Китае, тут затеривается. И это же, очевидно, должно было происходить при переводе всякой иностранной хроники на китайский язык, особенно в то время, когда еще не

установили на нем официального обязательного для всех названия чужих стран для Англии — Роскошное государство, для Германии — Доблестное государство и т. д.

А ведь это было сделано только в XIX веке! Поэтому и мое предположение, что многое из старинных европейских хроник и рассказов, переведенное первыми миссионерами в Китае на китайский язык для ознакомления его жителей с прошлым своих стран, само собой кооптировалось в следующих поколениях в «Историю Китая», и было затем обратно переведено на европейские языки в качестве китайских национальных событий, как об этом я уже говорил в главе о Марко Поло.

Не будем забывать, что и вообще вся китайская хронология и связанная история выработаны из хаоса находимых в Китае рукописей и литографических изданий не самими китайцами, а учеными из европейцев.

Покажу это на реальном примере. Возьмем статью астронома Био «О шатрах Луны у индусов[360]».

Био напоминает, что китайцы со времени князя-астронома Чжеу-кона (Tcheu-Kong),

жившего будто бы около 1100 года до начала (!!!) нашей эры, разделяют небо на 28 временных шатров (*mansions temporaires*) «хотя прежде, как и европейцы разделяли его на 24 часа (очевидно 24 часа прямого восхождения)». Потом через 2310 лет, в 1210 году нашей эры китайские астрономы додумались, будто бы сделать поправку, уничтожив один дом Луны и оставили только 27 домов, перенеся начало деления шатра Це со звездочки Ламбды Ориона на Дельту.

Но это все — одни соображения, а фактом здесь остается лишь то, что величайшим китайским астрономом считается теперь у китайцев не Чжеу-кон, а Кочу-кин (*Cochou-King*), живший лишь около 1280 года нашей эры, т. е. в разгар крестовых походов, и что существующая теперь координатная система китайской небесной сети датируется лишь с 1210 года нашей же эры, а предшествовавшая ей система должна быть, по требованиям простого здравого смысла, отнесена не к минус 1100, а к плюс 1100 году. Возможно, что это и было деление неба на 24 часа прямого восхождения звезд. Нам интереснее всего здесь

следующее обстоятельство. Эти же самые шатры оказываются и в индусской астрономии, где они называются нак-шатрами (nascchatras), причем границы этих крыльев неба, как и в Алмагесте, даются не по прямым восхождениям и склонениям, т. е. не в экваториальных координатах, как удобнее всего для наблюдений, а по долготам и широтам в эпикальной сети (что годно лишь для вычислений), причем точка осеннего равноденствия считается от звездочки Дзеты созвездия Рыб, которая в 1900 году, благодаря прецессии, находилась уже на расстоянии $17^{\circ} 12'$ от точки весеннего равноденствия. А в самой этой точке она была, по Био, около 573 года нашей эры, которым поэтому приходится датировать и время установления таких координат, если допустить, что равноденствие считалось начинающимся с невидимого прохождения этой звездочки за центром солнца, а не с ее гелиактического выхода, что привело бы уже к XII веку нашей эры (когда солнце удалилось уже градусов на 7-8 от нее). Затем, конечно, обнаружилось, что звездное обращение луны [361] близко к 27 дням, и потому в X веке в

Индии уничтожили нак-шатер Абгиджит (Abhijit), и сделали только 27 шатров для луны. А в магометанских сочинениях мы все еще видим 28 лунных шатров, которые, между прочим, упоминаются и в Астрономии Ал-Фергани.

С такой точки зрения очень важен арабский манускрипт (Dusaigoу №22 Парижской Национальной Библиотеки), приводимый у Био[362]. Автор этого документа уже знает, что звездное обращение луны не 28 и не 27 дней, а почти на $1/3$ дня больше 27, и, несмотря на то, что пишет по-арабски, отзывается об арабах довольно непочтительно.

«Арабы, — говорит он, — невежественный народ, не умеющий ни писать, ни вычислять. Они могли считать только целыми числами, и следуя лишь тому, что показывали им глаза. Они знали только фазы луны и определяли ее обитатели только по неподвижным звездам». «А что касается индусов, то, употребляя ту же систему, они сошлись с арабами лишь в некоторых детерминативных звездах и разошлись в других. Арабы пользовались только звездами, к которым близко подходила луна,

а индусы и теми, которые были внизу и над нею, в том числе и звездой „Падающего Орла“ (теперь Альфа Лиры), доведя число шатров до 28. Вот почему наши астрономы и наши составители альманахов не ошиблись, говоря, что у индусов 28 лунных шатров и что они сокращают тот, который скрыт в лучах солнца и называется „горящим“. Когда Луна его покидает, они говорят, что она „разлучается с солнцем после объятий“ (separee apres embrassement), и тот свой шатер, в который она при этом входит, называется дымящимся (fumant)».

«Но это, — прибавляет Био, — ошибочно, так как в санскритских книгах везде приводится 28 шатров луны и ничего не говорится об объятиях».

(Затем автор документа приводит для шатров 27 детерминативных звезд, давая им исламские имена).

Таким образом, взаимную связь индусской, магометанской и китайской астрономии можно установить даже и одним таким общим для них искусственным определением междумеридианных долей неба по дням пу-

ти Луны. Но к этому доказательству общности присоединяются и другие, приводящие к выводу всей вообще азиатской астрономии из европейской, а не наоборот, как думали до сих пор, хотя и не все.

Так, например, Кольбрук отметил первый, что разделение зодиака у азиатских астрономов на 12 знаков, наличие эпициклов, эксцентриков, эклиптикальная система звездных координат, разделение окружности на шестьдесят градусов, вполне доказывает, что астрономия пришла в Индию из Европы, и что это было после опубликования книги Птолемея. Но он не решился признать, что «Альмагест» Птолемея мог возникнуть только в эпоху гуманизма, и потому останавливается на так называемых «древних греках» или «бактрианах».

То же самое мы можем теперь сказать и о китайской астрономии.

Если астрономические взгляды «Альмагеста» перешли через исламитов в Индию, осложнившись переходом от 24 часов прямого восхождения звезд к 27 или 28 лунным шатрам (потому что покровителем ислама

считалась Луна, лежащая и до сих пор в основе магометанского летоисчисления), то несомненно, что и китайцы заимствовали свои лунные шатры от магометан, а потому приходится считать за апокриф и всякое китайское сообщение о возникновении у них такого счета еще в домагометанские времена.

Но одному здравому смыслу ясно, что это было лишь незадолго до того, как в Китае в 1210 году нашей эры возник впервые вопрос о переходе от 28 шатров Луны к двадцати семи, как более близкому по времени возвращения Луны в то же созвездие.

Но если это так, то многие детали и самой европейской средневековой астрономии мы можем восстановить по их пережиткам, сохранившимся на отсталом Востоке. Так, прецессия, как показал Кольбрук (Kolobrook), не считалась у индусских ученых вплоть до XIX века обходящей весь эклиптикальный круг, а представлялась только качанием точки равноденствия в одной созвездии Рыб к западу и к востоку по эклиптике с амплитудой в 27 град., и это обстоятельство наводит на мысль, что такое же мнение господствовало в сред-

ние века и у европейских астрологов.

Чтобы сделать попытку более обстоятельного и всестороннего астрономического определения древности пресловутых китайских летописей, чем это сделал Био, решавшийся лишь на незначительные передвижки в хронологии, мы рассмотрим с этой точки зрения прежде всего китайское солнечное затмение псевдо минус 2155 года.

В одной главе «Книги Истории» (Шу-Цзин, по-шанхайски Chou-King) описано солнечное затмение в области неба, названной Фанг (Fang), т.е. «Комнатой». Оно указано во время Чжун-Кана (Tshong-Kang) из династии «Ся», жившего будто бы около минус 2159 года, причем произошло затмение,— и до сих пор значится на китайских картах неба между звездочками Пи и Сигмою Скорпиона. Интервал между ними в 1800 году был всего лишь в 5 град. 34 мин., а при воображаемом начале Китайской империи и в минус 2357 году, он от собственного движения звезд был еще менее (5 град. 2 мин.), и это очень удобно для астрономических определений. Патер Гобиль около 1730 года вычислил, будто бы «в согла-

сии с великим китайским астрономом династии Мин», что такое затмение имело место в 2155 дохристианском юлианском году (взятом по ситорическому счету лет) 12 октября, в 6 часов 57 минут утра по Пекинскому отполуночному времени[363], так что солнце вошло в затмении в день тогдашнего весеннего равноденствия.

Но употреблявшиеся в половине XVIII века таблицы Лягира, — первые таблицы, по которым стало можно вычислять солнечные затмения, — были еще недостаточно точны, и потом оказалось, что максимальная фаза этого затмения была только $1/6$ часть солнечного диска, что совершенно не замечается неподготовленными людьми. Фрере (Freret) сильно напал на такое «подтверждение» и выставил другое затмение, которое вычислил по этому поводу Доминик Кассини для минус 2007 года, но которое было только «по близости» от указанной области между звездочками Пи и Ламбдой Скорпиона, а не в ней самой. Гобиль сопротивлялся, ссылаясь на исторические соображения, Фрере настаивал на своем. Но вот наступил XIX век, Био попросил астронома

Ларжетто (Largeteau), редактора знаменитого астрономического ежегодника «*Connaissance des temps*», повторить оба вычисления по лучшим таблицам, приняв во внимание вековое ускорение лунного движения, обнаруженное Лапласом (дело в том, что при уменьшении эксцентриситета земной орбиты, обращение Луны вокруг Земли ускоряется, а при увеличении, наоборот, и период этих колебаний так велик, что за весь исторический промежуток времени происходило только ускорение обращений луны, а замедление предстоит в далеком будущем).

И вот, когда приняли во внимание это неизвестное еще во времена Гобиля явление, то оказалось, что сенсационного солнечного затмения, описанного в Китайских летописях (открытых миссионером Майлья и самим Гобилем) совсем не было видно в Китае! Ларжетто показал, что оно произошло не 12, а 11 октября того же минус 2154 астрономического года, и не в 23 часа 20 минут, а в 17 часов 54 минуты среднего парижского времени, т.е. оно было видно вечером в Париже, а в Пекине в это время был 1 час 30 $\frac{1}{3}$ минуты ночи,

и, следовательно, затмение это не могло быть наблюдаемо ни с одного пункта Китайской империи.

То же самое обнаружил Ларжето и относительно затмения минус 2007 года, которое Фрере пытался противопоставить Гобиллю. И оно было невидимо нигде в Китае.

«Надо поэтому принять, — говорит Био (с.70), — какое-нибудь другое время для начала царствования Чон-на».

Потом и я много трудился над этим предметом, разыскивая, когда были все другие затмения, видимые в Китае между звездочками Сигмой и Пи Скорпиона.

Удовлетворяли от минус 2500 года до XIX века нашей эры только пять следующих (между 240° и 248° современной нам эклиптической долготы и между 236° и 242° прямого восхождения), считая дни по юлианскому календарю.

1. В минус 1094 году — X — 22. На небе оно было около 238° современной нам эклиптической долготы, а в экваториальных координатах около 237° , т. е. около δ и β Скорпиона. Полоса полной видимости началась в Тур-

кестане, прошла через Тибет, и оно было околополоуденным близ острова Формозы.

2. В минус 573 году — X —22. На небе оно было около 236° современной нам эклиптической долготы. Полоса полной видимости началась к югу от Байкала и прошла утром несколько северней Пекина и Кореи через Японию в Тихий океан.

3. В минус 313 году — X —28. На небе оно было около 241° современной нам эклиптической долготы, около β Скорпиона, внутри указанного промежутка. Началось оно внутри Китая, и полоса кольцеобразной видимости прошла почти через Шанхай в утреннее время, окончившись около Мексики.

4. Кольцеобразное в 1444 году — XI —10. На небе оно было около 243° (а экваториально около 242°), т.е. у самой σ Скорпиона внутри указанного промежутка. Началось оно в Тибете, и полоса кольцеобразной видимости шла на границу Китая и Индокитая почти через Лхассу, где затмение было в очень большой фазе.

5. Полное в 1641 году — XI —3. На небе оно было около 234° современной нам эклиптической

кальной долготы, т. е. еще в Весах, а не в Скорпионе. А географически подходит, так как будучи полуденным на границе Тибета и Монголии, оно прошло в после-полуденное время почти прямо через Шанхай в Тихий океан и не могло не напугать китайскую публику, а летопись кончается 1644 годом, так что оно было на глазах ее авторов.

Но после окончания этих вычислений, отнявших у меня не менее месяца упорной систематической работы, так как я пересмотрел для этой выборки сотни затмений, я вдруг опомнился... Ведь из самого описания ясно, что это миссионерский подлог.

В 1933 году мне удалось получить изображение этого затмения по самой Китайской транскрипции с переводом немецкого китайста Августа Пфицмайера, более точным чем у Майлья и Гобиля, или у Био, или у Ротмана [364], и что же оказалось?

Вот мой точный перевод Пфицмайерова немецкого текста с моими пояснениями в скобках.

«В то время потомки „Плана“ и „Чертежа“ (считающихся первыми китайскими астроно-

мами-геодезистами) далеко забросили свою добродетель. Они начали беспорядочно пьянствовать, запутали свои служебные дела, оторвались от занимаемого ими звания. Они впервые нарушили небесное исчисление года, забросили свои идеи. Когда в последний (т. е. третий) месяц осени, в новолуние произошли нелады Луны в Пазухе (т. е. между к и о Скорпиона), у слепого забарабанило в ушах, сукпец мчался, куда глаза глядят, простые люди бежали. А потомки „Плана“ и „Чертежа“, находясь на своей должности, слышали этот шум и ничего не знали».

Как ни смутна китайская рисуночная транскрипция, но она тут совершенно ясна.

Для проверки только что приведенного перевода, я показал китайский текст нашей китаистке А. А. Железновой, и она перевела приведенное здесь место мне так:

«В период последнего осеннего месяца (т. е. третьего от осеннего равноденствия) усеченная луна утром не поладила в небесной пазухе».

А остальной текст она перевела также, как и Пфицмайер: «все бегут, куда попало, кри-

чат, как бывает только при сильных затмениях и главным образом при наступившей полной темноте».

Значит, — подумал я, — дело идет действительно о большом солнечном затмении, описанном очевидцем. И сказано совершенно ясно и отчетливо, что оно было утром, и что временем его было третье осеннее новолуние. И тут впервые бросилось мне в голову, что и без всяких вычислений ясно, что затмение это было в недавнее время. Ведь один факт положения третьего новолуния около звездочки Пи (π) и Сигмы (σ) Скорпиона дает нам возможность определить эклиптикальное положение и первого осеннего месяца, т. е. такового, в котором находилось осеннее равноденствие, а, следовательно, и самого этого равноденствия, зная, что новолуния на эклиптике повторяются через 29° . Это я и сделал на чертеже.

Из него ясно видно, что если третье после-равноденственное осеннее новолуние было между 136° и 142° по эклиптике, то второе было между 206° и 211° , а первое осеннее было между 177° и 183° , т. е. в созвездии Девы со-

вершено так, как теперь, когда точка осеннего равноденствия находится в Деве под 180° эклиптики современного нам счета. Это и показано в верхней строке диаграммы.

Но ведь, благодаря прецессии, которая при отсчете в прошлое принимает положительный знак, точка осеннего равноденствия в минус 2000 году была вовсе не в Деве около современного нам счета, т.е. как раз в указанном для затмения промежутке, а потому и новолуние этого затмения было бы тогда никак не в третьем, а в первом осеннем месяце.

Даже и в начале нашей эры оно могло быть только во втором месяце после осеннего равноденствия, а не в третьем, так как первое новолуние было бы тогда между 206° и 211° , как видно из моей диаграммы. А в третьем осеннем новолунии это затмение (между λ и σ Скорпиона) могло быть лишь в наше собственное время, или в крайнем случае лет за 500 до нас, если считать, что первое осеннее новолуние, благодаря несовпадению с точкой осеннего равноденствия, прошло дней за десять до него.

И вот, из всех рассчитанных мною затме-

ний — единственным подходящим к данному нам точному китайскому описанию, является только затмение 10 ноября 1444 года нашей эры, у самой Сигмы Скорпиона (σ), которое было действительно третьим осенним затмением и притом предполуденным для всего Китая, как и написано.

Другого решения нет даже и за 26 тысяч лет до нашего времени, если не считать затмения в 1641 году, бывшего при самом патере Гобиле около Пи (π) Скорпиона.

Но как же, — скажете вы мне, — даже Био, и сам Оппольцер, не досмотрели такого простого обстоятельства, как невозможность солнечного затмения между Сигмой и Пи Скорпиона в третьем осеннем месяце, иначе как в наше время или в последние 500 лет до нас? Ведь тут дело доходит прямо до смешного! Выходит, что китайцы за 2000 лет до начала нашей эры считали начало осени не с климатического сентября, как полагается по григорианскому счету, а с климатического григорианского января, с наступления самых холодных дней зимы! Ведь летнее солнцестояние было в минус 2159 году не в Близнецах,

как теперь, а во Льве, уже близ Девы. 21 число второго летнего месяца — климатического июля — было в Деве перед Весами, а 21 число третьего летнего месяца — климатического августа — было в Весах перед тем самым местом Скорпиона, где произошло описанное солнечное затмение. Значит, оно тогда действительно было бы летом, а не в последний месяц осени, перед зимой!

Пути всех солнечных затмений, проходивших в полном или кольцеобразном виде через Китай, Тибет, Монголию (территория обведена пунктиром), и близ них от -1200 года до начала нашей эры (-2000) и до 1700 года после нее и видимых на небе в промежутке между звездами λ и σ Скорпиона или поблизости от них.

Неужели, — спрашиваете вы, — китайцы и теперь считают лето за осень, а зиму за весну?

Конечно, нет, — отвечу я. За четыре тысячи лет, протекших после первого их затмения, было достаточно времени, чтобы одуматься, наконец!

Читатель, без сомнения, понимает, что я

говорю это не для смеху, а для того, чтобы нагляднее показать, как трудно иногда учесть сразу все привходящие обстоятельства в такого рода исследованиях. Ведь и я сам проделал целый ряд ненужных вычислений, прежде чем вдруг ударила мне, как камень с крыши, в голову мысль, что и без вычислений по одной прецессии ясно, что тут описано солнечное затмение, бывшее не за четыре тысячи лет до нас, а в крайнем случае, за каких-нибудь четыреста или пятьсот лет.

Посмотрим же и на неизбежные выводы, вытекающие из этого.

Затмение это отнесено по прежней хронологии к минус 2155 году, за 8 лет до смерти царя Чжун-Кана (Chung Kang) -2159, -2176 гг. А по моему вычислению оно было в плюс 1444 году, через 9 лет после воцарения царя Чжен-Дина (Cheng Ting). Оба названия созвучны в первой части, а приставки Кан и Дин означают «процветающий» и «непоколебимый». И тот, и другой царствовали 13-14 лет, т.е. одинаковое время. Чжун отнесен к династии Ся (-2205, -1766?), заключавшей в себе 17 представителей, а Чжен — к династии Мин (+1368,

+1644 г.), заключающей в себе тоже 17 представителей. Невольно является предположение, что и вся династия Ся есть лишь вариант династии Мин.

Но сразу же видно, что это — вольная вариация, и времена царствований, за исключением самого Чжуна-Чжена, при котором было затмение между Сигмой и Пи Скорпиона, мало сходятся. Но все же имена часто созвучны в обеих династиях и идут в том же порядке, а это по теории вероятностей не может быть случайно. Например, созвучные имена династии Мин, за исключением четырех отсутствующих в династии Ся, повторены в той же последовательности, но времена их царствования другие, за исключением двух случаев, а потому и продолжительности обоих династий, взятые целиком, вышли разные.

Но согласованность затмения в Скорпионе с именами царей, бывших в это время в обоих случаях, исключает возможность случайного совпадения и подтверждает уже высказанную мною гипотезу об участии католических миссионеров в создании древней и средневековой истории Китая. Подделка этого затме-

ния под минус 1155 год могла быть сделана только автором, жившим не ранее XVI века и пользовавшимся таблицами Ля-Ги́ра. А она настолько соответствует ошибочно установленному времени династии Ся, что и сама династия должна быть выработана и хронологирована тоже по таблицам Ля-Ги́ра из династии Мин.

Весь замысел представляется в таком виде. Из миссионерских переводов различных европейских хроник на китайский язык, накопилась там целая литература, в которой благодаря неизбежному по китайской азбуке окитаянию всех названий местностей, лиц и городов, не осталось никаких признаков иностранности, и они были приняты за прошлые названия китайских местностей и лиц.

Католические миссионеры, начавшие проникать в Китай еще с 1522 года, и прогнанные из Пекина только в 1822 году, хотели довести по этим материалам его историю до самого крайнего предела древности, какое только было возможно при их библейской хронологии, т. е. до так называемого «всемирного потопа», когда остался только Ной с сыновьями

или, во всяком случае, до «рассеяния народов» из Месопотамии, после того, как там «стали строить Вавилонскую башню до небес», за что бог «смешал, бывший до тех пор единый, человеческий язык» и люди, переставши понимать друг друга в отчаянии разбежались в разные земли, в том числе и в Китай. По хронологии Скалигера, умершего в 1558 году, наш праотец Авраам, оставшийся с прежним допотопным языком, ушел последним от стен злополучной Вавилонской башни в Палестину на семьдесят пятом году от рождения в 2039 году «до рождества Христова»[365]. А получившие в наказание себе от бога китайский язык, убежали из Месопотамии в Китай еще за 166 лет до Авраама и основали там свою первую династию «Ся» через 143 года после потопа в 2205 году «до Рождества Христова».

Через пятьдесят лет после этого и произошло, по вычислениям возвратившегося из Пекина католического миссионера — патера де Майлья, — не существовавшее в Пекине, а видимое только в Париже, «солнечное затмение 2155 года до Рождества Христова». Само собой

понятно, что удалять китайскую историю вглубь веков далее «рассеяния богом народов» и даже ранее возникновения из-за постройки слишком высокой башни в Месопотамии самого китайского языка, было уже физически невозможно. А потому и самый факт доведения китайской истории до самого крайнего христианского предела показывает, что хронология ее создана не без помощи европейских христианских миссионеров. И даже самый факт рисуночной китайской азбуки с особым значком почти для каждого слова, является психологически непонятным без создания ее европейскими учеными пришельцами, имевшими уже в своем языке звуковую азбуку с участием многих идеографических значков, вроде тех, какие остались и до сих пор в нашей арифметике, алгебре, астрономии и лишь преобразовались на лучший лад после перехода алхимии в химию.

Подумайте только сами! Ведь не имея идеографической китайской азбуки уже полностью для всех общеупотребительных китайских слов, нельзя было делать ею совершенно никаких исторических и литератур-

ных записей. А составить для всех их особые значки и запомнить их, не имея предварительной опоры в звуковой азбуке для утверждения приданного им первоначального смысла, не под силу никакому человеческому уму.

Даже научиться читать посредством современной китайской азбуки с помощью специального учителя и с употреблением словаря с переводом их на звуковую речь, требует не одного года упорного труда, а об изобретении ее единолично или компанией друзей, и для ее передачи ученикам от поколения к поколению в неизменном виде на протяжении тысячелетий без опоры в звуковой азбуке, и не перепутав постепенно смысла большинства значков, — не может быть и речи. Китайская азбука могла быть изобретена только людьми уже хорошо владевшими латинскою, греческою, еврейскою или арабскою звуковою азбукой.

Только от нее можно было постепенно перейти к идеографической, вводя все более и более значков, и это было даже неизбежно, по мере того, как оказывалось, что западноевро-

пейские буквы, не имеющие никаких обозначений ни для мягкого произношения (достигаемого по-русски отчасти прибавкой символа Ъ и отчасти употреблением мягких гласных Е, Я, Ю), ни для твердых Л и Ы, ни для гулких Ч и Ц, (обозначаемых неправильно через ЧЖ и ЦЗ), ни для гортанных восточных звуков. При невозможности изображать их, в односложных китайских словах, сочетаниями Sch, Tsch и т.д., так как каждая буква имеет по-китайски тут самостоятельное чтение, необходимо было выбрать один из двух способов: или утроить звуковой состав латинской (или греческой, или арабской) азбуки, или перейти постепенно к идеографическим значкам.

Возьмите, например, русские слова: «мать, мять, мат и мят» — их всех пришлось бы писать через mat (так как транскрипция miati еще хуже); возьмите слова: «был, бил и былъ» — их все пришлось бы писать через bil; возьмите: «пыл, пил, пыль и пиль» — их все пришлось бы писать через pil. Понятно, что при такой азбуке чуть не из каждой русской фразы выходили бы смехотворные двусмыс-

ленности или же непроизносимые сочетания звуков: пришлось бы вместо «чай» писать «тскхай» (по-немецки tschai), вместо «чучело» — «тскхутскхелэ» (tschutschelo) и т.д., и т.д. И несомненно, если бы письменность ввел в Китае китаец, предварительно научившийся в Европе говорить и писать на одном из ее литературных языков, то он тотчас же увидел бы, что для применения к его национальной речи европейской азбуки, ему надо ввести в нее целый ряд недостающих в ней звуков, как это и сделали (хоть и не особенно удачно) славяне, дополнив для себя греческую азбуку.

Но в Китае, очевидно, дело было наоборот. Его письменность взялись составить приехавшие туда ученые-иностранцы. Увидев, что все их попытки изобразить китайскую фонетику (содержащую не менее 60 самостоятельных звуков) своими 25 значками, приводят постоянно к словам иного значения, чем нужно, и не умея даже выговорить чуждые их уху китайские дополнительные звуки, они и стали переходить сплошь к идеографическим рисункам, оставив свою азбуку лишь в составленном ими словаре этих рисунков, как мне-

моническое средство, годное только для приблизительного изображения более сложного звукового состава китайских слов.

Только таким способом и можно объяснить современный способ китайского письма, и это показывает недавность всей китайской литературы, в противность установившемуся мнению о ее глубокой древности.

Эта же недавность доказывается и смутностью китайских описаний солнечных и лунных затмений до эпохи появления в Китае католических миссионеров, устроивших в нем свои школы и обсерватории.

Вот, например, выписка всех солнечных явлений из китайской книги «Цы-Юань», т. е. «Толковая энциклопедия» в шанхайском издании 1910 года, сделанная по моей просьбе нашей китаисткой А. А. Железновой. Там говорится, что (переведа на наше счисление) ранее -43 года до начала нашей эры, солнечные затмения были известны в Китае под названием «борьба с Черным на солнце», но не приводится ни одного описания этой борьбы, а только говорится о затмениях после начала нашей эры. Вот, например, (переведа годы на

наш счет):

«В 188 году, в 1 месяц, на солнце желто-красного цвета видны были пятна в образе летящих сорок, и это продолжалось несколько месяцев... В 299 году, в 1 месяц, были темные пятна на солнце в виде летящих ласточек и продолжалось несколько дней... В 352 году на солнце было пятно в виде трехногого ворона и длилось 5 дней... В 567 году, в 3 месяце, солнце было без света и на нем треногий ворон — 5 дней... В 579 году, во 2 месяце, были пятна на солнце с куриное яйцо...» При династии Сун (974-1276) было сделано 21 наблюдение черных пятен величиной со сливу, куриное и гусиное яйцо, их наблюдали на восходе и закате солнца на воде в тазу.

Скажите сами, что можно сделать из подобных сообщений? А первое вразумительное описание в этой книге мы находим лишь в XVII веке. Вот оно:

«В 1618 году, в 5 месяце, на солнце появился черный блин, который понемногу принимал фиолетовый цвет и потом снова сменился черным пятном».

Но и к этому правдоподобному описанию

прибавлена явная нелепость, будто «так повторялось 3 раза в течение 3 часов (в полудни)» и будто «явление это продолжалось 2 дня» (!). «Пекин был в тревоге», — заканчивает автор, хотя этому городу и не было никакой нужды тревожиться: в 1618 году действительно были два солнечных затмения, но первое из них — 26 Григорианского января 1618 года — прошло в кольцеобразном виде по Южной Африке, а второе — 21 августа 1618 года — прошло в полном виде по Северной Америке, и ни одно из них не было видимо в Китае. Ближайшее из виденных там было 29 марта (по Григорианскому счету) 1615 года и прошло в послеполуденное время в кольцеобразном виде между Пекином и Нанкином.

Значит, и это по внешности правдоподобное описание перепутано, несмотря на свое позднее время. Других затмений или вычисленных астрономических явлений в «Толковой энциклопедии (Цы-Юань)» — нет. Да и в других китайских первоисточниках, ранее XVII века они не оправдываются точным вычислением, о чем я поговорю потом.

Мне скажут, может быть, что сам же я в VI

томе «Христа» привел целый список кометных записей, собранных в рукописях Ше-Ке и Ма-Туань-Лин, вывезенных из Китая миссионерами Маилья и Гобилем (Mailla et Gaubil), где я показывал только на недостоверность этих записей до 415 года нашей эры, а позднейшие считал заслуживающими внимания. Но я этого не отрицаю и теперь, а только спрашиваю: не сочинили ли их сами эти миссионеры по европейским первоисточникам?

Ведь в то самое время была в Западной Европе большая мода на кометографии. Появился ряд кометных псевдолетописей, которые авторами доводились до их собственного времени. Роккенбах закончил также свою «Летопись» летней кометой 1596 года, Фабрициус — осенней кометой 1604 года. Риччиоли — осенней кометой 1607 года (будущая комета Галлея), Экстормиус — зимней кометой 1618 года и т. д. И в завершение этого кометоискаательства по всем векам и народам была напечатана в 1665 году огромная книга Любенецкого «История всех комет, начиная от потопа и кончая нашим временем (1665 годом)»[366].

И что же мы видим: одновременно с этим

кометным увлечением в Западной Европе появляется такое же увлечение ими в Китае, где тоже появляются два сборника — «Ше-Ке» и «Ма-Туань-Лин» — из прошлых кометных появлений, «начиная от потопа» и кончая так называемым «нашим временем». А какое же это время?

И вот курьез: последняя реальная комета, которою оканчиваются оба китайских сборника, это — комета 1617 года, которою заканчивается и европейский сборник комет Экстормиуса[367].

Может ли быть это случайным совпадением? — Только для человека, не имеющего ни малейшего представления о математической теории вероятностей!

Итак, влияние кометографии Экстормиуса тут несомненно. Кроме того, и в «Ше-Ке» и в «Ма-Туан-Лине» девять десятых сообщений даются буквально в тех же самых словах, т. е. списаны с малыми дополнениями и исключениями из какого-то предшествующего им, менее подробного сборника кометных записей. В Китае такого нет, а в Европе целый ворох.

Здесь остается странным лишь то, что у

Майлья и Гобиля, вывезших из Китая эти рукописи, пути комет среди созвездий указываются более подробно, чем в европейских летописях, но действительно ли фактичны эти китайские подробности, ненаходимые у европейцев? Приходится отметить, что во многих случаях они явно фантастичны.

Возьмем, для примера, самое позднее их сообщение (в XVII веке), когда Галилей в 1609 году уже устроил телескоп, и в Западной Европе были уже при многих королевских дворах специальные обсерватории и штатные астрономы-наблюдатели, так что не могла остаться не замеченной и не зарегистрированной ни одна комета. От 1618 по 1652 год европейцы не видели ни одной кометы, а в вывезенных из Китая миссионерами Майлья и Гобилем двух летописях описаны в этот пусто-кометный промежуток времени целых три (в 1621, 1632 и 1640 гг.), причем для воображаемой кометы 1639 года даны даже и подробности, которые в переводе на нашу терминологию таковы:

«1631 года была видна комета в области α - β - γ - δ и других звезд Ориона».

И это описание теми самыми фразами находится как и в «Ше-Ке», так и в «Ма-Туан-Линь». А в Европе, даже и в телескоп Галилея, который к тому времени действовал уже 30 лет, ничего подобного не могли заметить.

Отсюда мы видим, что даже и указание на созвездия, в которых «видели» в Китае комету, не гарантирует нас от мистификации. А одинаковые года многих комет[368], упомянутых в западноевропейских кометографиях и в разбираемых нами сборниках «Ше-Ке» и «Ма-Туан-Линь», доказывают не то, что, будто бы, европейские летописи подтверждаются китайскими и наоборот, а то, что европейские записи легли в основу китайских, и что ход комет по созвездиям, где он не переведен с европейского первоисточника, придуман самими миссионерами «от духа святого», т.е. созвездия даны кометам по астрологическим соображениям, в связи с событиями данного года: перед войной комета должна была пройти обязательно по Стрельцу, перед наводнением — по Водолею, повальной болезнью — по Скорпиону и т.д.

Конечно, это лишь мои предположения, но

без предположений нельзя обойтись в научно-исследовательской работе, зиждущейся первоначально исключительно на них, причем дальнейшее исследование подвергает или отвергает первичные догадки, ведя к новым и новым предположениям, пока они не приводят к доказуемой для каждого истине. Для меня же здесь важно показать только одно: если записи летописей «Ше-Ке» и «Ма-Ту-ан-Линь», вывезенных патерами Майлья и Гобилем около 1640 года из Китая, во многих случаях подтверждаются и европейскими записями, то это еще не доказывает, что они независимо велись и в Западной Европе, и в Китае от минус 466 года (когда первый раз совпали европейские кометные записи с китайскими) и до плюс 1618 года (когда они совпали последний раз). Факт этот может быть скорее всего объяснен кооптацией всевозможных европейских записей, привозимых миссионерами на Восток, в китайскую историю. И я уже доказал, что и европейские записи достойны в общем доверия с 307 года нашей эры, далее чего начинается их «великий перерыв» от 307 до 220 года[369], за которым

идут уже чисто фантастические сообщения.

Значит, и кометными «китайскими» записями можно пользоваться в исторических исследованиях лишь в тех случаях, когда они согласны с европейскими, начиная с 307 года нашей эры, как я и делал в моих предшествовавших исследованиях, допуская, что Майлья и Гобиль, при их сопоставлении по-китайски, могли пользоваться не одним Экстормиусом, но и не дошедшими до нас другими латинскими или мавританскими первоисточниками.

С этими предупреждениями я и перейду к изложению своей теории кооптации «татарского ига в России», т. е. событий четвертого крестового похода в Китайскую историю.

Я подниму даже вопрос: действительно ли китайская династия Юань, начавшаяся там будто бы с 1206 года, т. е. через 110 лет после проникновения крестоносцев на Евфрат и основания за ним графом Балдуином Эдесского княжества в 1096 году, была «монгольская», а не результатом углубления крестоносцев в следующее столетие, еще далее на восток, вплоть до Лхассы, Пекина и Шанхая. Не забуду-

дем уже установившийся в истории Китая факт, что вместе с династией Юань поселились в Китае католические духовные ордена, начавшие водворять там католицизм и европейские науки: астрологию, алхимию, медицину, историю европейских государств и «библейскую псевдо-историю от сотворения мира около 5508 года и до „рождения Христа“». Припомним также, что в 1583 году приехал даже к немалочисленным китайцам-христианам в качестве папского легата и наместника ученый иезуит Матиас Ричи, причем «китайцы-католики» свободно богослужили во всем Китае и основывали свои китайско-христианские школы.

Припомним, что даже и при низвержении (по-видимому, католической) династии Юаней конфуцианцами Цинами (династия Цин) в 1644 году, китайцы-католики и их религия пользовалась покровительством новых властелинов вплоть до 1722 года, когда при третьем маньчжурском императоре Ши-Цзуне (1723-1734), по прозвищу Юн-Чжен — впервые началось враждебное отношение конфуцианцев-властелинов к католическим духовным

орденам и к принявшим их религию китайцам.

Однако и тут продолжалась терпимость до того времени, когда в 1815 году приехавшие в Китай протестанты уговорили Пекинский Конфуцианский двор изгнать из своей страны католических миссионеров. Но в результате этого изгнания, однако, произошло не обращение китайских католиков в протестантство, а переход простого народа к буддизму. А как пережиток распространенного прежде католицизма в Китае, еще и в 1900 году насчитывалось около миллиона ста тысяч китайцев-католиков.

Читатель видит, что идея о господстве католицизма в Китае при династии Юань и о ее крестоносном происхождении, не так уж невероятна, как нам кажется с первого взгляда. Да и самый китайско-монгольский буддизм, с его монашеским духовенством очень похож на местное перерождение католицизма, изолированного от Рима, далеко вперед шагнувшего с того времени.

Первые известия о пользовании компасом в Европе относятся ко времени крестовых по-

ходов и находятся в некоторых сомнительных литературных памятниках XII века, по которым можно судить, что первоначальным компасом служили швейные иголки, которые тогда делались, по-видимому, железными, а не стальными; их касались магнитным камнем и они намагничивались; иголку клали на соломинку или на пробочке на воду в круглой чашке, и иголка своею длиною становилась в плоскости меридиана. Но железо быстро теряло магнетизм и иголку постоянно приходилось вновь намагничивать.

«К 12 или началу 13 века, — говорит академик А. Н. Крылов[370], — относится описание компаса, в котором намагниченная иголка была пропущена через ось, оканчивавшуюся остриями вверху и внизу, которыми она и поддерживалась свободно в подпятничках, сделанных в дне и в прозрачной крышке котелка; через эту же ось перпендикулярно к магнитной пропускалась вторая медная стрелка — указатель востока и запада.

Однако этот компас с железною стрелкою требовал постоянного подмагничивания и, судя по довольно неясному описанию, оно

производилось без вынимания стрелки из котелка, а просто поднесением магнитного камня. Устройство компаса с картушкой, стальной стрелкою, со стойкою, которою картушка накладывается на шпильку, укрепленную в центре котелка, приписывается по большей части итальянцу Флавию Джоя из Амильфи в конце 13-го века».

Склонение стрелки компаса было открыто Колумбом во время его первого плавания через Атлантический океан, причем он обратил внимание и на изменяемость склонения с местом.

Так был открыт компас в Европе. Но вот что говорили нам востоковеды XIX века.

«Поггендорф, излагая в своей „Истории физики“ историю изобретения компаса, — продолжает А. Н. Крылов, — приводит содержание письма знаменитого китаевода Клапрота к Александру Гумбольду, опубликованного последним в 1834 году.

Клапрот, по данным китайских летописей, приводит доказательство, что в Китае еще за 120 лет до Р. Х. уже была известна полярность „магнитов и свойство намагниченных иголок

указывать юг. Китайцам было известно и склонение стрелки и применение ее для мореплавания, причем их картушка делилась на 24 румба“».

«Кроме компаса для целей мореплавания в китайских летописях повествуется и о магнитных путеуказательных повозках, в которых маленькая поворотная фигурка воина или жреца указывала рукою направление юга. Изобретение этого приписывается императору Чжеу Кунгу, жившему даже за 1100 лет до Р. Х., ему же приписывают и самое изобретение компаса. Но Клапрот, выражая сомнение, что оба изобретения принадлежат одному лицу, приводит ссылки на еще более древние летописи, по которым путеводная повозка была изобретена императором Хуанг-ти и дала ему возможность победить своего соперника Чжису, преследуя последнего и в тумане, и в облаках пыли. Это относится уже к 2364 году до Р. Х., за 3800 лет до европейцев».

По Клапроту известия о путеводных повозках приводятся во множестве китайских летописей и не относятся к числу тех сообщений о китайском приоритете в великих изоб-

речениях, как, например, было с логарифмами, когда по сличению оказалось, что в китайской таблице повторяются те же самые опечатки, как в таблицах Влака, изданных в Голландии в 1628 году.

Однако, несмотря на все наше уважение к Клапроту, мы с точки зрения простого здравого смысла можем утверждать, что это такой же подлог первых путешественников в Китай — иезуитов, — как и китайские таблицы логарифмов.

Даже и в Европе только в XVI веке компас стал обычным в мореплавании прибором и нашел также применение и в горном деле, хотя самые явления магнетизма еще не подвергались систематическому исследованию. Только в письме от 3-го марта 1544 года Георг Гартман, пастор собора св. Себальда в Нюрнберге, сообщает герцогу Альбрехту Прусскому о своих работах по исследованию свойств магнита, причем указывает, что магнит не только стремится стать своей длиной так, чтобы один конец был направлен к северу, а другой к югу, но что северный конец стремится уклониться вниз и что, таким образом, кро-

ме «склонения» магнитной стрелки есть еще и «наклонение».

Отсюда ясно, что и император Чжеу Кунг и император Хуанг-Ти жили не ранее XVI века, когда компас был завезен в Китай европейскими мореплавателями.

Глава II. Кооптация IV крестового похода в историю Китая

По поводу «Истории первых четырех ханов из дома Чингисова» монаха Иакинфа Бичурина

Спрос на «Великую Татарию в Азии» не кончился книгой Багадур-хана, а продолжился и после ее «подлинного открытия в Лейдене», и вот по тому же самому экономическому постулату «Спрос родит предложение», через 69 лет после отпечатания перевода этой книги Тредьяковским, появляется на русском языке книга: «История первых четырех ханов из дома Чингисова. Переведено с китайского монахом Иакинфом. Санкт-Петербург. Печатано в типографии Карла Карола 1829». На обороте титульного листа там, кроме того, мы видим: «Печатать позволяется с тем, чтобы по

отпечатании представлены были в ценсурный комитет три экземпляра. Санкт-Петербург, 12 октября 1828 года. Цензор Статский советник Анастасевич».

Здесь «татарские ханы» являются уже признанными китайскими императорами.

Помеченный тут «монах Иакинф» — синолог Бичурин (1777-1853), глава тогдашней русской миссии в Китае. Он от 1807 до 1821 год жил в той стране и в только что названной книге дает глава за главой сначала буквальный перевод двух хроник на китайском языке, неизвестно каким образом оказавшихся в его распоряжении[371], и к ним время от времени делает свои «объяснения» философского или нравоучительного характера.

Так, например, описывая поражение в 1232 году какой-то «Ню-Чженьской державы» Угадаем (он же Октай и Угодей, умерший по «исторической традиции» 1241 году), Бичурин прерывает свой летописный перевод такими вставными примечаниями и «объяснениями» от себя:

1) «Примечание: сия кампания у Абулгази описана Ч. IV в главе V на стр. 450, 451 и 452,

где шедший тогда снег приписан действию одного Туркестанского волшебника».

2) «Объяснение. — Написав: „довели армию для вспоможения столице“, летописец сим приписывает попечение людей о службе государю. Написав: „сразились у горы Сань-фын и были наголову разбиты“, летописец говорит о сражении с неприятелем и что, хотя они разбиты, но не теряют славы. Чень-хошань прежде одержал победы в Да-чаньюань, Дао-хой-гу, но, претерпев поражение при Сань-фын, сам явился в лагерь, изъясняясь мужественно, свободно, и нимало не унился. Сим истинно доказал он свое усердие к государю. Ответ его Монголам и доньне производит сильное впечатление на читателей. И мог ли бы он достигнуть сего, если бы не был воспламенен высочайшей справедливостью? Ах! При сем действии погибли все твердые полководцы и храбрые войска царства Нючженского, и уже невозможно стало действовать. Не есть ли это воля Неба? Написав: „Умерли“, История приписала им сохранение долга».

И под годом 1227 Бичурин делает совер-

шенно справедливый недоуменный вопрос:

«Замечание. От начала мира варвары никогда не были столь сильны, как ныне Монголы. Уничтожают царства, подобно как былинку исторгают! До толикой степени возвысилось могущество их! Для чего небо попустило таким образом?»

Да! — скажем и мы. — Это их поведение так невероятно, что если не считать за выдумку, то «кроме» специального пощущения божия ничем объяснить нельзя!

В таком роде и другие примечания и объяснения «монаха Иакинфа» к переводимым им китайским сказаниям, в которых некоторые совпадения с «Багадур-ханом Абуль-Гази», до того поражают, что является даже вопрос, не сфабрикованы ли эти китайские хроники по его *Histoire genealogique des Tatars* 1726 года?

Вот как сам автор характеризует свою книгу. «История сия не есть перевод какой-либо особенной книги, но извлечение из двух Китайских сочинений, именно: из собственной „Истории Чингисова дома, царствовавшего в Китае под названием Юань“, и из „Китайской

Всеобщей Истории“, называемой Тхун-цзян-ган-му. Первая из них служит основанием издаваемой мною книги, а из второй заимствованы некоторые подробности, относящиеся к пояснению того, что сказано уже в первой.

„История династии Юань“, будучи по качеству своему не что иное, как Биография Государей, содержит нагие происшествия, без соприкосновенных к оным обстоятельств, а книга Ган-му, напротив, поясняет свои тексты кратким описанием, входя несколько в подробности событий. Сие самое побудило меня, для пояснения первой, сделать соответственное каждому году извлечение из последней.

Китайцы ввели в свою Историю особливые выражения, от которых самый слог их из исторического переходит некоторым образом в дипломатический. Например, „История династии Юань“, писанная от имени сего дома, называет Ханов Императорами, смерть их — (как у христиан) — преставлением. Но Ган-му, писанная от лица китайской нации, ни об одном иностранном государе не говорит помянутых слов. Сие обстоятельство есть главная

причина той неровности, которая видна в Китайском историческом слоге при точном переложении на другие языки.

Китайское письмо состоит не из букв, выражающих тоны голоса, но из символических знаков, дающих самые понятия о называемых вещах: по сей причине письменный язык их сам по себе недостаточен к удержанию правильного выговора в тоническом переложении собственных иностранных имен. Кроме того, национальная гордость и презрение Китайцев к иностранцам внушили им тонический выговор иностранных собственных имен, входящих в Историю, изображать более знаками, имеющими смысл какой-либо язвительной насмешки. От сего многия таковые слова переложены далеко от подлинного выговора, не смотря на то, что в гиероглифических китайских значках находятся выговоры созвучные, и даже одинаковые со звуками иностранных собственных имен.

Царствующий ныне в Китае дом Цин нашел сей способ столько же недостойным великой нации, сколько вредным для Истории: почему был издан Исторический Словарь,

под названием „Гинь-ляо-юань сань-шы юй-це“, т. е. „Изъяснение слов в трех Историях династий: Гинь, Ляо и Юань“. В сем словаре все иностранные собственные имена **исправлены и снова переложены на китайский язык иероглифами, ближайшими к подлинному их выговору**».

Таким образом, уже здесь является повод к заблуждению. А далее Бичурин справедливо продолжает:

«Все почти Истории подвержены тому недостатку, что историки, приспособляясь к свойству своего языка, переименовывали выговор собственных названий местам или употребляли названия, принятые в их отечестве, но отличные от подлинных и не делали на сие замечаний[372]. Сверх сего, самое положение древних мест не ясно было означено многими историками, или дано с изменением, и древние их названия изменились...

Географические названия заимствованы мною здесь из Землеописания Китайской империи, называемого Да-цин-и-тхунь-чжи. Но некоторых мест я не мог отыскать в упомянутом Землеописании.

Так и в повествованиях о Чингис-Хане и его преемниках нередко встречается сбивчивость в происшествиях и несходство в обстоятельствах, чему причиною то, что современные нам историки не дают понятия о тогдашнем географическом положении и политическом состоянии юго-восточных государств Азии...

Абу-гази-Ханова История народов Турецкого племени, неправильно названная Родословного Историей о Татарах, по большей части содержит историю разных отраслей дома Чингисова. Описанные там события хотя имеют историческое основание, но вообще изложены не со всею полнотою и ясностию. Самый перевод, судя по способам, употребленным к составлению оного, не мог быть точен. Французский переводчик наиболее потемнил и запутал его нелепыми своими примечаниями...»

Потом автор приводит следующее сообщение из Китайской хроники «История Чингисова дома» (отождествляемою с китайской династией Юань).

«Арун-гова (т. е. Чистая Красавица по-мон-

гольски)[373] будучи вдовою, однажды ночью видела во сне, будто через верхнее отверстие дома вошло к ней белое сияние и превратилось в златообразного, необыкновенного человека, который лег к ней на постель. Чистая Красавица от ужаса пробудилась, и после сего зачала и родила Бодон-чара (ни по-монгольски, ни по-китайски такого имени нет, созвучно только с Баддуином — царем предводителем крестоносцев)[374]. Он имел необыкновенный вид: был важен, скромен и говорил мало. Домашние называли его дурачком, но Чистая Красавица в беседах с людьми говорила, что этот сын не дурачок, а будет основателем знаменитого рода. По смерти ее, старшие братья разделили между собою наследственное имение из которого Бодонь-царю ничего не досталось.

Бедность и низкость, — сказал он самому себе, — богатство и знатность зависят от судьбы, много ли поможет имущество?

Оседлав белую лошадь, уехал он в урочище Тигровую Гору[375] и там остался жить. Он терпел крайнюю нужду в пропитании. К счастью его, однажды сокол схватил, перед

его глазами, зверька, и начал терзать. Бодонь-царь, поймав сокола силками, приучил его бить зайцев и птиц и стал пропитываться дичиною. Одна дичина только что исходила, как сокол налавливал другую, как-будто самое небо пеклось об нем (подражание Илье пророку).

По прошествии нескольких месяцев, прикочевали к нему несколько десятков кибиток из степи Небесный Дождь[376]. Бодонь-царь поставил шалаш и остался жить с ними. Они стали помогать друг другу, и Бодонь-царь уже не терпел ни-малой нужды в содержании себя. Однажды средний брат, вспомнив об нем, сказал:

— Бодонь-царь отъехал один и без имущества; думаю, что он терпит и холод и голод.

Он тотчас поехал разведать о нем, и нашедши его, взял с собою. На возвратном пути Бодонь-царь сказал брату, что жители Небесного Дождя ни к какому роду не принадлежат, и если поскорее придти сюда с войском, то можно покорить их. Брат поверил ему и, по возвращении в дом, набрав дюжих солдат, препоручил их Бодонь-царю, который дей-

ствительно покорил их (жителей страны „Небесный дождь“). По смерти Бодонь-царя, наследовал сын его Багаритай-хабицци (такого имени нет у монголов и китайцев), который родил Махадо-даня[377] (нет у монголов и у китайцев). Маха — Боданева жена, Моналунь (тоже нет такой), родила ему семь сыновей и овдовела.

Моналунь имела характер твердый и вспыльчивый. Однажды ребяташки из поколения Ялайр (такого имени тоже нет) выкапывали коренья для пищи. Моналунь, едучи в колеснице, увидела их, и рассердившись закричала:

— Сии земли суть пастбища моих сыновей! Как смеее портить вы их?

Она поскакала в колеснице на мальчишек и некоторых изувечила, а других передала до смерти. Ялайрцы же с досады угнали весь ее табун. Сыновья ее, услышав об этом, не успели надеть лат (уж и латы были у них, как у рыцарей!) и поскакали в погоню. Моналунь, чувствуя беспокойство, сказала:

— Дети мои без лат поехали; едва ли одолеют неприятелей.

Она велела снохам взять латы и ехать к ним, но они не могли догнать их. Сыновья ее в самом деле (как рыцари без лат!) были побеждены и все убиты. Ялайрцы, пользуясь победой, убили Моналунь и истребили весь ее дом. Спасся только один старший внук (по прозвищу „Кривобокий“) Хайду[378], с которым кормилица его спряталась в куче дров. „Также и Медведь[379] (Нацинь), седьмой сын Моналунь, задолго до того времени был принят в зятя одним жителем из Тощего урочища[380], и по этой причине уцелел.

Услышав о несчастьи, постигшем его дом, он пошел наведываться, и нашел только несколько десятков больных старух, между которыми находился „Кривобокий“ еще в живых. Он не знал, что делать. К счастью его, при угоне табуна, рыжая лошадь его брата, вырвавшись и с крюком на шее, прибежала домой.

Медведь, сев на нее, притворился пастухом, выехал на Ялайрскую дорогу, где встретились с ним отец с сыном (Ялайрские князьки), которые, держа соколов на руке, не в дальнем друг от друга расстоянии ехали вер-

хом на охоту. Медведь узнал соколов и сказал:

— Эти соколы взяты у моих братьев.

Он тотчас подъехал к младшему и обманно спросил у него:

— Один гнедой жеребец увел табун на восток; не видал ли ты его?

— Нет, — отвечал младший. А в тех местах, которыми ты ехал, нет ли диких уток и гусей?

— Много, — сказал Медведь.

— Не можешь ли проводить меня туда? — спросил охотник.

— Можно, — отвечал Нацинъ и поехал вместе с ним.

При обходе речной излучины, заметивши, что задний охотник далеко отстал, он заколол ехавшего с ним, и, привязав к нему лошадь с соколом, поехал к заднему конному с прежним обманом.

А тот, напротив, спросил его:

— Передний охотник мой сын; почему он так долго не встает с земли?

Медведь отвечал, что у него кровь пошла из носу.

Конный начал сердиться, а Медведь, поль-

зуюсь этими минутами, заколол его и поехал далее. Подъехав к одной горе, он увидел здесь несколько сот лошадей и при них несколько ребятишек, которые играли, мешая камешки. Медведь долго всматривался в них и, наконец, заметил, что их лошади принадлежали его братьям. Он употребил тот же обман и пред ребятишками.

Потом, поднявшись на гору, он посмотрел во все стороны, и так как не видно было ни единого человека в окрестности, то убил всех мальчиков, и, посадив соколов на руку, погнал лошадей домой. Здесь взял Кривобокого и больных старух, он возвратился в Тощее Урочище. Как только Кривобокий подрос, Медведь с жителями урочищ: Точее и Кумыс — объявил его князем. Кривобокий, вступив в правление, пошел с войском на племя Ялайр и покорил его. Мало-по-малу он усилился; поставил ставки свои в Тощем Урочище при Черной Речке[381], а для свободной переправы во всякое время, навел через нее мост.

После этого начали приходиться к нему жители из разных племен, а по смерти его, всту-

пил во владение сын его Бай-шен-хур[382], после него наследовал сын его Думбагай[383]. По смерти Думбагая вступил во владение сын его Габул-Хан[384]. По смерти Габул-Хана, преемствовал сын его Хвастун[385]. По смерти его вступил во владение сын его Исукей[386], который особенно усилился через покорение других племен. Исукай[387], после кончины своей, в 3-е лето правления Чжи-Юань в 1266 году (вероятно опечатка и надо 1206 год) наименован по-китайски Ле-цзу Шень-Юань-хуан-ди.

Он, воюя с племенем ТАТАР, полонил самого Владетеля их, по имени Тэмуцзинь (т. е. Стальной, окованный в сталь, как рыцари того времени). В сие же время ханына его Улын родила Чингис-Хана, который держал в руке кусок крови, ссевшейся наподобие красного камешка. Исукай изумился и по этой причине назвал сына именем своего пленника — Стальным (Тэмуцзином) в память своих военных подвигов.

Отселе далее везде, где только у нас встречается слово Чингис-Хан, на китайском языке употреблено в „Истории“ слово Ди, что зна-

чит Император, а в „Ган-му“ в текстах — слова: Мын-гу, т.е. Монгол; в объяснениях же моих — Монгольский Государь“.

Таково вступление к Китайской псевдо-летописи „История Чингисова дома, царствовавшего в Китае под названием Фань“, в том виде, как оно переведено главою русской миссии в Китае Иакинфом Бичуриным в его книге — „История первых четырех ханов из дома Чингисова“. Где находится теперь Китайский подлинник этой „Истории Чингисова Дома“, поправляющий во многом французскую книгу, уже цитированного нами его предшественника, благодарованного хана Абул-Гази, — я не мог узнать (его нет в Академии Наук). Но отнесемся пока к Бичурину с большим доверием, чем к Богадуру Абул-Гази.

Прежде всего, я отмечу последние строки. Оказывается, что отец Чингис-Хана не только не был татарин, но покорил татар. Он назвал своего сына Тамудзином в честь разбитого и плененного им татарина по прозванию Стальной[388]. Но ведь это же нелепо! Какой победитель назовет своего первенца именем своего разбитого врага!

Отметим затем и примечание Иакинфа, что „везде, где у него написано слово Чингис-Хан, оно принадлежит ему самому“, а не документам, которые он, якобы переводил буквально». Он сам говорит, что в «Истории дома Юань» изображен везде только чертежик, произносимый китайцами Ди, созвучно с итальянским Дио и с французским Dieu — божество, хотя и в смысле верховного земного императора. А во втором его первоисточнике «Китайской Всеобщей Истории», — по его же собственным словам, — везде, где он говорит Чингис-Хан, стоят два чертежика, произносимые китайскими грамотеями как Мингу.

Конечно, Иакинф Бичурин ответил бы на эти замечания, что он так перевел, потому что ему и в голову не приходило, чтоб китайская династия, называемая Юань, не была тождественна с «Чингис-хановым домом»... Так, мол, делали все до него, все верили своему первоисточнику, как богу, не осмеливаясь проверять его ни по логическому смыслу, ни по его соответствию с географическими, этнографическими и экономическими обстоя-

тельствами. Так почему же и ему, Бичурину, не идти по следам своих учителей?

Но современный свободомыслящий историк уже не имеет права так отвечать и поступать. Он кроме изучения по архивам или отдельным книгам «Истории» какого-либо народа и кроме ее разбора с реалистической точки зрения, старается узнать и историю этой истории, т. е. когда и как выработалось данное сказание. И вот из приведенного мною отрывка мы видим, что вся приведенная тут родословная Железного рыцаря Темудзина, называемого также Чингис-Ханом, чистейшая фантазия, начиная от девственного зачатия его предка в десятом колене Бодонь-царя Чистую Красавицей от чудесного златообразного ангела (уж не Гавриила ли?), сошедшего к ней ночью с неба в белом сиянии, и кончая его собственным рождением от жены благодарованного Абул-Газиева Иесуги-багадура. Но и дальнейшая история этого «Мудрого Прародителя Воинственного императора»[389] по имени Стальной, по прозванию Киот[390] является чисто фантастической, хотя в переводе Иакинфа Бичурина, ко-

торым я пользуюсь, она и имеет внешний вид вроде «Летописи Нестора», помеченной год за годом и ведет свой рассказ как раз от 1201 года, когда (в 1202 году) начался четвертый крестовый поход рыцарских и духовных орденов папы Иннокентия III на азиатский Восток и до 1260 года, т. е. до конца Латинской крестовосносной империи на Востоке, когда в 1261 году греки отняли у крестоносцев Царь-град.

Уже одно это хронологическое совпадение наводит на критические размышления, да и содержание летописи, где оно не похоже на сказку, тоже навеивает ряд скептических соображений.

Вот, например, под 1204 годом, когда крестоносцы взяли у греков Царь-град, мы читаем: «1204 год. — В лето Цзя-цзы, царь Ди (отождествляемый Бичуриным с Чингис-Ханом) назначил великое собрание при Тамага-голе, для совета о предприятии войны на Восьмерых (Найманей)[391]. Все вельможи представляли ему, что теперь, в начале весны, лошади тощи, и надобно дожидаться глубокой осени. Но младший брат Царя Ди — Забронированный[392] сказал:

— Всякое дело лучше решать немедленно. Не для чего отговариваться худобой лошадей.

Благовестник также сказал:

— Восемь (народов) хотят отнять у нас лук и стрелы; это значит, что они уничтожат нас. Справедливость предписывает нам единодушно умереть. Они тщеславятся, полагаясь на обширность своих владений; но если напасть на них врасплох, то наверно можно ручаться за успех дела[393].

Царь Ди, довольный этим, сказал, что идучи на войну, с такими людьми, нельзя усомниться в успехе. И он пошел войною на Восемь (царств) и остановился с войском при Цинь-дахань-голе (у Заячьей горы). Сначала он отправил в поход Хубири (что значит: Всебери) и Чжеба (исковерканное иностранное слово) с передовым корпусом. Властелин Восьми (народов) Диянь-Хан (Божий царь) [394] пришел от Ань-Тхая и расположился лагерем при подошве Хан-гая. К нему присоединились:

1) Тохто, глава народа Не-ли-ци; 2) Алинъ, глава народа Степей; 3) Хутук-беци, глава народа князя Ва-И-ла (по-монгольски князя Ой-

рат)[395] и еще народы: 4) Дурбош, 5) Татар, 6) Хатагинь и 7) Салчжут (все иностранные слова: — отметим, что это и есть царство 8 народов, если прибавим сюда и собственный народ Диан-Хан). Таким образом Диан-Хан сделался довольно сильным. В это время одна хилая лошадь из Чингисханова войска от испуга забежала в лагерь восьми (народов). Божий царь (Диан-Хан), увидя ее, сказал своим чиновникам, что монгольские (?) лошади тощи и слабосильны. Надо бы заманить неприятелей подалее во внутренность страны, а после того, вступив в сражение, забрать их в плен. Но генерал „Твердая Палка“[396] сказал на это:

— При покойных государях в сражениях они мужественно шли вперед, не обращаясь назад, чтоб не показывать неприятелю ни хвоста лошадиного, ни спины солдатской. Предлагаемое тобою нам теперь отступление не означает ли внутреннего страха? А если страшишься, то для чего не велишь Ханыпе предводительствовать войском?

Диан-Хан (божий царь), огорченный этим, тотчас вскочил на лошадь и приказал начать

сражение. А Чингис-Хан препоручил Хачжару (т. е. Узде) управлять центром армии. В сие время Чжамхак (иностранный слог), находившийся при Божьем царе, подъехал осмолетреть его войско и видя его в совершенной исправности, сказал своим приближенным:

— Восьминародды, начиная войну, почитали Монгольское войско за стадо козлят и ягнят, они думали совершенно перетоптать их и не оставить ни кожи, ни ног. По моему замечанию оно теперь уже далеко от того состояния, в каком прежде было.

После этого он отделился со своим войском и ушел. В тот день царь Ди вступил в главное сражение с войском Восьми (народов); после полудня взял он в плен Диан-Хана и убил его. Войска прочих народов все вдруг рассеялись: одни ночью убежали в горы, где их погибло великое множество, падая с утесов; остальные же в следующий день все покорились. Вслед за этим и народы: Дурбош, Татар, Хотагинь и Сад-чжут, также покорились. Вскоре царь Ди пошел на покорение Морхис, глава коего Тохто[397] бежал к старшему брату „Божьего царя“ Боро-Хану, а подданный его Да-

ир-но-сунь, представив царю Ди свою дочь сначала покорился, но опять отложился и ушел».

А для 1206 года, когда основана была Латинская империя Болдуина, мы читаем: «1206 году — Первое лето Бинь-инь. Царь Ди, собрав всех князей и чиновников при вершинах Онони[398] выставил девять белых флагов и вступил на императорский (ханский) престол. Князья и чины поднесли ему название Чингис-Хана. Этот год был шестое лето династии Гинь, правления Тхай-хо». А далее сам Бичурин делает примечание:

«Это было первое лето от Чингис-Ханова вступления на императорский престол. Китайцы ведут летоисчисление по правлениям государей: почему при вступлении каждого государя на престол дают название продолжению будущего его правления и снова начинают считать годы до первого лета царствования его. Последний год покойного государя причисляют к его же царствованию, а правление нового государя считают с начала следующего года. Первые четыре государя из дома Чингисова царствовали в Монголии и потому

не имели китайских названий своим правлениям».

Итак, мы видим, что для 1204 года, когда крестоносцы царя-царей Иннокентия III одержали решительную победу над Византийцами, в состав которых действительно входило не менее восьми народов, здесь указана решительная победа царя (Ди) над царством восьми народов (Найманским царством).

Правда, место действия указано здесь в китайском тексте у Ань-Тхая, который отождествляют с Алтайскими горами, но я уже не раз указывал (в согласии и с мнением самого Бичурина) на то, что старые историки, не имевшие никакого понятия о географических картах, невообразимым образом путали местности.

Я уже имел случай говорить, что и сама Монголия не азиатское национальное имя, так как это слово не имеет там никакого значения, и что, по-видимому, это греческое слово Мегала, т. е. Великая страна, а слово монголы происходит от старогреческого мегалой, т. е. великие, точно также как и слово маг происходит от славянского корня могучий, да по-

латыни Маг-нус имеет то же значение, как и старо-греческое Мегал-ос, т. е. великий. В китайской письменности мы имеем соответственно этому слову соединение двух чертёжиков, произносимых китайцами на их языке, как мангу (или отбросив окончание -у, манг).

Считая, что китайцы поставили эти чертёжики, звукоподражая какому-то иностранному слову, для точного воспроизведения которого у них нет фонетического значка, мы приходим к выводу, что имя «монгол» действительно заносного происхождения и что так пришлось бы китайцам изобразить на своём языке слово маг. Значит мангу и маги тоже самое слово в двух произношениях, а монголы лишь другое их название от греческого — мегалай, т. е. великие. Благодаря отсутствию у китайцев фонетической азбуки и вытекающей отсюда для них необходимости переделывать иностранные имена на созвучные с ними собственные национальные слова, почти неизбежна национализация позднейшими китайскими грамотеями всех записей и преданий об иностранных народах и землях,

имена которых достались им от прежних поколений, т. е. в национальные деятели якобы древней китайской истории могли попасть и Юлий Цезарь, и Карл Великий, и папа Иннокентий III, и герой крестовых походов Балдуин, а Италия, Египет, Византия — легко могли перейти через две-три сотни лет на положение собственных провинций Китая. С этой точки зрения и надо еще пересмотреть китайские летописи, употребляя для сопоставления все предложенные мною в моей работе способы.

Оставляя пока все это для дальнейших своих исследований в историологической области, я здесь, в связи с ними, рассмотрю только, не являются ли китайские сказания о Чингис-Хане и его преемниках лишь китаизированием героев и вдохновителей крестовых походов, с которыми они имеют не только хронологическую изомерию, но и следы качественного исторического параллелизма, являясь как бы искаженным отражением на Востоке, через кривое зеркало того, что в то время происходило на Западе.

Ведь, действительно, если римский царь

царей — папа по-русски назывался батя, то и батя-хан, т. е. Батый-хан (первично Батяй) мог быть его названием, и подвиги его полководцев могли быть приписаны ему лично, как, например, делается с юридическими постановлениями и законами. Если тот же папа по-русски назывался еще тятя, или по-детски тата, то благодаря заносу славянских слов в Азию (где они многочисленны, как я уже показывал ранее, и в санскрите, и в вендской письменности, то и исчезнувший давно народ та-тань в Моголии может представлять собою просто тятин народ, т.е. папских миссионеров во внутренней Азии во время тех же крестовых походов, хотя «отцами» — батями и тятями назывались и предшествовавшие им ромеиские проповедники арианства, так что даже и Татрские горы, между Венгрией и Галицией, могли первоначально называться у славян тятя-арийскими горами, т. е. горами отца Ария.

Нет ни малейшего сомнения, что и арийцы, переселившиеся из Ирана (т. е. арианской земли) в северную Индию и давшие там для религии полуславянский санскритский язык

и божественную троицу — три-мурти, вместе с Кришной-Христом, был вовсе не кочевой народ, приехавший туда в кибитках с женами и детьми, а те же сначала арианские, а потом и христианские миссионеры с Балканского полуострова, лишь потом национализированные там преданием в смеси с местными богами, и перенесены молвою с греческого Парнаса на Гималайские горы.

Я не буду загромождать этой главы огромным количеством примеров присвоения себе прежними безлитературными народами иностранных богов и деятелей, так как и эти мысли я привел лишь для того, чтоб оправдать полную законность моего сомнения в азиатском происхождении «Чингис-Ханового мечтания», как в русских летописях называется его тень, которой будто бы приказывал поклоняться Батя-хан — Батый, преемник Чингис-хана.

Ведь и самое имя Чингис-хан, как я уже упоминал, созвучно лишь с англо-саксонским Кингис-хан (King's chan) или с немецким (Konigschan), причем и слово Хан тут просто сокращение арианского Коган — главный

священник. Но возвратимся к нашему предмету.

Чтобы проверить хронологию, я отыскал через 21 год после завоевания царства 8 народов — под 1227 годом — в переведенной Бичуриным летописи такое место.

«... (некий плохо локализованный) двор прислал к Монголу (считаемому за прозвище Чингис-Хана) своего придворного и принца Отун[399] с предложением о мире. Монгол, обратись к своим чиновникам сказал:

— После того, как в прошлую зиму ПЯТЬ ПЛАНЕТ БЫЛИ В СОЕДИНЕНИИ, я дал клятву более не производить убийств и опустошений, но забывал издать милостивый манифест. Теперь надобно обнародовать об этом, чтобы и путешественники знали о моем намерении».

«В этом месяце Нючженский государь покорился. Мангу остановился в области при реке Си-цзян. Осенью, в седьмой месяц, в день Жинь-ву, он почувствовал себя нездоровым; в день Сычеу (в восьмой день после болезни) преставился при Салиголе в Харатуском двореце... Он обладал глубоким умом и ве-

ликим рассудком. На войне был чрезвычайно быстр: по сей причине мог уничтожить сорок владений; а после покорил и Си-ся. Число блистательных его подвигов весьма велико. Жаль, что современные историки не все собрали или много опустили из записок. Царевич Тулей принял регентство над царством».

Если год автора начинался, как у латинян того времени, с марта, то «прошлой зимой» было время от октября 1226 по март 1227 года нашего январского счета. Я вычислил указанное здесь соединение планет и получил такие интересные результаты.

1) Во весь 1226 год нашего счета Юпитер гонялся взад и вперед за Сатурном по созвездию Козерога и, обогнав его, перешел в 1227 год в Водолей, где и пробыл зиму 1227-1228 года, а Сатурн еще оставался в Козероге.

2) В ту же зиму в ноябре и декабре 1226 года Марс обогнал обе эти планеты в Козероге, когда они были еще видны над только что погасшей вечерней зарей.

3) Среднее декабрьское новолуние было около 21 декабря 1226 года при солнце в созвездии войны — Стрельце — около 287° со-

временной нам эклиптикальной долготы, а догнала Луна Юпитера, Сатурна и Марса в виде узкого серпа в самую рождественскую ночь на 25 декабря, когда солнце было на 291° эклиптикальной долготы.

4) Венера на 25 декабря 1226 года шла в вечерней видимости прямым движением от верхнего соединения с солнцем около 23 элонгации, т.е. мимо 314° современной нам эклиптикальной долготы, в середине Козерога.

5) Меркурий 25 декабря 1226 года шел, как и все остальные планеты, прямым движением около 18 элонгации от верхнего соединения с Солнцем, мимо 307° эклиптикальной долготы по современным нам координатам.

Мы видим, что указанное здесь соединение всех планет в вечерней видимости в рождественские дни в Козероге после их ухода из созвездия воина Стрельца для того, чтобы вслед за этим соединиться с Солнцем, могло показаться (но только для католических астрологов!) символом победоносного окончания их крестоносных войн и общего примирения и просвещения народов.

И интересно, что в следующий за этим год,

в котором по рассматриваемым нами первоисточникам «преставился» великий монгольский царь, умер преемник и продолжатель воинственной политики папы Иннокентия III папа Гонорий III (1216-1227 году) и параллельно монгольскому, так называемому «Угадаю» (созвучно с русским словом угодник и с греческим Агио-диос — святой-бог) воссел на папском престоле Григорий IX (1227-1241). А умер этот Григорий IX, так как и Угадай (он же Угдей и Октай) в 1241 году Выходит как будто Угадай был папа Григорий IX, а Чингис-Хан папа Гонорий III (оба умерли 1227 году), но только в Чингис-Хане с Гонорием III объединен и его предшественник папа Иннокентий III, со времени взятия Царьграда. При этом хронологическом сопоставлении невольно является такой вопрос:

Вышеприведенный гороскоп, относившийся на Западе Европы, конечно, к смерти папы Гонория III, не перенесен ли насильственно на время смерти Чингис-Хана, под именем которого воображение азиатов объединило Иннокентия III и Гонория III? И не отнесена ли к году 1227 смерть «Великого Завоевателя» не

потому, что он действительно умер в этом году (а не в 1216-1217), а именно потому, что в это время все планеты сошлись между Стрельцом и Козерогом, а затем ушли в Водолей — крестителя планет, знаменуя этим наступление общего мира? Ведь весь слог книги Гань-му настолько художественный, и в ней столько фантазии, что она очень похожа на европейские произведения XVIII века.

В общем Чингис-Хан, как видит сам читатель, не является в своих первоисточниках реальной личностью, а походы какие ему приписываются, он мог бы сделать, судя по их расстояниям, как я уже показывал, только летая на аэропланах. Вот, например, о его походе на Индию в 1222 году[400]:

«Монгольский государь отправил на запад своих сыновей: Чжоцзия, Чаганьшая, Угадая и Тулая, каждого с особым корпусом, они взяли города Хань-то-дар, Трун-хаши и пр., а сам он взял города Телими и Балк (неизвестное место, созвучно только с Балканами). После того он приступом взял крепость Запретную [401] (Тарху) и приблизился к Магометанскому царству, владетель коего, оставя столицу,

бежал на морской остров, и там в непродолжительном времени умер с голоду. После того Монгольский Государь расположился в Индии у крепости Железные ворота (по-китайски Тъже-мынь-гуань). Там телохранители увидели одного зверя, который имел подобие оленя, конский хвост, зеленый цвет, один рог, и мог говорить по-человечески. Зверь этот сказал телохранителям: — Вашему государю надлежит заблаговременно возвратиться.

Монгольский государь изумился и спросил об этом у философа Елюй-чуцая[402]. А тот ответил:

— Зверь этот называется Го-дуань[403] и понимает языки всех народов; он знаменует незаконное кровопролитие. Теперь уже четыре года, как большая армия воюет с Западом. Поэтому Небо, гнушаясь убийствами, послало его для объявления своей воли тебе, государь! Пощади, в угождение Небу, жителей этих нескольких царств! Это будет бесконечное счастье для тебя»[404]. Вследствие этого Монгольский государь произвел великие грабежи в Индии, и возвратился.

Скажите сами, читатель, миф это или ре-

альность? И если здесь зеленый зверь, говорящий по-человечески — выдумка, то почему же не выдумка и весь поход? И на какой морской остров мог бежать «Магометанский государь» на западе Азии, если повод к этой легенде не пришел с берегов Средиземного моря?

Посмотрим теперь и на преемника «Монгольского императора», которого называют у нас Угедеем[405] и который по «Ган-Му» вступил на престол в 1229 году, как раз, когда император Фридрих II начал V крестовый поход в Палестину (1228-1229).

Прежде всего оказывается, что такого имени в исследуемой нами книге нет.

«В подлиннике, — говорит Иакинф Бичурин (с. 148), — вместо Угедей везде написано император Тхай-цзу...» А между тем он же сам — Бичурин — вместо Тхай-Цзу пишет самовольно везде Угедей! Но на каком же основании?!

Я здесь отмечу только одно: этот самый Угедей, по другому произношению Угадай (и по третьему Октай), был, — говорят нам, — монгольским императором от 1227 года по

1241 год, да и верховный руководитель крестовых походов после Гонория III, папа Григорий IX царил в Риме тоже от 1227 по 1241 год. «На поклон к Октаю в глубину Монголии, — говорят нам ортодоксальные историки, — ездил Константин, сын великого князя Киевского Ярослава Всеволодовича (1201-1246 гг.), а затем и сам Ярослав в 1241 году, но в живых уже не застал Октая». Но это он мог сделать только в припадке острого помешательства, так как при тогдашних путях сообщения нельзя было добраться ранее года или двух ни монголам до Киева, ни киевлянам до Монголии, благодаря невозможности ехать по степи без дорог зимою и в летнюю засуху. Другое дело, если он, сделавшись униатом, ездил в Рим... Но тогда хан (т. е. Кохан — священник) Угедей и был — папа Григорий IX.

Он первый установил придворные церемониалы, — пишет «История Дома Чингисова» под 1229 годом, — и по ним Ханские родственники и вельможи учиняли поклонение. При нем обнародованы были и главные государственные установления. Нючженский Двор (место его не определено) прислал Агудая (т. е.

Толстого человека) с приношениями к погребению Чингис-Хана. А Угадай сказал ему (совершенно как папа Григорий IX послам Фридриха II в 1228 году):

«Твой государь долго не покоряется и принудил покойного хана состариться на войне, чего я не могу забыть. К чему присылать приношения к погребению?[406]»

Он не принял приношений Нючженского (т.е., выходит Германско-Неаполитанского) Двора и решил продолжить войну с ним. Он установил, чтобы Монголы ежегодно платили со ста лошадей одну кобылицу, а с рогатого скота и овец по одной голове со ста. Завел хлебные магазины и учредил почту для развоза указов. На Китайцев (??), обитающих по северную сторону Желтой реки (Дуная?) наложил подать, считая по домам, что препоручил управлению Елюйчуца. В Западном краю положил подушный оброк с совершеннолетних мужчин. Государи Индустанский (?) и Муруйский (Морейский) приехали ко Двору. В Западном краю покорился владетель города Избара. В том же году Нючженский двор вторично прислал посланника с дарами, но

дары его не были приняты.

Как видит читатель, война с Нючженским царством разгорелась лишь при преемнике «Чингис-Хана», так называемом Утедее, одновременно с тем, как вновь разгорелись крестовые походы на Восток и при преемнике Гонория III — Григории IX (1227-1241), и началась ссора этого папы с германским императором Фридрихом II.

«Монгол, — продолжает книга „Гань-Му“ под 1232 годом, — намереваясь возвратиться на север, отправил посланника из Чжен-чжеу в Бянь, с предложением, чтобы Нючженский государь покорился; сверх того, он требовал прислать академика Чжай-бинь-вынь и еще Ян-шен-гун с Кхун-юан-цо и других, всего двадцать семь фамилий, также семейства лиц, признавших монголов, жену с детьми генерала Ира-бухи, швей и птич-ных охотников. Но вместо всего, Нючженский государь отправил своего первого министра Ли-ци, чтобы представить Монголам в заложники царевича Ваньянь-шев-сунь[407] и просить о мире. Генерал-прокурор Фоймо Эгудэ (-Удэ) назначен был Нючженским посланником для заключе-

ния мира. Но они еще не отправились, когда монгольский принц Субут, услышав об этом, сказал:

„Я получил повеление осаждать (Нючженский) город: другого ничего не знаю“.

И он поставил осадные машины, построил палисад на берегу городского водяного рва; заставил пленных китайцев (?), даже женщин, девиц, стариков и детей носить на себе хворост и солому, чтобы завалить городской ров. В несколько минут заровняли они около десяти шагов. Но так как решили договариваться о мире, то министр Ваньянь-баксан не смел сражаться с Монголами.

В городе обнаружилось неудовольствие и ропот. Нючженский государь, услышав об этом, в сопровождении шести или семи конных поехал за ворота Дуань-мынь и прибыл к судовому мосту. За это время от недавнего дождя сделалось грязно. Благодаря тому, что государь выехал неожиданно, жители столицы в изумлении не знали, что делать, они только становились на колена подле дороги, старики и дети теснились перед ним; некоторые по ошибке касались его одеяния. В скором вре-

мени прибыли к нему министры и прочие чиновники. Подали ему парaplю, но он не принял и сказал:

„В армии все ходят под открытым небом: для чего же мне иметь парaplю?“

Но, что же это такое, читатель! Ведь **парaplю** — это французское слово **paraplui** — **зонтик**! Значит, Нючженский царь говорил по-французски, или оригинал первоисточника этой китайской летописи был на французском языке! Ведь сам Иакинф Бичурин никогда не назвал бы зонтика парaplюем, если б это слово не стояло в его подлиннике. Но продолжим записку и далее.

„К нему (т. е. императору) подступили около 60 солдат из юго-западного корпуса и сказали:

— Северные войска уже до половины заровняли городской ров, а министр отдал приказ не пускать ни одной стрелы, опасаясь помешать переговорам о мире. Что это за расчет?

Государь сказал им:

— Я для спасения подданных решился именоватья вассалом (Угедея), платить ему дань

и во всем повиноваться. Я имею только одного сына, который еще не пришел в возраст: теперь и его я посылаю в заложники. Потерпите несколько, пока этот князь выедет. Если после того Татаньцы не отступят, то и тогда не поздно будет отчаянно сражаться.

В тот же день великий князь отправился в путь: но Монголы, несмотря на это, начали осаждать город соединенными силами.

В столице строили баллисты во дворце. Ядра были сделаны совершенно круглые, весом около фунта; а камни для них брали из горы Гын-ио[408]. Баллисты, употребляемые Монголами, были другого вида. Монголы разбивали жерновые камни или каменные кашки (голыши) на два или на три куска, и в таком виде употребляли их. Баллисты были построены из бамбука, и на каждом углу городской стены поставлено их было до ста. Стреляли из верхних и нижних попеременно, и ни днем, ни ночью не переставали.

В несколько дней груды камней сравнялись с внутреннею городской стеной. Монгольские войска употребили огненные баллисты[409] и где был сделан удар, там по горяче-

сти нельзя было тотчас поправлять и помогать. Старики сказывали, что государь Шицзун из династии Чжеу, строя здесь городскую стену, брал глину для сего из Ху-лао. Сия глина крепка и плотна, как железо, и от ударов из баллист приметны были на ней одни впадины. Монгольские войска сделали за городским ровом земляной вал, который в окружности содержал сто пятьдесят ли. На сем валу были амбразуры и башни. Ров в глубину и в ширину имел около 10 футов. На каждом пространстве от 30 до 40 шагов был построен притын, в котором стояло около 100 человек караульных.

В начале Баксань приказал построить за городскими воротами земляные пристенки, кривые и узкие, чтобы два или три человека могли приходить и стеречь, дабы монголы не могли отбить ворот. Генералы предлагали делать по ночам вылазки, но войска не могли нечаянно выступать, а если когда и выходили, то тотчас были примечаемы монголами.

Потом выбрали 1000 человек отважнейших солдат, которые должны были, из прокопанного под городской стеной отверстия, пе-

репльв через ров, зажечь подставки под баллистами. На стене городской выставлены были сигнальные фонари из красной бумаги, по зажжению которых надлежало плыть через ров, но монголы и сие приметили.

Еще спускали бумажных змейков в виде гусей с прикрепленными к ним объявлениями, для убеждения взятых в плен Китайцев (?). Когда сии змейки были над монгольским лагерем, то нитку отрывали. Политики говорили, что министры хотят бумажными гусями и фонарями отразить неприятеля, но что это трудно.

В сие время Нючженцы имели огненные баллисты (т. е. настоящие пушки-мортиры), которые поражали, подобно грому небесному. Для этого они брали чугунные сосуды, наполняли их порохом и зажигали огнем. Горшки эти назывались чжень-тьхяньлэй (т.е. потрясающий небо гром). Когда такая баллиста (пушка) ударит, и огонь вспыхнет, то звук уподобляется грому и слышен почти за 100 ли. Они сжигали (все) на пространстве 120 футов в окружности, и огненными искрами пробивали железную броню.

Монголы еще делали будочки из воловьих кож, и подойдя к городской стене, пробивали в ней углубление, могущее вместить одного человека, которому с городской стены ничем нельзя было вредить. Но Нючженцы изобрели против этого способ спускать с городской стены на железной цепи горшки (бомбы) чжень-тьхянь-лэй, которые достигши выкопанного углубления, испускали огонь (взрывались), совершенно истреблявший человека, даже покрытого воловьей кожей. Кроме того, употребляли они (нючженцы) летающие огромные копья (ракеты), которые пускались посредством зажигания в них пороха и сжигали все на 10 шагов от себя. Монголы не только этих вещей боялись. Они осаждали город 16 суток, денно и ночью. Около МИЛЛИОНА (!!!) человек с обеих сторон было убито при той осаде. После этого и могила матери Нючженского государя была раскопана.

Принц Субут видел, что невозможно взять города и потому, приняв ласковый тон, объявил, что открывает мирные переговоры, и что военные действия прекращаются. Нючженское правительство согласилось на его

предложения и отправило Ян-цзюй-жинь, советника палаты финансов, за город угостить монгольские войска и поднести дорогие дары. Субут дал слово отступить с войсками и расположился между реками Желтою и Лошуй.

Вице-министр (Нючженского царя) Чиги-кацик, приписывая себе славу в защите города, хотел в сопровождении всех чинов явиться во дворец с поздравлением. Но другой вице-министр, Найцзу-сэлэ, сказал:

— Клятва, учиненная под городскими стенами почитается в Чунь-цю стыдом: кольми паче можно поздравлять с прекращением осады?

Кацика, рассердившись, сказал:

— Престол спасен, государь избавлен от опасности, а вы не считаете это радостью?

Он приказал академику Чжао-вынь-бин сочинить поздравительный доклад. Но Чжао-вынь-бин сказал на это:

— По словам Чунь-цю, когда новый дворец сторел, три дня плакали. Ныне после таковой осады столицы, в сообразность обрядам, надлежит утешать, а не поздравлять.

Тем дело и кончилось.

Нючженский государь, вступив на ворота [410] Дуань-мынь, объявил амнистию, обнародовал награду чиновникам и разночинцам, которые могут починить или возобновить какой-либо важный город; войскам он сделал угощение и награду, уменьшил свой стол, отменил ненужных чиновников, отпустил девиц из дворца, запретил в докладах именовать себя премудрым. Слова: „премудрый указ“ заменил одним словом: „предписание“. В столице прекращены были строгие меры, и пешие солдаты стали выходить за ворота Фын-цю-мынь для сбора зелени и дров.

Но после этого открылась в городе зараза, продолжавшаяся 50 дней. В течение этого времени вынесено было из городских ворот около 900 тысяч (!!!) гробов, не считая тел бедных, которые не в состоянии были похорониться“.

Таково описание осады столицы страны Нючжень. Переводчик этого, Бичурин, прибавляет от себя так:

„Объяснение. — Положение Нючженского двора час от часу становилось хуже. Тщетно

просил он мира у монголов. Олень, попавший в яму, может ли он убежать? Так как твердые полководцы и храбрые войска погибли, то уже не возможно стало помышлять об обратных завоеваниях... Хотя и так, но каждый, что делает, то и получает в возмездие. Таково есть взаимное соответствие небесного порядка. Нючженцы притесняли Срединное государство; хищнически овладели землями дома Сун. Точь в точь таким же образом и монголы поступали с ними“.

Таково наивное объяснение синолога Бичурина к переводимой им серии главок из „Всеобщей китайской истории“[411]. Но это и хорошо. Мы сразу видим, что имеем право, во-первых, доверять искренности таких простодушных людей, и, во-вторых, критиковать их книги, зная, что простодушные люди легко поддаются обману и переводят подлинник, какой он есть, не замазывая словесной штукатуркой его щелей и трещин.

Я уже обратил внимание на слова:

„Прибыли к нему (Нючженскому императору) министр и прочие чиновники. Подали ему параплуй, но он не принял и сказал: „в

армии все ходят под открытым небом, для чего же мне иметь парашлюй“““.

И вот я теперь снова спрашиваю: каким же образом попало в китайскую хронику 1232 года французское название зонтика — парашлюй, т. е. отражатель дождя?[412]

Разве не было для зонтика у китайцев самостоятельного названия? Подумать, что сам Бичурин, при его, только что отмеченной мною, наивности, подобно мадам де-Курдюковой, произвольно перемешивал русский и французский языки — невозможно. Скорее можно думать, что он при своем семинарском и духовно-академическом образовании, „обратившись лицом к востоку“, а „спиной к западу“ (как впрочем и большинство востоковедов), он совсем не знал французского языка, и потому принял французское слово в имевшейся у него китайской рукописи за монгольское, и оставил его без перевода... Но в таком случае и автор самой китайской „Всеобщей истории“ пользовался для нее не исключительно китайскими, а также и французскими летописями. Значит и сама эта „Всеобщая история“ может быть действительно не нацио-

нальной монгольско-китайской, а ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИЕЙ ЗЕМНЫХ НАРОДОВ, принятой за историю мифических китайских провинций, исключительно благодаря китайскому рисунчатому письму, при котором нельзя изобразить иностранных имен, не перерядив их в китайские костюмы.

А сведения об иностранных народах легко могли занести туда сначала ромейские, а потом и католические миссионеры, принесшие туда буддизм, браманизм и конфуцианство, а вместе с тем и эту рисуночную письменность, благодаря, во-первых, тому, что ни в греческой, ни в латинской азбуке не хватало букв для изображения количества Китайских звуков речи вчетверо большего, чем в западно-европейской речи и, во-вторых, и потому, что в западной научной письменности уже практиковался способ рисуночного и символического письма (в виде наших цифр и многочисленных астрономических, алхимических и тематических международных значков, этих истинных зародышей современной китайской письменности). Ведь совершенно ясно, что современная Китайская система ри-

суночного письма не могла образоваться сразу, не пройдя через стадию полу-фонетическую, так как никакой человеческий ум не мог бы придумать и закрепить в своей памяти без помощи фонетической азбуки все эти тысячи значков, и передать их ученикам. А в неполном собрании они были бы так же бесполезны, как и у нас была бы бесполезна азбука, в которой употреблялось бы лишь 5-6 букв, а для остальных не было бы дано никаких фигурок.

Значит, такая азбука, как китайская, не могла развиться эволюционно из самой себя, а только путем постепенного внедрения в какую-нибудь, хотя бы и иностранную фонетическую азбуку ее множества символических значков сначала для тех слов, для которых не доставало в ней звуков, а потом постепенно поглощая фонетику целиком, и очень интересно было бы проследить, не найдется ли в китайских однозвучных или односложных словесных чертежах каких-либо признаков сходства с их арабским, индусским, греческим и латинским начертаниями?

И нет ли в китайских летописях других

следов французского происхождения, кроме отмеченного мною смешного парашлюя? Ведь тоже совершенно ясно, что если б в данном месте китайской рукописи стояло, как это полагается в рисуночном письме, изображение зонтика, то Бичурин и назвал бы его по-русски зонтиком, а не исковеркал бы французский язык, назвав его парашлюем, вместо рагарлуи. Значит, и в рукописи его было не изображение зонтика, такое сочетание чертёжиков, которое в сумме произносилось так, как он передал. Уже одно это слово есть признак того, что его летопись составлялась французским китаистом и, скорее всего, католическим миссионером, сношения с которыми начались, если верить современной нам версии китайской истории, лишь после низвержения исследуемой нами Юаньской династии, она же будто бы Чингисханова, хотя династию Юань теперь считают на китайском престоле не ранее, как с 1289 по 1367 год. А после нее с 1368 по 1644 была, — говорят нам, — династия Мин, при которой начались постоянные морские сношения с Западной Европой, особенно с 1522 года, когда порту-

гальцы появились в Макао, при устье Кантона и основали там свою торговую факторию, и вслед за тем появились на востоке Китая и испанцы, и другие западно-европейские народы. Все это дало возможность проникновения в Китай и западно-европейских слов, и особенно названий для предметов ввозимых в Китай из Европы, вроде французских зонтиков.

Тогда же европейцы должны были завести впервые в Китай и компас, и порох, и пушки. Отвергать то, что компас был впервые изобретен и применен к мореплаванию только итальянским инженером Флавио Джойа (Flavio Gioia) из Амальфи в 1302 году и что огнестрельный порох был изобретен впервые при химических опытах со смесью серы, селитры и угля, немецким францисканским монахом Бартольдом Шварцем (или как его иначе называют (Constantin Anklit) вслед за компасом и применен к огнестрельному оружию впервые только в 1319 году, — нет решительно никаких оснований. Последнее изобретение настолько громко, что оно не могло бы быть обойдено молчанием, если б его сдела-

ли ранее, да и компас дал бы себя знать тотчас же всему плавающему миру. Так и случилось, когда они были действительно изобретены.

А что же мы видим в разбираемой нами „Всеобщей китайской истории?“

Еще за 80 лет до изобретения пороха Бартольдом Шварцем, когда преемник „Чингис-хана“ Угедей — осаждал несуществующую теперь в Китае нючженскую крепость Бянь[413], и в которой зонтик назывался по-французски рагарлуи, как осажденные нючженцы, так и осаждающие их кочующие монголы, уже употребляли в деле и пушки-мортиры, и ракеты, начиненные порохом, и перебрасываемые как зажигательное средство в осажденный город и из него через стену.

Все в этом описании так ярко, что сомнений быть не может: во дворце Нючженского короля делали в 1232 году, как в Европе только через сто лет, круглые каменные ядра для пушек и мортир, а монголы употребляли для своих огнестрельных орудий даже каменную картечь, разбивая жерновые камни-валуны

на два и на три куска.

В подражание общеизвестному в XVI веке рассказу о том, как Бартольд Шварц, оставив в ступе смесь серы, селитры и угля вместе с пестом, стал высекать огонь, и от упавшей туда искры произошел страшный взрыв, причем выброшенный пест сделал выбоину в потолке (что и послужило к изобретению пушек-мортир, имевших сначала вид чугунных горшков), так и тут мы находим следующий рассказ:

„Нючженцы (в своей столице Бяне) имели огненные баллисты, которые поражали подобно грому небесному. Для этого они брали чугунные горшки (т. е. что-то вроде Шварцовой ступы и первичных пушек-мортир), наполняли порохом и зажигали огнем. Горшки эти назывались „потрясающий небо гром“ (чъжень-тьхянь-лей). Когда такая баллиста (т.е. пушка) ударит и огонь вспыхнет, то звук уподобляется грому и слышен почти за сто ли (около 300 километров). Они сожигали (поражали огнем) все на пространстве 120 футов в окружности (т.е. в диаметре около 5-6 сажень), и огненными искрами (осколками)

пробивали железную броню“.

Ракеты тоже хорошо были известны нью-женцам в 1232 году, когда крестоносцы еще и не подозревали о пушках и о порохе.

„Они употребляли летающие огненные копы, которые пускались посредством зажигания пороха, и сжигали на десять шагов от себя“.

Да и кочующие монголы Чингисханова преемника Удегея не отставали. Войска их тоже (как мы видели) употребляли „огненные баллисты“, „и где был сделан ими удар, так по горячести нельзя было сразу тушить“.

И если верить всему этому, то, очевидно, что изобретение пороха и пушек было известно обоим сторонам уже давно, так как иначе одна из враждующих сторон убежала бы ментально в паническом страхе.

„На каждом углу городской стены, — говорит автор, — поставлено было до ста (огнестрельных орудий), стреляли попеременно из верхних и нижних (сверху из города и снизу в город?) и не переставали ни днем, ни ночью. В несколько дней груды камней (т. е. каменных ядер и их обломков) сравнялись с внут-

реннею городской стеной...“

Но ведь это типическое описание осады западноевропейской крепости XIV-XVI века!

Тут мы видим вполне разработанный артиллерийский бой, из тех, какие происходили впервые у западных европейцев в конце феодального периода, — когда дисциплинированные и хорошо вооруженные королевские войска (а не скопища кочующих монголов!) осаждали неприятельский укрепленный город, каким тут и обрисован Нючженский Вянъ.

Читатель видит сам, что если верить всему этому, как происходившему в Китае в 1232 году, то приходится допустить, что не только порох, ракеты и большие пушки, выстрелы которых были подобны небесному грому и слышны за сотни километров, но даже и железные брони против них были известны монголам уже при Чингис-Хане, умершем в 1227 году, т. е. всего за 5 лет до описанной здесь осады. Так почему же он не употреблял их? Почему не употребляли их его полководцы, когда разбили русских князей на реке Калке в 1224 году, положив начало „монголь-

скому игу“, за восемь лет до только что описанной замечательной осады? Почему не употреблял их Батый в знаменитой битве при реке Сити даже и через шесть лет после этой осады, в 1238 году?

Почему не научились у монголов этому искусству их соседи, азиатские магометане, в их борьбе с крестоносцами? Ведь пушки не иголки, чтоб их утаить, и порох слишком громкое средство для того, чтоб его замолчать после только что описанной осады столичного города Бя-ня, когда притом же порох был уже известен не одним кочующим монгольским князькам в их кибитках, но и их культурным соперникам, защищающимся в крепости, построенной по образцу Московского Кремля... Как могло это случиться? Конечно, только в сказке, а не в реальности. И, кроме того, откуда добывали кочующие монголы наследников Чингис-Хана селитру и серу для приготовления пороха в таком огромном количестве? Положим, что селитру они покупали в Индии, где ее выщелачивают и теперь из селитроносных скоплений органических отложений... Но где покупали они серу? Ведь совре-

менное техническое получение ее из серного колчедана стало возможным только в новейшее время, а вплоть до возникновения научно-оборудованных заводов ее получали только из богатейших залежей, так называемой самородной серы в Сицилии, как результата деятельности ее вулканов. Мы видим, что только что приведенные подвиги кочующих монголов не выдерживают ни малейшей критики не только с технологической точки зрения и с точки зрения материальной культуры, но даже и с самой архивно-исторической точки зрения.

Для сопоставления псевдо-китайских источников с русскими в деле Батыева нашествия, я сделаю здесь опять выписки из „Истории Чингисханова Дома“, царствовавшего в Китае под именем „Юань“ (по Иакинфу Бичурину). Вот например под 1235 годом:

„Весною хан (Угедей) обвел стеною город Хоринь (место его неизвестно) и построил в нем дворец Бань-Ан-Гун. Он отправил князя Бату (Батыя), царевича Куюка и племянника Мунка[414] завоевать западный край“. И далее под 1236 годом:

„По представлению (философа) Елюй (Ильи) — Чуцая учреждено (в Хорини) Историческое общество. Для библиотеки его взяты книги из городов Ян-цзын и Пхин-Ян. Ученый Лцы-Чже был назначен историографом; Ван-Вань-цин и Чжао-Чжо его помощниками“.

А по „Тань-Леу“ в то же лето написано так: „Кинча (считаемая за Россию) отстоит от Срединного государства на 30 тысяч ли (французское lieu). Летом ночи там бывают чрезвычайно коротки. Солнце едва закатится и тотчас всходит. Сия страна производит отменных лошадей, и богатые разводят их в великом множестве. Жители обыкновенно спят на металле и коже[415]. Мужественны и храбры; тверды и пылки. Глаза имеют синие (голубые), волосы рыжеватые. Мунка с армией пришел к морю Кхунь-шьхянь-ги-сы. Неожиданно поднялся сильный ветер, и воды морские пересохли. После сего он пошел далее и вырубил народ, а старейшину Ва-чи-ман живого взял в плен. Потом он обложил города Гань-лосы и Ме-цио-сы, и покорил их“.

Это самое место и отождествляют с нашим Батыею на Русь, бывшим по русским ле-

тописям не в 1236, а в 1238 годы.

„...и пьянство, особенно в последнее время, стало постоянным. Философ Елюй-Чуцай[416] неоднократно увещевал его, но Хан не слушал. Поэтому Елюй-чуцай однажды, показывая ему железный ободок, заржавевший от вина, сказал:

— Это железо приняло такой вид, будучи съедено вином. Что же сказать о пяти чревах человека?

После того монгольский государь несколько уменьшил меру вина. На второй месяц того же года болезнь его усилилась и пульс прервался. Шестая ханьша не знала, что делать. Она позвала Елюй-чуцай, в ответ он сказал, что теперь должности препоручают людям недостойным, продают места и торгуют судопроизводством, многие содержатся в тюрьме безвинно. Надлежит даровать прощение в поднебесной. Ханьша немедленно хотела произвести это, но Елюй-чуцай сказал ей, что без повелений самого государя не может этого сделать. Вскоре Монгольский государь несколько пришел в чувство. Ханьша доложила ему о даровании амнистии, и он тотчас

согласился на это. По издании прощения, пульс его пришел в обыкновенное состояние, но через месяц болезнь усилилась. Елюй-чуцай, по выкладкам на числах великой единицы, нашел, что не надлежит ему выезжать на звериную охоту.

„Если не стрелять с коня, — сказали приближенные, — то в чем удовольствие?“ И хан выехал на охоту на пять дней. На возвратном пути он приехал к Отагу хулань-оле, где Уньдур-хамар предложил ему вино. Хан веселился до самой полуночи, а на другой день скончался.

Монгольский государь утвердил еще прежде, чтобы наследовал после него внук его Шилмынь. Но Ханьша позвала Елюй-чуцай и спросила его об этом деле. Елюй-чуцай сказал:

— Этого я, как вельможа посторонней фамилии, знать не могу. Есть завещание покойного императора. Должно поступить по нему.

Ханьша не послушала его совета и объявила себя правительницей в Хорини“.

Далее я беру из „Ган-Му“ под 1243 годом.

„В ее время Уньдур-хамар получил силу в государственном управлении, и пред могуществом его все преклонялось, как в столице, так и вне. Ханьша положила, что если какой член (сената) не подпишет бланкеча с постановлением Уньдур-хамара, то отрубить ему руки. А Елюй-чуцай сказал на это:

— Государственные дела все без исключения препоручил мне покойный император. Если дело не противно порядку, то считаю своей обязанностью привести его в исполнение. Но если его не должно проводить, то я не буду уклоняться и от смерти за отказ: не говорю уже об отсечении рук.

Ханьше неприятен был такой ответ.

Елюй-чуцай с досады и горести впал в болезнь и скончался. Ханьша приказала приближенным освидетельствовать его дом. Нашли только около десятка гуслей и несколько тысяч (!!) древних и новейших книг, картин и древних письмен на металле и камнях.

Елюй-чуцай имел высочайшие дарования и далеко превосходил всех прочих. С праводушием служил он при дворе и не унижался перед силою. Каждый раз, когда представлял о

пользе или невыгодах отечества, он показывал силу в словах и ревность в своем виде. Монгольский государь сказал однажды ему:

— Ты опять хочешь плакать за народ. Елюй-чуцай часто говаривал:

— Лучше искоренить один вред, нежели помочь одной выгоде, лучше пресечь одно дело, нежели начать новое“. Слова эти сочтены достопамятным наречением.

В первое лето правления Шунь-чу, по смерти, он был пожалован королевским титулом, и наименован Вынь-чжень[417]. Дом Юань принял царство после великих неурядиц. Закон Неба исчез, порядок человеческий рушился. Присовокупите к сему кровопролитную и жестокую войну между югом и севером. Вельможи, имевшие силу в правлении, были из иноземцев, покоренных или поддавшихся. Язык и разговор их были непонятны, виды и цели их неодинаковы. Елюй-чуцай, будучи простой ученый, одиноко стоял между ними. Подлинно трудно было производить ему то, чему он учил. Впрочем, в распоряжениях правительства можно приметить две или три десятых доли его трудов. И если бы

не было тогда Елюй-чужая, то неизвестно, что последовало бы с родом человеческим....»

Такова отметка в «Гань-Му» под 1243 годом. Такова была культура Монголов в 1243 году. Под этим же годом говорится и о том, как дом Юань принял царство после великих неурядиц. Но как же мог знать все это автор в 1243 году, когда, по современным сведениям, Юаньская династия возникла только через 45 лет и царствовала от 1289 по 1367 год?

Пойдем и далее. В истории Чингисова дома читаем по Бичурину: «В лето 1244 цвя-чень, летом, в 5-й месяц, президент сената Елюй-чужай скончался». Значит у монголов был и СЕНАТ, как в Риме того же времени?

А далее в «Гань-му» под 1246 годом мы находим: «Куюк был старший сын Государя Гхай-Цэунь. Мать его, шестая ханьша, управляла царством четыре года. Затем собравшиеся князья и вельможи положили в (государственном) совете возвести Куюка. И он вступил на ханство в урочище Анги-сума-толм. Но государственное управление еще было в руках Ханьни.

Через год Куюк скончался (в 1248 году), 48 лет от рождения, в урочище Ханья. В храме предков он назван Дин-цзун. В то время в государстве была великая засуха. Вода в реках совершенно высохла, в степи выгорели травы. Из лошадей и рогатого скота пало более 4/10 частей. Силы народа истощились. Ханьша Уладай-эси приняла правление государством от имени Шильмыни (Соломона) сына Кучуева, но князья и вельможи были противного мнения».

Смерть Куюка относят к апрелю 1246 года, а затем Иакинф Бичурин или его первоисточник вводят трехлетие смутного времени и междоцарствие, после чего на престол возводят Мункэ-хана из другой линии. Можно думать, что это междоцарствие служит указанием, что Мункэ взят уже из других первоисточников и присоединен искусственно. Во всяком случае его подвиги совершенно фантастичны.

«Некогда, — говорится в предисловии в 1251 году „Истории дома Чингисханова“, — он напал на поселение Кипчак, старшина которого Бацимак бежал на (какой?) морской ост-

ров. Хан, услышав о том, немедленно пришел туда с войском. Сильный ветер согнал морскую воду с мелких мест, так что можно было переправиться. Хан, обрадовавшись, сказал:

— Само небо открывает дорогу мне!

После того он пошел далее, изрубил войско бацимаково, и самого его взял в плен. Хан приказал ему стать на колени, но Бацимак сказал:

— Я был обладателем государства и могли дорожить жизнью? Сверх того я не верблюду: для чего мне становиться на колени?

Хан приказал содержать его под караулом. Бацимак говорил к стерегущим его:

— Я, бежавши в море, воображал себя рыбою: но взят в плен. Так небу угодно. Теперь приближается время возвращения воды, и войскам вашим надобно заблаговременно предпринять обратный путь.

Хан, услышав о том, немедленно возвратился с армиею. В то время вода начала прибывать, и задние войска переправлялись уже вплавь. После того Хан с князем Бату пошел войною на Россию[418]. Прибывши к городу Алици, он самолично вступил в сражение и

взял этот город».

«В подлиннике, — делает примечание к этому месту Бичурин, — стоит на китайском языке Е-ли-цзань, и, кажется, должно быть Рязань».

Но неужели вам не смешно при одной мысли о прыжке в Рязань с какого-то Тихоокеанского острова, куда бежал Бацимак. Ведь никаких промежуточных островов от Тихого океана до Рязани нет!

Посмотрим теперь рассказ об этом же Мункэ и по псевдолетописи «Ган-Му»:

«По кончине Куюка, — говорит „Ган-Му“, — долго не поставляли государя. В столице и вне ее все беспокоились. Князь Мункэ, полководец Улань-хаде и прочие собрались для совещания, кого возвести на ханский престол. Посланник от Ханьни Куюковой, присутствуя на сем собрании, сказал:

— Прежде, по завещению Хана Угадэя, внук его Шилмынь назначен был приемником престола, о чем князь и все чины знают. Ныне Шилмынь еще жив, но мнение совета склоняется к другому: где же поместим Шилмыня?

Но Улан-хада и прочие не слушали его. И Мункэ по общему избранию вступил на престол в урочище Куйтын-ола. Покойного отца своего Тулэя он включил в число императоров, в храме предков назвал его Жуи-цаун. Но Шилмынь и младший его брат не могли остаться спокойными. Поэтому Мункэ взял инакомыслящих князей под строгий присмотр, а советников их предал казни. После этого он обнародовал при дворе постановления, которых требовали обстоятельства, и прекратил ненужные работы. Ярлыки и печати, которые были выданы князьям и вельможам без разбора, приказал все отобрать. С этого времени правление сосредоточилось в одном лице...»

А вот что было по «Истории Дома Чингисова» через два года, в 1253 году.

«Хан производил облаву в урочище Цецек Чагань-нор. Он собрал князей на северном берегу Онони (в Забайкальской области) и щедро одарил их. В Корею он назначил Чкалатая (?) восточным главнокомандующим и отправил Бицик-берка сделать начисление народу в России. Приказал генералам До-гортаю и Са-

ли-Торху идти войною на царства Иньдустан и Кашмир (!!). А сам Хан предпринял только путешествие в урочище Хуриху-ноинь-буха...»

Скажите сами, читатель, как вам это нравится. Река Онон и теперь течет в Забайкалье, сначала как горная речка, потом спокойно по малозаселенной степи.

Правда, что на берегу ее имеется одно месторождение олова, но оно было открыто лишь в 1812 году. Правда, что на правом берегу этой отдаленной реки находится в степи урочище (т. е. пограничный поселок) Делюн-Болдок, выдаваемый за родину мифического Чингисхана. Но это еще не дает реке Онону права числить жителей Новгорода, Москвы и Киева, особенно в XIII веке, когда не было еще ни аэропланов, ни железных дорог... Да еще и через Гималайские горы посылаются отсюда армии в Индию!

Только как определили переводчики звуковой состав для имен всех названных здесь местностей по китайскому рисуночному письму?

Сам Бичурин утверждает, что китайский словарь географических имен, которым он

пользовался (и пользуются современные китайцы), составлен в Китае только в начале XIX века по велению царствовавшего при Бичурине императора и, несомненно, с помощью если не самого Бичурина, то европейских миссионеров из католических духовных орденов.

«В сем словаре, — говорит он[419], — все иностранные собственные имена (династий Гинь, Ляо и Юань) исправлены и снова переложены на китайский язык иероглифами, ближайшими к подлинному (иностранному) их выговору».

Но какое же доверие мы можем иметь к этой тенденциозной переделке, когда ее результаты — и географически, и стратегически — настолько нелепы, что стыдно даже и возражать! Что бы вы ответили, например, если б кто-нибудь с перепугу вам сказал:

— Как странно! Вдруг монголы, вспомнив о своих подвигах при династии Чингис-хана, переделают свои кибитки на аэропланы и прилетят к нам, устроят и у нас во всем свете новое монгольское иго?

Вы бы, конечно, только рассмеялись, а

между тем такое событие в XIII веке было еще более невозможно ввиду отсутствия аэропланов. Закончим же эту фантазию о монгольском когане Мункэ, имя которого сильно напоминает англосаксонское monach? — монах, его характеристикой в псевдолетописи «Ган-Му» под 1259 годом.

«Мункэ был степенен, решителен, говорил мало, не любил пиршеств, о себе говаривал, что он следует примеру своих предков. Он имел страсть к звериной охоте и до безумия верил волхвам и ворожеям. При каждом предприятии призывал их к себе и почти ни единого дня без них не был. Некоторые утверждают, что он умер от раны стрелою...»

«У Абул-гази, — делает Бичурин примечание к этому месту, — осада им города Ха-Яжец описана в IV части, в гл. 4-ой на стр. 479», где он губернию Сы-чуань назвал Чинукачин, вероятно Чен-ду-чан, главный в губернии город; а город Ха-чжеу назвал Чин, т. е. Чен, что на китайском языке значит город.

Да и вообще говоря, есть много признаков, что автор псевдо-монгольских летописей о Чингис-Когане и его преемниках времени

«татарского ига» пользовался фантастической книгой богодарованного когана, Абул-Гази, хотя есть и варианты, особенно в именах [420].

А потому не может считаться необоснованным и мой взгляд на Чингис-хана и его приемников в период «монгольского ига на Руси», как на призраки из пустыни Гоби, или как на отражение в миражах этой пустыни подвигов крестоносцев, действительно совершавшихся в то же самое время на противоположной стороне Азиатского континента в Сирии, Палестине, Малой Азии, Месопотамии и во всех тех странах, в которых было татарское (а не татарское!) иго.

Ведь все рассказы о нашествиях монголов на восточную Европу действительно похожи на смутное эхо крестовых походов. Сама ономастика достаточно указывает на это.

Мы видели здесь, что Великая и Малая Кумания (Kumanien — по-немецки), о жителях которых — куманах — говорят нам русские и иностранные летописи, до сих пор находятся на своем месте в восточной Венгрии. Великая Кумания между реками Тейсой, Дунаем, Татр-

скими (т.е. Татарскими) и Карпатскими горами. А Малая Кумания — между Тейсой, Дунаем и теми же Карпатскими горами. Нам говорят, что эти куманы (самое имя которых значит кумовья или братушки, как называют себя юго-западные славяне) половецкого происхождения... И с этим нельзя не согласиться, если под именем половцев мы будем подразумевать поляков или украинцев. Мы можем согласиться с П. Голубовским и другими исследователями русских летописей в том, что куманы составляли одно целое с печенегами, если слово печенег мы будем производить от русского слова печник, строитель печей, так как в той же существующей и до сих пор Кумании мы находим и графство Пешт, по-славянски Пещь (по-русски печь), и город Офен (что по-немецки значит тоже печь), да и его славянское название Буда-Пешт значит Будильная печь в смысле выплавки — чугуна (теперь доменная печь).

Мы можем согласиться с П. Голубовским (исследованием которого я много пользовался в этой главе), что и торки русских летописей те же самые куманы восточной Венгрии,

если слово торки или турки мы будем производить от южно-русского тур — вол[421], откуда, кажется, имя Волынь — страна волов (хотя можно производить это название и от слова «воля»).

Но допускать, что венгерцы и куманы пришли в современную Венгрию из Средней Азии в XIII веке, значит выходить уже из области точной науки в область фантазмагорий.

Основой переселенческих тенденций здесь служит, по-видимому, двойное значение слова турки, происшедшее из названия балканских славян туроведами (тур-ники — быч-ники), перешедшего затем и на покровителей их магометан, откуда пошел азиатский извод и самих венгерцев, и куманов. Я говорил уже здесь о розысках учеными XVIII-XIX веков Великой и Малой Венгрии где-то в Средней Азии и о том, что это привело к ничем не обоснованной догадке, что Великая, Малая и Высокая Татария (как называлась в действительности Великая, Малая и Высокая Кумания по имени своей самой выдающейся особенности Татрских, т. е. Татарских гор) нахо-

дится на границе между Юго-восточной Европой и Средне-западной Азией. Благодаря этому заблуждению и стали называть «Малой Татрией», т.е. «Татарией», Казанские, Астраханские и Крымские колонии балканских ариан, бежавших от натиска христианства, а Большую Татарию окрестили современный Туркестан, на восточную возвышенную часть которого перенесли сверх того название Высокой Татарии, аналогично венгерским высоким Татрам. От такого недоразумения и в историю самого Венгерского государства вкралось, как и в русскую, локализационное недоразумение: «В царствование Андрея IV (1235-1270, т. е. в разгар насильственного окатоличенья западно-славянских ариан папскими орденами) вторглись, — говорят нам венгерские историки, — в Венгрию татары, принудившие короля бежать на Юго-Запад в Кроацию, а потом они были оттеснены обратно».

С нашей точки зрения это был натиск на чисто мадьярское правительство в тогдашней Венгрии тех же самых куманов из Татров, которые под именем Татаровей (или Тартаров — адских людей) сделали одновременное

нападение и на русских, а мысль о приходе сюда с прибрежий Каспийского моря, в кочевых кибитках с женами и детьми, еще более нелепа географически и стратегически, чем и их приезд из Каспийской Степи на реку Сить, недалеко от русского города Мологи.

Тоже самое можно сказать и о появлении татровцев в Польше при Болеславе V (1226-1279). Из татровских гор это было легко, а попробуйте-ка из-за нижней Волги, и притом в действительности, а не на одной географической карте.

Таким же образом произошло и переселение первичных Болгар на русскую Волгу из-за смещения с нею старого арианского названия нижнего течения Дуная Раздельною Рекою (библейское — Фалег-Волег-Вольга). А кроме того и появление татар в Ярославле, Владимире и Нижнем Новгороде не относится ли вместо северных городов этого имени к Ярославлю, Владимиру Волынскому и даже к Нейбургу, т. е. тоже Новгороду, около Вены?

И вот, если мы станем на эту западническую теорию татрско-татарского ига, то в общем летописная история старинной русской

умственной культуры вырисовывается в таком виде:

Первоначально со времени Владимира в Киевской Руси было греческое православие. В эпоху крестовых походов, с основания Латинской империи на Балканах, русские князья, а с ними и население, перешли к унии с католицизмом и стали ездить в Татры или за Татры на свое благословение и утверждение папским легатом в Кумании.

Начало этого обращения от православия к католицизму положил Рюрик (Ростиславович) в 1203-1204 году, когда захватил и разграбил Киевские православные церкви одновременно с захватом крестоносцами Царь-Града и с разграблением в нем греко-восточных церквей Балдуином при основании Латинской империи в 1204 году.

Этот период католической унии Киевских, Московских, Новгородских и других удельных княжеств продолжался, по-видимому, даже и позже обратного отнятия греками Царь-Града вплоть до 1389 года, когда Московски-Владимирский великий князь Иван Калита получил из ордена право лично собирать

дань с русских княжеств и отвозить в Татары (Татры[422]). Но в это время уже начался из-за католических насильственных сборов поворот русского духовенства к одержавшей верх Византии, где в то время, после изгнания из Царь-Града католиков-крестоносцев в 1261 году, царствовали из династии Палеологов Андроник III (1332-1341) и Иоанн V (1341-1391), а греко-восточным патриархом был Иоанн XIV (1333-1347).

Такой поворот, конечно, был вполне понятен: кумир низверженный — не бог, и русскому духовенству соблазнительно было перейти к победителю, особенно когда его сторонники сами усердно приглашали русских к себе. Отсюда и понятно, что еще в 1327 году верному рыцарю «Золотого Ордена» Ивану Даниловичу Калите пришлось разгромить, вместе с татарскими войсками, Тверь в наказание за убийство орденского миссионера, по-русски посла[423], Щелкана (а по другим копиям — Шеф-Кала).

В 1340 году Калите же пришлось наказывать Смоленск за отступничество от «хана» (т.е. кагана — властвующего первосвященни-

ка). Однако ничто уже не могло остановить начавшегося отлива русского духовенства от побежденного на востоке Европы католического Христа к Христу православному.

Хотя в 1453 году малоазиатские османы отняли у греков Царь-Град и основали в Европе свою Оттоманскую (по-русски Турецкую) империю, они все же оставили восточное православие неприкосновенным в своей стране, как религию политически союзную с магометанством в его борьбе с католическими орденами. А потому вполне естественно и понятно, что и Московский великий князь Иоанн III в 1480 году тоже перестал, наконец, платить дань так называемой Татарской Золотой Орде (а по нашей терминологии — Татрскому Золотому Ордену) при активной помощи никого другого, как магометанина, Крымского хана Менгли-Гирея, завязавшего с Москвою против крестоносцев дружеские отношения с 1474 года, через двадцать лет после занятия османами Царь-Града и прекращения наступательного движения воинственного католицизма в восточной Европе.

С обычной точки зрения этот союз совер-

шенно непонятен, да и ненужен, потому что только сумасшедший московский царь стал бы выражать покорность и возить дань какому-то степному хану близ Каспийского моря, от столицы которого вслед затем не осталось даже и следа, так что археологам XIX века долго пришлось мучиться в поисках, раньше чем кто-то предложил им ни на чем, кроме отчаянья, не основанную догадку, что «могучая столица Золотой Орды» должна быть не иначе как «около городка Царева» (теперь Ленинск) на левом берегу предкаспийского ответвления Волги, и что уничтожил ее никто иной, как тот же единоверец ее ханов, только что упомянутый Менгли Гирей[424] в 1502 году, рассердившись на своих отдаленных соплеменников и единоверцев. Таким же малоубедительным способом и современная нам «Сарай-чиковская станица» на реке Урале была в XIX веке признана за «Новый Сарай» (Сарвил Джадид) «Ногайского хана Золотой Орды». Не смотря на свое могущество, — говорят нам, — и этот сарай был разрушен какой-то «Компанией беглых казаков» в 1580 году, так что потомки их и живут теперь на его

позабытом всеми месте...

Читатель видит сам, что все эти события более, чем удивительны: они просто невозможны, а потому нам остается только решить, почему и как «татарское иго» перенесено с Запада на Восток?

Но ответ на это не труден. И я уже его давал.

Таблица XVI. Появление имени Иоанн среди европейских властелинов, начиная со времен крестовых походов и его последующая вульгаризация

Двадцатилетия	Византийские	Русские	Первые Иоанны на западноевропейских тронах (вторые, третьи не показаны из-за недостатка места)
1000	1096 — первый крестовый поход		

1100	1118-1143	1124-1141	
1120	Иоанн II Комнин	Иван Васильевич в Теремовле в Галиции	
1140		?-1147	
1160		Иван Юрьевич в Суздале	
1180		1192-? Иван Всеволодович в Стародубе	1166-1211 Джон Безземельный в Англии
1200	1202 — Четвертый крестовый поход. Начало Латинской империи на Балканском полуострове в 1204 году		
1220	1222-1253 Иоанн Дука в Нике	Латинская феодальная федерация крестоносцев на Балканском по-	?-1207. Иоанн Коло (Иоанни Кий) в Болгарии.
			1216-1222. Иоанн I в Швеции.
1240			1231-1237.

		луострове. Отсутствие Иванов среди русских князей	Жан Бриен де Шатлэ — латинский император в Царь-Граде
1260	1261 — Греки отнимают Царь-Град у крестоносцев. Восстановление Византии на Балканском полуострове		
1280	1258-1296 Иоанн IV Ласкарис		1296-1346. Иоанн Слепой в Богемии
1300		?-1302. Иван Дмитриевич в Переяславле	1316. Жан I Постум во Франции

1320		1328-1340. Иван Данилович Калита в Москве 1334-1359. Иван Александрович в Смоленске	
1340	1341-1355 Иоанн VI Кантакузен опе- кун Иоанна V	1353-1364. Иван I Иванович Крот- кий в Зве- нигороде и Фузе.	1357. Иоанн I в Португа- лии
1360		?-1359. Иван II. Умер мо- нахом ра- нее отца	
1380		1381-? Иван Вла- димиро- вич в Сер- пухове	1379-1390 Хуан I в Кастилии и Леоне.

		?-1402. Иван Все- владович в Холме	1387-1396 Хуан I в Араго- нии. Весь этот про- межуток наполнен вторыми и т.д. Иоанна- ми
1400		?-1426. Иван Ва- сильевич в Ярославл- е	
		?-1426. Иван Ми- хайлович в Твери	
1420	1425-1478 Иоанн VI Палеолог		
1440	1453 — Взятие Царь-Града тур- ками. Конец Византийской Им- перии		

1460	Начало Турецкой Империи	?-1456. Иван Федорович в Рязани	
1480		?-1490. Иван Иванович в Твери.	1487-1509. Ян Заполя в Венгрии.
		1495-? Иван Иванович в Рязани	1492-1501. Иоанн (Ян) I Бранкович в Польше
1500		?-1503. Иван Борисович	1496-1503. Иоанн I Бранкович в Сербии
		1462-1505. Иван III Васильевич «всея Руси» в Москве	
1520		1533-1584. Иван IV Васильевич Грозный в	?-1532. Иоанн Твердый, Курфюрст

		Москве.	Санксо- нский
1540		Послед- ний «Иван» на русском троне	Продол- жения Иванов на тронах
1560			
1580		Конец «Иванов» на Рус- ском тро- не	Уменьше- ние или прекра- щение «Иоан- нов» на Западно- европей- ских тро- нах и огромное распро- стране- ние этого имени среди простого наसेле- ния всех европей- ских госу- дарств
1600			

Глава III. Откуда железный витязь (Тимур) и его мимолетная феодальная империя в Средней Азии?

Тимур (Тамерлан)[425] — один из величайших мировых завоевателей, родился 11 марта 1336 года в городе Кеше (ныне Шахрисабз в Бухарском ханстве) или его окрестностях; происходил из отуреченного монгольского племени Барулас. Во время малолетства Тимура произошло распадение джагатайского государства в Средней Азии. В Мавераннехре с 1346 года власть принадлежала тюркским эмирам, и возводившиеся ими на престол ханы правили только номинально. Монгольские эмиры в 1348 году возвели на престол Туклук-Тимура, который стал править в Восточном Туркестане, Кульджинском крае и Семиречье. Первым главой тюркских эмиров был Казаган (1346-58). Тимур первоначально был главой шайки разбойников, образовавшейся в смутное время. С ней он вступил на службу к владельцу Кеша Хаджи, главе племени Барулас. В 1360 году Мавераннехр был завоеван Туклук-Тимуром; Хаджи бежал в Хорасан; Тимур вступил в переговоры с ханом и

был утвержден владетелем Кеша, но должен был удалиться после ухода монголов и возвращения Хаджи. В 1361 году хан снова занял страну; Хаджи снова бежал в Хорасан, где был убит; Тимур был утвержден владетелем Кеша и одним из помощников монгольского царевича Ильяс-ходжи (сына хана), назначенного правителем Мавераннехра. Тимур скоро отделился от монголов и перешел на сторону их врага Гусейна (внука Казагана); некоторое время они с небольшим отрядом вели жизнь искателей приключений; во время одной стычки в Сеистане Тимур лишился двух пальцев на правой руке и был тяжело ранен в правую ногу, отчего стал хромым (прозвание «хромой Тимур» — Аксак Тимур по-тюркски, Тимур-лонг по-персидски, отсюда Тамерлан). В 1364 году монголы были вынуждены очистить страну; правителем Мавераннехра сделался Гусейн; Тимур вернулся в Кеш. В 1366 году Тимур восстал против Гусейна, в 1368 году помирился с ним и снова получил Кеш, в 1369 году снова произвел восстание. В марте 1370 года Гусейн был взят в плен и убит в присутствии Тимура, хотя и без прямого его

приказания. 10 апреля 1370 года Тимур принял присягу от всех военачальников Мавераннехра. Подобно своим предшественникам, он не принял ханского титула и довольствовался званием «великого эмира»; ханами при нем считались потомок Чингисхана Суюргатмыш (1370-88) и его сын Махмуд (1388-1402). Тимур избрал своим местопребыванием Самарканд и украсил его великолепными постройками. Первые годы своего единодержавного правления Тимур посвятил установлению порядка в стране и безопасности на ее границах (борьба с мятежными эмирами, походы на Семиречье и Вост. Туркестан).

В 1379 году был завоеван Хорезм (ныне Хивинское ханство); с 1380 года начались походы на Персию, вызванные, по-видимому, только завоевательными стремлениями (изречение Тимура: «все пространство населенной части Мира не стоит того, чтобы иметь двух царей»); впоследствии Тимур выступал также представителем идеи государственного порядка, необходимого для блага населения и невозможного при существовании целого ряда враждебных друг другу мелких владете-

лей. В 1381 году был взят Герат; в 1382 году правителем Хорасана был назначен сын Тимура, Мираншах; в 1383 году Тимур опустошил Сеистан. В зап. часть Персии и прилегающей к ней области Тимур совершил три больших похода — так наз. «трехлетний» (с 1386 года), «пятилетний» (с 1392 года) и «семилетний» (с 1399 года).

В первый раз Тимур должен был вернуться обратно, вследствие нашествия на Мавераннехр золотоордынского хана Тохтамыша в союзе с семиреченскими монголами (1387). Тимур в 1388 году прогнал врагов и наказал хорезмийцев за союз с Тохтамышем, в 1389 году совершил опустошительный поход вглубь монгольских владений до Иртыша на Север и до Большого Юлдуза на Восток, в 1391 году — поход на золотоордынские владения до Волги. Эти походы достигли своей цели, так как после них мы уже не видим нашествий степняков на Мавераннехр. Во время «пятилетнего» похода Тимур в 1392 году завоевал прикаспийские области, в 1393 году — западную Персию и Багдад; сын Тимура, Омар-шейх, был назначен правителем Фарса, Ми-

ран-шах — правителем Азербайджана и Закавказья. Нашествие Тохтамыша на Закавказье вызвало поход Тимура на южную Россию (1395); Тимур разбил Тохтамыша на Тереке, преследовал его до русских пределов (где разрушил Елец), разграбил торговые города Азов и Кафу, сжег Сарай и Астрахань; но прочное завоевание страны не имелось в виду, Кавказский хребет остался северной границей владений Тимура. В 1396 году он вернулся в Самарканд и в 1397 году назначил своего младшего сына Шахруха правителем Хорасана, Сеистана и Мазандерана.

В 1398 году был предпринят поход на Индию; по дороге побеждены горцы Кафиристана; в декабре Тимур под стенами Дели разбил войско индийского султана (дин. Тоглукидов) и без сопротивления занял город, который через несколько дней был разграблен войском, причем Тимур сделал вид, что это произошло без его согласия.

В 1399 году Тимур дошел до берегов Ганга, на обратном пути взял еще несколько городов и крепостей и вернулся в Самарканд с огромной добычей, но не расширив своих

владений. «Семилетний» поход первоначально был вызван сумасшествием Мираншаха и беспорядками во вверенной ему области. Тимур низложил своего сына и разбил вторгшихся в его владения врагов. В 1400 году началась война с османским султаном Баязетом, захватившим город Арзинджан, где правил вассал Тимур, и с египетским султаном Фараджем, предшественник которого, Баркук, еще в 1393 году велел убить посла Тимура.

В 1400 году Тимур взял Сивас в Малой Азии и Хaleb (Алеппо) в Сирии (принадлежавшей египетскому султану), в 1401 году — Дамаск. Баязет был разбит и взят в плен в знаменитой битве при Ангоре (1402). Тимур разграбил все города Малой Азии, даже Смирну (принадлежавшую Иоаннитским рыцарям). Западная часть Малой Азии в 1403 году была возвращена сыновьям Баязета, в восточной были восстановлены низложенные Баязетом мелкие династии; в Багдаде (где Тимур восстановил свою власть в 1401 году, при чем погибло до 90 000 жителей) был назначен правителем сын Миранишаха, Абу-Бекр, в Азербейджане (с 1404 году) — другой сын его, Омар.

И так везде. Все походы сопровождаются грабежами, разорениями, убийствами. Зачем спрашивается? А затем, чтобы поломанное, растоптанное, уничтоженное передать в управление детям. Очень великодушно. В чем же здесь проявляется его описываемая ниже мудрость? Откуда же после этого могут взяться несметные богатства? Да неоткуда им взяться, все это просто миф.

«В 1404 году Тимур вернулся в Самарканд и тогда же предпринял поход на Китай, к которому начал готовиться еще в 1398 году; в тот год им была построена крепость (на границе нынешней Сырдарьинской обл. и Семиречья); теперь было построено еще другое укрепление, в 10 днях пути дальше к востоку, вероятно около Иссык-Куля. Тимур собрал войско и, в январе 1405 году, прибыл в город Отрар (развалины его — недалеко от впадения Арыса в Сырдарью), где заболел и умер (по словам историков — 18 февраля, по надгробному памятнику — 15-го). Карьера Тимура во многом напоминает карьеру Чингисхана: оба завоевателя начали свою деятельность как предводители набранных ими лично отрядов привер-

женцев, которые и потом оставались главной опорой их могущества».

И не удивительно, так как копируют они по всей видимости одни и те же события.

«Подобно Чингисхану, Тимур лично входил во все подробности организации военных сил, имел подробные сведения о силах врагов и состоянии их земель, пользовался среди своего войска безусловным авторитетом и мог вполне полагаться на своих сподвижников. Менее удачен был выбор лиц, поставленных во главе гражданского управления (многочисленные случаи наказания за лихоимство высших сановников в Самарканде, Герате, Ширазе, Тавризе). Различие между Чингисханом и Тимуром определяется большим образованием последнего. Тимур не получил школьного образования и был неграмотен, но, кроме своего родного (тюркского) языка, говорил по-персидски и любил беседовать с учеными, в особенности слушать чтение исторических сочинений; своими познаниями в истории он привел в изумление величайшего из мусульманских историков, Ибн Халдуна (и не удивительно, ведь голова доро-

га и историкам); рассказами о доблестях исторических и легендарных героев Тимур пользовался для воодушевления своих воинов. Постройки Тимура, в создании которых он принимал деятельное участие, обнаруживают в нем редкий художественный вкус. Тимур заботился преимущественно о процветании своего родного Мавераннехра и о возвышении блеска своей столицы — Самарканда, где были собраны из разных стран представители всех отраслей искусства и науки; только в последние годы им принимались меры для поднятия благосостояния других областей государства, преимущественно пограничных. В отношении Тимура к религии виден только политический расчет. Тимур оказывал внешний почет богословам и отшельникам, не вмешивался в управление имуществами духовенства, не допускал распространения ересей (запрещение заниматься философией и логикой), заботился о соблюдении его подданными предписаний религии (заккрытие увеселительных заведений в больших торговых городах, несмотря на крупный доход, доставлявшийся ими казне), но лично не отказывал

себе в запрещенных религией удовольствиях и только во время предсмертной болезни велел разбить принадлежности своих пиров. Чтобы оправдать свою жестокость религиозными мотивами, Тимур в шиитском Хорасане и в прикаспийских областях выступал поборником правоверия и истребителем еретиков, в Сирии — мстителем за обиды, нанесенный семье пророка. Устройство военного и гражданского управления определялось почти исключительно законами Чингисхана; впоследствии богословские авторитеты отказывались признать Тимура правоверным мусульманином, так как законы Чингисхана он ставил выше предписаний религии. В жестокостях Тимура, кроме холодного расчета (как у Чингисхана), проявляется болезненное, утонченное зверство, что, может быть, следует объяснить физическими страданиями, которые он переносил всю жизнь (после раны, полученной в Сеистане). Той же психической ненормальностью страдали сыновья (кроме Шахруха) и внуки Тимура, вследствие чего Тимур, в противоположность Чингисхану, не нашел в своих потомках ни надежных по-

могучников, ни продолжателей своего дела. Оно оказалось, поэтому, еще менее долговечным, чем результат усилий монгольского завоевателя, а власть в орде перешла к Тохтамышу, который при поддержке Тамерлана, соединил под своею властью орды Синюю и Золотую. В 1382 году он разгромил Россию. В последовавшей затем борьбе с Тамерланом Тохтамыш был побежден, после чего Тамерлан разорил Астрахань, сжег Сарай, двинулся в Рязанскую землю, но от Москвы повернул назад, не причинив ей никакого вреда. Россия вошла в состав империи Тамерлана, который сам назначал ханов в орду; но ханы эти не имели своей партии в Сарае и не могли там долго держаться, тем более, что Тохтамыш и его сыновья начали производить смуту в орде. В это время там усилился темник Едигей, который убил Тохтамыша, в 1407 году».

О России, в частности, существует легендарная история хождения Тамерлана на Русь и с точки зрения приведенной выше биографии совершенно необъяснимая.

«В 1395 году Восточной России грозила страшная беда. Тамерлан, победив Тохтамы-

ша, перешел Волгу и овладел Ельцом. Москва была в ужасе; но еще живы были сподвижники Димитрия Донского на Куликовом поле. Московские бояре не пришли в отчаяние, собрали полки и уговорили встать во главе ополчения, чтобы с оружием в руках встретить грозного врага. Но Тамерлан, простояв недели две в земле Рязанской и опустошив страну в верховьях Дона, отступил. Причину отступления восточные историки приписывают приближению осени (отступление началось 26 августа)». Это о войске, которое воевало и летом и зимой. «Благочестивое предание повествует, что отступление Тамерлана произошло в тот день, когда в Москву принесли икону Богоматери из Владимира».

Вот такое описание дает нам Брокгауз и Эфрон о жизни и деяниях «Железного воина».

Вся история о Тимуре вполне очевидно делится на две части. Первая — описывает его деяния в качестве простого наемника. Вторая — начинается с описания его переезда в Самарканд уже в качестве полновластного правителя. Причем формально эти части почти не связаны. В первой Тимур один из мно-

гих, во второй — единственный. Впечатление от всей этой биографической истории такое, как если бы поругались жители двух тамбовских деревенок, одна из которых победила, и предводитель победителей пошел и взял Москву. Если все же поверить в эту историю, возникает такой, например, вопрос: за ради чего все эти бесконечные походы? Ради того, чтобы «... и украсил его (Самарканд) великолепными постройками», «... возвышения блеска своей столицы — Самарканда, где были собраны из разных стран представители всех отраслей искусства и науки».

Но ведь в Самарканде того времени не было административных зданий. Большинство же городов Средней Азии напоминают скорее религиозные центры. И почему царство Тимура мгновенно лопнуло после его смерти, не оставив сколь-нибудь заметного материального следа. Нет на эти и другие вопросы сколько-нибудь вразумительного ответа. А вот описание его личных качеств, и в особенности знание греческой мифологии в купе с его именем вполне указывает на его крестное происхождение. Это ставит многое на

свои места. Обстоятельства похода на Русь, войны с Османской империей и неясные в другом контексте поход в Индию и несостоявшийся поход в Китай.

Так же мало понятна деятельность Тимура как восточного правителя с точки зрения чисто военной. Ведь чтобы вести успешную военную деятельность и властвовать на значительной территории, необходимо иметь хорошо вооруженную и материально обеспеченную армию.

Следовательно, Тимур должен был, как и предшествующие ему завоеватели, владеть всеми видами современного на ту пору оружия. И такая успешная военная деятельность должна была опираться на подготовленное и хорошо вооруженное войско. Где же Аксак Тимур взял оружие, выкованное из железа, не говоря уже о доспехах, которые он по всей видимости носил исходя из его прозвища — Тимур (железный) и его воины тоже. Взять такое оружие и доспехи в необходимых количествах для его войска на территориях подвластных ему было негде. Так как даже в Европе того времени, экономически несравнен-

но более развитой, чем страны востока, железо и как сырье, и как изделие было дорого. Хотя понятное увлечение рудным делом в Богемии и Моравии, основных центрах железнотопки того периода, привело к тому, что чешское правительство было вынуждено в 948 и 1153 гг. ограничивать занятие горной промышленностью, так как население стало пренебрегать земледелием. За производством металлов стояла огромная масса населения, которая обслуживала процесс его получения, а за ними множество людей разных специальностей, от производителей продовольствия до ремесленников, которые обслуживали пер-вых.

При этом в Европе были постоянные междоусобицы и походы крестоносцев на восток, требовавшие постоянного воспроизводства металлов и товаров, сделанных из них. Этого же требовала и гражданская жизнь населения. Вот какова реальная историческая картина. Она же была зеркально отражена на восточные страны, где и сейчас — в XX веке — убери от туда все европейское, и останется голая пустыня. А уж в XIV веке конечно же эти

страны представляли из себя территории, населенные полудикими кочевниками и немногими оседлыми по оазисам племенами, способными прокормить только себя.

Официальная история, как сказано, например, у Брокгауза и Эфрона, говорит нам к тому же, что города, которые они покоряли, подвергались тотальному разграблению и истреблению местного населения, причем многократно. Даже если принять версию о том, что области, в которые приходил «завоеватель» азиатского склада, до него и процветали торговлей и ремеслами, то после разграблений нужно время, чтобы восстановить разрушенное, а из тех исторических ссылок, которые мы имеем, видно, что набеги происходили столь часто, что реально восстановить хозяйство за столь короткое время, т. е. время между набегами, невозможно. А то что мы видим на востоке — это череда сплошных войн и разрушений. И отсутствие даже по источникам заметной созидательной деятельности. Так с кем и за что всю свою жизнь воевал Тимур, если уже до него было все разграблено и превращено в пыль. Ведь чтобы создать, нуж-

но времени гораздо больше, чем разрушить. Поэтому не мудрствуя лукаво скажем, что из анализа политической и экономической обстановки жизнь и деятельность «Железного витязя» не что иное, как преломление завоевательных походов крестоносных орденов в восточные страны и описанные на свой лад в немногочисленных культурных центрах востока возможно созданных теми же завоевателями для местного населения в более поздние времена.

Официальная история Тимура была написана еще при жизни его, сначала Али-бен Джемал-ал-исламом (единственный экземпляр — в ташкентской публичной библиотеке), потом Низам-ад-дином Шами (единственный экземпляр — в британском музее). Эти сочинения были вытеснены известным трудом Шереф-ад-дина Иезди (при Шахрухе), переведенным на французский язык («Histoire de Timur-Bes», P., 1722). Труд другого современника Тимура и Шахруха, Хафи-зи-Абру, дошел до нас только отчасти; им воспользовался автор второй половины XV в., Абд-ар-Реззак Самарканди (сочинение не издано; много руко-

писей). Из авторов (персидских, арабских, грузинских, армянских, османских и византийских), писавших независимо от Тимура и Тимуридов, только один, сирийский араб Ибн-Арабшах, составил полную историю Тимура («Ahmedis Arabsiadae vitae et rerum gestarum Timuri, qui vulgo Tamerlanes dicitur, historia», 1767-1772). Ср. также F. Neve, «Expose des guerres de Tamerlan et de Schah-Rokh dans l'Asie occidental, d'apres la chronique armenienne inedite de Thomas de Madzoph» (Брюссель, 1859). Подлинность автобиографических записок Тимура, будто бы открытых в XVII в., более чем сомнительна. Из трудов европейских путешественников особенно драгоценен дневник испанца Клавихо («Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403-1406 гг.», текст с переводом и примечаниями, СПб., 1881, в «Сборнике отделения русского языка и словесности Имп. Акад. Наук», Тимур, XXVIII, № 1). Строго научного исследования о Тимуре и его эпохе до сих пор нет; о попытках различных историков дать характеристику Тимуру — см. Н. Остроумов, «Уложение Тимура» (Казань, 1894, предисловие).

Хронологический указатель трудов Н. А. Морозова

1⁸⁷⁵

Данилов (Ярославской губ.): Письмо.—
Работник, 1875, № 1 с 5. — [Подпись А. Б.]

Село Рябково: Письмо. — Работник, 1875, №
3, с. 2-3. — [Подпись Н. В-в.] Даниловское де-
по. — Вперед!, 1875, 1 марта, № 4, стб. 107-
110. — [Без подписи].

1877

Литературная злоба дня. — Отеч. зап., 1877,
№1, Отд. 2, с. 1-47. — Разд. пат.

Стихотворения. — В кн.: Из-за решетки. Сб.
стихотворений русских заключенных по по-
литическим причинам в период 1873-1877 гг.,
осужденных и ожидающих суда. Женева: Ра-
ботник, 1877, с. 63-83. — Подпись М. З.

Тюремные видения: (Отрывок из поэмы
«Борьба»). — В кн.: Вперед!: Непериодическое
обозрение. Лондон, 1877, Т. 5, с. 121-127.

1878

Разные известия. — Земля и воля, 1878, 25
окт., № 1. [Хроника арестов]. — Земля и воля,

1878, 15 дек., №2.

Тюремные видения: (Поэма). — СПб.: Тип. газеты «Начало», 1878. — 11 с.

1879

Казнь Кропоткина (9 февр. 1879 г.). — Земля и воля, 1879, 11 февр. — [Листовка].

Казнь агента тайной полиции Рейнштейна в Москве, 26 февраля 1879 г. Вольная Петербург, тип., 1879, 1 марта. — [Листовка].

Покушение на жизнь Дрентельна. — Земля и воля, 1879, 13 марта. — [Листовка].

«Исполнительный комитет, имея причины предполагать...»: [По поводу возможной пытки А. К. Соловьева, арестованного 2 апр. 1879 г. за покушение на Александра II]. [Вольная Петербург, тип.], 1879, 3 апр. — [Листовка].

Наши домашние дела: (Аресты и обыски. Студенческие волнения. Земство и администрация. Татарские волнения. Чума). — Земля и воля, 1879, 15 янв., № 3.

Попытка освобождения Войнаральского: Фельетон. — Земля и воля, 1879, 20 февр., № 4.

[Несколько слов от издателей: От Исполнительного комитета]. — Листок «Земли и воли», 1879, 12 марта, № 1.

Убийство шпиона Рейнштейна. — Там же.
Февральские аресты в Петербурге. — Там же.

Фомин. — Листок «Земли и воли», 1879, 12 марта, №1; 22 марта, №2/3.

[Сообщение об агенте III Отделения Баталине и о том, что все заявления организации будут печататься официально в ее органах «Земля и воля» и «Листок „Земли и воли“»]: От Исполнительного комитета. — Листок «Земли и воли», 1879, 22 марта, №2/3.

Хроника арестов. — Там же.

[Значение политических убийств]. — Там же.

[Новый тип революционеров]. — Там же.

Суд над Бобоховым. — Там же.

Покушение на жизнь Дрентельна. — Там же.

[Сообщение о возможности применения пыток к А. Соловьеву, арестованному за покушение на жизнь Александра II, и предостережение некоторым лицам, ранее принимавшим участие в пытках политических заключенных]: От Исполнительного комитета. — Листок «Земли и воли», 1879, 6 апр., № 4.

[Сообщение об агенте III отделения Б. В.

Гильхене и о казни А. К. Соловьева]: От Исполнительного комитета. — Листок «Земли и воли», 1879, 8 июня, №5.

Суд над Дубровиным. — Там же.

Киевские события. — Там же.

[Сообщение об агенте III отделения В. Александровском-Черкасском и о письме В. Осинского, написанном за несколько часов до казни]: От Исполнительного комитета. — Листок «Земли и воли», 1879, 14 июня, №6.

Дело братьев Избицких в Киеве. — Там же.

Урюпинское дело. — Там же.

Хроника военного положения. — Там же.

От Редакции. — Народ, воля, 1879, 1 окт., №1, с. 1. — [Совместно с другими].

[Извещение о Рачковском]: От Исполнительного комитета. — Там же, с. 1-2. Хроника преследований. — Там же, с. 16-20. — [Совместно с О. Любатович].

[О задаче социально-революционной партии в настоящее время]: [Передовая]. — Народ, воля, 1879, 15 нояб., №2, с. 1-4.

[По поводу смертных казней весны и лета 1879 г.]. — Там же, с. 5-6. [Извещение об агенте III отделения Семеко-Максимовиче]: От Ис-

полнительного комитета. — Там же, с. 9.

О Валериане Осинском: (Биографические заметки). — Там же, с. 9-13. Два слова о генерал-губернаторстве. — Там же, с. 15.

Хроника преследований. — Там же, с. 17-19. — [Совместно с О. Любатович].

Стихотворения. — В кн.: Собрание стихотворений. [СПб.: Вольная Петербург, тип.], 1879, с. 8-9, 12-15, 17-19, 21-24. — Подпись Н. Никто.

1880

Террористическая борьба. — Лондон: Рус. тип., 1880. — 14 с. [Извещение об агентах III отделения]: От Исполнительного комитета. — Народ, воля, 1880, 1 янв., № 3, с. 8.

Хроника преследований. — Там же.

Арест «Вольной петербургской типографии». — Общ. дело, 1880, №31/32, с. 13-14.

Русское террористическое движение. — Общ. дело, 1880, №33/34, с. 10-12.

Завещание: Посвящается Н. А. С. [Н. А. Саблину] — Там же, с. 16.

Proclamation des revolutionnaires russes. — Ni Dieu, ni maitre, 1880, 4 dec, № 15.

Proclamation des ouvriers revolutionnaires

russes du parti «Narodnaia volia». — Ni Dieu, ni maître, 1880, 13 dec, №24, p. 2.

Стихотворения, 1875-1880. — Женева: Тип. Работника и Громады, 1880. — 80 с.— На обл. 1881 г.

После казни 4 ноября: (Стихотв.). — Народная Воля, 1880, 5 дек., №4.

1900

Террористическая борьба. — Женева: M. Elpidine, Libraire — Ed., 1900. — 23 с. + прил. «Стихотворение „Завещание“». Посвящается Н. А. С., с. 23.

1903

Две заметки по поводу прокламаций «Народной Воли». — Былое (Лондон), 1903, №3.

1906

Кристаллизационная вода. — ЖРФХО, 1906, т. 38, Вып. 9, с. 481-496.

Из стен неволи. — Ростов н/Д: Дон. речь, [1906]. — 54 с, портр.

Две заметки по поводу прокламаций «Народной воли». — В кн.: Былое. Вып. 1 (1900-1902 гг.). Ростов н/Д: Дон. речь, 1906, с. 144. — (Рус. ист. б-ка; №4).

Эры жизни. — Современ, мир, 1906, нояб., №2,

с.89-108. — На обл. №11.Разд. паг.

В начале жизни. — Рус. богатство, 1906, май, с. 76-124; июнь, с. 108-134. — Разд. паг.

Возникновение «Народной воли»: (Из воспоминаний о Липецком и Воронежском съездах летом 1879 г.). — Былое, 1906, №12, с. 1-21.

28 лет в Шлиссельбурге: (Беседа). — Страна, 1906, 22 февр., №3.

Именины в полицейском участке: Фельетон. — Русь, 1906, 7 дек., №69.

«Дон-Кихот» в переводе М. В. Ватсон. — Русь, 1906, 19 дек., №80.

Рассказ шлиссельбуржца: [Беседа]. — Речь, 1906, 4 марта, №10.

Стихотворения. — В кн.: Вперед: Сб. стихотворений и песен / Сост. М.Львович. Ростов н/Д: Дон. речь, 1906, с.45-46, 67-68, 106, 113-114, 128-129.

Из шлиссельбургских мотивов: (Неизданные стихи, посвященные товарищам по заключению). — Былое, 1906, №2, с. 118-120.

Зимой: Стихотворение. — Север, 1906, №5, с. 115-116.

1907

Периодические системы строения веще-

ства: Теория образований химических элементов. — М.: Сытин, 1907. — XVI, 437 с, черт.

Д. И. Менделеев и значение его периодической системы для химии будущего. — М: Сытин, 1907. — IV, 104, XI с, портр., табл.

Откровение в грозе и буре: История возникновения Апокалипсиса. -СПб.: Изд-во журн. Былое, 1907. — 304 с, рис., табл.

Откровение в грозе и буре. — 2-е изд., испр. и доп., с. 65 рис. и снимками с древних астрономических карт Пулковской обсерватории. — М.: Саблин, 1907.— XIV, [2], 322 с, ил., карт.

Д. И. Менделеев и периодическая система химических элементов. — Изв. СПб. биол. лаб., 1907, Т. 8, Вып. 3, с. 22-33.

Теоретический вывод периодической системы современных химических элементов. — Изв. СПб. биол. лаб., 1907, Т. 8, Вып. 4, с. 11-41, табл.

Законы сопротивления упругой среды движущимся в ней телам. — Изв. СПб. биол. лаб., 1907, Т. 9, Вып. 2, с. 26-84, табл.

Новая планета типа астероидов. — ЖРФХО. Физ. отд., 1907, Т. 39, Вып. 2, с. 54-56.

То же. — Вопр. физ., 1907, вып. 2, с. 54-56.

О новейших определениях температуры поверхностных областей Солнца. — ЖРФХО. Физ. отд., 1907, Т. 39, Вып. 2, с. 56-58. То же. — Вопр. физ., 1907, вып. 2, с. 56-58.

Значение работ Д. И. Менделеева для теории растворов. — ЖРФХО. Физ. отд., 1907, Т. 39, Вып. 5, с. 134-143, черт.

Неисчислимое, как один из распределительных факторов в жизни природы. — ЖРФХО. Физ. отд., 1907, Т. 39, Вып. 7, с. 257-263.

Апокалипсис с астрономической точки зрения: (Доклад на заседании Физического отделения РФХО, 12 дек. 1906 г.). — Вестн. зн., 1907, №2, с. 85-98, рис., табл.

В начале жизни: Как из меня вышел революционер вместо ученого. — М.: Саблин, 1907. — 265 с, ил.

Вера Николаевна Фигнер. — В кн.: *Ариян П.Н.* Первый женский календарь на 1907 год. СПб.: Тип. Ревитцера, 1907, с. 342-347.

Андрей Франжоли: (Очерк из движения в «народ» в 70-х годах и из последних дней «Народной воли»). — Былое, 1907, №3, с. 283-289.

Отголосок давних дней: (По поводу статьи

М. Р. Попова «Из моего революционного прошлого»). — Былое, 1907, №10, с. 241-245.

Апокалипсические звери: (Ответ моим критикам). — Русь, 1907, 21 апр., №111.

Литературные заметки: (М. В. Ватсон «Библиотека итальянских писателей»). — Русь, 1907, 27 окт., №287.

Четвертое измерение: (Из писем к товарищам по заключению). — Современ, мир, 1907, №3, с. 50-67. — Разд. паг.

Стихотворения. — В кн.: Вперед: Сб. стихотворений и песен / Сост. М. Львович, 2-е изд. Ростов н/Д: Дон. речь, 1907, с. 67-68, 106, 113-114, 128-129.

Числа: (Стихотворение). — Современ, мир, 1907, №12, с. 127. — Разд. паг.

Знак: (Стихотв.). — Перевал. Журнал свободной мысли. М., 1907, №7, с. 8.

[Автограф: «Дорогие друзья! Освободитесь от партиозности и вы будете всеильны.»] — В кн.: помощь голодным / Под ред. М. Зензинова. М., 1907.

1908

Основы качественного физико-математического анализа и новые физические факто-

ры, обнаруживаемые им в различных явлениях природы. — М., Сытин, 1908. XII, 402 с.

Законы сопротивления упругой среды движущимся в ней телам. — СПб.: Тип. Т-ва Худ. печать, 1908. — 66 с., ил.

Iahna parahdischanas grahmata no astronomiska redsis stahwokla. — Riga: J. Pihra, 1908. — 16 p.

Вновь открытое превращение эманации радия с точки зрения эволюционной теории строения атомов. — Изв. лаб. 1908, т. 9, вып. 3, с. 6-13.

Три аллотропические состояния серы и ее аналогов. — Изв. СПб. биол. лаб., 1908, Т. 9, Вып. 4, с. 28-49.

Озон и перекиси. — Изв. СПб. биол. лаб., 1908, Т. 10, вып. 1, с. 9-28.

Опыт истолкования физического значения коэффициента пропорциональности в Ньютоновой формуле тяготения. — ЖРФХО. Физ. отд., 1908, Т. 40, Вып. 2, с. 23-36. — Рез. на фр. яз.

По поводу новой кометы. — ЖРФХО. Физ. отд., 1908, Т. 40, Вып. 9, с. 381-387, ил.

Периодическая система химических эле-

ментов в ее теоретическом выводе. — Физ. обзор., 1908, Т. 9, вып. 2, с. 73-84, табл.; вып. 3, с. 121-135, табл.

Апокалипсис с астрономической точки зрения: (Две публичные лекции). — Мир, 1908, №3 с. 11-18, ил.; №4, с. 17-23, ил.; №5, с. 15-23, ил.

В мировом пространстве. — Современ, мир, 1908, №1, с. 159-175. — Разд. паг.

Почему мы не рассыпаемся?: Новая гипотеза молекулярного сцепления. — Современ, мир, 1908, №12, с. 1-18. — Разд. паг.

О гражданском равноправии женщин. — В кн.: *Ариян П. Н.* Первый женский календарь на 1908 год. СПб.: Тип. В.Ф. Ревитцера, 1908, (Отд. 5), с. 1-3. — Разд. паг.

Франсуа-Мари Аруэ-Вольтер. — В кн.: *Вольтер Ф.-М.* Собрание сочинений. СПб.: Н. Ф. Мертц, 1908, т. 1, с. III-XV.

L'apocalypse et l'astronomie, expose par M. Rollet de l'Isle. — Bull. Soc. astr. Fr., 1908, an. 22, p. 166-168.

Formation d'un Cumulus. — Ibid, p. 478.

Памяти А. Н. Ганского. — Речь, 1908, 8 авг., №188.

Свидание с Л. Н. Толстым [28 сент. 1908 г.]: (Письмо к редактору) — Рус. вед., 1908, 3 окт., №229.

На пути к превращению металлов:[Научный фельетон]. — Речь, 1908, 15 дек., №308.

[Стихотворения]. — В кн.: Избранные произведения русской поэзии. 3-е изд., вновь пересмотр, и значит, доп. / Сост. В. Д. Бонч-Бруевич. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1908, с. 123-126.

1909

В поисках философского камня. — СПб.: Обществ. польза, 1909.— 300 с, ил., портр.

Начала векториальной алгебры в их генезисе из чистой математики. — СПб.: Обществ. польза, 1909. — VI, 178 с, табл.

Objawienie srod, gromow I burzy: Wyklad Ahjkalipsy. — Lwow, 1909. Ilmutus koues ja tormis. — Tartus: I. Derman, 1909.

Эволюция вещества в природе. — В кн.: Труды I Менделеевского съезда по общей и прикладной химии, состоявшегося в С.-Петербурге с 20-го по 30-ое дек. 1907 г. СПб.: Тип.-лит. Фроловой, 1909, с. 191-200.

Три аллотропические состояния фосфора и

его аналогов. — Изв. СПб. биол. лаб., 1909, Т. 10, Вып. 2, с. 7-22.

Три аллотропические состояния галоидов. — Изв. СПб. биол. лаб., 1909, Т. 10, Вып. 3, с. 7-18.

Свет и Вселенная. — Образование, 1909, № 1, с. 126-134.

Из личных воспоминаний о П. Ф. Лесгафте. — Весна, 1909, №46/48, с. 294-296. Sulla necessita di nuovi studii sulla forza di gravitation. — Scienza per tutti, 1909, №10.

На пути к превращению металлов: [Научный фельетон]. — Речь, 1909, 5 янв., №4; 2 февр., №32.

Вечность жизни. [Жизнь, как фактор, противодействующий энтропии во Вселенной]. — Рус. вед., 1909, 14 янв., №10.

Письма из Шлиссельбургской крепости. — Веста. Евр., 1909, №1, с. 196-215; №2, с. 630-650; №3, с. 99-119; №5, с. 116-132; №6, с. 583-606; №7, с. 52-77.

Айзик Арончик. — Еврейский мир, 1909, №3, с. 89-99.

Атомы души. — Современ, мир, 1909, №11, с. 1-9. — Разд. паг.

Ученый в стенах крепости: Беседа. — Голос, 1909, 13 марта, № 19.

Из личных воспоминаний о П. Ф. Лесгафте. — Речь, 1909, 7 дек., №336.

Пролог. — В кн.: Под сводами. Сб. повестей, стихотворений и воспоминаний, написанных заключенными в старой Шлиссельбургской крепости / Сост. Н. Морозов. М.: Звено, 1909, с. 5-8.

По общим законам природы: (Юмористический рассказ). — Там же, с. 195-208.

Весна неволи: [Стихотворение]. — Там же, с. 303.

[Выступление на первом чтении рассказа Л. Н. Андреева о «Семи повешенных»]. — Огонек, 1909, №6, с.[4, 7].

Пер.: Уэллс Г. 50 тысяч лет назад: Рассказ из каменного века. Пер. с англ. — СПб., Пантеон, 1909. —133 с.

Пер.: Уэллс Г. Д. Машина времени. — В кн.: Уэллс Г. Д. Собр.соч.: Пер. с англ. СПб.: Шиповник, 1909, т. 3, с. 111-232.

Ред.: Под сводами: Сб. повестей, стихотворений и воспоминаний, написанных заключенными в старой Шлиссельбургской крепо-

сти / Сост. Н. Морозов. М.: Звено, 1909. — 305 с.

На пути к превращению металлов. — Речь, 1909, 9 янв., №5; 2 февр., №32.

[Стихотворения]. — В кн.: Избранные произведения русской поэзии. 5-е изд. / Сое.-. В. Д. Бонч-Бруевич. СПб., 1909, с. 123-126, 318 (Светоч).

1910

Откровение в грозе и буре. История возникновения Апокалипсиса. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Саблин, 1910. — XVIII [2], 335 с, ил., карт.

Письма из Шлиссельбургской крепости. — СПб.: [Аверьянов], 1910.— 267 с.

На границе неведомого: Астрономические и физические полуфантазии. — М: Звено, 1910. — 189 с, ил.

Что может принести нам встреча с кометой?: Публичная лекция. — М.: Сытин, [1910]. — 64 с, ил., табл., портр.

Эволюция вещества на небесных светилах по данным спектрального анализа: Речь, произнесенная на соединенном заседании XII съезда естествоиспытателей и врачей в Московском обществе испытателей природы, 3

января. 1910 г. — М.: Тип. Моск. ун-та, 1910. — 28 с.

То же. — В кн.: Дневник XII съезда русских естествоиспытателей и врачей. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1910, с. 276-301, ил. — Разд. паг.

Die Evolution der Materie auf den Himmelskurpern. Eine theoretische Abteilung des periodischen Systems. — Dresden: Steinkopff, 1910. — 41 s.

Эволюции элементов на небесных светилах. — В кн.: Штерне К. Эволюция мира. М.: Мир, 1910, Т. 3, с. 381-432, ил.

Три аллотропические состояния азота. — Изв. СПб. биол. лаб., 1910, Т. 10, Вып. 4, с. 16-36.

Три аллотропические состояния углерода в минеральных соединениях. — Там же, с. 37-48.

К вопросу о зависимости силы тяготения от температуры тел. — ЖРФХО. Физ. отд., 1910, Т. 42, Вып. 4, с. 166-169.

То же. — Вопр. физ., 1910, вып. 4, с. 166-169.
Загадки Луны. — Вестн. зн., 1910, №1, с. 3-11, ил.

Глубины небес и глубины земли: (Успехи астрономии, физики, геологии и химии за

1909 год). — Рус. вед., 1910, 1 янв., №1, с. 12.

Мое первое свидание с кометой Галлея. — Рус. вед., 1910, 2 марта, №49.

Каковы будут последствия, если мы попадем 5-го мая в хвост кометы Галлея? — Бирж, вед., 1910, 11 марта, №11608.

Комета Галлея: [Беседа]. — Речь, 1910, 10 мая, №126.

Звездные песни. — М.: Скорпион, 1910. — 8, 192 с, ил.

Княжна Мария Михайловна Дундукова-Корсакова. — В кн.: *Ариян П. Н.* Первый женский календарь на 1910 год. СПб.: Тип. М. Я. Квара, 1910, с. 25-29. — Разд. паг.

По Военно-Грузинской дороге: Из путевых воспоминаний. — Нов. сл., 1910, №1, с. 40-45.

Из научных стихотворений. — Вестн. Евр., 1910, №1, с. 199-201.

Научные стихотворения. — Вестн. Евр. 1910, №3, с. 109-113.

За снежными вершинами: (Из путевых заметок). — Вестн. Евр., 1910, №4, с. 50-71; №5, с. 64-88.

Звездные песни. Стихотворения. — Вестн. Евр., 1910, №9, с. 91-93.

Памяти авиатора Л. М. Мациевича. — Рус. вед., 1910, 28 сент., №222.

Памяти В. А. Караулова: (Из личных воспоминаний). — Речь, 1910, 22 дек. №351.

Ред.: Уэллс Г. Остров доктора Моро. — В кн.: Уэллс Г. Собр. соч.: Пер. с англ. СПб.: Шиповник, 1910, т. 8, с. 7-143.

Куда мы идем? — В кн.: Куда мы идем? М.: Заря, 1910, с. 107-108.

1911

Вселенная. — М.: Мир, 1911. — 300 с, ил. — Экземпляр книги оформлен в 1972 г. из 5-7 книг 2-го тома «Итоги науки в теории и практике». (М., 1911). Книга подарена Домом-музеем Н. А. Морозова Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина и находится в отделе редких книг.

Вселенная. — В кн.: Итоги науки в теории и практике. М.: Мир, 1911, Т. 2, кн. 5/7, с. 605-904, ил., табл.

Природа и математика: (Объяснение дифференциала и интеграла на законах падения тел). — В кн.: *Кольрауш Ф. Л.* Введение в дифференциальное и интегральное исчисление и в дифференциальные уравнения. СПб.: Об-

ществ, польза, 1911, с. 195-210.

Предисловие. — Там же, с. III—IV.

О необходимости новых исследований относительно силы тяготения. — Вестн. опыт. физ. и элемент, матем. 1911, №479/480, с. 540-544.

Новейшие выводы о внутреннем строении небесных тел. — Запр. жизни, 1911, №6, с. 369-376.

Эволюция воздухоплавания на фоне общественной жизни народов. — Нов. жизнь (С.-Петербург), 1911, №5, с. 122-139; №6, с. 143-162.

Свободный полет на воздушном шаре. — Рус. мысль, 1911, №2, с. 34-47.

Предисловие. — В кн.: *Святский Д.* Лестница Иакова или сон наяву: Библейско-астрономический этюд. СПб.: [Тип. Стасюлевича], 1911, с. 3-4.

Завоевание воздуха: (Успехи авиации в 1910 г.). — Рус. вед., 1911, 1 янв., №1.

По поводу авиационных катастроф: (К перелету Петербург — Москва). — Речь, 1911, 14 июля, №190.

[Автобиография]. — В кн.: Первые литературные шаги: Автобиографии современных

русских писателей / Сост. Ф.Ф.Фидлер. М.: Сытин, 1911, с. 73-80.

Сказка как своеобразный род изящной литературы. — В кн.: *Морозова К. А.* В царстве сказки. М.: Сытин, 1911, с. 3.

Перспективы будущего. — В кн.: Русское воздухоплавание. История и успехи. Вып. 2. СПб., 1911.

1912

Функция. Наглядное изложение дифференциального и интегрального исчисления и некоторых его приложений к естествознанию и геометрии: Руководство к самостоятельному изучению высшего математического анализа. — Киев: Сотрудник, 1912. — XII, 464 с, черт.

Полет на аэростате Всероссийского аэроклуба «Треугольник» во время кольцеобразного солнечного затмения 5 апр. 1912 г. — [СПб.: Тип. Александрова, 1912].-10 с, ил.

Die Offenbarung Iohannis: Eine astronomisch-historische Untersuchung / Mit einem Geleitwort von Prof. A.Drews. — Stuttgart: Spemann, 1912. — XX, 229 S, Abb., Taf.

Задачи современного воздухоплавания. —

В кн.: *Левашев А. П. Завоевание воздуха: (Популярный очерк развития и современного состояния воздухоплавания)*. СПб.: В. Яковенко, 1912, с. 3-6.

Эволюция светил с геофизической точки зрения: [Докл. от 30 янв.1912 г. Крат, излож.] — В кн.: *Отчет Русского общества любителей мироведения за 1911 год*. СПб.: Ред. период, изд. М-ва финансов, 1912, с. 23-24.

Звездные рои.— *Изв. Рус. о-ва люб. мировед.*, 1912, №1, с. 2-8.

Солнечное затмение 4(17) апр. 1912 г.: Полет на аэростате во время затмения.—*Изв. Рус. о-ва люб. мировед.*, 1912, №2, с. 23-27, рис.

Прошедшее и будущее миров с современной геофизической и астрофизической точки зрения: (Речь, произнесенная 27 дек. 1911 г. в актовом зале С.-Петербургского университета на заключительном собрании секции астрофизики 2-го Менделеевского съезда). — *Природа*, 1912, №3, стб. 333-362, ил.

Скоро ли остынет и оледенеет наша земля? — *Заветы*, 1912, №3, [Отд. 2], с. 1-9. — Разд. паг.

На аэростате во время солнечного затме-

ния. — Солнце России, 1912, № 16, с. 1-4, ил., портр.

Экваториальный пояс для превращения сферического аэростата в парашют. — Воздухоплаватель, 1912, №4, с. 257-259, ил.

Основные вопросы современной астрономии. — Веста. Евр., 1912, №7, с. 225-233.

К открытию Южного полюса. — Запр. жизни, 1912, №9, стб. 557-559.

Полет на аэростате во время кольцеобразного солнечного затмения 5 апр. 1912 г. — Метеорол. вестн., 1912, №5, с. 161-170, ил.

Памяти заботливого друга. — В кн.: Памяти Петра Францевича Лесгафта. [СПб.]: Шк. и жизнь, 1912, с. 174-181.

Складовская-Кюри. — В кн.: *Ариян П. Н.* Первый женский календарь на 1912 год. СПб.: (Тип. Т-ва Печат. Станок), 1912, с. 53-56. — (Из прошлого и настоящего).

Наука в поэзии и поэзия в науке. — Рус. вед., 1912, 1 янв., №1. Памяти Петра Николаевича Лебедева. — Речь, 1912, 4 марта, №62. В лазури голубой. (Стихотворение) — В кн.: Сб. Памяти Л. М. Мациевича. СПб., 1912, с. 67.

1913

Л. Н. Толстой и современная наука. — В кн.: Толстовский ежегодник 1913 года. М., 1913, с. 51-53. — (Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом). — Разд. паг.

Артур Древе. — В кн.: *Древе А.* О личности Христа: Пер. со 2-го англ. изд. М.: Современ, пробл., 1913, с. VII-IX.

Сообщение Е. Колосову об участии Н. К. Михайловского в газетах «Народная воля» и «Земля и воля». — В кн.: *Михайловский Н. К.* Полное собрание сочинений. 2-е изд. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1913, т. 10, с. XXXIII.

Культурное значение воздухоплавания. — Вестн. зн., 1913, №7, с. 611-620; №8, с. 766-776.

De Saint-Petersbourg a Vologda: 600 kilomutres au dessus des nuages et des marais. — Rev. aeronaut. et automob., 1913, №3, p. 60-62.

О своих тюремных настроениях и злоключениях. — Бюл. лит. и жизни, 1913, №20, с. 905-912.

В роли «германского подданного Энгеля». — Бюл. лит. и жизни, 1913, № 22, с. 977-986.

Как Н. А. с товарищами в тюрьме проявляли свободу. — Бюл. лит. и жизни, 1913, №23/24,

с. 1015-1020.

Вперед, дитя!: [Стихотворение]. — В кн.: Цветные сборники: Розовый. СПб.: Печат. сл., 1913, с. 18.

Во имя братства. — Голос минувшего, 1913, №8, с. 87-118; №9, с. 65-113; № 10, с. 108-139; №11, с. 122-161; №12, с. 117-167.

В глубине преисподней: По заметкам, писанным в ней самой. — Вестн. Евр., 1913, №4, с. 213-263; №5, с. 132-175; №6, с. 54-77.

На перепутье: (Из воспоминаний). — Со-
врем, мир, 1913, №6, с. 45-86; №7, с.47-84. —
Разд. паг.

Мир, рассматриваемый через хрустальную призму. — Жизнь за неделю, 1913, №2, с. 30-32.

Дни испытания. — Рус. мысль, 1913, №6, с. 101-146; №7, с. 104-144; №8, с. 125-153.

Перед грозой: (Из воспоминаний в Двинской крепости). — Сев. зап., 1913, №5/6, с. 96-123; №7, с. 54-72; №8, с. 87-109.

На моноплане: [Впечатления о полете]. — Рус. вед., 1913, 31 мая, №124.

Пер.: Уэллс Г. 50 тыс. лет назад: Рассказ из каменного века. Пер. с англ. — СПб.: Б-ка Колосья, М.И.Семенов, 1913. — 133 с.

Ред.: *Рамзай В.* Элементы и электроны. — М.: Природа, 1913. — 138 с.

Предисловие. — Там же, с. 5-6.

Ред.: *Содди Ф.* Материя и энергия: Пер. с англ. — М.: Природа. 1913. — 182 с. Предисловие к русскому переводу. — Там же, с. 11. Пояснения ко второй периодической таблице. — Там же, с. 8-10. Примечания. — Там же, с. 25, 50, 125-126, 167, 169-170.

Отец и сын: (Из повести «На перепутье»). — Бюл. литер, и жизни, 1913, №2 (сент.), с. 104-113.

Мечта о городах будущего: (Из повести «Перед грозой»). — Бюл. литер, и жизни, 1913, №4 (октябрь), с. 242.

Из революционного прошлого: (Из повести «Во имя братства»). — Бюл. литер, и жизни, 1913 (ноябрь), с. 361-366.

1914

Пророки: История возникновения библейских пророчеств, их литературное изложение и характеристика. — М.: Сытин, 1914.— 310 с, ил.

Завоевание воздуха. — В кн.: Итоги науки в теории и практике. М.: Мир, 1914, Т. 4, кн.

12/13, с. 232-271, ил., табл., 6 л. ил.

Светящиеся облака: (С фотоснимками Н. Ф. Мертца). — В кн.: Альманах «Севера». СПб.: З. Ц. Мертц, 1914, кн. 1, с. 28-33, рис.

Вера Евстафьевна Богдановская. — В кн.: *Ариян П.Н.* Первый женский календарь на 1914 год. СПб.: [Тип. Бережливость], 1914, с. 307-309.

Древняя кабалистика, как предчувствие грядущего могущества слова. — Нов. сл., 1914, № 1, с. 76-84; №2, с. 17-25.

Былое. — Ежемес. журн. лит., науки и обществ. жизни, 1914, №1, с. 138-144; №2, с. 121-129; №3, с. 85-92.

К читателю. — Шк. для всех, 1914, № 1, с. 1.

Из воспоминаний о друге: (Памяти Д. А. Клеменца). — Речь, 1914, 12 янв., №11.

С полета в болото: (Воздушное путешествие). — Рус. вед., 1914, 17 июля, №163.

1915

Эволюция элементов на небесных светилах. — В кн.: *Штерне К.* Эволюция мира. 2-е изд. М.: Мир, 1915, Т.3, с. 381-432, рис., 1 л. ил.

Лингвистические спектры. — Изв. АН ОРЯС, 1915, т. 20, кн. 4, с. 93-134.

Берта фон Сутнер. — В кн.: *Ариян П. Н.* Первый женский календарь на 1915 год. СПб.: [Тип. Я.Трей], 1915, с. 148-150, портр.

Когда прекратятся войны: (Естественно-научное объяснение войны). — Бюл. лит. и жизни, 1915, №13/14, с. 744-748.

Воспоминания революционера. — Бюл. лит. и жизни, 1915, №20, с. 1099-1104.

За свет и свободу. — Голос минувшего, 1915, №4, с. 108-143; №5, с. 85-121.

Легенда о Дедале и Икаре. — Журн. журн., 1915, №36, с. 5, портр.

Война как один из факторов психологической и общественной эволюции человечества: (Опыт естественно-научного объяснения войн). — Рус. вед., 1915, 6 февр., №29; 30 февр., №32.

На войну. — Рус. вед., 1915, 13 февр., №35.

На пути к месту боя. — Рус. вед., 1915, 28 февр., №48.

Бомба с неба. — Рус. вед., 1915, 1 марта, №49.

После победы. — Рус. вед., 1915, 7 марта, №54.

С войны. — Рус. вед., 1915, 8 марта, №55.

Ответ русских писателей английским со-
братьям. — Бирж, вед., 1915, 30 марта, №
14753. — [Совместно с другими].

Тревожные слухи. — Рус. вед., 1915, 3 апр.,
№75.

Свободные горы. — Русская мысль, 1915, №
10, с. 103-140; № 11, с. 97-126; № 12, с. 85-108.

1916

Лингвистические спектры: Средство для
отличения плагиатов от истинных произве-
дений того или иного известного автора. —
Пг.: Тип. Акад. наук, 1916.— 42 с.

Вселенная.— В кн.: Итоги науки в теории и
практике. М.: Мир, 1916, Т. 2, с. 605-904, ил.,
табл.

Упрощенные таблицы движения Солнца,
Юпитера и Сатурна: [Ч. 1]. — Изв. Рус. о-ва
люб. мировед., 1916, т. 5, №5, с. 223-236. — [Сов-
местно с М. А. Вильевым].

Как прекратить «вздорожание жизни»: Ос-
новные законы денежного хозяйства. С при-
лож. статей: Выгоды и невыгоды социалисти-
ческого землепользования. Обременительно
ли брачное состояние для трудящегося чело-
века. Социализм и милитаризм и т. д. — М.:

Сытин, 1916. — 128 с.

Повести моей жизни. — М.: Задруга, 1916. — Т. 1. — 320 [4] с.

На войне: Рассказы и размышления. — Пг.: Бычковский, 1916. — 149 с.

[О детских рисунках]. — В кн.: Наш журнал. Пг.: Свобод, искусство, 1916, с. 10-11 приложения «Художественное творчество детей». — Разд. паг.

[Мысли о книге]. В кн.: Полвека для книги. М.: Сытин, 1916, с. 320, портр.

Памяти усопшего друга бывших шлиссельбургских узников (В. И. Семейского). Голос минувшего, Ш6, № 10, с. СХП-СХШ. — [Совместно с другими].

Невозвратно былое.: (Автобиографический рассказ). — Сев. зап., 1916, №2, с. 118-137; №12, с. 107-118.

Армия и народ. — Бирж. вед., 1916, 16 февр., №15388.

На новые мотивы: (Пародии). 1. Беглец. 2. Псонт. — Бирж, вед., 1916, 15 мая, № 15559.

Психология современного европейского милитаризма. — Бирж, вед., 1916, 11 нояб., №15917.

Венецианский узник. (Из вариантов одной сожженной поэмы). — Бирж, вед., 1916, 18 дек., №15991.

War in the future. — В Кн.: The soul of Russia. London, 1916, с. 167-169.

1917

Эволюционная социология, земля и труд. Пг.: Свет и свобода, 1917.— 39 с.

Наука и свобода. — Пг.: Парт. нар. своб., 1917. — 14 с.

Повести моей жизни. — 2-е изд. — М: Задруга, 1917. — Т. 1. — 302 с.

Ек. Брешко-Брешковская, бабушка русской революции. — Пг.: Хромолит. Злотников и Волк, 1917. — 30 с, ил., портр. — (Герои дня. Биографические этюды; №2).

Полет в Шлиссельбург над местами заточения. — Пг.: [Солнце свободы], 1917. 16 с, портр.

Революция и эволюция. — Пг.: Копейка, 1917. — 8 с.

Липецкий съезд 1879 г. — В кн.: Календарь русской революции. Пг.: Шиповник, 1917, с. 165-168.

Упрощенные таблицы движения Солнца, Юпитера и Сатурна: 4.2. — Изв. Рус. о-ва люб.

мировед., 1917, т. 6, №1, с. 32-49. — [Совместно с М. А. Вильевым].

Каменный гроб: [Шлиссельбургская крепость]. — Аргус, 1917, №4, с. 7-17, ил.

Наука и свобода. — Природа, 1917, №5/6, с. 670-675.

Кучевые облака и грозы местного происхождения: (К вопросу о предсказании погоды). — Иниц. и изобр., 1917, №1/3, с. 117-123, рис.

К реформе русской орфографии. — Рус. вед., 1917, 7 июня, №127.

Любомирский: (Рассказ из жизни 70-х годов XIX века). — Голос минувшего, 1917, №1, с. 185-198.

В высоте. Эхо: [Стихи]. — В кн.: Гимн свободе: Песни воли. Пг.: Копейка, [1917], с. 24, 31. — (Сер. полит.-социал. брошюр; №1).

Перед судом. В высоте: [Стихи]. — В кн.: Гимн свободе: Песни воли. 2-е изд. Пг.: Копейка, 1917, с. 16-17. — (Сер. полит, социал. брошюр; №1).

Революция и эволюция. — Биржевые ведомости, 1917, 29 марта (11 апр.), № 16158, утр. выпуск.

Призыв (автограф). — В кн.: Родина в опасности. Призывы в автографах. Пг.: Народная Воля, 1917 г.

1918

Повести моей жизни. — М.: Задруга, 1918. — Т. 2-4. — Т. 2. 280 с; т. 3. 264 с; т. 4. 309 с.

[Теория взрыва темного светила: Выступление в прениях по докладу Г. А. Тихова на 24-м заседании Астрономической секции, 1918 г. Крат. излож.]. — Мирведение, 1918, т. 7, №4, с. 213.

Планеты: [Стихотворение]. — Нива, 1918, №13, с. 193.

Дни избранья, обаянья... [Стихотворение]. — Нива, 1918, №36, с. 571.

1919

Устав Петроградского Научного института им. П. Ф. Лесгафта. — Изв. Науч. ин-та им. П. Ф. Лесгафта, 1919, т. 1, с. XII-XIV. — [Совместно с Е.Федоровым, Л. Орбели, В. Бауманом и О. Чентуковой].

Заявление в Совет Института директора Института и председателя Русского общества любителей мирведения: [Об открытии Астрономического отделения при Петроградском

Научном институте им. П. Ф. Лесгафта]. Там же, с. 1-2 приложений.

Отношение директора Института в Научный отдел Народного комиссариата по просвещению от 15 нояб. 1918 г.: [Об открытии Астрономического отделения при Петроградском Научном институте им. П. Ф. Лесгафта. Дополнение к «Заявлению в Совет...».] — Там же, с. 3 приложений.

О научном значении математических софизмов. — Там же, с. 193-207, черт.

1920

Принцип относительности и абсолютное: Этюд из области проявлений волнообразного движения. — Пб.: ГИЗ, 1920. — VII, 88 с, фиг., табл.

Элементарный способ для быстрого определения и нанесения на звездную карту положений и движений Марса в любом году до и после начала нашей эры. — Изв. Науч. ин-та им. П. Ф. Лесгафта, 1920, т. 2, с. 184-210, ил. — [Совместно с Н. Т. Турчиновичем].

О недосмотре влияния междуволнового давления при теоретическом обосновании принципа относительности Эйнштейна и вы-

вод рационального закона образования, распространения и действия лучистой энергии. — Там же, с. 217-296, черт.

Эволюционная мораль и эволюционная теология. — В кн.: *Немоевский А.* Бог Иисус. Происхождение и состав евангелий. Пб.: ГИЗ, 1920, с. I-XVI.

Звездные песни: Первое полное издание всех стихотворений до 1919 года в 2-х кн. — М.: Задруга, 1920. — Кн. 1. — 190 с.

Зимой. Друзья. К другу в заточении: [Стихотворения]. — В кн.: Перед рассветом / Сост. В.М.Перова (Бонч-Бруевич-Величкина). М.: Ком. памяти В. М. Величкиной, 1920, с. 63-65.

1921

Принцип относительности в природе и в математике: Речь председателя Русского общества любителей мироведения на 1-м Всероссийском съезде любителей мироведения. — В кн.: Труды 1-го Всероссийского съезда любителей мироведения, [1-11 сент. 1921 г.]. Пг.: ГИЗ, 1921, с. 228-243.

Звездные песни: Первое полное издание всех стихотворений до 1919 г. в 2-х кн. — М.: Задруга, 1921. — Кн. 2. — 206 с. Экземпляр кни-

ги с дарственной надписью Н. А. Морозова В. И. Ленину хранится в библиотеке В. И. Ленина в Кремле.

[Стихотворения]. — В кн.: Революционные мотивы в русской поэзии / Сост. В. Львов-Рогачевский. Тула, 1921, с. 78-79, 97, 101, 106, 110, 133 (Пророк), 151.

1922

Принцип относительности в природе и в математике. — Пб.: Начатки зн., 1922.-40 с, ил.

Классификация солнечных и лунных затмений, которые были видимы в Европе, Северной Африке и Западной Азии: (По месяцам года и созвездиям Зодиака от +600 по -430 год). — Изв. Науч. ин-та им. П. Ф. Лесгафта, 1922, т. 5, с. 247-284 — [Совместно с Н. Штауде].

Ред.: *Эйнштейн А.* Специальная и общая теория относительности: Пер. с 10-го нем. изд. — Пг.: ГИЗ, 1922. — 82 с. — [Совместно с Б. С. Бычковским].

1923

Классификация солнечных и лунных затмений, которые были видимы в Европе, Северной Африке и Западной Азии: [Окончание]. — Изв. Науч. ин-та им. П. Ф. Лесгафта,

1923, т. 6, с. 141-153. — Рез. на фр. яз. — [Совместно с Н. Штауде].

1924

Христос. Кн. 1. Небесные вехи земной истории человечества. — Л.: ГИЗ, 1924. — XVI, 543 с, ил., 3 л. табл.

Среди облаков: [О воздухоплавании и авиации]. — Л.: Путь к зн., 1924. — 320 с, ил. — На обл. 1925.

Христос или Рамзес?: Попытка применения математической теории вероятностей к историческому предмету. — М.; Пг.: ГИЗ [1924]. — 39 с, 1л. табл.

Победа над расстоянием. М.: Мир, 1924, с. 183-309, ил., табл., 17 л. ил. и портр. — Описано по оттиску. — [Совместно с П. П. Юреневым, Б. С. Швецовым и Д. М. Сокольниковым]. Авт. статьи: Завоевание воздуха, с. 232-271, ил.

Отклонение орбитных осей больших и малых планет солнечной системы от оси эклиптики. — Изв. Науч. ин-та им. П. Ф. Лесгафта, т. 8, с. 279-284, ил. — Рез. на фр. яз. — [Совместно с Н. Штауде].

Первая вольная академия: К 30-летию Научного института им. П. Ф. Лесгафта. Человек

и природа, 1924, №1, стб. 1-6, портр. П. Ф. Лесгафта.

Поезд сознания: (Грезы о времени и пространстве). — Человек и природа, 1924, №7/8, с. 539-546.

Предисловие. — В кн.: *Колосов Е.Е.* Государева тюрьма Шлиссельбург. Л.: Атений, 1924, с. 5-8.

О своей книге «Христос»: [Беседа]. — Кр. газ., веч. вып. 1924, 11 нояб., №257. О помощи студентам. — Кр. газ., веч. вып., 1924, 16 дек., №287.

1925

Отклонение орбитных осей комет от оси эклиптики. — Изв. Науч. ин-та им. П. Ф. Лесгафта, 1925, т. 11, Вып. 1, с. 99-108, черт. — [Совместно с Н. Штауде].

Астрономический переворот в исторической науке.: (По поводу статьи проф. Н. М. Никольского). — Нов. мир, 1925, №4, с. 133-143.

Памяти М. В. Новорусского. — Вестн. зн., 1925, №19/20, с. 1225.

[Письма к О. С. Любатович и к родным, 1882 г.]. — Каторга и ссылка, 1925, №3, с. 170-175.

Мир действительный и мир видимый. — Мир приключ., 1925, №4, с. 143-150, ил.

1926

Христос. Кн. 2. Силы земли и небес. — Л.: ГИЗ, 1926. — IX, 693, [3] с, ил., 3 л. табл. и карт.

[Автобиография]. — Энцикл. сл. Гранат. 7-е изд., б. г., Т. 40, с. 305-317.

[Краткие биографические очерки к десяти портретам шлиссельбургских узников]. — В кн.: *Новорусский М. В.* Тюремные робинзоны. М.: Л.: ГИЗ, 1926, с. 32, 42, 48, 88, 96, 128, 134, 156, 170, 184.

Шлиссельбургская крепость. — Прожектор, 1926, №4, с. 6-9, рис.

1927

Христос. Кн. 3. Бог и Слово. — М.; Л.: ГИЗ, 1927. — VIII, 735 с, ил., 2 л. табл.

Христос. Кн. 1. Небесные вехи земной истории человечества. — 2-е изд. — М.; Л.: ГИЗ, 1927. — XVI, 551 с, ил., 5 л. табл.

Последняя лекция [из курса «мировая химия», читанная 26 февр. 1917 г.]. — В кн.: *На волю: Сб. воспоминаний к 10-летию Февральской революции, 1917-1927.* Л.: Прибой, 1927, с. 125-129.

[Автобиография, написанная специально для «Огонька»]. — Огонек, 1927, №20, с. 11-12, портр. — (Советская страна должна знать своих ученых).

К любителям астрономии. — Информ. бюл. БОКС, 1927, 11 марта, №9/10, с. 29.

Русское общество любителей мироведения в Ленинграде. — Информ. бюл. БОКС, 1927, 25 марта, №11/12, с. 20-21.

Последняя лекция. — Кр. газ., 1927, 12 марта, №59.

1928

Христос. Кн. 4. Во мгле минувшего при свете звезд. — М.; Л.: ГИЗ, 1928. — VIII, 816 с, ил., граф., план., 2 л. карт, и табл.

История изучения Вселенной / Под ред. и с дополнениями Н. Морозова. — Л.: Сойкин, 1928. — 80 с, ил., портр. и диагр. — (Вселенная и человечество; Кн. 1).

Повести моей жизни. — М.; Л.: ГИЗ, 1928. — Т. 1-3. — Т. 1, 287 с, 1 л. портр.; Т. 2. 231 с; т. 3. 152 с, 1 л. портр.

«Многомерности» и «кривизны» пространства: (послесловие к рассказу С. Красновского «Катастрофа пространства»). — Мир при-

ключ., 1928, №9, с. 22.

[Краткие биографические очерки к десяти портретам шлиссельбургских узников]. — В кн.: *Новорусский М.В. Тюремные робинзоны*. 2-е изд. М.; Л.: ГИЗ, 1928, с. 36,48, 56, 98, 104, 140, 146, 168, 182,196.

Письма к П. Н. Ткачеву от 25/V 1880 г. и П. Л. Лаврову в мае 1880 г. и от 2/VIII 1880 г. — *Каторга и ссылка*, 1928, № 11, с. 38-42.

В защиту реализма в исторической науке: Коротенький ответ нападающим на мою книгу «Христос». — *Правда*, 1928, 9 мая, № 106.

1929

Христос. Кн. 5. Руины и привидения. — М.; Л.: ГИЗ, 1929. — VII, [1], 896 с, ил., черт., карт., факс.

Метеорные катастрофы и их влияние на умы людей. — *Мироведение*, 1929, т. 18, №3, с. 149-153, ил.

Памяти «Народной воли»: [К 50-летию «Народной воли»]. — *Вестн. зн.*, 1929, № 1, с. 5-8, портр.

Предисловие. — В кн.: *Сытин В. А. В тунгусской тайге*. Л.: Сойкин, 1929, с. 3-14. — (Природа и люди; Кн. 2).

1930

Христос. Кн. 6. Из вековых глубин. — М.; Л.: ГИЗ, 1930. — XII, 1216 с, ил., портр., черт., диагр., схем. и карт., 3 л. ил. и табл.

Знание и прогресс: (Старо-новые мысли). — Вестн. зн., 1930, №1, с. 2-3.

Интересная проблема органической жизни. — Известия, 1930, 24 окт., №294.

Липецкий съезд. — В кн: «Народная воля» в документах и воспоминаниях. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан, 1930, с. 14-17.

Письмо к Вере Фигнер в 1880 г. — В кн.: *Колосов Е. Е. (Д. Кузьмин)*. Народовольческая журналистика. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан, 1930, с. 241-243. — (Ист.-рев. б-ка. Воспоминания, исследования, документы и другие материалы из истории революционного прошлого России; 1930, №2).

Письмо к Вере Фигнер от 26 июля 1929 г. — Там же, с. 250-251.

Предисловие. — В кн.: *Колосов Е.Е.* Государева тюрьма Шлиссельбург. 2-е изд., доп. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан, 1930, с. 5-8.

Ред.: *Уэллс Г.* Полное собрание фантастиче-

ских романов. Т. 3. Остров доктора Моро. Машина времени. Пер. с англ. — М.; Л.: Земля и фабрика, 1930. — 296 с.

1931

Тени минувшего: Опыт психологической характеристики Шлиссельбургской крепости. — В кн.: Народовольцы. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан, 1931, сб. 3, с. 39-71.

Письмо в редакцию «Мироведения»: [По поводу статьи Сергеева «Здание на песке»].—Мироведение, 1931, т.20, №2, с. 110-112.

В те дни: (К годовщине казни первоапрельцев) —Стройка (Ленинград), 1931, апр., №12, с. 14.

1932

Христос. Кн. 7. Великая Ромея. Первый светоч средневековой культуры. — М.; Л.: Соцэкгиз, 1932. —VIII, 920 с, ил., табл.

Несколько слов об архиве «Земли и воли» и «Народной воли». — В кн.: Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан, 1932, с. 32-38. — (Ист.-рев. б-ка; №11/12).

[Заметки на Воронежском съезде и в период подготовки первых покушений (1879 г.)]. —

Там же, с. 150-159.

1933

Повести моей жизни. — М.: Изд-во Всесовз. о-ва политкаторжан, 1933. — Т. 1-4.

Т. 1. 344 с, портр.; Т.2. 251 с; т. 3. 329 с, портр.; Т. 4. 436 с.

Повісті мого життя. — Харків: Партвид-во Пролетар, 1933. — 398 с.

Михаил Васильевич Новорусский. — В кн.: *Новорусский М. В.* Записки шлиссельбуржца (1887-1905). М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан, 1933, с. 11-13.

Мое знакомство с Карлом Марксом. — Природа, 1933, 5/6, с. 1-4, портр. — На рус. и нем. яз.

Карл Маркс и «Народная воля» в начале 80-х годов. — Каторга и ссылка, 1933, №3, с. 142-148.

Данилов (Ярославской губ.): Письма, сентябрь 1874 г. — В кн.: Газета «Работник» (1875-1876 гг.) / Ред. и вступит, статья В. И. Невского. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан, 1933, с. 19-20. — [Подпись А. Б.].

Село Рябково (Костромской губ.): Письма. — Там же, с. 31-33. — [подпись Н. В.].

Встреча с К. Марксом: Воспоминания. — Веч. Кр. газ., 1933, 16 февр., №39. То же. — Ленин, искры, 1933, 21 февр., №16, портр.

Проблема «сметаны»: [Биохимические исследования. Беседа]. — Веч. Кр. газ., 1933, 17 мая, №112.

Ред.: *Новорусский М.В.* Записки шлиссельбуржца (1887-1905). — М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан, 1933. — 415 с.

1934

За массовую популяризацию достижений советской науки: Ко всем научным работникам СССР. — Вестн. зн., 1934, №6, с. 378-379. — [Совместно с другими].

Клочки воспоминаний. — Известия, 1934, 6 июня, №131, портр.

[Приветствие Москве]. — Веч. Москва, 1934, 7 июня, №129.

В Алексеевском равелине. — Ленингр. правда, 1934, 6 июня, № 132, портр.

Воспоминания шлиссельбуржца. — Веч. Кр. газ., 1934, 7 июня, №129, портр.

1935

Всемирны ли все силы и законы Вселенной. — Мирведение, 1935, т. 24, №6, с. 423-426.

У Карла Маркса. — Известия, 1935, 7 нояб., №260.

1936

Факторы биологической эволюции. — Изв. Науч. ин-та им. П. Ф. Лесгафта, 1936, Т. 19, Вып. 2, с. 1-26, ил.

1937

Петр Францевич Лесгафт: К столетию со дня рождения. — Правда, 1937, 19 сент., №259, портр.

1938

Влияние центрального тела Галактики и других ее сверх-солнц на окружающие нас геофизические и метеорологические явления. — В кн.: Тезисы докладов научной сессии [Государственного естественнонаучного института им. П. Ф. Лесгафта], 1938 г., май. Л., 1938, с. 3-5.

Зустріч з Карлом Марксом: [Беседа]. — Білшовик, 1938, 16 березня, №61. портр.

Моя встреча с Карлом Марксом: Беседа. — За оборону, 1938, 5 мая, №43.

1939

Пережитки суеверий уходят в прошлое. — За большевист. науку, 1939, 1 мая, №3, портр.

1940

У Карла Маркса. — В кн.: Воспоминания о Марксе. М.: Мол. гвардия, 1940, с. 178-180.

1944

О возможности научного предвычисления погоды при введении в анализ галактических воздействий: (Предварительное сообщение). — Изв. АН СССР. Сер. геогр. и геофиз., 1944, Т. 8, №2/3, с. 63-71, табл. — Рез. на англ. яз.

В редакцию газеты «Правда». — Правда, 1944, 15 июля, №169.

1945

Эхо солнечного света. — Изв. АН СССР. Сер. геогр. и геофиз., 1945, Т. 9, №4, с. 289-293, фиг. — Рез. на англ. яз.

1947

Повести моей жизни. — М.: Изд-во АН СССР, 1947. — Т. 1-3. — Т. 1. 503 с, 5 л. ил.; Т. 2. 555 с, ил.; Т. 3. 416 с, 5 л. ил., портр.

[Письма Л. Н. Толстому от 31 марта 1907 г. и 16 апр. 1910 г.]. — Огонек, 1947, № 29, с. 23, портр.

1949

[Письмо от 25 авг. 1901 г. председателю Рус-

ского физико-химического общества Н. Н. Бекетову]. — Сообщ. о науч. работах чл. ВХО, 1949, вып. 4, с. 23-25. То же. — Тр. Ин-та ист. естествозн., 1949, т. 3, с. 201-204.

1956

У Карла Маркса. — В кн.: Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М.: Политиздат, 1956, с. 317-319.

1957

Письмо И. А. Каблукову от 25/ХИ 1917 г. — В кн.: Соловьев Ю. И., Каблукова М. И., Колесников Е. В. Иван Алексеевич Каблуков. М.: Изд-во АН СССР, 1957, с. 181-182.

1958

У Карла Маркса. — В кн.: Они встречались с Марксом: Воспоминания русских общественных деятелей. М.: Политиздат, 1958, с. 27-30.

[Одиннадцать писем к И.П.Малютину (1923-1935)]. — В кн.: Малютин И. Воспоминания. М.: Сов. писатель, 1958, с. 77-79, 91-99.

1959

Стихотворения и поэмы. — В кн.: Вольная русская поэзия второй половины XIX века. Л.: Сов. писатель, 1959, с. 338-348, 393, 450-453,

456-458, 474-490, портр.

1960

[Письмо В.И.Ленину от 29 янв. 1921 г.]. — В кн.: Письма трудящихся к В. И. Ленину. М.: Политиздат, 1960, с.220-221.

Письмо И. А. Каблукову [от 25/XII 1917 г.]. — В кн.: История естествознания в России. Т. 2. Физико-математические и химические науки (вторая половина XIX — начало XX века). М.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 531.

[Стихотворения]. — В кн.: Русские поэты / Сост. Н. Гайденков. М.: Учпедгиз, 1960, с. 784-785, биогр. данные.

1961

Повести моей жизни: Мемуары. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — Т. 1-2. — Т. 1. 407 с, 3 л. портр.; Т. 2. 703 с, портр.

1962

Повести моей жизни: Мемуары. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — Т. 1-2. — Т. 1. 408 с, 1 л. портр., Т. 2, 702 с, 1 л. портр.

Стихотворения и поэмы. — В кн.: Поэты-демократы 1870-1880-х годов. М.; Л.: Сов. писатель, 1962, с. 379-437.

1963

Лунные кратеры и цирки: Путешествие в мировом пространстве. — Техн.-мол., 1963, №7, с. 12-14, портр., рис.; №8, с. 30-31, рис.

1964

Очерк истории кружка «чайковцев» (1869-1872 гг.) — В кн.: Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. 1870-1875 гг. М.: Наука, 1964, с. 202-240, 1 л. ил.

[Письмо М. Р. Лопову от 20 марта 1908 г.] — Юность, 1964, 30 июня, №77.

Слово о книге. — В кн.: Умное слово. М., 1964, с. 185.

Письмо В. И. Ленину от 1 февр. 1921 г. — История СССР, 1965, №2, с. 85. Повести моей жизни: Мемуары. — М.: Наука, 1965, — Т. 1-2.—Т. 1. 408 с, портр.; Т. 2, 702 с, 1 л. портр.

1966

У таинственного порога. — М.: Дет. лит., 1966. — 208 с, ил., портр.

Ceri burtunkben is erudukben: Eletem reginye. (Rividitett kiades). — Budapest: Gondolat, 1966. — 1.621.

Воспоминания о П. Ф. Лесгафте (1940 г.). — Сов. арх., 1966, №2, с. 77-80. Конец рассказа: (Запись для киноочерка). — Волга, 1966, №7, с.

148-250.

1967

Стихотворения. — В кн.: Поэты революционного народничества. Л.: Худ. лит., 1967, с. 121-156.

1968

Из докладной записки о деятельности Научного института им. П. Ф. Лесгафта в Отдел ученых учреждений и высших учебных заведений Наркомпроса 12 авг. 1918 г.-В кн.: Организация науки в первые годы советской власти (1917—1925): Сб. документов. Л.: Наука, 1968, с. 254-256.

Из письма А. В. Луначарскому о создании Астрономического отделения при Петроградском научном институте им. П. Ф. Лесгафта, 3 окт. 1918 г. — Там же, с. 256-257.

Стихотворения и поэмы. — В кн.: Поэты-демократы 1870-1880-х годов. Л.: Сов. писатель, 1968, с. 187-217, портр.

1969

Карл Маркс и «Народная воля» в начале 80-х годов. — В кн.: Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М.: Политиздат, 1969, с. 78-84.

У Карла Маркса. — Там же, с. 84-86.

С усердием взялся бы за создание воздушного флота: [Письмо В. И. Ленину от 20 янв. 1921 г.]. — В кн.: Товарищу Ленину: (Письма трудящихся В. И. Ленину). 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1960, с. 280-281.

[О Дмитрие Ивановиче Менделееве). — В кн.: Д. И. Менделеев в воспоминаниях современников / Сост. А. А. Макареня и И. Н. Филимонова. М.: Атомиздат, 1969, с. 71-73.

[Письма академику О. Ю. Шмидту от 24 окт. и 12 дек. 1941 г.]. — В кн.: Нас водила молодость: Литературно-художественный сб. Ярославль: Верхне-Волж. Кн. изд-во, 1969, с. 65-67.

Пророк. Сквозь стену (Вере Фигнер). Числа. Г.А.Лопатину: [Стихотворения]. — Наука и жизнь, 1969, №6, с. 119-120.

[Письмо И. Д. Сытину от 24 января 1918 г.] — В кн.: *Коницев К.* Русский самородок. Ярославль, 1969, с. 340-341.

1970

[Письма В. И. Ленину от 29 янв., 1 февр. и 11 авг. 1921 г. и от 11 мая 1922 г.]. — В кн.: Ленин. Ленину. О Ленине. Ярославль: Верх-

не-Волж. кн. изд-во, 1970. с. 113, 278-280.

[О встрече с Карлом Марксом, 1880 г.: Из записи на киноплёнку]. — В кн.: О Ленине: Владимирам, ивановцы, костромичи, ярославцы о В.И.Ленине. Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1970, с. 291-202. — На обл. загл.: Всегда с нами.

[Письмо В.И.Ленину от 11 мая 1922 г.]. — Там же, с. 298.

К реформе русской орфографии [1917 г.]. — В кн.: Чернышев В. П. Избранные труды. М.: Просвещение, 1970, т. 2, с. 641-643.

[Публикации в «Земле и Воле» и в «Листке Земли и Воли»]. — В кн.: Революционная журналистика 70-х годов. Дюссельдорф, 1970, (Репринт с русского издания 1906 года), с. 179-188, 202-206, 277-312.

[Из письма к А.И.Ульяновой-Елизаровой в 1919 г.]. — В кн.: Озера Ярославской области. Ярославль, 1970, с. 382.

1971

[Письма В.И.Ленину от 1 февр., 11 и 18 авг. 1921 г.]. — В кн.: Литературное наследство. Т. 80. В. И. Ленин и А. В. Луначарский. Переписка, доклады, документы. М.: Наука, 1971, с.

269, 280, 281, 310.

1972

Письмо академику А. Н. Баху от 2 февр. 1940 г. — Юн. техн., 1972, №2, С. 26-27.

[Письма В.И.Ленину в 1921 г.: (Об издании книги «Христос»)]. — В кн.: А. В. Луначарский. Об атеизме и религии. М., 1972, с. 455-461.

1973

[О Дмитрие Ивановиче Менделееве]: Воспоминания. — В кн.: Д. И. Менделеев в воспоминаниях современников. / Сост. А. А. Макареня, И. Н. Филимонова, Н. Г. Карпило. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Атомиздат, 1973, с. 73-75.

[Письмо Клименту Аркадьевичу Тимирязеву от 2 февр. 1909 г.]. — Юн. техн., 1973, №3, с. 25.

1974

Звездные песни. Стихи и поэмы. — Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1974. — 128 с, портр.

[Письмо К. А. Тимирязеву от 2/II 1909 г.]. — Тимирязевец, 1974, 12 июня, № 17; Моск. ун-т, 1974, 22 февр., №9.

1975

[Из письма С. И. Вольфковичу, 14 янв. 1944 г.] — Химия и жизнь, 1975, № 10, с. 5, 7, 8, 10.

В доме предварительного заключения: [Стихотворение]. — В кн.: Петербург, Петроград, Ленинград в русской поэзии. Л., 1975, с. 180.

1976

[16 писем в Брюсову, 1910-1913 гг.] — Вопр. лит., 1976, №7, с. 188-205.

[Из письма к В.С.Мусиной-Пушкиной от 20 сент. 1909 г.]. — Природа, 1976, №7, с. 62-63.

[Из писем И. Д. Сытину от 1 июля 1906 г. и 2 нояб. 1907 г.]. — В мире кн., 1976, №2, с. 81.

[Из речи на заседании Петроградского отделения Общества друзей Воздушного флота, 19 авг. 1923 г.]. — Кр. звезда, 1976, 12 авг., №188.

Поездка к Карлу Марксу. — Сев. рабочий, 1976, 25 дек., №302, ил.

1977

[Речь на заседании Петроградского отделения Общества друзей Воздушного флота, 19 авг. 1923 г.]. — Моск. автозаводец, 1977, 31 окт., №251. — (Прищепенко В. Дорога к звездам).

1978

[Письмо к В.Г.Короленко от 18 июня 1909 г.]. — Огонек, 1978, №31, с. 13. — (Внучков Б. В. Г. Короленко и Н. А. Морозов).

[О значении трудов К. Э. Циолковского: Речь, произнесенная 19 авг. 1923 г. на заседании Петроградского отделения Общества друзей Воздушного флота]. — Знамя, 1978, 14 марта, №61. — (Внучков Б. «Давайте же дерзать!»).

То же. — Моск. ун-т, 1978, 3 окт., №41. — (Прищепенко В. Через тернии к звездам).

Воспоминания о В. И. Ленине. — Сев. рабочий, 1978, 21 апр., №92. — (Внучков Б., Морозов Н. А. Воспоминания о В. И. Ленине).

Письмо Л. Н. Толстому от 11 апреля 1910 года. — Звезда, 1978, №1, с. 157.

1979

Путешествие в космическом пространстве. — В кн.: Вечное солнце: Русская социальная утопия и научная фантастика (вторая половина XIX — начало XX века) / Сост., автор предисл., справок об авторах и комментариев С. Калмыков. М.: Мол. гвардия, 1979, с. 238-247.

По общим законам природы. — Огонек, 1979, №28, с. 20-22, портр.

Первое путешествие по воздуху. — Неделя, 1979, 2-8 июля, №27.

Числа. «Мы умираем только для других...»
При свете лампы. Голоса Земли: [Стихи]. —
Химия и жизнь, 1979, №10, с. 76-77.

Первое путешествие по воздуху. — Вперед
(Н. Некоуз, Ярославской обл.), 1979, 25 авг., №
102. — (Публикация В. Бирюкова).

1981

На воздушном шаре из Санкт-Петербурга
в Вологду. — Северный рабочий, 1981, 11
сент., №211. — (Публикация Б. Внучкова).

[Письмо академику О. Ю. Шмидту в 1944
г.]. — Сев. рабочий, 1981, 17 нояб., № 264 —
(Публ. Б. Внучкова)

Атом жизни: (Стихотв.) — Сов. Россия, 1981,
6 дек., №281.

1982

[Стихотворения]. — В кн.: Муза в храме на-
уки / Сост. В. Ноздрев. М.: Сов. Россия, 1982, с.
23-38, портр.

[Письмо академику В. И. Вернадскому в
1944 г.]. — В кн.: Мочалов И. И. Вернадский.
М.: Наука, 1982, с. 392.

1983

Поездка к Карлу Марксу. — В кн.: Воспоминания о Марксе и Энгельсе. 4.2. М., 1983, с. 44-50.

К.Маркс и «Народная Воля» в начале 80-х годов. — В кн.: Воспоминания о Марксе и Энгельсе. Ч. 2. М., 1983, с. 51-58.

1984

После казни 4 ноября.: (Стихотв.) — Русская литература, 1984, №2, с. 166.

1986

[Два письма к отцу П. Щепочкину в 1874 г.] — Вперед (Н. Некоуз, Яросл. обл.), 1986, 13 мая, №56; 15 мая, №57. — (Публ. Г. Мишулиной).

1987

Попытка освобождения Войнаральского. — В кн.: Штурманы будущей бури. М.: Сов. Россия, 1987, с. 112-118.

1988

Между чувством и долгом. — Вперед (Н. Некоуз, Яросл. обл.), 1988, 9 июля, №32, портр. — (Публикация В. Бирюкова).

[Стихотворения]. — В кн.: Муза в храме науки. 2-е изд. / Сост. В. Ноздрев. М.: Сов. Россия, 1988, с. 167-180, портр.

Путешествие в космическом пространстве. — В кн.: У светлого яра Вселенной. М.: Правда, 1988, с. 33-42.

[Стихотворения]. — В кн.: Чудное мгновение. — М.: Худлит., 1988, с. 382-384.

1989

О гражданском равноправии женщин. — Сев. рабочий, 1989, 8 марта. — (Публикация Г. Мишулиной).

[Автобиография]. — В кн.: Деятели СССР и революционного движения в России. М.: Сов. энци., 1989, с. 167-173, портр.

[Отдельные высказывания]. — В кн.: Я верю в разум! Л.: Лениздат, 1989, с. 62, 78, 84, 195, портр.

[Стихотворения]. — В кн.: Кибернетический Пегас. Л.: Детск. лит., 1989, с. 59-66.

Памяти 1873-75 годов: (Стихотв.) — В кн.: Русские поэты XIX века. 2-ая пол. М.: Просвещение, 1989, с. 439-440.

Проклятие: (Стихотв.) — В кн.: Факел. М.: Политиздат, 1989, с. 105, портр.

У гроба Кирова. — Вперед (Н. Некоуз, Ярослав. обл.), 1989, 14 дек., №149 — (Публ. Г.Мишулиной).

1990

Христос или Рамзес? — М.: Кн. палата, 1990 . — 40 с. (Репринт с изд. 1924 г.). В народ! — В кн.: Ярославия. М.: Современник, 1990, с. 125-142. [Письмо И.Д.Сытину 1 июля 1906 г]. — Вперед (Н. Некоуз, Яросл. обл.), 1990, 28 ноября, № 142. — (Публ. В. Бирюкова).

1991

История возникновения Апокалипсиса. Откровение в грозе и буре. — М.: Изд. Академии общ. наук. — 307 с. (Репринт с изд. 1907 г.)

Пусть мой путь остановки не знает. — Ленингр. рабочий, 1991, 19, 26 апр., 1 мая, №№16-18, портр. — (Публ. Н. Н. Сотникова).

[Письмо академику Н. И. Вавилову 18 июня 1934 г.] — Вперед (Н. Некоуз, Яросл. обл.), 1991, 20 июня. — (Публ. Г. Мишулиной).

1994

[Письма И. Е. Репину в 1912 и 1926 гг.] — Вперед (Н. Некоуз, Яросл. обл.), 1994, 10 авг, №63. — (Публ. Г. Мишулиной).

1995

В поисках философского камня. — В кн.: Теория и символы алхимии. Великое деланье. Киев: Новый Акрополь, 1995, с. 53-155, рис.

Павлушкин мост. — Вперед (Н. Некоуз, Ярослав. обл.), 1995, 25 янв., №7. — (Публ. В. Бирюкова)

1996

Новый тип революционеров. — В кн.: История терроризма в России. Ростов-на-Дону, 1996, с. 91-95.

Террористическая борьба. — В кн.: История терроризма в России. Ростов-на-Дону, 1996, с. 95-109.

О высоком и вечном: [Письмо академику С. И. Вольфовичу 14 янв. 1944 г. и стихотворение «Мы умираем только для других»]. — Вестник РоссАН, 1996, № 10, с. 899-902. — (Публ. Ю. Соловьева).

1997

[Фрагменты рукописи о русской истории]. — В кн.: Носовский Г., Фоменко А. Новая хронология Руси. М.: Факториал, 1997, с. 238-248.

Христос. Небесные вехи земной истории человечества. — М: Леан, 1997. — 576 с, ил. — (Предисловие С. И. Валянского).

1998

Христос. Силы земли и небес. — М.: Леан,

1998. — 704 с, ил.

Христос. Бог и слово. — М.: Крафт+Леан, 1998. — 752 с, ил.

Христос. Во мгле минувшего при свете звезд. — М.: Леан, 1998. — 832 с, ил.

Христос. Руины и привидения. — М.: Крафт+Леан, 1998. — 912 с, ил.

Христос. Из вековых глубин (части I—III). — М.: Крафт+Леан, 1998. — 656 с, ил.

Христос. Из вековых глубин (части IV—VIII). — М.: Крафт+Леан, 1998. — 592 с, ил.

Христос. Великая Ромея. Первый светоч средневековой культуры. — М.: Крафт+Леан, 1998. — 929 с, ил.

2000

Новый взгляд на историю Русского государства. — М.: Крафт+Леан, 2000. — 888 с, ил.

2007

Атомы-души (предисл., публ. А. А. Кулакова). — Вече. Альманах русской философии и культуры. Выпуск 18. СПб., 2007, с. 276-288.

ЖЕРТВЕННИК

І. Письмо Н. А. Морозова В. И. Ленину
(июль 1919 г.)

Надпись Морозова: «Отстоял институт».

Глубокоуважаемый Владимир Ильич!

Пишу Вам это письмо в большой тревоге. Дело в следующем. Со времени моего освобождения из Шлиссельбургской крепости, как только были опубликованы мои первые научные работы, я был приглашен покойным П. Ф. Лесгафтом для преподавания химии в Вольной Высшей школе, основанной им при созданной им же ранее на средства Сибирякова Петроградской биологической лаборатории (Английский, 32) как свободном исследовательском ученом учреждении. После его смерти я был избран Советом лаборатории членом совета взамен выбывшего Лесгафта, а директором был выбран проф. Метальников. В это время Высшая Вольная школа была уже закрыта правительством и осталась только создавшая ее Биологическая лаборатория, которая стала разрабатывать и другие науки — все отрасли естествознания, как показывают 22 тома напечатанных ею трудов, где есть ряд и моих исследований по химии (см. приложенную брошюрку: стр.16, § 9-17, а о биологической Лаборатории стр.8).

С этого момента я перешел почти целиком от преподавательской деятельности к исследовательской, так как учреждение давало для этого возможность. Перед войной я нашел, как когда-то и Лесгафт, одного богатого человека д-ра Симонова, который из дружбы ко мне дал несколько сот тысяч для расширения этого учреждения, с которым я сжился и на эти деньги мы с ним построили новый шестиэтажный дом, надстроили два этажа над одним из прежних, и начали постройку для меня астрономической обсерватории, но не успели прикрыть ее куполом, потому что д-р Симонов скоропостижно умер.

В прошлом году зимой я был избран советом Биологической лаборатории ее директором, взамен выбывшего Метальникова, сейчас же преобразовал ее в Петроградский научный институт имени Лесгафта с 9-ю естественно-научными отделениями, в том числе астрономическим по такой специальности, по какой еще нет учреждений в других странах: разработке памятников древности и определения их времени по заключающимся в них астрономическим фактам, что, по мое-

му мнению, обещает сделать полный переворот в истории древности и особенно религий.

Еще ранее этого, когда времена старого режима стали полегче, мы (хотя учреждение по своему уставу чисто исследовательское) задались целью дать молодежи, не пускаемой по тем или иным причинам в казенные учебные заведения, учиться, отдали часть наших помещений, якобы в наем Высшим курсам Дмитриева, которые на деле под флагом этого инженера были устроены нами же, и потому, как только произошла революция, и переименовались в высшие курсы имени Лесгафта.

Теперь с реформой высшей школы и с падением значения Петрограда для учащейся молодежи, он оказался слишком обремененным учебными заведениями, и мне сообщили в марте в Комиссариате Народного Просвещения (в ведение которого перешел, как только я стал директором, Научный институт Лесгафта и который помог мне закончить обсерваторию), что бывшие курсы Дмитриева, а теперь Курсы имени Лесгафта, помещающиеся у нас, потеряли значение и Коллегия Петроградского Наркомсевпроса по предложению

В.Р. Менжинской предполагает присоединить их ко 2-ому Педагогическому институту, где директором Н. А. Рожков. Я согласился с ее мнением, что курсы надо преобразовать, но выразил опасение, что бракосочетание по желанию родителей и одного жениха, не спросив невесты (т.е. Курсов Лесгафта) может привести к разрухе обоих учебных заведений, и, кроме того, отметил, что Курсы Лесгафта только приемное дитя Научного (исследовательского) института имени Лесгафта, созданного им и мною в самые тяжелые времена старого режима и уже оказавшего свободной науке и культуре немало услуг, а в будущем способного оказать еще более, и потому его следует сохранить.

Я говорил об этом также с Гринбергом и Киммелем, как с двумя лицами, которых я очень люблю (Луначарский тогда уже уехал в Ярославль) и они, как и Вера Рудольфовна Менжинская, сказали, чтобы я не беспокоился, и что я буду приглашен в коллегия, когда будет решаться этот вопрос и все мои соображения будут приняты во внимание; то же сказал мне и Кристи, заведующий научным

отделом, в ведении которого находился институт, но мне сказали, что это будет не скоро и потому я могу отправиться на месяц или два в командировку для окончания там задуманной мною работы астрономического исследования евангельских книг, для чего условия петербургской жизни, при которой все время у меня уходило на приискание пропитания и беготню по административным делам института, не давали мне ни малейшей возможности.

Я уехал 5 июня, работал над этим предметом с утра до ночи и вычислил неожиданный, но совершенно и безусловно достоверный факт: лунное затмение, описанное с мельчайшими подробностями во всех Евангелиях, имевшее место при распятии Иисуса и поведшее к тому, что он преждевременно был снят с креста и потом ожил, было за весь исторический период жизни человечества только один раз: в ночь со страстного четверга на страстную пятницу 368 года нашей эры, 21 марта, в равноденствие.

Это сразу привело Евангелия в согласие с уже ранее сделанным мною исследованием

Апокалипсиса, давшим для него 395 год, 30 сентября, и исследованиями, опубликованными мною перед самой войной в книге «Пророки», быстро разошедшейся, но оставшейся благодаря войне без отголосков в научной литературе.

Теперь же я вычислил еще, по астрономическим указаниям, время 22 Псалма, где тоже описывается распятие, и получил для него то же самое время. Я сделал уже более 15 таких вычислений и каждое в отдельности приводило к той же самой эпохе, концу IV и началу V века, и мало помалу перед моими глазами вырисовывалась грандиозная и своеобразная картина жизни этого времени, которая средневековыми теологами была совершенно разрушена, так как все главные события они отнесли на 300 лет ранее, чем они были в действительности, а по древней истории религии хронологический сдвиг достигает даже 1320 лет назад (в целом ряде документов, содержащих астрономические указания — положения планет, затмения и т.д.). Это и была одна из главных причин организации мною в Научном институте Лесгафта астрономиче-

ского отделения, куда я привлек лучших молодых астрономов-специалистов, уже сделавших ряд вычислений времен египетских памятников, давших для них большею частью I век нашей эры. Все эти вопросы я сверил в последние две недели с многочисленными первоисточниками историй III и IV века, с которыми и ранее был знаком, и получил полное согласие идейной жизни того времени с моими выводами, а в некоторых случаях нашел и самих авторов книг, как например Иоанна Златоуста для Апокалипсиса и Евангелия Иоанна, Новосионского епископа Павла для посланий апостола Павла и т.д.

На днях я закончил начерно книгу под названием «Христос», которая представляет весь миф о Христе в совершенно новом свете, и, несмотря на то, что при исследованиях я отбрасывал всякую предвзятую цель и руководствовался только стремлением выяснить истину с помощью выработанных мною методов астрономического вычисления, совершенно разрушает все основы современной теологии.

Так как оставались только корректурные

поправки и несколько справок о первоисточниках, которые можно было найти только в Москве, Петрограде и Пулковской обсерватории, то я уже собрался выехать и посоветоваться с издательским отделом Комиссариата просвещения о возможности скорейшего издания этой книги, как вдруг получил за два дня до назначенного дня отъезда от секретаря Научного Института Лесгафта следующую телеграмму: «Петроград. 3.7.19. Нам официально сообщено постановление коллегии Наркомсевпроса о присоединении Лесгафтовского института и Курсов ко 2-му Педагогическому институту. Ваше присутствие необходимо».

Эта телеграмма упала мне как снег на голову. Мои отношения с членами коллегии были, по крайней мере с моей стороны, самые искренние и наилучшие, а между тем по самому смыслу телеграммы устроено мое увольнение от должности директора самостоятельного Научного института имени Лесгафта и замена меня Николаем Александровичем Рожковым, а также фактическое уничтожение всякой самостоятельной деятельности в

только что начавшем функционировать с необыкновенной энергией астрономическом отделении. Передача всего этого другому учреждению, задающемуся чисто педагогическими целями и интересами, равноценна его упразднению, а между тем Петроград перегружен только учебными, а не учеными (исследовательскими) учреждениями. Исследовательским учреждениям, требующим самых редких книг, музеев и инструментов, даже выгоднее быть сосредоточенными в определенном городе, где они могли бы помогать друг другу.

В чем же дело? Может быть тут замешалась политика? Эта мысль прежде всего приходит мне в голову может быть потому, что я уже так много терпел от нее в своей научной деятельности при старом режиме. Конечно, я не скрывал (когда меня спрашивали об этом, но сам никому не навязывался со своими мнениями), что очень сомневаюсь в возможности введения социалистического строя в настоящее время не только в России, но и в других странах, что считаю современное человечество психически неподготовленным к

полной общественности, индивидуалистическим по своему складу. Но я не скрывал и того, что вижу постепенную психическую эволюцию в этом направлении, которая ведет к коммунизму, как к идеалу развития общественности.

А относительно современного состава верховного правительства всегда говорил и в частных разговорах и при случайных публичных беседах, что этот состав и по умственным и по моральным качествам является выдающимся и что если даже ему не удастся осуществить идеалов коллективизма, то и никто другой не будет в состоянии ничего сделать в этом направлении. Тогда пусть никто и не берется по крайней мере триста лет, все равно ничего не выйдет, кроме рязрухи всей экономической жизни страны.

Однако я считал то, что делается в настоящее время, исторически неизбежным. Принимать активное участие в этой героической попытке я не мог, потому что оказался бы нечестным полководцем, который посылает армию на штурм такой крепости (индивидуализма, мешочничества и нечестной мелкой

спекулятивности мало еще развитых умственно и морально масс), при котором вся она погибнет, а случайные оставшиеся будут разорваны в клочки. С этой идейной точки зрения я и теперь, конечно, могу считаться в оппозиции, но только никак не к личному составу, а к тем или другим частям его платформы. А некоторые части и вполне одобряю.

Так я всегда говорил и говорю теперь, что за разгон Учредительного собрания состава 1917 г. современному правительству простится много грехов, что оно хорошо сделало, что расшевелило монастырские мощи и этим способствовало очищению истинного религиозного чувства, то есть благоговейного настроения, возникающего у всякого мыслящего человека при виде красоты и величия Вселенной. Заключение Брестского мира, при котором Россия признала себя побежденной накануне победы, я не ставлю ни в плюс ни в минус современному правительству или пацифистам всевозможных оттенков, к одному из которых принадлежу и я сам. Заключение его не правительство, а русские крестьяне и рабочие, и не из своего великодушия или со-

циальности, а потому только, что не будучи способны составить какое-нибудь правильное понятие о том, что делается и что подготовлено на западном фронте, они пришли к убеждению, что «немца никто не сможет побить, а нам все равно будет жить, что под Николаем, что под Вильгельмом». Никакой Геркулес не смог бы удержать эту панически бегущую толпу, и я удивлялся в свое время только одному: умению, с которым была произведена демобилизация и разделена на небольшие куски та чудовищная лавина, которая была готова обрушиться на весь запад России и, разбившись вдребезги сама, раздавить под собою и половину населения Европейской России.

Но если Вы спросите меня, как я отношусь к некоторым другим мерам современного правительства, то я скажу, что некоторые из них мне были совершенно непонятны, так как казались губительными для него самого и которые я мог объяснить только тем, что оно село на спину такого зверя, который несет его неизвестно куда и, в конце концов, поднимет на рога.

Так, например, когда был опубликован декрет об аннулировании всех вкладов в банки свыше 15000 рублей (что сводилось, в сущности, к аннулированию права граждан на личную инициативу в хозяйственной жизни страны, так как аннулирование записей в банковских книгах не давало правительству никакой реальной выгоды), то я тогда же говорил всем знакомым, что это смертный приговор правительства над собою, так как такая мера перепугает всех крестьян, у которых будет скапливаться при новых условиях вся масса денег и они, воображая, что следующая очередь аннулирования будет за ними, не понесут более в кассы ни одной копейки, а все будут зарывать в землю и таким образом удалять с рынка деньги и правительству ничего не останется делать, как без конца печатать денежные знаки для уплаты многочисленным при всякой национализации служащим и все эти деньги тотчас будут проваливаться в землю, пока, наконец, земледельцы, как основные производители страны, пресытятся ими и начнут меновую торговлю, разувая и раздевая городских обывателей и всех не зем-

ледельцев, пока не оставят их совершенно нагими и босыми, и не лишат советское правительство его главной опоры. И все, что было потом с финансами, показывает справедливость моей тогдашней оценки этой меры.

Вы видите из этих нескольких примеров, что одни мероприятия современного правительства я считал полезными, а другие губительными главным образом для него же самого, но всю эту оценку я делал как человек науки, а не как прокурор или адвокат и не навязывал ее никому насильно, а прежде всего наблюдал с огромным интересом (потому что такой исторический момент не повторится тысячелетия) все происходящее кругом, чтобы потом, если уцелею среди общей катастрофы, беспристрастно описать происходившее и выяснить психологические причины, двигавшие разными партиями и течениями, из непосредственных наблюдений над ними.

До сих пор все идет так, как я и ожидал в первые дни революции, когда говорил (тем, кто меня спрашивал), что напрасно они воображают, что все пойдет у нас как на параде, что прежде всего неизбежна попытка повто-

рения Парижской коммуны во всей России и вспышка гражданской войны, какой не видела история, и вмешательство в нее иностранных держав, так как экономическая и гражданская жизнь всех народов земного шара находится в тесной зависимости, но что конец смутного времени у нас наступит лишь после окончания Мировой войны, т.е. после подписания мира с Германией. Теперь этот момент наступает и я не хочу от Вас скрывать своего мнения, к которому меня привели беспристрастные наблюдения, что победа коммунистов над «мешочниками» и мелкими спекулянтами, в которых благодаря ажиотажу от быстрого падения ценности денег обратилась основная масса населения, мне представляется сомнительной и даже очень сомнительной.

Но именно в этот момент мне не хотелось бы сделаться похожим, хотя бы по внешности на крысу, бегущую с загоревшегося корабля и оставлять все подготавливавшееся мною в Научном институте Лесгафта, ссылаясь на то, что правительство меня само выгнало. Мне, как директору, которому члены этого учре-

ждения вверили его судьбу, нельзя равнодушно отнестись к лишению его самостоятельности, мне не хочется также ссориться с Петроградской Коллегией Просвещения, не хочется обижать и 2-ой Педагогический институт, в составе которого много хороших людей. Не хочется, чтоб приютившиеся у нас курсы, которые желали сделаться Отделением Высшего Физического образования при нашем Институте, на которых я преподавал астрономию и мировую химию, думали, что я оставил без внимания их неоднократную просьбу ко мне оставить их при Научном Институте, так как тогда никому и в голову не приходило, что и сам Научный (исследовательский) Институт имени Лесгафта будет присоединен ко 2-ому Педагогическому Институту. Положение еще более осложняется тем, что педагогические учреждения находятся в ведении другого отдела, чем научные (первыми заведует В.Р. Менжинская; вторыми Кристи), а потому при соединении Научного Института Лесгафта со 2-ым Педагогическим Институтом это будет учреждение, у которого два господина, что очень неудобно. Уж лучше передать

наши помещения Географическому Институту, где директором мой товарищ по заключению в Шлиссельбурге И.Д. Лукашевич, а помещения Географического Института, находящегося недалеко от нас, передать 2-ому Педагогическому Институту, но об этом я не решаюсь говорить, не посоветовавшись предварительно с его деятелями.

Нельзя ли поэтому приостановить действие декрета Петроградской Коллегии Наркомсевпроса, поскольку оно касается уничтожения самостоятельности Научного Института Лесгафта, восстановить его как он был прежде, а относительно бывших курсов Дмитриева, а теперь имени Лесгафта, относительно необходимости преобразования которых я совершенно согласен с Комиссариатом Просвещения, сделать решение по совещанию с ними.

Не скрою от Вас, что относительно Курсов меня предупреждали негласно, что на них смотрят не особенно хорошо, потому что там директор д-р Острогорский, бывший лейб-медик наследника Алексея. Но я знаю, что он там был на подозрении и при перевороте 27

февраля первый прибежал меня поздравить с революцией. Он выборный директор, но я уверен, что сейчас же уйдет, если ему скажут, что дело в нем.

Очень прошу Вас уладить как-нибудь все это.

Сердечно Ваш,
Николай Морозов.

*Архив Академии Наук СССР (РАН), фонд 543,
опись 4, ед.хр. 2311*

Примечание к письму Н. А. Морозова В. И. Ленину.

Ниже приводятся выдержки из письма Н. А. Морозова в Борок жене Ксении Алексеевне, из которого видно, что письмо Ленину не было отправлено. Профессор Н. А. Рожков — директор 2-го Педагогического института, к которому он хотел присоединить Институт имени Лесгафта, руководимый Морозовым. Из письма видно, что Морозов не только «отстоял институт», как он написал в письме Ленину, но и занимался подготовкой к изданию «Христа», а также устройством Народных домов в ближайших к Борку селах Веретея и Ма-

рьино.

«Москва, 19 июля 1919, Суббота, вечер

... Дела окончил блестяще: интрига Рожковым была проведена крепкая, но он забыл только одно. Чтобы быть хорошим дельцом или администратором нужно кроме головы иметь еще и автомобиль для того, чтобы везде побывать. У меня автомобиля нет, но зато есть ноги, способные делать в день по 30 верст в продолжении многих дней. А он думал, что достаточно сидеть целые дни у влиятельного комиссара — Веры Менжинской, и он ее подселел.

За неделю моего пребывания здесь повидался со многими комиссарами, даже и не из просвещения, и в результате Луначарский, приехавший сюда вчера, и с которым я уже повидался, сказал, что все это было недоразумение, что Институт наш будет сохранен в полной неприкосновенности и ничего не будет предпринято такого, что я найду стеснительным, что это все „Рожков натворил чепуху“.

Письмо Ленину оставил в резерве, жены его (Крупской) до сих пор нет и потому ассиг-

новки на народные дома в Веретее и Марьино провел через ее заместительницу Берзину, которая все подписала тотчас же и деньги должны быть скоро посланы.

Сегодня Сытин окончательно решил издавать моего „Христа“ и дал предварительно 5000 р. на его переписку и изготовление клише. На этом предмете будет сосредоточено мое главное внимание в Петрограде помимо, конечно, дел Института.

Подкармливал меня, главным образом, академик Лазарев, директор здешнего Физического института. Завтра передам ему в подарок „Повести моей жизни“...»

Архив РАН, фонд 543, опись б, ед. Хр. 350

II. Упоминания об Н. А. Морозове в книге «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника»

Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника,

Том 8. Ноябрь 1919-Июнь 1920. М, 1977
(с. 515) Май, 3.

Ленин читает (не позднее 21 час. 11 мин.) телеграмму бывшего народника Н. А. Моро-

зова из с. Лацкого (Ярославской губернии) с просьбой освободить под его поручительство из бутырской тюрьмы Б.Ф. Соколова, известного Морозову по институту им. Лесгафта; на письме пишет распоряжение секретарю: «Созвониться с ВЧК. Спешно».

(ЦПАИМЛ, ф.2, оп.1, д. 13813)

Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, Том 10. Январь-июль 1921. М., 1979.

(с.28) Ранее 29 января.

Ленин получает книгу «Принцип относительности и абсолютное. Эюд из области волнообразного движения» (Пг., 1920), посланную ему автором — директором Естественно-научного института им. П. Ф. Лесгафта Н. А. Морозовым (бывший народоволец).

(Ленин, Ленину, о Ленине. Страницы ярославской ленинианы.

Ярославль, 1970, с.278; Б-ка Ленина в Кремле. М., 1961, с.402.)

(с 39) Январь, 30.

Ленин знакомится с письмом директора Естественно-научного института им. П. Ф. Ле-

сгафта Н. А. Морозова от 25 января 1921 г. с предложением своего участия в развитии научного воздухоплавания и просьбой принять его для беседы о воздушном флоте Советской России, поручает секретарю М. И. Гляссер направить Морозова к зампредреввоенсовета Республики Э.М. Склянскому и начальнику Главвоздухофлота Республики К. В. Акашеву.

(ЦПА ИМЛ, ф.5, оп.1, д. 795, л.л.13-14; История СССР, 1965, №2, с.85; Два месяца работы В.И. Ленина. М., 1934, с.45.)

(с. 51-52) Не ранее 1 февраля.

Ленин получает письмо директора Естественно-научного института им. П. Ф. Лесгафта Н. А. Морозова от 1 февраля 1921 г. с сообщением, что благодаря содействию В.И. Ленина он беседовал с Э.М. Склянским и К.Б. Акашевым по вопросу развития воздушного флота страны, и с просьбой оказать помощь в напечатании в Петроградском книгоиздательстве рукописи Морозова «Христос».

(История СССР. М., 1965, №2, с.85-86.)

(с. 298) Апрель, не позднее 11.

Ленин поручает управляющему делами СНК Н. П. Горбунову запросить у А. В. Луначарского отзыв ответственной редакционной коллегии на рукопись книги директора Естественного-научного института им. П. Ф. Лесгафта Н. А. Морозова «Христос» и вскоре получает отзыв А. В. Луначарского.

(Литер, наследство. Т.80, с.269,271-272,278-279.)

(с 419) Май, не позднее 16.

Ленин поручает управделами СНК Н. П. Горбунову посоветовать наркому просвещения А. В. Луначарскому договориться с директором Естественного-научного института им. Лесгафта Н. А. Морозовым о присылке рукописи его книги «Христос» с целью дать ее по ходатайству самого Морозова на отзыв ученому, близко знакомому с темой.

(Литер, наследство. Т.80, с.280.)

(с. 543) Июнь, 11.

Ленин просматривает протокол № 696 заседания Малого СНК от 10 июня 1921 г. и ставит подпись под пунктами: ...12 (о назначе-

нии бывшему народоуправителю Н. А. Морозову
персональной ставки в размере 30 тыс. руб.);
(ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д. 19238)

ИЗВЕСТИЯ ВЦИК

Советов рабочих, крестьянских, казачьих
и красноармейских депутатов.

Вторник, 26 сентября 1922 г., № 216 (1655)
стр. 3

Назначение пенсии Н. А. Морозову

Совнарком на заседании 22-го сентября,
постановил назначить шлиссельбуржцу Н.
Морозову особую персональную пенсию в
размере 50.000 руб. в месяц.

Владимир Ильич Ленин. Биографическая
хроника.

Том 11. Июль — Ноябрь 1921 г. М. 1980.

(с. 204) Август, 15.

Ленин читает письмо директора петро-
градского Естественнонаучного института
им. П. Ф. Лесгафта Н. А. Морозова от 11 августа
1921 г. с просьбой ускорить издание его книги
«Христос и его время», просмотренной и при-

нятой Петроградским отделением Госиздата. В письме Морозов сообщал, что посылает Ленину четвертый том «Известий Института им. П. Ф. Лесгафта» и свою вторую книжку «Звездных песен» (с дарственной надписью), и предлагал свой проект реформы русской орфографии (замены точки пятиконечной звездой, упразднения заглавных букв и т.д.)

Ленин пишет на конверте письма Морозова распоряжение секретарю Фотиевой ответить Морозову, что Ленин болен и из-за болезни встретиться с ним не может, но письмо его прочитал и попросит А.В. Луначарского повидаться с ним.

(Ленин ПСС, т. 53, с. 121; Литературное наследство. Т.80. М., 1971, с. 280-281; Б-ка Ленина в Кремле. М., 1961, с.500.)

(с. 216) Август, не ранее 18.

Ленин беседует с И. А. Теодоровичем о рукописи книги Н. А. Морозова «Христос и его время».

Ленин читает письмо Морозова с утверждением о том, что его книга атеистическая, с просьбой дать указания Госиздату спешно

ее печатать и сообщением о приложении отзыва А. В. Луначарского.

(ЦПА ИМЛ, ф.5, оп.1, д. 1213)

(с. 217) Август, 19.

Ленин получает положительный отзыв наркома просвещения А. В. Луначарского от 12 августа 1921 г. на рукопись книги Н. А. Морозова «Христос и его время», пишет записку секретарю Л. А. Фотиевой с просьбой найти другой отзыв на эту книгу (написанный, возможно, замнаркомом просвещения М. Н. Покровским) и прислать оба отзыва вместе.

(Ленин, ПСС, т.53, с.130; Лит. наследство. Т.80, М.1971, с.310.)

III. Переписка между В. И. Лениным и А. В. Луначарским по поводу издания «Христа»

«Луначарский — Ленину,
13.IV.1921 г. Тов. Ленину.

Мною получен за подписью тов. Горбунова Ваш запрос относительно книги Морозова „Христос“. Я с удовольствием поручу ответственной редакционной коллегии узнать, что

это за книга. Лично я с книгой знаком. Это совершенно сумасбродная вещь, доказывающая на основании нелепой выкладки, к какому числу могут быть отнесены затмения Солнца и Луны, указанные в евангелии, как сопровождающие распятие Христа, происшедшее, по евангелию, в пятницу, что, Христос жил не в первом веке, а в пятом, отрицающая на этом основании в качестве мифов таких лиц, как Цезаря, который почему-то оказывается Юлианом-Отступником, как Августа, и т.д., заподозрившая фальсификацию сочинений Цицерона, Горация и т. д., как относящихся на самом деле к средним векам и т.д. и т. п.

Я очень люблю и уважаю Морозова, но книга эта до того курьезная, что издание ее несомненно принесет известный ущерб имени автора и государственному издательству.

Если серьезная наука с большим сомнением отнеслась к выкладке Морозова относительно Апокалипсиса, то книга „Христос“ является уже окончательным абсурдом на почве той же научной односторонности.

Если этот мой отзыв не кажется Вам достаточно компетентным, то я с удовольствием

передам книгу на рассмотрение специали-
стам.

Нарком А. Луначарский»

Однако вскоре, после встречи с Морозовым, во время которой был сделан подробный научный доклад, Луначарский кардинально изменил свое мнение о книге и уже 12 августа 1921 г. обратился к Ленину с совершенно противоположным отзывом:

«Луначарский — Ленину. 13 августа 1921 г.

В Госиздат с копией Управлению делами Совнаркома.

Хотя я и не смог ознакомиться с самой рукописью большого труда тов. Морозова „Христос“ и его время, но после устного доклада автора о ее содержании с демонстрацией некоторых таблиц нахожу чрезвычайно желательным и даже необходимым всемерно ускорить выпуск этой книги в свет.

Так как труд велик (три тома, пятьдесят листов в общем), и мы все еще не вышли из острого бумажного кризиса, я предложил бы Петербургскому отделению Госиздата, во из-

бежание задержки выхода в свет этой книги, лучше сократить количество экземпляров, хотя бы в количестве 4000.

Нарком по просвещению Луначарский».

(Из кн.: А. Т. Фоменко. Критика традиционной хронологии античности и средневековья. М., 1993, с. 27.)

IV. Из писем Н. А. Морозова к В. И. Ленину

1.

Москва, проездом, 11 авг. 1921

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Ильич,

проездом через Москву, из Петрограда в Рыбинск, хочу передать Вам новый том Известий Института им. Лесгафта для ознакомления с его деятельностью (первые три тома, вышедшие под моей редакцией, я Вам послал в прошлый проезд), и кроме того, посылаю вторую книжку моих «Звездных песен» ...

С сердечным пожеланием провести Россию через этот бурный и грозный период к лучшему будущему.

Николай Морозов.

(В сб.: Н. А. Морозов — ученый-энциклопедист М.: Наука, 1982, с. 26.)

2.

Дорогой и глубокоуважаемый Владимир Ильич,

... Моя книга ни в какой мере не «богоискательская», а совершенно определенно атеистическая в научном смысле этого слова.

Ее основа — колебание всех ветхозаветных и новозаветных религиозных сообщений, основанное на определении времени затих событий астрономическим способом, причем оказывается полное несогласие хронологии и естественное объяснение всякой мистики.

... С сердечным пожеланием успеха в Вашей тяжелой государственной работе.

Ваш Николай Морозов.

Москва, 18 авг. 1921 г.

(Там же, с. 50.)

V. Письмо Ф. Э. Дзержинского шлис-сельбуржцу Н. А. Морозову от 14.8.21 г.

Дорогой Николай Александрович!

О разрешении выезда в Мологу М. Т. Смир-

нову[426] я дал сегодня распоряжение. Н. А. де-Роберти[427] в настоящее время освободить не можем, дело о нем мною было рассмотрено после Вашего о нем письма. Почему то посланная мною Вам записка, видимо, не дошла к Вам. Условия его заключения относительно не тяжелы, и он не лишен права пользоваться помощью и свиданиями, чем его положение можно облегчить.

Наши противники не отказались от всяких заговоров, наоборот, сейчас желают воспользоваться тяжелым положением республики и усиливают свою активность, а потому и мы должны быть на чеку и многих должны изолировать.

Я твердо убежден, что Советской России удастся преодолеть все трудности и дождаться крушения мирового капитализма. Об этом мне хотелось бы в связи с Вашим письмом поговорить лично, но к сожалению я слишком перегружен работой.

Я готов оказать всякое содействие по вопросу о напечатании Вашей работы[428] — напишите мне только, что именно я должен сделать, какие трудности устранить и с кем

по этому поводу вопросу переговорить.

Я рад буду очень, если чем-либо смогу быть Вам полезным.

Всего лучшего. Ф. Дзержинский

14 VIII (1921 г.)

(Архив АН СССР, ф.553, оп.4, ед.хр.546.)

VI. Рецензии на книгу «Христос»

1. Труды Н. А. Морозова.

Шлиссельбуржец Н. А. Морозов выезжает в свое имение Ярославской губ. для окончания третьей части задуманного им цикла книг, в которых на основании точных данных науки он рассеивает еще сохранившиеся остатки религиозного дурмана.

Первая книга Н. А. Морозова «Христос — Небесные вехи земной истории человечества» — выходит через несколько дней.

Вторая книга «Христос — Во мгле минувшего при свете звезд» — уже закончена к печати.

Третью книгу «Христос — Подземные силы и волшебные сказки мессианства» — Морозов закончит в своем имении.

Красная газета (Ленинград), Вечерний выпуск, 8 октября 1924 г. № 229, стр. 3

2. Николай Морозов. — «Христос». Книга первая. Небесные вехи земной истории человечества, 1924. Стр. XVI + 545.

Интереснейшая книга, которая несомненно вызовет огромную полемику и долго будет занимать внимание ученого мира. В ней столько парадоксального, она захватывает такую широкую область вопросов, что сразу, при первом прочтении, трудно даже прийти в себя и всесторонне оценить ее содержание. Сейчас мы ограничимся самыми беглыми замечаниями, так как уверены, что об этой книге придется говорить еще не раз.

Известны прежние работы. Н. Морозова в этой области: «Откровение в грозе и буре» и «Пророки». В «Христе» он расширяет область своего исследования, включив сюда основные итоги своих предыдущих изысканий, как составную часть. Всего «Христос» должен состоять из 7 томов. Перед нами сейчас только первый том, намечающий общий план работы и дающий в сжатом виде итоги, к которым при-

шел автор в результате своего исследования.

В отличие от других критиков библейской истории Николай Морозов признает историческое существование личности, давшей начало легенде о Христе. Прототипом Христа он считает известного христианского «святого» Василия Великого, а в окружавшей его плеяде ученых и астрологов того времени старается найти мифических апостолов. Равным образом он устанавливает (верно или неверно — это другой вопрос) исторических авторов четырех Евангелий, подобно тому, как он уже раньше установил автора Апокалипсиса. По мнению Морозова Евангелия написаны в VIII-IX веках нашей эры, которую, кстати, Морозов называет не христианской, а александрийской.

Но критика Морозова далеко выходит за пределы церковной и евангельской истории. Придя к тому выводу, что действительный, по его мнению, Христос-Василий Великий был подвергнут «столбованию», а не распятию, 21 марта 368 года нашей эры (после чего прожил еще 11 лет), он передвигает всю историю древнего мира примерно на 3-4 века ближе к

нашей эпохе. В связи с этим он подвергает решительной критике всю ту историю древнего мира и средневековья, которая принята до сих пор. Излагать подробно его выводы в этой области мы сейчас не станем.

Укажем только на его основной вывод, который сводится к тому, что весь средиземноморский мир составлял в древности, и даже в начале средних веков, одно целое — некую латино-эллино-сирийско-египетскую империю, что, таким образом, римские и византийские императоры, иудейские и израильские цари и египетские фараоны были теми же самыми лицами, что они только назывались разное в отдельных странах, но это излагаемая в иероглифических надписях, в Библии и у древних писателей история говорит об одном и том же, об одних и тех же лицах и событиях, но только с местной точки зрения.

Н. Морозов сам понимает всю неожиданность и парадоксальность своих выводов. Несомненно они вызовут ожесточенную полемику, и надо думать, что в этой полемике очень и очень многие заключения, к которым пришел Н. Морозов, сильно пострадают.

Во всяком случае следует отметить, что тот метод, которым пользуется автор, а именно, с одной стороны, метод астрономический, а, с другой стороны, рационалистический, оперирующий путем дедуктивных выводов от логики и здравого смысла, не представляется особенно убедительным в историческом исследовании.

Но как бы там не было, книга, повторяю, замечательная по широте вопросов, которые она затрагивает, по оригинальности подхода к ним и по новаторству исследования. Можно не соглашаться с некоторыми выводами Н. Морозова, но прельщают свежесть его ума, разносторонность его идейных интересов и та смелость, с которой он подходит к рассмотрению, казалось бы, незыблемо установленных прежнею наукой положений.

С нетерпением будем ждать выхода следующих частей этого выдающегося исследования.

Ю. Стеклов.

Известия, 21 октября 1924 г. № 241 (2276), стр. 7.

Раздел «Критика и библиография».

[Ю.М. Стеклов (Нахамкес) (1873 — 1941) российский революционный деятель, публицист. С 1917 года редактор «Известий» и других изданий. Член ВЦИК, член ЦИК СССР.]

3. Н. А. МОРОЗОВ И ЕГО ПАРАДОКСЫ.

Шлиссельбуржец Н. А. Морозов, автор «Откровения в грозе и буре» и «Пророков», выпустил в Лениздате первую книгу (а их всего 7) «Небесных вех земной истории человечества», посвященную Христу.

Новый труд Н. А. Морозова при всей его парадоксальности, несомненно, вызовет огромный интерес не только в широких кругах читательской общественности, но и среди астрономов, историков, теологов.

Н. А. Морозов оперирует одновременно двумя методами: рационалистическим и астрономическим.

Прежде всего он не отвергает историческое существование личности, от которой пошла легенда о Христе. Личность такая, несомненно существовала, — говорит Н. А. Морозов, — Прообраз ее — Василий Великий, довольно известный христианский «святой».

Сравнивая жизнеописание Василия Великого («Великого царя») по житиям святых, Н. А. Морозов устанавливает полный параллелизм биографии этого «святого» с жизнью Христа. По мнению Н. А. Морозова «Великий царь» Четьи Миней есть, действительно, историческое зерно евангельского мифа о спасителе. На эту мысль Н. А. Морозова натолкнули астрономические соображения в связи с рассказом в евангелии Луки, совпадающим с Матвеем и Марком, где говорится, что, когда Христа вели на лобное место, вдруг «сделалось затмение по всей земле до девятого часа». Когда же произошло это затмение?

Работы Н. А. Морозова привели только к одной дате: казнь евангельского «спасителя» могла быть 20 марта 368 года, а «Воскресение» было перед рассветом 22 марта 368 года. На это указывает таблица всех лунных затмений того времени.

Установив время совершения казни над евангельским «спасителем», Н. А. Морозов и приходит к выводу, что так как именно в этот день был «столбован» за врачевание больных и учение звездочтению в Понте наместником

императора Валента (понтийским Пилатом) Василий Великий для предотвращения предсказанного им лунного затмения 21 марта 368 года, — то личности Василия Великого и Христа всецело совпадают. Василий Великий одиноко прожил после столбования еще 11 лет, что дает повод утверждать Н. А. Морозову, что Христос жил после казни еще 11 лет.

Произошло это потому, что когда предсказание Василия Великого о лунном затмении все же исполнилось, он был спешно снят со столба в беспамятстве и потом очнулся (Евангелия, жития святых и астрономическое вычисление Н. А. Морозова по данным Евангелия).

Н. А. Морозова не смущает легенда о распятии Иисуса на кресте. Это, по его мнению, ошибки переводчиков. Греческие тексты всюду упоминают «Ставрос», что обозначает не крест, а кол. А Василий Великий именно и был столбован. Само имя Иисус Христос также не должно смущать. Ведь в древности еще не было небесных патронов, все имена были тогда национальными прозвищами, имевшими смысл. И тогда выходит следую-

щее: Христос по-гречески значит «посвященный и помазанник», так как посвящение сопровождалось помазанием головы благовонным маслом. Значит Василий Великий, как посвященный по греческому ритуалу, имел, несомненно, звание Христа.

Слово Иисус по-еврейски значит «спасатель», «врач» и такими одинаково описываются и «царь иудейский» и «Василий Великий». Значит и Василий Великий имел право называться по-еврейски Иисусом (т.е. целителем, спасателем, а отсюда и спасителем).

Н. А. Морозов в своей книге устанавливает путем остроумных исторических сопоставлений авторов Евангелий точно так же, как в свое время он пришел к выводу, что первообразом Апокалипсиса Иоанна Богослова был Иоанн Златоуст. Морозов считает, что Евангелия написаны в VIII-IX веках нашей эры. Автор Евангелия Луки и первой части апостольских деяний является Лука Эладский. Вероятный автор Евангелия Марка — Марк Афинский, автор Евангелия Иоанна — Иоанн Дамасский. Возможный автор Евангелия Матвея — Феодор Студит.

Н. А. Морозов доказывает, что сдвиг «Рождества христового» на 333 года вперед к году рождества «Василия Великого» передвигает и Александра Македонского и всех его преемников тоже на 333 года вперед, и при этом оказывается, что Александр Македонский строил свою Александрию как раз около первого года нашей эры. Значит «наша эра» должна вместо христианской назваться александрийской эрой.

Этот сдвиг на 333 года, этот удар по хронологии, приводит Н. А. Морозова к построению теории происхождения современной «истории древнего мира».

Вот эта теория.

Латино-эллино-сирийско-египетские властелины короновались четырьмя коронами. При каждом короновании они получали особое официальное прозвище на языке этой страны.

Таким образом, у всех тех, кто единолично царствовал во всей тетрархии, было 4 имени. Когда в каждом из этих четырех, соединенных династически, королевств развивалась своя национальная письменность, были на-

писаны 4 истории одной и той же империи, но властелины ее вошли под местными официальными прозвищами, и сами истории были написаны с местных точек зрения, то есть перспективно.

Потом греки, как любознательные мореходы по средиземному морю, привезли к себе книги италийского, сирийского и египетского вариантов и перевели их в средние века на свой язык, оставив непереуведенными собственные имена действующих лиц и даже имена упоминаемых городов и местностей, которые тоже на разных языках имеют разные прозвища.

Благодаря этому, а также и местному перспективному колориту каждого варианта, он был принят за отдельную историю и отнесен к отдельному времени

Недаром еще старик Иловайский писал:

— История мидян — темна и непонятна...

К этому выводу, видимо, в конечном счете, приходит и почтенный Н. А. Морозов.

ЭЛЬ (Псевдоним)

Красная газета. Вечерний выпуск (Ленинград), 28 октября 1924 г. № 246.

VII. Н. А. Морозов о своей книге «ХРИСТОС»

В беседе с нашим сотрудником Н. А. Морозов поделился мыслями о своей нашумевшей книге и о содержании подготовляемых им к печати следующих шести книг на ту же тему, как продолжение первой.

— В бытность мою, после народовольческого дела в Алексеевской равелине, меня долго морили запретом чтения всяких книг, и только впоследствии разрешили читать Библию и Жития святых. Многие места этих книг были явно астрономического характера и я почувствовал, что могу вычислить их время по указанным там сочетаниям планет, по затмениям, кометам и т.д. Долго я не мог этого сделать, вследствие отсутствия карандаша и бумаги. Только спустя 15 лет я сделал первые вычисления для Апокалипсиса и определил его время 395-м годом нашей эры. Я нашел, что Апокалипсис принадлежит перу Иоанна Златоуста, который и оказался младшим учеником воображаемого Иисуса...

Во время моих последних работ я отлично

сознавал, что все те, которые много потрудились над этой областью с обычных точек зрения и написали по этому поводу труды, не согласятся со мною. Старая гвардия не сдастся. Она умирает на своем посту, хотя для беспристрастного наблюдателя было ясно, что позиции ее незащитимы. Но я убежден, что победа будет в конце концов на моей стороне.

Если 1-й том «Христа», где я ставлю небесные вехи земной истории и новой хронологии, еще не убедит многих, то во 2-м томе я привлекаю сюда подземные силы. Я устанавливаю, что Моисеево законодательство было дано на Везувии, в момент одного из сильнейших его извержений, что евангельский Христос тождествен с Иисусом Навином, Аарон тождествен с Арием, а Моисей списан главным образом с Диоклектиана-Богопризнанного, что Западно-Римская империя была арианского, т.е. Ааронова или иудейского вероисповедания, вплоть до Теодориха Готского, который впервые ввел там апокалиптическое христианство средних веков.

В остальных подготовленных мною к печати 6-и книгах под тем же названием «Хри-

стос» будет доказано единство библейского Иеговы с классическим Юпитером-Громовержцем, а евангельского Христа — с индийским Кришной, но, главным образом, будут пересмотрены с астрономической, геофизической, экономической и марксистской (культурно-материальной) точек зрения египетская, ассирийская, греческая и римская древние истории, где будет мною доказано, что все события, о которых мы обычно читаем, происходили много позднее, чем нам указывают историки древности.

Красная газета (Ленинград), 11 ноября 1924 г. № 257 (стр.5)

VIII. Н. М. Никольский. Астрономический переворот в исторической науке.

(По поводу книги Н. А. Морозова «Христос», Ленинград, 1924.)

После долгого перерыва, вызванного войной и революцией, Н. А. Морозов вновь ошеломил публику совершенно неожиданными открытиями, сделанными им при помощи астрономического метода. Уже первое его вы-

ступление, в 1907 году, с книгой «Откровение в грозе и буре», было достаточно сенсационным. Применяв к символике новозаветного Откровения Иоанна метод астрономического толкования, Морозов в первой своей книге вычислил, что Откровение Иоанна было написано не в I веке нашей эры, как принято думать в науке, а 30-го сентября 395 года, и что автором его был известный церковный деятель и писатель IV века Иоанн Златоуст. Это открытие дало Морозову повод заподозрить подлинность всей церковной литературы II—IV веков, наполненной цитатами из Откровения, и окрылило его надеждами на новые, не менее неожиданные, открытия. Через 7 лет, в 1914 году, эти новые открытия появились во второй книге Морозова «Пророки». Тут опять-таки при помощи астрономического метода истолкования Морозов доказывал, что книги библейских пророков Иезекииля, Захарии и Иеремии относятся к V веку нашей эры, а книга Даниила — к еще более позднему времени, примерно, к 980 г. нашей эры; таким же поздним произведением, по мнению Морозова, является и книга пророка Исайи,

для которой он, однако, не указывает более или менее точной даты. Отсюда для Морозова было ясно, что не автор Откровения Иоанна заимствовал у пророков, а пророки заимствовали у автора Откровения, и приходил, правда, с другого конца, к тому же взгляду, которого держатся ортодоксальные (т.е. православные и католические) богословы, именно, что изречения пророков имеют в виду Христа. Но перенесение пророков в V—X века христианской эры заставило Морозова пересмотреть некоторые общепринятые взгляды на древнюю историю. Раз пророческие книги оказались произведениями христианских писателей, то возникал вопрос, как же быть с евреями. И Морозов — уже не на основании астрономического метода, а на основании собственных догадок и умозаключений, — объявил, что никакого еврейского народа не было, а была лишь религиозная секта иудайстов, основанная во II веке неким Иудой-учителем, которого Морозов отождествляет с знаменитым раввином второй половины II века, Иудой Ханаси, и которому приписывает составление Мишны. После таких неожиданных

ных открытий Морозов в заключительных главах «Пророков» уже подвергает сомнению вообще всю древнюю историю, а также древность и подлинность ее памятников, и ставит на очередь проверку астрономическим методом взглядов, установившихся в науке об истории древнего мира вообще и древнего Востока в частности.

«Откровение в грозе и буре» произвело сенсацию в широкой публике, раскупавшей книгу и ломившейся на публичные лекции автора книги. Но увлечение остыло после того как с самых разнообразных сторон, библеистов, византинистов и астрономов, в России и в Германии, выводы Морозова были разбиты и даже высмеяны, как дилетантское фантазерство, обнаруживающее при этом крайне легкое отношение к вопросам лингвистики и даже просто грамматики и лексики греческого языка. «Пророки» уже не произвели шума и прошли мало замеченными. Но вот теперь вновь Морозов выступает со своим методом и со своими открытиями и выступает не с какой-либо мелочью, а с грандиозными перспективами, — и по масштабу и по содержа-

нию. Перед нами «Христос», первая книга целой серии из семи томов, уже готовой к печати; в ней Морозов обещает дать, на основании астрономического метода, новую хронологию истории древнего Востока, классической древности, христианской истории, сирийского Востока, Индии и Тибета. Вкратце он резюмирует свои выводы уже в первой книге и озаглавливает их так: «Нечто невероятное в наших современных представлениях о древней истории»...

Действительно, нечто невероятное! Судите, читатель, сами. Никакой древней истории не было; в I веке нашей эры средиземноморская область переживала еще конец каменного века, и первым политическим образованием была в конце III века латино-эллино-сирийско-египетская империя. То, что мы принимаем за античную литературу, есть подделка, продукт литературного творчества эпохи возрождения; клинообразные надписи относятся к арабской эпохе, иероглифические — к первым векам нашей эры; евреи — не нация, а интеллигенция из Иберии (Испании), распространившаяся по всему южному берегу

Средиземного моря вплоть до Месопотамии, а в среднюю и восточную Европу попавшая вследствие преследований инквизиции. Доказывается это, помимо прежних выкладок, еще новыми астрономическими выкладками, на основании которых выходит, что евангельский Иисус — это церковный деятель IV века Василий Великий, «столбованный» 20 марта 368 года; отсюда и Евангелия — произведения V и следующих веков нашей эры. Не ограничиваясь астрономией, Морозов переходит и к другим способам доказательства: сопоставляя родословные египетского фараона Рамсеса II с евангельскими родословными Христа и списки царей израильских, римских диктаторов и императоров с обозначением продолжительности их правлений, он приходит к выводу, что перед нами в сущности лишь несколько вариантов одного и того-же ряда римских императоров, начиная от Аврелиана (270 г. по Р. Х.), разнящихся только по именам; наконец, он утверждает, что от греческих и римских классиков не осталось рукописей, а есть только печатные издания. Вся загадка разрешается очень просто: латино-эл-

лино-сирийско-египетские императоры при вступлении на престол короновались четырьмя коронами, по числу главных частей своего царства, и принимали в каждой стране местное официальное прозвище, которым их и называли в местных хрониках; таким образом, римские историки, библейские исторические книги и летописи египетских царей дают одну и ту же историю, ту же самую, что и греческие хронисты, и лишь по недоразумению современные ученые приняли все это за четыре разных истории. Отсюда, — вся всемирная история принимает совершенно новый и, с точки зрения Морозова, «закономерный и последовательный» вид. Отпадает странное деление на время до Р. Х. и после Р. Х.; есть только одна эра, которую мы называем христианской, а Морозов — александрийской (от основания Александрии, имевшего место, по хронологии Морозова, в I веке нашей эры). Нет пестроты народов, языков, царств и культур; все едино; все начинается в I веке (как всякий математический ряд с единицы?), происходит в одном месте и развивается единым процессом. На все эпохи доисторической культуры

кладется по веку: I век — каменный век, II век — бронзовый век, III век — железный век и начало л.-э.-с.-е. империи. IV век — первый расцвет письменности, «столбование Иисуса-Василия», появление Откровения, начало христианства и т. д. С V века историки несколько успокаиваются — начинают мелькать факты, к которым привыкла историческая наука; но и тут есть большие исправления; V век — начало библейской пророческой литературы; Прокопий Кессарийский — вероятный автор библейской книги «Цари»... В XIV веке возникновение так называемой классической поэзии, философии и драмы, и также «древней истории» и «древней науки». В XX веке (есть и XXI век...) мы читаем торжество марксизма и падение средневековой теологии; из скромности Морозов умолчал о перевороте в исторической науке вследствие торжества астрономического метода...

Если бы все перечисленные открытия были сделаны каким-либо досужим человеком, который пофантазировал на тему: «а что было бы, если бы»... то, конечно, публика не набрасывалась бы на них, как на некое «откро-

вание». Но, к сожалению, новое «откровение» авторизовано именем Морозова, революционера, поэта, ученого химика и знающего астронома. И потому пройти мимо этого нельзя. Надо разобраться. Надо дать публике ответ со стороны исторической науки, ответ по существу, который сделал бы положение ясным. Ибо теперь вопрос идет не об одном Откровении Иоанна — ведь в конце концов от того, что оно написано было якобы в 395 г. еще ничего не меняется, у нас есть десятки апокрифических произведений, и в том числе апокалипсисов, и из IV, и из V, и даже из более поздних эпох. Теперь вопрос идет о нескольких огромных областях археологической и исторической науки, над которыми трудился целый ряд поколений ученых, сделавших целый ряд необыкновенных открытий; этим областям науки посвящают сейчас свои силы тысячи ученых, работающих в университетах и специальных институтах всего мира. Результаты их научной работы являются достоянием всего мира, современного культурного общества, преподаются в школах, вошли в плоть и кровь современного научного ми-

росозерцания. Но... пришел Морозов, и, как некий маг и волшебник, сделал несколько астрономических выкладок и объявил: пустяками занимались, коллеги, все это одно недоразумение, вы гонялись за теньями. Увы, сомненья нет, кто-то действительно гоняется за теньями; кто же, однако: историки, археологи, лигвисты или — Морозов?

В небольшой статье, конечно, нет возможности разобрать все вопросы и разъяснить все недоразумения, щедрою рукою рассыпанные Морозовым в его новой книге. Да это и не нужно для нашей задачи. Важно разъяснить самое главное — вопрос об астрономическом методе и его применении к историко-литературным исследованиям, имеющий общее значение, ибо все и началось с этого метода: не окажись, по Морозову, Откровение и Иисус в IV веке, не возникли бы и вес прочие вопросы. А затем надо, хотя бы вкратце, остановиться на других методах работы Морозова, так как астрономия дает ему лишь несколько хронологических дат, все же прочее загоняется в круг этих дат уже не астрономией, а другими, менее точными способами. Если выдер-

жат проверку астрономический и другие методы Морозова, то можно говорить о его выводах по существу; если нет — то и остальные 6 томов «Христа» столь же мало поколеблют здание исторической науки, как и первый.

Астрономический метод, конечно, имеет то огромное преимущество, что он может давать совершенно точные данные. Но точность его отнюдь не абсолютная, а обусловленная, и применимость его ограниченная. Бесспорно, когда дается совершенно определенная астрономическая задача, исходящая из определенных данных, решение ее будет совершенно определенным и точным. Так, когда Морозов давал своим пулковским коллегам задачу: определите, в каком году нашей эры 30-го сентября Юпитер был в Стрельце и одновременно Сатурн в Скорпионе, — то и пулковские астрономы, и всякие другие астрономы, и даже любой хороший студент, прошедший курс астрономии, дадут только один ответ: в 395 г. Тут все точно, иного решения быть не может. Дело не в этом, а дело в условиях задачи. Верно ли она составлена? Ибо, если в ней изменится хотя бы один элемент,

то и решение получится совсем другое.

При применении астрономического метода в исторической науке самое главное затруднение заключается именно в постановке задачи. Нам почти всегда приходится иметь дело не с прямыми астрономическими указаниями, а со сбивчивыми и нелепыми сообщениями древних памятников. Тут могут быть три категории случаев. Первая, наиболее редкая, но зато всегда плодотворная — тогда, когда текст не оставляет никаких сомнений в смысле астрономического содержания. Астрономический метод в таких случаях оказывает исторической науке неоценимые услуги: достаточно указать хотя бы на такие факты, что данные египетских документов из эпохи Нового Царства о появлениях Сириуса и новолуниях дали возможность установить с некоторой точностью хронологию этой эпохи и внести ясность в вопросы о хронологии египетской истории вообще и о древности египетской культуры, и что на основании астрономических данных, имеющихся в текстах эпохи древнего вавилонского царства, удалось установить точную дату начала первой вави-

лонской династии. Вторая категория случаев имеет дело также с чисто астрономическими текстами, но неясными по своему содержанию или терминам. Например, есть целый ряд текстов, где имеются пропуски — нет или даты, или утрачена часть текста в описании явления, или неясно, идет ли дело о наблюдении, или, как особенно часто бывает в астрологических вавилонских текстах, говорится лишь об астрологических примерах. К той же категории текстов относятся и такие, где встречаются неясные, двусмысленные термины: например, в вавилонских текстах звездного Мардука называется обычно Юпитер, но в некоторых случаях это наименование присваивается и Меркурию, Нергаль и Ниниб означают то Марса, то Сатурна. В некоторых текстах можно с безошибочностью определить, какая планета разумеется под этими переменчивыми названиями; в других возможно истолкование в любом смысле. Такого рода тексты уже не могут быть твердыми опорными пунктами, так как при различном их истолковании получатся совершенно различные результаты; точный результат может по-

лучиться лишь в том случае, если при помощи целого ряда кропотливых вспомогательных исследований удастся установить правильное истолкование данного текста. Третья категория текстов — самая опасная. Это — такого рода тексты, астрономическое содержание которых сомнительно, в которых астрономические явления не названы, как таковые, но имеются символы, которым может быть дано астрономическое истолкование. Так как намерения и мысли автора, скрывшего их за символами, нам остаются обычно неизвестными, то мы можем, конечно, предлагать и астрономическое толкование, но лишь как *одну* из возможных *гипотез*, не устраняющую возможности и всяких других гипотез. Кроме того, и самое астрономическое толкование в таких случаях может быть разнообразным. Астрономическая и астрологическая символика вовсе не является чем-либо совершенно твердым и неизменным для всех времен и для разных авторов. Возьмем хотя бы цвета планет: в восточной символике одной и той же планете присваивают различные цвета, напр. Юпитеру — то желтый, то

белый, Меркурию — то голубой, то черный, то белый, Луне — то белый, то зеленый; лишь Марсу неизменно присваивался красный и Венере — белый цвет. Почти все тексты, с которыми оперирует Морозов, относятся к этой третьей категории случаев: в Откровении он исходит из того, что кони 6 гл. являются символами планет; у пророка Иеремии — из того, что отросток миндального дерева есть символ кометы, в евангелиях из того, что «тьма» (skotos) во время распятия Иисуса означает затмение, и т.д. Совершенно очевидно, что во всех случаях подобного рода первый вопрос должен быть поставлен о самой возможности астрономического подхода, о том, оправдывается ли такой подход текстом и контекстом, а затем уже может быть поставлен вопрос о раскрытии астрономического содержания данного текста. При этом задача всегда будет аналогична неопределенному уравнению, и как в последнем при подстановке различных значений под неизвестные величины получится целый ряд возможных решений, так и при применении астрономического метода к неопределенным в астрономическом смысле

текстам могут получиться самые разнообразные решения в зависимости от подстановки тех или иных астрономических значений под символические выражения данного текста.

Так как Морозов в своей книге вкратце повторяет содержание двух своих первых книг и базируется на их выводах, то разберем с точки зрения астрономического подхода все его главнейшие выводы, начиная с Откровения. При этом, надеемся, Морозов не станет претендовать, что в данном случае позволяет себе высказаться не астроном: ведь сам Морозов, не будучи археологом, палеографом, историком и лингвистом, нашел для себя возможным сделать целый ряд открытий в области археологии, палеографии, истории и лингвистики. Мы будем скромнее, никаких открытий делать не собираемся, а лишь обсудим вопрос с точки зрения возможности тех или иных астрономических или неастрономических решений.

Итак, Откровение. Первое основание Морозова — в 12-ой главе на небе является жена, облаченная солнцем, под ногами у нее луна, а на голове — венец из двенадцати звезд; она

беременна и родит сына, которому предназначено пасти народы жезлом железным. Морозов считает единственно возможным астрономическое толкование: женщина — созвездие Девы, в ней находится солнце, именно в нижней части ног, около звездочки п., так как в это время было новолуние (на основании ст. 15-й главы XIV, где фигурирует «сын человеческий» с венцом на голове и с *серпом* в руке: серп — двурогая луна). Отсюда, по Морозову, такое положение могло быть в первые века нашей эры только 30 сентября. Возможен ли астрономический подход? Возможен, так как дело идет о небесном знамении, и некоторые небесные светила названы без всяких обиняков: солнце, луна, двенадцать звезд. Но далеко не все элементы 12-й главы таковы, чтобы астрономическое толкование их устраняло всякие вопросы. Может ли Дева быть символом беременной и рождающей женщины? Почему серп в руках «сына человеческого» гл. XIV должен означать двурогаю луну и именно ту самую, о которой идет речь в XII главе? Чему соответствует венец из 12 звезд? Морозов думает, что здесь разумеются

двенадцать более крупных из звезд созвездия Вероники, находящегося над Девой; но там нет особых двенадцати более крупных звезд, расположенных венцом, так как это созвездие является темным скоплением мелких звезд. Почему не истолковать это в качестве венца (кольца) 12 созвездий Зодиака, ибо вообще всегда в восточной терминологии под двенадцатью звездами разумеются двенадцать созвездий Зодиака? Но в этом случае символика перестанет соответствовать действительному небесному явлению, так как Дева сама является частью Зодиака. Далее, если Дева облечена солнцем, то почему оно должно было находиться у нижней части ног, а не у груди? Ведь одеяние не для ног, а для корпуса! Но тогда координаты будут другие, и отпадет 30 сентября. Наконец, какое отношение к небу имеет сын женщины? Морозов считает, что беременна она клочком тучи (!), а родившийся от нее — созвездие Геркулеса, освобождающееся в это время из-за туч. Но Дева — на горизонте, а Геркулес — на тропике Рака, и отделен от Девы большим созвездием Волопаса и Венцом; какая же тут может быть

связь? Ведь «родиться» — значит, «выйти из тела»; но Геркулес никогда и никак не может выйти из Девы, и его появление из-за туч не может быть истолковано в смысле его рождения от Девы. Все эти недоуменные вопросы дают право сказать, что или астрономический подход не годится, или он сделан неправильно. Если астрономический подход не годится, то как истолковать 12-ю главу? Ее истолковывают, как изображение рождения Мессии по образцу мифов о рождении вавилонского бога Мардуха и греческого бога Аполлона. Мать Мардуха, небесная богиня, изображалась именно одетой в солнце, над ней луна и венец из семи звезд. Изображение матери Мессии воспроизводит с некоторыми видоизменениями фигуру вавилонской небесной богини. А борьба дракона против Мессии заимствована из греческого мифа об Аполлоне.

Но это мифологическое истолкование одно из возможных; поскольку автор 12-й главы говорит, что он видит появившееся *на небе знамение* (semeion), не исключена возможность астрономического истолкования. Нам,

однако, кажется, что к нему надо подходить несколько иным способом, не таким упрощенным, какой применяет Морозов. Надо прежде всего принимать во внимание цель автора Откровения: на основании своих видений (галлюцинаций) и наблюдений над небом он старается доказать, что приблизилось время пришествия Мессии, и изобразить ход драмы последних дней старого мира. В 12-й главе он на основании наблюдений над небом хочет доказать, что Мессия уже родился. Тут он прибегает к астрологическому методу истолкования небесных явлений; но сущность астрологического метода заключается в разъяснении смысла взаимного расположения *созвездий и планет*. С этой точки зрения положение на небе должно быть редким, необычайным, соответствующим необычности предполагаемого события. Если подойти с такой стороны к толкованию образов гл. 12-й, то возможно, на наш взгляд, лишь наблюдение такого положения, когда в Деве (с натяжкой приходится принять здесь гипотезу Морозова) имеет место соединение солнца, луны и какой-то планеты *на выходе*,

символизирующей рождающегося Мессию (вернее всего, планеты Юпитер). При таком положении Дева соответствует облику небесной богини-матери, а выход из нее Юпитера — рождению Мессии. Очевидно, что координаты, соответствующие такому положению, дадут иные даты, чем 30 сентября 395 года, так как в этот день, по вычислениям Морозова, Юпитер был не в Деве, а в Стрельце. Мы говорим — иные даты, так как решение может быть различно, в зависимости от того, какое положение в Деве мы примем для солнца, и в какой фазе будем считать луну. Так как на этот счет текст 12-й главы не дает прямых указаний, то возможны различные предположения, а, следовательно, и различные даты. Вычисление их мы предоставляем досужим астрономам. Само собой разумеется при этом, что вышеприведенное толкование начала гл. XII не исключает и других толкований астрономического характера, которые могут послужить основанием для других выкладок. В итоге очевидно, что чего-либо определенного, принудительного по своей очевидности, астрономические элементы XII главы

дать не могут.

Второе основание Морозова связывается с первым. День, на основании XII главы, был 30 сентября; но какого года? Это Морозов определяет на основании астрономического толкования коней гл. VI. Конь белый — юпитер, всадник с луком на нем — созвездие Стрельца; конь бледный — Сатурн, Смерть, его всадник — созвездие Скорпиона; конь огненно-красный — Марс, всадник на нем с мечом — созвездие Персея; конь черный — Меркурий, всадник на нем с весами — созвездие Весов. По вычислениям Морозова, Юпитер и Сатурн были одновременно 30-го сентября один в Стрельце, другой в Скорпионе только в 395 году; в это же время Марс был в середине Овна, находящегося ниже Персея, а Меркурий в Весах. Возможен ли астрономический подход к VI главе? Тут мы уже не можем дать такого же определенного ответа, как по отношению к гл. XII. Нигде в VI главе не говорится, чтобы кони были небесными знаменами; по контексту видно, что агнец показывает автору Откровения книгу за семью печатями и снимает печати одну за другой; после снятия

первых четырех печатей появляются по очереди четыре коня, из которых появление последних трех влечет за собою на земле различные бедствия, а снятие последних трех печатей сопровождается мировой катастрофой. У нас нет никаких принудительных мотивов считать эту символику шифром небесных наблюдений автора откровения; напротив, судя по тому, что автор говорит, будто он был в это время «в духе» (гл. IV, 2), т.-е. в состоянии религиозного экстаза, мы имеем право считать эту символику плодом бредовых фантазий разгоряченного христианского фанатика. Элементы бреда были даны, конечно, совокупностью, всех тех идей и образов, в которых вращалось раннее христианство, в том числе, и в первую очередь, совокупностью идей и образов библейских пророческих книг; и действительно, в IV-VI главах нет почти ни одного символа, который не имел бы себе параллелей в библии. Итак, астрономическое толкование здесь допустимо только, как подсобное, а не основное средство; оно может объяснить некоторые детали, и не столько небесной динамики, сколько небесной статики, прежде

всего элементов небесной космографии в гл. IV.

Но допустим, что и в VI главе можно искать астрономических явлений. Тут на обязанности Морозова лежало доказать два положения: 1) кони символизируют планеты, а всадники — созвездия, в которых планеты (кроме Марса?) находятся; 2) что определенный цвет соответствует именно той самой планете, о которой думает Морозов. По первому вопросу была в свое время большая полемика, из которой Морозов не вышел победителем. Он ссылался на галльские монеты, приведенные в популярных изданиях Фламариона и его английского переводчика Блэка; но в этих изданиях кони, изображенные на монетах, считаются символами солнца. В «Пророках» Морозов, считаясь с этим возражением, заявил, что он дает в книге несколько десятков рисунков из старых астрономических книг, которые якобы доказывают, что планеты символизировались конями. Но на этих рисунках, изображающих колесницы различных планет, только колесница Марса изображена с конями, а прочие планеты вме-

сто коней имеют или других животных, или птиц, или даже людей. И в самом истолковании цвета коней возможны варианты. Белый конь, действительно, может быть Юпитером, но может быть и Венерой, цвет которой считался белым; черным мог быть не только Меркурий, но и Сатурн; так, между прочим, думает известный ориенталист Иеремиас, также считающий коней символами планет; и тот же ученый толкует цвет *chlogos* четвертого коня в качестве желтого и считает четвертого коня Юпитером (первый конь, по его мнению, либо солнце, либо луна — ср. *A. Jeremias, Babylonisches im Neuen Testament*, 24—25). Наконец, почему делать для Марса исключение и считать его всадником не созвездие Зодиака, в котором он находился, а созвездие Персея, находящееся за пределами эклиптики? С точки зрения астрологии это вряд ли допустимо. Таким образом, астрономическое толкование коней стоит на очень шаткой основе. И мы вправе считать, что вполне сохраняет свою силу обычное толкование: кони — отзвук коней пророка Захарии, где они, как прямо сказано в тексте, изображают че-

тыре ветра, обходящие землю; в Откровении кони символизируют бедствия, надвигающиеся со «всех четырех ветров небесных» — конь белый — с востока, откуда появляется солнце, судия и мститель; конь огненно-красный — с юга, где в 90-х годах (вероятная эпоха появления Откровения по современным научным данным) постоянно шла война; конь черный — с запада, со стороны ночи, откуда из Рима вышел знаменитый указ Домициана 92 года, вызвавший голод в Малой Азии; конь бледный — с севера, области зимы и смерти, стоит уже за пределами той реальности, свидетелем которой был автор Откровения, так как четвертый конь идет в сопровождении Смерти и Ада, двух мифических чудовищ гибели и разрушения.

Безусловно, и это толкование — одно из возможных. Мы не отрицаем наряду с ним возможности и астрономического подхода. Но — да разрешит и нам Морозов, как себе, некоторую резвость мысли — мы беремся доказать, оставаясь при этом на почве основных положений Морозова по отношению к XII и VI главе, что дата Откровения будет 98-й

год до Р. Х., т.е. именно та эпоха, к которой относит эту книгу современная научная критика. Мы принимаем, что дело было, на основании XII главы, 30 сентября или в ближайшие дни, вообще осенью, в конце сентября — начале октября, и постараемся показать, что положение планет по VI главе было таково, что книга могла быть написана в 98-м году. При этом исходный пункт наш будет несколько иной, чем у Морозова. Морозов полагает, что в VI главе описано одновременное положение четырех планет в созвездиях; снятие печатей он толкует, как очищение соответствующих созвездий от покрывавших их облаков. Привлечение облаков и туч, что очень любит Морозов, есть прием совершенно субъективный и недопустимый с научной точки зрения. Здесь дело может стоять только таким образом: автор Откровения на основании своих наблюдений и выкладок предсказывает наступление и развитие мировой катастрофы и облекает свои предсказания в символическую форму раскрытия печатей книги судеб. В 98-м году, 30-го-сентября или несколько позже, он обнаружил Юпитера в Стрельце (см. —

Морозов, Откровение в грозе и буре, таблица на стр. 142) и истолковал это, как знамение близкого пришествия Мессии — выходящего с луком и в венце, чтобы победить. Это было для апокалиптика первым просветом, снятием первой печати. Он хочет тогда добиться, чтобы небесная книга раскрыла ему свои дальнейшие тайны, хочет снять следующие печати. Он делает наблюдение над положением других планет и видит — огненно-красный Марс в Близнецах[429], но появление планеты войны и смерти в соединении с созвездием Близнецов издавна, по толкованию вавилонской астрологии, считалось предвестием каких-то надвигающихся бедствий (ср. *Jastrow, Die Religion Babyloniens und Assiriens*, II, 649—650). Вторая печать открылась, предвещающая окончательное исчезновение мира с земли. Что же будет потом? Внимание автора Откровения, естественно, обращается к другому вестнику бедствий, Сатурну. Эта планета, по вавилонским представлениям — «заместитель солнца», считалась в астрологии также небесным судьей, носителем небесной правды (ср. *Jastrow, op.cit.*, II, 681). Автор Открове-

ния хочет снять печать с Сатурна; как астрономически образованный по тому времени человек, он умеет высчитывать на год вперед движения планет (ср. *Bezold, Astronomie, Himraelschau und Astrallehre bei den Balyloniern*, 6, и сл.), делает выкладки и обнаруживает, что скоро (в 99 г. нашей эры) Сатурн вступает в созвездие Весов, как черный конь[430], чтобы нарушить нормальный ход хозяйственной жизни, принести неурожай, голод и все связанные с этим бедствия. Третья печать снята; что скажет четвертая печать? Автор Откровения продолжает свои выкладки и видит, что вслед за этим (в 100—101 г. нашей эры) Сатурн будет уже в созвездии Скорпиона, как бледная смерть, чтобы принести конец жизни на земле (данные для Сатурна ср. *Морозов, Откровение*, табл. на стр. 139—140). Так снимается четвертая печать; бедствия, предвещаемые ее снятием, уже эсхатологического характера. Разгоряченной фантазии апокалиптики, пламенно жаждущего суда и конца, представляется, что вслед за вступлением Сатурна в созвездие Скорпиона получают свободу все силы ада: они выходят

на землю и истребляют людей мечом, голодом, болезнями и дикими зверями. За разгулом смерти апокалиптику представляется уже неизбежным крушение вселенной. Астрология свое дело сделала; он отдается теперь во власть экстатики, и его разгоряченное воображение рисует ему одну за другою картины мировой катастрофы, развертывающиеся по мере того, как он в своем полубредовом состоянии «снимает» следующие печати. За снятием пятой печати звезды приходят в беспорядок; никогда не поднимающееся над горизонтом Патмоса созвездие Жертвенника вдруг восходит и обнаруживает свою тайну: под ним находятся души христиан, замученных за веру, требующие суда и воздаяния гонителям. За шестой печатью вселенная рушится: земля разрушается от землетрясения, солнце становится черным и перестает светить, звезды падают с неба, небо свертывается, как книжный свиток, и исчезает. А за седьмой печатью должно наступить торжество христиан... Небесные наблюдения осенью 98 года и астрономические выкладки движения Сатурна в следующие годы с их астрологиче-

ским толкованием апокалиптик соединил с бредовыми картинами предстоящего конца мира и скомпоновал в форму откровения, которое якобы дает ему агнец, открывая печати книги судеб мира, — и так получились IV-VI главы Откровения Иоанна...

Нам возразят, что это толкование субъективно и спорно; но мы и не выдаем его, в противоположность Морозову, за единое и истинное решение задачи. Мы хотим только показать, что, оставаясь на почве астрономического толкования и даже принимая основные положения Морозова, можно прийти к выводу, подтверждающему дату Откровения, как ее устанавливает библейская критика[431]. Но при этом у нас есть два преимущества перед Морозовым. Первое заключается в том, что мы не прибегаем при толковании к помощи туч, облаков, ветра, грома, предполагаемого затмения, не прибегаем к искажению смысла текста путем произвольного перевода, но остаемся исключительно на почве астрономического и астрологического толкования, соответствующего уровню знаний и взглядам эпохи, и на почве имеющегося нали-

цо текста, не допуская никаких произвольных переводов. А второе наше преимущество заключается в том, что при нашем толковании учтен основной характер Откровения, как предсказания, основанного на астрологии и экстатике, что совершенно не учитывается Морозовым. Вывод из всего этого, конечно, только один: в применении к Откровению астрономический метод не может быть точным, так как астрономические вычисления всегда будут основаны на субъективном толковании, и так как при желании всегда можно дать такое толкование, которое астрономически оправдает любую желаемую дату.

Так шатается первый краеугольный камень сооружения Морозова. Перейдем теперь к другому его важнейшему положению определению времени жизни Иисуса, отождествляемого им с Василием Великим. Пророков мы покуда минуем, так как в цепи умозаключений Морозова они тесно связаны с Откровением, и если падает морозовская дата Откровения, то падают и даты пророков; вопрос же о времени жизни Иисуса разрешается Морозовым вне связи с Откровением и пророка-

ми. Морозов основывается на рассказе Евангелий Марка, Матфея и Иоанна об обстоятельствах, сопровождавших казнь Иисуса; этот рассказ Морозов, в противоположность общепринятому взгляду, считает целиком достоверным, не исключая даже и некоторых чудес. Центр тяжести, по Морозову, лежит в известии, что во время казни Иисуса, от 6 до 9 часа, была *тьма* (skotos) по всей земле; эту тьму, по мнению Морозова, надо понимать, как затмение, и притом затмение лунное, так как в полнолуние, которое имело место во время казни Иисуса, солнечных затмений не бывает. Отсюда Морозов стал искать подходящего лунного затмения в течение первых веков нашей эры, и притом не ранее 21-го марта, так как христианская пасха не празднуется ранее 22-го марта. Такое затмение он и нашел 21-го марта 368 года; отсюда, время жизни Иисуса должно, по Морозову, относиться к IV веку нашей эры, а казнь его — к 20-му марта 368 года.

Прежде всего, поставим первый вопрос, — возможно ли астрономическое толкование вышеприведенного известия Евангелий. Дело

идет, конечно, о значении слова skotos: можно ли в данном случае от явления заключать к причине? Третий евангелист это сделал и добавил, сравнительно с Марком и Матфеем, объяснение появившегося мрака именно затмением, но затмением солнца. Затмение солнца, конечно, исключается; Морозов прав, говоря, что тут перед нами объяснительная позднейшая вставка. Но возможно ли толкование в смысле лунного затмения? Возможно только в том случае, если казнь Иисуса происходила вечером; Морозов так и думает, и, полагая в простоте душевной, что раз на востоке день (в смысле счета дней недели и месяца) начинался с вечера, то и счет часов, тоже начинался с вечера, а именно, первый час соответствовал нашему 7-му часу вечера. Тогда время от 6 до 9 часов евангельского счета будет соответствовать, по нашему счету, времени от 12 до 3 час. ночи, когда лунное затмение могло быть ясно видимо. Но беда этого толкования заключается в том, что оно совершенно произвольно искажает текст и основано на полном незнакомстве Морозова со счетом часов, принятым во всем древнем мире.

Этот счет часов, установленный в Вавилонии и оттуда распространившийся по всему древнему миру (ср. *Herodot.*, II, 109), заключался в том, что день, от восхода Солнца и до его захода, делился на двенадцать часов, причем первый час соответствовал, в среднем, 6-7 часу утра, колеблясь в зависимости от времени года. Для счета часов употреблялись солнечные часы, имевшие неподвижную шкалу в 12 часов, вследствие чего и час не всегда имел одну и ту же продолжительность, в зависимости от времени года. Сообразно с этим делением дня делили и ночь на 12 часов; но это деление не было повсеместным и обычным и чередовалось с другими способами, напр., с делением ночи на четыре стражи, т.е. по сменам караулов. Казнь Иисуса происходила утром; об этом совершенно единогласно говорят Евангелия. Он был отведен к Пилату на рассвете (proi); после краткого разбора дела Пилат передал Иисуса солдатам для исполнения приговора; распят Иисус был в третьем часу (Марк., 15, 25), т.е., в 9 часу утра; труп Иисуса был снят с креста после смерти, последовавшей, по обстоятельствам казни, слыш-

ком быстро (Марк., 15, 44), вечером (opsias — Марк., 15,42; Матф. 27, 57; ср. Лука, 23, 54: «день тот был пятница и наступала суббота»); отсюда «тьма» могла быть только от 6-го до 9-го часа дня, т.е. от 12 до 3-х часов дня по нашему счету. И, конечно, только такое внезапное наступление темноты среди яркого дня — от 12 до 3 час, — и могли разуметь евангелисты; их читатели только при таком изображении могли проникаться ужасом, на который рассчитан весь тенденциозный рассказ о тьме, землетрясении и разрыве храмовой завесы. При толковании Морозова, все действие, вопреки ясному тексту всех Евангелий, переносится на ночные часы, когда не могло быть ни толпы народа около креста, ни потрясающего впечатления чудесного наступления тьмы среди белого дня.

Таким образом, мы видим, что астрономическое толкование «тьмы» во время казни Иисуса базируется исключительно на обычных для Морозова приемах: читать не то, что есть в тексте, а то, что нужно для его предположения, и переделывать факты, если они противоречат гипотезе. С этим принципом

«тем хуже для фактов» мы встречаемся уже в «Откровении»; там Морозов свое предположение о принадлежности Откровения Иоанну Златоусту доказывает, между прочим, тем, что Златоуст якобы был революционером и призывал антиохийцев разбивать императорские статуи, хотя речи Златоуста о статуях наоборот рисуют Златоуста верноподданным, бичевавшим антиохийцев за враждебные чувства к императору. Мы должны поверить заявлению Морозова, что эти речи поддельные, а недошедшие подлинные речи имели революционное содержание. Но в науке не принято верить, это — дело религии... Однако, к вере в новые, открываемые Морозовым факты он призывает нас и в вопросе об Иисусе. Он ищет его среди церковных деятелей IV века и находит в лице Василия Великого. Основания: 1) Василий Великий значит «великий царь», а Иисус был распят, как «царь богославных» — отсюда Василий совпадает с Иисусом (?); 2) житие Василия «во всем» совпадает с Евангелиями, кроме... того факта, что Василий был приговорен к смертной казни и неудачно «столбован» за предсказание лунно-

го затмения. Казнь Иисуса за это преступление есть в евангелиях (но ведь Иисус по Евангелиям никакого затмения не предсказывал и не за это был распят; «царь иудейский» не значит «астроном-предсказатель?»), но этого нет в житии Василия; факт этот, по мнению Морозова, по каким-то причинам, опущен биографом Василия, но он, Морозов, после своих астрономических вычислений и сличения «жития» и евангелий считает своим полным правом внести «в жизнь четьи-минейского „великого царя“ лунное затмение 21-го марта 368 года и его результаты, описанные в евангелиях» (стр. 161; ср. стр. 147; 156—157). Морозов имеет право в любое литературное произведение вносить любые дополнения и объявлять, что он этим исправляет намеренные пропуски; но мы имеем полное право объявить такой способ исправления и дополнения литературных произведений и создание новых фактов плодом поэтической фантазии.

Теперь несколько слов о пророках. Определяя время их происхождения астрономическим путем, Морозов на основании выводов

«Откровения в грозе и буре» уже наперед считает исключенной возможность появления их в дохристианскую эпоху и ищет их даты в период после начала христианской эры. Эта презумпция совершенно произвольна. Правильный научный метод требует, чтобы были взвешены все возможности, и только после совершенного исключения одной возможности исследователь имеет право испытать другую. В данном случае Морозов имел дело с бесспорным в науке положением, что пророческие книги еврейской библии были написаны в дохристианскую эпоху, что изречения пророков вовсе не имели в виду предсказания Христа, как стали толковать их богословы в первые времена христианства, но были связаны с событиями и идеями того времени, когда жили пророки. Поэтому при применении к пророкам астрономического метода Морозов должен был прежде всего проверить при его помощи датирование пророков дохристианской эпохой и только в случае неудачи строить новые предположения о сущности иудейства, как секты, а не нации, о датировании его первыми веками нашей эры

и т.д. Не сделав этой предварительной работы и начав прямо с характеристики иудейства как явления, самое раннее, II века нашей эры, Морозов начал строить новое здание без фундамента.

Попробуем произвести эту проверку, конечно, в тех случаях, когда применим астрономический метод. Его надо исключить по отношению к Захарии и Иезекиилю. Захария в начале VI главы описывает свое видение, в котором ему «из ущелья среди медных (nechoscheth) гор» явились четыре колесницы, запряженные разномастными конями. Морозов считает колесницы символами планет: Марса, Меркурия, Юпитера и Луны («Пророки», стр. 158—159; по «Христу», стр. 255, вторая колесница не Меркурий, а Сатурн) и, поправляя в тексте, неизвестно на каком основании, вместо nechoscheth — nachasch, змей, определяет, что все эти четыре планеты были около созвездия Змеедержца. Далее дату «24 день 11-го месяца» он считает 24 января «по византийскому или еврейскому календарю» и для этого дня определяет астрономически дату — 466 г. по Р. Х. Не говоря уже о произ-

вольном приравнении 11-го месяца еврейского года к январю, текст Захарии не знает никаких оснований для астрономического толкования. В своем «литературном» переводе Морозов не только исправил *nechoscheth* на *nachasch*, но еще пропустил 4-5 стихов, где ангел дает Захарии объяснение видения: четыре колесницы, это — *четыре ветра небесных* (*ruchoth haschammajim*), обходящие землю... Иезекииль в I главе рассказывает свое видение, в котором, по мнению Морозова, фигурируют три планеты и Луна, и на основании их положения вычисляется дата 5 июня (почему июня?) 453 года. Текст Иезекииля сам по себе, однако, совершенно не дает данных для такого толкования и потому подвергается у Морозова своеобразной переделке, как видно из следующего сравнения:

Точный перевод с еврейского	Перевод Морозова
<i>(Курсивом — места, совершенно пропущенные в переводе Морозова)</i>	<i>(Курсивом — места, произвольно добавленные Морозовым)</i>

И вот бурный ветер пришел с севера, и большое облако в нем, и блеск был кругом него, и пылающий огонь, и из середины огня (сияло), *точно блеск полированной меди. И в середине сего* — подобие четырех живых существ; *и таков был вид их*: образ человека у них, но четыре лица у каждого из них и четыре крыла у каждого из них; и ноги их были прямые, и подошвы ног их круглые, сверкали они, как блеск меди. И рука человеческая была под крылами их по четырем бокам их. [И лица всех четырех не поворачивались, когда шли они][432]; каждое шло прямо перед собою. *И вид лиц их*:

Шла буря с севера, большое облако со сверкающими молниями, а вокруг него тянулось сияние *Млечного пути*, как светящийся поток, текущий между вспышками огня *грозы. На южной же стороне неба* были видны четыре живые существа — *планеты* — и там же выделялся облик человека (*в созвездии Змиедержца*). К нему одному шли те четыре лика (*планет*), и у него же одного, таинственного, были четыре крыла *неба* (две из двенадцати пар клиньев, отсекаемых от небесной сферы ее меридианами). Непреложно было шествие этих существ, и вогнутость путей их была, как

[лицо человека спереди у (всех) четырех], и лицо льва справа у (всех) четырех, и лицо быка слева у (всех) четырех, и лицо орла сзади у (всех) четырех; и верхние крылья были распростерты кверху у (всех) четырех; и каждые два крыла были соединены одно с другим; и каждые два других крыла покрывали тела их. *И каждое шло прямо вперед пред собою; куда дух побуждал их итти, туда шли они и не поворачивались.*

вогнутость пути окружности, и все четыре лика их сияли, как полированная медь. Человеческие руки простирались под крыльями неба над ними (у созвездий *Змиедержца, Стрельца, Геркулеса*), а крылья неба соприкасались одно с другим и не останавливались во время своего кругового шествия по небу, идя каждое вперед (по направлению ежесуточного движения находящихся под нам планетных ликов). Очертание Льва было направо от них, очертание Тельца налево, а очертание Орла находилось около всех четырех над ними. Их лики и их крылья были разделены

(небесными меридианами) попарно сверху вниз, и в каждой паре одно крыло соединялось с другими (на небесном экваторе) и два покрывали тела тех живых существ. А сами живые существа — планеты — шли туда, куда влек их дух.

Пропуски и добавления, сделанные Морозовым и обозначенные курсивом, сами говорят за себя; для характеристики перевода остается добавить только еще несколько отдельных примеров. Евр. 'arba'a ranim le'echath (жен. род.! относится к sha'a — существо — жен. рода) — четыре лица у каждого (существа) — Морозов переводит «к нему одному (но 'adam — человек — муж. рода!) шли (?) те четыре лика». Евр. le'echath lakhem — у каждого из них — переведено «у него одного (но должен бы быть муж. род!) таинственного». Евр. jisabbu, «не поворачивались», от sabab, Морозов перевел «не останавливались».

Reglkkhem — двойств, число! — значит «ноги их», переведено «шествие». И так далее. В результате получился не новый литературный перевод, а новое литературное произведение. Но зачем же выдавать его за текст Иезекииля?

По отношению к Даниилу, Иеремии и 34 гл. Исаяи возможно применить астрономическое толкование, хотя более или менее вероятно оно только по отношению к 34 гл. Исаяи. Рука, которая пишет на стене (а не на небе) во время пира Валтасара (Даниил, гл. V), может быть истолкована и не в смысле кометы; но если даже мы примем это толкование, то и в дохристианскую эпоху найдутся даты, оправдывающие научные взгляды на время происхождения книги Даниила. По общепринятому в науке взгляду, книга Даниила в целом была написана в 165 — 164 г. до Р. Х., в эпоху маккавейского восстания, причем автор ее использовал некоторые литературные материалы, восходящие к последним годам эпохи плена. Если мы предположим, что рука есть символ кометы, то вышеуказанная дата оправдывается привлечением кометы Галлея. По ее перио-

дам она должна была появиться именно около середины 160-х годов и 540-х годов до Р. Х.; первое соответствует дате книги в целом, второе - времени происхождения легенды о пире Валтасара, под которым разумеется сын последнего вавилонского царя Набонеда, Белшарушур; последний, по-видимому, с 549 г. и почти вплоть до падения Вавилона в 537 г. правил за больного отца. Первое нападение персов на Вавилонию относится к 10 году Набонеда, т.е. около 545 г. (ср. *Тураев*, История Древнего Востока, II, 158-159); это нападение, в связи с появлением кометы в ближайшие годы после него, и могло послужить поводом к составлению апокалиптической легенды о пире Валтасара, так как иудеи, пламенно жаждавшие гибели Вавилона, несомненно, рассчитывали, что Кир теперь же двинется на столицу халдейского царства и положит ему конец. Автор книги Даниила использовал этот отрывок V века для своего откровения о предстоящей гибели Антиоха IV и торжестве верных.

Астрономическую зацепку для определения эпохи Иеремии Морозов находит в ст.

11—14 первой главы. Росток миндального дерева и кипящий котел (у Морозова почему-то «размахнувшаяся кочерга») являются, по Морозову, символами кометы; такое же толкование дает этим символам и Д. Святский («Галлеева комета в Библии и Талмуде»). Убедительным это толкование не может быть, так как нет речи, чтобы знамения были на небе; однако, и безусловно отвергать его возможность не приходится. Но два астронома, согласные в толковании, дают разные даты. Морозов, исходя из презумпции, что пророки позже Откровения, считает, что дело идет о появлении кометы Галлея в 451 г. по Р. Х.; Святский, напротив, считая книгу Иеремии произведением дохристианской эпохи, указывает ее дату по той же комете Галлея в 619 г. до Р. Х.; эта дата соответствует эпохе выступления Иеремии в качестве пророка, как она определяется научной критикой, а именно, между 616 и 629 годами до Р. Х. Астрономический метод в применении Святского подтверждает научную точку зрения. Далее идет Исая. Книга пророческих изречений, носящая имя Исаяи, является, с научной точ-

ки зрения, собранием изречений и речей различных пророков, причем лишь около 30% книги, преимущественно в первых 26 главах, принадлежит подлинному Исаяи. 34 глава, на которой основывает свои расчеты Морозов, относится к группе 28 — 35 глав, которые по характеру своего содержания, стилю и намекам на исторические события считаются очень поздним отрывком апокалиптического содержания; время происхождения их, на основании 33 главы, относится обычно к моменту победы Маккавеев над Антиохом IV Епифаном, т.-е., примерно, к 162 г. до Р. Х. Меч Иогве на небесах (34 гл. 5 стих), несомненно, означает комету; Морозов ищет ее в первые века нашей эры и отождествляет ее с кометой 442 г. китайских летописей. Но, примерно, около 163 г., как мы видим, должна была явиться комета Галлея, которая и могла дать повод к написанию отрывка 28—35 гл. Исаяи.

Мы не будем останавливаться на всех прочих пророках; приведенные примеры достаточно ясно характеризуют, с одной стороны, своеобразные методы перевода и толкования, практикуемые Морозовым, а, с другой сторо-

ны, возможность при помощи астрономического толкования оправдывать и общепринятые в науке даты. Чтобы покончить с астрономическим методом, мы позволим себе остановиться только еще да двух пунктах. В книге «Христос» Морозов приводит произвольно надерганные им из разных мест отрывки так наз. малых пророков, чтобы доказать, что и они все относятся к V-VII векам нашей эры. Почти везде он указывает и астрономические элементы; но в некоторых пророках, между прочим, в Иоиле, он астрономических зацепок не находит. Между тем, еще известный астроном Склапарелли в 1904 г. (*Die Astronomie im Alten Testament*, 45) совершенно правильно указал, что описываемое в III, 3 кн. Иоиля небесное знамение — кровь, огонь и столбы дыма — означает комету. Научное исследование пришло к общепризнанному выводу, что книга Иоиля появилась несколько позже 400 года до Р. Х.; но именно около 390 года должна была появиться комета Галлея. Таким образом, Морозов не заметил в книге Иоиля совершенно ясных астрономических данных, при этом вполне подтверждаю-

щих научные выводы. Второй пункт касается времени происхождения сочинений иудейского историка Иосифа Флавия. Полагая, что от Иосифа, как и вообще от древних писателей, нет рукописей, а есть только печатные издания (рекомендуем Морозову познакомиться с каталогами рукописей хотя бы только Ватиканского собрания), Морозов заявляет, что сочинения Флавия появились только в середине XVI века и являются подделкой. Но совершенно ясные астрономические данные подтверждают хронологию событий, описанных Иосифом, а, следовательно, и эпоху его сочинений. Одно, главнейшее, его сочинение «*Об иудейской войне*» описывает великое восстание иудеев против римского владычества, имевшее место в 66—70 годах I века. Описывая предзнаменования, предвещавшие войну (VI.5, 3), Иосиф называет, между прочим, «хвостатую звезду в виде меча», т.е. комету; но именно в 65-66 г., как мы уже указывали, должна была появиться комета Галлея. Этого достаточно, не говоря уже о рукописях и переводах Иосифа[433], чтобы считать вполне доказанным факт происхождения сочинений

Иосифа в конце I века нашей эры.

Астрономический метод, однако, не единственный, применяемый Морозовым; результаты его самому Морозову кажутся настолько «поразительными», что он старается подтвердить их доказательствами при помощи ряда других методов. Из них геофизический будет фигурировать в следующих томах; сейчас Морозов указывает только один пример, именно, что геофизические условия не допускают вообще образования удобных гаваней на палестинско-сирийском побережье, и что поэтому Тир не мог существовать. Но почему же сейчас существуют несколько гаваней на этом побережье — Яффа, Бейрут, Сайда? Однако, не будем останавливаться на этом, не раскрытом еще методе, и перейдем к другим. В их ряду Морозов почему-то не перечисляет двух методов, к которым он постоянно прибегает, именно — метода пользования житиями святых, как надежными историческими источниками, и метода лингвистического. Первый метод как-то странно противоречит всему основному взгляду Морозова на засвидетельствование древних памятников. Он по-

стоянно повторяет, что никаких первоисточников в рукописях нет, что есть только печатные книги после 1450 г., что рукописи, с которых печатались первые издания, были, всего вернее, уничтожены, так как они исчезли неизвестно куда[434]; он очень строг в вопросе о подлинности древних авторов и очень охотно повторяет мнение некоторых исследователей Платона, считающих большую часть диалогов этого философа неподлинными; он обрушивается на новозаветные послания, как на продукты скучнейшего средневекового богословского многословия (не зная, конечно, что по новейшим исследованиям их стиль вполне соответствует стилю греческой эпистолярной литературы эпохи римской империи); но он с величайшим доверием относится к житиям святых, да еще в изложении русских синодских Четых-Миней. Житие Василия Великого — утверждает Морозов — только одно и дает возможность исторической разработки биографии Великого Царя-Иисуса (стр. 151); житие евангелиста Луки — правдоподобно (стр. 444); житие Иоанна Дамаскина — правдиво (стр. 502). Но ведь рукописи

житий еще менее древни и менее надежны, чем рукописи других древних произведений; ведь жития являются очень поздними шаблонными произведениями, составившимися с назидательными целями по определенному образцу и наполнявшимся одними и теми же до надоедливости чудесами и событиями, что, в частности, житие Василия не имеет никакого значения, как источник для его биографии, которая устанавливается на основании данных его сочинений и на основании надгробных речей Григория Назианзина и Григория Нисского. Но и с точки зрения Морозова все интересующие его жития имеют один и тот же крупный недостаток: они умалчивают как раз о тех фактах, которые Морозов хочет при их помощи доказать. Житие Василия ничего не говорит о его «столбовании» и воскресении; жития Марка Афинского, Луки Элладского, Иоанна Дамаскина и Федора Студита ничего не говорят о написании этими святыми канонических евангелий. Конечно, Морозов выходит из затруднения не допускающими возражений заявлениями вроде того, что главная заслуга Марка Афинского —

написание евангелия — «вырезана» из его биографии (стр. 483), или что Иоанн Дамаскин, как талантливый писатель, мог написать евангелие от Иоанна; но эти заявления никого, кроме самого Морозова, убедить не могут. При схеме Морозова остается также совершенно непонятным, зачем понадобились Евангелия, если было уже такое хорошее житие «Великого Царя», почему первые три Евангелия так схожи, а четвертое от них коренным образом отличается, и почему, и когда именно эти Евангелия, а не житие Василия, были признаны священными христианскими книгами.

Еще более умопомрачительны выводы, к которым Морозов приходит при помощи лингвистического метода. Прежде всего он строит, на основании своей новой хронологии, новую теорию древних языков. Классический греческий язык есть, по его мнению, средневековое искажение «эллинского» языка эпохи первых веков нашей эры, классический латинский — такое же искажение древнеитальянского, древне-еврейский (библейский) — такое же искажение арамейского; в

другом месте, впрочем, он утверждает, что по своему происхождению и произношению библейский язык аналогичен современному немецкому жаргону польских евреев. Не зная современных научных теорий о происхождении индо-европейских и семитских языков от одного праязыка, Морозов своим умом и своим методом доходит до установления родства между еврейскими, греческими и латинскими словами и приходит, конечно, к таким результатам, которые и не снились лингвистам. Исходный пункт его — отрицание какого-либо значения за пунктуацией, имеющейся в тексте еврейской библии, и принятие для библейского языка того произношения букв еврейского алфавита, какое принято в современном еврейском разговорном языке. Морозов не смущается тем, что в древнееврейском значении всех букв — согласное, а в ново-еврейском некоторые буквы, лишние с точки зрения согласного состава новоеврейского языка, взяты для обозначения гласных. И вот у него получаются такие аналогии: собственное имя израильского божества, состоящее из четырех *согласных*, j, h, w, h, он читает *Иэуэ*,

или *Иеве*, сравнивает с род. падежом от латин. *Jupiter* — *Jovis* и объявляет, что это — название одного и того же бога, причем культ его перешел из Италии в Палестину (ср. VII, 373-374 и др.); на этом основании Морозов в переводе библейских текстов считает возможным переводить иногда *jhw* посредством имени Зевс, так как греческий Зевс тождествен с римским Юпитером. Тождество Адама и египетского фараона-объединителя Мены Морозов доказывает следующими уравнениями: Адм=Мена: Мена=Мна=Анм=Адм, так как *н*, по Морозову, в сущности, носовое *д* (стр. 388). От фонетики Морозов переходит к лексике и утверждает, что до сих пор значение древних имен и терминов толковалось неправильно, он же дает правильное толкование. Из десятков примеров приведем несколько, не требующих комментариев: Христос — помазанник, т.е. посвященный в оккультные знания, т.-е. магистр оккультных наук (стр. 95, 109); греч. Христос — по-еврейски *Назорей* — так-де называется Самсон (стр. 111). Но евр. наименование Самсона *nazir* (Суд. 13, 5) в греч. переводе не переведено, а

транскрибировано греч. буквами *nazeir*; и это правильно, так как греч. *christos* есть перевод евр. *mashiach*. Евангельское *tekton* (плотник), Морозов переводит *зодчий* и прибавляет, что зодчество было тайной наукой, а архитектора составляли тайный орден. Но по-греч. *зодчий, архитектор* будет *architecton*, слово же *tekton* всегда означает вообще строительного рабочего. Тир — евр. Цор — по Морозову Царьград, Дан — Дунайские страны, Мешех — Москва, и т. д. (стр. 246 и др.) *Dibre hajjomim* — ежедневные записи, летописи, Морозов переводит «Приморские повести», смешав *jom* — *день*, с *jam* — *море* и, очевидно, производя греч. *paralipomenon* не от глагола *paralipo*, а от *par'halos* — у моря. В заключение еще два оригинальных ряда: Иуда-лев (*ari*)=Арий; отсюда ариане=фарисеи (стр. 124); Иеровоам=Гонорий=немейский лев=Луи=левит!.. (стр. 353).

Установив при помощи такого лингвистического метода родство языков древнего мира и фиктивность евреев, как нации, Морозов при помощи «статистического метода» доказывает, что различные ряды царей являются только разноименными рядами римских им-

ператоров от Аврелиана до Ромула Августула. Он дает три таблицы: 1) израильских царей и императоров от Константина Великого до Ромула-Августула (табл. XIX); 2) римских диктаторов и императоров от Суллы до Каракаллы и параллельный ряд императоров от Аврелиана до Одоакра (табл. XVIII); 3) иудейских царей и римско-византийских императоров от Лициния до Константина Паганата (табл. XX). Цель этих сопоставлений — доказать, что ряды тождественны по числу звеньев и продолжительности годов, и что историческими были лишь кесари от Аврелиана (270 г.), прочие же цари — лишь местные псевдонимы. Для оценки этого метода приведем лишь несколько замечаний относительно I и II таблицы. В первой таблице в ряду израильских царей мы встречаем неизвестное до сих пор междуцарствие между Сохомом (Саллумом) и Менахемом, продолжавшееся 21 год. Но II Цар. XV.13-17 — совершенно ясно указывает, что в 39 году иудейского царя Азарии Менахем сверг израильского царя Саллума и воцарился вместо него. Далее, Менахем царствовал 14 лет, а не 10, Пеках (Факея) — 6 лет, а не 20, Осия — 8

лет, а не 1 год. В ряду римских императоров только одному Морозову известен 25-летний период захвата власти Иоаном Златоустом; от Петрония до Ромула Августула был не один император, а 9, причем Рецимер, фигурирующий здесь у Морозова, был не императором, а начальником войска; пропущен Константин (340—351), Аркадий и Гонорий, правившие одновременно, показаны, как последовательные кесари, Константин Великий единолично правил только 13 лет, а всего 31 год, так что дата Морозова — 25 лет — ни в том, ни в другом случае не годится: Констанций II правил не 24 г., а 11 лет, Валент — не 15, а 12 лет, Валентиниан III — не 11, а 30 лет; правда, Морозов делит эти 30 лет на два звена: опеки и самостоятельного царства, и для параллели 21 году опеки измышляет уже указанный 21-летний период израильского междуцарствия.

Во второй таблице в ряду римских императоров III-V века сравнительно с тем же рядом первой таблицы сделаны изменения, придающие ей иной вид. Именно, выпущены совсем: Константин II, Валентиниан II, Иоанн Златоуст, опека над Валентинианом III, Петроний

Максим; вставлены Стилихон и Аэций, не бывшие кесарями, и добавлены в конце Одоакр и Теодорих Великий; четверем императорам указана другая продолжительность царствований, чем в первой таблице. Далее, в левом ряду II таблицы «два Тира Вескасиана» сосчитаны за одного императора, а в самом конце, вместо одного Каракаллы (211-217) мы читаем: Марк-Аврелий-Антонин-Каракалла — 188-217 (!?). Составляя таким способом «тождественные» таблицы, можно доказать, что не только любых государей, русских, французских, немецких, английских, не было, но что и они являются только псевдонимами римских императоров от Аврелиана до Ромула-Августула...

Мы не будем затруднять внимание читателя разбором других таблиц Морозова, в которых он сопоставляет египетские родословные Рамсеса II с евангельскими родословными Иисуса и восстанавливает на основании родословной, Матфея утраченные династии египетских фараонов. Нам кажется, что и сказанного уже достаточно. В одном месте своей книги («Христос», 440) Морозов говорит, что

Индия — страна чудес не в своей собственной, а только в европейской фантазии, воспитанной на полуроманах в духе Жакольо и на теософических измышлениях Блаватской и англо-индийского полковника Олькота, и что индусские мудрецы, говорящие о древности своей страны, представляют интерес скорее для психиатра, чем для серьезного исторического исследователя.

К сожалению «чудесные» открытия самого Морозова при помощи астрономического и других методов существуют также лишь в его фантазии и для серьезного историка интереса не представляют.

Н. М. Никольский.

Новый мир 1925, № 1, стр. 156-175.

IX. Николай Морозов. Астрономический переворот в исторической науке.

(По поводу статьи проф. Н. М. Никольского.)

Мое всегдашнее правило было: не отвечать на полемические статьи против моих научных выводов, если в этих статьях нет

указаний на такие недочеты в моих работах, с которыми я мог бы согласиться и взять назад тот или иной вывод, чтобы не вводить в заблуждение своих читателей. Отвечать на все, что пишется обо мне, по моему мнению, значило бы разменять свое время на мелочи и в результате не сделать ничего серьезного в науке.

— Если мои выводы верны, — думал я всегда, — то их рано или поздно примут, несмотря на порицания современников, а если нет, то их рано или поздно опровергнут, хотя бы современники и были от них в восторге. Так поступил бы я и в данном случае, потому что не нашел ничего существенного в опровержениях моих выводов Н. М. Никольским, с чем я мог бы согласиться. Но, к сожалению, я подпал на этот раз под влияние моих друзей, не специалистов по истории, а занимающихся другими науками, или просто общеобразованных людей, которые почти силой принудили меня дать ответ больше для их успокоения.

— Его статья, — говорили они мне, — написана таким авторитетным и безапелляцион-

ным тоном, что теперь, в период больших религиозных споров, твои противники могут воспользоваться ею, чтобы надолго покончить с тобой, объявив твою книгу уже опровергнутою, чего на самом деле нет.

Я уступил, наконец, их давлению и согласился написать эту статью.

Н. М. Никольский говорит сам, что в астрономии он не считает себя авторитетом и потому главную тяжесть своей полемики переносит на историческую часть моей работы, где он считает себя более компетентным, чем я.

Понимая, что мои сопоставительные таблицы параллелизма династических событий в царстве римском, начиная с Аврелиана, и в царстве богоборческом, а также и другие подобные сопоставления могут смутить доверие и у историков к справедливости древней хронологии, он обрушивается на них нарочно в самом конце, чтоб удержать впечатление читателя таким местом, которое ему кажется самым сильным. Посмотрим же, каково оно на деле.

«Для оценки этого *(диаграмматического)*

метода, — говорит он на стр. 175 „Нового Мира“, — приведем лишь несколько замечаний относительно I и II его (Морозова) таблицы. В первой таблице в ряду израильских царей мы встречаем неизвестное до сих пор междуцарствие между Сохомом и Менахемом, продолжавшееся 21 год. Во II книге Царств, VI, 13-17 совершенно ясно указывается, что Менахем сверг израильского царя Соллума и воцарился вместо него. Далее, Менахем царствовал 14 лет, а не 10, Пеках 6 лет, а де 20, Осия 8 лет, а не 1 год. В ряду римских императоров одному Морозову известен 25-летний захват власти Иоанном Златоустом. От Петрония до Ромула Августула был не один император, а 9, причем Рецимер, фигурирующий здесь у Морозова, был не императором, а начальником войска. Пропущен Констант (340-351). Аркадий и Гонорий, правившие одновременно, показаны, как последовательные кесари, Константин Великий единолично правил только 13 лет, а всего 31 год, так что дата Морозова — 25 лет — ни в том, ни в другом случае не годится: Констанций II правил не 24 г., а 11 лет, Валент — не 15, а 12 лет, Валентиниан III — не

11, а 30 лет; правда, Морозов делит эти 30 лет на два звена: опеки и самостоятельного царства, и для параллели 21 году опеки измышляет уже указанный 21-летний период израильского междуцарствия».

Таково самое убийственное место для моих выводов во всей статье Н. М. Никольского.

Я вполне понимаю, что мои друзья не специалисты по истории, — пришли в панический страх, читая эти 17 строк текста и подумав, что благодаря им от моих сопоставительных таблиц ничего не осталось, кроме обломков. Посмотрим, так ли это на деле.

Прежде всего Н. М. Никольский, как видно из его собственных слов, даже не подозревает, что о всех приводимых им цифрах с давних пор существуют целые толпы ученых исследований, основанных на сравнении различных вариантов. В простоте душевной он взял свои сроки царствований по прямому тексту русского перевода Библии, тогда как я брал их по научно обработанным данным знаменитых английских гебраистов Usher'a, Greswell'я, Horne'a и Hales'a, у которых он найдет не только все мои цифры, но даже и нико-

му кроме меня неизвестное (по его словам) междуцарствие.

Причины этого несогласия лучших исследователей Библии с приводимыми Н. М. Никольским датами я поясню (для обычного читателя) таким наглядным примером.

Существует анекдот, что одна дама, Вера Ивановна, сказала раз другой, Марье Петровне:

— Вашего сына только что призвали на военную службу. Значит, ему 20 лет, а вы его могли родить не ранее 18-летнего возраста. Значит, вам теперь не менее 38 лет, а как же вы говорите, что вам только 28 лет?

— Мне и есть 28 лет, — отвечала Марья Петровна если вы будете считать, как я, точным прямым счетом. А когда вы начинаете употреблять какие-то косвенные способы со сложениями и вычитаниями, то, конечно, можете доказать, что мне и 200 лет.

И вот, представьте себе: то же самое случилось и с библейской хронологией. Там (в ней самой!) есть и прямой счет по способу Марьи Петровны и целых два косвенных по способу Веры Ивановны. Прямой счет по Марье Пет-

ровне заключается во фразах почти о каждом царе: «и время царствования его было столько-то лет». А два счета косвенных, по Вере Ивановне, состоят в том, что о каждом израильском царе говорится еще, на *котором* году современного ему царя иудейского он родился и на *котором* умер при его преемнике, а о каждом иудейском царе наоборот.

В нескольких случаях все три счета дают одинаковые результаты, а в нескольких других, два косвенные счета отличаются от прямого иногда даже и на 10 лет.

Хронологики библейской истории с давних времен обратили внимание на эти невязки и посвятили их разъяснениям огромное количество труда. Об этом существует целая литература, и окончательным результатом было то, что согласовать все числа, не обижая ни библейской Марьи Петровны, ни двух ее Вер Ивановен, опровергавших ее косвенными вычислениями, можно лишь при одном условии. Это — допустить в иудейской истории междуцарствие в 11 лет (по Hales'у) между Амасией и Озией, а в израильской 22-летнее междуцарствие между Иеровоамом II и Мена-

хемом, причем двух кратковременных царей Захарию и Солома, царствовавших в сумме лишь полгода, можно поместить и в начале этого междуцарствия и в конце, допустив что Менахем не мог воцариться тотчас после убийства им Соллума, и что ранее чем он приобрел себе достаточно сторонников, прошло около 22 лет междуцарствия.

Итак, известное, по мнению Н. М. Никольского, одному Морозову междуцарствие в Израильском царстве оказалось известным гебраистам и до него, а Морозову оно даже было и не нужно, так как прибавив эти 22 года к Менахему он и получил бы точное время царствования соответствующего ему Валентиниана под опекой и после нее. Даже лучше!

Проверим теперь и эти «времена царствований», приводимые Н. М. Никольским.

«Менахем, — говорит он, — царствовал 14 лет, а не 10». Неправильно. По сопоставлению различных текстов и их научной сверке ученые гебраисты Greswell, Home и Hales считают как я, равно 10, а по Usher'у 11, и никто из серьезных обработчиков не может считать 14, как мой критик. Да, кстати сказать: и са-

мые 14 лет я был бы охотно готов принять, потому что общий вид моей диаграммы не попортился бы от прибавки сюда 4 лет.

«Пеках (Фока) царствовал, — поправляет меня Н. М. Никольский, — 6 лет, а не 20». Но позвольте! По Hales'у, Usher'у и Greswell'ю он царствовал, как у меня, 20 лет, а по Horne'у — 19.

«Осия — говорит далее мой критик, — царствовал 8 лет, а не 1 год». Но ведь в моей же таблице написано, что этот один год он царствовал до пленения, т.е. до суверенитета Салманассара, а время его царствования, как васала Салманассара, исключено мной по той же причине, по какой исключено и такое же время жизни в плену соответствующего ему Ромула Августула.

Таковы пороки, найденные Н. М. Никольским на левой стороне моей сопоставительной таблицы, и вы видите сами, что он так убийственно полемизировал тут не со мной, а с самой древней историей, с лучшими авторитетами гебраистики, из которых я взял, и притом с собственной внимательной проверкой по оригиналу Библии, все свои числа и

указания. Я понимаю, что бесполезно отправлять читателя в Британский музей или в наши государственные книгохранилища для проверки моих указаний по подлинникам, и потому просто предлагаю посмотреть все приведенные мною числа и междуцарствие на стр. 194 доступной каждому книги The English Version of the Poliglot Bibl, изд. S. Bagster and Sons с обширными и исчерпывающими приложениями.

Перейдем теперь в правую сторону моей опровергаемой Н. М. Никольским таблицы.

В тексте к ней я объясняю условия, при которых еврейский автор перечислял римских властелинов. Я указываю там, что в то время еще не было установлено какой-либо общей эры. События каждого царствования считались от воцарения данного властелина, а когда были два или три соправителя, правившие коллегиально или консулярно, то придворные хроникеры одного из них считали события от его воцарения, а придворные другого от воцарения своего. Все такие монографии были собираемы позднейшими компиляторами, желавшими составить из них пол-

ную династическую историю. За неимением никакой общей эры биография одного соправителя ставилась в общем изложении вслед за биографией другого или наоборот, а не в два (или три) столбца рядом на той же странице, чтобы ясно видна была их современность. От этого вышло недоумение дальнейших средневековых обработчиков, в числе которых был и Евсевий Памфил, и автор библейской книги «Цари». С детства привыкнув к идее теократической *монархии*, самое имя которой значит *единодержавие*, они не могли даже и представить, что когда-то могли быть в одном и том же единодержавном (монархическом, по-гречески) царстве сразу двое или трое единодержавных же императоров-соколлегов.

А так как для соблюдения уже въевшегося в их кровь и плоть лозунга: «един бог и один царь, помазанник божий», — надо было соправителей превратить в единодержавцев, то им ничего и не оставалось делать, как одного из них сделать предыдущим, а другого последующим, причем выбор был чисто индивидуален или прямо случаен. От этого и произо-

шли две вариации: библейская и Евсевия Памфила, легшие в основу двух моих синоптических таблиц, так неудачно опровергаемых Н. М. Никольским. А тождество этих псевдодинастических списков с более правильными и достоверными правительственными списками Сократа Схоластика подтверждается (как может убедиться сам читатель, пересмотрев снова эти главы моей книги, детальной разработке которых будет посвящен целый отдел одного из следующих томов) не одним количественным сходством последовательных лет царствования, а и качественным параллелизмом всех особенно выдающихся событий. Кроме того, один из соправителей легко мог быть обращен несимпатизирующим ему компилятором в простого наместника или полководца и таким образом выпасть из списка.

К чему же сводятся теперь возражения Н. М. Никольского, если он предварительно не опроверг эту мою теорию, основанную на явном теократическо-монархическом характере всей библии и греческих клерикальных историков вроде Евсевия Памфила?

«Аркадий и Гонорий, — говорит он, — правившие единовременно, показаны, как последовательные кесари». — Не мной. — отвечу я, — а теократическим монархистом (т.е. единоподержавцем), составлявшим книгу «Цари» и неспособным себе даже представить, что бог помазать сразу двух царей на одно царство. Это не допущено в Библии даже и для «судей».

«Константин Великий — продолжает Н.М. Никольский, — единолично правил 13 лет, а всего 31 год, так что дата Морозова — 25 лет — ни в том, ни в другом случае не годится». Но почему же он пропустил третий момент, наилучший из всех возможных, т.е. 18 октября 312 года, когда Константин, победоносно взяв город Рим, завоевал Италию, и изгнал из этой столицы мира ее прежнего властелина Максенция, который тут же и утонул в Тибре при бегстве? Ведь только с этого момента его и можно считать действительно *римским* императором, а от 312 года до смерти Константина и прошло, как у меня, 25 лет. Почему игнорирует это мой критик, совершенно не понимаю.

«Констанций II, — говорит Н. М. Никольский, правил не 24 года, а 11 лет». Но и тут — увы! — выходит по-моему. Он умер в 361 году и был наследником Константина, умершего в 337 году и давшего ему звание цезаря еще при своей жизни.

«Валент, — говорит мне критик, — правил не 15, а 12 лет». Но Валент, — насколько мне известно, — вступил в управление вместе со своим братом Валентинианом 26 февраля 364 года и был убит под Адрианополем 9 августа 378 года, значит царствовал 14,5 лет, и это несравненно ближе к моим 15 годам, чем к 12, ведь, я считаю в целых числах. Притом же, если я и уступлю Н. М. Никольскому требуемые им три года, то это мало повредит моим графикам.

Что же еще остается от обвинения меня автором в историческом невежестве? Остается, будто бы, одному мне известный захват власти Иоанном Златоустом. Но опять — увы! — этот теократический захват светской власти известен всем, кто читал биографию Златоуста и знает, как он обращался со слабовольным императором Аркадием и его женой Ев-

доксией. С точки зрения клерикального историка, действительным главой государства был он.

Что же мы здесь видим? Только одно.

Моя таблица I вышла из боя победительницей и даже без больших синяков на своих ребрах. Я могу только порадоваться такому ее испытанию.

Но то же самое случилось и с нападками Н. М. Никольского на мою вторую сопоставительную таблицу, где я указываю на параллелизм между династическими событиями II и III Латино-Эллино-Сирийско-Египетской империи.

«В самом конце ее, — говорит мой критик (стр. 175, строка 26), — вместо одного Каракаллы мы читаем: Марк-Аврелий-Антонин-Каракалла», и Н. М. Никольский ставит в скобках знак неожиданного изумления (!?). Выходит из его слов как будто я вместо одного Каракаллы выдумал *четырёх* царей! Но здесь и я уже готов поставить даже два знака неожиданного изумления. Неужели профессор истории Н. М. Никольский еще не знает, что Каракаллою и назывался Марк-Аврелий-Антонин,

и что такое его прозвище было дано ему лишь после того, как он ввел при своем дворе франкскую накидку, называвшуюся каракаллой?.. Предлагаю посмотреть в любом энциклопедическом словаре.

«Сопоставляя таким образом тождественные таблицы (Морозова), — торжественно заявляет автор, — можно доказать, что не только любых русских, французских, немецких, английских государей не было, но что и они являются только псевдонимами римских императоров от Аврелиана до Ромула Августула». А я на это отвечу:

— Если вы, многоуважаемый Н. М., — делаете такое отождествление не только на словах, но и на деле, то я обещаю вам взять назад все, что я написал в своей книге, и даже объявлю всю математическую теорию вероятностей, на которую тут я ссылаюсь, за простую шутку Якова Бернулли, а до тех пор буду твердо оставаться на своей позиции в полной уверенности, что ни мне, ни Якову Бернулли, никогда не дождаться такого посрамления.

Этим я и закончу свой ответ на историческую часть критики Н. М. Никольского, в ко-

торой его, как профессора истории, надо бы считать более компетентным, чем меня, никогда не претендовавшего на эту кафедру. Перейду на минуту к историко-астрономической части. Н. М. Никольский не сомневается, что в моих астрономических вычислениях нет ошибок, но продолжает повторять сотни раз уже повторявшееся и сотни раз опровергавшееся мною возражение моих оппонентов, будто я неправильно *толкую* апокалиптических коней, как планеты, хотя сам же говорит далее, что такими считают их и ассирологи, вроде Иеримиаса (над изучением которого, так же, как и Куглера и Эппинга со Штрассмайером я потратил немало времени, прежде чем решился вычислять время клинописных планетных констелляций).

Автор почему-то предполагает, что я не знаю о том, что в вавилонских текстах слово Мардух обычно толкуется как Юпитер, но иногда его толкуют и как Меркурий, что слово Ниргал принимают в одних случаях за имя Марса, а в других за имя Сатурна и т. д. Но — увы! — после многих десятков или даже не одной сотни напрасных проверочных вычис-

лений, я убедился, что эта путаница названий принадлежит совсем не месопотамским астрономам, а их толкователям, и даже определил, как она произошла.

Ассириолог, нашедший клинописный документ, приходил к заключению, большею частью путем сопоставления с опровергаемой мною теперь библейской хронологией, что он принадлежит, например, царствованию Набунасаара. Он дает его копию астроному с просьбой определить время, когда указанные там Мардух, считаемый за Юпитера, Ниргал, считаемый, положим, за Марса, Ниниб, считаемый, положим, за Сатурна и т. д., были в указанных для них созвездиях. Астроном вычисляет и говорит, что такой планетной констелляции в данный ему промежуток времени не было. Как тут быть? Перенести царствование Набунасаара в другие века ассириолог принципиально считает невозможным, так как это повлекло бы разрушение всей установившейся веками хронологии. Остается один выход: «автор клинописи, хотя он и профессиональный астроном-наблюдатель, перепутал имена планет».

— Не выйдет ли чего-нибудь подходящего, — говорит он астроному, — если (говоря для наглядности по-русски) Юпитером клинописец называет Марса, Марсом Сатурна и так далее?

Астроном проверяет снова движения планет за указанный ему промежуток времени, и так как планеты разнообразно перемещаются по небу, то непременно и находит в том или другом году нечто подходящее при том или ином переименовании планет. Задача считается решенной, а относительно месопотамских астрономов устанавливается приведенное Н. М. Никольским мнение, будто они не знали твердо даже и имен семи планет. Но если они даже этого не знали, то что же они знали по астрономии? Выходит, что абсолютно ничего. А о цветах планет и говорить уже нечего. Все мы скажем, что Юпитер всегда бел, что Меркурия редко можно видеть и потому он правильно считался темным или черным, подобно новолунному месяцу, а когда удастся его видеть, то он всегда красноват.

Но вот Н. М. Никольский напоминает мне, что в «восточной символистике одной и той

же планете (о, ужас для современного астронома!) приписываются разные цвета, например, Юпитеру — то желтый (!), то белый, Меркурию — то голубой (!), то черный, то белый (!)». Но ведь это для меня все равно, что сказать: «в восточной символистике европейцу приписывается то желтый, то черный цвет лица, негру — то белый, то голубой, а китайцу не только желтый, а иногда и зеленый и фиолетовый». И если ни один серьезный древний этнограф не мог сказать такой дикой вещи о цветах человеческих рас, то и ни один древний астроном не мог сказать о планетах то, что приписывает им Н. М. Никольский со слов невежественных лиц, для того, чтобы скомпрометировать в глазах людей, никогда не интересовавшихся ночным небом, мои отождествления планет по цвету в главах об Апокалипсисе и пророках.

И я покажу в следующих томах моего исследования «Христос», что старинные месопотамские, египетские и греческие астрономы хорошо знали цвета своих семи планет и твердо помнили их имена, и мы не найдем у них никакой путаницы ни имен, ни цветов,

если отнесем и клинописи, и египетские иероглифы в ту же позднюю эпоху, в которую я отнес царства израильское и иудейское. А теперь я перейду к другим астрономическим опровержениям Н. М. Никольского.

«Белый конь (апокалипсиса), — говорит он, — действительно может быть Юпитером, но может быть и Венерой» (стр. 164).

— Но ведь Венера, — восклицаю я с недоумением, — не отходит далеко от Солнца. Она не может быть в созвездии Стрельца, в котором показан Белый конь, когда солнце находится на противоположной стороне неба, в Деве, с чем соглашается и Н. М. Никольский, цитируя XII главу Апокалипсиса, где говорится, что в тот же самый день автор Апокалипсиса видел на небе «Деву, одетую Солнцем, под ногами которой была Луна».

Я еще в 1907 году показывал в первом издании своей книги «Откровение в грозе и буре» невозможность тут другого выбора между двумя белыми конями, кроме моего выбора, повторяя это в каждой новой статье или лекции по этому предмету, а мне вновь и вновь предлагают это же самое, с самого начала

предусмотренное мною и опровергнутое, возражение, как сказку о белом бычке.

«Черным конем, — говорит далее мой оппонент, — мог быть не только Меркурий (как у меня), но и Сатурн».

— Постольку же, — отвечу я, — поскольку и негр мог быть китайцем. И если бы астрономы стали соглашаться на такие замены, то им ничего не осталось бы делать, как вывесить на дверях своих обсерваторий известное выражение Кузьмы Пруткова: «Если на клетке, в которой сидит лев, написано: собака, то не верь своим глазам».

«На обязанности Морозова, — говорит Н. М. Никольский, — раньше вычисления лежало доказать, что конь Черный — Меркурий, а не Сатурн».

Но по счастливой для меня (и несчастной для моего оппонента) случайности, на мне как раз и не лежало такой обязанности. И Меркурий, и Сатурн в Апокалипсисе указаны в одном и том же месте: близ промежутка между созвездием Весов и клешней Скорпиона под ними, так что принял бы я тут Меркурия за Сатурна или наоборот, вычисление

времени дало бы мне тот же самый 395 год 30 сентября, какой и вычислил я по своему первому отождествлению.

Так рассыпаются и остальные, чисто астрономические, опровержения Н. М. Никольского. Чтобы не задерживать читателя, перехожу к филологической части.

Само собой понятно, что я никогда не претендовал и на кафедру восточной филологии. Латинский и греческий языки я знаю давно. С еврейским языком и, главным образом, с учением о корнях и значениях слов я ознакомился во время годовичного заключения в крепости за стихи в 1912 году. Но у меня есть важное преимущество перед самыми глубокими филологами при чтении астрономических мест. Я ясно представляю описываемую в них карту неба, а они — нет. Я при переводе употребляю правильный астрономический термин, а они большею частью придумывают, не понимая, такое словечко, что разинешь рот от изумления. Во всех случаях, когда переписчик искажил астрономическое слово, я легко реставрирую его по ясному для меня существованию всей фразы, а это очень важно при исследовании

довании древних документов, изъеденных переписчиками, как червями.

Для иллюстрации этого приведу хоть такой бывший со мною случай.

Несколько лет тому назад ко мне пришел один знакомый с журналом «Научное Обозрение», издававшимся когда-то д-ром Филипповым, и с недоумением показал мне в нем такую фразу одного из наших профессоров ботаники: «При чисто логическом исследовании семи почек этого растения мне удалось выяснить его первоначальное развитие».

— Каким образом, — спросил он, — было можно исследовать почки растения исключительно одним логическим путем и зачем нужно было взять для этого именно семь почек?

Я на минуту тоже остолбенел, но затем расхохотался, так как когда-то занимался ботаникой.

— Это наглядный пример того, — ответил я, — что выходит, когда не знающий предмета человек приложит к нему свою руку. В ботанике существует термин семяпочка (т.е. семенная почка), а наборщик и корректор ис-

правили это неизвестное им слово в семь почек; а *гистологическое* исследование ее превратили в чисто логическое, и вышла невообразимая чепуха.

Имел ли я право, не претендуя на кафедру ботаники, поправить так статью одного из наших ученейших ботаников?

Я думаю, что и Н. М. Никольский не выразит мне за это порицания. Но почему же нападает он на меня, когда такие же поправки по смыслу я делаю (и в этом случае уже по прямой своей специальности) в явно искаженных переписчиками астрономических фразах Библии, и называет это новым своевольным переводом? Ведь только что цитированная мною статья с семяпочками была лишь в первом воспроизведении рукописи автора, а первоначальные рукописи Библии переписывались одни с других последовательно сотни раз, прежде чем дошли до печатного станка, и потому можно себе представить, сколько различных семяпочек пустило в них свои ростки! Переводить Библию, не реставрируя ее темных фраз по смыслу, совсем нельзя.

Я не хочу переписывать здесь всех филологических опровержений Н. М. Никольского, чтобы не отпугнуть читателя дрене-еврейскими словами, и ограничусь только одним примером.

В русском переводе Библии есть книга «Паралипоменон». Почему ни славянские, ни русские переводчики не решились перевести на свой язык это греческое слово, хотя и перевели названия всех других книг вроде Бытия, Исхода, Чисел, и т. д.?

Почему и в западно-европейских языках это греческое название заменили другим, греческим же, словом «Хроника», хотя это и странно? Ведь если бы греческий автор имел в виду такое название для своей книги, то и назвал бы ее сам хрониконом, а не паралипоменоном, имеющим совсем другой смысл. Старинные ортодоксальные теологи, а следуя им, и Н. М. Никольский, производят это слово от греческого *паралейно*, т.е. презираю, пренебрегаю.

Но назвать презренными делами историю самого «народа бо-жия», составляющую содержание этой книги, конечно, очень странно, и

потому понятно, что западные теологи подменили в ней одно греческое название другим греческим же, а восточные народы предпочли оставить его без перевода. Лингвисты с натяжкой толкуют, что название паралипоменон надо переводить не «презренные», а «забытые дела». Но в этом случае является другой вопрос: если эта книга была написана, когда вся история «народа божия» была уже забыта, то откуда же ее автор взял свои сведения? Для моей теории позднего происхождения библейских книг было бы чрезвычайно полезно уцепиться за такое название, но я не позволил себе это сделать, потому что не мог найти никаких указаний на то, что слово *паралейно* значило не «презираю», а «забываю», для чего у греков есть специальное слово. Мне пришло в голову, что может быть паралипоменон происходит от *паралос* — приморский и *ипомене* — бдение (или от *ипомнема* — воспоминание, запись). Выходило: приморские бдения (или приморские записи), как будто эту книгу нашли в приморском городе. Кроме того, ведь, для летописи есть на еврейском языке специальное слово *сфр-е-зкру-нут*

(seipher hasichreines) — памятная книга, так почему же и по-еврейски книга Паралипоменон называется не этим именем, а *дбри-имим*, что по первоначальной транскрипции без пунктуации можно перевести и «дневные слова» (jomim) и «приморские рассказы» (jamim)? Почему, кроме того, и из книги Есфирь (6.1) видно, что этим именем называлась лишь одна из летописей? Стараясь согласовать греческий и еврейский тексты и сверх того, видя, что по содержанию эта книга не более походит на летопись, чем и История Государства Российского Карамзина, я и остановился на нейтральном названии «Приморские рассказы».

Но я в высшей степени охотно принимаю перевод Н. М. Никольского, это даже вода на мою мельницу. А так как у меня есть данные подозревать, что книга Паралипоменон написана первоначально по-гречески и лишь потом переведена на еврейский язык (почему и попала в самый конец еврейской Библии), то я охотнее всего буду называть ее «Книга о давно забытом».

Отсюда видно, что если я и перевел ее на-

звание неправильно, то не потому, что бы не знал, что значит по-еврейски *имим*, а лишь потому, что знал об этой книге и ее именах более, чем нужно.

Точно то же вышло и с моим производством слова Юпитер от Ju-Pater, т.е. Иегова-Отец. Ведь слово Иегова постоянно сокращается в еврейском словопроизводстве Ju, а слово Pater по санскритски даже и пишется Piter; да, кроме того, и по-еврейски есть слово *Петер* — от глагола «освобождать», так что имя Юпитер можно считать целиком за еврейское и переводить Иегова-Освободитель.

Что же касается до упрека меня в том, что я перевожу греческое слово *скотос* словом «затмение», то правильность этого перевода видна из евангелия Луки, в котором к нему прибавлена фраза: *кай ескотисте о элиос*, т.е. «и затмилось солнце», при чем «*ескотисте*» есть лишь глагольная форма прошедшего времени от того же слова *скотос*, а вся прибавка Луки вызвана тем, что это евангелие писалось через несколько столетий после указываемого мною лунного затмения 21 марта 368 года, а потому и событие преувели-

чилось.

Точно так же неубедительно для меня и приводимое Н. М. Никольским утверждение некоторых старинных писателей, будто вавилоняне делили день и ночь всегда на 12 неравномерных часов, так как на словах это легко сказать, а исполнить на деле невозможно. Хотя в длине летних и зимних ночей и дней в Месопотамии и меньше разницы, чем у нас, но все же летние дни там длинее зимних часа на четыре, а ночи наоборот. По солнечным часам считать неравномерными часами нельзя, так как тень шеста идет равномерно, а водяные часы пришлось бы устраивать таким нелепым способом: составить 183 банки различной величины, вместимость каждой разделить на 12 частей; в день летнего солнцестояния подставить на восходе солнца самую большую банку, калиброванную так, чтобы она вся наполнилась к закату солнца, а на закате подставить тотчас самую маленькую, калиброванную так, чтобы наполнилась целиком за ночь к восходу. При следующем восходе солнца подставить следующую денную баночку, поменьше, калиб-

рированную специально для этого дня, потом ночную для этой ночи, и так в продолжение полугода, после чего баночки пойдут обратным путем. Какой сумасшедший стал бы проделывать все это, когда у него уже имеются удобные для него равномерные солнечные, песочные и водяные часы?

Как может автор хоть на минуту поверить этой глупой басне средневековья и предлагать ее мне, как опровержение основ моего вычисления времени столбования евангельского магистра оккультных наук, воскрешающего мертвых и превращающего воду в вино? А относительно тогдашнего счета времени с вечера прямо говорится, что еврейские сутки начинались, как и теперь, с вечера: «и был вечер и было утро первых суток». А против того, что Василий Великий был привязан к столбу еще с утра, я ничего не имею: столбованные мучились раньше, чем умирали, и по нескольку суток. Резюмирую же все сказанное.

Из всех опровержений Н. М. Никольского я могу согласиться только с тем, что название *паралипоменон* лучше производить от грече-

ского *паралейно* — «презирать» и озаглавить эту книгу: повесть о делах давно презренных и забытых современниками ее автора. И больше пока ни с чем. Некоторые из его возражений, вроде Каракаллы, можно возвести в анекдот. Такие неосторожные вещи можно говорить только в страстном полемическом увлечении на митинге по пословице: «мое слово не воробей, вылетит — и ты его не поймаешь», а не закреплять за собою печатным станком. Остальные же его возражения безусловно опровержимы или устранимы, как не имеющие ровно никакого значения для прочности моих основных выводов.

Н. М. Никольский напрасно иронизирует, говоря, что я только из скромности не ввел в лестницу человеческой культуры и своего «астрономического переворота в исторической науке». Этот переворот, несомненно, произойдет и без меня, и не по вине одной астрономии, а и всего естествознания. Падение клерикализма в XX веке неизбежно приведет и к падению созданной им ортодоксальной древней истории. Новая история останется, конечно, как была, а средневековая силь-

но обогатится за счет обломков псевдо-древней и осветится ими, как нечто закономерное, возможное для теоретической обработки.

Я с нетерпением жду действительно научного и беспристрастного обсуждения моей книги. Я вполне допускаю, что некоторые второстепенные положения, выдвигаемые в ней, в процессе критической обработки ее другими окажутся поколебленными. Ведь в данном случае речь идет не о математически доказываемой теореме и не о непосредственно наблюдаемых явлениях человеческой жизни, а о давно минувших событиях, на которые мы смотрим через искажающие их призмы веков. Но я уверен, что под развалинами разрушаемого мною искусственно созданного здания древней истории будущие исследователи найдут новые факты, которые убедят всех и каждого, что я не напрасно потратил долгие годы для того, чтобы стряхнуть с хартий веков накопившуюся на ней пыль.

Николай Морозов.

Новый мир, 1925, № 4, стр. 133-143.

Х. Н. А. Морозов. Как я пришел к своей

теории преемственной непрерывности человеческой культуры

Глубокоуважаемое собрание!

В повестке настоящего дня сказано, что в конце его будет мое заключительное слово: «Как я пришел к выводам, изложенным в моей книге „Христос“».

Но это не совсем верно.

Лучше бы сказать не «как я пришел», а как необычайные условия моей научной деятельности против моей собственной воли привели меня к новым взглядам на историю человечества, причем мне часто приходилось вступать в тяжелую борьбу со всем своим прежним мировоззрением и сдирать его болезненно с себя, как будто приросшую кожу.

Вот что я писал еще в 1927 году в предисловии к третьему тому «Христа»:

«Этому моему исследованию я дал название „Христос“ понимая его не в смысле одного евангельского Иисуса, а в общем смысле: Посвященный в тайны оккультных знаний. Так это и употребляется в науке по греческому смыслу, например, в книге Робертсона, т.е. Языческие Христы.

Это мое исследование было задумано мною еще в уединении Петропавловской крепости.

А написано оно было в разгар общественной бури, когда все кругом как бы рушилось словно при землетрясении.

Вот почему и вся эта работа похожа на статую, вырубленную топором из мягкого мрамора. Но все же она — законченная статуя и имеет сходство с былой действительностью. А прежние повествования древней истории представляют собою простой мираж, показывающий нам роскошные висячие сады Семирамиды в таких местах минувшей пустыни, где в действительности ничего не было, кроме груд песку, да прослойка чахлой растительности».

Так я писал еще в 1927 году, а теперь прибавлю только, что вся моя жизнь с ее многочисленными превратностями, как будто нарочно готовила меня к разбираемому теперь труду.

Еще в ранней юности я увлекался астрономией и лазил с подзорной трубой на крышу своего дома, чтоб наблюдать небесные свети-

ла, и так запомнил все небо, что представлял его с закрытыми глазами.

Я заинтересовался и геологией, и физикой, и математикой, и органической природой и еще гимназистом исполнял недалекие командировки по поручению тогдашнего ректора Московского университета геолога Щуровского и в геологическом кабинете Московского университета до сих пор хранятся несколько найденных мною редких окаменелостей.

Одним словом, я готовился стать естествоиспытателем, а из меня насильно хотели сделать филолога, и отдали в классическую гимназию, представлявшую в семидесятых годах XIX века настоящий институт древних языков, которые мне и пришлось усвоить.

Но вот и эта полоса моей жизни прервалась. Началось студенческое движение в народ. Я почувствовал в себе долг бороться с самодержавным и клерикальным гнетом того времени и в результате на мою квартиру пришли жандармы, чтоб посадить меня в тюрьму. Я скрылся, прожил несколько месяцев, разыскиваемый по всей России, как опасный политический преступник, и наконец был по-

слан товарищами в Женеву редактировать задуманный нами революционный журнал «Работник».

На этом новом пути своей жизни я почувствовал необходимость пополнить свое образование по общественным наукам и перечитал всю тогдашнюю литературу, среди которой «Капитал» Маркса произвел на меня особенно сильное впечатление.

Затем я тайно возвратился в Россию, где был тотчас же арестован, просидел три года в предварительном одиночном заключении, куда мои друзья доставляли мне нужные книги по истории, социологии, языковедению и т.д. Я прочел там и Шлоссера, и Момзена, и Вебера, но несмотря на то, что и тогда был уже эволюционистом, мне еще и в голову не приходило усомниться в существовании древних культур, так все казалось хорошо известным с незапамятных времен.

В 1878 году меня выпустили наконец на свободу, но сейчас же захотели сослать в отдаленные места. Меня предупредили, я скрылся, участвовал в тогдашних заговорах, но главным образом редактировал подполь-

ные журналы «Землю и Волю» и «Народную Волю». Затем я снова уехал за границу, где был в числе редакторов «Социально-революционной Библиотеки». Потом опять я возвратился в Россию, снова был арестован и посажен на всю жизнь в одиночное заточение скачала в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, а затем в Шлиссельбург без права иметь какие-либо сношения с внешним миром.

Мне не давали два года ничего читать, а затем, вообразив меня, вероятно, уже достаточно приспособленным к восприятию православной веры, дали изучать Библию по французской книге, так как русские библии все были уже розданы другим товарищам, а эта осталась очевидно еще от декабристов, потому что помечена 1815 годом.

И тут произошло то, чего мои тюремщики и не ожидали.

Если б я, хотя и оставаясь свободомыслящим, приступил к чтению Библии без предварительной астрономической подготовки, то и я, как и все другие читатели, ничего бы в ней не понял, и счел бы ее мистические образы за

простые фантазии.

Но на несчастье для моих тюремщиков я даже и в четырех стенах своей кельи так ясно представлял себе по юношеским воспоминаниям все звездное небо и все движения по нему планет, как если бы они происходили перед моими глазами.

И вот, когда я прочел в Апокалипсисе слова автора: «Я увидел на небе Деву, одетую Солнцем, под ногами ее была Луна, а над головою ее венок из двенадцати звезд», мне представилась не какая-нибудь прекрасная мистическая девушка с солнцем на груди вроде медальона, а созвездие Девы, в которое, как я и сам не раз наблюдал в сентябре, входило солнце, одевая ее своими лучами, а под ногами ее мне ясно представилась Луна, как это бывает каждый год после сентябрьского новолуния, и над головою ее, как венок, мне представилась кучка тесных звездочек, называемых теперь Волосами Вероники.

А когда я прочел слова: «Вот вышел на небе Конь Красный и сидящему над ним дан в руки меч», то мне, уже знавшему, что Красным Конем (по-египетски Гор Тезер) называ-

лась планета Марс, ярко представился не какой-то рыцарь на сказочном Красном Коне, а Красный Марс, над которым находилось созвездие Персея, держащего в руке полосу звезд, называемую его мечем, как это происходит и теперь через каждые два года.

Со все возрастающим интересом начал я пересматривать в Апокалипсисе и другие места, и вновь и вновь узнавал в них давно знакомые мне картины неба.

«Вот вышел на небо Конь Бледный и сидящему на нем имя Смерть», — читал я — а моему воображению представлялся совсем не скелет, на каком-то невиданном бледном коне, а бледноватая планета Сатурн, в сидящем на ней всаднике я узнавал созвездие Скорпиона, астрономический символ смерти, в которое Сатурн входит через каждые двадцать девять с половиной лет.

Я читал далее.

«Вот вышел на небо Конь Темный и сидящему на нем были даны Весы», — и мне ясно представлялась большею частью невидимая планета Меркурий под созвездием и до сих пор называемым Весами.

Я читал еще: «Вот вышел Конь Ярко Белый и сидящему на нем даны в руки Лук и Венец». А я снова видел яркую белую планету Юпитера в созвездии Стрельца, в руке которого одна полоска звезд и до сих пор называется луком, а под ним группа звезд и до сих пор называется Южным Венцом.

С нетерпением я читал далее и во всех без исключения псевдомистических образах Апокалипсиса узнавал созвездия неба. Ничего мистического в нем не оставалось, а только самая обычная астрономия.

— Но почему же никто из ученых не указал этого до меня? — думал я, и находил только один ответ: теологи никогда не наблюдали звездного неба и не читали астрономии, а если и читали и видели, что тут описаны планеты и созвездия, то скрывали, чтоб не соблазнять верующих.

А астрономы, очевидно, не читают Библии, как не читал бы ее и я сам, если б мне не дали ее насильно.

Я стал с интересом читать и другие библейские книги и увидел в них много таких же ярких астрономических картин, выдаваемых

за мистические.

И тут же мне, как уже знакомому с небесной механикой, пришла в голову мысль, что такие сложные сочетания планет, какие тут описаны, не могут повторяться чаще, чем через тысячу лет, если не более.

— Тут мы имеем — думал я — верный способ установить точную хронологию библейских книг.

Мне с нетерпением хотелось за это приняться, но для этого у меня не было опоры, т.е. точного описания положения всех планет в каком-нибудь уже известном году, да и бумаги с карандашом для вычислений мне не давали.

Так прошло целых пятнадцать лет в ожидании, и я их употребил на другие занятия и в частности прошел весь богословский факультет, так как кроме Библии мне дали читать еще «Жития святых», «Творения святых отцов», «Историю православной церкви», «Богословие догматическое», «Богословие полемическое» и т.д.

Наконец, мне разрешили иметь тетрадки и карандаш, и я получил курс астрономии

Хандрикова, где были приведены положения планет, кажется на 1875 год, и даны точные времена их гелиоцентрических обращений.

Этого было для меня достаточно, и я сейчас же принялся за вычисление времени Апокалипсиса по придуманному мною способу просеивания планет друг через друга.

Я взял указанные в нем положения Сатурна в Скорпионе и Юпитера в Стрельце и убедился, что такой их комбинации не было не только в первом веке, куда его относили, но даже и за триста лет до того. Я стал вычислять для второго века нашей эры, опять ничего не оказалось: в третьем веке — тоже, и лишь в четвертом веке в 395 году это осуществилось. А положение Солнца в созвездии Девы и Луна под ее ногами указали и день — 30 сентября 395 года.

Еще не веря своим глазам, я несколько раз повторил свои вычисления и убедился, что мое решение единственное за весь тысячетлетний промежуток времени взад и вперед от так называемого Рождества Христова.

Мне захотелось проверить свой результат и другими способами.

— Если мое решение верно, — думал я — то день 30 сентября будет Воскресенье, как указано с самым Апокалипсисе.

Я вычислил и оказалось Воскресенье.

— Если мое решение верно, — повторил я — то Марс будет под созвездием Персея, Меркурий в Весах, Венера в ногах Девы... Я сделал нужные вычисления и все оказалось так. Сомнений не могло быть. Я сделал расчет по теории вероятностей, и он показал мне, что если б эту картину не списал с неба автор Апокалипсиса, а нафантазировал ее, или я сам нафантазировал взамен его, напрасно отождествив коней с планетами, то мы могли бы сделать несколько миллионов таких фантазий ранее, чем хоть одна из них совпала бы с описанным здесь сочетанием семи небесных светил с двенадцатью созвездиями Зодиака в воскресный день.

— Но как же теперь быть с историческими традициями? — думал я. — Какой Иоанн Астролог мог быть в 395 году?

Было ясно: только автор христианской литургии Иоанн Златоуст, который вслед за тем стал Византийским патриархом.

— А как же быть со всеми оригенами, киприанами, евсевиями и другими авторами первых трех веков уже многократно цитирующими Апокалипсис, написанный после них?

Я сам понимаю основные причины недоверия к моему труду. Когда-то, тотчас после выхода из Шлиссельбургской крепости, я напечатал в 1907 году мое исследование «Периодические системы строения вещества». Я дал в нем впервые научно-обоснованную теорию сложности химических атомов, указав на необходимость вхождения в них электронов и гелия, как основных компонентов, и указал необходимость химических изотопов в виде разомкнутых и циклических структур. Но в то время ученые считали еще атомы абсолютно неразложимыми, меня никто не знал как химика и потому первые критики обсуждали мою книгу тоже не по существу, и не раз я слышал вместо возражения: как мог он изучить химию, просидев почти всю жизнь в одиночном заточении. Что путного может он сказать? Не стоит даже и читать его книгу (тем более, что она была полна сложных

структурных химических формул).

Только потом, когда действительно были доказаны экспериментально и сложность атомов, и присутствие в них гелия, и сами изотопы, отношение к моим химическим и математическим книгам совершенно изменилось. И вот, аналогичное отношение проскальзывало до сих пор и у всех впервые увидавших мою книгу, где на историю культуры высказываются совершенно новые взгляды и где она рисуется много более молодой, чем обычно думают до сих пор. Никто не хотел верить, что в 28 лет упорного ежедневного труда и размышления можно было кое-чему научиться и кое-что обнаружить даже и в темнице, особенно после того, как и до нее человек посвящал с 12 лет почти все свое время как естественным, так и общественным наукам. А о том, что после освобождения я получил возможность пользоваться для своих работ на дому богатым материалом Академической, Пулковской обсерватории и Государственной публичной библиотеки, по-видимому, никто из моих критиков даже не подозревал.

Заключительное слово Николая Морозова на собрании, созванном в Институте инженеров по инициативе В. Р. Мрочека, в 1928 году.

Архив РАН, Ф.543, оп.1, ед. хр. 489.

XI. Н. А. Морозов. В защиту реализма в исторической науке. Коротенький ответ нападающим на мою книгу «Христос».

«На несерьезную критику

Не может быть и серьезного ответа».

Немало «опровергали» непечатно это мое исследование, но всякий раз, когда мои, еще немногие тогда, сторонники спрашивали моих порицателей: «Читали ли вы эту книгу?» — ответ был один и тот же: «Не читал, да и читать не хочу». В печати же жестокие нападки были главным образом тотчас после выхода первого тома «Христа», когда научная твердость моей позиции еще недостаточно выяснилась, и потому мои критики находились в том же положении, как и те, которые бранили меня непечатно.

Только теперь, когда с выходом четвертого тома «Христа» уже достаточно обнаружилось как методы, так и сущность моего исследова-

ния, я впервые считаю возможным серьезное обсуждение в нашей печати затронутых мною культурно — исторических вопросов даже и ранее того времени, когда скажет о них свое решающее слово Heer Professor D-r Deutsch, которому я и отдаю свой долг уважения.

Теперь уже всякий может видеть, что дело у меня идет не об одном евангельском Христе, а о всей истории человеческой культуры в древности и в средние века, которую я хочу поставить на естественно — научные основы. Ведь облик основателя христианской религии является у меня здесь только тем, чем бывает небольшая человеческая фигура среди картины, изображающей обширный ландшафт — и служащая для его оживления.

Основная же задача всей моей работы, это — осмысление истории человечества.

Я сам понимаю основные причины недоверия к моему труду.

Когда-то, тотчас после выхода из Шлиссельбургской крепости, я напечатал в 1907 году мое исследование «Периодические системы строения вещества». Я дал в нем впервые

научно-обоснованную теорию сложности химических атомов, указал на необходимость вхождения в них электронов и гелия, как основных компонентов, обнаружил необходимость существования химических изотопов в виде разомкнутых и циклических структур у атомов, как у углеводородных радикалов, а также показал необходимость существования в природе нейтральных газов типа аргона и указал их атомные веса.

Но в то время ученые считали еще атомы абсолютно неразложимыми, меня никто не знал как химика, и потому первые критики обсуждали мою книгу тоже не по существу, а как теперь моей исторический труд, и не раз я слышал вместо возражения лишь вопрос: «Как он мог изучить химию, просидев почти всю жизнь в одиночном заточении? Что путного может он сказать? Не стоит даже и читать его книгу (тем более, что она была полна сложных структурных химических формул)».

Только потом, когда действительно были доказаны экспериментально и сложность атомов, и присутствие в них гелия, и сами изотопы, и нейтральные газы, отношение к

моим химическим и математическим книгам совершенно изменилось.

И вот, аналогичное отношение проскальзывало до сих пор и у всех, впервые увидевших мою книгу «Христос», где на историю культуры высказываются совершенно новые взгляды и где она рисуется много более молодой и последовательной чем обычно думают до сих пор. Никто не хотел верить, что в 26 лет упорного, ежедневного труда и размышлений можно было кое-чему научиться и кое-что обнаружить даже и в темнице, особенно после того, как и до нее человек посвящал с 12 лет почти все свое время как естественным, так и общественным наукам.

А о том, что после освобождения я получил возможность пользоваться для своих работ на дому богатым материалом Академической, Пулковской обсерваторской и Государственной публичной библиотек, по-видимому, никто из моих критиков даже и не подозревал.

«Нужно полное незнакомство с данными этнографии, археологии, фольклористики и большая самоуверенность, чтобы писать такие книги», — авторитетно восклицает один

критик, вместо возражений по существу дела. А другой, очевидно, не читавший его, восклицает наоборот: «Добрая часть третьего тома посвящена языку. И чего только в этих главах нет! И древняя кабалистика, как предчувствие грядущего могущества слова, и музыка речи, и человеческое слово в естественно-научном освещении, и фонемы и лингвистические спектры, как средство отличия плагиатов от истинных произведений известных авторов и для определения эпохи. Одним словом, чего хочешь, того просишь».

Одним словом, у меня вдруг оказались и этнография, и археология, и фольклористика! А по основному предмету моего исследования нигде не было никаких возражений, за исключением одной статьи проф. Н. М. Никольского «Астрономический переворот в исторической науке», единственного ученого, пытавшегося критиковать мою книгу по существу, за что я ему сердечно благодарен.

А другие просто хотели заткнуть мне рот. «Хватит ли у Ленгиза терпения для издания шести остальных томов?» — восклицал один рецензент после выхода первого тома. «Мож-

но только искренне удивляться, — восклицал другой, подписавшийся „Историком“ в „Книгоноше“, — как Государственное издательство тратит деньги в бумагу на издание подобного рода произведений! Прекрасно изданный, с массой никому(?) ненужных рисунков том в 700 с лишком страниц годится только на размолку (т.е. снова на бумагу)».

И я не знаю, не утопился ли бы я с отчаяния в Неве, читая такие перспективы для своей книги, если б «Постоянная комиссия Академии наук по истории знаний» под председательством академика Вернадского и с участием первоклассных историков не примирила меня с жизнью, избрав меня, несмотря на такое мое полное невежество в историй, своим членом, кажется недели через две после вышеприведенного смертного приговора надо мною «историка» из «Книгоноши», да и Государственное издательство не вняло этим мольбам, и вот я остался жив...

Но действительно ли не было до сих пор никаких серьезных попыток разобрать мою книгу по существу и без раздражения? Увы! Не было ни одной. Ведь дело сводилось на

простые мелочи, которые, в случае моего согласия с ними, я мог бы исправить в корректуре при втором издании моей книги, как простые опечатки. Но даже и из мелочей нет почти ни одной, с которой я мог бы согласиться.

Вот, например, нападают на мое указание, что в то время, как существующие до сих пор греческие и латинские имена имеют обыкновенно похвальное значение (Виктор — победитель, Александр — Доблестный человек, София — мудрость), классические имена часто поражают своим смешным смыслом: Марк Цицерон — значит Увядший горох, Брут — скотина, Ксантиппа (жена Сократа-Спасителя Власти) — Гнедая Кобыла, Пифия — вонючка, Пифагор — оратор вонючего собрания и т.д.

Стараются показать, будто я привожу это как издевательство над классиками, а если читатель прочтет мою книгу, то сам увидит, что я привожу это не в насмешку а только в доказательство позднейшей продуманности этих имен. Тут надо не возмущаться, а показать, что эти имена имеют другой смысл. А ведь другого перевода, кроме этого моего,

негде нет и быть не может.

А вот и еще другой критик (от которого можно было ожидать лучших результатов) возмущается моим толкованием апостола Петра, описанного в «Деяниях Апостолов», которого в своих «Звездных песнях» я изложил даже в стихах:

*Из Фраскаты в старый Рим
Вышел Петр — астролог...[435]*

Мой критик говорит, что этот сон надо понимать фигурально. «Апостол Петр, — поучает он читателя, — иудей, и должен проповедовать среди язычников. Борьба с ними и победа образно описываются здесь в виде преодоления другого предрассудка — относительно употребления в пищу „чистых“ и „нечистых“ животных. Это бытовое толкование достаточно, а астрономическое без всякой нужды запутывает дело».

Но чем же запутывает? — спрошу я. И не больше ли запутывает дело это старое толкование? Да и чем хуже его мое изложение, включающее притом же и толкование моего критика? Епископ Петр, говорю я, до того

усердно занимался астрологией, что воображаемые им небесные звери, все эти созвездные Медведи, Драконы, козероги, Змеи и т.д., явились к нему, наконец, во сне и предложили отведать себя на вкус. После первого недоумения сон его был истолкован, как божье разрешение теологам заниматься астрологией.

А потом, когда через несколько веков астрология была отчислена в область бесовских наук, было применено и другое толкование, в смысле разрешения христианам есть свинину за одним столом с язычниками, как это и утверждает мой оппонент.

И все остальные замечания по существу отдельных мест моей книги так же легко устранимы, как и сон апостола Петра. На таких-то хрупких подпорках построены все возражения, приводившиеся до сих пор. Но разве дело в этих деталях? Ведь они — только орнаменты на большом здании, которое представляет моя многолетняя работа, выходящая теперь, так сказать, «под покровительством Христа», имя которого красуется на его обложке.

Ведь содержание моего исследования не ограничивается одним решением вопроса о том, произошло ли христианское вероучение, как думает Андрей Немоевский, самопроизвольным зарождением из ничего, или же, как думаю я, и оно произошло, как все живое, из яйца и что у него был некий индивидуальный основатель (Василий Великий), как у магометанства — Магомет, у иудаизма — Моисей и у буддизма — Будда (причем и эти имена — только прозвища, а соответствующие им личности окутаны легендами, как горные вершины облаками, до неузнаваемости).

Нет! Дело у меня поставлено много шире, чем простой вопрос о личности Христа.

Основная канва моей книги заключается в том, что культурная жизнь человечества и даже его отдельных народов не шла то назад, то вперед, как думают теперь историки, от расцвета к упадку и от упадка к расцвету, а двигалась непрерывающимся эволюционным путем, подобно развитию живого организма, хотя бы по временам, как доказывает академик Вернадский, и со «взрывами». Отрицать такие взрывы, конечно, нельзя.

Вспомним хотя бы Великую Французскую революцию или наши собственные недавние переживания. Тут надо только твердо помнить, что как ни болезненны бывают такие взрывы, но они всегда приводят общество в своем окончательном результате не на низшую, а на высшую ступень развития.

Так бывает и у каждого отдельного человека. Никто не будет отрицать, что начиная от оплодотворения человек развивается до взрослого состояния путем непрерывной эволюции, но в эту непрерывность всегда врывается момент рождения, до которого он жил внутри своей матери без дыхания и пищеварения, а потом вдруг попал в огромный мир, где у него внезапно появилось и то, и другое, и начали свою деятельность все органы внешних и внутренних чувств. Еще более это обнаруживается при метаморфозах у насекомых, да и в эволюционной теории Дарвина и Менделя включается уже теория мутаций.

А с этой точки зрения вся «современная древняя история» является противоестественной, так как для падения классических Греции и Рима, а также для падения древнего

Египта и Ассиро-Вавилонии мы не видим никаких геофизических, или метеорологических, или социологических причин. Не видим мы их и для возникновения на сирийском побережье и в Палестине культурных государств, вроде Финикии или Израильского царства, преимущественно перед Балканским полуостровом или Ломбардской низменностью, как несравненно более плодородными и поблизости от богатейших железных рудников, как первой основы человеческой культуры.

Ведь без железных орудий производства человек был бы еще более бессилен сделаться культурным существом, чем обезьяна, у которой вдвое более рук, чем у него.

Соответственно этому, в первом томе моей работы я показал главным образом, апокрифичность христианской церковной истории, во втором — апокрифичность раввинского мессианства, в третьем коснулся преимущественно неестественности латинского, древне-греческого, древне-арабского и других мертвых языков, которые выясняются там, как чисто литературные жаргоны Средневе-

ковья, никогда не бывшие народными говорами.

В только что вышедшем теперь четвертом томе я доказываю астрономическими методами апокрифичность всех наших классических писателей ранее IV века нашей эры, а в печатающемся теперь пятом томе я даю очерки реальной истории Греции и Рима со всеми их постройками и литературой, пользуясь уже не посторонними естественно-научными методами, а самими историками Средних веков и прежде всего замечательными исследованиями Грегоровиуса, изложенными в его замечательных книгах: «История города Рима в средние века» и «История города Афин».

В следующих томах, которые уже начерно были готовы ранее, чем я решился печатать первый том, обнаружилось (пока еще, конечно, только для меня), что и реальная история Египта начинается не с бесконечной давности, а только с Птолемея Спасителя, который при том же приходится на начало нашей эры.

А вся доптолемеевская история при астрономической разведке оказывается еще более поздней, чем Птолемей, и перебрасывается в

византийский период, причем гикосы, то есть древние арабские завоеватели Египта, отождествляются с его магометанскими завоевателями.

Да и история Китая оказывается не длиннее египетской, не говоря уже об Ассиро-Вавилонии, которая целиком обращается в миф, так как все многочисленные астрономические клинописи дали при моих вычислениях безусловно Средние века.

Казалось бы, что при таких обстоятельствах даже и теперь еще преждевременно серьезно критиковать мою более чем сорокалетнюю работу, которая является неожиданностью для публики только потому, что ранее того, как все семь ее томов были уже закончены начерно, я избегал говорить о ней с кем бы то ни было.

С этой точки зрения могло бы показаться, что даже и теперь преждевременно серьезно критиковать мое исследование. Однако, такое мнение было бы не совсем правильно. Если бы даже мое предстоящее омоложение Египта, Китая, Индии и Месопотамии с Тибетом и не выдержало впоследствии серьезной научной

критики, то это не имело бы никакого значения для моих выводов о молодости культуры на северном и восточном побережьях Средиземного моря.

Сравнительная молодость Греции и Рима, а также мифичность всех сказаний о царствах Израильском и Иудейском в Палестине, вместе с волшебной сказкой о древней Сирийской Финикии и о ее столицах Тире и Сидоне, настолько определились в первых четырех томах «Христа», что уже и теперь вполне возможно обсудить этот вопрос отдельно от соображений о древности или молодости крупных азиатских, африканских и американских культурных государств.

В деталях своих выводов я, конечно, могу ошибаться и я уже сделал во 2-м издании 1-го тома «Христа» те поправки, которые мне справедливо были указаны проф. Н. М. Никольским в его уже упомянутой статье «Астрономический переворот в исторической науке» — единственной, на которую до сих пор стоило отвечать. Но я думаю, что и он, если внимательно прочел остальные три тома моей работы, уже достаточно убедился, что ос-

новные положения моей теории непрерывности человеческой культуры и ее сравнительной молодости в Европе не так уж нелепы, как они могли ему показаться под первым впечатлением неожиданности, раньше, чем я успел привести все мои доказательства.

В своих исканиях я, как и он и все другие серьезные работники науки, независимо от их воззрений, ищу только истины и высказываю свои мнения и сомнения только после серьезного и всестороннего ознакомления с предметом. Но я все-таки не считаю себя непогрешимым и потому готов серьезно исправить каждую указываемую мне ошибку или привести причины, по которым я не считаю ее ошибкой.

Только теперь я могу это сделать много спокойнее, чем тотчас после выхода 1-го тома «Христа», когда ожесточенные призывы в печати и закулисно о прекращении издания дальнейших томов моего исследования Госиздатом, при фактической невозможности для меня отпечатать такую многотомную работу иначе, как через него, действительно могли низвести в область небытия вместе с моей

книгой и все достижения моего многолетнего
и никому неведомого труда.

Николай Морозов.

Правда. 9 мая 1928 г. № 106 (3938), стр. 6

ПЕТР — АСТРОЛОГ

*Из Фраскаты в старый Рим
Вышел Петр — Астролог.
Свод небес висел над ним,
Будто черный полог.*

*Он глядел туда, во тьму,
Со своей равнины,
И мерещились ему
Странные картины.*

*Петр сказал: «Не легок путь,
Утомились ноги».
И присел он отдохнуть
С краю у дороги.*

*Видит: небо уж не грот
С яркими звездами,
Это спущена с высот
Скатерть со зверями.*

В ней даны ему, как снесь,

*Гидры, скорпионы,
Козерог, центавр, медведь,
Змеи и драконы.*

*Он подумал: «Это — Бес!
Чортово глумленье».
Но услышал глас с небес:
«Ешь их во спасенье!»*

*«Что ты, Боже, мне сказал? —
Молвил Петр укорно, —
Никогда я не едал
Нечисти злотворной».*

*Но спустилась с высот
Скатерть еще ниже.
Лезут звери прямо в рот,
И все ближе, ближе!*

*Петр вскочил. — «Прескверный
сон!
Как тут разобраться?»
И спешил скорее он
До дому добраться.*

«ХРИСТОС» Николая МОРОЗОВА. Проспект. Государственное издательство. Л. 1930, 16 стр., тираж 4000 экз. (Дан вступительный текст, воспроизведены обложки, а также дано содержание I—VI томов).

Вступительный текст к проспекту:

«Сравнительно скромная тема о „Христе“, благодаря материалистическому методу обработки материала, разрослась у Н. Морозова в обширное исследование о всей истории человеческой культуры в древности и в средние века в Европе и Азии.

И это совершенно естественно, ибо применение материалистического метода в областях, искони принадлежащих идеалистическим и религиозно-мистическим течениям в научной мысли, должно было в корне расшатать все их здание, построенное вокруг Христа и истории древней и средневековой культуры. Этим и объясняется оригинальность, смелость и широта охвата работы Н. Морозова.

Несмотря на высокое научное содержание и оригинальность, исследование доступно всем интересующимся вопросами культуры,

религии и др. общественными дисциплинами».

Примечание.

В проспекте помещались обложки и оглавления всех шести вышедших томов «Христа».

Много лет Н. А. Морозов работал над фундаментальным трудом «История человеческой культуры в естественно-научном освещении». С 1924 по 1932 годы было опубликовано 7 томов этой работы объемом в 5906 страниц. Название вышедших томов — «Христос» — не вполне соответствует содержанию этого труда. По признанию самого Морозова, в этом труде «евангельский Христос играет небольшую роль, как одинокая человеческая фигура среди большой картины природы» (из предисловия к 5 тому)

В предисловии к 7 тому, вышедшему в 1932 году, Морозов писал:

«Основная задача этой моей большой работы была: согласовать исторические науки с естествознанием и обнаружить общие законы психического развития человечества на основе развития его материальной культуры, в основе которой, в свою очередь, лежит по-

степенное усовершенствование орудий умственной и физической деятельности людей» (стр. III).

В 1930 году Государственным издательством был выпущен проспект I—VI томов «Христа». Выше дан вступительный текст этого проспекта.

XIII. Н. А. Морозов, революционер — ученый. В. Р. Мрочек

В настоящем году, в июне, исполнилось 80-летие со дня рождения Николая Александровича Морозова и 60-летие со времени начала его революционной деятельности.

Сын богатого помещика Щепочкина и крепостной девушки Анны Морозовой, увезенной им в свое поместье Борок, где она прожила до самой смерти в 1919 г., Николай Александрович получил фамилию матери, так как родители не были повенчаны. Уже с детских лет, заинтересовавшись естествознанием, он стал им увлекаться, поступив во 2-й класс гимназии, и вскоре вместе с товарищами образовал тайное и затем и полуофициальное «Общество естествоиспытателей II Москов-

ской гимназии», Это были 60-е годы, годы увлечения в известных кругах естественными науками, особенно в России, когда в залах старого пассажа в Петербурге открылся первый своеобразный «Народный университет». Вскоре это направление в гимназиях сменилось новой волной классицизма по Дмитрию Толстому, но в обществе и среди юношества тем сильнее закрепились стремления к естествознанию.

Эти занятия теологией, химией и астрономией были первыми шагами всей дальнейшей научной работы Н. А. Морозова. Уже с 1871 г. гимназист, не по годам развитый и образованный, бегаёт на лекции в университет, становится «своим человеком» в геологическом, зоологическом музеях, работает в анатомическом театре. Он знакомится с рядом лиц, близко стоящих к революционному движению семидесятых годов и, наконец, весной 1874 г., входит в кружок «радикалов», как они себя называли, нигилистов — как их окрестило общество...

И уже в апреле Морозов бросает гимназию и уходит «в народ» вместе с другими пропа-

гандистами. Дальнейшая судьба Морозова — это судьба ряда других революционеров той эпохи. Нелегальное положение сначала в Москве, потом в Петербурге; поездка, по поручению организации, в Швейцарию в 1876 г. для участия в редакции журнала «Работник»; литературная деятельность в Женевском и Лондонском журналах; вступление в 1 Интернационал; нелегальное возвращение весной 1876 г. в Россию и арест на границе; скитание по тюрьмам то Петербурга, то Москвы вплоть до окончания знаменитого «процесса 193» в январе 1878 г. и наконец, призрачное освобождение, которым ряд революционеров воспользовался для перехода вновь на нелегальное положение.

Теперь Морозов очутился в центре подпольной работы. Он вступает в зарождающуюся организацию «Земля и воля», назначается одним из редакторов одноименного журнала вместе с Плехановым и Тихомировым, а затем — после Липецкого и Воронежского съездов — окончательно входит в террористическую партию «Народной воли» как член исполкома и редактор журнала «Народная во-

ля».

После ареста типографии в январе 1880 г. Морозов опять уезжает за границу, где занимается литературным трудом и слушает лекции на физико-математическом факультете Женевского университета. Из Швейцарии его посылают с особыми поручениями в Париж и Лондон, где он посещает Маркса и заручается его поддержкой в издании «Коммунистического манифеста» на русском языке. Отсюда он вторично едет в Россию и вторично арестовывается на границе, в 1881 г.

Опять тюрьмы... опять суд... приговор к пожизненной каторге. Но каторга уступила место одиночному заключению сперва в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, а затем — три года спустя — в каменном мешке Шлиссельбурга. В Шлиссельбурге Морозов просидел до 28 октября 1905 г., когда его неожиданно выпустили «на волю»... Из 20 народовольцев, осужденных в 1882 г., только трое дожили до 1905 г.

25 лет провел Морозов в одиночном заключении...

Лучшая картина его тюремных занятий —

отрывки из его писем.

«Уже более 10 лет я снова отдаю почти все свое время изучению естественных наук, к которым, как вы знаете, я еще в детстве имел пристрастие... Здесь я несколько лет занимался астрономией, конечно, без телескопа, по одним книгам и атласу; но на воле, еще до первого заключения, я одно время имел в распоряжении небольшую трубку и настолько хорошо помню наши северные созвездия, что по вечерам узнаю каждое из них вверху через окно».

«Года 2 или 3 я специально занимался здесь ботаникой, могу разводить цветы в крошечном садике, а для зимних занятий составил гербарий, в котором набралось более 300 видов растений. Кроме всего этого я занимаюсь постоянно теоретической физикой и химией и уже 4 или 5 лет имею хороший микроскоп. Теперь я пишу книгу о строении вещества и, если позволит здоровье, окончу в этом году. Написал уже почти полторы тысячи страниц и осталось не более 500. Хотя этой книге, вероятно, и не суждено никогда попасть в печать, но все же я усердно работаю

над нею почти каждый день — в продолжение последних трех лет — и чувствую невыразимое удовольствие всякий раз, когда после долгих размышлений, вычислений, а иногда бессонных ночей мне удается найти порядок и правильность в таких явлениях природы, которые до сих пор казались загадочными».

«В последние годы я имею возможность пользоваться довольно значительным количеством книг на русском, французском, английском и немецком языках. Кроме них я выучился итальянскому и испанскому, чтобы знать все главные языки».

Книги попадали в крепость полулегально — тюремный врач, д-р Безродный, отдавал их в мастерскую «для переплета»... и «переплетчик» Морозов ими пользовался.

Овладение знаниями давалось Морозову очень легко. Не менее легко он усваивал языки. Кроме перечисленных выше, он знает латинский и греческий; затем подучил польский. И в последнее свое заключение — в 1912—1913 гг. в Двинской крепости — он изучил древнееврейский, необходимый, по его

словам, для чтения в оригинале библий и других религиозных памятников.

Если бы эти занятия свелись только к самообразованию, если бы Морозов, неожиданно для себя выпущенный на волю, оказался бы человеком с высшим естественнонаучным образованием, приобретенным без руководителей в таких исключительных условиях, то мы бы просто считали его талантливым самородком. Но в Морозове проявил себя первоклассный ученый, оригинальный мыслитель, энциклопедичность которого поражает. Он не просто знает ту либо иную отрасль наук, он в каждой из них произвел самостоятельные изыскания. Его работоспособность изумительна и сейчас. Он может работать по 10—12 час. изо дня в день, выкраивая еще время для заседаний и деловых поездок...

Перечисленные выше отрасли знания далеко не все, в которых творил Морозов. В письме от 24 февраля 1898 г. мы читаем: «Прежнему я интересуюсь всем новым в естественных науках: и новыми элементарными телами, в роде аргона и гелия, и каналами на Марсе, и рентгеновыми лучами, и даже новы-

ми математическими теориями о многомерных пространствах».

Этот «интерес» выражался у Морозова необычно. Вот два примера.

Обладая до Шлиссельбурга только обыкновенными в ту эпоху познаниями по «гимназической» математике, Морозов в крепости изучил сам дифференциальное и интегральное исчисления. «Этот отдел математики — пишет он в 1898 г. — очень важен для понимания законов природы, а учебники все очень сухи». И Морозов сразу же принимается за составление двух оригинальных по замыслу и выполнению книг.

Вообще в 1905 г. Морозов унес из Шлиссельбурга 21 том своих сочинений.

Какие же работы первыми по времени обратили внимание на узника-ученого? Такими явились исследования по химии. Еще в 80-е годы Морозов особенно заинтересовался атомистикой и создал специальную структурную теорию атома. В своей работе «Периодические системы строения вещества», написанной в Шлиссельбурге и напечатанной лишь в 1907 г., он стал на следующую точку

зрения: «Вероятность превращения известных нами до сих пор металлов и металлоидов друг в друга при обычных химических реакциях двойного обмена и замещения чрезвычайно близка к нулю. Поэтому мы инстинктивно не верим в возможность таких трансформаций и стараемся всякое неожиданное появление новых химических элементов при наших опытах объяснить нечистотой употребленных реагентов. Иначе и быть не может».

«Но можно ли заключить из этого, что каждый из известных нам до сих пор семидесяти восьми видов материи также вечен, как и она сама; что газы нашей атмосферы, металлы земной коры и все вообще химические элементы, наблюдаемые нами на небесных светилах, не произошли и не происходят где-нибудь теперь, среди туманных скоплений, носящихся в бездонной глубине небесных пространств?»

«Конечно, нет».

«Есть много данных за то, что атомы химических элементов тоже совершают свою эволюцию в бесконечной истории мироздания».

Таковы были предпосылки Морозова к созданию своей теории образования химических элементов. В разработке поставленной таким образом проблемы Морозов применил ряд остроумных диаграмм, впоследствии широко применяемых им как метод исследования в ряде других работ; он привлек данные астрономии и астрофизики, устанавливая, с одной стороны, ряд надзвездных элементов (короний, водород, первичный гелий), с другой — систему археогелидов, современных минеральных элементов; наконец, Морозов высказал чрезвычайно глубокую мысль: «Если закон периодичности есть действительно физический закон, а не искусственное эмпирическое сближение разнородных физических факторов и химических индивидуумов, не имеющих на деле ничего общего между собою, то он должен быть в то же время и законом, выражаемым математически». И эту мысль он подтвердил рядом алгебраических формул, отображающих «функциональную зависимость между атомным весом, валентностью и числом звеньев интраатомной цепи».

Не касаясь деталей разработки всей проблемы в целом, я должен остановиться на двух важных моментах: 1) какова была научная значимость теории Морозова и 2) каково ее место в истории развития науки.

Первый вопрос является в то же время тесно связанным и с судьбою научных занятий заключенного. Царскому узнику, занимающемуся «безвредным писанием», было разрешено в августе 1901 г. передать свою рукопись для отправки на рассмотрение специалиста.

Морозов просил дать ее Бекетову, тогда президенту Физико-химического общества, либо Менделееву; оба они могли отнестись к работе с полным вниманием (что и показало будущее). Вместо этого, ничего не говоря автору (тайна!), рукопись переслали Коновалову, убежденному противнику «новшеств в науке». Конечно, Коновалов и не подумал произвести опыты, указанные в рукописи, и не согласился с теорией Морозова, сочтя ее «индивидуальной». В отзыве своем Коновалов, между прочим, написал весьма характерную для ретроградных профессоров фразу: «Химический элемент есть тайна природы»... Но о са-

мой работе был дан лестный для автора отзыв.

Отзыв с рукописью был возвращен Морозову в 1903 г. Это была эпоха Плеве. Научные работы узнику не запрещались, но о передаче их на волю уже не возникало и речи. Три другие рукописи: «Строение вещества», «Основы физико-математического анализа» и «Законы сопротивления упругой среды движущимся в ней телам», переданные Морозовым осенью 1902 г. для отправки на отзыв, пролежали свыше двух лет у коменданта крепости Яковлева, и только «весна 1905 г.» побудила начальство послать их, за три месяца до освобождения Морозова, на отзыв все тому же Коновалову. На этот раз рукописи не были даже распечатаны и в таком виде Морозов их получил лично уже зимою 1905 г., после своего освобождения.

Оценка работ по химии была все-таки сделана уже после 1905 г., во-первых, советом Вольной высшей школы Лесгасфта, избравшей Морозова сначала доцентом, потом профессором по аналитической химии, и, во-вторых, Менделеевым, успевшим перед смертью

(1907 г.) добиться для Морозова звания доктора химии *honoris causa*. Напечатанные к этому времени исследования были признаны достаточными для утверждения Морозова профессором.

Место химических работ Николая Александровича в истории науки до сих пор совершенно не подчеркнута. Именно Морозов дал новую колонку в таблице периодической системы, так называемую нулевую, так как валентность этой группы равна нулю. В этой колонке у него стояли только теоретические атомные веса гипотетических элементов. Но открытые впоследствии аргон, неон, криптон, ксенон, гелий и др. заполнили пустующую колонку. В 1912 г. начались и попытки расширения периодической системы (Содди, Фаянс) ввиду открытия около 30 новых элементов, но и это расширение было предусмотрено схемой Морозова. Им были введены элементарные заряды электричества, названные анодий и катодий, в структуры атомов; это — современные позитрон и нейтрон.

Через строение вещества и астрофизику Морозов подошел к новой оригинальной ра-

боте, законченной им осенью 1902 г. В письме от 25 июня 1903 г. он ее характеризует так:

«Каким образом Солнце, Земля и другие небесные светила не испытывают заметных замедлений при своих движениях в светонесущей мировой среде?.. Вопрос о сопротивлении среды составляет один из главных предметов преподавания во всех артиллерийских академиях под названием *внешней баллистики*. А полученные мною формулы дают возможность очень точно вычислять движение в атмосфере каких угодно летящих тел. Эти формулы сразу разрешили и интересовавший меня вопрос о сопротивлении междузвездной среды движущимся в ней небесным светилам. Величина его оказалась такой малой, что ее влияние можно заметить только в миллионы лет».

Эта работа была начата тоже в 80-е годы, но математическим выкладкам (а ими полна книга) мешало отсутствие фактических данных по баллистическим опытам за границей и у нас (Вульвич, Метц, Петербург). Только при содействии упомянутого выше крепостного врача удалось получить нужные сочине-

ния в начале XX в.

Остановимся теперь на астрономических работах Морозова, широко известных и у нас, и за границей. (Морозов состоит пожизненным членом французского астрономического общества и Британской астрономической ассоциации.) И здесь он пошел своеобразными путями, как всегда — свежими и неожиданными. Он печатает свои исследования в различных журналах, русских и заграничных, читает доклады на съездах (в 1910 и в 1911 гг.) и в заседаниях физико-химического общества и Русского общества любителей мироведения, им основанного, читает лекции на Высших курсах Лесгафта и ряд публичных лекций в разных городах России. Отдавая должное практической деятельности, он увлекся воздухоплаванием и авиацией, и не только изучил авиацию, но и летал сам, получив звание пилота. По его инициативе созданы астрономическое и астрофизическое отделения Государственного научного института имени П. Ф. Лесгафта и астрономическая обсерватория. В настоящее время он принимает участие в работах комиссии по стратосфере при Акаде-

мии наук. Состоит членом редакционной коллегии журнала. «Мироведение», в работе которой, к сожалению, не может принимать непосредственно участия ввиду того, что редакция находится в Москве.

Из опубликованных специальных работ Морозова по астрономии можно отметить: «О распределении осей малых и больших планет солнечной системы»; «Отклонение орбитных осей планет от осей эклиптики» и др.

Однако наиболее интересными и в высшей степени сенсационными оказались его методы определения времени написания старых книг и создания памятников материальной культуры прошлого. История его заинтересованности этими вопросами столь же необычна, как и вся жизнь Морозова.

Первые семь месяцев заключения в Алексеевской рavelине, в 1882 г., прошли без чтения каких-либо книг. Только после этого — неожиданно для узника — выдали «для наставления нигилиста в православной вере» старинную библию на французском языке, вероятно, наследие декабристов, так как она была помечена 1817 г.; другие издания на рус-

ском языке разнесли остальным заключенным. Морозов сразу начал читать «апокалипсис», которым он заинтересовался раньше благодаря роману Чернышевского «Что делать?»: там Рахметов говорит о Ньюtone, написавшем комментарии[436] к апокалипсису, что один сумасшедший объясняет другого... «С этим представлением, — говорит Морозов, — я и принялся за чтение, но с первой же главы я, пораженный, должен был совершенно изменить свое заимствованное мнение об этой книге».

«Подобно ботанику, который узнает свои любимые растения по нескольким словам их описания, тогда как для остальных людей эти слова — пустые звуки, вызывающие лишь неясные образы, я с первой же главы вдруг начал узнавать в апокалипсических зверях наполовину аллегорическое, а наполовину буквально точное и притом чрезвычайно художественное изображение давно известных мне грозных картин, а кроме них еще замечательное описание созвездий древнего неба и планет в этих созвездиях».

Морозову пришлось сделать гороскоп, пе-

реведя поэтическое изложение подлинника на язык научной астрономии. Например, в гл. XII апокалипсиса говорится о «женщине, одетой Солнцем, внизу ног которой была Луна». Это значит, что Солнце находилось в созвездии Девы, а ниже — серп Луны, так как в гл. XIV сказано, что в этот день было новолуние. Простой пересчет показывает, что за полторы тысячи лет до нас Солнце бывало ежегодно в этой точке около 30 сентября. Такое заключение подтверждается и концом гл. XIV: «Опусти свой острый серп и обрежь гроздья винограда, на земле, потому что они созрели». Значит, дело было осенью...

Составив таким образом гороскоп, мы имеем описание положения всех упоминаемых планет в определенных точках небесной сферы. Остается только сделать расчет, на какой год и день приходилось такое расположение светил.

Морозову пришлось вычислить при помощи астрономических таблиц, в какой день, какого года осуществлялось указанное расположение планет по созвездиям неба.

Астрономическое происхождение симво-

лов апокалипсиса не вызывало сомнений и до Морозова. Но в то время как ортодоксальные историки подгоняли описание к установившейся дате, т. е. приносили астрономию в жертву церковной хронологии, Морозов отрезался от всякой предвзятой хронологии. Его вычисления дали единственную подходящую дату — 30 сентября 395 г.

Книга: «Откровение в грозе и буре. История возникновения апокалипсиса» вышла весной 1907 г. Первое издание в 6000 экземпляров разошлось в полгода, что для такого сочинения являлось рекордом. Последовали переводы на иностранные языки; немецкое вышло в 1912 г. с предисловием известного историка проф. Артура Дрекса.

В поднявшейся бурной дискуссии оспаривали не астрономические вычисления, а толкование текста. Кстати, можно добавить, что произведенные в 1906 г. двумя пулковскими астрономами проверочные вычисления, притом независимо друг от друга, дали полное подтверждение расчетов Морозова.

Опровергающий установившуюся церковную дату «Откровения» расчет Морозова по-

будил его обратиться к другим гороскопам. Такими оказались библейские пророчества. Три из них Морозов исследовал в том же году, а остальными занялся в 1912 г. в Двинской крепости, где «на свободе» (как он шутливо определял новое свое заключение) изучил древнееврейский язык и выполнил новый перевод библейских пророчеств. Результатом работ явилась книга «Пророки», вышедшая незадолго до войны 1914 г. и поэтому не успевшая широко распространиться.

Кроме этого Морозов трижды применил свой оригинальный метод историко-астрономической разведки — по отношению к дендерскому зодиаку, такелотову затмению и к затмениям, упоминаемым у Фукидида.

Прежде чем перейти к выводам, сделанным Морозовым на основании этих поразительных разведок, я сжато укажу главные факты истории хронологии, обыкновенно обходимые молчанием во всех исторических сочинениях.

До конца XVI в. существовала только церковная хронология, а в гражданской время считалось по царствованиям, без указания

последовательности годов. Счет шел от мифического первого года эры христианства, установленного церковью не ранее IX в.

В установке хронологии главную роль выполняла и раньше астрономия. Но все разведки должны были соответствовать церковным требованиям. Только в половине XVIII в. историки, по предложению астронома Клеро, переходят на счет «от Р. Х.» и на отрицательную датировку событий «до Р. Х.» Работы астрономов XIX и XX вв. (Цех, Гофман, Гинцель, Малер и др.) неизменно наталкивались на противоречия при злополучных проверках, но поколебать христианские догмы никто из них не осмелился.

После Октябрьской революции, впервые в истории человечества давшей ученым возможность свободно и научно творить, началась новая эпоха исследований, неразрывно связанная с именем Н. А. Морозова. Морозов предпринял с 1918 г. гигантский труд. Он начал с установки мифичности Христа, Евангелий, с разрушения старой церковной хронологии. Если бы астрономическая разведка, предпринятая им, ограничилась несколькими

ми случаями, три из которых упомянуты выше, то можно было бы — и то с натяжкой — говорить о Парадоксах. Но ведь Морозов проверил все солнечные и лунные затмения, отнесенные Скалигером и его последователями к дохристианской эпохе. В таблице, опубликованной им в 1928 г., приведено 33 солнечных и лунных затмения, отнесенных к отрицательным столетиям; однако ни одно из них в действительности не могло произойти раньше IV в. н. э. А так как соответствующие таблицы, дающие возможность сделать простую проверку, опубликованы в ряде томов капитального сочинения «Христос», то читатель получает возможность лично убедиться в этом.

В VI томе (1930 г.) приведена полная сводка по истории комет на основании европейских и китайских источников. И здесь обнаружилась такая же неправильность данных толкований их появления до IV в. н. э.

Морозов вовсе не ограничивает свои исследования только астрономическим методом. Он явно и определенно подчеркивает, что применяемые им другие методы: геофи-

зический, материально-культурный, лингвистический, этно-психологический, статистический — только и могут дать функциональную проверку и оценку результатов исследования. И эти методы применяются им в различных случаях чрезвычайно ярко и остроумно.

Размеры настоящего очерка не позволяют мне остановиться на оценке различных исторических гипотез Морозова, явившихся в итоге его исследований. Но главная его заслуга и не в них. Как он сам говорит: «Я старался только расшатать старые исторические бастионы с водруженной на них, видимо или невидимо, хоругвью „нерукотворного спаса“ и лишь наметить общими чертами возможность построения на развалинах старой исторической крепости (в которой многие и теперь ищут себе защиты) новой, осмысленной исторической науки».

С 1906 г. главная педагогическая и научная работа Морозова протекала в стенах б. Биологической лаборатории, где он был последовательно руководителем практических занятий по химии, доцентом по аналитической хи-

мии, профессором по физической химии, заведующим химическим отделением и членом совета. С 1918 г. Он избирается директором и сразу же приступает к преобразованию лаборатории в Государственный научный институт имени П. Ф. Лесгафта, В качестве бессменного руководителя он обнаружил редкое умение входить в интересы всех отделений института, что возможно лишь при его исключительной энциклопедичности.

Вся его научная деятельность — критико-исследовательская, как он формулирует это и сам: «В таких работах неизбежно приходится критиковать некоторые из старых воззрений и высказывать новые, потому что, ведь, если бы все повторяли только старое, то как могла бы наука двигаться вперед».

С 1932 г. Морозов состоит почетным членом Академии наук СССР.

Ленинград, 6 июня 1934 г.

Мироведение №4, 1934 стр. 286—293.

XIV. Несколько слов о диалектическом материализме. Н. А. Морозов

Меня всегда удручала неудачная термино-

логия, введенная в философию немецкими учеными конца XVIII и первой половины XIX века. Зачем, например, нам без конца называть в философии по Гегелю *идеализмом* простой *идеизм*, как учение, дающее идее первенство над веществом, материей? Почему не говорить прямо: идеизм? Точно также и слово материя. Оно происходит от латинского *mater* — *мать*, в значении мать всего и получило затем смысл *материала* как вещественной основы. Но для вещества по латыни есть лучшее слово *res* — *вещь*, откуда вошло во всеобщее употребление выражение *реализм*. Так чем же реализм отличается от материализма? Только тем, что он не вошел в разговорный язык в порицательном смысле слова.

А вот еще *рационализм*. Мы говорим одобрительно: это рационально, т.е. разумно, и противопоставляем нелепому, непостижимому уму, трансцендентальному. А в философии рационализм приравнивается к *умствованию* и противопоставляется *эмпиризму*, т.е. реальному знанию, в основе которого лежат опыт и наблюдение.

В разговорном языке рационализм проти-

воположен *фидеизму* и *мистицизму*, а в философии наоборот противоположен знанию, выработанному опытом. Но ведь это все равно как условиться в зоологии называть лошадь собакою, а собаку воробьем, оставив за разговорным языком их привычные названия.

Так можно ли удивляться, что при этой скользкой терминологии начинает казаться мудреным и трудно понимаемым то, что на самом деле ясно, как дважды два — четыре. Происходит масса апперцепционных[437] непониманий друг друга.

И если Маркс и Энгельс не исправили этой, вошедшей до них в общее употребление прескверной философской номенклатуры немецких классиков, то следует ли из этого, что не должны улучшить ее и мы, при переводе на наш язык?

В своей «Феноменологии Духа» (или точнее Творческого Разума, а не Духа, так как довольно неопределенное по границам своего смысла немецкое слово Geist не вполне налегает на русское слово дух), Гегель еще в самом начале XIX века показал, как диалектически,

т.е. через постепенное возникновение противоречий и их последующее примирение в высших понятиях — от тезиса к антитезису и наконец к синтезису — мысль человека на Земном шаре неизбежно поднимается от непосредственно чувственного, наблюдательного знания к рассудочному, объяснительному, а затем к самосознанию, что в конце концов приводит к абсолютному познанию, к абсолютной философии.

Маркс и Энгельс, отстранив творческий Разум Гегеля, приводящий в конце концов к эгоцентризму, развили этот диалектический метод на материалистической, т.е. реалистической основе, как это особенно хорошо высказано в книжке Энгельса, вышедшей в 1920 году на русском языке под очень удачным названием «От классического идеализма к диалектическому материализму». По-немецки эта книжка носит менее удачный заголовок «Ludvig Feuerbach und der Ausgang der Klassischen deutschen Philosophie».

«Философия Гегеля, — говорит тут Энгельс, — не была просто устранена: напротив, обрисованная выше революционная ее сторо-

на — диалектический метод — была использована... Для Гегеля диалектика является саморазвитием понятия (*понимания* как активного проявления сознательности. Н. М.). Абсолютное понятие (*понимание* — Н. М.) существовало от века неизвестно где, но и составляло особую живую душу всего существующего мира... Это идеологическое представление необходимо было поставить с головы на ноги. И мы снова взглянули на наши понятия материалистически (по терминологии новейших естественников *реалистически*. — Н. М.) как на отражение действительных вещей и перестали смотреть на действительные вещи как на отражение абсолютного понятия (*абсолютного понимания* как активного начала сознательности. Н. М.) на той или иной ступени его развития.

Тем самым диалектика была сведена к науке об общих законах движения как во внешнем мире, так и в человеческом мышлении. Эти два разряда законов по существу тождественны, а по форме различны, в зависимости от того, что человеческий разум может применять их сознательно, в то время как в

природе, а до сих пор большею частью и в человеческой истории, они проявляются бессознательно, под видом внешней необходимости, в бесконечном ряде кажущихся случайностей.

Таким образом сама диалектика понятия (*понимания*. Н. М.) стала только сознательным отражением диалектического развития действительного мира; тем самым гегелевская диалектика, стоявшая на голове, была поставлена на ноги» (стр. 29 русского перевода 1920 г.).

В этом прекрасном изложении Энгельсом разницы между идеалистическим миропониманием отживающих свой век классиков и диалектическим материализмом (реализмом по терминологии естественников) я только в скобках заменил неудачный статический термин русского перевода понятие динамическим термином понимание, выражающим активное начало сознательности, потому что и сам Энгельс в дальнейших строках говорит:

«Великая основная мысль состоит в следующем: мир надо понимать (т.е. активно воспринимать. Н. М.) не как комплекс готовых

вещей, а как комплекс процессов, в котором вещи, кажущиеся нам неизменными, равно как и мысленные их отражения в нашей голове, т.е. *понятия (продукты понимания*. Н. М.) проходят непрерывную смену возникновения и уничтожения...» (стр. 30 издания 1920 г.)

По терминологии естественников тут совершаются вечно эквивалентные трансформации разных видов физической и психической энергии друг в друга, т.е. возникновению и уничтожению подвергаются только качества энергии Вселенной, а не ее количественная сущность. А наше представление о психической энергии как об одном из видоизменений физической приводит к тому, что и *само наше понимание* как активное начало сознательности есть только трансформация света, теплоты, химического сродства, электрической энергии, которые сами, наоборот, только трансформация активного начала нашей сознательности. Таким образом диалектический закон проникает всю Вселенную, а это приводит к величайшим последствиям.

При старых, докоперниковских представ-

лениях, когда Вселенная представлялась в виде семи небесных сфер с Землею в их центре, *энергия реального понимания*, как активного начала сознательности, в противоположность мистическому пониманию, могла локализоваться только на Земле.

А после Коперника, когда Земля стала лишь одним из бесчисленных небесных светил, а мистическая сознательность ушла в область продуктов старинного воображения, диалектический закон Маркса и Энгельса неизбежно приводит ко всеобщей обитаемости миров, так как иначе пришлось бы считать наш Земной шар и особенно нас самих чудом всей Вселенной, т.е. впасть в первобытную мистику.

А если этого чуда на Земле нет, то и диалектический процесс с биохимической точки зрения есть такое же всеобщее явление, как и закон тяготения небесных светил, а потому и действие его в деле выработки психики живых существ (и их понимания как активного начала сознательности) на последней стадии развития органического мира на любом светиле, должно быть везде одинаково.

Действие биохимического закона должно везде одинаково вызывать диалектическую эволюцию наивысшей стадии тамошней органической жизни от непосредственного чувственного знания, возникающего уже на средней ступени развития тамошних животных, к рассудочному, а затем к какому-то окончательному и ни в каком случае не мистическому знанию и самосознанию.

А вся Вселенная с этой точки зрения становится подобна безбрежному океану, в котором галактические системы миров как волны возникают и угасают в бесконечности пространства и времени,

Я не буду детально останавливаться на этом предмете и на том, что вполне аналогичные нашим химические и физиологические процессы могут происходить и при других химических составах организмов, т.е. при всяких температурах небесных светил могут возникать соответствующие им животные и растения. Об этом я уже говорил в своей книге «Периодические системы строения вещества» (1907 г.), а также в научной полуфантазии «Эры жизни» в моей книжке «На границе

неведомого» (1910 г.). Детальное развитие этой теории завело бы нас очень далеко, а до-толе я лишь покажу, в каком виде представляется мне, как естествоиспытателю, диалектический закон в жизни Вселенной.

Тезис, антитезис и синтезис — таково краткое выражение этого закона, и не только для развития интеллекта, но и вообще.

Эти три ступени можно наблюдать и в развитии индивидуального человеческого мышления, начиная с детского возраста, когда сначала накапливается только непосредственно чувственное, наблюдательное знание, а потом его обработка и наконец — сводка.

Тоже и в истории общечеловеческой культуры, причем каждый синтезис является лишь тезисом дальнейшей триады. В стихийной же природе диалектический закон наблюдается во множестве процессов и очень нагляден.

Например, в течении реки, неизменно принимающей змеистую форму, потому что текущая вода случайно сделав выбоину в одном из своих берегов и затекая в нее, стремится по инерции увеличить это углубление,

а выйдя из него далее она по той же инерции течет к противоположному берегу, стремясь его углубить, и делает там антиизвилину.

Такой процесс перехода русла реки то вправо, то влево, вроде колеблющихся качелей, все увеличивается по мере увеличения извивов или расширения реки. Но здесь же мы видим, что диалектический закон лишь усложнит более простую картину общего течения реки, благодаря общей силе тяготения, влекущей воду всегда с более высоких мест на более низкие, т.е. ближе к центру Земли, причем географические условия местности являются тоже важным фактором, обуславливающим обычное криволинейное русло, начиная с истока и до устья.

Аналогично этому и в исторической жизни человечества мы наблюдаем как бы криволинейный путь основного фарватера культуры из одной страны в другую по мере того, как развитие техники делает вторую страну более приспособленной к развитию культуры, чем первая. Диалектические извилины при этом естественном движении от низшего состояния культуры к более совершенному

особенно наглядны при смене революционных и реакционных периодов и их синтезисов. Но тут же мы имеем и более общие, как бы одинокие триады.

Так, к указанной уже и ранее меня экономической триаде: от первобытной общины-стада, к частновладельческому строю и как синтезу их обоих — к государственной обществу, я мог бы прибавить еще одну триаду — от непосредственно чувственного восприятия окружающего мира достаточно развившимся зоологическим видом, к мистическому восприятию его, и от мистического восприятия к научно-осмысленному, что тоже должно иметь значение не для одного Земного шара, но и для всех других планет в последний период развития их органической жизни.

Первая ступень этой психологической триады — непосредственное восприятие внешнего мира — нас очень часто обманывает. Так вращение Земли вокруг своей оси кажется непосредственному восприятию вращением Солнца вокруг Земли, а огромные светила-звезды представляются непосредственно-

му зрению мелкими точками. Кроме того, у нас бывают и просто галлюцинации.

И вот еще Кант в своей книге «Критика чистого разума» (*Kritik der reinen Vernunft*, 1781 г.) установил, что первым доказательством достоверности данных опыта и наблюдения является их *понимаемость* для нашего ума и логичность.

Только *понимаемое* всяким разумным существом может считаться действительным, а все нерациональное, т.е. непостижимое — недействительно. Туманность языка Канта и своеобразность понимания употребляемых им терминов делает трудным и утомительным его чтение, но его основное положение мне представляется именно таким, как я его здесь показал.

А применяя это положение к эволюции человечества мы должны сказать, что и в человеческой истории *действительно* только то, что *понимается* нашим разумом, как логически вытекающее из предшествовавшего, а все то, что непонятно для нашего ума и не вытекает закономерно из предшествовавшего, должно быть *недействительно* и требует но-

вого, дополнительного исследования пока не станет «постижимым».

Архив Академии наук СССР, фонд 543, опись 1, дело 528.

Комментарий к работе Н. А. Морозова «Несколько слов о диалектическом материализме», написанное В. Б. Бирюковым — внештатным сотрудником Дома-музея Н. А. Морозова, внучатым племянником Н. А. Морозова:

Как следует из архивных материалов, фрагмент о диалектическом материализме должен был войти в 7-й том «Истории человеческой культуры в естественно-научном освещении». На экземпляре рукописи Н. А. Морозовым сделана отметка: Не вошло в «Христос». Рукопись работы относится к 1929-1930 годам.

После заключительной части фрагмента с изложением положения Канта что «только понимаемое всяким разумным существом может считаться действительным, а все иррациональное, т.е. непостижимое — недействительно», в рукописи следует следующий

текст:

«И вот теперь мы и подходим к такому случаю в истории Великой Ромеи, который вы должны признать совершенно нерациональным (беспричинным) и потому недействительным в том виде, в каком нам его представляют. Это иконоборство».

В вышедшем в конце 1932 года 7-м томе «Христа» история иконоборства излагается в части I (До-греческая Великая Ромея) в главе XVII «Борьба кумироборцев и поклонников икон и статуй в Великой Ромее VIII и начала IX века» (стр.403-413)

Заметим, что Великая Ромея — это Византия, а иконоборство также называется как кумироборство, идолоборство, богобойство...

В начале главы Н. А. Морозов пишет:

«После того, как нам удалось доказать, что никакого Магомета с Кораном в руках не вышло победоносно из Аравийских пустынь в более культурные области Азии и Африки в VII веке нашей эры, все идолоборческое движение приходится выводить как и следовало ожидать, по здравому смыслу, из центра тогдашней религиозной культуры, Царь-Града.

Его официального инициатора Льва Исаврянина (717-741) обыкновенно называют *иконоборцем*, чем навязывают представление, будто бы только иконы, вроде наших современных, существовали в Византии до него. Но это простое недоразумение лиц, не знающих греческого языка, потому что иконой по-гречески называется всякое вообще скульптурное или живописное изображение.

...Первый общеправительственный поход на „вещественные изображения невещественных богов“ был сделан только при Льве Исаверийском в половине VIII века нашей эры, а магометанское истребление, начавшееся не ранее XI века, было лишь его отображением из глубины Азии» (стр. 403—404)

Далее на стр. 404-410 следует церковная история иконоборства, после чего Н. А. Морозов пишет:

«Такова в кратком очерке история иконоборства в Византии в VIII веке и его конца в IX веке, как рисуют нам теологи. Но читатель сам видит, что все это похоже на тело без души. Такой-то, — говорят нам, — сделал то-то, такой-то пошел туда-то и поколотил тако-

ГО-ГО...

А какова была психика, логика и естественная причинность всех этих действий — совершенно не видно, да и не может быть установлено, пока мы не выработаем правильной хронологии для разнообразных и всегда субъективных сообщений, самовольно разбросанных средневековыми историками по разным векам и странам.

Такое могучее и по своей природе рационалистическое движение, как борьба с вещественными богами, не могло не иметь серьезных причин, и мы, действительно, находим их в самой эволюции человеческой психики по мере распространения образования в привилегированных классах Великой Ромеи, даже и между самими служителями культа.

Мы никогда не должны забывать, что первой стадией человеческого мышления был *анимизм* всего существующего. Почему девочки несколько лет носятся с куклами, а мальчики расставляют игрушечных лошадок, а потом перестают ими интересоваться?

Только потому, что в первые годы жизни в них еще крепко первичное представление,

что все кругом имеет свое сознание, аналогичное нашему, что всякая кукла, дерево, облачко и камень имеют свою душу, хотя и не говорят. И часто детям кажется, что какое-нибудь животное обладает высшим сознанием, чем человек.

Остатки этого анимизма видны почти во всех народных сказках и появляются постоянно в поэзии.

*На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна,
И дремлет, качаясь, и снегом сы-
пучим
Одета, как ризой, она.
И снится ей все, что в пустыне
далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.*

Так пишет Лермонтов. Для ребенка и для первобытного человека это стихотворение равносильно описанию реальности, а для взрослого — аллегория, производящая в нас поэтическое впечатление именно потому, что заставляет звучать уже отошедшие в область

подсознательности остатки нашего детского всеобщего анимизма, т.е. одушевления природы. Без этих остатков такое стихотворение не производило бы на нас никакого впечатления .

Такой *всеобщий анимизм* привел в древности наших предков, а и теперь приводит дикарей, к *религиозному фетишизму*. Они поклоняются дереву, о котором почему-нибудь пошли таинственные рассказы, камню, в очертаниях которого видят что-нибудь напоминающее человеческую или звериную голову, и более всего какую-нибудь вылепленную или изваянную человеческую фигуру, при взгляде на глаза которой первобытные люди, как дети при взгляде на куклу, не могут отделаться от впечатления, что она все видит, и при взгляде на руки которой не могут отделаться от представления, что они могут и схватить ими.

Именно такую представляет и языческо-христианская *доиконоборческая религия* не только византийского простого народа, но и тогдашних псевдо-образованных классов. Это был *пан-анимизм*.

Но мало-помалу сама практика такого культа стала показывать многим полное бессилие и нежизненность этих вещественных местных богов. Сами скульпторы, делавшие одну статую за другой, привыкли относиться к ним, как ко всякому другому своему произведению. Еще и ранее коренившееся *представление о мире невидимых существ*, несравненно более могучих, чем населяющие видимый нами мир, привело к тому, что и сами статуи богов стали считаться имеющими силу лишь постольку, поскольку они представляют *изображение невидимых богов*. А после этого остался лишь один шаг до отрицания всякой силы и власти за такими изваяниями.

И такой шаг неизбежно заставили сделать сейсмические сотрясения земной поверхности в способных к этому странах, разбивая время от времени не только сами статуи, но и их святилища.

Движение против фетишизма должно было естественно начаться среди наиболее образованной части ромейского населения и должно было встретить, как и все передовое,

противодействие „суеверной толпы“.

Все это мы и видим в только что изложенном нами очерке богоборческого движения. Лев Исаврянин восстал не на иконы, вроде наших, а на *языческое христианство*, т.е. на существовавший вплоть до него фетишизм, похожий на тот классический пантеон, который мы напрасно относим чуть не за тысячелетие до его времени.

Но отсутствие изображений для поклонения так мало соответствовало тогдашней психике византийского населения, что в конце концов вместо прежних изваяний пришлось им дать псевдопортреты, о которых уже нельзя было сказать, что они сами и есть боги. Кроме того, они обладали еще и тем преимуществом перед статуями, что хотя и падали при землетрясениях, но не разбивались, и священники, подняв их с земли, могли с торжеством показывать населению, как „чудесно они спаслись“ при всеобщей гибели.

Коран султана Магомета был последствием ромейского кумиробоства, а не предшественником его, перелетевшим по воздуху из пустынь Аравии в обитаемые места» (стр. 411-

Из разбора Н. А. Морозовым *иконоборства* (кумироборства) по традиционной истории, где не выработано правильной хронологии, где каждое событие нельзя установить как «логически вытекающее из предшествовавшего» (Н. М.), где «все это похоже на тело без души» (Н. М.) следует, что в таком изображении истории она не предстает как прошлая *действительность*, а более всего как субъективное мнение о ней пишущих. Следовательно, изображение истории по меркам психики пишущих о ней через несколько веков не дает прошлой действительности как закономерного естественно-исторического процесса.

Категория *действительности* у Морозова исходит из основного положения Канта: «только понимаемое всяким разумным существом может считаться действительным, а все нерациональное, т.е. непостижимое — недействительно», что и показано Морозовым на примере рассмотрения *иконоборства* — если трактаты историков не являются закономерным отражением прошлой жизни, то она в этих писаниях выдумана, то есть *недей-*

ствительна.

Категория действительности у Морозова шире категории объективной и субъективной реальностей, она выражает мир в целом не как противоположность объективного и субъективного (тезиса и антитезиса), а как их единство (синтезис).

Наряду со всеобщей категорией *действительность*, как мир в целом, включая и субъективную реальность (человека и человечество в целом), Морозов вводит категорию, выражающую сущность субъективной реальности — *понимание* и дает этой категории определение — *активное начало сознательности*. Он пишет:

«Само наше понимание, как активное начало сознательности, есть только трансформация света, теплоты, химического сродства, электрической энергии и они сами наоборот — только трансформация активного начала нашей сознательности. Таким образом диалектический закон проникает всю Вселенную».

Действительность с появлением и развитием социальности, общества, движется в

противоположностях объективного и субъективного, материального и идеального. Первым условием социальности является становление идеального как формирование субъекта с его *пониманием* и человеческого коллектива с его *общественным пониманием*. То есть формирование социальности идет как процесс одновременного становления субъективного и идеального.

Категорию *понимание* у Морозова можно понять только с позиций социальности: диалектики объективного и субъективного, материального и идеального.

В первой части вышеприведенного высказывания Морозова, *понимание* как трансформация физических и химических процессов (света, теплоты, химического сродства, электрической энергии) — это теоретическая (идеальная) деятельность общества, отражение природы и человеческой практики.

Во второй части физические и химические процессы как трансформация *активного начала нашей сознательности* — это практическая (материальная) деятельность общества, преобразование физических и химических

процессов, управление ими.

Таким образом *понимание* — это социальный процесс, процесс становления и развития активного начала нашей сознательности, прежде всего в форме *общественного понимания*, а затем и индивидуального. Общественное сознание — это *продукт* общественного понимания.

Для Морозова диалектический закон проникает всю Вселенную именно потому, что он считал сознательную стадию жизни, а не только саму жизнь, присущей всей Вселенной, что находит выражение у него также и в стихах:

*В каждом атоме Вселенной,
От звезды и до звезды
Видны жизни вдохновенной
Вездесущие следы.*

*Торжеством бессмертья вея
Мысль летит издалека,
И проносятся пред нею
Непрерывные века.*

(Н. Морозов. Звездные песни. Ярославль, 1974, стр. 88)

Очерк «Несколько слов о диалектическом материализме» в его развернутом виде строится у Морозова на базе работы Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» («От классического идеализма к диалектическому материализму» в издании 1920 года). Отвечая в журнале «Мироведение» (№ 2 за 1931 г., стр. 110-112) на критику вышедших к тому времени шести томов «Христа», Н. А. Морозов писал:

«Когда вышло уже 6 томов моей работы... сущность ее всей может лучше всего определяться тем заголовком, под которым издана государственным издательством в 1920 г. прекрасная книжка Фридриха Энгельса „От классического идеализма к диалектическому материализму“».

В работе «Несколько слов о диалектическом материализме» Морозов делает важный шаг в развитии диалектики тем, что он гегелевский термин *понятие* дифференцировал на два термина: *понимание* как активное проявление сознательности и собственно *понятие* как продукт этого понимания. А это полностью налагает на известное положение К.

Маркса о том, что «во время процесса труда труд постоянно переходит из формы деятельности в форму бытия, из формы движения в форму предметности» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 200).

Понимание — как деятельность, движение.
Понятие — как бытие, как предметность.

Диалектическая триада: тезис — внешние условия понимания, труда (предметы понимания, труда); антитезис — само понимание, сам процесс труда, синтезис — продукт понимания *понятие* как предметность, продукт труда как предметность.

Следовательно, как условием, так и продуктом теоретической и практической деятельности является форма бытия, форма предметности. Любое *понятие* как продукт понимания выступает прежде всего в предметной форме слов устной или письменной речи. Если предметность устной речи ограничивалась субъектами (субъективной реальностью), то письменная речь, а также печатная, озвученная, приобретает характер объективного фактора (социальной объективной реальности), наряду со всем многообразием

продуктов умственной и физической деятельности людей.

В заключение следует сказать, что основой человеческого труда является диалектика умственной (идеальной) и физической (материальной) деятельности людей. В этом смысле основополагающего значения *орудий труда*, как физических, так и умственных, на что указывал Н. А. Морозов в 7-м томе «Христа»: «Основная задача этой моей большой работы была: согласовать исторические науки с естествознанием и обнаружить общие законы психического развития человечества на основе эволюции его материальной культуры, в основе которой, в свою очередь, лежит постепенное усовершенствование орудий умственной и физической деятельности людей» (стр. 3 предисловия).

Орудия умственной и физической деятельности людей участвуют как в любом материальном, так и в любом духовном производстве. Как материальное, так и духовное производство, являются системой, включающей разнообразные операции как умственного, так и физического труда.

XV. Письмо академика Н. К. Никольского к Н. А. Морозову по поводу «Христа».

Глубокоуважаемый Николай Александрович,

не могу отыскать соответствующих слов, чтобы выразить Вам всю свою сердечную и живую признательность за присланный Вами драгоценный подарок. Он будет служить мне одним из напоминаний о незабываемом посещении, каким Вы удостоили меня 13/XII с. года. Как знак Вашего (незаслуженного мною) внимания ко мне Ваш труд, снабженный автографом, конечно, будет одним из украшений — «уникального» отдела моего книжного собрания.

Меня огорчает мысль, что отыскание экземпляра одного из исследований Ваших сопровождалось хлопотами, временно оторвавшими Вас от Ваших ученых занятий и что Вы лишили себя одного из двух оттисков Вашего труда, которым Вы располагали. Но я бесконечно благодарен Вам за доставленное мне удовольствие непосредственно ознакомиться

с одним из томов Вашего капитального и получившего широкую известность исследования, что было моей давней мечтой, к сожалению, до сих пор не осуществлявшейся.

Я не имел пока достаточно времени, чтобы внимательно и в подробностях ознакомиться с содержанием всей присланной мне книги. Срочные отчеты и заседания, позволили мне лишь урывками прочесть небольшую часть ее. Но не могу скрыть от Вас произведенного ею на меня впечатления, от которого нельзя освободиться. Она не может не увлекать и не поражать читателя изумительною широтою Вашего научного кругозора, неподражаемым обилием разносторонних знаний, какими Вы располагаете и подкрепляете Ваши соображения и, наконец, увлекательным литературным изложением сложных концепций, приводящих к переоценке традиционных воззрений.

Не сомневаюсь в том, что повторяю здесь то, что Вам давно известно. Но мне было бы желательным, чтобы Вы поверили мне, что Ваш подарок является для меня драгоценностью и по своему содержанию.

Будьте добры поэтому еще раз принять мою глубокую признательность, для выражения которой, быть может, мне удастся подыскать слова по прочтении многотомного труда Вашего.

Искренно уважающий Вас и преданный Вам

Н. Никольский

19.12.1935 г.

Д. Село, Октябрьский бульвар, 37.

XVI. Письмо Н. А. Морозова академику О. Ю. Шмидту.

Глубокоуважаемый и дорогой Отто Юльевич!

Только теперь через пять дней после Вашего отъезда начал приходить в себя от неожиданной для меня высокой оценки моих научных работ.

Я признаюсь, что с самого начала я считал себя правым, но думал, что мои выводы будут настолько неожиданны для моих современников, что возбудят с их стороны скорее всего одни насмешки и будут приняты в науке

только через десятки лет. Нечто подобное и случилось! действительно, так как мои теоретические выводы о сложном составе атомов, о вхождении в их периодическую систему положительных и отрицательных электронов, о существовании группы нейтральных химических элементов и о возможности превращения одних атомов в другие, напечатанные в моей книге «Периодические системы строения вещества», начали признаваться серьезными лишь теперь, когда все это подтверждено опытами.

А мои историологические работы еще ждут своего признания и четыре их больших тома, которые я Вам показывал и которые уже десять лет назад я предлагал Государственному издательству, еще не напечатаны. Но я не впадаю от этого в уныние и часто говорю: «Мой товар от времени не портится и может быть напечатан и после моей смерти».

Сегодня я закончил обещанную Вам статью «Эхо солнечного света» по поводу гумбольдтова «Jegenscheina» и отсылаю ее в 2-х экземплярах с Е. К. Стригалевой.

Я еще раз хочу Вам напомнить, что было

бы очень хорошо если б наши русские востоковеды проверили, в каком состоянии теперь (почти ровно через 2000 лет) находится в Курдистане на скале близь селения Бегистун (Бизутун) открытая там Раулинсоном и срисованная им надпись (когда Курдистан был недоступен для христианских ученых), начинающаяся словами: «Я Дарий, сын Гистапса, Перс, сын Перса...» и т.д.

Помимо того, что «Персы» никогда не называли себя персами, а иранцами, да и имя Дарий не иранское, а греческое (что и возбудило мои сомнения), ведь даже и с чисто исторической точки зрения было бы чрезвычайно интересно сфотографировать эту надпись, сохранившуюся неприкосновенной по рисункам Раулинсона в Иране почти 2000 лет под летним зноем и зимними дождями в неприкосновенном виде.

Ведь сфотографировать ее и с чисто исторической точки зрения было бы важно, да и сделать это теперь ничего не стоит: надо только прилететь в Бизутун с фотографическим аппаратом на аэроплане, а это займет лишь несколько часов времени. Так зачем же

медлить? Ведь это было бы в случае правды самое ценнейшее подтверждение библейского сказания о «персидском царе Дарий». А если неправда — то новое доказательство мифичности библейских сообщений. Зачем же великодушно представлять эту необходимую научную проверку нашим культурным соседям?

Перед войною я специально спрашивал наших востоковедов, посещавших Курдистан, видели ли они эту надпись, и ни один из тех, с кем я говорил, не полюбопытствовал осмотреть Бизустанскую скалу. Таким образом фотография ее (если она еще не сделана англичанами) имеет огромную научную ценность для истории человеческой культуры.

Теперь я снова принимаюсь за свои прерванные занятия по теоретической метеорологии. Вместо того, чтобы печатать эту мою работу целым томом с сотнями таблиц и диаграмм, я решил пока делать это в виде отдельных статей, помещая их в научных периодических изданиях и ожидая благоприятного случая для их напечатания.

Что же касается моей статейки «Эхо сол-

нечного света» (о Гумбольдтовом «Jegenscheina»), о которой я Вам говорил, то она была готова уже на второй день после Вашего отъезда, но Е. К. Стригалева, желавшая перерисовать мой единственный чертеж к ней, уговорила меня отослать статью с ней 26 июля, говоря, что на почте она может затеряться. Если эта статья нужна Вам ранее ее приезда, то телеграфируйте и я немедленно вышлю по почте. Еще раз от всего сердца благодарю Вас за Ваше доброе отношение ко мне. Ваш приезд к нам вместе с Ириной Владимировной доставил нам самую сердечную радость. Жена и я шлем Вам обоим наши искренние приветы и пожелания.

Николай Морозов

Борок

18 июля 1944 г.

XVII. Письмо Н. А. Морозов академику С. И. Вольфовичу

Борок, 14 января 1944 г.

Глубокоуважаемый Семен Исаакович!

...Сердечно благодарю Вас и все Химическое отделение за доброе отношение ко мне.

Радуюсь, что товарищи наши по академии возвращаются в Москву и их научно-исследовательская работа возобновляется после большого невольного перерыва из-за войны, наделавшей в этом отношении столько непоправимого вреда.

Передайте мой сердечный привет всем избранным по Химическому отделению 4 академикам и 12 членам-корреспондентам и мое сожаление, что я, отсутствуя вследствие болезни на сентябрьской сессии, не мог, наравне с другими товарищами по академии, подать за них свой голос. Война наделала непоправимый вред и моим работам. Как я уже писал в Президиум Химического отделения, в последние годы мне пришлось отложить уже обдуманную мною работу о том, как моя теория, выработанная еще в Шлиссельбургском заточении и опубликованная еще в 1907 г. в книге «Периодические системы строения вещества», о сложном строении атомов и о том, что неизменными компонентами их являются: газ небесных туманностей (который я назвал там архонием), а кроме него гелий, протоводород и положительные и отрица-

тельные электроны, т.е. современные позитроны и электроны, только названные там мною анодием и катодием, подтвердилась теперь опытами новейших ученых, выделивших все эти компоненты, кроме «архония», который еще ждет методов для своего выделения в чистом виде.

Но стремление выяснить генезис этих компонентов во Вселенной увлекло меня в область спектрального анализа небесных светил и в выяснение эволюции звездных систем вообще.

В связи с этим появилось мое исследование «Die Evolution der Materie auf den Himmelskurzem», вышедшее отдельным изданием только на немецком языке в конце царского режима, и другие исследования по астрофизике. А революция отвлекла меня в область историопогии, так как проверка всех летописей по описанным в них солнечным и лунным затмениям показала мне в них огромные сдвиги хронологии, а разрабатывать это при старом режиме было невозможно ввиду противоречия получаемых результатов со «священной историей старого и но-

вого завета» и с тогдашним богословием вообще.

Так обстояло дело до недавних лет, когда я написал в дополнение к уже напечатанным уже до 1932 г. семи томам моего исследования по древней и средневековой истории христианской культуры (названной мною по совету заведовавшего тогдашним Госиздатом общим названием «Христос») еще три тома «Об Ассиро-Вавилонских клинописях», «Сенсационные находки европейцев в первой половине XIX века в Азии, Индии и Египте с точки зрения точных наук» и «Новые основы Русской средневековой истории» (проверка всех астрономических указаний в русских летописях и ее неожиданные результаты).

Все эти давно подготовленные к печати исследования в виде больших томов остались до последних лет не напечатанными. А я несколько лет назад сдал в академические журналы еще четыре свои исследования:

«Аберрации от вращения наблюдательной базы и их космологические последствия», где я математически доказал, что импульсы силы тяготения распространяются со скоростью

света. Статья эта была (весной 1941 г.) уже набрана в «Астрономическом журнале» и сверстанная корректура подписана мною к печати и отослана в типографию в июне 1941 г., но война помешала выходу в свет этой академической книжки, и готовый набор ее был где-то затерян или рассыпан при суматохе.

«Влияние небесных воздействий на частоту землетрясений». В ней я доказываю, что, хотя землетрясения и медленно назревают от химических процессов и механических натяжений и сдвигов верхних геологических напластований, но прорываются они в те часы, когда луна или солнце, или центр обращения Млечного пути приближаются к меридиану места натяжения и этим способствуют вертикальному разрыву, а находясь близ горизонта — их горизонтальному сдвигу. Я подтвердил это тысячами случаев из истории землетрясений в разных странах, в которых они были отмечены не только по дням, но и по часам.

Исследование это тоже было уже набрано в геологическом журнале АН, и корректура исправлена мною и отослана в издательство.

Но и эта книжка не вышла из-за войны.

То же самое случилось и с моей статьей «Влияние электрического и магнитного поля планет на устойчивость их орбит». Тут я математически доказываю неизбежность образования колец вроде Сатурновых на экваториальной части планеты от присоединений к молекулам ее атмосферы электрических зарядов вроде наших грозовых и последующего разрыва этих колец от отталкивания тех же зарядов с образованием планеты-спутника, после чего и его орбита должна (хотя и чрезвычайно медленно) расширяться по той же причине, а когда на ней от вращения образуется и свое магнитное поле — орбита эта должна переходить из круговой в эллиптическую.

Та же самая потеря рукописи произошла из-за войны и с моим исследованием о возможности научного предвычисления погоды, введя в анализ галактические воздействия.

В этой работе я доказываю, что вариации наших местных погод, т.е. сухости, влажности, тихости, ветренности, ясности, облачности воздуха и т.д. в данном районе зависят не

только, как думают до сих пор, от положений Солнца над горизонтом, стимулирующих температуру и электризацию, и от положения Луны, вызывающей вместе с Солнцем приливы и отливы атмосферы и их последствия, но и от положения двух огромных небесных невидимых центров, этих темных сверхсолнц, одного ближайшего к нам в созвездии Единорога, вокруг которого вращаются ближайшие к нам звезды, а другого в созвездии Стрельца, вокруг которого обращаются все многочисленные скопления звезд Млечного пути. Я показываю, что без учета их влияний нельзя предсказывать погоду. Где теперь эта статья — я тоже не знаю.

Когда в июне 1941 года началось вторжение фашистских войск на нашу территорию, я фазу увидел, что всякая надежда на печатание каких бы то ни было моих научных работ в это трудное время пропала, и я позаботился о том, чтобы сохранить хотя бы их черновики.

Не тратя сил бесполезно на хлопоты о печатании, я решил продолжать в Борковском убежище свои исследования, главным из ко-

торых является близящееся теперь не без успеха к окончанию и составляющее большой фолиант «Основы теоретической метеорологии и геофизики» с несколькими сотнями диаграмм, показывающих закономерности и изменениях различных компонентов погоды.

Тут я пользуюсь материалами, напечатанными в ежегодниках физических и магнитных обсерваторий: Ленинградской (главной физической), Московской (Тимирязевской), Гринвичской, Парижской, Вильгельмсхафенской, Венгерской (Старо-Дальской), Тбилисской, Зуйской, Иркутской, Соданкильской, Пушкинской, Гонконгской, Малайской, Крист-Черчской, Колаской, Ташкентской, Мадагаскарской, на мысе Доброй Надежды, на св. Елене, в Рио-де-Жанейро, в Аргентине, в Аризоне близ Вашингтона и временными обсерваториями на Шпицбергене и Южном полярном континенте.

Так проходит здесь мое время в ежедневных теоретических научных работах и вычислениях (зимою, насколько позволяет короткость зимних дней, так как при керосино-

вом освещении устают глаза).

А для печатания результатов моих работ когда-нибудь настанет время. Утешаю себя тем, что «мой товар от времени не испортится». Значит, может и подождать своего опубликования, хотя и грустно смотреть на лежащие груды рукописей на шкафу, уже готовых и переписанных на машинке.

Спасибо Вам еще раз за Ваше обстоятельное письмо и предложение содействия. Передайте мой сердечный привет всему Химическому отделению и в частности А.Н. Баху, моему товарищу не только по АН, но и по старой деятельности в Народной Воле. Очень рад, что он поправился.

Вы спрашиваете, не нужно ли мне чего-нибудь по литературе? Я был бы очень рад, если бы возможно было достать и прислать мне наложным платежом какие-нибудь обзоры того, что и какими методами было сделано в последние годы по вопросу о разложении атомов? И не было ли обнаружено их синтеза при могучих давлениях во время современных могучих взрывов?

С самым сердечным приветом!

Николай Морозов

Архив РАН. Ф. 1757. Оп. 2. Д. 707. Л. 13-15.

XVIII. Письмо К. А. Морозовой академику
С. И. Вольфовичу

«Борок» 19.XII.1946 г.

Дорогой Семен Исаакович!

И тяжело и приятно было мне читать Вашу прекрасную статью о моем незабвенном Николае Александровиче, отдающую дань искреннего восхищения его замечательному уму, высокой душе, знаниям и таланту.

И особенно приятно, что оценка его химических работ дана выдающимся химиком современного Николаю Александровичу, хотя и молодого, поколения, каким являетесь Вы.

Николай Александрович всегда находил, что человек не умирает окончательно до тех пор, пока он продолжает жить в памяти хотя бы одного живого существа.

Все пишущееся об умерших служит к увековечению их в людских умах и сердцах, к продлению памяти о них. Так что примите мою специальную горячую признательность за Вашу статью и за Ваше доброе упоминание

обо мне.

Я верю, что редко-прекрасный образ Николая Александровича сохранится еще на долгие человеческие времена и будет вдохновлять грядущие поколения на самоотверженность в науке и в жизни...

Надеюсь, Вы получили рассказ Николая Александровича «По общим законам природы». Не правда ли, как хорошо он написан, с каким тонким юмором!

Николай Александрович обладал большим художественным даром и мог бы с успехом писать повести, романы, пьесы, но он любил только одну науку и считал себя не вправе отрываться от нее даже короткие часы своего времени.

Пожалуйста, приищите таких членов будущей комиссии по разработке научного наследства Николая Александровича, которые смогли бы иметь для этой цели не только желание, но главное — свободное время.

Всего, всего лучшего.

С искренним приветом, сердечно преданная

Кс. Морозова

XIX. Сквозь грозы и бури. П. Прудковский.

Книгу известного революционера и ученого Николая Александровича Морозова «Откровение в грозе и буре», в которой он дает свое, реалистическое толкование одной из библейских книг -Апокалипсиса, я прочитал в 1916 г., когда мне было 16 лет, и она произвела на меня огромное впечатление. В то время я увлекался астрономией и мне была понятна астральная символика, обнаруженная Морозовым в этой книге, а научное истолкование ее казалось мне вполне убедительным. Но главное в том, что я уяснил себе тогда одну простую истину: все «священное писание» надо рассматривать не как «божественное откровение», а как литературный памятник древности, в котором отразилось мировоззрение его авторов, философские и религиозные взгляды, общественные отношения и уровень знаний современной им эпохи.

Я был глубоко благодарен Морозову за то, что он возбудил во мне не только интерес к

истории религии, но и желание самому принять участие в пропаганде научного атеизма, ставшей в дальнейшем неотъемлемой частью моей партийной и общественной работы. Но когда мне стали известны обстоятельства жизни Николая Александровича и те условия, в каких создавал он свои научные произведения, я проникся еще большим уважением к нему как к человеку, революционеру и ученому.

Необычайная широта кругозора и неустанный творческий труд позволили Морозову, оторванному от мировой науки, внести в нее свой — и немалый! — вклад, обогатить ее рядом открытий, не потерявших своего значения до наших дней. Академик С. И. Вавилов, говорил впоследствии, что «Н. А. Морозов сумел в ряде случаев увидеть то, к чему пришла наука много позднее в результате усилий громадного коллектива ученых». Так, в своих работах о Периодической системе Менделеева, написанных в основном в Шлиссельбурге, он еще до Резерфорда высказал предположение о сложном строении атома и о возможности его разложения.

После того, как в первые годы заточения Морозов был лишен возможности переписки и получения каких-либо книг, тюремное начальство разрешило давать ему Библию и различные богословские сочинения, рассчитывая, очевидно, этим способствовать «спасению души» заключенного. Но Морозов принялся прежде всего за критический разбор библейских легенд и преданий и в результате создал упомянутую выше книгу «Откровение в грозе и буре», ставшую по существу первым антирелигиозным произведением дореволюционной России. Тогда же у него сложился план большого исследования «История человеческой культуры в естественнонаучном освещении», в котором он, по его собственным словам, «старался наметить общими чертами возможность построения на развалинах старой исторической крепости ... новой осмысленной исторической науки на эволюционных началах, в связи с географией, геофизикой, общественной психологией, политической экономией, историей материальной культуры и со всем вообще современным естествознанием». Семь томов были опубли-

кованы уже после Октябрьской революции в 1924—1932 гг. под названием «Христос» (что в переводе с греческого означает «посвященный в тайны наук»).

Понятно, с каким захватывающим интересом прочитал я первые два тома этого произведения Морозова. Для меня они были равносильны встрече со старым другом, и мне захотелось, поделиться с автором своим мнением о его работе, а заодно сказать, какое значение для меня имело в свое время его «Откровение в грозе и буре». Так началась наша переписка с Николаем Александровичем. Узнав от него, что готовится второе издание первого тома «Христа», я написал, что неплохо было бы для удобства читателей дать алфавитный перечень всех по-новому истолкованных и расшифрованных библейских имен и названий. Николай Александрович одобрил мое предложение и поручил мне составить такой перечень, а также алфавитный указатель собственных имен, упоминавшихся в первых двух томах «Христа». Я выполнил эту работу и вскоре получил книгу Морозова с его дарственной надписью. Оба составленные мною

указателя были помещены в ней в виде приложений.

Как и следовало ожидать, труды Н. А. Морозова вызвали обширную полемику. Путем оригинальных, остроумных, неожиданных и порой парадоксальных гипотез и догадок он поставил под сомнение многие положения исторической науки, в том числе истории христианства, и пришел к выводу, что реальная история древних царств и народов начинается значительно позже общепринятой хронологии и что многие события, считавшиеся до сих пор достоверными, следует отнести в область мифов и легенд.

Споры вокруг книги Морозова продолжаются и по сей день. Например, в 9-м номере журнала «Химия и жизнь» за 1983 год я прочел статьи В. Рича и доктора физико-математических наук А. Т. Фоменко, в которых говорится, что сомнения в правильности хронологии древнего мира высказывались еще задолго до Морозова и что «великолепная научная интуиция и строгость логических рассуждений» позволили ему привести немало данных в пользу своих гипотез.

Воронеж.

*Книжное обозрение. № 51, 20 декабря 1985 г.
стр. 15.*

Этот очерк Петра Николаевича Прудковского (1899—1988) дан в сокращении.

Им были написаны для второго издания 1-го тома «Христа» Морозова, два приложения «Алфавитный указатель собственных имен первой книги „Христа“» и «Алфавитный справочник — указатель значения главнейших библейских имен и названий 1 и 2 книги „Христос“ в их толковании по Н. Морозову».

XX. Список дел фонда 543, описи I раздела VIII «Исторические исследования».

1. Христос

Дело №	Дата	Название	Кол-во страниц
285	1918-1919	Христос. Кн. 1. Материалы к работе.	415

286	1918-1919	Христос Гл. 1 ч.2	234
287	1920	Христос и его время. Том 1. Гл. 1.	231
288	1919-1920	Христос, записи	121
289	1920	Христос. Том 1.	269
290	1920	Христос. Книга 1.	298
291	1923	Христос. Книга 1.	307
292	1924-1926	Христос. Книга 1.1 и 2 изд.	291
293	1921	Христос, записи. Том II.	594
294	1923	Христос или Рам- зес. Гран- ки статьи.	16

295	1924	Христос или Рамзес. Брошюра.	20
296	1924	Христос. Книга 2.	287
297	б/д	Христос. Книга 2. Гл. 1 и 2.	292
298	б/д	Христос. Книга 2. Гл. 3 и 4.	249
299	б/д	Классификация святых для 2 книги.	190
300	1925	Заметки ко 2 книги, К ледниковым периодам	56
301	1925	Христос. Материалы к работе.	230

302	1925	Христос. Процентное содержание звуков в разных языках. Статистика звуков в еврейском языке, латинском, французском, немецком, русском.	26
303	1925	Христос. Т.2. Материалы.	24
304	1925	Христос. Верстка книги.	360
305	1922	Христос. Том 3.	198
306	1926-1927	Христос. Книга 3.	60

307	б/д	Христос. Книга 3.	446
308	б/д	Христос. Книга 3.	184
309	б/д	Христос. Книга 3. Части 3-5.	229
310	б/д	Христос. Книга 3.	206
311	1926	Материала- лы к кни- ге 3.	178
312	1926	Материала- лы к кни- ге 4	189
313	1926-1927	Христос. Том 4-5.	188
314	1927	Христос. Книга 4.	340

315	1927	Христос. Книга 4. Часть 2. Астроно- мическая проверка грече- ских и ла- тинских текстов.	180
316	1927	Христос. Книга 4.	87
317	1927	Христос. Книга 4. Гранки.	436
318	1927	Христос. Книга 4. Гранки.	99
319	1927	Христос. Книга 4. Гранки	237

320	1928	Христос. Книга 4. Астроно- мические методы исследо- вания до- стоверно- сти и вре- мени древних и средневе- ковых до- кументов.	212
321	1928	Христос. Книга 4. Печат- ный текст.	417
322	1928	Христос. Материа- лы к кни- ге 4.	118

323	1927	Андренко Леонид Леонидо- вич. Аст- рономи- ческие рис. ка- ранд. к 4 книге Мо- розова.	3
324	1919	Христос. Том 5.	365
325	1927-1928	Христос. Материа- лы к кни- ге 5.	190
326	1928	Христос. Заметки к книге 5.	181
327	1928	Христос. Книга 5. Части 1—5.	318
328	1928	Христос. Книга 5. Части 6—9.	414

329	1928	Христос. Кометы по китай- ским ле- тописям.	65
330	б/д	Христос. Материа- лы к кни- ге 5. Коме- ты по ки- тайским летопи- сям.	84
331	б/д	Христос. Материа- лы к кни- ге 5.	112
332	1928	Христос. Материа- лы к кни- ге 5 и 6.	309
333	1928	Христос. Книга 5. Корректу- ра.	505
334	1929	Христос. Книга 5. Гранки.	685

335	1929	Христос. Книга 5. Книга.	481
336	1928-1929	Христос. Материала- лы к кни- ге 6.	281
337	1928-1929	Христос. Материала- лы к кни- ге 6.	368
338	1929	Христос. Книга 6. Машино- пись.	188
339	1929	Христос. Книга 6. Машино- пись.	307
340	б/д	Христос. Книга 6. Части 1—3.	196
341	б/д	Христос. Книга 6. Части 4—6.	226

342	1930-1931	Христос. Книга 6. Части 1—3. Гранки.	212
343	б/д	Христос. Книга 6. Части 4—9. Гранки.	259
344	1929	Христос. Книга 6. Гранки.	185
345	б/д	Метеорит- ные ката- строфы на земле. Во- шло в 6 том.	23
346	1930	Христос. Книга 7. Часть 1. Гл.1-5.	190
347	б/д	Христос. Книга 7. Часть 1. Гл. 6-16.	237

348	б/д	Христос. Книга 7.	327
349	б/д	Христос. Книга 7.	420
350	1932	Христос. Книга 7.	408
351	1932	Христос. Книга 7.	261
352	1932	Христос. Книга 7. Гранки стр. 1—432.	223
353	1932	Христос. Книга 7. Гранки стр. 433—918.	245
354	б/д	Христос. Книга 7. Стр. 1—561.	278
355	1930-1931	Христос. Книга 7. Материалы.	360

356	1930-1931	Христос. Книга 7. Гранки.	229
357	1931	Христос. Книга 7. Гранки.	211
358	1932	Христос. Книга 7. Верстка.	488
359	1929	Алфавит- ный ука- затель опечаток к книгам 2, 3, 4, 5, 6. Сост. А. Н. Василье- вым, Г. А. Фельдма- ном и др.	70
360	1929	Предисло- вие, до- полнения к главам и вставки. 5, 6, 7 том.	205

361	б/д	Иллюстративный материал к 7 тому «Христа».	170
362	1920-1923	Христос. Записи. Том 8.	281
363	б/д	Христос. Книга 8. Глава 1,2,3 (Гранки для печати)	114
364	б/д	Книга 8 «Восточное эхо крестовых походов»	387
365	б/д	Книга 8. «С Востока ли был свет?»	182

366	1931-1932	Материалы к 8 тому	336
367	1932	Мелкие работы. Статья «Шлиссельбург» и др.	93
368	1934	Христос. Книга 8, 9. Материалы и работа.	216
369	б/д	Христос. Записи. Т.9.	359
370	1931	Христос. Книга 9. Часть 1. Миражи исторических пустынь.	261
371	1931	Христос. Книга 9. Часть 2.	294

372	1931	Христос. Книга 9. Часть 3. Чудеса псевдо- азиат- ской бел- летристи- ки.	333
373	1931-1933	Христос. Том 9. «Зенда Ве- ста».	114
374	1931	Христос. Книга 9. Часть 1. Миражи историче- ских пу- стынь.	595
375	1931	Христос. Книга 9. Часть 2. Миражи историче- ских пу- стынь.	475

376	1931	Христос. Книга 9. Часть 3. Чудеса псевдо- азиат- ской бел- летристи- ки. Гл. 1- 10.	626
377	б/д	Христос. Книга 9. Часть 1. Гл. 1-6.	443
378	б/д	Христос. Книга 9. Часть 1. Гл. 7-16.	476
379	б/д	Христос. Книга 9. Часть 2. Гл. 1-10.	495
380	б/д	Христос. Книга 9. Часть 2. Гл. 1, 4-11.	425

381	б/д	Христос. Книга 9. Часть 3.	466
382	1926	Том 10	40
383	б/д	Книга 10. Азиат- ские Хри- сты. Ч. 1- 5. Отсут- ствуют от- дельные главы.	545
384	б/д	Христос. Книга 10. Часть 2. Христос в Индии, на Цейлоне и Индо- стане. 3 экз.	374
385	б/д	Христос. Книга 10. Части 1-2.	388
386	б/д	Христос. Книга 10. Часть 2. Гл. 7-18.	290

387	б/д	Христос. Книга 10. Части 3-4.	301
388	б/д	Христос. Книга 10. Часть 2. Гл. 16-17. Сенсац- онные на- ходки ев- ропей- ских авантю- ристов 19 в.	410
389	б/д	Христос. Книга 10. Часть 2. Логика небес и сенсаци- онные на- ходки за- падно-ев- ропей- ских авант. до 20 века на востоке.	183

390	1930-1935	Христос. Материалы к последней книге.	432
391	1933-1934	Христос. Материалы к работе над последней книгой.	254
392	б/д	Христос. Материалы к работе над последней книгой.	294
393	б/д	Христос. Материалы к работе над последней книгой.	154

394	б/д	Христос. Материалы к работе над последней книгой.	216
395	б/д	Христос. Материалы к работе над последней книгой.	185
396	1926-1927	Христос. Заметки.	233
397	1926-1927	Христос. Материалы к работе.	64
398	1926	Христос. Материалы к работе.	137
399	б/д	Черновые наброски к «Христу»	23

400	б/д	Материалы к «Христу»	113
401	б/д	Солнечные и Лунные затмения	53
402	б/д	Материалы к эфемеридам Брутша	65
403	б/д	Таблицы Сатурна (гелиоцентрические положения от 50 г. до 1751 г.)	27
404	б/д	Таблицы Солнечных затмений 1—8 в.	132
405	б/д	Таблица Лунных затмений 5—15 в.	22

406	1923	Материалы к «Христу»	395
407	б/д	Материалы к «Христу»	166
408	б/д	Материалы к «Христу»	213
409	б/д	Рисунки (клише) к «Христу»	665
410	б/д	Список литературы и рисунков к «Христу»	27
411	б/д	Мелкие очерки, наброски и фрагменты к «Христу»	80
412	б/д	Заключение к «Христу»	14

413	1930	Проспект издания 6-ти книг «Христа»	14
-----	------	-------------------------------------	----

2. Отдельные статьи и главы для исследований по истории древней культуры, частично вошедшие в разные книги «Христа»

Дело №	Дата	Название	Кол-во страниц
414	1912-1935	Магические значки алфавита. Древняя каббалистика, как предчувствие будущего могущества слова. И др. статьи.	95
415	б/д	Каббала	61
416	б/д	Каббала	73

417	1917-1918	Мелкие статьи (Для исследования алфавитов).	31
418	1927	Об именах божьих. Комедии Аристофана...	42
419	1927	Павзаний, Заметки, Катакомбы и др. работы.	178
420	1928	Заметки по истории древней культуры	35
421	1929	Значения арабских имен.	14

422	1929-1932	Письма о «Христе». Затмение Луны при Магомете. Запрещение монахам жить вместе с монашенками.	47
423	1930	Песнь песней. Матрицы Елагабала. «Идеология науки и идеология каст».	14

424	1933	Выписка из Лаврентьевской летописи о Рюрике и половцах. Нючженские цари и их сопоставление с иерусалимскими. Дополнение к Чингизхану и др. материалы.	18
425	1933	Огромное количество славянских и др. слов в Зендской литературе и др.	43

426	б/д	Еврейские полнолуния. Набросок статьи.	5
427	б/д	Большая неправдоподобность наших азиатских первоисточников. Несколько мыслей по поводу классического идеизма материалистической механизации природы и энергетики. И др. раб.	70

428	б/д	Сравнение арабской азбуки с другими. О клинописях и др.	35
429	б/д	Латинский язык. Глава не вошла в «Христа».	4
430	б/д	Псалом 22-ой.	11
431	б/д	Психология апокрифистов.	9

432	б/д	Книга Молоты Маккавея. Библия. — греческое средневековое сказание о началах богословия иудаизма	36
433	б/д	Комета в Пегасе. (2-ая книга Маккавея).	9
434	б/д	2-ая книга Паралипоменон	9
435	б/д	Ковчег завета в библейских сказаниях.	8
436	б/д	Моисей и Иисус	14

437	б/д	Медный змей Моисея. Особая глава в книге.	6
438	б/д	Легенда о сне Иакова и легенда о снах фараона.	8
440	б/д	Легенда о звездном фениксе.	32
441	б/д	Волшебная сказка о царствах Богоборческих и их сопоставление с Западно-Римскими.	35

442	б/д	Волшебная сказка о древней Финикии с ее городами Тиром и Сидоном.	21
443	б/д	Сопоставление царей 2-й Римской империи с царями 3-й	14
444	б/д	Дополнительное сопоставление мифов об Александре Великом, о Христе, об императоре Юлиане Философе.	12

445	б/д	О знамен- ниях и чу- десах Ти- та Ливия	37
446	б/д	Дети Бого- борца и апостолы Иисуса.	46
447	б/д	Атриб- ские еги- петские гороско- пы. (Не вошла в «Христа».)	4
448	б/д	Об име- нах бога.	3
449	б/д	Даниил.	4
450	б/д	Старин- ное мно- гословие.	4
451	б/д	Ангелы.	2
452	б/д	Старые мысли о древних религиях.	14

453	б/д	Исаак и Измаил. Историко- психоло- гический очерк.	8
454	б/д	Via Dolorosa. Скорб- ный путь Иисуса как астр, история.	8
455	б/д	Когда бы- ли введе- ны в хри- стиан- ской церкви праздни- ки креще- ния и об- резания Господ- ние.	6
456	б/д	Воздви- жение креста.	6

457	б/д	О монашестве.	4
458	б/д	Библейская география и этнография.	28
459	б/д	Страничка из курса психиатрии.	10
460	б/д	Древние библиотеки.	3
461	б/д	Древние рукописи библии и Корана.	17
462	б/д	Кто был Магомет.	2
463	б/д	Краткий абрис истории армянской литературы.	24

464	б/д	Поле ад- мини- стратив- ного при- тяжения. (Не во- шла в «Христа».)	4
465	б/д	О поведе- нии орга- низмов.	6
466	б/д	Венериче- ские бо- лезни в древно- сти.	8
467	б/д	Летосчис- ления, проверен- ные авто- ром, как основы научной историче- ской хро- нологии с прил. фо- тоснимка- ми.	291+4

468	б/д	Хронологические таблицы	18
-----	-----	-------------------------	----

3. Конспекты и изложения исследования «Христос»

Дело №	Дата	Название	Кол-во страниц
469		Дворецкий Алексей Иванович. Из глубины веков. Великий хронологический сдвиг. Биография.	296
470	1940	Морозова К. А. Краткое изложение 1—3 тома «Христа»	82

471	1940	Морозова К. А. Крат- кое изло- жение 4-6 тома «Христа»	220
472	1942	Морозова К. А. Крат- кое изло- жение 7 тома «Христа»	136
473	б/д	Морозова К. А. Со- держа- ние 1—7 томов «Христа»	307
474	1939	Блюме- нау В. Л. Краткое изложе- ние 8 то- ма «Во- сточное эхо кре- стовых ПОХОДОВ».	95

475	1939	Блюменау В. Л. Конспект 9 тома «Христа»	56
476	б/д	Блюменау В. Л. Конспект 10 тома «Христа»	68
477	б/д	Общее резюме «Христа»	30

4. Исследование «Новый взгляд на историю русского государства в его допечатный период» и материалы к нему

Дело №	Дата	Название	Кол-во страниц
---------------	-------------	-----------------	-----------------------

478	б/д	Новый взгляд на историю Русского государства в его допечатный период. Часть 1.	503
479	б/д	Новый взгляд на историю Русского государства в его допечатный период. Часть 1 и 2.	528

480	б/д	Новый взгляд на историю Русского государства в его допечатный период. Часть 2. Западные востокофилы.	333
481	б/д	Новый взгляд на историю Русского государства в его допечатный период. Часть 1.	263

482

1935-1936

Новый
взгляд на
историю
Русского
государ-
ства в его
допечат-
ный пери-
од. Часть
1. Глава
20 (плюс
приложе-
ние Мро-
чека)

255

483

б/д

Новый взгляд на историю Русского государства в его допечатный период. Часть 1. Глава 9. Крестовые походы рыцарских Орденов Западной Европы и татарская орда русских летописей.

17

484	б/д	Материалы к работе «Новый взгляд на историю Русского государства» и к 8 книге «Христос. Восточное эхо крестовых походов».	123
-----	-----	---	-----

5. Высказывания Морозова Н. А. о своих исторических исследованиях.

Дело №	Дата	Название	Кол-во страниц
--------	------	----------	----------------

485	1925	Астрономический переворот в исторической науке. По поводу статьи профессора Н. М. Никольского	32
486	1925	По поводу статьи профессора Н. М. Никольского	3

487	1928	<p>Как я пришел к своей теории преемственности и непрерывности человеческой культуры. Заключительное слово на собрании созванном в Институте инженеров по инициативе В. Р. Мрочека</p>	3
488	1928	<p>В защиту реализма в исторической науке</p>	32

489	1928	В защиту реализма в исторической науке. Вырезка из газеты «Правда»	8
490	1932	Как я пришел к своим историческим выводам. Выступление на докладе В. Р. Мрочека	14
491	1935	Конспект речи на собрании по поводу «Христа»	3

492	1937	Предисловие к книге А. М. Дворецкого «Из глубины веков»	5
493	б/д	Переписка об исследовании «Христос»	137
494	б/д	Возникновение работы «Христос»	2

495	1935-40	Материалы по истории возникновения книги Н. А. (докладные записки, его предложения, копии писем с отзывами)	21
-----	---------	---	----

6. Материалы и труды Н. А. Морозова по истории древней культуры

Дело №	Дата	Название	Кол-во страниц
496	б/д	Собственные имена Библии. — Словарь библейских имен.	60

497	б/д	Киево-печерский патерик.	207
498	б/д	Нил арх. Ярослав. Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его обит, в Сибири. Спб., 1858.	281
499	б/д	Иллюстрированная история религии.	198
500	б/д	Стихотв. В. А. Жуковского. Т.4. Спб., 1869.	252

501	б/д	Греческо-русский словарь А. Д. Вейсмана. Спб., 1899.	1366
502	б/д	Волков И. М. Законы Вавилонского царя Хаммураби. М., 1914.	50
503	б/д	Библиографический указатель книг и статей на русском языке по истории религии до 1898 г.	22

504	б/д	Выписки и заметки В. Л. Блюменау для Н. А. Морозова.	288
505	б/д	Конспекты и выписки по русской истории.	4
506	1931-32	Дмитревский Михаил Семенович. Дневники работы по просмотру, сличению и конспектированию книг для Н. А. Морозова.	10

507	1932	Дмитревский М. С. Конспект выписок из книги «Leopold de Saussure es origines del'astron omie chinoise» и др. книг для Н. А. М.	23
508	б/д	«Бизутун- ская надп. Дария». Перевод К. А. Мо- розовой.	10
509	б/д	Перевод К. А. Мо- розовой из книги Де-Мели «Боги еще не умер- ли».	42

510	б/д	Выписки для Н. А. Морозова, сделанные разными лицами из книг, газет и журналов.	66
511	б/д	Газетные вырезки по истории древней культуры, искусства, литературы и др.	76
512	1930	Быстров А. Эскиз обложки «Откровение в грозе и буре»	1

513	б/д	Эскиз обложки «Откровение в грозе и буре»	2
514	б/д	Эскизы обложек «Эры жизни», «Откровение в грозе и буре», «Звездные песни».	6

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ Н. А. МОРОЗОВА И ПУБЛИКАЦИЙ О НЕМ И О ЕГО ТРУДАХ.

I. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТРУДОВ Н. А. МОРОЗОВА

1875

Данилов (Ярославской губ.): Письмо. — Работник, 1875, № 1 с. 5. — [Подпись А. Б.]

Село Рябково: Письмо. — Работник, 1875, № 3, с. 2 — 3. — Подпись Н. В-в.]

Даниловское дело. — Вперед!, 1875, 1 марта, № 4, стб.107-110. — [Без подписи].

1877

Литературная злоба дня. — Отеч. зап., 1877, № 1, Отд. 2, с. 1-47. — Разд. паг.

Стихотворения. — В кн.: Из-за решетки. Сб. стихотворений русских заключенных по политическим причинам в период 1873—1877 гг., осужденных и ожидающих суда. Женева: Работник, 1877, с. 63 — 83. — Подпись М. Н.

Тюремные видения: (Отрывок из поэмы «Борьба»). — В кн.: Вперед!: Непериодическое обозрение. Лондон, 1877, т. 5, с. 121—127.

1878

Разные известия. — Земля и воля, 1878, 25 окт., № 1.

[Хроника арестов]. — Земля и воля, 1878, 15 дек., № 2.

Тюремные видения: (Поэма). — СПб.: Тип.газеты «Начало», 1878. — 11 с.

1879

Казнь Кропоткина (9 февр. 1879 г.). — Земля и воля, 1879, 11 февр. — [Листовка].

Казнь агента тайной полиции Рейнштейна в Москве, 26 февраля 1879 г. Вольная Петербург, тип., 1879, 1 марта. — [Листовка].

Покушение на жизнь Дрентельна. — Земля и воля, 1879, 13 марта. -[Листовка].

«Исполнительный комитет, имея причины предполагать...»: [По поводу возможной пытки А. К. Соловьева, арестованного 2 апр. 1879 г. за покушение на Александра II]. [Вольная петербург. тип.], 1879, 3 апр. — [Листовка].

Наши домашние дела: (Аресты и обыски. Студенческие волнения. Земство и администрация. Татарские волнения. Чума). — Земля и воля, 1879, 15 янв., М 3.

Попытка освобождения Войнаральского: Фельетон. — Земля и воля, 1879, 20 февр., №4.

[Несколько слов от издателей: От Исполнительного комитета]. — Листок «Земли и воли», 1879, 12 марта, № 1.

Убийство шпиона Рейнштейна. — Там же. Февральские аресты в Петербурге. — Там же.

же.

Фомин. — Листок «Земли и воли», 1879, 12 марта, № 1; 22 марта, № 2/3.

[Сообщение об агенте III Отделения Баталине и о том, что все заявления организации будут печататься официально в ее органах «Земля и воля» и «Листок „Земли и воли“»]: От Исполнительного комитета. — Листок «Земли и воли», 1879, 22 марта, № 2/3.

Хроника арестов. — Там же.

[Значение политических убийств]. — Там же.

[Новый тип революционеров]. — Там же.

Суд над Бобоховым. — Там же.

Покушение на жизнь Дрентельна. — Там же.

[Сообщение о возможности применения пыток к А.Соловьеву, арестованному за покушение на жизнь Александра II, и предостережение некоторым лицам, ранее принимавшим участие в пытках политических заключенных]: От Исполнительного комитета. — Листок «Земли и воли», 1879, 6 апр., №4.

[Сообщение об агенте III отделения Б. В. Гильхене и о казни А. К. Соловьева]: От Ис-

полнительного комитета. — Листок «Земли и воли», 1879, 8 июня, № 5.

Суд над Дубровиным. — Там же.

Киевские события. — Там же.

[Сообщение об агенте III отделения Б. Александровском-Черкасском и о письме В. Осинского, написанном за несколько часов до казни]: От Исполнительного комитета. — Листок «Земли и воли», 1879, 14 июня, № 6.

Дело братьев Избицких в Киеве. — Там же.

Урюпинское дело. — Там же.

Хроника военного положения. — Там же.

От Редакции. — Народ, воля, 1879, 1 окт., № 1, с. 1. — [Совместно с другими]. [Извещение о Рачковском]: От Исполнительного комитета. — Там же, с. 1 — 2. Хроника преследований. — Там же, с. 16 — 20. — [Совместно с О. Любатович].

[О задаче социально-революционной партии в настоящее время]: [Передовая]. — Народ, воля, 1879, 15 нояб., № 2, с. 1-4.

[По поводу смертных казней весны и лета 1879 г.]. — Там же, с. 5 — 6.

[Извещение об агенте III отделения Семяко-Максимовиче]: От Исполнительного коми-

гета. — Там же, с. 9.

О Валериане Осинском: (Биографические заметки). — Там же, с. 9 — 13.

Два слова о генерал-губернаторстве. — Там же, с. 15.

Хроника преследований. — Там же, с. 17 — 19. — [Совместно с О. Любатович].

Стихотворения. — В кн.: Собрание стихотворений. [СПб.: Вольная Петербург, тип.], 1879, с. 8 — 9, 12 — 15, 17 — 19, 21 — 24. — Подпись Н. Никто.

1880

Террористическая борьба. — Лондон: Рус. тип., 1880. — 14 с.

[Извещение об агентах III отделения]: От Исполнительного комитета. — Народ, воля, 1880, 1 янв., М 3, с. 8.

Хроника преследований. — Там же.

Арест «Вольной петербургской типографии». — Общ. дело, 1880, №31/32, с. 13-14.

Русское террористическое движение. — Общ. дело, 1880, №33/34, с. 10-12.

Завещание: Посвящается Н. А. С. [Н. А. Саблину] — Там же, с. 16.

Proclamation des revolutionnaires russes. — Ni Dieu, ni maitre, 1880, 4 dec., № 15.

Proclamation des ouvriers revolutionnaires russes du parti «Narodnaia volia». — Ni Dieu, ni maitre, 1880, 13 dec, № 24, p. 2.

Стихотворения, 1875 — 1880. — Женева: Тип. Работника и Громады, 1880. -80 с.-Наобл. 1881 г.

После казни 4 ноября: (Стихотв.). — Народная Воля, 1880, 5 дек., № 4.

1900

Террористическая борьба. — Женева: M. Elpidine, Libraire — Ed., 1900. -23 с. + прил. «Стихотворение „Завещание“. Посвящается Н. А. С.», с. 23.

1903

Две заметки по поводу прокламаций «Народной Воли». — Былое (Лондон), 1903, №3.

1906

Кристаллизационная вода. — ЖРФХО, 1906, т. 38, вып. 9, с. 481 — 496.

Из стен неволи. — Ростов н/Д: Дон. речь,

[1906]. — 54 с, портр.

Две заметки по поводу прокламаций «Народной воли». — В кн.: Былое. Вып. 1 (1900—1902 гг.). Ростов н/Д: Дон. речь, 1906, с. 144. — (Рус. ист. б-ка; №4).

Эры жизни. — Соврем, мир, 1906, нояб., № 2, с. 89 — 108. — На обл. № 11. Разд. паг.

В начале жизни. — Рус. богатство, 1906, май, с. 76 — 124; июнь, с. 108 -134.-Разд. паг.

Возникновение «Народной воли»: (Из воспоминаний о Липецком и Воронежском съездах летом 1879 г.). — Былое, 1906, № 12, с. 1 — 21.

28 лет в Шлиссельбурге: (Беседа). — Страна, 1906, 22 февр., № 3.

Именины в полицейском участке: Фельетон. — Русь, 1906, 7 дек., № 69.

«Дон-Кихот» в переводе М. В. Ватсон. — Русь, 1906, 19 дек., № 80.

Рассказ шлиссельбуржца: [Беседа]. — Речь, 1906, 4 марта, № 10.

Стихотворения. — В кн.: Вперед: Сб. стихотворений и песен / Сост. М. Львович. Ростов н/Д: Дон.речь, 1906, с. 45 — 46,67 — 68,106,113-114,128-129.

Из шлиссельбургских мотивов: (Неизданные стихи, посвященные товарищам по заключению). — Былое, 1906, №2, с. 118 — 120.

Зимой: Стихотворение. — Север, 1906, № 5, с. 115 — 116.

1907

Периодические системы строения вещества: Теория образований химических элементов. — М.: Сытин, 1907. — XVI, 437 с, черт.

Д. И. Менделеев и значение его периодической системы для химии будущего. — М.: Сытин, 1907. — IV, 104, XI с, портр., табл.

Откровение в грозе и буре: История возникновения Апокалипсиса. -СПб.: Изд-во журн. Былое, 1907. — 304 с, рис., табл.

Откровение в грозе и буре. — 2-е изд., испр. и доп., с 65 рис. и снимками с древних астрономических карт Пулковской обсерватории. — М.: Саблин, 1907. — XIV, [2], 322 с, ил., карт.

Д. И. Менделеев и периодическая система химических элементов. — Изв. СПб. биол. лаб., 1907, т. 8, вып. 3, с. 22 — 33.

Теоретический вывод периодической си-

стемы современных химических элементов. — Изв. СПб. биол. лаб., 1907, т. 8, вып. 4, с. 11-41, табл.

Законы сопротивления упругой среды движущимся в ней телам. — Изв. СПб. биол. лаб., 1907, т. 9, вып. 2, с. 26 — 84, табл.

Новая планета типа астероидов. — ЖРФХО. Физ. отд., 1907, т. 39, вып. 2, с. 54 — 56.

То же. — Вопр. физ., 1907, вып. 2, с. 54-56.

О новейших определениях температуры поверхностных областей Солнца. — ЖРФХО. Физ. отд., 1907, т. 39, вып. 2, с. 56 — 58. То же. — Вопр. физ., 1907, вып. 2, с. 56 — 58.

Значение работ Д. И. Менделеева для теории растворов. — ЖРФХО. Физ. отд., 1907, т. 39, вып. 5, с. 134- 143, черт.

Неисчислимое, как один из распределительных факторов в жизни природы. — ЖРФХО. Физ. отд., 1907, т. 39, вып. 7, с. 257 — 263.

Апокалипсис с астрономической точки зрения: (Доклад на заседании Физического отделения РФХО, 12 дек. 1906 г.). — Вестн. зн., 1907, № 2, с. 85 — 98, рис., табл.

В начале жизни: Как из меня вышел революционер вместо ученого. — М.: Саблин,

1907. — 265 с, ил.

Вера Николаевна Фигнер. — В кн.: *Ариян П. Н. Первый женский календарь на 1907 год.* СПб.: Тип. Ревитцера, 1907, с. 342-347.

Андрей Франжоли: (Очерк из движения в «народ» в 70-х годах и из последних дней «Народной воли»). — *Былое*, 1907, № 3, с. 283 — 289.

Отголосок давних дней: (По поводу статьи М. Р. Попова «Из моего революционного прошлого»). — *Былое*, 1907, № 10, с. 241 — 245.

Апокалипсические звери: (Ответ моим критикам). — *Русь*, 1907, 21 апр., № 111.

Литературные заметки: (М. В. Ватсон «Библиотека итальянских писателей»). -*Русь*, 1907, 27 окт., №287.

Четвертое измерение: (Из писем к товарищам по заключению). — *Соврем, мир*, 1907, №3, с.50 — 67. — Разд. паг.

Стихотворения. — В кн.: *Вперед: Сб. стихотворений и песен / Сост. М. Львович*, 2-е изд. Ростов н/Д: Дон. речь, 1907, с.67 — 68,106,113-114,128 -129.

Числа: (Стихотворение). — *Соврем, мир*, 1907, № 12, с. 127. — Разд. паг.

Знак: (Стихотв.). — Перевал. Журнал свободной мысли. М., 1907, №7, с.8

[Автограф: «Дорогие друзья! Освободитесь от партиозности и вы будете всеильны.»] — В кн.: помощь голодным / Под ред. М. Зензинова. М., 1907.

1908

Основы качественного физико-математического анализа и новые физические факторы, обнаруживаемые им в различных явлениях природы. — М., Сытин, 1908. XII, 402 с.

Законы сопротивления упругой среды движущимся в ней телам. — СПб.: Тип. Т-ва Худ. печать, 1908. — 66 с, ил.

Iahna parahdischanas grahmata no astronomiska redsis stahwokla. — Riga: J. Pihpa, 1908.-16 p.

Вновь открытое превращение эманации радия с точки зрения эволюционной теории строения атомов. — Изв. лаб. 1908, т. 9, вып. 3, с. 6 — 13.

Три аллотропические состояния серы и ее аналогов. — Изв. Спб. биол. лаб., 1908, т. 9, вып. 4, с. 28 — 49.

Озон и перекиси. — Изв. СПб. биол. лаб., 1908, т. 10, вып. 1, с. 9 — 28.

Опыт истолкования физического значения коэффициента пропорциональности в Ньютоновой формуле тяготения. — ЖРФХО. Физ. отд., 1908, т. 40, вып. 2, с. 23 — 36. — Рез. на фр. яз.

По поводу новой кометы. — ЖРФХО. Физ. отд., 1908, т. 40, вып. 9, с. 381-387, ил.

Периодическая система химических элементов в ее теоретическом выводе. — Физ. обзор., 1908, т. 9, вып. 2, с. 73 — 84, табл.; вып. 3, с. 121 — 135, табл.

Апокалипсис с астрономической точки зрения: (Две публичные лекции). -Мир, 1908, № 3, с. 11 — 18, ил.; №4, с. 17-23, ил.; №5, с.15-23, ил.

В мировом пространстве. — Современ, мир, 1908, №1, с.159 -175. — Разд. паг.

Почему мы не рассыпаемся?: Новая гипотеза молекулярного сцепления. — Современ, мир, 1908, № 12, с. 1 — 18. — Разд. паг.

О гражданском равноправии женщин. — В кн.: *Ариян П.Н.* Первый женский календарь на 1908 год. СПб.: Тип. В.Ф. Ревитцера, 1908,

(Отд.5), с.1 -3. — Разд. паг.

Франсуа-Мари Аруэ-Вольтер. — В кн.: *Вольтер Ф.-М. Собрание сочинений*. Спб.: Н. Ф. Мертц, 1908, т.1, с.III-XV.

L'apocalypse et l'astronomie, expose par M. Rollet de l'Isle. — Bull. Soc. astr. Fr., 1908, an.22, p. 166-168.

Formation d'un Cumulus. — Ibid, p. 478.

Памяти А. Н. Ганского. — Речь, 1908, 8 авг., № 188.

Свидание с Л. Н. Толстым [28 сент. 1908 г.]: (Письмо к редактору) -Рус. вед., 1908, 3 окт., № 229.

На пути к превращению металлов: [Научный фельетон]. — Речь, 1908, 15 дек., № 308.

[Стихотворения]. — В кн.: *Избранные произведения русской поэзии*. 3-е изд., вновь пересмотр, и значит, доп. / Сост. В. Д.Бонч-Бруевич. Спб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1908, с. 123 — 126.

1909

В поисках философского камня. — Спб.: Обществ, польза, 1909. — 300 с, ил., портр.

Начала векториальной алгебры в их гене-

зисе из чистой математики. -СПб.: Обществ., польза, 1909. — VI, 178 с, табл.

Objawienie srod, gromow I burzy: Wyklad Ahjkalipsy. — Lwow. 1909.

Imutus koues ja tormis. — Tartus: I.Derpan, 1909.

Эволюция вещества в природе. — В кн.: Труды I Менделеевского съезда по общей и прикладной химии, состоявшегося в С.-Петербурге с 20-го по 30-ое дек. 1907 г. СПб.: Тип.-лит. Фроловой, 1909, с. 191 — 200.

Три аллотропические состояния фосфора и его аналогов. — Изв. СПб. биол. лаб., 1909, т.10, вып. 2, с. 7 — 22.

Три аллотропические состояния галоидов. — Изв. СПб. биол. лаб., 1909, т. 10, вып. 3, с. 7-18.

Свет и Вселенная. — Образование, 1909, № 1, с. 126 — 134.

Из личных воспоминаний о П. Ф. Лесгафте. — Весна, 1909, № 46/48, с. 294-296.

Sulla necessita di nuovi studii sulla forza di gravitation. — Scienza per tutti, 1909, №10.

На пути к превращению металлов: [Научный фельетон]. — Речь, 1909, 5 янв., №4; 2

февр., № 32.

Вечность жизни. [Жизнь, как фактор, противодействующий энтропии во Вселенной]. — Рус. вед., 1909, 14 янв., № 10.

Письма из Шлиссельбургской крепости. — Вестн. Евр., 1909, № 1, с. 196-215; № 2, с. 630-650; № 3, с. 99-119; № 5, с. 116-132; № 6, с. 583-606; № 7, с. 52—77.

Айзик Арончик. — Еврейский мир, 1909, № 3, с. 89 — 99.

Атомы души. — Соврем, мир, 1909, №11, с. 1 — 9. — Разд. паг.

Ученый в стенах крепости: Беседа. — Голос, 1909, 13 марта, № 19.

Из личных воспоминаний о П. Ф. Лесгафте. — Речь, 1909, 7 дек., № 336.

Пролог. — В кн.: Под сводами. Сб. повестей, стихотворений и воспоминаний, написанных заключенными в старой Шлиссельбургской крепости / Сост. Н. Морозов. М.: Звено, 1909, с. 5 — 8.

По общим законам природы: (Юмористический рассказ). — Там же, с. 195-208.

Весна неволи: [Стихотворение]. — Там же, с. 303.

[Выступление на первом чтении рассказа Л. Н. Андреева о «Семи повешенных»]. — Огонек, 1909, № 6, с.[4,7].

Пер.: Уэллс Г. 50 тысяч лет назад: Рассказ из каменного века. Пер. с англ. — СПб., Пантеон, 1909. — 133 с.

Пер.: Уэллс Г.Д. Машина времени. — В кн.: Уэллс Г.Д. Собр.соч.: Пер. с англ. СПб.: Шиповник, 1909, т. 3, с. 111 — 232.

Ред.: Под сводами: Сб. повестей, стихотворений и воспоминаний, написанных заключенными в старой Шлиссельбургской крепости / Сост. Н. Морозов. М.: Звено, 1909. — 305 с.

На пути к превращению металлов. — Речь, 1909, 9 янв., №5; 2 февр., №32.

[Стихотворения]. — В кн.: Избранные произведения русской поэзии. 5-е изд. / Сост. В. Д. Бонч-Бруевич. СПб., 1909, с.123 — 126, 318 (Светоч).

1910

Откровение в грозе и буре. История возникновения Апокалипсиса. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Саблин, 1910. -XVIII [2], 335 с, ил., карт.

Письма из Шлиссельбургской крепости. — СПб.: [Аверьянов], 1910. — 267 с.

На границе неведомого: Астрономические и физические полуфантазии. — М.: Звено, 1910. — 189 с, ил.

Что может принести нам встреча с кометой?: Публичная лекция. — М.: Сытин, [1910]. — 64 с, ил., табл., портр.

Эволюция вещества на небесных светилах по данным спектрального анализа: Речь, произнесенная на соединенном заседании XII съезда естествоиспытателей и врачей в Московском обществе испытателей природы, 3 янв. 1910 г. — М.: Тип. Моск. ун-та, 1910. — 28 с.

То же. — В кн.: Дневник XII съезда русских естествоиспытателей и врачей. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1910, с. 276 — 301, ил. — Разд. паг.

Di Evolution der Materie auf den Hirmelskurpern. Eire theoretische Abtheilung des periodischen Systems. — Drezden: Steinkopff, 1910. — 41 s.

Эволюции элементов на небесных светилах. — В кн.: *Штерне К.* Эволюция мира. М.: Мир, 1910, т. 3, с. 381 — 432, ил.

Три аллотропические состояния азота. — Изв. СПб. биол. лаб., 1910, т. 10, вып. 4, с. 16-36.

Три аллотропические состояния углерода в минеральных соединениях. -Там же, с.37-48.

К вопросу о зависимости силы тяготения от температуры тел. -ЖРФХО. Физ. отд., 1910, т. 42, вып. 4, с. 166 — 169.

То же. — Вопр. физ., 1910, вып. 4, с. 166 — 169.

Загадки Луны. — Вестн. зн., 1910, № 1, с. 3-11, ил.

Глубины небес и глубины земли: (Успехи астрономии, физики, геологии и химии за 1909 год).-Рус. вед., 1910, 1 янв., № 1, с. 12.

Мое первое свидание с кометой Галлея. — Рус. вед., 1910, 2 марта, № 49.

Каковы будут последствия, если мы попадем 5-го мая в хвост кометы Галлея? — Бирж, вед., 1910, 11 марта, № 11608.

Комета Галлея: [Беседа]. — Речь, 1910, 10 мая, № 126.

Звездные песни. — М.: Скорпион, 1910. — 8, 192 с, ил.

Княжна Мария Михайловна Дундукова-Корсакова. — В кн.: *Ариян П.Н.* Первый

женский календарь на 1910 год. Спб.: Тип. М. Я. Квара, 1910, с. 25-29. — Разд. паг.

По Военно-Грузинской дороге: Из путевых воспоминаний. — Нов. сл., 1910, № 1, с.40—45.

Из научных стихотворений. — Вестн. Евр., 1910, № 1, с 199-201.

Научные стихотворения. — Вестн. Евр. 1910, № 3, с. 109 — 113.

За снежными вершинами: (Из путевых заметок). — Вестн. Евр., 1910, № 4, с. 50-71; №5, с. 64-88.

Звездные песни. Стихотворения. — Вестн. Евр., 1910, № 9, с. 91—93.

Памяти авиатора Л. М. Мациевича. — Рус. вед., 1910, 28 сент., № 222.

Памяти В. А. Караулова: (Из личных воспоминаний). — Речь, 1910, 22 дек., №351.

Ред.: Уэллс Г. Остров доктора Моро. — В кн.: Уэллс Г. Собр. соч.: Пер. с англ. Спб.: Шиповник, 1910, т. 8, с. 7—143.

Куда мы идем? — В кн.: Куда мы идем? М.: Заря, 1910, с.107 — 108.

1911

Вселенная. — М.: Мир, 1911. — 300 с, ил. —

Экземпляр книги оформлен в 1972 г. из 5 — 7 книг 2-го тома «Итоги науки в теории и практике». (М., 1911). Книга подарена Домом-музеем Н. А. Морозова Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина и находится в отделе редких книг.

Вселенная. — В кн.: Итоги науки в теории и практике. М.: Мир, 1911, т. 2, кн. 5/7, с. 605—904, ил., табл.

Природа и математика: (Объяснение дифференциала и интеграла на законах падения тел). — В кн.: *Кольрауш Ф. Л.* Введение в дифференциальное и интегральное исчисление и в дифференциальные уравнения. СПб.: Обществ. польза, 1911, с. 195-210.

Предисловие. — Там же, с. III — IV.

О необходимости новых исследований относительно силы тяготения. -Вестн. опыт. физ. и элемент, матем. 1911, № 479/480, с.540 — 544.

Новейшие выводы о внутреннем строении небесных тел. — Запр. жизни, 1911, №6, с 369-376.

Эволюция воздухоплавания на фоне общественной жизни народов. -Нов. жизнь (С.-Пе-

тербург), 1911, № 5, с. 122-139; №6, с. 143 — 162.

Свободный полет на воздушном шаре. — Рус. мысль, 1911, № 2, с. 34 — 47.

Предисловие. — В кн.: *Святский Д.* Лестница Иакова или сон наяву: Библейско-астрономический этюд. СПб.: [Тип. Стасюлевича], 1911, с. 3 — 4.

Завоевание воздуха: (Успехи авиации в 1910 г.).-Рус. вед., 1911, 1 янв., №1.

По поводу авиационных катастроф: (К перелету Петербург — Москва). -Речь, 1911, 14 июля, № 190.

[Автобиография]. — В кн.: Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей / Сост. Ф. Ф. Фидлер. М.: Сытин, 1911, с. 73 — 80.

Сказка как своеобразный род изящной литературы. — В кн.: Морозова К. А. В царстве сказки. М.: Сытин, 1911, с. 3.

Перспективы будущего. — В кн.: Русское воздухоплавание. История и успехи. Выпуск 2. СПб., 1911.

1912

Функция. Наглядное изложение дифферен-

циального и интегрального исчисления и некоторых его приложений к естествознанию и геометрии: Руководство к самостоятельному изучению высшего математического анализа. — Киев: Сотрудник, 1912. — XII, 464 с, черт.

Полет на аэростате Всероссийского аэроклуба «Треугольник» во время кольцеобразного солнечного затмения 5 апр. 1912 г. — [СПб.: Тип. Александрова, 1912].- 10 с, ил.

Die Offenbarung Iohannis: Eine astronomisch-historische Untersuchung / Mit einem Geleitwort von Prof. A. Drews. — Stuttgart: Spemarm, 1912. — XX, 229 S, Abb., Taf.

Задачи современного воздухоплавания. — В кн.: Левашев А. П. Завоевание воздуха: (Популярный очерк развития и современного состояния воздухоплавания). СПб.: В. Яковенко, 1912, с. 3 — 6.

Эволюция светил с геофизической точки зрения: [Докл. от 30 янв. 1912 г. Крат. излож.]. — В кн.: Отчет Русского общества любителей мироведения за 1911 год. СПб.: Ред. период, изд. М-ва финансов, 1912, с. 23 — 24.

Звездные рои. — Изв. Рус. о-ва люб. миро-

вед., 1912, № 1, с. 2-8.

Солнечное затмение 4(17) апр. 1912 г.: Полет на аэростате во время затмения. — Изв. Рус. о-ва люб. мировед., 1912, № 2, с. 23 — 27, рис.

Прошедшее и будущее миров с современной геофизической и астрофизической точки зрения: (Речь, произнесенная 27 дек. 1911 г. в актовом зале С.-Петербургского университета на заключительном собрании секции астрофизики 2-го Менделеевского съезда). — Природа, 1912, №3, стб. 333 — 362, ил.

Скоро ли остынет и оледенеет наша земля? — Заветы, 1912, № 3, [Отд. 2], с. 1 — 9. — Разд. паг.

На аэростате во время солнечного затмения. — Солнце России, 1912, № 16, с. 1 — 4, ил., портр.

Экваториальный пояс для превращения сферического аэростата в парашют. — Воздухоплаватель, 1912, № 4, с. 257 — 259, ил.

Основные вопросы современной астрономии. — Вестн. Евр., 1912, № 7, с. 225-233.

К открытию Южного полюса. — Запр. жизни, 1912, № 9, стб. 557 — 559.

Полет на аэростате во время кольцеобразного солнечного затмения 5 апр. 1912 г. -Метеорол. вестн., 1912, №5, с. 161 — 170, ил.

Памяти заботливого друга. — В кн.: Памяти Петра Францевича Лесгафта. [СПб.]: Шк. и жизнь, 1912, с. 174-181.

Складовская-Кюри. — В кн.: *Ариян П.Н.* Первый женский календарь на 1912 год. СПб.: [Тип. Т-ва Печат. Станок], 1912, с. 53—56. — (Из прошлого и настоящего).

Наука в поэзии и поэзия в науке. — Рус. вед., 1912, 1 янв., № 1. Памяти Петра Николаевича Лебедева. — Речь, 1912, 4 марта, № 62. В лазури голубой. (Стихотворение) — В кн.: Сб. Памяти Л. М. Мациевича. СПб, 1912, с.67.

1913

Л. Н. Толстой и современная наука. — В кн.: Толстовский ежегодник 1913 года. М., 1913, с. 51 — 53. — (Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом). — Разд. паг.

Артур Древе. — В кн.: Древе А. О личности Христа: Пер. со 2-го англ. изд. М.: Соврем, про-бл., 1913, с.VII — IX.

Сообщение Е. Колосову об участии Н. К.

Михайловского в газетах «Народная воля» и «Земля и воля». — В кн.: Михайловский Н. К. Полное собрание сочинений. 2-е изд. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1913, т. 10, с. XXXIII.

Культурное значение воздухоплавания. — Вестн. зн., 1913, № 7, с.611-620; № 8, с. 766 — 776.

De Saint-Petersbourg a Vologda: 600 kilomutres au dessus des images et des marais. — Rev. aeronaut. et automob., 1913, № 3, p. 60—62.

О своих тюремных настроениях и заключениях. — Бюл. лит. и жизни 1913, №20, с. 905-912.

В роли «германского подданного Энгеля». — Бюл. лит. и жизни 1913 №22, с. 977-986.

Как Н. А. с товарищами в тюрьме проявляли свободу. — Бюл. лит и жизни, 1913, № 23/24, с. 1015—1020,

Вперед, дитя!: [Стихотворение]. — В кн.: Цветные сборники: Розовый СПб.: Печат. сл., 1913, с. 18.

Во имя братства. — Голос минувшего, 1913, № 8, с. 87 — 118; № 9, с. 65 -113; №10, с. 108-139; №11, с. 122-161; №12, с. 117-167.

В глубине преисподней: По заметкам, пи-

санным в ней самой. — Вестн Евр., 1913, №4, с. 213 — 263; № 5, с. 132 — 175; № 6, с. 54 — 77.

На перепутье: (Из воспоминаний). — Со-
времен, мир, 1913, № 6, с. 45 — 86; № 7, с.47 —
84. — Разд. паг.

Мир, рассматриваемый через хрустальную
призму. — Жизнь за неделю 1913, №2, с. 30-32.

Дни испытания. — Рус. мысль, 1913, № 6,
с.101—146; № 7, с. 104—144; №8, с. 125-153.

Перед грозой: (Из воспоминаний в Двин-
ской крепости). — Сев. зап. 1913, № 5/6, с. 96 —
123; № 7, с. 54 — 72; № 8, с. 87 — 109.

На моноплане: [Впечатления о полете]. —
Рус. вед., 1913, 31 мая, № 124.

Пер.: Уэллс Г. 50 тыс. лет назад: Рассказ из
каменного века. Пер. с англ. — СПб.: Б-ка Коло-
сья, М. И. Семенов, 1913. — 133 с.

Ред.: *Рамзай В.* Элементы и электроны. —
М.: Природа, 1913. — 138 с.

Предисловие. — Там же, с. 5 — 6.

Ред.: *Содди Ф.* Материя и энергия: -Пер. с ан-
гл. — М.: Природа. 1913. -182 с.

Предисловие к русскому переводу. — Там
же, с. 11.

Пояснения ко второй периодической таб-

лице. — Там же, с. 8 — 10.

Примечания. — Там же, с. 25, 50, 125—126, 167, 169—170.

Отец и сын: (Из повести «На перепутье»), — Бюл. литер, и жизни, 1913 №2(сент.), с. 104-113.

Мечта о городах будущего: (Из повести «Перед грозой»). — Бюл. литер, и жизни, 1913, №4 (октябрь), с.242.

Из революционного прошлого: (Из повести «Во имя братства»). — Бюл. литер, и жизни, 1913 (ноябрь), с.361 — 366.

1914

Пророки: История возникновения библейских пророчеств, их литературное изложение и характеристика. — М.: Сытин, 1914. — 310 с, ил.

Завоевание воздуха. — В кн.: Итоги науки в теории и практике. М.: Мир, 1914, т. 4, кн. 12/13, с. 232-271, ил., табл., 6 л. ил.

Светящиеся облака: (С фотоснимками Н. Ф. Мертца). — В кн.: Альманах «Севера». СПб.: Н. Ф. Мертц, 1914, кн. 1, с. 28—33, рис.

Вера Евстафьевна Богдановская. — В кн.:

Ариян П. Н. Первый женский календарь на 1914 год. СПб.: [Тип. Бережливость], 1914, с. 307—309.

Древняя кабалистика, как предчувствие грядущего могущества слова. -Нов. сл., 1914, №1, с. 76-84; №2, с. 17-25.

Былое. — Ежемес. журн. лит., науки и обществ, жизни, 1914, № 1, с. 138-144; № 2, с. 121—129; № 3, с. 85—92.

К читателю. — Шк. для всех, 1914, № 1, с. 1.

Из воспоминаний о друге: (Памяти Д. А. Клеменца). — Речь, 1914, 12 янв., № 11.

С полета в болото: (Воздушное путешествие). — Рус. вед., 1914, 17 июля, № 163.

1915

Эволюция элементов на небесных светилах. — В кн.: Штерне К. Эволюция мира. 2-е изд. М.: Мир, 1915, т. 3, с. 381 — 432, рис., 1 л. ил.

Лингвистические спектры. — Изв. АН ОРЯС, 1915, т. 20, кн. 4, с. 93—134.

Берта фон Сутнер. — В кн.: Ариян П. Н. Первый женский календарь на 1915 год. СПб.: [Тип. Я. Трей], 1915, с. 148-150, портр.

Когда прекратятся войны: (Естественно-научное объяснение войны). - Бюл. лит. и жизни, 1915, № 13/14, с. 744 — 748.

Воспоминания революционера. — Бюл. лит. и жизни, 1915, № 20, с. 1099-1104.

За свет и свободу. — Голос минувшего, 1915, №4, с. 108-143; №5, с. 85-121.

Легенда о Дедале и Икаре. — Журн. журн., 1915, № 36, с. 5, портр.

Война как один из факторов психологической и общественной эволюции человечества: (Опыт естественно-научного объяснения войн). — Рус. вед., 1915, 6 февр., № 29; 10 февр., №32.

На войну. — Рус. вед., 1915, 13 февр., № 35.

На пути к месту боя. — Рус. вед., 1915, 28 февр., № 48.

Бомба с неба. — Рус. вед., 1915, 1 марта, № 49.

После победы. — Рус. вед., 1915, 7 марта, № 54.

С войны. — Рус. вед., 1915, 8 марта, № 55.

Ответ русских писателей английским собратьям. — Бирж. вед., 1915, 30 марта, № 14753. — [Совместно с другими].

Тревожные слухи. — Рус. вед., 1915, 3 апр., № 75.

Свободные горы. — Русская мысль, 1915, № 10, с.103—140; № 11, с.97-126; № 12, с.85-108.

1916

Лингвистические спектры: Средство для отличения плагиатов от истинных произведений того или иного известного автора. — Пг.: Тип. Акад. наук, 1916.-42 с.

Вселенная. — В кн.: Итоги науки в теории и практике. М.: Мир, 1916, т. 2, с. 605 — 904, ил., табл.

Упрощенные таблицы движения Солнца, Юпитера и Сатурна: [Ч. 1]. -Изв. Рус. о-ва люб. мировед., 1916, т. 5, № 5, с. 223 — 236. — [Совместно с М. А. Вильевым].

Как прекратить «вздорожание жизни»: Основные законы денежного хозяйства. С прилож. статей: Выгоды и невыгоды социалистического землепользования. Обременительно ли брачное состояние для трудящегося человека. Социализм и милитаризм и т. д. — М.: Сытин, 1916. — 128 с.

Повести моей жизни. — М.: Задруга,

1916. — Т. 1. — 320, [4] с.

На войне: Рассказы и размышления. — Пг.: Бычковский, 1916. — 149 с.

[О детских рисунках]. — В кн.: Наш журнал. Пг.: Свобод, искусство, 1916, с. 10—11 приложения «Художественное творчество детей». — Разд. паг.

[Мысли о книге]. — В кн.: Полвека для книги. М.: Сытин, 1916, с. 320, портр.

Памяти усопшего друга бывших шлиссельбургских узников (В. И. Семевского). — Голос минувшего, 1916, № 10, с. СХII—СХIII. — [Совместно с другими].

Невозвратно былое: (Автобиографический рассказ). — Сев. зап. 1916 №2, с. 118-137; №12, с. 107-118.

Армия и народ. — Бирж, вед., 1916, 16 февр., № 15388.

На новые мотивы: (Пародии). 1. Беглец. 2. Псонг. — Бирж, вед., 1916 15 мая, № 15559.

Психология современного европейского милитаризма. — Бирж. вед., 1916, 11 нояб., №15917.

Венецианский узник. (Из вариантов одной сожженной поэмы). — Бирж вед., 1916, 18 дек.,

№ 15991.

War in the future. — В кн. :The soul of Russia. London, 1916, с.167-169.

1917

Эволюционная социология, земля и труд. Пг.: Свет и свобода, 1917. — 39 с.

Наука и свобода. — Пг.: Парт. нар. своб., 1917. — 14 с.

Повести моей жизни. — 2-е изд. — М.: Задруга, 1917.-Т. 1. — 302 с.

Ек. Брешко-Брешковская, бабушка русской революции. — Пг.: Хромо-лит. Злотников и Волк, 1917. — 30 с, ил., портр. — (Герои дня. Биографические этюды; №2).

Полет в Шлиссельбург над местами заточения. — Пг.: [Солнце свободы], 1917. — 16 с, портр.

Революция и эволюция. — Пг.: Копейка, 1917. — 8 с.

Липецкий съезд 1879 г. — В кн.: Календарь русской революции. Пг.: Шиповник, 1917, с. 165-168.

Упрощенные таблицы движения Солнца, Юпитера и Сатурна: Ч. 2. -Изв. Рус. о-ва люб.

мировед., 1917, т. 6, № 1, с. 32 — 49. — [Совместно с М. А. Вильевым].

Каменный гроб: [Шлиссельбургская крепость]. — Аргус, 1917, № 4, с. 7-17, ил.

Наука и свобода. — Природа, 1917, № 5/6, с. 670—675. Кучевые облака и грозы местного происхождения: (К вопросу о предсказании погоды). — Иниц. и изобр., 1917, № 1/3, с. 117 — 123, рис.

К реформе русской орфографии. — Рус. вед., 1917, 7 июня, № 127.

Любомирский: (Рассказ из жизни 70-х годов XIX века). — Голос минувшего, 1917, №1, с. 185-198.

В высоте. Эхо: [Стихи]. — В кн.: Гимн свободе: Песни воли. Пг.: Копейка, [1917], с. 24,31. — (Сер. полит.-социал. брошюр; № 1).

Перед судом. В высоте:[Стихи]. — В кн.: Гимн свободе: Песни воли. 2-е изд. Пг.: Копейка, 1917, с. 16 — 17. — (Сер. полит.социал. брошюр; № 1).

Революция и эволюция. — Биржевые ведомости, 1917, 29 марта (11 апр.), №16158, утр. выпуск.

Призыв (автограф). — В кн.:Родина в опас-

ности. Призывы в автографах. Пг.: Народная Воля, 1917 г.

1918

Повести моей жизни. — М.: Задруга, 1918. — Т. 2 — 4. — Т. 2. 280 с; т. 3. 264 с; т. 4. 309 с.

[Теория взрыва темного светила: Выступление в прениях по докладу Г. А. Тихова на 24-м заседании Астрономической секции, 1918 г. Крат. излож.]. — Мирведение, 1918, т. 7, № 4, с. 213.

Планеты: [Стихотворение]. — Нива, 1918, № 13, с. 193.

Дни избранья, обаянья... [Стихотворение]. — Нива, 1918, №36, с.571.

1919

Устав Петроградского Научного института им. П. Ф. Лесгафта. — Изв. Науч. ин-та им. П. Ф. Лесгафта, 1919, т. 1, с. XII — XIV. — [Совместно с Е. Федоровым, Л. Орбели, В. Бауманом и О. Чентуковой].

Заявление в Совет Института директора Института и председателя Русского общества

любителей мироведения: [Об открытии Астрономического отделения при Петроградском Научном институте им. П. Ф. Лесгафта]. - Там же, с. 1 — 2 приложений.

Отношение директора Института в Научный отдел Народного комиссариата по просвещению от 15 нояб. 1918 г.: (Об открытии Астрономического отделения при Петроградском Научном институте им. П. Ф. Лесгафта. Дополнение к «Заявлению в Совет...».) — Там же, с. 3 приложений.

О научном значении математических софизмов. — Там же, с. 193 — 207, черт.

1920

Принцип относительности и абсолютное: Этюд из области проявлений волнообразного движения. — Пб.: ГИЗ, 1920. — VII, 88 с, фиг., табл.

Элементарный способ для быстрого определения и нанесения на звездную карту положений и движений Марса в любом году до и после начала нашей эры. — Изв. Науч. ин-та им. П. Ф. Лесгафта, 1920, т. 2, с. 184 — 210, ил. — [Совместно с Н. Т. Турчиновичем].

О недосмотре влияния междуволевого давления при теоретическом обосновании принципа относительности Эйнштейна и вывод рационального закона образования, распространения и действия лучистой энергии. — Там же, с. 217 — 296, черт.

Эволюционная мораль и эволюционная теология. — В кн.: *Немоевский А.* Бог Иисус. Происхождение и состав евангелий. Пб.: ГИЗ, 1920, с. I-XVI.

Звездные песни: Первое полное издание всех стихотворений до 1919 года в 2-х кн. — М.: Задруга, 1920. — Кн. 1. — 190 с.

Зимой. Друзья. К другу в заточении: [Стихотворения]. — В кн.: Перед рассветом / Сост. В. М. Перова (Бонч-Бруевич-Величкина). М.: Ком. памяти В. М. Величкиной, 1920, с. 63—65.

1921

Принцип относительности в природе и в математике: Речь председателя Русского общества любителей мироведения на 1-м Всероссийском съезде любителей мироведения. — В кн.: Труды 1-го Всероссийского съезда любителей мироведения, [1-11 сент. 1921

г.]. Пг.: ГИЗ, 1921, с. 228 — 243.

Звездные песни: Первое полное издание всех стихотворений до 1919 г. в 2-х кн. — М.: Задруга, 1921. — Кн. 2. — 206 с. Экземпляр книги с дарственной надписью Н. А. Морозова В. И. Ленину хранится в библиотеке В. И. Ленина в Кремле.

[Стихотворения]. — В кн.: Революционные мотивы в русской поэзии / Сост. В. Львов-Рогачевский. Тула, 1921, с. 78-79, 97, 101, 106, 110, 133 (Пророк), 151.

1922

Принцип относительности в природе и в математике. — Пб.: Начатки зн., 1922.-40 с, ил.

Классификация солнечных и лунных затмений, которые были видимы в Европе, Северной Африке и Западной Азии: (По месяцам года и созвездиям Зодиака от +600 по -430 год). — Изв. Науч. ин-та им. П. Ф. Лесгафта, 1922, т. 5, с. 247 — 284 — [Совместно с Н. Штауде].

Ред.: *Эйнштейн А.* Специальная и общая теория относительности: Пер. с 10-го нем. изд. — Пг.: ГИЗ, 1922. — 82 с. — [Совместно с Б.

С. Бычковским].

1923

Классификация солнечных и лунных затмении, которые были видимы в Европе, Северной Африке и Западной Азии: [Окончание]. — Изв. Науч. ин-та им. П. Ф. Лесафта, 1923, т. 6, с. 141 — 153. — Рез. на фр. яз. -[Совместно с Н. Штауде].

1924

Христос. Кн. 1. Небесные вехи земной истории человечества. — Л.: ГИЗ, 1924. — XVI, 543 с, ил., 3 л. табл.

Среди облаков: [О воздухоплавании и авиации]. — Л.: Путь к зн., 1924. -320 с, ил.-На обл. 1925.

Христос или Рамзес?: Попытка применения математической теории вероятностей к историческому предмету. — М.; Пг.: ГИЗ [1924]. — 39 с, 1 л. табл.

Победа над расстоянием. М.: Мир, 1924, с. 183 — 309, ил., табл., 17 л. ил. и портр. — Описано по оттиску. — [Совместно с П. П. Юреневым, Б. С. Швецовым и Д. М. Сокольниковым].

Авт. статьи: Завоевание воздуха, с. 232-271, ил.

Отклонение орбитных осей больших и малых планет солнечной системы от оси эклиптики. — Изв. Науч. ин-та им. П. Ф. Лесгафта, т. 8, с. 279 — 284, ил. — Рез. на фр. яз. — [Совместно с Н. Штауде].

Первая вольная академия: К 30-летию Научного института им. П. Ф. Лесгафта. — Человек и природа, 1924, № 1, стб. 1 — 6, портр. П. Ф. Лесгафта.

Поезд сознания: (Грезы о времени и пространстве). — Человек и природа, 1924, №7/8, с. 539-546.

Предисловие. — В кн.: *Колосов Е. Е.* Государева тюрьма Шлиссельбург. Л.:Атеней, 1924, с. 5-8.

О своей книге «Христос»: [Беседа]. — Кр. газ., веч. вып. 1924, 11 нояб., № 257.

О помощи студентам. — Кр. газ., веч. вып., 1924, 16 дек., № 287.

1925

Отклонение орбитных осей комет от оси эклиптики. — Изв. Науч. ин-та им. П. Ф. Лесгафта, 1925, т. II, вып. 1, с. 99 — 108, черт. —

[Совместно с Н. Штауде].

Астрономический переворот в исторической науке.: (По поводу статьи проф. Н. М. Никольского). — Нов. мир, 1925, № 4, с. 133 — 143.

Памяти М. В. Новорусского. — Вестн. зн., 1925, № 19/20, с. 1225. [Письма к О. С. Любатович и к родным, 1882 г.]. — Каторга и ссылка, 1925, №3, с. 170-175.

Мир действительный и мир видимый. — Мир приключ., 1925, № 4, с. 143-150, ил.

1926

Христос. Кн. 2. Силы земли и небес. — Л.: ГИЗ, 1926. — IX, 693, [3] с, ил., 3 л. табл. и карт.

[Автобиография]. — Энцикл. сл. Гранат. 7-е изд., б. г., т. 40, с. 305 — 317.

[Краткие биографические очерки к десяти портретам шлиссельбургских узников]. — В кн.: *Новорусский М.В. Тюремные робинзоны.* М.: Л.: ГИЗ, 1926, с. 32, 42, 48, 88, 96, 128, 134, 156, 170, 184.

Шлиссельбургская крепость. — Прожектор, 1926, № 4, с. 6 — 9, рис.

1927

Христос. Кн. 3. Бог и Слово. — М.; Л.: ГИЗ, 1927. — VIII, 735 с, ил., 2 л. табл.

Христос. Кн. 1. Небесные вехи земной истории человечества. — 2-е изд. -М.; Л.: ГИЗ, 1927. — XVI, 551 с, ил., 5 л. табл.

Последняя лекция [из курса «мировая химия», читанная 26 февр. 1917 г.]. — В кн.: На волю: Сб. воспоминаний к 10-летию Февральской революции, 1917-1927. Л.: Прибой, 1927, с. 125-129.

[Автобиография, написанная специально для «Огонька»]. — Огонек, 1927, № 20, с. 11—12, портр. — (Советская страна должна знать своих ученых).

К любителям астрономии. — Информ. бюл. ВОКС, 1927, 11 марта, №9/10, с. 29.

Русское общество любителей мироведения в Ленинграде. — Информ. бюл. ВОКС, 1927, 25 марта, № 11/12, с. 20—21.

Последняя лекция. — Кр. газ., 1927, 12 марта, № 59. 1928

1928

Христос. Кн. 4. Во мгле минувшего при свете звезд. — М.; Л.: ГИЗ, 1928. — VIII, 816 с, ил.,

граф., план., 2 л. карт, и табл.

История изучения Вселенной /Под ред. и с дополнениями Н. Морозова. — Л.: Сойкин, 1928. — 80 с, пл., портр. и диагр. — (Вселенная и человечество; Кн. 1).

Повести моей жизни. — М.; Л.: ГИЗ, 1928. — Т. 1 — 3. — Т. I, 287 с, 1 л. портр.; т. 2. 231 с; т. 3. 152 с, 1 л. портр.

«Многомерности» и «кривизны» пространства: [послесловие к рассказу С. Красновского «Катастрофа пространства»]. — Мир приключ., 1928, № 9, с. 22.

[Краткие биографические очерки к десяти портретам шлиссельбургских узников]. — В кн.: *Новорусский М.В.* Тюремные робинзоны. 2-е изд. М.; Л.: ГИЗ, 1928, с. 36, 48, 56, 98, 104, 140, 146, 168, 182, 196.

Письма к П. Н. Ткачеву от 25/V 1880 г. и П. Л. Лаврову в мае 1880 г. и от 2/VIII 1880 г. — Каторга и ссылка, 1928, № 11, с. 38 — 42.

В защиту реализма в исторической науке: Коротенький ответ нападающим на мою книгу «Христос». — Правда, 1928, 9 мая, № 106.

Христос. Кн. 5. Руины и привидения. — М.; Л.: ГИЗ, 1929. — VII, [1], 896 с, ил., черт., карт., факс.

Метеорные катастрофы и их влияние на умы людей. — Мирозведение, 1929, т. 18, №3, с. 149-153, ил.

Памяти «Народной воли»: [К 50-летию «Народной воли»]. — Вестн. зн., 1929, №1, с. 5-8, портр.

Предисловие. — В кн.: *Сытин В. Л.* В тунгусской тайге. Л.: Сойкин, 1929, с. 3—14. — (Природа и люди; Кн. 2).

1930

Христос, Кн. 6. Из вековых глубин. — М.; Л.: ГИЗ, 1930. — XII, 1216 с, ил., портр., черт., диагр., схем. и карт., 3 л. ил. и табл.

Знание и прогресс: (Старо-новые мысли). — Вестн. зн., 1930, № 1, с. 2-3.

Интересная проблема органической жизни. — Известия, 1930, 24 окт., № 294.

Липецкий съезд. — В кн: «Народная воля» в документах и воспоминаниях. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан, 1930, с. 14-17.

Письмо к Вере Фигнер в 1880 г. — В кн.: *Ко-*

лосов Е. Е. (Д. Кузьмин). Народовольческая журналистика. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан, 1930, с. 241—243. — (Ист.-рев.б-ка. Воспоминания, исследования, документы и другие материалы из истории революционно-го прошлого России; 1930, № 2).

Письмо к Вере Фигнер от 26 июля 1929 г. — Там же, с. 250—251.

Предисловие. — В кн.: Колосов Е. Е. Государева тюрьма Шлиссельбург. 2-е изд., доп. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан, 1930, с. 5 — 8.

Ред.: Уэллс Г. Полное собрание фантастических романов. Т. 3. Остров доктора Моро. Машина времени. Пер. с англ. — М.; Л.: Земля и фабрика, 1930.-296 с.

1931

Тени минувшего: Опыт психологической характеристики Шлиссельбургской крепости. — В кн.: Народовольцы- М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан, 1931, сб. 3, с. 39-71.

Письмо в редакцию «Мироведения»: [По поводу статьи Сергеева «Здание на песке»]. — Мироведение, 1931, т. 20, № 2, с. 110- 112.

В те дни: (К годовщине казни первомайцев) — Стройка (Ленинград), 1931, апр., №12, с.14.

1932

Христос. Кн. 7. Великая Ромея. Первый свечок средневековой культуры. — М.; Л.: Соцэксгиз, 1932. — VIII, 920 с, ил., табл.

Несколько слов об архиве «Земли и воли» и «Народной воли». — В кн.. Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан, 1932, с.32 — 38. — (Ист.-рев. б-ка; № 11/12).

[Заметки на Воронежском съезде и в период подготовки первых покушений (1879 г.)]. — Там же, с. 150- 159.

1933

Повести моей жизни. — М.: Изд-во Всесовз. о-ва политкаторжан, 1933. -Т. 1-4.

Т. 1. 344 с, портр.; т. 2. 251 с; т. 3. 329 с, портр.; т. 4.436 с.

Повісті мого життя. — Харків: Партвид-во Пролетар, 1933. — 398 с.

Михаил Васильевич Новорусский. — В кн.:

Новорусский М. В. Записки шлиссельбуржца (1887—1905). М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан, 1933, с. 11-13.

Мое знакомство с Карлом Марксом. — Природа, 1933, 5/6, с. 1 — 4, портр. — На рус. и нем. яз.

Карл Маркс и «Народная воля» в начале 80-х годов. — Каторга и ссылка, 1933, №3, с. 142-148.

Данилов (Ярославской губ.): Письма, сентябрь 1874 г. — В кн.: Газета «Работник» (1875 — 1876 гг.) / Ред. и вступит, статья В. И. Невского. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан, 1933, с. 19 — 20. — [Подпись А. Б.].

Село Рябково (Костромской губ.): Письма. — Там же, с. 31 — 33. -[подпись Н. В.].

Встреча с К Марксом: Воспоминания. -Веч. Кр. газ., 1933, 16 февр., № 39.

То же. — Ленин, искры, 1933, 21 февр., № 16, портр.

Проблема «сметаны»: [Биохимические исследования. Беседа]. — Веч. Кр. газ., 1933, 17 мая, № 112.

Ред.: *Новорусский М. В.* Записки шлиссельбуржца (1887—1905). — М.: Изд-во Всесо-

Юз. о-ва политкаторжан, 1933. — 415 с.

1934

За массовую популяризацию достижений советской науки: Ко всем научным работникам СССР. — Вестн. зн., 1934, № 6, с. 378 — 379. — [Совместно с другими].

Клочки воспоминаний. — Известия, 1934, 6 июня, № 131, портр.

[Приветствие Москве]. — Веч. Москва, 1934, 7 июня, № 129.

В Алексеевском равелине. — Ленингр. правда, 1934, 6 июня, № 132, портр.

Воспоминания шлиссельбуржца. — Веч. Кр. газ., 1934, 7 июня, № 129, портр. 1935

1935

Всемирны ли все силы и законы Вселенной. — Мироведение, 1935, т. 24, №6, с. 423-426.

У Карла Маркса. — Известия, 1935, 7 нояб., № 260.

1936

Факторы биологической эволюции. — Изв. Науч. ин-та им. П. Ф. Лесгафта, 1936, т. 19, вып.

1937

Петр Францевич Лесгафт: К столетию со дня рождения. — Правда, 1937, 19 сент., № 259, портр.

1938

Влияние центрального тела Галактики и других ее сверх-солнц на окружающие нас геофизические и метеорологические явления. — В кн.: Тезисы докладов научной сессии [Государственного естественнонаучного института им. П. Ф. Лесгафта], 1938 г., май. Л., 1938, с. 3 — 5.

Зустріч з Карлом Марксом: [Беседа]. — Білшовик, 1938, 16 березня, № 61. портр.

Моя встреча с Карлом Марксом: Беседа. — За оборону, 1938, 5 мая, № 43.

1939

Пережитки суеверий уходят в прошлое. — За большевист. науку, 1939, 1 мая, № 3, портр.

1940

У Карла Маркса. — В кн.: Воспоминания о Марксе. М.: Мол. гвардия, 1940, с. 178-180.

1944

О возможности научного предвычисления погоды при введении в анализ галактических воздействий: (Предварительное сообщение). — Изв. АН СССР. Сер. геогр. и геофиз., 1944, т. 8, № 2/3, с. 63 — 71, табл. — Рез. на англ. яз.

В редакцию газеты «Правда». — Правда, 1944, 15 июля, № 169.

1945

Эхо солнечного света. — Изв. АН СССР. Сер. геогр. и геофиз., 1945, т. 9, № 4, с. 289 — 293, фиг. — Рез. на англ. яз.

1947

Повести моей жизни. — М.: Изд-во АН СССР, 1947. — Т. 1 — 3. — Т. 1. 503 с, 5 л. ил.; т. 2. 555 с, ил.; т. 3. 416 с, 5 л. ил., портр.

[Письма Л. Н. Толстому от 31 марта 1907 г. и 16 апр. 1910 г.]. — Огонек, 1947, № 29, с. 23, портр.

1949

[Письмо от 25 авг. 1901 г. председателю Русского физико-химического общества Н. Н. Бекетову]. — Сообщ. о науч. работах чл. ВХО, 1949, вып. 4, с. 23 — 25.

То же. — Тр. Ин-та ист. естествозн., 1949, т. 3, с. 201 — 204.

1956

У Карла Маркса. — В кн.: Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М.: Политиздат, 1956, с. 317 — 319.

1957

Письмо И. А. Каблукову от 25/XII 1917 г. — В кн.: *Соловьев Ю. И., Каблукова М. И., Колесников Е. В.* Иван Алексеевич Каблуков. М.: Изд-во АН СССР, 1957, с. 181 — 182.

1958

У Карла Маркса. — В кн.: Они встречались с Марксом: Воспоминания русских общественных деятелей. М.: Политиздат, 1958, с. 27 — 30.

[Одиннадцать писем к И. П. Малютину (1923—1935)]. — В кн.: *Малютин И.* Воспоминания. М.: Сов. писатель, 1958, с. 77-79, 91-99.

1959

Стихотворения и поэмы, — В кн.: *Вольная русская поэзия второй половины XIX века.* Л.: Сов. писатель, 1959, с. 338—348, 393, 450—453, 456—458, 474—490, портр.

1960

[Письмо В. И. Ленину от 29 янв. 1921 г.]. — В кн.: *Письма трудящихся к В. И. Ленину.* М.: Политиздат, 1960, с. 220 — 221.

Письмо И. А. Каблукову [от 25/XII 1917 г.]. — В кн.: *История естествознания в России. Т. 2. Физико-математические и химические науки (вторая половина XIX — начало XX века).* М.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 531.

[Стихотворения]. — В кн.: *Русские поэты / Сост. Н. Гайденков.* М.: Учпедгиз, 1960, с. 784 — 785, биограф. данные.

1961

Повести моей жизни: Мемуары. — М.: Изд-

во АН СССР, 1961. — Т. 1 — 2. — Т. 1. 407 е., 3 л. портр.; т. 2. 703 с, портр.

1962

Повести моей жизни: Мемуары. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — Т. 1 — 2. — Т. 1. 408 с, 1 л. портр., т. 2, 702 с, 1 л. портр.

Стихотворения и поэмы, — В кн.: Поэты-демократы 1870 — 1880-х годов. М.; Л.: Сов. писатель, 1962, с. 379 — 437.

1963

Лунные кратеры и цирки: Путешествие в мировом пространстве. -Техн.-мол., 1963, № 7, с. 12 — 14, портр., рис.; № 8, с. 30-31, рис.

1964

Очерк истории кружка «чайковцев» (1869 — 1872 гг.) — В кн.: Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. 1870 — 1875 гг. М.: Наука 1964, с. 202 — 240, 1 л. ил.

[Письмо М. Р. Попову от 20 марта 1908 г.]. — Юность, 1964, 30 июня, № 77.

Слово о книге. — В кн.: Умное слово. М., 1964, с.185.

1965

Письмо В.И.Ленину от 1 февр. 1921 г. — История СССР, 1965, № 2, с.85. Повести моей жизни: Мемуары. — М.: Наука, 1965, — Т. 1 — 2. — Т. 1. 408 с., портр.; т. 2, 702 с, 1 л. портр.

1966

У таинственного порога. — М.: Дет. лит., 1966. — 208 с, ил., портр.

Ceri burtunkben is erudukben: Eletem reginye. (Rividitett kiades) -Budapest: Gondolat, 1966. — 1.621.

Воспоминания о П. Ф. Лесгафте (1940 г.). — Сов. арх., 1966, № 2, с. 77 — 80.

Конец рассказа: (Запись для киноочерка). — Волга, 1966, № 7, с. 148 — 250.

1967

Стихотворения. — В кн.: Поэты революционного народничества Л.: Худ. лит., 1967, с. 121-156.

1968

Из докладной записки о деятельности На-

учного института им. П. Ф. Лесгафта в Отдел ученых учреждений и высших учебных заведений Нарком-проса 12 авг. 1918 г. — В кн.: Организация науки в первые годы советской власти (1917—1925): Сб. документов. Л.: Наука, 1968, с. 254—256.

Из письма А. В. Луначарскому о создании Астрономического отделения при Петроградском научном институте им. П. Ф. Лесгафта, 3 окт. 1918 г. - Там же, с. 256 — 257.

Стихотворения и поэмы. — В кн.: Поэты-демократы 1870 — 1880-х годов. Л.: Сов. писатель, 1968, с. 187 — 217, портр.

1969

Карл Маркс и «Народная воля» в начале 80-х годов. — В кн.: Русские современники о К.Марксе и Ф. Энгельсе. М.: Политиздат, 1969, с. 78 — 84.

У Карла Маркса. — Там же, с. 84 — 86.

С усердием взялся бы за создание воздушного флота: [Письмо В.И.Ленину от 20 янв. 1921 г.]. — В кн.: Товарищу Ленину: (Письма трудящихся В.И.Ленину). 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1960, с. 280 — 281.

[О Дмитрие Ивановиче Менделееве]. — В кн.: Д. И. Менделеев в воспоминаниях современников / Сост. А. А. Макареня и И. Н. Филимонова. М.: Атом-издат, 1969, с. 71-73.

[Письма академику О. Ю. Шмидту от 24 окт. и 12 дек. 1941 г.]. — В кн.: Нас водила молодость: Литературно-художественный сб. Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1969, с. 65 — 67.

Пророк. Сквозь стену (Вере Фигнер). Числа. Г. А. Лопатину: [Стихотворения]. — Наука и жизнь, 1969, № 6, с. 119 — 120.

[Письмо И. Д. Сытину от 24 января 1918 г.] — В кн.: *Коницев К.* Русский самородок. Ярославль, 1969, с. 340 — 341.

1970

[Письма В. И. Ленину от 29 янв., 1 февр. и 11 авг. 1921 г. и от 11 мая 1922 г.]. -В кн.: Ленин. Ленину. О Ленине. Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1970. с. 113, 278-280.

[О встрече с Карлом Марксом, 1880 г.: Из записи на киноплёнку]. — В кн.: О Ленине: Владимирцы, ивановцы, костромичи, ярославцы о В. И. Ленине. Ярославль: Верхне-Волж. кн.

изд-во, 1970, с. 291 — 202. — На обл. загл.: Всегда с нами.

[Письмо В.И.Ленину от 11 мая 1922 г.] — Там же, с.298.

К реформе русской орфографии [1917 г.] — В кн.: *Чернышев В. П. Избранные труды.* М.: Просвещение, 1970, т. 2, с. 641 — 643.

[Публикации в «Земле и Воле» и в «Листке Земли и Воли»]. — В кн.: *Революционная журналистика 70-х годов.* Дюссельдорф, 1970, (Репринт с русского издания 1906 года), с.179 — 188, 202-206, 277 — 312.

[Из письма к А. И. Ульяновой-Елизаровой в 1919 г.] — В кн.: *Озера Ярославской области.* Ярославль, 1970, с.382.

1971

[Письма В. И. Ленину от 1 февр., 11 и 18 авг. 1921 г.] — В кн.: *Литературное наследство.* Т.80. В. И. Ленин и А. В. Луначарский. Переписка, доклады, документы. М.: Наука, 1971, с. 269, 280, 281, 310.

1972

Письмо академику А. Н. Баху от 2 февр.

1940 г. — Юн. техн., 1972, № 2, с. 26 — 27.

[Письма В. И. Ленину в 1921 году: (Об издании книги «Христос»)]. — В кн.: А. В. Луначарский. Об атеизме и религии. М., 1972, с. 455 — 461.

1973

[О Дмитрие Ивановиче Менделееве]: Воспоминания. — В кн.: Д. И. Менделеев в воспоминаниях современников. / Сост. А. А. Макареня, И. Н. Филимонова, Н. Г. Карпило. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Атомиздат, 1973, с. 73-75.

[Письмо Клименту Аркадьевичу Тимирязеву от 2 февр. 1909 г.]. — Юн. техн., 1973, № 3, с. 25.

1974

Звездные песни. Стихи и поэмы. — Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1974.-128 с, портр.

[Письмо К. А. Тимирязеву от 2/II 1909 г.]. — Тимирязевец, 1974, 12 июня, № 17; Моск. ун-т, 1974, 22 февр., № 9.

1975

[Из письма С. И. Вольфовичу, 14 янв. 1944 г.] — Химия и жизнь, 1975, № 10, с. 5, 7, 8, 10.

В доме предварительного заключения: [Стихотворение]. — В кн.: Петербург, Петроград, Ленинград в русской поэзии. Л., 1975, с. 180.

1976

[16 писем В. Брюсову, 1910-1913 гг.] — Вопр. лит., 1976, № 7, с. 188 — 205. [Из письма к В. С. Мусиной-Пушкиной от 20 сент. 1909 г.] — Природа, 1976, №7, с. 62-63.

[Из писем И. Д. Сытину от 1 июля 1906 г. и 2 нояб. 1907 г.] — В мире кн., 1976, №2, с. 81.

[Из речи на заседании Петроградского отделения Общества друзей Воздушного флота, 19 авг. 1923 г.] — Кр. звезда, 1976, 12 авг., № 188. Поездка к Карлу Марксу. — Сев. рабочий, 1976, 25 дек., № 302, ил.

1977

[Речь на заседании Петроградского отделения Общества друзей Воздушного флота, 19 авг. 1923 г.] — Моск. автозаводец, 1977, 31

окт., № 251. -(Прищепенко В. Дорога к звездам).

1978

[Письмо к В. Г. Короленко от 18 июня 1909 г.]. — Огонек, 1978, № 31, с. 13. — (Внучков Б. В. Г. Короленко и Н. А. Морозов).

[О значении трудов К. Э. Циолковского: Речь, произнесенная 19 авг. 1923 г. на заседании Петроградского отделения Общества друзей Воздушного флота]. — Знамя, 1978, 14 марта, № 61. — (Внучков Б. «Давайте же держать!»).

То же. — Моск. ун-т, 1978, 3 окт., № 41. — (Прищепенко В. Через тернии к звездам).

Воспоминания о В. И. Ленине. — Сев. рабочий, 1978, 21 апр., № 92. -(Внучков Б. Морозов Н. А. Воспоминания о В. И. Ленине).

Письмо Л. Н. Толстому от 11 апреля 1910 года]. — Звезда, 1978, №11, с. 157.

1979

Путешествие в космическом пространстве. — В кн.: Вечное солнце: Русская социальная утопия и научная фантастика (вторая по-

ловина XIX — начало XX века) / Сост., автор предисл., справок об авторах и комментариев С. Калмыков. М.: Мол. гвардия, 1979, с. 238 — 247.

По общим законам природы. — Огонек, 1979, № 28, с. 20 — 22, портр.

Первое путешествие по воздуху. — Неделя, 1979, 2-8 июля, № 27.

Числа. «Мы умираем только для других...» При свете лампы. Голоса Земли: [Стихи]. — Химия и жизнь, 1979, № 10, с. 76 — 77.

Первое путешествие по воздуху. — Вперед (Н. Некоуз, Ярославской обл.), 1979, 25 авг., № 102. — (Публикация В. Бирюкова).

1981

На воздушном шаре из Санкт-Петербурга в Вологду. — Северный рабочий, 1981, 11 сент., № 211. — (Публикация Б. Внучкова).

[Письмо академику О. Ю. Шмидту в 1944 году]. — Сев.рабочий, 1981, 17 нояб., № 264 — (Публ. Б. Внучкова)

Атом жизни: (Стихотв.)- Сов.Россия, 1981, 6 дек., № 281.

1982

[Стихотворения]. — В кн.: Муза в храме науки / Сост. В. Ноздрев. М.: Сов.Россия, 1982, с.23 — 38, портр.

[Письмо академику В. И. Вернадскому в 1944 году]. — В кн.: *И. И. Мочалов*. Вернадский. М.: Наука, 1982, с. 392.

1983

Поездка к Карлу Марксу. — В кн.: Воспоминания о Марксе и Энгельсе. 4.2. М., 1983. С.44 — 50.

К. Маркс и «Народная Воля» в начале 80-х годов. — В кн.: Воспоминания о Марксе и Энгельсе. Ч. 2. М., 1983, с. 51-58.

1984

После казни 4 ноября.: (Стихотв.) — Русская литература, 1984, №2, с. 166.

1986

[Два письма к отцу П. Щепочкину в 1874 г.] — Вперед (Н. Некоуз, Ярослав. обл.), 1986, 13 мая, № 56; 15 мая, № 57. — (Публ. Г. Мишулиной).

1987

Попытка освобождения Войнаральского. — В кн.: Штурманы будущей бури. М.: Сов.Россия, 1987, с. 112—118.

1988

Между чувством и долгом. — Вперед (Н. Некоуз, Яросл. обл.), 1988, 9 июля, № 32, портр. — (Публикация В. Бирюкова).

[Стихотворения]. — В кн.: Муза в храме науки. 2-е изд./ Сост. В. Ноздрев. М.: Сов. Россия, 1988, с. 167 — 180, портр.

Путешествие в космическом пространстве. — В кн.: У светлого яра Вселенной. М.: Правда, 1988, с. 33—42.

[Стихотворения]. — В кн.: Чудное мгновение. — М.: Худлит., 1988, с.382 — 384.

1989

О гражданском равноправии женщин. — Сев.рабочий, 1989, 8 марта. -(Публикация Г. Мишулиной).

[Автобиография]. — В кн.: Деятели СССР и революционного движения в России. М.:

Сов.энц., 1989, с.167 — 173, портр.

[Отдельные высказывания]. — В кн.: Я верю в разум! Л.: Лениздат, 1989, с. 62, 78,84,195, портр.

[Стихотворения]. — В кн.: Кибернетический Пегас. Л.: Детск. лит., 1989, с.59-66.

Памяти 1873 — 75 годов: (Стихотв.) — В кн.: Русские поэты XIX века. 2-ая пол. М.: Просвещение, 1989, С.439 — 440.

Проклятие: (Стихотв.) — В кн.: Факел. М.: Политиздат, 1989, с.105, портр.

У гроба Кирова. — Вперед (Н. Некоуз, Ярослав. обл.), 1989, 14 дек., № 149 -(Публ. Г. Мишулиной).

1990

Христос или Рамзес? — М.: Кн. палата, 1990. — 40 с. (Репринт с изд. 1924 г.).

В народ! — В кн.: Ярославия. М.: Современник, 1990, с. 125 — 142.

[Письмо И. Д. Сытину 1 июля 1906 г]. — Вперед (Н. Некоуз, Ярослав. обл.), 1990, 28 ноября, № 142. — (Публ. В. Бирюкова).

1991

История возникновения Апокалипсиса. Откровение в грозе и буре. -М.: Изд. Академии общ. наук. — 307 с. (Репринт с изд. 1907 г.)

Пусть мой путь остановки не знает. — Ленингр. рабочий, 1991, 19, 26 апр., 1 мая, №№ 16—18, портр. — (Публ. Н. Н. Сотникова).

[Письмо академику Н. И. Вавилову 18 июня 1934 г.] — Вперед (Н. Некоуз, Яросл. обл.), 1991, 20 июня. — (Публ. Г. Мишулиной).

1994

[Письма И. Е. Репиину в 1912 и 1926 гг.] — Вперед (Н. Некоуз, Яросл. обл.), 1994, 10 авг, № 63. — (Публ. Г. Мишулиной).

1995

В поисках философского камня. — В кн.: Теория и символы алхимии. Великое делание. Киев: Новый Акрополь, 1995, с.53 — 155, рис.

Павлушкин мост. — Вперед (Н. Некоуз, Яросл. обл.), 1995, 25 янв., № 7. -(Публ. В. Бирюкова)

1996

Новый тип революционеров. — В кн.: История терроризма в России. Ростов-на-Дону, 1996, с.91-95.

Террористическая борьба. — В кн.: История терроризма в России. Ростов-на-Дону, 1996, с. 95—109.

О высоком и вечном: [Письмо академику С. И. Вольфовичу 14 янв. 1944 г. и стихотворение «Мы умираем только для других»]. — Вестник Росс АН, 1996, №10, с. 899-902. — (Публ. Ю. Соловьева).

1997

[Фрагменты рукописи о русской истории]. — В кн.: *Г. Носовский, А. Фоменко*. Новая хронология Руси. М.: Факториал, 1997, с.238 — 248.

Христос. Небесные вежи земной истории человечества. — М.: Леан, 1997. — 576 с: ил. — (Предисловие С. И. Валянского).

1998

Христос. Силы земли и небес. — М.: Леан, 1998. — 704 с.: ил.

Христос. Бог и слово. — М.: Крафт+Леан,

1998. — 752 с: ил.

Христос. Во мгле минувшего при свете звезд. — М.: Леан, 1998. — 832 с: ил.

Христос. Руины и привидения. — М.: Крафт+Леан, 1998. — 912 с: ил.

Христос. Из вековых глубин (части I—III). — М.: Крафт+Леан, 1998. — 656 с: ил.

Христос. Из вековых глубин (части IV—VIII). — М.: Крафт+Леан, 1998. — 592 с: ил.

Христос. Великая Ромея. Первый светоч средневековой культуры. — М.: Крафт+Леан, 1998. — 929 с: ил.

II. ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТРУДАХ Н. А. МОРОЗОВА

Адрес, поднесенный Н. А. Морозову в день его 85-летия, 8 июля 1939 г., сотрудниками Государственного Естественного института им. П. Ф. Лесгафта. — Изв. Науч. ин-та им. П. Ф. Лесгафта, 1940, т. 23, с. 7 — 8, портр.

Адрес, поднесенный Николаю Александровичу Морозову в день его семидесятилетия, 8 июля 1924 г., сотрудниками Ленинградского научного института им. П. Ф. Лесгафта. — Изв.

Науч. ин-та им. П. Ф. Лесгафта, 1924, т. 10, с. 7 — 8, портр.

Азарова Н. И., Серебряная Н. З. Л. Н. Толстой. Искусство. Время. (Альбом). — М.: Сов. Россия, 1981, стр. с рис.133 — текст; рис.138 — Неизв. художник. Н. А. Морозов. 1909.

Аксаков Н. П. Беспредельность невежества и Апокалипсис: (Краткий ответ на книгу Н. А. Морозова). — СПб.: Тип. М. Меркушева, 1908. — 24 с; Церк. вестн., 1908, № 1, стб. 4 — 9; № 2, стб. 39 — 43, № 4, стб. 99 — 103.

Андрианов В. К. Маркс и русские революционеры. — Сев.рабочий, 1976, 25 дек., №302.

Андрианов В. Новая книга о революционере-ученом (Книга В. Твардовской). — Сев.рабочий, 1985, 4 янв., № 3.

Аржанова О. К. Борьба Н. А. Морозова за материализм в естествознании: Автореф. дисс. канд. филос. н. — М.: МГУ, 1956. — 16 с.

Арин М. Скупые строки [анкеты Н. А. Морозова]. — Кр. газ., 1934, 6 июня, №129.

Армфельт Б. К. Опыт применения качественного физико-математического анализа к критическому сопоставлению научных мировоззрений. -Изв. Рвс. о-ва люб. мировед.,

1917, т. 6, № 4, с. 196 — 207.

Астафьев А. В. Лев Толстой и его современники: (Связи писателя с Ярославским краем). Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1967, с. 51 — 63: (Л. Н. Толстой и шлиссельбургский узник Н. А. Морозов).

Астафьев А. Л. Н. Толстой и Н. А. Морозов. — Вперед, 1963, 15 сент., № 85.

Астафьев А. В. Революционер и ученый: К 110-летию со дня рождения Н. А. Морозова. — Юность, 1964, 30 июня, № 77, портр.

Астафьев А. В., Астафьева Н. А. Писатели Ярославского края. Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1974, с. 171 — 181: (Н. А. Морозов, 1854 -1946), портр.

Астафьев А., Астафьева Н. Писатели Ярославского края. — 2-ое изд. -Ярославль, 1990, с.202 — 213: (Н. А. Морозов), портр.

Астафьев А. Л. Толстой и Н. Морозов.(Ярославская литературная летопись) — Юность (Яросл.), 1963, 10 сент., №110.

Астафьев А. Николай Александрович Морозов. — Сев. Рабочий, 1964, 7 июля, № 159, портр.

Астров П. По поводу книги Н. Морозова

«Откровение в грозе и буре». -М.: Сытин, 1908.-
16 с.

Афросимов Ф. Рец. на кн.: Морозова К. Н. А. Морозов: (К 90-летию со дня рождения). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1944. — Славяне, 1944, № 12, с. 42.

Барабанова А., Ямищикова Е. Народовольцы в Петербурге. Л., 1984. — 223 с.

Баранников К. Памяти Н. А. Морозова. — Щербаков, правда, 1954, 11 июля.

Белицкий Я. М. Спартаковская улица. 2/1. — М.: Моск. рабочий, 1986. (Гимназия на Елоховской, с.33—52. Портрет Н. А. Морозова.)

Белов М. Н. А. Морозов: К 80-летию со дня рождения. — Экон. жизнь, 1934, 6 июня, № 129, портр.

Белов С. В. В. Я. Брюсов и Н. А. Морозов: (Неопубликованные письма В. Я. Брюсова). — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1964, т. 23, вып. 4, с. 331 — 339.

Беляев Е. Н. А. Морозов об исламе. — Анти-религиозник, 1933, № 3, с.40 — 43.

[*Беляева Е. К.* Воспоминания о Н. А. Морозове]. — Вперед, 1974, 13 июля, №84. — (Родственница о Н. А. Морозове. Подготовил Б.

Внучков).

Беркенгейм Б. М. Действительные и почетные члены Академии наук химической специальности: (К 220-летию АН СССР). — Усп. хим., 1945, т. 14, вып. 2, с. 122-123.

Бибанов Т. Повесть о Николае Морозове: [М. Поповский. Победенное время]. — Юность (Яросл.), 1975, 11 дек., № 147.

Бибиков Е. Из Шлиссельбургской крепости. — Веч. Челябинск, 1984, 4 июля, № 152.

Бирюков В. Н. А. Морозов и вопросы хронологии. — Вперед, 1995, 2 авг., № 59.

Бирюков В. Подарок Дому-музею Н. А. Морозова: [Книги от А. Т. Фоменко]. — Вперед, 1997, 6 дек., № 95.

Бирюков В. Революционер, ученый, поэт: [К 120-летию Н. А. Морозова]. — Филателия СССР, 1974, № 10, с. 4—5, портр.

Бирюков В. Смелость и бескорыстие издателя: [О роли И. Д. Сытина в издании трудов Н. А. Морозова]. — В мире кн., 1976, № 2, с. 81, ил.

Бирюков В. Узник Шлиссельбурга. — Вперед, 1991, 16 апр., № 47.

Бирюкова Н. К. Мой дядя Н. А. Морозов. —

Вперед, 1981, 21 апр., № 48.

Богданович Т. А. Хождение в народ. — Пг.: изд. «Новая Россия», 1917, с. 12-15, 18-19 и др.: (Н. А. Морозов).

Бойко В. Сквозь тернии — к звездам. [Рец. на кн.: Морозов Н. А. Звездные песни. Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1974]. — Волга, 1975, № 10, с. 186-188.

Борисов И. Н. Н. А. Морозов о строении вещества: (К вопросу о приоритете русских химиков). — В кн.: Химия в школе: Методический сб. М.: Учпедгиз, 1350, был. 4, с. 153 — 159.

Борисова Н. Звучит голос Н. А. Морозова. — Сев.рабочий, 1983, 29 окт, № 251.

Борисова Н. Славная судьба: Рец. на кн.: Поповский М. Победенное время: Повесть о Николае Морозове. М.: Политиздат, 1975. (Серия «Пламенные революционеры»). — Нева, 1976, № 3, с. 185 — 186.

Бронштэн В. А. Разгром общества любителей мироведения. — Природа, 1990, № 10, с.122-126, портр.

Брюсов В. (Гармодий). Рец. на кн.: Н. Морозов. Из стен неволи. — Весы, 1906, №6. с.71.

Брюсов В. Я. Рец. на кн.: Морозов Н. Письма из Шлиссельбургской крепости. СПб.: Изд. М. Аверьянова, 1910. — Рус. мысль, 1910, кн. 9, с. 283 -285. — Разд. паг.

Бубнов А. Телеграмма Н. А. Морозову [в связи с 80-летием со дня рождения]. — Ленингр. правда, 1934, 6 июня, № 132.

Бубнов А. С. Телеграмма Н. А. Морозову в связи с 80-летием. — За коммунист, просвещение, 1934, 6 июня, № 129; Социалистическое земледелие, 1934, 6 июня.

Бубнов Н. А. Незабываемые встречи. — Вперед, 1982, 27 марта, № 37-30 марта, № 38.

Буянов А. Творцы химической науки. — Техн.-мол., 1949, № 4, с. 30 — 31: (Революционер-ученый. Предсказание нулевой группы химических элементов).

Быков Г. В. История электронных теорий органической химии. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 57 — 59: (Дубликация электрических зарядов в органических соединениях по Морозову).

В.Б. Шлиссельбуржцы: 1. Н. А. Морозов. — Наша жизнь, 1905, 13 нояб., № 333.

В «Борке» в день 90-летия почетного акаде-

мика Н. А. Морозова. -Вестн. АН СССР, 1944, № 9, с. 92.

Вавилов С. И. Привет энтузиасту науки! — В кн.: Сергей Иванович Вавилов. М., 1981, с.282 — 283.

Волк С. Г. Г. Романенко. Из истории «Народной воли». — Каторга и ссылка, 1928, №11(48), с.36 — 59.

Валянский С. И. История создания работы «История человеческой культуры в естественно-научном освещении» («Христос»). — В кн.: Н. А. Морозов. Христос. Небесные вехи земной истории человечества. М.: Крафт+ЛЕАН, 1997, с. 7 — 10.

Валянский С. И. Н. А. Морозов (1854—1946). Краткий биографический очерк. — В кн.: Н. А. Морозов. Христос. Небесные вехи земной истории человечества. М.: Крафт+ЛЕАН, 1997, с.5 — 7.

Валянский С. И., Калюжный Д. В. Николай Александрович Морозов. — В кн.: Хронотроника. Оптимальные пути развития систем в условиях ограниченных ресурсов. М, 1998, с.51 — 52. (Препринт/ИОФРАН).

Валянский С. И., Калюжный Д. В. Новая хро-

нология земных цивилизаций: Современная версия истории. — М.: Олимп, 1996. — 384 с. — С. 5, 6, 16-17, 49, 50 — 51, 299 — 304 и др.: (Н. А. Морозов).

Валянский С. И., Калюжный Д. В. О графе Гомере, крестоносце Батые и знаке Зверя. — М.: Крафт+ЛЕАН, 1998. — 336 с. — С.307 — 319: (Реальная хронология (по Н. А. Морозову)), с. 176 — 180 и др.

Валянский С. И., Калюжный Д. В. Путь на Восток, или Без вести пропавшие во времени. — М.: Крафт+ ЛЕАН, 1998, 304 с. — с.23, 33—35, 201-207 и др.

Валянский С. И., Калюжный Д. В. Тьма горьких истин... Русь. — М.-Крафт+ЛЕАН, 1998. — С. 4, 5, 65, 110, 134, 194, 298, 308, 319 — 320: (О Морозове).

Валянский С. И., Калюжный Д. В. Явление Руси. — М.: Крафт+ ЛЕАН 1998, 256 с. — с. 56, 57, 68, 128.

Валянский С., Недосекина И. Революционер, ученый, поэт. — Литературная Россия, 1985, 14 июня, № 24.

Ваняшова А. «Знакомый всей читающей России...» — Правда, 1970, 22 мая, № 142.

Васецкий А. А. Идеи социокосмизма в произведениях Н. А. Морозова: Автореф. дис... канд. филос. н. — М.: Изд. МГУ, 1987. — 26 с.

Васильев М. Николай Морозов: Народно-олец, ученый, поэт. — Юн. техн., 1972, № 2, с. 25 — 29, портр.

Васильев М. Рядом с Циолковским: [О повестях К. Э. Циолковского «На луне» и Н. А. Морозова «В мировом пространстве»]. — В мире кн., 1972, №3, с. 14-15.

Васильев П. И пили чай с Н. А. Морозовым: [О фотографе С. Ухове из п. Волга]. — Вперед, 1992, 25 дек., № 115, фото.

Васильева А. Голос современника Маркса: [О звукозаписи рассказа Н. А. Морозова о его встрече с К. Марксом]. — Веч. Москва, 1979, 20 июля, № 165.

Вересов А. И. Конец «Русской Бастилии». Л.: Дет. лит., 1964, с. 65—66, 111—114, 324-331, 361—366, 411—416.

Вересов А. И. Улица Иустина Жука: [Об узниках Шлиссельбургской крепости]. — Нева, 1962, № 11, с. 128, 132, 135, 144 — 146, 150 — 151, 155 — 156, портр.

Вересов А. И. Шлиссельбургские повести.

Л.: Лениздат, 1965, с. 17 — 18, 43-44, 95-102.

Вечер памяти Н. А. Морозова. — В кн.: Краткий астрономический календарь на 1958 год. Киев: Изд-во АН УССР, 1957, с. 99.

Виноградов К. Пример служения Родине. — Вперед, 1979, 27 сент., № 116.

Виноградова Е. К. Революционер, ученый: [Воспоминания]. — Вперед, 1977, 7 июля, №81.

Внучков Б. С. Академик Вольфович. — Вперед (Н. Некоуз, Яросл. Обл.), 1966, 30 окт., №131.

Внучков Б. С. В. Г. Короленко и Н. А. Морозов.-Огонек, 1978, №31, с. 13.

Внучков Б. С. В гостях у Короленко: [О встрече Н. А. Морозова и В. Г. Короленко в 1906 г.]. — Сев. рабочий, 1977, 25 дек., № 299.

Внучков Б. С. В Доме-музее Н. А. Морозова. — Нов. жизнь (Рыбинск), 1962, 13 мая, № 8, портр.

Внучков Б. С. Встреча с Марксом. — Сев. рабочий, 1967, 19 сент., № 220, фото; Ленин, знамя, 1968, 14 июня, № 137; 15 июня, № 138.

Внучков Б. С. «Выборы» по-полицейски: [О признании недействительным избрание Н. А. Морозова выборщиком в III Государственную

думу в 1907 году]. — Сев. рабочий, 1970, 27 мая, № 122.

Внучков Б. С. Высокая культура духа: Н. А. Морозову 125 лет со дня рождения. — Заря коммунизма, 1979, 10 июля, № 82.

Внучков Б. Высокая культура духа. — Вперед, 1979, 30 июня, №78.

Внучков Б. Гости Дома-музея Н. А. Морозова (К. К. Виноградов и В. Б. Бирюков). — Вперед, 1977, 14 июля, №84.

Внучков Б. С. «Давайте же дерзать!»: [О взаимоотношениях К. Э. Циолковского и Н. А. Морозова]. — Знамя, 1978, 14 марта, № 61.

Внучков Б. Дар музею: [О книге А. Малютинной «Повесть об отце»]. -Вперед, 1979, 19 сент., №111.

Внучков Б. С. Дар хабаровчан: [О сборе средств на постройку Н. А. Морозовым обсерватории]. — Тихоокеан. звезда, 1967, 19 авг., № 194.

Внучков Б. С. Два письма: [О письмах Н. А. Морозова к К. Э. Циолковскому от 22 июля 1920 г. и 1 мая 1921 г.]. — Знамя, 1973, 12 апр., № 86.

Внучков Б. С. Два письма В. Я. Брюсова

[Н. А. Морозову]. — Москва, 1969, №11, с. 193-195.

Внучков Б. Дом-музей Н. А. Морозова: [О реконструкции в 1914 г.]. -Вперед, 1977, 27 окт., №130.

Внучков Б. С. Жизнь, отданная людям: [К 20-летию со дня кончины Н. А. Морозова]. — Вперед, 1966, 29 июля, № 90, фото; Ленин, знамя, 1966, 27 сент., № 224, рис.

Внучков Б. С. Жизнь — подвиг. — Вперед, 1979; 7 июля, №81, портр.

Внучков Б. С. «За ленинской строкой»: [О телефильме, посвященном Н. А. Морозову]. — Кр. знамя (Даугавпилс), 1966, 10 нояб., № 176; Рыбин, правда, 1966, 11 нояб., № 226.

Внучков Б. Как Н. А. Морозов избирался в Думу. — Вперед, 1977, 7 июня, №68.

Внучков Б. К. И. Чуковский и Н. А. Морозов. — Сев.рабочий, 1982, 7 апр., №81.

Внучков Б. С. К. Маркс и Морозов. — Вперед, 1968, 5 мая, № 55.

Внучков Б. С. Как Н. А. Морозов избирался в Думу. — Вперед, 1977, 7 июня, № 68.

Внучков Б. С. «Капитал» К. Маркса и Н. А. Морозов. — Вперед, 1967, 14 сент., №113.

Внучков Б. Карлу Марксу посвящается: [О записи голоса Морозова на пластинку «Кругозора»]. — Вперед, 1983, 20 сент., № 113.

Внучков Б. С. Лекции народовольца. — Кр. знамя (Владивосток), 1973, 13 окт., №241.

Внучков Б. С. Лекции революционера. — Правда Севера, 1968, 4 сент., №207.

Внучков Б. С. М. О. Морозов у Елисаветграді. — Кіровоград. правда, 1976, 26 вересня, № 226.

Внучков Б. С. Морозов едет к Марксу. — Кр. знамя (Даугавпилс), 1968, 26 апр., № 66; 27 апр., № 67; 30 апр., № 68; 1 мая, № 69; 6 мая, № 70.

Внучков Б. С. Музей в поселке имени Морозова. — Сев. рабочий, 1968, 4 февр., № 29.

Внучков Б. С. [Н. А. Морозов и Научный институт им. П. Ф. Лесгафта]. -Сев. рабочий, 1978, 21 апр., № 92.

Внучков Б. С. Н. А. Морозов и религия. — Вперед, 1968, 30 марта, № 40.

Внучков Б. С. Н. А. Морозов на Дальнем Востоке. — Дальний Восток, 1969, №4, с. 130-137.

Внучков Б. С. Найдено в архиве: [Письмо Я. М. Свердлова К. А. Морозову]. — Урал, 1968, №

12, с. 66 — 69, рис.

Внучков Б. На пороге крылатой эры. — Сев. рабочий, 1983, 5 мая, № 105.

Внучков Б. С. Находка в архиве ученого-революционера: [О книге В. И. Ленина «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» издания 1894 г., найденной в архиве Н. А. Морозова]. — Сев. рабочий, 1977, 31 марта, № 75.

Внучков Б. С. Невыдуманнные истории о Н. А. Морозове. — Сев. рабочий, 1969, 5 марта, № 54; Нев. заря, 1970, 30 мая, № 85.

Внучков Б. С. Новые экспонаты Музея Н. А. Морозова. — Сев. рабочий, 1968, 11 мая, № 108.

Внучков Б. С. Об одном ошибочном утверждении: [Н. А. Морозов и религия]. — Сев. рабочий, 1970, 5 марта, № 53.

Внучков Б. С. Памяти революционера. — Сов. Россия, 1979, 24 июля, № 168.

Внучков Б. С. Переписка друзей: Письма В. Я. Брюсова к Н. А. Морозову. — Сев. рабочий, 1967, 23 авг., № 197; 24 авг., № 198; 25 авг., № 199.

Внучков Б. С. Письма В. Г. Короленко к Н. А. Морозову. — Сев. рабочий, 1966, 18 сент.,

№220.

Внучков Б. С. Письмо Я. М. Свердлова революционеру Н. А. Морозову. -Урал, рабочий, 1967, 15 авг., № 191.

Внучков Б. «Пионер научной поэзии» (Брюсов и Морозов). — Сев. рабочий, 1982, 6 янв., №5.

Внучков Б. С. Пламенная жизнь ученого. — Вперед, 1968, 26 апр., № 52.

Внучков Б. С. Планета у сердца: [Репортаж из Дома-музея Н. А. Морозова]. — Сев. рабочий, 1967, 27 апр., № 99, фото.

Внучков Б. Предвидя будущее. — Вперед, 1984, 17 июля, № 85.

Внучков Б. Предвидя будущее. К 130-летию Н. А. Морозова. -Сев.рабочий, 1984, 10 июля, № 161.

Внучков Б. С. Проникновение: [О встрече Н. А. Морозова с К. Марксом]. — Нев. заря, 1968, 5 мая, № 70.

Внучков Б. Рассказы о Н. А. Морозове. — Вперед (газета Рыбинского объединения моторостроения), 1978, 6, 10, 13, 15, 17, 20 марта, № 28, 30 — 34.

Внучков Б. Революционер и ученый (Из

воспоминаний К. Морозовой). -Рыбинская правда, 1976, 29 июля, № 150.

Внучков Б. С. Революционер-ученый Н. А. Морозов: [К 20-летию со дня кончины Н. А. Морозова]. — Сев. рабочий, 1966, 31 июля, № 178.

Внучков Б. С. Революционер, ученый писатель: К 125-летию со дня рождения Н. А. Морозова. — Сев. рабочий, 1979, 6 июля, № 154.

Внучков Б. С. С большим интересом: [Дому-музею Н. А. Морозова 25 лет]. — Вперед, 1972, 5 февр., № 17.

Внучков Б. С. С. И. Вавилов и Н. А. Морозов. — В кн.: Сергей Иванович Вавилов: Очерки и воспоминания / Под ред. И. М. Франка. М.: Наука, 1979, с. 239 — 243.

Внучков Б. С. С. И. Вавилов и Н. А. Морозов. — В кн.: Сергей Иванович Вавилов. — 3-е изд. — М., 1991, с.311-315.

Внучков Б. С. С. И. Вавилов о Н. А. Морозове. — Вперед, 1976, 6 июля, №81.- (Памяти ученого-революционера).

Внучков Б. Свидетель удивительных событий. — Невская заря, 1981, 10 февр., № 23; 11 февр., № 24, портр.

Внучков Б. Скульптурный портрет земляка. — Сев.рабочий, 1979, 2 авг., №176.

Внучков Б. С. Телеграмма Ильича. — Дальний Восток, 1974, № 4, с. 129-131.

Внучков Б. С. Телеграмма (По поручению Ленина). — Сев. рабочий, 1974, 8 сент., №211.

Внучков Б. С. Узник Шлиссельбурга: О жизни и деятельности Н. А. Морозова. — Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1969. — 184 с, ил. -Библиогр.: «Основные труды Н. А. Морозова и литература о нем» с. 165-170.

Внучков Б. С. Узник Шлиссельбурга. — 2-ое изд. -Ярославль, 1988. -160 с, ил.

Внучков Б. С. «Шлиссельбургский узник» в Вологде. — Кр. Север, 1973, 12 сент., М214.

Внучков Б. Юбилей Н. А. Морозова в Москве. — Вперед, 1979, 20 дек., № 152.

Внучков Б.С, Лозовский И. Узник Шлиссельбурга в Томске. — Кр. знамя (Томск), 1967, 13 мая, № 111.

Волков А. Встречи Н. А. Морозова с копяками. — В сб.: Молога. Рыбинск, 1996, с.73 — 75.

Волков В. А. и др. Выдающиеся химики мира. — М., 1991, с.305 — 306: (Н. А. Морозов).

Волков-Ланнит. Искусство запечатленного звука. — М., 1964, с. 196—197: (Запись голоса Н. А. Морозова в 1909 году), портр.

Вольфович С. И. Въедающийся русский ученый и революционер: (К 100-летию со дня рождения Н. А. Морозова). — Вести. АН СССР, 1954, № 8, с. 56 — 63.

Вольфович С. И. «Искренне преданный Вам...». — Сельская молодежь 1980, №6, с. 30-35, портр. — Материал подготовила И. Кленская.

Вольфович С. И. Личность: Николай Морозов — ученый и революционер. — Химия и жизнь, 1975, № 10, с. 4-10, портр.

Вольфович С. И. Н. А. Морозов и его труды по химии. — В кн.: Труды Совещания по истории естествознания, 24—26 дек, 1946 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948, с. 197—212, 1 л. портр. — Библиогр.: 24 назв.

Вольфович С. И. Научные предвидения Н. А. Морозова. — Огонек, 1948, №1, с.26.

Вольфович С. И. Николай Александрович Морозов: [К 10-летию со дня смерти]. — Химия в шк., 1956, М 4, с. 19 — 25, портр.

Вольфович С. И. Николай Александрович

Морозов, его жизнь и труды по химии. — Природа, 1947, № 11, с. 81 — 88, портр., ил.

Вольфович С. И. Николай Александрович Морозов как химик (1854-1946). — Изв. АН СССР. ОХН, 1947, № 5, с. 523 — 533, 1 л. портр.

Вольфович С. И. О «Периодических системах строения вещества» Н. А. Морозова. — Сообщ. о науч. работах чл. ВХО, 1949, вып. 4, с. 22 — 26.

Вольфович С. И. Переписка Н. А. Морозова, Д. П. Коновалова и В. Крукса о «Периодических системах строения вещества»; — Тр. Ин-та ист. естествозн., 1949, т. 3, с. 200 — 208.

Вольфович С. И. Почетный академик Николай Александрович Морозов: [К 30-летию со дня смерти]. — Вопр. ист. естествозн. и техн., 1976, выл 1 с. 67-72.

80-летие Н. А. Морозова. — Правда, 1934, 8 июня, № 156. 80-летие Н. А. Морозова. — Правда, 1934, 3 июня, № 151. 80-летие шлиссельбуржца Н. А. Морозова. — Соц. землед., 1934, 6 июня, № 129.

Вселенов В. Вечер памяти в Доме-музее Н. А. Морозова: [Памяти Б. Внучкова и Г. Мишулиной]. — Вперед, 1997, 26 нояб., № 92.

Вселенов В. Б. В защиту реализма. — Фило-софские исследования, 1999, №1, с.251—258. (Н. А. Морозов о невежестве — с.256—257.)

Вселенов В. В честь Н. А. Морозова: [Подарок музею вновь вышедших томов «Христа» и книг по истории из серии «Хронотрон» С. И. Валянского, Д. В. Калюжного]. — Вперед, 1998, 11 июля, № 59.

Вселенов В. Новый подарок Дому-музею Н. А. Морозова: [От А. Т. Фоменко]. — Вперед, 1998, 8 июля, № 54.

Вселенов В. Семинар в Доме-музее Н. А. Морозова. — Вперед, 1997, 30 июля, № 59.

Гагарин В. Памяти ученого-революционе-ра. — Сев. рабочий, 1979, 26 июля, № 170.

Гайденков Н. Поэзия борьбы и страда-ний. — Вопросы литературы, 1962, № 5, с.213 — 215: (Н. А. Морозов).

Гартман Л. Письма Н. А. Морозову в Лон-дон в 1880 году. — В кн.: Русские современни-ки о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969, с. 180 — 182,192.

Гернет М. Н. История царской тюрьмы. 7. 3. 1870 — 1900. М.: Госюриздат, 1961, с. 104, 109, 111, 153—154, 161, 188, 234, 238, 240, 249,

264—269, 275, 277, 279, 286.

Гессен С. Л. А. Морозов: (К 80-летию со дня рождения). — М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан, 1934. — 40 с, портр.

Глезер Д. Государственный научный институт им. П. Ф. Лесгафта. — В кн.: Университеты и научные учреждения к XVII съезду ВКП(б). М.-Л., 1934, с. 246 — 265, портр. Морозова

Глезер Д. Я. Н. А. Морозов: К 80-летию со дня рождения. — Природа, 1934, № 8, с. 59 — 64, фиг., портр.

Головин Г., Бирюков В. Человек поразительной судьбы. — Сов. Союз, 1979, № 8, с. 52, портр., ил.

Горбачевич К., Стрелков И., Хабло Е. Славные имена: О людях, именами которых названы населенные пункты Ленинградской области. Л.: Лениздат, 1965, с. 72 — 77: (Революционер и ученый), портр.

Горбунов Н. П. Луначарскому. О книге «Христос» по поручению Ленина. -В кн.: Литературное наследство. М., 1971, т.80, с.269, 278—280.

Городецкий С. Н. А. Морозову: (Стихотворе-

ние). — В кн.: Цветущий посох. СПб., 1914, с.95.

Гороховатський Я. Б. Вчешній-революціонер: (До 10-річчя з дня смерті М. О. Морозова). — Наука і життя, 1956, № 7, с. 35 — 36, портр.

Горшков Д. Н. Значение творческого наследия Н. А. Морозова в формировании диалектико-материалистического мировоззрения. — В кн.: Теоретико-методологические проблемы формирования коммунистического мировоззрения. Ярославль, 1987, с.123 — 127.

Горюн Т. В. Творческие связи К. Э. Циолковского и Н. А. Морозова. — В кн.: Идеи К. Э. Циолковского и современные научные проблемы. М., 1984, с. 39 — 48.

Гревс Ив. Старый революционер за эволюцию. — Речь, 1917, 7(20) апр., №80.

Гржегоржевский Б. К дискуссии о «Христе» Н. А. Морозова. — Мирведение, 1932, № 1 — 2, с. 135 — 138.

Грибков Н., Внучков Б. За ленинской строкой: [По поводу Постановления Совета Народных Комиссаров о предоставлении имени Борок в пожизненное пользование Н. А. Морозову]. — В кн.: Владимирцы, ивановцы, ко-

стромичи, ярославцы о Ленине: 50 рассказов, очерков, воспоминаний, интервью. Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1970, с. 290 — 298. — На обл. загл.: Всегда с нами. Библиогр.: 9 назв.

Григорьев Г. Английский проспект, 32: фрагменты из жизни одного дома. (В. И. Ленин, П. Ф. Лесгафт и Н. А. Морозов). — Аврора, 1971, № 11 с. 45 — 50.

Григорьев Г. «Звездные песни»: [О грамзаписи голоса Н. А. Морозова в 1910 году]. — Нева, 1969, № 6, с. 220, портр.

Громыко А. Теплое слово о Н. А. Морозове. — Вперед, 1988, 27 сент., № 116 (Публ. Лукина).

90-летие почетного академика Н. А. Морозова. — Известия, 1944, 5 июля, №158.

Девяткина А. В. Н. А. Морозов (1854-1946): [Библиографический указатель]. — Ярославль: Обл. б-ка, 1956. — 15 с, портр.

Дело Н. А. Морозова: (Из зала суда). — Утро России, 1911, 25 нояб., № 271.

Дело Н. А. Морозова. — Речь, 1912, 2 марта, №60.

Дерман А. Рец. на кн.: Круковская Л. Очерк

жизни и деятельности Н. А. Морозова. Книгоизд-во К. Ф. Некрасова. — Заветы, 1912, № 9, с. 201 — 202.

10 лет со дня смерти Н. А. Морозова: [Вечер, посвященный памяти Н. А. Морозова, 26 декабря 1956 г. в Москве в Доме ученых]. — Вестн. АН СССР 1957, № 2, с. 133.

Дубянская М. Закат на Лоцманском острове. — Аврора, 1976, № 12, с.64-67: (О Н. А. и К. А. Морозовых).

Егоров И. В местечке Борок. — Голос льновода, 1959, 15 марта, № 32, фото.

Елин М. Ученый среди облаков. — Вперед, 1963, 3 апр., № 15.

Емельянов В. С. Атом и мир. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Атомиздат 1967, с. 17, 33—35, 37, портр., ил.

Ермоленко Г. В. Анонимные произведения и их авторы. — Минск, 1988, с.7, 22—23, 99, 101: (Н. А. Морозов).

Ершов Г. В те далекие годы [Серафимович и Морозов]. — Огонек, 1983, №3 (15 янв.), портр.

Жданов С. Життя в ім'я революції і науки. — Мол. гвардія, 1979, 13 юлія, № 135.

Жданов С. М. К. Маркс і російський

природодослідник М. О. Морозов. -Філософ. пробл. сучас. природозн., 1968, вып. 11, с. 153 — 161. — Рез. на рус. яз. Библиогр.: 23 назв.

Жданов С. М. М. О. Морозов. — Київ: Вид-во Київ. ун-та, 1971. — 211 с, ил., табл., портр. — Библиогр.: «Праці про М. О. Морозова» с. 200 — 202; «Праці М. О. Морозова» с. 202-210.

Жданов С. М. М. О. Морозов — один з перших послідовників пропагандистів марксизму в Росії 70—80-років ХІХ ст. — Пробл. філософ., 1969, вып. 13, с. 78—85. — Рез. на рус. яз. Библиогр.: 15 назв.

Жданов С. М. Мирозозрение Н. А. Морозова: Автореф. дис... канд. філософ. н. — Киев: [Гос. ун-т], 1965. — 20 с.

Жданов С. М. Невтомний пропагандист діалектико-матеріалістичного світогляду. — Вісн. Київ. ун-ту, 1961, № 4. Сер. іст. та філософ., вып. 1, с. 64-77. — Рез. на рус. яз.

Жданов С. М. Про деякі зв'язки М. О. Морозова з Україною. — В кн.: Боротьба між матеріалізмом та Ідеалізмом на Україні в ХІХ ст. Київ: Наук. думка, 1964, с. 207—225. — Рез. на рус. яз.

Жданов С. М. Світогляд Миколи Олександровича

дровича Морозова — видатного вченого-революціонера (1854—1946). — В кн.: Науковий щорічник за 1958 р. Київ.: Від-во Київ. ун-та, 1959, с. 50—52.

Жданов С. М. Хімічні ідеї М. О. Морозова в світлі сучасної теорії будови атома. — Філософ. пробл. сучас. природозн., 1965, вып. 3, с. 120 — 131. — Рез. на рус. яз. Библиогр.: 14 назв.

Житова Н. К. Н. А. Морозов как историк религии и атеист. — В кн.: Актуальные проблемы истории философии народов СССР. М.: Изд-во МГУ, 1977, вып. 3, с. 71 — 84. — На об. тит. л. 1976.

Житова Н. К. Общественно-политические и философские воззрения Н. А. Морозова: Автореф. дис... канд. филос. н. — [М.]: Изд-во Моск. ун-та, 1978.- 19 с.

Жуковский Н. Е. Из неопубликованной переписки: (Материалы к биографии). К 110-летию со дня рождения. [М.: ЦАГИ], 1957, с. 53 — 54: [Письмо Н. А. Морозову. Январь 1908 г.].

За ученые заслуги: [О предложении Д. И. Менделеева присвоить Н. А. Морозову звание почетного химика]. — Сегодня, 1906, 13 окт., № 46.

Забродский Г. А. Мировоззрение Д. И. Менделеева. М.: Госполитиздат, 1957, с 122—123: [Эволюционная теория вещества Н. Морозова].

Запрудов В. Подарок народному музею: [Картина «За свет и свободу. Н. Морозов — узник Шлиссельбурга.» А. Рассказчиковой]. — Вперед, 1989, 27 апр., № 51.

Захарова Т. Вечер памяти Н. А. Морозова. — Вперед, 1979, 6 ноября, № 133.

Захарова Т. 80 лет назад ... (Из тюрьмы через 25 лет). — Вперед, 1985, 5 нояб., № 132.

Захарова Т. День рождения Н. А. Морозова. — Вперед, 1988, 7 июля, № 81.

Захарова Т. Звездная песня. — Вперед, 1987, 6 янв., № 2, фото.

Захарова Т. Из архивных документов: [Письмо красноармейца А. Овчинникова Н. А. Морозову]. — Вперед, 1986, 7 авг., № 94.

Захарова Т. Из коллекции Н. А. Морозова. — Вперед, 1982, 16 фев.

Захарова Т. Н. А. Морозов в изобразительном искусстве. — Вперед, 1987, 9 июня, № 69, фото.

Захарова Т. Н. А. Морозову — 130 лет. —

Вперед, 1984, 19 июля, № 86.

Захарова Т. Г. Мемориальный дом-музей Н. А. Морозова. — В кн.: Альманах — 1998. Музеи Российской академии наук. М.: Научный мир, 1998, с.157 — 165, фото.

Захарова Т. Музей Н. А. Морозова в Борке. — Вперед, 1985, 2 февр., № 16, фото В. Каргина.

Захарова Т. Г. Письма священника Иоанна Всехсвятского (церкви села Копань Мологского уезда в 1907 г.) Морозову Н. А. — В кн.: Опочининские чтения. Вып.2. Мышкин, 1992, с.43 — 46.

Захарова Т. Посвящается юбилею ученого. — Сев. рабочий, 1984, 21 июля, № 170.

Захарова Т. «Твой друг на жизнь и смерть» (Н. Морозов и В. Фигнер). -Сев.рабочий, 1987, 23 авг., № 196.

Захарова Т. «Это замечательно хороший снимок» (А. В. Морозова с внучкой Ниной). — Сев.рабочий, 1983, 21 авг., № 194, фото.

Захарченко В. А может быть, стоит задуматься? [О «Христе» Н. Морозова]. — Чудеса и приключения, 1994, № 1, с.2.

Там же: Сенсация, замолченная на полвека

(с.6 — 7, портр. Морозова).

Там же: Исторические сновидения — Вот, что такое античность, — утверждал Николай Морозов (с.8 — 13, фото, рис.).

Звучит голос Н. А. Морозова. — Вперед, 1984, — 22 марта, № 36.

Зелинский Н. Памяти К. А. Морозовой. — Вестник АН СССР, 1948, № 4, с.84 (Совместно с другими).

Зимин В. «Любите свет, народы!»: [О школе им. Н. А. Морозова в селе Веретея в 1924 году]. — Вперед, 1977, 1 сент., №105.

Злобина Л. Встреча в Москве. — Веч. Челябинск, 1979, 16 июля, № 162.

Злобина Л. Кто может быть идеалом. — Веч. Челябинск, 1989, 13 марта, № 60.

Злобина Л. Легендарная жизнь. — Челябинский рабочий, 1983, 24 февр., № 45.

Злобина Л. «... чей отзвук есть в других». — Челябин. рабочий, 1979, 23 дек., №294.

Злобина Л. Человек из легенды. — Челябинский рабочий, 1984, 7 июня, № 130.

Злобина Л. «Чудесный человек!» — Веч. Челябинск, 1977, 28 марта, № 72.

Золотарев А. Большая жизнь. — Сев.рабо-

чий, 1944, 9 июля, № 135.

Золотарев А. А. Николай Александрович Морозов: [К 110-летию со дня рождения]. — Сев. рабочий, 1964, 7 июля, № 159, портр.

Зубашева-Корнилович. Обзор рецензий на книгу Н. Морозова «Пророки». — Бюлл. литературы и жизни, 1914, №19 (июль), с.582 — 586.

Зубковский И. «Звездные песни» Николая Морозова. — Кн. новости, 1937, №15, с. 45 — 46, ил.

Иванов Н. Откровение в грозе и буре: Критический разбор книги Морозова. Публичная лекция, читанная в дек. 1915 г. в народной аудитории при Томском архиерейском доме. — Томск: Б. и., 1916. — 44 с.

Иванов Ю. В фондах литературного музея. — Сев.рабочий, 1979, 15 июля, №161.

Игонин В. В. Атом в СССР: Развитие советской ядерной физики. [Саратов]: Изд-во Гос. ун-та, 1975, с. 74 — 77: [Представления Н. А. Морозова о строении атома], портр.

Известия Научного института им. П. Ф. Легафта. Т. 15. Вып. 1/2. [Посвящается 10-летию Октябрьской революции и 10-летию органи-

зации Института по инициативе Н. А. Морозова]. — Л.: Изд-во Гл. упр. науч. учрежд., 1929.-XV, 347 с.

Измайлов А. Перевернутый космос. Парадоксы Н. А. Морозова о Библии и пророках. — Веч. Биржевые ведомости, 1914, 3 апр., № 14085; 4 апр., № 14087.

Измайлов А. Звездная сказка. «Пророки» Н. А. Морозова. — Русское слово., 1914, 5 апр., №79.

Иевлева Е. С. Встречи с Н. А. Морозовым. — Вперед, 1995, 8 июля, № 52. (Публ. П. Васильева).

Ильинский А. Памятный вечер. — Вперед, 1964, 17 июля, № 87.

История естествознания в России. М.: Изд-во АН СССР, 1960, т. 2, с. 312, 315, 426, 427, 529—531, 614-617, портр.

Их призвание — служение народу: [И. Сытин и Н. Морозов]. — Вперед, 1990, 28 нояб., № 142. (Публ. В. Бирюкова).

Кабалкина Е. И в одиночке не был одинок. — Советская культура, 1986, 23 дек., № 153.

Кабалкина Е. Никогда не смотрел уныло. —

Семья и школа, 1987, № 10, с.25 — 27, портр., фото.

Каверин В. А. Живая история. Н. А. Морозов глазами восьмидесятых. — В кн.: Литератор. М., 1988, с.158 — 166.

Каверин В. А. Этюд о Н. А. Морозове. — Новый мир, 1966, №11, с.142—143.

Калинин А. Жизнь, отданная народу и науке: [К 120-летию со дня рождения Н. А. Морозова]. — Рыбин, правда, 1974, 6 июля.

Калинина А. И. Воспоминания о Н. А. Морозове. — Вперед, 1982, 16 окт., № 124 (Публ. Н. Тележкина).

Калмыков С. Николай Морозов (1854—1946). — В кн.: Вечное солнце: Русская социальная утопия и научная фантастика (вторая половина XIX — начало XX века) / Сост., автор предисл., справок об авторах и комментариев С. Калмыков. М.: Мол. гвардия, 1979, с. 236 — 237, портр.

Кан Г. С. Идейные «еретики» «Народной Воли». — В кн. : Индивидуальный политический террор в России. XIX — начало XX века. М., 1996. с.24 — 32.

Каргин В. Экспедиционное судно «Акаде-

мик Морозов» перед выходом в первый рейс. — Голос льновода, 1959, 15 мая, №59, фото.

Карпинский А. П. Приветствие Н. А. Морозову. — Вестник знания, 1930, №1, с.6-7.

Киконин Л., Кириллов Н. Мужество революционера, талант ученого. -Юность(Яросл.), 1968, 20 апр., № 48.

Киров С. М. Н. А. Морозову: [Приветствие к 80-летию со дня рождения]. — Ленингр. правда, 1934, 8 июня, № 133.

Клеветский М. Н. А. Морозов. — БСЭ, 1938, т. 40, стб. 220 — 221, портр. -Библиогр.: 14 назв.

Ковалев В. Эрмитаж науки. — Неделя, 1968, № 3, 14 янв., с.5.

Козьмиш Б. Послесловие. — В кн.: Морозов Н. А. Повести моей жизни. М.: Наука, 1965, т. 2, с. 660 — 664.

Колосов Е. Шлиссельбургские материалы. — Киевская мысль, 1914, 4, 15, 30 мая, 1 и 13 июня.

Колчинский И. Г., Корсунь А. А., Родригес М. Г. Астрономы: Биографический справочник. Киев: Наук, думка, 1977, с. 175 — 176: (Н. А. Морозов. Биографический очерк), портр.

Комаров В. Л. Почетному члену Академии наук СССР Николаю Александровичу Морозову: [К 85-летию со дня рождения]. — Вестн. АН СССР, 1939, № 8/9, с. 127, 1 л. портр.

Комраков А. Встреча с шлиссельбуржцем. — Вперед, 1968, 1 авг.

Комраков А. Правительственное поручение. — Вперед, 1969, 16 янв. №7.

Кон Ф. Славная жизнь: [К 80-летию со дня рождения Н. А. Морозова]. -Кр. газ, 1934, 6 июня, № 129, портр.

Конгисер Н. Из истории создания скульптурного портрета. — Вперед, 1979, 17 июля, № 85.

Корень Б. Рец. на кн.: Морозов Н. Функция. Киев: Сотрудник, 1912. -Заветы, 1913, №7, с. 187-188.

Коробко М. Подмосковная Узкое. Художественное собрание усадьбы. -Наше наследие, 1994, №29 — 30, с. 136 — 145, фото.

Коробко М. Ю. Усадьба Узкое. М., 1996, 212 с. Н. А. Морозов: с. 10,120-129 и др., портр.

Короленко В. Г. Письма Н. А. Морозову в 1907, 1909 и 1910 гг. — Сев. рабочий, 1966, 18 сент., № 220 (Публ. Б. С. Внучкова).

Король В. «Вперед, на крыльях белой птицы!» — Гатчин. правда, 1979, 28 июля, № 90.

Костерина Л. По страницам фотоальбома [о Н. А. Морозове] ... — Сев. рабочий, 1964, 7 июля, № 159.

Кравчинский С. М. Эскизы и силуэты. — Спб., 1908, с.1 — 39: (Ольга Любатович), портреты Морозова и Любатович.

Круковская Л. Я. Н. А. Морозов: Очерк жизни и деятельности. — М.: Книгоизд-во К. Ф. Некрасова, 1912. — 96 с, портр. — Библиогр.: «Перечень трудов Н. А. Морозова», с. 87 — 96.

Круковская Л. Я. Н. А. Морозов: Очерк жизни и деятельности. — Пг.: Петрогр. Совет рабочих и красноарм. депут., 1919. — 80 с, портр. — На обл. 1920. Библиогр.: «Перечень трудов Н. А. Морозова», с. 72 — 80.

Ксенофонтова А. С. Портреты ученых в собрании С. А. Мусина-Пушкина: [О роли Н. А. Морозова в судьбе данной коллекции]. — Природа, 1976, № 7, с. 62 — 63, портр.

Кубланов М. М. Новый завет: Поиски и находки. М.: Наука, 1968, с. 194 — 202: (Николай Морозов), портр.

Куванова Л. К. Из неопубликованной пере-

писки И. Е. Репина с Н. А. Морозовым. — Вестн. АН СССР, 1955, № 9, с. 74 — 78.

Куванова Л. К. Морозов Николай Александрович. — В кн.: Архив Академии наук СССР: Обзорение архивных материалов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959, т. 4, с. 32 — 40. — (Тр. Арх. АН СССР; Вып. 16). — Библиогр.: 4 назв.

Кудрявцев П. С. История физики. Т. 2. От Менделеева до открытия квант (1870—1900 гг.). М.: Учпедгиз, 1956, с. 444 — 452: (Предвидения Н. А. Морозова), портр.

Кудрявцев П. С. Історія фізики. Т. 2. Від Менделеева до відкриття квантів (1870—1900 рр.). Переклад з рос. вид. Київ: Рад. шк., 1959, с. 399—406: (Передбачення М. О. Морозова) портр.

Кузнецов Б. Г. Н. А. Морозов. — В кн.: Встречи. М., 1994, с.45 — 49.

Кузьмин Д. Народновольтическая журналистика. Послесловие Веры Фигнер. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан, 1930, с. 25-28, 33-36, 41, 43-48, 58-61.

Кузьмичев А. БЕССМЕРТИЕ. — Вперед, 1997, 5 июля, № 52.

Кузьмичев А. Грустная история морозов-

ского сарая. — Вперед, 1993, 4 сент., № 71.

Кузьмичев А. Его имя принадлежит России. — Вперед, 1996, 14 авг., № 61.

Кузьмичев А. Н. А. Морозов и ботаническая культура дореволюционной России. — Вперед, 1994, 14 мая, №38.

Кулагин И. Встреча в купе. — Рабочий край, 1972, 21 апр., № 94. — (Ильич в судьбах людей).

[*Куракин Б., князь.* Письмо Н. А. Морозову из Парижа в 1923 году]. -Вперед, 1993, 29 июня, № 52 (Дворянская усадьба Андреевское), Вперед, 1998, 8 июля, № 54. (Публ. К. Озерова).

[*Ларина А. М.* Несбывшийся прогноз]. — Вперед, 1988, 22 дек., № 153. (Публ. В. Бирюкова).

Ларцев В. «Звездные песни» Н. Морозова. — Тр. Самарканд, гос. ун-та, 1970, вып. 175, с. 36-51.

Лбовский А. Почетный член Академии наук: [К 100-летию со дня рождения Н. А. Морозова]. — Ленингр. правда, 1954, 10 июля,

Лебединский В. К. Рец. на кн.: Морозов Н. Основы качественного физико-математического анализа и новые физические факторы,

обнаруживаемые им в различных явлениях природы. М.: Изд-во Т-ва Сытина, 1908. 402 с. — ЖРФХО. Физ. отд., 1908, т. 40, вып. 7, с. 315 — 317. — Разд. паг.

Лебедкин С. И. К статье Н. А. Морозова «Факторы биологической эволюции». — Изв. Науч. ин-та им. П. Ф. Лесгафта, 1936 т. 19, вып. 2, с. 27 — 28.

Лео. Д. И. Менделеев и Н. А. Морозов. — Вестн. зн. 1934 № 6, с. 383 — 384.

Леонидов Ф. Рец. на кн.: Внучков Б. Узник Шлиссельбурга. Ярославль, 1969. — Октябрь, 1971, № 10, с. 219 — 220.

Лепешинский П. Рец. на кн.: Морозов Н. Повести моей жизни. ГИЗ, 1928. Т. 1. — Пролет, рев., 1928, кн. 9, с. 204 — 207.

Лесгафт П. Ф. Письма Н. А. Морозову в 1907—1908 гг. — В кн.: Памяти Петра Францевича Лесгафта. Спб., 1912, с.135 — 142.

Лизогубов С. «Государственный преступник»: [О жизни и деятельности Н. А. Морозова]. — Моск. коме, 1967, 15 янв., № 13. 1926.

Лингвистическая теория Н. А. Морозова. — Информ. бюл. ВОКС, 1926, 2 апр., № 13, с.5.

Лозовский И. Конец одной легенды: [О кар-

тине художника Гуркина «Озеро горных духов», подаренной Н. А. Морозову томичами в 1915 г., и связанной с ней легендой]. — Кр. Знамя (Томск), 1971, 13 февр., № 37.

Лонгинов А. Подвиг революционера и ученого. — В кн.: Сельский календарь 1979. М.: Колос, 1978, с. 145, портр. — (Из истории науки).

Луначарский А. В. Ленину. Отзывы о книге «Христос». — В кн.: Литературное наследство. М., 1971, т. 80, с. 271-272, 309-310.

Лысов Р. А. Атомные теории в России второй половины XIX века (Н. А. Морозов и Б. Н. Чичерин): Автореф. дис... канд. физ.-мат. н. — М.: Моск. обл. пед. ин-т, 1954. — 16 с.

Львов С. «Пророки» Н. А. Морозова. — Голос Москвы, 1914, 4 мая, № 102.

Любатович О. Далекое и недавнее. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан, 1930, с. 6 — 16, 26 — 32, 39-40, 60, 64, 67 — 70, 74 — 93.

Лященко К. Г. Об авторстве и истории создания рукописи [Н. А. Морозова] «Очерк по истории кружка „чайковцев“». — История СССР, 1965, № 4, с. 145-150.

М. Л. Рец. На кн.: Морозов Н. Д. И. Менделе-

ев и значение его периодической системы для химии будущего. М., 1907, 103 + IX с. — ЖР-ФХО. Физ. отд., 1908, т. 40, вып. 1, с. 33 — 34; Вопр. физ., 1908, вып. 1, с. 33 — 34.

Малинин В. А. Николай Александрович Морозов. — В кн.: Русская философия. Словарь. М., 1995, с.304.

Малинин В. А. Философия революционного народничества. М.: Наука, 1972.-340 с.

Малов К. Ученый-революционер. — Вперед, 1963, 7 июля, №55.

Малов К. «Штурман великой бури». — Вперед, 1965, 9 июля, № 82, фото.

Малютин И. Воспоминания. М.: Сов. писатель, 1958, с. 77 — 99: [Н. А. Морозов].

Малютина А. Николай Морозов и Сибирь. — Енисейская правда (Енисейск), 1984, 1 авг., № 122.

Малютина А. Сильный духом. — Заря Енисея (Лесосибирск), 1984, 7 июля, №81.

Малютина А. Он знал Маркса. — Енис. правда, 1979, 7 июля, № 108.

Малютина А. Повесть об отце Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1974, с. 29, 46, 51, 52, 61—65, 85: [Воспоминания И. П. Малютина о

Н. А. Морозове].

Малютина А. Шлиссельбургский узник: [Н. А. Морозов и его связи с Сибирью]. — Сибирские огни, 1985, № 9, с.150 — 156.

Маргарян А. Валерий Брюсов и шлиссельбуржец Николай Морозов, -Рус. лит., 1965, №1, с. 169-187.

Марега К. Я его знал. — Веч.Челябинск, 1971, 2 июля, № 162.

Марков А. А. Об одном применении статистического метода: [О статье Н. А. Морозова «Лингвистические спектры»]. — Изв. АН ОРЯС, 1916, т. 10, № 4, с. 239 — 242.

Марков С. Зачем человеку исповедь? М.: Политиздат, 1978, с. 75, 80 — 83.

Марков С. Н. Кропоткин в Дмитрове. 1919 г.: (Стихотворение) — В кн.: День поэзии. 1956-1981. Избранное. М., 1982, с.134-135.

Марков С. Н. Шлиссельбургский узник. — В кн.: Летопись. М.: Молодая гвардия, 1978, с. 196.

Матвеев К. Дом-музей Н. А. Морозова. — Голос льновода, 1956, 16 сент, №73.

Матвеев К. Почетный академик Н. А. Морозов.(Наши выдающиеся земляки.) — Голос

льновода, 1959, 8 июля, № 81.

Мельник В. Борок. Дом-музей Н. А. Морозова: у порога истории. -Рабочий (пос. имени Морозова), 1992, 6 июня, № 17 — 18.

Мельшин Л. (П. Якубович). Н. А. Морозов. Из стен неволи. Ростов н/Д: Дон. речь, [1906], с. V — VII, портр.

Меркулов А. Земля Санникова: [Борок — форпост АН СССР]. — Моск. Правда, 1972, 23 апр., № 96, портр. И. Д. Паланина.

Мионов Г. М. Морозов Николай Александрович. — Кр. лит. энцикл. 1967, т. 4, стб. 981. — Библиогр.: 9 назв.

Михайлова С. Б. Воспоминания Н. А. Морозова как исторический источник. — В кн.: Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966, с.113 — 121.

Михайлова С. Б. Заключение «номер 4». — В кн.: Узники Шлиссельбургской крепости. Л.: Лениздат, 1978, с. 156 — 171, 1 л. портр.

Мишулин М. История с астрономией или астрономия против истории. -Революция и культура, 1930. №23, с.69 — 80.

Мишулина Г. А знаете ли вы? (Из биографии Морозова). — Вперед, 1991, 29 окт., № 131.

Мишулина Г. А. П. Остроумова-Лебедева в Борке. — Вперед, 1994, 14 сент., №73.

Мишулина Г. Борок в прошлом. Страницы истории. — Вперед, 1992, 25 сент., № 89, фото.

Мишулина Г. В музее Н. А. Морозова. — Вперед, 1987, 3 окт., № 119.

Мишулина Г. В подарок музею Н. А. Морозова: [Книга К. Морозовой 1944 г.]. — Вперед, 1988, 17 сент, № 112.

Мишулина Г. Возвращаясь к напечатанному: [О бюсте Морозова скульптора Н. Конгисера]. — Вперед, 1988, 3 нояб., № 132, фото.

Мишулина Г. Возвращение на круги своя: [О книге «Периодич. системы строения вещества» и бюсте Морозова]. — Верхневолжская правда (Рыбинск), 1990, 30 янв., №22, фото.

Мишулина Г. Воспоминания о С. М. Кирове: [Н. А. Морозова]. — Вперед, 1989, 14 дек., № 149.

Мишулина Г. Все повторяется?: [Морозов о деньгах в 1917 году]. — Вперед, 1991, 21 сент., № 113.

Мишулина Г. «Вы показали своим примером»: [Н. И. Вавилов и Н. А. Морозов]. — Вперед, 1988, 9 янв., № 4.

Мишулина Г. «Вы показали своим примером»: [Н. И. Вавилов и Н. А. Морозов]. — Сев.рабочий, 1987, 13 дек., №287.

Мишулина Г. Вы пришли в музей: [Отзывы посетителей]. — Вперед, 1986, 28 окт., № 129.

Мишулина Г. Гербарий узников Шлиссельбурга. — Сев.рабочий, 1986, 16 окт., №240.

Мишулина Г. Два юбилея: [И. Е. Репина и Н. А. Морозова]. — Вперед, 1994, 6 авг., № 62; 10 авг., № 63.

Мишулина Г. Дом на берегу пруда: [И. Малютин и Н. Морозов]. -Сев.рабочий, 1989, 1 окт., № 228, фото.

Мишулина Г. Друзья моих друзей — мои друзья. — Вперед, 1992, 24 нояб., №106.

Мишулина Г. Души прекрасные порывы: [О. Л. А. Волкенштейн]. — Вперед, 1989, 2 марта, №27.

Мишулина Г. Елка в «Пенатах». — Вперед, 1989, 7 янв., № 4.

Мишулина Г. Замечательные земляки: [А. Ухтомский и Н. Морозов]. -Вперед, 1991, 12 сент., № 110.

Мишулина Г. История с продолжением: [Н. Вавилов и Н. Морозов]. -Вперед, 1991, 20 июня,

№75.

Мишулина Г. История фотографии: [90-летие Морозова в Борке]. — Вперед, 1987, 12 нояб., № 136, фото.

Мишулина Г. Книги о Н. А. Морозове. — Вперед, 1988, 10 сент., № 109.

Мишулина Г. Л. Н. Толстой и Н. А. Морозов. — Вперед, 1988, 27 окт., № 129.

Мишулина Г. С. Мы живем и будем жить: [Гербарии узников Шлиссельбурга]. — Природа и человек, 1987, № 10, с.14 — 15.

Мишулина Г. «Мой лучший друг Кравчинский». — Вперед, 1990, 31 мая, №65.

Мишулина Г. Н. А. Морозов — директор Ленинградского научного института им. П. Ф. Лесгафта. — Вперед, 1988, 24 нояб., № 140.

Мишулина Г. Н. А. Морозов и Ленинград. — Вперед, 1989, 31 янв., № 14.

Мишулина Г. Н. А. Морозов о В. И. Ленине. — Вперед, 1989, 21 янв., № 10.

Мишулина Г. Н. А. Морозов о науке, свободе и демократии. — Вперед, 1990, 15 февр., №20.

Мишулина Г. Н. А. Некрасов в жизни Н. А. Морозова. — Вперед, 1993, 30 апр., №34, фото.

Мишулина Г. О истории фотографии и мно-

гом другом: [Морозов, И. Малютин, А. Малютина]. — Вперед, 1991, 3 сент., № 107, фото.

Мишулина Г. О книге Н. А. Морозова «Звездные песни». — Вперед, 1990, 5 мая, № 54.

Мишулина Г. О книге Н. А. Морозова «Письма из Шлиссельбургской крепости». — Вперед, 1988, 22 окт, № 126.

Мишулина Г. О книге Н. А. Морозова «Повести моей жизни». — Вперед, 1988, 7 дек., №146.

Мишулина Г. О музее «Шлиссельбургская крепость». — Вперед, 1993, 21 мая, №40.

Мишулина Г. О чем рассказал календарь: [Морозов о равноправии женщин]. — Сев.рабочий, 1989, 8 марта, № 57.

Мишулина Г. О чем рассказал календарь для женщин: [Морозов о равноправии женщин]. — Вперед, 1991, 20 авг., № 101.

Мишулина Г. Памяти К. А. Морозовой. — Вперед, 1987, 17 дек., № 151.

Мишулина Г. Письма ученого: [Морозова к отцу в 1874 году]. — Вперед, 1986, 13 мая, № 56; 15 мая, № 57.

Мишулина Г. «Посвящается Ксане». — Сев.рабочий, 1987, 18 ноября, № 267.

Мишулина Г. Последний энциклопедист. —

Сев. рабочий, 1990, 6 июля, № 155.

Мишулина Г. Почему Н. А. Морозов был долгожителем. — Вперед, 1989, 11 июля, № 83.

Мишулина Г. При ярком свете знания: [О мыслях Морозова в 1917 году]. — Сев. рабочий, 1989, 19 февр., № 43.

Мишулина Г. Прочная связь Борок-Рыбинск: [Морозов и Золотаревы]. -Вперед, 1987, 15 авг., № 98, фото.

Мишулина Г. Прочтите эту книгу: [Б. Внучков. «Узник Шлиссельбурга»]. — Вперед, 1989, 29 марта, № 38.

Мишулина Г. П. Ф. Лесгафт — друг Н. А. Морозова. — Вперед, 1987, 15 сент., №111.

Мишулина Г. Репинские среды. — Вперед, 1990, 6 янв., № 3, фото.

Мишулина Г. Стихи о любимых: [Ольге Любатович и К. Морозовой]. -Вперед, 1989, 7 марта, № 29.

Мишулина Г. Судьба одной книги: [С автографом Морозова]. — Вперед, 1988, 8 дек., №147.

Мишулина Г. Ученые, писатели, художники о Н. А. Морозове. — Вперед, 1990, 6 июля, №80.

Мишулина Г. Юбилей книги: [О сборнике «Под сводами»]. — Вперед, 1989, 5 мая, №54.

Морозов Микола Олександрович. — Укр. рад. енцикл. 1962, т. 9, с. 368, портр.

Морозов Н. А. (1854—1946): 125 лет со дня рождения. — В кн.: Библиография к знаменательным и памятным датам Ленинградской области на 1979 г. / Сост. Л. А. Леонтьева и В. А. Рудый. Л.: Упр. культуры Леноблисполкома, Ленингр. обл. б-ка, 1978, с. 16 — 17.

Морозов Николай Александрович. — Большая энцикл. 1909, т. 22, с. 43 — 45.

Морозов Николай Александрович. — БСЭ. 2-е изд., 1954, т. 28, с. 309 — 310, портр.

Морозов Николай Александрович. — БСЭ. 3-е изд., 1974, т. 10, с. 580, портр. — Библиогр.: 10 назв.

Морозов Николай Александрович. — В кн.: Биографический словарь деятелей естествознания и техники. М.: БСЭ, 1959, т. 2, с. 51 — 52.

Морозов Николай Александрович. — Лит. энцикл. 1934, т. 7, с. 506 — 507.

Морозов Николай Александрович. — Энцикл. сл. Гранат. 7-е стереотип, изд., [1916], т. 29, с. 338-339.

Морозов Николай Александрович: [Автобиография]. — Энцикл. сл. Гранат. 7-е изд., [1926], т. 40, стб. 305 — 317.

Морозов С. Здоровье воды: [О работе Института биологии внутренних вод в Борке, созданном по инициативе Н. А. Морозова]. — Известия, Моск. веч. вып., 1968, 31 июля, № 178.

Морозова К. А. В Пенатах с Николаем Александровичем Морозовым. -В кн.: Репин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949, т. 2, с. 247 — 256, ил. -(Художественное наследство).

Морозова К. Как семилетний Коля познакомился с одним из важных законов высшей математики. — В кн.: Зимние сказки. М., 1915, с. 15 — 22, рис.

Морозова К. Николай Александрович Морозов: К 90-летию со дня рождения / Отв. ред. А. Ф. Иоффе. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1944. — 48 с, портр.

[*Морозова К.* Отличительные черты характера Н. А. Морозова.] — Вперед, 1996, 27 июля, № 56 (Публ. В. Бирюкова).

Морозова К. А. Человек и Радость: (Посвящается Н. А. М.) — Сказка. -Север, 1907, № 46,

стб. 721 — 724.

Морозова Н. Встреча: [Воспоминания племянницы Н. А. Морозова]. -Север, 1906, № 38, стб. 751 — 758.

Мрочек В. Р. Н. А. Морозов революционер-ученый: (К 80-летию со дня рождения и 60-летию революционной деятельности). Работы его в области химии, астрономии, математики и механики. — Мироведение, 1934, т. 23, № 4, с. 286 — 293.

Мрочек В. Научные труды Николая Морозова. — Вестн. зн., 1934, № 9 с. 562 — 567, 1 л. портр.

Мрочек В. Ученый из каземата: [К 80-летию со дня рождения Н. А. Морозова]. — Веч. Москва, 1934, 31 мая, № 123, портр.

Музеи АН СССР и АН союзных республик. М., 1983, с.41 — 42: (Мемориальный Дом-музей академика Н. А. Морозова).

Музеи АН СССР и АН Союзных республик. — 2-ое изд. — М., 1989, с.43 -44: (Мемориальный Дом-музей академика Н. А. Морозова), фото.

Мусабеков Ю. Карл Маркс и химики. — Сев.рабочий, 1968, 26 апр.. № 98.

Мусабеков Ю. Н. А. Морозов — видный ученый и революционер. -Сев.рабочий, 1949, 13 сент., № 181.

Мусабеков Ю. Ярославцы — ученые химики. Ярославль: Обл. гос. изд-во, 1950, с. 44 — 57: (Николай Александрович Морозов), портр.

[Н. А. Морозов]. — Техн. — мол., 1963, № 7, с. 12, портр.

Н. А. Морозов: (К 75-летию со дня рождения). — Человек и природа, 1929, №14, с. 55, портр.

Н. А. Морозов: (К 125-летию со дня рождения). — Календарь знаменат. и памят. дат, 1979, М 6, с.12-15, портр. — Библиогр.: с. 14-15.

Н. А. Морозов: [К 110-летию со дня рождения]. — В кн.: Революционно-исторический календарь-справочник на 1964 год. М.: Политиздат, 1963, с. 171 — 173, портр,

Н. А. Морозов: [Краткий биографический очерк]. — В кн.: Поэты революционного народничества. Л.: Худ. лит., 1967, с. 252 — 254.

Наследство, ждущее исследователей (К 110-летию Н. А. Морозова). -Юность (Яросл.), 1964, 7 июля, № 80.

Небаев Н. Встречи с Н. А. Морозовым. —

Вперед, 1978, 6 июля, № 81.

Небаев Н. Открытие памятника Н. А. Морозову. — Сев. рабочий, 1954, 11 июля, №137.

Небаев Н. Открытие памятника Н. А. Морозову. — Голос льновода, 1954, 15 июля, № 54.

Небаев Н. Революционер и ученый. — Голос льновода, 1939, 16 авг., № 114.

Невская Н.И. Н. А. Морозов — организатор науки. — В кн.: Проблемы деятельности учебного и научных коллективов. Вып. 3. Материалы для обсуждения на симпозиуме по проблемам науковедения, 20-21 авг. 1970 г. Л.: [Ин-т ист. естествозн. и техн. АН СССР], 1970, с. 225 — 259.

Неужели еще тюрьма? По поводу суда над шлиссельбуржцем Морозовым. — Бюлл. литературы и жизни, 1911, №7 (15 дек.), с.275 — 276 . (Без подписи.)

Неяченко И. Звезда в подарок. — Симферополь, 1984, с.53 — 56: (Н. А. Морозов), с.85: («Морозовия»).

Неяченко И. И. Планета в дар. Симферополь: Таврия, 1973, с. 63 — 68, 90: («Морозовия»).

Неяченко И. Прикосновение к истории: [Бе-

седа с В. П. Морозовой-Подосеновой, племянницей Н. А. Морозова]. — Курорт, газ., 1971, 30 марта, № 63, портр.

Николаев И. Ученый и революционер Н. А. Морозов. — Стрелка, Ярославль, 1960, сб. 1, с. 62.

Николай Александрович Морозов: (К 90-летию со дня рождения). -Наука и жизнь, 1944, № 7/8, с. 25 — 27, портр.

Николай Александрович Морозов: (К 75-летию со дня рождения). -Мироведение, 1929, № 3, с. 145 — 148, портр.

Николай Александрович Морозов: (Этапы жизни и деятельности). -Вестн. АН СССР, 1944, № 7/8, с. 33 — 36, портр.

Николай Александрович Морозов. — В кн.: Атлас обратной стороны Луны. М., 1975, ч.3, с.204.

Николай Александрович Морозов: ученый-энциклопедист. Сборник. М., 1982. — 264 с, библиогр.: с.228 — 239.

Николай Александрович Морозов (1854—1946). Материалы к биобиблиографии ученых. — М.: Наука, 1981. (Вступительная статья С. И. Вольфовича. Библиография со-

ставлена В. Б. Бирюковым, Г. Н. Финашиной, И. А. Махровой.)

Николай Морозов: Краткий очерк научной и литературной деятельности. — Пг.: Тип. Т-ва Пгр. печ. произв. I. Р. Белопольского и Ко, 1918. — 23 с.

Николай Морозов: 7 июля — 110 лет со дня рождения. — Коммунист Эстонии, 1964, №7, с. 80.

Никольский Н. Спор исторической критики с астрономией: По поводу книги Н. Морозова «Откровение в грозе и буре». — М.: Типолит. Рус. т-ва печат. и издат. дела, 1908. — 32 с.

Никольский Н. М. Астрономический переворот в исторической науке: (По поводу книги Н. А. Морозова «Христос». Л., 1924). — Нов. мир, 1925, №1, с. 157-175.

Никольский Н. М. Н. А. Морозов о евреях, Палестине и Библии. — Антирелигиозник, 1933, № 2, с.45 — 48.

Новиков С. П. Математики и история: [Первые шаги морозовщины и др.] . — Природа, 1997, № 2, с.70 — 74.

Новожилов Н. И. Работы Н. А. Морозова в области метеорологии. -Природа, 1954, № 10, с.

79 — 82, портр. — Библиогр.: 5 назв.

Новорусский М. В. Записки шлиссельбуржца, 1887—1905. Пб.: ГИЗ, 1920, с. 86, 114, 190, 213, 223 — 225, 232.

Новорусский М. В. Записки шлиссельбуржца, 1887—1905. 1-е полное изд. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан, 1933, с. 110, 143, 155 — 156, 195, 272, 312, 326-328, 337.

Новорусский М. В. Тюремные робинзоны. М.; Л.: ГИЗ, 1926, с. 96, 148, 150-151, 185-186, 189, 193, ил., портр.

Новорусский М. В. Тюремные робинзоны. 2-е изд. М.; Л.: ГИЗ, 1928, с.104, 110, 160, 162—163, 200, 206, 210—211, портр.

Носовский Г. В., Фоменко А. Т. Библейская Русь. Русско-Ордынская империя и Библия. — М, 1998, т.1, с.43 — 44: (Николай Александрович Морозов), т.2, с.343 : (Идея Н. А. Морозова).

Носовский Г. В., Фоменко А. Т. Империя. Русь, Турция, Китай, Европа, Египет. Новая математическая хронология древности. — М.: Факториал, 1996. — 752 с, ил. — С.43 — 44 и др.: (Н. А. Морозов).

Носовский Г. В., Фоменко А. Т. О рукописи восьмого тома Н. А. Морозова, посвященной

русской истории. — В кн.: Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима, М.: изд. Учебно-Научного Центра довузовского образования МГУ, 1995, т.1, с.25 — 31.

Носовский Г. В., Фоменко А. Т. Рукопись Н. А. Морозова о русской истории. — В кн.: Новая хронология Руси. М.: Факториал, 1997, с.236 — 248.

[О встрече Н. А. Морозова с К. Марксом]. — Сов. Россия, 1958, 5 мая, № 104, рис.

Об увековечении памяти выдающегося русского ученого в области естествознания, старейшего революционера, почетного члена Академии наук СССР Н. А. Морозова и об обеспечении его семьи. — Правда, 1946, 1 авг., № 181. — (В Совете Министров СССР).

Овсянко-Куликовский Д. Н. Воспоминания. Пб.: Время 1923 с. 115-116.

Огородников К. Ф., Невская Н. И. Периодическая система элементов Д. И. Менделеева и космические идеи Н. А. Морозова. — В кн.: История и методология естественных наук. Вып. 4. Астрономия, механика, физика. М.: Изд-во МГУ, 1966, с. 52 — 58.

Один из немногих: (Н. А. Морозов). Биогра-

фический очерк. — Иниц. и изобр., 1917, янв./март, с. 111 — 116, портр.

Озеров К. К. Дворянская усадьба Борок и ее владельцы. — Вперед, 1996, 30 мая, 1, 6, 12 июня, № 39 — 42.

Озеров К. К. Дело о передаче дворянской усадьбы Борок в пожизненное пользование революционеру Н. А. Морозову. — Вперед, 1998, 4 июля, № 53; 8 июля, № 54.

Озеров В. С. Н. А. Морозов. — Л.: Лениздат, 1966. — 36 с, ил., портр. -(Узники Петропавловской крепости).

Озеров В. С. Победивший смерть. — В кн.: Узники Петропавловской крепости. Л.: Лениздат, 1969, с. 208 — 225, портр.

Ольхин А. Н. А. Морозову: [Стихотворение, написанное в 1879 г.]. -Былое, 1906, №3, с. 258.

Омский А. Интересная встреча: [Беседа о Н. А. Морозове в Кисловодском театральном музее]. — Кавк. здравница, 1973, 30 мая, № 103.

Остроумова-Лебедева А. П. Автобиографические записки. М.: Изобр. иск., 1974, т. 3, с. 191 — 195, 200 — 201, 210 — 214, 333, портр.

Осьмаков Н. В. Морозов Николай Александрович. — В кн.: Русские писатели: Биобиб-

лиографический словарь. М.: Просвещение, 1971, с. 449 — 450, портр. — Библиогр.: 8 назв.

Осьмаков Н. В. Поэзия революционного народничества. М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 105-112, 125-130, 157-161.

П. Ю. Рец. на кн.: Морозов Н. Периодические системы строения вещества: Теория образования химических элементов. М., 1907. — *Соврем, мир*, 1907, № 3, [Отд. 2], с. 62 — 64. — Разд. паг.

Памяти ученого-революционера. — *Вперед*, 1979, 31 июля, №91.

Патриарх революционного движения в России: (К 75-летию со дня рождения Н. А. Морозова). — *Вестн. зн.*, 1929, № 1, с. 2 — 4, портр.

Пахомов Н. П. Дар шлиссельбуржца: [Собрание картин в санатории «Узкое», Москва]. — *Художник*, 1968, № 6, с. 30 — 33, ил., портр.

Песочинский К. Культурное значение воздухоплавания: [Содержание лекции Н. А. Морозова]. — *Школа для всех*, 1914, №4-5, с. 133 — 137.

Петренко А. Дочь народовольца: [О Н. М. Шрейдер — дочери народовольца М. Н. Шрей-

дера, ее встречах с Н. А. Морозовым]. — Кавк. здравница, 1971, 6 янв., №3.

Петренко А. Неизвестное письмо: [О письме Н. А. Морозова дочери народовольца М. Н. Шрейдера Н. М. Шрейдер]. — Кавк. Здравница, 1970, 5 янв., № 10.

Петрицкий В. Библиофильские истории. — В кн.: Альманах библиофила. М., 1978, вып. 5, с. 158—168, фото.

Петрицкий В. А. Живые меты трагического времени. Три автографа академика Н. А. Морозова. — В кн.: Книга. Исследования и материалы. Сборник 63. М., 1991, с.155-159.

Петров Ф. Н. 65 лет в рядах ленинской партии: Воспоминания. М.: Политиздат, 1962, с. 41 — 42.

Пирумова Н. М. Морозов Николай Александрович. — Сов. ист. энцикл. 1966, т. 9, стб. 697 — 698, портр. — Библиогр.: 5 назв.

Писаржевский Л. В. Шесть писем Н. А. Морозову в 1911—1912 гг. — Природа, 1974, №3, с.41-43.

Пищулин Ю. Летопись Шлиссельбургского Парнаса: [О книге «Под сводами: Сб. повестей, стихотворений и воспоминаний, написанных

заключенными в старой Шлиссельбургской крепости, составленный Н. Морозовым», 1909]. — Наука и жизнь, 1969, № 6, с. 118 — 119.

Планета Морозова: [Планета-астероид № 1210, названная «Морозовией»]. — Известия, 1934, 9 июня, № 133.

Плещеев А. Что вспомнилось: Актеры и писатели. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1914, т. 3, с. 250 — 256: (Шлиссельбургский узник Н. А. Морозов).

Полет «Треугольника» (Морозов, Гебауэр, Фриц). — Веч. Биржевые ведомости, 1910, 1 ноября, №11698.

Попов А. Рец. на кн.: Н. А. Морозов: ученый-энциклопедист. — Новый мир, 1983, №8, С.270.

Попов М. Человек необычной судьбы (К 125-летию Н. А. Морозова). -Коммунист Таджикистана, 1979, 7 июля, № 156.

Попов М. Удивительной судьбы человек: [К 125-летию со дни рождения Н. А. Морозова]. — Призыв, 1979, 7 июля, № 156.

Попов Е.Б. Н. А. Морозов и исследование изменчивости. — В кн.: Наука и техника. М.; Л.: [Ин-т ист. естествозн. и техн. АН СССР], 1977,

вып. 9, с. 113-115.

Попов М. Р. Из моего революционного прошлого. — *Былое*, 1907, № 7, с. 241 — 277.

Поповский М. Побезденное время. Повесть о Николае Морозове. М., 1975. — 479 с. Серия «Пламенные революционеры».

Постников М. М. Величайшая мистификация в истории? Идеи Морозова. — *Техника и наука*, 1982, № 7, с.28 — 33, портр., илл.

Постников М. М., Фоменко А. Т. Три идеи Морозова. — В кн.: Новые методики анализа древней истории. М.: АН СССР, 1980, с.3 — 14.

Потанин Г. Н. А. Морозов. — *Сибир. жизнь*, 1915, 21 окт., №229.

Потемкин А. С Н. А. Морозовым в Пулкове. — *Веч. Биржевые ведомости*, 1910, 6 мая, №11669.

Похороны Н. А. Морозова. — *Правда*, 1946, 4 авг., № 184.

Праздник Н. А. Морозова: [К 75-летию со дня рождения]. — *Вестн. зн.*, 1930, №1, с. 4-9, портр.

Преображенский П. Николай Морозов и наука о человеке. — *Антирелигиозник*, 1926, №11, с.41 — 47.

Приветствие Президиума АН СССР почетному члену Академии наук СССР Николаю Александровичу Морозову в связи с 90-летием со дня его рождения. — Вестн. АН СССР, 1944, № 7/8, с. 30, портр.

Принцип построения таблицы углеводов (карбогидридов) по Н. А. Морозову. — В кн. : Агафшин Н. П. Периодический закон... М., 1982, с-30-32.

Прищепенко В. Дорога к звездам. — Моск. автозаводец, 1977, 31 окт., № 251.

Прищепенко В. Звездная песня: [О деятельности Н. А. Морозова в области авиации и воздухоплавания]. — Пионер, правда, 1973, 17 авг., № 66, портр.

Прищепенко В. Море мечты: [Н. А. Морозов и космонавтика]. — Соц. индустрия, 1975, 6 апр., фото.

Прищепенко В. Предвидение: [О Н. А. Морозове]. — Сов. патриот, 1979, 15 апр., №30.

Прищепенко В. Предвидение: (О работах Н. А. Морозова в области авиации и космонавтики). — Кр. звезда, 1976, 12 авг. № 188,

Прищепенко В. Хлорофилл далеких планет: [Об открытии К. А. Тимирязевым спектраль-

ных линий хлорофилла в световых лучах, достигающих поверхности Земли от других планет, и его переписка с Н. А. Морозовым по этому поводу]. — Моск. ун-т, 1974, 22 февр., № 9; Тимирязевец, 1974, 12 июня, № 17.

Прищепенко В. Через тернии к звездам: [О Н. А. Морозове] Моск. ун-т 1978, 27 сент., 3 окт. — (К 225-летию Московского университета).

Прищепенко В. Через тернии к звездам! — Трибуна (Москва, Люблинский р-н), 1990, октябрь-декабрь, № 16, 17, 21, 22.

Прудковский П. Сквозь грозы и бури. — Книжное обозрение, 1985, 20 дек., №51.

Прудковский П. Чем я обязан шлиссельбургскому узнику? — Подъем (Воронеж), 1983, № 8, с. 107 — 110.

Прудковский П. Ученый, революционер, атеист. — Подъем (Воронеж), 1987, №3, с. 126-128.

Прямков А. Какой Толстой читал книгу Н. Морозова? — Литерат. газета, 1975, 2 апр., №80.

Пудвиль А. Шлиссельбуржец Морозов в Екатеринбурге. — Урал, 1983, №6, с.166-176.

Разумовский В. В. Воззрения Н. А. Морозова на строение молекул. — Природа, 1948, № 11, с. 66 — 70, рис., табл., портр. — Библиогр.: 20 назв.

Разумовский В. В. Проблема химической связи в трудах почетного академика Н. А. Морозова. — В кн.: Наука и техника. М.; Л.: [Ин-т естествозн. и техн. АН СССР], 1977, вып. 9, с. 81 — 84.

Ранович А. Б. Методология Н. А. Морозова в истории античности. -Антирелигиозник, 1933, № 1, с.28 — 34.

Революционер и ученый: К 110-летию со дня рождения Н. А. Морозова. -Юность, 1964, 30 июня, № 77.

Рейн Б. Проблема «сметаны»: [О биологических исследованиях Н. А. Морозова]. — Веч. Кр. газ., 1933, 17 мая, № 112.

Репин И. Е. Письма Н. А. Морозову в 1907—1915 гг. — В кн.: И. Е. Репин Художественное наследство. М., 1949, т.2, с.252 — 256.

Рец. на кн.: Н. Морозов. В поисках философского камня. — Новое слово, 1909, №7, с.151 — 153. (Без подписи.)

Рец. на кн.: Н. Морозов. Письма из Шлис-

сельбургской крепости. — Исторический вестник, 1910, №9, с.1083 — 1085. (Подпись: Б. Г.)

Рец. на кн.: Н. Морозов. Принцип относительности в природе и математике. — Человек и природа, 1923, №2 — 3, с.96. (Подпись: П. Ш.)

Рец. на кн.: Н. Морозов. Христос. Т.1. — Человек и природа, 1924, №11, с. 940. (Подпись: Ш.)

Рец. на кн.: Морозов Н. А. Повести моей жизни. М.: Задруга, 1916-1918. — Коже, правда, 1928, 1 мая, № 101, портр.

Рец. На кн.: Фигнер В. Н. Член Исполнительного комитета партии «Народная воля» Николай Александрович Морозов. 2-е изд. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан. 31 с. — Летоп. маркс., 1929, № 9/10, с. 181.

Ринаров М. Памяти Н. А. Морозова. — Щербаковская правда, 1956, 31 июля, № 154.

Ринаров М. Революционер-ученый. (К десятилетию со дня смерти Н. А. Морозова) — Сталинская смена(Ярославль), 1956, 2 авг., № 92.

Ринаров М. Революционер и ученый Н. А. Морозов. — Новая жизнь, Н. Некоуз, 1962, 28 дек., № 137.

Рождественский Д. С. Письма Н. А. Морозову в 1911 и 1939 гг. — Природа, 1976, №5, с.98-99.

Рожков М. Н. А. Морозов — основоположник анализа размерности. -Усп. физ. наук, 1953, т. 49, вып. 1, с. 180—181. — Библиогр.: 3 назв.

Рожкова В. Человек, победивший время: (К 125-летию со дня рождения Н. А. Морозова). — Блокнот агит., Л., 1979, № 18, с. 32 — 42.

Розенштейн М. Рассказывает узник Шлиссельбурга: [О книге Н. А. Морозова «Повести моей жизни»]. — Призыв, Владимир, 1975, 30 сент., № 229.

Романов Д. Академик Морозов о Шлиссельбурге. — Рыбин, правда, 1974, 6 февр., № 26.

Романов Д. Незабываемый образ: [К 120-летию со дня рождения Н. А. Морозова]. — Рыбин, правда, 1974, 6 июля, № 136.

Романов Д. Посвящается Н. А. Морозову. — Рыбинская правда, 1983, 4 марта, № 45.

Руднев Д. В гостях у Маркса. — В кн.: Руднев Д. Интервью с самим собой. Таллин: Ээсти раамат, 1973, с. 245 — 250, портр.

Румянцев А. А. Методы исторического ана-

лиза в работах Николая Александровича Морозова. — Изв. Науч. ин-та им. П. Ф. Лесгафта, 1924, т. 10, с. 9-14.

Сагетдинов В. Ученый-революционер. — Юность (Яросл.), 1962, 9 авг., № 96.

Сайкин О. А. Н. А. Морозов — ученый, революционер, писатель. — Химия в школе, 1979, №5, с.10-12.

Сайкин О. Человек из легенды: [К 125-летию со дня рождения Н. А. Морозова]. — Кур. правда, 1979, 7 июля, № 156.

Сапаров К. С. Гражданские традиции семьи Брюсовых: История знакомства Я. К. Брюсова с Н. А. Морозовым. — Русская литература, 1987, № 4, с. 230-231.

Святский Д. Новая книга Николая Морозова «Пророки»: Рец. На кн.: Морозов Н. А. Пророки. СПб., 1913. — Речь, 1914, 31 марта, № 88.

Святский Д. О. Н. А. Морозов. К 75-летию со дня рождения. — В кн.: Русский астрономический календарь. Н.-Новгород, 1930, с. 187 — 191, портр.

Седов М. Г. «Земля и воля» и новые задачи революционного движения. — В кн.: Седов М. Г. Героический период революционного народ-

ничества: Из истории политической борьбы. М.: Мысль, 1966, с. 134 — 178.

Северов Н. Ученому-энциклопедисту посвящается. — Сев.рабочий, 1982, 16 окт., №242.

Сеземан В. Э. Лингвистические спектры Н. Морозова и Платоновский вопрос. — Изв. отд. Русск. языка и слов. Рос. АН, 1918, т.22, кн.2, с.70 — 80.

Селешников С. И. Вечер памяти Н. А. Морозова (Ленинград, 19 февр., 1957 г.). — В кн.: Краткий астрономический календарь на 1958 год. Киев: Изд-во АН УССР, 1957, с. 99.

Селешников С. И. [К 25-летию со дня смерти Н. А. Морозова]. — В кн.: Астрономический календарь: Ежегодник. Переменная часть. 1971. М.: Наука, 1970, с. 200 — 203, портр. — (Юбилейи отечественной и мировой астрономии в 1971 г.).

Селешников С. И. [100 лет со дня рождения Н. А. Морозова]. — В кн.: Краткий астрономический календарь на 1954 год. Киев: Изд-во АН УССР, 1953, с. 68.

Семенов В. Хранитель имени Н. А. Морозова: [Г.С. Мишулина]. — Вперед, 1989, 20 мая, №61.

Серебровская К. Б. Концепция Н. А. Морозова. — В кн.: Сущность жизни. История поиска. М., 1994, с.245 — 247.

Серебрякова Г. И. Избранные произведения: В 2-х томах. М.: Худ. лит., 1975, т. 2, с. 320 — 328, 583: [Н. А. Морозов].

Серебрякова Г. И. О других и о себе. — Лит. Россия, 1970, 6 февр., № 6, с. 6 — 7: (В. Н. Фигнер, Н. А. Морозов, Ф. Я. Кон), портр.

Серебрякова Г. И. О других и о себе. Новеллы. М.: Сов. писатель, 1971, с. 153 — 160: (Н. А. Морозов).

Скрбков А. Революционер, ученый, поэт. — Новая жизнь, Н. Некоуз, 1961, 6 авг., № 94, фото.

Сметанин М. Гениальное предвидение: К 125-летию со дня рождения Н. А. Морозова. — Вперед, 1979, 23 июня, № 75.

Сметанин М. О Н. А. Морозове как химике. — Сев.рабочий, 1983, 7 мая, № 259.

Сметанин М. Развитие идей Н. А. Морозова. — Вперед, 1983, 15 окт., № 124.

Сметанин М. Развитие идей ученого-энциклопедиста: [О книгах академика А. Фоменко]. — Вперед, 1998, 11 июля, № 55.

Сметанина М. Вклад Н. А. Морозова в развитие периодической системы химических элементов. — Вперед, 1998, 1 авг., № 61.

Смирнов И. За двадцать лет. Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1971, с. 83 — 85: (Морозовия. Стихотворение).

Смирнов И. Морозовия: Стихотворение. — Сев. рабочий, 1969, 20 февр., №43.

Сойкин П. П. Письмо Н. А. Морозову 12 ноября 1935 г. — В кн.: Адмиральский А., Белов С. Рыцарь книги. Л., 1970, с.202 — 203.

Соловейчик М. О «Пророках» Н. Морозова. — Еврейская старина, 1916, вып.5 (окт.-дек.), с.469 — 478.

Соловьев В. Н. А. Морозов — пропагандист и узник Шлиссельбурга. — Северянка (Данилов, Яросл.обл.), 1999, 21 янв., №5.

Соловьев Ю. И. Новые данные к научной биографии Н. А. Морозова. -Природа, 1969, № 7, с. 70 — 71, фото, ил.

Соловьев Ю. И. Н. А. Морозов в истории отечественного естествознания. — Вопр. ист. естествозн. и техн., 1980, № 2, с. 67 — 72. — Рез. на англ. яз.

Соловьев Ю. И. Предвидения Н. А. Морозова

по химии. — Химия в школе, 1979, №5, с.12- 13.

Сотников Н. Удивительная жизнь узника Шлиссельбурга. — Волга. 1966, № 7, с. 139 — 150. — (Наши замечательные земляки).

Список трудов Н. А. Морозова по химии. — В кн.: Труды совещания по истории естествознания, 24 — 26 дек. 1946 г. / Под ред. Х. С. Коштянца. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948, с. 211 — 212.

Старейший революционер: 80-летие Н. А. Морозова. — За индустр., 1934, 6 июня, № 131, портр.

Старейший революционер и ученый. — Сев. рабочий, 1946, 2 авг., № 153.

Стеклов Ю. Рец. на кн.: Морозов Н. Христос. Кн. 1. Небесные вехи земной истории человечества. Л.: Госиздат, 1924. XVI + 545 с. — Известия, 1924, 21 окт., №241, с. 7.

Степанов Б. (Внучков Б.) Диссертация о Н. А. Морозове (Житовой Н. К.). -Вперед, 1979, 18 сент., № 112.

Степанова Р. Ученый-энциклопедист. — Калининградская правда (Моск.обл.), 1991, 24 дек., № 154, портр. (Лекция С. Валянского в «Русском клубе»).

110 лет со дня рождения Н. А. Морозова (С конференции в Ярославле). -Вперед, 1964, 10 июля, № 84.

Столетие со дня рождения почетного академика Н. А. Морозова. — Изв. АН СССР. ОХН, 1954, № 5, с. 949 — 950.

Стуков Ю. И. Революционные народники и первые рабочие-революционеры России середины 60-х — 80-х гг. XIX в.: Рекомендательный указатель литературы. М.: Книга, 1972, с. 35 — 37: (Николай Александрович Морозов).

Суровцев Д. Вместо визитной карточки: [Стихотворение. Посвящается Н. А. Морозову]. — В кн.: Под сводами: Сб. повестей, стихотворений и воспоминаний, написанных заключенными в старой Шлиссельбургской крепости / Сост. Н. А. Морозов. М.: Звено, 1909, с. 299.

Суханов Н. Н. Ученые пусть дадут ответ: Рец. на кн.: Морозов Н. А. «Христос». Т. 1 — 4.1924 — 1928. — Правда, 1928, 27 мая, № 122.

Тамбиева Е. Ф. Из воспоминаний врача. — Вопр. ист. естествозн. и техн., 1980, №2, с. 73-75, портр.

Тамбиева Е. Ф. О человеке с большой бук-

вы. — Вперед, 1996, 27 июля, №56 (Публ. В. Бирюкова).

Таратута Е. С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. М.: Худ. лит., 1973, с. 73 — 75, 212 — 220.

Твардовская В. А. Социалистическая мысль в России на рубеже 1870—1880-х годов. — М.: Наука, 1969, с. 25, 38, 41—42, 49, 53, 161—162, 207.

Твардовская В. А. Революция и наука в судьбе Н. А. Морозова. — Вопр. ист. естествозн. и техн., 1980, № 2, с. 58 — 66. — Рез. на англ. яз.

Твардовская В. А. Н. А. Морозов в русском освободительном движении. М., 1983.- 192 с, портр.

Твардовская В. А. Неизвестное о стихотворении [Морозова] «После казни 4 ноября». — Русская литература, 1984, № 2, с. 166 — 169.

Тележкин Н. Когда и кем был основан Борок. — Вперед, 1987, 30 июня, №78.

Теодорович И. А. Роль Н. А. Морозова в революционном прошлом. — Каторга и ссылка, 1932, № 7, с. 7 — 60.

Теодорович И. А. О мемуарах Н. А. Морозова.

ва. — В кн.: Н. Морозов. Повести моей жизни. М., 1933, т.1, с.5 — 68.

Теория Н. А. Морозова: [Проф. И. Скворцов о теории строения вещества Н. А. Морозова]. — Нов. сл., Спб, 1910, № 6, с. 146.

Тихов Г. А. Излюбленная наука. — Веч. Кр. газ., 1934, 5 июня, № 128, портр. — (Н. А. Морозову 80 лет).

Тихов Г. А. Шестьдесят лет у телескопа. — М., 1959, с.75 — 76: (Н. А. Морозов), портр.

Тихомиров Л. А. Воспоминания. М.; Л.: Центр, арх., 1927, с. 36, 72, 96, 100; 113, 116, 120, 126, 128, 131—133, 201, 202.

Толстой Л. Н. [Письма к Н. А. Морозову от 6 и 11 апр. 1907 г. и от 20 апр. 1910 г. Публикация В. Д. Лебедевой].-Современник, 1912, М4, с. 187-188.

Топоровский Б. Рец. на кн.: Н. Морозов. «Пророки». — Южная заря (Екатеринослав), 1914, 1 апр., № 24.

Торж. собрание, посвященное 90-летию академика Н. А. Морозова. -Правда, 1944, 10 июля, №165.

Торопыгин В. Пора признаний. М.: Мол. гвардия, 1970, с. 10 — 12: (Еще о сорок первом:

Стихотворение); Лит. газ., 1968, 11 сент., № 37.

Троицкий И. Мечта, пронесенная сквозь казематы Шлиссельбурга. -Воздушный транспорт, 1982, 24 июля, № 88.

Троицкий Н. А. «Народная воля» перед царским судом, 1880—1891 г, Саратов: Изд-во Саратов, ун-та, 1971, с. 7, 17; 43, 51 — 54, 65, 66, 89, 119, 160.

Трофимова Н. Письмо из семейного архива. — Сев.рабочий, 1989, 5 февр., №31.

Труды Н. А. Морозова. — Кр. газ., веч. вып., 1924, 8 окт., № 229.

Турков А. Жребий Николая Морозова (О книге В. Твардовской о Морозове). — Известия, 1984, 4 марта, № 64.

Турупанов Н. Издано в Женеве. — Сев.рабочий, 1959, 27 сент, № 228.

У Н. А. Морозова: [Беседа]. — Голос Земли, 1912, 11 февр., № 31; 6 марта, № 42, портр.

У шлиссельбуржца Н. А. Морозова. — Ленингр. правда, 1934, 5 июня, № 131, портр.

Усанович М. И. Научные предвидения Н. А. Морозова. — Усп. хим., 1947, т. 16, вып. 3, с. 241 — 253, портр.

Успенский Л. Дом занимательной науки.

(Всеотдельческий экскурсовод Н. А. Морозов). — Техника — молодежи, 1971, № 8, с.35 — 36.

Успенский С. Перечень критических статей на «Откровение в грозе и буре», вышедших до 21 февр. 1909 г.: I. Различные издания «Откровения в грозе и буре» и заметки о нем самого автора. II. Из переводов на иностр. языки. III. Заметки и критики. — В кн.: Морозов Н. Откровение в грозе и буре. 3-е изд. М.: Саблин, 1910, с. 323 — 330.

Ученый-революционер: [К 100-летию со дня рождения Н. А. Морозова]. — Наука и жизнь, 1954, № 7, с. 41 — 42, портр.

Файбусович Г. 26 тетрадей Морозова: [К 25-летию со дня смерти]. — Химия и жизнь, 1971, № 8, с. 24-31, портр.

Федоров Г. Откровения и наука. — Новый мир, 1975, № 1, с.203 — 210.

Фенов И. По указанию Ильича. — Вперед, 1970, 21 апр., № 48.

Фесенков В. Г. Идея Морозова плодотворна: [О метеоритной природе происхождения лунных кратеров и цирков]. — Техн. — мол., 1963, № 8, с. 31, рис.

Фигнер В. Н. Николай Александрович Морозов. — В кн.: Галерея шлиссельбургских узников. СПб.: Тип. Стасюлевича, 1907, ч. 4, с. 96 — 107, 1 л. портр.

Фигнер В. Н. Николай Александрович Морозов. — В кн.: Шлиссельбургские узники, 1884 — 1905 гг.: Биографические очерки. М.: Задруга, 1920, с. 175- 198.

Фигнер В. Н. О юбиляре Н. А. Морозове: (Строки из неоконченной характеристики). — Известия, 1934, 9 июня, 133, портр.

Фигнер В. Н. Член Исполнительного комитета партии «Народная воля» Николай Александрович Морозов. — М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан, 1926. — 32 с, портр.

Фигнер В. Н. Член Исполнительного комитета партии «Народная воля». Н. А. Морозов. — 2-е изд. — М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан, 1928. -31 с., портр.

Фламарион К. Письмо председателю Русского общества любителей мироведения Н. А. Морозову от 10 апр. 1917 г. — Изв. Рус. о-ва люб. мировед., 1917, т. 6, № 3, с. 188 — 190. — На рус. и фр. яз.; Аргус, 1917, №4, с.28 — 29.

Фоменко А. Т. Глобальная хронология. (Ис-

следования по истории древнего мира и средних веков. Математические методы анализа источников. Глобальная хронология.) — М.: изд. механико-математического факультета МГУ, 1993, с.22-24.

Фоменко А. Т. К вопросу о мистификациях. — Техника и наука, 1982, № 11, с.26 — 29.

Фоменко А. Т. Кто и как оспаривал Н. А. Морозова? — В кн.: Критика традиционной хронологии античности и средневековья (Какой сейчас век?). Реферат. — М.: изд. механико-математического фак. МГУ, 1993. с.143 — 147.

Фоменко А. Т. Методы статистического анализа нарративных текстов и приложения к хронологии. — М.: Изд МГУ, 1990. (Посвящается памяти Н. А. Морозова.)

Фоменко А. Т. Николай Александрович Морозов. — В кн.: Статистическая хронология. М.: Знание, 1990, с. 13 — 14.

Фоменко А. Т. Новая хронология Греции. Античность в средневековье. -М.: изд.Учебно-Научного Центра довузовского образования МГУ, 1996, т.1, с.383: (Идея Н. А. Морозова), с. 112: (Портрет).

Фроленко М. Ф. Комментарий к статье Н. А.

Морозова «Возникновение „Народной воли“». — Былое, 1906, № 12, с. 22 — 36.

Халтурин И. И. Н. А. Морозов и его воспоминания. — В кн.: Морозов Н. А. У таинственного порога М.: Дет. лит., 1966, с. 196 — 205

Хамарханов А. «Мы умираем только для других...»: [К 125-летию со дня рождения Н. А. Морозова]. — Химия и жизнь, 1979, № 10, с. 76.

Херсонов-Удачин А. Николай Морозов «О грозе и буре». — Здоровье (Аргументы и факты), 1998, № 7, с. 6. портр.

Хлопин В. Г., Баландин А. А., Погодин С. А. Химические науки / Под ред. С. И. Вольфковича. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945, с. 55 — 56. — (Очерки по истории Академии наук, 1725—1945).

«Христос» Николая Морозова: Проспект. — Л.: ГИЗ, 1930. — [13] с, ил.

Хомяков А. В. Каверин о Н. А. Морозове. — Вперед, 1988, 21 апр., № 47.

Царев П. Его большая жизнь: [К биографии Н. А. Морозова]. — Авиация и космонавт., 1963, № 10, с. 80 — 83, ил., портр.

Царев П. Человек большой судьбы. — Вперед и выше, ВВИА им. Жуковского, 1959, 30

январь, № 4, ил.

Чествование Н. А. Морозова. — Ленингр. правда, 1934, 8 июня, № 133; Веч. Москва, 1934, 25 мая, № 118.

Четвериков Б. Вольная школа: [О работе Н. А. Морозова в Высшей вольной школе Лесгафта]. — Звезда, 1940, № 3/4, с. 147 — 158.

Черненко Г. В неведомом пространстве: (О Н. А. Морозове). — В кн.: Глобус. Географический сборник. Л., 1990, с. 223 — 231, портр.

Чествование Н. А. Морозова. — Веч. Москва, 1934, 25 мая, № 118.

Чивилихин В. А. Память. — Наш современник, 1983, № 10, с. 22, 85 — 91, 93, 97, 101: (Н. А. Морозов).

Чивилихин В. А. Память. — В кн.: Дорога к звездам. М., 1986, с.39 — 48: (Н. А. Морозов).

Чивилихин В. А. Четверть века в одиночке. — В кн. : Ярославия. Сборник. М., 1990, с.125- 142.

Чижевский А. Л. Вся жизнь. М.: Сов. Россия, 1974, с. 200 — 207: (Звездные бездны), 1 л. портр.

Чижевский А. Л. Звездные бездны: [Из воспоминаний о Н. А. Морозове]. -Смена, 1968, №

17, с. 22 — 23, портр.

Чижевский А. Л. Звездные бездны: [О Н. А. Морозове]. — В кн.: На берегу Вселенной. М., 1995, с.383 — 395, портр.

[*Чижевский А. Л.* Н. А. Морозов и К. Э. Циолковский: Публикация Б. Внучкова]. — Сев. рабочий, 1977, 18 авг., № 192; Вперед, 1977, 1 окт., №118.

Чикин В. Звездная песнь: [О Н. А. Морозове]. — Сов. Россия, 1979, 8 июля, № 156, портр.

Чирвинский П. Н. Патмосское землетрясение 30 сентября 395 г. по Р. Х.: [О книге Н. А. Морозова «Откровение в грозе и буре»]. — Ежегод. по геол. и минерал. России, 1908, т. 10, вып. 1/2, с. 15 — 18. — На рус. и нем. яз.

Чирвинский П. Н. Попытка применения закона компликации Виктора Гольдшмидта в химии. Киев: Тип. Ун-та Акц. о-ва Н. Т. Корчак-Новицкого, 1909, с. 5 — 20, 27: [О книге Н. А. Морозова «Периодические системы строения вещества»]; Зап. Киев, о-ва естествоисп., 1910, т. 21, вып. 3, с. 1 — 31, табл. — Рез. на нем. яз.

Чубукова Ю. «Я сидел во Вселенной ...» [Очерк о жизни и деятельности Н. А. Моро-

зова]. — Русь (Ростов Великий), 1995, № 4, с.154 — 167, портр.

Шевчук В. Въедающийся ученый-революционер: [К 100-летию со дня рождения Н. А. Морозова]. — Сев. рабочий, 1954, 7 июля, № 134.

Шифман А. Встреча: [О встрече и переписке Л. Н. Толстого с Н. А. Морозовым]. — Звезда, 1978, № 11, с. 150 — 157.

Шифман А. Встреча [Н. А. Морозова с Л. Н. Толстым]. — В кн. : Страницы жизни Льва Толстого. М., 1983, с.222 — 243.

Шишковский Б. А. Последние открытия в области радиоактивности с точки зрения теории строения атомов Н. А. Морозова. — Физич. обозрение (Киев), 1909, т.10, вып.5, с.273 — 276. (На английском языке: Nature, 1909, vol.80, p.276.)

Шишочкин В. П. Изложение работ русских ученых в курсе общей химии. Л.: [Ленингр. политехн. ин-т], 1951, с. 38 — 39: (Н. А. Морозов, 1854-1946).

Шмишкис С. Николай Александрович Морозов — революционер-народоволец и ученый химик. — Учен. зап. Куйбыш. пед. ин-та,

1963, вып. 45, с. 63 — 73, портр., фото. — Библиогр.: «Список важнейших работ Н. А. Морозова» 15 назв. и «Использованная литература» 12 назв.

Штауде Н. М. О работах Н. А. Морозова по астрономии и смежным наукам. — Изв. Науч. ин-та им. П. Ф. Лесгафта, 1924, т. 10, с. 15 — 22.

Штрайх С. Л. Н. Толстой и Н. А. Морозов. — Огонек, 1947, № 29, с. 23, портр.

Шубняков Б. Рец. на кн.: Внучков Б.С. Узник Шлиссельбурга. Ярославль: Верх. Волга. — Сев. рабочий, 1969, 25 дек., № 300.

Шувалов Ф. П. Шлиссельбургский узник. — Физкульт. в шк., 1967, № 6, с. 24 — 25, портр.

Шумов В. Был учеником деревенского кузнеца. — Знамя труда (Данилов, Яр.обл.), 1989, 8 июля, №81, портр.

Шумов В. А. Серафимович и Н. Морозов. — Сев.рабочий, 1989, 19 ноября, №267.

Шустер С. Штрихи к портрету советского помещика. — Новое время, 1990, №39, с.43 — 44, портр.

Щерботкина В. Любимец детей. — Голос льновода, 1959, 31 мая, № 65, портр.

Экономов Л. Страстный учитель: Повество-

вание о П. Ф. Лесгафте. М.: Физкульт. и спорт, 1969, с. 228 — 231: (Большая дружба [П. Ф. Лесгафта и Н. А. Морозова]).

Эль. Н. А. Морозов и его парадоксы. — Кр. газ., веч. вып., 1924, 28 окт., № 246.

Эрн В. Ф. «Откровение в грозе и буре»: [Рец. на кн.: Морозов Н. А. Откровение в грозе и буре. СПб., 1907]. — Серг. Посад: Богосл. вестн., 1907, №10, с. 282-311.

Эрн В. Ф. Филологизирующий астроном. — В кн.: В. Ф. Эрн. Сочинения. М.: Правда, 1991, с.220 — 244.

Юбилей узника Шлиссельбурга: [80 лет со дня рождения и 60 лет революционной и общественной деятельности Н. А. Морозова]. — Веч. Москва, 1934, 7 июня, № 129.

Ювачев И. П. Шлиссельбургская крепость. М.: Посредник, 1907, с. 64-71, рис., портр.

Юнгеров В. «Откровение в грозе и буре»: (Опыт критического разбора книги Н. Морозова). — Чернигов: изд. Братства св. Михаила, 1913. — 60 с.

Ющенко П. К вопросу о сопротивлении упругих средин: [Рец. На кн.: Морозов Н. А. Законы сопротивления упругой среды движущейся среды]. — Вестн. Харьк. ун-та, 1913, № 1, с. 1-10.

щимся телам. СПб., 1908]. — Вестн. О-ва техн.
нол., 1909, № 2, с. 84 — 94, фиг.

Яковлев Н. Н. Вольная школа науки и просвещения. — М., 1990, с. 3, 9, 34 — 35, 57 — 66 и др.: (Н. А. Морозов).

Якуб З. Революционер Н. А. Морозов в Двинской крепости. — Авангард, 1966, 30 июля, № 90; Кр. знамя (Даугавпилс), 1966, 2 авг., № 120.

Якубович П. Ф. Шлиссельбургские мученики. — СПб.: Тип. А. Гольдберга, 1906.-32 с.

Morosov Nicolai. — In: Biographical encyclopedia of the world. 3rd ed. New York: Intere-research biogr., [1946], p. 874. — (Who's important in science).

Morozov Nikolai A. (1854-1946). — Space Sci. Rev., 1971, vol. 12, №2, p. 162.

Morozov Nikolaj. — Wielka encycl. powszechna ilustr. Ser. 1, 1912, t 48, p. 480-481.

Примечания

Во Временном правительстве Морозову был предложен пост товарища министра народного просвещения, от которого он отказался.

[^^^]

Валянский С. Н. А. Морозов — историк // Морозов Н. А. Новый взгляд на историю Русского государства. М., 2000. С. 5-54.

[^^^]

3

См. об этом главу I этой части на таблицах I,
II.

[^^^]

4

Они даны здесь в главе I на таблице III.

[^^^]

Уже потом мой сотрудник по Государственному Научному Институту им. Лесгафта, В. Т. Сумаков, указал мне на примечание к «Истории Государства Российского» Карамзина, из которых видно, что и в этой летописи год начинался с марта.

[^^^]

6

См. «Христос», кн. V и кн. VII.

[^^^]

7

По-гречески: λυτραν μυρυ ναρδυ πιστιχες.

[^^^]

Об этом подробно у И.В. Ягича: «Словоуказатель к Мариинскому Четвероевангелию», а также у Буслаева «О влиянии христианства на славянский язык».

[^^^]

См.: Шафарик. «Славянские древности».

[^^^]

Напомню, что римские великие понтификсы (pontifici maximi) стали называться папами только с 1073 года со времени Григория VII.

[^^^]

Вигуру Ф. Руководство к чтению и изучению Библии. 1916. С. 114.

[^^^]

Все это можно найти, например, у Горского и Новоструева: «Описание славянских рукописей Синодальной Библиотеки», т. 1, с. 1-128, или у Митрополита Макария: «История русской церкви», т. VII, с. 177-190.

[^^^]

Отсюда же французское *ordre*, английское *order*, немецкое *Ordnung* — в смысле коллективы (а в другом ответвлении и в смысле простого стада, как по-английски *herd*, и по-немецки — *Heerde*).

[^^^]

Называвшейся прежде «Летописью Нестора».

[^^^]

Вот мой расчет:

20-VI-1181, суббота.

20-VI-1180, пятница.

20-VI-1179, среда.

20-VI-1178, вторник.

20-VI-1177, понедельник

20-VI-1176, воскресенье.

20-VI-1175, пятница.

20-VI-1174, четверг.

20-VI-1173, среда.

20-VI-1172, вторник.

20-VI-1171, воскресенье.

20-VI-1170, суббота.

[^^^]

16

Мефимоном называлась вечерня на сырной и на первой неделе «Великого поста».

[^^^]

См. в этом томе «Логикку небес».

[^^^]

Фактический материал беру отчасти из статьи К.Д. Покровского «Кометы в Русских летописях» («Мир Божий», 1903, Апрель), отчасти из Д. О. Светского (Известия Академии Наук. Отделение русского языка и словесности, 1915 году) и отчасти из фундаментального издания Археографической комиссии «Летопись по Лаврентьевскому списку» 1872 года.

[^^^]

Ученые Записки Имп. Академии Наук. Кн. VI.
1861. С. 797.

[^^^]

Литограф, изд. хроники Амартола по списку библиотеки Московской Духовной Академии.

[^^^]

Покровский К. Д. Кометы в Русских Летописях
// Мир Божий. 1903. Апрель.

[^^^]

Татищев. История Российская с самых древнейших времен, через тридцать лет собранная. Т. 2. С. 197. — Рукопись, оконченная около 1749 года, сгорела, но черновики ее сохранились, и с них напечатаны в 1769 году первые три тома, а четвертый в 1784 году.

[^^^]

Lycostheni Prodiorum et Ostentorum Chronicon.

[^^^]

Ab oriente cum magno fulgore surgens usque ad medium emisperii (T. e. hemisphaerae) versus occidentum comam pelucidam protraherat (восходя с большим блеском от востока к западу до середины небесного свода простирала она блестящие волосы).

[^^^]

Сеятский Д. Указ. соч. С. 144.

[^^^]

Варуфорос по византийскому и Варуфорос по латинскому произношению от слова βαρος — тяжесть, откуда слово барометр и фороρ — несущий.

[^^^]

Я не могу умолчать здесь о курьезном истолковании одним ученым-филологом имен: Рюрик, Синеус и Трувор. Он видит тут целую скандинавскую фразу: Rurik Sine hus och trover или в том же смысле, но еще лучше по-немецки: Rur-reich sein haus und Treuwer. Русский царь, его дом и верное воинство. Но не слишком ли это остроумно для того, чтоб быть правдоподобно?

[^^^]

Эверс Г. Предварительные критические исследования для русской истории. Кн. 1. С. 38, прим. 32.

[^^^]

Эверс Г. Предварительные критические исследования для русской истории. 1825. С. 18.

[^^^]

Последнее у Ремера (Булевз: «Литература русской истории» 1, 316). А о морских разбойниках по финскому производству Байера, а также из местного названия Ирландского моря.

[^^^]

Цитирую по Эверсу 1, 42. И он же говорит: «франки» назывались фрягами, откуда и варяги (1, 112).

[^^^]

По-еврейски ПАРИЗИ, по-гречески и по-русски искажено сначала в Ферезеи, а потом в фарисеи. О фризах и партах см. Бытие 3.7; Иисус 5.1; Царств 2.20; Ездра 2.1. О фарисеях как лжемудрствующих ученых, критикующих учение Иисуса, во всех греческих евангелиях говорится более 35 раз.

[^^^]

Jordan: De rebus Gothicis (c. 16).

[^^^]

Потом Раздельной рекой, т.е. от слова Фал-
гой-Волгой.

[^^^]

Вот подлинный текст по Лаврентьевской рукописи: «Идоша за море, к Варягам, К Руси, сиде бо тии звахуся Варяги Русь, яко ее друзии зовутся Свие, друзии же Урмане, Англяне, друзии Готе, тако и сии. Реша Руси чудь, и Словени, и Кривичи и вси: земля наша велика и обилна наряда в ней нет. Да пойдети княжить и володети нами».

[^^^]

Эверс Г. Предварительные критические исследования для Российской истории. С. 62. — По-видимому, присутствие Горса в обоих случаях не опечатка.

[^^^]

«От немцев» стоит в большинстве списков и только в одном от варягов и немцев, в некоторых только от варягов. Но они совсем почему-то исключены в Лаврентьевской рукописи, где это место читается так: «И избраша ся 3 братья с роды своими и пояша по себе всю Русь, и придоша: старейший Рюрик седе Новгороде (а не в Ладоге), а другой Синеус на беле Озере, и третий Изборице Трувор. И от тех Варяг прозвася Русская земля Новугородьци» (под 862 годом).

[^^^]

Шпецер присоединил сюда еще и испанское имя Родерик.

[^^^]

Я беру это из Эверса на веру, но прибавлю от себя и Эриков-Датских.

[^^^]

Hos (russos) dromitas vocant atque a
Francisgenus.

[^^^]

Russos quos drjmitas vocant ex Francis genus ducentus (Historiae Byzantinae Scriptores post Theophanum, p. 489). Очевидно, переписал из предшествовавшего (Феофана).

[^^^]

Тунман в своей работе: «Исследования об истории восточных народов», (I, 160) считает название — хазары — видоизменением слова корсары. Но не правдоподобнее ли сближать его со словом кесари, т. е. по-гречески царские, а по-еврейски — стойкие, крепкие.

[^^^]

Эверс Г. Предварительные критические исследования для Российской истории / Пер. с нем. 825 г. Москва, пп., с. 194.

[^^^]

Мне кажется тут чувствуется немецкое влияние слова Russland, т. е. Руссланд, отсюда же и слово Руслан.

[^^^]

Страбон, Кн. 2, гл. 5; Кн. 7, гл. 2, с. 4, 17.

[^^^]

Книга IV, гл. 25.

[^^^]

История, Кн. I, гл. 79.

[^^^]

Кн. III, гл. 8.

[^^^]

КН.21.

[^^^]

Кн.22, гл. 8.

[^^^]

Под начертанием МШК или МСК, по-гречески
Рос-Мосох откуда Русь-Московия.

[^^^]

ibn Fadlan. Перевод Frahn'a, 1823, Petersburg.

[^^^]

Hammer. Origines russes, 1827, Petersburg.

[^^^]

Иезекиил, 27.3; 32.26; 38. 2 и 3; 39.1.

[^^^]

Изд. Гроновия, с. 476.

[^^^]

Гамаксобиями по-гречески.

[^^^]

Эверс, II, 250.

[^^^]

См.: Хронография Георгия Амартола. С. 39.
Академическое издание.

[^^^]

Латинское «ordo» — по-русски сначала «орда», а теперь «орден» (корень этого слова ordin).

[^^^]

От греческого *ταρταρος* (тартарос) — подземное царство, откуда и русские тартарары.

[^^^]

Иго есть латинское слово *jugum* — ярмо, порабощение.

[^^^]

Возможно также производство и от греческого басканья — клевета, фискальство.

[^^^]

Уже отсюда мы видим, что никак нельзя сказать, чтоб летописи доводили свое повествование до того года, которым они заканчивались. Вот сам Лаврентий, писавший летопись для князя Дмитрия в 1377 году не довел ее до времени этого князя, а закончил 1305 годом за 72 года до его княжения. И однако же он не умер, не доведя до конца своего дела, так как летопись его носит законченный характер. Н. Морозов.

[^^^]

Шахматов А. Обзорение летописных сводов
Руси Северо-Восточной 1899 году. С. 8.

[^^^]

Летопись Львова вместо 25 февраля дает 5 февраля, причем по ея «свидетельству» в тот же день была освящена церковь Богородицы. То же известие и с тем же числом есть в Тверской летописи. (Полное Собрание Русских Летописей XV, с. 357) Оно повторяется в редакции Софийской, Новгородской и других летописей (с. 358).

[^^^]

В Львовской и Тверской летописях сказано, что церковь окончена 5 февраля (ошибочно в. 25), причем туда перенесли мощи Лаврентия, и что освятили церковь в тот же день.

[^^^]

История Государства Российского, т. V, прим.
207.

[^^^]

Там же, т. V, прим. 144.

[^^^]

Там же, т. IV, прим. 322.

[^^^]

Там же, т. IV, прим. 372.

[^^^]

Там же, т. IV, прим. 372.

[^^^]

Там же, т. V, прим. 148.

[^^^]

Тождество Никоновского и Воскресенского сводов начинается не с 1526 года, как думают Пресняков и Тихомиров, а именно с 1521 года.

[^^^]

«Указание на этот год, — говорит Шахматов, — я извлекаю из списков (не разделенных на главы), где число лет царствования Иоанна VI определено 17-ю годами, между тем как он царствовал более 23 лет (1425-1449). Следовательно, Хронограф составлен в семнадцатый год его царствования». Таков вывод Шахматова... А я к нему могу прибавить только одно замечание: несколько строк назад сам же он приводит объяснение Карамзина насчет того, почему Троицкая летопись оканчивается на 1469 годе: «очевидно летописец умер», и потому не продолжил далее. Так почему бы и этому не умереть?

[^^^]

Ср. VI, 122 и Львовская И, 197.

[^^^]

Гривна — древнерусская монетная единица.

[^^^]

Получив этот сюрприз, что Киев был основан не как сказано выше (под 862 годом), а только в 1037 году, ортодоксальные историки делают сюда примечание: «Здесь должно разуместь сооружение вокруг Киева стен Кремля, т. е. обнесение его стеною». Но ведь в летописи прямо же сказано: «заложил город великий Киев», а не «обнес уже заложенный 175 лет назад стеною».

[^^^]

Т. е. уреченное, назначенное.

[^^^]

В гадании археологической комиссии 1872 году под редакцией А. Ф. Бычкова.

[^^^]

В 1102 году, но не 5 февраля, а 5 апреля в 5 часов 59 минут после Гринвичской полуночи была максимальная фаза неполного (9"2) лунного затмения, и в Киеве уже после восхода солнца, а 5 февраля было только полнолуние с ожидаемостью затмения.

[^^^]

В Царь-Граде в это время был Николай III, Грамматик (1084-1111 году), а в Риме — Пасхалий (1099-1118 году).

[^^^]

Напомню, что греческая буква Β и есть в русском В, и что только в латинском шрифте греческое Β произносится как Б.

[^^^]

Например, в том же Крыму Ай-Серес (св. Сергий), Ай-Сава (св. Савва), Ай-Даниль (св. Даниил), Ай-Прокл (св. Прокл), Ай-Тодор (св. Федор)... И интересно, что все они христианского происхождения, судя по ономатике.

[^^^]

См.: Врун. Труды III Археологического Съезда.
1879. Т. I.

[^^^]

Слово «орден» (ordo) при порицательном употреблении у русских также легко должен был принять смысл дикой «орды», как, например, и имя мудрого царя Соломона, по еврейски Шолома, приняло смысл шельмы; имя Юлия Цезаря (по-французски Жюля) обратилось в уменьшительное слово «жулик» и как имя Карла Великого дало повод насмешливо называть очень маленьких людей карликами.

[^^^]

Интересно, что эти имена ближе к английскому, чем к французскому произношению: Кондоф Офландр более похож на count of Flandre, чем на compte de Flandre и т. д.

[^^^]

Слово «таумен» созвучно с англо-саксонским Town man, городской человек, а слово «таурмен» созвучно с англо-саксонским Tower man — башенный человек, а также с франкским Thurtman — тоже башенный человек, так как рыцари жили в замках, имевших вид огражденных башен.

[^^^]

Т. е. «татары» считались защитниками христиан от магометан.

[^^^]

В Могилевской губернии в конце XIX века православные белоруссы составляли 84% населения, евреи — 12% и поляки и русские — 4%. В Витебской губернии, где находится Полоцк, белоруссы в конце XIX века составляли 60% населения, латыши 20%, евреи (в городах и местечках) 10%, русские раскольники 5%, поляки 4% и немцы 1%; в Минской губернии было 71% белоруссов, 13% евреев, 10% поляков, но здесь же есть и агаряне, называемые христианами татарами.

[^^^]

Это имя встречается единственно в Бессарабии, где есть поселок Татар-Кончак.

[^^^]

Такое название есть в Бессарабии: город Татар-Кончак.

[^^^]

Слово Хан, произносимое как Кхан, отразилось в названии короля по-английски Кин, где конечный звук чисто носовой, а современная транскрипция, за неимением особого звука для чисто носового Н, раздвоила этот звук на НГ, так что имеется king. Такое же раздвоение отразилось еще сильнее в немецком König, а по еврейски слово Кхан приняло значение священника — Коган.

[^^^]

Стр. 243 и 247 издания Археографической комиссии, 1872 год.

[^^^]

Город Кельцы, к югу от Варшавы (на небольшой речке, которая теперь называется Сильницей), по словам самих русских историков, «много терпел от нашествия „татарских орд“», т. е. в переводе «татарских орденов». А город Калиш (имя которого тоже созвучно с р. Калец) находится на речке, называемой теперь «Просною», к западу от Варшавы на границе с Силезией, и, по словам самих историков, в XIII-XIV веках он часто подвергался осадам крестоносцев.

[^^^]

Припомним, что Куманией и до сих пор называется восточная часть Венгрии между Дунаем, Татрами и Карпатами, причем Великой Куманией называется страна между рекою Тиссой и Карпатами, а малой Куманией — между Тиссой, Дунаем и Татрами.

[^^^]

Отмечу, что поляне русских летописей и поляки —одно и тоже имя, так как поляки и до сих пор называются по-французски *polonais* (поляне). А половцы значит полевцы, опять то же имя, откуда и город Полоцк около Витебска. На него в то же время особенно наседали Ливонский орден крестоносцев, который и окажется в таком случае таурменами (Thurmanner).

[^^^]

Я произвожу начало этого слова от Данаос-данаец, как называли аргивян и греков в связи с рекой Дунаем, откуда и легенда о его дочерях данаидах, т.е. многих устьях Дуная, наполняющих водою бездонную бочку — Черное море. А конец этого слова — гот, т. е. германец, откуда слово готический. Называть тангутами жителей Китайской провинции Кан-Су, которые там назывались Сифан, нет никаких оснований.

[^^^]

Чингис-хан (1155-1227) совершенно мистическая личность, ему приписываются совершенно невероятные походы, но о нем будет далее.

[^^^]

Цитировано по работе: Palacky Franz; Der Mongolen Einfall im Jahre 1241. Abhandlungen der k.bohm. Gesellschaft der Wissenschaften, n Folge, Bd II, Prag 1842, с. 389.

[^^^]

Цитировано по той же работе Палацкого, с. 388, 389.

[^^^]

Палацкий, там же, с. 403, ср. с. 383.

[^^^]

Науки ономатики, повторяю, еще нет, но она должна быть обязательно. Это было бы неоценимым пособием для историков. В ней кроме общего введения по фонетике языков и систематического изложения основ сравнительного языковедения должен быть и алфавитный список всех собственных имен, географических и этнографических с указанием их первоначального смысла и миграции из страны в страну с соответствующими звуковыми переменами. Это было бы неоценимым пособием для историков.

[^^^]

Говорить о праевропейском происхождении слова «дом» едва ли приходится, так в других европейских языках для дома, как жилища, мы видим другие названия.

[^^^]

Припомним греческое название Франции — Галлия, единственное употребляемое греками и до настоящего времени от gallus — петух, т. е. петушиная страна.

[^^^]

Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884. С. 84.

[^^^]

Европеус Д. П. Об Угорском народе. СПб., 1874.
По остяжски pits — сосна и pitsent — сосновый
(Голубовский, с. 34).

[^^^]

В польских хрониках печенеги называются печинги или пецениги (pieczinigi), а также по греческому произношению piensenaikti. У греческих писателей обычное их имя патцинакиты, как, например, у Кедрена.

[^^^]

Цит. по: *Гаркави.* Сказания мусульманских писателей. С. 275.

[^^^]

Михаила Атгалейята История. Вошпае. 1853. Р.
300-301.

[^^^]

Точно также и монголы. Не происходит ли название Монголия от греческого слова мегалос (μεγαλος), т. е. Великая страна, а слово монгол от первичного греческого Мегал, т. е. великий? Ведь призыв 3 здесь лишь новое произношение звука О, в согласии с чем и название европейцами Бабура, турецкого объединителя Индии в 1509 году, Великим Моголом, хотя он и его потомки сами называли себя султанами и считались турецкого происхождения. Но если Монголия и монгол греческие слова, то и занести его в центральную Азию с собою могли греческие миссионеры, они же маги (могучие).

[^^^]

Имени его не сказано, но на 1 апреля празднуется «Авраамий Болгарский».

[^^^]

Об этом я скажу далее.

[^^^]

«Неделей» называлось Воскресенье, как завершение недели, почему и следующий за Воскресеньем день назывался Понедельником.

[^^^]

В данном случае вместо Канонику переписчик написал Канову, т.е. как бы «к ханову», но это искажение обнаруживается дальнейшими упоминаниями этого названия, которые я приведу здесь далее под годами 1224, 1227, и 1249. Везде говорится: кановичи, т. е. каноники.

[^^^]

Слово баскак стараются произвести от созвучного с ним тюркского слова, значущего «даватель». Но такое прозвище могли бы дать своим угнетателям только русские по-русски, никак не сами властелины на своем собственном языке. Другое дело, если это — русское слово со значением глава, башка, как могли переводить для русских свое название немецкие Hauptmann'ы, т. е. капитаны (причем и слово капитан происходит от латинского caput — голова, башка).

[^^^]

При этом указано и из каких именно: из третьей книги Никиты Хониата, стр. 410-440 Боннского издания; из Вильгардуина «Histoire de la conquête de Constantinople par les francais et les venitiens en 1204» в парижском издании 1657 года.

[^^^]

Магомет в летописях часто называется Бох-
митом.

[^^^]

Прочитав это место в рукописи, сотрудник Научного Института им. Лесгафта, В. Г. Сумаков сделал к нему такое интересное примечание: «Как известно Палестина, начиная с VIII века по 1099 год находилась под властью измаэлитов и лишь с 1099 по 1187 была под властью христиан. Таким образом, и слова евреев Владимиру: „бог предал нашу землю христианам“, могли быть сказаны лишь после 1100 года. А Владимир по тем же летописям крестился в 988 и умер в 1015 году, т. е., около ста лет ранее того времени „когда бог предал Палестину христианам“. Характерный пример того, как сочинялись в средние века летописи!».

А я прибавлю к этому и еще размышление: не компрометирует ли этот анахронизм и все сказание о крещении Руси ранее «татрского ига»?

[^^^]

Писано в 1933 году.

[^^^]

См. Гаркави: «Сказания еврейских писателей о Хазарах».

[^^^]

Френ: Excerptade chazaris (1821), Ibn
Foczian(1823).

[^^^]

А истинное астрономическое полнолуние в Новгороде приходилось уже на 31 марта 1238 года.

[^^^]

Отмечу, что лишь с 1386 года после брака литовского принца Ягайла с польской королевой Ядвигой начинается подчинение Польше Литовско-русского государства, владевшего тогда, кроме Полоцкой, Витебской и Смоленской областей, также Волынью, Подолией и Киевской областью, а до тех пор преобладало русское влияние. И великий князь Витовт боролся, говорят, за литовскую народность, но безуспешно, и лишь с 1386 года начинается сплошной поворот населения к католичеству.

[^^^]

Т. е. Джелал-Эддин, известный в наших летописях под именем Зелени-Салгана.

[^^^]

Тизенгаузен, 1, 474.

[^^^]

Интересно, что у арабских писателей IX века Геджры его вековое число 7 часто не ставилось, и вместо, например, 717 года Геджры писалось просто в 17 году и этот же 17 год был также 17-м годом и XIV века нашего счета. Особенно точно это совпадение было в 1318 году, когда I число Раби-эль-Ахира 18 года Геджры как раз приходилось на 1 июня 1318 года юлианского счета. Кроме того, Раби-эль-Ахир — четвертый месяц мусульманского года и солнце в это время было в созвездии Близнецов, где солнцеворот (тропик Рака). В 1318 году этот солнцеворот приходился на 10 июня юлианского счета и на 10 Раби-эль-Ахира мусульманского 18 года. Можно ли это считать за случайное совпадение, а не за действительное образование счета Геджры путем вычета 600 лет из 1318 года?

[^^^]

Тизенгаузен, 1, 536.

[^^^]

Русские и до сих пор называются по-арабски урусами.

[^^^]

Тизенгаузен, 1, 229.

[^^^]

Тизенгаузен, 1, с. 231.

[^^^]

Там же.

[^^^]

Там же, с. 234.

[^^^]

Тут я считаю слово «гирей» греческого происхождения от герое γῆρος, откуда и русское — герой (иначе Ирей), откуда и Менги-гирей должно означать герой Монголии, т.е. Великой страны (от греческого μέγале — Великая).

[^^^]

Куляком по-среднеазиатски и до сих пор называется панцырь, а сар — значит царь.

[^^^]

Πρωμαιχξς Ιστοριαςλογοι в 38 книгах. Охватывает период крестовых походов от 1204 до 1359 года.

[^^^]

Heid W. Geschichte des Levante handels in
Mittelalter. Leipzig, 1879.

[^^^]

Hammer-Purgstall. Geschichte der Goldenen
Orde. Pest, 1840. P. 5, 7, 18, 20, 23, 24.

[^^^]

Χερσωνοσση γη — Херсонская земля (Corpus scriptorum Historiae Bizantinae Constantinus Porphyrogenitus. Bonnæ VIII, p. 180).

[^^^]

Ипатьевская летопись, с. 26.

[^^^]

Там же, с. 106.

[^^^]

Ипатьевская летопись, с. 204; *Погодин М.П.*
Исследов. замеч. и лекции. Т. V. С. 182.

[^^^]

Ипатьевская летопись, с. 205.

[^^^]

Там же. С. 114-115.

[^^^]

Голубовский П. Печенеги, Торки и Половцы до нашествия Татар. С. 48.

[^^^]

И я прибавлю, что они существуют и теперь. И до сих пор восточная часть Венгрии, между Днепром и Татрами, и Карпатами называется Куманией.

[^^^]

Здесь в подлиннике выходит, что русские живут к востоку от Гузов, чем гуны к востоку от русских. Так и должно быть по экономическим и стратегическим соображениям.

[^^^]

Голубовский, с. 57.

[^^^]

От немецкого Бестейерман (Besteuermann) — по-славянски бессерман.

[^^^]

Путешествие Марко-Поло / Перев. Шемякина.
М., 1868. С. 57, примеч.51.

[^^^]

[^^^]

Там же, 1840 году, № 1.

[^^^]

Опять обращаю внимание читателей, что Херсос (Χερσος) по-гречески значит твердая земля. Значит, и Херсоном можно назвать какую угодно сушу.

[^^^]

Он назывался Херсонес Таврик (Χερσων
Ταυριχη) — Таврический.

[^^^]

uigria = vigria, так как в старом латинском правописании u и v писались одинаково в виде v.

[^^^]

Голубовский П. Указ. соч. С. 79.

[^^^]

Ипатьевская летопись, с. 157.

[^^^]

Лаврентьевская летопись, с. 272.

[^^^]

Воскресенская летопись, 1, с. 24; Никоновская летопись, II, с. 53.

[^^^]

Ипатьевская летопись, с. 357.

[^^^]

Воскресенская летопись, 1, с. 112; Никоновская летопись, II, с. 292.

[^^^]

Ипатьевская летопись, с. 543.

[^^^]

Голубовский П. Печенеги, торцы и половцы. С. 91.

[^^^]

Историко-статистическое описание Харьковской епархии, ч. III, с. 279.

[^^^]

Там же. С. 498.

[^^^]

Там же. С. 530-531.

[^^^]

Там же. С. 279.

[^^^]

Там же. С. 107.

[^^^]

Книга, глаголемая Большой Чертеж. М., 1846.
С. 37.

[^^^]

Морозов Ю. О городищах. С. 22-24.

[^^^]

Русский Исторический Сборник. 1838, т. III,
кн. II, с. 211-212.

[^^^]

«Ниже Студеного кладется, река Уды, от Студенка с версту; а на усть Уды Кабаново городище, по левой стране». «А ниже Кабанова городища, с Крымской страны, вниз по Донцу, Мухначево городище, от Кабанова верст 5». (Книга, глаголемая Большой Чертеж, с. 32) и Историко-статистическое описание Харьковской Епархии, ч. 1, с. 162.

[^^^]

Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Ч. 1. С. 81.

[^^^]

Книга, глаголемая Большой Чертеж, с.32.

[^^^]

Снова отмечу, что Болгария и произносится Болгарией по-византийски, где звук В более похож на В, чем Б на В.

[^^^]

Писано летом 1933 года, а спички изобретены в 1833 году.

[^^^]

См., напр., словарь к «Летописи Нестора» со включением поучения Владимира Мономаха в «Русской классной библиотеке» под редакцией М. Н. Чудинова (СПб., 1903).

[^^^]

Ведь и сама карточная игра появилась во время крестовых походов. Известия о том, что будто она существовала у китайцев еще в глубокой древности, доказывают только недревность самих этих известий. Она быстро стала сопровождаться суеверными представлениями, отразившимися в карточных гаданиях, вследствие чего в 1254 Людовик Святой издал против нее запретительный указ. Не трудно видеть, что шестерки, семерки и другие пятнистые карты символизируют отряды войск: слово валет происходит от латинского *valeo*, принявшего по-французски смысл сначала королевского служителя, а потом и вообще слуги. Слово туз — немецкое *Daus* — явно происходит от латинского *deus* — бог, который «кроет» и отряды, и валетов, и дам, и королей. А в шахматной игре название «ферзь» ничто иное, как старо-русское название французских рыцарей фряжами (*francais*).

Лаврентьевская летопись, с. 240.

[^^^]

Сближение исторических показаний с народной легендой о древнем Торческе, Киевские губернские ведомости 1863 году, №№28, 33, 34 и «Киевская старина» — 1882 году.

[^^^]

Максимович. Собрание сочинений II, с. 346 и 352. См. также Ипатьевская летопись, с. 295; Городище показано и у Фундуклея. с. 33-37; Голубовский, с. 143.

[^^^]

Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. С. 149.

[^^^]

См. статью Самчевского: «Торки, Берендеи и Черные Клобуки» в Архиве истор.-юридич. сведений. 1855 г., книга II, полов. 1, где собраны факты и сделано их сличение.

[^^^]

Ипатьевская летопись, с. 375.

[^^^]

О кара-калпаках. См. журнал Минист. народного просвещения, 1855 года, Ч. 86. Березин: «Нашествие Батгя на Россию из Рашид-ед-Дина». Также Собрание сочинений М.А.Максимовича, III, с. 188.

[^^^]

Лависс Э., Рамбо. Эпоха Крестовых походов /
Перевод Гершензона. 1904. Часть вторая. С.
506.

[^^^]

№ 1061 Головинского списка.

[^^^]

№ 179 Головинского списка.

[^^^]

Там, — говорят нам, — раньше был какой-то иностранный алфавит, в котором не доставало многих звуков уйгурского языка, вероятно — латинский.

[^^^]

Причем следует отметить, что и сами «китайцы», только от русских узнали такое свое имя, а сами называют свою страну Дай-Цзынским государством. Пора бы, наконец, нанести на наших географических картах и учебниках все ложные имена, которыми переполнена у нас вся Азия.

[^^^]

Я не могу здесь воздержаться и от того, чтоб обратить внимание читателя на полумифических тангутов-буддистов, чужеземных предков современных тангутов, живущих в китайской провинции Ганьеу на границе с Тибетом. Они говорят теперь на одном из наречий тибетского языка, но раньше, как имеется в их письменности, говорили на «своем особенном языке», и состояли из отдельных воинственных родов, называющих себя мыняк (т. е. монах) и пришедших с реки Быйшай (т. е. Большой по созвучию). А другое их название тан-гут созвучно с Тан-гот, т. е. танайский гот, что показывает, что и «большая» река была или Дунай или Дон. Их сложная идеографическая письменность, — говорят они, — была изобретена ученым И-ри (т. е. Иереем) в царствование их императора Иань-хао (Иван-хане) между 1032-1048 годами, т. е. накануне крестовых походов.

Якубовский А. Феодализм на востоке. 1932. С. 3-5.

[^^^]

Там же, с. 8 (см. с. 254).

[^^^]

Шах-рух — сын Тимура (Тамерлана), умер в 1447 году (см. с. 259).

[^^^]

«Prophetarict de gente jagittariorum, venture
abaquilone», — произнес пророчество о наро-
де стрелков, долженствующем придти с севе-
ра. Resual de voyages et de memoires, v. 385/386,
Paris, 1889.

[^^^]

Вот его собственные слова: «возбудил господь народ стрелков, называемых (у ученых) мугалами, а у простонародья татарами в стране Чин-Мачин за пределами Хатастана». (Стефан Орбелиани. Московское издание, с. 298).

[^^^]

Знаменитый Мхитар Севастийский (1676-1749) основал в 1717 году в Венеции, на острове Сан-Лаццаро, армянскую обитель. С тех пор братство св. Лазаря, принявшее имя «мхитаристов», неустанно работает на литературном поприще. Их главной задачей сделалось возрождение языка древне-армянской литературы — грабара.

[^^^]

interferectrunt от *interfotio* — прерывание речи. Соответствующий глагол *internscere* в Кодексе Феодосия значит окончить дело. У Анулия *interficere virginitatem* — лишать девственности. Здесь, очевидно, в смысле совратить.

[^^^]

Здесь опять тот же глагол *interfecere*, но уже в другом его смысле, очевидно, автор был хороший латинист.

[^^^]

Патканов, II, с. 96 и с. 140.

[^^^]

Патканов К. П. История Монголов по армянским источникам. 1873. Вып. I, 58 (манглай по-монгольски значит «лоб», «передовое войско») и еще, вып. II, 138 («мангла» — лоб, передовой отряд).

[^^^]

Патканов К. П. Вып. II, с. VI.

[^^^]

Патканов, I, с. 8.

[^^^]

Патканов, I, с. 17-18.

[^^^]

История монголов Инока Магакия XIII века /
Перевод К. П. Патканова. 1871. С. 1 (Предисло-
вие).

[^^^]

Патканов I, с. 17-18.

[^^^]

Там же. С. 9.

[^^^]

Там же.

[^^^]

т. е. Ханом — властвующим священником, откуда и имя Ватикан, т.е. Дом-хана.

[^^^]

Там же. С. 7.

[^^^]

Жены князей носят шапку, сплетаемую из проволок высотой около 3 футов; ее украшают фиолетовой парчей или золотом и жемчугом. Над ней еще торчит палка, украшенная фиолетовой бахромой ... Женщины иногда намазывают себе лицо желтыми белилами. См.: Васильева в «Записках императорского археологического общества». Том XIII, 1859.

[^^^]

211

Созвучно с Charmoi, Bonal и Moulard.

[^^^]

Там же. С. 9.

[^^^]

Там же. С. 39.

[^^^]

«Христос», Кн. VI, с. 108.

[^^^]

Там же. С. 12.

[^^^]

Там же. С. 14.

[^^^]

Там же. С. 17.

[^^^]

Там же. С. 35.

[^^^]

Там же. С. 38.

[^^^]

Патканов, I, с. 31-36.

[^^^]

Здесь уже не монголы, а прямо мугалы от греческого прозвища мзгалы (μεγαλος) — великие люди. При этом автор говорит о них, как о прошлых людях.

[^^^]

Во Франции издревне известна фамилия Malevy.

[^^^]

Патканов, I, с. 94.

[^^^]

Патканов, I, с. 97.

[^^^]

Слово манту у них значит фронт, лоб. Обозначить им целый народ это тоже самое, как называть русских лбами.

[^^^]

Едва ли юлианские, какими их считают со-
дисты!

[^^^]

Кубанский сборник, том V. 1899 году, Екатери-
нодар.

[^^^]

Μεγάλη орδη (Мегале ордэ) — великий орден. Отсюда сначала, полупереведа, умудрились сделать «Большую орду», а затем, не переводя совсем «монгольскую орду», назвав монголами киргиз-кайсаков от греческого кирикос-кайсарикос (господне-кайзерский).

[^^^]

Т. е. от итальянского слова дуче (Duce — генерал ордена, командир).

[^^^]

Т. е. Мегале-орде по-гречески — Великий орден.

[^^^]

Журнал Министерства Народного Просвещения за 1836 год. Т. 1. С. 158-159.

[^^^]

Geshichte der Goldenen Horde in kiptchak d.i.
der Mongolen in Russland. Von Hammer
Purgstall. Pesth., 1840.

[^^^]

D'Ohsson: Historie des Mongols.

[^^^]

Очерки внутреннего устройства Улуса Джучиева (Труды Восточного Отделения Археологического Общества, часть 8, 1864 г.).

[^^^]

Терещенко А. Окончательное исследование местности Сарая с очерком следов Дешткипчакского царства // Ученые Записки Императорской Академии Наук по первому и третьему отделению. Т. II. 1854.

[^^^]

См. «Христос», кн. IV, с. 796.

[^^^]

Во всяком случае не раньше 1461 года (Басни Бопера).

[^^^]

«Христос» кн. VIII, с. 6.

[^^^]

У португальцев с 1522 года, у испанцев после 1550, у голландцев с 1604, причем католические миссионеры, вроде Майлья и Габилля, вывозили оттуда в Европу рукописи.

[^^^]

Около 1456 года, причем эта первая в свете Грамматика была сделана с рукописи неизвестного времени и происхождения.

[^^^]

Цит. по: *Тизенгаузену В.* Сборник материалов, относящихся к истории «Золотой Орды». Т. I: Извлечения из сочинений арабских. 1884.

[^^^]

Легкий способ их перевода на счет дан у меня в VI томе «Христа», с. 612—614.

[^^^]

Тизенгаузен, 1, с. 265.

[^^^]

Тизенгаузен, 1, с. 268.

[^^^]

Я не говорю о случае подложности, что тоже возможно.

[^^^]

Об этом см. таблицу в VI томе «Христос», с. 612.

[^^^]

Тизенгаузен, указ. соч., с. 279.

[^^^]

Тизенгаузен, 1, 281.

[^^^]

По этому же образцу происходит от «колеса» и русское слово «колесница».

[^^^]

Тизенгаузен, 1, 287.

[^^^]

Тизенгаузен, указ. соч., с. 288.

[^^^]

Тизентаузен, с. 290.

[^^^]

Я пишу Agr а не Ager, потому что во всех падежах, кроме именительного, пишется Agr так же, как и в производных словах вроде Агркультура и т. д. А моавитянами в Библии (по толкованию теологов) называются Аравитяне.

[^^^]

Салические дюки — сельские; сюда и «Салическая Правда», или наоборот, приходит в голову даже мысль, не является ли имя сельжук-ов искажением названия Салических дюков Лотарингии, игравших руководящую роль в первом крестовом походе, причем княжества их переродились вдали от родины и окончательно были омусульманены Османом I (Othman) или Оттоманом, созвучно с Атаман, основателем Оттоманской Турецкой империи.

[^^^]

Habsburg — значит из Habichtsburg — Ястребиное гнездо. Фамилия Габсбургов возникла как раз во время крестовых походов, около 1027 года. В 1237 году Рудольф Габсбург был избран германским королем и короновался в Ахене на Рейне. В 1278 году он победил Отокара Чешского, в 1287 году дал сыновьям своим (Габсбургам-Гузбекам-Озбякам-Узбекам?) в лен Австрию, Штирию и Краину, усмирил своеволие тевтонских рыцарей и умер в 1291 году.

[^^^]

Да и слово есаул (ротмистр), введенное, как известно, только в 1567 году Семи-градским князем (потом и польским королем) Стефаном Баторием, у украинских казаков может назваться «татарским словом» лишь в том случае, если мы будем изводить татар из Татров, так как Семиградье (Siebenburgen или Трансильвания составляет юго-восточную часть страны Татров — Венгрии.

[^^^]

Не будем забывать, что Венецианская область Италии и до сих пор называется Тревизо.

[^^^]

Отмечу, что и сам «арабский» язык Корана есть лишь испанизированная вариация древне-еврейского языка, так как еврейский определяющий префикс для имени существительных ha ( ) — еврейская буква, не смешивайте со сходной ( ) — заменился в арабском наречии испанским префиксом — Эль. А ведь префикс этот есть канва всего языка! Еврейский префикс ha показывает на греческое влияние (так как по-гречески, определяющий член произносится в мужском роде ho, а в женском he, а префикс — эль тот же самый, что у испанцев el (итальянское il).

[^^^]

Вероятно от слова Аса или Аза — одна из библейских вариаций бесконечно изменявшегося в разных странах имени Иисуса, производимого у европейцев то Иезус, то Джизес, то Жезю и т. д., а у азиатов Хуссей, Гассан, а, возможно, и просто Хуз или Уз.

[^^^]

Тизенгаузен, 1, 290.

[^^^]

Ита (вда) — имя, а куджуджюк — маленькая, как по французски (Petite Ide).

[^^^]

Тизенгаузен, с. 293.

[^^^]

Тизенгаузен, указ. соч., с. 294.

[^^^]

От французского les garçons.

[^^^]

Тизенгаузен, с. 295.

[^^^]

Мое мнение, что это перепутано из имени
Ида.

[^^^]

Ибн-Батута говорит об этом в другом месте (II, 115) так: «Татары называют родившегося ребенка своего по имени первого, входящего в палатку при его рождении. Когда родился султан Ходабенде, то первый вошедший был погонщик мулов, которого они по своему называют Зарбенде. Этим именем они и назвали его. Брат Харбенде — Газан (Гассан?), которого народ называет Казаном или Казганом, т.е. козлом, был назван так потому, что при рождении его вошла девушка с козлом...» Но, — прибавлю я, — можно ли этому поверить?

[^^^]

Тизенгаузен, с. 300.

[^^^]

Ас-тархань, т. е. Вольная Азия, подобно тому, как Тму-Таракань значит Дема-Тархань — Вольный народ.

[^^^]

Тизенгаузен, с. 301.

[^^^]

Там же. С. 302.

[^^^]

Там же. С. 303.

[^^^]

Там же. С. 305.

[^^^]

Там же. С. 306.

[^^^]

Очевидно в летнее время, так как автор не описывает снега. В это время (около 48 град. сев. шир) день длится около 15 часов. Выделив из них 3 часа на отдых и считая средний ход шедшего человека за 4 километра в час, мы находим длину Сарая Берке (или Сарай-Бурга?) в 24 километра.

[^^^]

Тизенгаузен, 1, 307.

[^^^]

Но Кайсария в середине Малой Азии, за Анти-таврийскими горами. Никто и не слышал о таком базаре в Хиве.

[^^^]

Конечно, от ездивших туда католических миссионеров и торговцев.

[^^^]

Сказка о царе «Балде».

[^^^]

Отмечу, что у Константина Багрянородного купцы (из Византии) отправляются торговать с русами — в Кунбу (Киев). А что касается до Артании (Ордении), то не слыхал, чтобы кто-нибудь рассказывал о путешествии туда, потому что они убивают всякого иностранца, вступающего в их землю. Но сами они спускаются по воде и ведут торговлю, ничего не рассказывая про свои дела и товары, и не допуская никого провожать их. Из Арты (т.е. Орды) вывозятся черные соболи, черные лисицы и олово.

[^^^]

Liber Climatorum anetore scheicho Abu Ishoko el Farese с (или el Parisi) vukgo El-Istachri. Curavit I. H. Moller Rathae, 1839.

[^^^]

Я считаю, что слово Хазария, есть только иноязычное произношение греческого слова Кайсари, т. е. — Кайзерская область, но не привожу ее, конечно, ни в какую связь с Малоазиатской Кесарией на юго-восточном берегу Черного моря.

[^^^]

А.Я. Гаркави: «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских», с. 199.

[^^^]

Ibn-Foszlan — приложение году, с. 102 и след.

[^^^]

Вторая половина слова Арзамас, т. е. МАС, есть, по догадке Френа, мордовское прилагательное МАСИ — красивый.

[^^^]

Geographie Aboilfeda, p. 306.

[^^^]

Yesrenrles du Caucase, p. 220.

[^^^]

Мухамметанская Нумизматика, с. СХW и следующие, где еще высказано предположение о тождестве Арсы с Ларсами (?) Птолемея и Страбона (с. СХХ, прим.).

Я считаю, что оно происходит от греческого слова АРСАН — мужественный.

[^^^]

Карта Кипнерта, приложенная к изданию *Liber Clirnatorrum austore scheicho abu Jschako el Faresi Vulgo el Istachri* не имеет никакого документального значения, так как вычерчена по согласованию с современными картами и внушениями толкователей.

[^^^]

Такова арабская транскрипция слова Сербия
(Гаркави, с. 192).

[^^^]

Magistri Vincentii episcopi. Cracoviensis Cronica
Polonorum sive originate regum et principum
poloniae quae e codice velustissimo Eugenio
Edit. A. Przewdziecki. Cracowiae, 1862.

[^^^]

Reges russiae.

[^^^]

Здесь для меня является вопрос: следует ли под прутенами понимать прусаков, или жителей по реке Пруту — притоку Дуная, т. е. молдаван и бессарабцев? (Tete dicumter omnes Littuani, Pruteni et alie).

[^^^]

Iana Długosza kanonica Krakowskiego Dziegow
Polskich Ksiag dwa nascie b Krakowie, 1868.

[^^^]

Semkowiez A. Krytyczy rosbior dziejow Polskich
Długosza, 1887.

[^^^]

Kronika Polska Martina Bielskiego. Krakow, 1597.

[^^^]

D'Osson. Histoire des Monguls depuis
Tchingiskhan jusque a Timour-bey on Tamerlan.
La Haye, 1834.

[^^^]

Posthaec congregati filli pricipes et dominae unanimes consensu statuerunt, Abacani Hulaei (ilium in solio regio collocandum cum prudentia, sufficientia, eruditione et sciepraeditus esse (ссыпка на Abul Pharadj; Dun. 395).

[^^^]

Hun-Ugrien, Hungarien, Hongrois — Венгры, Угры, отсюда же и французское бранное слово ogre — людоед, показывающее на их славу, как жестоких людей в средние века. Понятно поэтому, что к ним же относится и название тартаров (les Tartares), т. е. адские люди.

[^^^]

Издание Государственного Эрмитажа, 1932.

[^^^]

Он, по интимным разговорам, которые я не раз слышал в детстве в помещичьей среде, был любовником Екатерины II.

[^^^]

Хан по-еврейски (КЕН или ХЕН) — священник. Отсюда английское слово КИН (King) — король, немецкое König в значении священной особы. Так назывался прежде и римский папа, о чем свидетельствует его жилище Ватикан (т. е. Дом Хана, а также слова Канон, Каноник. Что же касается до имени Батый, то его невольно сопоставляешь со словами Мамай, как именами служителей бога — отца и богини — матери (мадонны).

[^^^]

От немецкого слова *Ihrlich* — почетное звание, или от *jarlich* — годовичное ленное обязательство дани. Не отсюда ли английское звание *earl* — граф?

[^^^]

Припомним, что и до сих пор гроссмейстер Ордена Святого Креста живет в Праге и считается первым прелатом Богемии, нося на груди золотой мальтийский крест (с 1238 года).

[^^^]

По английски Kingish — chan (Кингиш-хан), причем слово Kingish вместо современного Kingly (от Kinglike) вполне допустимо, как устаревшая форма, аналогичная другим прилагательным на ish, вроде girlish — девический, english, russish и т. д. И это тем более вероятно, что в старинных первоисточниках и Чингис-хан называется Хингис-ханом, да и самое слово Ватикан (по еврейски Бат-Кен, что значит на библейском языке «Жилище хана» показывает, что римские папы в средние века назывались ханами.

[^^^]

По-библейски КЕН или ХЕН.

[^^^]

Consularia Constantinopolitana.

[^^^]

Отмечу, что в Чехии знаменита фамилия Тун (von Thun).

[^^^]

Интересно, что знаменитый персидский поэт Низами (ум. ок. 1209 года) относит Александра Великого к этому же времени, так как в ярких красках описывает его войну с «руссами» и окончательную победу над ними.

[^^^]

Припомним астрономические значки созвездий, планет, звезд (буквами), припомним алхимические значки металлов, припомним все наши числа и всю нашу алгебру со значками $+$, $-$, $<$, $>$ и т. д. А китайской грамота только довела число этих значков до 3000, охватив ими все коренные слова китайского языка.

[^^^]

Культурная роль Иверии в истории Руси, с.
316.

[^^^]

История России Соловьева, кн. 1, с. 1482.

[^^^]

Не забудем, что «персы» называют себя только Арийцами, а свою страну Ираном.

[^^^]

См. Карту: «Иерусалим времен разрушения его Титом», на стр. 3712 Энциклопедического словаря Граната и Ко, пятое дополненное издание 1901 года.

[^^^]

Rubruk, Rubroc, Risbrouc, Ruysbroc, Ruisbroca,
чаще всего Rubruquis.

[^^^]

Отмечу, что по-грузински для турок нет другого названия, как татары.

[^^^]

По-гречески Тама-Тарка, в русских летописях — Тьму-Таракань.

[^^^]

Я беру по первоначальному изданию Гаклюйта 1598 года, у него Szythia, а позднейшие варианты переделали ее в Zithia, Zichia, Sittia, Ziquia и Zikia.

[^^^]

Пишется в разных рукописях то Zikia, то Ziquia, Zichia, Zithia, Zittia, а первоначально — Seythia.

[^^^]

Отмечу, что имя «Саркат» созвучно и осмысленно только со славянским Царько, а Батыя (Бата-хана) с батюшкой = первосвященником.

[^^^]

См.: *Орбели И. Е.* Асан Джалал, князь Хаченский // Известия Академии Наук. 1909. №5. С. 423.

[^^^]

Я обращаю внимание, что слово несторианин по-гречески значит «возвращение» и очевидно верующий в возвращение мертвых на землю с того света, как предсказано в Апокалипсисе на тысячу лет.

[^^^]

Припомним, что слово магометанство значит православие в смысле достойной славы религии, как и слово иудейство.

[^^^]

Легенда говорит, что этот городок был основан великим библейским охотником Нимародом, и до обращения в ромейскую военную колонию в 217 году был столицей Озроенического государства. Но, ведь, и самое название Озроеническое говорит только о Хозрое, буд-то бы завоевавшем Месопотамию, Колхиду лишь в 578 году!

[^^^]

Historia Russia Monumenta ex antiquis
exterarum gentium archivis et bibliothecis
depromta.

[^^^]

Еще раз напомним, что Ватикан по библейской транскрипции ВИТКЕН слагается из ВИТ — дом и КЕН, иначе ХЕН — хан, т.е. священник.

[^^^]

И в заглавии послания, и в тексте дальше везде «Ad Demetrium regem ruscorum et ad reginam uxore ejus».

[^^^]

Напомним, что нумерация одинаковых имен придумана историками лишь в новейшее время.

[^^^]

Pontifici maximi от patefacio (выявляю, выясняю) — волю небес.

[^^^]

Еще раз напомним, что слово «Сарай» происходит от библейского слова Сар — царь, откуда и имя Сара — царица, и английское слово сэръ, и французское название государя *sir*, не говоря уже о русском слове царь. А слово хан было в старину названием и римского папы, как видно из самого имени его жилища в Риме — Ватикан, т. е. Дом-хана. Относительно происхождения этого названия не может быть сомнения. Первая часть его Вати есть трансформация европейского слова БИТ, произносимое теперь как Байт в значении Дом, Храм, отсюда французское *bater*-строитель, а также *habiter* — обитать и старо-русское название монастыря — обитель и города Вифлеема (Bethlehem) — Дом-Хлеба. Везде корень БТ иначе Вт. А Кан, Хан и Кен лишь разные произношения слова священник.

[^^^]

Magistro et Tratribus Milisiae Christi in Livonia.

[^^^]

Universis regibus Russiae.

[^^^]

Georgio Illustri Redi Russiae.

[^^^]

Graecorum et Ruthenorum mores.

[^^^]

Sarracenos Rutenos et alios catholice fidei
inimicos.

[^^^]

Я обращаю внимание читателя на то, что Rutten и теперь немецкое название венгерского славянского населения, с языком близким к украинскому, живущего по обоим склонам Карпат и Татров, а также в Галиции (т. е. Франции!) и Буковине.

[^^^]

Infideles tartaros et Lithuanos etiam infideles et schismaticas ex aliis partibus.

[^^^]

Корень этого слова sar — царь.

[^^^]

Припомним хотя бы Бессарабию. Это название происходит от Байса, местное произношение еврейского слова БИТА — дом, храм, и от Араби — арао, в сумме Байс — арабия — дом арабов, которые смешивались у христиан с евреями.

[^^^]

Episcopus Rigensem, Tarbatensem et Ociliensem.

[^^^]

In Russiae partibus.

[^^^]

Ioanni illustri redi Russiae.

[^^^]

Ehrplage — почетное положение, хотя теперь такое слово и не употребительно у германцев.

[^^^]

Nobili viri Alendro duci susdaliensi

[^^^]

Тизенгаузен, т.1, с. 455.

[^^^]

Первая типография была устроена там в 1727 году, так что если это правда, то разбираемую нами теперь книгу приходится считать из самых первых турецких книг, так как у арабов никогда не бывало «шахов».

[^^^]

Тизенгаузен, 1, с. 456.

[^^^]

Там же. С. 459.

[^^^]

Там же. С. 459.

[^^^]

Там же. С. 460.

[^^^]

Там же. С. 460.

[^^^]

Там же. С. 463.

[^^^]

Не забудем, что арабское название Мазр, есть только особое произношение европейского Миц-Рим, т. е. Развеянный Рим (см. «Христос», кн. II, 198, 220).

[^^^]

Тизенгаузен, 1, с. 466.

[^^^]

Интересно, что от этого же корня происходит французское слово *judicature* — судейское звание, *judiciaire* — судебный и т.д.

[^^^]

Тизенгаузен, 1, с. 467.

[^^^]

Современный Китай. Т. II. 1900. С. 2.

[^^^]

«Христос», кн. VII.

[^^^]

Тем более, что наследники их умерли не вскоре после своего воцарения, что было бы с сыновьями, а через 11 и через 23 года царствования.

[^^^]

См.: *Biot M.* Sur le Nac-chatrae ou mansions de la lune selon les Hindoya. Extrait d'une description de l'Inde, redigee par un voyageur arabe du XI siecle. (*Journales savants*, Janvier, 1845.) Имеется в Библиотеке Пулковской Обсерватории.

[^^^]

27,32 вместо 28 дней.

[^^^]

Арабист Мунк (Munk) думает, что его писал исламист Альберуни около 1030 года, упоминаемый Абул-Фараджем, как философ, астроном и математик, но это, конечно, простая догадка.

[^^^]

Gaubil: Observations mathematiques etc. Paris. 1732. Об этом затмении писал также патер: De Mailla: Histoire generate de la Chine, vol. I, p. 137. А у Гобилия еще в Recueil de souciet, vol. II, p. 140, и в Lettres ediliantes, vol. XXVI.

[^^^]

Rothman R. W. Esq. On an aneient solar eclipse observed in China. (Статья в «Journal of the Royal Astronomical Society», vol. XI, 1837.

[^^^]

365

Потоп, по расчетам католических библистов, был в 2348 году «до Рождества Христова».

[^^^]

Stanislai de Lubieniezki: Historia Universalis
omnium cometarum a diluvio usque praesentem
annum, 1665.

[^^^]

«Христос», Кн. VI, с. 132.

[^^^]

См. «Христос», кн. VI, с. 131.

[^^^]

«Христос», кн. VI, с. 130, таблица X, колонка 8.

[^^^]

Крылов А. Н. О земном магнетизме. 1922. С. 2.

[^^^]

Мне неизвестно, куда они потом делись также, как и «рукопись Абуль-Гази», вывезенная шведскими пленными офицерами из Тобольска.

[^^^]

Что и ныне в обыкновении. Например Китаец по-маньчжурски называется Никань, по-монгольски Китат, по-тибетски Ганак, по-французски Шинуа, по-немецки Хинезер. Все сии слова самим Китайцам неизвестны... Но кто может ручаться, чтоб по прошествии многих столетий не потерялось значение некоторых из помянутых названий? Тогда начнутся новые этимологические исследования и новые споры (совершенно верное примечание Бичурина).

[^^^]

А по-китайски изображается четырьмя чертёжками, произносимыми А-Лань-Го-Хо.

[^^^]

В истории Абулгази Бодан-чар назван Бундечжир-могок. См. Ч. II, гл. 15. По-китайски четыре чертежика Бо-Дуань-Чи.

[^^^]

По-монгольски Барту-ола, а по-китайски пять
чертежиков, произносимых Ба-Лу-Тхунь А-
Лай.

[^^^]

По-могольски Тэнгери-Хура — Небесный
Дождь, по-китайски пять чертежиков, произ-
носимых Тхын-Ге-Ли-Ху-Ла.

[^^^]

Багаритай-хабици у Абулгази назван Тоха; Махадодань назван Дугу-мин, племя Ялайр названо у него Чжалагир (теперь таких племен нет).

[^^^]

Хайду у Абулгази назван Кайду. См. ч. II, гл. 15. По-китайски два чертежика, произносимые Хай-Ду.

[^^^]

По-монгольски — Нацинъ, по-китайски изображается пятью чертежиками На-Лань-Ци-Ло-Вынь.

[^^^]

По-монгольски Бараху, по-китайски три чер-
тежика, читаемые Ба-Ла-Ху.

[^^^]

На монгольском языке Хара-гол.

[^^^]

Такого имени нет по-монгольски. По-китайски четыре рисуночка, произносимые Бай-Сан-Фу-А.

[^^^]

Такого имени нет по-монгольски, а по-китайски четыре чертежика, произносимые Дунь-Би-Най.

[^^^]

Бей-шенхур у Абул-гази назван Басси кирб;
Думба-гай назван Тумене; Габул-Хан назван
Кабулк-Ханом, Бардам назван Бартан-Ханом.

[^^^]

Такого имени по-монгольски нет. По-китайски четыре чертежика, произносимые Гэ-Булюй-Хань.

[^^^]

По-монгольски Бардам, по-китайски три чер-
тежика, произносимые Ба-Ли-Дан.

[^^^]

Исукей у Абул-гази назван Иессуг-Баядур (См. Ч. II, гл. 15). Такого имени нет по-монгольски, по-китайски три чертежика, произносимые Ао-Су-Гай, сходно с греческим именем Агиос-Иисус — святой Иисус.

[^^^]

По-монгольски слово Татары не имеет смысла, т.е. оно иностранное, по-китайски оно изображается тремя чертежиками, произносимыми Тха-Тха-Л. Тему-чин значит: лучшее железо, сталь. По-китайски 3 чертежика, произносимые Тъхе-Му-Чжень. А просто железо — Тимур, по-турецки — демир, откуда Тимур-Ленк — Хромой Железный, переделанный французами в Тамерлана.

[^^^]

По-китайским чертежикам его полное имя Тхай-цау Шен-ву-Хуан-ди, причем чертежник Тхай-цзу значит прародитель, а Шен-ву-Хуан-ди значит мудрый и воинственный император.

[^^^]

Не имеет смысла по-монгольски, а исторически человек, носивший это имя, жил одновременно с графом Конти, который в 1192 году стал папой Иннокентием III, вдохновителем четвертого крестового похода, наводнившим восток духовными орденами доминиканцев и францисканцев и светскими рыцарскими орденами тамплиеров, меченосцев и т. д. Считают, что Киот то же слово, что тибетское Циот — подносить дары (у китайцев три чертежика, произносимые Ципу-вынь).

[^^^]

По-монгольски Наймань значит восемь, по-китайски здесь два чертежика, произносимые Най и Мань.

[^^^]

По-монгольски — «Черепаха», очевидно в смысле бронированного рыцаря, а по-китайски три чертежика, читаемые Ва-Чи-тинэ.

[^^^]

По-монгольски Благовестник — Балгетай; по-китайски Бе-Ли-Г-Тхай.

[^^^]

В подлиннике Диян-Хан, т.е. божий священник. От Диян — божественное созерцание.

[^^^]

Морхис, иначе Моркис, назван у Абдул-Гази Маркатт, Тайши-Ойрат назван Уирато. Ч. III, гл. 7.

[^^^]

Хулус-бани по-монгольски, у китајцев Хо-Лу-су-бо-ци.

[^^^]

Тохто у Абул-гази назван Тохтабеги (бек) Хан Маркатский; Боро-Хан назван Байроко-Ханом Найманьским. См. Ч. III, гл. 7.

[^^^]

Считаемой за ветвь современной Шилки,
притока Амура.

[^^^]

Даньянь-хачжаю, причем Ваньян прозвище Нючженской династии Тинь, а Хачжаю — при, подле. А принц Отун назван Отун-Ага, и созвучен с Отоном.

[^^^]

По-китайски четыре чертежика, произносимые Юв-Лун-цзы-Чи.

[^^^]

По-китайски чертежики, произносимые Тха-
Ли-Хть.

[^^^]

Елюй созвучно с Илья.

[^^^]

По-тангустки — Го — голова, а слово Дуань —
мне неизвестно.

[^^^]

Примечание Бичурина: «Кажется, что это была выдумка Елюйчуцаева, чтоб остановить неистовства Чингис-Хановы».

[^^^]

Огэдэй или Угэтай — по-монгольски Верховный, по-китайски соединение чертежей произносимых О-Кхо-Тхай, но я уже показывал на созвучие этого имени с греческим свято-богом (Агиодиос) и с русским угодник (Угодяй).

[^^^]

По-китайски И-Сы-Ба-Ли — место не известно.

[^^^]

Собственное имя наследника Нючженского Шеу-шунь. Маньжурское слово Агю или Агу есть общее название принцев (примечание Бичурина).

[^^^]

Гын-ио есть название искусственной мраморной горы, сделанной Китайским домом Сун в городе Кхай-фын, когда сей город был Северною его столицей (Пекином); потом Кхай-фын был завоеван Нючженями и сделан Южною столицей (Нанкином), которую теперь осадили Монголы. Впоследствии гора Гын-ио переведена была в Пекин, и ныне составляет прекраснейший мраморный остров в западном саду (прим. Бичурина).

[^^^]

Пушки.

[^^^]

Городские и дворцовые ворота в Китае строят в виде палат с проходом внизу; почему над воротами находятся пространные залы.— Примечание Иакинфа Бичурина. И мы прибавим от себя: и в европейских крепостях тоже!

[^^^]

По-китайски Тхун-цзянь-ган-му.

[^^^]

412

Paraplui — parez plui — отражайте дождь.

[^^^]

Иначе говорят: Бянь-Лянь, и Бянь-Дзын, и отождествляют с Кхай-Фын-Фу, но имя это созвучно только с Бонном на Рейне. У Абул-Гази этот город отождествляется с Нанкином, а у Иакинфа Бичурина с Хай Фын-Фу округа Ханань.

[^^^]

По Иакинфу Бичурину, Бату значит — Крепкий, по-китайски Ба-Ду; Кукж значит — Проворный, по-китайски Гуй-ю; Мунка значит — Вечный, по-китайски Мын-га.

[^^^]

Под металлом разумеется оружие, под ко-
жею — военные доспехи.

[^^^]

Отмечу, что Елюй — созвучно с греческим Гелиос — святой.

[^^^]

Могила Елюй-чуцаева, — дополняет Бичурин, — лежит при подошве горы Бань-щевшань в 18 верстах от Пекина, на запад. В 1751 году, по велению правительства, сооружен ему при его могиле новый храм и поставлен каменный памятник с надписью. Прежний храм над его могилою давно развалился.

[^^^]

В подлиннике Орос, на китайском же: Ва-ло-сы и Э-ло-сы.

[^^^]

История первых четырех ханов из дома Чингизханова переведена с китайского монахом Иакинфом. СПб., 1829 году, с. VI предисловия.

[^^^]

Так в родословной Чингис-Хана Тобун Мэргынь назван Деюн-Баки, Бугу-Ха-таш-Бакум-Катагун, Бодонь-чар-Бундечжир-Могол (Абул-гази, часть II, гл. 15 и введение к 121 году в переводе Бичурина). А далее Бай-Шенхур назван у Абул-Гази-Вассн-Кир), где Кир есть греческое «Господи»; Габул-Хан назван Кабулк-Ханом, Бардам — Бартан-Ханом, Исукай — Иессуг-Багадур, Тэмуцин — Тамучином и т.д.

[^^^]

Однако здесь ономати́ка двоится. По-гречески вол называется таврос *ταυρος*, откуда Таврида — страна волов и Турция. А название тур, вместо вол, даже и в XIX веке сохранилось в народных сказаниях на Украине (см. Киевская Старина, 1887 году, № 1).

[^^^]

Продолжение Новгородской летописи под
1339 годом.

[^^^]

Я обращаю внимание читателей на то, что в летописном языке нет слова миссионер и вместо него говорится посол, так что в случаях, где не указана дипломатическая цель, всегда можно предположить миссионерскую.

[^^^]

См. доклад Бруна в Трудах III археологического съезда, 1879 году, т. 1.

[^^^]

Биография приведена из Энциклопедического
Словаря «БРОКГАУЗА и ЭФРОНА».

[^^^]

Михаил Тимофеевич Смирнов — муж племянницы Н. А. Морозова Екатерины Александровны Смирновой-Зыковой.

[^^^]

Н. А. де-Роберти — родственник Ксении Алексеевны Морозовой.

[^^^]

Речь идет о публикации фундаментального исследования Н. А. Морозова «История человеческой культуры в естественно-научном освещении», семь томов которого под общим названием «Христос» начали печататься Государственным издательством при содействии Ф. Э. Дзержинского в 1921 году (первый том «Небесные вехи земной истории человечества» вышел в свет в октябре 1924 года).

[^^^]

Положение Марса в Близнецах для 98 г. в сентябре — октябре и видимость его в вечерние и ночные часы для горизонта о. *Патмоса* в эти месяцы были для меня любезно вычислены проф. А. А. Михайловским, которому я приношу искреннюю благодарность.

[^^^]

Меркурий должен быть исключен; только полным незнакомством Морозова с вавилонской астрологией может объясняться привлечение Меркурия в качестве черного коня. По вавилонским представлениям, Меркурий — звезда счастья, и появление его предвещает дождь, полную воду в каналах и хороший урожай (ср. *Jastrow* op. cit. II, 667). Тем более соединение Меркурия с созвездием Весов.

[^^^]

Можно с меньшей очевидностью оправдать и другой, менее принятый в науке взгляд, согласно которому Откровение было написано в 60-х годах I века. Тогда наблюдение над Юпитером будет относиться к 63 г., а расчет появления Сатурна в Весах и Скорпионе — к 69—72 гг.; в промежутке будет огненный [pyrrhos] конь с большим мечом — комета Галлея, которая должна была явиться в 65—66 годах.

[^^^]

Места, поставленные в [...] , переведены с греческого, так как еврейский текст здесь испорчен.

[^^^]

Рукописей «Иудейской войны» главных 8, относящихся к XI-XII векам; рукописей (главных) «Иудейских древностей» — 12, из них одна X века. Но это может быть, для Морозова неубедительно; укажем поэтому еще сирийский перевод «Иуд. войны», рукопись которого, VI века, находится в Милане и издана Чериани а также латинский перевод части «Иуд. древностей» VI-VII века, *на папирусе*, находящийся также в Милане (Bibl. Ambrosiana).

[^^^]

Между прочим, Морозов на стр. 72 очень беспокоится, куда девалась рукопись Сократа Схоластика. Можем его успокоить: две рукописи Сократа Схоластика X и XI века находятся в флорентийской библиотеке, а в Эчмиадзине есть древнейший перевод с него, армянский, VII века. Надо еще добавить, что, кроме давно уже устаревшего Тимендорфа, Морозов не знает никаких работ над рукописями и текстом еврейской и христианской библии.

[^^^]

Стихотворение Н. А. Морозова — см. в конце статьи.

[^^^]

Первое издание: «Толкование пророчеств Даниила и апокалипсиса св. Иоанна» вышло только в 1733, г., после смерти Ньютона, так как он не желал опубликовывать работу... Еще бы! Там ведь приведен расчет падения папства: в 2060 г.!

[^^^]

Апперцепция — зависимость восприятия от предшествующего индивидуального опыта.

[^^^]